Одеський археологічний музей Національної академії наук України

Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України

Одеський Національний університет ім. І.І. Мечникова

Давні культури Північно-Західного Причорномор'я

(до 95-річчя Національної академії наук України)

Odessa Archaeological Museum of National Academy of Sciences of Ukraine

Department of Archaeology of North-West Black Sea Region,
Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine

Odessa National University of I.I. Mechnikov

Ancient Cultures of the North-West Black Sea Region

(on the 95th anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine)

Одесский археологический музей
Национальной академии наук Украины

Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Института археологии Национальной академии наук Украины

Одесский Национальный университет им. И.И. Мечникова

Древние культуры Северо-Западного Причерноморья

(к 95-летию Национальной академии наук Украины)

Одесса – 2013

ББК 63.4(4Укр73)3-41
УДК 903’1(477.74),,65’’
Д-730

Коллективная монография подводит итог полувековым археологическим исследованиям в Северо-Западном Причерноморье. В книге последовательно, в хронологическом порядке рассматриваются различные культуры и цивилизации, существовавшие в регионе в эпоху древности – от позднего каменного века до средневековья. Книга предназначена для специалистов – археологов, историков, а также для самого широкого круга читателей, интересующихся древней историей и археологией юга Восточной Европы.

Колективна монографія підбиває підсумок більш ніж півстолітнім археологічним дослідженням у Північно-Західному Причорномор’ї. У монографії послідовно, у хронологічному порядку, характеризуються різні культури та цивілізації, що існували на зазначеній території у давнину – від пізнього кам’яного віку до епохи середньовіччя. Книга призначена для фахівців – археологів, істориків, краєзнавців, а також для широкого загалу читачів, яких цікавить давня історія та археологія півдня Східної Європи.

The collective monograph presents the result of one-half century of archeological research in the North-Western Pontic region. Described successively and in chronological order are the different cultures and civilizations, which existed in the region in ancient epochs: from the Stone Age to the Middle Ages. This book is intended for specialists – archaeologists, historians – as well as for the wider circle of readers, who are interested in ancient history and archaeology of the south of Eastern Europe.

Ответственные редакторы: докт. ист. наук И.В. Бруяко
канд. ист. наук Т.Л. Самойлова

Рецензенты: проф. С. Ханзен
проф. Я. Хохоровски
чл.-корр. НАН Украины С.Д. Крыжицкий
чл.-корр. НАН Украины Г.Ю. Ивакин

Рекомендовано к печати Учёным советом Одесского археологического музея НАН Украины (протокол № 300 от 16.05.2013 г.)

Англ. перевод: докт. Э. Шалк

Дизайн обложки: Д.А. Топал

ISBN 978-966-1606-92-9

© Одесский археологический музей, 2013
© СМИЛ, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обобщающие региональные труды по археологии, как правило, предваряются указанием на исключительную важность этого самого региона. И, надо сказать, что очень часто подобная декларация вполне обоснована. Иногда, её правомерность становится очевидной после знакомства с такой работой. А, в некоторых случаях, этого не требуется и достаточно, к примеру, беглого взгляда на географическую карту. Для оценки значения той или иной области можно использовать и такой, вполне надёжный критерий как количество археологических культур на единицу площади и времени. Наконец, существует ещё один показатель, наличие которого сразу же ставит регион в ряд избранных. Это роль региона как очага культурогенеза.

Когда речь заходит об области, которая примыкает к северо-западному побережью Чёрного моря, можно быть абсолютно уверенным в том, что статус этой области, как археологически исключительно важной подтверждается в полной мере. К подобному заключению приведёт использование любого из перечисленных оценочных подходов. Географическое положение – критерий наиболее наглядный и не требующий глубокой рефлексии. Перед нами крайний западный предел Великой Степи – этого огромного, пёстрого и беспокойного мира скотоводов. Одновременно, это преддверие Балкан и Карпато-Дунайского бассейна, где на протяжении тысячелетий сменяли друг друга культуры и цивилизации ранних земледельцев Европы. Здесь, гигантский степной пояс, ширина которого в центре Евразии достигает нескольких тысяч километров, сужается до размеров воронки, обращённой на запад. Сквозь неё, рассеянный, широкий и плавный поток обитателей степи, приобретая в иные эпохи взрывную динамику, низвергался по долине Дуная и его притокам, достигая порой очень отдалённых районов Центральной Европы. В обратном направлении через Северо-Западное Причерноморье двигались люди, идеи и вещи из Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом, миграция населения Балкан и Карпато-Дунайского бассейна на восток, будь то медный век, эпоха раннего железа или раннего средневековья никогда не выходила за географические рамки Северо-Западного Причерноморья. Таким образом, здесь происходил живой, непосредственный диалог представителей востока и запада. Посредством Северо-Западного Причерноморья достигали Европы северокавказские культурные импульсы, которые, в свою очередь, могли нести признаки закавказских и переднеазиатских традиций.

Арифметический подсчёт плотности культур на единицу площади и времени также красноречив и прост в понимании, как и географическая карта. Для того чтобы опробовать этот критерий можно не читать книгу, а лишь заглянуть в оглавление.

Статус области культурогенеза является феноменом научно познаваемым и требует уже знакомства с текстом. Далеко не каждый регион в древности был наделён таким статусом, ибо, в отличие от явления культурной трансформации, которая, так или иначе, протекала повсеместно, взрывы культурогенеза зачастую имели эпохальное значение. Такое, каким, к примеру, стала для своего времени усатовская культура рубежа энеолита-бронзы, или культурная провинция позднего бронзового века Ноа-Кослоджень-Сабатиновка, или же, дуальный культурный феномен «фра-

ко-киммерийского» круга древностей. Все эти примеры самым непосредственным образом связаны с Северо-Западным Причерноморьем.

Конечно, этой краткой и эмоциональной, но не без основ научного подхода вступительной частью невозможно убедить всех наших коллег в исключительности Северо-Западного Причерноморья, как историко-археологической зоны. Однако, мы надеемся, что это всё же произойдёт. Но, уже после того, как скептики и колеблющиеся вместе с остальным большинством прочтут эту книгу.

Замысел этого издания возник в середине 80-х гг. прошлого столетия. Историография вопроса не позволяет утверждать единоличное авторство этой идеи. Наверное, всё-таки она принадлежала одному человеку, но официально это нигде не зарегистрировано. Бесспорно лишь то, что уже на стадии оформления этого проекта, во главе его стоял В.Н. Станко, который на то время заведовал Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья ИА АН УССР.

Что же касается объективных предпосылок появления книги, то они заключались в стремительном росте фонда археологических источников, который шёл по нарастающей в результате активной полевой деятельности нескольких субъектов. Вначале, во второй половине 40-х–50-х гг. раскопки и разведки ведёт Одесский археологический музей и Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова. В этот период исследуются преимущественно стационарные памятники античной эпохи и времени трипольской культуры, ведутся планомерные археологические разведки. Начиная с 60-х гг. Северо-Западное Причерноморье охвачено масштабной мелиоративной деятельностью, которая сопровождалась работами новостроечных экспедиций по раскопкам главным образом курганных памятников. До середины 70-х гг. эти работы осуществлялись непосредственно под эгидой Института археологии АН УССР. В 1976 г. для более оперативной координации и руководства работами в зонах мелиорации, масштаб которых к этому времени резко вырос, в Одессе был создан Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья.

Потребность в сводном археологическом издании, где в единой концепции и по единой схеме были бы изложены результаты необычайно плодотворной эпохи полевых исследований, возникла, как оказалось, уже на излёте этой самой эпохи. Причём, замысел издания был фактически реализован. На рубеже 80–90-х гг. рукопись, в целом, была собрана. Дальше начинались редакционно-издательские процедуры, которые, как известно очень тесно связаны с финансовой стороной дела. Здесь, очень некстати (впрочем, как всегда) в науку вмешалась политика, сделавшая ситуацию с изданием абсолютно безнадёжной. Попытки реанимации проекта за последние 20 лет предпринимались, но всякий раз без успеха. Кажется, сейчас это удалось.

Хронологические рамки исследования заданы в самом названии. Начало определяют собственно археологические культуры, появление которых в регионе сигнализирует об утверждении здесь производящей экономики, и разнообразных стратегий жизнеобеспечения древних обществ, сменивших универсальную специфику хозяйственной деятельности популяций каменного века и основанную на ней же систему общественных отношений. Завершается исследование финалом античной эпохи, черту под которой проводит гуннская экспансия. Этот рубеж повсеместно является давно и единодушно признанным смысловым рубежом, отделяющим яркую, оригинальную ни на что не похожую древность от начал современной европейской цивилизации, которые формируются в раннесредневековую эпоху.

Ряд очерков образуют раздел «Addenda». Некоторые из них представляют собой самостоятельные сюжеты смежных с археологией дисциплин. Что касается историко-археологического очерка средневекового Белгорода, то он, по объективным причинам оказался оторванным от культурно-хронологической канвы книги. Однако, в таком виде наличие данного очерка не противоречит концепции издания, так как позволяет представить непрерывную историческую динамику этого, по сути единственного в регионе урбанистического центра древности и средневековья.

Завершая вводную часть, хотелось бы сказать вот о чём. На столь долгом пути к реализации проекта в списке его участников произошли изменения. Из числа авторов первых редакций 80–90-х гг. кого-то, увы, уже нет с нами, кто-то отошел от активной научной деятельности. Их место заняла тогдашняя молодёжь, ныне уже изрядно постаревшая, и представители нынешнего молодого поколения исследователей. Последнее внушает известный оптимизм и вот почему. Перед нами фактический итог полувековой научной деятельности нескольких поколений одесской школы археологии. И эта книга – лучшее свидетельство того, что эта школа по-прежнему существует. Мы надеемся, что так будет и впредь. И в будущем ещё не раз появится необходимость в подобном издании, а следом за ней и само издание, в котором будет подведён итог очередному этапу в археологическом изучении Северо-Западного Причерноморья.

И.В. Бруяко

Поздний каменный век

МЕЗОЛИТ

Термин «мезолит» и понятие мезолита родились в разное время по отличным причинам и долгое время не пересекались между собой или пересекались лишь частично. Их окончательная встреча произошла только после более 60 лет совместной истории параллельного сосуществования.

Обозначение «мезолит» впервые использовал Х. Вестропп в 1866 г. (Ayarzaguena Sanz 2000: 12). Термин вошел в употребление, тем не менее, его значение было крайне непостоянным. Х. Вестропп под мезолитом понимал эпоху «пещер с костями», которая соответствует современным верхнему палеолиту и мезолиту (Rowley-Conwy 1996: 941–942). Несмотря на многочисленные девиации смыслов и дискуссионность хронологической позиции ключевых памятников, постепенно формировалось правильное понимание мезолита как эпохи заполняющей хиатус между палеолитом и неолитом. В 1932 г. английский ученый Г. Кларк, сопоставив британские находки с континентальными, впервые предложил вполне современное определение мезолита как периода «между закатом плейстоцена и прибытием неолитического способа жизни» (Clark 1932). Признание на континенте эта дефиниция получила лишь в 50-е гг. XX в.

До сих пор нет единого мнения по поводу формального определения мезолитической эпохи как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В западноевропейской историографии распространено понимание мезолита как периода масштабной перестройки способа жизни охотников-собирателей после наступления экологической катастрофы – стремительного, резкого потепления начала голоцена. При этом характерное для археологов из стран умеренного пояса понимание мезолита как способа адаптации к условиям широколиственного леса вовсе не является единственным возможным вариантом экологического понимания сущности среднекаменного века. В отечественной историографии наиболее емким кажется представление о мезолите как о времени пика кризиса охотничьего хозяйства (Станко 1982: 111). Такой подход позволяет собрать в единый фокус экологические аспекты проблематики (через концепцию экологической ниши и ее «несущей способности»), экономические процессы (расширение ресурсной базы ввиду исчерпания возможностей специализированной охоты), социальные и технологические составляющие нового образа жизни. Все же, для решения практической проблемы атрибуции той или иной коллекции к мезолитической эпохе такое определение представляется слишком далеким от эмпирики. Необходимо искать археологические выражения кризиса охотничьего хозяйства, а уже последние использовать как критерии отнесения к указанной эпохе того или иного комплекса.

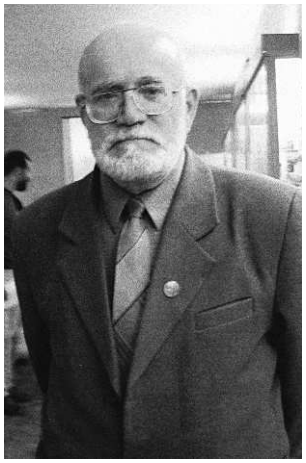
История исследования. Впервые материалы мезолита попали в руки исследователей еще в первой половине XX века (Н.Н. Морошан), однако были отнесены к другим археологическим периодам (Chetraru et al. 2003).

Планомерный поиск и изучение памятников каменного века Северо-Западного Причерноморья были начаты в середине XX-го века археологическими экспедициями под руководством П.И. Борисковского (Борисковский 1957: 4–7; 1964: 12–17; Григорьева 1960: 226–230; 1964: 17–24; Коробкова 1957: 59–61; Станко 1965: 3–8;

2008: 48–54), систематическими разведками В.И. Красковского (Борисковский, Красковский 1961; Красковський 1960: 175–183; Красковский 1960: 219–223; 1962: 257–262; 1962а: 133–135; Красковский, Станко 1966: 235–244;), а также работами других исследователей (Красковський, Кремер 1959: 126–130; Кремер 1960: 224–225; Шмаглий 1965: 51–54). Критерием выделения мезолитических памятников, которые подразделялись на азильские и тарденуазские, служил общий микролитический облик кремневого инвентаря и наличие мезолитических типов изделий (нуклеусы для снятия правильных пластинок, миниатюрные скребки, геометрические микролиты и т.д.). Уже тогда, в связи с открытием и исследованием новых мезолитических местонахождений ставился вопрос о выделении локальных вариантов позднемезолитических памятников (Григорьева 1964: 17–24). Материалы данных исследований были обобщены В.Н. Станко (1967а: 155–168; 1967).

Борисковский
Павел Иосифович
(1911–1991)

Следующий этап изучения мезолита связан с дальнейшим поиском новых памятников (Красковский 1971: 172–179; 1976: 157–161; 1978; Дворянинов 1976: 154–157; Смольянинова, Станко 1976: 112–126; Станко и др. 1981: 5-12) и раскопками В.Н. Станко стоянок Белолесье (Михайловка) и Мирное (Станко 1971: 93–110; 1980: 92–99; 1982). Полученные данные используются для хронологического и культурно-исторического членения памятников, а также реконструкции социально-экономических отношений древних обществ (Станко 1972: 252–261; 1977: 46–53; 1980а: 5–21; 1991: 5–17).



Станко
Владимир Никифорович
(1937–2008)

С 90-х гг. появляются работы в которых предпринимались попытки пересмотра предложенных ранее хронологических и культурно-исторических схем мезолита Северо-Западного Причерноморья (Сапожников, Сапожникова 1990: 25–27; Сапожникова и др. 1995; Сапожников 2004: 299–316; Сапожніков, Сапожнікова 2005: 87–95). Среди стационарных исследований необходимо отметить раскопки стоянки Саратены (Молдова (Коваленко, Кетрару 1997: 36–59)) и стоянки Зализничное (Смынтына 2001–2002: 452–463).

Таким образом, в настоящий момент, к эпохе мезолита в Северо-Западном Причерноморье относят более 60 памятников, которые подразделяются на два хронологических этапа – ранний и поздний. Памятники занимают разную гипсометрическую позицию: как в пойме (Мирное), так и на более высоких террасовых уровнях (Белолесье, Гиржево, Зализничное) вплоть до краев водораздельного плато (Гребеники). Вследствие разрушения культурных слоев, площадь сбора подъемного материала часто может не совпадать с реальным расположением стоянок (Скосаревка, Доброжаны) (Красковский 1962: 133; Stanko, Kiosak 2010: 32–34)).

Палеоэкологическая ситуация. Кризис присваивающей экономики определял общее направление развития стратегий жизнеобеспечения еще в период фингляциала – времени постепенного отступления ледника и изменения климата. Ряд потеплений, весьма значительных, но все же отнюдь не таких решительных как голоценовое, перемежался холодными и сухими периодами временного и неполного возврата ледниковых климатических условий. Непосредственно голоцену предшествовал дриас III. Это время резкого похолодания и аридизации во всем северном полушарии (Mayewski et al. 1993).

Мощное потепление в конце дриаса III и начале голоцена носило катастрофический характер и произошло в течение нескольких десятков лет, в три «прыжка», при этом большая часть изменений приходилась на средний «прыжок». Начало голоцена датируется 9704±99 лет до н.э. (Rasmussen et al. 2006: 17–18; Vinther et al. 2006). Изменился состав животного мира – на смену плейстоценовой фауне приходит иной фаунистический комплекс (бизона сменяет тур, широкопалую лошадь – тарпан) (Бибикова 1982). Прежние перигляциальные степи превращались в лес, лесостепь и современную умеренную степь (Безусько и др. 1988; Спиридонова, Алешинская 1999). Чрезвычайно широкое распространение лесов во время раннего голоцена даже получило название «зеленой революции» (Barbaza 1999: 24).

В Северо-Западном Причерноморье граница степи и лесостепи в течении первой половины голоцена располагалась южнее современного положения. Рощи и

П.И. Борисковский – крайний справа, В.Н. Станко – второй слева.
В центре Н.К. Анисюткин и Г.В. Григорьева. Слева – В.И. Беляева

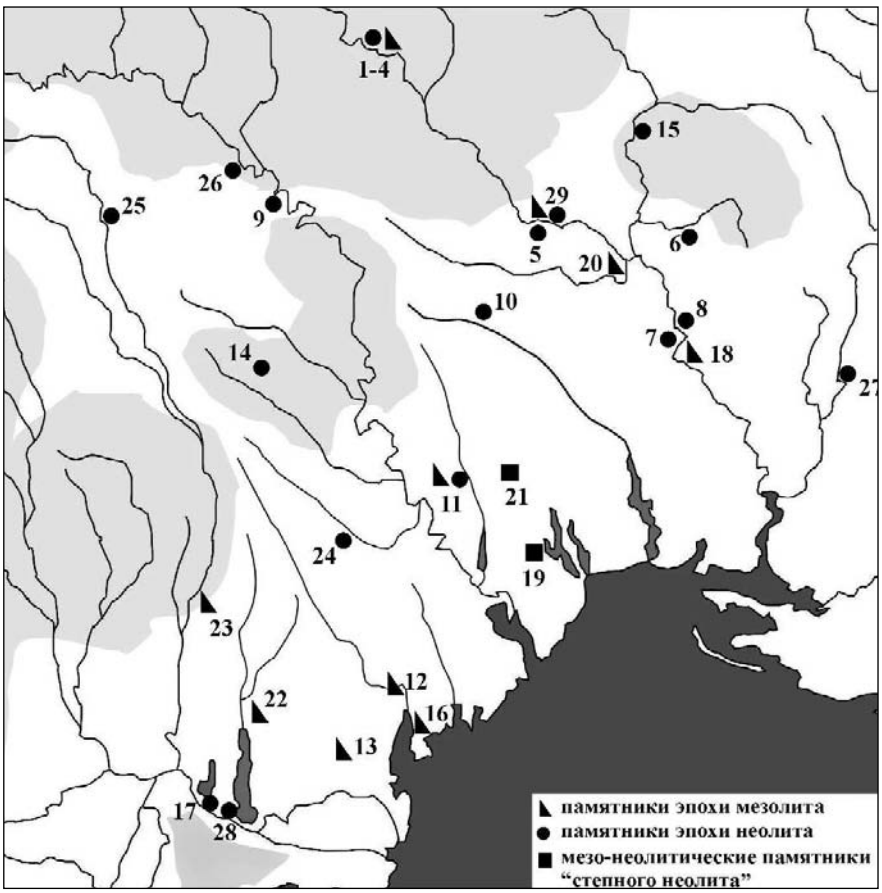


Рис. 1. Карта памятников мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья:
1 – скибенецкий узел памятников; 2 – соколецкий узел памятников; 3 – Заньковцы II;
4 – Печера; 5 – Саврань; 6 – Миколина Брояка; 7 – Гард III; 8 – Пугач II;
9 – сорокский узел памятников; 10 – Майнова Балка; 11 – Гиржево; 12 – Белолесье;
13 – Мирное; 14 – Сакаровка; 15 – Добрянка 3; 16 – Траповка; 17 – Орловка;
18 – Абузова Балка; 19 – Карпово; 20 – Конецполь; 21 – Катаржино I; 22 – Зализничное;
23 – Саратены; 24 – Дэнчень; Русештий-Ной; 25 – Бедражий Векь;
26 – Тэтэрэука-Ноуэ XV; 27 – Новорозановка; 28 – Новосельское; 29 – Мельничная Круча

леса спускались по долинам рек вплоть до Черного моря (Безусько та ін. 2000; Герасименко 2004; Кременецкий 1991; Пашкевич 1976). Лишь трижды в течение голоцена происходили резкие колебания температуры и влажности («события»), сравнимые по амплитуде с осцилляциями ледникового периода – 9400 лет до н.э., 7300 лет до н.э. и 6200 лет до н.э. (Rasmussen et al. 2006). Они, безусловно, влияли на жизнеобеспечение древнего населения Северо-Западного Причерноморья, но все же, в целом, климат голоцена характеризовался стабильностью и эволюционным развитием растительных и животных сообществ.

К ***раннему мезолиту*** относят Анетовку (сборы 30-х годов Ф.А. Козубовского), Новоархангельск, Гаврилов Яр, Завалье, Царинку в Побужье (Козубовський 1935:

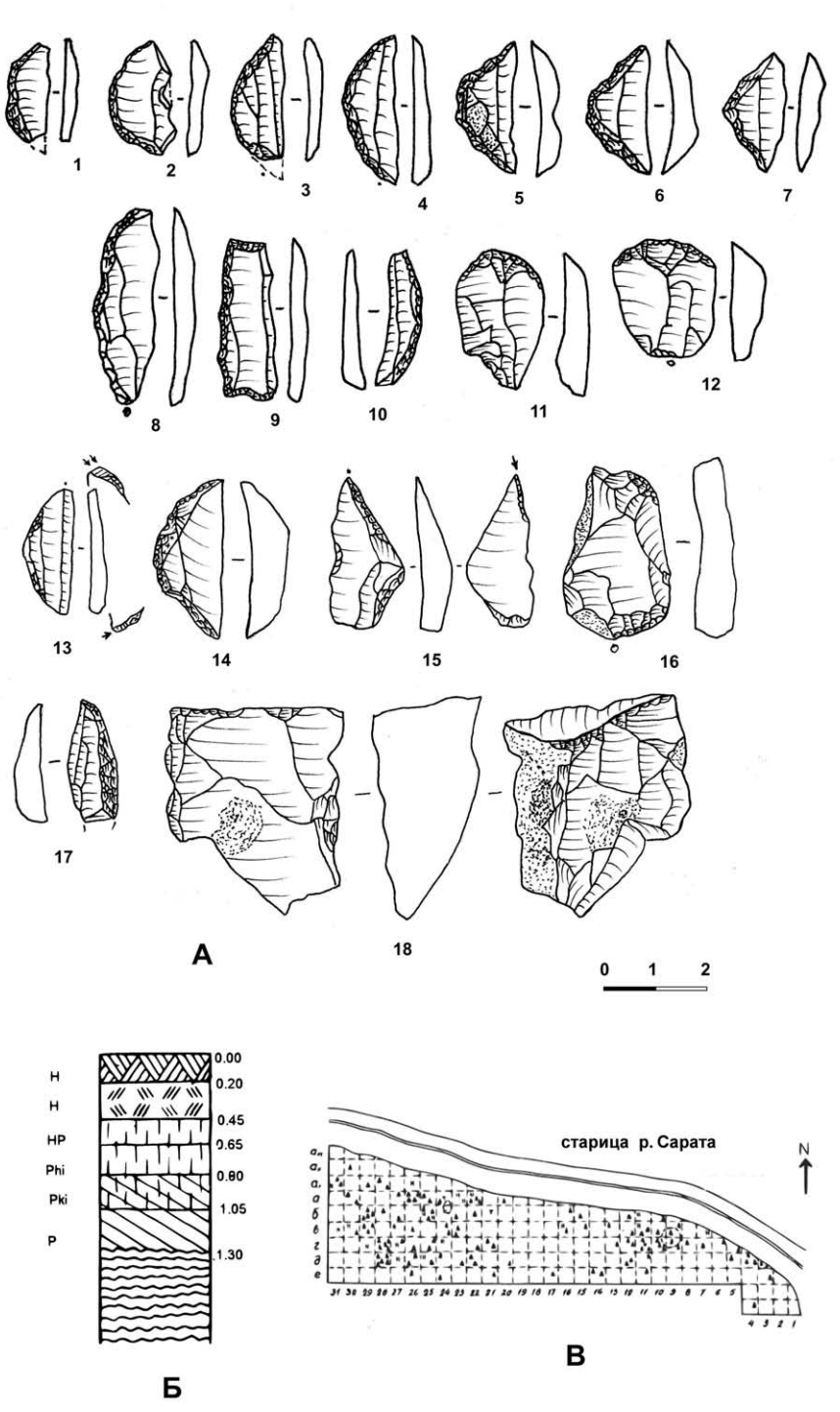


Рис. 2. Белолесье: А – кремневый инвентарь, Б – стратиграфия (по В. Дубняку), В – план находок (Станко 1985)

113–124; Станко, Смольянинова 1985: 13; Смольянинова 1990: 90) и стоянки Белолесье, Белолесье IV, Кагильник, Кантемир (Станко 1980: 90–107; Stanko, Kiosak 2006–2007: 29–51).

Стоянки Анетовка и Новоархангельск, в свое время, были интерпретированы как продолжение (раннемезолитический этап) традиций анетовской (Анетовка I и II, Владимировка) позднепалеолитической культуры (Станко, Смольянинова 1985: 13; Смольянинова 1990: 94). Данное предположение встретило серьезные возражения среди ряда исследователей (напр. Сапожникова и др. 1995: 96–100). Впоследствии и В.Н. Станко, видимо, отказался от этой гипотезы, т.к. позже не внес данные пункты в список памятников раннего мезолита Северо-Западного Причерноморья (Stanko, Kiosak 2006–2007: 29–51). Кроме этого, высказано предположение, что местонахождение Анетовка (сборы Ф.А. Козубовского) и стоянка Анетовка I (раскопки В.Н. Станко), – возможно, один и тот же памятник (Пиструил 2007; Сапожников и др. 1995). В связи с этим, встает вопрос о датировке и культурно-исторической интерпретации материалов местонахождения Новоархангельск, коллекция которого, как отмечалась исследователями (Даниленко 1969: 59; Станко, Смольянинова 1985: 13; Смольянинова 1990: 59), типологически близка материалам Анетовки. Таким образом, с большой долей вероятности можно датировать местонахождение Новоархангельск эпохой верхнего палеолита и отнести его к эпиориньякскому технокомплексу.

В отдельную группу памятников были выделены стоянки Царинка и Гаврилов Яр. Оба пункта представлены подъемными материалами, однако на Царинке собрана достаточно представительная коллекция (около 4-х тыс. кремневых изделий) (Смольянинова, Станко 1976: 117; Станко 1980: 102–103; Смольянинова 1990: 59–62). Среди изделий со вторичной обработкой стоянки Царинки: уплощенные и призматические нуклеусы, округлые и подокруглые скребки на отщепах, ретушные, двугранные и угловые резцы, пластинки со скошенным концом, острия, проколки и единичные пластинки с притупленным краем. Своеобразие комплексу придает присутствие в коллекции серии трапеций на массивных пластинах, оформленных крупной притупливающей ретушью по двум сторонам и верхнему основанию.

Отметим, что значительная часть известных нам «трапеций осокоровского типа» не являются геометрическими микролитами по большинству общепринятых типологий (G.E.E.M. 1969: 361). Скорее всего, более корректно именовать указанную группу изделий «трапециевидными изделиями», а не трапециями.

По большинству показателей кремневому инвентарю Царинки близки памятники у хутора Рогалик (Горелик 1986; 2001: 29–167) и стоянка Леонтьевка на Нижнем Днепре (Оленковский 1983: 77–87). Также предполагается, что эти комплексы происходят от комплекса Осокоровки I слой IIIв и объединяются в осокоровскую культуру (Оленковский 1989), которая датируется (в основном, по условиям залегания в «аллередской почве») финальным палеолитом (Залізняк 1998: 127–128). К данной культуре относят также, по наличию трапеций с ретушированным верхним основанием, подъемные материалы памятников Кагильник и Белолесье IV (Залізняк 1998: 124). В.Н. Станко предполагал, что данные трапеции сходны с аналогичными изделиями стоянки Белолесье (Станко 1980: 97). И в том, и в другом случае это могут быть только предположения, т.к. данные комплексы статистически нельзя сравнивать (Кагильник – 74 экз., среди которых 1 трапеция, Белолесье IV – всего 8 экз., среди которых также 1 трапеция (Станко и др. 1999: 31–35)).

К раннему мезолиту относится стоянка Белолесье (Михайловка), открытая А. Кремером в 1957 г. на р. Сарата (Красковський, Кремер 1959: 126). Памятник раскапывался экспедицией под руководством В.Н. Станко в 1965–1966, 1977 гг. и 1991 г. Исследовано около 180 м^2 площади стоянки, где были выделены 4 скопления археологического материала (рис. 2) (Станко 1980: 92–97). В двух скоплениях отмечены следы кострищ (Станко 1980: 92–97). Фауна представлена следующими видами: лошадью, туром, сайгаком и др. (Бибикова 1978: 19). Единственная радиоуглеродная дата (Ki–10886, 8900±190 BP) относится к раннему бореалу: 8550–7550 Cal BC (2δ (Манько 2006)). Коллекция кремневого инвентаря насчитывает 1195 экз. Нуклеусы (50 экз.) в основном – призматические одно- и двухплощадочные (рис. 2, 20). Среди сколов количественно преобладают отщепы (более чем в 2 раза), однако изделий на пластинах больше. Около 46% всех изделий со вторичной обработкой составляют скребки, представленные концевыми, концевого типа, округлыми, двойными и другими формами. Геометрические микролиты, в основном – сегменты (рис. 2, 1–4, 8, 10), количественно (13,2%) сильно уступают скребкам. Резцы (угловые, боковые, срединные, двойные), острия (пластины со скошенным концом, сверла, ланцет, проколки) и отщепы с ретушью представлены одинаково – по 8,6%. В небольшом количестве присутствуют пластинки с ретушью по краю (7,4%), разнообразные комбинированные изделия (2,9%) и пластинки с притупленным краем (2,9%) (Станко 1971: 93–101; 1980: 92–97; Телегин 1989: 110–111).

Коллекция стоянки Белолесье сопоставляется с шан-кобинской культурой горного Крыма (Яневич 1990: 27–28) и отстаивается финальнопалеолитическое время существования этих памятников (напр. Залізняк 1998: 131; Сапожников 2004: 299–316). Выделение «нижнего» финальнопалеолитического слоя (Сапожников 2004: 306) представляется на данный момент преждевременным и нуждающемся в дополнительной аргументации.

Еще один памятник, который относится к раннему мезолиту, – Кантемир (Станко 1980: 97; Станко и др. 1999: 31–32) – представлен подъемными материалами. В коллекции из 105 экз., среди изделий со вторичной обработкой выделено 7 скребков, что явно недостаточно для детальной атрибуции памятника (Stanko, Kiosak 2006–2007: 41).

Поздний мезолит представлен большим количеством памятников. По набору инвентаря позднемезолитические памятники делятся на две культурно-исторические группы: памятники гребениковской культуры и памятники кукрекской культуры.

Кукрекские памятники широко распространены в Поднепровье, Приазовье, Причерноморье и Крыму (Залізняк 2005: 74; Телегин 1989: 114). Для инвентаря стоянок кукрекского круга характерны конические и карандашевидные нуклеусы, округлые и подокруглые скребки на отщепах (в том числе, и высокой формы), негеометрические микролиты – микропластины с притупленным краем, микроострия со скошенным концом на микропластинах, кукрекские резцы (на осколках и массивных отщепах с одним или несколькими резцовыми лезвиями, которые оформлены несколькими резцовыми сколами), специфические вкладыши кукрекского типа – сечения пластин с вентральной подтеской и разнообразный костяной инвентарь (Залізняк 1998: 175; 2005: 76,78; Станко 1982; 1976: 20; Телегин 1989: 113). Так, гипотетически к кукрекской культуре относят изделия из кости стоянки Мирное. Тут обнаружены наконечники стрел, проколки, шилья, лощила для кожи и

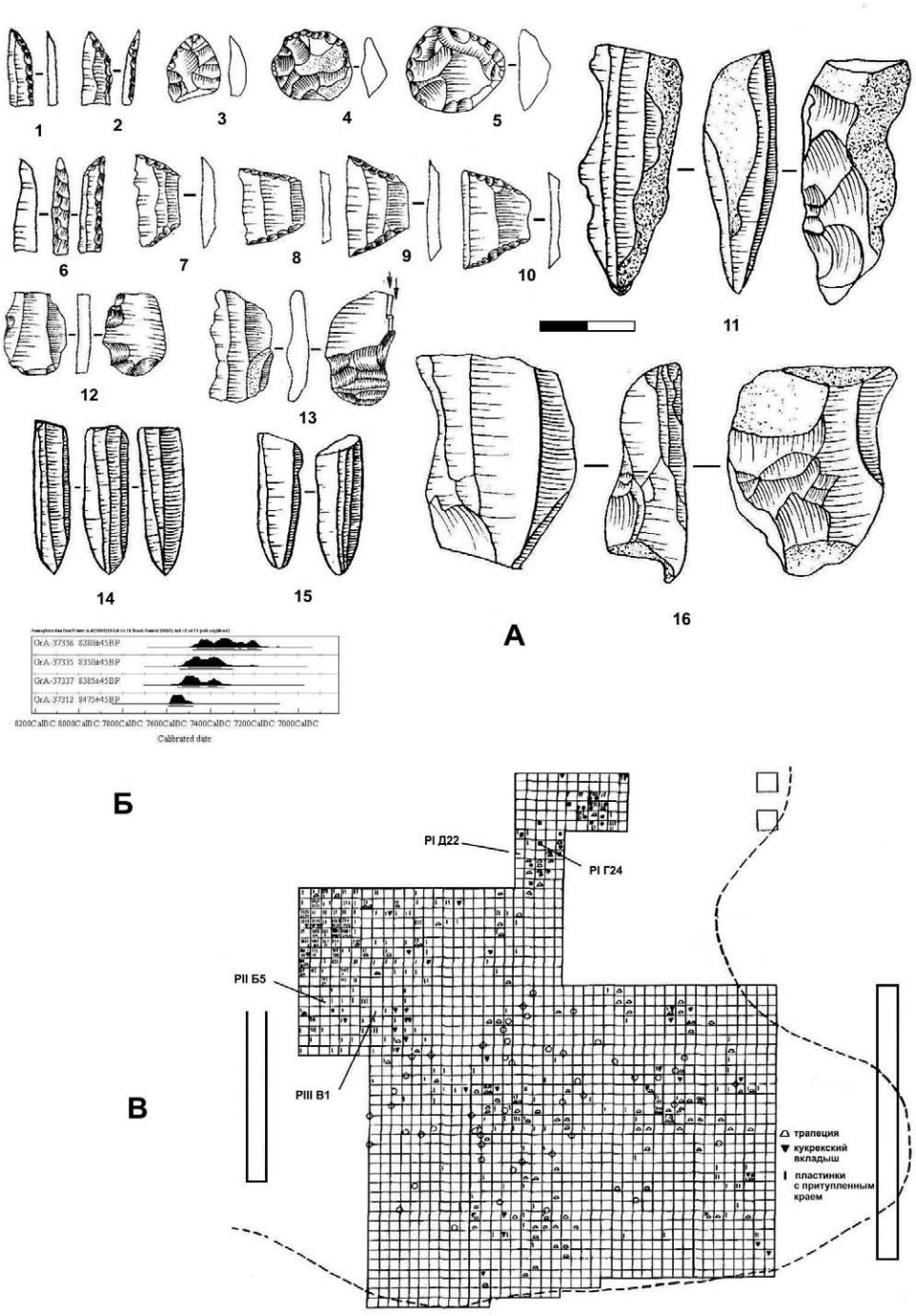


Рис. 3. Мирное: А – кремневый инвентарь, Б – калибровка радиоуглеродных дат (Станко и др. 2008), В – план находок (Станко 1982 с изменениями)

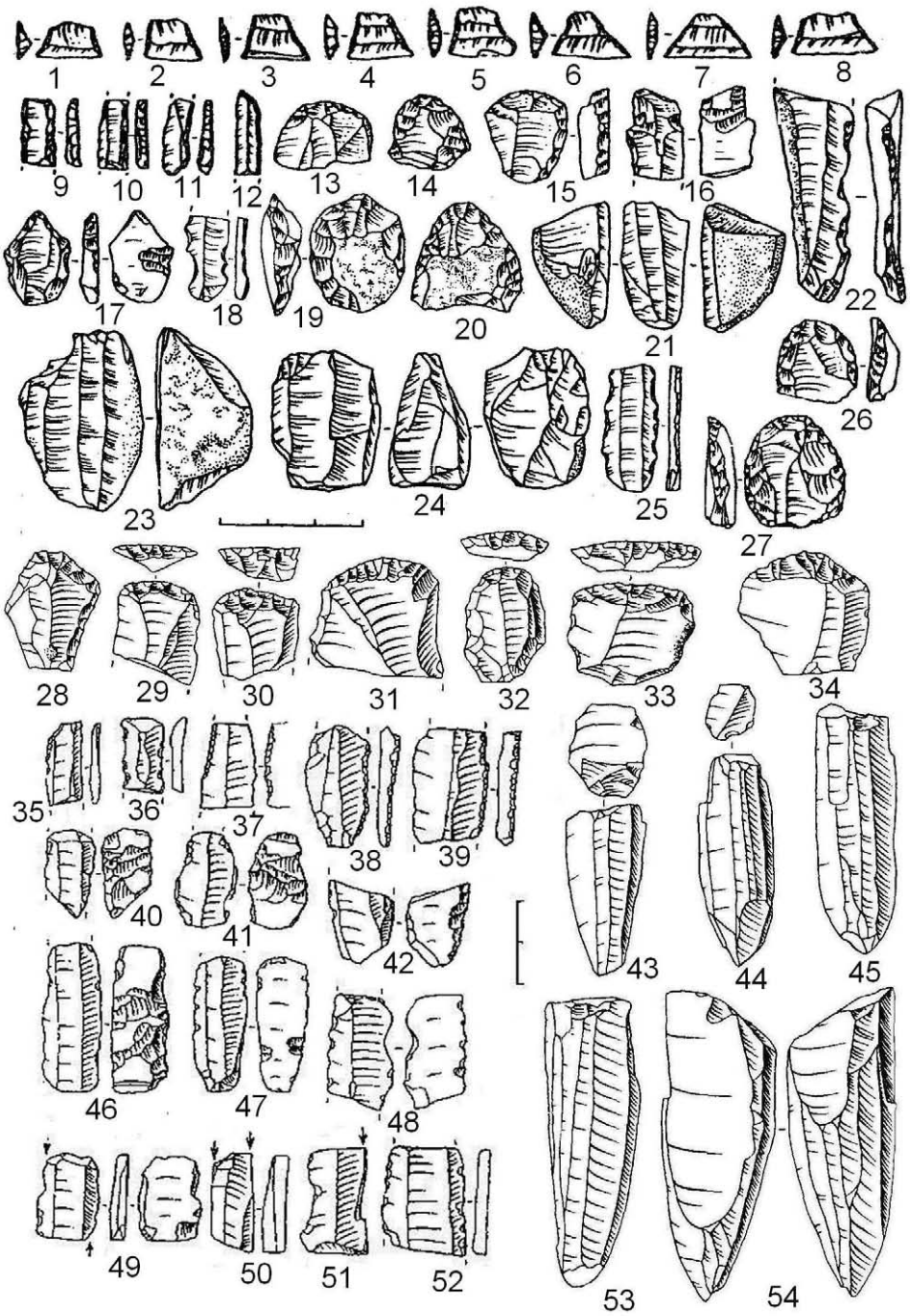


Рис. 4. Кремневый инвентарь (по С.И. Коваленко и Н.А. Кетрару):
1–27 – Саратены, 28–54 – Старые Бедражи

обломки костей со следами обработки и использования (Станко 1982: 50). Геометрические микролиты и плоские нуклеусы для данной культуры не характерны, хотя и могут присутствовать в составе коллекций. Выделены три локальных варианта кукрекской культуры – днепровский (игреньский), причерноморский и крымско-приазовский (Телегін 1982: 110).

В Северо-Западном Причерноморье кукрекские памятники локализуются в двух регионах: Мирное (кукрекские комплексы), Траповка, Старые Бедражи (рис. 4, 28–54) – в Дунай-Днестровском междуречье; Абузова Балка, Конецполь, Синюхин Брод, Бубинка и др. – в степном Побужье (Залізняк 1998: 177; Красковский 1978: 49; Смольянинова 1990: 66; Станко 1982; Станко и др. 1981: 5–12; Станко, Смольянинова 1985: 13). В Дунай-Днестровском и Буго-Днестровском междуречьях, во многих случаях, кукрекский и гребениковский инвентарь обнаружен вместе на одних местонахождениях (напр. стоянка Зализничное, Саратены (рис. 4, 1–27) (Коваленко, Кетрару 1997; Смынтына 2001–2002)). Подобная ситуация прослежена и на стоянке Мирное, где В.Н. Станко планиграфически выделены гребениковские и кукрекские комплексы, между которыми находились очаги и пекарские ямы (рис. 3, В (Станко 1982: 56)).

На материалах кукрекских памятников степного Побужья В.Н. Станко и С.П. Смольяниновой выделена анетовская мезолитическая культура, генетические корни которой авторы видят в анетовской позднепалеолитической культуре, которая представлена памятниками Владимировка, Анетовка I, Анетовка II и др. (Смольянинова 1990: 94; Станко, Смольянинова 1985: 18).

Памятники гребениковской культуры распространены в степной зоне Северо-Западного Причерноморья – междуречье Ингульца на востоке и Нижнего Дуная, и Прута (Залізняк 1998: 181; 2005: 94; Телегин 1985: 46; 1989: 111) – и, представлены, в основном, подъемным материалом от нескольких десятков до нескольких сотен (Еленовка, Довжанка, Орловка, Борисовка, Татарбунары I и др.) и даже тысяч (Гребеники, Познанка, Казанка) кремневых изделий (Борисковский 1975: 55–62; Григорьева 1960: 226–230; Коробкова 1957: 59–61; Красковский 1978; Смольянинова 1990: 66–69). Раскопками исследовано несколько стоянок гребениковской культуры – Мирное (гребениковские комплексы), Гиржево (нижний горизонт по В.Н. Станко), Саратены (Станко 1966: 96–103; 1972: 252–261; 1982; Коваленко, Кетрару 1997: 36–59).

Гребениковские комплексы характеризуются сериями уплощенных и плоских односторонних нуклеусов для отделения правильных пластинок, которые и доминируют в группе пластинчатых сколов. Среди изделий со вторичной обработкой преобладают скребки округлой и подокруглой форм на отщепах. Серийно представлены средневысокие симметричные трапеции. Трапеции низких, высоких и асимметричных форм, как правило, единичны. В небольшом количестве, в инвентаре практически всех гребениковских памятников, присутствуют атипичные резцы и кукрекские типы изделий – вкладыши кукрекского типа, карандашевидные нуклеусы, микропластины с притупленным краем (Григорьева 1960: 226–230; Залізняк 1998: 181; 2005: 94; Смольянинова 1990: 66–69; Станко 1966: 96–103; Телегин 1989: 111), что объясняется контактами гребениковского населения с носителями соседней кукрекской культуры (Залізняк 1998: 181).

Исследователям не удалось прийти к однозначному мнению о проблеме происхождения гребениковской культуры. Согласно автохтонной теории, данная культура

произошла от памятников типа Царинки, в инвентаре которых серийно присутствуют трапеции с ретушированным верхним основанием, на основе которых появились гребениковские трапеции (Смольянинова 1990: 71; Станко 1986: 13–26; Станко, Смольянинова 1985: 18). Альтернативная точка зрения заключается в том, что гребениковская культура в Северо-Западном Причерноморье является пришлой с территории Балканского полуострова (Залізняк 1998: 183; 2005: 94–95; 2005а, 2006).

В последнее время делаются попытки создания новых хронологических схем мезолита-неолита Северо-Западного Причерноморья (напр. Сапожников, Сапожникова 2011: 89–92). Для эпохи раннего мезолита (10,3–9,3 тыс. лет назад, пребореал) характерны гребениковские комплексы без, либо с небольшим присутствием кукрекских типов (единичные вкладыши кукрекского типа, карандашевидные нуклеусы и т.п.), а именно Казанка, Познанка, Цибулевка, Гребеники, Доброжаны. Памятники позднего мезолита (9,3–8,0 тыс. лет назад, бореал) – Мирное, Саратены, Татарбунары 1, Зализничное, Приймово, Малые Хатки и др., представлены «синкретическими» комплексами, в которых гомогенно связаны черты кукрекских и гребениковских культур. Ряд памятников ранее относимых к мезолиту был выведен за пределы эпохи (Белолесье, Царинка, Траповка, Абузова Балка). Несмотря на оговорку авторов, что «данная хронологическая схема является рабочей, ...и, в дальнейшем, будет уточняться…» (Сапожніков, Сапожнікова 2005: 92), необходимо отметить, что схема может не только уточняться, но и радикально меняться, а тезис о комплексах с гомогенно связанными кукрекскими и гребениковскими чертами для памятников Северо-Западного Причерноморья нуждается в дополнительной аргументации.

Вопросы жизнеобеспечения и адаптации. В мезолите в Северо-Западном Причерноморье появляется характерная модель адаптации (Станко 1982: 117–128). Основными объектами охоты были конь и тур (Бибикова 1985). Ряд других видов животных, птиц и рыб также становились добычей (Бибикова 1982). Находки жатвенных ножей и результаты палинологических анализов свидетельствуют о становлении усложненного собирательства в рамках этой модели адаптации (Станко 1982: 122; Коробкова 1989; Сапожникова и др. 1995: 117–129). Годовой цикл базировался на чередовании подавляющего пребывания на плато и высоких террасах (летом) и в долинах гор и в оврагах (зимой), следуя за небольшими по расстоянию миграциями основных объектов охоты (Дворянинов, Сапожников 1975; Залізняк 1996: 36). Изучение систем организации пространства указывает, что значение логистической мобильности растет в позднем мезолите.

Возможно, в лесостепи Северо-Западного Причерноморья долины полноводных рек были заселены носителями другой модели адаптации – речных рыболовов, охотников и собирателей (Заньковцы II (на Южном Буге), Сороки (на Днестре) (Залізняк 1998)). Основой их рациона были продукты пресноводного происхождения, особенно в отдельные сезоны.

Из приведенного обзора очевидно, что в археологии мезолита Северо-Западного Причерноморья существует ряд проблем.

Хронология памятников белолесского типа. Соотношение белолесской индустрии и памятников шан-кобинской культуры, на наш взгляд, остается дискуссионным. Несмотря на очевидное сходство, в первую очередь, в типах микролитов, стилистические особенности их оформления выразительно отличаются. Речь идет как о пропорциях, так и о регулярности крутой ретуши. Безусловно, в огромном

многообразии геометрических микролитов шан-кобинской культуры можно найти похожие на белолесские, но, скорее всего, они будут далеко не самыми типичными для культуры Горного Крыма.

В.А. Манько была переопределена шан-кобинская культура в контексте выделения таубодракской индустрии. При этом, Белолесье характеризовалось как «шан-кобинский комплекс» (Манько 2010). Отметим, что в коллекции Белолесья присутствуют ряд изделий, не соответствующих новому определению Шан-Кобы. Речь идет о фрагменте микролита с крутой биполярной ретушью (рис. 2, 17), микрорезце, отдельных пластинках с выемками.

Наоборот, на западе искали параллели белолесскому комплексу В.Н. Даниленко, Д.Я. Телегин и В.Н. Станко (Даниленко 1969: 59; Станко 1980; Телегін 1982; Станко 1985). Ближайшей аналогией кажется «романелло-азильская» группа Румынии (два слоя стоянки Куина Туркулуй и поселение Бейле Геркулане на Среднем Дунае) (Păunescu 2000). Сходство между белолесской индустрией и комплексами балканского тардиграветa очевидно. В то же время, последние содержат высокий процент собственно эпиграветских изделий: острия с прямой притупленной спинкой, острия с косоусеченной базой и крутой притупливающей ретушью по краю, даже – длинные граветские острия. Подобные артефакты не характерны для коллекции из Белолесья. А вот, преобладание среди микролитов острий с арковидной спинкой и сегментов, наличие трапеций с ретушированной короткой стороной, треугольника, «прямоугольника» сближает материалы буджакской стоянки и оба слоя Куины Туркулуй. Возможно, индустрия Белолесья представляет собой развитой аспект комплекса верхнего слоя (10120-9400 calBC) Куины Туркулуй и, следовательно, гипотетически должна датироваться позднее последнего (Киосак 2010).

Гребениковско-кукрекская дилемма. Среди памятников позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья многие совмещают некоторые элементы гребениковской и кукрекской культур. При, по-видимому, схожей хронологии территории распространения кукрекских и гребениковских памятников пересекаются. Это явление чересполосного существования носителей двух различных кремневых индустрий получило самые различные интерпретации.

По А.Н. Сорокину, кукрекский и гребениковский инвентарь оказались в одном слое в результате *механической смеси*, т.н. «палимпсесте» нескольких стоянок разных культур, которые были в действительности отделенными одна от другой достаточно значительными промежутками времени (Сорокин 2006: 67–68).

Ряд исследователей полагают, что поздний мезолит Северо-Западного Причерноморья представлен *единой индустрией*, которая имеет два аспекта – геометрический и негеометрический, отличия между которыми не носят культурно-исторического характера (Păunescu 2000). И.В. и Г.В. Сапожниковы предполагают, что распространенные в Северо-Западном Причерноморье изделия, близкие к кукрекским вкладышам, не являются типологическими формами, а подтеска является макроизносом от работы по дереву (Сапожникова, Сапожников 1992).

По мнению В.Н. Станко, в результате взаимодействия кукрекского и гребениковского населения в Буджаке появились ряд *«синкретических» стоянок*, среди которых самая выразительная – Мирное (Станко 1982: 115–117).

Технологические инновации позднего мезолита. Поздний мезолит в значительной части Южной и Юго-Восточной Европы представлен кремневыми инду-

стриями, которые значительно отличаются от предшествующих, раннемезолитических. Для них характерна регулярная техника расщепления, ориентированная на производство призматических пластинок с параллельными краями и негативами предыдущих снятий на спинке. Продукты такой техники – нуклеусы с регулярной огранкой рабочей поверхности и многочисленные сечения пластинок и микропластинок.

Долгое время общепринятым было мнение о применении отжима для получения таких правильных призматических пластинок. Однако, работами, прежде всего французских экспериментаторов в последнее время, доказано, что различие между расщеплением с помощью посредника и отжимной техникой не столь велико как предполагалось ранее (Pelegrin 1994). Оба метода – чрезвычайно эффективны и приводят к очень регулярной продукции схожей морфологии. При тщательной подготовке снятия, сколы, полученные при помощи посредника, практически неотличимы от отжимной техники. Известны случаи ошибочного определения техники расщепления (Inizian, Pelegrin 2002). Часто обе техники диагностируются вместе на одном памятнике (Inizian, Tixier 2000; Inizian, Pelegrin 2002).

Не исключительны в этом аспекте традиции обработки кремня Северо-Западного Причерноморья – как гребениковская, так и кукрекская. Практически все исследователи каменного века изучаемого региона отмечали регулярность пластинчатой техники расщепления позднего мезолита этого региона (Борисковский 1957; Станко 1967; Смольянинова 1990; Коваленко, Кетрару 1997). Выдвигалось предположение, что при отделении некоторого количества пластинок применялась техника отжима (Смольянинова 2002).

Предварительные итоги изучения нуклеусов со стоянки Мирное указывают на сосуществование обеих техник расщепления на этом памятнике. Некоторые нуклеусы морфологически соответствуют утилизации с помощью посредника, в то время как другие, по крайней мере, на финальной стадии расщепления обрабатывались ручным отжимом. Интересно, что обе техники применялись для раскалывания как конических, так и призматических нуклеусов.

Учитывая ранние даты Мирного, регулярная пластинчатая техника расщепления (отжимная или с помощью посредника) зафиксирована на материалах Мирного на несколько столетий ранее ее широкого распространения в Юго-Восточной и Южной Европе. Развитой поздний мезолит появляется в Северо-Западном Причерноморье ранее его европейских аналогов (кастельновьена и тарденуаза) – еще в бореальном периоде голоцена. Северо-Западное Причерноморье может рассматриваться как один из центров распространения техники получения правильных призматических пластинок (отжимом и/или через посредник) и симметричных микролитических наконечников в форме трапеций.

Проблема разграничения позднемезолитических и ранненеолитических коллекций. Не вдаваясь в дискуссию об определении неолита и возможном сосуществовании носителей мезолита и неолита в Северо-Западном Причерноморье, обратимся, в первую очередь, к процессуальной стороне атрибуции конкретных коллекций.

Многочисленные сборы на поверхности микролитического кремня были отнесены к эпохе позднего мезолита на основании общего облика инвентаря, наличия

свидетельств регулярной пластинчатой техники (нуклеусов и/или пластинок), преобладания подокруглых и округлых скребков, наличия геометрических микролитов, и отсутствия неолитической керамики. В то же время, кремневые изделия позднего мезолита и раннего неолита очень схожи. Оба периода представлены микролитическими пластинчатыми индустриями, с подобными типами нуклеусов и орудий. Микролиты в виде трапеций получили одинаковое распространение, как у позднейших охотников-собирателей, так и у ранних земледельцев и скотоводов. Отсутствие же керамики в сборах на поверхности может объясняться крайней хрупкостью ранненеолитической керамики, которая в условиях интенсивных делювиальных процессов характерных для высоких гипсометрических уровней степной зоны, где, как правило, и находятся рассматриваемые местонахождения, просто не сохраняется.

Долгое время важным критерием различения мезолитических и неолитических памятников считалась их гипсометрическая позиция. Однако, находки фрагментов буго-днестровской керамики на высокорасположенной стоянке Гиржево, архаической керамики на таких памятниках как Катаржино (относительная высота 10–13 м), Карпово (высота 30 м), и прежде всего, целых поселений савранской фазы буго-днестровской культуры, расположенных высоко на плато (Гард III, Гард IV, Клепана Балка), заставляют пересмотреть эту точку зрения. Высокие мысы привлекали не только гребениковцев, но и буго-днестровцев; на них жило население, знакомое с технологией изготовления керамики.

Технико-типологические критерии различения позднемезолитических и ранненеолитических индустрий до сих пор остаются приблизительными и расплывчатыми. Подобную проблему вполне осознавал еще В.Н. Даниленко. Л.Л. Зализняк указывал, что, при значительном общем сходстве между бескерамическими стоянками буго-днестровской и гребениковской культур, отдельные черты своеобразия заключаются в присутствии несколько большего числа концевых скребков на пластинах, торцевых и призматических нуклеусов (Залізняк 2005: 95).

По С.И. Коваленко, отличия между мезолитическими и неолитическими кремневыми комплексами средней Молдовы заключаются в следующих признаках: использовании подпризматических и конических нуклеусов с правильной огранкой при отсутствии плоских; низком проценте пластинчатых сколов при малой доле пластинок и микропластин; слабом развитии техники усечения пластин; низкой микролитизации комплекса; присутствии в орудийном наборе серий скребел и ретушеров-отжимников (Коваленко, Кетрару 1997; Коваленко, Бодян 1999; Коваленко 2004). С.И. Коваленко выделяет группу мезо-неолитических стоянок, относящихся еще к позднемезолитическим культурным сообществам, но уже знакомых с технологией изготовления керамики. Они обладают рядом технико-типологических особенностей по сравнению с собственно позднемезолитическими памятниками.

Идентификация позднемезолитических и ранненеолитических кремневых индустрий в Южной и Центральной Европе осуществляется благодаря различным системам поставки сырья в мезолите и неолите, наличию значительного количества средних сечений пластинок и целых пластинок с люстром от использования в качестве жатвенных ножей в неолите, иной технико-типологической структуре комплексов (Perles 2001; Starnini 2002).

В свете открытия группы мезо-неолитических памятников в Молдове, находок архаической керамики на стоянках Катаржино 1 и Карпово, осознания реального

масштаба неолитического обитания на стоянке Гиржево, проблема технико-типологических критериев хронологического разделения памятников на границе мезолита и неолита встает особенно остро. Таким образом, культурно-историческая атрибуция микролитических комплексов Северо-Западного Причерноморья, в первую очередь, представленных подъемным материалом, нуждается в дополнительной аргументации, а их почти исключительное отнесение к позднему мезолиту, кажется менее обоснованно, чем это предполагалось ранее.

НЕОЛИТ

Термин «неолит» был введен Дж. Лаббоком в 1865 г. для обозначения эпохи шлифованного камня. С тех пор по поводу объема этого понятия продолжаются теоретические дискуссии. Как было замечено П.М. Долухановым, различаются, в первую очередь, «техническое» понимание неолита как эпохи распространения керамики, и «сущностный» поход. При последнем, неолит – это эпоха преобладания воспроизводящего хозяйства (Dolukhanov, Shukurov 2004).

В англо-американской и европейской зарубежной историографии полностью доминирует «сущностный» подход. В рамках этого похода, новой тенденцией выглядит экспликация понятия новокаменного века Я. Ходдером. Лидер пост-модернистского направления в археологии указывает, что неолит – это не только технологические нововведения, но смена всего стиля жизни, обозначаемая им весьма поэтично как «доместикация Европы». Инновации неолита он предлагает определять, прежде всего, в социальной и культурной сфере – в способах организации общества и осмысления его жизнедеятельности (Hodder 1990).

Определение неолита во многом обусловлено концепцией неолитизации, которой придерживается тот или иной исследователь. Так, технологические критерии выделения этой эпохи, как правило, разделяются сторонниками миграционистского происхождения неолита Европы. Наоборот, нео-автохтонисты, настаивающие на активном участии местного населения в формировании первых неолитических культур, отстаивают динамическое понимание неолита в духе Я. Ходдера.

Дискуссия между указанными двумя направлениями о природе первого неолита Европы затронула и украинское неолитоведение. Ряд авторов допускали локальную доместикацию тура, свиньи и козы/овцы. Большинство исследователей достаточно высоко оценивают вклад охотников-собирателей в формирование неолитических обществ на территории Украины. Ключевой является проблема роли балканского неолита в возникновении и эволюции самобытной буго-днестровской неолитической культуры Северо-Западного Причерноморья. По мнению ряда исследователей, балканский центр не сыграл существенной роли на начальном этапе неолитизации юго-восточной Европы (Даниленко 1969; Крижевская 1992; Котова 2002; Манько 2006; Манько 2007). Согласно другой точке зрения, именно с территории современных Румынии и Венгрии земледелие и скотоводство пришли в Северо-Западное Причерноморье (Шнирельман 1989; Залізняк 1998; 2005а; 2005б; Товкайло 2005).

История исследования. Впервые поселения эпохи неолита в Северо-Западном Причерноморье были исследованы БАЭ (археологической экспедицией при сооружении Богской гидроэлектростанции (БОГЕС)) под руководством Ф.А. Козубовского (Козубовський 1933) в 1929–1931 гг. Некоторые из них – Миколина Брояка (П.В. Харлампович), Гард (Ф.А. Козубовский), Мельничная Круча (А.В. Добровольский) – сразу же и раскапывались (Товкайло 2007; Киосак, Гаскевич 2011). Тем не менее, успехи, достигнутые в те годы, по понятным причинам, не получили должного развития сразу же. По сути изыскания в области неолита региона были продолжены лишь в конце 1940-х гг., когда В.Н. Даниленко провел стационарные исследования нескольких поселений буго-днестровской культуры (Даниленко 1969).

В 1950-е гг. ряд важных поселений открывают В.И. Маркевич в Молдове и П.И. Хавлюк – на Подолье. После масштабных полевых работ и обобщения их результатов, в которых приняла участие целая плеяда выдающихся археологов (Т.С. Пассек, Е.К. Черныш, В.Н. Даниленко, В.И. Маркевич), к концу 1960-х гг. устанавливаются современные представления о культурно-историческом делении ново-каменного века Северо-Западного Причерноморья. В целом, разработанная в те годы концептуальная схема выдержала испытание временем и в значительной степени актуальна и сегодня.

В современных исследованиях сформировался ряд важных направлений. Эталонным образом исследованы памятники культур Криш и линейно-ленточной керамики в Молдове (Ларина 1983; 1999; 2006; Larina 1994). Важные результаты достигнуты при изучении куста поселений у Гарда на Южном Буге (Товкайло 1990; 2003; 2005; Фоменко и др. 2009). Разворачивается дискуссия о природе буго-днестровского неолита (Гаскевич 2005; 2010; Зализняк и др. 2005; Котова 2002; 2010). Различными путями ведутся поиски стоянок неолитического времени в степной зоне региона (Дворянинов 1976; Сапожников, Сапожникова 2005; 2011; Пиструил 2009a; Kiosak 2011). Некоторые авторы, наряду с оригинальным пониманием собственно неолита региона, выделяют и протонеолитический период (Зализняк 2006; Сапожников, Сапожникова 2011). В целом, и в начале XXI века неолит Северо-Западного Причерноморья остается территорией оживленных научных дискуссий и методологических изысканий.

Палеоэкологическая ситуация. Развитие неолитических культур в Северо-Западном Причерноморье приходится на первую половину атлантического периода. Появление их тут хронологически близко к мощному похолоданию 6300–6140 лет до н.э. Это похолодание, согласно Н.П. Герасименко, разделяет две относительно стабильных фазы атлантикума: $hl_{b1\text{-}1}$ (7800–7400 некалиброванных лет назад) и $hl_{b1\text{-}3}$ (6900–6300 некалиброванных лет назад). Первая из них характеризуется как оптимум широколиственных пород, а в степи – древесной растительности в целом. В это время реконструируется продвижение лесостепи на юг (Артюшенко 1970). В правобережной лесостепи появляется граб. Вторая из указанных выше фаз представляет собой оптимум влажности, сопряженный с распространением граба на 500 км к востоку от современного ареала. Разделяющая их фаза $hl_{b1\text{-}2}$ – это резкое похолодание и аридизация, отмеченное на большей части Земли. Снижение среднегодовой температуры в Северной Атлантике достигало по разным оценкам от 1 до 8°C (Alley et al. 1997). Реконструкции указывают на похолодание в 5°C в Гренландии и 1,5°C в Центральной Европе. Аридизация отмечена в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В Северо-Западном Причерноморье это время характеризуется уменьшением площади лесов, аридизацией и похолоданием.

Буго-днестровская культура (БДК) была первой неолитической культурой определенной в Северо-Западном Причерноморье. Первые комплексы этой культуры были открыты в 1930–31 гг. в Побужье экспедицией БОГЕСа (Козубовський 1933: 19–22). Превращение неолита Юго-Западной Украины в научный факт – заслуга В.Н. Даниленко, который в 1947–1959 гг. выявил, стационарно исследовал и интерпретировал ряд пунктов в долине Южного Буга. Несколько позже, в 1952–1959 гг. В.И. Маркевич открыл и исследовал ряд неолитических стоянок в долине Днестра (Маркевич 1973). Всеобщее признание близости стоянок с берегов обеих рек, и Буга, и Днестра, вылилось в синтетическое наименование культуры –

буго-днестровская. Последняя заключала в себя два территориальных варианта – бугский и днестровский.

Топографическая позиция большинства стоянок буго-днестровской культуры – непосредственно на берегах рек, на террасовидных уступах высокой поймы, на островах Южного Буга. В.Н. Даниленко полагал, что на Южном Буге население неолита предпочитало места близ многочисленных порогов (Даниленко 1969). Известны и памятники в высокой топографической позиции – на первой лессовой террасе (Завалье), на плато (Гард III, Гард IV, Клепана Балка) на скалистых мысах (Добрянка III (Залізняк и др. 2005)). Немногочисленны стоянки буго-днестровской культуры вне долин эпонимных рек – Добрянка III, на р. Чорный Тикич (Залізняк и др. 2005), Новорозановка, на р. Ингул (Шапошникова и др. 1977), Владимировка на р. Синюхе, Миколина Брояка, на р. Черный Ташлык и ряд других более мелких пунктов. Площадь поселений невелика. При этом, культурный слой, как правило, малонасыщен и представляет собой результат многочисленных заселений одного и того же пункта в течении достаточно длительного промежутка времени (Котова 2002).

Жилища БДК представлены подокруглыми и подпрямоугольными наземными постройками, реконструируемыми в основном планиграфически, по распределению массовых находок, без безусловных конструктивных элементов. В то же время, известны постройки на каменном фундаменте и полуземлянки (Товкайло 2005; Фоменко и др. 2009). Для днестровского варианта характерны именно углубленные жилища (Маркевич 1974).

Погребения БДК мало изучены и представлены не слишком выразительными комплексами из Цикиновки 1 и Ак-Мечетки (Козубовський 1933: Табл.28; Даниленко 1969; Маркевич 1974).

Керамический комплекс БДК претерпел значительные изменения за время своего развития. В.Н. Даниленко выделяет шесть фаз его развития. Скибенецкая фаза представлена нижними слоями стоянок Базькова и Митькова островов и характеризуется доминированием глубоких прямостенных остродонных горшков, при редком присутствии плоскодонных форм. Соколецкая фаза отмечена в материалах нижнего слоя поселения у с. Сокольцы, нижних слоев Сорок 1 и Печеры. Тут господствуют остродонные горшки S-видного профиля и неглубокие прямостенные миски. Появляются бомбообразные сосуды с небольшим плоским донцем и серолощенные кубки изготовленные из хорошо отмученной глины. Остродонная посуда обеих фаз часто изготовлена из глиняного теста с примесью толченых раковин и крупных растительных волокон (Даниленко 1969).

Керамика печерской фазы изучена на поселении Печера, в нижних слоях Шимановского, Заньковцов, Сокольцов I и VI, Глинского, в среднем слое поселения на о-ве Митьков, на части площади стоянок Мельничная Круча и Гайворон-Полижок. Сохраняются известные ранее горшки с S-видным профилем и глубокие миски. Они изготовлены, как и прежде, из глины с примесью раковин и грубых растительных волокон. Распространяются плоскодонные сосуды бомбовидной формы и горшки с профилированными плечиками, ребристые миски, а также миски, вазы и кубки с высокими поддонами. Все чаще используются неорнаментированные сосуды лишь со слегка подлощенными стенками или же сосуды с линейно-прочерченной орнаментацией. Довольно много есть и посуды с пальцево-защипным орнаментом, намного реже – с бурой росписью (Даниленко 1969).

Самчинская фаза по В.Н. Даниленко есть на Самчинцах I и II, Сокольцах I, в верхнем слое поселения Сокольцы VI, в отдельных комплексах на стоянках Заньковцы, Шимановское, Глинское, Базьков и Митьков острова. Эта фаза отличается от предыдущей технологическими параметрами – тесто с примесью толченой раковины и грубых растительных волокон сменяется на глину, отощенную добавкой песка, тонких растительных волокон, а иногда и графита. Формы же посуды упрощаются – это круглодонные сосуды, широкогорлые и узкогорлые горшки S-видного профиля, глубокие чаши и кубки. Орнаментация представлена с одной стороны сложными линейными композициями, а с другой стороны зональным орнаментом из оттисков гребенчатого или накольчатого штампа, часто вместе с линейно-прорезными зонами (Даниленко 1969).

Керамический комплекс савранской фазы представлен горшками S-видного профиля, плоскодонными широко открытыми чашами с ребристыми или выпуклыми стенками, ребристыми сосудами с воронковидным низом, банками и кубками. Посуда орнаментирована сложной криволинейной композицией, нередко вместе с оттисками гребенчатого штампа. Появляются новые типы орнамента: широкие проглаженные каннелюры и угловатая композиция (Даниленко 1969; Товкайло 2003). Кремневая индустрия буго-днестровской культуры, несмотря на накопление значительной источниковой базы, все еще остается недостаточно исследованной (Котова 2002; Товкайло 2003; Залізняк и др. 2005). Кремневый инвентарь досамчинских комплексов характеризуется присутствием как призматических плоских и объемных нуклеусов, так и карандашевидных ядрищ. Геометрические микролиты представлены симметричными трапециями. В ряде комплексов присутствует выразительный кукрекский компонент – резцы на отщепах, вкладыши кукрекского типа, микропластинки с притупленным краем. Иные орудия представлены угловыми резцами, проколками, остриями, ретушированными сколами (Гаскевич 2003; Гаскевич 2005). Самчинский этап развития БДК характеризуется появлением и распространением асимметричных трапеций, при сохранении основных компонентов предыдущего периода (Даниленко 1969). Кукрекские компоненты почти не представлены (Гаскевич 2005). Кремневый инвентарь савранского этапа развития БДК отличается уменьшением микролитичности изделий. Появляются крупные призматические и конические нуклеусы и пластины, снятые с них. Характерной чертой микролитического комплекса становятся отдельные трапеции со струганной спинкой (Гаскевич 2002). Преобладают боковые скребки с приостренным фронтом (Гаскевич 2003).

Хронология и периодизация буго-днестровской культуры стали предметом оживленных дискуссий.

В.Н. Даниленко выделял семь фаз развития бугского неолита (предкерамическую заньковецкую и шесть описанных выше), отметив, что, так как ни на одном из стратифицированных памятников не залегали в последовательности материалы всех фаз, выделение их во многом носит характер логической реконструкции (Даниленко 1969: 150). Схема В.Н. Даниленко была принята и исследователем днестровского неолита В.И. Маркевичем (Маркевич 1974: 135–136).

Д.Я. Телегин считал, что столь детальное разделение мало обосновано и предлагал выделять три стадии: досамчинскую, самчинскую и савранскую (Телегін 1977). Еще дальше пошла Н.Н. Котова, которая остановилась на двучленном делении буго-днестровского неолита на ранний (досамчинский) и поздний (самчинско-савранский) этапы (Котова 2002).

Изучение абсолютной хронологии БДК возможно благодаря серии радиоуглеродных дат. Они в целом подтверждают относительную хронологию периодизаций Д.Я. Телегина, Н.Н. Котовой и Н.Т. Товкайло. Проверка радиоуглеродным методом удревнила культуру и выявила гораздо более компактное время ее существования (Котова 2002).

Схема В.Н. Даниленко соответствует радиоуглеродным датам лишь частично. Датировки савранской фазы четко выделяются среди других дат. Этот период развития БДК продолжался приблизительно столько же, сколько все другие досавранские фазы вместе. Последние существовали в интервал времени слишком короткий, чтобы выделить на основании радиоуглеродных дат все пять ранних стадий БДК непротиворечивым образом (Ramsey 1995; Ramsey 1998; Виноградова, Киосак 2010). Все же, отдельные фазы в целом занимают свое место в последовательности, реконструированной В.Н. Даниленко, однако при этом промежутки, приходящиеся на каждую из них, очень коротки и в значительной части пересекаются.

Решающее значение для определения происхождения буго-днестровской культуры имеет ретроспективный анализ кремневых индустрий (Манько 2006). Вслед за В.Н. Даниленко, почти все авторы отмечают в основном гребениковский субстрат в кремнеобработке БДК с заметным влиянием кукрекских традиций на ранних фазах этой культуры. В последнее время появились и попытки уточнить эти представления. Д.Л. Гаскевич предположил, что в формировании кремневой индустрии БДК, кроме того, принимали участие носители культурного аспекта Раделичи IV-Мшана X, открытого в Верхнем Поднестровье (Гаскевич 2003). Действительно, последние очень близки классическим раннебуго-днестровским коллекциям, а по мнению автора исследований на Раделичском кусте стоянок В. Конопли – генетически восходят к гребениковской культуре (Конопля 1999; Грибович, Конопля 2007).

С.И. Коваленко недавно выделил два типа «мезо-неолитических» памятников. Комплексы типа Цариград II содержат кремневую индустрию, которая не похожа на памятники типа и Гребеников, и Фрумушики (Коваленко, Бодян 1999). Возможно, они представляют собой переходный тип к раннему неолиту классического облика. Иного типа материалы найдены на стоянке Биличень Векь XII (Коваленко 2004). Они близки материалам гребениковской культуры, но небольшие отличия в типологической структуре, а также наличие небольших фрагментов керамики с выгоревшей растительной примесью позволили С.И. Коваленко предположить одновременность этой стоянки раннему неолиту. Ее комплекс представляется ему результатом контактов степного мезолитического населения и жителей лесостепи – носителей неолитической культуры. Стоянка Цариград II наоборот интерпретируется как возможный участник формирования буго-днестровского неолита (Коваленко, Бодян 1999).

Таким образом, возможно, процесс формирования буго-днестровской культуры происходил не только на основе гребениковской культуры, а скорее с участием разнообразных групп памятников, как правило, близких к последней культуре или восходящих в своем развитии к ней.

Культура Криш относится к обширной культурно-исторической области Караново IV – Старчево – Кереш – Криш (КИО КСКК). Последняя представляет собой самый ранний, достоверно датированный неолит внутренних Балкан. Территория распространения этого исторического явления охватывает обширные пространства Юго-Восточной Европы (Lazarovici 1993)

Ранние памятники КИО КСКК, к которой она относится, широко разбросаны по внутренним Балканам и обладают очень схожими датами. В период 6200-5900 гг. до н.э. происходит процесс стремительного распространения КИО КСКК на Балканском полуострове – как единое событие, которое произошло в указанный промежуток времени (Biagi et al. 2005; Biagi, Spataro 2005).

Северо-Западное Причерноморье входит в периферийный ареал культуры Криш. На сегодня в Пруто-Днестровском междуречье известно около 10 памятников этой культуры. Все они представляют поздние фазы развития этого культурного явления. Третья фаза представлена материалами поселения Виишоара 1. Четвертая – материалами раскопанного на широкой площади поселения Сакаровка 1. Поселенческие структуры представлены углубленными жилищами, ямами, скоплениями находок (наземными жилищами). В Румынии известны и довольно большие дома столбовой конструкции (Larina, 1994a).

Кремневая индустрия культуры Криш – отщепово-пластинчатая, основанная на очень регулярном параллельном расщеплении призматических нуклеусов с уплощенными рабочими поверхностями. Часть нуклеусов – конической формы или аморфны. Отщепы преобладают над пластинчатыми снятиями, хотя орудия чаще изготавливались из последних. Пластинки встречаются чаще всего, чуть реже – пластины, намного реже – микропластинки и широкие пластины. Отдельные целые пластинки или их длинные сечения несут по одному из краев залощенность, возможно происходящую от их использования в качестве серпа (Ларина и др. 1997).

Среди изделий с вторичной обработкой выразительными сериями представлены концевые скребки на пластинах, проколки, сверла, резцы и ретушированные сколы. Геометрические микролиты трапециевидной и ромбовидной формы изготовлены из сечений средних и широких пластин (Larina 1994).

Керамика делится на две группы: кухонную (с толщиной стенок более 1 см) и столовую (стенки тоньше 7 мм). В тесте кухонной керамики значительна растительная добавка, много реже – шамот. Она обжигалась в окислительной среде при низких температурах и обладает характерным трехцветным изломом со светлыми краями и темной серединой. Внешняя поверхность часто заглажена, иногда очень хорошо залощена. Самой распространенной формой являются сосуды с округлым или удлиненным туловом и цилиндрическим горлом. Известны и амфоры с двумя ручками, миски, жаровни. Большая часть сосудов была декорирована пластичным или резным орнаментом. Преобладает резной линейный орнамент, наряду с гребенчатым. Поверхность посуды иногда несет следы ногтево-пальцевых вдавлений (Larina 1994a; Larina 1994).

Столовая керамика изготавливалась из более тонкого теста. Формы представлены кубками, округлыми, низкими мисками, сосудами закрытой формы, чашами-«фруктовницами». Такая посуда редко декорировалась волнистыми прорезными линиями и, крайне редко – расписывалась. Интересны особые керамические предметы – столики-«алтари» (Larina 1994).

Постоянной категорией находок являются тесла и топоры из шлифованного камня, как правило, известняка. Костяная индустрия весьма развита – найдены шпатели, проколки и иглы, рукоятки и оправы.

Хронология сакаровской группы культуры Криш может быть определена по аналогиям с лучше датированными стоянками Румынии. Там соответствующая фаза этого культурного явления датируется 5760–5430 лет до н.э. (Biagi et al. 2005). Таким датировкам довольно точно соответствует и радиоуглеродная дата поселения Сакаровка 1 – 5640–5490 лет до н.э. (Ларина и др. 1997).

Культура линейно-ленточной керамики (КЛЛК) была первой неолитической культурой для части Западной и большей части Центральной Европы и охватывает обширный регион от Северной Франции и Нидерландов до Поднепровья.

Самой восточной стоянкой КЛЛК считается на сегодня Вита Поштовая близ Киева (Гаскевич 1997: 11). Весьма многочисленны (более 50 пунктов) местонахождения этой культуры в Пруто-Днестровском междуречье. Гораздо меньше их открыто в междуречье Днестра и Южного Буга. Здесь известно одно поселение – Майнова Балка и несколько пунктов находок характерной керамики (Дворянінов 1982; Ларина и др. 1999; Сапожников, Сапожникова 2005).

Первые памятники КЛЛК в Северо-Западном Причерноморье были выявлены в 50-х гг. В.И. Маркевичем, а первым раскопанным широкой площадью поселением стали Флорешты 1, исследованные в 1954–1960 гг. Е.К. Черныш и Т.С. Пассек (Пассек, Черныш 1963: 23–29). Стационарно изучались следующие стоянки: Русешти Ной, Рогожены II, Гура Каменка VI, Путинешты, Маркулешты, Цыра II, Данчены II (Ларина 1999: 27–28).

Поселения расположены на удобных террасовидных мысах в долинах рек. Их площадь может достигать 4–5 гектаров. Поселенческие структуры представлены углубленными и наземными жилищами, хозяйственными ямами, очагами и скоплениями материала. Наиболее характерной формой жилища является полуземлянка овальной формы (Ларина 1999: 29–34).

Кремневая индустрия основывалась на регулярном расщеплении призматических, конических и неправильно призматических нуклеусов. Среди пластинчатых сколов преобладают средние и большие. Орудия представлены, в первую очередь, скребками, изготовленными в двух третях случаев на отщепах: округлыми и подокруглыми, боковыми и концебоковыми. Выразительны и концевые скребки на пластинах. Ретушированные пластины включают пластины с усечениями, с полной или частичной ретушью по краям, иногда зубчатой. Особую категорию изделий составляют пластины-вкладыши серпов. В небольшом количестве наличествуют резцы, скобели и трапеции (Ларина 1999: 47–50).

Отдельными находками представлены намотки, катушки и пряслица, треугольные в плане грузики из глины. Изделия из кости и рога довольно разнообразны. Это мотыги, рукояти и оправы, иглы и проколки, лощила и шпатели, орнаментиры, лопаточки (Larina 1994). Существенную часть инвентаря составляют тесла и долота из различных пород камня – сланца, кремнистого туфа, амфиболита и иных – двух основных форм: уплощенной, широкой трапезоидной и плоско-выпуклой удлиненной (типа обувной колодки *«Schuhleistenkeil»* (Ларина 1999: 51–54)).

Фрагменты керамики являются самой распространенной категорией изделий. Керамика делится на кухонную и столовую. Преобладают обломки первой со значительной грубой растительной примесью в глиняном тесте, иногда добавками песка, шамота и другими. Вторая группа была смоделирована из очень хорошо отмученного глиняного теста с мелкими примесями растительного происхождения, песка и шамота. Черепок серый и темно-серый, поверхность почти всегда хорошо залощена – вплоть до «металлического» облика. О.В. Ларина выделяет 8 форм сосудов, общих для обеих групп (Ларина 1999: 59–87).

Широкое распространение получили сосуды с шаровидным туловом и слегка вогнутым венчиком, миски с округлым и конусовидным туловом, сосуды-амфоры с выделенной шейкой, бомбовидные и бочкоподобные горшки. Налепная орнаментация довольно разнообразна (налепы разных форм). Часть сосудов орнаментирова-

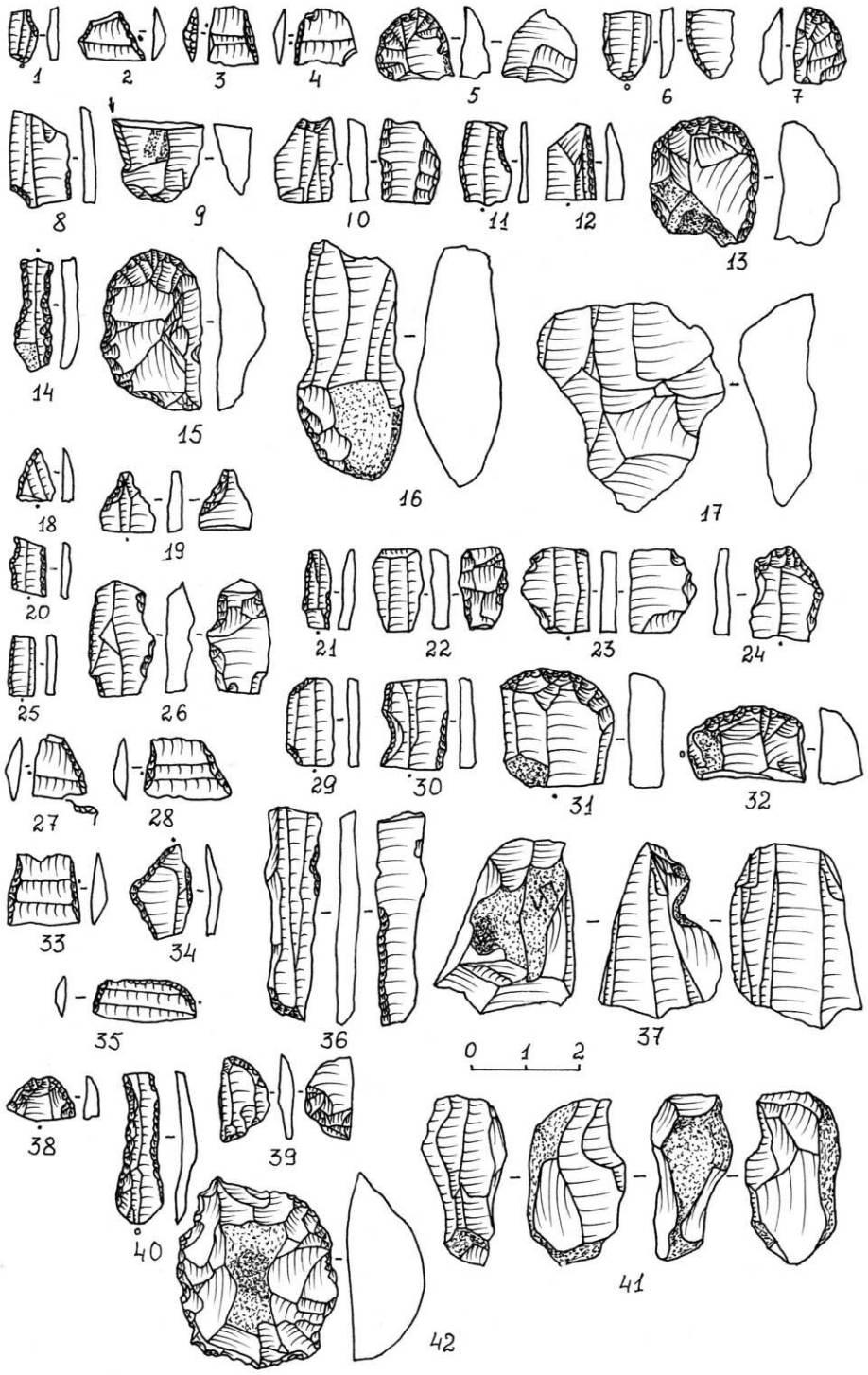


Рис. 5. Кремневый инвентарь: Катаржино 1

на углубленным орнаментом: пальцево-ногтевыми вдавлениями в сочетании с прочерченными линиями. Применялись и ряды защипов, наряду с штампом геометрических форм (Ларина 1983).

Столовая посуда представлена мисками на поддоне, на ножке, кубками, шаровидными горшками с плоским дном и слабо выраженным венчиком. Она гораздо более часто украшалась, чем кухонная. В основном предпочтение отдавалось прочерченным линиям в сочетании с ямками-«нотами», иногда пластическому орнаменту: налепам, ручкам, упорам и т.д. Прочерченные линии образовывали горизонтальные орнаментальные пояса на тулове и под венчиком. Они в группах от 1 до 10 образовывали горизонтальные ряды, углы, кривые, пары прерванных пересекающихся линий. Есть и прочерченный волютный декор. Ямки-«ноты» расположены как прямо на линиях, так и в стороне от них. Материалы поселений Флорешты 1 и Гура Каменка содержат и фрагменты, орнаментированные каннелюрами (Larina 1994).

Согласно О. Лариной все стоянки КЛЛК Северо-Западного Причерноморья могут быть отнесены к поздней «нотной» фазе этой культуры, которая датируется в Центральной Европе 5300–4900 ВС. Материалы этой фазы Западной Украины могут быть датированы 5430–4580 ВС. Среди памятников КЛЛК изучаемого региона были выделены две группы: данченская (большая часть комплексов Данчен I, Рогожаны II, Мындрешты) и гура-каменковская (Флорешты I, Гура-Каменка VI, Сынжерей (Лазовск) XI (Ларина 1999). Исчезновение КЛЛК связывают с ее «расползанием», миграцией ее носителей в регионы с иноэтничным населением, их ассимиляцией и аккультурацией (Ларина 2006). Возможно, именно этими процессами объясняется проникновение носителей КЛЛК в буджакскую степь, зафиксированное отдельными находками на многослойном поселении Картал (Орловка) близ Дуная[1] (рис. 6, 21–22).

Памятники «степного неолита» (на примере стоянки Катаржино 1). В степной зоне Юго-Западной Украины и Южной Молдовы известно большое количество пунктов подъемного материала микролитического облика, которые традиционно датировались исследователями эпохой мезолита, при почти полном отсутствии неолитических комплексов. Исследования последних лет показали, что некоторые из данных микролитических коллекций оставлены группами, уже знакомыми с технологией изготовления керамики (Сапожников, Сапожникова 2005; Пиструил 2009б). Природа жизнеобеспечения этих коллективов, так и их культурно-хронологическая атрибуция, пока остаются мало изученными. Данную ситуацию ярко иллюстрируют материалы стоянки Катаржино 1 (Пиструил 2009а).

Первые пункты с находками материалов каменного века в районе с. Червонознаменка (Катаржино) были обнаружены здесь разведками В.И. Красковского в 1965–1966 годах на правом берегу р. Малый Куяльник (Катаржино, Цибулевка I–IV (Красковский 1971: 172; Красковский 1978: 53–55)).

На двух памятниках (Катаржино и Цибулевка) собраны достаточно представительные коллекции каменных изделий. В инвентаре стоянки Катаржино (250 кремневых изделий) присутствуют отщепы, пластины, микропластинки и изделия со вторичной обработкой: скребки округлых и подокруглых типов, проколки, микропластинки с ретушью или притупленным краем. Значительная коллекция кремневых изделий (1080 экз.) собрана на памятнике Цибулевка. Она состоит из призма-

[1] Публикуются впервые. Раскопки Нижнедунайской АЭ Одесского археологического музея в 2005 г. (нач. И.В. Бруяко).

тических одно- и двухплощадочных, призматических плоских и конических нуклеусов, отщепов, пластин и микропластин и изделия со вторичной обработкой – небольшие округлые и подокруглые скребки на отщепах, трапеции, проколки, и др. В общем, для всех обнаруженных памятников свойственна микролитичность комплексов, правильная призматическая техника расщепления, преобладание среди изделий со вторичной обработкой округлых и подокруглых скребков. Своеобразие представленным комплексам придает наличие некоторого количества достаточно тонких (шириной около 0,4 см) призматических микропластинок, предполагающих наличие в коллекциях карандашевидных нуклеусов. Кроме кремневых изделий, на некоторых пунктах обнаружены небольшие обломки керамической тары, которые либо неопределимы, либо датируются в широких хронологических пределах (напр. на местонахождении Катаржино найден фрагмент сосуда ямного времени). Обнаруженные В.И. Красковским местонахождения были признаны однокультурными и датированы поздним мезолитом.

В 2007 году была проведена археологическая разведка данного региона, которой установлено, что точная локализация памятников, которые были обнаружены В.И. Красковским, стала практически невозможна. Вследствие путаницы с привязками было решено всем обнаруженным в ходе разведок пунктам давать новые названия – Катаржино, начиная с № 1. Наиболее выразительная коллекция кремневых изделий собрана на стоянке Катаржино 1 (рис. 5).

Основная масса материала залегала в черноземе на глубине 15–30 см, хотя отдельные находки встречались и в дерновом слое и до глубины 70 см. Кроме кремневых изделий обнаружены небольшие фрагменты костей и два небольших фрагмента керамики. На разной глубине встречены небольшие плитки известняка, которые являются частями одной большой плиты неизвестной площади и толщиной до 40–50 см, которая еще до поселения людей на этом мысу была перенесена природными процессами с более высоких террасовых уровней (Пиструил 2009: 67–70).

Всего обнаружено 3315 экз. кремневых изделий (на 2008 год). Первичное расщепление кремня и изготовление изделий происходило на территории стоянки, что подтверждается присутствием расколотых кремневых галек, осколков, нуклеусов и разнообразных сколов. Техника расщепления – призматическая, направленная на получение микропластин. Нуклеусы (14 экз.), в основном, одноплощадочные, уплощенные. Также выделены двухплощадочные (2 экз.) и подкарандашевидные (2 экз.). Среди отщепов (48,3%) преобладают мелкие. Пятая часть среди них – мелкие чешуйки. Среди пластин (37,5%) преобладают микропластины шириной до 1,2 см.

Изделия со вторичной обработкой (7,7% – в подсчеты включены пластины и микропластины со следами использования (3,5%)) многочисленны и разнообразны. Изготовлены они, преимущественно, на пластинах и микропластинах (кроме скребков).

Преобладающим изделием со вторичной обработкой являются пластины с ретушью (43 экз. – 1,2%). Большинство обработаны, чаще, мелкой регулярной краевой ретушью по дорсальной и, иногда, вентральной поверхности. В эту группу также включено небольшое количество фрагментов пластин и м/пластин с ретушированными выемками.

Скребки занимают второе место среди изделий со вторичной обработкой (26 экз. – 0,8%). Представлены они, в основном, подокруглым типом.

Трапеций и их обломков – в два раза меньше (13 экз. – 0,4%). Они разнообразны по размерам и технике изготовления, но достаточно стандартны. У нескольких – ретушировано верхнее основание. Две трапеции изготовлены при помощи альтер-

нативной ретуши. У одной трапеции ретушированное верхнее основание, которое делает похожим ее на сегмент. Все трапеции можно отнести к типу симметричных (некоторые слегка асимметричны). По размерам, выделяется три группы трапеций: низкие, средневысокие, высокие. Средневысокие трапеции преобладают (более 50%). Высокие и низкие изделия представлены единичными экземплярами.

Не все изделия с резцовым сколом (18 экз. – 0,5%) являлись резцами. В основном, тонкий резцовый скол образовывался в момент фрагментации пластин (тип – на углу сломанной пластины). Выделенные два резца – атипичны.

Кроме этого, небольшим количеством представлены пластины с подтеской (кукрекские вкладыши), острия, сверла, микропластины с притупленным краем, отщепы с ретушью, несколько ретушированных изделий из местного песчаника, отбойник.

Были обнаружены 22 фрагмента керамики. Это мелкие неорнаментированные фрагменты размерами от 0,4 до 0,9 см.

В коллекции стоянки Катаржино 1 прослеживаются черты гребениковской (трапеции, уплощенные нуклеусы) и кукрекской (подкарандашевидные нуклеусы и пластинки с вентральной подтеской, которые можно интерпретировать как атипичные вкладыши кукрекского типа) археологических культур. В целом, гребениковские черты преобладают и ярко выражены. Памятники с элементами обеих культур этого времени известны не только на территории Одесской области, но и в соседних регионах (напр. Молдове, Среднем Побужье), однако, присутствие, хотя и недиагностичной, но древней керамики позволяет датировать данные памятники началом неолитической эпохи и предположить формирование данных комплексов на базе гребениковской культуры. Это, в свою очередь, позволяет пересмотреть датировку некоторых, уже известных стоянок Одесской области, материалы которых представлены сборами на поверхности, где такие мелкие керамические фрагменты по объективным причинам отсутствуют (их просто не видно при сборе подъемного материала) и по-новому представить процессы неолитизации данного региона.

Системы жизнеобеспечения. Модели адаптации неолитического населения Северо-Западного Причерноморья изучены неравномерно. Наиболее полно охарактеризован способ жизнедеятельности «классических» неолитических культур – Криш и КЛЛК. Археозоологические исследования свидетельствуют о развитом скотоводстве. В составе стада были крупный рогатый скот, овцы/козы, свиньи. Промысловыми животными являлись благородный олень и косуля, дикий кабан и др. (Давид 1997). Палеоботанический анализ выявил, что носители указанных культур выращивали пшеницу, ячмень, овес и овощи (Кузьминова и др. 1998).

Куда более дискуссионными являются палеоэкономические реконструкции, касающиеся БДК. Согласно палеоэтноботаническим исследованиям, население долин Буга и Днестра было знакомо с целым рядом культурных растений: ячмень пленчатый, просо, возможно лен, пшеницы – однозернянку и двузернянку, спельту. Состав стада также включает достаточно представительную группу домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и собаки. Однако, многочисленны и объекты охоты: благородные олени и кабаны (преобладают), лоси, волки, лисы, бобры, барсуки. Как правило, кости диких животных численно превышают кости домашних в небольших коллекциях, что можно объяснить ошибкой недостаточной выборки. В представительных (и поздних) материалах степных памятников кости диких животных составляют около 1/4 (Котова 2002: 63–64; Товкайло 2005:

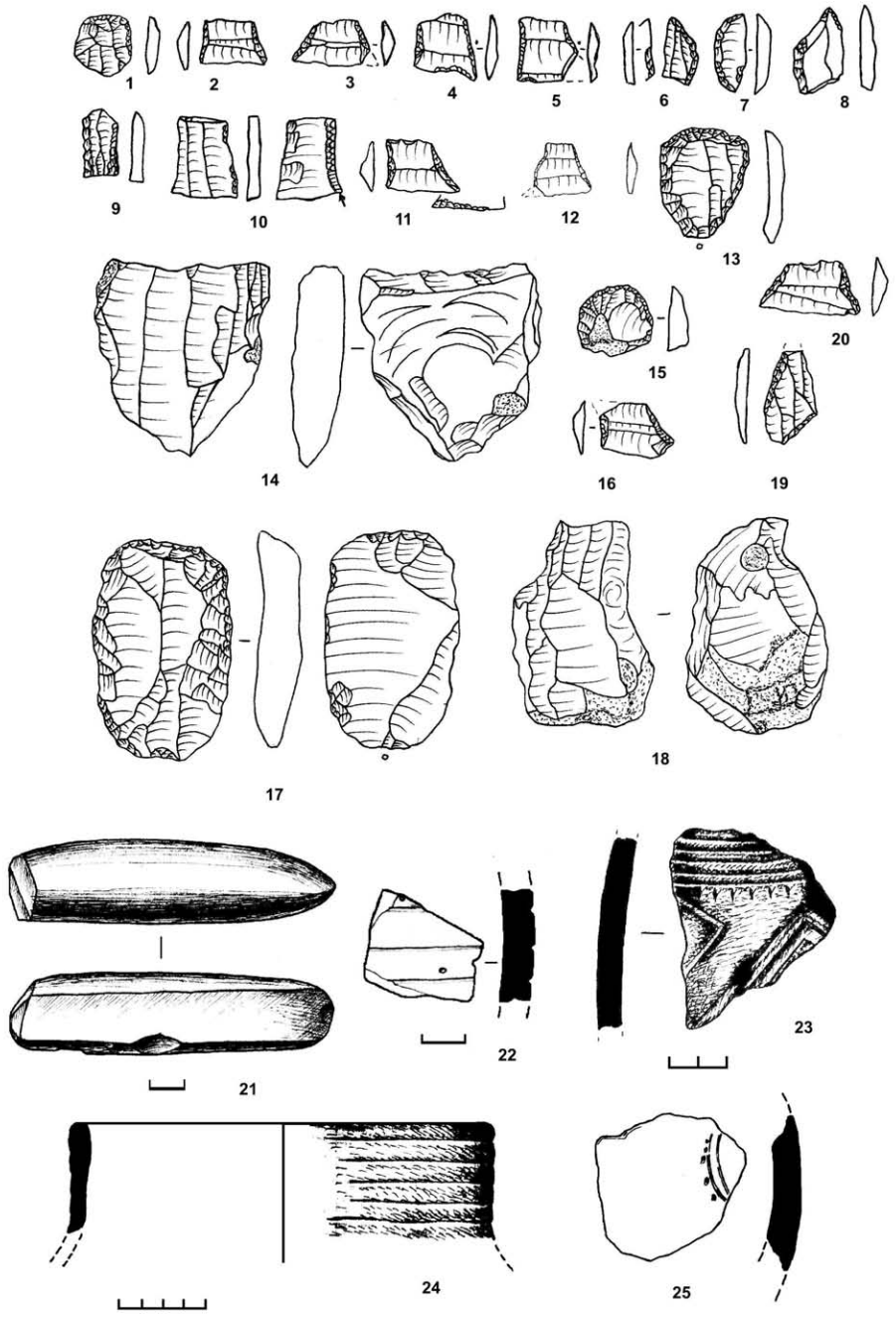


Рис. 6. Неолитические находки в степи: 1–20 – Карпово, кремневый инвентарь, 21–22 находки КЛЛК (Картал, по И.В. Бруяко), 23–24 – керамика культуры Боян (Новосельское, по Бруяко, Ярошевич 2001), 25 – фрагмент керамики с поселения Гиржево, отобранный для радиоуглеродного анализа (по В.Г. Петренко)

51–52). Высокое значение рыболовства для носителей буго-днестровской культуры засвидетельствовано находками рыболовецких орудий, ихтиофаунистических остатков, наконец, самим расположением буго-днестровских поселений – как правило, в местах исключительно удобных для лова рыбы (Даниленко 1969; Маркевич 1974).

Соответственно разделились и мнения исследователей касательно основы хозяйства БДК. Ряд авторов предполагает, что общины буго-днестровцев существовали за счет развитого земледелия и скотоводства, лишь дополняемого рыболовством, охотой и собирательством, подобно их западным современникам – людям культур Криш (Даниленко 1969; Котова 2002: 44, 49–50). Иные исследователи более скептичны. Так, по мнению Г.Ф. Коробковой комплекс орудий, связанных с земледелием, на поселениях БДК мало представлен. Соответственно и роль земледелия в ее хозяйстве должна быть небольшой (Коробкова 1987). М. Лилли и М. Звелебил утверждают, что носители буго-днестровской культуры представляли собой подвижных рыболовов, охотников, собирателей, находящихся на «фазе доступности» (availability phase) в процессе неолитизации – т.е. они контактировали с соседями-земледельцами, были знакомы с техниками и продуктами земледелия и скотоводства, систематически импортировали и использовали эти продукты, при этом, не меняя основ собственного хозяйственного уклада (Zvelebil, Lillie 2000). Точка в этой дискуссии будет поставлена лишь при планомерном палеоэтноботаническом анализе отложений буго-днестровских поселений с обязательным применением флотации в ходе раскопок.

Проблема адаптации неолитического населения в степи еще далека от своего решения. За исключением представительных материалов буго-днестровской культуры, происходящих из географически ограниченного региона гранитно-степного Побужья (Товкайло 2005), источники об экономической деятельности носителей «степного неолита» отсутствуют или сомнительны.

Проблема «степного неолита». В последнее время все более очевидным становится присутствие носителей неолитических культур в степи. Первые свидетельства этому датируются достаточно рано в рамках атлантического периода. Так, на многослойном поселении Гиржево было найдено некоторое количество неолитической керамики, которая была определена В.Н. Даниленко как относящаяся к самчинской фазе буго-днестровской культуры. По органическим составляющим теста этой керамики недавно были получены «прямые» датировки В.А. Манько (Сапожников, Сапожникова 2005; Манько 2006). Учитывая, что для датировки был предоставлен один фрагмент керамики (Петренко, личн. сообщ.), возможно даты можно скомбинировать: 6250–5990 лет до н.э. (рис. 6, 25). Интересно, что они статистически одновременны или древнее полученной ранее даты по кости из мезолитического слоя (6000–5885 лет до н.э.) и частично одновременны с другой датой по кости – 6395–6110 лет до н.э. Итоги радиоуглеродного датирования позволили поставить под сомнение наличие мезолитических материалов на стоянке в целом. Все же, топографическая позиция, характер памятника, структура культурного слоя резко отличают Гиржево от большинства классических поселений буго-днестровской культуры самчинского типа. Это, а также огромное количество кремневых изделий по сравнению с небольшим числом неолитической керамики вынуждает осторожнее относиться к последней гипотезе.

На поселении Гард, которое традиционно относилось к савранской фазе БДК, недавно, в 2007 г. было открыто углубленное жилище раннего этапа БДК, с керамикой, находящей аналогии в культуре Криш. Геометрические микролиты представлены выразительной серией трапеций и параллелограммов (Фоменко и др. 2009: 354). Судя по всему, этот комплекс может являться самым ранним до сих пор известным неолитическим комплексом в степи Юго-Западной Украины.

Отдельные пункты находок керамики досавранских фаз на юге Бессарабии упоминает В.И. Маркевич (Маркевич 1973).

Гораздо более многочисленны степные неолитические стоянки савранского и послесавранского времени. Это, в первую очередь, группа памятников в долине Южного Буга южнее города Южноукраинск. Несмотря на очевидное продвижение границы лесостепи и степи в южном направлении в атлантический период, указанная граница лежала севернее последнего (Сминтина 2001; Товкайло 2005). Это такие известные памятники как Гард, Гард III, IV, Пугач, Клепана Балка и другие.

Самое восточное поселение буго-днестровской культуры – Новорозановка, также лежит в степной зоне и относится к поздним этапам ее развития. Небольшая коллекция кремневых изделий и фрагментов керамики относится к савранской фазе БДК (Шапошникова и др. 1977).

Возвращаясь к интерпретации стоянки Гиржево, отметим, что в ее коллекции выразительной серией представлены трапеции со струганной спинкой. Материалы досавранских фаз БДК Побужья не содержат микролитов этого типа, которые появляются лишь в комплексах поздних фаз (Товкайло 2003: 195), а в Северном Причерноморье в целом – в эпоху среднего неолита (6000–5650 лет до н.э. (Котова 2010: 9–10)). Таким образом, наряду с мезолитическим и ранненеолитическим эпизодами, можно предположить, что холм к югу от села Гиржево посещали и люди средненеолитического периода, а неолитическая керамика, найденная здесь, хотя бы частично, древнее трапеций со струганной спинкой (Гаскевич 2002), принесенных сюда позднее.

Скорее всего, именно к этому этапу заселения степи следует относить коллекцию кремневых изделий и фрагментов керамики, собранных на стоянке Карпово. В шурфе первооткрывателя памятника В.И. Красковского были обнаружены два фрагмента керамики со значительной выгоревшей растительной примесью (Красковский 1976). Керамика имеет архаический облик. В ходе последующих сборов на памятнике были выявлены геометрические микролиты характерных форм: трапеции со струганной спинкой (Сапожников, Сапожникова 2005), асимметричные трапеции и ромбовидное острие (Kiосак 2011). Подобный состав микролитического комплекса характерен для памятников савранского времени (Товкайло 2003: 202). Близкий типологически комплекс известен на стоянке Биличень Векь XII (Коваленко 2004). Эти комплексы сближает сходный состав микролитов, похожие типы и подтипы скребков (микроскребки и боковые скребки), отдельные черты в технике первичного расщепления.

В Буджакской степи известны лишь отдельные пункты находок неолитического времени, все достаточно поздние: трапеция со струганной спинкой близ с. Заречное (Дворянинов 1974: 157), несколько фрагментов керамики культуры Боян на городище Новосельское (рис. 6, 23–24) (Бруяко, Ярошевич 2001), тесло в форме обувной колодки *«Schuhleistenkeil»* и фрагмент керамики КЛЛК (рис. 6, 21–22) на поселении Картал (Орловка) на Дунае.

Интерпретация перечисленных свидетельств неолитического заселения степной полосы Северо-Западного Причерноморья уже сейчас ведется в рамках различных подходов. Традиционно неолитические компоненты памятников степного региона относились к буго-днестровской культуре. В.А. Манько полагает, что наличие керамики не является достаточным основанием для выделения новой археологической культуры при сохранении традиции кремнеобработки, поэтому пишет о поздней «керамической» гребениковской культуре (Манько 2007). К этому взгляду близки И.В. и Г.В. Сапожниковы, которые полагают, что буго-днестровская культура в целом возникает на гребениковской основе и представляет собой результат «возвращения» гребениковцев в родные места из-за Дуная и Прута (Сапожников, Сапожникова 2005). Наконец, гипотетически степные памятники с архаической керамикой могут представлять собой и иное, ранее неизвестное культурно-историческое образование, структурно близкое, к примеру, к типам Цариград II и Биличень Векь XII.

Таким образом, выделяются как минимум два эпизода употребления керамики населением степных стоянок: ранний (досавранский) и поздний – савранский и послесавранский. Вопрос о том, сопровождалось ли распространение керамики передвижением ее носителей пока остается без ответа. Все же неолит в собственном смысле слова в степи не зафиксирован до тех пор, пока тут не найдены полностью достоверные свидетельства земледелия и скотоводства в системе жизнеобеспечения населения изучаемого периода.

Эпоха энеолита

ТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

История исследования. Впервые памятники трипольской культуры на юге лесостепной полосы междуречья Днестра и Южного Буга были исследованы в конце XIX в. у с. Кринички Балтского уезда. Некоторые находки были опубликованы Е. Сецинским в своде археологических памятников Подолья (Сецинский 1901: 251–273). С 1909 по 1913 гг. по заданию Археологической комиссии археологические разыскания в Балтском, Ольгопольском и Брацлавском уездах Подольской губернии проводит С.С. Гамченко (Гамченко 1926). У сс. Кринички и Корытное им было раскопано более десятка трипольских «площадок», обследован широкий район в окрестностях сс. Пужайково, Песчаная, пгт. Саврань, Шляховая и др. В районе Саврани впервые были собраны раннетрипольские древности (Passek 1935; Пассек 1949: 34–37). Раскопки по более совершенной методике широкими площадями дали возможность выявить и исследовать разноплановые археологические комплексы (ямы, землянки, площадки) и впервые обратиться к вопросу о структуре застройки поселений. Однако выводы С.С. Гамченко о характере трипольских «площадок» в корне отличались от заключения В.В. Хвойко и Э.Р. Штерна, утверждавших культовый характер остатков. С.С. Гамченко доказывал несомненную принадлежность трипольских «площадок» к жилищам. В 30-е годы XX в. были проведены разведочные раскопки у с. Сабатиновка, Ульяновского района Одесской области, ныне Первомайский район Кировоградской области (Богесская экспедиция). В связи с большим научным значением этого поселения в 1938 и 1939 гг. раскопки были продолжены сотрудниками Одесского археологического музея Е.Ф. Лагодовской, А.В. Добровольским, Ю.М. Захаруком и Т.Г. Сисковой. Изучение поселений на Южном Буге связано с именами В.Н. Даниленко и М.Л. Макаревича (Добровольский 1952; Даниленко, Макаревич 1956; Даниленко 1962; Макаревич 1952), проводившими здесь раскопки в 40-х – 60-х годах (поселения Сабатиновка I, II, Греновка, Гайворон). В результате широкомасштабных исследований в зоне строительства каскада водохранилищ на Южном Буге были получены материалы с поселения у с. Завалье (вошло в литературу под названиями Березовская ГЭС и Березовка), которые дали интересные свидетельства контактов между трипольцами и степным населением начала медного века – керамику, а также изготовленный из камня скипетр в виде головы коня. Исследования этого памятника продолжили В.П. Цыбесков и Е.В. Цвек (Цыбесков 1971; Цвек 1999). В пятидесятые годы XX в. проведены раскопки у села Данилова Балка (Сымонович 1951), открыты раннетрипольские поселения Могильна I–IV (Гасюк 1954).

В послевоенные годы развертываются широкие исследования в междуречье Южного Буга и Днестра силами Одесского историко-археологического музея (Есипенко 1955; 1957). В результате многолетних полевых исследований музея под руководством А.Л. Есипенко на раннетрипольском поселении Александровка были открыты остатки 12 жилищ (1950–1957 гг.). В 1952 г. экспедицией музея обнаружены два раннетрипольских памятника – в центре с. Тимково и на западной окраине села Слободка (Єсипенко 1959). Небольшие раскопки были проведены на поселениях Кирилловка и Черкасов Сад (1950–1951, 1955 и 1957 гг.), материалы которых отнесены А.Л. Есипенко к этапу В II. В 1954 г. А.А. Кравченко и Л.Г. Гаркушей обнаружено поселение Перликаны, до сих пор остающееся единственным на дан-

ной территории памятником этапа BI/BII (Кравченко 1960: 169–171, табл. 1–2; Виноградова 1983: 61, рис. 14, 1).

Систематическое исследование памятников трипольской культуры возобновилось в начале 70-х годов XX в. В результате совместных работ ОАМ АН УССР и ОГУ им. И.И. Мечникова по составлению «Свода памятников археологии Одесской области» в Кодымском, Балтском и Любашевском районах было выявлено 34 поселения трипольской культуры (Станко, Зиньковская 1976). Продолжены исследования на поселении Александровка (1971–1977) (Зиньковский 1972; Зиньковский, Зиньковская 1975; 1980; Бурдо 1983; 1987).

В 1979 г. Трипольским отрядом Причерноморской экспедиции ОАМ под руководством Н.Б. Бурдо были открыты новые трипольские поселения Слободка-Западная и Слободка-Лесничество, на первом из них проводились стационарные исследования в 1979–1981 гг. (Бурдо 1984; Бурдо, Видейко 1987). Особого внимания заслуживает поселение Слободка-Лесничество, материалы которого Н.Б. Бурдо отнесены к этапу B/I (Бурдо 1984: 32). В 1981 г. были проведены охранные раскопки на трипольском поселении Тимково (Бурдо, Відейко 1985). С 1983 по 1985 гг. проводились раскопки на трипольском поселении Черкасов Сад II (Патокова и др. 1989).

В 1986 г. отряд Трипольской экспедиции ИА АН УССР провел охранные раскопки поселений Немировское и Станиславка в Балтском районе Одесской области, где обнаружены остатки глинобитных построек и материал, относящийся к финальной фазе среднего этапа трипольской культуры (Видейко 1994).

Существенные дополнения в археологическую карту были внесены разведочными экспедициями ИА АН УССР (Петренко, Полищук, Сапожников 1993: 103–114). В 1997 г. отрядом «Южный» экспедиции «Дружба» ИА НАНУ были проведены археологические разведки в зоне строительства соединительного нефтепровода НПК Южный – Западная Украина на территории Одесской области. Результатом стало открытие новых памятников Триполья (Дзиговський та ін. 2003: 48–63).

Таким образом, в настоящее время источниками по изучению трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье могут служить материалы памятников, характеризующих практически все этапы (периоды) развития культуры: ранний (Триполье A – Прекукутени III), средний (Триполье BI – Кукутени A и Триполье B II – Кукутени A-B) и поздний (Триполье C I – Кукутени B), с учетом наличия и единичных памятников типа Калиновка, относящихся, скорее всего к этапу C II.

Общая характеристика трипольской культуры. Трипольская культура (Триполье) является частью культурного комплекса (общности) Триполье–Кукутень (Кукутень-Триполье), куда включаются культуры Прекукутень, Кукутень, Триполье, некоторые посттрипольские культуры и группы раннего бронзового века (РБВ)[1], выделенные на территории государств Румыния (Mantu 1998), Республика Молдова и Украина. Культурный комплекс Триполье-Кукутень относится к перио-

[1] Отнесение некоторых посттрипольских культурных групп (типов), как и усатовской культуры, к локальным подразделениям Триполья, господствовавшее в историографии последние полвека, представляется некорректным. Отдельные трипольские элементы в материальной культуре этих групп не позволяют рассматривать их как самостоятельные подразделения культурного комплекса Триполье-Кукутень.

ду энеолита и РБВ. Употребление того или иного названия, которые часто выступают как разнозначные, зависит от контекста конкретного исследования.

Памятники Триполье-Кукутень (преимущественно поселения) расположены главным образом в лесостепной зоне от Прикарпатской Молдовы до левобережья Днепра. Лесостепная часть Северо-Западного Причерноморья составляет лишь весьма небольшую часть обширного региона распространения трипольской культуры.

Пакеты радиоуглеродных дат, в том числе и полученные за последние 15 лет в Киевской лаборатории, позволяют определять время существования культурного комплекса Триполье–Кукутень, включающего и посттрипольские группы, в диапазоне 5400–2750 гг. до н.э. (Відейко 2003).

Украина		Годы до н.э.	Румыния	Эпохи
Поздний этап	Триполье С II, посттрипольские группы и культуры	3300/3200–около 2750	Городиштя-Эрбичень Фолтешть	РБВ
Средний этап	Триполье С I	3800–3300/3200	Кукутень В	энеолит
	Триполье В II	4100–3800	Кукутень В	
	Триполье В I-В II	4400–4100	Кукутень А-В	
Ранний этап	Триполье В I	4600–4400	Кукутень А	
	Триполье А	Около 5400–4600	Прекукутень	
	Модернизированная периодизация Т.С. Пассек	По данным С 14	Периодизация Г. Шмидта	

На сегодняшний день на территории Украины известно более 2000 поселений трипольской культуры. Площадь их колеблется от 0,5 до 400 га. В Северо-Западном Причерноморье памятники трипольской культуры известны преимущественно в северной части в пограничье современной лесостепи и степи. Анализ этих материалов целесообразно представить в хронологическом порядке.

Памятники Триполья А. Раннетрипольские поселения Северо-Западного Причерноморья могут рассматриваться как южный регион единого в культурном отношении комплекса Прекукутень-Триполье А. Памятники с близкими керамическими комплексами расположены на левобережье Днестра, в междуречье Днестра и Южного Буга, в Побужье, а также в междуречье Южного Буга и Днепра.

На левобережье Днестра, в Днестро-Бугском междуречье и в Побужье на начало 90-х гг. было известно 22 памятника Триполья А (Бурдо 1993), сейчас их, с учетом новых памятников (Пересунчак 2012), насчитывается 24. Причем в Днестро-Бугском междуречье все поселения связаны с притоками Днестра. Раннетрипольские поселения в Среднем Побужье размещались преимущественно по берегам Южного Буга (рис. 7). В Поднестровье самые южные поселения Нестоита IV и Нестоита II. Несколько севернее расположены поселения александровской территориальной группы (Патокова и др. 1989: 5–29): Александровка, Тимково, Слободка-Западная и Партизанские Конюшни.

Раскопки поселения Александровка. Середина 50-х гг.
Справа налево: Есипенко Анатолий Львович, Болтенко Михаил Федорович,
Яровой Анатолий Захарович (фото из архива И.Б. Клеймана)

В Степном Побужье по обоим берегам Южного Буга зафиксированы местонахождения Триполья А. По данным Н.Т. Товкайло (Товкайло 2005: 63–69), в порожистой части Южного Буга раннетрипольские материалы выявлены в пунктах на правом берегу Южного Буга: Гард, Гард III, Гард IV, на р. Черный Ташлык, левом притоке р. Синюха – Миколина Брояка (Чорноташлицька станція), на левом берегу Южного Буга: Пугач I и Пугач II (Товкайло 1990: 191–194).

В среднем течении Южного Буга концентрируются три поселения по обоим берегам реки и на островах. На левом берегу – Сабатиновка II и Греновка, на правом берегу – Саврань, на острове – местонахождение Красненькое.

Несколько выше по течению в Среднем Побужье на левом притоке Южного Буга р. Могилянка расположено пять поселений в районе с. Могильна (Пересунчак 2012). Еще выше непосредственно на левом берегу Южного Буга и на острове зафиксированы поселение Гайворон и местонахождение Гайворон-Полижок. Самый северный раннетрипольский памятник расположен на левобережье Буга у с. Чернятка. Как и поселение в с. Данилова Балка, этот памятник пока один в округе.

Раннетрипольские памятники в Северо-Западном Причерноморье можно разделить на поселения и стоянки, открытые на Южном Буге. Более или менее значи-

тельные раскопки проводились на поселениях Александровка (13 наземных построек), Слободка-Западная (3 наземные постройки), Тимково (две наземные постройки и культурный слой), Греновка (1 наземная постройка), Сабатиновка II (3 наземные постройки и одно углубление), Данилова Балка (2 углубления, ямы, культурный слой), Гайворон (две наземные постройки). При раскопках буго-днестровских памятников исследованы раннетрипольские местонахождения Пугач I и II, Гард, Гайворон-Полижок, Чернятка, где обнаружен культурный слой разной насыщенности.

Небольшие по площади поселения, не более 1,5 га, располагались на склонах балок, берегах рек или ручьев. К относительно крупным поселениям относятся Александровка (5 га), Могильна III (10–12 га) и Гайворон (7–14 га).

Планировка прослежена для отдельных поселений. В большинстве случаев дома размещены вдоль берега реки или балки. Для поселения Могильна 3 получен план магнитной съемки (табл. 1, 4).

Зиньковский Константин Владимирович (1947–1991)

Жилища представлены строительными остатками в виде скоплений обожженной глины – площадками, следы которых обнаружены практически на всех поселениях раннего Триполья в Северо-Западном Причерноморье. Проблемам изучения трипольских жилищ посвящены специальные обобщающие исследования (Відейко, Петрашенко, Терпиловський 2005).

Строительные остатки представлены объектами трех типов. К I относятся наземные сооружения, ко II — постройки, сочетающие наземные и углубленные части, к III – углубленные объекты.

Тип I представлен главным образом скоплениями обожженной глиняной обмазки, которые являются конструктивными частями наземных построек из дерева и глины. Представление об особенностях конструкции построек типа I дают отдельные хорошо сохранившиеся площадки, исследованные на поселениях Тимково и Александровка, позволяющие в общих чертах предложить реконструкцию этого типа построек.

Жилище 2 в Тимково (табл. 2, 1–4) представляло собой квадратный в плане дом, состоящий из одного помещения, ориентированный по сторонам света. Глинобитное здание было двухэтажным, основная часть обожженной глины является забутовкой деревянного межэтажного перекрытия, отпечатки которого зафиксированы на глине. Пол был земляной. На нем возведены из глины емкости – хранилища для зерна и подиум с фигурным бортиком, служивший, вероятно, и очагом, и алтарем. Часть посуды была расставлена рядом с возвышением, а часть размещена на нем. Рядом была выкопана яма, в которую, вероятно, ссыпалась зола из очага.

Слой обожженной глины в этой яме позволяет предполагать, что в дальнейшем она использовалась для каких-то ритуальных действий. Возле второй ямы стояли зерновики.

В качестве примера конструкции типа I рассмотрим необычную постройку – Г-образную в плане, исследованную А.Л. Есипенко на поселении Александровка (табл. 2, 5–6). Жилище отличалось огромными размерами: длина составляла 26 м, наибольшая ширина – 22 м. Зафиксировано два слоя обожженной глины и залегание инвентаря между ними и под обмазкой на земле. Эти данные позволяют реконструировать в полном смысле слова монументальное глинобитное двухэтажное сооружение, общая площадь которого на двух этажах составляла около 800 м^2.

На полу второго этажа было сооружено три глиняных квадратных возвышения со стороной квадрата 1,5 м, вероятно, выполнявших функцию очагов/алтарей в трех помещениях, на которые делилось здание на уровне второго этажа. Вокруг возвышений были группами расставлены сосуды, встречались ритуальные предметы: антропоморфные фигурки, керамические черпаки, другой разнообразный инвентарь, включая медные изделия.

Г-образная постройка из Александровки реконструируется как многофункциональная, в том числе, вполне возможно, имела и особый сакральный статус.

Обжиг архитектурных остатков свидетельствует об определенной сакральной практике трипольских племен, связанной с обрядом оставления поселения. Жилища, представленные архитектурными остатками в виде площадок, характерны для трипольских поселений всех этапов.

Тип II – объекты, в верхнем горизонте которых фиксируется залегание обмазки в виде площадки, а под ним — котлован. Они соответствуют постройкам с глинобитными конструкциями и углубленным в землю полом, чаще всего построенным на склонах. Примером может служить жилище 14, исследованное на поселении Александровка К.В. Зиньковским (Зиньковский, Зиньковская 1980). Построенное на довольно крутом участке склона, оно имело пол, который врезался в него несколькими уступами. Эта постройка реконструируется как глинобитный двухэтажный жилищно-хозяйственный комплекс с чердаком. Первый этаж ее был углублен в землю из-за прирезки к склону. Находки располагались преимущественно между слоями обмазки, часть из них несла явные следы пребывания в огне, встречается ошлакованная керамика. С этим жилищем связаны находки двух комплексов, которые можно рассматривать как сакральные клады престижно-ритуальных вещей. Один из них, состоящий из набора украшений – медные пронизи, антропоморфная бляха, костяные подвески – найден среди обмазки (табл. 5, 1–6). Второй, в который входило 7 кремневых заготовок наконечников дротиков, обнаружен возле стены на земляном полу.

К III типу относятся всевозможные углубления, прежде всего ямы разного размера. Ямы-котлованы исследованы Э.А. Сымоновичем на поселении Данилова Балка (Симонович 1987). Такие особенности раннетрипольских котлованов, как преимущественно небольшая площадь, неровность пола, отсутствие очагов и следов опорных конструкций кровли, а главное, чрезвычайно насыщенное, порой до самого верха, интенсивное заполнение, не позволяет интерпретировать углубления как остатки землянок. Присутствие в заполнении ям-котлованов культовых предметов, костей от частей туш животных, черепов разных животных, а также следы использования огня, свидетельствует в пользу того, что такие углубления, во всяком случае, на определенном этапе функционирования, сохраняют следы ритуалов жертвоприношения. Ямы небольшого диаметра, около 1 м, разной глубины обычно

рассматривают как хозяйственные (ямы–хранилища, очажные ямы, мусорные ямы) или культовые ямы. Заполнение ям в жилище 2 Тимково свидетельствует об их роли в ритуалах.

Производственный инвентарь. На раннетрипольских памятниках представлены достаточно многочисленные артефакты, относящиеся к орудийной деятельности. Это отходы производства, изделия и заготовки из кремня, камня, кости, меди.

Сырьем для кремневых орудий служил главным образом днестровский, а также южнобугский темно-серого и черного цвета кремень.

Коллекции кремневых изделий на памятниках Северо-Западного Причерноморья не столь значительны по объему, как днестровские. Орудийный комплекс богаче, как правило, на тех памятниках, где раскопаны углубления, а в наземных постройках находят обычно лишь единичные экземпляры орудий.

Первичная обработка сырья, изготовление нуклеусов происходило непосредственно возле места добычи кремня. Изготовление изделий связано с поселениями. Места, где, возможно, обрабатывался кремень, обнаружены на поселениях Александровка, Тимково. Материалы из Сабатиновки II (Коробкова 1987: 176–177, 263) и Александровки (Скакун 1978: 15–25) исследованы трасологическим методом, установлено функциональное назначение части изделий.

Для индустрии раннетрипольских памятников характерны большие конкреции кремня, нуклеусы, заготовки, готовые изделия, отходы производства. Среди нуклеусов (рис. 9, 6) выделяются пирамидальные, призматические и аморфные, размерами от 2 до 7 см. Пирамидальные и призматические нуклеусы часто имеют одностороннюю огранку, с них получали пластины. Аморфные нуклеусы служили для получения отщепов. Встречаются также и нуклевидные осколки (Сапожников, Полищук 1990).

Представлены кремневые отбойники, такую же функцию выполняли также сработанные нуклеусы.

Среди ножевидных пластин преобладают небольшие экземпляры длиною 2–7 см, шириной 0,4–2 см, а наибольшее распространение получили пластины длиной 2–3 см, шириной 1,0–1,2 см. Лишь часть пластин имеет параллельные грани, правильную форму и вторичную обработку в виде ретуши. Большинство пластин не обработано, но имеет следы использования в качестве ножей. Пластины служили заготовками для других орудий. Обычно мелкая заостряющая ретушь наносилась с одной стороны со спинки или с брюшка. Встречаются экземпляры с двусторонней противолежащей ретушью. Кроме ножей из пластин изготовляли проколки, вкладыши серпов, пилки с мелкой ретушью на одном крае. Микропластины использовались как вкладыши в ножи и дротики. В качестве вкладышей серпов использовались призматические пластины среднего размера с прямым профилем, ровными острыми боковыми гранями. Как правило, такие пластины использовались без вторичной обработки, некоторые экземпляры обработаны мелкой заостряющей ретушью со стороны спинки. Иногда как вкладыши использовались крупные реберчатые пластины, обработанные крупной ретушью со спинки. Большинство серпов однолезвийные.

В кремневой индустрии памятников Триполья А значительный процент принадлежит скребкам – до 60%. Характерны скребки на отщепах (рис. 9, 9–10, 12–15), размерами от микролитических – 1–1,8 см в диаметре, до крупных – 5 см. Наиболее типичны скребки среднего размера диаметром 3 см. Рабочий край скребков

оформлен крупной ретушью со стороны спинки, а иногда – со стороны брюшка. Встречаются скребки с противолежащей ретушью со стороны спинки и брюшка. Из массивных отщепов с дуговидным рабочим краем с ретушью изготовлены скребла.

На отщепах изготовлялись также сверла и проколки, которых найдено немного. Острия подправлены мелкой противолежащей ретушью. Встречаются также проколки на пластинах.

Резчики представлены единичными экземплярами. Встречаются полифункциональные изделия, в которых комбинируются резец с ножом, скобель с ножом.

Микролиты (рис. 9, 2) встречаются редко, они использовались, по определению Г.Ф. Коробковой, как вкладыши метательного оружия или как пилки для тонких работ при обработке раковин.

Наконечники стрел (рис. 9, 1) и дротиков составляют небольшую, но выразительную часть кремневого инвентаря. Стрелы среди находок единичны, обычно подтреугольной формы, обработаны отжимной ретушью. Одним экземпляром (Александровка) представлен черешковый наконечник листовидной формы. В Александровке найден комплекс из восьми заготовок наконечников дротиков. Крупные заготовки, длиною до 10 см, листовидной формы изготовлены методом двухсторонней обработки крупными бессистемными сколами. По мнению Г.Ф. Коробковой эти наконечники дротиков не были в употреблении, что и послужило основанием считать их заготовками. Комплекс найден под стеной дома, вероятно, его можно рассматривать как вотивный клад.

Сырьем для *каменных орудий* служили породы трех типов: добытых рядом с поселениями, из днестровского разреза и с территории Восточных Карпат. Сырье карпатского происхождения обнаружено в Тимково, Александровке, Слободке-Западной (Петрунь 2004). Немногочисленные каменные изделия изготовлены в технике пикетажа. Широко применялось шлифование орудий на абразивных инструментах, которые имеют вид подпрямоугольных плит из крупнокристаллических пород камня. Рабочая поверхность их стертая, в средней части прослеживается выемка, образовавшаяся в процессе работы. На таких плитах шлифовались каменные песты, топоры, тесла. Для заточки лезвий использовались оселки, изготовленные из песчаника, имеющие вид подпрямоугольных брусков.

Наиболее распространенные находки из камня – зернотерки, дробилки, терочные камни, песты, абразивы.

Тесла (рис. 9, 17–19, 21, 24–25) и долота также достаточно часто встречаются среди находок. Их форма не зависит от породы камня, которым служили как твердые, так и мягкие породы. Размеры тесел от 4 до 10 см в длину. Они трапециевидной формы, расширяются от края к лезвию, уплощенные, прямоугольные в сечении, с прямым слегка закругленным обушком, дуговидным лезвием, иногда асимметричные в профиле.

Долота (рис. 9, 20, 21) из мягких пород камня встречаются реже. Это узкие прямоугольные орудия со слегка выпуклыми боковыми гранями, прямым суженым лезвием. Длина их 5–10 см.

Среди топоров, представленных небольшим количеством находок, выделяются два типа. Топоры-клинья (рис. 9, 7) из твердых пород камня характеризуются большими размерами, длиной до 15 см, шириной до 6 см, толщиной 3–4 см.

Проушные топоры (рис. 9, 16, 23) изготовлялись преимущественно из твердых пород камня. Они, как правило, стандартных размеров, длиной около 15 см, ладье-

видной формы, прямоугольные в сечении со сверленым отверстием посредине. Вероятно, использовались в качестве боевых и/или церемониальных предметов (Бурдо 2001: 65–68).

Зернотерки и куранты изготовлены в технике пикетажа, частично зашлифованы, имеют ладьевидную, овальную или прямоугольную форму. Размеры зернотерок – от 30 до 60 см в длину, 20–45 в ширину, толщина – 5–12 см. Рабочие части зернотерок и курантов сношены и стерты.

Н.Н. Скакун среди материалов поселения Александровка выделила комплекс орудий, связанных с переработкой руды и изготовлением медных орудий. Это рудодробилки, на которых измельчалась руда. По внешнему виду они похожи на массивные зернотерки, но под бинокуляром заметны микрочастицы руды в порах камня. Для измельчения руды использовались шаровидные куранты, каменный молот (рис. 9, 8). Мелкие частицы металла, выявленные под микроскопом на одном из оселков в виде бруска, свидетельствуют о том, что он использовался для заточки металлических изделий.

Роговые и костяные изделия. Это мотыги, изделие для рыхления грунта, шилья, лощила, орнаментиры (табл. 5, 8–9), вотивные украшения (табл. 5, 3, 5, 10).

Роговые мотыги по форме лезвия разделяются на тесловидные, конусовидные и с диагонально расположенным лезвием (рис. 9, 48–50, 53). Уникальное роговое орудие найдено на одном из самых восточных раннетрипольских поселений Гребенюков Яр. Оно изучено Н.Н. Скакун, пришедшей к выводу, что роговой наконечник использовался для рыхления грунта и может рассматриваться как прообраз рала (Бурдо 1997: 21).

Проколки и шилья изготовлены из трубчатых костей. Орнаментиры для нанесения на посуду штампованного узора изготовлялись преимущественно из клыков кабана (табл. 5, 8, 9).

К ритуальным украшениям относятся составные части ожерелий – подвески из зубов оленя и/или их имитация из кости и костяные пронизки, а также костяные антропоморфные амулеты (табл. 5, 3, 5, 10).

В Александровке найдены медные бусы, входившие в комплекс вместе с антропоморфной бляхой (табл. 5, 1, 6), булавка и обломок четырехгранного стержня.

Керамика – наиболее многочисленная категория находок на раннетрипольских памятниках Северо-Западного Причерноморья. Для ее изготовления использовалась достаточно высококачественная формовочная масса с добавлением шамота и/или крупнозернистого песка. Грубая комковатая масса с крупными частицами отощителей применялась для изготовления крупных сосудов.

Обработка поверхности изделий достаточно разнообразна. Присутствует категория керамики (I) без какого-либо оформления и орнаментации с тщательно заглаженной поверхностью. Более распространена категория керамики (II), оформленной различными пластическими способами: орнаментом в виде барботина, ямками, или полностью шероховатая. Широко представлена керамика, сочетающая различные приемы декора: углубленные линии, каннелюры, оттиски штампа, прокраску (III). Применялся как восстановительный, так и окислительный обжиг керамических изделий.

Посуда характеризуется разнообразием форм. В определенной степени наблюдается корреляция морфологических особенностей со способами обработки поверхности сосуда, которые соответствуют трем выделенным категориям керамики (I–III). Формы посуды весьма разнообразны и избраны в качестве типообразующего признака. Наиболее распространенные формы-типы, имеющие ряд морфоло-

гических подтипов: горшки, миски, кубки, кувшины, кратеры, чаши на поддоне (фруктовницы), чаши на ножке (вазы), грушевидные (вазы) сосуды, крышки к ним, сферические сосуды, амфоры и сосуды с несколькими ручками, цедилки, ковши, черпаки.

Орнаментация посуды, рассматриваемая как стилистический признак, в целом соотносится с технологическими и морфологическими признаками. Сочетание технологических, морфологических и стилистических особенностей керамики образует устойчивые виды посуды, из которых складываются всевозможные варианты керамических ансамблей поселения или локально-хронологической группы. Декор сосудов характеризуется использованием различных технологических приемов, обеспечивающих традиционные устойчивые орнаментальные элементы и композиции, которые достаточно стабильны и не зависят от способов нанесения орнаментации.

Категория керамики (I) без орнаментации среди керамических комплексов раннетрипольских памятников Северо-Западного Причерноморья не многочисленна, но выразительна.

Категория керамики (II), оформленная различными пластическими способами, распространена достаточно широко. Наиболее типичный декор – опоясывающие сосуд единичные ряды из оттисков ногтя, пальца, ямки, пальцевые защипы. Встречаются сосуды, вся поверхность которых сплошь шероховатая, оформлена орнаментом, который получил обобщающее название барботин. Он характерен для горшков, иногда наблюдается на амфорах, грушевидных сосудах.

Различные рельефные детали в виде налепных валиков, фигур, шишечек, сосцевидных выступов иногда могут выступать как отдельные приемы декора, или как дополнение с рядами ямок и оттисков или защипов. Они типичны для горшков, встречаются на амфорах, кувшинах. На горшке из Александровки, плечики которого опоясывает ряд пальцевых вдавлений, размещены четыре рельефные фигуры, напоминающие букву «И». В Александровке и Сабатиновке II найдены фрагменты сосудов со спиральными фигурами того же типа. Рельефно выступающие ручки-уступы, пластические сосцевидные или другие различной формы выступы дополняют орнаментацию на сосудах.

Наиболее распространена богато орнаментированная керамика III категории. По способу декора выделяются такие основные варианты: прочерченные линии, врезной орнамент, каннелюры, оттиски штампа, прокраска, инкрустация углубленных элементов, которые могут быть самостоятельными видами орнамента, но чаще выступают в самых различных сочетаниях друг с другом.

Представление о том, что для Триполья А характерна керамика с углубленной орнаментацией, не совсем верна. Углубленный орнамент выступал основой, но во многих случаях дополнялся прокраской и инкрустацией, которые выполнялись после обжига посуды и поэтому плохо сохраняются. Таким образом, значительная часть керамики III категории была полихромной, а эффект полихромии создавался за счет сочетания разных цветов фона, прокраски между углубленными линиями и инкрустации их пастой.

Для керамики I варианта III категории с углубленным узором (III/I) характерно заполнение линий белой пастой и окрашивание фона красной охрой. В чистом виде, без использования других способов орнаментации, такой декор наиболее типичен для грушевидных сосудов (табл. 3, 11–12), мисок, встречается и среди других форм.

Врезной узор, заполненный белой пастой (III/II), встречается исключительно редко и только как дополнение к декору I варианта III категории. Единичные сосуды с элементами врезного орнамента происходят из Александровки, Тимкова, Слободки-Западной.

Керамика с каннелюрами (III/III) обычно лощеная. Широкого распространения не получила. Среди форм, украшенных исключительно каннелюрами встречаются грушевидные и сферические сосуды, вазы, черпаки.

Оттиски штампа (III/IV), чаще всего зубчатого, прямоугольного, редко круглого в сечении, заполняющего орнаментальные композиции, встречаются среди материалов Александровки и Тимково на грушевидных сосудах (табл. 3, 10, 15), вазах. Композиции из оттисков штампа, имитирующие врезную орнаментацию, отмечаются на единичных фрагментах керамики из поселения Нестоита IV. Наиболее типично использование в качестве дополняющих элементов линий из оттисков гребенчатого штампа. Встречаются также дополнения в виде единичных оттисков круглого штампа в виде ямок. Оттиски штампа заполнялись белой пастой, которая далеко не всегда сохранилась.

Прокраска (III/V) – нанесение красной или белой краски без сочетания с другими приемами орнаментации встречается исключительно редко. В качестве примера приведем роспись белой краской внутренней поверхности крышки из Александровки, которая снаружи украшена орнаментом из углубленных линий, заполненных белой пастой в сочетании с фоном, окрашенным красной краской (табл. 3, 11).

Наиболее типичной стилистической чертой керамических ансамблей раннетрипольских поселений является обилие керамики III категории, в узорах которой на одном сосуде сочетаются I, III, IV, V варианты способов орнаментации и инкрустация (табл. 3).

Преобладают четырехчастные динамичные композиции, вращающиеся вокруг центра, образованного устьем или дном сосуда. При проекции в плане среди орнаментальных схем преобладают изображения креста, свастики, ромбы, круги, овалы, сегменты, спиралевидные мотивы. Они выступают как отдельные элементы, или как варианты орнаментальных композиций и их деталей, являются сюжетами орнамента (Бурдо, Видейко 1984).

Антропоморфная пластика среди материалов раннетрипольских поселений достаточно широко представлена в Александровке (107 фигурок), Сабатиновке II (53), Тимково (21), а на остальных поселениях найдены единичные экземпляры. В крупных коллекциях присутствуют обычно как антропоморфные терракоты, так и керамические стульчики-троны.

Фигурки и терракотовые стульчики вылеплены из той же тонкоструктурной глины с добавками очень мелко дробленого шамота, что и керамика. Пористость формовочной массы свидетельствует о наличии выгоревших органических примесей. Отмечены отпечатки зерновок.

Сломы на пластике позволяют предполагать несколько способов лепки фигурок. Часть из них моделировалась из одного куска глины. Кроме того, зафиксирован наиболее распространенный способ сбора статуэтки из трех частей: торса и нижней части, слепленной из двух вертикальных половинок. Фигурки, полностью слепленные из двух вертикальных половинок, встречаются редко.

Поверхность фигурок покрывалась очень тонким выравнивающим слоем облицовки из чистой жидкой глины, заглаживалась, лощилась. Некоторые детали статуэток подчеркивались углубленной линией. Большинство фигурок лишено

какого-либо узора. Однако серия терракот из Сабатиновки II и отдельные находки из Гребенюкова Яра позволяют утверждать, что статуэтки по всей поверхности сплошь покрывались довольно густым слоем белой краски (табл. 4, 1, 5). Следы белой пасты в углубленных линиях прослеживаются во всех коллекциях пластики. Кроме того, установлено, что по этой белой облицовке на статуэтках из Сабатиновки II нанесена спиралевидная роспись красной краской. Раскраска фигурок, очевидно, производилась уже после их обжига, минеральные красители без закрепляющей органической основы, применяемой при росписи трипольской посуды, почти не сохранились до наших дней на большинстве экземпляров. Фигурки из Сабатиновки II побывали в пожаре дома, благодаря этому роспись на них частично сохранилась. Вероятно, неорнаментированные статуэтки были окрашены белой краской и/или украшены красным узором по белой облицовке. Именно этот тип терракот преобладает в коллекциях памятников Триполья А Северо-Западного Причерноморья. Кроме того, есть статуэтки, украшенные углубленным узором (табл. 4, 4, 10, 12, 13, 15). В Александровке в желобках углубленного орнамента сохранились следы белой пасты, а ленты орнаментальных композиций между желобками орнамента на одной из фигурок окрашены в красный цвет (табл. 4, 12–13). Вероятно, после обжига углубленный узор дополнялся раскрашиванием и статуэтки становились полихромными, белый рисунок наносился на красный фон.

Наиболее представительна пластика поселения Александровка (Зиньковская 1976). Самый многочисленный тип – статуэтки без орнаментации, позу которых можно интерпретировать как стоящую, слегка склоненную вперед (табл. 4, 6). Углубленной линией разделены слитно вылепленные ноги и подчеркнут живот. Наиболее схематично моделированные фигурки с конусовидной нижней частью, слабо выраженной стеатопигией, соотношение объема талии и ширины бедер приблизительно 1/2, объема бедер и высоты соотносится как 1/2, 3. Менее условно моделированные фигурки снабжены «птичьей» головкой, на которой показаны детали лица или только нос. Грудь передана маленькими выпуклыми налепами или не моделирована, иногда маленьким наколом отмечен пупок. Фигурки этого подтипа более пышнотелые, с подчеркнутой стеатопигией. Соотношение талии и бедер 1/2,5–1/3, ширина бедер и высота соотносятся 1/2. В сечении торсы статуэток полуовальные, выпуклые впереди и плоские сзади. Выделяются статуэтки с раздельно моделированными ногами.

Особый тип характеризуется стоящими склоненными фигурками с раздельными ногами, орнаментированными короткими углубленными штрихами. На спине такой фигурки углубленными линиями нанесен знак, напоминающий гребенку. Соотношение верхней и нижней части таких статуэток приблизительно 1/1. Вероятно, статуэтки этого типа моделировались из двух вертикальных половинок.

Орнаментированные стоящие статуэтки отличаются более крупными размерами, более прямой позой, стройностью фигуры. Соотношение между верхней и нижней половиной составляет 1/1.

Статуэтки в сидящей позе, декорированные углубленным орнаментом, изображают сидящую фигуру с откинутым назад торсом. Ноги моделированы слитно, часто выпуклыми налепными бугорками подчеркнуты колени. Подчеркнута стеатопигия. Встречаются сидящие фигурки с раздельно вылепленными ногами (табл. 4, 11), которые орнаментированы короткими углубленными штрихами. Иногда ноги согнуты в коленях.

Особое внимание привлекает один из древнейших экземпляров трипольской антропоморфной пластики с реалистическими чертами из Александровки (табл. 4, 14) (Бурдо 2010).

Предельно схематические антропоморфные фигурки представлены отдельными находками.

Терракотовые модели стульчиков-тронов связаны с антропоморфной пластикой, их находят обычно в комплексе с фигурками, однако никогда количество статуэток и стульчиков, найденных вместе, не совпадает, сидений не хватает для всех фигурок. Модели стульчиков можно рассматривать не только как инвентарь, сопровождающий антропоморфную пластику, но и как самостоятельные культовые предметы, связанные с довольно широким кругом сакральных образов.

Наибольшее количество стульчиков происходит с поселений Александровка (табл. 5, 13, 15), Сабатиновка II (табл. 5, 17), Тимково (табл. 5, 18–21, 24). Размеры стульчиков колеблются от очень маленьких, с сиденьем диаметром 1 см до более крупных – до 5 см. Из Сабатиновки II происходит модель стульчика, сочетающая антропоморфные и зооморфные черты. Спинка моделирована таким образом, что напоминает одновременно торс типичной женской статуэтки с коническими выступами вместо рук, но завершается рогами, что придает изделию зооморфные черты. Подчеркнуто увеличенный живот с обозначенным наколом-пупком передает образ беременной.

Ко второму типу относятся модели стульчиков-тронов на четырех ножках и со спинками в виде перекладин. По форме сиденья выделяются изделия с квадратным сиденьем с закругленными углами и чашевидным углублением в центре; с круглым сиденьем, которое по форме напоминает неглубокую чашу. Такие стульчики известны в Александровке и Тимково.

Памятники Триполья В I. Поселения этапа В I в Северо-Западном Причерноморье немногочисленны. В бассейне Днестра известен лишь один пункт – Слободка-Лесничество (Бурдо 1984).

Совершенно обособленно выглядят немногочисленные находки Триполья В I в с. Мирное, Килийского р-на. Этот пункт, расположенный в степной зоне и достаточно далеко удаленный на юго-запад от трипольских земель, примыкает к территории, занятой населением Болград-Алдени. Трипольский материал собран на поверхности, а также происходит из разрушенного котлована (Бурдо, Станко 1981: 17–20).

В Среднем Побужье расположены памятники Триполья В I Сабатиновка I и Березовская ГЭС (Березовка), выделенные Е.К. Черныш в сабатиновский тип. На них проведены раскопки на достаточно широкой площади, но материалы практически не введены в научный оборот. В последние десятилетия в притоках Южного Буга обнаружено еще ряд памятников сабатиновского типа (Пересунчак 2012). В среднем течении Южного Буга упоминается три памятника Триполья В I, известные по разведочным данным (Мисютинский 1988: 20–23). Аналогичные материалы выявлены на стоянках буго-днестровской культуры, исследованных В.Н. Даниленко, в том числе местонахождения на Базьковом Острове и Сокольцы-Полижок (Бурдо 1998).

Поселения сабатиновского типа приурочены к берегу реки. Сабатиновка I занимала надпойменную террасу левого берега высотой от 3 до 15 м над водой в месте впадения р. Синица в Южный Буг. Поселение Березовская ГЭС расположено на плато высокого левого берега Южного Буга.

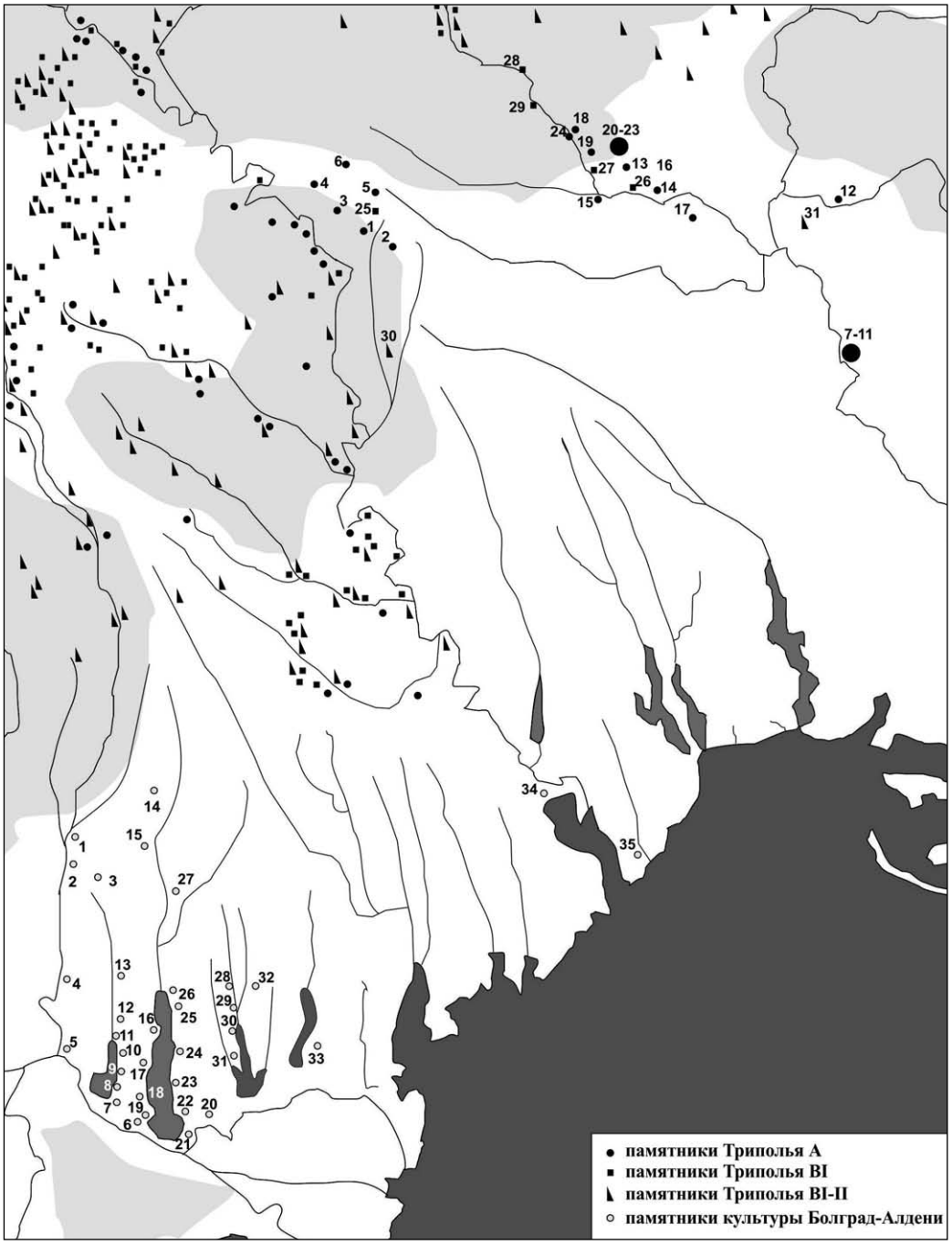


Рис. 7. Карта памятников эпохи раннего-среднего энеолита

Поселения трипольской культуры (Триполье А – В I-В II): 1 – Нестоита II; 2 – Нестоита IV; 3 – Александровка; 4 – Тимково; 5 – Слободка-Западная; 6 – Партизанские Конюшни; 7 – Гард; 8 – Гард III; 9 – Гард IV; 10 – Пугач I; 11 – Пугач II; 12 – Миколина Брояка; 13 – Сабатиновка II; 14 – Греновка; 15 – Саврань; 16 – Данилова Балка; 17 – Красненькое; 18 – Гайворон; 19 – Гайворон-Полижок; 20 – Могильна I; 21 – Могильна II; 22 – Могильна III; 23 – Могильна IV; 24 – Чернятка; 25 – Слободка-Лесничество; 26 – Сабатиновка I; 27 – Березовская ГЭС; 28 – Базьков-Остров; 29 – Сокольцы-Полижок; 30 – Перликань (с. Алексеевка Краснооктянского р-на р.Тростянец); 31 – Ташлык II
Поселения культуры Болград-Алдени: 1 – Кокора; 2 – Кокора II; 3 – Верхние Андруши; 4 – Колибаш; 5 – Рени; 6 – Новосельское II; 7 – Картал (Орловка I и II); 8 – Нагорное II; 9 – Ренийский II; 10 – Этулия VI; 11 – Этулия V; 12 – Этулия II; 13 – Вулканешты II; 14 – Лопацика; 15 – Чалык III; 16 – Владычень VIII; 17 – Плавни IV; 18 – Плавни I; 19 – Новосельское I; 20 – Матроска; 21 – Ново-Некрасовка I; 22 – Ново-Некрасовка II; 23 – Озёрное II; 24 – Озёрное; 25 – Болград II; 26 – Болград; 27 – Тараклия I; 28 – Новокаменка IV; 29 – Утконосовка II; 30 – Утконосовка I; 31 – Утконосовка; 32 – Суворово VI; 33 – Омарбия; 34 – Паланка; 35 – Грибовка IV

Недостаточная изученность памятников не позволяет делать выводы о размерах поселений и планировке. Во всяком случае они были небольшими. Известно, что площадь Березовской ГЭС составляла 10 га (Цвек 2006: 13).

В Березовской ГЭС раскопаны площадки – скопления обожженной глиняной обмазки с примесью мякины и отпечатками деревянных конструкций в нижней части в сочетании с различным инвентарем, которые являются конструктивными частями наземных построек с использованием глиняной обмазки деревянных деталей. Исследователи памятника В.П. Цыбесков (Цыбесков 1971) и Е.В. Цвек выделяют несколько строительных горизонтов, но не приводят конкретных данных ни о стратиграфии поселения, ни о конструкции построек. Упоминается о наличии в верхнем слое площадок «Г»-образной формы и о наземных постройках с углубленной частью (Цвек 2006: 13–14), отмечается наличие ям и углублений (Цыбесков 1975).

В процессе исследования поселения Сабатиновка I в обрыве берега отмечены следы наземных глинобитных построек (площадок). Раскапывался культурный слой памятника, непосредственно залегавший под намывным слоем на глубине 1,6 м от современной дневной поверхности. Мощность культурного слоя 0,2–0,35 м. Он состоял из чернозема вперемешку с песком и золистыми пятнами. Отмечены огромные скопления раковин *Unio* по 4000–5000 штук и большое количество фрагментов трипольской керамики, костей животных, орудий из рога, кремня. Т.С. Пассек интерпретирует изученный в Сабатиновке I культурный слой как остатки отбросов, скопившихся рядом с поселением (Пассек 1949: 48).

Производственный инвентарь. Большинство каменных изделий с поселений сабатиновского типа изготовлено из местных пород гранита и кварцита. Среди них растиральники, зернотерки, абразивные камни, топоры, долота.

Кремневые изделия немногочисленны, изготовлены из местного кремня, который отличается невысокими техническими свойствами. Среди изделий из кремня нуклеусы, отщепы, пластины, скребки, проколки, треугольные наконечники стрел. Из раскопок в Сабатиновке 1 происходит трапеция (Kiosak 2009).

Среди изделий из кости преобладают шилья. Найдены роговые мотыги и зубчатые орнаментиры из клыка кабана для нанесения штампованного орнамента (рис. 9, 52).

В Березовской ГЭС найден медный топор-молот (табл. 7, 6; рис. 9, 44), в Сабатиновке I обнаружено 6 медных шильев.

Керамика. Технологические особенности керамики поселений сабатиновского типа отчасти совпадают с характерными для посуды Триполья А. Для изготовления наиболее массовой категории керамики использовалась глина с добавлением шамота и/или крупнозернистого песка. Зафиксировано также незначительное количество фрагментов керамики с примесью толченой раковины. Совершенно новой технологической группой является тонкостенная расписная посуда (табл. 7, 9, 11) из мелкоструктурной, весьма высококачественной формовочной массы без видимых примесей, которая, вероятно, изготовлялась из речного ила. Цвет черепка розовый или красный. Для росписи использовались красная, белая, редко черная минеральные краски, соединенные с органическим наполнителем. Роспись наносилась на ангобированную поверхность сосуда перед обжигом. Изделия тщательно лощились. Предполагается, что расписная посуда на поселениях сабатиновского типа является преимущественно импортной (Цыбесков 1975) и попадала сюда из Пруто-Днестровского региона и Прикарпатской Молдовы. Широко представлена керамика, богато декорированная узором, сочетающим разные приемы орнаментации. Значительна часть сосудов с высококачественным лощением. Характерной чертой обработки поверхности керамики III категории памятников сабатиновского типа является прокраска достаточно густым слоем красной, редко белой краски как внешней, так и внутренней поверхности сосудов (табл. 8, 8). Обжиг керамики всех категорий хороший. Цвет черепков керамики всех групп, кроме расписной, варьирует в серо-черных или желтых тонах, для них зафиксирован восстановительный и окислительный обжиг.

Морфологические особенности керамики поселений сабатиновского типа характеризуются разнообразием керамических форм. Наблюдается корреляция морфологических особенностей с технологическими, а именно со способами обработки поверхности сосуда, которые соответствуют четырем выделенным категориям керамики. Формы посуды разнообразны, часть из них соответствует раннетрипольской традиции, другие являются результатом инноваций. Наиболее распространенные формы-типы: горшки (табл. 6, 12, 16, 17; 8, 12), миски (табл. 6, 10; 7, 8), кубки (табл. 6, 6), кратеры, чаши на поддоне (фруктовницы) (табл. 6, 10; 7, 8; 8, 8), чаши на ножке (вазы), грушевидные (вазы) сосуды, крышки к ним (табл. 6, 7; 7, 10). Характерным ритуальным керамическим изделием являются столики-алтари (табл. 6, 2) и пустотелые воронковидные изделия (барабаны?) (табл. 6, 13).

Стилистические особенности керамики соотносятся с технологическими и морфологическими признаками. Для декора керамики III категории характерно сочетание использования различных технологических приемов, которые создают традиционные устойчивые орнаментальные элементы и композиции.

Категория керамики без орнаментации (I) среди керамических комплексов памятников сабатиновского типа представлена немногочисленными сосудами (табл. 7, 7).

Категория керамики (II), оформленная различными пластическими способами распространена достаточно широко (табл. 7, 2–3). Среди пластических приемов орнаментации самыми распространенными являются опоясывающие сосуд единичные ряды из оттисков пальца, ямок разной формы, характерные для горшков. В особый тип можно выделить крупный горшок с чашевидным туловом на поддоне. Он украшен семью рельефными «Ж»-образными фигурами – стилизованными орантами.

Встречаются сосуды, вся поверхность которых сплошь шероховатая, покрыта пальцевым барботином, иногда со всевозможными выступами. Различные рельефные детали в виде налепных валиков, фигур, шишечек, сосцевидных выступов могут выступать как отдельные приемы декора. Наиболее широко они использовались как дополнение с рядами ямок при орнаментации горшков.

Необходимо подчеркнуть, что небольшое количество фрагментов керамики с примесью раковины ни морфологически, ни по стилистическим признакам не отличается от основной массы посуды II-ой категории[1].

Керамика, богато украшенная различными приемами углубленной орнаментации относится к III категории. В зависимости от способа декора выделяются такие основные варианты: углубленные линии (III/I), каннелюры (III/III), оттиски штампа (III/IV), прокраска (III/V), инкрустация – заполнение краской оттисков штампа и углубленных линий, которые могут быть самостоятельными видами орнамента, но чаще выступают в различных сочетаниях друг с другом. Для керамики III категории памятников сабатиновского типа характерно сочетание прокраски и инкрустации с другими способами орнаментации. Значительная часть керамики III категории была полихромной. Эффект полихромии создавался за счет прокраски поверхности между углубленными линиями и инкрустации их пастой, либо формированием лощеных зон черного цвета с деталями матового красного. Краска наносилась после обжига и часто бывает утрачена.

При проекции в плане среди орнаментальных схем на посуде памятников сабатиновского типа преобладают изображения креста, свастики, ромба, встречаются пятичастные композиции.

Для керамики I варианта III категории с углубленным узором (III/I) характерно заполнение линий белой пастой (табл. 6, 7) и окрашивание фона красной охрой. В чистом виде, без использования других способов орнаментации, такой декор наиболее типичен для грушевидных сосудов, мисок, фруктовниц.

Керамика с каннелюрами обычно лощеная. Наиболее характерно сочетание каннелюр с оттисками гребенчатого или круглого штампа, который подчеркивает каннелюру или расположен по гребню каннелюры. Кроме того, в орнаментальных композициях большую роль играли всевозможные группы ямок, образованных оттисками круглого штампа (табл. 6, 8–10, 12, 16, 17; 7, 12). Типично совместное сочетание в декоре разных приемов орнаментации. Наиболее распространено для горшков. В коллекции материалов из Березовской ГЭС (Завалье), полученной В.Н. Даниленко и М.Л. Макаревичем (Колекції… 2007: 66) выделяются два фрагмента керамики, которые, несомненно, являются «импортами» с территории Поднестровья (табл. 6, 14–15).

Для орнаментальных композиций из прочерченных линий на грушевидных сосудах, горшках, фруктовницах наиболее характерны спиральные змеевидные композиции. Распространено стилизованное изображение головы змеи. Орнаментальные композиции четырехчастные или двухчастные. Среди наиболее часто встречающихся элементов орнамента круги, овалы, сегменты, отрезки спирали, геометрические композиции, образованные чаще всего оттисками штампа.

---

[1] Многочисленная керамика с примесью раковины и расчесами по поверхности, упоминаемая в работе Т.С. Пассек при описании комплекса Сабатиновки I (Пассек 1949: 50) как трипольская, в действительности связана со слоем эпохи бронзы.

Посуда с полихромной росписью, соотносимая с керамикой Кукутень А 3, наиболее полно представлена среди материалов Сабатиновки I. Для росписи использовались белая, красная, черная краски. Среди форм выделяются кубки и горшки с плавным профилем. Роспись покрывает всю поверхность сосуда и состоит из спиралевидных композиций.

Антропоморфная пластика на памятниках сабатиновского типа представлена небольшим количеством статуэток. Известны стоящие фигурки двух типов с углубленным декором и без орнамента.

Статуэтки, украшенные спиральным углубленным узором, отличаются ярким своеобразием среди трипольской антропоморфной пластики этапа В I. Фигурки стройные, вытянутых пропорций, с плоским удлиненным торсом, неширокими бедрами, сильно выступающими ягодицами, коническими слепленными слитно ногами (табл. 6, 5; 7, 1, 4). В некоторых экземплярах наблюдается вертикальное отверстие в нижней части, которое позволяло насаживать фигурку на стержень и устанавливать вертикально (табл. 7, 1, 4). Голова передана в виде конического выступа (табл. 6, 4). Груди моделированы в виде крошечных плоских налепов или отсутствуют. Орнамент по композиции в целом близок раннетрипольскому и покрывает всю поверхность фигурки.

Аналогии статуэтки сабатиновского типа находят в терракоте раннего Триполья и памятниках Кукутень А.

Памятники Триполья В I-В II в Северо-Западном Причерноморье представлены немногочисленными материалами с памятников разных локально-хронологических групп, известных только по разведкам. Поселение Перликань расположено в долине р. Тростянец, притока р. Ягорлык в бассейне Днестра. Оно было застроено глинобитными домами. Среди найденных фрагментов присутствуют категории с пластической орнаментацией (II), типичной для раннетрипольских комплексов, расписной полихромной керамики (IV) (табл. 8, 8–9), керамики с прочерченным орнаментом (III) (табл. 8, 10–11), категория комбинированной орнаментации (V), когда снаружи и внутри одного сосуда сочетаются разные (IV и III) способы орнаментации (Кравченко 1960). Поселение относится к памятникам солонченского типа (Виноградова 1983: 61).

Поселение Лабушное-Сад также расположено на левобережье Днестра, в бассейне р. Молокиш. Его площадь около 10 га, прослеживается два круга жилищ. Собранные на поверхности фрагменты керамики происходят преимущественно от толстостенных сосудов с широкожелобчатым прочерченным орнаментом, а также от сосудов, расписанных черной краской. Своеобразные черты керамики из Лабушного-Сад позволяют предположить, что оно относится к локально-хронологической группе памятников днестровского левобережья, соседствующей с солонченским типом, для керамической традиции которых характерно сохранение прочерченного орнамента.

На левобережье Южного Буга отдельные фрагменты расписной керамики периода Триполье В I-В II найдены в Мельничной Круче возле с. Сабатиновка (табл. 8, 1–4). В культурном слое стоянки Ташлык II присутствуют фрагменты от расписной амфорки с лицевым орнаментом (табл. 8, 5) и обломки сосудов с примесью раковины, один из них с оттисками шнура (табл. 8, 6–7). Возможно, эти материалы могут быть связаны с памятниками типа Клищев.

Памятники Триполья В II в Северо-Западном Причерноморье представлены немногочисленными поселениями в Днестро-Бугском междуречье и Побужье. Памятники в бассейне р. Кодыма относятся к двум последовательным фазам. С началом этапа В II связаны поселения Немировское и Станиславка (Видейко 1994: 18–25; Видейко 2010), а Кринички, Корытное (Гамченко 1926) и Бендзары датируются более поздним временем. Эти поселения образуют кодымскую локально-хронологическую группу Триполья В II, входящую в раковецкий вариант.

Поселения небольших или средних размеров (от 5 до 40 га) расположены обычно на довольно высоких склонах балок или мысах, реже на пологих склонах. Самое крупное из известных – поселение у с. Немировское. Оно занимает площадь около 40 га на высоком склоне второй надпойменной террасы р. Кодыма, ограниченном с двух сторон балками. Планировка поселения круговая, постройки располагались в 4–5 м друг от друга. Две из них частично раскопаны и представлены строительными остатками в виде скоплений кусков обожженной глины – площадок. В глине прослеживается обильная примесь половы. Мощность залегания составляла от 10 до 30 см, на нижней стороне комьев глины фиксируются отпечатки колотого дерева, которые ориентированы, преимущественно, вдоль короткой стороны дома. Находки обнаружены среди строительных остатков обеих построек. Развалы сосудов найдены на слое обожженной глины. В жилище 2 обнаружены остатки очага, сооруженного на слое обмазки. Он состоял из небольшого слоя глины без примесей, толщиной до 5 см, уложенного на вымостку из черепков, и был окружен невысоким глиняным бортиком (высота бортика 5–8 см, толщина – 6–10 см). Вблизи очага обнаружено скопление развалов разнотипных сосудов – мисок, крышек, биконических зерновиков, которые подверглись весьма сильному повторному обжигу. Рядом с жилищем 2 обнаружена яма шириной 1,2 м, глубиной от трипольского горизонта 1,8 м. Интенсивное заполнение состояло из многочисленных фрагментов керамики, комьев обмазки, костей животных. Кроме описанных объектов на склоне обнаружен культурный слой трипольского поселения, содержавший фрагменты керамики и кости животных.

Поселение Станиславка расположено на окраине с. Гольма-Вторая. Небольшое по площади – 4 га оно занимает пологий склон, спускающийся к р. Кодыма. Памятник сильно разрушен. Обнаружены следы 14 глинобитных домов в виде площадок. Частично раскопано два из них и одна яма. Строительные остатки представлены скоплениями обожженной глины с растительной примесью и отпечатками дерева. Развалы сосудов зафиксированы как на слое обожженной глины, так и под ним. Обнаружена яма шириной 1,2 м, глубиной от трипольского горизонта 1,8 м. Заполнение состояло из многочисленных фрагментов керамики, костей животных, отдельных обломков каменных изделий.

Орудия труда в Немировском и Станиславке единичны. К ним относятся обломки зернотерок и обработанные рога (рис. 9, 50).

Керамика – наиболее многочисленная категория находок на памятниках кодымской группы. Технологические характеристики позволяют выделить несколько категорий керамики.

Для изготовления большинства сосудов использовалась высококачественная формовочная масса из хорошо отмученной мелкоструктурной глины, вероятно ила, с примесью песка, следами органики, в редких случаях добавлялся мелкотолченый шамот. Цвет черепка варьирует в красных тонах. Сосуды из такой массы подверга-

лись высококачественному окислительному обжигу. Поверхность тщательно заглажена, покрыта красным, желтым или белым ангобом, расписана, залощена (IV категория керамики). Из аналогичной массы изготовлялась и категория керамики без орнаментации (I), а также сосуды с прочерченным орнаментом (III). Широкие глубокие желобки прочерченного орнамента инкрустированы белой пастообразной краской, фон прокрашен коричневой или красной краской. В отдельную категорию (VII) выделяется керамика из комковатой массы с примесью толченой раковины, крупнозернистого песка или других крупных примесей, найденная в незначительном количестве. Поверхность сосудов оформлена полосчатым сглаживанием, прочерченными линиями и налепными деталями. Посуда с примесью раковины отличается пористым черепком и низкотемпературным обжигом.

Морфологические особенности посуды памятников кодымской группы характеризуются разнообразием форм расписной керамики (табл. 8, 12, 16–22). На основании материалов поселений Немировское и Станиславка выделяется 8 основных форм–типов. Миски конические с росписью на внутренней поверхности и полусферической формы, расписанные внутри и снаружи; кубки преимущественно биконической формы; амфоры с округлым туловом (табл. 8, 12), высоким горлом, высоким воронковидным венчиком, небольшими ручками; биконические сосуды; кратеры; грушевидные сосуды; крышки различной высоты шлемовидной формы; биноклевидные сосуды (табл. 8, 20).

Среди категории керамики с прочерченным орнаментом (III) выделяется только два типа: толстостенные грушевидные сосуды-зерновики (табл. 8, 13) и конической формы крышки к ним (табл. 8, 24). Керамика с примесью раковины или песка (VII) представлена только одной формой – широко открытым горшком с высоким прямым или отогнутым венчиком. Керамика без орнаментации (I) представлена полусферическими мисками (табл. 8, 23).

В керамических комплексах памятников кодымской группы преобладает керамика, расписанная монохромным узором, нанесенным черной или темно-коричневой краской. Реже встречается бихромная роспись, для которой выделяется два варианта: черная обводка элементов красного цвета и черные фигуры в сочетании с тонкими красными линиями. Кроме того, в Станиславке отмечены единичные фрагменты керамики с росписью белыми полосами. Среди орнаментальных схем наиболее распространена лицевая, характерная для биконических, биноклевидных сосудов и крышек. На мисках зафиксированы схемы с использованием овалов и полуовалов.

Керамика с примесью раковины или песка орнаментирована вертикальными расчесами по венчику. Дуговидные композиции из прочерченных линий расположены на плечиках. На краю венчика зафиксированы налепы-жемчужины. В Немировском найдено два фрагмента с оттисками шнура (табл. 8, 14).

Антропоморфная пластика представлена на памятниках кодымской группы единичными находками фрагментов статуэток на ранних памятниках (табл. 10, 3). Большая коллекция антропоморфной пластики происходит из поселения Кринички и опубликована А.П. Погожевой (Pogoševa 1985: 197–198).

К особому типу относится крупная статуэтка с массивным туловом, на столбчатой ножке, передающая стоящую слегка склоненную фигуру, возможно одетую в юбку. Часть схематизированной склоненной фигурки с моделированными руками и сидящая реалистическая статуэтка (табл. 10, 4) передает образ Мадонны.

Реалистическая пластика представлена находкой головки крупной статуэтки. Мужская фигурка относится к схематическим изображениям.

Памятники кодымской группы предшествуют поселениям чечельницкой группы этапа С I и вероятно являются ее генетической подосновой.

Памятники Триполья С I. Финальные памятники этапа Триполья В II и наиболее ранние Триполья С I в Днестро-Бугском междуречье известны только по разведкам и потому трудно различимы. Они входят в чечельницкую локально-хронологическую группу этапа С I (Косаківський 2004а: 608–609), распространенную на левобережье Днестра, в междуречье Днестра и Южного Буга, на правых притоках Южного Буга – Савранке и Кодыме. Кроме того, по обоим берегам Южного Буга и в Степном Побужье отмечены отдельные пункты с находками керамики небелевской и томашевской групп.

К чечельницкой группе по данным разведок относится около 50 памятников. Наиболее изученными являются поселения Черкасов Сад II, Чечельник – ранние (Патокова и др. 1989; Косаківський 2004), Стена IV, Кирилловка, Белый Камень – поздние (Зиньковский, Полищук 1980; Макаревич 1940; 1960).

Поселения расположены группами до пяти памятников на расстоянии 1,5–2 км друг от друга, занимают высокие места на склонах балок, мысов, надпойменных террас. Большинство поселений небольших размеров, площадь памятников составляет 1–3 га, 6–15 га, выделяются крупными размерами поселения Чечельник – 72 га, Стена 4 – 100 га. Для небольших поселков характерна застройка несколькими параллельными рядами, а для крупных – круговая планировка из 2–3 концентрических кругов или овалов.

Преобладают глинобитные жилища средних размеров. Длина построек в пределах 7–16 м, ширина от 3–6 м. Жилища на поселении Черкасов Сад II были прямоугольными в плане, двухэтажными или с чердаком, разделялись на две-три камеры. В жилище № 1 обнаружена печь, свод которой вылеплен ленточным способом. В помещениях первого и второго этажа зафиксированы глиняные возвышения, прямоугольные, реже круглые в плане. В жилище № 2 найдено скопление керамических оттяжек от вертикального ткацкого станка. В постройках обнаружены развалы сосудов, находившиеся в помещениях первого и второго этажей.

В домах и рядом с ними обнаружены углубления разного размера, формы и глубины, заполнение которых содержало золистые скопления, комья обожженной глины, фрагменты керамики, пластики, кости животных, обломки каменных орудий. Вероятно, в конечном итоге все эти углубления были использованы для ритуальных целей, часть является культовыми ямами. Стратиграфия памятника свидетельствует о наличии на нем двух строительных горизонтов.

Производственный инвентарь на памятниках чечельницкой группы немногочислен, но разнообразен.

Кремневые изделия и отходы производства, преимущественно из днестровского сырья, представлены единичными экземплярами нуклеусов, отбойников, ножевидных пластин, скребков, сверл, топоров, отщепов и мелких осколков. Наиболее многочисленные кремневые находки происходят из скопления культурных остатков между жилищами поселения Стена IV. Из 92 кремневых предметов 14 – топоры, 3 – отбойники, 5 – скребки, 1 – нуклеус, 16 – пластины и их фрагменты, 53 – отщепы. Находки на поселениях кремневых желваков, обломков нуклеусов, отщепов и осколков кремня без следов вторичной обработки позволяет утверждать, что, по

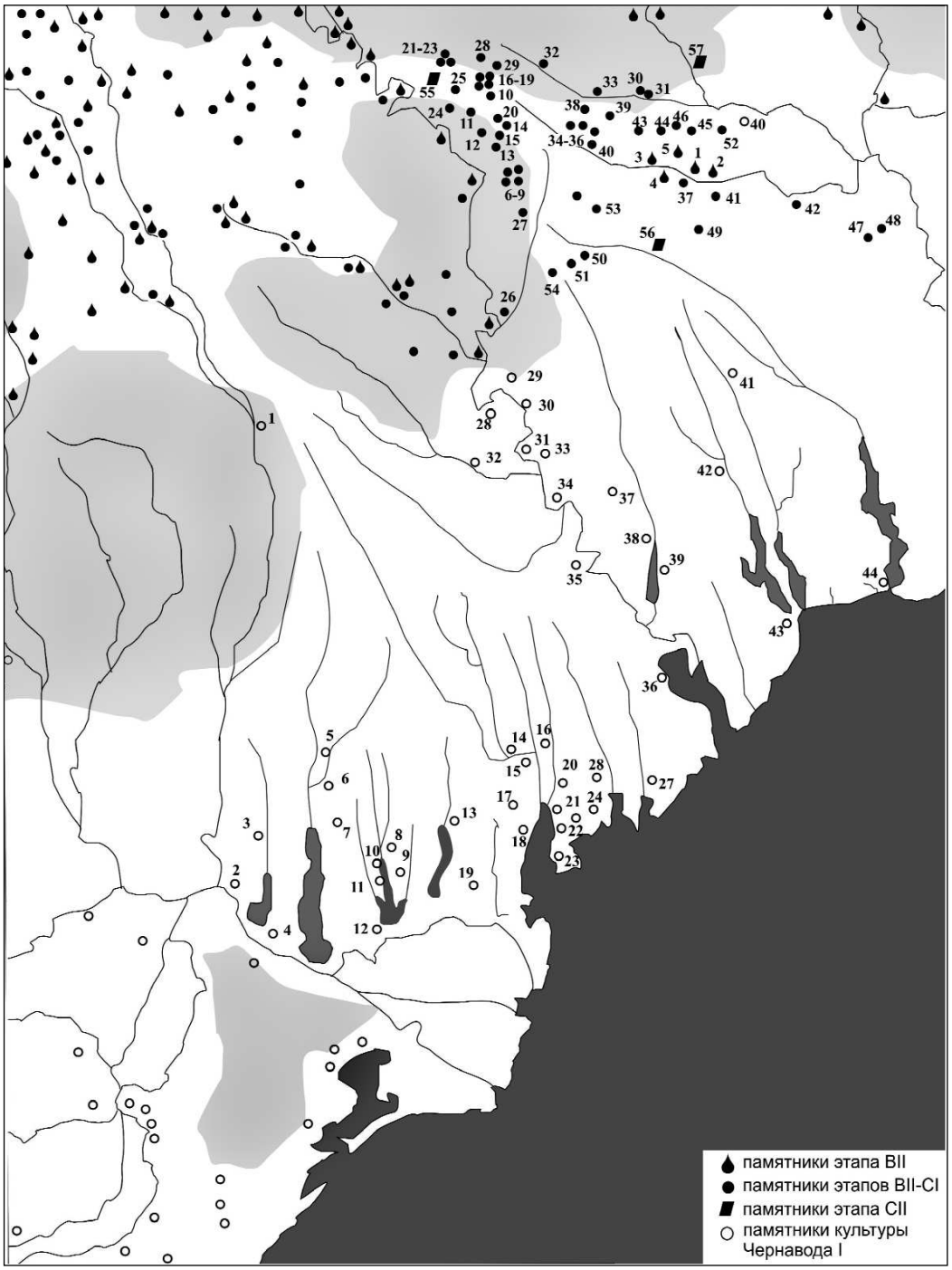


Рис. 8. Карта памятников эпохи среднего-позднего энеолита

Поселения трипольской культуры (Триполье В II-С II): 1 – Немировка; 2 – Станиславка; 3 – Бендзары; 4 – Кринички; 5 – Корытное; 6 – Черкасов Сад I (Кирилловка); 7 – Черкасов Сад II; 8 – Кирилловка; 9 – Кирилловка-поле; 10 – Лысогорка (Лабушное); 11 – Саввова Криница (Круты); 12 – Семёновка I; 13 – Семёновка II; 14 – Александровка-Крутянская I; 15 – Александровка-Крутянская III; 16 – Кодыма III; 17 – Кодыма IV; 18 – Кодыма V; 19 – Жолобе (г. Кодыма); 20 – Стрымба; 21 – Сербы II; 22 – Сербы III; 23 – Калиновка-Лысая Гора (Сербы); 24 – Шершенцы; 25 – Грабово; 26 – Ягорлык; 27 – Гонората I; 28 – Ивашково IX; 29 – Ивашково-Сад; 30 – Песчана II; 31 – Песчана III; 32 – Чечельник; 33 – Белый Камень; 34 – Барсуки II; 35 – Барсуки III; 36 – Барсуки IV; 37 – Широчене (Перелёты); 38 – Ефтодия; 39 – Придачин Яр (с. Обжилое); 40 – Еленовка; 41 – Погребы; 42 – Познанка; 43 – Чернече III; 44 – Грабовский Яр (Саражинка); 45 – Шляховая I (Пужайково); 46 – Ухожаны; 47 – Чичиклея; 48 – Чичиклея II; 49 – Боково; 50 – Гандрабуры; 51 – Чапаевка V; 52 – Гетьмановка I; 53 – Пасицелы; 54 – Фёдоровка; 55 – Калиновка-Сербы; 56 – Майнова Балка; 57 – Солгутово-Остров

Памятники культуры Чернавода I в Северо-Западном Причерноморье (тип Хаджидер): 1 – Сэрэтень, 2 – Рени, 3 – Гэвэноаса, 4 – Картал (Орловка), 5 – Казаклия, 6 – Тараклия, 7 – Кубей, 8 – Новокаменка, 9 – Суворово I, 10 – Каменка, 11 – Утконосовка, 12 – Богатое, 13 – Холмское, 14 – Арциз, 15 – Павловка, 16 – Сарата, 17 – Баштановка, 18 – Глубокое, 19 – Парапоры, 20 – Белолесье, 21 – Новоселица, 22 – Траповка, 23 – Вишневое, 24 – Лиман, 25 – Кочковатое, 26 – Хаджидер, 27 – Широкое, 28 – Коржова, 29 – Красное, 30 – Буторы, 31 – Спея, 32 – Рошкань, 33 – Красногорка, 34 – Терновка, 35 – Талмаз, 36 – Семеновка, 37 – Никольское, 38 – Новокотовск, 39 – Лиманское, 40 – Дубиново, 41 – Ревова, 42 – Катаржино, 43 – Одесса-Слободка Романовка, 44 – Кошары

крайней мере, часть изделий изготовлялась на месте. Основным типом орудий были скребки. Заготовками для них служили пластины или отщепы овальной, стреловидной или округлой формы. Скребки на пластинах встречаются реже, эти изделия, как правило, являются полифункциональными, сочетая функции скребка и скобеля. Концевые скребки на пластинах имеют выпуклый рабочий край, их лезвие оформлено со спинки крупной ретушью.

Режущими орудиями были пластины с ретушью или без ее следов. Среди пластин с ретушью выделяются массивные утолщенные изделия с крупной ретушью и тонкие небольшие с мелкой ретушью вдоль одного или обоих краев. Пластины без ретуши имеют выщербины и заполировку краев.

Развертки изготовлены из небольших призматических пластин слегка изогнутого профиля с зауженным концом и двусторонней ретушью. Острия изготовлены на коротких пластинах, их конец оформлен в виде треугольного выступа, рабочие и боковые края подправлены ретушью. Редко встречаются наконечники стрел треугольной формы с выемкой у основания.

Достаточно часто встречаются изделия и их заготовки или полуфабрикаты из рога и кости. В скоплении орудий в Стене присутствовало 7 костяных предметов (5 – шилья), 37 находок из рога, 23 относится к кускам рога со следами обработки. Из толстых отростков рога изготовлялись мотыги, отверстие для крепления рукояти прорезывалось в них под углом к основному стержню. Из тонких отростков рога изготовлены маленькие мотыги с клиновидным рабочим концом, всевозможные муфты.

Из тонких трубчатых костей изготовлялись шилья с круглым или граненым жалом. Из крупных расколотых трубчатых костей изготовлены лощила.

Каменные орудия наиболее широко представлены зернотерками, наковальнями, пестами. Известны отдельные находки сланцевых топоров, орудий тесловидной формы. Уникальной находкой является обломок навершия из мраморовидного известняка с поселения Черкасов Сад II.

К керамическим орудиям труда относятся прясла и оттяжки от вертикальных ткацких станков. Для поселений чечельницкой группы типичны находки фрагментов донных частей сосудов с отпечатками текстиля, свидетельствующие о достаточно высокоразвитом ткачестве и изготовлении трикотажных тканей при помощи вязания на спицах и крючком (Косаківський 2004: 93–94).

Керамика – наиболее многочисленная категория находок на памятниках чечельницкой группы. Самой распространенной является категория расписной керамики. Присутствует небольшое количество сосудов без орнаментации. Весьма немногочисленна также категория керамики с прочерченным орнаментом. Невелико и количество сосудов с примесью толченой раковины.

Для расписной керамики выделено 12 основных типов, которые подразделяются на подтипы, а среди последних, в некоторых случаях, выделяются варианты.

Миски представлены изделиями различных размеров (табл. 9, 1, 7), диаметр их колеблется от 10 до 50 см. Преобладают усеченно-конические миски, изредка встречаются такие миски на четырех невысоких ножках. Роспись нанесена на внутренней поверхности. Миски полусферической формы небольших размеров, диаметром не более 12 см, встречаются редко, известны такие миски на четырех ножках. Они могут быть расписаны внутри и снаружи.

Кубки и кубковидные сосуды преимущественно биконической формы (табл. 9, 2, 8–9). Среди них остроребериые кубки с низко расположенным ребром и высоким, сужающимся к верху горлом, сосуды с широким цилиндрическим горлом и округлым туловом, кубки с расширяющимся коническим горлом и острым ребром в нижней части тулова.

Горшки отличаются большим разнообразием профилировки, высота их от 12 до 20 см. Среди них сосуды с широким горлом, невысоким отогнутым венчиком, встречаются экземпляры с ручками-ушками под венчиком или горшочки на четырех невысоких ножках. Есть округлотелые горшки, со стянутым венчиком, иногда с маленькими ручками-ушками на плечиках.

Кувшины по форме близки кубкам, отличаются наличием ленточной ручки, относятся к редко встречаемым изделиям.

Амфоры характеризуются биконическим туловом, узким горлом, двумя небольшими ручками, их высота 25–30 см. Часть амфор имеют биконическую форму с ярко выраженным ребром, над которым размещены ручки. Встречаются как амфоры вытянутых пропорций, так и более приземистые.

Биконические сосуды – зерновики отличаются крупными размерами, широким венчиком, под которым расположены небольшие одиночные или парные конические выступы, биконической формой тулова со смещенным к донной части ребром (табл. 9, 18).

Кратеры отличаются крупными размерами, массивным венчиком, на котором размещена орнаментальная зона, его диаметр равняется наибольшему диаметру биконического тулова, некоторые с «S»-видным профилем.

Сфероконические сосуды (отличаются резкой профилировкой тулова, цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком).

Грушевидные сосуды (табл. 9, 12) имеют округлое тулово и узкое горло, иногда горло практически отсутствует, наибольшая ширина, смещенная к верхней

части, отмечена небольшими ручками. Часть сосудов отличается наличием невысокого цилиндрического горла, наибольший диаметр сосуда приходится приблизительно на половину высоты тулова, тут размещаются небольшие ручки. Некоторые грушевидные сосуды лишены ручек, но снабжены небольшими коническими выступами.

Крышки шлемовидной формы снабжены двумя выступами-ручками, связаны с грушевидными сосудами. К ритуальной керамике относятся биноклевидные сосуды (табл. 9, 3), набор миниатюрных сосудов из Черкасова Сада II (табл. 10, 1), зооморфные чаши (табл. 9, 14, 15). Чаши, как правило, разделены на две части перегородкой и снабжены скульптурной головкой барана (табл. 10, 8, 14).

Керамика без орнаментации отличается небольшим количеством форм. Преобладают крупные глубокие конические миски, встречаются чаши с массивным венчиком и такие же чаши на четырех ножках.

Керамика с примесью толченой раковины представлена горшками «S»-видного профиля с высокими плечиками (табл. 9, 17). Сосуды орнаментированы углубленными линиями, вдавлениями, налепными деталями. Вертикальные тонкие параллельные линии-расчесы расположены на горле горшков. По краю венчика наносился ряд вдавлений. Плечики украшены одним или двумя рядами ямок или фестонами из тонких линий. Парные или одиночные фигурные налепы располагались под венчиком.

Расписная керамика доминирует на чечельницких памятниках. В зависимости от формы сосудов формируются орнаментальные зоны. Как правило, на мисках орнаментальная зона располагается внутри, а на крышках – снаружи. Для них типичны двухчастные орнаментальные композиции. Все остальные типы сосудов расписаны преимущественно снаружи, орнаментальных зон может быть от 1 до 3, преобладают четырехчастные орнаментальные композиции.

Для керамики чечельницкой группы характерна монохромная роспись черной или темно-коричневой краской по желтоватому или розоватому фону сосуда. Иногда рисунок дополняется деталями красного цвета. Выделяется несколько стабильно используемых схем расписной орнаментации. Миски конической формы расписаны преимущественно кометными схемами, встречается также мотив сдвоенных овалов. Миски с полусферическим туловом украшены росписью в виде сетки или свастиковидным сюжетом.

На кубках преобладают метопные схемы или упрощенно-линейный орнамент, в котором часто присутствуют треугольники. Отмечается включение в метопные схемы отдельных знаков месячного серпа. Кроме того, встречается листовидная схема орнаментации в виде отдельного узкого фриза или дополняющего метопную композицию.

Горшки расписаны схемами упрощенно-линейного, фестонного и лицевого орнамента. На амфорах отмечаются тангентные и метопные схемы, а также сочетание метопной и фестонной схем в одной композиции. Биконические зерновики расписаны волновыми схемами или тангентным орнаментом. На зерновике из Черкасова Сада II тангентная схема дополнена изображением собаки (табл. 9, 18). Зооморфные знаки характерны для росписи чечельницкой группы. Кратеры украшает волютово-меандровая роспись. Орнаментация сфероконических сосудов разнообразна, присутствуют метопная, сегментовидная, волютово-меандровая схемы. Для грушевидных сосудов характерна разнообразная волютово-меандровая роспись. Одной из особенностей расписной посуды чечельницкой группы является дополнение сосудов скульптурными головками барана или быка.

Антропоморфная пластика найдена на поселениях Чечельник, Черкасов Сад II, Кирилловка, Стена (Макаревич 1960), Белый Камень (Макаревич 1940). Единичные мужские статуэтки фрагментарны и невыразительны, стилистически они не отличаются от женских фигурок. Пластика лишена орнаментации, но на некоторых статуэтках прослеживаются следы росписи. Наиболее широко представлены стройные стоячие женские фигурки небольшого и среднего размера с прямой спиной или слегка откинутым назад корпусом. Для них характерна дисковидная головка с большим носом, отверстиями на месте глаз или парными отверстиями, короткая шея. Вместо рук четко моделированы выступы с коническим завершением или слегка скругленные, часто с отверстиями. Груди переданы маленькими налепными бугорками. Верхняя часть туловища вытянутых пропорций, подчеркнута тонкая талия, моделированы массивные бедренные выступы с отверстиями (табл. 10, 9–12). На выпуклом животе наколом отмечен пупок. У некоторых статуэток увеличенный размер живота, символизирующий беременность (табл. 10, 5). Лоно подчеркнуто углубленными линиями. Такой же линией или рельефно разделены слитно вылепленные ноги, завершающиеся заостренным конусом. Типично моделирование утолщения в области икр, что придает ножке веретенообразную форму.

В Стене обнаружен торс довольно крупной фигурки, украшенной лентами красной краски. Груди на этой статуэтке моделированы впереди и сзади (табл. 10, 7). Из Стены также происходят фрагментированные крупные статуэтки с массивным туловом, на столбчатой ножке, с сильно выступающими острыми отростками вместо рук, большим выпуклым животом, передающим беременность.

Зооморфная пластика на поселениях чечельницкой группы немногочисленна, представлена скульптурными головками бовинов и овидов на керамике и редкими находками статуэток. В Белом Камне найдена зооморфная статуэтка в виде ковчежца (Макаревич 1940: рис. 11). От уникального изделия происходит фрагмент фигурки, найденной в Черкасовом Саду II, обладающий миксаморфными признаками и изображающего бородатого быка (табл. 10, 6).

Особую категорию трипольских памятников в Степном Побужье составляют местонахождения, в которых наряду с материалом разных эпох, от неолита до средневековья, найдено незначительное количество керамики небелевской и томашевской локально-хронологических групп (Товкайло 2005).

Памятники Триполья С II. Этап Триполья С II представлен в лесостепной зоне Северо-Западного Причерноморья единичными поселениями, раскопки проводились в Стене II, и преимущественно отдельными находками фрагментов керамики, чаще расписной, в разных пунктах в Побужье (Калиновка-Сербы), в Днестро-Бугском междуречье на поселении КЛЛК Майнова Балка (Петренко, Полищук, Сапожников 1993: 108), на Южном Буге (Солгутово-Остров). Очевидно, эти материалы, как и поселения в более северных районах лесостепи (Печера), относятся к касперовскому типу памятников. Изучены они весьма слабо. Т.Г. Мовша упоминает касперовские поселения, указывая даже их площадь: от 0,3 га в Пугаче, Ташлыке II до 10 га в Гарде, правда без сноски на источники (Мовша 1993: 41).

* * *

Многовековую историю древнеземледельческих племен, занимавших значительную территорию от Прикарпатской Молдовы до Левобережья Днепра можно

рассматривать как процесс аграрной колонизации обширных пространств лесостепной зоны, одним из регионов которой была лесостепная часть Северо-Западного Причерноморья, включающая левобережье Днестра, Днестро-Бугское междуречье и Побужье.

Трипольские поселения Северо-Западного Причерноморья относятся к разным периодам и локальным группировкам. Как правило, на территории региона не зафиксировано особых локальных подразделений, поселения входят в состав соответствующих локально-хронологических групп. Исключение составляет самая многочисленная по количеству памятников чечельницкая группа, которая локализуется именно в Северо-Западном Причерноморье. Как справедливо отметил Л.С. Клейн: «...развитие шло не в рамках определенной местности, а в рамках определенного человеческого общества – там, где это общество проживало» (Клейн 2007: 8). Эту сентенцию подтверждает анализ памятников Триполья в Северо-Западном Причерноморье. Тут ни для одного из упомянутых микрорегионов невозможно выстроить цепочку из сменяющих друг друга трипольских поселений. Между памятниками определенных локально-хронологических групп зияют немалые хронологические лакуны. Очевидно, что такое состояние материалов свидетельствует о достаточно сложных культурно-исторических процессах V–IV тыс. до н.э. в Юго-Восточной Европе. На всех этапах культурного комплекса Триполье-Кукутень население Карпато-Поднепровья находилось в теснейших контактах с передовыми обществами древних земледельцев Карпат, Балкан, Подунавья и Средиземноморья, будучи, в сущности, восточным форпостом европейского земледельческого мира. Освоение трипольцами, культура которых выкристаллизовалась в районе Прикарпатской Молдовы, огромной территории до Левобережья Днепра можно рассматривать как аграрную колонизацию древних земледельцев, по сути, первую в европейской истории. Если до появления трипольской культуры неолитическое население Украины практиковало земледелие как один из хозяйственных укладов, то с появлением трипольцев можно говорить об аграрной экономике, которая надолго обусловила соответствующий образ жизни, уровень культурного и социально-экономического развития.

Экономика населения трипольской культуры базировалась на производящем хозяйстве, главной отраслью которого было земледелие, а сопутствующей – животноводство. Хозяйство трипольцев носило комплексный характер, использовались буквально все имеющиеся в их распоряжении природные ресурсы. В системе жизнеобеспечения важную роль играла добыча всевозможных дикорастущих растений, в том числе и использовавшихся в пищу, моллюсков, рыболовство и охота.

Земледелие. Ассортимент культурных растений, которые выращивались трипольцами, состоял из злаков: пленчатые пшеницы – двузернянка, отпечатки которой встречаются наиболее часто, однозернянка и спельта; голозерный многорядный ячмень и пленчатый ячмень. Зафиксированы бобовые: горох посевной и вика-эрвилия, отпечатки которой встречаются довольно часто (Янушевич 1986; Пашкевич 2004: 124–135). Набор этот оставался практически стабильным на протяжении всего времени существования культуры. Длительное существование однородного состава выращиваемых растений является свидетельством хорошего их приспособления для конкретных природных условий и к уровню орудий трипольцев. Трипольские поселения занимают преимущественно зону широколиственных лесов.

Состав выращиваемых культур и некоторые другие косвенные данные позволяют предполагать существование у трипольцев полевого земледелия с использованием тягловой силы животных и переложной системы землепользования. Для сбора урожая и заготовки сена трипольцами могли использоваться серпы с кремневыми вкладышами, находки которых присутствуют среди всех крупных коллекций каменной индустрии трипольских поселений. Для раннего и в начале среднего этапа лезвия серпов состояли из нескольких кремневых вкладышей, которые вставлялись в оправу под углом – зубчатые серпы. Известны также серпы с прямым лезвием из нескольких кремневых пластин (Пашкевич, Відейко 2006).

Переложная система требовала четкой регламентации распределения земли между отдельными общинами, предполагала определенную культуру ведения хозяйства и организацию периодической смены мест поселений и переселения их жителей. Такая модель земледельческого хозяйства находится в соответствии со сложной идеологической системой аграрных календарных священных циклов. Обеспечение функционирования такой системы земледелия требовало достаточно структурированной и сложной социальной организации и значительных трудовых затрат. Рост производства в земледельческой отрасли мог происходить за счет приспособления трипольских племен к местным условиям в ходе аграрной колонизации, определенного прогресса в изготовлении земледельческих орудий труда, выбора земледельческих культур и комплекса организационных мероприятий. Этим могли обеспечиваться и появление прибавочного продукта в аграрном производстве, и относительно высокий уровень развития трипольского земледелия. Однако ориентация на эксплуатацию значительного запаса природных ресурсов без интенсификации аграрного производства ставила трипольское общество в зависимость от климатических условий и в целом свидетельствует об экстенсивном пути развития земледельческого хозяйства (Відейко 2004а: 144–145).

Животноводство было неотъемлемой составляющей комплексного производящего хозяйства трипольских племен. Собственно земледельческий культурно-хозяйственный тип предполагает наличие животноводства как сопутствующей отрасли земледелия. Трипольское животноводство характеризуется как весьма развитое с хорошей кормовой базой. На разных поселениях зафиксированы разные породы скота и лошади. Установлено несколько типов животноводства, вероятно зависевших от конкретных ландшафтов (Журавльов 2008: 69). В подавляющей части трипольских остеологических коллекций количественно преобладают или составляют приблизительно половину особи домашних животных. Среди домашних животных чаще преобладает крупный рогатый скот как по количеству особей, так и, тем более, в пересчете на мясо. Мелкий рогатый скот, свиньи и лошадь занимают разные места после быка, но везде не играют решающей роли в составе стада. Крупный рогатый скот составлял на многих трипольских памятниках половину или более 50% особей домашних животных. По данным археозоологов трипольский скот отличался крупными размерами, выделяется несколько разных пород. Свинья часто занимает второе место по количеству особей, а иногда по этому показателю превышает количество крупного рогатого скота. Свиньи представлены породой, для которой характерны небольшие размеры. Кости мелкого рогатого скота присутствуют, как правило, в небольшом количестве, более или менее заметный процент особи коз и овец составляют лишь в коллекциях с минимальным количеством костей вообще или минимальным количеством костей домашних животных.

Лошадь представлена практически во всех трипольских остеологических коллекциях отдельными особями. Принадлежность Триполья к земледельческому культурно-хозяйственному типу, анализ природных ресурсов и возрастные показатели стада предполагают стойловое содержание скота. Причем кормовая база позволяла содержать зимой не только основное поголовье, но и подрастающий молодняк. Однако, судя по остеологическим материалам, поголовье скота в конкретных трипольских поселках было небольшим. Размер стада сдерживался возможностями кормовой базы зимой. В соответствии с этнографическими данными для прокорма 7 телят до двухлетнего возраста необходимо столько же кормов, сколько для 3 особей крупного рогатого скота возрастом до 3,5 лет. Но в первом случае мяса получают на 40 % больше. В случае молочного направления животноводства, которое фиксируется наличием костей взрослого скота и большим количеством коров, при том же самом объеме кормов можно получить в 4–5 раз больше белков, чем при мясном направлении (Шнирельман 1988: 31–32).

Для мелкого рогатого скота типично преобладание костей взрослых особей, что может свидетельствовать о получении от коз и овец не только мяса, но и молока, и шерсти. Есть сведения о находке шерстяной пряжи при раскопках поселения Яблона (Маркевич 1981: 143).

При любом составе стада трипольцы наибольшее количество мяса получали от крупного рогатого скота. Даже в тех случаях, когда свиньи составляли 70 % стада, в мясном балансе они уравнивались с крупным рогатым скотом. Мелкий рогатый скот существенного значения в мясном балансе не имел.

Значение животноводческой отрасли в хозяйстве определялось тем, что она обеспечивала трипольцев не только мясными и молочными продуктами, но и шерстью, шкурами, мехом, тягловой силой. Стойловое содержание и регулярный выпас скота после жатвы обеспечивал удобрение полей. Это вполне вероятно, если учесть, что по этнографическим данным земледельцы позволяли выпасать на своих участках стада, принадлежавшие иноэтничным соседям – скотоводам (Шнирельман 1988: 29).

Появление молочного хозяйства, ткачества, использование шерсти, использование мускульной силы животных свидетельствует о появлении у трипольских племен новых, более продуктивных пород скота, что демонстрирует новый уровень развития животноводства по сравнению с неолитическим, и свидетельствует о дальнейшем развитии комплексной аграрной экономики.

По этнографическим данным, забой скота в традиционных обществах земледельцев и скотоводов был обычно приурочен к священным действиям и разным важным праздникам, а мясо употреблялось исключительно в ритуальных целях как церемониальная или жертвенная пища, но не в повседневном рационе, и составляло в нем очень незначительную часть. Скот был престижным имуществом, которое определяло социальный статус собственника, предметом обмена и служил денежным эквивалентом. В пищевом балансе населения земледельческих культурно-хозяйственных типов однозначно преобладает растительная пища. Животноводство было важной отраслью аграрного комплекса производящей экономики трипольских племен, однако решающую роль в их жизнеобеспечении играло земледелие. Успех аграрных технологий в значительной степени зависел от экологической обстановки. Природная среда Северо-Западного Причерноморья благоприятствовала хозяйственной деятельности трипольцев, однако их земледелие в значительной степени зависело от колебаний климата.

Функционирование таких важных составляющих системы жизнеобеспечения трипольского населения, как земледелие и скотоводство, было невозможно без целого ряда различных производств, получивших весьма высокий уровень развития.

Важную роль играла ***добыча и обработка кремня и камня***. С трипольской культурой связано распространение на территории Украины протогеологических познаний, умение разбираться в качестве глины и камня как сырья, находить их новые месторождения и разрабатывать их (Петрунь 2004: 200–217). В качестве полезных ископаемых разрабатывалось каменное и кремневое сырье в Поднестровье, магнетитовые кварциты и доломитовые офилкальциты в Побужье. Кремень добывался трипольцами преимущественно открытым способом, выработки разных видов кремневого сырья сосредоточены на Волыни и в Поднестровье – районах богатых высококачественными видами кремня. Выявлены и штольни по добыче кремня, исследованные на Среднем Днестре и функционировавшие начиная со среднего Триполья (Бибиков 1965; 1965а).

С периода среднего этапа трипольской культуры добыча и обработка кремня, характер специализированного, высокотехнологического ремесла могут в этом смысле быть сопоставлены с металлургией и металлообработкой (Відейко 2004: 262–271). Уровень кремнеобработки Триполья был весьма высоким. Известны все технологии этой отрасли, распространенные в древней Европе. Наличие высококачественного сырья способствовало развитию кремневой индустрии, а горное дело достигло весьма высокого уровня развития. По мнению Н.Н. Скакун, усовершенствование техники обработки кремня, высокое качество полуфабрикатов и готовых изделий, наличие специализированных мастерских свидетельствует о высоком уровне специализации и профессионализации кремнеобрабатывающего производства, которое постепенно выходит за рамки домашнего производства и превращается в ремесло. Установлено разделение труда и специализация в кремнеобрабатывающем производстве между отдельными районами трипольской культуры, что способствовало интенсификации межплеменного обмена изделиями и сырьем, налаживанию довольно дальних путей транспортировки кремня (Відейко 2004а: 270–271).

Значительное место в экономике трипольских племен занимала ***обработка меди*** и, как установлено недавно – ***металлургия*** (В.И. Минчев).

Анализ медных изделий трипольской культуры позволяет предполагать существование особого района, составлявшего Карпато-Днепровский регион металлообработки, который был частью сложной производственной системы – Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП), выделенной Е.Н. Черныхом (Рындина 1998).

К раннетрипольскому очагу металлообработки относятся периоды Триполье А и В I, Кукутень А. Его деятельность связана с I фазой БКМП. Всего для этого времени известно 623 изделия, 493 из которых происходят из трех кладов. Изделия отличаются морфологическим единообразием, изменение форм изделий во времени намечается только для крупных ударных орудий (рис. 9, 44). Морфологические особенности трипольских находок показывают их близость к изделиям балкано-карпатских мастеров. По заключению Е.Н. Черныха, в ареале Триполья А–В I, Кукутень А имела хождение медь, полученная преимущественно из болгарских рудных источников, встречается также медь из трансильванских месторождений (Черных 1978: 88–89, 264). Тем не менее, производство раннетрипольского очага сохраняло полную независимость и развивалось совершенно самостоятельно. Пре-

обладало использование формовки металла посредством ковки и сварки. Зафиксированы все известные ныне виды кузнечных приемов. Частое применение сварки обусловлено использованием исходного сырья в виде полос меди. Имеющиеся примеры литья единичны (Рындина 1998: 126–135).

Н.В. Рындина выделяет для раннетрипольского очага существование двух видов организации металлообрабатывающего ремесла: кланово-производственный и индивидуально-семейный. Они выступали как тесно взаимосвязанные структуры, предопределенные сезонной делокализацией производственных объединений (кланов). Представители кланов поселялись в разных общинах, выполняя функции поселковых ремесленников. Н.В. Рындина считает, что уровень специализации клановых ремесленников был весьма высок (Рындина 1998: 136).

На рубеже этапов Триполья В I–В I-В II зафиксирована переориентация связей, обеспечивающих металлургическое производство с балканского на тисско-трансильванский регион. Для среднетрипольского очага металлообработки, к которому относятся этапы Триполья В I–В I-В II, В II и С I, Кукутень А-В и В характерны связи с культурами Бодрогкерегстур и Лендель. Это обусловило появление новых форм изделий из металла, нового по геохимии медного сырья, формирование нового технического строя металлопроизводства. Коллекция металла среднетрипольского очага металлообработки состоит из 172 находок, среди них 45 происходят из клада. Теперь среди медных предметов из поселений доминирующее положение занимает оружие (орудия) ударного действия. По сравнению с ранним периодом, число находок сокращается более чем в 3 раза, но преобладают крупные орудия и физический объем продукции имеет обратное соотношение, в 3 раза превышая уровень I фазы БКМП в Карпато-Днепровском регионе. Если учесть время функционирования очагов I и II фаз то окажется, что в среднетрипольский период металлургическая деятельность в 1,5 раза была выше. Изделия II фазы отличаются разнообразием, среди них Н.В. Рындина выделяет две группы: предметы, морфологически восходящие к местной традиции I фазы, а также новые типы изделий. К ним относятся тесла-долота и топоры-тесла, а также кинжалы разных типов. Теперь наблюдается три линии направленности трипольских металлургических связей: Карпатский бассейн, Центральная Европа и Кавказ. Решающую роль в металлообработке среднетрипольского очага играли контакты с тисско-трансильванским регионом БКМП, включавшим центры Карпатского бассейна, который поставлял сырьевую медь, импортные изделия и новые традиции, скорее всего связанные с культурой Бодрогкерегстур. Связи с Центральной Европой, откуда редко поступали привозные изделия, не имели решающего влияния на развитие трипольских металлургических знаний, ограничивающихся отдельными навыками формовки. Связи с Кавказом никакого серьезного влияния на трипольскую металлообработку не оказывали, ограничиваясь перекрестным обменом готовой продукцией, в котором активной стороной выступало Триполье (Рындина 1998: 144).

Н.В. Рындина установила, что среднетрипольская металлообработка отличается от раннетрипольской по характеру технологических схем, по видам литья и кузнечной обработки металла, а также направленности производства на изготовление орудий труда и оружия, рост утилитарного значения металла. На смену кузнечным технологиям на рубеже этапов Триполья В I и В I-В II внезапно приходит литье. Отмечается тенденция к стандартизации и стереотипизации. Культура проведения кузнечных и литейных операций характеризуется совершенством. Н.В. Рындина полагает, что в среднетрипольском очаге по-прежнему существовали индивидуаль-

но-семейные и кланово-производственные объединения. Вероятно, в западной части региона культуры Кукутень-Триполье клановые сообщества мастеров селились в специализированных поселках. Их продукция — топоры-тесла, тесла-долота, шилья – отличалась стабильностью схем формовки. Специализация клановых ремесленников могла развиваться по линии разделения мастеров-литейщиков и кузнецов. Внедрению новых технологий в трипольскую металлообработку способствовали пришлые мастера, которые попадали, вероятно, из региона культуры Бодрогкерегстур (Рындина 1998: 149–150).

В последнее десятилетие появились данные о металлургии трипольской культуры. В.И. Клочко в 90-е годы XX в. предположил, что трипольцы могли знать металлургию и разрабатывать месторождения медной руды в Прикарпатье и на Волыни (Клочко 1994: 98). Установлено, что медные изделия из поселения этапа Триполье В II Глыбочок, исследованного М.П. Сохацким, и Софиевского могильника в Поднепровье, относящегося к финалу Триполья (этап С II) по своим геохимическим показателям соответствуют волынской самородной меди. А некоторые изделия из Глыбочка и поселения того же этапа у с. Бильче Золотое, близкие между собой по геохимическим параметрам, сделаны из сырья рудного происхождения – песчаников Приднестровья, ближайшие выходы которых известны в 20–25 км от этих памятников (Клочко 2004: 220–222).

Гончарство было одним из наиболее распространенных производств трипольской культуры. Немногочисленные технико-технологические аналитические исследования трипольской керамики свидетельствуют о том, что при ее изготовлении использовалась местная глина. Трипольские гончары умели находить подходящее по качеству сырье для своих изделий, а также умели придать ему нужные свойства при отсутствии таковых у местной глины.

Глина, пригодная для керамического производства должна была пройти процесс отстаивания и очищения от механических примесей. Однако часть сырья получали уже в готовом, отстоянном виде, используя скопления отмытой глины по берегам рек и ручьев, мул из водоемов. Пригодность глины для формовки достигалась путем приготовления формовочной массы из глины разных сортов или с добавлением различных минеральных или органических примесей. Они регулировали также процесс сушки и обжига. По функциональным и технологическим признакам выделяется несколько категорий трипольской керамики, что свидетельствует о владении гончарами широким спектром технико-технологических операций. Умелый выбор и использование весьма широкого ассортимента глин, умение приготовлять широкий спектр формовочных масс с использованием добавок для разных категорий керамики свидетельствуют о мастерстве и большой опытности трипольских гончаров в разработке технологии сырья.

Формовка сосудов производилась разными способами и зависела в значительной степени от категории керамики. Большинство посуды, очевидно, формовано в технике ручной лепки. Есть данные про использование достаточно архаичной техники использования болванок в виде мешочка с песком или шаблона, на которые последовательно наносились слои глины. Мелкие сосуды вылепливались из одного куска глины, а сосуды средних и больших размеров лепились в технике кольцевого налепа, ленточным способом. Крупные сосуды конструировались из нескольких частей. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов тщательно заглаживались, часто покрывались ангобом, лощились. Крупные тарные сосуды изготовлялись в несколько этапов. Их конструирование происходило по частям – дно-тулово-горло-

вина. Наращивание тулова осуществлялось также путем дополнительной подмазки стенок. Вероятно, со среднего этапа трипольской культуры использовалось для формовки керамики поворотное устройство, называемое медленным (ручным) гончарным кругом (Цвек 2004: 282–283). Вылепленный сосуд дополнительно подмазывался, его внутренняя и внешняя поверхность облицовывалась тонким слоем глины, тщательно заглаживалась, иногда окрашивалась. Большая часть трипольской керамики богато орнаментирована рельефным или расписным узором. Точность и стандартность рисунков на трипольских сосудах позволяет предположить, что, во-первых, осуществлялась предварительная разметка поверхности перед нанесением рисунка, а, во-вторых, использовались кожаные трафареты.

Для орнаментации сосудов использовались белая, красная и черная краски, приготовленные из различных минералов на основе органических веществ, таких как белок и желток яиц, молоко, животный желатин, сок растений (Рижов 2001: 17). Роспись наносилась кисточкой и тампоном. Наличие органических элементов в керамических пигментах, засвидетельствованное аналитическими данными, может быть объяснено только тем, что роспись наносилась на обожженный в высокотемпературном режиме сосуд и закреплялась повторным обжигом при низкой температуре.

Трипольские гончары владели техникой окислительного и восстановительного обжига, который производился, вероятно, при помощи костра в специальных ямах. В раннем Триполье применялся обжиг в устойчивом температурном интервале от 650° до 800°С, преимущественно в окислительном режиме. Красочный декор наносился после обжига изделий и не закреплялся повторным обжигом, что делало его нестойким. На среднем этапе трипольской культуры вырастают температуры обжига, достигая 900°С, появляются специализированные гончарные обжигательные устройства. Они принципиально меняют технологические и экономические возможности гончарного производства, создают условия для специализации конкретных видов труда и профессионализации производителей. Зафиксированы гончарные горны двух типов – однокамерные и двухкамерные и их организация в гончарных комплексах, а также керамические мастерские (Цвек 2004: 293–295). Их наличие указывает на развитие технической базы, рост внутреннего спроса, расширение ассортимента и увеличение объема продукции для обмена. Предполагается, что гончарное производство трипольской культуры имело двойное направление – рассчитанное на внутренние потребности и на обмен (Видейко 1988). Обмен керамикой между различными группами трипольского населения был повсеместным явлением, высококачественная расписная посуда наиболее часто встречается как импорт в материалах других культур.

Развитие керамического производства стимулировало его переход на уровень общинного ремесла. Исключительно высокое качество керамических изделий, стандартизация керамики, гончарные горны, поворотные устройства для формовки керамики, специализированные мастерские, работа на экспорт свидетельствуют о том, что гончарство трипольской культуры не ограничивалось семейным домашним промыслом, а производством занимались гончары с достаточно высоким уровнем профессионализма и специализации. Предполагается, что трипольские гончары обслуживали общину, а впоследствии племя и принадлежали к ремесленникам, узкоспециализированным в границах своей профессии, и община, со своей стороны, обеспечивала их всем необходимым. Гончары имели в общинах и племенах высокий социальный статус, занимали особое положение и составляли отдельную

прослойку населения, а керамическое производство выделилось в отдельную специализированную отрасль (Цвек 2004).

Наряду с небольшими гончарными центрами, производство которых оставалось в пределах домашнего промысла, в трипольском гончарстве распространялся новый тип организации производства – ремесло, выступающее как новая форма деятельности, предусматривающая достаточно высокий уровень развития общества с элементами дифференциации.

Архитектура демонстрирует высокий уровень, достигнутый в этой отрасли племенами трипольской культуры. Постройки на трипольских поселениях преимущественно располагаются в соответствии с продуманной планировкой. Для раннего периода характерна рядовая, уличная застройка небольших поселений.

Достаточно распространен принцип застройки поселка по кругу домами, которые ориентированы длинной осью к центру поселения. Уже на раннетрипольских памятниках можно увидеть начальную фазу формирования схемы застройки, когда жилища, ориентированные по длинной оси к центру, расположенные на расстоянии нескольких метров друг от друга, создают эллиптические структуры почти сплошной застройки, образуя «жилые стены». Эта планировка прекрасно соответствует целям обороны большого поселка. Для среднего периода Триполья характерны как небольшие, так и крупные поселки, насчитывающие сотни построек, на этапе В I появляются поселения-гиганты (протогорода). В их планировке заметны улицы и квартальная застройка. Постепенно вырастают размеры и изменяются традиции планировки трипольских поселений. Отмечены поселения с квартальной планировкой и центральной постройкой. Сложной планировкой отличаются поселения-гиганты в Побужье. В них сочетаются известные ранее системы – круговая, квартальная и усадебная. В Северо-Западном Причерноморье преобладают небольшие и средние поселения, к протогородам относится поселение Стена IV.

Укрепленные поселения трипольской культуры на территории Украины появляются на среднем этапе. Известны поселения в естественно труднодоступных местах, дополнительно усиленные искусственными оборонительными сооружениями в виде рва, частокола, вала. Однако, наиболее распространенный принцип оборонных сооружений крупных поселков – кольцевая планировка с внешним кругом из двухэтажных жилищ в виде жилых стен, в которых оставлены въезды на поселение.

Трипольские поселения были застроены, главным образом, глинобитными прямоугольными в плане домами каркасно-столбовой конструкции. Керамические модели построек свидетельствуют о том, что вертикальные столбы разделяли стены на отдельные части, напоминая полуколонны, а стены окрашивались и расписывались. Крыши, вероятно, были двускатными, перекрывались камышом или соломой. Площади домов колеблются от совсем небольшой – 30 м^2, до гигантской – более 500 м^2. Встречаются квадратные и «Г»-образные постройки, но преобладают прямоугольные в плане. Их стандартная ширина обусловлена длиной деревянных конструкций для перекрытия и составляла 4–5 м. При ширине 9–10 м перекрытие должно было опираться на дополнительные конструкции.

Интерьер жилища, представленный глинобитными конструкциями, включал чаще всего подиум, который мог быть очагом, встречаются вмонтированные в глиняные конструкции зернотерки, лавы вдоль стены, крестообразные глинобитные жертвенники. По мнению исследователей, трипольские постройки сочетали жилые и хозяйственные функции и являлись жилищно-хозяйственными комплексами.

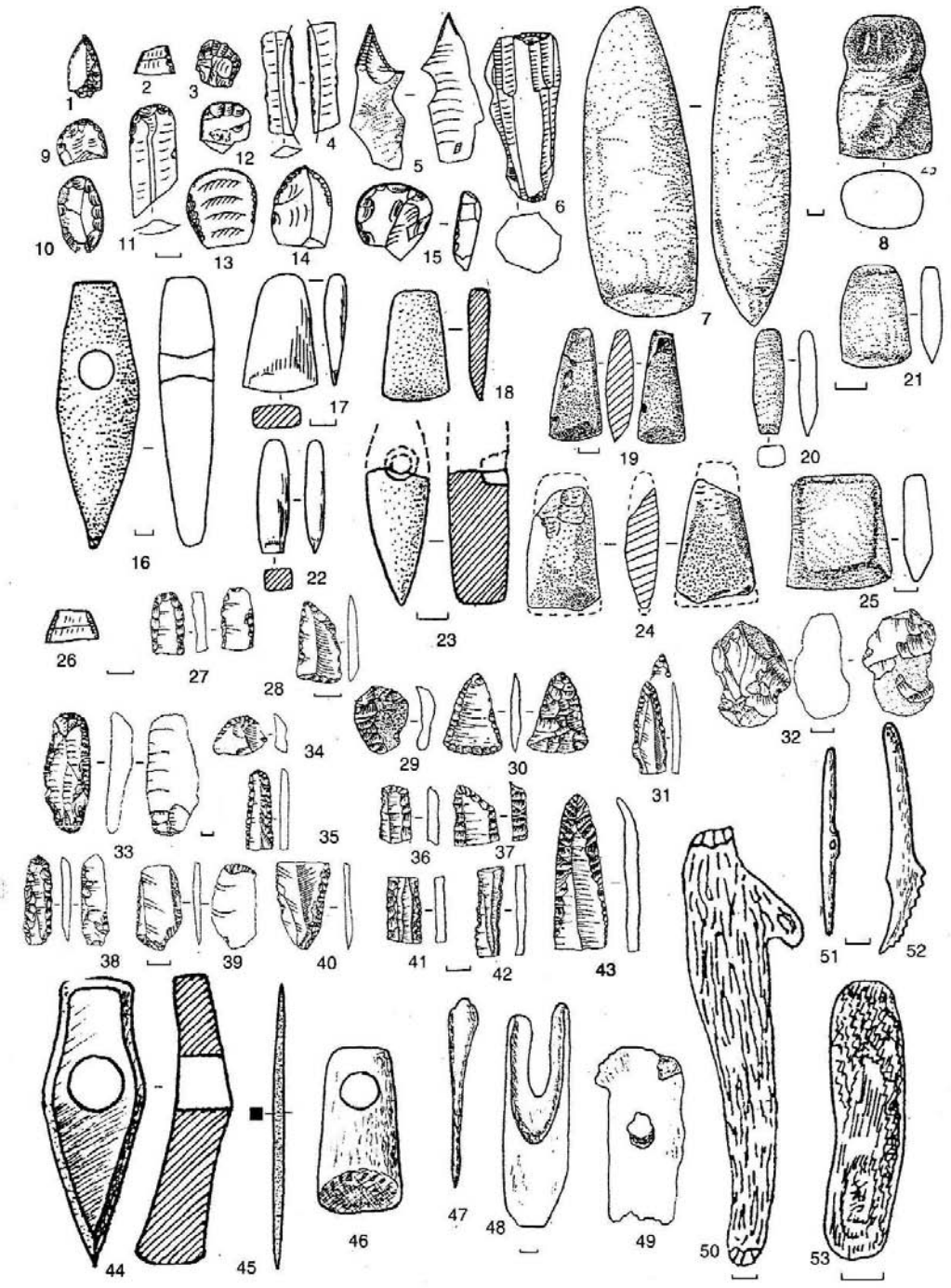


Рис. 9. Орудия труда трипольских поселений Северо-Западного Причерноморья. 1, 4–9, 11, 13, 14, 16, 25, 53 – Александровка; 2, 3, 10, 12, 15, 17, 20, 22 – Слободка-Западная; 18, 23, 26, 44, 46, 52 – Березовская ГЭС; 19, 21, 24, 29, 30, 36, 37, 41–43 – Мирное; 27, 31 – Немировское; 28, 34 – Грабово I; 32, 39, 40, 47–49 – Черкасов Сад II; 33, 45, 51 – Сабатиновка I; 35, 38 – Попово Поле; 50 – Станиславка

Трипольцы были основателями архитектурных традиций, которые на тысячелетия определили характер строительства в лесостепи. Специальные знания были необходимы для привязки к местности и планировке сложной застройки трипольских поселений-гигантов, сооружения домов значительных размеров и сложной конструкции, оборонительных сооружений. А масштабы строительства в Триполье свидетельствуют о зарождении монументальной архитектуры. Мастера, строившие трипольские жилища, овладели разнообразными и эффективными приемами домостроительства, которые позволяли возводить просторные, надежные и удобные для жизни и хозяйственной деятельности жилищно-хозяйственные комплексы, рабочие помещения, ритуальные и оборонительные сооружения, хорошо адаптированные к окружающей среде. Были выработаны рациональные системы планировки поселков разных типов, а строительство протогородов является огромным достижением населения древней Украины, уникальным для истории Европы явлением (Відейко, Петрашенко, Терпіловський 2005).

Социальная структура трипольского общества в ходе двух тысяч лет истории претерпела значительные изменения. Этап Триполье А характеризуется кустообразно размещенными небольшими поселениями, принадлежавшими земледельческим общинам.

По данным этнографии общины по системе расселения подразделялись на компактные поселки и хутора. Поселок, в отличие от хутора, мог претендовать на политическую автономию, именно поэтому хутора объединялись в более крупную социально-потестарную единицу – общину (Шнирельман 1986: 372–375). Данные о площади раннетрипольских памятников позволяют предположить, что среди них были как хутора, на которых обнаружены единичные постройки, так и компактные поселения, например Александровка, состоящее из 13 домов. Размещение небольших по площади памятников группами позволяет предполагать, что общинные структуры могли функционировать в пределах групп, состоящих из хуторов. Преобладали все же компактные поселки.

Установлено, что хуторская система наиболее оптимальна для ведения земледельческого хозяйства. Однако немногочисленные жители хуторов представляют собой население легко уязвимое при вражеских нападениях. Следовательно, система расселения раннетрипольских общин может свидетельствовать об относительно спокойной обстановке.

По наблюдениям этнографов, общины, в которые объединялись хутора, не имели четко выраженных границ, поскольку у каждого хутора были свои собственные социальные связи. Так возникала основа для этнокультурной непрерывности и вырабатывались нормы, позволяющие регулировать интенсивность военной деятельности. Именно такой ситуации соответствует культурная однородность и единство материальной культуры, характерные для периода Триполье А-Прекукутень.

Число жителей на раннетрипольских поселениях предположительно составляло в среднем около 100 человек и соответствовало роду (клану). Не более полутора десятков поселений фазы Триполья А–Прекукутень II, известных в районе от Прикарпатской Молдовы до Среднего Днестра, могли принадлежать одному племени.

Рост населения считается основной причиной сегментации родовых структур. Незначительная степень различия между керамическими традициями в пределах

керамических комплексов групп-кустов поселений Триполья А-Прекукутень III, а также вероятное число жителей позволяют предположить, что они принадлежали кланам и/или субкланам (50–300 человек).

Одним из районов, где происходила активная сегментация общин Триполья А-Прекукутень III, был Средний Днестр. Переселение на восток осуществлялось не поэтапно, из Поднестровья на Южный Буг и далее в Буго-Днепровское междуречье, а веерообразно. Вероятно, из определенного родового центра, представленного несколькими поселениями на Днестре, переселенцы двигались в разных направлениях: на север и на юг вдоль Днестра и на восток, расселяясь по притокам и балкам гидрологической системы Днестра и Южного Буга и основывая там новые общины.

Аналогичная модель сегментации на последующих этапах Триполья усложнялась несколькими факторами. С одной стороны, земель, не занятых земледельческими общинами, становилось все меньше. С другой стороны, в механизмы расселения, вызванного сегментацией земледельческих общин, вносили существенные коррективы климатические колебания, отмеченные для всего периода существования Триполья. Их действие было опосредованным и как бы отложенным. Климатический оптимум способствовал росту населения и, соответственно, сегментации и расселению. Однако для этого процесса требовался определенный временной промежуток, поэтому археологи фиксируют последствия благоприятных климатических условий не с момента их наступления, а через определенный интервал. Специфика лесостепной части Северо-Западного Причерноморья определялась ее пограничной со степью территорией, которая постоянно колебалась в меридиональном направлении.

Сегментация сначала привела к процессу освоения новых земель земледельческими общинами Прикарпатской Молдовы Пруто-Днестровского междуречья, протекавшего в относительно засушливую фазу. Наступившее впоследствии улучшение климата способствовало аграрной колонизации левобережья Днестра, междуречья Днестра и Южного Буга, Побужья и Буго-Днепровского междуречья. В Северо-Западном Причерноморье в этот период фиксируется относительно большое число поселений, а для всей трипольско-прекукутенской территории характерна однородность материальной культуры. Можно предполагать существование в ранний период на территории от Днестра до Буго-Днепровского междуречья двух племенных образований. Карпато-Поднепровье периода культуры Триполье А-Прекукутень составляло единый этнокультурный район. Достаточно быстрое продвижение подтверждает и кремневая индустрия самого восточного раннетрипольского поселения Гребенюков Яр, базировавшаяся, как установил В.Ф. Петрунь, на днестровском сырье.

Вероятно именно наступление засушливой фазы, совпавшее с увеличением численности населения, вызвало активное движение земледельческих общин и появление новых поселений.

На этапе Триполья В I в результате сегментации численно увеличившихся общин двух племен, представленных культурой Прекукутень-Триполье А и притока в Прикарпатскую Молдову с запада и северо-запада населения с иной материальной культурой происходит формирование новой археологической культуры – *кукутенской*, для которой характерно наличие расписной керамики. Обширные территории лесостепи между Карпатами и Днепром с этого периода занимают различные

группировки этнокультурной области, оставившие культурный комплекс Триполье-Кукутень. Отдельные культурные группировки этого комплекса находились в постоянном тесном взаимодействии. В этнической области Триполье-Кукутень возникает несколько новых этнокультурных районов. В Северо-Западном Причерноморье на хронологическом отрезке, соответствующем периоду Триполье В I отмечен лишь один такой район, соответствующий памятникам сабатиновского типа. Наступление сухой и холодной климатической фазы не способствовало проживанию трипольцев на южной границе лесостепи, которая в периоды аридизации становилась малопригодной для земледельческой экономики. Именно чередование благоприятных (влажных и теплых) и неблагоприятных (сухих и холодных) фаз привело к тому, что разные локально-хронологические группы Триполья в Северо-Западном Причерноморье разделяют хронологические лакуны, иногда в сотни лет, а между ними не прослеживается непосредственной генетической преемственности. Традиции раннетрипольского этапа можно увидеть в материалах памятников, расположенных севернее в Среднем Побужье, где почти не известно поселений Триполья А. Показательно, что нельзя напрямую связать керамические традиции даже памятников Сабатиновка II и Греновка (этап А) и Сабатиновка I (этап В I), расположенных в одном и том же месте. Поселения и пункты, где найдены материалы Триполья В I, четко привязаны к берегам Южного Буга, вероятно земледелие в засушливую фазу было привязано к долинам и гидрологической сети больших рек. Примечательны некоторые общие черты разных категорий посуды сабатиновского керамического комплекса с материалами Новых Русешт, расположенных западнее на южной границе лесостепи и еще более отдаленном поселении Хебешешть, относящемся к трипольско-кукутенской культуре. Можно предположить, что поселения Новые Русешты и сабатиновского типа появились в том числе и в результате продвижения общин из Прикарпатской Молдовы с памятников типа Хебешешть.

Неоднородность керамических традиций между этнокультурными районами и внутри локально-хронологических групп свидетельствует о том, что эти структуры объединялись не только по генеалогическому принципу. Начиная с этапа Триполья В I племена были не только этническими структурами, но и выполняли социально-политические функции (Генинг, Павленко 1984).

В целом же на этапе Триполья В I-Кукутень А происходит заметная культурно-этническая дифференциация, в западной части ареала этнокультурной области, где вероятно, последствия сухой фазы не были столь губительны, рост числа поселений и увеличение плотности населения сопровождается еще рядом важных факторов, свидетельствующих о значительных социально-политических изменениях. В густо заселенных регионах возрастает площадь поселений. Наиболее распространенными становятся поселки площадью от 3 до 5 га, хуторская система расселения теперь не практикуется. Повсюду фиксируются более крупные поселения. Вероятно, стержнем их социальной структуры являлась соседская община, в домохозяйства, принадлежащие линиджам (патронимиям), входила группа построек.

Хронологически улучшение климата соответствует периоду Триполье В I-В II. Однако до момента, когда в Северо-Западном Причерноморье увеличится количество трипольского населения пройдет еще немало десятилетий: кодымская группа памятников появится в бассейне Кодымы только на этапе Триполья В II. Особенности керамического комплекса поселений Немировское и Станиславка позволяют предполагать, что на них жили общины, генетически связанные с населением из

поселения Лабушное-Сад, а также населением памятников типа Клищев в Среднем Побужье. В свою очередь общины кодымской группы принимали участие в формировании чечельницких памятников этапа С I. Их территория расширяется в бассейн р. Савранка. Чечельницкие племена, живущие в окружении населения петренской, среднебужской и томашевской групп, оставили керамический комплекс, в котором наряду с оригинальными чертами прослеживаются традиции населения этих этнокультурных районов. Чечельницкая племенная группировка, занимавшая регион Северо-Западного Причерноморья в период очередного климатического оптимума, фактически завершает историю трипольского земледельческого населения в Северо-Западном Причерноморье. Расселение общин времени Триполья С II, припадающего на период аридизации, здесь ограничивается лишь единичными поселениями в днестровском бассейне, например в Стене II. Единичные находки, связанные с пунктами в Среднем течении Ю. Буга Степном Побужье свидетельствуют о спорадическом проникновении небольших групп, вероятно, касперовского населения.

Локально-хронологическое разделение памятников, система группировки поселков и пространственно обособленные группы построек в пределах поселков трипольской культуры отражают уровень социально-родовой организации сегментированного общества.

Модель социальной структуры трипольского общества можно представить как иерархически организованную (сегментарную) систему, в которой первому уровню соответствовала семья. Жилищно-хозяйственный комплекс, являвшийся самостоятельной хозяйственной единицей, (домохозяйством) принадлежал малой семье (5–7 человек). В дальнейшем, вероятно, происходила сегментация семьи и формирование семейных структур, близких к патронимии-патролиниджу.

Ко второму уровню относятся общины – малые поселения (до 5 га, до 200 человек) или группы жилищ (10–12) на больших поселениях, объединявшие коллектив родственников численностью в 100–140 человек, соответствующий линиджу.

Третьему уровню – клану или субклану – соответствуют микрогруппы малых поселений Триполья А и средних размеров поселки (5–40 га, 200–1500 человек), характерные для последующих этапов Триполья. Часть крупного поселения с числом жителей 400–600 человек, объединенных в соседскую (гетерогенную) общину, могла быть эквивалентна субклану.

Именно из таких поселений-общин, принадлежавших кланам одного племени, могли в процессе интеграции сложиться крупные поселения (40–100 га, 1500–5000 человек) – племенные центры, соответствующие четвертому уровню – племенному. Можно предполагать, что племенным образованиям соответствовали определенные локально-хронологические группы памятников, и/или микрогруппы поселений с иерархической структурой.

Пятому уровню – надплеменному – соответствуют два варианта социальной структуры, наблюдаемые с периода Триполья В I-В II. Первый вариант отмечен для Буго-Днепровского междуречья, где концентрируются поселения-гиганты (100–400 га) с числом жителей от 5000 до 10000–14000 человек. Такое количество жителей превосходит параметры племенной организации и может свидетельствовать о дальнейшем усложнении социальной структуры, перешагнувшей порог собственно эгалитарного общества и представляющей формирующееся политическое образование протогородского типа. Для второго варианта характерна иерархия поселений, при которой наблюдаются микрогруппы памятников, состоящие из

поселений разных размеров, относящихся к определенной фазе развития локально-хронологической группы с населением от 5000 до 19000 человек. Это также может свидетельствовать о существовании определенных политических структур, выходящих за рамки родовых и может соответствовать соплеменности или вождеству (чифдом). В Северо-Западном Причерноморье примером такой структуры может быть чечельницкая группа.

Шестому уровню социальной структуры соответствуют определенные локально-хронологические группы в целом, в которых наблюдается иерархия между микрогруппами поселений (вождеств). Такие структуры выделены в Буго-Днепровском междуречье для Триполья этапов С I и С II (Відейко 1992: 9–11, 19).

По наблюдениям этнографов, различные неблагоприятные обстоятельства, приводившие к уменьшению социальных организмов до такой степени, что они не могли существовать как автономные единицы, обуславливали процессы объединения и слияния. Такие группы инкорпорировали в свой состав родственников или не родственников, приглашая их на пустующие на их территории участки. Иногда, напротив, они покидали родную территорию, и сами входили в состав какой-либо более сильной группы. В случае слияния вновь инкорпорировавшиеся в роды пришельцы получали соответствующие права и обязанности и начинали придерживаться принятых традиций, а на их потомков даже распространялась концепция кровных родственников. Таким образом, действовал механизм адопции, игравший важную роль при перераспределении населения между родовыми группами и свидетельствующий о социальной роли родства в первобытных обществах, поскольку адаптированные в социальную группу чужаки, получившие статус родственников, могли составлять в ней до 20–50%, такое родство определяется этнографами как социальное или общинное (Шнирельман 1986: 361–365). Действие таких механизмов в родовом обществе, установленное по этнографическим данным, можно проследить на археологическом материале, анализируя формирование групп памятников с различной материальной культурой, оно проявляется в появлении новых этнокультурных группировок трипольского населения.

Процесс сегментации и институт адопции, характерные для родового общества, хорошо согласуются с культурной дифференциацией, проявившейся с появлением двух культур трипольско-кукутенского культурного комплекса, объединяющих многочисленные локально-хронологические группы памятников.

Приведенные данные свидетельствуют о заметном усложнении всех социальных параметров Триполья в целом. Можно полагать, что качественные изменения в социально-экономическом потенциале Триполья-Кукутень начались с переходом к этапу В I и привели на этапе В I-В II к возникновению на обширных территориях от Карпат до Днепра наиболее развитых в социальном отношении этнокультурных группировок, для которых зафиксировано наличие протогородов, института вождества, формирование протоцивилизации, начало процесса политогенеза (Станко и др. 1999: 206–226). Все эти явления свидетельствуют о том, что трипольское общество стало на путь трансформации первобытного общества и относится к эпохе классообразования. Однако прогрессивное развитие земледельческих племен между Карпатами и Днепром было приостановлено неблагоприятными климатическими изменениями.

Требуют осмысления и интерпретации находки разрозненных разновременных трипольских материалов. По локализации их можно разделить на две группы:

в зоне трипольской культуры (Среднее Побужье) и вне ее (Мирное и Степное Побужье). Материалов немного, но можно предположить, что трипольские находки, связанные с порожистой частью Южного Буга, использовались как сезонные стоянки в связи с охотой и рыболовством, а также в местах бродов. Возможно, такие пункты, как и трипольские находки в степной зоне, могут рассматриваться как следы экспедиций, связанных с обменом на дальние расстояния. Любопытно, что в Степи пункты с трипольскими материалами локализуются в крайней юго-западной точке – Мирное в Подунавье, и крайней юго-восточной – Новорозановка на левобережье Ю. Буга. Находки в Мирном свидетельствуют о юго-западном направлении связей трипольских общин этапа В I и об обмене сырьем. Тесла из Мирного изготовлены из пород, происходящих из Северной Добруджи (Бурдо, Станко 1981: 17–20). Они могли попасть к жителям Мирного в результате их контактов с населением Болград-Алдени, расположенных рядом в низовье Дуная. Кремневые орудия изготовлены как из добруджского, так и из прутского кремня, что указывает на разные направления контактов жителей Мирного трипольского периода. Юго-западное направление контактов трипольцев Северо-Западного Причерноморья зафиксировано еще в раннетрипольский период в материалах александровской группы поселений находками фрагмента антропоморфной фигурки болградского типа, общими чертами в керамическом комплексе и медных предметов (Патокова и др. 1989: 23–24, 28–29). Здесь выявлены каменные орудия, сделанные из карпатского сырья. Находка медного топора типа Видра в Березовской ГЭС (табл. 7, 6) и расписная керамика в поселениях сабатиновской группы также указывают юго-западное направление контактов. Такие пункты с трипольскими находками, как Мирное, Кайнары, Новые Русешты как будто прокладывают пунктирную линию от сабатиновских поселений в Прикарпатскую Молдову и Нижнее Подунавье.

В Степном Побужье следы трипольского присутствия на этапе А наиболее многочисленны. Затем следует временной перерыв, следующий период связан преимущественно с локально-хронологическими группами Буго-Днепровского междуречья, для которых типичны поселения-гиганты – небелевской и томашевской. Немногочисленные артефакты этапа С II относятся преимущественно к касперовским материалам, а в Ташлыке III найдена керамика гординештского типа. Находки такой керамики известны еще восточнее – в Михайловке (нижний горизонт среднего слоя). А импортные расписные сосуды небелевской и томашевской групп (Videiko 1994: 15–18), как и значительно более редкую расписную посуду с прутских поселений, находят в грунтовых и курганных погребениях энеолита – РБВ в степной зоне Северного Причерноморья.

Высказывались различные мнения о пунктах с незначительными по количеству находками фрагментов трипольской керамики в Степном Побужье (Мовша 1993: 41). Некоторые исследователи совершенно необоснованно называют их поселениями (Збенович 1976). Т.Г. Мовша такие трипольские материалы рассматривает одновременно и как свидетельства расселения трипольцев в степной зоне, и как следы транзитных путей (Мовша 1993: 41–42).

Примечательно, что трипольские находки в Степном Побужье концентрируются преимущественно в местах, где зафиксированы переправы в исторические времена. Так, в районе гардовской переправы сходилось четыре торговых транзитных пути Северного Причерноморья конца XVIII – первой половины XIX ст. (Яворницький 1990: 67), в районе пунктов Ташлык II и III была переправа через р. Сухой

Ташлык, а пункт Миколина Брояка расположен возле с. Синюхин Брод, где переправлялись через р. Черный Ташлык. Находки трипольской керамики происходят из пунктов возле Мигийской и Песчаной переправ.

К сожалению, ни черепки, ни сосуды из погребений не могут рассказать о том, кем они были оставлены в степных памятниках. Принадлежность этих артефактов трипольцам не вызывает сомнения, но все остальные признаки, позволяющие считать их свидетельствами территориальной экспансии земледельцев в Степь, отсутствуют. Так или иначе, они маркируют наличие трипольского присутствия, а наиболее правдоподобной представляется интерпретация пунктов с трипольскими материалами в Степном Побужье как следов древних обменных путей. Не вызывает сомнения, что находки трипольских артефактов в зоне степных археологических культур энеолита и РБВ свидетельствуют о связях между разными этнокультурными областями. Эти контакты, следы которых теперь довольно многочисленны, существенным образом не повлияли на социально-экономическое развитие населения степного Побужья и Поднепровья.

Действительно поворотным моментом в древней истории Украины стало появление здесь земледельческих трипольских племен, заложивших на этой земле основы цивилизации и распространявших передовые достижения соседним племенам.

Финальный этап трипольской культуры, в том числе и в Северо-Западном Причерноморье, демонстрирует трансформацию земледельческого культурно-хозяйственного типа, вызванную надвигающейся арридизацией. Трипольцы приспосабливаются к новым экологическим условиям. На смену стремительному развитию приходит период выживания в неблагоприятных природных обстоятельствах, период дезинтеграции, упрощение социальной структуры, утраты основных этнокультурных параметров, определявших цивилизационный уровень земледельческой культуры.

КУЛЬТУРА ГУМЕЛЬНИЦА: БОЛГРАДСКИЙ ВАРИАНТ

В эпоху энеолита основным населением придунайских степей Одесской области Украины, как и смежной территории Республики Молдова, были племена культуры Гумельница, ареал которой охватывал центральные и восточные области нынешних Румынии и Болгарии от побережья Черного моря до условной линии р. Олт – р. Вит на западе, доходя на юге вплоть до Родопских гор.

История исследования. В целом, вопросы историографии, касающиеся подробностей изучения этой культуры румынскими и болгарскими исследователями, уже довольно пространно рассмотрены в монографиях В.С. Бейлекчи (1978: 4–9) и Л.В. Субботина (1983: 5–7). В настоящей работе только отметим, что со времени своего открытия в 1924 г. (Dumitrescu 1924: 325–342) гумельницкая культура, именуемая еще и как Коджадермен-Гумельница-Караново VI, представлена в Румынии и Болгарии почти тремя сотнями памятников. На рассматриваемой же территории таковых насчитывается 35.

Черныш
Екатерина Константиновна
(1924– 2006)

Первый из этих памятников был открыт в Одесской области на северо-восточном берегу придунайского озера Ялпуг у г. Болграда И.Т. Черняковым в 1960 г. (Черняков 1962: 141–143).[1] Материалы раскопок этого поселения привлекли живое внимание исследователей к этой ранее не известной для Юго-Запада СССР культуре. В Буджакской степи были открыты и другие гумельницкие поселения. На семи из них проводились стационарные раскопки (Болград, Озерное, Вулканешты II, Нагорное II, Лопацика, Кокора I, Тараклия I), появились многочисленные публикации, посвященные различным аспектам этой культуры (Бібіков 1971: 210–213; Бейлекчи 1978; Черныш 1982: 253–256; Субботин 1983; Бибиков, Субботин, 1985: 263–268).

К сожалению, за время исследований гумельницких памятников рассматриваемой территории в специальной литературе по различным причинам появилось немало различных наименований, относящихся к одним и тем же поселениям, а также ошибочных отнесений к гумельницким ряда инокультурных памятников. На устранение этих неточностей и ошибок была направлена специальная статья (Субботин 1986: 41–53), однако, допущенные в ней по редакционно-техническим причинам досадные смещения в справочных таблицах, только внесли в дело картографирования памятников культуры Гумельница дополнительную путаницу.

---

[1] В ряде публикаций авторами открытия этого памятника, помимо И.Т. Чернякова, называют то В.Н. Памукчи (Сальников 1964: 5; Черныш 1964: 25; Памукчи 2002: 136–137), то В.И. Красковского (Іванова, Ветчиннікова 1989: 61), то Т.С. Пассек (Черныш 1982: 253), либо просто – Молдавскую экспедицию ИА АН СССР, которую в те годы возглавляла Т.С. Пассек (Пассек, Черныш 1965: 6). Причисляется к первооткрывателям и автор настоящей статьи – Л.В. Субботин (Бейлекчи 1970: 3; 1978: 10), который никак не мог быть таковым, ибо впервые оказался на Болградском поселении при его раскопках в 1962 г.

Ниже приводится новая (уточненная, дополненная и расширенная) справочная таблица, содержащая перечисление рассматриваемых памятников гумельницкой культуры.

Таблица I

Основные и параллельные названия памятников	Местонахождение	Исследователи, годы исследований
Болград	Болградский р-н	Черняков И.Т., пм. 1960; Пассек Т.С., Черныш Е.К., шр. 1961, р. 1962–1963; Субботин Л.В., р. 1970, 1984, шр. 1999
Болград II (Криничное, Дачный)	Болградский р-н	Агбунов М.В., Субботин Л.В., пм. 1965; Бейлекчи В.С., шр. 1967
Владычень VIII (Владычень)	Болградский р-н	Черняков И.Т., пм. 1962
Грибовка IV	Овидиопольский р-н	Дзиговский А.Н., р. 2001.
Картал (Орловка I, II)	Ренийский р-н	Черняков И.Т., пм. 1962; Бондарь Р.Д., р. 1970-х – 1980-х гг.; Субботин Л.В., шр. 1974; Бруяко И.В., р. 2001–2003
Матроска	Измаильский р-н	Бондюгин И.Г., Паламарчук С.В., пм. 1977
Нагорное II (Нагорное)	Ренийский р-н	Субботин Л.В., пм. 1964, р. 1969, 1971; Шмаглий Н.М., шр. 1964; Бибиков С.Н., р. 1966; Гудкова А.В., р. 1969, 1981; Скакун Н.Н., р. 1983–1991.
Новокаменка IV	Измаильский р-н	Кравченко Н.М., пм. 1966.
Ново-Некрасовка I (Новонекрасовка)	Измаильский р-н	Черняков И.Т., Сазонов В.З., пм. 1964; Бибиков С.Н., шр. 1966
Ново-Некрасовка II	Измаильский р-н	Бруяко И.В., р. 2003.
Новосельское I	Ренийский р-н	Кожокару В.М., пм. 1980; Субботин Л.В., р. 1984; Новицкий Е.Ю., шр. 1988; Василенко Б.А., Субботин Л.В., р. 1989
Новосельское II	Ренийский р-н	Кожокару В.М., пм. 1980
Озерное (Озерное I)	Измаильский р-н	Чигирин В.К., пм. 1963; Пассек Т.С., Черныш Е.К., шр., р. 1963–1965
Озерное II	Измаильский р-н	Черняков И.Т., Сазонов В.З., пм. 1964
Омарбия	Килийский р-н	Черняков И.Т., Сазонов В.З., пм. 1964

Плавни I (Плавни)	Ренийский р-н	Черняков И.Т., пм. 1962
Плавни IV (Плавни)	Ренийский р-н	Черняков И.Т., пм. 1962
Рени (Джурджулешты, Джурджулешты I)	Ренийский р-н	Субботин Л, В., пм. 1967, шр. 1973
Ренийский II (Совхоз «Ренийский II», Ренийский с-з II)	Ренийский р-н	Субботин Л. В., пм. 1964
Суворово VI	Измаильский р-н	Агбунов М.В., пм. 1970
Утконосовка (Утконосовка II)	Измаильский р-н	Кравченко Н.М., пм. 1966
Утконосовка I	Измаильский р-н	Кравченко Н.М., пм. 1966
Утконосовка II (Утконосовка)	Измаильский р-н	Черняков И.Т., Сазонов В.З., пм., 1964; Субботин Л.В., шр. 1970
Республика Молдова		
Верхние Андруши	Кагульский р-н	Агульников С.М., пм. 1980
Вулканешты II (Вулканешты)	Вулканештский р-н	Черняков И.Т., пм. 1962; Пасек Т.С., Черныш Е.К., р. 1963–1965; Бейлекчи В.С., р. 1969–1970
Кокора I (Кокора, Кокоара I)	Кагульский р-н	Бейлекчи В.С., пм. 1966, р. 1972
Кокора II (Кокоара II)	Кагульский р-н	Дергачев В.А., пм. 1966
Колибаш (Колибашь I)	Вулканештский р-н	Бейлекчи В.С., пм. 1970
Лопацика	Кагульский р-н	Тарабукин Б.А., пм. 1965; Сергеев Г.Н., Печерский А.Н., р. 1965–1966; Бейлекчи В.С., р. 1968
Паланка	Суворовский р-н (Стефан-Водэ)	Волох И.Н., пм. 1985
Тараклия I (Тараклия)	Тараклийский р-н	Агульников С.М., пм. 1980; Манзура И.В., р. 1982, 1984; Сорокин В.Я., р. 1983; Бейлекчи В.С., 1985
Чалык III	Тараклийский р-н	Агульников С.М., пм. 1980
Этулия II (Этулия VII)	Вулканештский р-н	Субботин Л.В., пм. 1964
Этулия V (Новая Этулия V)	Вулканештский р-н	Субботин Л.В., пм. 1964
Этулия VI (Новая Этулия VI)	Вулканештский р-н	Субботин Л.В., пм. 1964, шр. 1970

(р. – раскопки; шр. – шурфовки; пм. – сбор гумельницкого подъемного материала с поверхности поселения; последующие поверхностные обследования не указываются)

На ступенях Одесского археологического музея (сентябрь 1974 г.), слева направо: Е.К. Черныш, Т.А. Попова, И.Л. Алексеева, Н.Б. Бурдо, К.В. Зиньковский, В.С. Титов, Л.В. Субботин. Из архива Л.В.Субботина

В качестве примечаний к данной таблице нужно добавить следующее.

1. Многослойные памятники Ново-Некрасовка II и Утконосовка I были открыты еще в 1964 г. И.Т. Черняковым и В.З. Сазоновым, но тогда гумельницкого материала на них выявлено не было (Шмаглій, Черняков 1965: 220).

2. С 1984 г. наименование «Нагорное II» было дано и другому, славянскому, поселению (Смиленко, Козловский 1986: 309), открытому еще в 1964 г. как поселение «Ренийский V» (Суботін 1968: 230, пункт 15). Гумельницкий памятник Нагорное II находится в 1 км к югу от с. Нагорное, славянский – в 3 км к северу от этого села.

3. Гумельницкое поселение Картал было открыто И.Т. Черняковым в 1962 г. как поселение Орловка II. Во время обследования Ренийского р-на, проводившегося автором настоящей статьи в 1974 г., наличие гумельницкой керамики было отмечено не только на месте данного поселения, но и на возвышающейся близ него «Каменной горе» – на памятнике Орловка I (городище Орловка). Более того, при зачистке приозерного обрыва здесь был выявлен участок гумельницкого культурного слоя. На основании именно этих фактов, а не «умозрительно», как считают Р.Д. Бондарь и В.Г. Петренко (2004: 34), можно утверждать, что именно «Каменная гора» – Орловка I является основным местом расположения гумельницкого поселения Картал. А Орловка II являлась его восточной окраиной, предместьем (Субботин 1986: 44–45).

Как недавно указали Р.Д. Бондарь и В.Г. Петренко (2004: 30), материалы культуры Гумельница (как и культуры Чернавода I) встречались на «Каменной горе» неоднократно и ранее. Лишь исследования последних лет, проведенные Нижнедунайской экспедицией, давшие значительные археологические свидетельства, убедительно доказали многовековую неразрывность Орловки I и Орловки II, начиная с энеолитического времени, и этот единый археологический комплекс получил наименование «Картал» – по старому названию села Орловка (Бруяко, Манзура, Субботин 2003: 56, 61).

4. Помимо поселений, указанных в таблице I, в литературе встречаются упоминания еще об 11 памятниках (Субботин 1986: 42, 48–50), которые либо ошибочно отнесены к культуре Гумельница (Кайраклия, Ивовое I, Пелиней, Ренийский III, Этулия I, Фурмановка), либо не существуют вовсе (Суворово IX, Страта Рэзешь, Утконосовка V и безымянные «на берегу Днестровского лимана» и «у р. Ботна»).

Как видно из приведенной таблицы, все рассматриваемые памятники в современных административных границах находятся на южных районах Одесской области Украины (23) и на смежном юге Республики Молдова (12). В географическом отношении это территория Буджакской степи, прилегающей к низовьям Дуная и Прута, занимающей Дунайско-Днестровский район Причерноморской низменности (рис. 7).

Поселения. Топография и стратиграфия. Большинство (20) поселений расположено на берегах (преимущественно на вторых террасах) пресноводных озер, 7 – у берегов крупных рек (3 – у Дуная, 3 – у Прута, 1 – у Днестра), 6 – на склонах небольших речек, впадающих в придунайские озера, 1 – на берегу р. Барабой при впадении ее в Черное море. Чаще всего для поселений выбирались участки мысов, образованных высоким обрывистым берегом озера или речки (6–25 м над уровнем воды) и глубоким оврагом (балкой), что создавало естественные условия для защиты жилой территории.

Площадь большинства поселений колеблется в пределах 0,5–1,0 га, но в ряде случаев она составляет 2 га (Озерное, Болград) и более (Владычень VIII, Ново-Некрасовка I, Тараклия I, Утконосовка), достигая до 10 га (Вулканешты II, Рени).

Мощность гумельницкого культурного слоя от 0,3 до 1,0 м. На большинстве раскапывавшихся памятников (Болград, Нагорное II, Озерное, Вулканешты II, Тараклия I) этот слой разделяется по оттенкам грунта на два пласта, постепенно переходящих друг в друга. Верхний из них, как правило, темнее – коричнево-серый суглинок, а нижний всегда более светлоокрашенный, чем предыдущий, по цвету он пепелисто-серо-коричневый (Кременецкий 1987: 62–66). Эти слои связываются с различными строительными горизонтами поселений, отличающимися и обликом материальной культуры, и особенностями домостроения: нижний из них характеризуется углубленными жилищами, верхний – наземными. Однако, такая стратиграфия не обязательна для всех поселений. На некоторых выявлен только один строительный горизонт, который связывается либо с углубленными жилищами (Кокора I, Кокора II, Ново-Некрасовка I, Новосельское I), либо с наземными глинобитными постройками (Орловка II, Рени, Этулия II, Этулия VI).

Жилые и хозяйственные комплексы. Выявленные раскопками жилища представлены как полуземлянками, так и наземными постройками. Среди полуземлянок различаются сооружения четырехугольных форм и геометрически неправильные, с плавно очерченными контурами, а среди наземных построек – саманные и обожженно-глинобитные (табл. II).

Таблица II

Соотношение количества и типов выявленных гумельницких жилищ

Поселения	Полуземлянки		Наземные постройки		Всего исследовано жилищ
	плавных очертаний	четырехугольных форм	обожженно-глиноbитные	саманные	
Болград	8	–	2	–	10
Вулканешты II	2	–	6	–	8
Кокора I	1	–	–	–	1
Лопацика	–	1	–	1	2
Нагорное II	4*	–	3	1	8
Новосельское I	–	1	7	–	8
Озерное	2	–	2	1	5
Тараклия I	2	–	3	–	5
Общие данные по 8 поселениям	19	2	23	3	47

* Одна из полуземлянок (№ 4), выявленная на поселении Нагорное II в 1969 г. (Субботин 1983: 25), по мнению Н.Н. Скакун, расширившей раскоп на этом участке поселения, являлась комплексом нежилых ям (Скакун 1987: 413).

Уровень исследований не дает возможности судить о количестве и расположении жилищ относительно друг друга на гумельницких поселениях Северо-Западного Причерноморья. В качестве аналогий в этом случае можно привлечь данные с аналогичных памятников Румынии. На частично раскопанном раннегумельницком поселении (варианта Алдень II) Стойкань жилища располагались в несколько рядов вдоль прибрежной трассы реки (Comşa 1963: 11); на единственном полностью вскрытом позднегумельницком островном поселении Кэсчиоареле планировка семнадцати наземных жилищ была приспособлена к конфигурации острова (Dumitrescu 1965: 218–224). Подобное первому варианту можно наблюдать на поселениях Болград, Озерное и Вулканешты II, второму – на поселении Нагорное II.

Полуземлянки. Раскопанные в Буджакской степи жилища полуземляночных типов были углублены в материк лишь на 0,3–1,0 м, т. е. на 0,6–1,3 м от дневной поверхности, что, собственно говоря, и позволяет интерпретировать их как полуземлянки. В подавляющем большинстве случаев форма этих жилищ напоминает в плане овал либо имеет плавные геометрически неправильные очертания (рис. 10, 2). Стенки обычно несколько отклонены, расширяя контуры жилища кверху. Площадь помещений от 9 до 160 м^2. Наименьшее из них, размером 2,2 х 4,0 м, отмечено в Озерном – полуземлянка № 2 (Субботин 1983: 22–23), а наибольшее, размером 10 х 16 м – в Тараклие I (Бейлекчи 1987: 514). Большие помещения состояли из 2–7 преимущественно плавно смыкавшихся между собою чашевидных углублений. В наибольших из них находились очаги открытого типа (иногда по 2–3 в одном жилище), которые устраивались в специальных выемках (иногда с подбоем) у стены либо (чаще) в центральной части жилища. В плане они овальные или округлые, диаметром 0,8–1,3 м. Края очагов обкладывались глиняными вальками либо

галькой, укрепленной глиняной обмазкою. На дно очагов обычно укладывалось 1–2 крупных камня, предназначавшихся для более длительного сохранения тепла.

Внутрь полуземлянки вел ступенчатый вход-спуск, устраивавшийся в ее стенке противоположной берегу озера или реки. Это отмечено у жилища № 5 Болградского поселения, № 1 Нагорного II и № 4 Вулканешт II. Ступени и пол жилищ рассматриваемого типа обычно плотно утрамбовывались.

При раскопках в заполнениях полуземлянок постоянно встречались глиняная крошка и мелкие уплощенные глиняные вальки с отпечатками прутьев и камыша. Все это дало повод считать, что наземные стены углубленных жилищ делались в виде обмазанного глиной плетня. Однако, указанные глиняные остатки, скорее всего, относятся к рухнувшей кровле, т.к. от каркасно-плетневых стен вокруг полуземлянок должны были бы сохраняться следы в виде цепочек ямок. Именно такая ситуация наблюдается у ряда гумельницких наземных жилищ Румынии и Болгарии (в Петру Рареш, Спанцове, Азмашко, Клиседжике и др.). Отсутствие же таких ямок дает основание предполагать, что стены вокруг углубленных участков полуземлянок достраивались из мало прочных саманных кирпичей, типа тех, что и ныне изготавливаются для небольших сельских построек в Придунайском крае. Последние, судя по наблюдениям К.В. Зиньковского, после покидания жилища полностью разрушаются и оплывают буквально в течение двух десятилетий, постепенно преобразовываясь впоследствии в чернозем (Зиньковский 1976: 41).

Думается, что возведение наземных стен не только увеличивало помещение до необходимых обитателям габаритов, но, и придавало их внешнему виду геометрически более правильные черты. Образовывавшиеся при этом в пределах внутренней части помещения на уровне дневной поверхности пристенные приступки могли использоваться для различных бытовых целей (например, как хозяйственные полки).

Очевидно, вальково-сырцовые стены были и у заглубленных в материк на 0,3 м четырехугольных жилищ поселения Лопацика и Новосельского I (рис. 10, 3). В лопацикской полуземлянке (жилище № 2) каких-либо конструктивных элементов интерьера отмечено не было (Бейлекчи 1972: 29, 30, рис. 1; 1978: 75, рис. 65; 79). Землянка же из Новосельского в этом плане представляет значительный интерес (Субботин 1990: 178–182; Субботин, Василенко 1999: 29, 31; Dolukhanov, Seferiades, Subbotin 2002: 45). В ней имелся пристенный очаг открытого типа, мелкие чашевидные углубления (4) и хозяйственные ямы, как в жилище, так и около него. Очаг был устроен в овально вытянутой вдоль стены выемке и огражден подковообразным бортиком из глиняных вальков, на дне выемки лежали крупные обломки двух сильно обожженных зернотерок. Здесь имелся прямоугольно выступающий у юго-западного угла тамбур входа. Вдоль стен находился неглубокий желобок; покрытие пола и его чашевидных углублений представляло собой довольно толстым (до 2 см) слоем плотно утрамбованной белесо-зеленоватой глины. В северной части жилища находилась глубокая (до 0,6 м) подпрямоугольная яма, наполовину заполненная крупными костями быка. В северо-западном углу – глинобитная вымостка и прямоугольная ниша в стенке над ней. В полу выявлены параллельные цепочки ямок от кольев, диаметром 4–8 см, большая часть которых, вероятно, связывается с устройством пристенных нар-лежанок.

Судя по тому, что ни в одной из гумельницких полуземлянок не зафиксировано ямок от подпорных столбов, служивших опорами при устройстве двускатных крыш, перекрытия этих жилищ видимо делались односкатными. Потолок совме-

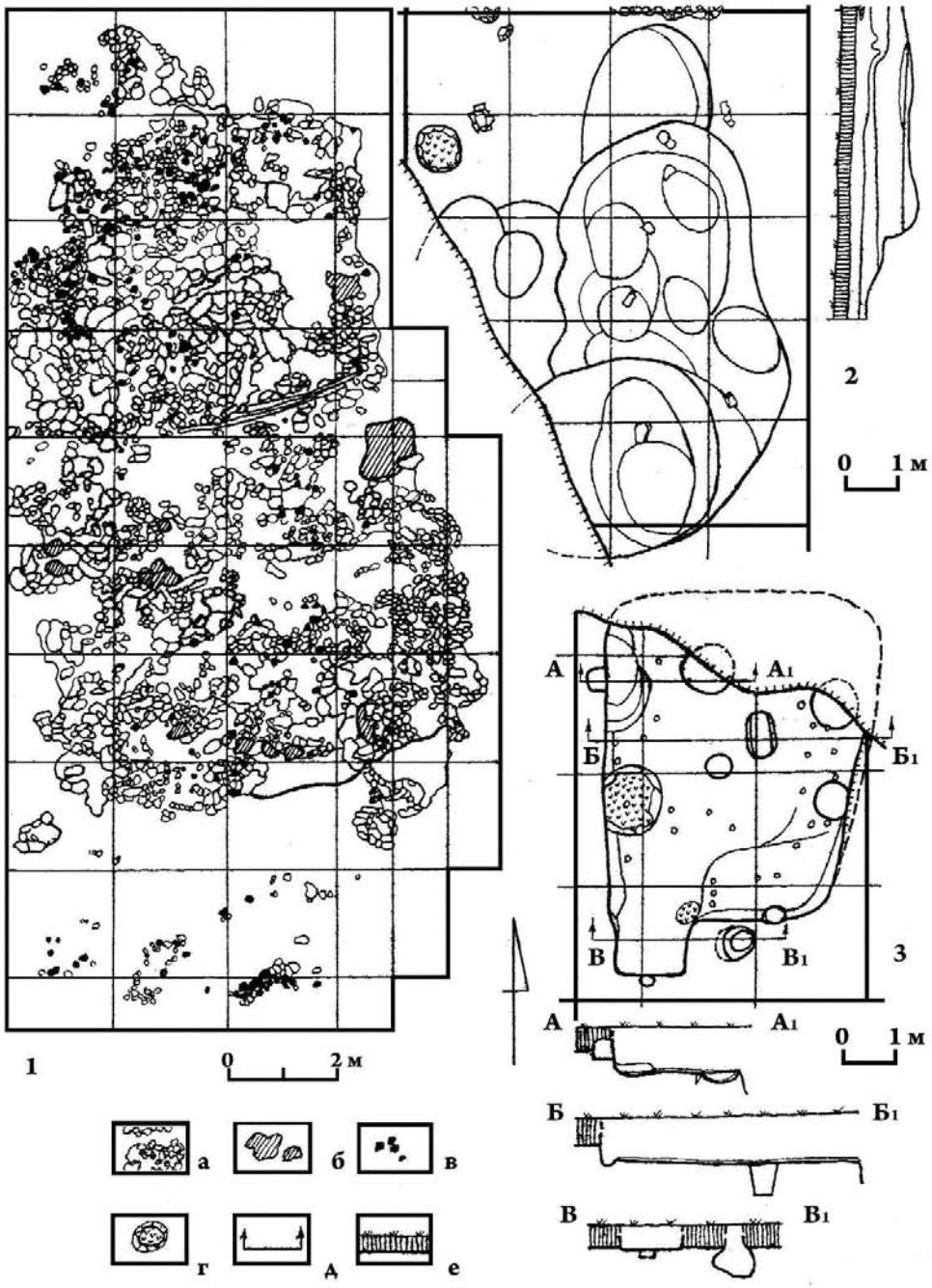


Рис. 10. Планы и разрезы различных типов жилищ: 1 – Вулканешты II; 2 – Болград; 3 – Новосельское – I (а – глиняные вальки; б – плитчатые возвышения; в – обломки посуды; г – очаги; д – места разрезов; е – современная почва)

щался с плоской крышей, которая сооружалась путем накладывания на торцы глинобитных стен опорных плах, затем веток, жердей и камыша, обмазывавшегося сверху слоем глины (Озерное, Нагорное II и Лопацика).

Наземные жилища. Простейший вид наземных построек, очевидно перекрывавшихся подобно описанным углубленным жилищам, выявлен в Озерном, Нагорном II и Лопацике. При раскопках эти жилища проявлялись по ровному площадочному залеганию различных артефактов материальной культуры, разрозненной глиняной крошки и кусочков обмазки, в том числе и с отпечатками прутьев. На одном из подобных жилищ поселения Нагорное II фиксировался и утрамбованный земляной пол со следами глиняной обмазки толщиной до 2,5 см (Скакун 1994: 59). На основании перечисленных признаков такие жилища стали считаться наземными постройками легких конструкций (Бейлекчи 1978: 80; Субботин 1983: 28, 123). В свете установленной вероятности использования в качестве основного домостроительного материала сырцовых вальков – самана, постройки этого типа вполне логично именовать саманными. Кусочки обмазки с отпечатками прутьев представляют остатки рухнувшего перекрытия, а никак не стен. Вместе с тем, по контуру жилище выявлены своеобразные дорожки из мелких камешков, которые были подмешены в глиняные вальки для обеспечения большей прочности фундамента постройки. В жилище поселения Лопацика существовало довольно сложное отопительное сооружение, представлявшее собой систему из трех овальных в плане очажных ям, соединявшихся канавками, которые, как и сами очаги, были оконтурены глиняными бортиками (Бейлекчи 1978: 83).

Более сложным и более совершенным типом наземных построек являются сооружения, возводившиеся из обожженных глиняных вальков (рис. 10, 1). Во время раскопок остатки таких гумельницких построек предстают в виде площадочных залеганий таких вальков и плитчатой обмазки. Исходя из этого, некоторые исследователи посчитали их глинобитными основаниями наземных жилищ (Пассек, Черныш 1965: 8), которым, по аналогии с трипольскими, дали наименование «площадки» (Черныш 1965: 84–85). Однако такой термин, как верно подмечено В.С. Бейлекчи, для рассматриваемого типа жилищ совершенно неприемлем, так как он «...вызывает впечатление какой-то платформы, на которой возводились затем стены жилища, или же подразумевается обмазанный глиной пол...», чего в этом типе жилищ не наблюдается – пол во всех известных случаях был земляным (Бейлекчи 1983: 213). Отмеченное же площадочное залегание обожженных глиняных вальков и обмазки образовалось в результате обрушивания перекрытий и развала их внешних стен и внутренних перегородок.

Представляется, что рассматриваемый тип наземных жилищ правомернее называть обожженно-глинобитными домами. В основе такого предположения лежит факт сооружения их стен из заранее обжигавшихся (Черныш 1965: 85) крупных глиняных кирпичей-вальков, в керамическое тесто которых примешивались не только солома и полова, как при изготовлении обыкновенно самана, но и песок. Возможно, что для придания таким постройкам большей прочности их глинобитные конструкции в процессе сооружения обжигались еще дополнительно кострами: стены – с внешней стороны, перекрытия – сверху. На это указывает различная степень обжига вальков, определяющаяся по их расцветкам. С внешней, обычно более гладкой стороны вальки имеют желто-оранжево-красный либо кирпично-красный цвет. С нижней же, обычно менее ровной стороны вальки желто-коричневатого и черно-серого цветов. Преимущественно на этой же стороне сохраняются и отпечатки плах, жердей, веток, прутьев и камыша.

Реконструкция вида раскопанных обожженно-глинобитных построек показывает, что все они имели в плане подпрямоугольную форму, занимали площадь от 40–50 м^2 (в основном) до 100 м^2. Дома были как однокомнатными (в большинстве известных случаев), так и двухкомнатными с соединяющими их дверными проемами и хозяйственной пристройкой с торца здания. В больших домах Вулканешт II меньшие комнаты занимали северную часть жилища, большие – южную. Размер комнат в жилище № 1– 5,5 х 7,0 м и 7,7 х 7,0 м; хозяйственная пристройка сделана с юга, ее размер – 4 х 6 м; комнаты жилища № 2 имели размеры 5 х 6 м и 7 х 6 м; пристройка – с севера, размер – 3 х 3,5 м (Бейлекчи 1978: 34, 42). Толщина наружных стен, если судить по крупнейшим из сохранившихся от них валькам, достигала 20–35 см, толщина внутренних (перегородочных) и пристроечных стенок – около 12–14 см.

Практически в каждой комнате имелась хозяйственная половина с одной-двумя пристенными возвышенными вымостками (обычно из двух-трех слоев плитчатой обмазки), возле которых, как правило, сосредотачивалась большая часть зернотерок и крупных кухонных сосудов. В этих же местах устраивались очаги открытого типа (печных сооружений ни в одном жилище не обнаружено). Существование подобного очага зафиксировано и в хозяйственной пристройке жилища № 1 Вулканешт II. По мнению В.С. Бейлекчи, отмеченное сходство интерьера и идентичность наборов инвентаря обоих помещений двухкомнатных домов свидетельствуют о том, что в каждой из комнат обитала отдельная парная семья (Бейлекчи 1978: 46).

В домах некоторых поселений (Нагорное II, Вулканешты II) прослежены ямки от столбов вероятно поддерживавших перекрытие либо крышу. Можно предполагать, что крыши рассматриваемых домов были камышовыми и двускатными, как это видно по глиняным моделям жилищ, найденным на различных гумельницко-карановских и трипольских поселениях (Субботин 1983: 28; Бейлекчи 1978: 123; Відейко 2003: 83–90, 170). Помимо жилых комнат, все постройки, очевидно, имели чердачное помещение, использовавшееся в хозяйственных целях. На поселении же Вулканешты II определяется и существование двухэтажного дома (жилище № 1), что свидетельствует о значительном прогрессе, достигнутом местными гумельницкими племенами в деле домостроительства.

Говоря о жилищно-хозяйственных комплексах поселений, следует добавить, что за пределами полуземлянок и наземных построек на памятниках существовали иные строительные объекты: различные по формам и размерам хозяйственные ямы, открытые очаги, печи специальных конструкций, канавы-ровики.

Многочисленные хозяйственные ямы (на поселении Нагорное II их насчитывается до 50) имели цилиндрическую и воронкообразную формы, сходные с теми, что выявлены внутри жилищ. Реже встречаются ямы грушевидные и колоколовидные, являющиеся, вероятно, зерновыми.

Очаги открытого типа устраивались в простых неглубоких ямах. Сложные же печные сооружения имели стенки и полусферический свод, облицованные глиняными вальками и плитчатой обмазкой. Любопытно открытие в Орловке II группы из семи куполообразных печей (Бруяко, Манзура, Субботин 2003: 59) и в Нагорном II печи-очага, диаметром 2,1 м, и ямы для сброса золы, диаметром 1,2 м (Скакун 1994: 61).

Длинные канавы-ровики с плоским дном, выявленные на поселениях Болград (три) и Нагорное II (две), которые они пересекали перпендикулярно к линии прибрежного обрыва, выкопаны, как считают исследователи, в качестве оградительных –

для вкапывания деревянных (либо камышовых) заборов (Пассек 1962: 25; Скакун 1994: 61). Однако, учитывая ненужность уплощения для таких целей дна и направленность канав только в сторону озера, они были, скорее всего, дренажными траншеями.

Материальная культура. Все найденные при раскопках поселений ***кремневые и каменные орудия***, несомненно изготавливались непосредственно на этих поселениях[1]. Свидетельство тому – отходы от производства орудий.

К числу таких отходов относятся нуклеусы (рис. 11, 15, 22), найденные на поселениях Болград и Вулканешты II (по 4 экземпляра), Озерное (2 экземпляра), Кокора I, Матроска и Новосельское I (по 1 экземпляру), а также многочисленные мелкие сколы и отщепы, подцилиндрические «высверлины» каменных топоров (Вулканешты II) и обломки топоров, недосверленных либо поломанных при обработке.

Жителями поселков добывались и активно использовались для изготовления многочисленных зернотерок и растиральников такие местные породы, как песчанистые известняки, кварцевые перекристаллизованные песчаники и т.п. В основном же, сырье для кремневых и каменных орудий было привозным. Треть кремневых инструментов, например, делалась из серого прутско-днестровского кремня, остальные – из желтого, коричневого и красного кремня Северной Добруджи. Оттуда же доставлялись и твердые породы камня: «зеленые» сланцы, диабазы, порфириты и др. (Петрунь 1967: 50–59).

Соотношение количества разных видов орудий, найденных при раскопках поселений, видно на приводимых ниже таблицах III–V. Они составлены на основе опубликованных данных по Болграду, Озерному и Нагорному II (Субботин 1983), Вулканештам II и Лопацике (Бейлекчи 1978; Субботин 1983), Кокоре I (Бейлекчи 1974) и по Тараклие I (Манзура, Сорокин 1990). Использованы также сведения из научных отчетов по Болграду (Субботин 1984) и Новосельскому I (Субботин 1984а; Василенко 1989). В число артефактов включены также и изделия, найденные при дополнительных обследованиях поселений.

Как следует из таблицы III, ведущим видом кремневых артефактов являлись призматические пластинки, – как с ретушью по одному либо двум краям, так и неретушированные (рис. 11, 6, 8). Длина пластинок – 2–8 см, ширина – 1–2,5 см. Служили такие пластинки, в основном, ножами. Из пластинок же делались и иные производственные инструменты. Большинство из них – пилки (рис. 11, 14), скобели (рис. 11, 16), долота (рис. 11, 5, 12). Меньше – проколки, развертки (рис. 11, 10, 11), резцы (рис. 11, 18, 19), сверла и острия. Изготавливались также вкладыши составных серпов (рис. 11, 9), стругов и молотильных досок[2].

Количественно второе место занимали скребки. Среди них различается два типа: концевые на призматических пластинках длиной 2–7 см, шириной 1,3–3,0 см, и подокруглые (чаще неправильной формы) на отщепах размером 4,6 х 3,8 см; 3,2 х 3,2 см; 2,4 х 2,0 см; 1,7 х 1,5 см и т. п.

---

[1] В Нагорном II, по мнению Н.Н. Скакун (1994: 62), такого местного производства не было. Кремень поступал на поселение из балканских кремнеобрабатывающих центров в виде заготовок или готовых орудий.

[2] Вкладыши стругов и молотильных досок впервые выявлены Н.Н. Скакун на поселении Нагорное II (Скакун 1985: 355). В таблице III они не фигурируют, так как количественными данными по артефактам раскопок Н.Н. Скакун на этом поселении мы не располагаем (не полны в связи с этим же статистические сведения по Нагорному II и в таблицах IV–VII данной работы).

Таблица III

Соотношение находок кремневых орудий

Орудия	Всего	%	Количество по памятникам							
			Болград	Вулканешты II	Кокора I	Лопацика	Нагорное II	Новосельское I	Озерное	Тараклия I
Призматические пластинки, ножи	151	41,9	22	19	1	12	11	66	14	6
Скребки	122	33,9	32	38	3	11	15	12	9	2
Вкладыши серпов	19	5,3	6	4	–	–	3	2	3	1
Скобели	14	3,9	3	8	1	1	–	1	–	–
Долота	12	3,3	6	1	–	–	1	4	–	–
Пилки	12	3,3	2	3	1	–	3	1	1	1
Резцы	8	2,2	3	–	–	–	1	4	–	–
Проколки, развертки	8	2,2	1	2	1	–	–	2	2	–
Острия	5	1,4	–	1	–	–	–	4	–	–
Отщепы с ретушью	5	1,4	3	–	–	–	2	–	–	–
Растиральники	1	0,3	–	–	1	–	–	–	–	–
Тесла	1	0,3	–	–	–	–	–	–	–	1
Сверла	1	0,3	–	–	–	–	–	–	1	–
Наконечники стрел	1	0,3	–	–	–	–	–	1	–	–
Всего	360	100%	78	76	8	24	36	97	30	11

Удаленность от сырьевой базы предопределила практически полное использование для работы всего сырья, – следы сработанности нередко отмечаются даже на неправильных сколах и на обломках нуклеусов. Показателем этой же ситуации явилось неоднократное использование одних и тех же пластин для выполнения различных функций: скребка и строгального ножа, скребка и скобеля, резца и скобеля, вкладыша серпа и, позже, скребка, и т. д.

Среди находок каменных изделий (таблица IV) ведущими являются топоры, представленные, в основном, обломками. Все они четко подразделяются на три основных типа: несверленые двусторонне-выпуклые, несверленые плоские и сверленые. Топоры первого типа (40 экземпляров) в поперечном сечении овальные, по профилю – симметрично-клиновидные (рис. 11, 29). Длина их от 8 до 17 см, наибольшая толщина размером от 3 х 4 см до 5,0 х 7,5 см. По форме среди них выделяется два подтипа: трапециевидные и подтреугольные. Несверленые плоские топоры (7 экземпляров), представляющие второй тип, все трапециевидные. Поперечное сечение их – уплощенный овал либо прямоугольник со слегка выпуклыми длинными сторонами. Обычная длина таких топоров 7,5–9,5 см, ширина лезвия 5–7 см, обуха – 3,0–4,5 см. Третий тип (рис. 11, 28, 30) представлен преимущественно топорами-молотами с отверстием под рукоять (40 экземпляров). Такие сверленые топоры найдены на поселении Вулканешты II (27 экземплярах), в Лопацике и Новосель-

Таблица IV

Соотношение находок каменных орудий

Орудия	Всего	%	Количество по памятникам							
			Болград	Вулканешты II	Кокора I	Лопацика	Нагорное II	Новосельское I	Озерное	Тараклия I
Топоры	87	32,7	4	39	1	5	8	16	9	5
Зернотерки	67	25,2	13	15	–	1	11	9	14	4
Растиральники	47	17,7	6	8	4	10	2	13	2	2
Тесла	31	11,6	2	10	1	6	1	5	2	4
Песты	11	4,1	6	1	–	–	–	–	4	–
Абразивы	7	2,6	1	4	3	–	–	1	1	–
Отбойники	7	2,6	1	3	–	–	–	–	–	–
Мотыги	3	1,1	1	1	–	–	1	–	–	–
Долота	2	0,8	1	1	–	–	–	–	–	–
Лощила	2	0,8	1	–	–	–	1	–	–	–
Грузила	2	0,8	1	–	–	–	–	1	–	–
Всего	266	100%	37	82	9	22	24	45	32	15

Таблица V

Соотношение находок орудий из кости и рога

Орудия	Всего	%	Количество по памятникам							
			Болград	Вулканешты II	Кокора I	Лопацика	Нагорное II	Новосельское I	Озерное	Тараклия I
Проколки и шилья	59	55,1	12	19	5	6	5	3	9	–
Мотыги и землекопалки	17	15,9	1	5	1	1	–	2	4	3
Лощила и т. п.	11	10,3	1	3	4	–	–	1	2	–
Долота	7	6,6	2	3	–	1	–	–	–	1
Орудия для плетения	5	4,7	2	–	–	–	–	–	3	–
Рукоятки	4	3,7	2	–	–	–	–	–	2	–
Гарпуны и остроги	3	2,8	–	1	–	–	–	–	2	–
Орнаментиры	1	0,9	1	–	–	–	–	–	–	–
Всего	107	100%	21	31	10	8	5	6	22	4

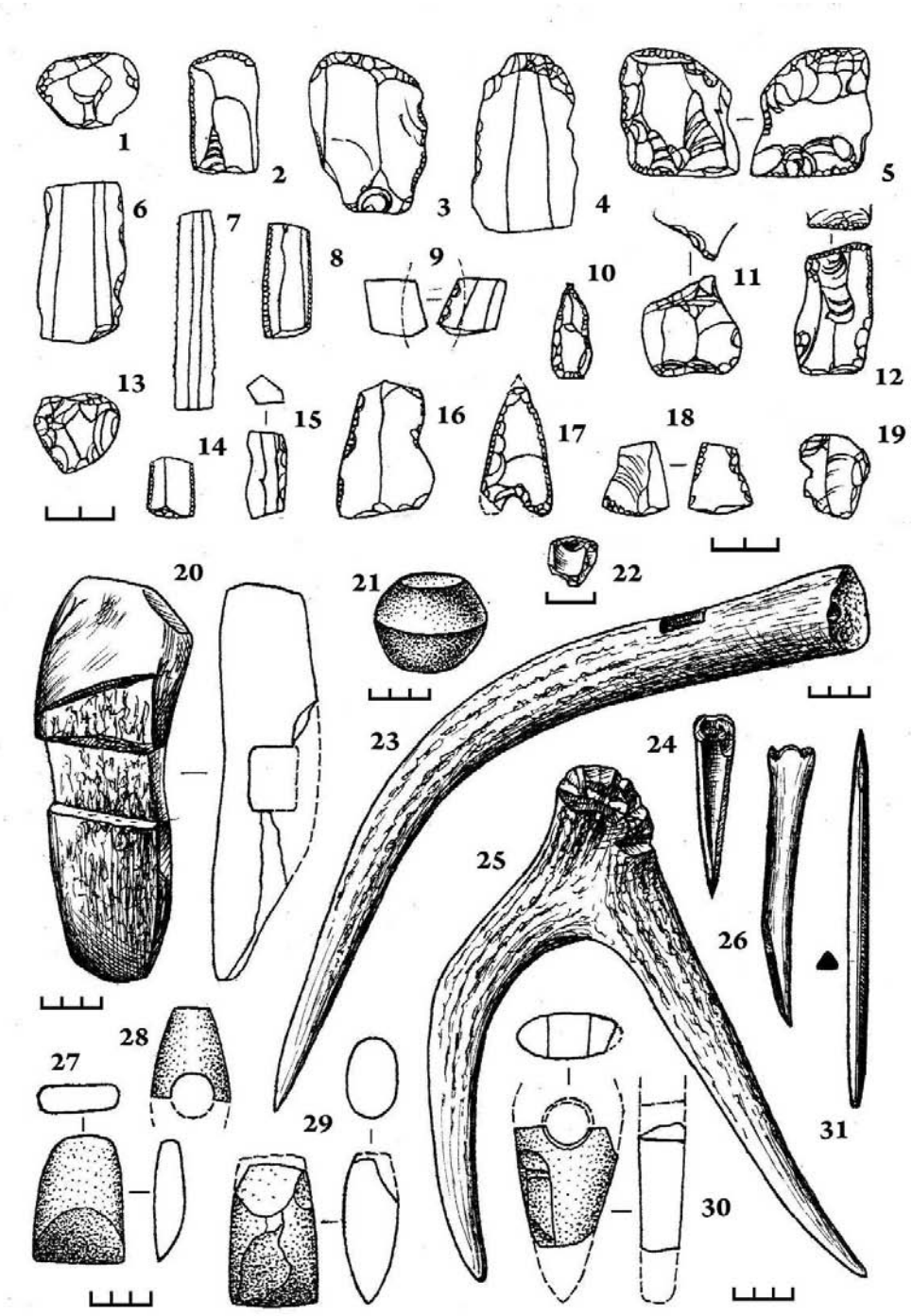


Рис. 11. Кремневый инвентарь – 1–19, 22; орудия из рога – 20, 25;
орудия из камня – 21, 27–29, 31; орудия из кости – 24, 26, 31 (1–19, 23, 27–29,
31 – Новосельское I; 20, 24, 25 – Озёрное I; 21, 30 – Болград;
22 – Матроска; 26 – Нагорное II)

ском I (по 3), в Озерном, Нагорном II, Тараклии (по 2) и в Кокоре I (1 экземпляр). Профили топоров этого типа подпрямоугольные либо битрапециевидные, в поперечном сечении – овал или почти квадрат с закругленными углами. Исключение – один граненый топор с шестиугольным сечением, найденный на поселении Вулканешты II (Субботин 1983: 45, рис. 16, 11). Длина сверленых топоров 8–15 см, ширина лезвия почти вдвое меньшего размера, диаметр отверстий – 1–3 см.

За топорами количественно следуют зернотерки (в основном, разбитые) и растиральники. Зернотерки сделаны в виде плит продолговатой ладьевидной формы. Их длинные стороны параллельны, узкие края закруглены. Размеры рабочих плоскостей различны: длина их – 30–60 см, ширина – от 11 до 42 см. Первоначальная толщина заготовок достигала 4–12 см. В результате абразивной обработки и дальнейшей сработанности рабочая поверхность плавно стиралась к середине до глубины 2–6 см. Растиральники, в зависимости от назначения, делались двух типов. В виде уменьшенных зернотерок с ровной либо слегка выпуклой рабочей стороной и, чаще, округлой формы, так называемые «куранты», размером 5 х 9,5 см; 5 х 7 см; 4 х 6 см и т. п. (рис. 11, 21).

Тесла, занимавшие по количеству найденных экземпляров следующее за зернотерками, 4-е место, имеют трапециевидную форму и асимметричный профиль (рис. 11, 27). Поперечное сечение их – уплощенный прямоугольник, одна из длинных сторон которого несколько выпуклая. Размеры различны: наибольшее, найденное в Озерном, имеет длину 8 см, ширину лезвия 5,5 см и ширину обушной части 3,5 см, соответствующие же размеры наименьшего, из Вулканешт II – 2,8; 2,5; 1,5 см.

Среди крупных несверленых орудий рубящих типов встречаются экземпляры с асимметричным лезвием, которые, по мнению некоторых исследователей, являлись мотыгами (Никишин 1947: 174; Кънчев 1972: 18–20). Поломанные топоры и мотыги часто использовались на рассматриваемых поселениях в качестве растиральников.

К тесловидным орудиям относятся два типа небольших долот: прямоугольные и трапециевидные.

Кроме отмеченных каменных изделий, связанных, в основном, с земледелием и деревообработкой, на поселениях довольно часто встречаются различные абразивные плитки, сланцевые лощила, песты и грубо обработанные шарообразные предметы (чаще – из «зеленого» сланца). Последние могли использоваться и для различных процессов дробления и растирания (зерен, красок), и в качестве метательных камней для пращи, и как грузики боласа при охоте.

Изделия из кости, рога и меди. Роговые и костяные изделия достаточно разнообразны, как по видам, так и по функциональному назначению (табл. V). Это – мотыги (рис. 11, 20, 23, 25), наконечники мотыг, мотыжки либо землекопалки, лощила и другие орудия для обработки шкур, муфты для крепления каменных орудий рубящего типа, рукояти для кремневых инструментов, кочедыки и спицы для плетения, долота, штампы для орнаментирования посуды, остроги и гарпуны. Наиболее массовыми орудиями из рога и кости являются шилья и проколки, которые в зависимости от способа их изготовления делятся по форме на пять основных типологических групп (Субботин 1983: 53). Из рога оленя сделана уникальная для рассматриваемой территории плоская схематизированная антропоморфная статуэтка-амулет, найденная на поселении Озерное. Из крупных роговых изделий особо выделяются двуотростковая мотыга из Озерного, общей длиной 28,5 см, и орудие из рога, длиной 57 см, из Новосельского I (рис. 11, 25), являющееся, по определению Н.Н. Скакун, частью бороздового приспособления, служившего для взрыхления почвы.

Предметы из меди единичны. Они представлены кованым четырехгранным шилом и кольцом из Болграда, квадратной пластинкой из Вулканешт II (Бейлекчи 1978: 22, рис. 5, 7), а также пронизкой и кольцом из Нагорного II (Скакун 1994: 65, рис. 7, 8, 9). В.А. Дергачев указывает еще на два медных невыразительных предмета с поселения Кокора 1 (Dergačev 2002: 17, табл. 9, А 1–2). Однако гумельницкими они не являются, т.к. выявлены на этом поселении в яме № 6, относящейся к эпохе бронзы (Бейлекчи 1974: 65, рис. 4, 1,3).

Среди редких изделий из иных материалов отметим пронизки из овальных пластинок перламутра, найденные на поселении Болград (Субботин 1983: 55, рис. 23, 4,11).

Керамика. Как и на синхронных памятниках Триполья, самым массовым вещественным материалом гумельницких поселений является керамика, представленная, в основном, разнообразнейшей лепной посудой. Несмотря на то, что подавляющая ее часть найдена во фрагментированном состоянии, вся посуда довольно определенно делится по бытовому назначению и технологическим признакам на две составные группы – кухонную и столовую, среди которых по вероятному функциональному назначению выделяется несколько видов, разделяющихся дополнительно, на основании геометрических особенностей форм, на типы и подтипы. Рассмотрим все основные категории посуды, не вдаваясь в их подробную характеристику, которая уже дана в ряде работ (Пассек, Черныш 1965: 10; Бейлекчи 1978: 95–116; Субботин 1983: 60–84).

Кухонная посуда преимущественно толстостенная (7–27 мм), изготовлена из комковатой глины со значительной примесью крупного шамота, мелкой половы, иногда – песка. В результате обмазки жидкой глиной, смешанной с крупным шамотом, и небрежных пальцевых расчесов в различных направлениях поверхность сосудов шероховатая, горлышки же их снаружи, как и вся внутренняя поверхность посуды, хорошо заглажены либо подлощены. Среди крупных сосудов встречаются экземпляры, украшенные по поверхности широкими горизонтальными каннелюрами либо различными сочетаниями углубленных линий. В целом для кухонной посуды характерны расчлененные вдавлениями либо защипами налепные валики и цепочки пальцевых вдавлений под шейкой, а также, раздельно расположенные по тулову сосковидные и полусферические бугорки-налепы с вдавленностью посередине либо вертикальной расчлененностью пополам. Среди посуды рассматриваемой группы выделяется 6 наиболее распространенных видов: котлы, кувшины, горшки, крышки, сковороды и цедилки.

Котлы имеют широко открытое устье и округло сужающийся книзу корпус с зауженным выделением придонной части (рис. 12, 1). Наибольшая высота их 35 см, диаметр венца 58 см, дна – 16 см.

Кувшины лепились с высоким яйцевидным корпусом, подцилиндрическим горлом и четырьмя петельчатыми вертикальными ручками, попарно – у плечиков и с противоположной стороны невысоко от дна (рис. 12, 4). Высота их от 40 до 85 см, наибольшая ширина 32–55 см, диаметр венчиков 13–28 см, доньев – 9–23 см. Все кувшины, как и большинство горшков, плоскодонные.

Самым массовым видом кухонной посуды являются горшки, среди которых выделяется 10 основных типов:

1. Высокие биконические горшки с высоко расположенным ребром (рис. 12, 3; 5, 11).

2. Грушевидные сосуды с едва выделенным цилиндрическим горлом, круто выпуклыми боками и зауженной придонной частью (рис. 12, 7).

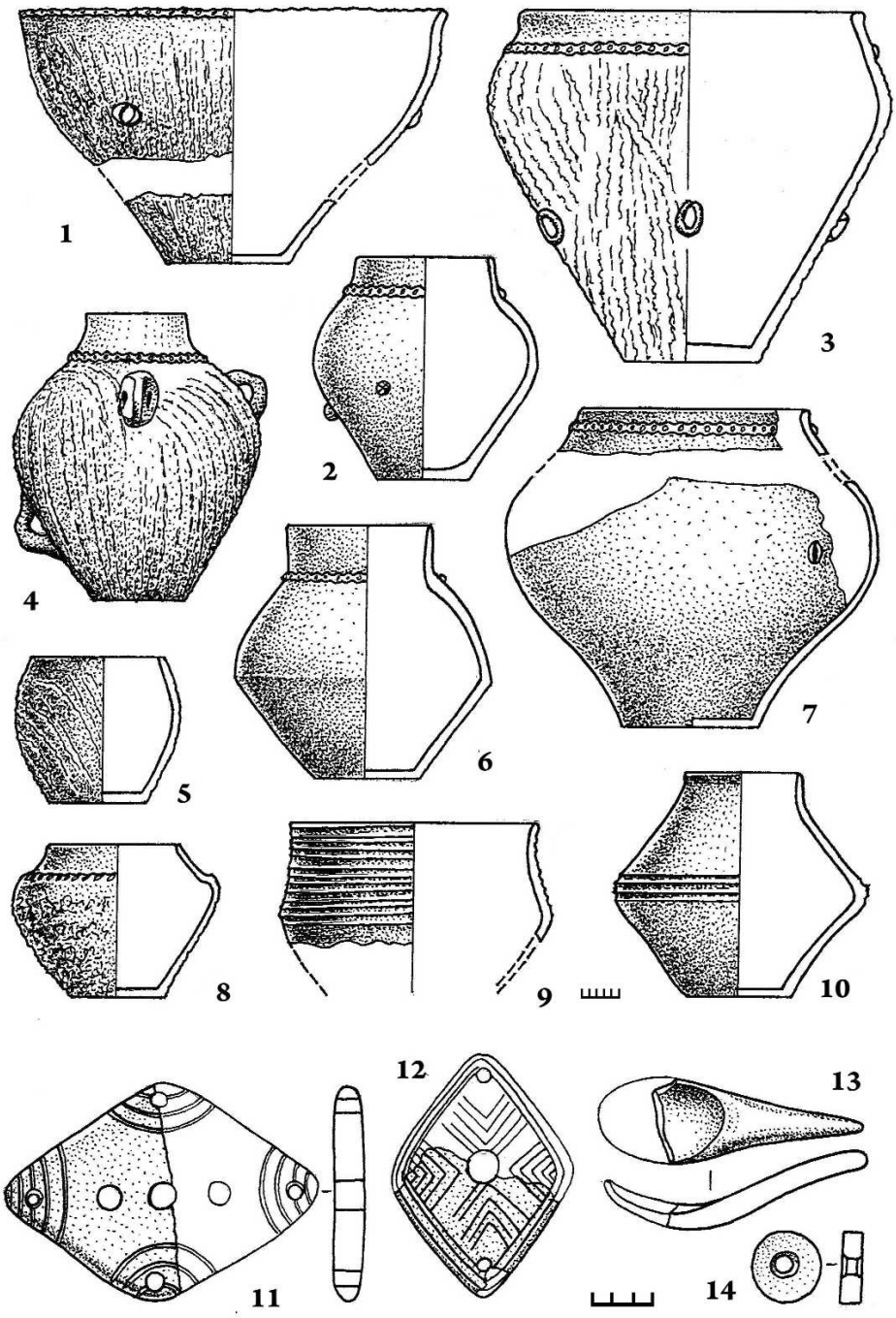


Рис. 12. Кухонная посуда – 1–10; амулеты – 11, 12; ложка – 13;
пряслице – 14 (1, 2, 4, 6, 7, 9, 11, 12, 14 – Нагорное II; 3, 5, 8, 10, 13 – Озёрное)

3. Горшки высоких пропорций с невысоким подцилиндрическим горлом и незначительно выпуклыми боками (рис. 12, 2).

4. Биконические горшки с четко выраженным плечиком и зауженной придонной частью (рис. 12, 8).

5. Широко открытые горшки с подцилиндрической верхней частью и конически сужающейся к полому цилиндрическому поддону.

6. Открытые горшки широких пропорций с S-видным профилем (рис. 12, 9).

7. Остроребериые биконические горшки с невысоким подцилиндрическим горлом (рис. 12, 6, 10).

8. Биконические горшки с высоким воронкообразно расширяющимся кверху горлом.

9. Горшки с округлым, несколько продолговатым в высоту корпусом и цилиндрическим горлом, имеющим слегка отогнутый венчик.

10-й тип представлен округлобокими горшками баночной формы.

К наиболее крупным сосудам рассматриваемого вида относятся горшки 1-го типа – высота их достигает до 80 см, дна – 30 см; наименьшими являются горшки 9-го и 10-го типов (рис. 12, 5), высотой 14,5–22 см, с диаметром венчика 13–19 см, дна – 10–13 см.

Крышки кухонных сосудов известны 3-х типов: полусферические с полой грибовидно выступающей наверху ручкой, полусферические с двумя налепными ручками-ушками по бокам и плоские круглые (лепешкообразные).

Все сковороды круглые, с невысокими прямыми отклоненными кверху стенками. Высота их 4–8,5 см, диаметр венца 30–48 см, днища – 24–44 см.

Цедилки, представляющие собой, как правило, выпуклобокие, сужающиеся книзу вместилища на подцилиндрических поддонах или, реже, на утолщенных ножках. В донышках и корпусе цедилок – многочисленные сквозные отверстия, диаметром 2–8 мм. Размеры цедилок различны: от крупных, с диаметром венчика около 23 см и дна – около 14 см, до небольших, имеющих в пять раз меньшие параметры.

Столовая посуда изготавливалась в основном из тонкоструктурной хорошо отмученной глины, иногда с примесью очень мелкого шамота или песка. В подавляющем большинстве случаев толщина стенок сосудов колеблется в пределах от 3 до 7 мм, однако, у ряда экземпляров она достигает и 11–13 мм. Дно сосудов делалось, как правило, слегка вогнутым. Вся поверхность посуды хорошо заглажена или прекрасно залощена, часто украшена каннелюрами, углубленным орнаментом, росписью белой (преимущественно), черной, красной или коричневой краской. Наиболее распространенные виды декора – цепочки выемок-вдавлений, сделанных приостренной стекой, тонкие прямолинейные и дуговидные прочерченные либо нанесенные краской композиции. Нередки случаи сочетания этих приемов орнаментирования с каннелированием, нанесением под венчиком изнутри красных лент либо перевернутых вершиной вниз и наискось заштрихованных (чаще – белой краской) треугольников. Основными видами столовой посуды являются горшки, кувшины, кубки, чашки и миски. Особый вид керамических вместилищ, связанных со столовой посудой, составляют ковши и ложки. По геометрическим разновидностям форм среди всех видов столовой группы посуды выделяется по несколько типов, среди которых различаются еще иногда и подтипы (особенности которых в данной статье отмечать не будем).

Столовые горшки напоминают своими формами кухонные, но отличаются от них меньшими размерами (высота 10–17 см, диаметр венчика 8–23 см, донышка

3,5–8 см), тонкостенностью, лощеностью и богатым орнаментальным оформлением поверхности. Среди этого вида посуды выделяется 3 типа:

1. Выпуклобокие горшки с высоким, слегка сужающимся кверху горлом и плавно отогнутым венчиком (рис. 13, 6).

2. Округлобокие горшки с шаровидным, иногда несколько вытянутым вверх корпусом, с едва отогнутым краем венчика (рис. 13, 2).

3. Широко открытые биконически-остроребериые горшки с почти S-видным профилем и небольшим дном (рис. 13, 3, 7).

Все столовые кувшины узкогорлые и имеют на боках ручки-налепы с горизонтальными отверстиями либо оттянутые книзу псевдоушки; и те, и другие располагались двумя парами ассиметрично – два на боку с одной стороны и два ниже с противоположной стороны. Высота кувшинов обычно равна диаметру наиболее выпуклой части корпуса, достигает 14–16 см, диаметр донышка – 5–6 см. Среди этого вида посуды различаются 2 типа:

1. Асимметрично-выпуклобокие кувшины, с высоким цилиндрическим либо слегка расширяющимся кверху горлом и плавно вогнутым дном.

2. Симметрично-выпуклобокие кувшины, с невысоким, расширяющимся кверху горлом и плоским дном; сосуды этого типа, в отличие от богато орнаментированных кувшинов 1-го типа, чаще всего не орнаментированы вовсе.

Кубки – наиболее богато орнаментированный, в целом, и количественно второй по массовости находок (после мисок) вид столовой посуды. Большинство кубков имеют высоту 10–11 см, диаметр венчика – 9–11 см, диаметр донышка – 4–5 см. Среди них выделяется 5 основных типов:

1. Кубки сложногеометрической формы, которая разделяется на три-четыре сектора (рис. 13, 1). Боковой сектор выполнен в виде цилиндрического пояса, от которого идет сужение корпуса вниз либо строго конически, либо конически, но с уступчатым выделением придонной части. Верхний сектор такого сосуда обычно вертикальный либо выполнен с небольшим сужением кверху, отделяясь от бокового пояса резко выраженным уступчиком.

2. Усечено-биконические сосуды с прямым либо чуть отогнутым краем венчика (рис. 13, 4).

3. Кубки с конически сужающимся книзу корпусом и цилиндрическим, чуть расширяющимся у верхнего края горлом.

4. Кубки с S-видным профилем.

5. Приземистые кубки с округло-уплощенной нижней частью и более высоким подцилиндрическим горлом с отогнутым у верхнего края венчиком (рис. 13, 5).

Среди кубков всех типов немало экземпляров, имевших на боку один оттянутый вниз налеп, иногда – со сквозным горизонтальным либо вертикальным проколом.

Самый массовый вид столовой посуды – это миски. Среди них известны как довольно крупные, с диаметром венчика в 42 см, так и малые, блюдцеподобные мисочки, с диаметром венчика 13–14 см. Размер высоты, как правило, меньше размера устья в 3–4 раза, более глубокие миски весьма редки. Дно делалось как плоским, так и слегка вогнутым. По моделировке форм различается 7 основных типов этой посуды:

1. Широко открытые усеченно-конические миски.

2. Широко открытые миски уплощенно-полусферической формы.

3. Полусферические миски с незначительным наклоном верхнего края вовнутрь.

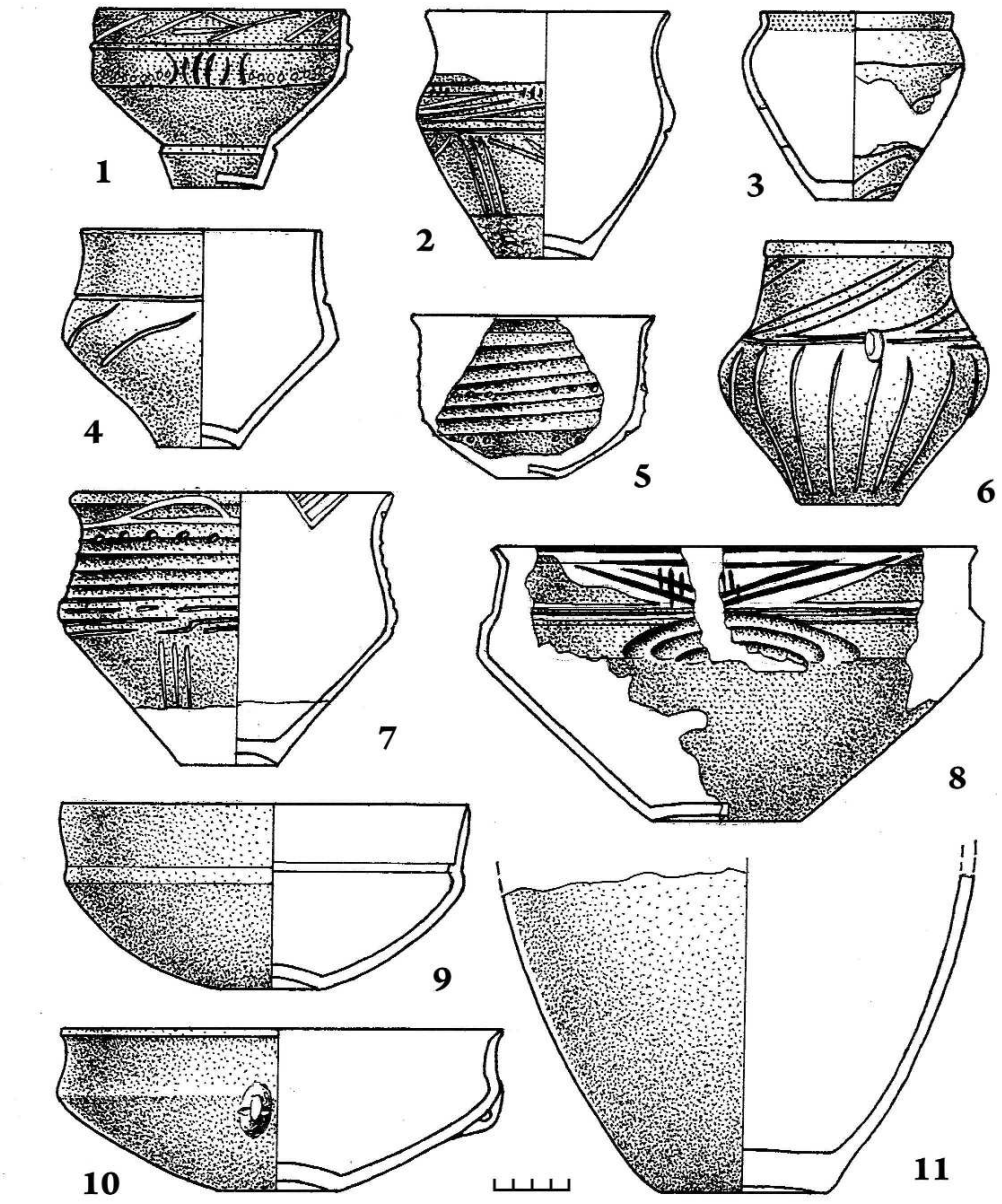


Рис. 13. Столовая посуда – 1–10; часть кухонного горшка – 11 (1, 4 – Нагорное II);
2, 7, 11 – Болград; 3 – Новосельское I; 5 – Картал (Орловка II);
6, 8, 10 – Озёрное; 9 – Ново-Некрасовка II)

4. Широко открытые миски с едва выпуклым конически сужающимся корпусом и со слегка отогнутым краем венчика.

5. Остроребериые миски с сужающимся книзу корпусом и с цилиндрической верхней частью.

6. Миски с S-видным профилем.

7. Глубокие биконические миски с округлым либо подцилиндрически оформленным ребром.

Чашки обычно приземистые и малых размеров: высотой 4–7 см, шириной 6,5–12 см. Несмотря на малочисленность и почти полную индивидуальность черт различных экземпляров, среди них можно выделить 3 обобщающих типа. Это – чашки усеченно-конические; чашки с цилиндрическим горлом и округло-конической частью вместилища; чашки с S-видным профилем при уплощенно-сферическом основании.

К столовой посуде условно можно отнести разнообразные миниатюрные сосудики с незначительным вместилищем. Их можно обобщенно разделить на три категории: относительно толстостенные (0,5–1,2 см при диаметре венчиков 4,5–7,0 см) конических и биконических форм; не менее толстостенные (при высоте 2,0–2,5 см и диаметре устья до 4-х см) неправильных, асимметричных форм; тонкостенные, повторяющие в миниатюре традиционные формы горшков, кубков и мисок.

Ложки и ковши имеют овальные в плане вместилища (у ложек мелкие, у ковшей – полусферические и более глубокие) и наклонно поднимающиеся либо горизонтальные ручки (рис. 12, 13), делавшиеся иногда с изогнутым книзу под прямым углом краем.

Среди иных керамических изделий, встречающихся на гумельницких поселениях, следует отметить уплощенно-цилиндрические пряслица для веретен (рис. 12, 14), четырехугольные сосуды и модельки жилищ, плоские ромбовидные амулеты (рис. 12, 11, 12), округлые в плане и четырехугольные с закругленными углами «столики-алтари» на четырех ножках и насчитывающая около 100 экземпляров ***антропоморфная пластика*** (Субботин 1976: 21–36; Субботин 1983: 107–116; Бейлекчи 1978: 117–121; Манзура, Сорокин 1990: 80, 91; Скакун 1994: 63–64).

За исключением одной антропоморфной фигурки из Вулканешт II (Бейлекчи 1978: 29, рис. 11, 1), одной из Нагорного II (Скакун 1994: 63, рис. 5, 1) и одной из Болграда (Субботин 2003: 60 рис. 11, 13), все предметы ритуального назначения найдены во фрагментах с явными следами поломок этих изделий в древности.

Судя по найденным обломкам, ромбовидные амулеты были длиной от 7 до 14 см, шириной 6–13 см, толщиной от 0,8 до 1,6 см. Антропоморфная пластика изготавливалась в основном высотой от 6 до 22 см (рис. 14, 2–7, 9). Редким исключением являются упомянутая целая статуэтка из Болграда, высотой всего 2,5 см (рис. 14, 8), и особо крупная фигурка из Нагорного II, от которой выявлена лишь верхняя половинка высотой 14,3 см. Предполагаемая высота целого изделия была не менее 30 см (рис. 14, 1). Миниатюрная болградская фигурка, вероятнее всего, предназначалась для помещения в модель жилища. Статуэтка из Нагорного, возможно, и не являлась собственно статуэткой, а могла быть лишь антропоморфной частью своеобразного «алтаря» (Скакун, Риндюк 2000: 24–25).

Остальная глиняная антропоморфная пластика передает в своем большинстве схематизированный образ женщины-богини, стоящей в позе оранты – с воздетыми кверху руками, либо, в единичных случаях, изображает мужчин в аналогичной же позе. Основное отличие этих видов статуэток заключается в специфическом выде-

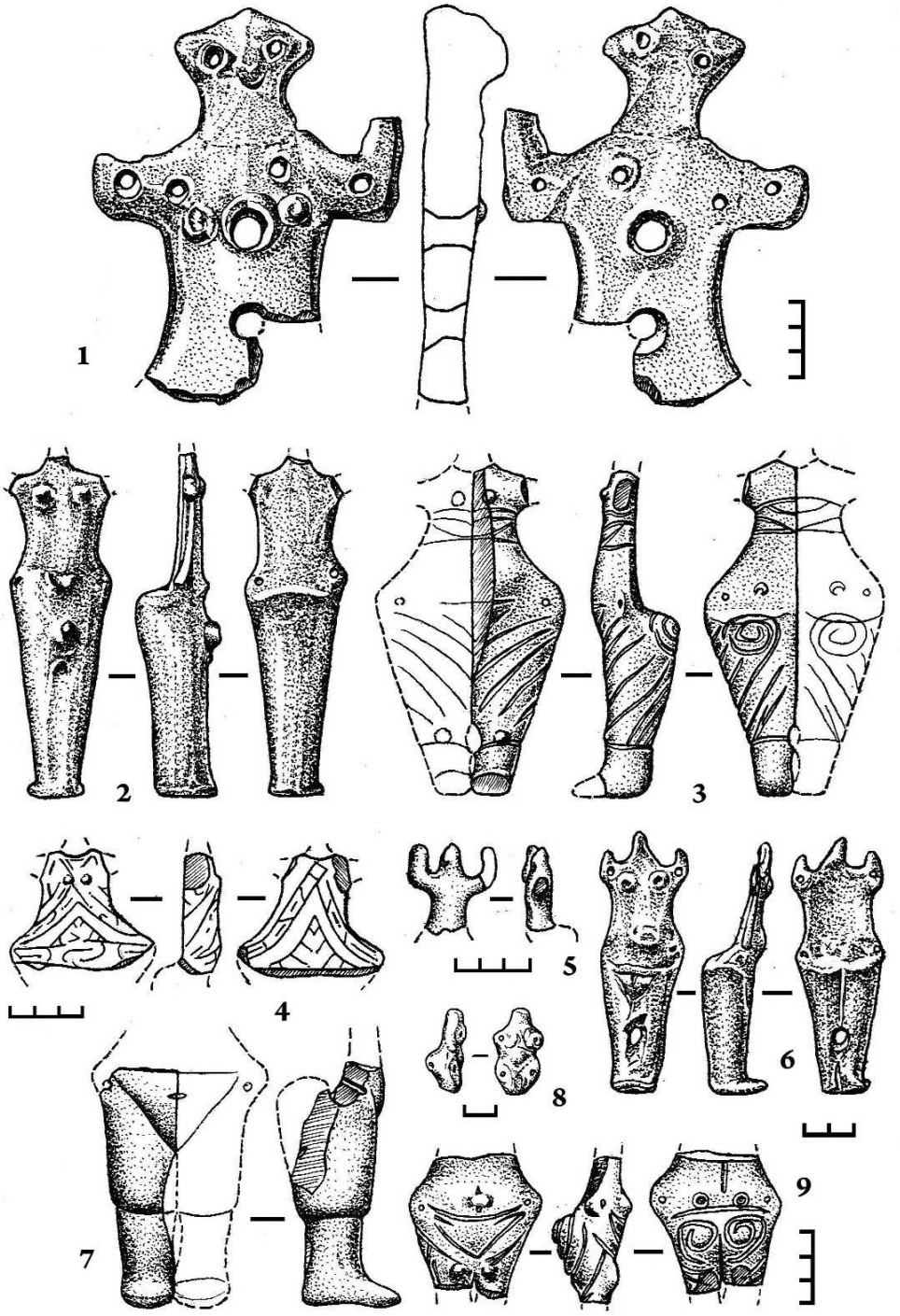


Рис. 14. Антропоморфная пластика:
1, 2, 5, 6 – Нагорное II; 3 – Ново-Некрасовка I; 4, 9 – Озёрное; 7, 8 – Болград

лении соответствующих половых признаков и в моделировке ног у мужских фигурок слитно, в виде столбика с общей ступней.

Уникальными являются две фигурки. Одна из них натуралистическая, найденная в Вулканештах II, изображает (судя по реконструкции) сидящего на скамеечке «мыслителя» (Пассек, Герасимов 1967: 38–42). Вторая – почти целая статуэтка из Нагорного (рис. 14, 2), вроде бы обычного типа, но олицетворяет двуполое божество – «гермафродита», на что указывают переданные налепами груди, пупок и признаки мужского пола (Скакун 1994: 63, 64; Скакун, Риндюк 2000: 22, рис. 1).

Хозяйственная деятельность. Хозяйство рассматриваемых энеолитических общин имело, в целом, производящий характер (Бейлекчи 1978: 125–129; Субботин 1983: 90–104). Жизненную основу составляли земледелие и животноводство. О высоком удельном весе последнего, в сравнении с охотой, свидетельствует значительный остеологический материал поселений: 88,8% определенных по нему особей относится к категории домашних, 85% из которых занимали сельскохозяйственные животные. Это – крупный рогатый скот, составлявший в стаде 36,4%, мелкий рогатый скот (козы и, преимущественно, овцы) – 34,7%, свиньи – 18,4% и лошади – 10,5%.

В целом, количественное и процентное соотношение домашних животных на поселениях и состав их стад наглядно видны по приводимым ниже таблицам VI и VII. Статистические данные указываются в них на основе определений сделанных до 1990 г. В.И. Бибиковой, А.И. Давидом, В.И. Цалкиным и Г.Д. Чемыртаном (к сожалению, отсутствуют сведения по фауне Тараклии I и Нагорного II из раскопок Н.Н. Скакун 1983–1991 гг.).

Таблица VI

Состав домашней фауны поселений

Вид	Всего	Количество по памятникам						
		Болград	Вулканешты II	Кокора I	Лопацика	Нагорное II	Новосельское I	Озерное
Крупный рогатый скот	340	59	98	41	53	10	49	30
Мелкий рогатый скот	324	57	69	40	50	8	50	50
Свинья	172	26	36	28	26	6	24	26
Лошадь	98	26	7	22	6	2	26	9
Собака	40	5	4	7	3	–	8	13
Кошка	1	–	–	–	–	–	1	–
Всего домашних животных	975	173	214	138	138	26	158	128
% от всех млекопитающих	88,8	90,6	93,9	76,2	96,5	96,3	90,0	84,2
Всего сельскохозяйственных животных	934	168	210	313	135	26	149	115
% сельскохозяйственных животных от всего состава млекопитающих (от 1098)	85,0	88,0	92,1	72,4	94,4	96,3	82,7	75,7

Таблица VII

Соотношение видов сельскохозяйственных животных

Поселение	Всего особей сельскохозяйственных животных	В том числе %			
		Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь
Болград	168	35,1	33,9	15,5	15,5
Вулканешты II	210	47,2	32,5	17,1	3,2
Кокора I	131	31,3	30,5	21,4	16,8
Лопацика	135	39,3	37,0	19,3	4,4
Нагорное II	26	38,5	30,7	23,1	7,7
Новосельское I	149	32,9	33,6	16,1	17,4
Озерное	115	26,1	43,5	22,5	7,9
Всего	934	36,4	34,7	18,4	10,5

Как видно из таблицы VI, количество выявленных особей домашних животных существенно превалирует над числом диких млекопитающих. Особенности видового состава стада, сравнительно высокий удельный вес в стаде лошади, намечающиеся различия в породах крупного рогатого скота и установленное широкое использование в пищу молодых животных дают основание рассматривать животноводческое хозяйство гумельницких племен более развитым по сравнению с синхронным трипольским (Цалкин 1967: 43–49; 1970: 241, 268, 272).

Земледелие, судя по выявленным артефактам, в своей основе было мотыжным, но уже, вероятно, с зачатками пашенного способа обработки полей (Субботин 1983: 91–93). Местные земледельцы выращивали семь видов зерновых: три сорта пшеницы (однозернянку, двузернянку и спельту), два сорта ячменя (пленчатый и голозерный), овес и просо обычное (Янушевич, Маркевич 1970: 88–89; Янушевич 1976: табл. 6; Субботин 1983: 92).

О развитии зернового сельского хозяйства говорят и ранее описанные различные орудия, применявшиеся при уборке и обработке урожая. Вместе с тем, как показало палинологическое изучение разрезов ряда гумельницких поселений, земледелие, хотя и было по тому времени довольно высокоразвитым, вряд ли играло более высокую роль, чем скотоводство (Кременецкий 1987: 68).

Из важных достижений гумельницкого общества следует отметить ранее оговоренные высокоразвитое домостроительство, блестящее гончарство и высокую качественность продукции камнеобрабатывающего и кремнеобрабатывающего производств, выделяющихся в ранние формы ремесла.

Погребальный обряд. Среди гумельницко-карановских памятников Румынии и Болгарии известно более 30 погребальных. Они представлены как крупными обособленными грунтовыми могильниками, так и одиночными захоронениями, находившимися в пределах поселений (Авилова 1986: 41–52). К северо-востоку от

Дуная-Прута пока выявлено лишь одно достоверно гумельницкое погребение. Однако, уже по нему можно судить о том, что местное население сохраняло погребальную обрядность, присущую всему ареалу культуры.

Речь идет об открытом в 1962 г. на поселении Болград западнее наземного жилища 1 захоронении ребенка 5–7-летнего возраста (Черныш 1964: 28–29).

Погребенный лежал на площадке из крупных плоских камней на левом боку, головой на северо-восток; ноги его были слегка согнуты в коленях, руки прижаты к груди и направлены кистями к подбородку. За спиной стоял лощеный кубок, в ногах найден скелет рыбы. Захоронение перекрывал двухслойный заклад из плоских камней, среди которых находились кости жертвенных животных и обломки посуды.

Возможно, гумельницким являлось и скорченное на левом боку захоронение человека на поселении Лопацика (Бейлекчи 1978: 78). Однако, ориентировка этого погребенного не известна и, главное, оно выявлено в неопределенных стратиграфических условиях.

На Болградском поселении, помимо указанного погребения, в 1962 г. было отмечено три случая находок крупных фрагментов черепов взрослых людей. Один такой фрагмент находился ниже захоронения ребенка на дне канавы, пересекавшей поселение. Остатки еще одного черепа (предположительно женщины) были найдены в гумельницком слое под камнем, в 3–4 м к северо-востоку от предыдущего.

Обе находки исследователи посчитали особым типом погребений – частичными захоронениями отдельных черепов (Черныш 1964: 28; Субботин 1983: 106). Однако такая трактовка опровергается третьим крупным обломком крышки черепа, который был выявлен наряду с гумельницкой керамикой среди завала камней над хозяйственной ямой № 1 шурфа 2 в 1999 г.

Пользуясь тем, что шурфовки того года проводились на Болградском поселении в рамках программы INTAS, обломок черепа был отправлен на экспертизу в лаборатории Франции. В результате проведенного там анализа на внешней поверхности черепной крышки выявлены три искусственно образованные ямочки, диаметром 1,5–3 мм, и борозды от скобления по еще свежей внутренней поверхности. Все это дает основание полагать, что из черепа человека сразу после его смерти извлекался мозг, то есть речь идет о вероятности бытования среди людей гумельницкой общности каннибализма (Dolukhanov, Seferiades, Subbotin 2002: 44–45). Возможно, именно с таким явлением следует связывать и обе предыдущие находки частей черепов.

Из иных антропологических материалов отметим еще фалангу пальца ноги человека из ямы № 1 поселения Болград (шурфовки 1999 г.), фалангу пальца руки человека из раскопок этого же поселения в 1984 г. и два человеческих зуба из мелкой выемки на дне полуземлянки Новосельского I.

Культурно-хронологическая позиция памятников. Опираясь на все материалы, полученные в результате исследований рассматриваемых памятников, в сопоставлении с однокультурными памятниками Балкано-Дунайского региона, а также с синхронными и территориально близкими памятниками Триполья, можно констатировать следующее.

Степная зона Северо-Западного Причерноморья, примыкающая к низовьям Дуная и Прута, была заселена и освоена племенами гумельницкой культуры на ран-

нем этапе ее развития, соответствующем Гумельнице А2 и синхронному Триполью А/II, – где-то в конце 1-й половины IV (V) тыс. до н.э. Переселение происходило из северо-восточных районов нынешней Румынии, где к тому времени сформировался гумельницкий локальный вариант Стойкань-Алдень, или Алдень II, трактующийся разными исследователями то, как особый ранний «аспект» или «облик» Гумельницы, то как самостоятельная культура. Переселенцы, естественно, сохранили основные черты, оформившиеся на территории прародины. Все это, подтверждаемое соответствующими археологическими материалами, и дало основание ряду исследователей первоначально относить рассматриваемые памятники непосредственно к варианту Алдень II (Черныш 1964: 27; 1965: 84; 1969: 23; Пассек 1965: 8; Бейлекчи 1978: 15–16).

Вместе с тем, исследователи уже с самого начала изучения материалов из поселений Буджакской степи обратили внимание и на их определенное своеобразие, на отличие ряда черт не только от классической Гумельницы, но и от ее алденьской группы (Черныш 1965: 85; Бибиков 1966: 96–99). Это обстоятельство предопределило появление новых, различных точек зрения на культурно-историческую принадлежность рассматриваемой группы памятников.

Так, Х. Тодорова отделила от культуры Гумельница все памятники ее северовосточного ареала (в том числе и Алдень II) и представила их «Болградским вариантом культуры Варна» (Тодорова 1979: 32, 70). Якобы именно такой культурный вариант образовался в результате «экспансии энеолитических племен» культуры Варна на север, где они «колонизировали приозерные и приречные районы Бессарабии». И, освоив, мол, эту территорию, пришельцы продолжали «поддерживать контакты со своей метрополией» через Черное море (Тодорова 1979: 12,13, 70)[1].

Основных положений такой концепции Х. Тодоровой придерживается и В.С. Славчев. Он высказался за включение этого «весьма интересного явления», как и «добрудженского варианта» культуры Гумельница AI, в общий культурный комплекс с культурой Варна, «независимо от различий в архитектуре и погребальных ритуалов» (Славчев 2005: 28–30).

Однако все эти положения явно необоснованы, так как, за исключением единичных общих признаков в керамике, присущих всему балкано-дунайскому энеолиту, материальный комплекс поселений, жилищная архитектура, погребальные и культовые артефакты болградской группы памятников фактически совершенно отличаются от варненских.

Е.К. Черныш также отнесла эту группу памятников к Болградскому варианту, однако, как к варианту, являющемуся составной частью особой культуры Болград-Алдени, «связанной с гумельницкой культурной общностью» (Черныш 1982: 253). Хотя, заметим, ранее исследователь относилась к вопросу выделения памятников алденьского типа из гумельницкой в самостоятельную культуру совершенно негативно (Черныш 1964: 27).

Понятие «Болград-Алдени», заявленное Е.К.Черныш в таком авторитетном фундаментальном издании как «Археология СССР» (Черныш 1982), было воспринято рядом исследователей в качестве бесспорного и стало механически кочевать (хотя, иногда и с вариациями) из статьи в статью.

---

[1] Культура Варна, по Тодоровой, занимала широкую полосу всего западного побережья Черного моря, а «унифицированный облик культуры Коджадермен-Гумельница-Караново VI» охватывал всю остальную территорию «этнокультурной области фракийского энеолита» (Тодорова 1979: 13).

Так, Н.Н. Скакун стала относить все гумельницкие памятники Буджакской степи к «болградской (Алдень II) энеолитической культуре», либо к культуре Болград-Алдень II (Скакун 1986: 91; 2001: 108). В.Я. Сорокин относит эти памятники к культуре Болград-Алдень. В одних случаях он считает эту культуру, входившей в культурную общность Гумельница-Коджадермен-Караново VI, в других – представляющей совершенно самостоятельное культурное образование Болград-Алдень (Сорокин 1989: 13; 1990: 36; 1991: 24–25; 1997: 138 и др.). Н.А. Чмыхов и И.Т. Черняков упоминают Болград-Алдени в качестве самостоятельной части гумельницкого общества (Чмихов, Черняков 1988: 65). В.Г. Петренко вначале относил рассматриваемые поселения к «энеолитической группе Болград» без указания какой-либо культурной привязки (Петренко 1989: 18), а позднее, – непосредственно к культуре «Болград-Алдень (Гумельница)» (Бондарь, Петренко 2004: 34). Иногда эти памятники рассматриваются как неразрывная часть «круга памятников типа Болград и Стойкань-Алдень» (Манзура, Сорокин 1990), или входящими в единую «культурную группу Болград-Алдень – локальный вариант культуры Гумельница» (Попова 1989: 183).

Неустойчивость позиции в этом вопросе наблюдается у М.Ю. Видейко, относящем эти памятники то к культуре Болград-Алдень (Видейко 1999: 38), то к Болградскому варианту культуры Гумельница (Словник… 1996: 27–28; Відейко 2003: 163).

Об особой культуре, отраженной в гумельницких материалах левобережного Понизовья Дуная, еще раньше, чем Е.К. Черныш, высказывался С.Н. Бибиков[1]. Он наименовал выделяемую культуру Болградской, хронологически разделяющейся на «Болград I» и «Болград II» (Бибиков 1966: 96–99). Однако, позже, пересмотрев эту точку зрения, он посчитал, что более правомерно не выделять эти памятники в новую культуру, а относить их к «региональному типу гумельницких памятников», а конкретнее – к отдельному (болградскому) варианту культуры Гумельница (Бібіков 1971: 213).

Именно последней точки зрения придерживается и автор настоящей статьи (Субботин, Дубин, Агбунов 1971; Субботин 1975: 23; 1976: 36; 1978: 36–41; 1983: 119–137; 1992: 19–21; Бибиков, Субботин 1985: 268). Относительно иных концепций уместно заметить следующее.

Исходя из сопоставления вещественных памятников, вопрос о возможной принадлежности Болградского варианта к культуре Варна явно не выдерживает критики. Тем более, когда, по мнению некоторых исследователей, сама варненская группа памятников является не отдельной культурой, а лишь одним из вариантов культуры Гумельница (Simon 1983: 305–319).

Локальным вариантом Гумельницы, а никак не особой культурой является и «культурный аспект» (по Е. Комше) Алдень II, или иначе – Стойкань-Алдень. В свете этого представляется неоправданным даже само применение такого смешанного понятия, как «Болград-Алдени» («Болград-Алдень») в качестве основного синонима понятию «Болградский локальный вариант культуры Гумельница» (Bruyako, Manzura, Subbotin 2005: 13).

Исходя из этих позиций и не вдаваясь в уже приводившиеся доказательства несомненной принадлежности рассматриваемых памятников к культуре Гумельни-

---

[1] Подчеркнем, что термин «культура Болград» предлагался в свое время именно С.Н. Бибиковым, а не Л.В. Субботиным, как указывала Е.К. Черныш (1982: 253).

ца, следует все же обратить внимание на некоторые особенности Болградского варианта и ведущие признаки, отличающие его от гумельницкого варианта Алдени II.

Уже при наблюдении за топографическими и стратиграфическими особенностями памятников сравниваемых вариантов мы видим, что на юге Украины и Республики Молдова нет характерных для северо-востока Румынии поселений в виде теллей и нет искусственных оборонительных сооружений в виде валов и рвов. Нет здесь и наземных построек, выделяющихся при раскопках цепочками ямок от столбов, являвшихся основой плетеных стен. А такие постройки, имевшие хорошо утрамбованный земляной пол, на гумельницких поселениях Румынии были наиболее распространенными. Зато там не известны жилища углубленного типа.

Не отмечено на территории Румынии и двухэтажных построек, типа выявленной на поселении Вулканешты II (жилище № 1). Высказывающаяся же в литературе вероятность существования там таковых предполагается не по раскопочным данным, а лишь по модельке двухэтажного «храма», найденной на поселении Кэсчиоареле. Зато, в задунайских жилищах бытовали печные сооружения, в то время как на поселениях Буджака обогрев помещений осуществлялся только очагами открытого типа.

Отличия наблюдаются и в орудиях труда. Так, если в рассматриваемом регионе разрыв между ведущими кремневыми инструментами – ножевидными пластинками и скребками – незначителен (41,9% и 33,9%), то на подобных задунайских памятниках пластинок в 2,5 раза больше, чем скребков (первых – 50%, вторых – чуть больше 20%).

Наиболее многочисленными среди каменных орудий рубящего типа болградских памятников одинаково являются и сверленые, и несверленые двусторонне-выпуклые топоры, которых найдено по 40 экземпляров. Плоских же несверленых топоров выявлено всего 7. На гумельницких же памятниках алденьской группы этот тип занимает первое место, количественно превосходя сверленые топоры. Кроме того, на поселениях Болградского варианта отсутствуют широко распространенные в раннегумельницких комплексах Румынии треугольные в плане остробушные топоры и «колодкообразные» топоры из камня, кремневые топоры и молоты, «метательные камни», наконечники стрел и копий. Исключение – наконечник стрелы с поселения Новосельское I (Субботин, Василенко 1999: 30, 31, рис. 1, 9).

Существенное отличие наблюдается и при сравнении керамических комплексов: из 20 типов сосудов, выделенных на рассматриваемых памятниках, 15 не имеют аналогий в Румынии. В свою очередь, на памятниках Болградского варианта не отмечено 9 типов сосудов из числа наиболее типичных для варианта Алдень II (Субботин 1983: 126). Добавим, что посуда задунайских комплексов, в основном, остроребериая. В ее орнаментации преобладает роспись графитом, довольно часты украшения посуды углубленным орнаментом в виде шахматной доски, горизонтальными рядами открытых и закрытых скобок, точечными наколами или густо процарапанной заштриховкой овальных либо примыкающих к ним по бокам треугольных участков. Широко распространен и прием инкрустирования углубленных линий пастообразной красной и белой краской. Все эти особенности на рассматриваемых памятниках Буджакской степи не отмечаются.

Нет здесь и характерных для Алдень II пинтадер, нет и ромбовидных амулетов из камня. Отсутствует и зооморфная пластика (не считая единичных находок фрагментов посудных налепов, напоминающих головки животных).

Среди антропоморфной пластики не известны статуэтки с моделировкой рук в виде отростков без локтевого изгиба, с расширением рук на концах, не выявлены фигурки с сидячей позой (не считая вулканештского «мыслителя»), в связи с чем, очевидно, не встречаются и соответствующие им креслица-подставки. Вместе с тем, на задунайских памятниках нет известных у нас типов статуэток с условно моделированной головой в виде простого конического отростка, нет фигурок с раздельными ногами в виде столбиков и со слитной моделировкой ног с общей ступней.

Особо необходимо отметить, что скотоводческо-земледельческое в своей основе хозяйство гумельницких общин левобережного понизовья Дуная-Прута выгодно выделяется невысоким значением охоты при существенном преобладании животноводства. Выделяется и разведением крупного рогатого скота особой низкорослой породы, наличием в стаде вола и большого количества комолых особей, довольно высоким процентом лошадей. К этому следует добавить тот факт, что при общей однотипности состава возделывавшихся зерновых культур ведущая роль отводилась пшенице-двузернянке, тогда как на сопоставляемой территории преобладала однозернянка (Субботин 1983: 91–97).

Исходя из всего вышеизложенного, количество признаков, отличающих гумельницкие памятники сопоставляемых регионов, довольно значительно, что свидетельствует о различии их развития и показывает обоснованность выделения Болградской группы гумельницких памятников в отдельный вариант.

Несомненно, что сложению этого специфического варианта способствовали и развитие гумельницких общин в новых естественно-географических условиях, и влияние на них со стороны сопредельной трипольской культуры. Последнее прослеживается в чрезвычайно близких типах жилищ, в морфологическом и функциональном соответствии орудий, в схожести керамики и пластики (Субботин 1983: 128–129).

Эти черты, как и встречающиеся на гумельницких и трипольских поселениях взаимные импорты (посуда, пластика) указывают на их синхронность на протяжении периода Триполья А/II – В/I (или Прекукутени III – Кукутени А), охватывающего 5400–4200 ВС (Відейко 2003: 113), что соответствует Гумельнице А2-В1. В эти рамки вполне вписываются радиоуглеродные даты, полученные в разных лабораториях для поселения Вулканешты П по обгоревшей деревянной плахе из жилища № 1 (Семенцов, Романова, Долуханов 1969: 256): 5300+60 или 3350 лет до н.э. (ЛЕ-640) и 5810+150 или 3860 лет до н.э. (МО-417). При калибровке эти даты дают 4240–4040 ВС и 4900-4510 ВС (Черных, Авилова, Орловская 2000: 52).

Поздний этап существования памятников Болградского варианта определяется на основании сопоставления их материалов с аналогичными задунайскими материалами. Но, кроме того, на него указывают находки на поселениях инокультурной керамики. Например, на поселении Тараклия I – трипольского сосуда этапа В/1 (Бейлекчи 1987: 514) и сосуда из глины с примесью мелкотолченой ракушки и с горизонтальными оттисками шнура под венчиком, характерного для памятников степного энеолита Причерноморья (Манзура, Сорокин 1990: 90–91). Верхняя часть подобного горшка и фрагмент среднетрипольского сосуда найдены также и на поселении Новосельское I (Субботин, Василенко 1999: 33).

Таким образом, гумельницкие поселения Болградского варианта существовали, в целом, с конца 1-й половины IV (V) тыс. до н.э. по начало III (IV) тыс. до н.э. Собственно, до того времени, когда их пришлось покинуть из-за вероятной угрозы,

исходившей со стороны количественно возросших и усилившихся энеолитических степняков. Скорее всего, это были полукочевые племена суворовской (новоданиловской) культурной группы, с которыми до этого гумельницкое население территориально сосуществовало в мирных обоюдовыгодных контактах еще со 2-й половины IV (V) тыс. до н.э. (Ванчугов, Субботин 2002: 40).

Исключением является придунайский памятник Картал, расположенный близ села Орловка. Здесь, на месте гумельницкого поселения, оставленного его обитателями, как и населением других подобных памятников, без особой спешки (на что указывает практическое отсутствие целой посуды и иных предметов), возникло поселение культуры Чернавода I (Бруяко, Манзура, Субботин 2003: 56–61; Bruyako, Manzura, Subbotin 2005: 13). Если для территории Румынии именно такая смена указанных культур весьма характерное явление (Словник… 1996: 300), то для левобережья Нижнего Дуная этот случай уникален. То есть в этом плане Картал никак не может служить показателем «типичной стратиграфической ситуации», как это считают Р.Д. Бондарь и В.Г. Петренко (2004: 34). Ведь, во всех остальных случаях места покинутых гумельницких поселков Буджакской степи приходили в запустение навсегда либо обживались вновь не ранее позднебронзового века.

История исследования и структура энеолита Северо-Западного Причерноморья. За последние двадцать лет в целом сложились достаточно полные представления об особенностях культурного развития в Северо-Западном Причерноморье в эпоху энеолита. В течение этого периода была разработана культурно-хронологическая структура рассматриваемого периода, окончательно выделены и охарактеризованы основные культурные группы. К таким вопросам можно, например, отнести формирование некоторых культурных подразделений, их генетическую и хронологическую сопряженность с соседними и более отдаленными культурами, сущность культурных связей, социальную и экономическую интерпретацию археологических данных, общую оценку культурно-исторической ситуации и т.п.

Пожалуй, наибольшее единогласие выражается в понимании структуры энеолита Северо-Западного Причерноморья, в рамках которой обычно определяются два самостоятельных культурных явления, обладающие собственными типологическими, хронологическими и пространственными параметрами. Первое из них представлено памятниками типа Болград-Алдень, которые, как правило, рассматриваются в качестве локального подразделения обширного восточно-балканского блока культур Коджадермен-Гумельница-Караново VI. С хронологической точки зрения они отвечают начальному периоду раннего энеолита, согласно принятой в настоящей работе периодизации, и в целом синхронизируются с комплексами культуры Прекукутень-Триполье А и, вероятно, наиболее ранними поселениями культуры Кукутень А-Триполье В 1. В границах Северо-Западного Причерноморья ареал культуры Болград-Алдень в основном охватывает район Дунайских озер, достигая в меридиональном направлении приблизительно 46° северной широты (поселение Чалык), а к западу от Прута включает южные территории Румынской Молдовы (Субботин 1983; Dragomir 1983).

Вторую часть структуры составляют памятники, обычно рассматриваемые наряду с различными энеолитическими культурами Северного Причерноморья и Приазовья. В общем, всеми исследователями признается, что во времени они следуют за культурой Болград-Алдень и характеризуются большей временной протяженностью, захватывая вторую половину раннего энеолита и весь поздний период этой эпохи, будучи синхронны этапам А 3–4, АВ и В культуры Кукутень и фазам В1, В1/В2, В2 и С1 трипольской культуры. Верхней хронологической границей в данном случае признаются памятники усатовского типа, которые относятся уже к раннему бронзовому веку. В отличие от предшествующего периода, памятники второй половины раннего энеолита занимают все степные районы между Дунаем и Тилигульским лиманом, встречаясь также на сопредельных территориях Северо-Восточных Балкан, в Румынии и Болгарии.

Памятники позднего энеолита также засвидетельствованы в различных районах Северо-Западного Причерноморья от Дуная до Тилигула. Вместе с тем, их таксономический статус, внутреннее соотношение, культурная атрибуция и происхождение остаются предметом особенных расхождений среди исследователей энеолита Северо-Западного Причерноморья. При оценке общего положения отчасти справедливо звучит замечание Ю.Я. Рассамакина, что представление об энеолите рас-

Алексеева
Ирина Леонидовна

сматриваемого региона являет собой поистине вавилонское смешение понятий (babylonische Begriffsverwirrung) (Rassamakin 2004: 6). Справедливости ради, надо отметить, что данный автор также внес свою посильную лепту в строительство этой «вавилонской башни», предложив собственную трактовку энеолитических памятников Северо-Западного Причерноморья.

Несложно заметить, что различные попытки охарактеризовать культурные группы энеолитического периода в Северо-Западном Причерноморье, за исключением, пожалуй, культуры Болград-Алдень, во многом отталкиваются от исследовательских построений, выработанных для более восточных степных территорий, где, в свою очередь, наблюдается не меньшее смешение понятий и терминов. В частности, первая культурно-хронологическая схема, предложенная И.Л. Алексеевой в середине 1970-х годов (1976), в значительной мере основывалась на идее В.Н. Даниленко (1955; 1974) о двух линиях развития степного энеолита. Первая из этих линий отражала эволюцию ямной культуры, тогда как вторая, азово-черноморская, была связана с широким кругом памятников, растянувшихся от Северного Кавказа до Дуная и включавших такие погребальные комплексы, как Петро-Свистуново, Новоданиловка, Суворово и т.п.

В дальнейшем, конкретизируя свои первоначальные выводы, И.Л. Алексеева (1992) выделила в Северо-Западном Причерноморье две культурные группы доусатовского периода, которые были обозначены как суворовская и утконосовская. Обе группы признавались частично синхронными и различались по некоторым элементам погребального обряда. Суворовской группе в общих чертах были присущи основные подкурганные захоронения в прямоугольных ямах с погребенными, уложенными в скорченном положении на спине. Утконосовская группа характеризовалась курганными могилами, устроенными в овальных ямах, где скелеты находились в скорченном положении на боку или в вытянутой позе на спине.

Термин «суворовская группа» в целом прижился в археологической литературе, хотя и не был признан некоторыми исследователями, полагавшими, что памятники Северо-Западного Причерноморья являются лишь одним из территориальных подразделений культур Азово-Днепровского региона (Яровой 1985; Телегин и др. 2001; Рассамакин 1993; Rassamakin 1994; 1999). В то же время, само конкретное содержание термина специалистами трактовалось по-разному. К примеру, В.А. Дергачев (1986) данный термин распространял на все энеолитические погребения степной и лесостепной зоны к западу от Днестра независимо от их типологического своеобразия. Другие исследователи относили к этой группе лишь наиболее ранние энеолитические комплексы, обладающие строго выдержанным набором специфических признаков (Петренко 1989; Manzura 1993; 1994). В свою очередь, Б. Говедарица связывает с суворовской региональной группой только позднейшие погребения раннего энеолита (III горизонт или период скипетров/топоров) в разработанной им периодизации энеолитических культур Северного Причерноморья (Govedarica 2004: 266–268).

В последние годы памятники суворовской группы предпочитают рассматривать в рамках новоданиловской (по Д.Я. Телегину) или скелянской (по Ю.Я. Рассамакину) культуры, включая туда также материалы Трансильвании и Восточной Фракии (Дергачев 1999; Мовша, Петренко 1999; Телегин и др. 2001; Rassamakin 2004; Петренко 2009). В определенной степени такая интерпретация памятников Северо-Западного Причерноморья обусловлена, с одной стороны, заметным сходством суворовских и новоданиловских погребальных комплексов, с другой – той ролью, которая обычно отводится носителям новоданиловских традиций в трансляции достижений карпато-балканских раннеземледельческих культур в восточном направлении, а также в значительных изменениях в Юго-Восточной Европе в завершающей фазе раннего энеолита.

По-прежнему весьма дискуссионным остается вопрос относительно позднеэнеолитических памятников Северо-Западного Причерноморья, которые в какой-то степени отвечают комплексам утконосовской группы, по И.Л. Алексеевой. В конце 80-х и в 90-е годы прошлого века данная группа памятников была охарактеризована рядом исследователей в довольно сходной манере, но под разным названием. Отчасти эти названия отражают разные трактовки культурной принадлежности памятников. Так, В.Г. Петренко (1989: 19; 1993) выделил особую группу Хаджидер, которую он сближал с памятниками нижнемихайловского типа. Аналогично в контексте нижнемихайловской культуры рассматривал эти памятники Ю.Я. Рассамакин, утверждая, что самые выразительные комплексы этого культурного объединения сосредоточены в степной зоне между Дунаем и р. Молочной в Северном Приазовье (Rassamakin 1994; 1999: 91–92). В.А. Дергачев (1999: 200) предпочитает видеть в тех же памятниках поздний горизонт развития суворовской группы, специально не оговаривая их принадлежности к каким-то более крупным культурным образованиям.

Несколько иная точка зрения была выдвинута И.В. Манзурой, который связал некоторые сосуды из позднеэнеолитических погребений Северо-Западного Причерноморья с нижнедунайской культурой Чернавода I и предложил объединить эти погребения в рамках особого бессарабского варианта данной культуры (Манзура 1992; Manzura 1993; 1994; 1999; Leviţki et. al. 1996). После открытия крупного поселения и могильника культуры Чернавода I у с. Орловка на Нижнем Дунае (Бруяко и др. 2003; 2006; Bruyako et al. 2005) и однокультурного грунтового могильника в Дуранкулаке (Vajsov 2002) такая интерпретация позднеэнеолитических памятников Днестро-Дунайского междуречья представляется вполне приемлемой, поскольку в этом случае сходство прослеживается как в признаках погребального обряда, так и в керамическом материале.

Не менее спорной выглядит проблема культурной атрибуции и хронологической позиции подкурганных захоронений с вытянутым положением скелета. Предполагается, что традиция вытянутых погребений в Северо-Западном Причерноморье бытовала на протяжении всего энеолитического периода и в раннем бронзовом веке. Согласно различным точкам зрения, некоторые из этих комплексов рассматривались в рамках выделенных энеолитических групп, суворовской или утконосовской (Дергачев 1986; Петренко 1989; Алексеева 1992; Manzura 1993; 1994), или же все они однозначно относились к постмариупольской (квитянской) культуре Азово-Днепровского региона (Rassamakin 1999; Ковалева 2002). В зависимости от решения вопроса культурной атрибуции вытянутых погребений возникновение

данной традиции в Северо-Западном Причерноморье связывалось с подразделениями мариупольской области или постмариупольской культурой (Дергачев 1986; Алексеева 1992), либо трактовалось как относительно самостоятельная линия развития, берущая начало в поздненеолитических культурах Карпато-Балканского региона и постоянно сосуществующая с другими нормами погребального обряда (Levițki et. al. 1996).

Таким образом, можно констатировать, что большинство исследователей принципиально признают возможность структурно-хронологического членения энеолитических памятников Северо-Западного Причерноморья, развивавшихся между культурами Болград-Алдень и Усатово, по крайней мере, на два периода с соответствующими культурными подразделениями в каждом из них. Расхождения во взглядах заключаются, главным образом, в разной культурной атрибуции этих подразделений. При этом явно преобладает тенденция увязать их формирование и развитие преимущественно с культурами Азово-Днепровского региона, перенося на памятники Северо-Западного Причерноморья и соответствующие обозначения (новоданиловская/скелянская, постмариупольская/квитянская, нижнемихайловская культуры).

Такое видение культурной соотнесенности памятников превращает Нижнее Поднепровье и Северное Приазовье в своеобразный очаг культурогенеза по отношению к Северо-Западному Причерноморью, где заложен некий доминирующий фактор, определяющий культурно-историческую специфику региона в эпоху энеолита. Сложение местных культурных групп рассматривается чаще всего как результат ориентированных на запад последовательных перемещений степного населения, независимо от того как эти перемещения трактуются: или как вторжения воинственных скотоводов, либо как обменные предприятия странствующих торговцев. Иными словами, направленность культурных связей в подобной трактовке в большей степени носит ярко выраженный широтный характер, локализуясь в пределах степного пояса.

На этом фоне как-то отодвигается на второй план огромное значение расположенных по соседству развитых земледельческих культур Юго-Восточной Европы, которым отводится роль то ли несчастных жертв скотоводческой экспансии, то ли заурядных поставщиков сырья и каких-то престижных вещей. Между тем, в последнее время оформился иной подход в изучении степного энеолита. В основном он концентрируется на изучении социального, хозяйственного и идеологического потенциала земледельческих культур Карпато-Балканского региона, особенно культуры Кукутень-Триполье, в освоении степной зоны (Мовша 1984; 1993; Видейко 1999; Манзура 2000; Кол 2004; Videiko 1994; Govedarica 1998; 2004; Rassamakin 1999; 2004; Manzura 2005; Петренко 2009). Данное исследовательское направление в целом демонстрирует более сложную оценку отношений между ранними земледельцами и местными степными группами. В его рамках признается, что земледельческие сообщества внесли весомый вклад в развитие степных культур Северного Причерноморья. Кроме того, они были сами активно вовлечены в распространение производящего хозяйства на степных территориях между Дунаем и Доном.

В контексте указанного подхода меняется сущность предполагаемых взаимодействий в целом, которые должны иметь не только и не столько широтную, сколько меридиональную направленность, по крайней мере, в отношении пространства между Дунаем и Днепром. Именно близость или отдаленность развитых земледельческих культур задавало локальное своеобразие различным районам степного

Рис. 15. Распространение памятников суворовской культурной группы.
1 – Касимча; 2 – Лунгочь-Фундень; 3 – Фэлчиу; 4 – Джурджулешты; 5 – Кайраклия; 6 – Новосельское; 7 – Суворово; 8 – Вадул-луй-Водэ; 9 – Кэйнарь; 10 – Гиржево; 11 – Маяки; 12 – Новая Долина; 13 – Кошары
(а – погребальные комплексы, б – отдельные находки)

пояса. И именно поэтому имеет право на существование такая структурная единица, как суворовская культурная группа, которая возникла и развивалась на территории Северо-Западного Причерноморья, то есть в непосредственной близости от передовых центров земледельческой ойкумены. Такое тесное соседство не могло не сказаться на ее локальной специфике, в которой более чем в других объединениях степного энеолита ощущается влияние земледельческих культурных стандартов.

В равной степени вряд ли имеет смысл соотносить позднеэнеолитические памятники рассматриваемого региона с таким пока еще малопонятным явлением, как нижнемихайловская культура, поскольку тогда в Северо-Западном Причерноморье не остается места для культуры Чернавода I, что в свете последних открытий вряд ли можно признать допустимым. То сходство, которое обнаруживается между погребальными комплексами рассматриваемого региона и памятниками, относимыми к нижнемихайловской культуре на Нижнем Днепре, может объясняться существованием единого центра в земледельческом ареале, откуда данные тради-

ции и связанные с ними идеологические установки распространились по различным районам степной полосы в позднем энеолите.

Таким образом, в структуре энеолита Северо-Западного Причерноморья можно выделить два основных периода развития, каждому из которых соответствует определенное культурное объединение (карта 1). Ранний энеолит охватывает период приблизительно с 4700/4600 до 4100 гг. до н.э. и подразделяется на две фазы. Согласно хронологии Прекукутень – Триполье, ранняя фаза соответствует этапу Прекукутень III – Триполье А2, а поздняя – этапу Кукутень А – Триполье В1. В Северо-Западном Причерноморье ранняя фаза совпадает с развитием культуры Болград-Алдень, тогда как поздняя характеризуется суворовской культурной группой. В Азово-Днепровском регионе к началу раннего энеолита можно отнести позднюю нижнедонскую, азово-днепровскую и днепро-донецкую культуры, тогда во вторую половину раннего энеолита можно поместить новоданиловскую (скелянскую) культуру. В Карпато-Балканских землях начало энеолита связано с существованием таких культур, как Марица, Хаманджия, Боян, Хотница, Тиса, ранний Лендель и т.д., а на завершающую фазу этого раннего периода приходится расцвет культур Гумельница-Караново VI и Тисаполгар.

Поздний энеолит занимает промежуток между 4100 и 3500 гг. до н.э., включая культуру Кукутень АВ и В, а также этапы В1/В2, В2 и С1 трипольской культуры. В восточной части Карпатского бассейна этому периоду в целом соответствуют культуры Бодрогкерестур, Хуньядьхалом-Вайска и Лажняны, а на Балканах – культуры Криводол-Сэлкуца III и IV, Певец, или Хотница (по Л. Николовой), а также культура Чернавода I, чьи памятники распространены и в Северо-Западном Причерноморье. В Азово-Днепровском регионе в границах данного периода развивается целая свита культур: стоговская (по Ю.Я. Рассамакину), нижнемихайловская, постмариупольская (квитянская), дереивская и константиновская. Завершается эпоха энеолита в Северо-Западном Причерноморье с появлением усатовской культурной группы, которая может быть отнесена уже к начальному этапу раннего бронзового века.

Суворовская культурная группа. На протяжении последних тридцати лет памятники суворовского типа неоднократно анализировались и характеризовались различными исследователями, что позволяет лишь кратко остановиться на общих чертах данного культурного образования. Гораздо больший интерес представляют такие дискуссионные вопросы, как формирование группы, ее соотношение с другими синхронными подразделениями и сущность взаимных культурных связей.

Границы ареала суворовской культурной группы охватывают, главным образом, Северо-Западное Причерноморье, включая левобережье Нижнего Прута (Фэлчиу, Лунгочь-Фундень), хотя единичные комплексы и отдельные случайные находки, которые с ней обычно соотносят, встречаются в Добрудже и Фракии (Касимча, Кюлевча) (рис. 15). Иногда в ее состав включают материалы Восточной Трансильвании, хотя их, вероятно, следует рассматривать самостоятельно в рамках особой группы Деча Мурешулуй. Наиболее восточным пунктом является грунтовый могильник в Кошарах на Тилигульском лимане (Петренко 2009: 19–20). Далее до Днепра и Ингульца аналогичные комплексы в степной зоне пока не выявлены (Rassamakin 2004). Северную границу ареала на сегодняшний день маркирует погребение в Кайнарах (Мовша, Чеботаренко 1969). Иногда к суворовской группе причисляют некоторые подкурганные захоронения лесостепной зоны Пруто-Днестров-

ского междуречья, например, Думень, Варатик (Дергачев 1986; Петренко 1989). Однако в данном случае речь идет или о плохо документированных раскопках, либо о явно позднеэнеолитическом комплексе.

Суворовская группа по настоящий момент представлена лишь погребальными комплексами и случайными находками. В.Г. Петренко (1989; 2009) относит к ней также находки из верхнего культурного слоя стоянки Мирное. Вместе с тем, мотивы такой атрибуции выглядят отчасти странными. Звучит это примерно так: поскольку на памятнике обнаружены материалы трипольской культуры, поселение может быть отнесено к суворовской группе. Действительно, на поселении была выявлена обычная столовая и кухонная керамика культуры Кукутень А-Триполье В1, фрагменты сосудов из массы с примесью толченой ракушки, или керамика типа Кукутень С, по терминологии румынских археологов, а также каменные орудия, изготовленные из различных пород, распространенных в Северной Добрудже и типологически вполне характерных для многих карпато-балканских земледельческих культур (Бурдо, Станко 1981). Помимо этого, к этому культурному типу В.Г. Петренко также относит находки со стоянки Гиржево, откуда происходят трипольская керамика периода В1 и кремневые изделия (Петренко 2009).

В настоящее время насчитывается около 30 погребений суворовского типа, достаточно равномерно рассредоточенных по всему ареалу. Ранее предполагалось, что носителями данных культурных традиций практиковались как курганные, так и грунтовые захоронения. Однако открытия последних лет ставят под вопрос существование курганных могильников. По крайней мере, наличие курганной насыпи точно не документировано ни в одном случае, будь это раскопки прежних лет или недавние исследования.

Грунтовые кладбища суворовской группы сравнительно небольшие и включают несколько могил. В некоторых случаях прослеживается четкая структурная организация пространства могильника, что видно на примере такого яркого памятника, как Джурджулешты (Haheu, Curciatov 1993). Здесь своеобразным организующим центром являлась прямоугольная жертвенная площадка с остатками кострища, вокруг которой группировались четыре из пяти погребений некрополя и одна культовая яма. Какие-то другие разновидности конструкций, связанные с погребениями, на других памятниках суворовской группы пока не отмечаются. Правда, в известном Суворовском кургане был открыт каменный кромлех, но его соотнесенность с погребением кажется не совсем ясной.

Собственно могильные сооружения включают простые могильные ямы, а также более сложные конструкции. Преобладают обычные овальные или, реже, прямоугольные ямы глубиной от 1,3 до 1,8 м (рис. 16, 1–4). Только на могильнике в Джурджулештах открыты сооружения в виде ям с глубокой нишей, а также настоящая катакомба с колодцем, дромосом и купольной камерой (рис. 16, 5). Особенно привлекает внимание, по всей видимости, центральное погребение некрополя, в котором был погребен мужчина 20–25 лет. Оно представляло собой глубокий, более 5 м, колодец (рис. 16, 6). В верхней части колодец имел округлые очертания, а в нижней части был оформлен в виде прямоугольной камеры, перекрытой досками.

Одной из характерных черт погребального обряда является весьма значительное употребление охры. Иногда толстый слой порошка покрывает останки умерших, дно могилы и погребальный инвентарь (Суворово, Кюлевча). В иных случаях охровая посыпка отмечена только на дне камеры, тогда как скелеты не окрашены

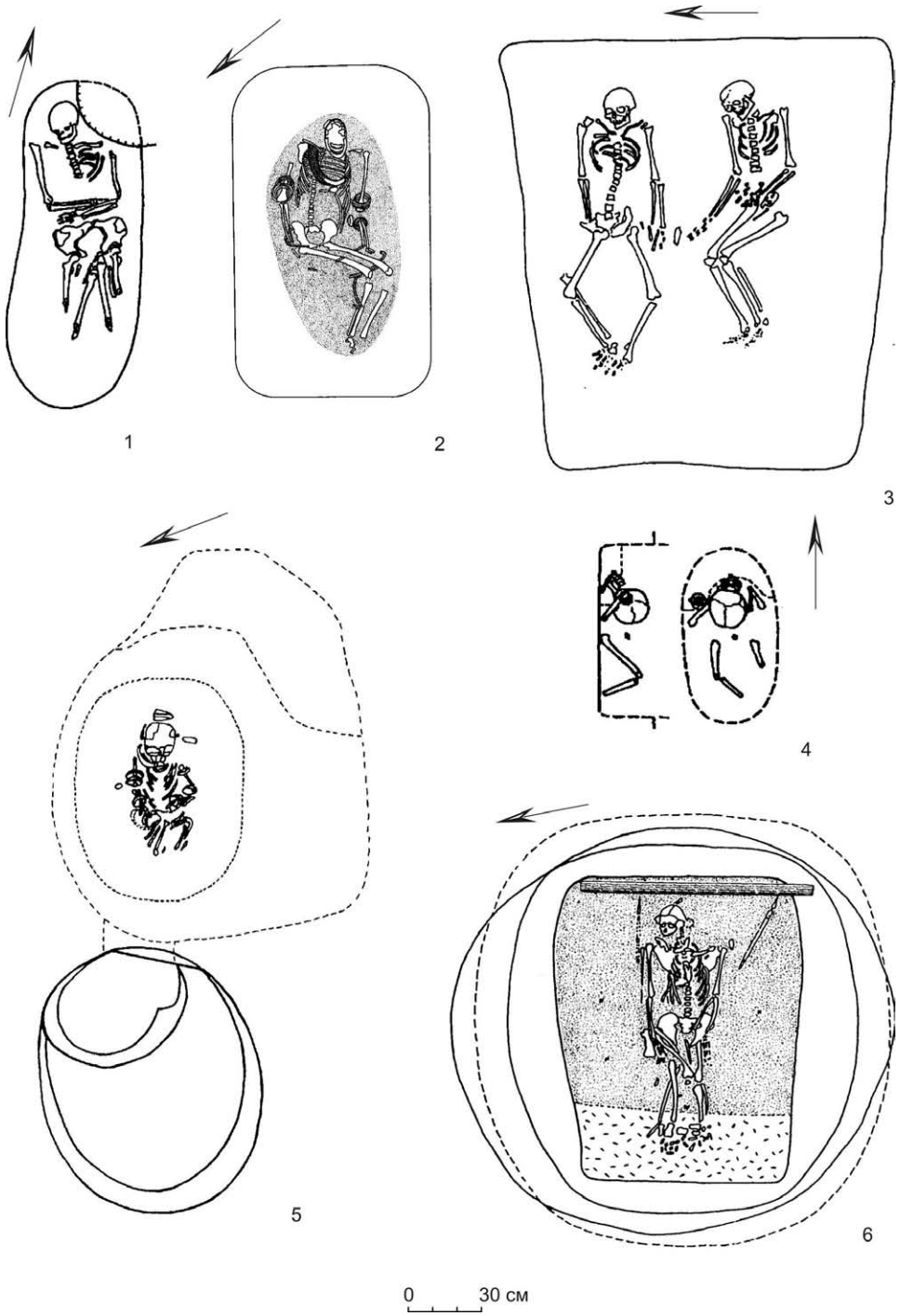


Рис. 16. Погребения суворовской культурной группы.
1, 4 – Новосельское, погр. 4 и 5; 2, 5, 6 – Джурджулешты, погр. 3–5; 3 – Суворово II, кург. 1, погр. 7 (1, 4 по: Ванчугов, Субботин 2002; 2, 5, 6 по: Haheu, Kurciatov 1993; 3 по: Алексеева 1992)

вовсе (Джурджулешты). Из других важных контекстуальных признаков следует отметить наличие жертвенных животных, которые, правда, выявлены только в Джурджулештском могильнике. Здесь они залегали в верхней части заполнения культовой ямы и центрального мужского погребения. Интересен подбор животных, куда входили козел, быки и лошади. На дне мужского погребения также были уложены копыта овец и кости рыбы.

Для захоронений суворовского типа характерен только обряд ингумации, хотя в могилах встречается уголь или зола. Погребенные, как правило, залегают в скорченном положении на спине, при этом руки обычно уложены кистями на тазе. В виде исключения, в парном погребении Суворовского могильника один из умерших находился в слегка скорченном положении на правом боку. Интересно, что в некоторых случаях телу преднамеренно пытались придать полусидящую позу, тем самым, вероятно, имитируя сидящее положение. К востоку от региона засвидетельствованы раннеэнеолитические погребения, в которых останки усопшего размещались действительно в сидящем положении. Помимо этого, погребенный в Лунгочь-Фундень, похоже, лежал в вытянутом положении на спине, однако о его точном размещении судить сложно из-за отсутствия детального описания.

Погребальный инвентарь распределяется в могилах крайне неравномерно, от его полного отсутствия до поражающих воображение своим богатством захоронений Джурджулештского могильника. Только в нем в абсолютном исчислении содержалось больше металлических вещей, чем во всех синхронных памятниках степной полосы Восточной Европы. Не менее показательно разнообразие инвентаря захоронений суворовского типа, куда входили орудия труда, оружие, сосуды, символы высокого социального статуса, разнообразные украшения, комбинация которых, несомненно, также обозначала особое положение индивидов.

Кремневый инвентарь включает многочисленные ножевидные пластины (рис. 17, 27), которые могли использоваться как оружие или орудия труда, плоские топоры с арковидным обушком (рис. 17, 25), наконечники стрел и копий (рис. 17, 20), нуклеусы (рис. 17, 28). Каменные изделия представлены плоскими топорами (рис. 17, 24), бусами (рис. 17, 5) или мелким бисером, из которого были выполнены височные украшения в центральном Джурджулештском захоронении. И конечно же нельзя обойти вниманием хорошо известные зооморфные скипетры (рис. 17, 26), коллекция которых недавно пополнилась еще одной замечательной находкой из Кайраклии в Молдавии (Руссев 2003).

Изделия из кости и рога сравнительно немногочисленны, но не менее выразительны, чем другие вещи. Это, в первую очередь, детали от жезла и составного меча длиной около 60 см, модель фаллоса, крупный наконечник копья (рис. 17, 19), баранья лопатка с насечками (рис. 17, 22) из Джурджулешт. К ним можно добавить происходящие из этого же могильника серповидные пекторали из клыков кабана, одна из которых украшена медными колечками (рис. 17, 21). В погребениях также встречаются подвески из оленьих зубов и клыков хищных животных (рис. 17, 1, 2). Весьма примечательна подвеска-амулет из грудины человека, обнаруженная в одном из погребений могильника Новосельское и напоминающая фигурные медные подвески трипольской культуры (рис. 17, 13).

К числу характерных признаков суворовской группы относятся дисковидные бусы из раковин, их которых составлялись ожерелья или поясные наборы (рис. 17, 8). Другие раковинные украшения представлены подвесками из створок моллюсков, мелкие бусы, пронизи, пластинки и т.п. (рис. 17, 3, 7, 14).

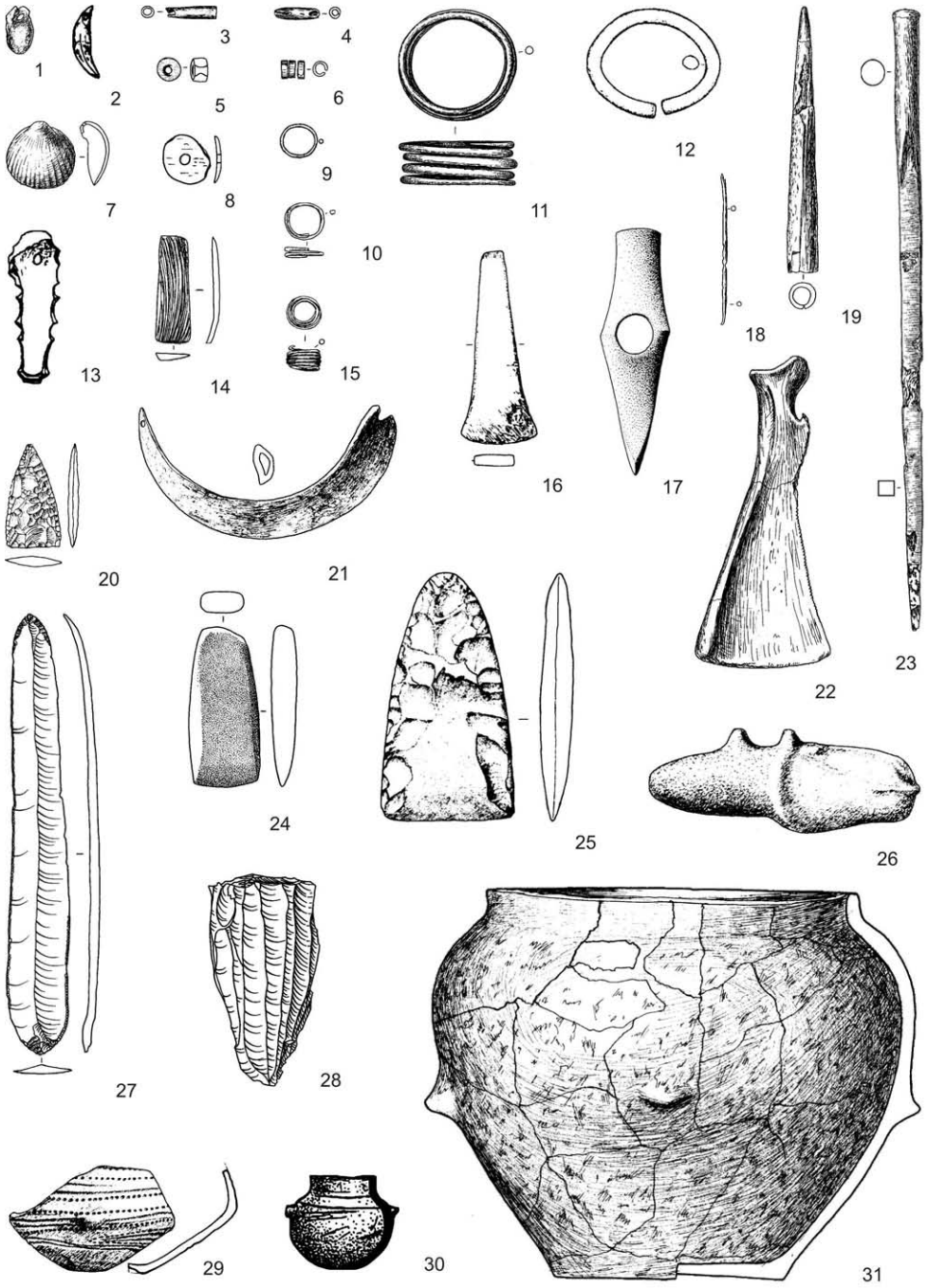


Рис. 17. Материалы суворовской культурной группы.
1, 3–7, 10, 11, 14, 15, 18, 19, 21–24, 27, 28, 31 – Джурджулешты, погр. 1, 3, 4;
2, 13, 30 – Новосельское, погр. 5; 8, 17 – Фэлчиу, погр. 1, 2; 12 – Лунгочь-Фундень;
16 – Девня; 20, 25 – Касимча; 26 – Суворово II, кург. 1, погр. 7; 29 – Кайнары (1, 3–12,
14–29, 31 по: Govedarica 2004; 2, 13, 30 по: Ванчугов, Субботин 2002)

Изделия из металла. Особенно впечатляет подбор металлических, прежде всего, медных изделий, некоторые из которых носят уникальный характер, например, длинный медный кинжал-стилет из центрального погребения в Джурджулештах (погр. 17, 23). Наряду с этим присутствуют и хорошо известные изделия: топор-молот типа Ширия и плоский топор типа Сакалхат (рис. 17, 16, 17), иглы, шилья, проколки, одно- или многовитковые проволочные браслеты, один пластинчатый браслет, различные бусы, височные кольца (рис. 17, 4, 6, 9, 10, 11, 18). Среди золотых изделий необходимо упомянуть массивный браслет из Лунгочь-Фундень, многовитковые кольца, служившие нагрудным украшением, и обоймы-накладки от парадного жезла (?) из Джурджулешт (рис. 17, 12, 15).

Керамика в погребениях суворовской группы встречается достаточно редко. По настоящее время в погребениях обнаружены всего три сосуда, причем все они относятся к соседним земледельческим культурам. Это сосуд периода Гумельница А2 из Джурджулешт (рис. 17, 31), фрагментированный горшок периода Кукутень А-Триполье В1 из Кайнар (рис. 17, 29) и миниатюрный сосудик из Новосельского (рис. 17, 30), которому авторы раскопок не нашли должных параллелей, но чей облик напоминает трипольскую посуду. Помимо этого, фрагменты трипольских сосудов и керамики из глины с примесью ракушки происходят из могильника Кошары I (Петренко 2009: 20).

Периодизация раннеэнеолитических погребений Северо-Западного Причерноморья. Попытка такой детальной периодизации была недавно предложена Б. Говедарицей, который выделил в развитии культур степного энеолита Восточной Европы три последовательных хронологических горизонта: горизонт I или доскипетровый период, горизонт II или период булав мариупольского типа и горизонт III или период скипетров и топоров (Govedarica 2004). К первому горизонту в Северо-Западном Причерноморье исследователь отнес Джурджулештский могильник и погребение из Кайнар, синхронизируя их с поздней культурой Хаманджия, периодом Прекукутень-Триполье А и началом культуры Кукутень А-Триполье В1. Для второго горизонта в рассматриваемом регионе Говедарица не нашел соответствующих материалов, тогда как к третьему горизонту была отнесена основная часть комплексов: Суворово, Касимча, Фэлчиу и т.п. Памятники этого периода, по мнению автора, отвечают времени Кукутень А3, 4-Триполье В1 и, возможно, началу Кукутень АВ-Триполье В1/В2.

Вместе с тем вряд ли есть основания так углублять нижнюю хронологическую границу суворовской группы. Сосуды из Джурджулешт и Кайнар достаточно надежно отмечают относительный возраст, по-видимому, наиболее ранних комплексов, соотнося их с периодом Гумельница А2 и Кукутень А3, 4-Триполье В1. Сложнее определить верхнюю хронологическую границу. Однако здесь можно отчасти опереться на такую находку, как топор типа Ширия из Фэлчиу. Аналогичные топоры были широко распространены в позднем энеолите Карпатского бассейна, главным образом, в ареале культуры Бодрогкерестур (Matuschik 1997).[1] Относительная хронология этой культуры разработана довольно хорошо, вследствие чего установлена ее синхронность периодам Кукутень АВ и началу Кукутень В. По-ви-

[1] Следует отметить, что недавно открытый в Венгрии могильник культуры Бодрогкерестур, в одном из погребений которого содержался топор типа Ширия, был отнесен на основе радиоуглеродных дат ко второй половине V тыс. до н.э. (Csányi M. et al. 2009).

димому, где-то к этому времени, то есть к периоду Кукутень АВ-Триполье В1/В2, можно отнести погребения из Фэлчиу и близкие им памятники Суворово, Касимча и т.д.

Таким образом, в развитии суворовской культурной группы, вероятно, можно выделить два этапа. Первый этап, своего рода период браслетов, датируется временем Кукутень А3, 4-Триполье В1 и характеризуется богатыми погребениями наподобие Джурджулешт, Кайнар и Лунгочь-Фундень. Ко второму этапу, или периоду скипетров, очевидно, можно отнести погребения в Суворово, Касимче и Фэлчиу. Они отличаются от комплексов раннего этапа менее богатым инвентарем, что, кстати, отличает погребения со скипетрами более восточных территорий, где практически полностью отсутствует металл. Остается неясной относительная хронологическая позиция таких памятников, как Новосельское и Кошары.

Таким выводам не противоречат данные абсолютной хронологии. Абсолютные даты, полученные для Кайнар и Джурджулешт, указывают на середину V тыс. до н.э., что вполне согласуется с абсолютным возрастом указанных периодов культур Гумельница и Кукутень-Триполье (Govedarica 2004; Телегин и др. 2001).

По целому ряду признаков суворовская группа надежно вписывается в свиту энеолитических культур Юго-Восточной и Восточной Европы (карта 1А). В Азово-Днепровском регионе ей соответствуют типологически близкие памятники новоданиловской культуры, вариантом которой эта группа чаще всего рассматривается. В Карпатском бассейне во многом аналогичными являются памятники типа Деча-Мурешулуй. Поздний этап развития рассматриваемой культурной традиции на востоке, вероятно, синхронен памятникам типа Архара-Бережновка, которые иногда рассматриваются в качестве поздних проявлений хвалынской культуры. На западе поздние памятники суворовской группы должны отвечать ранней культуре Бодрогкерестур.

Культура Чернавода I. До недавнего времени ареал культуры Чернавода I очерчивали по территории Мунтении и Добруджи, также помещая в него в качестве позднего локального варианта памятники типа Певец (Хотница, по Л. Николовой) в Северо-Восточной Болгарии, к северу от Старой Планины. Открытие крупного долговременного поселения Картал в Орловке на Нижнем Дунае несколько изменило представления о границах распространения этой культуры (Бруяко и др. 2003). Прежде всего, удалось более надежно идентифицировать глиняную посуду из некоторых подкурганных захоронений Северо-Западного Причерноморья (тип Хаджидер, по В.Г. Петренко), ранее фигурировавшую в литературе под незатейливым термином «керамика степного энеолита» (Дергачев 1986). Данные изделия находят прямые аналогии в керамическом ансамбле поселения, тем самым, вероятно, маркируя культурную принадлежность самих погребальных комплексов. В силу этого границы культуры Чернавода I, по-видимому, могут быть расширены до Северо-Западного Причерноморья включительно, что еще в начале 80-х годов прошлого века предполагал П. Роман (Roman 1982). С другой стороны, удалось установить, что памятники культуры Певец/Хотница в Болгарии генетически не связаны с Чернаводой I, а, скорее всего, восходят к культурам центрально-балканского круга (Манзура 2001–2002), следовательно южная граница рассматриваемой культуры должна проходить где-то по краю Добруджи и левому берегу Дуная. Таким образом, в настоящее время можно полагать, что ареал культуры Чернавода I охватывает Мунтению, Добруджу, возможно, южную часть Румынской Молдовы и, по крайней мере, частично Северо-Западное Причерноморье (рис. 8).

Рис. 18. Погребальные комплексы культуры Чернавода I (тип Хаджидер).
1 – Дуранкулак, погр. 448; 2 – Сэрэтень, кург. 1, погр. 7; 3 – Кошары;
4 – Орловка-Картал, погр. 10; 5 – Буторы III, кург. 2, погр. 7; 6 – Новокотовск, кург. 1, погр. 8; 7 – Траповка, кург. 10, погр. 14; 8 – Баштановка, кург. 5, погр. 15;
9 – Никольское, кург. 8, погр. 15 (1 по: Vajsov 2002; 2 по: Leviţki et. al. 1996; 3 по: Патокова и др. 1989; 4 по: Бруяко и др. 2006; 5 по: Дергачев, Манзура 1991; 6, 9 по: Агульников, Сава 2004; 7 по: Субботин и др. 1995; 8 – по: Шмаглий, Черняков 1970)

Для культуры Чернавода I известны почти все категории археологических памятников: поселения, стоянки в пещерах, курганные и грунтовые могильники; до сих пор не встречались только какие-либо клады. В пределах ареала различные виды памятников распределяются относительно неравномерно. Поселения засвидетельствованы преимущественно в Мунтении, меньше – в Добрудже, тогда как в Северо-Западном Причерноморье пока выявлено только одно поселение Картал. Несколько пещерных стоянок было открыто в Добрудже.

Курганные погребения, которые могут быть связаны с культурой Чернавода I, исследованы, главным образом, в Северо-Западном Причерноморье, несколько однотипных могил открыто в Добрудже, в то время как в Мунтении надежные данные о таких комплексах пока отсутствуют. Вполне возможно, что неравномерность в распространении курганных могильников обусловлена слабой изученностью курганов в Румынии в отличие от Днестро-Дунайского междуречья. В свою очередь, грунтовые могильники выявлены в самых различных местах ареала Чернаводы I. Они раскопаны в Мунтении – Брэилица и Герэсень (Constantinescu 1994; Harţuche 2002), Добрудже – Чернавода и Дуранкулак (Nestor 1937; Vajsov 2002), Северо-Западном Причерноморье – Кошары и Орловка-Картал (Патокова и др. 1989; Бруяко и др. 2006).

Поселения. Топографические условия размещения поселений довольно различны. Некоторые из них расположены на краю высокого плато или на оконечности естественно защищенного мыса (Чернавода-Дялул София, Хыршова, Картал-Орловка). Однако большинство памятников занимают низкие речные террасы или находятся на вершине невысоких неолитических теллей или холмов (Кирноджь, Рымничелу, Олтеница-Рение I). Искусственные оборонительные сооружения обнаружены на двух поселениях: Чернавода-Дялул София и Орловка-Картал. В обоих случаях они состояли из глубоких, воронковидных в сечении рвов, ограждающих поселок с напольной стороны. И в Чернаводе, и в Орловке рвы были преднамеренно засыпаны еще в период существования поселений, видимо, утратив первоначальные оборонительные функции. Следует отметить, что памятники не образуют каких-либо агломераций иерархического типа, хотя иногда расположены неподалеку друг от друга (например, Кирноджь, Гряка, Кэсчиоареле).

Характер культурных отложений на поселениях значительно варьирует. По данному признаку памятники могут быть разделены на три основных типа. К первому типу относятся поселения без выраженного культурного слоя и каких-либо сооружений. Они представляют собой беспорядочное скопление культурных остатков, иногда покрывающее значительную площадь. Такие памятники могут трактоваться как кратковременные стоянки (Кэсчиоареле, Гряка, Рошець).

Второй тип составляют поселения с одним четко определимым культурным слоем, который содержит остатки жилищ и хозяйственные сооружения (Олтеница-Рение I, Улмень, Рымничелу). Культурный слой на таких памятниках может достигать толщины 1 м и, как правило, содержит богатый и разнообразный материал. Площадь поселения может быть весьма значительной: в Рымничелу она равняется 2 тыс. м^2.

Третий тип представлен многослойными поселениями со сложной стратиграфией. Такие памятники открыты в Чернаводе-Дялул София, Хыршове и Картале. Невероятно мощные отложения, достигающие толщины 3 м, засвидетельствованы в Чернаводе. В них выделяются три отдельных слоя с материалами одноименной культуры. В нижнем слое открыты остатки полуземляночного жилища. Средний

слой толщиной около 2 м включал 14 отдельных горизонтов наземных глинобитных домов, что по структуре напоминает поселение типа телля. В верхнем слое какие-либо сооружения отсутствовали. По мнению авторов раскопок, три слоя в Чернаводе соответствуют трем фазам развития культуры.

Два горизонта обитания отмечены на поселениях Хыршова и Картал. В Хыршове оба горизонта состояли из развалов наземных жилищ. В Картале ранний стратиграфический горизонт связывается со временем существования оборонительного рва. В рамках позднего горизонта ров был засыпан и поверх него были сооружены наземные глинобитные дома. В целом нельзя не отметить, что существование столь долговременных поселков явно свидетельствуют о чрезвычайно развитых оседлых традициях оставившего их населения.

О внутренней структуре поселений культуры Чернавода I отчасти можно судить по наиболее полно исследованному поселению Рымничелу (Harţuche 1980). Здесь, на площади около 2 тыс. м^2. были выявлены остатки пяти полуземляночных жилищ и несколько хозяйственных сооружений. В размещении жилых построек какая-либо отчетливая система не прослеживается. Три жилища были вытянуты в одну линию с юго-запада на северо-восток с расстоянием 8–14 м между ними. Два других жилища были расположены к юго-востоку от этой линии, одно за другим. Два очага находились на северо-западной окраине поселения, в 10 м к северо-западу от линии жилищ, а третий очаг располагался к югу от этой линии. В сущности, трудно установить, с каким именно жилищем связан тот или иной очаг.

По всей видимости, достаточно сложный двухуровневый комплекс представляло собой поселение Картал (Бруяко и др. 2003; Bruyako et al. 2005). В границах первоначального поселения выделяются два самостоятельных участка. Первый из них, что-то наподобие цитадели, находился на вершине высокого холма. С востока к холму примыкало поселение-посад, огражденное рвом. За пределами рва был выявлен еще один, хозяйственно-производственный, участок, состоявший из нескольких овальных в плане печей.

Жилые комплексы. Конструктивные особенности жилищ культуры Чернавода I были прослежены на нескольких поселениях. Было установлено, что этой культуре присущи два типа жилищ: полуземляночные и наземные. Остатки наземных домов были открыты как на ранних (Чернавода-Дялул София), так и на поздних поселениях (Улмень, Олтеница-Рение I, Картал). Обычно они сохраняются в виде аморфных скоплений обожженной глиняной обмазки, образующих площадку толщиной 25–30 см. Из-за частых поздних нарушений первоначальная форма и размеры устанавливаются весьма приблизительно. Так, сообщается, что на поселении Чернавода-Дялул София жилища имели прямоугольную или овальную форму и различные размеры. Наземные дома в Олтенице-Рение I занимали площадь 9,5 х 6 м, в Улмень – 7,5 х 4 м и в Хыршове жилище 2 имело размеры 5,5 х 4 м. Наличие отпечатков жердей и камыша на обмазке, по-видимому, предполагает, что дома имели каркасно-столбовую основу с обмазанными глиной стенами, хотя в Картале они были возведены из сырцового кирпича. Пол домов, как правило, был хорошо заглажен и покрыт слоем глины, перемешанной с песком. Жилища, вероятно, имели двухскатную крышу, если судить по присутствию столбовых ямок в центральной части домов в Чернаводе.

Детали интерьера жилищ вследствие их плохой сохранности, по сути, остаются неизвестными. В Хыршове и Картале внутри домов были расположены открытые очаги прямоугольной или открытой формы. В жилище 2 в Хыршове очаг пере-

страивался несколько раз в ходе реконструкции жилища. Как неоднократно подчеркивалось многими исследователями, наземные дома культуры Чернавода I являются очевидным продолжением архитектурных традиций, присущих более ранней культуре Гумельница.

Полуземляночные жилища были документированы только в Чернаводе-Дялул София и Рымничелу. Какая-либо информация об устройстве жилого сооружения в Чернаводе отсутствует. Более того, неясно, принадлежит ли оно вообще этой культуре. Жилища в Рымничелу охарактеризованы довольно скупо. Известно, что они имели в плане овальную или прямоугольную форму с закругленными углами размерами 3,8–4,6 х 2,4–3,0 м. Некоторые полуземлянки имели специальный вход в виде ступенек с одной из поперечных сторон. Пол жилищ был выровнен, заглажен и в некоторых случаях покрыт тонким слоем глины. Большое количество пепла и обгоревшего дерева в котловане полуземлянок свидетельствует о том, что крыша состояла из деревянного каркаса, покрытого, вероятно, камышом. Какие-либо другие архитектурные детали жилищ не оговариваются.

Таким образом, определенные черты некоторых поселений культуры Чернавода I указывают на сохранение предшествующих энеолитических традиций. Такие памятники, как Чернавода-Дялул София, Хыршова, Картал представляют собой основательные долговременные поселки, занятые, несомненно, оседлым земледельческим населением. Исходя из этих показателей, трудно предположить какой-то радикальный культурный разрыв в культурном развитии на Нижнем Дунае. С другой стороны, в общем, незначительное число поселений по сравнению с предыдущим периодом энеолита могло означать значительные изменения в образе жизни обитателей этого региона. Вполне возможно, что наиболее крупные поселения служили своеобразными политическими и религиозными центрами для целого ряда небольших социальных групп.

Погребальный обряд. Погребальная практика носителей культуры Чернавода I предусматривала захоронение как под курганами, так и на обычных грунтовых кладбищах по обряду ингумации. Особенно выразительны курганные могильники, сосредоточенные преимущественно в Северо-Западном Причерноморье, хотя они известны и на территории Добруджи и Запрутской Молдовы (Manzura 1999). Они отличаются достаточно стабильным набором архитектурных элементов. Курганы нередко окружены каменными оградами из массивных плит и/или кольцевыми рвами, как правило, с проходами в западной или юго-западной части. Иногда поверхность курганов частично или полностью покрывалась каменной облицовкой. Помимо этих главных архитектурных деталей отмечается наличие дополнительных сооружений: деревянных построек, разнообразных ям, кострищ-жертвенников и т.п., принципы размещения которых свидетельствуют о глубоких астрономических знаниях создателей этих памятников (Потемкина 2004). Под курганами находились одна, две или несколько могил.

Грунтовые могильники в целом небольшие, по крайней мере, по состоянию наших знаний на сегодняшний день. Единственным исключением является могильник в Брэилице, насчитывающий 307 могил. Однако здесь кажется сомнительной связь большинства погребений с культурой Чернавода I. Грунтовые могильники устраивались как вблизи поселений (Картал, Чернавода-Дялул София), так и самостоятельно (Кошары, Герэсень, Дуранкулак).

Устройство могил выглядит достаточно одинаковым как на курганных, так и на грунтовых могильниках. Захоронения, как правило, индивидуальные. Погребен-

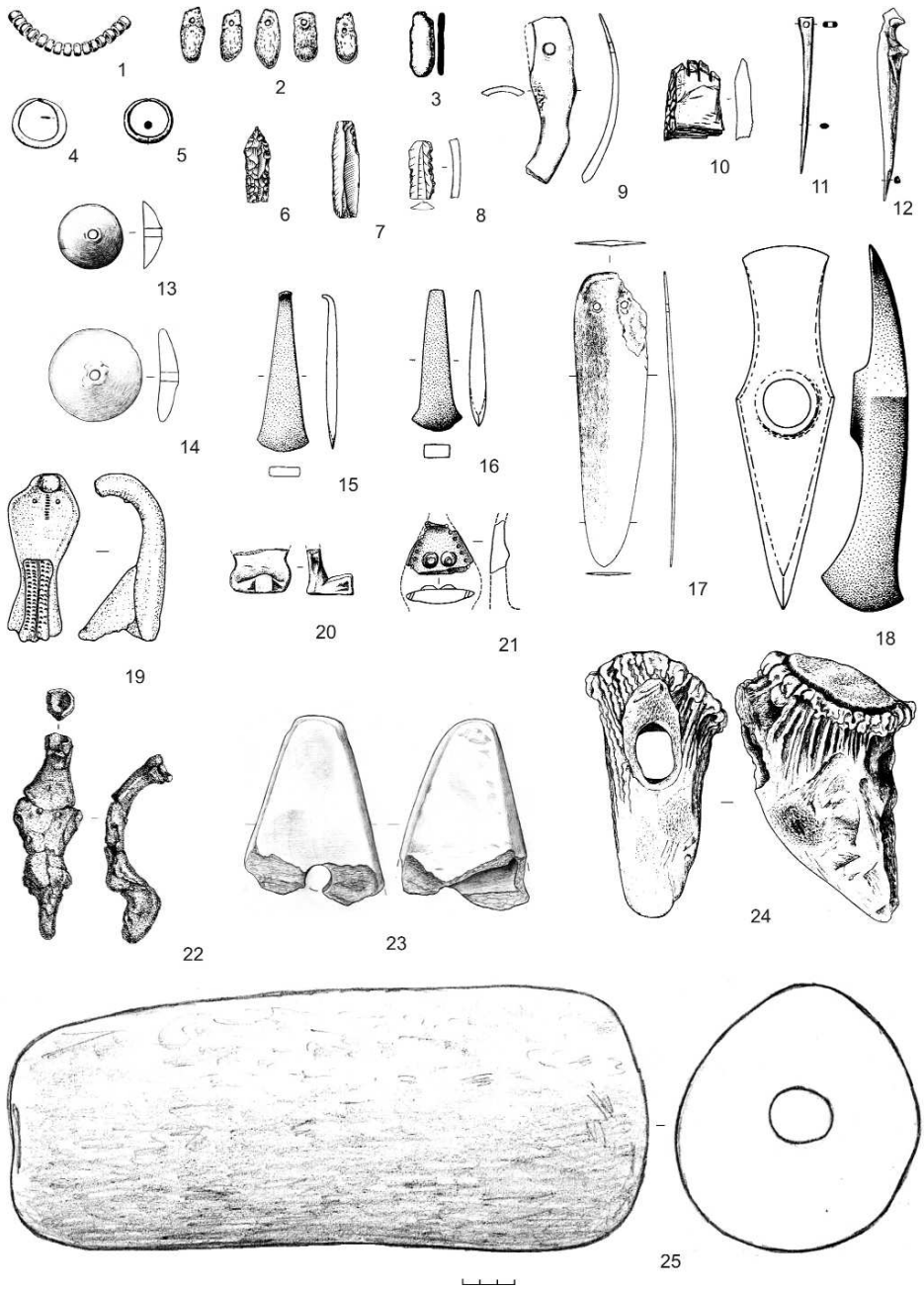


Рис. 19. Материалы культуры Чернавода I (тип Хаджидер).
1, 2, 4 – Сэрэтень, кург. 1, погр. 7; 3 – Рошкань, кург. 3, погр. 7;
5 – Траповка, кург. 10, погр. 14; 6, 7 – Красное, кург. 9, погр. 17; 8–14, 17, 20, 21, 23–25 – Орловка-Картал; 15 – Коржево, кург. 4, погр. 4; 16 – Гэвэноаса, кург. 3, погр. 4;
18 – Чимишлия, случ. нах.; 19 – Красногорка, кург. 204; 22 – Терновка, кург. 2, погр. 16
(1, 2, 4 по: Levițki et. al. 1996; 3 по: Дергачев и др. 1989; 5 по: Субботин и др. 1995;
6, 7 по: Серова, Яровой 1987; 15, 16, 18 по: Dergačev 2002; 19 по: Дергачев, Манзура 1991;
22 по: Агульников, Сава 2004)

ные обычно находятся в овальной или прямоугольной яме, в слабо скорченном положении на левом или, реже, правом боку (рис. 18, 1–9). В этом случае одна рука лежит вдоль тела, а другая согнута и уложена на тазе или поперек тела. В размещении умерших явно преобладает северо-восточная и восточная ориентировка. Нередко кости скелета и дно могил покрыты красной охрой. Погребальный инвентарь весьма незначителен и иногда включает одиночные сосуды культуры Чернавода I или трипольской культуры, украшения из кости, зубов оленя, золота, серебра, плоские металлические топоры типа Сакалхат и антропоморфные фигурки. В целом, по многочисленным признакам погребальный ритуал культуры Чернавода I находит близкие аналогии в похоронных традициях земледельческих общностей Карпато-Балканского региона, хотя мегалитические сооружения для последних не характерны.

Материальная культура. На памятниках культуры Чернавода I обнаружены в небольшом количестве *орудия труда из кремня и камня* (рис. 19, 6–8). Вместе с тем, они достаточно ясно отражают основные хозяйственные занятия носителей этих культурных традиций. Уровень развития кремневой индустрии был весьма высоким. В качестве сырья использовался местный желтый балканский кремень. Техника первоначального раскалывания преимущественно была направлена на получение пластин средних размеров, тогда как число микро- и макролитических орудий было незначительным. Набор орудий включал различные ножи, серпы, скребки, резцы, сверла и т.д. По своим технологическим и типологическим признакам изделия Чернаводы I близки гумельницким. В то же время в их номенклатуре фактически отсутствуют полифункциональные орудия, кремневые топоры, наконечники стрел и копий, которые характерны для гумельницкой индустрии.

Орудия из кристаллических пород камня представлены плоскими полированными топорами, обнаруженными в Рымничелу. Этот тип изделий особенно близок аналогичным орудиям в других карпато-балканских культурах. Помимо этих вещей, на многих поселениях найдены каменные зернотерки, причем иногда в большом количестве. Они вполне определенно указывают на то, что земледелие являлось одним из главных занятий населения.

Поселение Орловка-Картал дало внушительную коллекцию изделий хозяйственного назначения из глины. Особенно многочисленными являются пряслица преимущественно сегментовидной в разрезе формы (рис. 19, 13, 14). В большом количестве также встречаются грузила пирамидальной и цилиндрической формы, а также очажные подставки (рис. 19, 23).

Особенно велико число *костяных орудий,* что, вероятно, в какой-то степени компенсирует низкие количественные показатели в категории кремневых и каменных изделий. Орудийный набор включал, главным образом, шилья и проколки, мотыги, шпатели-орнаментиры и т.д. (рис. 19, 10–12). Судя по материалам из Орловки-Картала, степень утилизации кости была чрезвычайно высокой, в силу чего ассортимент костяных орудий мог быть значительно шире. Кроме упомянутых изделий, на поселениях Рымничелу и Картал выявлено много боевых топоров из рога благородного оленя, которые могут встречаться и в погребениях (рис. 19, 24). Из кости также изготавливались различные украшения, выявленные как на бытовых, так и могильных памятниках (рис. 19, 1, 2, 9).

Металлические изделия засвидетельствованы лишь в исключительных случаях. Здесь, прежде всего, необходимо упомянуть два, по-видимому, бронзовых кинжала с отверстиями в черенке, обнаруженных на поселении Орловка-Картал

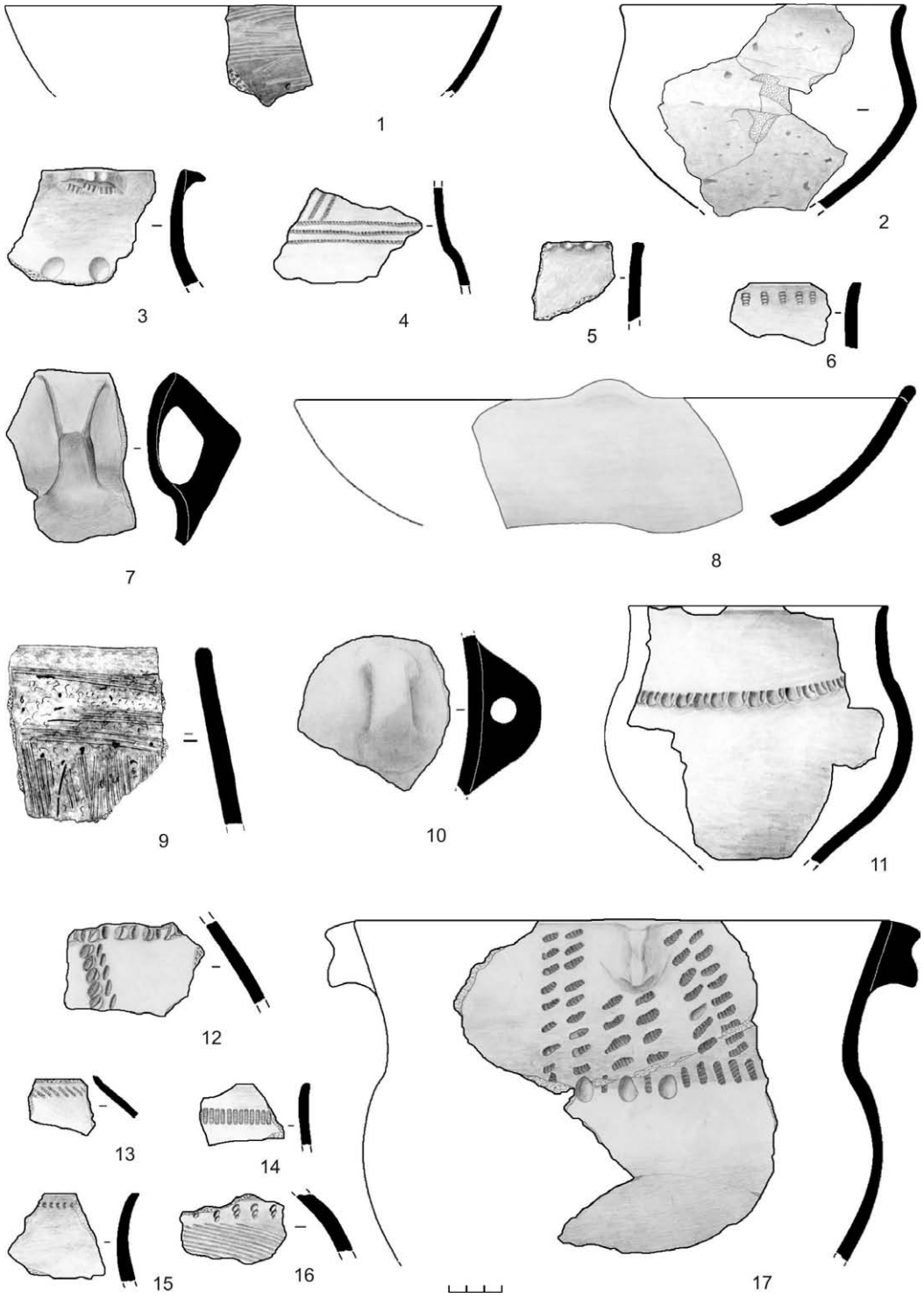


Рис. 20. Кухонная керамика культуры Чернавода I с поселения Орловка-Картал

(рис. 19, 17; табл. 12, 14). В курганных погребениях иногда находят медные плоские топоры или тесла (рис. 19, 15, 16), кольца из золота или серебра (рис. 19, 4, 5). Из разрушенного погребения, по-видимому, происходит топор типа Ясладань, обнаруженный в районе Чимишлии до Второй мировой войны (рис. 6, 18).

Керамика. Культура Чернавода I отличается богатым и разнообразным керамическим ансамблем. В рамках этого ансамбля по технологическим признакам выделяются две основные категории посуды: кухонная и столовая. При изготовлении кухонной посуды в качестве примеси использовалась толченая ракушка и, в меньшей степени, растительность, песок, шамот и известняк. Столовая керамика обычно вылеплена из хорошо отмученной глины, изредка с незначительным добавлением мелкого шамота и ракушки. В обеих категориях практиковалось покрытие внешней и внутренней поверхности сосудов тонким ангобом. Поверхность кухонной керамики, как правило, хорошо заглажена, нередко со следами гребенчатого сглаживания, иногда образующими что-то наподобие геометрического узора (рис. 20, 1, 9). Стенки столовых сосудов обычно очень ровные и прекрасно залощены, напоминая гумельницкие керамические изделия, хотя и не такого высокого качества. Цветовая гамма варьирует от желтовато-коричневатых оттенков до темно-серых и черных тонов. В количественном отношении кухонная посуда нередко составляет около 60–70% всего керамического ансамбля.

В пределах обеих категорий керамики выделяется несколько хорошо очерченных керамических групп. К ним относятся миски, чаши, разнообразные кубки, чашки, кувшины, так называемые «молочные кринки», амфоры и различные горшки. Миски на подставках, сосуды с носиком и аскосы известны только в качестве отдельных находок.

Миски являются одним из самых распространенных видов посуды, куда входят изделия простых и более сложных форм. Сосуды простых форм представлены обычными полусферическими мисками с уплощенным или профилированным венчиком, коническими и биконическими мисками, а также изделиями со слегка изогнутым корпусом (рис. 20, 1, 8). Вторая серия в пределах этой же морфологической группы содержит разнообразные типы мягко- или остропрофилированных мисок S-видной формы (рис. 20, 2; 21, 1, 2, 4–7). К отдельной разновидности мисок относятся сосуды с воронковидной верхней частью и подчеркнутым ребром посередине тулова (рис. 21, 9,10). В то время как многие из мисок находят близкие аналогии в керамике других культурных объединений на Северо-Восточных Балканах, выделяется серия изделий, которая более всего характерна именно для культуры Чернавода I.

В целом многим категориям сосудов присущи шаровидное тулово и высокая цилиндрическая, коническая или воронковидная горловина. Такие формы, например, преобладают в категории горшков. Широко открытые горшки и банковидные сосуды встречаются реже и не на всех поселениях. Весьма сходные морфологические признаки обнаруживаются среди высокогорлых амфор, которые доминируют в этой категории. Подобные сосуды присутствуют как на ранних, так и на поздних поселениях. В то же время, широко открытые амфоры, иногда с большими ленточными ручками, в большей степени связаны с поздними памятниками культуры Чернавода I.

К числу довольно специфических морфологических категорий относятся «молочные кринки», разнообразные кубки, кувшины и аскосы (рис. 20, 7; 21, 12, 13, 16). Большинство типов является характерным атрибутом поздних памятников и не

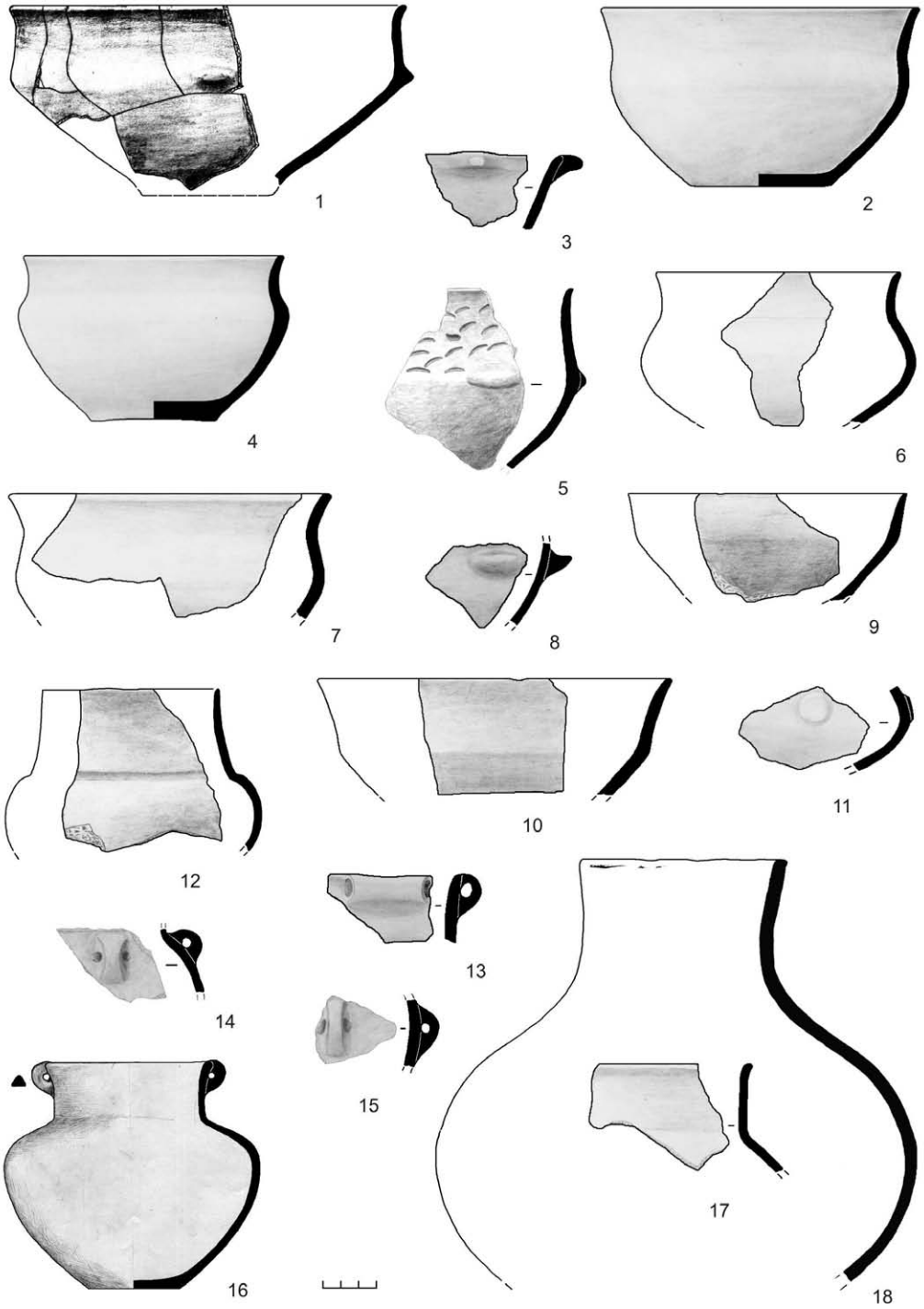


Рис. 21. Столовая керамика культуры Чернавода I с поселения Орловка-Картал

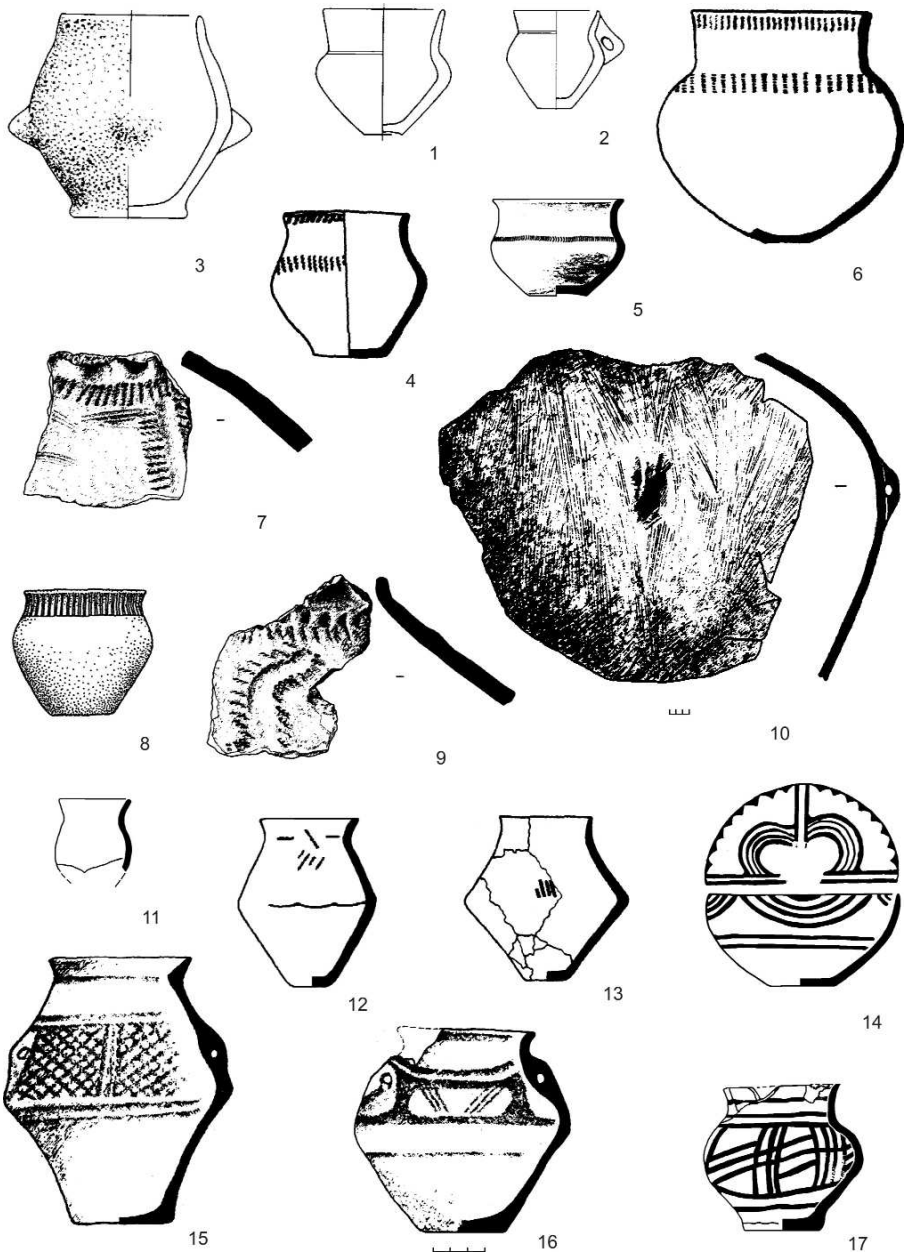


Рис. 22. Керамика из погребений культуры Чернавода I (тип Хаджидер).
1–3 – Дуранкулак, погр. 448; 4 – Холмское, кург. 1, погр. 12; 5 – Орловка-Картал, погр. 10;
6 – Каменка, кург. 1, погр. 10; 7, 9, 10 – Сэрэтень, кург. 1, 3; 8 – Рошкань, кург. 3, погр. 7;
11 – Приморское, кург. 1; 12 – Кошары; 13 – Хаджидер, кург. 6, погр. 1;
14 – Красногорка, кург. 204; 15 – Новокотовск, кург. 1, погр. 8; 16 – Рени, разр. погр.;
17 – Сарата (1–3 по: Vajsov 2002; 4 по: Черняков и др. 1986; 5 по: Бруяко и др. 2006;
6, 12, 13 по: Патокова и др. 1989; 7, 9, 10 по: Leviţki et. al. 1996; 8 по: Дергачев и др. 1989;
11 по: Чеботаренко и др. 1993; 14 по: Дергачев, Манзура 1991; 15 по: Агульников,
Сава 2004; 16 по: Субботин, Петренко 1990; 17 по: Петренко 1998)

встречаются в более ранних контекстах. Аналогично, различные чашки распространены, главным образом, в поздний период развития Чернаводы I. Как правило, они лишены каких-то явных особенностей и имеют широкие параллели в синхронных культурах в регионе и за его пределами. Вместе с тем, в отличие от других культурных групп, в Чернаводе I среди этих изделий крайне редки чашки с высокой петлевидной ручкой, возвышающейся над краем венчика. Отличительной чертой является слегка оттянутая вниз коленчатая ручка на некоторых сосудах.

Среди различных орнаментов на керамике культуры Чернавода I особенно распространены разнообразные шнуровые узоры. Они охватывают все известные типы шнуровых оттисков и составляют более 60% всех зарегистрированных стилистических типов. Можно различить намотанный, или «фальшивый» шнур, который оставляет отпечатки в форме так называемых «личинок» или «гусеничек»; перевитый, или «реальный», шнур в виде коротких отрезков или длинных линий; узелковый шнур, оставляющий ряд маленьких двойных оттисков, и, наконец, полукруглые отпечатки, или «серпики», выполненные «фальшивым» или «реальным» шнуром. Довольно часто оттиски намотанного и перевитого шнура комбинируются в особые узоры на одном и том же сосуде, тогда как узелковый шнур встречается только отдельно. Все типы шнуровой орнаментации встречаются и практикуются в Чернаводе I почти одновременно, хотя в последней фазе перевитый шнур является более редким.

Рельефный орнамент состоит из: 1) налепных конических и продолговатых выступов; 2) маленьких фигурных рожек; 3) маленьких округлых выступов, выдавленных с внутренней стороны венчика, которые обычно называют «жемчужным» орнаментом; 4) горизонтально расположенных налепных валиков. Первые две группы рельефного орнамента широко распространены с начала Чернаводы I и сохраняются до ее последней фазы. В то же время, «жемчужный» орнамент связан только с ранними поселениями, тогда как рельефные валики встречаются только на таких позднейших памятниках, как Рымничелу и Хыршова (верхний слой). Большинство типов рельефного орнамента засвидетельствовано и в других культурах Северо-Восточных Балкан, но продолговатые вертикальные выступы под венчиком и «жемчужный» орнамент за редким исключением характерен только для керамики Чернаводы I.

Каннелированный орнамент представлен тремя типами. Горизонтальные каннелюры покрывают верхнюю часть мисок и тулово горшков, а вертикальные размещены только на корпусе сосудов. Горизонтальный каннелированный орнамент отсутствует на ранних памятниках Чернаводы I и появляется на таких поздних поселениях, как Улмень, Олтеница-Рение I, Чернавода (верхний слой). Вертикальные каннелюры засвидетельствованы только на таких поздних памятниках, как Рымничелу и Хыршова (верхний слой). Штампованный и прочерченный орнамент также больше связан с поздней стадией развития культуры, хотя некоторые типы штампованного орнамента (ряды мелких округлых вдавлений) известны уже на ранних поселениях.

Расписная орнаментация встречается лишь в исключительных случаях и не может рассматриваться в качестве характерной черты. Она была выявлена на таком позднем поселении, как Олтеница-Рение I и состояла из криволинейных композиций.

В целом, морфология и стилистика керамики Чернаводы I отличается очень высокой степенью вариативности, что, по-видимому, обусловлено участием различных компонентов в формировании керамического ансамбля. Особенно заметен

вклад культуры Гумельница, прежде всего, в технологическом оформлении столовой посуды. В числе других влияний можно назвать черты культуры Певец /Хотница, выразившиеся в появлении некоторых форм и разновидностей орнамента. В позднейших материалах можно также заметить какие-то черты, связанные с культурой Чернавода III (горизонтальные налепные валики, горизонтальные каннелюры на тулове горшков и т.п.). В общих чертах керамика культуры Чернаводы I выглядит как сугубо балканское явление.

Антропоморфная пластика на поселениях Чернаводы I выявлена в незначительном количестве, но отличается известной оригинальностью. Как правило, изображения схематично передают сидячую женскую фигуру с вытянутыми или согнутыми ногами и уплощенным торсом с покатыми плечами (рис. 19, 19–21). На сохранившихся экземплярах головка имеет воронковидную форму с углублением в центре. Иногда на ней изображены детали лица в виде носа и проколотых ушей.

Периодизация и хронология. В развитии культуры Чернавода I выделяют две или три фазы. Их количество зависит от специфики памятников, которые включаются в периодизацию. Румынские исследователи относят к первой фазе (Чернавода Ia) погребения со скипетрами, которые должны отражать начальный момент формирования культуры (Harţuche 1980; Haşotti 1997). Предполагается, что этой фазе соответствуют три нижних стратиграфических горизонта в Чернаводе-Дялул София, однако материалы оттуда до сих пор неизвестны. Ко второй фазе относят поселения, где значительно преобладает кухонная керамика с ракушкой, наблюдается ограниченный набор морфологических и стилистических типов (Гряка, Кирноджь, средний слой в Чернаводе-Дялул София). Третья фаза включает памятники, которые характеризуются повышенным технологическим, морфологическим и стилистическим разнообразием (Улмень, Олтеница-Рение I, Рымничелу, Картал-верхний горизонт). Согласно другой точке зрения, культура проходит только две стадии развития, поскольку погребения со скипетрами соотносятся с иным культурным образованием (Manzura 1999).

Памятники культуры Чернавода I достаточно надежно вписываются в круг энеолитических культур Юго-Восточной и Восточной Европы (карта 1/Б). По северной линии параллелей они развиваются синхронно этапам Кукутень АВ, В-Триполье В1/В2, В2 и С1, тогда как позднейшие комплексы, видимо, захватывают период С2. На Балканах их ранний горизонт синхронен начальным фазам развития культурного комплекса Криводол-Сэлкуца-Бубани хум (КСБХ), а в Карпатском бассейне – культуре Бодрогкерестур и Балатон-Ласинья. Поздние памятники должны быть одновременны культуре Телиш-Сэлкуца IV на Центральных Балканах и горизонту «Scheibenhenkel» в Карпатском бассейне. Восточная хронологическая линия связей в целом помещает культуру Чернавода I в период развития таких культур как нижнемихайловская, среднестоговская, дереивская, постмариупольская (квитянская) и константиновская.

Надежные радиоуглеродные определения для памятников культуры Чернавода I до недавнего времени отсутствовали. В силу этого их абсолютный возраст основывался на параллелях с лучше датированными комплексами синхронных соседних культур. Согласно этим параллелям, время существования памятников типа Чернавода I приходится преимущественно на первую половину IV тыс. до н.э., захватывая начало второй половины этого же тысячелетия с учетом их частичной синхронности с позднетрипольской культурой. В последнее время было получено несколько

радиоуглеродных дат для поселения Орловка-Картал, которые плотно укладываются во вторую четверть IV тыс. до н.э. Эти данные как будто подтверждаются датами, полученными для подкурганных погребений в Ревова и Катаржино, а также грунтового погребения в Кошарах (Иванова и др. 2005; Videiko, Petrenko 2003).

Проблема происхождения культуры Чернавода I решается по-разному. Так, П. Роман полагал, что данная культура возникла вследствие продвижения на Нижний Дунай скотоводческого населения из региона, где затем сформировалась нижнемихайловская культура. Пришельцы, попав в Нижнедунайский регион восприняли и передовые стандарты развитой земледельческой культуры Гумельница, в результате чего образовалась новая культура синкретического облика (Roman 1981a; 1981b). Эту точку зрения разделяют многие другие исследователи.

Относительно недавно была предложена несколько иная трактовка. Здесь появление культуры Чернавода I было связано со значительными природно-климатическими изменениями, спровоцировавшими радикальную трансформацию гумельницкой культуры, носители которой были вынуждены экстренно менять хозяйственную стратегию и образ жизни в целом (Manzura 1999). Другим дестабилизирующим фактором в этом случае могла оказаться активность культуры Кукутень-Триполье, чье присутствие на Восточных Балканах в конце раннего энеолита особенно ощутимо.

Развитие культуры Чернавода I завершается к началу бронзового века, хотя в Мунтении и на юге Румынской Молдовы оно могло продолжаться и несколько дольше. В Северо-Западном Причерноморье на основе этой культуры сформировались памятники усатовского типа, открывающие ранний бронзовый век в этом регионе. На Нижнем Дунае традиции культуры Чернавода I явились генетической основой для памятников типа Фолтешть и Чернавода II.

«Вытянутые» погребения эпохи энеолита в Северо-Западном Причерноморье. Подкурганные погребения с вытянутым на спине положением скелетов, предшествующие катакомбной культуре, до настоящего времени представляют собой одно из наименее изученных явлений в Северо-Западном Причерноморье и, шире, в Карпато-Днестровском регионе. Они составляют крайне немногочисленную и в силу очевидного своеобразия достаточно обособленную региональную группу древностей в пределах энеолита и начала бронзового века. До сих пор в литературе существуют весьма противоречивые мнения относительно их происхождения, хронологической позиции, культурной принадлежности, таксономического статуса и т.п. В границах рассматриваемого региона на сегодняшний день известно около сорока погребений данного типа. Они сравнительно равномерно распространены в пространстве между Дунаем и Днестром, но наибольшая их концентрация наблюдается на Нижнем Пруте и Дунае с прилегающими районами дунайских озер (рис. 23). Аналогичные комплексы встречаются и в лесостепной зоне Карпато-Поднестровья, то есть в ареале культуры Кукутень-Триполье.

Судя по курганной стратиграфии и некоторым другим признакам, хронологический диапазон вытянутых погребений, по-видимому, является довольно протяженным и может охватывать промежуток от раннего энеолита до периода ранней бронзы включительно. В культурном отношении наиболее древние комплексы обычно отделяют от типологически сходных захоронений балкано-дунайских культурных объединений (Хаманджия, Боян, Дудешть) и связывают с погребальными

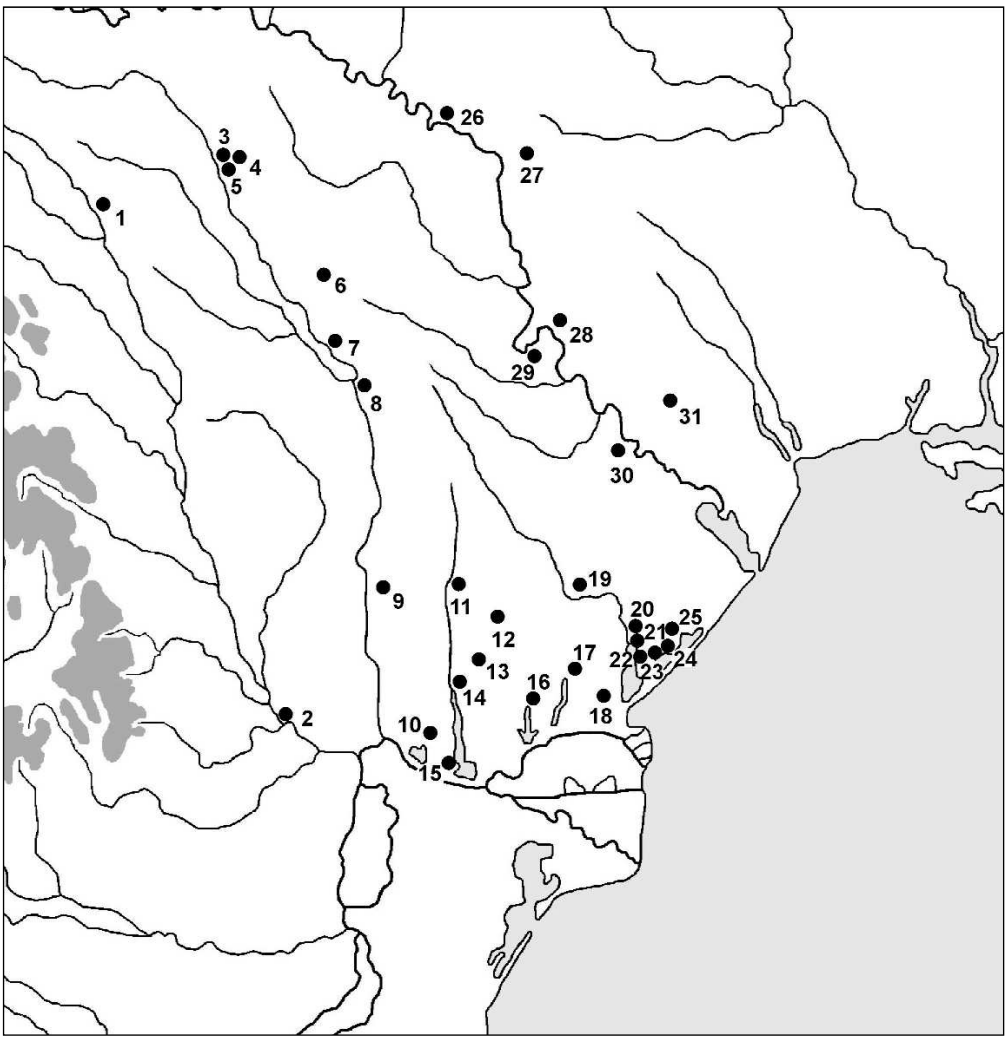


Рис. 23. Распространение погребений с вытянутыми скелетами периода энеолита и начала бронзового века в Карпато-Днестровских землях. 1 – Корлэтень; 2 – Лунгочь-Фундень; 3 – Думень; 4 – Варатик; 5 – Дуруитоаря Ноуэ; 6 – Бурсучень; 7 – Петрешть; 8 – Сэрэтень; 9 – Крихана Векь; 10 – Етулия; 11 – Казаклия; 12 – Огородное III; 13 – Кубей; 14 – Болград; 15 – Новосельское; 16 – Суворово; 17 – Холмское; 18 – Десантное; 19 – Арциз; 20 – Белолесье; 21 – Новоселица; 22 – Траповка; 23 – Вишневое; 24 – Кочковатое; 25 – Желтый Яр; 26 – Окница; 27 – Тимково; 28 – Красное; 29 – Бэлэбонешть; 30 – Талмаз; 31 – Никольское

традициями культур мариупольской или днепро-донецкой культурно-исторической области. В свою очередь более поздние подкурганные погребения с вытянутыми скелетами принято соотносить с позднеэнеолитическими культурами Азово-Днепровского региона или рассматривать в рамках ямной культуры. Следует отметить, что такое культурно-хронологическое членение вытянутых захоронений основывается, главным образом, на стратиграфических данных, тогда как их типологические различия, как правило, менее всего принимаются во внимание. Вследствие этого

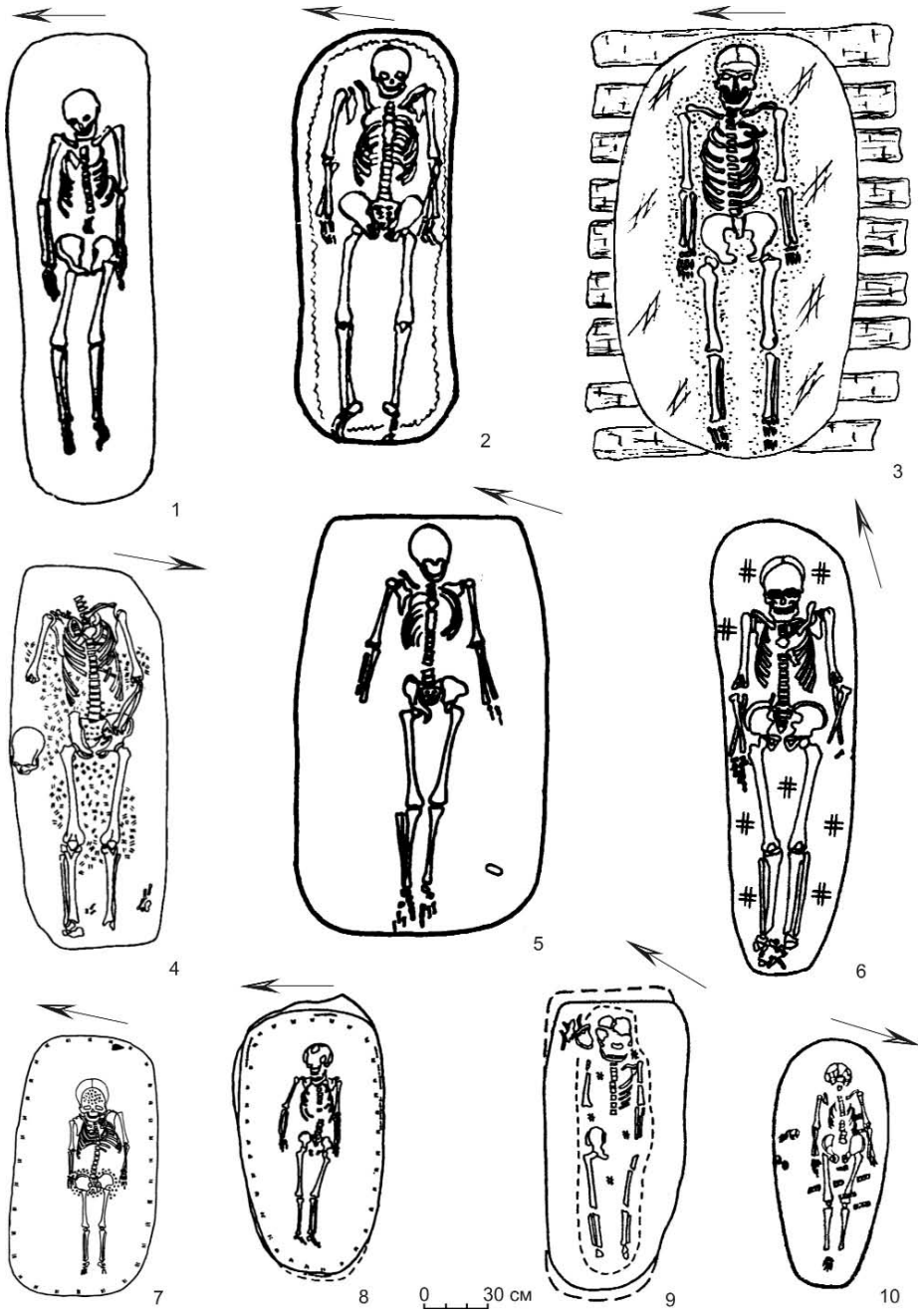


Рис. 24. Погребения с вытянутыми скелетами эпохи энеолита и начала бронзового века в Карпато-Днестровских землях. 1 – Огородное III, 1/12; 2 – Тимково, 1/5; 3 – Етулия, 1/14; 4 – Окница, 7/14; 5 – Вишневое, 11/10; 6 – Никольское, 8/7; 7 – Окница, 6/24; 8 – Сэрэтень, 2/3; 9 – Кагул, 1/15; 10 – Кочковатое, 30/2 (1 по: Субботин и др. 1984; 2 по: Островерхов и др. 1993; 3 по: Борзияк 1984; 4, 7 по: Манзура и др. 1992; 5 по: Дворянинов и др. 1985; 6 по: Агульников, Савва 2004; 8 по: Levițki et. al. 1996; 9 по: Agulnikov, Pasa 2008; 10 по: Ванчугов и др. 1992)

подхода иногда проводится резкая грань между доямными комплексами независимо от их типологического своеобразия и памятниками времени ямной культуры (Субботин 1991: 72; Ванчугов и др. 1992: 63). Между тем, стратиграфические свидетельства, взятые в совокупности с типологическими показателями похоронного ритуала и инвентаря, вполне способны раскрыть некоторые закономерности в распределении всего массива вытянутых захоронений и выявить определенные тенденции в развитии этой погребальной традиции.

Основополагающим признаком, на базе которого пытались разграничить исследуемые памятники, является форма погребальной камеры. Именно этот признак в сочетании со стратиграфическим положением могил, несмотря на скептическое отношение к нему некоторых исследователей (Rassamakin 1999: 116), до сих пор остается наиболее информативным в плане культурно-хронологических определений, прежде всего, для Карпато-Днестровских земель, где инвентарные погребения с вытянутыми скелетами почти полностью отсутствуют. Эти показатели могут дополняться такими элементами, как ориентировка умерших, наличие или отсутствие охры и лишь в исключительных случаях особенностями погребального инвентаря. С другой стороны, некоторые черты погребальной практики вряд ли могут учитываться при анализе, так как зачастую или широко варьируют в пределах одной и той же культурной группы, как, например, характер могильного перекрытия, либо выступают универсальным атрибутом различных культурных подразделений, в частности, остатки растительной подстилки на дне погребальных камер.

По своим очертаниям и пропорциям могильные ямы с вытянутыми скелетами можно разделить на три ведущих типа. Первый тип представлен камерами овальной формы или подпрямоугольными ямами с сильно закругленными углами, то есть близкими к овалу, с соотношением длины и ширины приблизительно 1:2. Ко второму типу относятся узкие продолговатые ямы, в которых соотношение длины и ширины примерно равняется 1:3. Третий составляют собственно прямоугольные камеры больших размеров с четко выделенными углами.

Первая группа. Вытянутые захоронения в просторных овальных ямах (рис. 24, 3, 5, 7, 8, 10) характеризуются довольно стандартизированным набором признаков. Подавляющее большинство погребенных ориентировано головой в восточном секторе. Лишь в двух случаях была отмечена западная ориентировка, в погребениях Десантное 1/17 (Алексеева 1976: 183) и, возможно, Холмское 5/7а, если оно действительно относится к энеолитическому периоду (Черняков и др. 1986: 86). В качестве могильного перекрытия в равной мере использовались деревянные плахи или каменные плиты, иногда в комбинированном виде. Охра выявлена почти во всех захоронениях, однако интенсивность ее употребления варьировала от сплошного покрытия останков погребенного и дна могилы до незначительной выборочной окраски отдельных частей тела. Следует отметить, что только с этой группой погребений соотносятся каменные кромлехи или ограды.

Стратиграфическое положение данной группы могильных комплексов в курганах выглядит следующим образом. В одном случае, в кургане 2 у с. Сэрэтень, подобное погребение предшествует комплексу, относящемуся к позднему энеолиту (Levițki et al. 1996: 32). Довольно часто погребения в овальных ямах стратиграфически перекрываются могилами ямной культуры, причем не только позднейшими, но и наиболее ранними для Карпато-Днестровских земель. В Северо-Западном Причерноморье особенно показательно в этом плане погребение 1/15 у с. Этулия II (Борзияк 1984: 85-86), окруженное оградой из массивных плит. В насыпь над этим

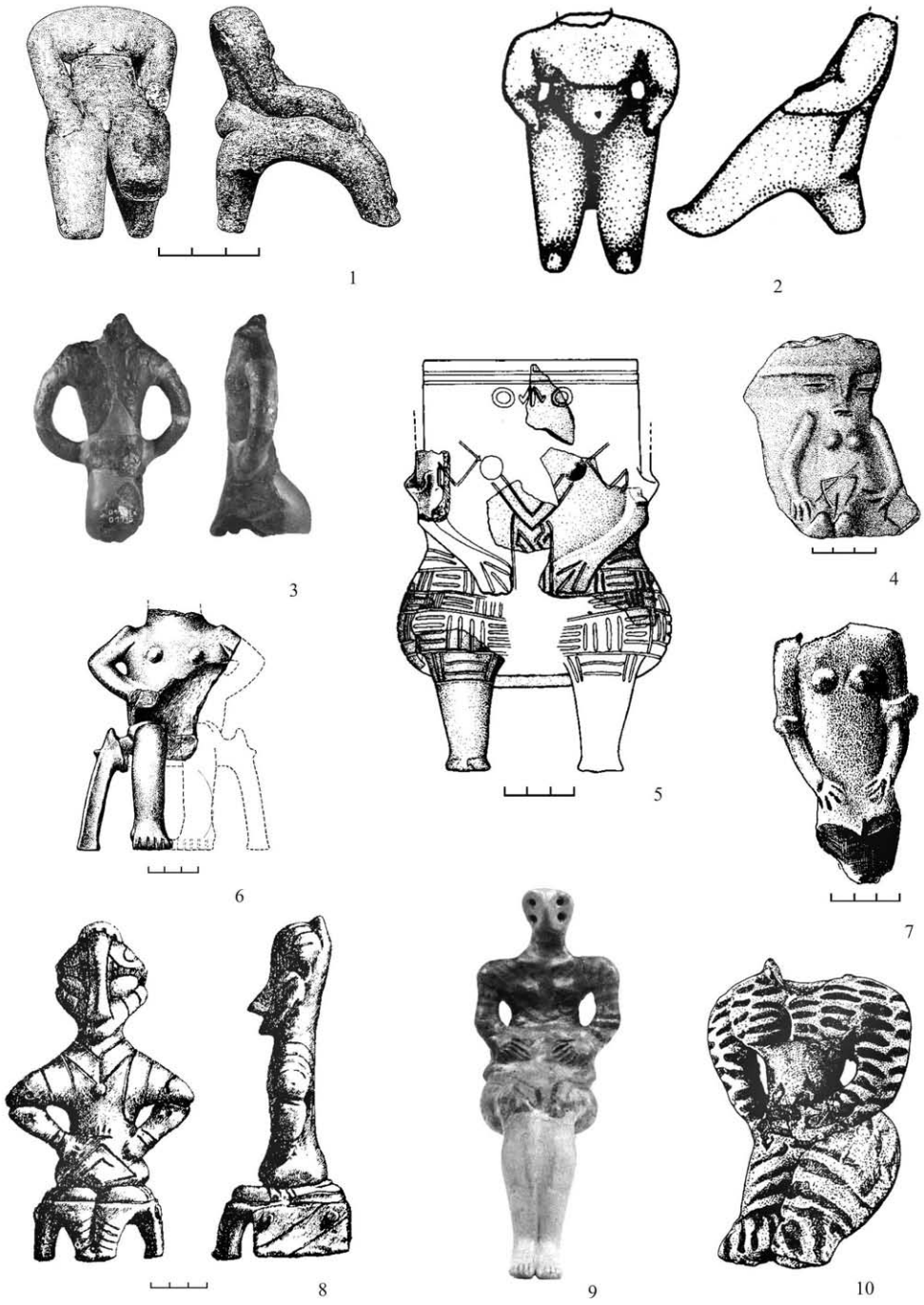


Рис. 25. Антропоморфная пластика неолитических и энеолитических культур Европы и Ближнего Востока. 1 – Куцуро; 2 – Хёючек; 3 – Брун ам Гебирге; 4 – Драссбург; 5 – Эчед-Ковашхалом; 6 – Сегвар-Тюсковеш; 7 – Батонья; 8 – Берилиево; 9 – Гелэешть-Недея; 10 – Хога Мами (1 по: Bailey 2005; 2–4, 6–8, 10 по: Hansen 2007; 5 по: Raczky 1990; 8 по: Garašanin 1979; 9 по: Mantu et al. 1997)

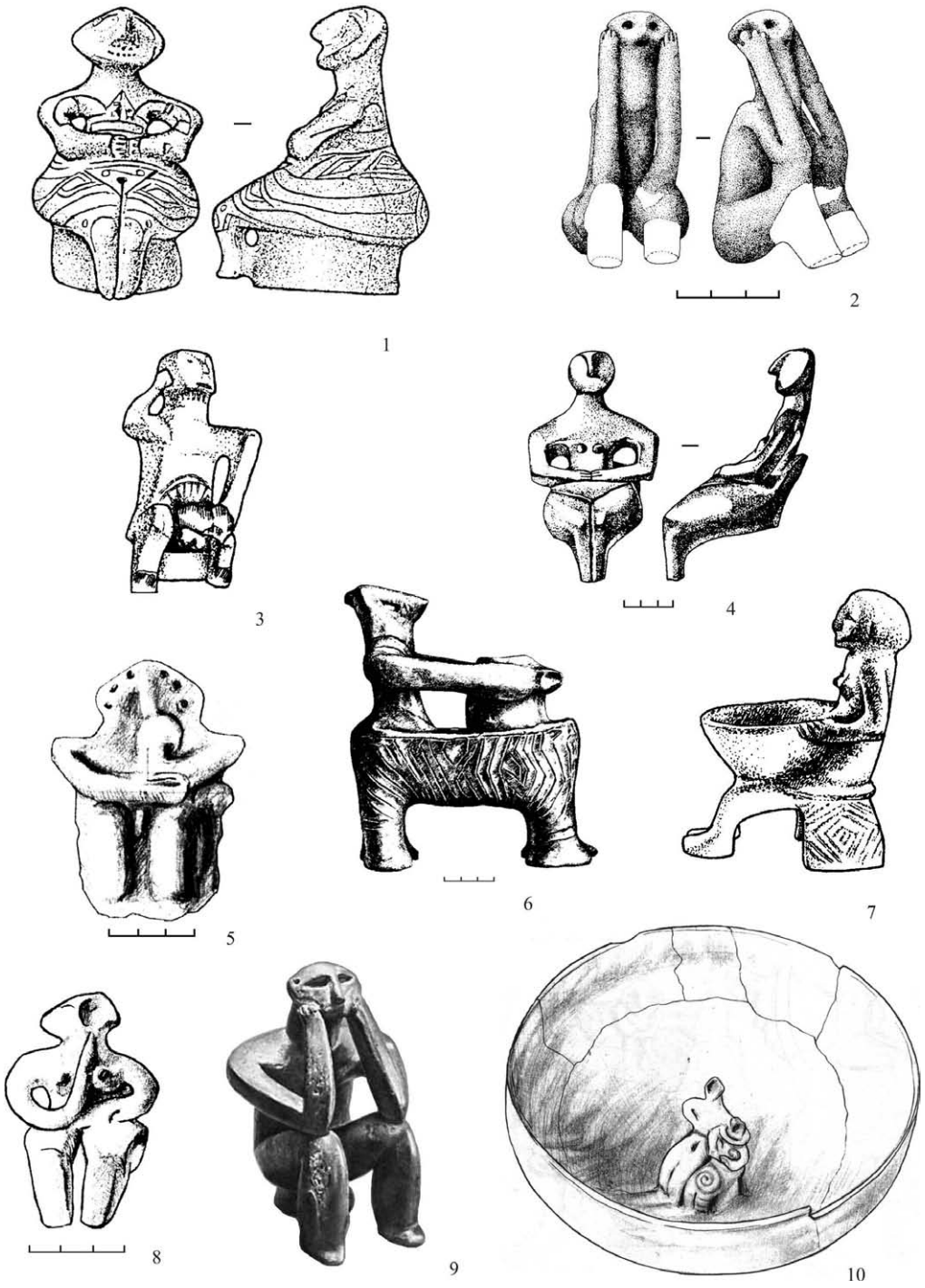


Рис. 26. Антропоморфная пластика неолитических и энеолитических культур Европы. 1 – Пазарджик; 2 – Тырпешть; 3 – Лариса; 4 – Телиш-Редут; 5 – Видра; 6 – Фафос I; 7 – Нови Бечей; 8 – Кэсчиоареле; 9 – Чернавода; 10 – Султана (1, 3, 6, 7 по: Балабина 2002; 2 по: Bailey 2005; 4 по: Гергов 2000; 5, 8, 10 по: Andreescu 2002)

погребением было впущено ямное захоронение, отличавшееся настолько архаичными чертами, что было даже причислено к раннеэнеолитическому времени (Дергачев 1986: 69). Кроме Этулии в Северо-Западном Причерноморье аналогичная ситуация была прослежена для погребений Десантное 1/17 (Алексеева 1976: 183), Вишневое 11/10 (Дворянинов и др. 1985: 139–140), Крихана Веке 1/14,15 (Agulnikov, Pasa 2008: 30–31) и Новосельское 1/1 (Rassamakin 2004/II: 62). Такое же стратиграфическое соотношение засвидетельствовано и в лесостепной зоне Карпато-Днестровского региона, например, в Окнице 6/24 (Манзура и др. 1992: 65). Во всех указанных случаях стратиграфическое соотношение основных вытянутых и впускных ямных захоронений было определено вполне достоверно.

Наряду с основным положением в курганах захоронения в овальных камерах иногда занимали и более позднюю стратиграфическую позицию по отношению к погребальным комплексам позднего энеолита. Достаточно надежно такая стратиграфическая взаимосвязь была прослежена для погребения Кочковатое 30/2 (Ванчугов и др. 1992: 25–28). Подобная ясность отсутствует в некоторых других курганных памятниках, особенно там, где помимо энеолитических скорченных и вытянутых погребений содержались захоронения позднетрипольского периода. Так, в центральной части кургана 9 у с. Красное имело место довольно сложное наложение разновременных энеолитических и ямных захоронений (Серова, Яровой 1987: 79–81), в результате чего точную позицию коллективного погребения 9 с вытянутыми костяками, вопреки утверждениям авторов, установить не удалось (Манзура и др. 1992: 86–87). В сложно стратифицированном кургане 1 у с. Холмское также наблюдаются противоречия в оценке положения вытянутого погребения 9, которое обозначалось то как впускное в первоначальный энеолитический курган, то как совершенное с уровня второй насыпи над усатовским захоронением 12 (Черняков и др. 1986: 57, 65).

Крайней противоречивостью отличается информация о погребении 17 кургана в Арцизе. В первоначальной публикации (Алексеева 1976: рис. 2, 1) форма могильной камеры показана как прямоугольная с сильно закругленными углами, то есть близкая к овалу. В другой, более поздней, публикации яма имеет уже четко обозначенные углы (Алексеева 1992: рис. 2, 2). Значительно расходятся сведения о месте погребения в кургане: в первой работе оно находится в к западу от центра, во второй – к востоку от него. Точно таким же образом на указанных рисунках не согласуются данные о положении скелетов. В первом случае они расположены в вытянутой позе, тогда как во втором – один из них лежит в скорченной позиции, по-видимому, на спине, хотя в первой работе автор утверждает, что оба скелета находились именно в вытянутом положении (Алексеева 1976: 181). Неясным остается и стратиграфическое соотношение рассматриваемого погребения с другими энеолитическими комплексами. Согласно наблюдениям И.Л. Алексеевой (1976: 181; 1992: 47–49), погребение 17, расположенное в стороне от центра кургана, было перекрыто одной насыпью с позднеэнеолитическими погребениями 20 и 21. Затем первая насыпь была окружена кромлехом из массивных плит и рвом. Однако в публикации 1992 г. вполне ясно показано, что погребение 17 прорезает кромлех и, следовательно, является более поздним по отношению к основному энеолитическому погребению 20, перекрытому первой насыпью. Скорее всего, рассматриваемое погребение является впускным в первую или последующие насыпи, как и расположенное рядом погребение 18 ямной культуры. В целом, противоречивость информации о кургa-

Рис. 27. Погребения в скорченном положении на спине в мезолитических, неолитических и энеолитических культурах Юго-Восточной, Центральной и Западной Европы.
1 – Лепенский Вир; 2, 9 – Айтерхофен-Одмюле; 3 – Тисаполгар-Башатанья; 4 – Рёссен; 5, 8 – Тешетице-Кыйовице; 6 – Мюльхаузе-Восток; 7 – Бжесць-Куявский; 10 – Рутцинг
(1 по: Srejović 1981; 2, 9 по: Nieszery 1995; 3 по: Bognár-Kutzián 1963;
4 по: Zápotocká 1984; 5 по: Dočkalova, Koštuřík 1996; 6 по: Jeunesse 1997;
7 по: Jażdżewski 1938; 8 по: Kazdová, Lorencová 1985; 10 по: Lenneis et al. 1999)

не 1 у г. Арциза ставит под сомнение энеолитический возраст погребения 17, хотя В.Г. Петренко и отнес его к постмариупольской культуре (Петренко 2009: 17).

В некоторых случаях вытянутые захоронения в овальных ямах занимали стратиграфически более позднее положение в курганах с основными погребениями времени позднейшего Триполья. Такая ситуация была прослежена, например, для погребений Холмское 5/7а (Черняков и др. 1986: 89) и Корлэтень 1/2 (Comşa 1982). Возможно, в эту же группу следовало бы включить и погребения Бурсучень 1/11 (Яровой 1979: 492) и Кубей 23/13 (Субботин и др. 2000: 92), которые были впускными в курганы позднего энеолита или позднетрипольского времени, однако точная форма могильных камер здесь не была установлена.

К числу единичных относится случай, когда захоронение 1/9 в овальной яме в Болградском могильнике оказалось впускным при основном ямном погребении (Субботин, Шмаглий 1970: 118). Такая стратиграфическая ситуация выглядела настолько необычной, что В.А. Дергачев (1986: 98) счел возможным отнести это захоронение к катакомбной культуре, а Е.В. Яровой (1985: Приложение 1) зарегистрировал его в своей сводке как основное, то есть поменял местами с ямным погребением, которое авторами раскопок было определено как центральное. Действительно, по составу погребального инвентаря, включавшему медные бусы, подвеску из оленьего зуба и так называемую «фаллическую» костяную подвеску, данный комплекс вполне может соответствовать энеолитическому горизонту, хотя, как справедливо отмечает Ю.Я. Рассамакин, сходные изделия встречаются и в более поздних комплексах бронзового века (Rassamakin 1999: 116).

Таким образом, согласно своему стратиграфическому положению, погребения в овальных камерах с вытянутыми костяками могут относиться к энеолитическому периоду, а также ко времени усатовской группы. В то же время, они всегда предшествуют захоронениям ямной культуры в Карпато-Днестровских землях, что многократно подтверждалось данными курганной стратиграфии. Единственный пример обратного стратиграфического взаиморасположения ямного и вытянутого погребений, отмеченный в кургане 1 Болградского могильника, по-видимому, может объясняться какими-то погрешностями в полевой фиксации материалов или же данный комплекс действительно каким-то образом связан с катакомбной культурой.

Инвентарь в погребениях с крупными овальными ямами встречается крайне редко и, в сущности, не обладает какими-то ярко выраженными специфическими чертами. В погребениях из Болграда 1/9 (Субботин, Шмаглий 1970: рис. 118, 6) и Десантного 1/17 (Алексеева 1976: рис. 3, 9) содержались зубы оленя или их имитации, однако они не могут выступать в качестве надежного культурно-хронологического критерия, поскольку характерны для самых различных культур неолита, энеолита и бронзового века Восточной и Юго-Восточной Европы. Костяная «фаллическая» подвеска из Болграда 1/9 (Субботин, Шмаглий 1970: рис. 10, 6), действительно, находит параллели в материалах Карбунского клада периода раннего энеолита, однако аналогичные изделия известны и в более позднее время, например, в погребениях раннего бронзового века Центральной Европы. Не отличаются особым своеобразием и кремневое сверло из Красного 9/9 (Серова, Яровой 1987: рис. 25, 3), кремневый скребок из Холмского 1/9 (Черняков и др. 1986: 57) и каменные песты из Кочковатого 30/2 (Ванчугов и др. 1992: рис. 7, 4, 5). Дисковидная перламутровая подвеска из Арциза 1/17, якобы свидетельствующая о раннеэнеолитическом возрасте погребения (Алексеева 1976: рис. 3, 6), в действительности оказалась с этим погребением не связанной (Петренко 2009: 17).

Не совсем понятным остается характер керамики, обнаруженной в погребениях Суворово 1/1 (Алексеева 1976: 181, рис. 3, 3) и Холмское 1/9 (Черняков и др. 1986: 57). В Суворово поверхность фрагментов сосуда из глины с примесью толченой ракушки была покрыта гребенчатыми расчесами, тогда как в Холмском в погребении находились фрагменты, по-видимому, трипольского сосуда из красной глины и обломки горшка из глины с примесью ракушки. Фрагменты из Суворово по своему облику и технологии изготовления весьма напоминают керамику культуры Чернавода I, что, возможно, указывает на позднеэнеолитическую датировку данного комплекса.

В целом рассматриваемая группа захоронений отличается достаточно архаичным обликом, что проявляется в соответствующих обрядовых признаках и стратиграфической позиции. Не исключено, что нижняя хронологическая граница этой обрядовой традиции может проходить где-то на уровне таких культурных подразделений, как Гумельница и Кукутень А-Триполье В 1, еще до появления курганов как таковых. На это может, в частности, указывать бескурганное охровое погребение из Лунгочь-Фундень, идентифицированное Д. Ляху и В.Г. Петренко как энеолитическое (Dragomir 1976; Leahu 1992; Петренко 1993: 16–18)[1]. Не исключено, что к раннеэнеолитическому периоду может относиться периферийное, по-видимому, также бескурганное погребение 3/1 в Петрешть на Среднем Пруте, содержавшее кремневую пластину, медное шило и медные бусы (Яровой 1986). Следует отметить, что значительная древность вытянутых погребений в овальных ямах кажется особенно очевидной при их сопоставлении с другими типологически близкими комплексами Карпато-Поднестровья.

Вторую группу комплексов с вытянутым обрядом захоронения образуют могилы, устроенные в узких продолговатых ямах, как правило, прямоугольной формы. По значительному количеству показателей данные погребения во многом соответствуют захоронениям первой группы, однако наряду с этим наблюдаются определенные различия как стратиграфического, так и типологического порядка.

В рамках рассматриваемой группы прослеживаются два относительно самостоятельных варианта, за которыми могут скрываться какие-то культурные или хронологические различия. Первый из них представлен захоронениями, где усопшие были ориентированы в восточном секторе, а второй образуют погребения с противоположной ориентировкой. Разница между этими двумя вариантами заключается не только по указанному признаку, но и по некоторым другим показателям.

Погребения первого варианта (рис. 24, 1, 2) наиболее близки захоронениям первой группы в овальных камерах. Для них, кроме одинаковой ориентировки, также характерны различные виды перекрытий могильных ям, включая дерево и камень, охровая посыпка останков погребенных и дна камер. В Северо-Западном Причерноморье они, с одной стороны, стратиграфически предшествуют погребальным комплексам ямной культуры, например, Огородное III 1/12 (Субботин и др. 1984: 110), с другой – бывают впускными в курганы позднего энеолита и усатовской культуры, что было зафиксировано в Никольском 8/7 (Агульников, Сава 2004: 95) и Желтом Яре 5/13 (Субботин, Петренко 1994: 96). Такое же стратиграфическое

[1] В румынской археологической литературе определение «întins pe spate» (дословно «вытянутый на спине») иногда употребляется и по отношению к погребениям со скелетами, скорченными на спине. В силу этого погребение из Лунгочь вполне могло быть не вытянутым, а скорченным, что невозможно точно установить из-за отсутствия детального описания и рисунка.

соотношение отмечается и для лесостепной зоны, например, в Тимково 1/15 где вытянутое погребения в узкой камере предшествовало захоронениям ямной культуры (Островерхов и др. 1993: 83–84). До сих пор не зарегистрировано ни одного случая, когда захоронение с восточной ориентировкой перекрывало бы ямные погребения или было перекрыто другими энеолитическими комплексами.

В отличие от погребений первого варианта в захоронениях с западной ориентировкой (рис. 24, 4) полностью отсутствуют охра и каменные перекрытия могил. Стратиграфическое положение этих погребений очень выдержанное: они всегда находятся в основании курганов и никогда не впускались в инокультурные курганные насыпи. Их соотношение с погребениями других энеолитических культурных групп остается не до конца ясным, поскольку стратиграфически за ними следуют только захоронения ямной культуры. Такая ситуация прослеживается как в степной, так и в лесостепной зоне, к примеру, для погребений Казаклия 19/6 (Бейлекчи и др. 1985), Окница 7/14 (Манзура и др. 1992: 79), Варатик 1/12 (Ларина 1989) и Новые Дуруиторы 2/12 (Яровой 1985: Приложение 1).

Хронологическая позиция захоронений обоих вариантов второй группы определяется лишь в самых общих чертах. Тот факт, что они постоянно предшествуют в курганах погребениям ямной культуры при полном отсутствии обратной стратиграфической связи, по-видимому, свидетельствует об их хронологическом приоритете по отношению к комплексам раннего бронзового века. В то же время нет никаких прямых доказательств в пользу слишком древнего возраста этой группы захоронений, поскольку в стратиграфическом аспекте, по крайней мере, могилы с восточной ориентировкой костяков являются вторичными как для усатовских погребений, так и для комплексов позднего энеолита. Более точное хронологическое положение рассматриваемых захоронений установить довольно сложно, так как они вовсе лишены погребального инвентаря. Вполне возможно, что к этой серии относится основное погребение 28 в кургане у г. Слободзея, устроенное в узкой продолговатой камере с широтной ориентировкой, окруженное кромлехом и рвом (Щербакова и др. 2008: 33–35). К сожалению, погребение оказалось полностью разрушенным, однако происходящие из него предметы вполне соответствуют материалам усатовской культуры, маркируя тем самым хронологическую позицию этого комплекса. В целом же, погребения в узких продолговатых ямах не обнаруживают тех архаичных черт, которые наблюдаются в захоронениях первой группы и, вероятно, синхронны только ее сравнительно поздним комплексам. В рамках относительной хронологии они, скорее всего, могут быть одновременны периодам Кукутень В – Триполье В II-С II, хотя нижняя граница здесь дается очень приблизительно.

Третья группа вытянутых захоронений отличается от двух предыдущих четко оформленными прямоугольными камерами, как правило, достаточно больших размеров. Для этих погребений характерно широкое использование охры, только деревянное перекрытие могил, ориентировка в западном и восточном направлениях. Последний признак вряд ли имеет принципиальное значение, поскольку погребения нередко расположены в полах курганов, и в этом случае их ориентировка подчиняется особым правилам курганной планировки, практикуемым для периферийных захоронений ямной культуры.

В целом захоронения третьей группы, безусловно, являются позднейшими по сравнению с другими погребениями с вытянутыми костяками. По своему характеру они более всего отвечают начальному этапу бронзового века, что документируется данными курганной стратиграфии и соответствующими обрядовыми признаками. По всей вероятности, целесообразно рассматривать их в рамках ямной куль-

туры, где вытянутая поза погребенных была обусловлена какими-то отклонениями от стандартизированных ритуальных канонов. Такому выводу не противоречит и погребальный инвентарь, обнаруженный в погребении Етулия I 1/14 и состоявший из деревянной повозки и типично ямного сосуда (Серова 1981: 67–68).

Культурно-хронологическая интерпретация. Таким образом, сравнительный анализ могильных комплексов с вытянутым положением погребенных, распространенных в Карпато-Днестровских землях, показывает, что типологические и стратиграфические различия между тремя выделенными группами захоронений, по-видимому, могут отражать их относительную разновременность. Наиболее архаичной выглядит первая группа, охватывающая погребения в просторных овальных или близких к овалу камерах. Ее нижнюю хронологическую границу по целому ряду признаков, по-видимому, можно опустить где-то до уровня второй половины V тыс. до н.э., что синхронно этапу Кукутень А – Триполье В I. В этом случае не исключено, что некоторые комплексы хронологически соответствуют бескурганным погребениям суворовской группы, хотя доказательств этому чрезвычайно мало. Стратиграфические данные свидетельствуют, что эта обрядовая традиция далее продолжает существовать на протяжении всего энеолитического периода вплоть до начала раннего бронзового века. На ранней стадии ямной культуры обычай вытянутого погребения в овальных ямах как будто перестает практиковаться, хотя впоследствии изредка встречается в катакомбной культуре на рассматриваемой территории (Дергачев 1984: 98).

Менее очевидной представляется хронологическая позиция погребений второй группы, устроенных в узких продолговатых ямах. В настоящее время отсутствуют веские доказательства слишком раннего возраста подобных захоронений. Тем не менее, и по курганной стратиграфии, и по некоторым контекстуальным признакам могилы этого типа, скорее всего, соответствуют энеолитическому времени, тем более что в период ранней бронзы они практически не известны. Предварительно их можно синхронизировать с относительно поздними комплексами первой группы, что в абсолютном исчислении, вероятно, должно соответствовать IV тыс. до н.э., или с промежутком от финала Кукутень А-В – Триполье В II до этапа Триполье С II включительно.

Третья группа вытянутых захоронений, совершенных в четко оформленных прямоугольных камерах, обладает довольно ясными хронологическими и культурными параметрами. Фактически по всем показателям, за исключением вытянутой позы погребенных, эта группа могильных комплексов должна рассматриваться в границах второго этапа раннего бронзового века, что отвечает днестровскому варианту ямной культуры, по В.А. Дергачеву (1986). Исходя из абсолютной датировки, принятой для днестровского варианта, время бытования третьей группы вытянутых погребений в общих чертах, вероятно, следует отнести к первой половине III тыс. до н.э.

Если принадлежность некоторых вытянутых захоронений раннего бронзового века к памятникам ямной культуры Карпато-Днестровского региона находит подтверждение в целой серии прямых и косвенных доказательств, то культурная принадлежность предшествующих, в особенности древнейших, комплексов сходного облика предстает далеко не однозначной. В поисках генетических истоков этой обрядовой традиции исследователи, как правило, ориентированы на восток, где обычай размещения умерших в вытянутой позе на спине широко практиковался на неолитических могильниках днепро-донецкой и мариупольской культурных областей (Алексеева 1976: 184–185; Дергачев 1986: 71–72).

Вместе с тем, вытянутое положение погребенных, по сути, является единственным показателем, связывающим эти два территориально обособленных образования, если конечно не считать некоторые, в общем-то, культурно индифферентные признаки (преобладающая ориентировка погребенных на восток, кремневые изделия, подвески из оленьих зубов и др.). В то же время, различия между ними настолько очевидны, что здесь трудно заподозрить какую-то генетическую сопряженность. Действительно, с одной стороны, мы наблюдаем безусловное преобладание индивидуальных погребений под курганными насыпями, часто весьма умеренное употребление охры или полное ее отсутствие, строительство каменных сооружений, наличие, пусть редкое, артефактов карпато-балканского происхождения, с другой – коллективные захоронения в грунтовых могильниках, довольно специфический и регионально локализованный инвентарный набор, интенсивное использование охры в похоронном ритуале, отсутствие каменных конструкций. Если к приведенному сравнению добавить то обстоятельство, что вытянутое положение умерших в равной степени присуще культурам балканского мезолита, неолита и энеолита, тогда вообще становится непонятным, на чем может строиться взаимосвязь между рассматриваемыми культурными группами. Достаточно сказать, что практически в непосредственной близости от западной границы региона расположен крупный энеолитический могильник Брэилица, где большинство погребений содержало вытянутые на спине скелеты (Harţuche 2002).

В этом контексте привлекает внимание небольшой грунтовый могильник с индивидуальными вытянутыми погребениями, открытый у с. Сакаровка в северной части Республики Молдова (Ларина, Дергачев 2003). Памятник был отнесен авторами раскопок к культуре мариупольского круга, хотя в действительности речь может идти скорее о его мезолитическом возрасте, что в частности подтверждается результатами антропологического анализа (Круц и др. 2003: 115–117). Если данное предположение правомерно, то можно утверждать о чрезвычайно глубокой древности рассматриваемого обряда в Карпато-Днестровском регионе. В силу этого, вероятно, необходимо более осторожно относиться к прямолинейным сопоставлениям карпато-днестровских материалов и культур мариупольского круга.

Тем не менее, к востоку от Днестра очерчивается группа энеолитических памятников, которые типологически достаточно близки вытянутым захоронениям Северо-Западного Причерноморья. Речь идет об аналогичных подкурганных комплексах с вытянутыми костяками, особенно плотно сосредоточенных в бассейне Днепра и Северского Донца. Проблема их культурной атрибуции относится к разряду весьма дискуссионных, что нашло отражение в существовании нескольких относительно противоречивых исследовательских подходов.

Согласно одному из них, вытянутые погребения Днепровского региона связаны с различными культурными единицами, включая среднестоговскую, ямную и нижнемихайловскую культуры, и, следовательно, вряд ли могут составлять какое-либо обособленное подразделение (Шапошникова 1987; Телегін 1987). В рамках другого подхода, развиваемого И.Ф. Ковалевой (1984), вытянутые погребения Поднепровья образуют самостоятельную постмариупольскую культуру, обладавшую строго очерченными типологическими и пространственно-временными параметрами. Ее ядро располагалось в бассейнах Нижнего Днепра и Северского Донца, а также в Северном Причерноморье, хотя сходный погребальный обряд в эпоху энеолита и на заре бронзового века встречался в курганах и других областей степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Впоследствии эта группа погребальных памятников была объединена с поселенческими материалами квитянского типа в

отдельное культурное явление с таким же названием, то есть квитянскую культуру (Rassamakin 1994: 39–40; 1999: 83–87).

Следует отметить, что в таксономическом отношении комплексы с вытянутыми захоронениями, сконцентрированные в Азово-Днепровском регионе, безусловно, заслуживают статуса самостоятельной культуры. Их отличает достаточно жесткое сочетание основных обрядовых элементов, сравнительно стандартизированный набор инвентаря, включающего определенные типы костяных и металлических украшений, кремневых и костяных орудий, антропоморфной пластики и керамических изделий.

По некоторым чертам погребального ритуала наблюдается некоторое сходство днепровских и карпато-днестровских памятников, поэтому не вызывает удивления, что возникновение последних обычно связывают с проникновением носителей квитянской культуры в период ее наивысшей активности на территорию Карпато-Днестровского региона (Rassamakin 1994: 40; 1999: 116; Ковалева 2002: 64). Иными словами, вытянутые погребения рассматриваются в качестве одного из территориальных подразделений постмариупольской (квитянской) культуры.

Такая однозначная идентификация памятников Карпато-Днестровских земель порождает целый ряд вопросов. Во-первых, какие именно признаки кроме таких широко распространенных показателей, как вытянутое положение скелетов и наличие курганной насыпи, свидетельствуют о генетической связи между этими региональными группами? Во-вторых, когда именно можно ожидать, с точки зрения относительной и абсолютной хронологии, продвижение носителей квитянской культуры на запад и как это согласуется с датировкой последней на исконной территории и ситуацией в Карпато-Днестровском регионе? В-третьих, какие иные направления связей можно предположить, отыскивая истоки рассматриваемого культурного явления?

По всей вероятности, можно констатировать, что такие признаки как вытянутая поза и курганный обряд погребения являются слишком общими, чтобы выводить из них категоричное заключение о взаимосвязи днепровских и карпато-днестровских комплексов. Как уже отмечалось, вытянутое положение скелетов присуще самым различным культурам балканского неолита и медного века. К тому же аналогичное размещение погребенных в вытянутой позе под курганами является одной из самых устойчивых черт погребального обряда соседней культуры воронковидных кубков. Следует ли на этом основании последнюю также выводить из постмариупольской или квитянской культуры?

Как уже отмечалось выше, традиция хоронить усопших в вытянутой позе на спине в Карпато-Днестровском регионе, который издревле был тесно связан с миром карпато-балканских культур, может обладать очень глубокими корнями, восходя к эпохе мезолита. В силу этого нельзя полностью исключить вероятности, что эта традиция продолжала развиваться на местной основе и в более поздние периоды. С другой стороны, материалы Азово-Днепровского региона показывают, что здесь значительная часть подкурганных вытянутых захоронений характеризуются довольно поздними чертами, соответствующими скорее этапу Триполье С II. Показательно, что именно тогда мы можем проследить резкое повышение мобильности различных культурных групп от Дуная до Волги и Кавказа и именно тогда мы обнаруживаем в одном из позднеусатовских погребений Северо-Западного Причерноморья фигурные костяные пронизи постмариупольского типа (Малюкевич, Петренко 1993: рис. 5, 2). Учитывая то обстоятельство, что нижняя хронологическая граница постмариупольской (квитянской) культуры определяется периодом,

синхронным самое раннее фазе Кукутень А-В – Триполье BI/BII или первой половиной IV тыс. до н.э. (Rassamakin 2004: 184), то к гипотезе о восточных генетических корнях вытянутого обряда в Карпато-Днестровских землях, по-видимому, необходимо относиться более осторожно.

Действительно, по крайней мере часть бескурганных вытянутых захоронений в пространстве между Карпатами и Днестром, например, Лунгочь, возможно, соотносится с периодом Кукутень А-Триполье В I и, таким образом, хронологически предшествует днепровским комплексам постмариупольской (квитянской) культуры. Формальное сходство по таким компонентам, как наличие курганов, вытянутая поза, аналогичная форма могильных ям не в состоянии скрыть отсутствие взаимосвязей по другим важным показателям, поскольку в вытянутых погребениях западного ареала пока не обнаружено ни одного сугубо специфического признака квитянской культуры. По этому показателю западные и восточные комплексы выглядят достаточно изолированными культурными явлениями. Бросается в глаза их пространственная обособленность, так как на глубинных территориях между Днестром и Днепром до настоящего времени не открыто ни одного надежно атрибутируемого раннего погребения с вытянутым трупоположением. Все это открывает возможность искать истоки рассматриваемого феномена в том числе и в иных территориальных границах, в иной культурной среде.

При картографировании вытянутых погребений Карпато-Днестровских земель бросается в глаза то, что значительная их часть тяготеет к Нижнему Пруту и Дунаю, или к зоне Дунайских озер, то есть к бывшему ареалу культуры Болград-Алдень и прилегающим районам (рис. 23). Предметы погребального инвентаря наиболее древних по своему облику захоронений находят прямые аналогии среди материалов раннеземледельческих культур карпато-балканского круга. К таковым, например, относятся дисковидные бусины из раковин *Unio*, происходящие из Лунгочь-Фундень и имеющие широкие параллели в различных земледельческих культурах (Манзура 2000: 261–262). Подвески из просверленных зубов оленя наподобие тех, что были найдены в Десантном 1/17 или Болграде 1/9, также являются весьма распространенным видом украшений в энеолитических культурах раннеземледельческого ареала, причем в Азово-Днепровском регионе после исчезновения могильников мариупольского типа они почти не встречаются. И, наконец, золотые кольца и браслет из погребения в Лунгочь-Фундень следует считать безусловным продуктом карпато-балканской металлообработки. К сказанному можно добавить, что вытянутое размещение погребенных относится к числу наиболее устойчивых обрядовых признаков в могильниках карпато-балканского энеолита, где подобная позиция присуща, прежде всего, мужским индивидуумам. Правда, здесь почти не известны подкурганные захоронения, за исключением, может быть, погребения у Андалкёя (Schuchhardt, Traeger 1919), но этот тип погребальных памятников и к востоку от Днестра появляется не на самой ранней стадии энеолитической эпохи. Взятые в совокупности, особенности пространственного распределения памятников, типология могильного инвентаря и черты похоронного ритуала вытянутых захоронений Карпато-Днестровского региона, вероятно, не исключают вероятность существования местной генетической подосновы данной обрядовой традиции.

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Энеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья, следующие по времени за культурой Болград-Алдень и предшествующие усатовской культуре, с одной стороны, представляют собой достаточно самобытное в культурном отношении явление, с другой, составляют часть более обширных культурных объединений карпато-балканского и степного энеолита. Именно это промежуточное положение местных культурных групп и обусловило сложность их генезиса и внешних связей.

В частности крайне интригующе выглядят вопросы происхождения и культурной принадлежности памятников суворовского типа, а также тема взаимоотношений степного и земледельческого населения в период раннего энеолита. Решение этих вопросов продолжает реализоваться в рамках двух основных интерпретационных моделей. Согласно первой модели, некогда разработанной М. Гимбутас (Gimbutas 1997a; 1997b) и ныне активно развиваемой В.А. Дергачевым (2000; 2007), значительные изменения в среде древнеземледельческих культур Балканского полуострова и кризисная ситуация в ареале культуры Кукутень-Триполье при переходе от раннего к позднему энеолиту явились результатом массового вторжения степных скотоводческих племен Восточной Европы. При этом отношения между представителями двух культурных областей, особенно на начальном этапе контактов, рисуются преимущественно в конфликтных тонах. В некоторой степени рассматриваемой модели близка точка зрения Д. Энтони. Американский исследователь, сомневаясь в массовых масштабах степных миграций в период раннего энеолита, все же признает наличие конфликтных ситуаций, вызванных эпизодическими набегами конных скотоводов, которые в итоге привели к дестабилизации обстановки на Восточных Балканах и в трипольском ареале (Anthony 2007).

В пределах второй концепции отмеченные события в земледельческом ареале связываются, главным образом, с особенностями их внутреннего развития, обусловленного изменениями природно-климатических условий, демографическими процессами, эволюцией социальных структур и т.д. В этой модели основное внимание уделяется разнообразным аспектам взаимовыгодных контактов между земледельческими и степными общинами, которые, как предполагается, носили, главным образом, характер престижного обмена (Мовша 2000; Мовша, Петренко 1999; Котова 2006; Rassamakin 1994; 1999; 2004; Chapman 2002). Эти обменные операции в раннем энеолите, по мнению большинства исследователей, осуществлялись в ходе дальних долговременных экспедиций в Карпато-Балканский регион, организуемых представителями социальной элиты скелянской (новоданиловской) культуры из Азово-Днепровского региона. Основной целью таких экспедиций служило стремление получить, прежде всего, металл и предметы из него, как, впрочем, и другие вещи, обращавшиеся в социально-престижной сфере, например, экзотические морские раковины.

Хотя реализация подобной формы дальнего обмена в раннем энеолите и вызывает некоторые сомнения, в целом можно согласиться с тем, что рассматриваемые отношения в немалой степени должны были способствовать культурному развитию степных групп в самых различных сферах. Влияние земледельческих культур могло

выражаться, в частности, в распространении в степной зоне более эффективных видов производящего хозяйства (Videjko 1994; Видейко 1999). Результаты этого влияния также сказались в области технологии, что особенно хорошо заметно в металлообработке (Рындина 1998). Не исключено, что очевидный прогресс в обработке кремня, наблюдаемый в ареале раннеэнеолитических степных культур, также сопряжен с восприятием земледельческих технологических традиций в степной среде (Бритюк 2006).

Один из наиболее сложных и слабо исследованных вопросов взаимодействия земледельческих и степных культур лежит в сфере идеологии. В течение долгого времени по этому вопросу доминировало мнение М. Гимбутас (Gimbutas 1997c), поддержанное Я. Лихардусом (Lichardus 1988: 120–129; Lichardus/Lichardus-Itten 1998: 113–114). Исследователи считали, что проникновение степных скотоводов в Карпато-Балканский регион привело к радикальной трансформации прежних идеологических представлений земледельческого населения в социальной и религиозной жизни. Это выразилось, как считали М. Гимбутас и Я. Лихардус, в формировании иерархически организованного общества, в изменении ритуальной практики, в реформации мифологических и символических структур, а также в смене пантеона богов в целом.

Сравнительно недавно оформилась прямо противоположная точка зрения, согласно которой именно обитатели степной и лесостепной зоны Восточной Европы оказались под определенным идеологическим воздействием земледельческих культурных традиций. Этому способствовало установление престижного обмена с земледельческими общинами, который, в частности, стимулировал возникновение социальной элиты в ареале скелянской культуры (Rassamakin 1999: 102), а также обусловил внедрение принципиально новых символов статуса и авторитета, заимствованных из социальной символики земледельческих культур Юго-Восточной и Центральной Европы (Manzura 2005: 318–320). Однако, насколько сильным, глубоким и продолжительным было такое воздействие? Коснулось оно только некоторых сегментов социума степной полосы или имело более широкий общественный резонанс? Затрагивало ли оно только какие-то отдельные аспекты общественной жизни, например, социальное устройство, или пронизывало самые разнообразные сферы жизнедеятельности степных коллективов?

Как и в наши дни, в преистории идеология в качестве системы идей, взглядов, верований, выражающих интересы индивидов, социальных сегментов или общества в целом, представляла собой один из стратегических источников власти. Чтобы эти идеи и взгляды являлись общим достоянием и разделялись, по крайней мере, большей частью общества, необходимо было привнести их в физическую реальность, сделать зримыми и осязаемыми. Для этого в дописьменную эпоху были выработаны особые механизмы материализации идеологии, к числу которых Т. Эрл относит публичные церемонии, символические объекты, общественные монументальные сооружения и культурный ландшафт (Earle 1997: 143–158). Каждое из этих средств обладает собственной спецификой в обращении, способе и сути передаваемой информации, ограниченном или открытом доступе и т.д. Но все они, по отдельности или в совокупности, служат постоянному воспроизводству тех ценностных ориентиров, которыми в своей жизни руководствуется общество или его социальные группы. Если допустить, что отношения в области идеологии, действительно, составляли один из важных элементов в контактах между земледельческим населением и степными группами, тогда, вероятно, следует ожидать проявление этих

отношений в тех признаках материализации идеологических представлений, которые были выведены Т. Эрлом.

Многочисленные свидетельства указывают на то, что в эпоху раннего энеолита земледельческие общины Карпато-Балканского региона обладали чрезвычайно богатой идеологической системой. Здесь хорошо различимы следы разнообразной церемониальной деятельности социально-престижного и религиозного характера, воплощенной в погребальном обряде, развитой практике депонирования ценностей в виде кладов, особых объектах материальной культуры, например, в антропоморфной и зооморфной пластике. На протяжении многих столетий в обществе оседлых земледельцев был выработан особый набор символических объектов, сложность которого достигла своего апогея на заключительных стадиях раннего энеолита, в период существования культур Варна, Гумельница, Тисаполгар и т.д. Хотя в это время в Юго-Восточной Европе и отсутствуют грандиозные монументальные сооружения, но сами крупные долговременные поселения, особенно телли, с их капитальными домами, а в некоторых случаях и оборонительными сооружениями, несли на себе отпечаток монументальности. В них, как и в величественных мегалитических сооружениях более поздних эпох, была воплощена историческая память социума, символизировалась неизменность традиций и связь с предшествующими поколениями.

Многовековая эволюция культур карпато-балканского круга, сопровождавшаяся постепенными прогрессивными изменениями в различных областях жизнедеятельности, выглядит особенно контрастно по сравнению с той резкой трансформацией, которую претерпели культуры юга Восточной Европы, где в начале энеолита формируется хвалынско-среднестоговская культурно-историческая область. Особенно очевидно эта трансформация проявилась в сфере погребального обряда, где более разнообразными становятся могильные сооружения, изменяется поза погребенных и состав погребального инвентаря.

В целом, можно констатировать серьезные сдвиги в идеологической системе степных и лесостепных групп Восточной Европы в раннем энеолите, поскольку именно в погребальном обряде в значительной мере отражаются мировоззренческие установки общества относительно разумности социального устройства, взаимоотношений с мифическим миром и организации миропорядка в целом. Именно в этой ритуальной сфере оказался задействованным весь набор новых социальных символов, что было не столь заметно чисто внешне на уровне повседневной жизни. И именно здесь, так же, как и в земледельческом ареале, вероятно, происходило формирование новой социальной арены власти в том виде, как это было показано Дж. Чепмэном (Chapman 1991).

Среди символических объектов, содержащихся в степных погребениях, выделяется ряд изделий, использование которых напрямую могло быть связано с влиянием земледельческой социальной символики. К таковым, в первую очередь, можно причислить браслеты из разных материалов, открытые в разных районах южнорусских степей от Дуная до Волги. Другим предметом, по-видимому, обладавшим в ритуальной сфере высоким семиотическим статусом, можно считать плоский топор. В некоторых неолитических и энеолитических культурах земледельческой Европы каменные топоры являлись одним из главных элементов погребального инвентаря, причем, как правило, они входили в состав наиболее представительных наборов. С каменными топорами были также связаны и многие другие формы ритуальной и социально-престижной деятельности (Bradley 1990: 43–75). Можно

сказать, данные изделия выступают своего рода символом древнего земледельца, поскольку с их помощью расчищался лес под будущие посевы, строились долговременные дома и даже, возможно, уплачивался брачный выкуп. Каменные топоры были, конечно же, известны и неолитическим обитателям южнорусских степей, однако пока не выявлены какие-либо убедительные доказательства их употребления в церемониальной области. К примеру, из 1129 проанализированных погребений киево-черкасской, азово-днепровской и нижнедонской культур Азово-Днепровского региона каменный топор содержался только в одном захоронении взрослой женщины на Никольском могильнике (Манзура 2006).

В раннем энеолите топоры из камня и кремня уже повсеместно обнаруживаются в различных погребениях степной зоны от Дуная до Волги и Кавказа. Здесь был выработан свой специфический тип треугольных кремневых топоров с хорошо зашлифованной лезвийной частью. Не исключено, что он возник на основе каких-то балканских прототипов; по крайней мере, там аналогичные каменные топоры также известны. Наряду с указанными изделиями в степных погребениях встречаются каменные топоры, вполне обычные для культур карпато-балканского круга. Так же, как и в Юго-Восточной Европе, в степных погребениях топоры из камня и кремня сочетаются с наиболее ценными для того времени предметами, в том числе металлическими. Вряд ли приходится сомневаться, что помещение топора в могилу никак не было связано с его утилитарными функциями, тем более при отсутствии развитого земледелия. Здесь, как и в случае с браслетами, была воспринята ранее чуждая символика, безусловно, восходящая к земледельческим культурным традициям.

В том же плане можно рассматривать и другую категорию находок, изредка присутствующую в энеолитических погребениях степной зоны. Речь идет о топорах-молотах из камня или меди. Данные предметы широко засвидетельствованы в самых различных контекстах в культурах неолита и энеолита Юго-Восточной и Центральной Европы, в том числе и в погребениях. В то же время, в неолитических могильных комплексах юга Восточной Европы они практически не представлены. Их появление в степной зоне в период раннего энеолита совпадает с распространением уже рассмотренных выше браслетов и плоских каменных топоров. По всей видимости, топоры-молоты попадают в степную среду в составе общего пакета социальных символов. В этот пакет, вместе с уже перечисленными предметами, могли входить и такие изделия, как ожерелья из медных бус и мелкие бляшки с пуансонными вдавлениями по краю, которые напоминают медные округлые или овальные пластины, например, из Карбунского клада.

При оценке сущности комплексов суворовского типа и погребений других степных культур эпохи энеолита важно не только то, что и в каком количестве было помещено в могилы. Также имеет большое значение, каким образом вещи соединяются в этих могилах. И здесь бросается в глаза практически полная идентичность наборов погребальных даров в степных захоронениях Северо-Западного Причерноморья и в могильниках культур Варна, Гумельница, Тисаполгар, в хорошо известных кладах трипольской культуры. Иными словами, обитатели степи использовали ту же самую символическую систему, которая была принята в культурах карпато-балканского круга. И пусть могильник в Джурджулештах выглядит несколько провинциальным по сравнению с забитым золотом Варненским некрополем, но он, тем не менее, остается проявлением именно провинциализма в пределах единого культурного континуума, он вписан в ту же систему социальных и духовных ценностей, которыми живет культурный центр.

Какие еще черты погребального обряда могут свидетельствовать об отношениях в области идеологии между степными группами и культурами земледельческого круга? Не вызывает сомнений, что одним из главных элементов обрядовых действий является характер обращения с мертвым телом, в том числе способ его размещения в могиле. Как уже отмечалось выше, одной из основных особенностей степного обряда может рассматриваться довольно стандартизированная поза усопшего в погребении в скорченном положении на спине, что, вероятно, должно передавать сидящее положение. Откуда возникает эта необычная традиция, учитывая отсутствие ее истоков в погребальных канонах предшествующего периода?

И здесь внимание привлекает одна довольно внушительная серия антропоморфных изображений, распространенных в ареале земледельческих культур Европы и Ближнего Востока в эпохи неолита и энеолита. Особенно интересны образы, передающие сидящего человека с руками, уложенными на тазе. Они представлены как мужскими, так и женскими статуэтками (рис. 25, 1–3, 6–10), а также антропоморфными сосудами или фигурами, налепленными на стенку сосуда (рис. 25, 4, 5). Такие изображения обнаруживаются в культурах линейно-ленточной керамики (рис. 25, 3), Тиса (рис. 25, 5–7), Лендель (рис. 25, 4), Винча (рис. 25, 8), Кукутень-Триполье (рис. 25, 9) и многих других европейских культурных объединениях неолита и энеолита. Достаточно широко они были распространены и на Ближнем Востоке, начиная с периода докерамического неолита (рис. 25, 1, 2, 10). Один из вариантов представлен сидящими фигурками с перекрещенными на груди или сомкнутыми под животом руками (рис. 26, 1, 4). Особую разновидность составляют статуэтки так называемых «мыслителей», которые также засвидетельствованы в самых различных культурах (рис. 26, 2, 3, 5, 8, 9).

Интерпретация рассматриваемых изображений, как, впрочем, антропоморфной пластики в целом, является чрезвычайно сложной задачей. Как правило, предполагают их связь с каким-то ритуальными действиями, сопряженными с культом плодородия, почитанием предков, жертвоприношениями и т.д. Как справедливо указывают исследователи (Hansen 2007: 331), раскрытие смысла антропоморфных статуэток в большинстве случаев затрудняется недостаточным уровнем фиксации их положения в соответствующих археологических контекстах. Однако, даже если и удается проследить их точное залегание, иногда в составе определенных наборов или сцен, все равно любые выводы об их предназначении будут предельно гипотетичны. Одну из интересных и, в общем-то, обоснованных гипотез предложила В.И. Балабина (2002), которая допустила, что, по крайней мере, часть сидящих фигурок, особенно с сосудами, передают мотив особого обряда «божественного брака». При этом мужские статуэтки держат сосуд изливающий, а женские – сосуд принимающий (рис. 26, 6, 7). Возможность такой трактовки вполне подтверждается чашей из Султаны, на дне которой помещена, по-видимому, супружеская пара (рис. 26, 10). Следовательно, антропоморфные статуэтки, действительно, вполне могли являться частью самых различных обрядов перехода, таких как рождение, инициация, заключение брака, смерть (Hansen 2007: 369). В любом случае, вряд ли приходится сомневаться, что такое сидящее положение фигурок отображает большое ритуальное значение такой позы в идеологических представлениях древних земледельцев. По мнению Е.В. Антоновой (1977: 105–107), в отличие от стоящих статуэток, сидящие образы связаны с состоянием пассивности, покоя, бездвижности.

В связи с этой идеей бездвижности кажутся интересными параллели, которые можно провести между сидящими фигурками и положением скелетов в могилах.

Следует отметить, что в культурах Юго-Восточной и Центральной Европы практика размещения покойного в скорченном положении на спине фиксируется достаточно часто, начиная с эпохи мезолита (рис. 27, 1). Такие комплексы засвидетельствованы практически во всех земледельческих культурах с развитым погребальным обрядом. При этом расположение рук может быть различным. В некоторых погребениях они подведены ладонями к лицу, что в целом напоминает позицию известных «мыслителей» (рис. 27, 2, 9, 10). В других могилах руки покойного могут быть сомкнуты или скрещены на груди или животе, вытянуты вдоль тела, уложены на таз, что также напоминает определенные антропоморфные изображения (рис. 27, 4, 6–8). Выше уже отмечалась возможная связь такого размещения погребенных с сидящим положением, точнее имитацией этого положения. По всей видимости, именно с этой позой ассоциировались представления древних людей об устройстве мифического мира, о мире предков, куда направлялся нетленный дух человека после смерти.

В ракурсе приведенных параллелей может иначе пониматься и весьма традиционное для земледельческого погребального обряда размещение тела скорченно на левом и правом боку. Не исключено, что здесь также воплотилась попытка придать телу положение, близкое к сидящему. В этом случае разница в размещении усопших на правом или левом боку могла диктоваться соображениями половой дифференциации или какими-то иными мотивами, призванными четко обозначить наблюдаемые различия.

В культурах раннего степного энеолита, скелянской, хвалынской, закубанской, а также в суворовской группе размещение тела умершего на спине с подогнутыми ногами стало одной из самых устойчивых черт погребального обряда. Нельзя не заметить, что появление этого нового для степи правила размещения погребенного в могиле полностью совпадает с привнесением целого пакета социальных символов, связанного с земледельческими культурными традициями. По всей вероятности, новый способ размещения умерших являлся неотъемлемой частью этого пакета. Но вместе с этими предметами материальной культуры и обрядовыми элементами на восток вполне могли быть переданы и новые идеи, взгляды, представления относительно устройства общества и мифического мира, включая новую религиозную систему, новых богов. И поэтому совсем неудивительно, что земледельческая по своему характеру антропоморфная пластика позднее становится одним из элементов погребального инвентаря степных погребений.

В контексте рассматриваемой ситуации формирование суворовской группы может расцениваться как сложный процесс, в который, вероятно, были вовлечены представители различных культурных традиций. С одной стороны, в западной части региона могли сохраниться остатки старого земледельческого населения, культура которого радикально видоизменилась в ходе глубокой трансформации, охватившей Восточные Балканы и западную часть Северо-Западного Причерноморья. Это предположение, возможно, подтверждается антропологическими данными. В этом случае знаменательно, что погребенный мужчина в центральном захоронении в Джурджулештах относится к мезоморфному средиземноморскому типу, а не протоевропеоидному, как носители новоданиловской культуры. С другой стороны, в эти трансформационные процессы были вовлечены и какие-то мезолитические по своему характеру группы, проживавшие к востоку от бывшего ареала культуры Болград-Алдень. Весьма показательно, что именно такой сценарий развития взаимоотношений между земледельческими коллективами и мезолитическим

населением реконструируется для территории Северо-Западной и Атлантической Европы, где внедрению навыков производящего хозяйства предшествовал долгий период идеологического воздействия земледельческих традиций на культуру охотников и рыболовов (Midgley 2005: 71–72). При этом само земледельческое население могло заимствовать от своих соседей какие-то технологические приемы, связанные с хозяйственной сферой, или некоторые виды изделий и традиции их изготовления и употребления (Midgley 2005: 30–31).

Последующее возникновение культуры Чернавода I на Северо-Восточных Балканах и в Северо-Западном Причерноморье, вероятно, может рассматриваться как завершающий итог глубоких трансформационных процессов конца раннего энеолита. Примечательно, что данная культура по своим пространственным характеристикам фактически вписывается в границы предшествующей суворовской группы. По всей вероятности, в какой-то мере можно согласиться с мнением Н. Харцуке (Harţuche 1980), который относил памятники суворовской группы к первому этапу культуры Чернавода I, хотя такая связь пока еще усматривается недостаточно ясно. В любом случае, новое культурное явление позднего энеолита содержит в себе отчетливый балканский компонент, что, прежде всего, выражено в развитой поселенческой структуре, домостроительстве, керамических традициях и т.п. Что касается погребального обряда, в том числе и широкое распространение курганной архитектуры, то здесь также наблюдается определенное сходство между памятниками различных частей ареала Чернаводы I. Впоследствии данные традиции получили дальнейшее развитие в усатовской культурной группе начала бронзового века.

Особое место в структуре энеолита Северо-Западного Причерноморья занимают подкурганные погребения с вытянутым положением скелетов. В настоящее время нет достаточных оснований для их объединения в отдельную археологическую культуру. Вполне вероятно, что часть этих комплексов представляют собой какое-то отклонение от установленных обрядовых норм в рамках другой погребальной традиции, что нередко встречается в самых различных европейских культурных объединениях эпохи энеолита и бронзового века. Помимо этого, нельзя исключить вероятность, что некоторые вытянутые погребения, особенно поздние, действительно связаны с постмариупольской (квитянской) культурой, наиболее активно развивавшейся в период позднейшего Триполья. По крайней мере, фигурные костяные пронизи из Садового могут косвенно указывать на присутствие носителей данных культурных традиций в рассматриваемом регионе. В любом случае, вероятно, можно заключить, что проблема вытянутых подкурганных погребений в Северо-Западном Причерноморье и на прилегающих территориях еще весьма далека от окончательного решения. Определенные позитивные сдвиги в изучении этого явления, возможно, могут наметиться при широком использовании метода радиоуглеродного датирования, а также антропологическом и серологическом анализе останков погребенных.

ЭПОХА БРОНЗЫ

УСАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Усатовская археологическая культура сравнительно невелика по ареалу и числу своих ныне известных памятников. Тем не менее, она обладает такими особенностями, которые выделяют ее как явление исключительное среди культур и локальных культурных типов позднего энеолита и ранней бронзы не только Северо-Западного Причерноморья, но и всей степной черноморско-азовской области середины IV-го – начала III-го тысячелетия до н.э.

Усатовской культуре принадлежит самый крупный в этих степях памятник времен первобытности и начала освоения металлов – эпонимный археологический комплекс Усатово (Усатово – Большой Куяльник). С усатовской культурой тесно связан мощный очаг литейно-кузнечного производства. Для нее характерны городища и обширные могильники, монументальная погребальная архитектура мегалитического типа и другие неординарные обрядовые сооружения, свидетельства социальной стратификации и человеческие жертвоприношения, оригинальные комплексы керамической посуды, культовой пластики и каменной скульптуры, вообще обилие находок, среди которых встречаются подлинные раритеты. Самобытные черты в усатовских памятниках сочетаются с несомненным трипольским вкладом. Он выражен чаще всего непосредственно: расписная посуда, некоторые статуэтки. Но есть и поразительные варианты преобразований, например, изображения, воспроизведенные в скульптурной технике на мегалитических культовых стелах. Однако феноменальность памятников усатовского типа заключается не только во всем этом, но еще и в том, насколько трудна для понимания их культурно-генетическая сущность. В данной области усатовская проблематика пересекается с ключевыми проблемами изучения Триполья, всего позднего энеолита – ранней бронзы нижнего Подунавья и причерноморских степей, включая ямную культуру, и является остро-дискуссионной. Свидетельство тому вся история исследования усатовских памятников.

История исследования. Вероятно, первым обнаруженным усатовским памятником следует считать остатки какого-то поселения (?) в Усатовской балке близ Одессы, случайно открытые в 70-е годы XIX в., но по объективным причинам археологами так и не исследованные (Моргулис 1924). На исходе того же столетия впервые стали обнаруживаться разнообразные погребения с трипольской и «ракушечной» керамикой в курганах, в том числе и усатовские, начиная с раскопок И.Я. Стемпковского на левобережье Днестра в районе Тирасполя. Эти и некоторые последующие находки, например Д.Я. Самоквасова (1910: 21), обоснованно сопоставлялись с трипольской культурой (Добровольский 1915: 142), но, бывало, приписывались и киммерийцам, а расписная керамика интерпретировалась как привозная, греческая (Гошкевич 1903: 143).

Проблема усатовских древностей для археологической науки возникла в 1921 г., с началом предпринятых М.Ф. Болтенко раскопок на «поле культурных остатков» между селами Усатово и Большой Куяльник в северо-восточном пригороде Одессы. Исследователь опубликовал полученные результаты как открытие ранее неизвестной культуры (Болтенко 1925; 1926). К первым шагам в ее изучении причастен и незаслуженно забытый в историографии инициатор этих раскопок археолог-дилетант

Б.В. Варнеке (1922; 1926). Продолжив исследования «поля» (городища), М.Ф. Болтенко открыл удивительные сооружения, – вырубленные в коренных известняках «коридоры», проведя же первые раскопки на землях села Усатово, он выявил связанный с городищем могильник (раскопки 1926, 1928–1929 гг.). Удачными оказались и все последующие экспедиции[1], прошедшие уже при участии новых исследователей. Особо весомый вклад внесла Е.Ф. Лагодовская, в первую очередь своими большими, научным кругам до сих пор почти неизвестными работами на городище в 30-е и первые послевоенные годы. Кроме того, она и В.И. Селинов осуществили масштабные и, что немаловажно, очень качественные раскопки погребальных памятников Усатово (Селинов, Лагодовская 1940; Лагодовська 1946).

Лагодовская
Елена Федоровна
(1899–1958)

М.Ф. Болтенко и Е.Ф. Лагодовская придерживались во многом единых взглядов на исследуемый памятник – обрядово-культовый комплекс, особая археологическая культура, патриархальное стратифицированное общество, скотоводы. Оба усматривали сильное усатовское влияние на соседние трипольские племена, как тогда ошибочно считалось, матриархальные и примитивно-земледельческие (мотыжные). Но генезис и хронологию усатовской культуры эти археологи понимали абсолютно по-разному.

М.Ф. Болтенко настаивал на автохтонном происхождении усатовской культуры и ее носителей: некогда это были охотники на тура, затем они этот вид одомашнили (неолит) и, наконец, стали конными овцеводами (эпоха меди-бронзы); усатовская культура и Триполье, по М.Ф. Болтенко, сосуществовали изначально. Подтверждение своей концепции исследователь видел, прежде всего, в своеобразно понятой стратиграфии Усатово – Куяльника (Болтенко 1957). Другие подтверждения он искал в местной гидронимике, пытаясь связать ее специфические этимологии с реалиями культа быка-тура в Усатово – Куяльнике (Болтенко 1950). Идя в своих предположениях дальше, М.Ф. Болтенко выводил из «аборигенного» усатовского пласта некоторые истоки скифских этногонических сказаний (Болтенко 1947; 1952(?); 1957: 28). Подход и методы роднят эти, несомненно, интересные изыскания с традициями «яфетической» школы Н.Я. Марра.

В свою очередь Е.Ф. Лагодовская полагала, что усатовская культура заняла лиманно-степную область Украины, выделясь из трипольской культуры, и синхронна только последнему этапу развития Триполья. В хронологической части эти идеи совпадали с надежными выводами Т.С. Пассек (Passek 1935). «Историческая» же часть несла интерпретации в духе влиятельной тогда «марровской» теории стадиальности: Усатово, по сравнению с классической трипольской культурой, есть более высокая ступень – в экономике, общественном строе, как смена яфетической стадии развития языков индоевропейской стадией и т.д. (Лагодовська 1943: 65–66; Лагодовська 1948: 54, 56–57). В целом эти взгляды, несомненно, сложились под влиянием видного «яфетидолога» И.И. Мещанинова, который утверждал, что как культура «Усатово является естественным преемником перерождающегося Триполья» (Мещанинов 1930: 13).

---

[1] В нескольких экспедициях М.Ф. Болтенко участия не принимал, проведя 5 лет в концлагере и ссылке: с 01.1934 по 01.1939 (Болтенко б/г.; ср. Формозов 1993: 75).

Тем временем Е.Ю. Кричевский (1941) и Т.С. Пассек (1949) выдвинули концепцию финального, так называемого городско-усатовского этапа трипольской культуры, а их оппонент А.Я. Брюсов идею о том, что Усатово и его волынский «антипод» Городск – это суть новые, иначе говоря, пользуясь сегодняшней терминологией, *посттрипольские* культуры (Брюсов 1952: 228 сл.). По итогам дискуссии именно первая точка зрения на многие годы определила основной подход к интерпретации усатовских памятников в отечественной археологии. Однако ни изобилующая ошибками описательная «усатовская» часть «Периодизации трипольских поселений» (Пассек 1949: 17, 189 сл.), ни следом вышедшие другие работы (Фабрициус 1951: 43–45; Нариси 1957: 63–72) не могли заменить обобщающей авторской публикации материалов Усатово – Куяльника. Такому изданию, которое М.Ф. Болтенко и Е.Ф. Лагодовская совместно готовили еще в предвоенные годы, не суждено было осуществиться, но отнюдь не по причине несогласия авторов во взглядах на сущность усатовской культуры. Е.Ф. Лагодовская внезапно и навсегда оставила усатовскую тему, опубликовав статью, в которой декларативно признала не только трипольские истоки, но и принадлежность памятников усатовского типа одному из локальных вариантов позднего Триполья (Лагодовська 1953). Проблематикой Усатово временно занялись С.Н. Бибиков и В.Н. Даниленко (Нариси 1957: 63–72). В своем содержательном очерке они открыто поддержали многие прежние выводы Е.Ф. Лагодовской и отчасти идеи А.Я. Брюсова.

Патокова
Эмилия Фёдоровна

Дальнейшее изучение усатовских памятников связано в первую очередь с именами того поколения исследователей, которое пришло в археологию на рубеже 50–60-х годов прошлого века, начиная с Э.Ф. Патоковой. Эта исследовательница осуществила обширные раскопки могильников Усатово, она автор многочисленных публикаций (Патокова 1957; 1967; 1971 и др.), и, главное, единственного монографического издания материалов эпонимного комплекса, Усатово – Большого Куяльника (Патокова 1979). А.И. Мелюкова стала фактически первым исследователем усатовских древностей Приднестровья: на ее счету курган в Тудорово (Мелюкова 1962), открытие всех ныне известных приднестровских поселений-городищ. В.Г. Збенович предпринял раскопки одного из этих памятников – городища Маяки (Збенович 1971), а также раскопки в Усатово, наиболее успешные на участке грунтовых захоронений (Збенович 1964). Одновременно исследователь работал над общими вопросами усатовской темы и монографическим обоснованием концепции усатовского локального варианта культуры позднего Триполья (Збенович 1974).

С обнаружением в 1974 г. могильника, относящегося к городищу Маяки (Зиньковский, Патокова 1978), данный археологический комплекс выделился как второй по величине и особо перспективный памятник усатовской культуры (Патокова 1976: 60). К тому времени возможности значительных раскопок титульного комплекса, Усатово, были почти исчерпаны. Завершающие работы на его некрополе состоялись в 1984–1985 гг. (В.Г. Петренко). Значимость нового памятника, могильника Маяки, подтвердили результаты трехлетних исследований, оперативно опубликованные (Патокова 1980; Патокова и др. 1989: 50–81; Потехіна 1990). Замечательный, качественно изданный могильник раскапывался и на правобережье нижнего Днестра – курганная группа Пуркары (Яровой 1990).

Два последних десятилетия, пришедшиеся на переломные исторические события, становление новых государств, были неблагоприятными для археологии, особенно 90-е годы. Тем не менее, именно в этот период состоялись исследования, без которых картина усатовской культуры была бы менее полной, но одновременно, пожалуй, и менее проблемной. Первым среди достижений полевой археологии следует назвать – Александровский курган на Сухом лимане (Petrenko, Bejlekchy 2000). Другие новые интереснейшие памятники: курганы группы Садовое-Молога (Малюкевич, Петренко 1993; Малюкевич, Субботин 2002), Попова Могила, или т.н. Аккембетский курган (Szmyt, Chernyakov 1999), курган в Холодной Балке (Петренко 2010), грунтовые могильники на Тилигуле (Агульников, Редина 2007; Говедарица, Манзура 2010; Петренко 2012). Неоднократно осуществлялись также раскопки археологического комплекса Маяки – городища и могильника (Петренко и др. 2003).

Состояние усатовской проблемы. Усатовская проблема в ее основном вопросе (генезис памятников) все еще не вышла из стадии поиска концепции, нуждаясь не в материале, которого предостаточно, а в четком определении круга памятников, изменении исходных условий постановки этой проблемы и непротиворечивых гипотезах.

Усатово – Куяльник, как необычайно яркий памятник, помешал своевременно оценить своеобразие ряда сопутствующих ему культурных типов. Они если и выделялись, то на первых порах не иначе как его разновидности (Petrescu-Dombovița şi col. 1951; Ковалева 1978). Е.Ф. Лагодовская очертила не ареал памятников усатовского типа, а протяженную область южного распространения позднейшей трипольской керамики, что отнюдь не одно и то же (Лагодовська 1953: карта). Этот принципиальный факт осознавался медленно, поэтапно (Збенович 1974: 151–158), и не вполне воспринят до сих пор, несмотря на изъятие из круга Усатово объектов типа Фолтешти на р. Прут и погребений животиловского типа как явлений вполне самостоятельных (Патокова и др. 1989: 82–83). Далеко не все из того, что еще отнесено к усатовскому типу, является таковым, особенно в материалах «курганных» экспедиций на советских новостройках 60–80-х годов. Первой этот важный вопрос подняла И.Л. Алексеева, предметно занявшись поиском степного субстрата усатовской культуры (Алексеева 1987). Решение тогда затруднялось, прежде всего, отсутствием надежно датирующихся комплексов, которые стали известны позже (Патокова и др. 1989: 114, 124; Демченко 1990; Петренко 1993; 1998). Но ретроспективно, если не с датировкой (доусатовский энеолит), то с проведенной этой исследовательницей «не усатовской» атрибуцией ряда погребений можно вполне согласиться. И это не лишнее указание на необходимость выделять усатовские памятники, руководствуясь едиными критериями, выведенными в первую очередь на материале комплексных объектов (городище-могильник), где усатовский феномен представлен с исчерпывающей полнотой (Усатово – Куяльник, Маяки).

На изучении генезиса памятников усатовского типа негативно отразилось включение их в трипольскую культуру. Нужно попытаться найти объяснение их происхождению, выделяя эти памятники как самостоятельное явление (культурную группу, культуру). Но этого условия не достаточно. Два десятилетия назад они уже были представлены в таком качестве, но удалось очертить только области поиска, включая местный энеолит (Патокова и др. 1989). Прежде всего, не было ясно, с какой социальной моделью следует соотнести Усатово. Не были по достоинству оценены те важные соображения, которые высказывались на этот счет ранее (Сели-

нов, Лагодовская 1940: 254–261; Childe 1958: 142–144). Между тем особая значимость социологического аспекта генезиса Усатово несомненна. Она видна уже хотя бы в том, что все разнообразие и обилие проявлений этой культуры, ее материальных остатков, концентрируется там, где есть захоронения, прежде всего, могилы знати. Социальная организация – основной связующий фактор культуры. Однако подходы к проблеме генезиса усатовской культуры социологический аспект не предусматривали вплоть до недавнего времени (Петренко 2003; Anthony 2008).

Что касается гипотез, то их выдвинуто множество. Уже апробированы все версии, в каких только можно было попытаться представить Усатово в качестве пусть своеобразных, но все же исходно трипольских памятников, начиная с локального варианта (Збенович 1974; Дергачев 1980; Черныш 1982; Мовша 1985) и заканчивая возвращением к «трипольской усатовской культуре», по Е.Ф. Лагодовской (Лагодовська 1948). Соответственно Э.Ф. Патокова рассматривала усатовские памятники как культуру «особой этнокультурной группы позднетрипольских племен» (Патокова 1979: 159–160), другие исследователи – как одну из финальных культур общности Триполье-Кукутени (Мовша 1989), как культуру ее колонистов (Рассамакін 2004; Манзура 2003–2004). В ином варианте Усатово и памятники его круга есть предельно обособившаяся часть Триполья-Кукутени, ставшая самостоятельной структурой – одной из «посттрипольских» культур (Бурдо 2005; Бурдо 2012; Бурдо, Відейко 2012).

Сторонники трипольской «генетики» Усатово, опираясь на материал могильника Выхватинцы (Пассек 1961; Дергачев 1978), определяют усатовский тип как образование, созданное в степях переселенцами с поречья среднего Днестра. Выхватинские племена у этих археологов «перерастают в усатовские» (Мовша 1971: 31; 1985: 225). Однако Выхватинцы – это трипольский памятник, в котором найдены усатовские сосуды (Патокова и др. 1989: 109) и связанные по происхождению, вероятно, с Маяками культовые усатовские статуэтки (Патокова 1986: 8). На синхронность указывает и расписная керамика, ввиду чего Е.К. Черныш предположила, что в степь ушла какая-то трипольская группа, родственная Выхватинцам (Черныш 1982: 228). Эта гипотетическая миграция единогласно датируется этапом СII трипольской культуры, как и могильник Выхватинцы. В действительности, как мы увидим далее, памятники усатовского типа появляются раньше выхватинской группы, раньше этапа СII, во всяком случае, эпонимный комплекс, Усатово – Куяльник.

По не трипольской генетической линии или чаще, в рубрике «внешние влияния» с усатовскими памятниками гипотетически увязывались самые разные культурные феномены. Это довольно длинный список, в котором значатся помимо прочих такие не единожды «востребованные» культуры, как ямная, шнуровой керамики, шаровидных амфор (ей особое значение придавал В.А. Сафронов, 1989: 232), культуры Чернавода II и, особенно, Чернавода I, так называемая нижнемихайловская культура и, конечно же, Майкоп и Новосвободная.

Культура Чернавода I выдвинулась для Усатово на роль альтернативной (в неопубликованных научных докладах начала 80-х гг. румынского археолога П. Романа) или второй, равнозначной Триполью «материнской» культуры, наряду с памятниками хаджидерского типа. Трактуется вопрос по-разному (Патокова и др. 1989: 109, 124; Петренко 1989; Манзура 1990; Petrenko 1996; Leviţki şi col. 1996: 69–76) и последние работы показывают, что еще не окончательно (Манзура 2001–2002: 485, рис. 13; Petrenko 2008: 39). Погребальные комплексы хаджидерского типа известны

почти по всей Степной Украине. Только в своей самой ранней части, представленной в основном в Северо-Западном Причерноморье, они старше усатовской культуры, но в этом же регионе выделяются и синхронные (Иванова и др. 2005: 100–104, 110). Для субстрата, если продолжать видеть в такой роли хаджидерский тип, это достаточно странная ситуация. Ю.Я. Рассамакин объединяет погребения хаджидерского типа и нижний слой приднепровского поселения Михайловка в одну археологическую культуру – нижнемихайловскую (Давня історія… 1997: 284–289; Rassamakin 1999: Abb. 3). Но особых данных о связи этих погребений непосредственного (генетического) или опосредованного характера с населением, оставившим эпонимный памятник Михайловка, пока не наблюдается (Nikolova 2006: 12).

По мнению Н.Я. Мерперта, само формирование памятников усатовского типа «не могло начаться ранее массового проникновения древнеямных племен на Правобережную Украину и в Молдавию» (Мерперт 1982: 328). Исследователи даже предположили перманентное сосуществование на одной территории носителей усатовской и ямной культур (Алексеева 1978: 64; Яровой 1985: 113; 2002). В усатовской культуре выделен особый, по характеру «древнеямный» компонент (Петренко, Шилов 1992; Петренко и др. 2002: 58; Петренко 2010: 360). Возможно, обнаружатся и другие составляющие, которые дополнят характеристику и без того давно для всех исследователей очевидной многокомпонентности Усатово.

Представляется, что сложносоставной процесс генезиса усатовской культуры можно объяснить, прибегнув к моделям дуальных социальных структур (Петренко 2009). Дуальная социальная организация, выявленная у множества древних народов, была исходным пунктом их взгляда на мир, основой всякой классификации, осуществлявшейся посредством последовательного дихотомического деления (Золотарев 1964; Иванов 1968). Отсюда – непрогнозируемое разнообразие возможных археологических проявлений деятельности «половин», вплоть до орудийных наборов и пищевых остатков. В первую же очередь проверке подлежат архитектурно-планировочные структуры поселений и могильников, типологии погребений, керамики, культовых изображений. Недоучет «дуального фактора» способен радикально повлиять на корректность многих археологических выводов, прежде всего, на хронологические конструкции, всякого рода периодизации. Иными словами, внимания требуют фракции археологической культуры, как правило, не исследуемые (Черных 1976: 168). Усатовскую культуру в первом приближении можно определить как следствие, точнее говоря, археологическое отражение совместной деятельности (контаминации) носителей двух традиций – неких сегментов подвижно-скотоводческих и оседло-земледельческих обществ.

Территория распространения и памятники. Усатовская культура распространена на юго-западе Украины от Дуная до Тилигула и в соседних степных районах Молдовы, преимущественно в Нижнем Приднестровье, а не от Восточных Карпат до Буга или Днепра, как показано на некоторых схемах. Наибольшее количество и самые типичные памятники усатовской культуры сосредоточены в Приднестровье (рис. 28). Однако основной и самый ранний комплекс, собственно Усатово, свидетельствует о первом сильном ее проявлении к востоку от низовьев Днестра. В этом направлении усатовская культура распространяется до устья Тилигульского лимана, но памятниками, в которых она образует лишь значимый компонент (могильники Змеиная Балка, Кошары II). Тем не менее, Тилигул пока преждевременно считать окончательно установленным восточным рубежом усатовской куль-

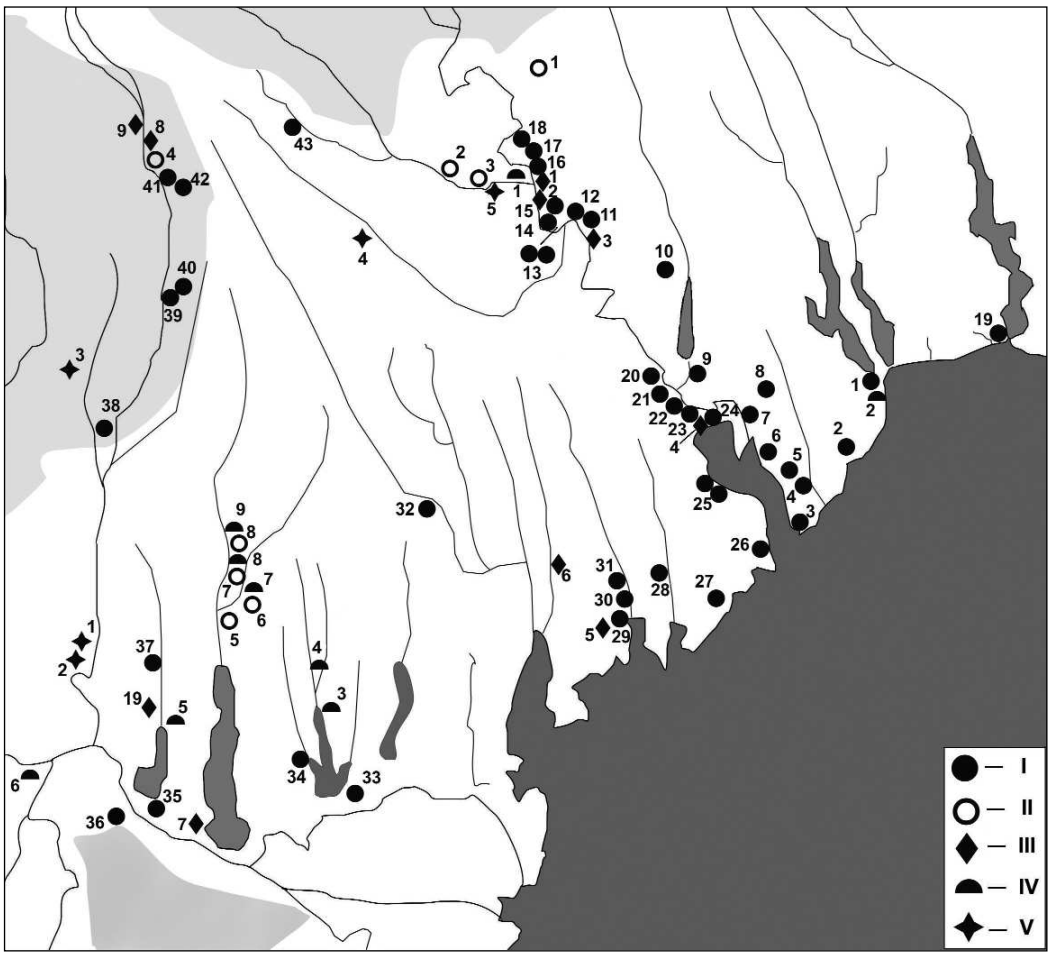


Рис. 28. Усатовская культура и синхронные основные памятники некоторых типов.
I – усатовская культура: 1 – эпонимный памятник, комплекс Усатово – Большой Куяльник (городище и могильники); 2 – Александровский курган; 3 – Каролина-Бугаз; 4 – Дальник II; 5 – Николаевка; 6 – Ефимовка; 7 – комплексный памятник Маяки (городище, могильник); 8 – Маяки – Мирное; 9 – поселение-городище (?) Граданицы; 10 – Никольское; 11–12 – Тирасполь; 13–15 – Терновка; 16 – Плосковский; 17 – Красногорка; 18 – Спея; 19 – Кошары II – Змеиная Балка; 20 – Раскайцы; 21 – Пуркары; 22 – Оланешты; 23 – Тудорово; 24 – комплексный (?) памятник Паланка; 25 – Садовое – Молога; 26 – Попова могила; 27 – Шаболат; 28 – Алкалия; 29 – Желтый Яр; 30 – Захаркина Могила; 31 – Дивизия; 32 – Березино; 33 – Кислица; 34 – Утконосовка; 35 – Орловка; 36 – Исакча; 37 – Гэвэноаса; 38 – Рышешть; 39 – Токиле-Радуканы; 40 – Сэрата-Рэзешь; 41–42 – Данку 1–2; 43 – Данчены
II – хаджидерский тип: 1 – Красное; 2 – Мерены II; 3 – Рошканы; 4 – Саратены; 5 – Кубей; 6 – Курчи; 7 – Тараклия II; 8 – Казаклия
III – постмариупольская культура: 1–2 – Парканы; 3 – Суклея; 4 – Тудорово; 5 – Вишневое; 6 – Сарата; 7 – курган Чауш (Новосельское); 8 – Саратены; 9 – Вишан; 10 – Этулия
IV – памятники животиловского типа: 1 – Гура-Быкулуй; 2 – Слободка-Романовка; 3 – Суворово I; 4 – Кале; 5 – Болград; 6 – Брэилица; 7–8 – Тараклия; 9 – Казаклия
V – тип Фолтешть: 1 – Фолтешть; 2 – Стоикань; 3 – Грумезоая; 4 – Новые Русешты; 5 – Калфа

туры. Неизвестно, есть ли ее пункты севернее приморской зоны междуречья Днестр – Тилигул, поскольку степи выше Одесских лиманов изучены слабо. За Днестром детально исследован прилегающий к Дунаю и морю юг Буджакской степи. В приморской части Буджака усатовская культура в ее типичных проявлениях определенно не представлена. Во всяком случае, таковыми нельзя признать погребальные комплексы, тип которых до известной степени самостоятелен (горизонт условно усатовских погребений типа Желтый Яр). Включение в состав усатовской культуры могильников типа Желтый Яр, Шаболат и др. расширяет ее ареал до Дуная. Более того, аналогичные памятники, возможно, будут обнаружены и за Дунаем, южнее его дельты, учитывая, что там известны отдельные случайные находки (Vasiliu 2007: fig. 2). Присутствие же усатовской культуры в удаленных от Дуная северных районах Буджакской степи пока вообще не доказано. Тем не менее, на их широте усатовские памятники есть на левом берегу Прута, как бы в отрыве от основного ареала, и не лишены своеобразия.

Таким образом, Прут, Дунай, Тилигул и берег Черного моря от Дунайской дельты до Тилигульского лимана образуют естественно-географические рубежи усатовской культуры, ограничивая ее распространение соответственно с запада, востока и юга. Условная северная граница пересекает оконечности Бессарабской возвышенности примерно в 130 км от устья Днестровского лимана и на таком же расстоянии от места слияния Прута с Дунаем. В пределах очерченной территории известно два комплексных памятника (системы городище-могильник) и два не проверенных раскопками условных поселения. Кроме того, исследовано около 40 курганов (одиночных насыпей и малых курганных групп), а также, в той или иной степени, не менее шести самостоятельных грунтовых могильников.

В топографическом отношении усатовские памятники четко подразделяются на две категории. Первую из них отличает местоположение на высоких речных террасах, по надпойменным краям степного плато и, соответственно, приуроченность к границам разных экологических зон и биотопов. Эти «граничные», или краевые памятники наиболее масштабны и многочисленны. Вторая категория, в отличие от первой, надпойменной, сугубо степная, водораздельная. Она представлена небольшими курганными группами и одиночными погребениями (курганами). Впрочем, водораздельные памятники удалены от водотоков не более, чем на 1,5–2,5 км, но, как правило, на доминирующие высоты. Надо полагать, существует и третья, еще не открытая разновидность памятников – низинные объекты в долинах. Именно в низинах, кроме некоторого количества могильников, могли находиться до сих пор не выявленные поселения усатовской культуры.

Проблема поселений. Жили носители усатовской культуры, скорее всего, в защищенных от ветра местах, вблизи источников воды и топлива на нижних речных террасах, устраивая там стационарные поселения и зимники, совместные или раздельные. Подходящие места имелись и в некоторых балках, например, в Усатовской, древней водоносной балке, где и находилось, скорее всего, одно из поселений, связанное с известным городищем Усатово – Куяльник на плато. Очередная черноморская регрессия, названная в связи с Усатово хаджибейской (Бруяко и др. 1991; Патокова и др. 1989: 117), давала дополнительные возможности для выбора удобных мест под поселения за счет сокращения водных зеркал лиманов, углубления речных русел. Какими были постоянные поселения не известно, но весьма вероятно, что свайными, как у оседлого населения многих районов Древней Европы, например, соседнего балканского Причерноморья эпох энеолита и ранней бронзы

(Тодорова 1986: 72–73; Porodjanov 1991: 109). Мобильные же, в частности скотоводческие группы, как свидетельствует этнография, нередко ставили свои шатровые жилища под крутые приречные склоны, и даже использовали сам склон как задник шатров. Иногда к зиме в склонах кочевниками еще и копались землянки. Высказывались предположения, и неоднократно, что нечто подобное имело место и в Усатово, вплоть до использования навесов и гротов в известняках на террасах Усатовского плато (Моргулис 1924). Как бы то ни было, но настоящие усатовские поселения не сохранились или недоступны для исследования.

Что же касается таких известных и долго исследуемых памятников, как Усатово – Куяльник и Маяки, которым традиционно приписывается поселенческая функция, то характеристики их неоднозначны, а основное назначение, скорее всего, было иным. Примечательно наличие на данных объектах колоссального количества керамического боя, в том числе громоздкой утвари. По данному признаку эти памятники можно было бы признать земледельческими поселениями, если бы не отсутствие следов жилищ и высотная топография. Напротив, по «мусорному» характеру отложений, по составу пищевых остатков и основным орудийным наборам – это словно скотоводческие стойбища. Но налицо существенные неудобства мест, даже под летники (особенно в Усатово), соседство с обширными «полями погребений» и полная занятость потенциально жилого пространства обрядовыми сооружениями, например, всевозможными рвами. По специфическому габитусу эти становища можно квалифицировать как ритуальные городища. Концентрации захоронений, в том числе неординарных погребальных мемориалов, особенно многочисленных и монументальных в Усатово – Куяльнике, характеризуют системные объекты типа городище-могильник усатовской культуры как обрядовые центры.

Обрядовые центры. Главный памятник, от которого получила свое название усатовская культура, объединяет городище Большой Куяльник и могильники Усатово, рассредоточенные на площади около 20 га (рис. 29). Весь этот археологический комплекс, ныне для раскопок практически исчерпанный, размещался на мысу высокого степного плато вблизи Хаджибейского лимана, на расстоянии 4,5 км от морского побережья. Оба основных исследователя Усатовского комплекса, М.Ф. Болтенко и Е.Ф. Лагодовская, не сомневались в особом, обрядовом характере городища, или «поля культурных остатков» как специализированного требища, и в непригодности этого места для постоянной жизни. Такие выводы в те годы были «не ко времени». Тем не менее, Е.Ф. Лагодовская, хотя и называла в публикациях обрядовое «поле» поселением, настойчиво проводила мысль о культовом назначении выявленных сооружений и памятника в целом (Лагодовська 1943: 54–56). Это не осталось без внимания, и вскоре (1945) Усатово посетила авторитетная археологическая комиссия: П.П. Ефименко, М.Я. Рудинский, В.Н. Даниленко. Она безуспешно пыталась найти следы жилищ в многочисленных разрезах городища. Е.Ф. Лагодовская подтвердила неизменность своей и М.Ф. Болтенко точки зрения в обобщающей статье (Лагодовська 1948: 48–49) и публикации отчета о раскопках участка обрядовых ям (Лагодовська 1952). Значимость этих выводов исследователей Усатово – Куяльника была оценена лишь недавно (Петренко 2003).

Большой Куяльник является археологическим памятником, который принадлежит к типу ритуальных городищ, или священных поселений (Болтенко 1926а; Лагодовська 1948; Петренко 2003). Это убедительно подтверждают неординарные топографические условия памятника и его раскопки, осуществленные на площади около 5300 м^2. Для городища его основатели избрали каменистый боковой выступ

Рис. 29. План археологического комплекса на территории сел Усатово и Большой Куяльник. 1 – городище Большой Куяльник; 2 – Ближний некрополь (Усатово I); 3 – Дальний некрополь или Усатово II (a – исследованные курганы; b – неисследованные курганы; c – места грунтовых захоронений; d – границы сельской застройки довоенного времени)

плато высотой около 50 м, возвышающийся над долиной лимана, повернутый к морю и отдаленный почти на километр от источника питьевой воды. Природа обеспечила городище залежами самосадочной соли, но они находились в долине, на окраине его «экономического района» (Лагодовська 1948: 55). С точки зрения обороны местоположение памятника малоэффективно, тем более что он не имеет признаков защищенного укрытия. Никаких удобств, кроме красивого пейзажа и возможностей заниматься астрономическими наблюдениями, такой выбор места его жителям не давал. Очевидно, здесь достоинством считалось как раз то, что в других случаях было бы признано вопиющим недостатком.

Узкими длинными рвами (так называемыми коридорами), совсем непохожими на сооружения военно-оборонительного назначения, городище было разделено на две части – «посад» и «детинец». Первоначально эти коридоры, вырубленные в коренном известняке (рис. 30), могли составлять кольцо или многоугольник, т.е. определенную замкнутую структуру того же самого типа, который установлен, скажем, у трипольцев на Днепре (Казаровичи). Внутри «детинца» исследования выявили отдельные пятна культурного слоя с вымостками из щебня и ямами. По внешней зоне, в «посаде», кроме отмосток и ям с послойным наполнением, имелись ритуальные площадки, ограниченные грунтовыми ровиками с каменными перекрытиями.

На обозначенной коридорами границе «детинца» и «посада» отложились наиболее мощные и содержательные пласты. Именно здесь, в заполнении и вокруг коридоров, найдено большинство значащих сакральных предметов: статуэтки, кубики, курильницы, фрагменты сосудов на ножках, миниатюрные сосудики и множество керамического боя, костей животных и кремня. Есть единичные находки фрагментов человеческих черепов. Чрезвычайно велико было количество ракушек, почти исключительно морских видов, в частности съедобных мидий, но они оставлялись нераскрытыми. Проход на «детинец», ограниченный по бокам каменными коридорами, был перегорожен зольником с каменной грудой и прослойками известняковой щебенки. Поблизости находились разнообразные сооружения, которые можно интерпретировать как жертвенники, а также приспособленная для каких-то сожжений обнаженная поверхность известняковой скалы.

Наиболее масштабным объектом на городище является так называемый Большой коридор. Это длинный узкий ров с относительно ровными стенами и плоским дном на глубине 2,0–2,2 м от дневной поверхности, пробитый в скале. Скала начиналась на глубине 0,40–0,45 м. Нижний ярус культурных отложений на скале по обеим сторонам коридора представлял собой сплошной слой камня (рис. 30). В коридоре скала была прорублена на глубину 1,6–1,8 м. Ширина его 1,4–1,6 м вверху и 0,7–0,8 м у дна. Это почти идеально прямая выемка, ориентированная в направлении юго-юго-запад – северо-северо-восток (геодезический азимут 24°). В длину она четко прослеживалась на протяжении 24,7 м, несмотря на локальные разрушения бортов и дна. Но это была только часть коридора, хотя и, возможно, основная, скальный останец с участком стены коридора у северной границы раскопа указывал на длину не менее 26 м. За этим останцом контрольная траншея, прорытая в дне карьера, наткнулась на просевшие известняки, по некоторым признакам связанные с продолжением коридора, если длина сооружения была около 35 м. Высказывались предположения, впрочем, без достаточных оснований, что Большой коридор даже выходил на крутые склоны плато. В этом случае полная длина коридора составляла бы как минимум 100 м, т.е. вдвое больше, чем указано в одной из публикаций (Болтенко 1957: 25).

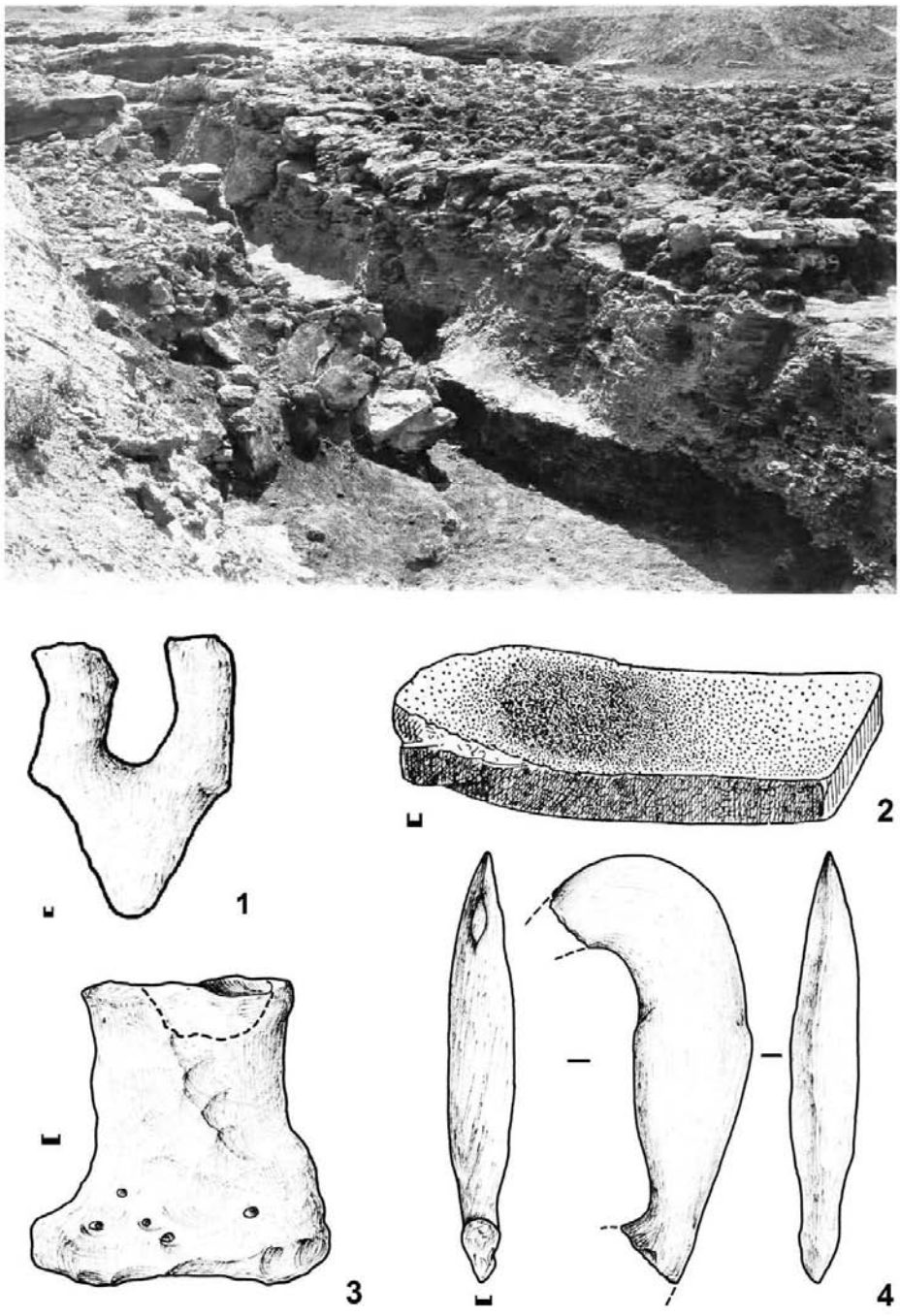


Рис. 30. Городище Большой Куяльник. Так называемый Большой коридор и некоторые находки: букраний (1), краскотерка (2), переносной алтарь? (3) и каменный «коготь» (4)

На фотографиях коридора видны небольшие округлые углубления, выбитые в его продольных стенах на значительном удалении одно от другого. На южной поперечной стенке имелись правильные ряды таких ямок – три ямки в нижнем и две в верхнем ряду, как полагал М.Ф. Болтенко, для спуска в коридор. Известняковая скала Усатовского плато, сильно выветренная у поверхности, делится на слои плит толщиной до 27 см, залегающие на еще более измельченной, щебеночной породе, так называемой жерстве: Большой коридор, пройдя плитняк, углубился в труднопроходимый щебень на 120, а на некоторых участках на 140 см. На фотоснимках, особенно у самого дна, отчетливо видны ряды вертикальных желобков от каких-то орудий, с помощью которых выламывался камень и подравнивались стены этого необычного сооружения. Всего при прокладке Большого коридора было вынуто не менее 50, а может быть и 70–80 кубометров породы общим весом около 200 тонн. Едва ли, ломая здесь камень, можно было совсем обойтись без металлических орудий, хотя бы простейших медных или бронзовых клиньев.

Заманчиво было бы рассматривать эти выемки-«коридоры» как водосборники. Такие накопительные резервуары были бы на городище совсем не лишними, учитывая его удаленность от источников пресной воды. Однако порода, в которой проложены усатовские «коридоры», не способна эффективно удерживать воду (растрескавшийся плитняк и переслоенная глиной щебенка, или так называемая жерства). Как обрядовые сооружения «коридоры» характеризуются послойным наполнением, локальными прожогами (малые коридоры) и большим количеством глубоких настенных лунок (Большой коридор). Вероятно, не все «коридоры» одновременны. Для двух из них, «альфа» и «бета», по находкам керамики установлена синхронность засыпки. «Коридоры», как можно предположить, предназначались для обозначения неких символических границ, а также для каких-то сожжений. Кроме того, коридоры – это исключительно трудоемкие и, следовательно, престижные сооружения. Туда сбрасывали остатки пиршеств и, надо полагать, использованные в обрядах вещества и предметы, например, некоторые статуэтки. В этой последней предполагаемой функции «коридоры» можно сопоставить с предназначенными для такого рода накоплений античными ямами (фависсами). Что же касается этих сооружений как вероятных священных граничных маркеров, то заслуживает внимания непосредственная связь городища с могильником, в котором погребены персоны с высоким социальным и сакральным статусом и/или их заместительные жертвы (вожди и жрецы, по Е.Ф. Лагодовской).

Аналогичный с Усатово характер имеет второй по значению усатовский памятник – Маяки. В отличие от Усатово – Куяльника, главным структурным элементом Маякского городища, благодаря местным условиям, оказались не каменные, а мощные грунтовые рвы. Эти сооружения образуют замкнутую, сложную и тщательно спланированную структуру из нескольких колец и полос, сосредоточенных на небольшой площади 130 × 40 м (рис. 31). На участках, ограниченных этими рвами, прослеживается лишь слабо выраженный культурный слой. Тем не менее, рвы содержат чрезвычайно большое количество остатков материальной культуры, прослойки золы, множество костей млекопитающих, птиц и рыб. Есть также человеческие кости, детей и взрослых. Повсюду во рвах много обожженной глины с примесью соломы хлебных злаков, в частности крупные обломки, похожие на элементы глинобитных площадок трипольского типа. Все рвы были послойно засыпаны в древности, но не единовременно. Здесь, как и в Усатово, происходили какие-то обряды типа «большое собрание». В это время, в частности, осуществлялись забои

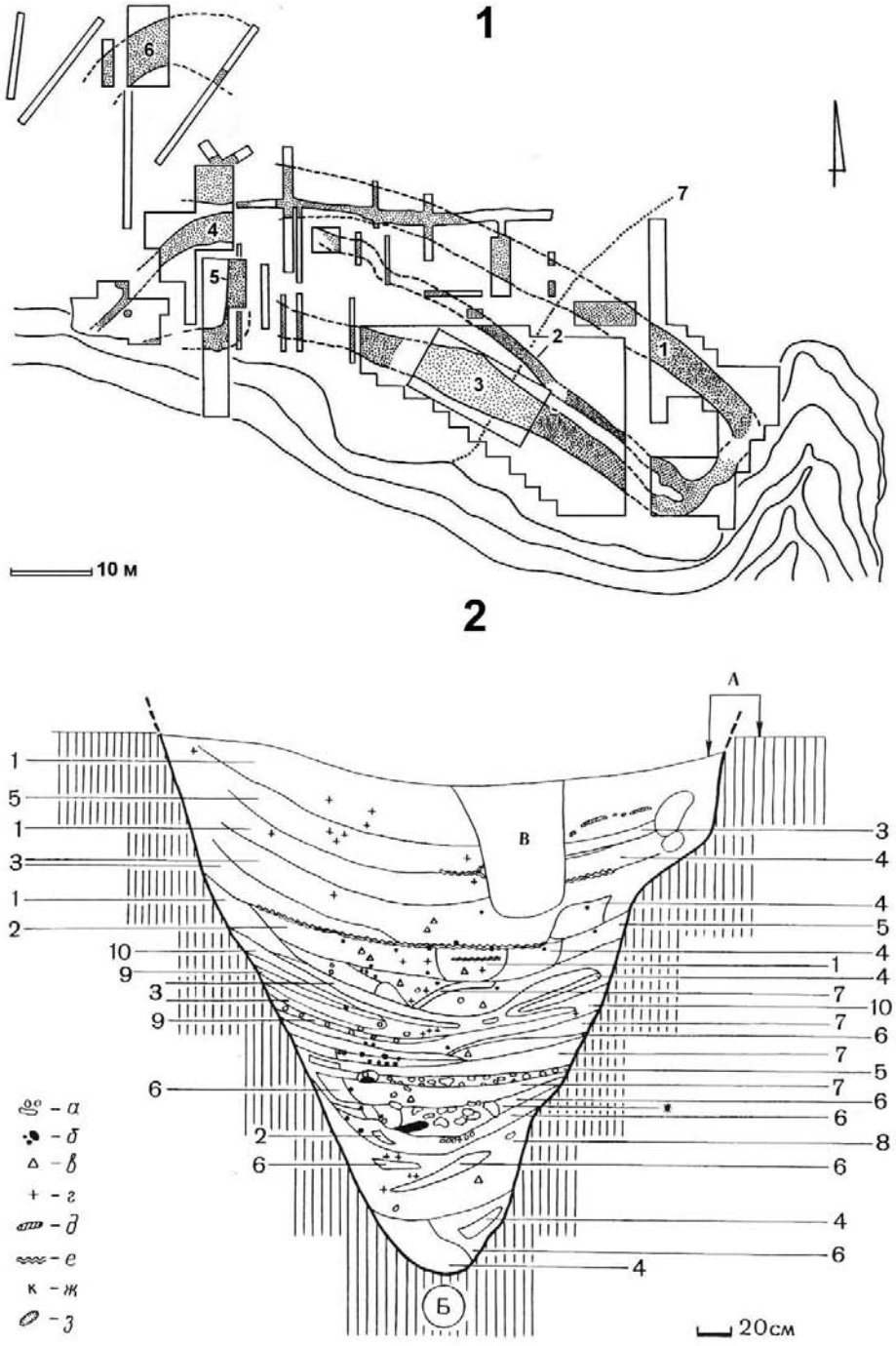


Рис. 31. Городище Маяки: сводный план по состоянию на 2009 г.
(1–6 – усатовские рвы), типовой разрез (ров 3)

домашнего скота. Судя по определениям зоологов (Секерская 1991), эти важнейшие мероприятия проводились практически постоянно, но значительными были в периоды, на которые приходится зимнее и летнее солнцестояния. Итак, городище Маяки – это обрядовое место долговременного использования, а не военно-оборонительный комплекс или поселение в общепринятом значении, и наряду с Усатово, скорее всего, относится к особой разновидности археологических памятников типа ритуальных городищ, церемониальных центров или, например, так называемых лагерей с вымостками (causewayed camp английских археологов).

Могильники и погребальный обряд. Наиболее многочисленными памятниками усатовского типа являются могильники. Умерших хоронили не только в ритуальных центрах над долинами, где постепенно образовывались обширные некрополи, но и в других, отдельных погребальных местах, обустроенных и в открытой степи. Большие могильники состоят из курганов и грунтовых погребений. Прочие погребальные памятники представлены одиночными курганами, группами курганов или небольшими грунтовыми могильниками.

Антропологические исследования показали, что в этих могильниках погребены люди, которые принадлежали двум ветвям древней европейской расы – протосредиземноморцам и массивным протоевропеоидам (Зиневич 1964; Зиньковский 1984; Потехіна 1990). Установлено, что их объединения находились в состоянии активной метисации и несколько отличались между собой по удельному весу того или иного из морфологических компонентов (эпонимное Усатово и Маяки). И тот, и другой морфологический тип представлен как в курганных, так и в грунтовых захоронениях.

Усатовские курганы представляют собой специализированные обрядовые сооружения монументального типа, «святилища», имеющие сложное устройство, связанные с захоронениями в их основании. Это круглые в плане центрические структуры, созданные из земли или из земли и камня. Обычно высота кургана не превышает 1 м. Но есть и насыпи высотой 1,5–2,5 метра и даже более, например, Александровский курган, высота которого была около 4 м, диаметр 30–35 м (Petrenko, Bejlekchy 2000). Общепринятой была такая последовательность церемоний: погребения, жертвенные ямы – ограждение этого места – насыпь. То есть насыпь перекрывала все погребения одновременно, и в дальнейшем для погребальных целей, как правило, не использовалась.

Насыпи имели сложное строение, нередко с каменными сооружениями на внутренних и внешних слоях: обшивки откосов, «лоскутные» выкладки на склонах или макушке, сплошные куполообразные панцирные покрытия. Так, например, на центральное купольное сооружение в кургане № I–11 с. Усатово ушло около 450 крупных плит и около 8000 средних и малых (Лагодовська 1946: 42). Иногда первичное ядро насыпи даже целиком складывалось из камня, подобно каменному кургану или мегалитическому керну. Тот же Александровский курган, например, состоял из керна и концентрической семислойной оболочки, три слоя которой были каменные. В эту насыпь было сложено около 1000 м^3 чернозема и до 35 м^3 известняка, т.е. около 87 тонн каменной породы (одна покровная плита центрального захоронения весила почти 1,5 тонны).

Заметна тенденция, сгруппировать под одним курганом 5 (иногда 7) погребений и жертвенных ям или, если их было больше, по крайней мере, выделить такую «пятерку» единообразным обрядом и отгородить само место от окружающего пространства. Окружные рвы применялись редко (могильник Маяки). Наиболее типич-

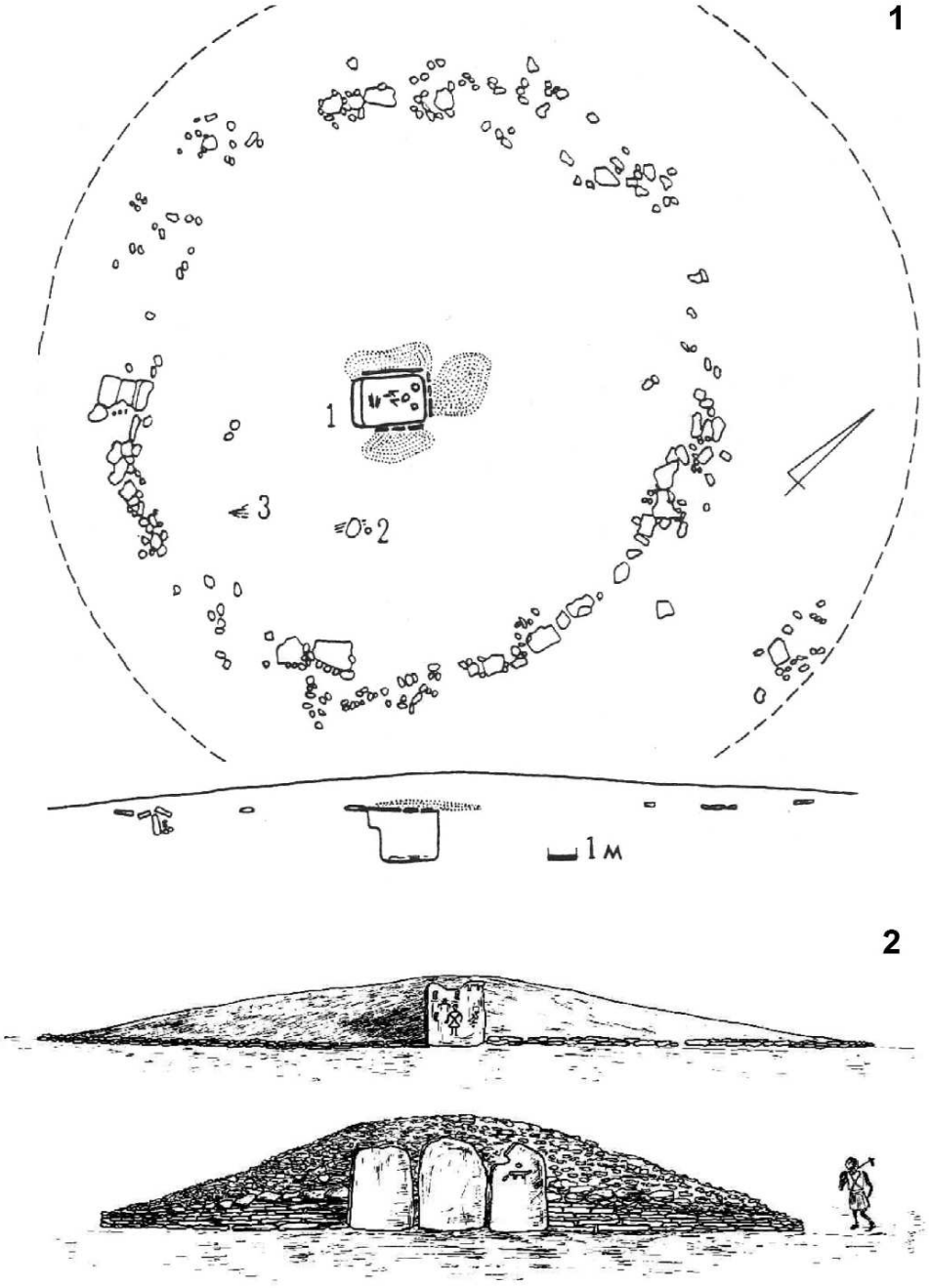


Рис. 32. Усатово, Ближний некрополь: кромлех (курган I-3, план и разрез) и курганы с «закрытыми входами» (реконструкция)

ным ограждением был так называемый кромлех – каменное кольцо, иногда многоугольник из бута и плит (рис. 32, 1). Часто это просто плоский и достаточно широкий кольцевой настил или, наоборот, контурная выкладка в один камень, или невысокая ограда с кладкой иррегулярного типа (так называемая крепида). Кромлех в большинстве случаев сооружался раньше, чем насыпь. Иррегулярная кладка была новшеством по сравнению с курганами предшествующего времени.

Символическое значение кромлеха подчеркивается наличием в его кладках проемов, соответствующих сторонам света, плит с лунками (жертвенников?), каменных стел, сосудов, антропоморфных статуэток. Несомненно, и ритуальная площадка в первооснове кургана, и кромлех, и сам курган были священны.

Единый вход и выход из этого сакрального пространства, как показали курганы Усатово, Холодной Балки предусматривался с юго-западной стороны, и соответствовал направленности погребений (юго-запад – северо-восток, запад – восток). Сам погребальный обряд, как известно, относится к категории так называемых ритуалов перехода (Геннеп ван 1999: 134 сл.). И у символических входов в «мир иной» на могильниках Усатово осуществлялись важнейшие ритуальные действия. Об этом, в частности, ясно свидетельствуют особо обустроенные на входе жертвенные ямы и двойные погребения, сопровождавшие замыкание кладки кромлеха.

В тех курганах, где такие жертвенные ямы и захоронения не предусматривались, сооружались специальные конструкции типа «закрытый вход». Они характерны для курганов, которые еще Е.Ф. Лагодовская не без оснований интерпретировала как усыпальницы вождей (Лагодовська 1948: 50–52). По своему конструктивному замыслу это была двойная символическая преграда. Она состояла из прямого ровика, которым заранее перекапывался проход, и поставленных в ровик одной или двух-трех тесаных плит. Сам же проход закладывался камнями независимо от того, как были выставлены плиты – глухим простенком или с большими промежутками, и возвышались ли они вообще над уровнем земли. В курганах Усатово, например, в проходах ставились громадные стелы. Высота плит достигала 1,5–2,1 м, не считая трети, врытой в грунт. С внешней стороны эти каменные щиты, правда, не все, несли резные изображения, а сама конструкция напоминала перегороженный вход с плоскими пилонами (рис. 32, 2).

Местоположение «закрытых входов» и другие многозначительные архитектурные и обрядовые детали говорят об особом значении осевой линии юго-запад – северо-восток в строении курганов. Аналогичным образом ориентированы многие знаменитые сакральные сооружения древности, например, мегалитические обсерватории Европы, включая всемирно известный Стоунхендж (Хоккинс, Уайт 1984; Вуд 1981). Усатовские курганы повернуты своими мегалитическими фасадами на юго-запад, туда, где заходит солнце в день зимнего солнцестояния. Восход солнца в период летнего солнцестояния и важные события цикла луны приходятся на северо-восток, куда направлены погребенные. И погребальным обрядом, и формой архитектуры курганы связывались с осмыслением неба и земли, представляя собой некую единую модель мироздания.

Для погребений усатовского типа, независимо от наличия кургана, присущи простые грунтовые ямы, преимущественно удлиненной четырехугольной формы, скорченное состояние скелетов, которые лежат по обыкновению на левом боку, черепом к востоку или северо-востоку, и сопровождающий инвентарь (рис. 33). Изредка в погребении имеются лишь части скелета, но черепная капсула или, по крайней мере, ее фрагменты есть почти всегда; не известно, какие действия пред-

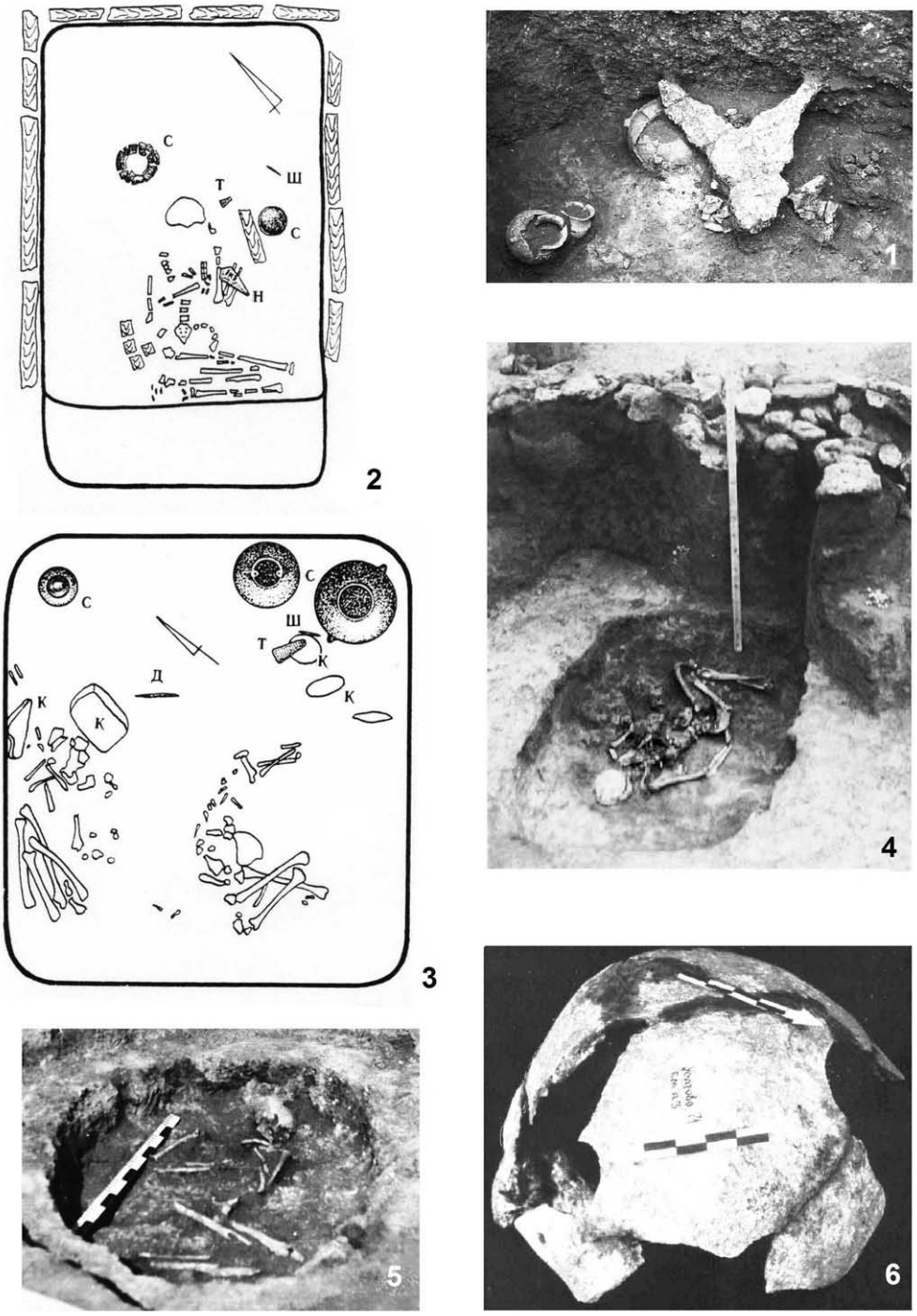


Рис. 33. Усатовские некрополи: жертвенная яма (1), курганные погребения (2–4), типичное грунтовое захоронение (5) и череп с травматическими повреждениями (6)

шествовали неполным погребениям, найденным преимущественно в Усатово. Известны также немногочисленные частичные трупосожжения и полные кремации. Сравнительно нечасто на скелетах наблюдаются красная охровая и темно-бурая, почти черная, или синеватая пигментация (Зиньковский, Петренко 1987). В некоторых случаях она образует на черепах как бы рисунок, связанный с «косметическим» ритуалом или, возможно, и с раскраской самих черепов.

Основной погребальный инвентарь – это керамические сосуды, от одного до семи в могиле. Содержимое сосудов не известно. В немногочисленных случаях установлено, что это была просяная каша, охра, серая зола и т.п. Изредка как погребальный инвентарь использовались орудия и оружие из бронзы, кремня, кости и рога, разнообразные украшения, которые отмечали неординарный социальный статус похороненных персон (рис. 33, 2–3; табл. 11). Кстати, обычными для таких погребений являются большие и вообще качественные сосуды, в частности трипольские изделия. Некоторые погребения, как правило, детские, сопровождались керамическими антропоморфными статуэтками. Иногда в погребениях присутствуют кости животных, но исключительно домашних видов – мелкого и крупного рогатого скота, коня. Тем не менее, такие остатки не обязательно принадлежали напутственной пище (например, находка лишь конского зуба). Есть сопроводительные погребения собак, осуществленные на циновке рядом с могильной ямой, на перекрытии погребальной камеры или в стороне от нее. Такого рода погребения типичны для курганов правобережья Днестра – Тудорово, Пуркары и др. (Збенович 1974: 124, рис. 42; Яровой 1990: 62).

Очень характерными, хотя и не для всех могильников, являются культовые, или жертвенные ямы. В прямоугольных и квадратных ямах имеются те же самые вещи, которые сопровождают умерших (в частности статуэтки и металлические изделия). Другие, округлые, ямы содержат продукты горения, а в исключительных случаях – черепа животных (овцы или козы, быка, лося).

На принадлежность определенной группы курганных погребений к знати, кроме погребального инвентаря, указывают также размеры погребальных камер, сложность и во многих случаях индивидуальные черты погребального обряда. Существование курганного и бескурганного обрядов объясняется, по данным Усатово – Куяльника, социальными отличиями погребенных: рядовых лиц хоронили в грунтовых могильниках, представителей знати – в курганах. Это различие утверждалось на сакральном уровне, как о том свидетельствует сложная символическая архитектура Усатово, в частности стелы.

Стелы усатовской культуры принадлежат к наиболее значительным и необычным ее памятникам. Эти монументальные произведения, несомненно, созданы с помощью металлических долот и тесел. Наиболее интересными являются внешние стелы символических «закрытых входов»: массивные угловатые монолиты весом до 2,5 тонн. Скульптурные композиции на таких стелах включают анималистические и антропоморфные изображения, а также условные знаки в технике гравировки и рельефа. Даже отмеченные среди них попытки трехмерной подачи образов не выходят за рамки предельной условности, схематизма и плоскостного стиля. Другие разновидности стел сами по себе являются плоскими скульптурами, то в виде головы быка (так называемые букрании), то антропоморфной фигуры. Такие изображения практически ограничиваются передачей условно абстрагированного силуэта, который зеркально повторяется в двух противоположных плоскостях. И эта двойственность, как и крайняя наивная примитивность стел, объясняются, прежде

всего, особым художественным мышлением и ритуальным осмыслением первообразов. Камень, из которого высечены стелы, местный желтоватый известняк с шероховатой и часто кавернозной поверхностью, усиливает условность памятников, но не лишает их выразительности.

Стелы создавались не как архитектурные украшения, а ради обрядов и как часть обряда, связанного с погребениями. Прежде всего, стелы причастны к ритуалам «входа и выхода», и это указывает на прямую смысловую соотнесенность воплощенных образов с теми высокими персонами, которые удостоились погребения в центре кургана (вожди и жрецы или, возможно, заместительные жертвы). Сами же образы при их сопоставлении выстраиваются в связный знаковый ряд, по-видимому, соответствующий изобразительно-символическому коду какого-то культового мифа. Разобраться в семантических взаимосвязях того, что изображается стелами и на стелах Усатово, помогает, в первую очередь, расписная керамика трипольской культуры. Ибо стилевые качества и типы этих образов, несмотря на абсолютно чуждый Триполью мегалитический облик памятников, обнаруживают теснейшую связь с изобразительными традициями и сакральной символикой именно этой культуры, и не только синхронного, но и более раннего периода.

В большой развернутой композиции применялся принцип разномасштабного изображения фигур, благодаря чему устанавливалась иерархия между ними, как это можно видеть на примере ритуальных сцен главной стелы (рис. 34, 1). Антропоморфная фигура, помещенная в центр композиции, окружена животными, среди которых представлены как минимум две странно хвостатые фигурки оленей или лосей (гравировки) и четыре изображения, скорее всего, собак (рельефы). За счет расстановки и размерной иерархии фигур, не расторгая цельности композиции, отчетливо выделен передний и задний план. Дополнительные рамочные обводки усиливают композиционное единство, возможно, в соответствии с некой магической функцией фигур.

Типы этих образов, их ритмическая организация, основанная на повторе элементов, бесспорно, сближаются с расписной керамикой Триполья. Существенное отличие состоит лишь в том, что разнородные, но соразмерные фигуры животных второго плана (трое из четверых хищников, если наше определение правильно, и травоядные) выстроены не в цепочку, а совмещены во взаимно перпендикулярных плоскостях. Более того, гравировки нанесены раньше, рельефы позже. Но по тому, как совмещены фигуры и оставлены ключевые элементы предыдущих изображений, видно, что это был не акт иконоборчества, а особое осмысление сюжета «травоядное и хищник». Возможно, это как раз та тема, которая спустя тысячелетия конкретизируется в скифском зверином стиле, и мотив терзания будет служить метафорическим обозначением смерти во имя жизни, как своего рода изобразительный эквивалент жертвоприношения (Раевский 1985: 152).

В эту же смысловую канву поставлена фигура четвертой собаки, изображенная принципиально иначе, чем все остальные животные. Особо решенный скульптурный ее рельеф объемлет фас, боковую грань и тыльную сторону стелы. Выдвинутый на передний план, этот образ по своему месту и соразмерности как бы сопутствует антропоморфной фигуре. Невидимая при рассмотрении в фас левая часть животного, в отличие от правой части, облеченной в плоть, представлена как схематично изображенный скелет. Это недвусмысленное противопоставление жизни и смерти дополняется своего рода логограммами жертвоприношения, которые усматриваются в глубоких лунках, выбитых под черепом-головой и на месте гениталий животного.

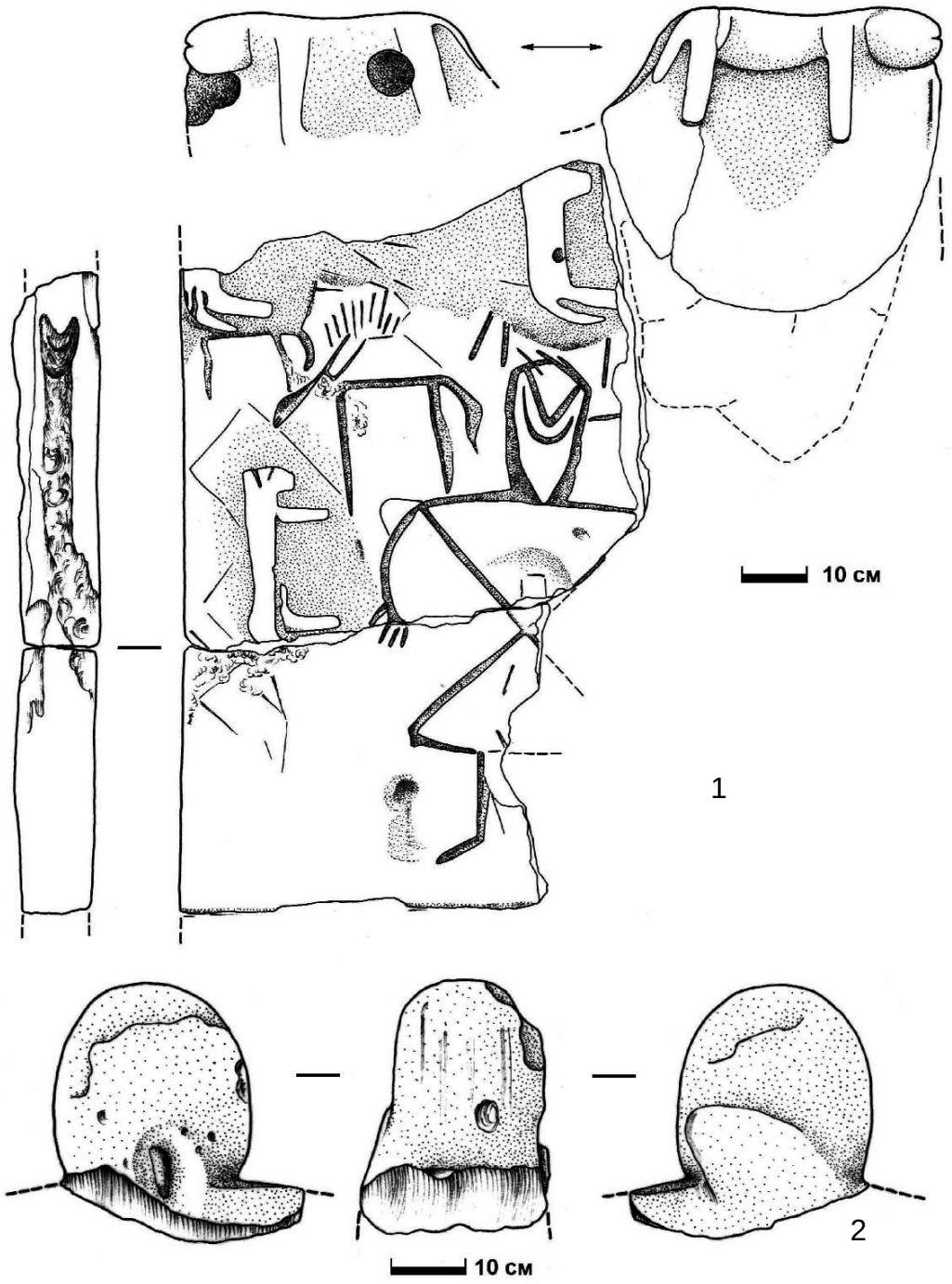


Рис. 34. Стела с изображением божества и животных и фрагмент «портретной» статуи. Известняк. Усатовская культура

Наконец, главная, фронтально развернутая четырехпалая антропоморфная фигура. Она есть воплощение неких двойственных сущностей. Прежде всего, это выражено в строении тела как соединения двух треугольников (мужское и женское начало?). Голова, венчающая это тело, разграничена линиями так, что одновременно подобна человеческой и бычьей. Дугообразный знак под развилкой рогов выступает как своеобразный детерминатив (определитель) условно трактуемого персонажа. Эта фигура есть абстрагированная концентрация внутренней сущности образа. И это, несомненно, образ бога; его самого, или того, кто ему уподоблялся, или то и другое вместе.

С этим же образом определенно увязываются антропоморфные и зооморфные стелы Усатово. Антропоморфные стелы обнаружены в перекрытиях некоторых погребений (курганы №№ I-1, I-16), в цоколе кладки куполообразного сооружения кургана I-11 и др. (Субботин, Петренко 1986: 34–36). Особое место среди них занимает фрагмент статуи из кургана № I-13 – верхняя часть узкоплечей стелы (частично сохранилось левое плечо) – высокий выступ, обозначающий голову с едва намеченной шеей и минимальной проработкой лица (выделен нос) и затылочной части (рис. 34, 2). Среди стел, присущих ямной культуре, выделяется отдельная группа – «резные» изваяния – каменные блоки с антропоморфными и предметными знаками (Новицкий 1990: 104–106; Алексеева 1992: 105–109). Антропоморфная детализация этих скульптур, не выходя за пределы схематизма, раскрывает двойственную сущность воплощенного мифологического персонажа, божества: лицевая сторона изображает тело «в плоти», оборотная – человеческий скелет (Петренко 1996). Усатовская находка, похоже, принадлежит к данной категории стел, маркируя тем самым время и место их, возможно, едва ли не первого появления. В том, что эта находка не случайна, сомневаться не приходится. Голова статуи, каким-то образом отделенная от «туловища» (вероятнее всего, с помощью металлического стержня, долота), была захоронена под каменной перегородкой в юго-западном проходе кромлеха.

Идея воплощения божества, раскрытая усатовскими стелами в виде головы быка, осуществлена простейшими изобразительными средствами. На плите скульптурно не выделено ничего, кроме выступов, обозначающих рога; несущая эти выступы часть плиты сводится в клин или полукруг. На одном букрании есть охровая изобразительная пиктограмма: «налобный» знак наподобие полумесяца и антропоморфная фигура (Петренко 1983). Свидетельством важной роли символа букрания в ритуалах является контекст такого рода находок. Ключевое значение имеет жертвенная яма с букранием в окружении других приношений, в том числе двух пар глиняных антропоморфных статуэток (рис. 33, 1). Осколки зубов взрослого человека, найденные перед этой рогатой головой, наводят на предположение о не бескровном обряде, совершенном над ямой (Селинов, Лагодовская 1940: 257; Патокова 1979: 152).

Взаимосвязь обряда и мифа свойственна бесписьменным народам, и нередко обряд инсценировал миф. Культовый миф, выраженный монументальными памятниками Усатово, увязывается с обрядом погребений представителей социальной верхушки, вождей и жрецов. Не особо рассчитывая когда-нибудь прояснить детали мифа, можно определить его суть – это миф о «приносимом в жертву боге», «священном царе». Синкретическое божество, подобное Янусу, не «почтенному привратнику» времен упадка римской империи, а верховному богу «входов и выходов» и царю латинян (Штаерман 1987: 54–57), было центральной фигурой культа, осуществлявшегося в Усатово.

Керамическая посуда. Своеобразие усатовской культуры проявляется не только в монументальных культовых памятниках, но и в ее «портативных» артефактах, прежде всего в керамике. Керамическая посуда усатовской культуры разнообразна в отношении сортов, типов и, очевидно, происхождения этих лепных изделий. Расписная трипольская посуда на городищах составляет 8% (Усатово) или даже 1% керамических находок (Маяки); в могильниках ее значительно больше (до 30%). Связь расписной керамики в усатовской культуре, вообще в степи с престижной сферой не вызывает сомнений (Петренко 2003: 137; Anthony 2008: 35). Деление этой керамики на группы имеет большое значение для хронологического членения усатовских памятников (рис. 35 – рис. 37). Таких групп тут две, и обе они связаны с северными ближайшими соседями Усатово. Это локальные типы памятников поздней культуры Триполье (этап CII), где такая керамика на поселениях резко преобладает (так называемые выхватинский и кириленский типы). В наличии все характерные для них разновидности: горшки, амфоры, крышки, кувшины, сосуды с одной ленточной ручкой, «молочники», миски, распознаваемые также по стилям росписей. Кроме того, небольшим числом черепков в Усатово – Куяльнике представлена и расписная более ранняя керамика, скорее всего, бадражской ступени, по хронологической схеме В.И. Маркевича (1981), отдельные образцы керамики памятников типа Брынзены, причем даже не в слое городища, а в погребальном комплексе.

Прочий, основной по численности, материал – посуда из теста с примесями – членится тоже вполне определенно. Прежде всего, это несколько (примерно на 10000 учетных единиц!) обломков с городища и один целый экземпляр так называемых кухонных горшков того же Триполья CII из культовой ямы кургана I-16 Усатово. Еще одна серия – это кубки с шаровидным и яйцевидным корпусом, с обильной шнуровой орнаментацией (целые и фрагменты). Эта керамика увязывается по происхождению с восточным, по отношению к Усатово, компонентом – памятниками типа Константиновки – Дереивки. Такого материала немного, но заметно больше, чем трипольских «кухонных» горшков. Можно отметить еще кое-какие подразделения, но они сейчас излишни, поскольку не влияют на общий результат. Дело в том, что все остальное в керамике «усатовского локального варианта поздней трипольской культуры» и в самом деле локально, но к ней прямого отношения не имеет. Этот преобладающий «остаток» демонстрирует самостоятельное развитие керамических традиций, преемственно связанных с культурой Чернавода I и, отчасти, с пришедшей ей на смену балкано-дунайской культурой Чернавода III. Вопрос, стоит ли выделять усатовскую культуру, или продолжать считать усатовские памятники локальным вариантом Триполья – чисто риторический.

Первая группа керамики усатовской культуры толстостенна, груба по фактуре, и найдена почти исключительно на городище Усатово – Куяльник (ее тут около 20%). В глине присутствует дробленая раковина, а иногда и песок. Судя по обломкам и немногим восстановленным целым формам, это были большие сосуды — своего рода пифосы, сосуды с ручками (условные амфоры), то гладкими, то ребристыми, и S-видные в профиле миски нескольких типов, бедно орнаментированные простым и перевитым шнуром, «жемчужинами» и, особенно часто, овальными вмятинами, сделанными пальцем (рис. 35, 1–4).

Вторая группа керамики относительно тонкостенна, примесь толченой раковины нередко обильна. Сосуды шероховатые или, наоборот, имеют гладкие стенки. Это в основном горшки, амфоры с двумя и четырьмя ручками, круглые и четырех-

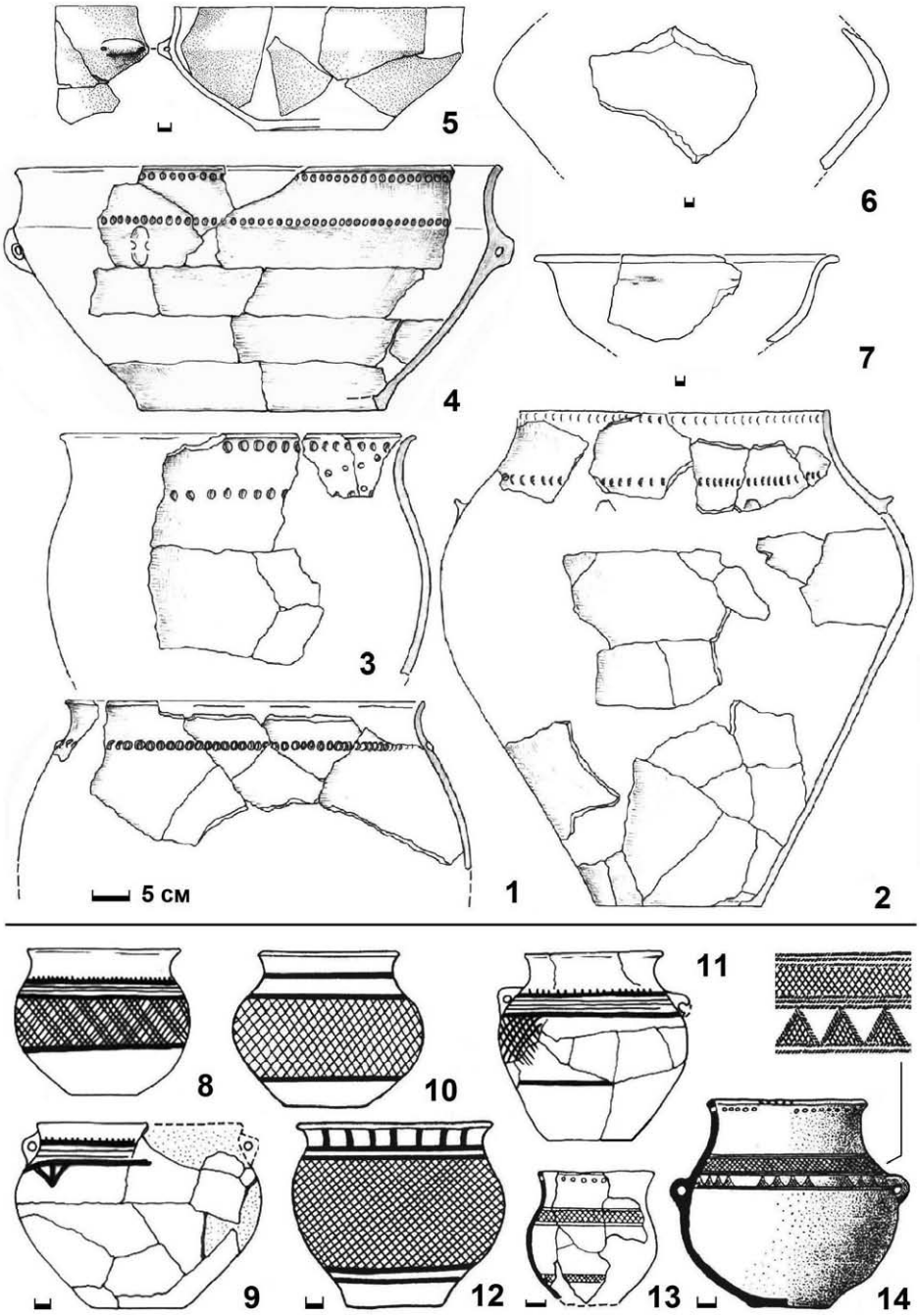


Рис. 35. Усатовская культура. Архаическая керамика:
массивные сосуды (1–4), лощеная чернаводская миска (5), фрагменты трипольской посуды (6–7), из городища Большой Куяльник, находки в могильниках Алкалия (8–9, 11), Дивизия (10), Маяки – Мирное (12) и Желтый Яр (13–14)

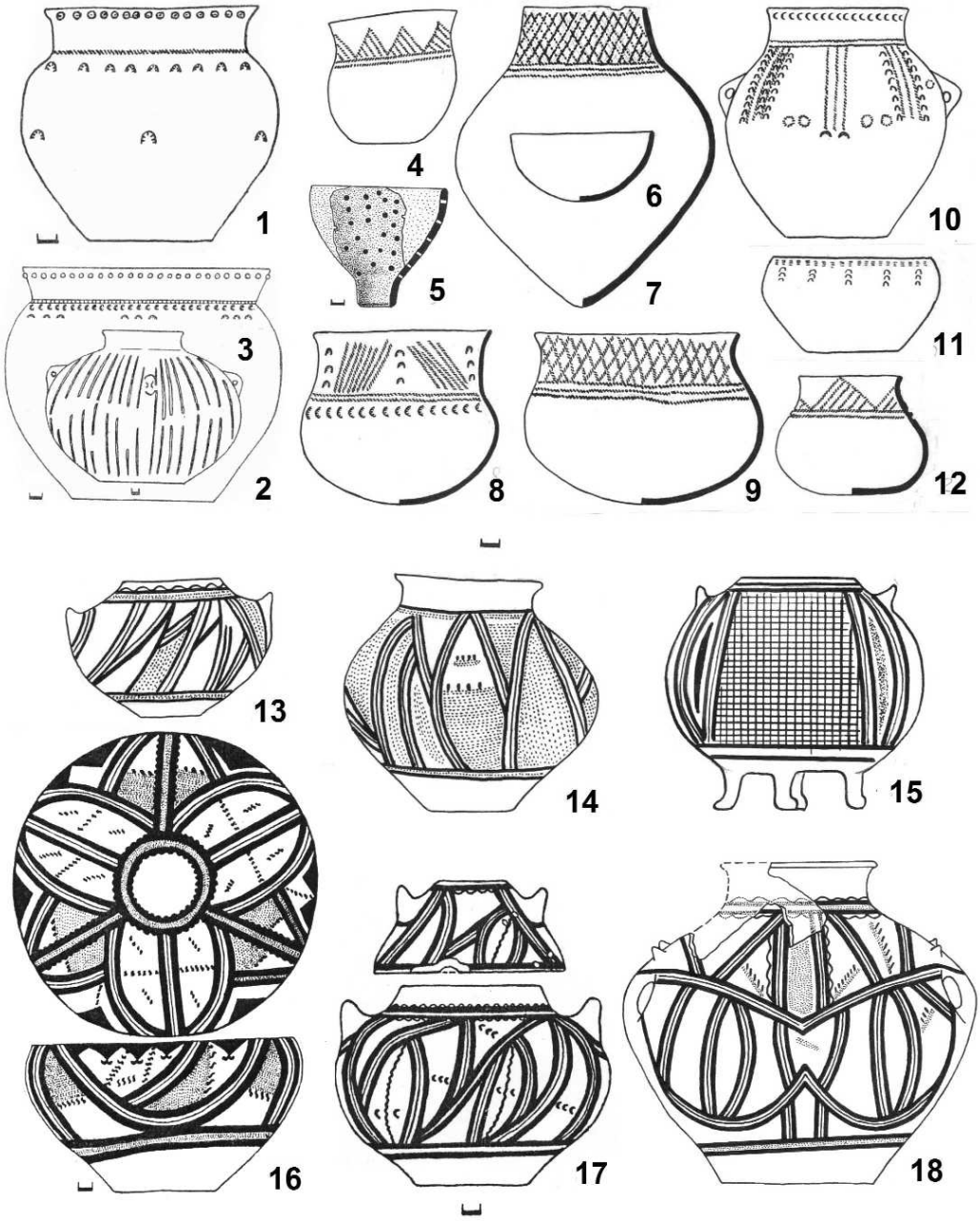


Рис. 36. Усатовская культура: керамический комплекс старшей ступени.
Усатово – Большой Куяльник, Маяки

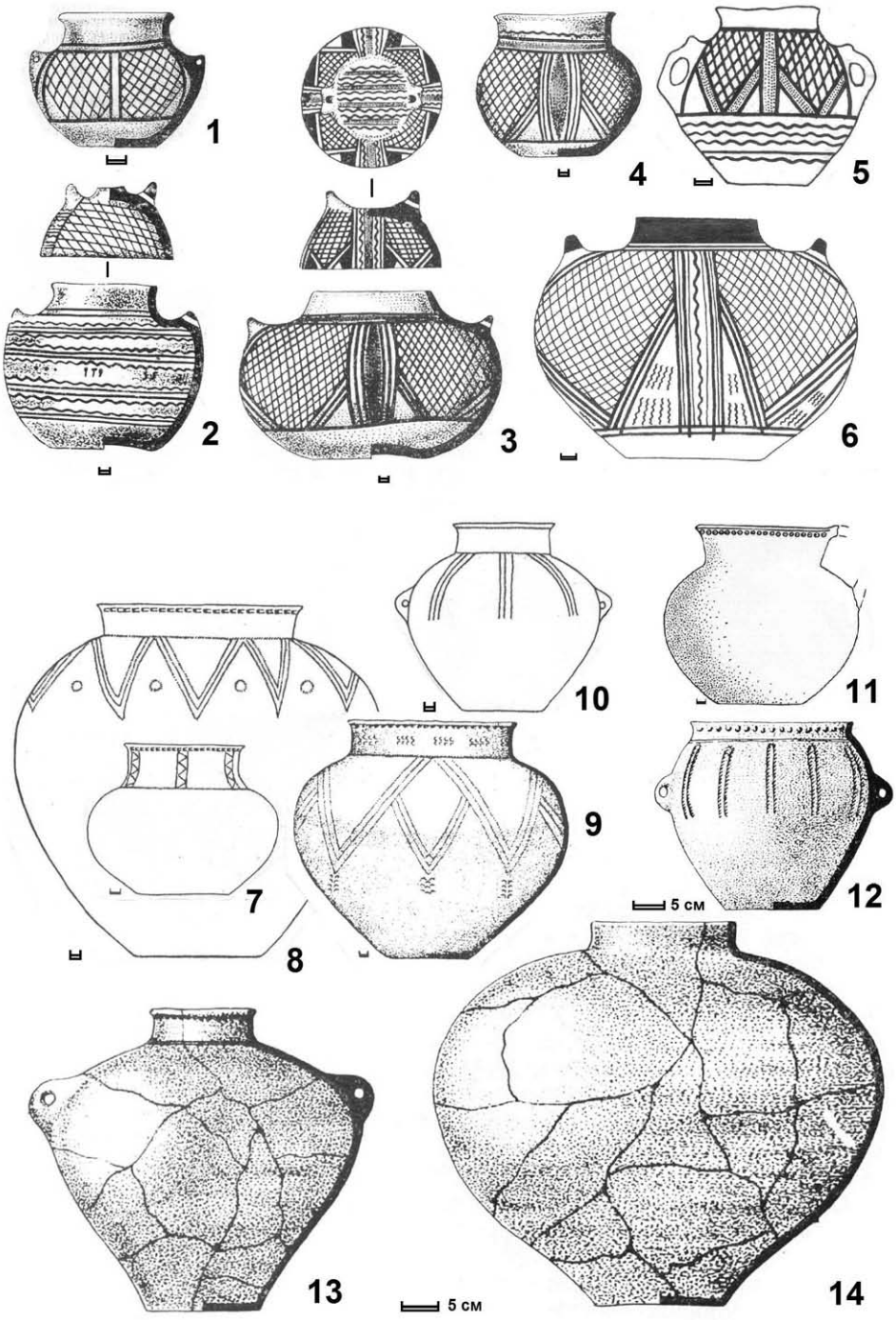


Рис. 37. Усатовская культура: керамический комплекс младшей ступени. Могильники Пуркары и Садовое-Молога

угольные миски разных типов, сосуды с ушками на венчике, кубки с плоским дном, а также горшки, кубки и чаши с круглым дном. Стойкими элементами орнамента являются короткие шнуровые отпечатки, прямые или в виде скобы, опоясывающие оттиски различных шнуров, ложные жемчужины, разнообразные штампованные отпечатки и даже каннелюры. Наиболее многочисленны горшки. Чаще всего это банки – емкости с широким устьем и отогнутым наружу венчиком, но есть и горшки, имеющие сферический корпус.

Третья, тонкая лощеная керамика характеризуется умеренной, а чаще незначительной примесью мелкотолченых раковин, мелкого песка или того и другого вместе. Полировка нескольких сосудов доведена почти до зеркального блеска. Типичны формы амфоры, миски, полусферической чаши и цилиндрического кубка. Орнамент, отличаясь особым изяществом, объединяет оттиски миниатюрных штампов и многорядные отпечатки тонкого шнура или нити, с белыми и красными инкрустациями (табл. 11, 1–2, 7).

Антропоморфные статуэтки. Антропоморфная глиняная пластика усатовской культуры в основном представлена своеобразными типами керамических статуэток (Патокова 1986; Патокова и др. 1989: 102 сл.). С трипольской традицией их связывает, главным образом, орнаментальная знаковая система, но не морфология. Есть несколько обломков типично трипольских статуэток, найденных в Усатово – Куяльнике (на городище). Благодаря исследованиям этого и некоторых других памятников, прежде всего комплекса Маяки, собрана представительная коллекция глиняной пластики низового приднестровского района усатовской культуры. Немногое пока известно о том, какими были статуэтки у тех усатовских групп, что жили выше по течению Днестра. Найденные там антропоморфные фигурки отличаются определенным своеобразием.

Например, женские статуэтки из Красногорки (Красной Горки) – это особый, так называемый красногорский тип. Статуэтки изображают фигуру в сгруппированной позе: плоский, расширенный в плечах торс наклонен вперед, шея и голова выделяются из него отростком с чашевидной полостью (по крайней мере, у одной фигурки), ноги подогнуты, колени подведены к животу (рис. 38, 2, 4). Выразительную стилистическую «пару» данному типу антропоморфных фигур составляют статуэтки из Терновки (Агульников, Сава 2005). Модели терновского типа отличает особая поза – как бы полуприседания (рис. 38, 3). И другие усатовские статуэтки тоже различаются по типам, прежде всего, как «скорченные» и «распрямленные», сидячие и стоячие. Эта типологическая дихотомия предметов культа чрезвычайно примечательна как указание на наличие дуальных социальных структур в усатовской культуре (обществе).

Красногорские статуэтки традиционно считались прототипами пластики усатовской культуры (Болтенко 1957: 28; Погожева 1983: 102). Однако оказалось, что «тип» и «прототип» можно найти в одном и том же захоронении. Есть статуэтки, объединяющие черты фигурок разных типов в едином пластическом образе с яркой индивидуальностью, примером чему является замечательная терракота «Великой богини» – самая большая и совершенная по исполнению и формам статуэтка усатовской культуры (табл. 12, 1).

Складывается впечатление, почти уверенность, что типы усатовской пластики характеризуют не только и не столько этапы становления, сколько разные уровни внешней открытости воплощаемых образов – от легко распознаваемой человеческой телесности (редко) до уровня едва уловимых ее признаков (часто). Обыкно-

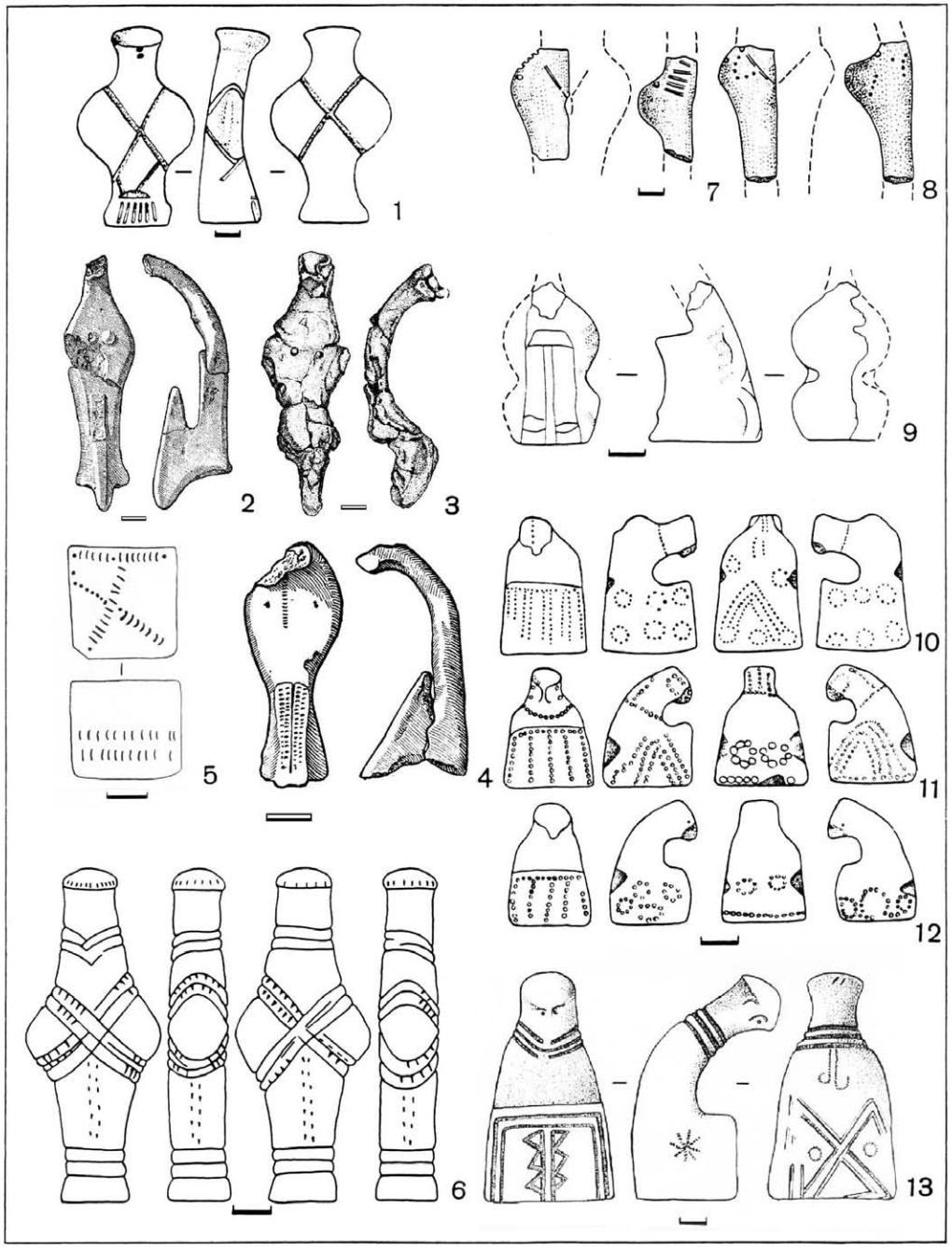


Рис. 38. Антропоморфная пластика и «кубик»:
2, 4 – Красногорка, 3 – Терновка, 1, 6, 9–13 – городище Маяки,
5, 7–8 – Большой Куяльник. Усатовская культура

венно особый стиль вуалирует в статуэтках практически все конкретные детали, даже половые признаки и позу фигур, и сводит образ к утонченной, но загадочной и «непознаваемой» форме. С одной стороны, здесь можно усматривать определенное влияние условий культа, к которому принадлежали статуэтки, если он имел сугубо мистериальный характер. С другой стороны, принципиальным оказывается то обстоятельство, что из статуэток можно без труда выстраивать эволюционные ряды, обеспеченные всевозможными «переходными формами» и даже некими граничными (начальными) звеньями («кубиками», см. далее). Но это, как показывает сопоставление комплексов, объективно эволюция особого рода, имеющая скорее не генетико-хронологическую, а мифологическую природу. Эти частные «пластические эволюции» определенно сопоставимы с таким универсальным феноменом, как миф «о вечном возвращении» (Элиаде 1987). Согласно контексту, усатовские статуэтки являлись приношениями – антропоморфными вотивами. Чьими они были воплощениями: некой одной или двух «богинь», соответствующих оппозиционным понятием жизни и смерти, или каких-то реальных персон, вместо которых в жертву приносились данные изображения? Выяснить это пока не представляется возможным.

Для статуэток характерны тонкие формовочные массы с толченой ракушкой, песком и охрой, ангоб, лощение, углубленный орнамент, затертый белым пастообразным веществом. Удалось установить, что белая паста готовилась из какой-то костной ткани (Петрунь 2000: 478)[2]. Красный пигмент, охра, использовался в пластике для окрашивания, которое всегда локально (например, грудь), и как заполнитель орнамента, но гораздо реже, чем белая паста. Встречается также одновременное использование двух пигментов, придающее глиняным фигуркам эффект полихромии. Кроме того, крупинки охры подмешивались в замес, и нередко видны даже на поверхности статуэток. Некоторые сломанные образцы позволяют видеть исходную «сердцевину» из тонкоструктурной глиняно-охровой смеси, или зачин, на который лепкой наращивался объем фигурки. Важным элементом оформления статуэток является локальное покрытие их ангобом, обычно бежевым или светло-коричневым.

Наиболее типична фигурка, имеющая вид прямоугольного призматического постамента, над которым плавно выгибается длинная шея, наклоненная вперед и увенчанная слегка выпуклой головкой, нередко в форме шляпки гриба (рис. 38, 10–13; табл. 12, 4). Порой четко выделены оттянутые назад плечи, которые бывают округлые и тонкие и оттого похожие на сложенные крылья. Иногда вмятинами со стороны спины намечена талия. Черточки и углубления обозначают на статуэтках глаза, брови, нос и уши, но ни разу не показан рот. Иногда нос пластичен. На некоторых фигурках пластическими бугорками показаны груди. Но в целом морфология фигурок такова, что настойчиво напрашивается мысль о причастности их, кроме женской, еще и к другой ипостаси человеческой породы, мужской. Скрытая стилизацией поза фигурок – сидячая или, как подчеркивала Э.Ф. Патокова, скорченная, «эмбриональная» – соответствует погребальному обряду, с которым фигурки, несомненно, связаны (Патокова 1979: 153). Возможно, они и в самом деле символ человеческого эмбриона.

---

[2] Как полагает исследователь, использовался материал, добытый в неогеновых или четвертичных отложениях, но это сомнительно ввиду чистой белизны заполнителя, нехарактерной для палеонтологической кости. Скорее подходящее вещество могли дать «обычные» кости, пережженные до белого каления.

Орнамент на статуэтках в основном имеет вертикальное построение, разграничивая поверхности и подчеркивая их переходы. Это могут быть идущие от основания до плеч пучки прямых линий или дуг, колонки квадратных оттисков двузубого штампа, черточек, дужек, М-образных и W-образных знаков. Две последние разновидности начертаний типичны для Усатово – Куяльника. Знаки в виде креста с загнутыми концами («гаммированного» креста, или свастики), кругов, звезд и стилизованных растений присущи Маякам. И там и там встречаются П-образные обрамления передней части основания фигурок, а также зигзаги. Устойчивым элементом являются полукружия на шее, со свисающими на спину полосами, оттиснутые штампами, интерпретируемые как обозначения ожерелий.

Статуэтки дублируют практически весь фонд знаков-символов поздней трипольской культуры, характерный для ее расписной керамики. Очевидно, смысловая нагрузка, которую несли фигурки, была чрезвычайно важной. Об этом же говорят имеющиеся на многих статуэтках отчетливые свидетельства целенаправленного магического (?) воздействия: глубокие выбоины, следы легких точечных ударов, выскобленные участки, порезы. Есть статуэтки, буквально изрешеченные глухими отверстиями, проделанными в уже обожженном изделии.

Ничего подобного пока не обнаружилось на керамических фигурах другого усатовского типа, хотя они стилизованы по тому же канону. Отсутствуют также условные знаки-символы, тем не менее, обозначены конкретные вещи – перевязи, чаще всего крестообразные, и прикрепленные к ним фартуки или пояса с рядами лент впереди и сзади. Фигурки стоячие, с заметно расширенными плечами, то абсолютно прямые, то слегка склоненные вперед (рис. 38, 1, 6; табл. 12, 2–3). Это будто обобщенная человеческая фигура, «человек вообще», возможно, образ мертвого или приносимого в жертву человека в том ритуале, который предписывал класть фигурку в погребение, обычно детское, или в жертвенную яму. Примечательно, что эти фигурки, в отличие от статуэток первого типа, представлены в могильниках не только целыми, но и в обломках.

Усатовские статуэтки сравнительно с пластикой Триполья целесообразно расценивать как проявление самобытности и своего рода предел, вершину отвлеченно-символического обобщения сакрального антропоморфного образа. К фигуркам имеет отношение особая категория ритуальных предметов, которую «классическое» Триполье вообще не знает – так называемые кубики.

Кубики. Это монолитные керамические шестигранники, не обязательно идеально правильные, но с прямоугольными гранями и, как правило, орнаментированные (рис. 38, 5). Найдены такие предметы только на городищах. Форма большинства этих изделий, оправдывая их название, действительно близкая кубу, но есть и удлиненные керамические брусочки, «параллелепипеды». Возможно, «кубы» и «параллелепипеды» – это разные типы культовых артефактов, отличающиеся не только морфологией, но и семантической нюансировкой, подобно разным типам антропоморфных статуэток. Глиняная масса кубиков обычно тяжеловесная, повышенной плотности, содержит мелкий песок; примесь толченой ракушки, в отличие от посуды, не отмечена. В один глиняный брусочек перед обжигом была инкрустирована зерновка пшеницы. Изделия крепкие, замечательного обжига, как правило, выдержанные в светлых, преимущественно желтоватых тонах. Есть один черный кубик.

Всегда орнаментированы лишь две смежные грани кубиков (есть 2 исключения, и оба связаны с «параллелепипедами»). Орнамент на кубиках линейно-геоме-

трический – прочерченный, накольчатый или тисненый. Обычно на одной грани нанесена полоса или несколько параллельных полос. На другой грани проведена еще одна полоса в том же направлении, остальные перпендикулярны последней или расходятся в разные стороны наискось, образуя крест. Иногда в промежутки между линейными начертаниями включены зигзаги. Количественное распределение полос по граням соответствует принципу чета – нечета. При этом полос на кубике бывает в сумме 5 или 7. Природа этих чисел хорошо известна: как сакральные они определенно утвердились еще в палеолите (Фролов 1974). Аналогичные числовые структуры встречаются на древних игральных или гадальных кубиках, но более позднего времени, чем Усатово, например, у этрусков (Майяни 1966: 70). На нескольких усатовских кубиках есть окраска охрой. Отмечен также белый заполнитель узоров (паста), характерный и для статуэток. Как и в случае с антропоморфными фигурками, выразительны следы использования кубиков в каких-то магических целях: локальный вторичный обжиг; глубокие выбоины, нанесенные какими-то долбежными орудиями; «изношенные» поверхности – равномерно стертые, с частицами охры, или характерно выщербленные от нажима на что-то рассыпчатое, но умеренно твердое (зерно?). Значит, некоторые кубики, возможно, использовались как магические пестики-зернотерки или словно подвергались ритуальному испытанию, например огнем. Можно предположить, что «кубики» – это символические воплощения некой фундаментальной сущности, не персонифицированной творческой силы, первичной по отношению к антропоморфным фигуркам с «кубическими постаментами».

Керамические фигурки животных в усатовской культуре известны всего в двух экземплярах. Это образцы типично трипольской пластики, как по манере исполнения, так и по материалу (отмученная глина). Обе найденные статуэтки характеризуются условной передачей экстерьера, отсутствием признаков пола. Одна из них определенно напоминает относительно ранние образцы статуэток быков, известные на памятниках Триполья CI и ранней части этапа CII, другая – представляет собой миниатюрное изображение тельца. Есть миниатюрная керамическая поделка в виде букрания. Она показывает, что в усатовской культуре образ быка или синкретического божества с бычьими рогами получил не только монументальное воплощение (каменные букрании).

Другие изделия из глины. На городище Маяки систематически встречаются разрозненные обломки массивных пирамидальных и более редких конических изделий из обожженной глины с растительной примесью. Обжиг почти всегда высокого качества. Возможно, это были очажные подставки типа известных в некоторых синхронных и более ранних культурах (Чернавода I, константиновская культура и др.) или рыболовные грузила. Для оттяжек ткацкого станка эти предметы, кажется, слишком тяжелы, если они вообще имели хоть какое-то практическое назначение. Во всяком случае, ничего подобного в комплексе Усатово – Куяльник нет. Для его городища, в свою очередь, характерны выточенные из черепков плоские кружочки и многоугольники с просверленным отверстием по центру, единичные в Маяках. Наиболее многочисленны кружочки диаметром 10–15 мм из боя «столовой» и «кухонной» посуды. Они некрасивы, и вряд ли использовались как бусы. Назначение этих поделок не ясно, как и асимметричных кружочков большей величины, которые встречаются в разных культурах древней Европы, начиная с неолита, и есть у западных соседей усатовской культуры (Petrescu-Dimboviţa, Dinu 1974: 12, fig.6, 3). Пряслицами большие кружочки не были, поскольку не могли обеспечить

равномерного вращения веретена. К тому же среди них есть образцы без перфорации. Возможно, все это какие-то вотивные предметы, амулеты или счетные «жетоны». Настоящие керамические ролики веретен (пряслица), обычно очень многочисленные в Триполье, в усатовской культуре единичны; форма их биконическая (Усатово – Куяльник). Есть керамическая поделка, напоминающая колесико с выделенной ступицей – деталь модели повозки или тоже пряслице (предмет фрагментарен, Маяки). Видимо, ткачество не было столь популярно в усатовской культуре, как обработка и выделка кож и шкур. В этой связи интересны скребки из черепков, применявшиеся наряду с кремневыми скребками на городище Маяки.

Каменные орудия и оружие. Среди орудий усатовской культуры большую группу находок составляют песты и куранты, овальные и подпрямоугольной формы на обоих городищах, но многочисленные только в Маяках. Относящиеся к этим орудиям нижние плиты зернотерок найдены лишь на городище Маяки, притом исключительно в обломках. Для изготовления зернотерок, по определениям В.Ф. Петруня, в основном использовались «пудингованные» известняки, доломит и грубозернистый ожелезненный песчаник на карбонатно-кремнистом цементе. Судя по петрографии, некоторые зернотерки поставлялись в камне или в готовых изделиях с берегов Днестра в ареале группы Выхватинцы и выше по его течению, что весьма примечательно. Из местных пород сделаны грузила рыбацких сетей, одинаковые на разных городищах (круглые известняковые гальки с боковыми выемками). Реже встречается другой каменный инвентарь: гальки, которыми полировалась глиняная посуда, абразивы, пестики для красок, ретушеры, обломки сверленых топоров. В единственном экземпляре представлена цельная известняковая плита с двумя сильно изношенными рабочими поверхностями для растирания охры (так называемая зернотерка с городища Большой Куяльник – рис. 30, 2).

В особую категорию каменных изделий следует выделить несколько поделок, внешне похожих на оселки с отверстиями для подвешивания. Намеком именно на эту функцию служат их находки в захоронениях с бронзовыми ножами и кинжалами. Трасологи определяют эти подвески как ретушеры. Однако отсутствие на изделиях следов характерной забитости, не всегда подходящая форма (широкая пластина со скошенным и округленным концом), использование ценных пород («яшмовая» галька), позволяют предполагать, что это не только орудия, но и подвески-амулеты.

Интересна поделка длиной 27,5 см из куска на редкость прочного известняка серовато-желтого цвета с красными «подпалинами», похожая на гигантский коготь или кривой однолезвийный нож (рис. 30, 4). Один ее конец, частично отбитый в древности, оформлен как рукоять, расширенная в сторону лезвия. Лезвие, изогнутое в виде крюка и острое, насколько это позволяет порода камня, сломано на конце. Несмотря на значительный вес (1,65 кг), изделие удобно удерживается рукой как вперед острием, так и назад. Силуэтом этот «коготь» напоминает еще крюк или серп, но в отличие от серпа имеет режущую кромку не внутри, а снаружи. Ошибочным представляется ранее высказанное мнение об использовании этого предмета в качестве судового якоря (Патокова 1979: 151). Это, несомненно, какое-то оружие. Данная находка – многозначительная деталь в характеристике такого ритуального памятника, как городище Усатово – Большой Куяльник. Интересны балкано-карпатские прототипы-аналоги усатовского «крюка»: атрибут керамического «бога с серпом» культуры Тиса и серповидные металлические инсигнии нео-энеолита, миниатюрные и «функциональные», медные и золотые (Титов 1980: 354 сл., рис. 214).

Усатово – культура, для которой каменные сверленые топоры не характерны. Имеются единичные обломки, один из которых, однако, найден в погребении (Садовое). Не исключено, что такие находки – повторная утилизация, но не обязательно. Так, например, включение обломков топоров в инвентарь погребений ямной культуры есть основания интерпретировать как сакральную акцию (Иванова, Цимиданов 1999: 6–7).

Кремневые изделия. Самыми обычными усатовскими орудиями из кремня были разного назначения отщепы с ретушью по краю, особенно скребки для шкур и скобели для работы по кости и рогу (Патокова 1979: 20–25; Коробкова 1987: 188–192; Петренко, Сапожников 1988: 37–38). Характерную группу составляют нуклевидные скребки. Скребков в Маяках, по сравнению с Усатово, мало: преобладают скобели, но есть и долота, резцы, пилки, сверла для работы по дереву, кости и рогу, лезвия серпов, немногочисленные наконечники стрел. Заметна тенденция к изготовлению отщепов средней величины, укороченной пропорции. Если получали пластину, то чаще несимметричную, иногда даже с коркой. Примерно треть расщепленного материала в Усатово – Куяльнике подвергалась вторичной обработке, в Маяках – лишь 7%. На края отщепов, осколков и пластин наносилась заостряющая или притупляющая ретушь, но многие использовалось без дополнительной обработки. Нуклеусы, с которых они скалывались отбойниками, в основном призматической формы от 2 до 4 см длины, одноплощадочные и, реже, двухплощадочные. Конические нуклеусы единичны. Кроме сотен небрежно оббитых нуклеусов (только в Усатово – Куяльнике их найдено около 1000), на городищах много неиспользованных отщепов, нерасколотых галек и вполне годных орудий. Это расточительство кажется естественным при обилии сырья (галька) в районах городищ, простоте индустрии и преимущественно сезонном использовании многих орудий (в периоды забоя скота и охоты).

Извне поставлялись пластины днестровского кремня, характерной симметричной формы, или искусно сделанные из них скребки и лезвия серпов длиной 5–15 см, иногда комбинированные с ретушерами, редкие в Усатово и единичные в Маяках. Ближайший район, откуда могли поставляться такие пластины – это ареал выхватинской группы памятников трипольской культуры, и это примечательно, учитывая стойкое направление связей Усатово именно с этой группой (расписная керамика старшей ступени и пр.).

Значительную серию изделий составляют геометрические микролиты в виде трапеций, но есть треугольник и сегменты. Чаще всего они изготавливались из пластин неправильной призматической формы, иногда из пластин с параллельной огранкой и даже отщепов. Треть микролитов лишена признаков утилизации, некоторые трапеции были вкладышами охотничьего оружия, тогда как на многих изделиях есть несомненные следы использования, характерные для жатвенных ножей (Петренко др. 1994). Попытка видеть в усатовских трапециях кавказское влияние вызывает определенные сомнения. Усатово – одна из тех культур, которые последними в Европе пользовались геометрическими микролитами. Важный вклад в изучение усатовской кремневой индустрии внесли трасологи Г.Ф. Коробкова и Г.В. Сапожникова.

Костяные и роговые орудия. Мотыги встречаются лишь как исключение. Отверстия для рукояти в этих роговых орудиях круглые. Мотыги для рыхления земли имели обух как у молота и лезвие, идущее в направлении рукояти. Чаще мотыга конусовидна и столь мала, что могла использоваться разве только ребенком.

Это как будто бы подтверждают детские захоронения с такими мотыжками в Маяках. Очень редки роговые топоры-молоты и небольшие клевцы. Много костяного инструмента, особенно проколок и шильев для работ по коже и сшивания шкур на городище Маяки. Самыми частыми находками являются шилья из расщепленных костей животных, отточенные на абразивах. Иногда это острая рыбья кость. Острыми осколками костей сдирали кору. Имеются также лощила для кожи, шпатели и лощила для работы по глине, ножи для снятия коры, кочедыки. Интересны расчлененные нижние челюсти крупного рогатого скота, ветвями которых (с зубами) удаляли шерсть, жир и мездру со шкур, возможно на каком-то скорняжном верстаке. К этой же категории можно отнести костяные скребковые орудия – многоугольники и овальные пластины из плоских участков лопаток быка.

Орудия и оружие из бронзы и усатовский очаг металлообработки. Бронзовые и медные изделия являются одной из самых выразительных и, одновременно, наиболее сложных категорий материала усатовской культуры. Сложность заключается не только и не столько в явной необходимости привлечения тонких физико-химических методов исследования, сколько в особой семантической и культурологической подоплеке древних металлов (Иванов 1983). Металл – это та точка, в которой сходятся высшие технологические достижения и высшие символические ценности культур, не достигших уровня цивилизации. Отсюда особая значимость металлических вещей как индикатора культурной самобытности производящей среды. Неслучайно именно комплекс бронзовых изделий был главным репером, позволявшим дальновидно держаться понятия «усатовская культура» вместо почти официального «усатовского локального варианта трипольской культуры», и настойчиво помещать Усатово не в энеолит, а в бронзовый век (Черных 1978а; Черных, 1978б: 265 сл.).

Тем не менее, к признанию самостоятельного характера усатовской металлообработки пришли, целенаправленно изучая ее как часть литейно-кузнечного производства Триполья (Черных 1966; Рындина 1971). Обособленность Усатово четко проявилась в типах изделий, их технологии и, особенно, в составе металла, который, в отличие от трипольской меди, оказался архаичной разновидностью бронзы (мышьяковой). Учитывая отсутствие в данном случае, как и в Триполье (на то время), следов металлургии, был выделен не металлургический, а только металлообрабатывающий очаг (Черных 1970). Сначала предполагалось, что в усатовском очаге обрабатывалась сырьевая бронза кавказского происхождения. Но в дальнейшем выяснилось, что усатовские изделия по спектральному составу ближе балканскому металлу, а именно 7-й и, реже, 8-й группе мышьяковых бронз Болгарии, на основании чего последовал вывод об ориентации Усатово на металлообрабатывающий очаг типа Эзеро. Одновременно усатовская культура и ассоциированный с ней очаг обработки бронз были признаны частью Циркумпонтийской металлургической (и культурно-исторической) провинции (Черных 1978а; Черных 1978б: 171). В этом отношении статус усатовской культуры не изменился (Черных и др. 2000). Но предположения об источниках поступления к ней металла стали более осторожными и, соответственно, менее определенными: «чистая» медь – Карпатский регион, мышьяковая бронза – Балканы (но опять-таки Эзеро) и, не исключено, Кавказ (Орловская 1990). Видимо, это еще не окончательный вариант решения.

К сожалению, новых исследований по технологии усатовской металлообработки давно не проводилось (Каменский 1990). Они остановились на признании за усатовской культурой авторства на большинство изделий. Как исключение рассматриваются только ее кинжалы, о производстве которых на месте якобы «не может

быть и речи» (Конькова 1979: 176; Рындина, Конькова 1982). Это созвучно старой гипотезе, согласно которой усатовская культура импортировала металл в готовых изделиях из Эгеиды и западного побережья Малой Азии, в крайнем случае, если не сами изделия, то их шаблоны и сырье для производства на месте (Иессен 1947: 15 сл.). Представляется, однако, что серьезных оснований для постановки вопроса об «импорте» нет (и, если разобраться, то не было и раньше), и речь должна идти о едином комплексе местной бронзолитейной и кузнечной продукции.

Существовал ряд благоприятных условий для размещения на территории усатовской культуры центров кузнечно-литейного производства. Это наличие в близком соседстве с ареалом усатовской культуры меднорудных месторождений (Металлогения 1974: 195; Черных 1976: 19 сл.). Высокая продуктивность экономики, в первую очередь животноводства. Наличие залежей самосадочной соли, которую наряду с продуктами скотоводства, как считали еще первые исследователи усатовских памятников, обменивали на руду и/или металл (Болтенко 1947: 14; Лагодовская 1948: 55). И, наконец, прямая заинтересованность усатовской элиты в таком производстве и расширении притока престижных вещей.

Ассортимент бронзовых изделий усатовской культуры включает такие категории, как топоры, тесла, долота, шилья, кинжалы и ножи, в том числе пока единственный экземпляр тяжелого рубящего оружия, которое ранее среди усатовских древностей вообще известно не было. Втульчатый топор (топор-молот) найден в основном захоронении Александровского кургана (Petrenko, Bejlekchy 2000). Это массивное изделие длиной 119,3 мм, толщиной до 44 мм, весом 728,32 г, отлитое из мышьяковой бронзы и доработанное кузнечным способом (табл. 11, 8). Несомненно, использовалась двустворчатая литейная форма с вставкой-сердечником, открытая для литья в области брюшка. Эти виды литейных форм и полученная с их помощью продукция широко распространены в металлургических и металлообрабатывающих очагах ЦМП эпохи ранней бронзы (Черных 1978б: 136). В частности такие разновидности матриц представлены в постмариупольской культуре (Ковалева 1979: рис. 6). Но они предназначались для получения отливок, которые после кузнечной доработки, вероятно, давали топоры типа Баньябюкк с неравномерно расширяющимся лезвием, или топоры соколовского типа, по В.И. Клочко (Ремесло.., 1994: 105, рис. 30, 1–4). Найти же сколько-нибудь полное соответствие Александровского топора известным отливкам и матричным негативам пока не удалось. В этом изделии удивительным образом сочетаются черты архаичных для Усатово балкано-карпатских медных топоров-молотков и наиболее простых и ранних форм тяжелого рубящего оружия ЦМП. Особый колорит придают находке литые втулочные валики и каннелюра, в несколько ином исполнении известные как типичная деталь топоров средней, а не ранней бронзы. Такого же рода «опережающие» свое время нововведения отмечены на матрицах литейщиков новотиторовской культуры на Кубани (Гей 1986: 24 сл.). Индивидуальные черты в морфологии на таком обширном сравнительном фоне лишь оттеняют узкую культурную принадлежность; то есть, вероятнее всего, топор (топор-молоток) из Александровского кургана следует связывать с усатовским металлообрабатывающим очагом. В случае обнаружения аналогов эта находка может служить эталоном как особый, александровский тип бронзолитейной продукции ЦМП.

Так называемые топоры-тесла усатовской культуры – это относительно немногочисленная категория бронзовых орудий. Известно 12 экземпляров из закрытых комплексов (погребений и культовой ямы) Усатово, Александровского кургана,

могильников Утконосовка, Пуркары и Данку I, не считая случайных находок, на тех или иных основаниях приписываемых этой культуре. Примечательно и, видимо, не случайно, что в список местонахождений тесел пока не входит такой крупный и долго исследуемый памятник, как Маяки. Несмотря на внешнюю простоту такого рода изделий, впрочем, на деле обманчивую, нельзя сказать, что они достаточно изучены и поняты, особенно с функциональной стороны, касающейся способа насадки и практического назначения орудий. В такой ситуации решающим показателем становится продольное сечение: тесло можно отличить от топора по асимметричному профилю (Брей, Трамп 1990: 243). Сечения разных участков орудия, включая лезвия, являются не менее значимыми признаками, чем абрис его фаса, пропорции или размеры.

В коллекции Усатово есть два бронзовых орудия, которые следует определить как плоские топоры, и оба разных типов. Одно из них выразительно похоже на более ранний медный инвентарь культур Триполье и Гумельница (Черных 1978б: табл. II, 9), и в этом можно усмотреть еще одно свидетельство дальнего родства усатовской металлообработки с балкано-карпатским энеолитом. Находка из Русени (Каменский 1990: ан.38018; Dergačev 2002: 22, Taf.16, D), к сожалению, случайная, говорит о появлении сходных орудий из мышьяковой бронзы, не только в усатовской культуре, но и на севере Молдовы.

Собственно тесла усатовской культуры не единообразны по модификации форм и размерам (рис. 39, 6, 12). Одну группу составляют тесла длиной 50–60 мм с лезвиями шириной около 30 мм, тогда как у другой группы лезвия почти вдвое шире (45–55 мм), а длина укладывается в пределы 100–120 мм при практически одинаковой максимальной толщине пластин около 5 мм. Самое легкое из них весит всего 32 г (Усатово I-3), самые тяжелые – 126,1 и 197,34 г (Александровский курган). Единым у них является принцип оформления фасов и лезвия. Одна сторона непременно немного выпуклая, тогда как противоположная плоская. Лезвие в сечении всегда слабее скошено с выпуклой (верхней) стороны орудия, а с плоской нижней гранью образует предельно развернутый угол. Соответственно, сверху ширина полосы заострения значительно меньше, чем снизу. Очевидно, лезвие несло, в первую очередь, режущие функции подобно рабочей кромке стамески, а не долбежные или рубящие, как у долота или топора. Более того, эти морфологические детали, видимо, были настолько принципиальны с функциональной точки зрения, что потребовали введения нового технологического приема, обеспечивающего нужное сечение заготовок тесел при литье в открытую форму. В таких случаях использовалась матрица с плоской крышкой (Каменский 1990: 250). Аналогичные плосковыпуклые заготовки получали и в двустворчатых формах (Конькова 1979: 169). Модификация форм орудий сводится к четырем типам.

Долота в усатовской культуре принадлежат типологически разнообразной, хоть и малочисленной категории орудий. Но для ЦМП ранней бронзы это повсеместно наблюдаемая картина (Черных 1978: 156 сл.; Авилова, Черных 1989: 59). За последнее время количество усатовских долот увеличилось до семи экземпляров (для сравнения заметим, что на всю раннюю и среднюю бронзу Болгарии учтено 14 таких инструментов). Все образцы относятся к единому типологическому разряду (черенковые долота) и все имеют раскованное долбежное лезвие с прямым обрезом, образованное парой секущих плоскостей, сведенных в острый угол (25–40°). Тем не менее, по признакам строения тулова и черенковой части эти орудия отчетливо делятся на три типа. Первый тип долот характеризуется четырехгранным

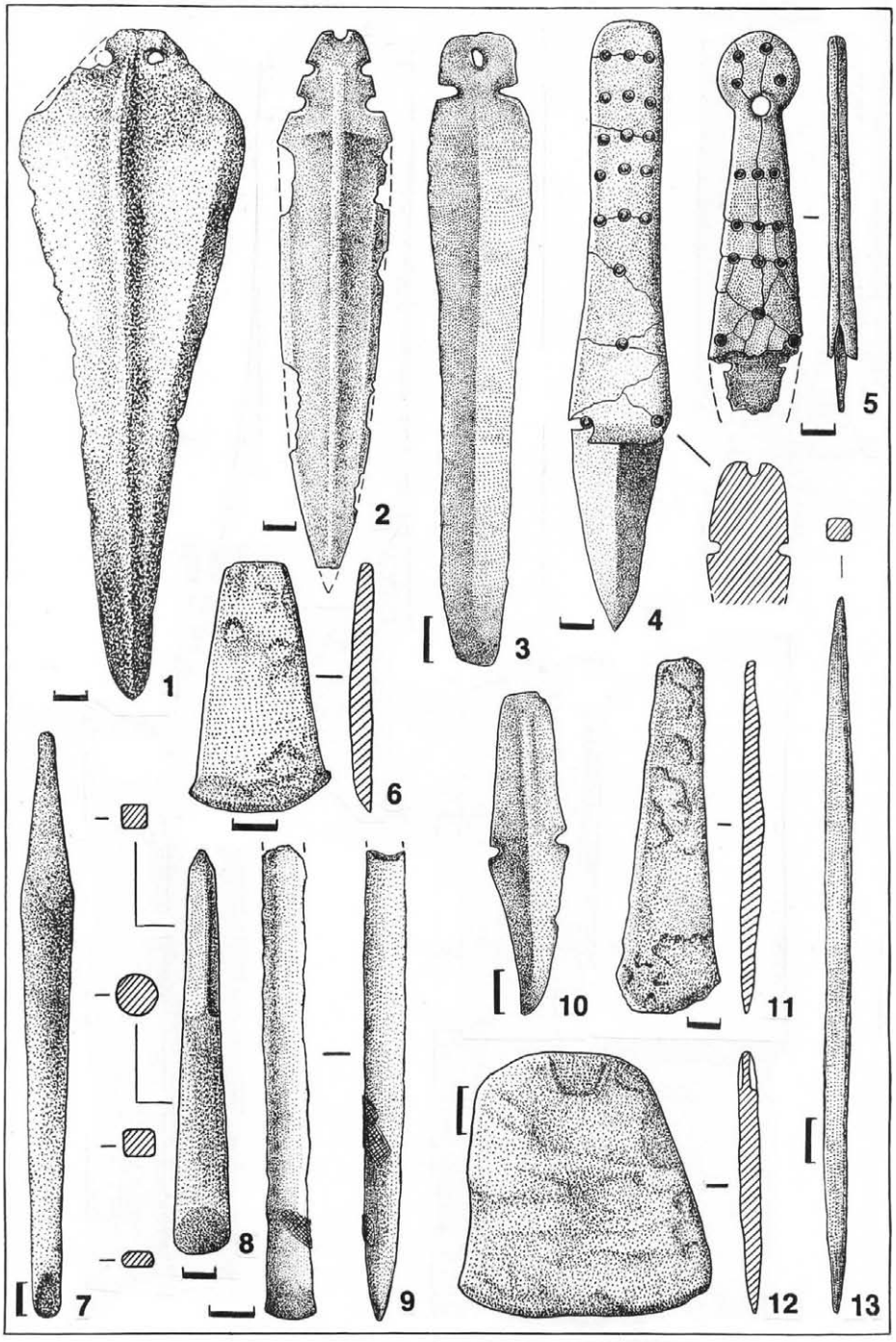


Рис. 39. Образцы продукции усатовского металлообрабатывающего очага

стержнем равномерного сечения, оформлением черенка в форме конического острия. Известны лишь образцы мелкого инструмента, почти идентичные по внешним данным (Садовое 1/21, Пуркары 1/21). Долота второго типа обладают короткой и сравнительно толстой стержневой частью, круглой в поперечном сечении, четырехгранным черенком и характерной сигарообразной формой профиля (рис. 39, 8). Изделия массивны. В ближайшем к усатовской культуре территориальном и хронологическом диапазоне эти долота прямых аналогий пока не находят. Третий тип долот объединяет орудия с удлиненным туловом, заметно расширенным на переходе к черенку и сужающимся к лезвию. От черенка сечение стержня круглое, ближе к лезвию наблюдается легкая четырехсторонняя огранка. Черенок сравнительно короткий (приблизительно четверть длины орудия) и равномерно сводится в острие. Бронзовое долото (0,9% As-лигатуры) длиной 174 мм, весом 105 г, из Усатово, курган I-13, имеет четырехгранный черенок (рис. 39, 7). У миниатюрного дубликата этого орудия длиной всего 70,5 мм, весом 5,41 г, насад круглый в сечении и заканчивается острием, которое слегка загнуто и притуплено (находка во рву № 5 городища Маяки, 2002 г.). Этим усатовским долотам соответствуют «грацильные», типа Д-2, и более массивные изделия типа Д-4, но обычно с квадратным, а не круглым стержнем ранней и средней бронзы Балкан, начиная с древнейшего горизонта культуры Эзеро (Черных 1978: 156), и средней бронзы Малой Азии (Авилова, Черных 1989: 59). Известны такие орудия и в ранней бронзе Карпатского бассейна (Roman 1976: pl. 8,16). Но эти аналогии не решают вопроса о происхождении хронологически явно приоритетных усатовских изделий, а только очерчивают ареал родственных форм. Тем более интересно и важно отметить наличие аналогий значительно восточнее Усатово, но в близкой ему по времени константиновской культуре, обладавшей к тому же собственной металлообработкой (Кияшко 1994: 57 сл., рис. 35, 7).

Шилья принадлежат к самой многочисленной категории металлических орудий усатовской культуры. Среди них нет ни одного экземпляра с круглым сечением, характерным для энеолита (суворовская группа/новоданиловская культура), но нет и орудий с утонченным черенком в отличие от ряда очагов ЦМП эпохи бронзы. Представлены простейшие четырехгранные стержни с одним заострением (тип 1), а чаще с двумя заостренными концами (тип 2), один из которых служил для насадки на рукоять. Видимо, рукояти были деревянные и потому почти никогда не сохраняются. Одно шило из Александровского кургана имеет длину 103 мм, вес 9,4 г. Как исключение выделяется большое шило-штык длиной 160 мм из комплекса Пуркары 1/21 (рис. 39, 13). Аналогичные «штыки» известны в константиновской культуре (Кияшко 1994: 58, 121, рис. 35, 9) и памятниках майкопско-новосвободненской общности (Резепкин 1991: 179, рис. 7, 15). По сравнению с прочими категориями металлических орудий усатовской культуры медь ее шильев, возможно, как функционально наименее ответственных изделий, легирована мышьяком значительно реже и в сравнительно низких концентрациях. У 50% образцов нет даже следов мышьяка. Шилья отливались как в односторонних, так и в двустворчатых формах. Как правило, литые заготовки дорабатывались ковкой, но не обязательно в горячем режиме; проковывался и холодный металл. Кузнечная доработка нередко ограничивалась правкой формы орудия, обходясь без упрочения рабочего окончания. Примечательно, что наряду с литыми изделиями отмечены образцы без каких-либо признаков литой структуры, в значительной степени сформированные ковкой, которая в ряде случаев была даже холодной (Маяки).

При всеобщей трудности в разграничении кинжалов и ножей археологических культур, что подчеркивают даже издания справочного характера (Брей, Трамп 1990: 110), такую грань на усатовском материале все-таки провести можно, не прибегая к двойным определениям типа «нож-кинжал». Кинжал – это колюще-режущее оружие, пусть небольшое, но оружие в первую очередь, и как таковое оно должно иметь особым образом оформленный клинок. В усатовской культуре при одинаковом основном способе крепления кинжалов и ножей (на штифтах через пазы), первые отличаются от вторых, прежде всего, мощностью клинка, усиленной за счет одного или даже нескольких литых ребер жесткости. Показательна также, например, ненужная ножу вогнутость обеих режущих кромок. Длина клинка – тоже признак, но не главный. При почти тотальном отсутствии рукоятей (не сохранились?) то или иное оформление металлических рукояточных фланцев (щитков, черенков) оказывается основным типологическим отличием, как для кинжалов, так и ножей. С этой точки зрения даже так называемые «большие» кинжалы Усатово, не говоря уже о ножах, никак не могут быть признаны однотипными. Кинжалов в усатовском «арсенале» всего 5, ножей втрое больше.

Как кинжал первого типа (тип Усатово 1) целесообразно выделить находку из кургана I-3 Усатово, хрестоматийно известную вещь (рис. 39, 1). Необычайно эффектно серебристое покрытие кинжала (точнее, оливковое, с серебристым отливом). По имеющимся данным, эта декоративная оболочка из соединения Cu_3As получена не плакировкой готового изделия, а в процессе т.н. обратной ликвации при специальных условиях литья (Рындина, Конькова 1982: 35; Рындина 2002: 93). Но покрытие не распространено на фланец, а в одном месте обнажена даже часть плечика. Представляет интерес пара поперечных нарезов на нервюре как возможно свидетельство использования кинжала по назначению (метки владельца?).

Второй тип кинжала, каким мы его знаем по образцу из кургана I-1 Усатово, отличается неповторимым своеобразием. Ущербное нынешнее состояние вещи отчасти компенсируется фотографиями. Предлагается следующая реконструкция. Кинжал имел крохотный, по сравнению с размерами клинка черенковый щиток (фланец) в форме звездочки: «звездочка» получилась после высечки на литом щитке пяти пазов, расположенных розеткой под штифты для рукояти. Дополнительные полукруглые пазы имелись на плечике. Они были необходимы для повышения надежности соединения, не обеспеченной маломерным щитком. Клинок усиливала стержневая нервюра, круглая в поперечном сечении. Уровню напуска рукояти на одной стороне клинка, вероятно, соответствует коррозионная или, скорее, специально прочерченная канавка. Плечики кинжала были крутыми, широкими и выделялись округленными выступами за счет боковых выемок, образующих на клинке как бы перетяжку. За «перетяжкой» снова шли выступы на ширину плечиков, а уже потом начиналось сужение. Специально выделенных лезвийных кромок на клинке не было (хотя их и рисуют в некоторых изданиях). В профиле клинок имеет специфический синусоидальный изгиб. Это должно было усилить боевые качества оружия, прежде всего, его режущие функции. На нервюре кинжала имеется 8 поперечных нарезов, все, кроме одного, четкие. Длина металлической части кинжала была около 225 мм, с рукоятью как минимум 300 мм, при ширине в плечиках до 60 мм.

Кинжалы третьего типа (тип Усатово 3) имеют трапециевидные фланцы с клепочными пазами и узкие прямые клинки, усиленные нервюрой и специальными утолщениями лезвийных кромок. Пазы изготовлялись следующим образом. В наме-

ченных местах литой заготовки пробивались круглые отверстия. Затем зубилом обрубались перемычки. Таким же методом действовали, делая нож. Пазы позволяли лучше, чем отверстия, подгонять рукоять, и делали соединение более жестким за счет выноса крепежных деталей на периметр металлической части ножа или кинжала. Видимо, количество пазов в какой-то мере зависело от величины изделия. Легкий кинжал типа 3 весом 29,56 г, длиной 133 мм, из культовой ямы кургана Усатово I-9 снабжен двумя пазами. У однотипного кинжала длиной 165 мм и весом 52,25 г из комплекса Утконосовка 5/4 пять таких пазов по краям фланца (рис. 39, 2). Оба варианта, несомненно, относятся в усатовской культуре к разряду самой высокотехнологичной литейно-кузнечной продукции. Первый образец отлит из трехпроцентной мышьяковой бронзы. Второй кинжал отличается еще более качественным составом сплава. Внутренний слой изделия содержит до 5,5% мышьяка, и до 20% в наружном покрытии серебристым соединением Cu_3As (Рындина, Конькова 1982: 39). Эта зональная плакировка, нанесенная диффузионным способом (Рындина 2002: 93), отчетливо видна на значительных участках клинка и местами на рукояточном фланце. Вместе с этим кинжалом in situ найдены бронзовые заклепки его рукояти, которая, вероятно, была деревянной и потому не сохранилась.

Нерушайский тип ножей, название которому предложил И. Вайсов (Vajsov 1993), в усатовской культуре самый многочисленный и характерный (8 экз.). Все они небольшие, имеют рукояточные фланцы, полукруглые или трапециевидной формы, обычно в 3-4 раза короче клинка. Клинок треугольный, прямой или иногда слегка изогнутый, и непременно отделен от черенка полукруглыми крепежными пазами (ножи «с перехватом», по Е.Н. Черных). Если пазов 3, то один из них помещен в начале черенка, если же четыре, то они идут по бокам черенка попарно. Есть нож, у которого клинок имеет пару «ранящих» зазубрин (курган I-6 Усатово). Тело клинка всегда утолщается от краев к середине за счет выпуклостей сечения; нередко таков и фланец. Когда осевая линия утолщения выделена, нож в поперечном сечении ромбовидный, и только на двух-трех экземплярах после сильной и аккуратной кузнечной оттяжки лезвий утолщение читается как широкая прямая полоса, но не обязательно с обеих сторон изделия (Александровский курган, курган I-6 Усатово). Длина ножей укладывается в пределы 70–115 мм при весе от 16,5 до 28,95 г. Они характеризуются разным составом металла, но одной технологической схемой: литье, доработка заготовки горячей ковкой, упрочняющий наклеп почти остывшего металла (Конькова 1979: 175). При этом в Маяках представлена «чистая» медь, а бронза, как и в могильнике Данку I (Дергачов 1978а: 62), легирована мышьяком менее чем на 1%. В тоже время ножи нерушайского типа в Усатово содержат по 3% мышьяковой лигатуры. Некоторые из них, подобно кинжалам, отличались серебристым покрытием, как показал экземпляр из кургана I-4 (Драко 1940).

Вариант ножа нерушайского типа или самостоятельный тип (тип или вариант Маяки, из комплекса Маяки IV/13) представляет собой нож с двумя пазами, которые делят его металлическую часть длиной всего 75 мм, ромбовидную в поперечном сечении, ровно пополам на искривленный клинок и черенковый фланец (рис. 39, 10). Трудно сказать, с чем мы в данном случае имеем дело – с кривым черенковым ножом, усиленным пазами для вставки крепежных элементов рукояти, или с крохотной копией реально существовавшего клинкового оружия, на котором пазы имели не крепежное, а боевое назначение. Возможно, и с тем и другим одновременно.

Необходимость выделения ножей пуркарских типов (типы Пуркары 1 и 2) вызвана, соответственно, находками в могильнике Пуркары, настолько они вырази-

тельны и своеобразны. Длинный обоюдоострый клинок ножа первого типа (тип Пуркары 1), ромбовидный в поперечных сечениях, незначительно сужается к сильно изношенному, но не обломанному острию (рис. 39, 3). Он тонкий и для колющего удара непригоден. Фланец по сравнению с клинком необычно мал, отделен от него двумя шпоночными пазами и центрирован отверстием под еще одну шпонку, которая в отличие от двух других сохранилась (дерево). Бронза легирована мышьяком на 4,9%, как у кинжалов (Яровой 1990: 65–66, рис. 28, 3; Каменский 1990: табл. 1, ан. 38000).

Тип Пуркары 2 дает нож в форме сужающейся продолговатой пластины с прямыми боковинами, чуть вогнутой пяткой и округленным концом. Е.В. Яровой считает, что рукояткой ножа являлась верхняя расширенная часть клинка, обмотанная несколькими слоями матерчатой ткани (Яровой 1990: 62–64, рис. 27, 2; Каменский 1990, табл. 1, ан. 37999). Скорее к этой, чем к предыдущей типологической разновидности, относится нож с выемкой или отверстием под штифт в пяточной части, найденный в соседнем с Пуркарами Тудоровском могильнике (Мелюкова 1962: рис. 21, 4). Впрочем, не исключено, что это какой-то аналог ножей, известных как тип 8 средней бронзы Малой Азии (Авилова, Черных 1989: 51, рис. 5). У ножа из могильника Пуркары обращает на себя внимание уровень легирования мышьяком (7,8%), один из самых высоких в группе усатовских бронз. Достаточно высок он и в бронзе ножа из Тудорово (3%).

Тип Кошары объединяет черенковые ножи, известные в усатовской культуре по экземпляру плохой сохранности из могильника Маяки (Патокова и др. 1989: 56, рис. 15, 3) и превосходному ножу с костяной рукоятью из могильника Кошары II (Петренко 2012).

Итак, выделяются 3 типа кинжалов и 5 типов ножей усатовской культуры. Какого происхождения эти вещи? Есть ли среди них импорт, и откуда? Южное направление поиска представлялось первым исследователям Усатово очевидным. Кинжалы, особенно длинные превосходной работы клинки, расценивались, прежде всего, как указание на источники поступления в Усатово металла вообще: западный берег Малой Азии, острова Эгейского моря, Крит (Болтенко 1945: 40 сл.; Иессен 1947: 14–18; Лагодовська 1953: 99; Патокова 1959: 91, 96). Критские аналогии стали главными после того, как с ними вышли на минойскую периодизацию в качестве хронологического репера для Усатово и Триполья (Пассек 1949: 210). В.Г. Збенович расширил круг таких аналогий за счет памятников островной и материковой Греции II раннеминойского и I среднеминойского периода, постулируемый импорт свел к «большим» кинжалам, а малые изделия (ножи) связал с местным, собственно усатовским производством (Збенович 1966; Збенович 1974: 72–74, 118–120). В конце концов, вопрос о «минойском импорте» в Усатово решительно закрыли Н.В. Рындина и Л.В. Конькова. Они обнаружили непозволительную неточность прежних аналогий и, сравнивая материал по функционально и типологически ответственным признакам, пришли к выводу о происхождении «больших» усатовских кинжалов из Западной Анатолии второй половины III тысячелетия до Р.Х. Менее эффектный бронзовый усатовский инвентарь (ножи) они, как и В.Г. Збенович, признали местным (Рындина, Конькова 1982). Эти заключения какое-то время казались неоспоримыми (Патокова и др. 1989: 101). Тем не менее, вывод о месте и времени появления прототипов «больших» кинжалов приходится квалифицировать как некорректный, но не столько из-за несходства сравниваемых вещей (для кинжала типа Усатово 2 это теперь очевидно), сколько из-за их принципиальной хроноло-

гической несовместимости. В этом нетрудно убедиться: достаточно ознакомиться с фундаментальной систематикой металла Малой Азии (Авилова, Черных 1989) и посмотреть, как датируются памятники, дающие аналогии усатовским кинжалам, прежде всего Троя II, по каталогам радиоуглеродных дат (Черных и др. 2000; Wagner u.a. 2003: 125). Если отвлечься от самых простых форм (тип Кошары, тип Пуркары 2), как широко распространенного явления в Циркумпонтийской провинции, то оказывается, что ни в ранней бронзе, ни тем более в энеолите Малой Азии искомых аналогий нет. Соответствия приходятся на период средней бронзы и касаются двух из трех типов усатовских кинжалов: типа Усатово 1 и типа Усатово 3. Если продолжать настаивать на неслучайном характере проводимых параллелей, то генетическую цепочку следует тянуть не от Трои и памятников ее круга к Усатово, а в обратном направлении (Anthony 1996: 61). Таким образом, версия «южного» происхождения усатовских кинжалов отпадает как в ее крито-минойском, так и в анатолийском варианте.

Как альтернатива средиземноморским параллелям сложилась версия центрально-европейского происхождения «трипольских» кинжалов, то есть усатовских, софиевской группы и более ранних форм времени Кукутени В. Поиск логично сосредоточился на Карпатском регионе, где еще Й. Гиллебранд выделял прототипы древнейших металлических ножей и кинжалов Европы, возникшие, с его точки зрения, как воплощение в меди энеолитических и поздненеолитических кремневых ножей (Hillebrand 1929: 32). Эти прототипы, принадлежащие культуре Бодрогкерестур, стали начальным звеном типологической цепи, которую составил Н.М. Шмаглий. Он считал, что трипольские ножи и кинжалы, включая Усатово, дублируют развитие этих орудий и оружия в Карпатском бассейне, и в массе являются продукцией производственных центров Семиградья (Шмаглий 1967). М. Новотна, не касаясь простых форм (ножей), видела в Усатово одно из ответвлений типологического ряда древнейших кинжалов Карпатского региона, имеющих в целом местное происхождение, уточнить которое для того или иного конкретного типа нет ни малейшей возможности (Novotn? 1982). С медными ножами культуры Бодрогкерестур первой половины IV тысячелетия до Р.Х. связывает происхождение кинжалов Центральной и Юго-Восточной Европы И. Вайсов. Усатовские кинжалы он относит к северо-понтийской группе и предполагает их производство в границах восточной части Карпатского региона (Vajsov 1993). На центрально-европейском происхождении усатовских кинжалов настаивает И. Матушик. Среди них он выделяет по способу крепления рукояти два вида: кинжалы «с зарубками» и кинжалы с отверстиями для заклепок. Последний вид он делит на тип «Кукутени» и тип «Усатово». Опираясь на уникальность технологии кинжалов Усатово (серебристая плакировка), И. Матушик тоже предполагает отдельный, «усатовский» центр их производства (Matuschik 1998).

Технологическое совершенство усатовских кинжалов, особенно серебристое покрытие, долгое время было для исследователей тем принципиальным моментом, отталкиваясь от которого, какая-либо возможность связать их производство с усатовской культурой отвергалась (Конькова 1979; Рындина, Конькова 1982). Однако с открытием серебристых плакировок на оружии Палестины (Shalev 1988), Западной Европы (Badd 1991) и бронзах Северного Кавказа (Рындина 2002) эта черта усатовского оружия теряет статус неповторимости, хотя, кажется, пока сохраняет за собой хронологическое первенство. Остается типологическая сторона, своеобразие которой очевидно. Где же могли производиться кинжалы Усатово? Вероятнее всего, в

Северо-Западном Причерноморье. Так думают и другие исследователи (Клочко 2006: 54).

Украшения. Это категория предметов, которые, несомненно, обладали не только эстетической и престижной, но также и высокой сакральной ценностью. Возможно, среди них есть и «космические» символы, столь характерные для древности (Фрейденберг 1968: 71). Основные разновидности усатовских украшений – это ножные браслеты из особых оленьих зубов (гранделей), бусы, височные кольца. Серебряные и бронзовые височные кольца из проволоки, круглой в сечении, имеют от полутора до шести оборотов спирали. Не исключено, что это древнейшее серебро Украины связано по происхождению с месторождениями Балкан или даже Эгеиды. На южное («эгейское») направление связей Усатово указывают многочисленные бусины цилиндрической формы из кораллов отряда Gorgonarium, добытых где-то в районе Мраморного или Эгейского моря (Петрунь 1995). В ожерельях эти бусины цвета слоновой кости (исходно белые?) чередуются с черными бусинами, выточенными из гагата (лигнита). Бусы из шлифованной кости и мраморовидного известняка немногочисленны. Всего одна бусина – янтарная, красно-медовая, в форме колечка (Усатово). Этот янтарь не обязательно с Балтики, ведь гораздо ближе к Усатово лежит континентальный «янтарный пояс» из месторождений Восточных Карпат (Фракей 1990: рис. 10, 1), Волыни и Поднепровья (Сребродольский 1988: 15–17). На охваченной этим «поясом» территории можно было найти и залежи так называемого черного янтаря – гагата (лигнита). Такой «бижутерии» в элитных усатовских погребениях найдено немало. Она чрезвычайно интересна своей загадочной технологией: как получали идеально правильные цилиндрические бусинки, скажем, высотой и диаметром не более 4–5 мм с точнейшим осевым отверстием, с помощью металлических полых и стержневых сверл?

Бисерной расшивкой шапочки или налобной ленты (Александровский курган) и небольшой низкой (Садовое) представлен фаянс, т.е. недоваренное стекло, как показали аналитические исследования (В.Ф. Петрунь). Но есть и уникальные бусины из настоящего стекла – молочно-белая и винно-розовая. Наряду с аналогичными находками из могильника Софиевка – это древнейшие стеклянные изделия, по крайней мере, на территории Европы (Патокова и др. 1989: 102; Островерхов, Петренко 1990; Островерхов 1985; 1997).

Не имеющими отношения к «высоким технологиям», но повсеместно ценимыми в древности украшениями-амулетами были грандели (Todorova 2002: 187). Это зубы особой «капельной» формы – неразвитые верхние клыки благородных оленей (Cervus elaphus L.). Таких рудиментов всего 2 у каждой особи, и не удивительно существование костяных реплик гранделей, отмеченных Х. Тодоровой. Если усатовские грандели все «неподдельные» (вопрос не изучен), то самые престижные комплексы демонстрируют примерное равенство в обладании соответствующими трофеями – как минимум от 25–30 особей в каждом случае. Это ножные браслеты «жреца», погребенного в центре кургана № II-2 Усатово (ср. Селинов, Лагодовская 1940: 248), ножные браслеты «инфанта» в Александровском кургане и погребальное приношение в Тудорово (Мелюкова 1962: 71, рис. 25, 1).

Экономика усатовской культуры находилась в определенном равновесии, сочетая земледелие и развитое скотоводство с охотой и рыболовством. Выращивали, как об этом свидетельствуют палеоботанические определения, обычное метельчатое просо, древние виды пшеницы – эммер (полбу) и однозернянку, пшеницу мягкую/кар-

ликовую, голозерный ячмень, горох и вику (Кузьминова, Петренко 1989; Патокова и др. 1989: 118). Есть свидетельства относительно ведущей роли проса в усатовском земледелии, тогда как за степью, на трипольских полях, господствовали пленчатые пшеницы и ячмени. Быстро вызревающее и чрезвычайно выносливое просо было излюбленным хлебным злаком скотоводческих народов (Вавилов 1987: 65).

Состав стада был приспособлен к условиям окружающей среды и типу скотоводства, которое, видимо, было в основном отгонным, полукочевым. Среди костей домашнего скота в незначительном количестве есть свинья, козам и очень многочисленным овцам принадлежит от 57 до 70% особей, а крупный рогатый скот и конь стояли на втором месте. Скотоводство носило специализированный характер. «Некочевой» скот содержался на месте, при поселениях. Овец и лошадей скотоводческие группы могли отгонять на значительные расстояния, ведя полукочевой образ жизни или осуществляя так называемый трансгумант с присущим ему распределением пастбищ в зависимости от сезона в долинах рек и на степном плато. В подвижном скотоводстве этого класса скотоводы интегрированы в земледельческие общины и не составляют самостоятельных социальных организмов (Калиновская 1989).

Охотились на всякую дичь, в основном на те виды копытных, которые чаще встречались и давали больше мяса (дикий осел, олень и тур). На лисиц усиленно охотились как на вредителей, ради меха, или преследуя обе эти цели. В Маяках активно отстреливалась разная птица, в том числе виды, которые кажутся нам несъедобными. В Усатово – Куяльнике ее остатков почти не имеется, хотя городище лежит на пути сезонных перелетов птиц. Возможно, это связано с разной сезонностью и функциональной направленностью памятников (Усатово, Маяки). Рыболовство процветало на такой большой реке, как Днестр. Ловились преимущественно сомы, среди которых попадались особи длиной до 270 см, и ценные породы анадромной рыбы в периоды ее сезонных миграций, в частности осетры (Збенович 1974: 116; Патокова и др. 1989: 123).

Эта комплексная многоотраслевая экономика сложилась, скорее всего, в результате объединения в единый социальный организм земледельческих общин и скотоводов и совместной выработки оптимальной экономической стратегии.

Периодизация. Выделяются 3 ступени развития усатовской культуры, намечающаяся архаическая ступень, и две последующие – старшая (ранняя) и младшая, или поздняя. В пределах же старшей ступени среди относящихся к ней материалов тоже видны более ранние и более поздние, но не всегда четко.

Выделение архаической ступени основывается, в первую очередь, на материале Усатово–Куяльника: наличии в слоях городища трипольских черепков периода более раннего, чем Триполье CII, а также на наблюдениях над типологией керамики из теста с примесями, впервые основательно проведенными в работах Э.Ф. Патоковой (1978). Востребованными оказались и некоторые стратиграфические наблюдения М.Ф. Болтенко (хотя, как представляется, исследователь склонен был их абсолютизировать). Осторожно отбирая керамический материал некоторых вариантов и типов, можно составить предварительное представление о том, что собой представляет в данном отношении первая фаза культуры в Усатово–Куяльнике (рис. 35). К этой фазе (ступени) относятся и некоторые древнейшие погребальные мемориалы Усатовского некрополя. В первую очередь, это – курган I-9, вопрос об энеолитической датировке которого поставлен давно (Петренко 1993), однотип-

ный недавно исследованный курганный комплекс Холодная Балка (Петренко 2010) и некоторые другие памятники.

Старшая ступень очень важна. Это основное «археологическое время» существования Усатово – Большого Куяльника. На протяжении этого периода усатовская культура распространилась по обоим берегам Днестра, утратила керамику с грубой фактурой, и, похоже, за счет деятельности центра типа Маяки, развила тонкую лощеную посуду, не слишком характерную для собственно Усатово. В это время употреблялась расписная трипольская посуда выхватинского типа (рис. 36). До конца этой ступени культура лишилась своего главного ритуального центра. Причины этого нам неизвестны. Но с его забвением ушла широта внешних связей, и это ясно видно по тому, что в погребения новой знати перестали попадать всякие экзотические и раритетные вещи наподобие стеклянных бусин, алебастровых амулетов или «серебристых» кинжалов.

К младшей ступени усатовской культуры уверенно можно отнести только памятники правобережного Приднестровья (Пуркары, Садовое и др.). Левый берег Днестра археологически сейчас изучен настолько, что можно настаивать на неслучайном характере наблюдаемых территориальных изменений. Усатовская культура на младшей ступени радикально сокращает свое «жизненное пространство». У северных соседей тоже произошли изменения. Вместо памятников выхватинского типа появились поселения типа Кирилень (Бикбаев 1994), и соответствующим образом поменялась «мода» на расписную керамику в степи (Петренко 1994). Собственно усатовская керамика этого времени не лишена новизны (рис. 37). Многие сосуды большие, эстетичные и крепкие. Но из культуры почти уходит в прошлое лощеная посуда, хотя сохраняется ее орнаментальный стиль. Почти ничего не известно о том, какова была на младшей ступени антропоморфная пластика. Кроме одного погребения (Садовое), неизвестно ни одного надежно датированного комплекса с антропоморфной пластикой поздней усатовской культуры. В данном случае статуэтки представляли собой вариант самого многочисленного типа усатовских терракот, но с некоторыми примечательными особенностями, сближающими эти находки с пластикой группы Фолтешть (фигурки, испещренные отверстиями).

Датировка. Усатово и памятники его круга датируются в пределах 3500–3000 гг. до Р.Х., по собственным калиброванным радиоуглеродным датам (Петренко, Ковалюх 2004; Ковалюх, Відейко 2007; Петренко, Кайзер 2011). Даты еще будут уточняться, так как среди них есть немало противоречивых и даже откровенно некорректных определений, которыми лучше, конечно, пренебречь. И едва ли усатовская культура имела пятисотлетнюю продолжительность (ср. Черных, Орловская 2004: рис. 6). Исходя из типологических соображений, можно допустить хронологические рамки в полтора-два, от силы в два-три века. Пока не получены данные, позволяющие оценить влияние резервуарного эффекта на даты усатовских памятников, можно опереться на внушающие в этом отношении доверие радиоуглеродные даты румынского эпонима культуры Городиштя–Гординешть (Mantu 1994: 127). Они указывают на 31–30 вв. до н.э. как на terminus ante quem усатовской культуры по калиброванной, «исторической» шкале. На это время приходятся и самые надежные ранние даты, полученные для памятников ямной культуры дендрохронологическим методом (Nikolova, Kaiser 2009).

Социальная организация и происхождение. Известно, что основной связующий фактор культуры – это социальная организация. Группа, оставившая ком-

плексы Усатово, в системе однотипных памятников выступает как наиболее социально значимая. Символическими выражениями власти и статуса различных категорий вождей были размеры, планировка и стиль конструкции гробниц, петроглифические знаки на их фасадах, монументальность погребальной архитектуры. Усатовская элита, несомненно, обладала собственным стилем и, вероятно, играла весьма весомую роль в культурогенезе региона.

В настоящее время можно выделить два района концентрации захоронений усатовской знати: район Одесских лиманов (Усатово, Александровка) и правобережье Нижнего Днестра (Пуркары, Тудорово, Садовое). Первый из них по времени в целом старше второго, в основном представленного захоронениями младшей ступени усатовской культуры. Тем не менее, элитным погребениям этих районов присущ единый и довольно стабильный комплекс признаков (поразительно похожи, например, по манере оформления разновременные «аристократические» захоронения в Александровке и Пуркарах). Это наводит на предположение о принадлежности захоронений одному элитному клану, единой «династии» с определенной субкультурой.

До сих пор тип общества усатовской культуры определялся как военная демократия (кажется, первым это предположил И.Т. Черняков). Но более адекватными представляются социальные модели ранних комплексных обществ (Массон 1992). Сопоставляя и анализируя с этой точки зрения усатовские памятники, можно выделить две страты – ранжированную аристократию и своеобразный плебс. Монументальные центры типа Усатово и Александровки дают основания предполагать довольно высокую степень сакрализации власти, ее наследственный характер. Важными являются также показатели высокого уровня организации производства (прежде всего, в сфере металлообработки) и товарно-обменных связей. Эпонимное Усатово структурно выделяется как ритуальный вождеский центр.

В ранних комплексных обществах (РКО) интегрирующая роль принадлежит главным образом элите, контролирующей ресурсы, информацию и рабочую силу и концентрирующей в своих руках власть и ценности (Массон 1991а; Березкин 1991, 1995). Усатовская культура по своим социологическим признакам вполне вписывается в круг РКО (Петренко 2003). Она из тех культурных образований, чей генезис нецелесообразно изучать отвлеченно от их социальных моделей. Интуитивно это понял еще полвека назад классик археологии Г. Чайлд. Формулируя свою гипотезу культурно-генетической сущности памятников усатовского типа, он говорил о трипольских земледельцах, подвластных иноплеменным вождям-скотоводам – «pastoral overlords» – представителям культур боевых топоров или «охровых могил» (Childe 1950, 1958).

Очевидно, такой «генетической» модели должен соответствовать некий особый вид социальной организации, сплотившей, и притом на условиях неравноправия, группы носителей разнородных культурных традиций. Обращаясь к материалу, мы видим четкие свидетельства социальной стратификации, выявленные еще первыми исследователями на титульном усатовском памятнике (Селинов, Лагодовская 1940; Збенович 1974). На нем же, пусть и не в полном объеме, но выделен определенно ямный компонент – антропоморфные стелы (Субботин, Петренко 1986) и одна типичная категория погребений «вождей» (Петренко и др. 2003). Не удивительно, что «усатовская» гипотеза Г. Чайлда, в свое время проигнорированная, в конце концов, стала находить последователей (Anthony 2008). Однако происхождение компонентов усатовской модели, ее «силовое поле» не совсем такое, как представлял себе классик.

Усатовскую культуру по характеру ее экономики, по составу материального комплекса можно в общих чертах определить как следствие (археологическое отражение) совместной деятельности носителей двух хозяйственно-культурных традиций – сегментов скотоводческих и оседло-земледельческих обществ. Однако лишь с первой из этих составляющих определенно соотносится та двухкомпонентная стратифицированная социальная структура, которая засвидетельствована усатовскими могильниками (полнее всего – «полями погребений» при городищах).

На усатовских могильниках принадлежащие разным стратам объекты противопоставлены как: священные курганы-жертвенники – грунтовые захоронения и культовые ямы; прямоугольные погребальные ямы – овальные и прочие ямы (в том числе подбойные); сопроводительный инвентарь «богатый» – «бедный». Интересна и весьма показательна иерархия керамических сосудов по признакам качества и объемам, преимущественное сосредоточение в курганах стел, металлического оружия и орудий, украшений-амулетов, расписной керамики. Соотношение статусов этих двух групп выражено как противопоставление «знатных», «отмеченных свыше», «избранных» «простолюдинам». Но, возможно, различие лежит и глубже – это разные этносоциальные группы: господствующая (патроны) и подчиненная (слой клиентов). По крайней мере, налицо культурные различия между стратами.

Что касается элитной усатовской страты, то принадлежащие ей погребения – это «ямники» (если основным критерием культурной принадлежности считать признаки погребального обряда, а не инвентарь). Главное их отличие от «классических» ямных комплексов, в конечном счете, сводится к посуде, которая у подвижных скотоводов будет обычно та, какая им достанется от контактирующих с ними оседло-земледельческих структур. Представлены две обрядовые группы. Доминируют погребения, скорченные на левом боку. Кроме того, есть скорченные захоронения на спине (вне Усатово их выделяют как постстоговский, или катаржинский тип). Среди присущих страте антропоморфных стел исключительно интересен образец «портретной» статуи (рис. 34, 2) того редкого типа, который отмечен и в обычных ямных комплексах, не связанных явным образом с Усатово или с какой-нибудь иной «культурой».

Вторая страта по обряду отчасти сродни элите, но в основном ее погребения, особенно в Маяках, идентичны ведущей разновидности комплексов так называемого хаджидерского типа (появившимся в степях значительно раньше Усатово). Как и в предыдущем случае, вне усатовских центров эти погребения не проявляют устойчивой связи с усатовской керамикой и вообще редко сопровождаются сосудами. Часты отличия «самостоятельных» захоронений в деталях обряда (положение скелетов на правом, а не на левом боку). Таков, например, условно усатовский могильник Ясски (Петренко, Алексеева 1994).

Кроме этих двух, существовал, по-видимому, еще и третий, самый нижний слой «усатовской» иерархии. Он состоял, по мнению Е.Ф. Лагодовской и В.И. Селинова, из патриархальных рабов. Гипотеза заслуживает самого серьезного внимания (несмотря на то, что в ее пользу невольно был использован сомнительный материал, – скорее всего, вообще не усатовские погребения). В «низах» мог оказаться, прежде всего, оседлый контингент, в наличии которого сомневаться не приходится, хотя мы и не знаем его поселений. Поликультурное земледелие, многочисленная и разнообразная посуда, в том числе масса громоздкой утвари, совершенной и разной по стилям и технологиям, культовая пластика – свидетельств достаточно. Но есть еще и обрядовые городища, чьи сооружения, специфический

габитус находит аналогии в Триполье и дунайских общностях. Типы усатовской керамики роднят эту группу, в первую очередь, с носителями культуры Чернавода I.

Есть признаки того, что сформировавшиеся из разнородных, ранжированных частей (пар или троек) «классовые» общества (общины) усатовской «культуры» образовали иерархически организованное объединение, быть может, вождество. Этот вопрос нуждается в углубленном изучении.

Каждая община имела свой обрядовый центр. Первым по рангу и времени возникновения был центр с городищем Усатово – Большой Куяльник, вторым – Маяки. Весьма вероятно, что в Приднестровье существовали и другие центры, аналогичные Маякам. Примечательно, что ранговое различие этих центров фиксируется на уровне высшей страты: по масштабам затратных сакрально-обрядовых сооружений (в частности курганов, изобилующих в Усатово сакральными символами), по несопоставимо разной обеспеченности металлом и неметаллическими раритетами, по некоторым существенным пищевым различиям и пр. За этим ранжированием, наверное, стоит деление на высшие и низшие роды, осуществлявшееся у скотоводов, как свидетельствует этнография, по патриархально-генеалогическому принципу (Калиновская 1989). Формой социальной зависимости в Усатово, скорее всего, была ее характерная архаичная форма, по сути близкая рабству – клиентела. Основные ресурсы этой системы, вопреки предположениям Д. Энтони (Anthony 2008), находились на месте, в степи, а не за ее пределами, в Триполье. Впрочем, не исключено, что наиболее могущественными и мобильными скотоводческими подразделениями Усатово одновременно патронировались и лесостепные общины земледельцев – т.н. выхватинская и недавно выделенная кириленская группа (Бикбаев 1994). Во всяком случае, основной массив расписной керамики в усатовском культурном комплексе связан именно с этими группами.

Завершая очерк, посвященный усатовской культуре, следует еще раз отметить ее важную роль в формировании бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Нисколько не сомневаясь в правомерности выделения усатовских памятников как археологической культуры, целесообразно подчеркнуть определенное несоответствие, недостаточность понятия «культура» применительно к памятникам усатовского типа в культурологическом плане. Скорее, это культурная группа – сравнительно самостоятельное структурное образование, специфически характерное для контактных зон древних культур (Козак 1990: 44). Ее генезис тесно связан с процессом формирования ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века. Усатовская «культура» есть частное, кратковременное, но чрезвычайно яркое проявление многовековой системы взаимоотношений оседло-земледельческих и скотоводческих обществ энеолита – ранней бронзы. Модели этих взаимоотношений устойчиво повторялись и в последующие эпохи, уже при иных условиях и на иных уровнях развития сторон.

ЯМНАЯ (БУДЖАКСКАЯ) КУЛЬТУРА

История исследования. Памятники ямной культуры Северо-Западного Причерноморья являются составной частью грандиозного явления, которое получило в научной литературе название ямная культурно-историческая область (общность). Именно с нею связан расцвет курганного строительства в степной зоне Восточной и Юго-Восточной Европы. Выделенная В.А. Городцовым около 100 лет назад (Городцов 1905), ямная культура к настоящему времени представлена многочисленными захоронениями и редкими поселениями и стойбищами. Область распространения этих памятников граничит с Притобольем на востоке и рекой Тиса на западе. Северная граница памятников ямной культуры доходит до широты Киева, верховьев Дона, Самарской Луки на Волге. Основными «культурообразующими» чертами выступают курганное строительство, прямоугольные погребальные камеры, порой с уступом, каменное и деревянное их перекрытие. Умершие расположены в скорченном положении на спине (реже – скорченно на боку, с наклоном набок). Традиционным в погребальном ритуале является использование охры, растительных подстилок и циновок. Погребальный инвентарь встречается относительно редко, в нем преобладает керамика.

Н.Я. Мерперт впервые очертил древнеямную культурно-историческую область (КИО)[1], которую прежде обобщенно связывали с Волго-Днепровским междуречьем, отодвинув западную границу ямной культуры до Подунавья (Мерперт 1968: 7; 1974: 12–13). Исследователем были выделены внутри нее девять локальных вариантов[2]. Памятники ямной КИО в целом были разделены на три хронологических периода, основанием для этого послужило сопоставление обрядово-стратиграфических групп. По его мнению, самый ранний «общедревнеямный» горизонт отображал единство памятников на всей территории ямной культурно-исторической области, к нему были отнесены подкурганные захоронения в прямоугольных ямах со скорченными на спине скелетами, окрашенными охрой, ориентированными на восток. На протяжении второго периода складываются локальные варианты, имеющие свои отличия и особенности, третий период характеризуется катакомбным влиянием, формированием памятников ямно-катакомбного типа и, в конечном итоге, исчезновением ямной культурно-исторической области. Исследователем устанавливалась синхронность хронологических этапов с теми или иными археологическими культурами Восточной Европы. Предполагалось, что Волго-Уральские степи, где ямная культура фиксируется в наиболее «чистом» виде, являлись прародиной ямных племен, распространившихся оттуда на обширные территории в западном и юго-западном направлениях (Мерперт 1974). Часть археологов (вслед за М. Гимбутас) предполагает несколько волн разрушительных вторжений с востока, через территорию Северо-Западного Причерноморья, вплоть до Балкан, уничтоживших местные земледельческие энеолитические культуры (Даниленко

[1] О.Г. Шапошникова вводит термин «ямная культурно-историческая общность» (Шапошникова 1985: 336), которое затем начинает употребляться как синоним термина «область», хотя исследователи обращают внимание на разницу между этими понятиями.

[2] Волго-Уральский, Предкавказский, Донской, Северско-Донецкий, Приазовский Нижнеднепровский, Крымский, Юго-Западный, Северо-Западный.

1974; Тодорова 1986; Дергачев 2000). Другие склонны видеть постепенное и довольно длительное проникновение с востока, характеризующееся относительно мирными отношениями между скотоводами и земледельцами (Мерперт 1974; Алексеева 1992). Реконструируются конкретные пути продвижения племен ямной культуры с востока на запад (Николова 1992). Но со временем тезис о «поворотном моменте» в истории Юго-Восточной Европы, связанном с проникновением носителей степных культур на запад вызывает все большие сомнения (Титов 1982; Збенович 1987; Videiko 1994; Rassamakin 1999).

В это же время формируется и другая точка зрения, согласно которой сложение ямной культуры происходило в Причерноморских степях на основе среднестоговской культуры (Телегін 1973; Ричков 1994), либо последняя рассматривалась как один из этапов ямной культуры (Даниленко 1974). Еще по одной версии первоначальный ареал ямных племен перемещается из Волго-Уралья в Подкарпатье и Подунавье, определяя ямные памятники Северного Попрутья как самые древние остатки этой культуры. Предполагается, что древнеямная культура сложилась на основе культуры воронковидных кубков в степных и лесостепных районах, близких к Прикарпатью. В ней же зародился древнейший курганный обряд и основные типы керамики, известные в ямной культуре (Сафронов 1989). Эта теория была поддержана рядом исследователей (Шевченко 1986: 14; Трубачев 1989), но не стала доминирующей.

Концепция Н.Я. Мерперта, обосновывающая восточное происхождение ямной КИО, долгое время оставалась практически единственной и господствующей в отечественной историографии. Однако почти полное отсутствие на территории «прародины» (вплоть до середины 70-х годов XX века) памятников эпохи энеолита затрудняло исследование проблемы происхождения на этой территории ямной культуры. Положение, казалось бы, изменилось с открытием хвалынской энеолитической культуры и выделением хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общности (Васильев 1981: 31–34). Появляется тенденция к вычленению в субстратный пласт, связанный с предыдущей энеолитической эпохой, тех древнейших погребений, которые Н.Я. Мерперт относил к I общедревнеямному горизонту (Мерперт 1974: 77–79). В Волго-Уральском регионе эти памятники связываются в культурно-хронологическом аспекте с памятниками хвалынской культуры (Дремов, Юдин 1992: 36–37). Казалось бы, начинает вырисовываться четкая линия этнокультурной непрерывности в районе предполагаемого формирования ямной культуры. Однако дальнейшие исследования свидетельствуют о наличии значительного хронологического разрыва (более тысячи лет) между хвалынскими и ямными памятниками, который лишь частично заполняют памятники с репинской керамикой. Генетическая связь «хвалынско-бережновского этапа» энеолита Поволжья и классической ямной культурой Волго-Уральского региона становится сомнительной (Турецкий 2001: 126). Вопрос об ареале формирования ямной культуры вновь остается открытым. Между тем, исследователи и ранее осознавали противоречивость и гипотетичность данной концепции: погребальные памятники хвалынской культуры располагались в лесостепной зоне. В собственно степной зоне Волго-Уральского междуречья, впоследствии освоенного ямными племенами, такие памятники не зафиксированы. Имеющиеся немногочисленные энеолитические поселения степной полосы не дают полного представления о доямном культурном субстрате. Значительные различия в материальной культуре и погребальном обряде также являлись препятствием для подтверждения взаимосвязи ямной и хвалынской общно-

стей. Погребения раннего этапа ямной культуры в очень малой степени демонстрируют черты наследственности от предшествующего, энеолитического этапа (Васильев и др. 2000: 13, 20). В образовавшийся интервал помещают памятники алтатинского типа, отмечая все же, что какая-то часть хвалынского населения должна была сохраниться, иначе трудно объяснить формирование ямного погребального обряда в этом регионе (Юдин 2006). Получает развитие концепция о влиянии репинской культуры на формирование ямной. Сложение первой чаще всего связывают с Подоньем (Синюк 1999) или с бассейном Северского Донца (Санжаров и др. 2000: 96). Керамику репинского типа в ямных погребениях Днепро-Волжского междуречья обычно считают ярким индикатором принадлежности комплексов к раннему этапу ямной культуры (Константінеску 1984; Ковалева 1989; Марина 1999; Турецкий 2001). В то же время дискуссия ведется по поводу признания погребений с репинской керамикой следствием локального своеобразия памятников Орель-Самарского междуречья (Шапошникова 1985), результатом миграции в Поднепровье населения репинской культуры (Рассамакін 1997: 231–247)[1] или ранним звеном в формировании ямной культуры Украины (Николова 2002: 56).

Памятники ямной культуры долгое время рассматривались в рамках энеолитической эпохи, в дальнейшем это положение было пересмотрено и ямная культура теперь включена в круг культур эпохи ранней бронзы. Исследователи приходят к выводу, что ямная культура как широкое явление могла быть результатом трансформации локальных культур энеолитического периода; на территории степной Украины в ней выделяется два основных субстрата – среднестоговский и репинский (Рассамакин, Евдокимов 2001). Предполагается, что ямную культуру следует рассматривать как мозаичный блок, где каждая группа на фоне типологических (временных и этнокультурных) различий имела свои традиции и судьбу (Шишлина и др. 2001). Впрочем, и Н.Я. Мерперт, выделяя ямную КИО, отмечает, что уже сами размеры ее территории исключают возможность сколько-нибудь полного культурного единства. Ее историю он представляет как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племенных групп, причем вопрос о происхождении каждой должен решаться особо (Мерперт 1974: 125–128).

Не подтверждают миграционную концепцию распространения населения ямной культуры из единого (восточного) центра данные радиоуглеродного датирования. Они позволяют предполагать одновременность памятников восточной и западной окраины ямной КИО (Черных, Орловская 2004: 93).

Особенно значимы данные антропологии, поскольку антропологический тип не может распространяться в новые регионы без своих физических носителей – людей (в отличие от артефактов, технических инноваций или религиозных установок). Поэтому именно распространение антропологических признаков может отображать движение народов. Оказывается, что почти все антропологические типы ямного населения Украины имеют местные (но разные) корни и не были привнесе-

[1] Ю.Я. Рассамакин полагает, что в переходный к эпохе ранней бронзы период на степных просторах Украины наблюдались значительные миграционные процессы. Они были связаны с двумя культурными группами – репинской и животиловско-волчанской. Репинские племена являлись предшественниками ямной культуры: именно у них наиболее четко стали проявляться основные черты обряда и материального комплекса, которые в полном виде проявились у ямного населения (Рассамакін 1997: 293–295). Несколько позже автор смещает акценты. Распространение в ямной среде повозок и таких форм посуды, как амфоры, чаши и кубки, Ю.Я. Рассамакин связывает с продвижениями животиловско-волчанских племен (Rassamakin 2003: 55).

ны извне. Основные отличия между территориальными группами ямного населения прослеживаются по линии север-юг (за редким исключением). К северу (лесостепь) распространен протоевропейский антропологический тип; средиземноморский антропологический тип доминировал в южных регионах (Северо-Западное Причерноморье, юг Херсонской области, степной Крым, бассейн р. Молочной, левобережное Приднепровье). Междуречье Южного Буга и Днепра, левый и правый берег Нижнего Поднепровья занимало население со смягченным протоевропейским антропологическим типом. Антропологические типы, характерные для восточных территорий распространения ямной культуры (Нижнее Поволжье, Северо-Западный Прикаспий), в Украине компактно не представлены. Таким образом, нет оснований говорить о каком-либо массовом переселении народов на этом историческом этапе, за исключением отдельных местных перемещений (Круц 1997: 381, 383). Скорее всего, в настоящее время не представляется возможным определить тот единый центр формирования ямной культуры, из которого она распространилась по всему ареалу, соотносимому с ямной культурно-исторической областью. Основные характеристики ямной культуры, в частности, стандарты погребальной обрядности, распространились достаточно быстро на огромной территории, наложившись на различные энеолитические субстраты. Ритуальное единство во всем ее ареале совмещено с определенными отличиями в материальной культуре, прежде всего, в керамических комплексах.

Собственно говоря, выделенные Н.Я. Мерпертом локальные варианты, регистрировали и объясняли своеобразие и общие черты отдельных групп ямных памятников, являясь инструментом процесса исследования. К тому же число ямных захоронений в середине XX века было не столь уж велико. Последующее увеличение количества раскопанных курганов и их анализ методами математической статистики внесли определенные коррективы в концепцию исследователя. По степени связи между различными признаками были определены регионы, которые, как оказалось, не совпадают с ранее выделенными локальными вариантами[1]. Но в различных концепциях, тем не менее, особое место по своим характеристикам занимает Одесская группа памятников (Мерперт 1974; Николова 1992; Рычков 1990; Ніколова, Мамчич 1997).

Типы и топография археологических памятников. Основную информацию о ямной культуре предоставляют погребальные комплексы, преимущественно – подкурганные захоронения. Что касается поселений, можно отметить, что на сегодняшний день в рамках всей ямной КИО известно лишь два стационарных поселения – Михайловка III и Скеля Каменоломня (?), причем их нельзя связать исключительно с земледельческим населением. С одной стороны, Михайловское поселение расположено в Нижнем Поднепровье, в ареале, который давал возможность его населению контролировать переправу через Днепр (Болтрик 1999: 46). С другой стороны, данные трасологического исследования орудий труда позволяют говорить о Михайловке как о производственном центре, в котором сосредоточены различные ремесла (Коробкова, Шапошникова 2005). На наш взгляд, расположение Михайловки вблизи переправы может указывать и на существование торговых путей, которые использовало ямное население Нижнего Поднепровья. В этом случае поселение следует считать узловым пунктом в системе торговых связей региона, что, в целом, не противо-

[1] Причем степень сходства между отдельными локальными вариантами (по Н.Я Мерперту) оказывается выше, чем внутри него (Николова 1992).

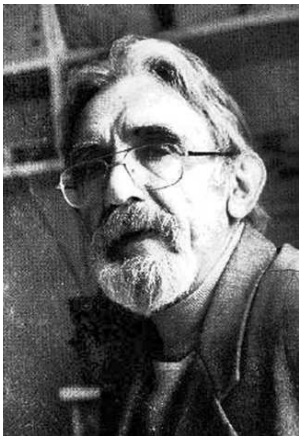
речит его статусу производственного центра, а, напротив, дополняет его. Расположение поселения Скеля Каменоломня также может указывать на какую-то нестандартную ситуацию (ритуальный центр?): оно расположено на гранитном останце, весной, при половодье, превращающемся в остров. Здесь зафиксированы находки разных исторических эпох, от неолита до позднего средневековья. Следует обратить внимание на Капуловское поселение, среди материалов которого имеется керамика ямной культуры, аналогичная верхнему слою Михайловки (Дровосекова 2002: 133–136). Оно также расположено в месте удобной переправы, которая использовалась почти во все исторические эпохи (Болтрик 2004: 38).

Остальные известные поселенческие комплексы ямной культуры Причерноморских степей являются небольшими стойбищами, которые посещались из года в год или были кратковременными. В последние годы их открыто достаточно много (в Побужье, Нижнем и Среднем Поднепровье, на Северском Донце, в низовьях Дона). Особый интерес вызывают не так давно выявленные пойменные поселения Среднего Поднепровья (Черкасская область), характеризующиеся небольшими размерами и тонким культурным слоем, что позволяет видеть в них краткосрочные временные пункты. Характерна топография этих памятников: они расположены на островах в поймах рек и на небольших мысах речных террас. Одно из них – поселение Десятыны – найдено на бывшем острове после осушения поймы правого берега реки Тясмин (Сыволап 2001). Возможно, в речных, озерных и лиманных поймах располагались сезонные поселения и ямного населения Северо-Западного Причерноморья. Известно, что пойменные земли ввиду аккумуляции (отложения наносов) особенно плодородны и могут использоваться как луговые пастбища для скота или для земледелия. Поэтому сезонное обитание в поймах для ямного населения было бы вполне логичным. Но трансгрессия Черного моря и изменение геоморфологической ситуации привели к исчезновению многих памятников эпохи бронзы (Бруяко и др. 1991: 10).

Расположение некоторых курганов в современных поймах рек, подтопление их при весенних разливах указывают на иную климатическую ситуацию в регионе в конце IV–III тыс. ВС. Очевидно, что курганы все же сооружались на сухих и недоступных для воды участках, поймы были у́же современных, влажные участки суши находились ближе к руслам рек, чем в наши дни. Отсутствие остатков стационарных поселений в Северо-Западном Причерноморье, тем не менее, сочетается с присутствием в ямных погребениях следов сооружений из шестов, видимо, имитирующих легкое жилище типа шатра или юрты (Іванова 2001). На стенках могильных ям известны отпечатки плетня, камышовых стеблей; на уступах находят плетеные циновки. Эти материалы вполне могли использоваться и при строительстве легких каркасных жилищ на поселениях. Имеются в регионе курганы, сложенные из вальков ила; такой строительный прием мог использоваться и при строительстве жилищ. Недолговечность материалов и краткий период обитания на одном месте не способствовали накоплению культурного слоя. При устройстве зимников в поймах растительные заросли служили естественной преградой ветру, возможно, не требуя сооружения дополнительных заслонов для скота. Отметим этнографические данные, согласно которым даже в первой половине XX века пастухи Бессарабии зимовали со скотом в дунайских плавнях и на островах в дельте Дуная. Остатки таких зимников могли не сохраниться как по естественным причинам, так и в результате современной трансгрессии Черного моря, изменения геоморфологии.

Шмаглий
Николай Михайлович
(1931–1994)

Памятники Северо-Западного Причерноморья (рис. 40)**.** При рассмотрении памятников ямной КИО разными авторами и в разных аспектах, при уточнении границ локальных вариантов или территориальных групп, Северо-Западное Причерноморье неизменно выделяется как особый регион, с присущими ему характеристиками, которые отразились в чертах материальной культуры и некоторых обрядовых традициях. Несмотря на такую позицию исследователей, следует отметить отсутствие единства в определении статуса (культура, культурная группа, локальный вариант) и названия памятников Северо-Западного Причерноморья. Это – юго-западный вариант (Н.Я. Мерперт), нерушайская культура (Л.С. Клейн), буджакская культура (И.Т. Черняков), днестро-дунайская культура (И.Л. Алексеева), днестровский и буджакский варианты ямной культуры (В.А. Дергачев), одесская группа памятников (А.В. Николова, Н.А. Рычков), буджакская группа памятников (Л.В. Субботин). Таким образом, наиболее употребительным оказалось название, предложенное И.Т. Черняковым, в различных его модификациях. Существует точка зрения и о том, что эту культуру (к которой следует отнести памятники не только Северо-Западного Причерноморья, но Балкано-Карпатского региона) нельзя считать ямной, предполагается сохранить за ней название «нерушайская» и предоставить статус особой культуры раннего бронзового века (Клейн 1975).



Черняков
Иван Тихонович
(1936–2011)

Основные сведения о буджакской и катакомбных культурах получены благодаря раскопкам Одесского археологического музея и отдела археологии Северо-Западного Причерноморья ИА НАНУ (Черняков И.Т., Шмаглий Н.М., Субботин Л.В., Алексеева И.Л., Гудкова А.В., Тощев Г.Н. и др.).

Памятники Северо-Западного Причерноморья определенно заслуживают статуса особой культуры (в рамках ямной КИО)[1], за которой, на наш взгляд, следует сохранить название «буджакской». Выделение этой культуры вполне оправдано и в рамках системного подхода к реконструкции древней истории. Рассматриваемые памятники сосредоточены на определенной территории (которая выделяется в особый географический ареал – Северо-Западное Причерноморье), они отличаются локальными особенностями, проявляющимися с начального периода буджакской культуры, прежде всего – плоскодонной керамикой, характеризующейся выработанными в данном конкретном регионе специфическими формами (в отличие от яйцевидных или округлодонных форм других ареалов). Часть из них является своеобразной «визитной карточкой» данной культуры – амфоры и баночные сосуды, украшенные шнуровым орнаментом, с ручками-упорами с вертикальными сквоз-

[1] Исходя из общепринятого положения, что археологическая культура – это совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты (Монгайт 1967).

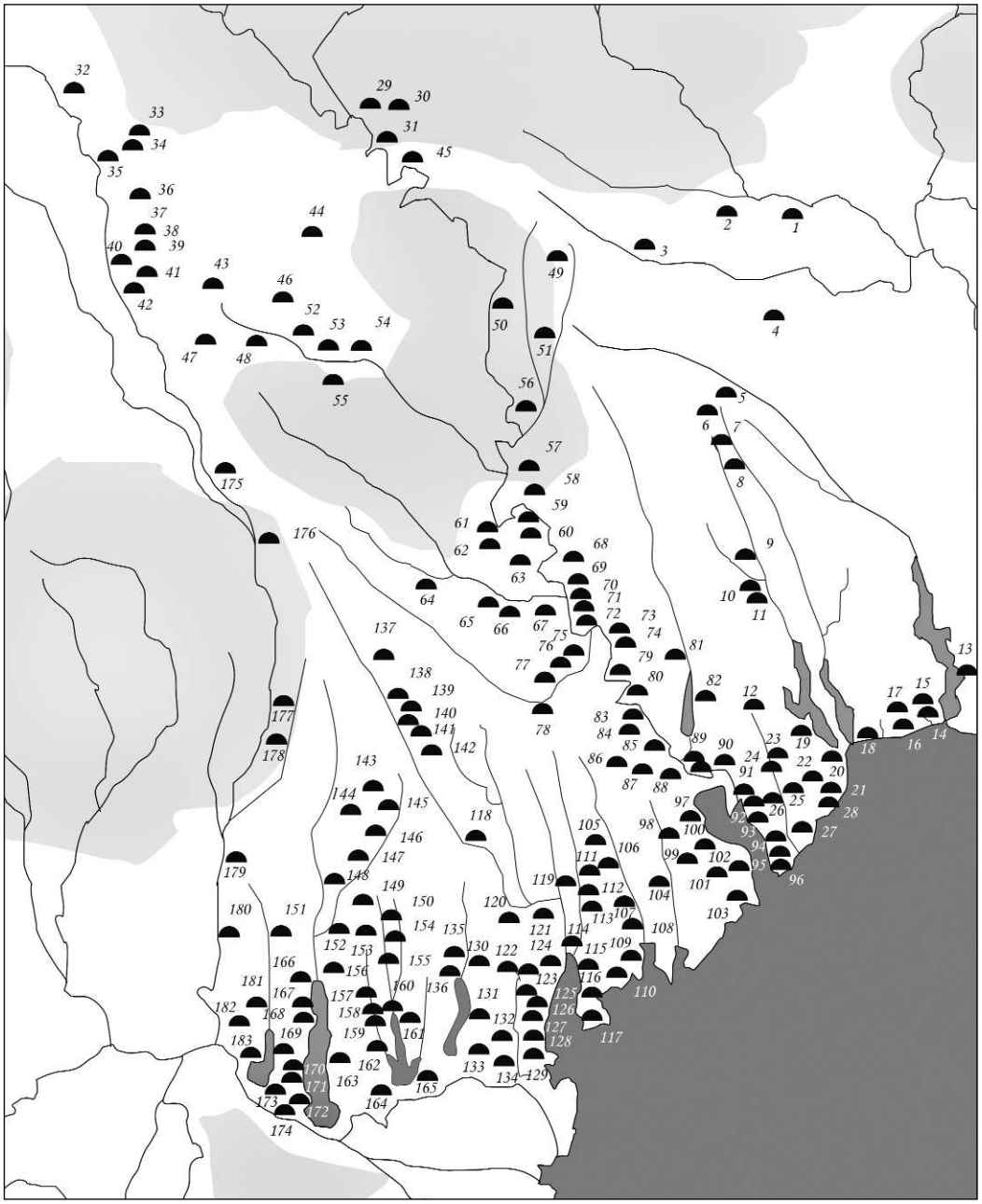


Рис. 40. Карта памятников ямной культуры

1 – Дубиново, 2 – Неделково, 3 – Гольма, 4 – Агеевка, 5 – Григорьевка, 6 – Марьяновка, 7 – Новогригорьевка, курган «Любаша» 8 – Ревова, 9 Великозиминово, 10 – Катаржино, 11 – Бараново, курган «Солдатская слава», 12 – Щербанка, 13 – Попильное; 14 – Кошары, Сычавка, 15 – Старые Беляры, 16 – Большой Аджалык, 17 – Вапнярка, 18 – Шевченково (Одесса), 19 – Холодная Балка, 20 – Слободка-Романовка, Одесский курган, 21 – Черноморка, 22 – Дальник (Беляевский район), 23 – Мирное 24 – Петродолинское, 25 – Новая Долина, 26 – Новоградковка, 27 – Александровка, Великодолинское; 28 – Санжейка, 29 – Кузмин, 30 – Хрустовая, 31 –Каменка (Окница), 32 – Медвежа, 33– Коржеуцы; 34 – Бурланешты; 35 – Тецканы, 36 – Ханкауцы; 37 – Корпач, 38 – Старые Куконешты, 39 – Щербаки, 40 – Думены, 41 – Новые Дуруиторы, 42 – Костешты, Новые Костешты, Ивановка; 43 – Яблона, 44 – Мэркулешты; 45 – Подойма; 46 – Фрунзены, 47 – Бурсучены, 48 – Мындрешты; 49 – Тимково, 50 – Мокра, 51– Ново-Красное, 52 – Кодрул-Ноу, 53 – Чокылтяны, 54 – Бравичены; 55 – Орхей (Оргеев), 56 – Дойбань; 57 – Погребя, 58 – Красное, 59 – Коржево; 60 – Старые Дубоссары; 61 – Балабанешты, 62 – Чимишены, 63 – Спея; 64 – Кетросы, 65 – Новые Анены, 66 – Гура – Быкулуй; 67 – Рошканы; 68 – Бутор, 69 – Бычок; 70 – Никольское, 71 – Константиновка, Фрунзе 72 – Тирасполь, 73 – Парканы, Плоское, Терновка, Сербка, 74 – Суклея, Слободзея; 75 – Хаджимус, 76 – Киркаешты, 77 – Урсоая, 78 – Каушаны, 79 – Чобручи, 80 – Глинное, 81 – Ново – Котовск, 82 – Лиманское, 83 – Пуркары, 84 – Новые Раскаецы, 85 – Оланешты, 86 – Хаджиллар; 87 – Капланы, 88 – Тудорово, 89 – Ясски, Петровское, Березань; 90 – Беляевка; 91 – Маяки, 92 – Надлиманское, 93 – Ефимовка, Николаевка; 94 – Овидиополь, Дальник (Овидиопольский район); 95 – Роксаланы, 96 – Каролино-Бугаз; 97 – Семеновка, 98 – Подгорное, 99 – Карналиевка, 100 – Садовое, 101 – Турлаки, 102 – Молога, 103 – Затока (Аккембетский курган), 104 – Алкалия; 105 – Хаджидер, 106 – Сергеевка, 107 – Дивизия, 108 – Лиман; 109 – Желтый Яр; 110 – Вишневое, Кочковатое; 111 – Заря, 112 – Михайловка, 113 – Белолесье, 114 – Татарбунары, 115 – Заречное; 116 – Новоселица, 117 – Траповка; 118 – Березино, 119 – Сарата; 120, Арциз; 121 – Павловка, 122 – Борисовка, 123 – Виноградовка 124 – Баштановка; 125 – Струмок, 125 – Глубокое, 177 – Нерушай, 128 – Десантное, 129 – Приморское; 130 – Холмское; 131 – Червоный Яр, 132 – Мирное (Килийский район), 133 – Шевченково, 134 – Парапоры; 135 – Островное, 136 – Дзинилор, 137 – Гура – Галбене, 138 – Валя Пержей, 139 – Градище, 140 – Екатериновка, 141 – Чимишлия, 142 – Карабетовка; 143 – Комрат, 144 – Бешалма, Конгаз; 145 – Томай; 146 – Светлый, 147 – Казаклия; 148 – Балабан, 149 – Тараклия, 150 – Огородное; 151 – Гаваноасе, 152 – Копчак, 153 – Кубей, 154 – Кальчево, 155 – Банновка, 156 – Болград, 157 – Жовтневое, 158 – Каланчак, 159 – Каменка (Украина), 160 – Новокаменка, 161 – Суворово; 162 – Утконосовка, 163 – Озерное, 164 – Богатое, 165 – Кислица, 166 –Курчи, 167 – Мреснота Могила, 168 – Владычень, 169 – Нагорное, 170 – Чауш, 171 – Плавни; 172 – Новосельское, 173 – Орловка, 174 – Градешка, 175 – Петрешты, 176 – Кирилень; 177 – Саратены, 178 – Крихана Веке, 179 – Зырнешты, 180 – Ваду-луй-Исак 181 – Этулия, 182 – Джурджулешти; 183 – Фрикацей

ными отверстиями. Контакты с инокультурным окружением отразились в наличии керамических типов, имеющих аналоги в синхронных культурах сопредельных территорий (Карпато-Балканский ареал, Верхнее Поднестровье). Имеются особенности и в погребальном ритуале – это преобладание западной ориентировки умерших[1]. Выраженные отличия в двух сферах – материальной (керамика) и обрядовой (ориентировка) позволяют говорить об особой буджакской культуре – в рамках ямной КИО – как типологической общности артефактов и как человеческой общности.

Исследователи чаще всего соотносили буджакскую культуру с поздним этапом ямной КИО. Но анализ захоронений позволяет утверждать, что к ней относятся не только комплексы позднего этапа, но и в целом весь массив памятников Северо-Западного Причерноморья, т.к. свойственные этой культуре характерные черты проявляются уже на начальном этапе обитания в Северо-Западном Причерноморье ямных племен. Памятники региона датируются в целом финалом IV–III тыс. ВС; имеющаяся база радиоуглеродных дат позволяет уточнить время бытования основных признаков погребального обряда ямного населения региона. Так, долгое время существовала тенденция связывать определенную позу умершего в захоронении с определенным хронологическим этапом: скорченное положение на спине считалось характерным признаком раннего этапа, а скорченное на боку или с наклоном на бок – позднего; именно погребения, где фиксировалась «поздняя» поза умершего, предлагалось относить к буджакской культуре (Черняков 1979). Между тем оказалось, что, согласно радиоуглеродным датам, оба варианта расположения умершего известны на всем протяжении обитания ямных племен в Северо-Западном Причерноморье. В каждой из обрядовых групп есть и ранние и поздние захоронения, поэтому соотносить с «позднеямными» лишь комплексы со скорченными на боку погребенными не вполне правомерно. Об этом же свидетельствует и «раннеямная» поза (скорченно на спине) в катакомбных захоронениях. На сосуществование носителей разных обрядовых традиций указывают и случаи нахождения погребенных в разных позах в одном захоронении или одном стратиграфическом слое курганной насыпи. И это вполне естественно, учитывая сосуществование этих обрядовых традиций в предшествующую энеолитическую эпоху. Следовательно, нет оснований сужать хронологические рамки буджакской культуры, датируя ее поздним этапом ямной КИО или ограничивать её (в типологическом аспекте) лишь одним из вариантов позы умершего. Основные элементы погребального ритуала, отражая мировоззренческие установки социума (наличие курганной насыпи, ямы с перекрытием, скорченное на спине или боку положение скелета), аналогичны тем, что известны на всей территории ямной КИО.

Абсолютная и относительная хронология. Для захоронений ямной культуры Северо-Западного Причерноморья имеется около 40 радиокарбонных дат; возможно, не все они являются корректными по ряду причин (некоторые удревнены или омоложены, иные не соответствуют курганной стратиграфии). В целом, они позволяют датировать ямную (буджакскую) культуру региона в диапазоне 3100/3000–2200/2100 ВС; при этом наибольшее число дат соотносятся с III тыс.

[1] Как известно, ориентация умершего по отношению к сторонам света является одной из важнейших характеристик при культурной интерпретации памятников.

ВС[1]. Отмечалось, что в Северо-Западном Причерноморье ямная культура сохраняется дольше, чем на других территориях (Шапошникова 1985), этот тезис подтверждается и радиоуглеродными датами, которые позволяют соотнести финал буджакской культуры с рубежом III и II тыс. ВС.

Вопросы внутренней хронологии памятников буджакской культуры слабо разработаны на сегодняшний день. Стратифицированные курганы ямной культуры с четким соотнесением захоронений с определенными строительными горизонтами относительно редки. Существенным является тот факт, что мы не знаем величину «шага стратиграфии» и не можем определить хронологический разрыв между последующими насыпями и досыпками одного и того же кургана (месяц? год? столетие?). Неизвестно, одновременно или последовательно сооружались курганы, составляющие один могильник. Эти факты заставляют искать дополнительные хронологические реперы. Не вполне корректно строить хронологию лишь на одном, пусть ярком, признаке, вырванном из контекста погребения в целом (поза погребенного). Наиболее рациональным является сочетание различных методов хронологических определений: стратиграфического, сравнительно-типологического и т.п. (Отрощенко 2001). Погребальный обряд ямной культуры характеризуется поразительным консерватизмом на продолжении длительного времени (Мерперт 1974), поэтому именно погребальный инвентарь чаще всего позволяет соотнести погребение с определенным хронологическим этапом. Исследователи, рассматривающие общие принципы хронологии ямной КИО полагают, что к раннему её этапу следует относить захоронения, демонстрирующие черты наследственности от предшествующего, энеолитического периода. К собственно ямной культуре относят те памятники, которые характеризуются устоявшимися, присущими только ей типами вещей. В них могут быть прослежены импорты из синхронных культур, эволюционное развитие собственно ямных форм под влиянием последних. Поздний хронологический горизонт несет следы влияния тех культур, которые сменяют в дальнейшем ямную на той или иной территории (или частично сосуществуют с ней). При этом неизбежно, что значительная часть безинвентарных захоронений может быть соотнесена с определенным хронологическим этапом априорно (Васильев и др. 2000: 20–21). Эта схема вполне логична. Ее апробация в Северо-Западном Причерноморье может быть особенно продуктивной благодаря возможности соотнести некоторые категории инвентаря с памятниками различных культур Балкано-Карпатского региона[2].

Ранний этап. Выделение ранних памятников довольно проблематично. Е.В. Яровой предлагает относить к начальному этапу ямной культуры суммарно все основные комплексы, где погребенные скорчены на спине и ориентированы в восточный сектор (Яровой 2000). Подобный подход уже подвергался критике в научной литературе (Петренко и др. 2002: 60). При такой классификации памятников в одну группу попадают и энеолитические комплексы, и собственно ямные. Часть захоронений, возможно, следует включить в группу ранних, исходя из имеющихся радиоуглеродных датировок. После вывода заведомо некорректных дат, к

---

[1] Немногочисленные даты ямных захоронений Балкано-Карпатского региона практически одновременны датам памятников Северо-Западного Причерноморья.

[2] Такие попытки (для Северо-Западного Причерноморья в целом) уже предпринимались исследователями (Тощев, Черняков 1985; Алексеева 1992), но за прошедшее время источниковедческая база увеличилась, уточнены хронологические схемы и хронологические рамки культур раннего бронзового века различных регионов.

таким относится достаточно небольшая группа (менее десятка) безынвентарных захоронений. Тем не менее, ранние даты ряда погребений буджакской ямной культуры Северо-Западного Причерноморья, в какой-то степени, находят подтверждение и в некоторых особенностях курганных комплексов региона. Например, авторами раскопок фиксируется небольшой хронологический разрыв межу ямными и энеолитическими горизонтами кургана 1 у с. Новая Долина, причем энеолитический горизонт синхронизируется ими с довольно ранними энеолитическими комплексами из курганов Красное, к. 9, Саратены, к. 1 (Петренко и др. 2002: 59–60). В кургане 1 у с. Мокра (Республика Молдова) были открыты остатки «столбового святилища», которое, в отличие от ранее найденных в Северо-Западном Причерноморье, энеолитических, авторы раскопок связывают с одним из двух ямных захоронений (Кашуба и др. 2001–2002). Имеются захоронения с кромлехами и рвами, подобные конструктивные особенности также, вероятно, связаны с энеолитической эпохой. В таком случае, эти комплексы, судя по всему, также могут быть одними из ранних буджакских погребений Северо-Западного Причерноморья. Исследователями отмечается существование единого информационного поля, единого «сакрального пространства», использование единых ритуальных ориентиров энеолитических и ямных племен (Потемкина 2004). Это подтверждает наличие в Северо-Западном Причерноморье ранних буджакских памятников, смыкающихся с энеолитическими комплексами. Чаще всего с ранним этапом связывают захоронения с округлодонными сосудами. Их находки единичны и в междуречье Южного Буга и Днестра (4 комплекса?), и за Днестром (3 комплекса?). При этом, некоторые из них не вполне корректно относить к ранним: в рассматриваемом ареале в отдельных случаях этот тип керамики может просто отражать связи с Побужьем, где такая форма является традиционной (Шапошникова и др. 1986). Скорее всего, следует искать ранние памятники среди тех захоронений, инвентарь которых имеет аналоги и хронологические привязки не на востоке, а на западе, в Балкано-Дунайском регионе. Некоторые формы керамики, составляющие специфику Северо-Западного Причерноморья (амфоры, кубки, миски) являются общими для всего балканского культурного ареала, что неоднократно отмечалось исследователями ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. На Балканах имеется традиция рельефного оформления сосудов коническими или продолговатыми выступами. Как правило, стабильному состоянию культуры, которая уже преодолела фазу формирования и достигла определенного уровня устойчивости, соответствует появление стабильных типов керамики, орудий труда и оружия. В таком случае, с ранним этапом ямной культуры региона, может быть, следует связывать и некоторые редкие, изолированные формы сосудов. В целом же можно предположить, что ранний этап ямной культуры региона определяется, прежде всего, балкано-дунайскими связями. Движение отдельных групп ямного населения с востока сочеталось с более ранними импульсами западных культур финала энеолита и раннего бронзового века. Эти разнохарактерные элементы (включая местное энеолитическое население) послужили тем субстратом, на котором сформировалась собственно буджакская культура Северо-Западного Причерноморья. Исследователи, занимающиеся проблемами энеолита и бронзового века Балкан, синхронизируют ранний этап ямной культуры в междуречье Днестра и Дуная с культурами Чернавода II, Фолтешть II (Rassamakin 2003: 54), Коцофени III, Эзеро 13–11 (Nikolova 2001: 238, tabl. 1). Этот горизонт они датируют временем около 3200/3100-3000/2900 BC. Такой вывод подтверждается и характеристиками ямной культуры в Карпато-Балканском регионе. Началь-

ный этап проникновения племен ямной культуры на Балканы (с территории Северо-Западного Причерноморья) относится к концу периода РБВ I, к последней четверти IV тыс. до н. э. по калиброванным датам (Nikolova 2000: 4). Эти данные соответственно подтверждают раннюю дату начального периода ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье[1].

Развитый этап характеризуется сложением, в общих чертах, керамического культурного комплекса региона. Он представлен традиционными для Северо-Западного Причерноморья типами: т.н. «буджакскими банками», амфорками, «овоидными» амфорами, кубками, мисочками, чашками, кувшинами. Исследователи отмечают, что эти формы, а также отдельные элементы их оформления появились под влиянием круга балканских культур Чернавода, Фолтешть, Коцофени, отчасти – шнуровой керамики (Черняков, Тощев 1985; Яровой 1985: 91; Алексеева 1992: 72–75; Agulnikov 1995; Matthias 1982). Орнаментальные мотивы и отдельные формы, имеют параллели в комплексах среднегерманской, богемской и моравской групп шнуровой керамики (Buchvaldek 1966; Wlodarczak 2010). Отметим, что определенные контакты с центральноевропейским населением ямных племен могли иметь место в Потисье, где отмечаются находки шнуровой керамики в комплексах различных культур (Bertemes 1998: 192, Abb 1). В то же время шнуровой орнамент занимает ведущее положение в декоре Михайловского поселения (Лагодовська и др. 1962). Вероятно, для разных ареалов ямной культурно-исторической общности могли быть различны источники шнурового орнамента как прямые, так и опосредованные. Можно выделить связи с культурами Карпатского бассейна: Глина III, Мако, Шомодьвар-Винковци. Отмечают и влияние ямного населения на южные группы КШК (Wlodarczak 2010).

Таким образом, керамический комплекс буджакской культуры является отчасти переработкой и синтезом черт, присущих посуде балканских и центральноевропейских культур, что и отличает ее, в конечном итоге, от других ареалов ямной КИО. Небольшую часть составляли непосредственные импорты, отражая уже обменнно-торговые связи населения.

Что касается *заключительной фазы*, то отметим, что несколько наиболее поздних дат для Северо-Западного Причерноморья лежат в диапазоне 2200–2000 ВС. Видимо, на данном этапе исследований, эти даты могут маркировать финал ямной культуры. При этом поздние погребения не выделяются ни особым инвентарем, ни ритуалом; отсутствуют и следы влияния последующих культур (катакомбной или многоваликовой), напротив, в них выделяются буджакские (инвентарь) или общеямные признаки (черты ритуала) погребальной обрядности.

Кроме того, для отдельных захоронений датировка может быть основана по найденной в них инокультурной керамике, прежде всего – сосудах культуры шаровидных амфор. Согласно последним данным, племена культуры шаровидных амфор проникают на территории Волыни, Подолья и Молдавской возвышенности в период 3000/2900–2400/2350 ВС (Szmyt 1999; Шмит 2001–2002). Достаточно поздний облик амфор позволяет предположить контакты между КША и ямной культурой серединой III тыс. ВС. В некоторых случаях хронологическим репером могут стать и другие артефакты (наконечники стрел, топоры). Не вполне правомерно связывать все находки кремневых наконечников стрел только с катакомбными племе-

[1] Отметим, что начальный период раннего бронзового века Балкан (РБВ I) датируется в диапазоне 3600–3000 ВС (Nikolova 2000: 3).

нами. Типологически «ямные» и «катакомбные» стрелы отличны друг от друга (см. Субботин 2003: табл. 8–10). Некоторые каменные шлифованные топоры, находят аналогии в культурах шнуровой керамики и не имеют узкой хронологической привязки (Клочко 2006). Кремневые топоры (КША и шнуровые) связаны с широким хронологическим диапазоном – временем обитания этих культур на юго-востоке Европы. То же можно сказать об отдельных металлических артефактах, распространенных во всем ареале Циркумпонтийской металлургической провинции.

Что касается вопросов *относительной хронологии*, то имеющиеся стратиграфические данные указывают на то, что в курганах погребения ямной культуры следуют за энеолитическими или за усатовскими и предшествуют катакомбным и захоронениям бабинской культуры (многоваликовой керамики). Следует при этом иметь в виду, что курганная стратиграфия отражает процесс сооружения конкретного кургана, и, видимо, фиксирует обитание вблизи него определенного населения. Естественно, в каждом из курганов могут быть представлены захоронения представителей не всех культур эпохи бронзы. Радиоуглеродные даты указывают на синхронность части буджакских и усатовских памятников на раннем этапе (ранний бронзовый век, финал IV – первая четверть III тыс. ВС) и буджакских и катакомбных в среднебронзовую эпоху (вторая половина III тыс. ВС).

Материальная культура. К настоящему времени на территории Северо-Западного Причерноморья раскопано почти 500 курганов эпохи энеолита-ранней бронзы, в которых найдено более 2500 захоронений ямной культуры. При этом три четверти курганов сооружено непосредственно ямными племенами, в остальных случаях они использовали энеолитические или усатовские насыпи. Большинство курганов расположено цепочкой вдоль рек и лиманов, на надпойменных террасах и лишь изредка – в поймах или на водоразделах, находясь на расстоянии 1–5 км от современных или древних русел рек. В отличие от восточных областей Украины или лесостепи, где исследованы поселения и кратковременные стойбища (Лагодовская и др. 1962; Сиволап 1999; Санжаров и др. 2000), в Северо-Западном Причерноморье население ямной культуры известно исключительно по погребениям в курганах и курганных могильниках. На левом берегу Южного Буга известны следы кратковременных поселений – Ташлык II, Ташлык III (Шапошникова и др. 1986: 8).

Погребальные сооружения и погребальный обряд. Курганы в Северо-Западном Причерноморье чаще всего расположены группами, образуя могильники; одиночные насыпи сравнительно редки. Высота курганов варьирует в среднем от 1 до 3 м, при диаметре 30–60 м; лишь немногие курганы имели высоту свыше 5 м, достигая 80–100 м в диаметре, известны и курганы высотой менее 1 м, многие распаханы. Традиционным является поэтапное строительство кургана, с локальными или общими досыпками. Насыпи в большинстве своем сооружались из чернозема, иногда применялись вальки ила. Среди элементов курганной архитектуры, помимо досыпок, можно отметить рвы, кромлехи, обкладки камнями насыпи кургана (рис. 41). Обычно ров окружал основное погребение, гораздо реже он связан с впускным в центр следующей насыпи. Чаще всего рвы кольцевые, шириной от 0,5 до 2,5 м, глубиной от 0,5 до 1,5 м, с одной (юго-западной) перемычкой; лишь однажды зафиксирован ров с двумя проходами. Изредка во рву находят кости животных.

Как правило, первичная насыпь сооружалась над одним захоронением, расположенным в центральной части кургана. В дальнейшем курган использовался для

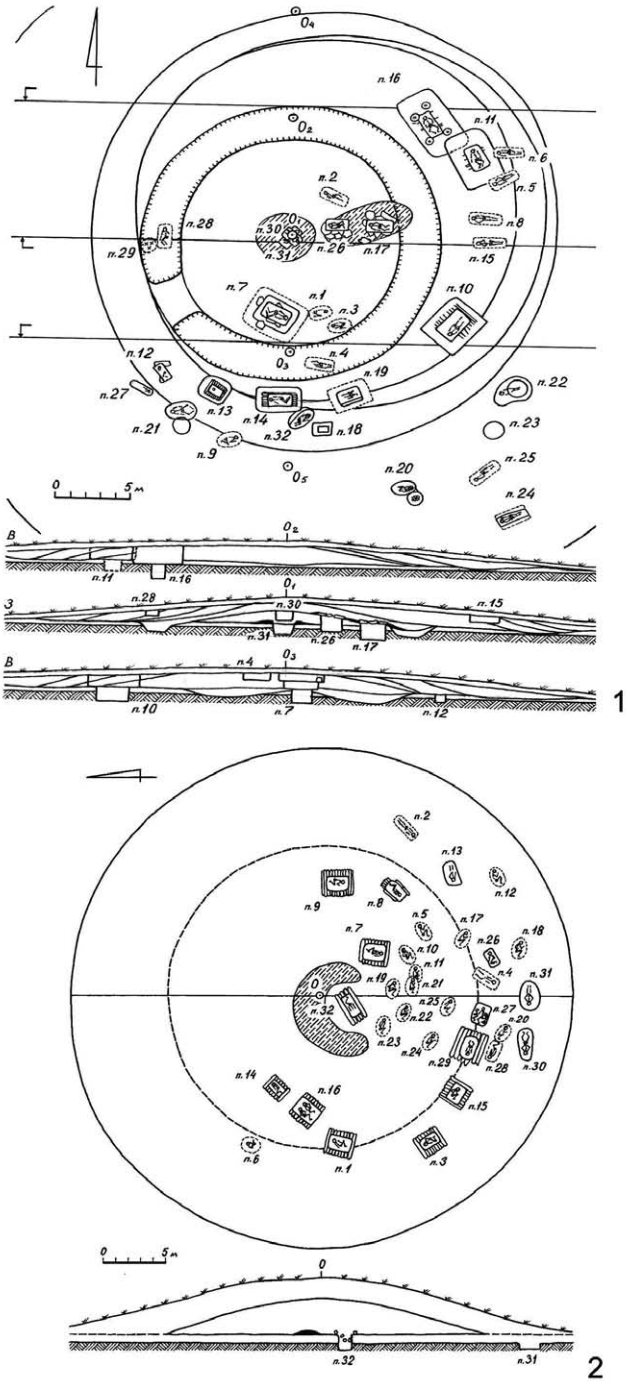


Рис. 41. Общие планы курганов ямной культуры.
1 – Новоселица, курган 19; 2 – Оланешты, курган 1

последующих впускных захоронений, число которых может варьировать от нескольких единиц до двух десятков. Они могли быть сгруппированы по дугам и окружностям вокруг условного центра кургана. Погребальные камеры в большинстве случаев представляют собой ямы прямоугольных очертаний (хотя известны и трапециевидные, овальные), порой с уступом (около трети комплексов). Преобладают уступы прямоугольной формы, иные конфигурации (округлые, квадратные) встречаются редко; единичны двухъярусные и трехъярусные уступы. Средние размеры погребальной камеры достигают 1,8 х 1,2 м, а уступа до 3 х 2,9 м. Известны захоронения с расширяющимися (или, наоборот, сужающимися) ко дну стенками могильной ямы (рис. 42; 43). Изредка встречается канавка по периметру или вдоль длинных сторон погребальной камеры. Около полутора сотен захоронений имеют на дне погребальной камеры или на уступе ямки, расположенные вертикально или под углом. Их трактуют как остатки погребальных сооружений, имитирующих жилище (Иванова 2001). Почти всегда на дне погребальной камеры фиксируют тлен от подстилки и подсыпку охрой различных оттенков. Другие детали оформления могильной ямы отмечаются реже (обмазка глиной, подсыпка песком, побелка, обжиг, растительная «подушка» под черепом, чашевидные углубления). В редких случаях под погребенным были обнаружены носилки из дерева (рис. 43, 1). Уникальными являются находки расписного покрывала на костях погребенного в Маяках 1/16 (Черняков и др. 1982), а также циновок с орнаментом – Семеновка 8/9 (Субботин 1985: 64). Иногда рядом с погребальной камерой или на ее перекрытии находят остатки кострищ, кости животных, порой целые их скелеты (собака). Зачастую могильные ямы имеют деревянное или каменное перекрытие, которое опиралось на борта камеры, на уступ (рис. 43). Конструкция в виде лодки найдена на перекрытии погребения 8 кургана 8 у с. Семеновки (Субботин 1985) (рис. 46, 4). Деревянное перекрытие (из бревен, плах, веток) могло быть продольным или поперечным; каменное неоднородно: из мелких и крупных камней, из двух и более плит; среди плит перекрытия могли находиться антропоморфные стелы. В настоящее время можно считать установленным, что древнейшая *антропоморфная монументальная скульптура* соотносится, в основном, с населением ямной общности (Чмыхов, Довженко 1987: 130; Артемова 1988: 403). Некоторые исследователи все же считают, что стелы связаны с энеолитической традицией, а использование их в погребальном обряде ямных племен являлось вторичным, в качестве строительного материала (перекрытия могильных ям) в погребальном обряде (Яровой 2000). В Северо-Западном Причерноморье захоронений с ними известно более 100. Почти всегда стелы входили в состав перекрытия погребальной камеры, при этом известны случаи совместного нахождения двух и трех стел. В тех случаях, когда проведены антропологические исследования, стелы соотносятся исключительно с захоронениями мужчин. Практически все захоронения со стелами отличны от рядовых – либо присутствием инвентаря, либо чертами ритуала, размерами, наличием курганной насыпи или досыпки. Лишь несколько погребений с одной стелой в перекрытии были безынвентарны и имели при этом средние (или ниже средних) размеры – это захоронения детей и подростков. Вероятно, можно говорить об особом социальном статусе этой группы погребенных. Наиболее выразительны изображения на стелах из Крестовой могилы (Гудкова 1993), Чобручей (Дергачев 1968), Новоселовки, Утконосовки (Алексеева 1992). В качестве атрибутов на них изображены топоры, из украшений – бусы.

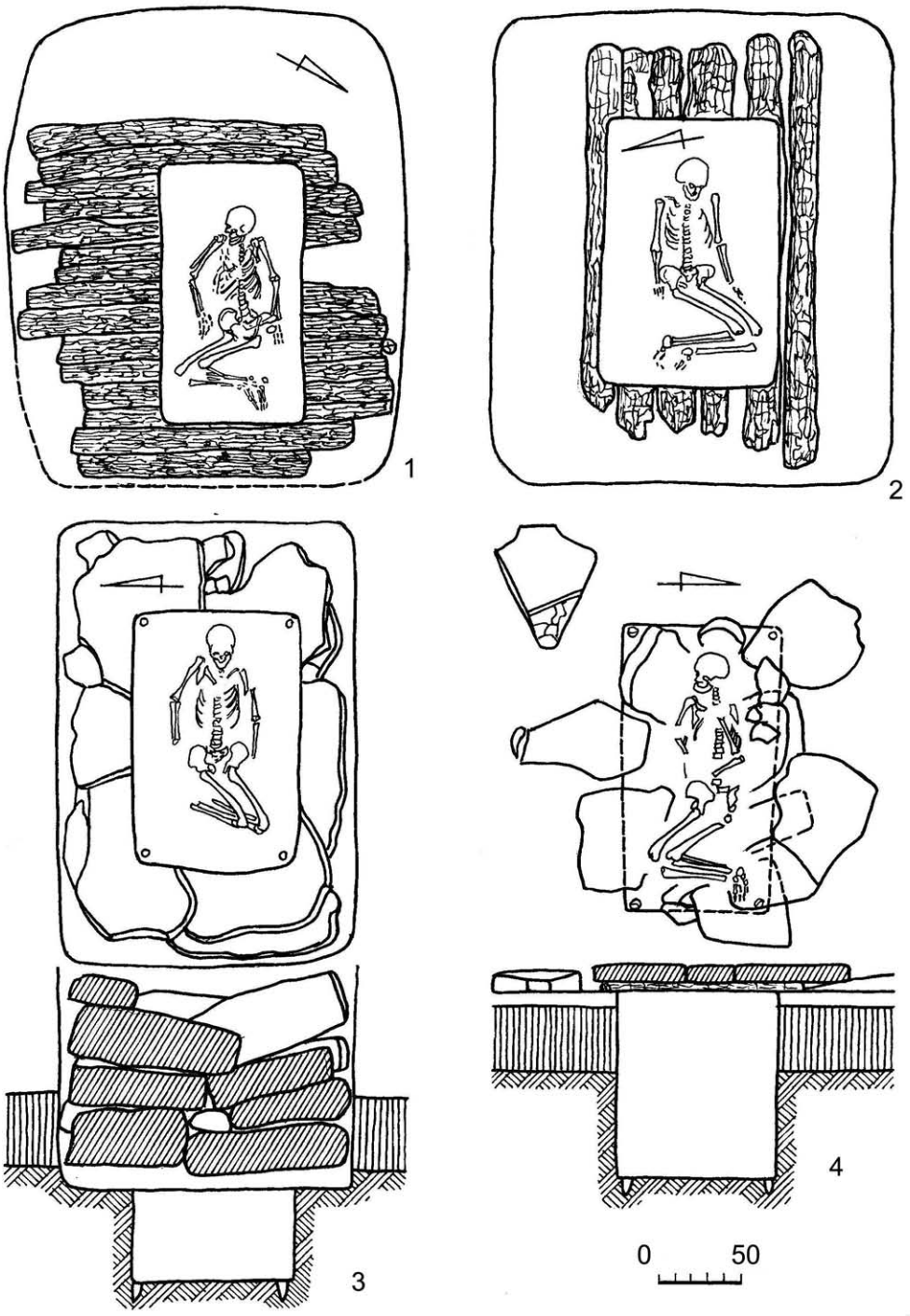


Рис. 42. Варианты перекрытий захоронений ямной культуры.
1 – курган «Любаша»; п. 8; 2– Кубей 1/6; 3 – Белолесье 3/26; 4 – Новоселица 19/17

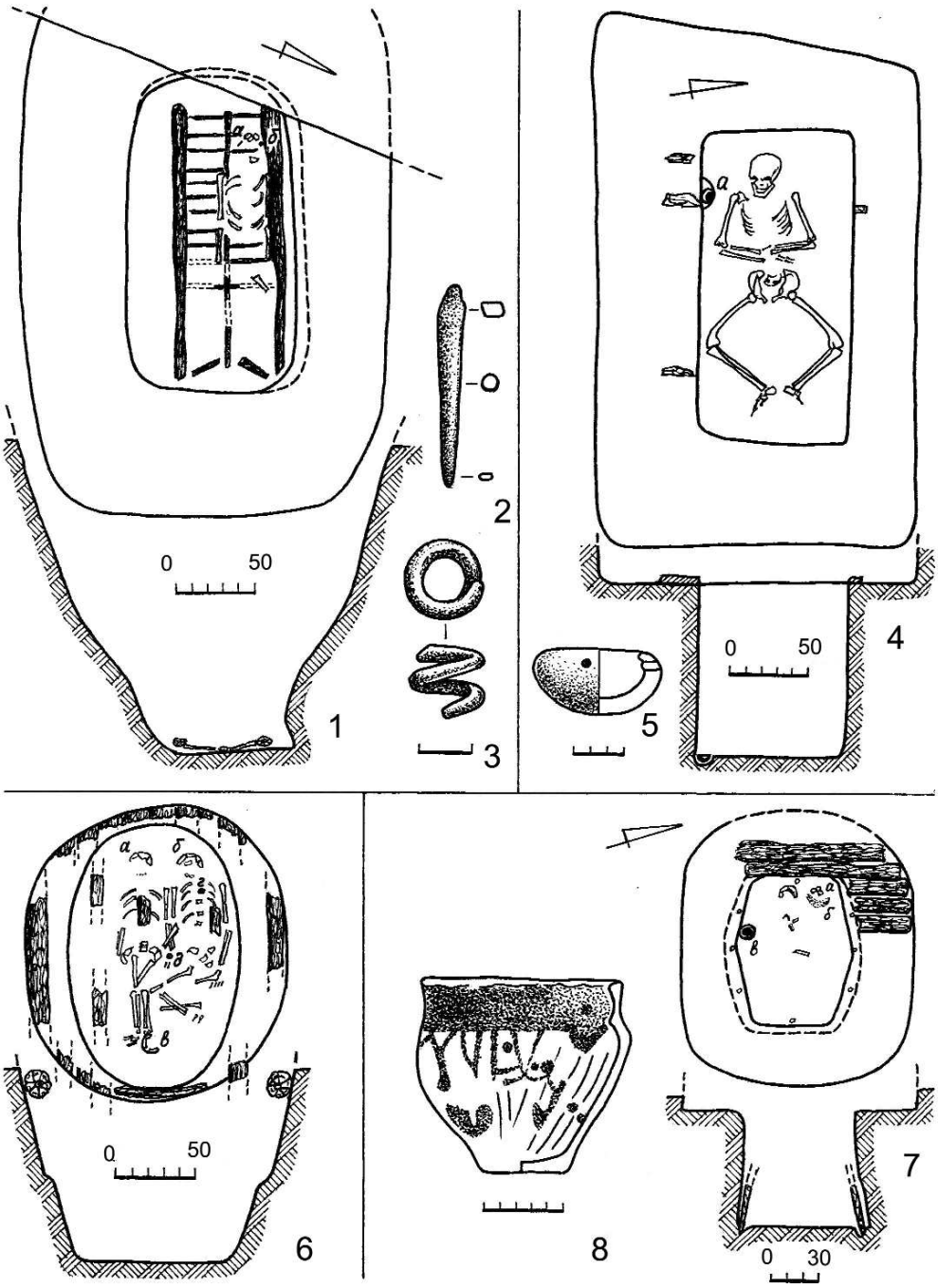


Рис. 43. Конструктивные особенности погребальных сооружений.
1–3 – Катаржино 1/11: 1 – план погребения; 2 – медное шило; 3 – серебряная спираль;
4–5 – Белолесье 3/8: 4 – план погребения; 5 – сосуд; 6 – Катаржино 1/21;
7–8 – Катаржино 1/9: 7 – план погребения, 8 – сосуд

Имеются около полутора десятков погребения в *каменных ящиках* (рис. 44; 45); такие захоронения во всем ареале их распространения, в том числе и в Северо-Западном Причерноморье, многие исследователи относили к особой кеми-обинской культуре, выделенной на материалах Крыма (Щепинский 1975, 1985; Рассамакін 1997). Территория ее распространения и происхождение не были определены однозначно[1]. В качестве присущих ей признаков рассматривались наличие каменных и деревянных ящиков, роспись стенок, надмогильные сооружения из камня, использование зеленой глины, посыпка дна охрой (Щепинский 1975: 9). В то же время формируется точка зрения, что эти захоронения следует рассматривать в рамках ямной культурно-исторической общности (Генинг 1987; Петренко, Тощев 1990; Субботин 1995; 2000; Иванова 2001а; Тесленко 2001).

В последние годы серия захоронений в каменных гробницах была открыта в курганах Северо-Западного Причерноморья. Анализ работ, в которых рассматривались вопросы их культурной принадлежности, выполнен в одной из статей Л.В. Субботина (1995: 193–197), что позволяет нам лишь кратко остановиться на ее основных положениях. Автор отмечает эволюцию, взглядов исследователей на данную проблему. Если вначале орнаментированные конструкции воспринимались как свидетельство продвижения в Северо-Западное Причерноморье племен кеми-обинской культуры (Субботин и др. 1976: 195–197), то в дальнейшем гробницы у с. Старые Беляры (Петренко 1991а: 84, 85, 90) и с. Великозименово (Петренко, Тощев 1990: 83–85) определялись как сооружения кеми-обинского типа, что, по мнению Л.В. Субботина (1995: 196), является наиболее правомерным. Исследователь приходит к выводу о таких каменных гробницах, как «...разновидности местного ямного погребального обряда, которая, вероятно, возникла под влиянием культуры шаровидных амфор и культурного проявления типа Кеми-Обы». Как результат контактов населения ямной культуры с иными общностями, предлагает считать каменные гробницы междуречья Прута и Днестра В.А. Дергачев (1999: 206, 207).

Со временем возникли вполне обоснованные сомнения в правомерности существования кеми-обинской культуры как таковой (Тощев 2004; 2007). Отмечают, что в Степном Причерноморье погребения в каменных ящиках появляются в позднем энеолите и известны практически во всех «доямных» культурах и культурных группах – постмариупольской/квитянской, нижнемихайловской, животиловской. Причем и в энеолите, и в раннем бронзовом веке регион их наибольшей концентрации определен как территория между Днепром и Ингулом (Тесленко 2002: 107). Поэтому появление таких погребальных конструкций у ямного населения может быть связано с памятники предшествующей эпохи, а не с синхронными памятниками Крыма. Стратиграфические данные – т.н. переменная стратиграфия – также дают основания включить «кеми-обинские» захоронения в контекст ямной культуры. К тому же антропологический (средиземноморский) тип «кеми-обинцев» Крыма идентичен тому, что определен для ямного населения близлежащих и некоторых отдаленных от Крыма территорий, в т.ч. Северо-Западного Причерноморья (Круц 1997: 381). Основным отличием этих комплексов от «стандартных» ямных захоронений является присутствие в погребальном сооружении каменного ящика, что может быть связано с определенным социальным статусом умершего, а не являет-

[1] Историографию вопроса см.: Тощев 2007: 60–65.

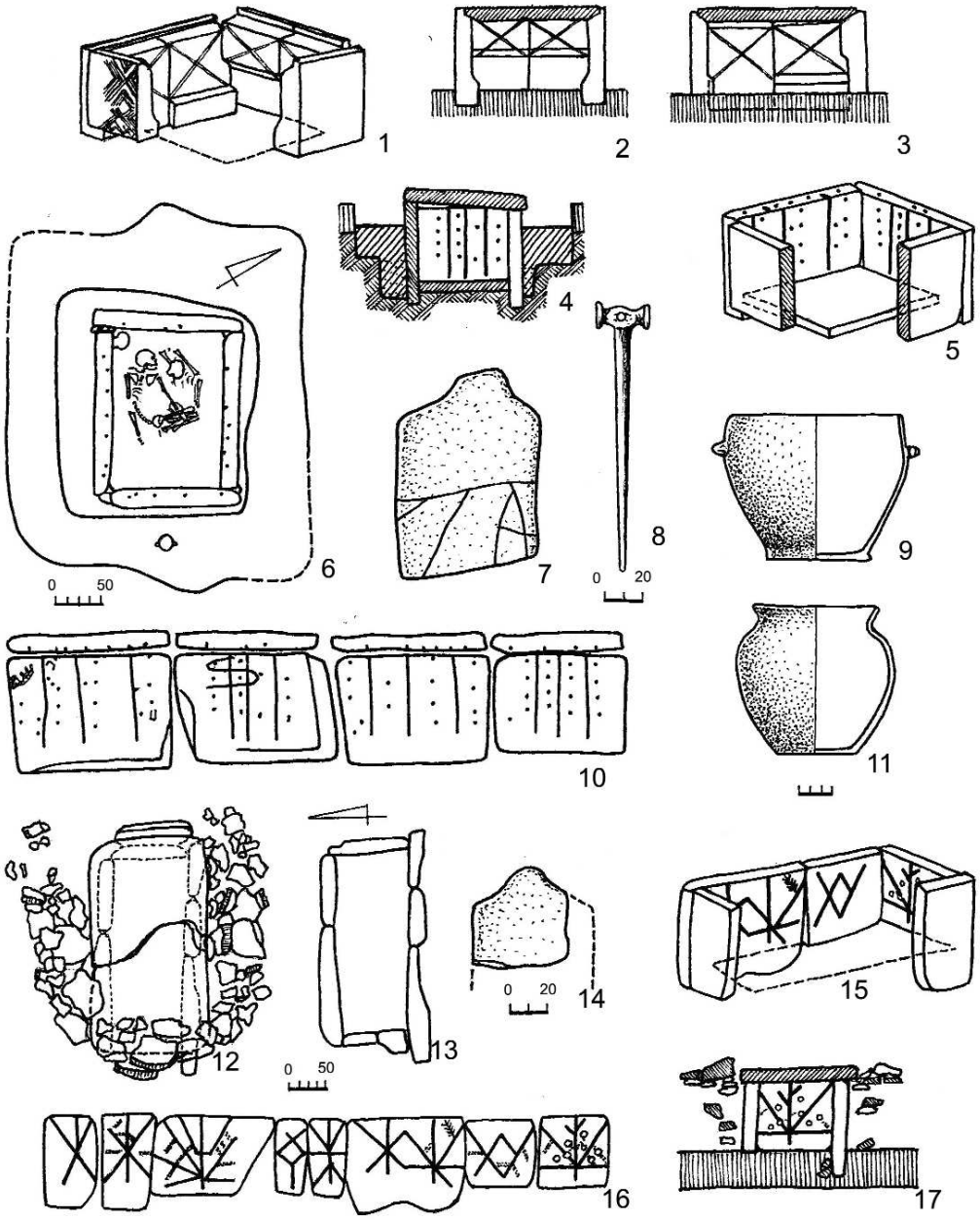


Рис. 44. Захоронения в каменных ящиках.
1–3 – Великодолинское 1/1: реконструкция каменного ящика;
4–11 – Старые Беляры 1/14: 4, 5, 10 – каменная гробница и плиты из нее;
7 – антропоморфная стела, 8 – костяная молоточковидная булавка, 9, 10 – сосуды;
12–17 – Великозименово 1/1: 13, 15–17 – каменная гробница; 14 – антропоморфная стела

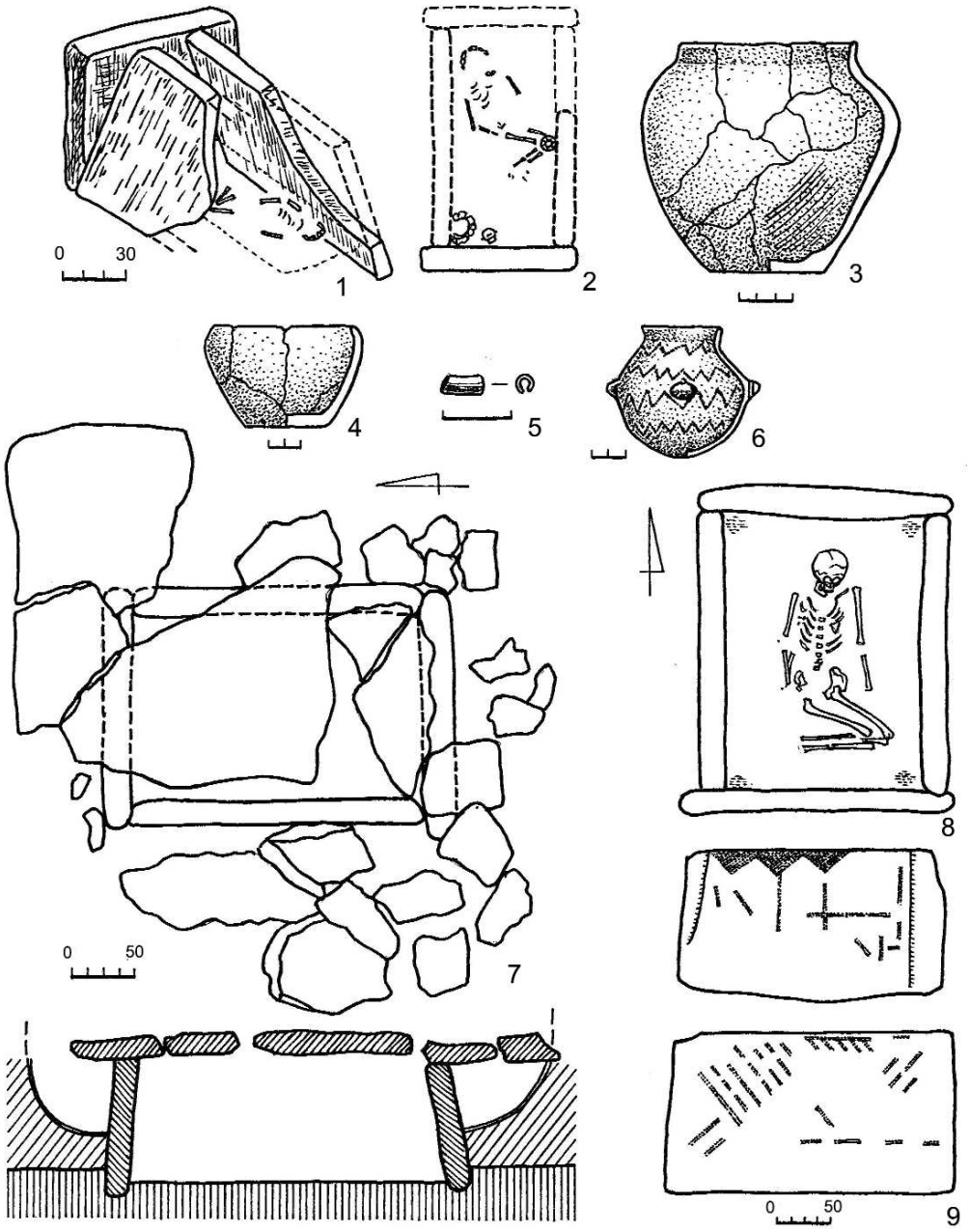


Рис. 45. Захоронения в каменных ящиках.
1–6 – Бараново 1/9: 1, 2 – каменная гробница; 3, 4, 6 – сосуды; 5 – медная пронизь;
7–9 – Катаржино 1/1; 7, 8 – каменная гробница; 9 – роспись на плитах

ся культурообразующим признаком. Существует мнение об отнесении погребенных в каменных ящиках к служителям культа (Генинг 1987), хотя можно указать и типично воинское захоронение – Алкалия 33/3, в котором так же присутствует каменный ящик (рис. 54).

В Северо-Западном Причерноморье обряд захоронения в каменных ящиках достаточно разнообразен. За редким исключением (Одесский курган и Великозименово, и, возможно, Дубиново, где ящики установлены на вершине насыпи кургана или на древней дневной поверхности), они, обычно, впущены в готовые могильные ямы. Большинство гробниц составлены из четырех плит, но имеются варианты – из шести (Красное), восьми (Великозименово) и десяти (Татарбунары). Дважды встречены «полуящичные» конструкции, причем в том же кургане, где был найден и традиционный вариант (Катаржино). Возможно, к модификациям (или подражаниям) следует отнести несколько типов конструкций, где имеется каменная кладка по стенам (Красное 9/8), надмогильные конструкции в виде двух вертикальных плит и перекрывающей их третьей (Нерушай 9/33, Каушаны 1/3, Глубокое 1/11), обкладка по периметру камнями, с перекрытием горизонтальными плитами или стелами (Кубей 23/7, Семеновка 14/2). Число таких комплексов не превышает десятка, из них ранней датой привлекает внимание погребение Семеновка 14/2: Ki-2126, 3520-3310 BC (Субботин 2000: 364). Лишь в одном случае (Старые Беляры) дно было каменным, обычен земляной пол гробницы с обмазкой глиной, подсыпкой песком, жерствой. Имеются каменные ящики с простыми плитами и украшенные росписью на стенах, выполненной красной охрой (Великозименово 1/1, Старые Беляры 1/14, Алкалия 33/3, Катаржино 1/1). Известно вторичное использование плит каменного ящика: в основном захоронении ямной культуры из Великодолинского части каменного ящика были применены как перекрытие, причем плиты были оформлены в технике резьбы по камню, а не с помощью более распространенной росписи. Часть каменных гробниц соотносят с влиянием культуры шаровидных амфор – Татарбунары 1/2, Санжейка 1/8, (Субботин 1995; Алексеева 1992; Szmyt 1999), Кубей 21/14 (Субботин и др. 1987). Несмотря на конструктивные отличия, можно отметить общность погребальных традиций: почти все погребения впускные, устроены в западном или южном секторах кургана, погребенные в каменных гробницах (при единичных исключениях) связаны с левобочным расположением умершего (на левом боку или с наклоном влево). Дополнительным аргументом в пользу их ямной принадлежности является соотнесение каменных гробниц с традиционной ямной планиграфией: в курганах с большим количеством захоронений, расположенных по дуге или окружности, погребения в каменных ящиках включены в общий контекст (Катаржино). Радиоуглеродные даты (2700–2200 BC) этой группы захоронений синхронны периоду существования ямных памятников региона (Szmyt, Chernyakov 1999; Иванова и др. 2005: 98).

Погребальный инвентарь присутствует более чем в половине рассматриваемых комплексов. Хотя он определенно соотносится с ямной культурой, все же можно отметить преобладание раритетных (роговая молоточковидная булавка, деревянные раскрашенные палочки для гадания) или достаточно редких (медные пронизи, каменный болас) артефактов. Сосуды, найденные в пяти захоронениях (до трех в одном комплексе), включают в себя как традиционно местные формы (Старые Беляры), так и характерные для соседнего, Днепро-Бугского ареала ямной культуры (курган «Солдатская слава»). Имеются и инокультурные влияния – шаровидная амфора (Татарбунары), сосуд катакомбного облика (Кубей). Особо выделя-

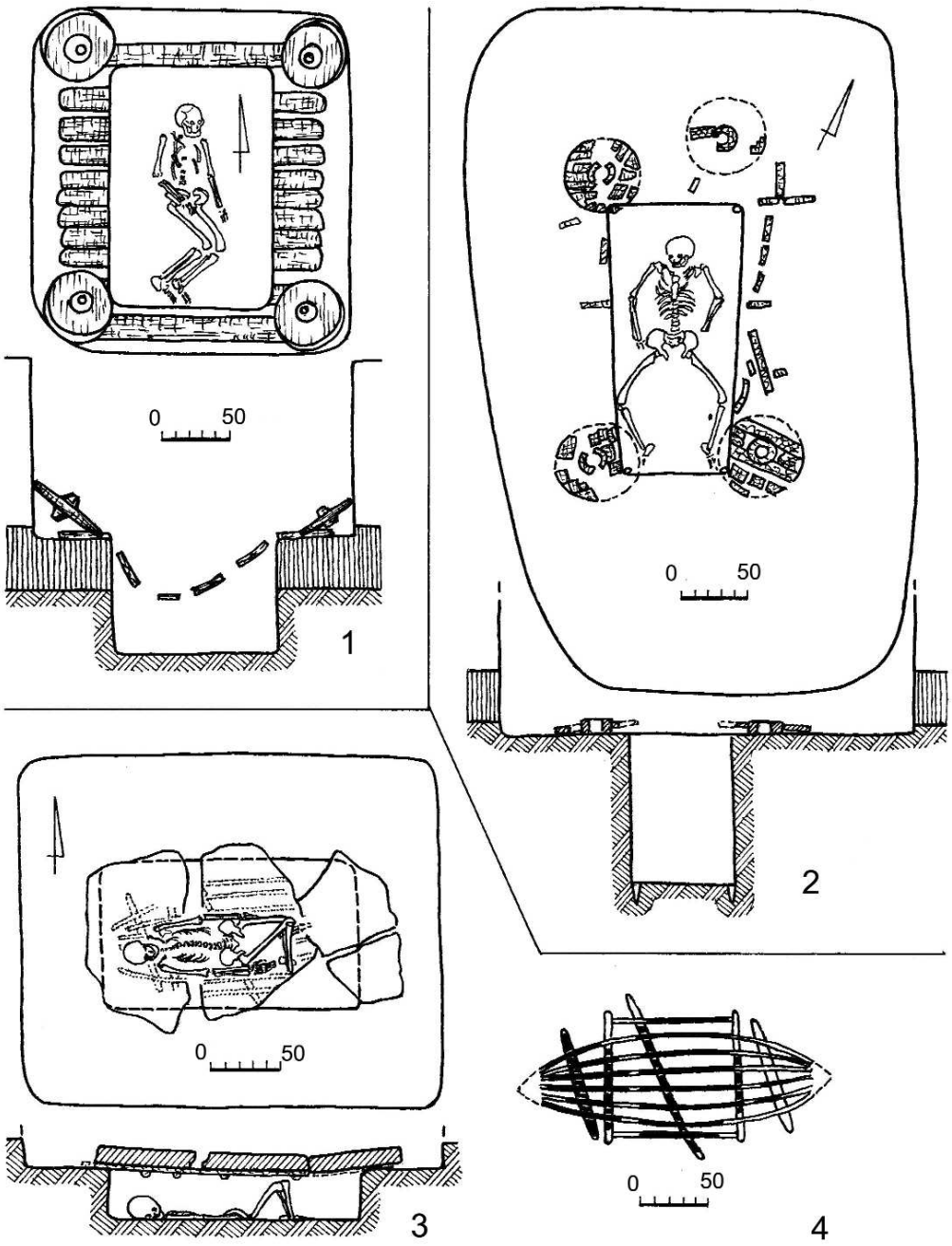


Рис. 46. Средства передвижения населения ямной культуры по данным погребального обряда. 1, 2 – остатки деревянных повозок: 1 – Балабаны 13/13; 2 – Новоселица 19/16; 3, 4 – носилки в виде лодки: Семеновка 8/8

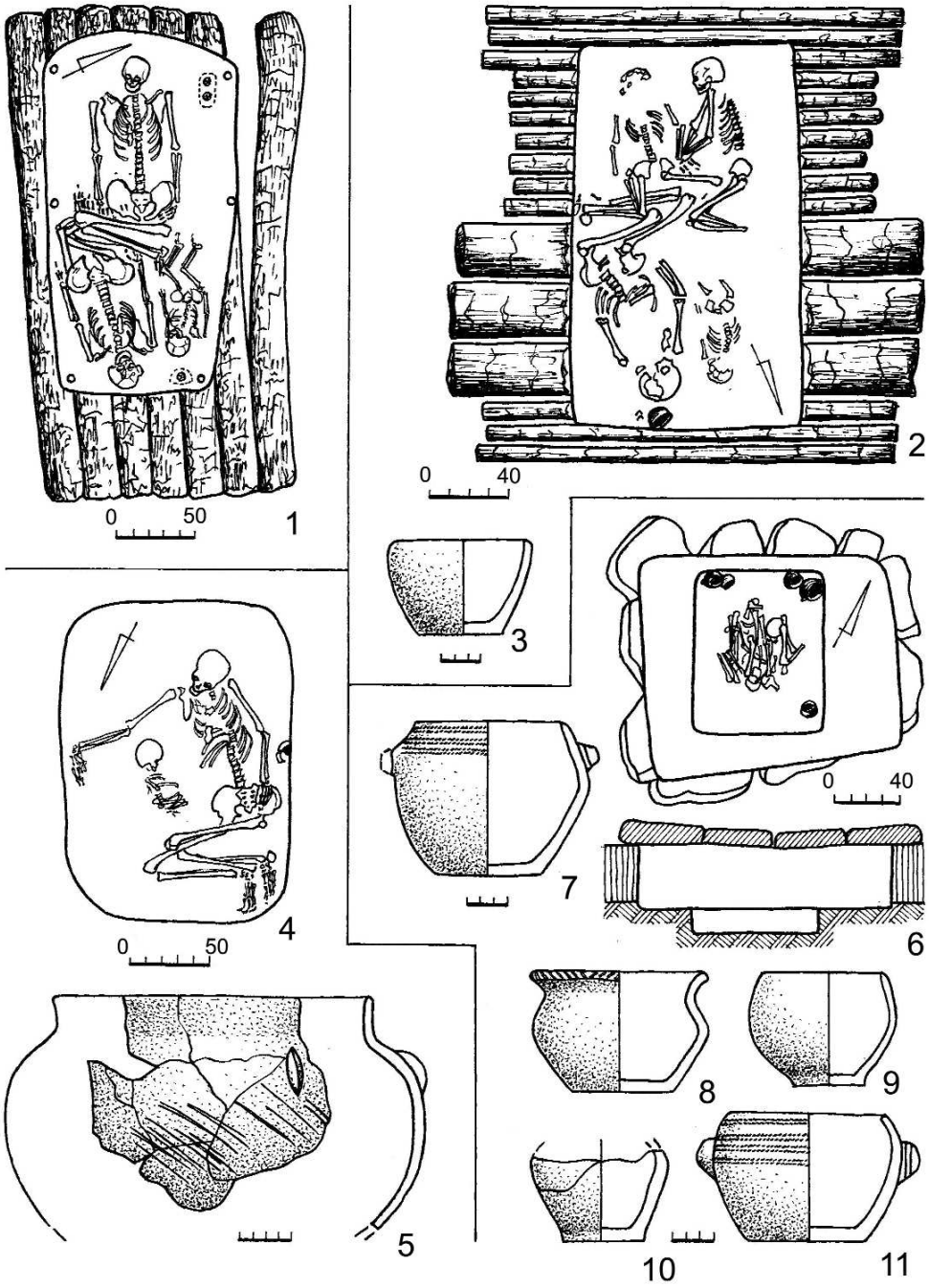


Рис. 47. Парные и коллективные захоронения и инвентарь из них.
1 – Красное 9/20; 2, 3 – Семеновка 2/3: 2 – план погребения; 3 – сосуд;
4, 5 – Нерушай 9/9; 4 – план погребения; 5 – сосуд; 6–11 – Траповка 1/8;
6 – план погребения; 7–11 – сосуды

ется погребение Алкалия 33/3, где найдены каменная булава, кремневый топорик, остатки лука и колчана, 11 кремневых наконечников стрел, кремневое острие, обломок медного ножа, медный составной браслет на кожаном ремешке, деревянное блюдо. Булава грушевидной формы, артефакт известный, но редкий в катакомбной культуре региона, указывает на позднюю датировку этого комплекса (рис. 54).

Вероятно, все захоронения в каменных ящиках, происходящие с территории Северо-Западного Причерноморья, в том числе связанные с традициями других культур, следует рассматривать в рамках ямной КИО. Об этом свидетельствуют основные компоненты погребального обряда – способ захоронения, положение погребенного и погребальный инвентарь.

В 17 захоронениях Северо-Западного Причерноморья найдены остатки *деревянных повозок* (рис. 46), в виде колес и частей кузова (Иванова, Цимиданов 1993). В других регионах обитания ямных племен находки повозок достаточно редки, а в некоторых отсутствуют вовсе. Лишь на Кубани, в ареале новотиторовской культуры (генетически связанной с ямной), повозок существенно больше (Гей 1999)[1]. В захоронениях обычно находят по четыре колеса от повозки, в одном случае (Холмское 2/10) – три колеса, и в пяти захоронениях – по два колеса. При этом известны как сплошные колеса (Ясски, Этулия, Балабан), так и трехчастные, традиционно считающиеся более поздними (Холмское). Известны случаи помещения в погребение повозок, которые до участия в погребальном обряде не были в употреблении. Взаимосвязь между присутствием в погребении повозки, довольно значительного уровня трудовых затрат, неординарных черт ритуала, указывает на особое положение лиц, захороненных с повозками. Погребенные с повозками чаще всего лежат в позе «скорченно на спине», преобладают захоронения мужчин, хотя имеются женское и детское погребения. В инвентаре – серебряные украшения, медные артефакты (нож, шило), изделия из кости, керамика.

Способ погребения. Погребальные комплексы региона представлены преимущественно, индивидуальными захоронениями, реже – парными и коллективными (рис. 47–49). Выделяется пять основных вариантов положения умершего: 1) скорчен на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги, первоначально поставленные коленями вверх, упали в ту или другую сторону, распались (или уложены?) ромбом; 2) с наклоном вправо, левая рука согнута в локте, кисть – в области таза, живота или груди; правая рука вытянута вдоль; 3) симметрично предыдущему, т. е. ноги согнуты влево, а у таза лежит правая рука; 4) на правом боку, с различным расположением рук; 5) так же, но на левом боку. Внутри данных пяти вариантов прослеживают и более дробную градацию (Яровой 1985); либо объединяют их в три типа – на спине, на правом боку, на левом боку (Рычков 1990; Николова 1992). Погребения 1-го варианта не только численно преобладают, но и в большинстве случаев являются основными для курганных насыпей. О том, что все варианты сосуществуют во времени, свидетельствует их сочетание в парных и коллективных захоронениях, порой – одновременное их нахождение на уровне одного стратиграфического горизонта, а также радиоуглеродные даты. Особые группы составляют захоронения с расчлененными скелетами и кенотафы[2]. Что касается ориентировки погребен-

[1] Скорее всего, такая их концентрация отражает два пути проникновения колесного транспорта в степную зону, через Балканы и Кавказ.

[2] Среди редких черт обряда дважды зафиксирована кремация; дважды – положение умершего сидя.

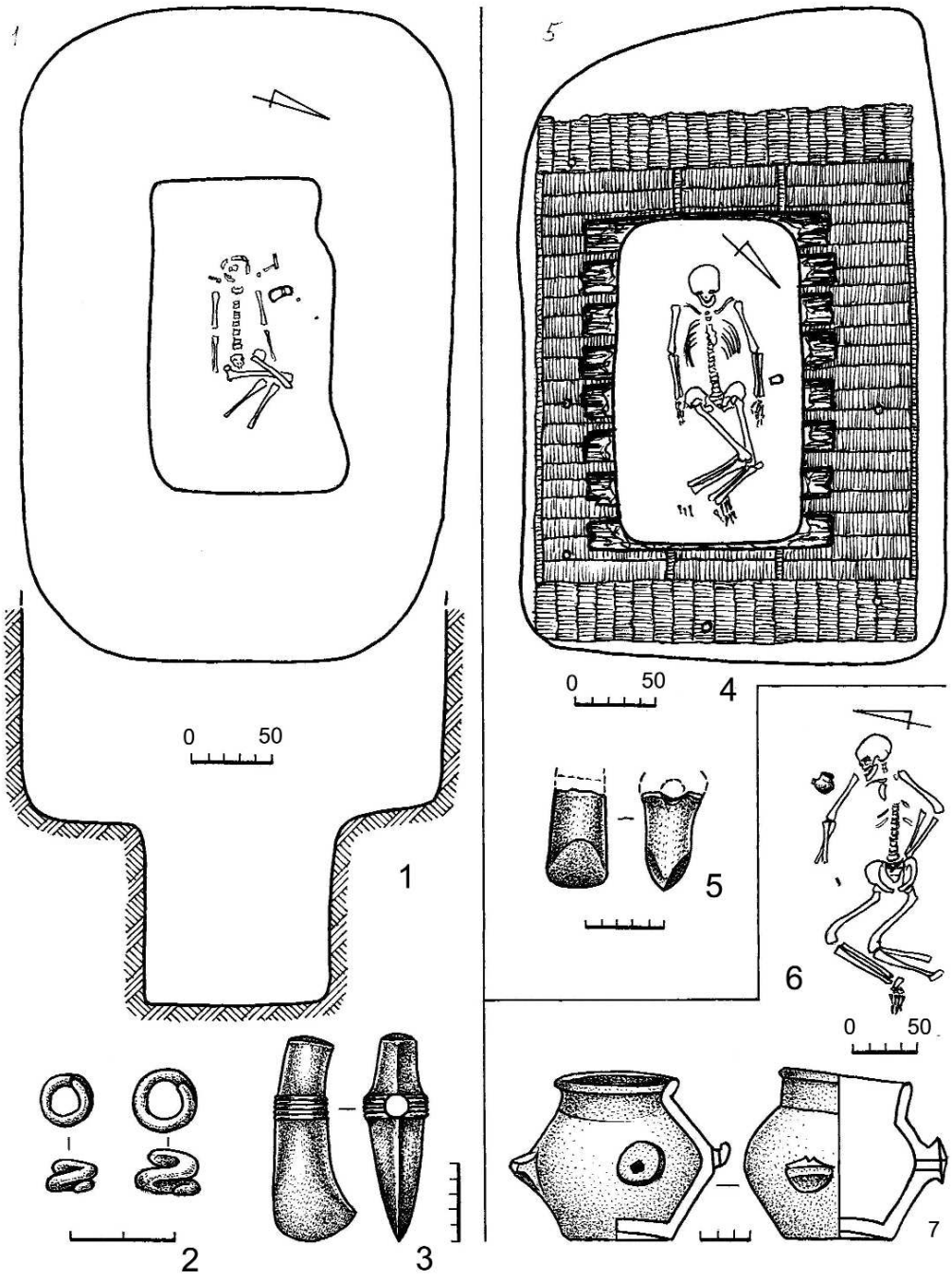


Рис. 48. Погребения ямной культуры и инвентарь из них.
1–3 – Бараново 1/10: 1 – план погребения; 2 – серебряные спирали; 3 – каменный топор;
4, 5 – Семеновка 14/12: 4 – план погребения; 5 – фрагмент каменного топора;
6, 7 – Белолесье 3/15; 6 – план погребения; 7 – сосуд

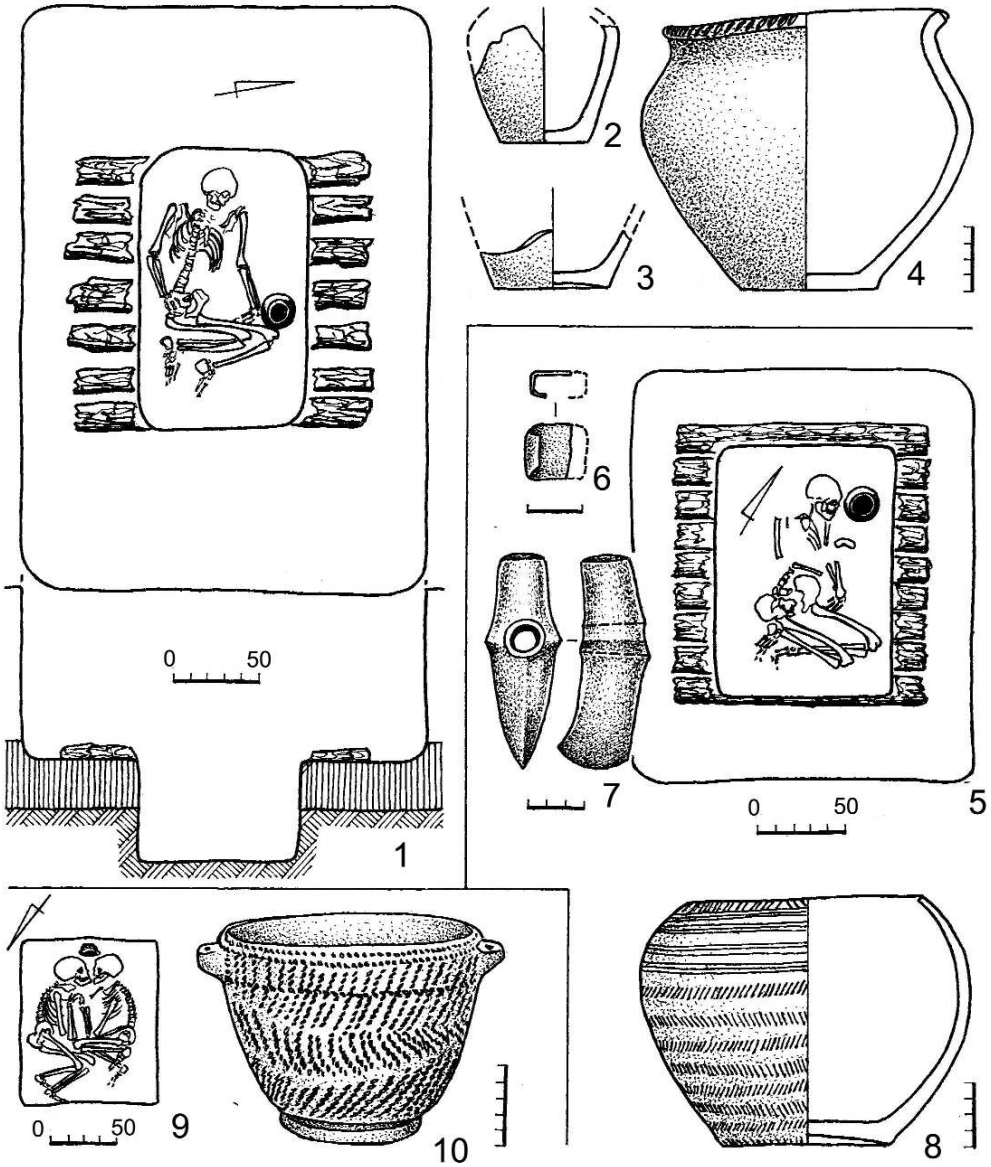


Рис. 49. Погребения ямной культуры и инвентарь из них
1–4 – Белолесье 11/9: 1 – план погребения; 2–4 – сосуды;
5–8 – Семеновка 8/16; 5 – план погребения; 6 – медная обойма; 7 – каменный топор;
8 – сосуд; 9, 10 – Нерушай 9/74; 9 – план погребения; 10 – сосуд

ного, то, учитывая характерную для региона традицию кругового расположения впускных захоронений, она значима, по большей части, для основных комплексов, либо впускных в центр насыпи. Встречаются все направления ориентировок при несомненном преобладании западного полукруга; около 20% захоронений ориентированы в восточном направлении. Умершие, за редким исключением, были уложены по длинной оси могилы.

Погребальный инвентарь. *Керамика* является преобладающей категорией погребального инвентаря. Она составляя около 40% от общего числа находок (рис. 50; 51). Техника изготовления керамики традиционна – вручную, с применением шамота (значительно реже – песка) в качестве основного отощителя, с обработкой поверхности лощилом, шпателями, пучками растительности. Цвет поверхности варьирует от розовых и желтых оттенков до темно-серого. Отличительной чертой керамического комплекса Северо-Западного Причерноморья является плоскодонность, тогда как на смежных территориях преобладают сосуды округлых и яйцевидных форм. Чаще всего сосуды ставились в изголовье погребенного, реже – у ног, у таза, иногда – в углах погребальной камеры. Можно выделить следующие основные типы керамики:

1. Горшки различных типов, сильно варьируют по пропорциям и профилю (рис. 50, 1, 2). Имеются неорнаментированные экземпляры, часть украшена насечками по венчику или плечикам, елочным шнуровым орнаментом по плечикам. Этот тип сосудов является доминирующим в керамическом комплексе региона. Чаще всего горшки имеют высокие пропорции, хотя, порой, встречаются приземистые, с широким туловом.

2. Банки усеченно-конической формы, с парами одинарных или двойных ручек-налепов, имеющих вертикальные сквозные отверстия (рис. 50, 3, 5). Встречаются сосуды с выделенным дном, оформленным бороздой или отпечатком шнура. Часть сосудов покрыта розовым ангобом, имеет орнамент, нанесенный отпечатком шнура (причем чаще орнаментированы экземпляры с выделенным дном); высота варьирует от 8 до 17–18 см.

3. Кубки различных очертаний, с высоким, цилиндрическим или отогнутым наружу венчиком (рис. 50, 7, 8). Порой, поверхность подлощена или хорошо заглажена. Высота их колеблется в пределах 10–16 см. Часть кубков украшена шнуровым орнаментом. Имеются сосуды кубковидной формы, с цилиндрическим горлом.

4. Амфорки – относительно небольшого размера сосуды, с яйцевидным или шаровидным туловом, цилиндрической горловиной, плоским дном (рис. 50, 4, 6). Обычно они имеют две (реже – четыре) ручками-налепа, с вертикальными сквозными отверстиями. Поверхность заглажена, часто покрыта ангобом, оформлена шнуровым орнаментом, насечками по краю венчика Высота колеблется в пределах от 8 до 18 см.

5. Амфоры – самые крупные типы сосудов среди керамики из ямных погребений (высотой от 20 до 40–50 см), представлены тремя типами. Первый из них включает в себя овоидные амфоры крупных размеров, с цилиндрическим горлом, выпуклым туловом и, преимущественно, плоским дном; петлевидные ручки расположены в наиболее широкой части тулова (рис. 51, 1). Происхождение их связывают с кругом шнуровых культур. Второй и третий типы являются подражанием и импортом из ареала культуры шаровидных амфор, это экземпляры с четырьмя ручками-налепами на высоко поднятых плечиках (рис. 51, 3) и орнаментированные амфоры с выпуклым туловом (рис. 51, 7). Имеются синкретические экземпляры,

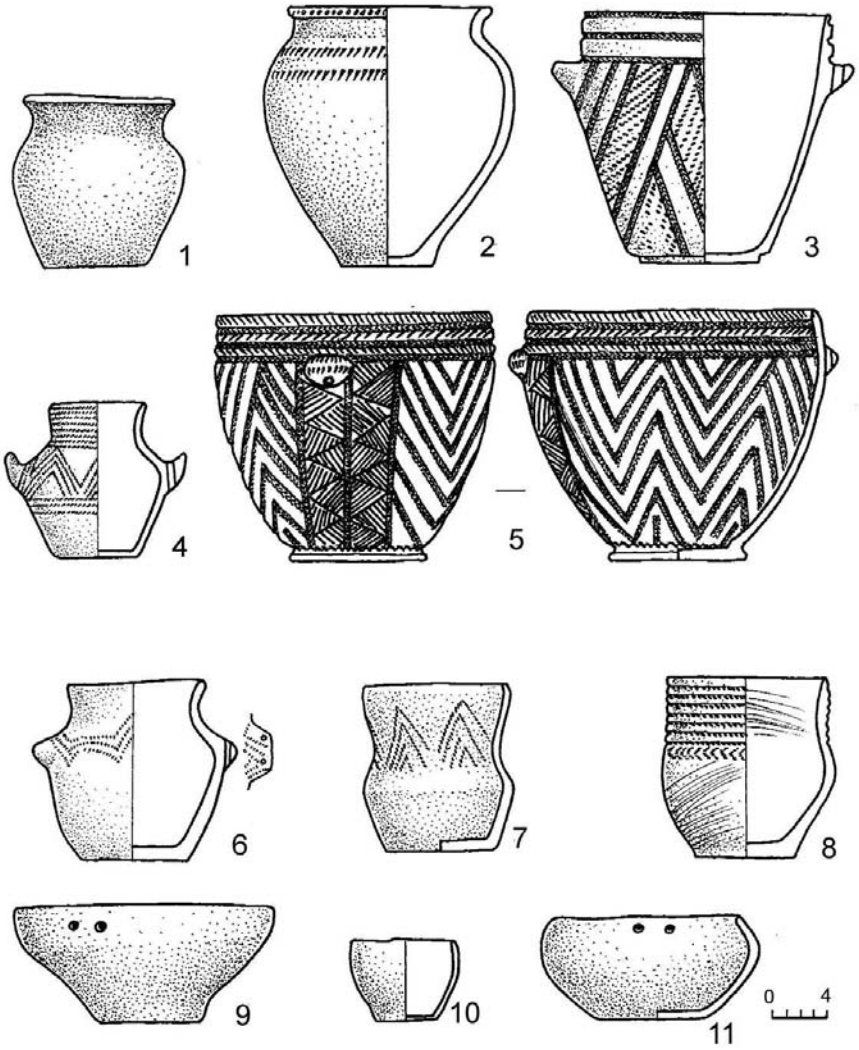


Рис. 50. Основные формы керамики из погребений.
1 – Щербанка 1/7; 2 – Новоградковка 1/4; 3 – Сергеевка 11/7; 4 – Лиман 3А/30;
5 – Семеновка 12/2; 6 – Кубей 1/16; 7 – Траповка 4/5; 8 – Траповка 6/20;
9 – Приморское 1/34; 10 – Оланешты 1/14; 11 – Хаджимус 2/17

сочетающие шаровидную форму с традиционной для региона геометрической орнаментацией (рис. 51, 2).

6. Чаши – приземистые, усеченно-конические сосуды, порой со слегка вогнутым венчиком, иногда с двумя сквозными проколами под венчиком. Высота их от 5 до 12 см (рис. 50, 10).

7. Миски характеризуются более приземистой по сравнению с чашами формой и большим диаметром венчика (рис. 50, 9, 11).

8. Кувшины и кружки с петлевидными ручками (рис. 51, 4).

Единичными экземплярами представлены другие виды – традиционные «ямные» округлодонные сосуды (рис. 51, 5) или связанные с инокультурными традициями: кратеры, глиняные воронки (рис. 51, 6). Небольшую, но выразительную серию представляют аски, происхождение которых связывают с кругом придунайских и балканских культур (табл. 12, 5; рис. 51, 8, 9). Из редких форм отметим сосуды «с носиком» (рис. 48, 7) или прямоугольных очертаний.

Основные орнаментальные мотивы состоят из горизонтальных рядов линий, треугольников, опущенных вершинами вниз, углов, зигзагов, косых линий. Как правило, они выполнены оттисками шнура; орнаментирована вся поверхность сосуда либо только верхняя часть. Реже известны насечки по краю венчика или плечикам, вдавления трубчатой костью (полой трубочкой), резной орнамент.

В составе инвентаря, найденного в захоронениях региона, можно выделить орудия труда и оружие из кремня, камня, кости, металла, украшения из различных материалов.

Орудия труда (рис. 52)**.** Из кремневых изделий отметим скребки, скобели, резцы, проколки, ножи, нуклеусы. В группе каменных орудий труда наиболее массовой категорией являются растиральники, песты и песты-растиральники, используемые как для растительных продуктов, так и для медной руды, охры (рис. 52, 14). Известны каменные зернотерки и куранты, лощила, отбойники. В единичных случаях найдены выпрямители древков стрел, литейная форма (рис. 52, 18–20). Среди костяных орудий труда зафиксированы проколки, шилья, лощила, костяные и роговые мотыги. Костяные трубочки (длиной от 2,5 до 7 см) определяются как рукояти (Субботин 2000: 362), свирели или «флейты Пана» (Усачук 1999), но такие изделия трактуются и как приспособление для доения животных (Галкин 1975). Известны находки металлических ножей листовидной формы, шильев, тесел (рис. 52, 1–3). Порой нож и шило находят в наборе[1]. Характерно, что по направлению к востоку региона количество находок металла уменьшается, что может косвенным образом указывать на основной источник поступления металла (Балканы)[2].

Оружие (рис. 52). Оружием являются кремневые и костяные наконечники стрел, кремневые наконечники копий и дротиков (табл. 12, 9, 10). Костяные черешковые наконечники имеют листовидные очертания, а кремневые – подтреугольные, с вогнутым, реже с прямым основанием (рис. 52, 9, 17). Характерно, что лишь в единичных случаях наконечники стрел достоверно фиксируются как погребальный инвентарь, по большей части они являлись причиной смерти или ранения, находясь среди костей погребенных. К оружию в ямных захоронениях региона относятся кремневые топоры (рис. 52, 11, 12; 55, 17); они изготовлены из серого волынского кремня, указывая, вероятно, на импортный характер из зоны культур шнуровой керамики либо шаровидных амфор. Каменные шлифованные топоры концентрируются, в основном, в Днестро-Дунайском междуречье[3]. Форма удлиненно-ладьевидных очертаний изделий преобладает во всей серии, ромбовидная и треугольная представлена единичными случаями (табл. 12, 11; рис. 52, 21). В различных культурах эпохи бронзы они являются оружием и в то же время относятся к инсигниям власти. Металлические ножи, скорее всего, были полифункциональными; их могли

---

[1] Этот довольно традиционный для эпохи бронзы набор считают и жреческим символом (Бестужев 1987), и набором ремесленника (Моргунова, Кравцов 1994).

[2] Хотя фиксируют кавказский и уральский металл (Ольговский 1988).

[3] Заметим, что на почти тысячу погребений ямной культуры соседнего, южнобугского, варианта приходится всего один комплекс с каменным шлифованным топором (Шапошникова и др. 1986: 47).

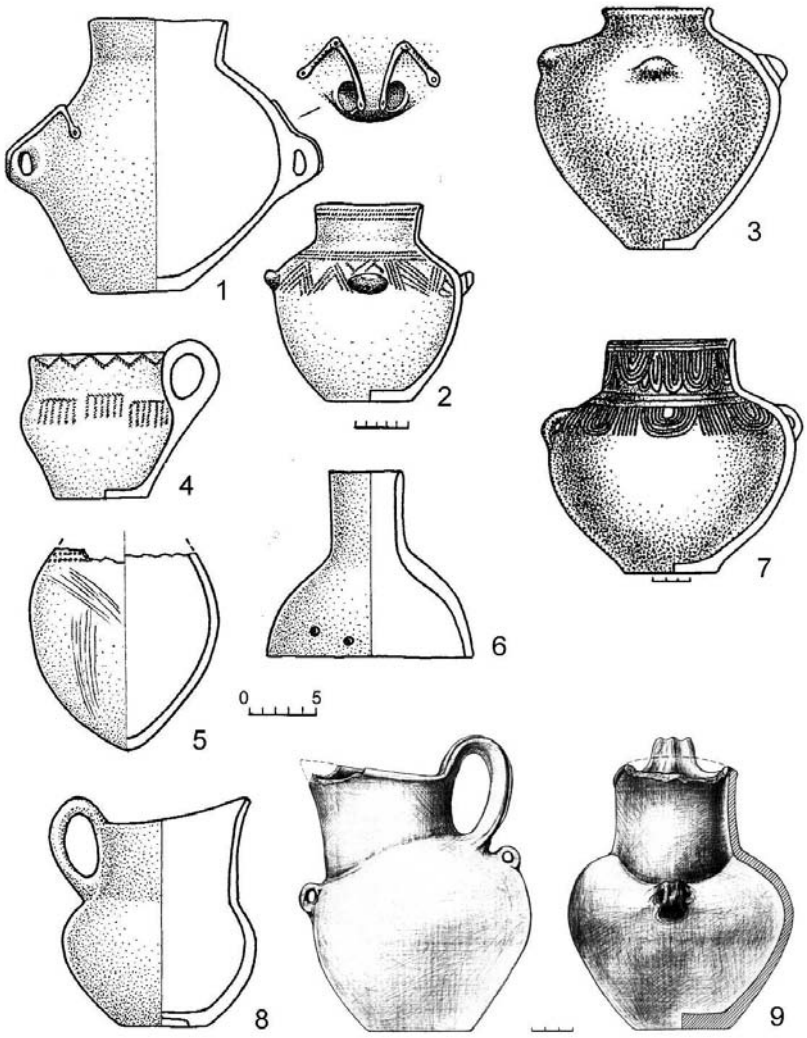


Рис. 51. Редкие и инокультурные формы керамики.
1 – Градешка I, 5/11; 2 – Градешка I, 5/11; 3 – Корпач 2/13; 4 – Оланешты 1/28;
5 – Сергеевка 1/10; 6 – Новоградковка 1/10; 7 – Корпач 2/7;
8 – Глубокое 2/11; 9 – Матроска

использовать как оружие ближнего боя, так и для хозяйственных нужд. Известны погребения с наборами оружия – Пуркары 1/38, Алкалия 33/3 (рис. 54).

Украшения (рис. 53). В этой категории находок преобладают металлические изделия (найдены более чем в 130 погребениях); они подразделяются на несколько категорий: височные подвески (серьги), бусины, браслеты, перстни (рис. 53, 2, 3 6–11). Спиралевидные многовитковые подвески и серьги в один оборот изготавливались из серебра, меди/бронзы, дважды найдены золотые – Глубокое 1/7 (Шмаглий, Черняков 1970) и Плавни 26/7 (Андрух и др. 1985). Медные пронизи, обоймочки, пронизи-бусины входили в состав браслетов, ожерелий. Эти украшения

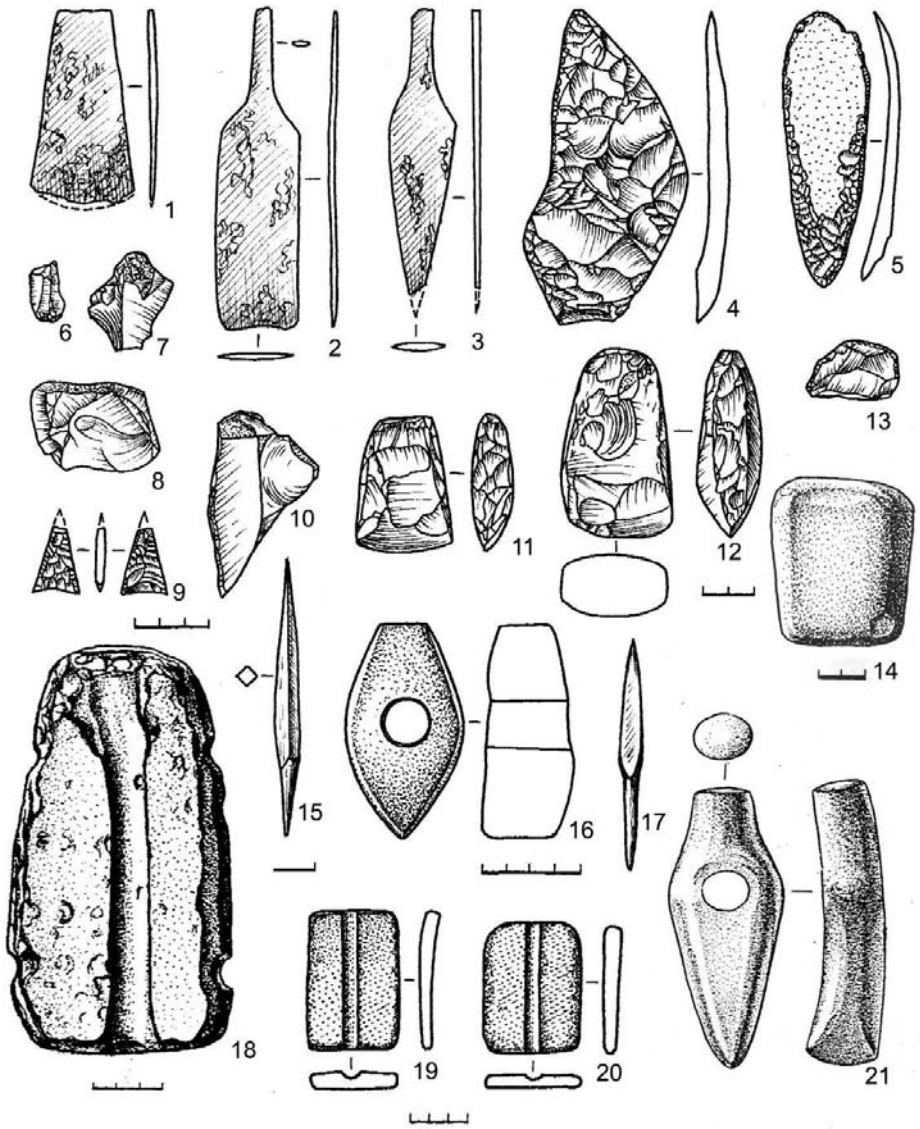


Рис. 52. Орудия труда из захоронений.
1 – Алкалия 35/6, тесло; 2 – Тараклия II, 10/19, нож-бритва;
3 – Фрикацей 4/12, нож-кинжал; 4 – Утконосовка 1/6, нож-кинжал;
5 – Холмское 2/8 жатвенный нож; 6 – Нагорное 14/16 нож;
7 – Вишневое 17/43, строгальный нож для дерева; 8 – Вишневое 1/43, пилка по дереву;
9 – Конгаз 11/5, наконечник стрелы; 10 – Чауш 20/2, скобель; 11 – Холмское 5/14, топор;
12 – Григорьевка 1/10, топор; 13 – Вишневое 17/43, скребок;
14 – Шевченково 3/11, растиральник для медной руды; 15 – Бравичены 7/2, шило;
16 – Светлый 3/25, топор; 17 – Глинное 1/1, наконечник стрелы;
18 – Червоный Яр I, 1/6, литейная форма; 19, 20 – Оланешты 6/2, выпрямители древков
стрел; 21 – Алкалия 5/6, топор (1–3, 15 – медь/бронза, 4–13 – кремень,
14, 16, 18–21 – камень, 17 – кость)

могли быть изготовлены и из зубов животных (оленя, кабана, волка/собаки, лисицы). Известны костяные бусины (рис. 53, 1), подвески из раковин. Костяные изделия с выемками интерпретируются исследователями по-разному: как украшения (заколки, булавки, подвески), так и орудия труда – проколки, детали ткацкого станка, гребни (орудия прядения или ткачества), или же колышки для растяжки шкур (рис. 53, 12–18). Костяные молоточковидные булавки единичны (рис. 53, 4, 5) и не типичны для набора украшений ямных племен Северо-Западного Причерноморья, хотя широко распространены в соседних восточных регионах (Нижнее Побужье и р. Ингулец). Их трактуют очень широко: как булавки, заколки, детали шумовых музыкальных инструментов и части переносных алтарей.

Обрядовые группы. С каждым типом захоронения (выделенном по позе умершего) более или менее четко соотносятся некоторые категории погребального инвентаря, черты ритуала, что позволило исследователям выделить т.н. обрядовые группы. Можно скорее говорить о тенденциях распространения признаков, чем о резких отличиях между характеристиками этих групп. Так, кубки и «крупные овальные» амфоры преобладают в погребениях 1-й обрядовой группы и в тех захоронениях, где умерший расположен с наклоном вправо. Чаши, миски, банки на поддонах, банковидные сосуды соотносятся с левосторонним расположением умершего (с наклоном и на левом боку). Среди отличительных черт погребений 1-й обрядовой группы можно назвать рвы, ямки на дне погребальной камеры, повозки, антропоморфные стелы, из инвентаря – серебряные подвески, каменные и кремневые орудия. Орудия из кости чаще всего найдены в погребениях 1-й обрядовой группы. С нею же связаны по большей части орудия из металла. При этом фиксируется определенная близость между 2-й и 4-й обрядовыми группами (правосторонне расположенные), 3-й и 5-й (левосторонне расположенные). Привлекает внимание тот факт, что оружие в значительной степени связано с левосторонне погребенными, а орудия труда – с правосторонне расположенными умершими, хотя выводы эти носят предварительный характер. Рассмотрение погребальных комплексов региона позволило прийти к выводу о том, что все пять вариантов расположения погребенного в захоронениях, в целом, синхронны (Иванова 2001а). По-видимому, в каждой из обрядовых групп есть и ранние и поздние захоронения, поэтому соотносить с «позднеямными» лишь комплексы со скорченными на боку погребенными не вполне правомерно. Подтверждением этому выводу служит тот факт, что с определенными обрядовыми группами увязываются определенные сектора курганов (Николова 1992: 15–16). Столь четкая организация сакрального пространства возможна именно при относительной одновременности совершения захоронений различных обрядовых групп. На это указывают и радиоуглеродные даты (см. своды дат: Черных и др. 2000; Черных, Орловская 2004а). Большинство датированных захоронений соотносится с умершими, расположенными скорченно на спине. Судя по датам, эта позиция сохраняется весь период существования ямной культуры в регионе. Об этом же свидетельствует и «раннеямная» поза (скорченно на спине) в катакомбных и бабинских захоронениях региона. Стратиграфические наблюдения показывают, что даже на раннем этапе ямной культуры захоронения со скорченными на боку костяками могли предшествовать скорченным на спине. Необходимо признать, что вопросы хронологического членения памятников ямной культуры пока не могут быть решены однозначно, основываясь лишь на отличиях в позе умерших.

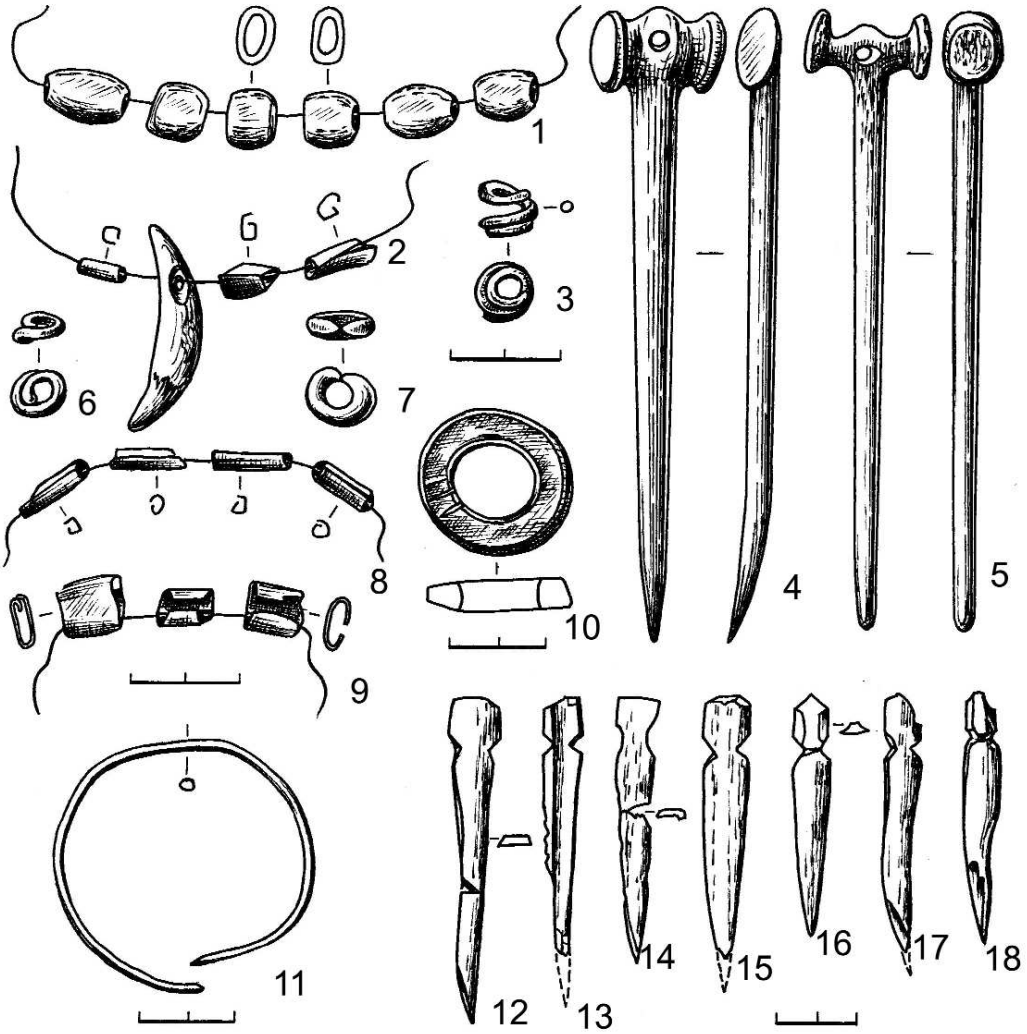


Рис. 53. Украшения из кости и металла.
1 – Новоселица 19/2; 2 – Нерушай 10/14; 3 – Ясски 1/18; 4 – Никольское 7/28;
5 – Старые Беляры 1/14; 6 – Гура-Быкулуй 3/13; 7 – Оргеев 1/2; 8 – Семеновка 8/15;
9 – Семеновка 2/2; 10 – Доброалександровка 1/5; 11 – Новые Раскаецы 1/11;
12–18 – Глубокое 1/21 (1, 4, 5, 12–18 – кость; 2 – медь, зуб хищника;
3, 7 – серебро; 6, 8, 9 – медь/бронза; 10 – свинец)

Реконструкция хозяйства, экономики, культурных и торговых связей. Функционирование хозяйства древнего населения определяют, в основном, экономические, экологические, социальные и демографические факторы. Палеоэкологические характеристики важны, прежде всего, для определения потенциальной продуктивности определенного географического региона; большое значение имеют климат, топография и близость к источникам воды. В то же время воздействие на один и тот же ландшафт у разного по происхождению населения может различаться по причине обладания различным опытом (традицией) природопользования: каждая группа населения преобразовывает ландшафт по привычной схеме. Такой подход требует изучения экологической парадигмы, точек соприкосновения между природной средой и человеческими культурами. Структура взаимосвязей человека с окружающей средой и её динамика определяются как конкретный хозяйственно-культурный тип (или его модификация). Каждый ХКТ демонстрирует особенный способ взаимосвязи населения и вмещающего ландшафта – освоенной территории. Степные культуры эпохи бронзы чаще всего относят к ХКТ скотоводов-пастухов (Чебоксаров, Чебоксарова 1985). Исследователи отмечают, что главные характеристики экстенсивного скотоводческого хозяйства почти не меняются на протяжении столетий: в жестких экологических условиях пастбищных экосистем выработались специфические способы адаптации к природной среде. Специальные исследования по сопоставлению экономики кочевников (древних и средневековых) показывают, что видовой состав стад и процентное соотношение различных видов, протяженность и маршруты перекочевок во многом детерминированы структурой и продуктивностью ландшафта (Крадин 2001: 64).

Скотоводство. Ямные племена признаются скотоводами, в основном, исходя из климатических условий, экологии, географии региона; косвенным подтверждением служит отсутствие стационарных поселений. Считается, что степи в раннем бронзовом веке были благоприятны именно для развития скотоводства, основанного на разведении овец и лошадей (Збенович 1974: 111; Яровой 1985: 110). Период суббореала, на фоне которого протекала жизнь ямного населения, характеризуется аридизацией климата, похолоданием, уменьшением обводненности речных долин и продуктивности пастбищ (Кременецкий 1991). Предполагается, что в такой ситуации был вполне закономерным переход к более подвижным, нежели в энеолите, формам хозяйства. (Давня історія України т. 1 1997: 322, 324).

Остеологические материалы, происходящие из памятников ямной культуры, немногочисленны. Непосредственно в могильных ямах находки костей животных, («напутственная пища») редки, в основном они встречены под насыпью, вблизи могил, на уступах, во рвах. Поэтому получить реальное представление о соотношении животных в стаде на основании данных погребального обряда невозможно: в ритуалах отражаются определенные культовые установки. Если орудия труда, оружие и украшения из кости помещались в могилы в качестве погребального инвентаря, то кости или черепа животных имели иной семиотический статус. Об этом свидетельствует характер их размещения под курганной насыпью (во рву, на древней дневной поверхности); причем наряду с костями домашних животных в этом же контексте найдены кости диких (благородный олень, тур). Судя по находкам костей в курганах, ямные племена разводили овец (коз), крупный рогатый скот, лошадей[1]. Причем, кости овец (если не учитывать костяные артефакты), встречают-

[1] В курганах ямной культуры известны находки скелетов собаки, что может быть связано как с пастушеством (охотой), так и с определенными религиозными воззрениями.

ся реже, чем кости быка или лошади (Субботин 1993: 9–11). Если воспользоваться этнографическими параллелями с более поздним временем, то у степных скотоводов самым ценным видом скота считались лошади, но наиболее многочисленными в стаде в процентном соотношении были овцы. Лошадь была престижным животным, в то же время выполняла важную роль при зимней пастьбе скота. При образования снежного покрова лошадей пускали пастись первыми, чтобы они своими копытами разбили плотный покров и добрались до корма (тебеневка). В связи с этим для нормального выпаса овец и крупного рогатого скота оптимальное соотношение лошади и овцы в стаде должно быть не менее чем 1:6. В то же время имеется ряд черт, отчасти осложнявших широкое использование лошади в скотоводческом хозяйстве: необходимость большого числа пастбищ и частых перекочевок, замедленный цикл воспроизводства, избирательность в воде и кормах и пр. Чаще всего именно овцы являлись для кочевых народов источником основной мясной и молочной пищи. Стимулом развития овцеводства служила неприхотливость овец: под их выпас традиционно отводятся пастбища, уже использованные крупным рогатым скотом, бедные растительностью. За этими животными не требуется особенный уход, они легче, чем другие виды, переносят бескормицу, неприхотливы к пастбищным условиям, относительно быстро воспроизводятся (плодовитость овец составляет около 105 ягнят на 100 маток). Овцы способны пастись на подножном корме круглый год, пить воду с повышенным уровнем минеральных солей, зимой могут обходиться без воды, поедая снег, меньше теряют веса, легче переносят перекочевки, чем крупный рогатый скот (Крадин 2001: 67–68).

Этнографические данные предоставляют разнообразные сведения о системах выпаса животных и сезонных перекочевках у скотоводческих народов (два или четыре раза в году, в широтном или меридиональном направлениях, на небольшие расстояния или на сотни километров). Реконструировать эти особенности скотоводческого хозяйства, основываясь лишь на анализе погребальных памятников, практически невозможно[1].

Земледелие. Предполагается, что образ жизни племен ямной культуры объединял достаточно подвижное скотоводство и полуоседлое земледелие. О существовании земледелия свидетельствуют палеоботанические и палинологические исследования. На керамической посуде из погребений найдены отпечатки зерен, вилочек, соломы хлебных злаков – карликовой пшеницы, пшеницы-однозернянки, ячменя и проса (Кузьминова, Петренко 1989: 119–120; Кузьминова 1990: 261–263). Просо занимает первое место по числу отпечатков на керамике; оно является засухоустойчивой культурой и было излюбленным злаком именно у скотоводческих народов, не требуя дополнительного ухода и позволяя оставлять поля (на период откочевок со стадом на другие пастбища) вплоть до его созревания. Имеются палинологические данные для низовьев Днестра: на стенках посуды из погребений выявлены следы пыльцы культурных злаков (более 10%), что указывает на наличие посевов вблизи могильников (или вблизи мест изготовления керамики). Пыльца злаков обладает слабой летучестью, и ее перенос от места произрастания растений по расстоянию невелик (Кузьминова 1990: 263). В то же время зафиксирована пыльца культурных злаков (около 3%) в том слое разреза близ озера Ялпуг, который относится к SB-2

[1] Хотя системные дополнительные исследования на базе естественных наук позволили воссоздать сезонную систему использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. (Шишлина, Булатов 2000).

(Волонтир 1989)[1]. Косвенно наличие земледелия подтверждают специализированные орудия труда, хотя количество их невелико (жатвенные ножи, вкладыши серпов). В насыпях курганов были найдены зернотерки, что указывает на использование злаков в пищевом рационе, но определить происхождение злаков при этом невозможно (выращивание, собирательство, обмен). Роговые мотыги найдены, преимущественно, в захоронениях мужчин, отражая, видимо, какую-то ритуальную сторону их употребления: в скотоводческих обществах земледелие традиционно было уделом женщин. Но уже сам факт существования мотыг подтверждает наличие земледелия, где эти орудия могли употребляться.

Как подсобные промыслы, по-видимому, были распространены рыболовство и собирательство.

Охота. Считается, что охота, в целом, зависит от окружающей среды, и основными объектами охоты были те дикие животные, которые доминировали в регионе. Свою роль в выборе объекта охоты играл объем получаемого мяса (Секерская 1989: 132). Но имеют значение и определенные ритуальные установки социума. Об этом свидетельствует контекст находок – включение костей диких животных в погребальный ритуал, причем не в качестве сопровождающей пищи. Известны находки целых скелетов животных, несъедобных частей туши (черепов, конечностей, зубов), размещение находок во рву, окружающем курган (Субботин 1993). Причем количество особей диких животных явно превосходит число домашних. Только для изготовления найденных в 4 погребениях подвесок из 38 молочных зубов оленя (рудиментных резцов), которые и в наше время считаются ценным охотничьим трофеем, необходимо было убить 19 особей[2]. Для изготовления подвесок из зубов волка (найден 51 экз.) необходимо было убить не менее 13 особей. Объектом охоты были и птицы; из их костей изготовлены бусины, найденные в погребениях.

Хозяйственно-культурный тип. В Северо-Западном Причерноморье отсутствуют какие-либо следы как стационарных, так и кратковременных поселений племен ямной культуры. Основываясь на этом факте, ямное население региона соотносили с кочевниками (Шмаглий, Черняков 1970; Яровой 1985). Анализ на новом уровне имеющихся данных позволил создать наиболее корректную модель, согласно которой образ жизни населения ямной КИО объединял достаточно подвижное скотоводство и полуоседлое земледелие, которые характеризуются термином «пасторализм». Подвижность населения была ограниченной – если иметь в виду ее динамику и территории, включенные в годовой хозяйственный цикл. Скорее всего, можно говорить о хозяйственной самостоятельности относительно небольших коллективов ямного населения, их подвижности, что определялось ведущим значением животноводства в экономике. Несомненно, мобильности населения способствовало знакомство с колесным транспортом. Доминирующая роль скотоводства определила незначительность и нерегулярность земледелия и, вследствие этого, отсутствие стационарных памятников. Что касается существующих в ареале ямной КИО поселений, то они отражали не стремление населения к оседло-

---

[1] Этот хронопериод достаточно длителен и может соотноситься не только с ямной культурой, а и с более поздними культурами эпохи бронзы, но более узкой датировки не имеется.

[2] Показательны не только находки из ожерелий и подвесок из зубов оленя в погребениях эпохи палеометалла, но и их имитация (выполненная из кости и камня). Костяные изделия, имитирующие подвески из зубов, находят, к примеру, в хвалынских захоронениях Поволжья (Агапов и др. 1990). В дольменах Северного Кавказа известны каменные бусы каплевидной формы (сердолик, халцедон), которые предположительно имитируют зубы оленя (Марковин 1985).

сти, а являлись определенными центрами, в которых были сосредоточены важнейшие социальные функции, в том числе, возможно, регулировка пользования угодьями. В то же время разные виды памятников (поселения, стойбища, кратковременные стоянки) позволяют говорить о вариабельности подвижного образа жизни и адаптации населения не только к определенным экологическим, но и к экономическим ситуациям (Бунятян 2001: 76–85).

Ремесла. Косвенные данные свидетельствуют, что у ямных племен хозяйственная деятельность отличалась относительным многообразием. Проблема состоит в том, что не все отрасли ее нашли отражение в погребальном обряде. Еще менее ясным является вопрос о том, насколько погребальный инвентарь отражает прижизненную производственную деятельность индивида (Бочкарев 1978). К тому же полифункциональность орудий затрудняет выделение производственных комплексов (Ковалева 1983: 42), хотя и позволяет анализировать хозяйственную деятельность ямных племен в целом (Субботин 1993; 2003). Большинство ее видов в той или иной степени связаны с основным направлением – скотоводством. Выпас скота, уход за ним, так или иначе, определяли характер быта, образ жизни, ведение хозяйства. С утилизацией туш животных могут быть связаны основные орудия труда, найденные в захоронениях: ножи, скребки, лощила, костяные проколки, шилья.

Сам факт находок многочисленных орудий из кремня свидетельствует о довольно развитой кремнеобработке, то же можно сказать и об обработке кости (в том числе – для украшений). Перекрытие погребений из каменных обработанных плит и деревянных плах, антропоморфные стелы и деревянные повозки свидетельствуют о навыках работы с камнем и деревом. В процессе изготовления каменных топоров использовалась техника сверления, шлифовки. Многочисленны различные растиральники, отбойники, песты, песты-растиральники, но отсутствие трасологических определений большинства из них не дает возможности уточнить их непосредственные функции. Развито было гончарство, плетение, ткачество, обработка кожи, возможно, тиснение на ней. Находки в могилах производственного инвентаря, сырья, отходов производства позволяют говорить о выделении мастеров, специализировавшихся на изготовлении различных предметов (оружия, орудий труда, украшений и т.п.). Изделия из металла, по сравнению с другими ареалами ямной культуры, достаточно многочисленны, в основном это – ножи и шилья, порой в наборе (табл. 12, 14). Причем об освоении металлургических приемов, а не заимствовании готовых вещей, свидетельствуют находки растиральников со следами медной руды, литейной формы для отливки долотовидного орудия со втулкой. Полифункциальность орудий в древних обществах, в первую очередь металлических, не позволяет связать многие из них с какой-то определенной отраслью ремесла.

Культурно исторические контакты населения ямной культуры можно определить при анализе артефактов и материала, из которого они изготовлены, т.к. предметами обмена были не только готовые изделия, но и сырье. В ямном керамическом комплексе выделяются амфоры разного размера и облика. Часть из них отражает связи с культурой шаровидных амфор (Манзура и др. 1992: 91; Szmyt 1999: 156, 164). Некоторые типы, с двумя петлевидными ручками в средней части тулова, имеются и в культуре шаровидных амфор (Szmyt 1999), и в посуде верхнеднестровской группы подкарпатской культуры шнуровой керамики, где этот тип сосудов является одним из ведущих (Свєшніков 1974). Определенные формы керамики, отдельные элементы декора появились в ямном керамическом комплексе под влиянием

культур балкано–дунайского круга. Выразительны немногочисленные асковидные сосуды, характерные для многих балканских культур. Происхождение кубков, обычных для керамического комплекса Северо-Западного Причерноморья, традиционно связывают с культурами Центральной Европы (шнуровые культуры) и Нижнего Подунавья (Чернавода, Коцофени, Глина–Шнекенберг). Некоторые из них близки по форме экземплярам культуры воронковидных кубков, хотя говорить о непосредственных контактах нет достаточных оснований. Известны сосуды, имеющие прямые аналоги в культурах Чернавода II – Фолтешть. Отдельные элементы оформления сосудов (ручки, налепы) находят аналогии в культуре Езеро (Николова 2000: 442). С соседним Побужьем контакты прослеживаются слабо, можно отметить лишь единичные находки округлодонных сосудов в погребениях региона, видимо, происходящих с территории южно-бугского варианта ямной культуры. Восточный вектор связей маркируют глиняные воронки, известные в погребениях ямной и катакомбной культур Калмыкии (Шишлина 2007). С влиянием культур шнуровой керамики связывают находки части кремневых наконечников стрел, кремневых и каменных топоров (Клочко 2006: 68, 69) (рис. 54). Часть кремневых топоров отражает контакты с культурой шаровидных амфор (Szmyt 1999: 156).

Изделия из меди и бронзы также являются своеобразным свидетельством торгово-экономических контактов населения, прежде всего, с Балкано-Карпатским регионом. Полагают, что металлообработка у ямных племен связана с Циркумпонтийской металлургической провинцией (Ольговский 1988, Орловская 1990). Известны изделия из «чистой» меди, мышьяковой бронзы, свинцово-мышьяковой бронзы; «чистая» медь тяготеет к Карпатскому бассейну, а мышьяковый металл — к балканской меди. Не исключено присутствие кавказской меди, а также металла с месторождений Южного Урала (Орловская 1990: 224). В то же время изучение технологий позволяет говорить о том, что в Северо-Западном Причерноморье существовала зона контактов двух традиций металлообработки – усатовской и ямной (Каменский 1990: 247–248, 252). Картографирование медных рудопроявлений и памятников ямной культуры в Подунавье и Потисье демонстрирует их достаточно определенную корреляцию, что может указывать на цели и причины расселения ямных племен в Балкано-Карпатском ареале. По-видимому, с месторождениями Карпат, Юго-Восточной и Центральной Европы связано происхождение серебра. По количеству серебряных изделий Северо-Западное Причерноморье лидирует среди синхронных культур и культурных групп Восточной и Юго-Восточной Европы. Наличие повозок способствовало мобильности населения, позволяя использовать их в торговых экспедициях.

Реконструкция социального строя и духовного мира. Исследователи полагают, что к древним образованиям финала первобытной эпохи следует применить термин ранние комплексные общества (Массон 1991а; 1998). Они характеризуются усложнением и иерархией ***социальных структур***, усложнением экономики, становлением института лидеров (с характерными для данной культурной традиции символами власти), крупномасштабной организованной деятельностью. Племена ямной культуры Северо-Западного Причерноморья по основным признакам можно соотнести с кругом комплексных обществ, видимо, на начальном этапе их формирования. Об этом могут свидетельствовать факт формирование института лидеров, что нашло отражение в захоронениях с особенностями погребального обряда или с символами власти в погребальном инвентаре, иерархия социальных структур, проявившаяся в погребальном ритуале как иерархия обрядовых групп (Иванова 2001).

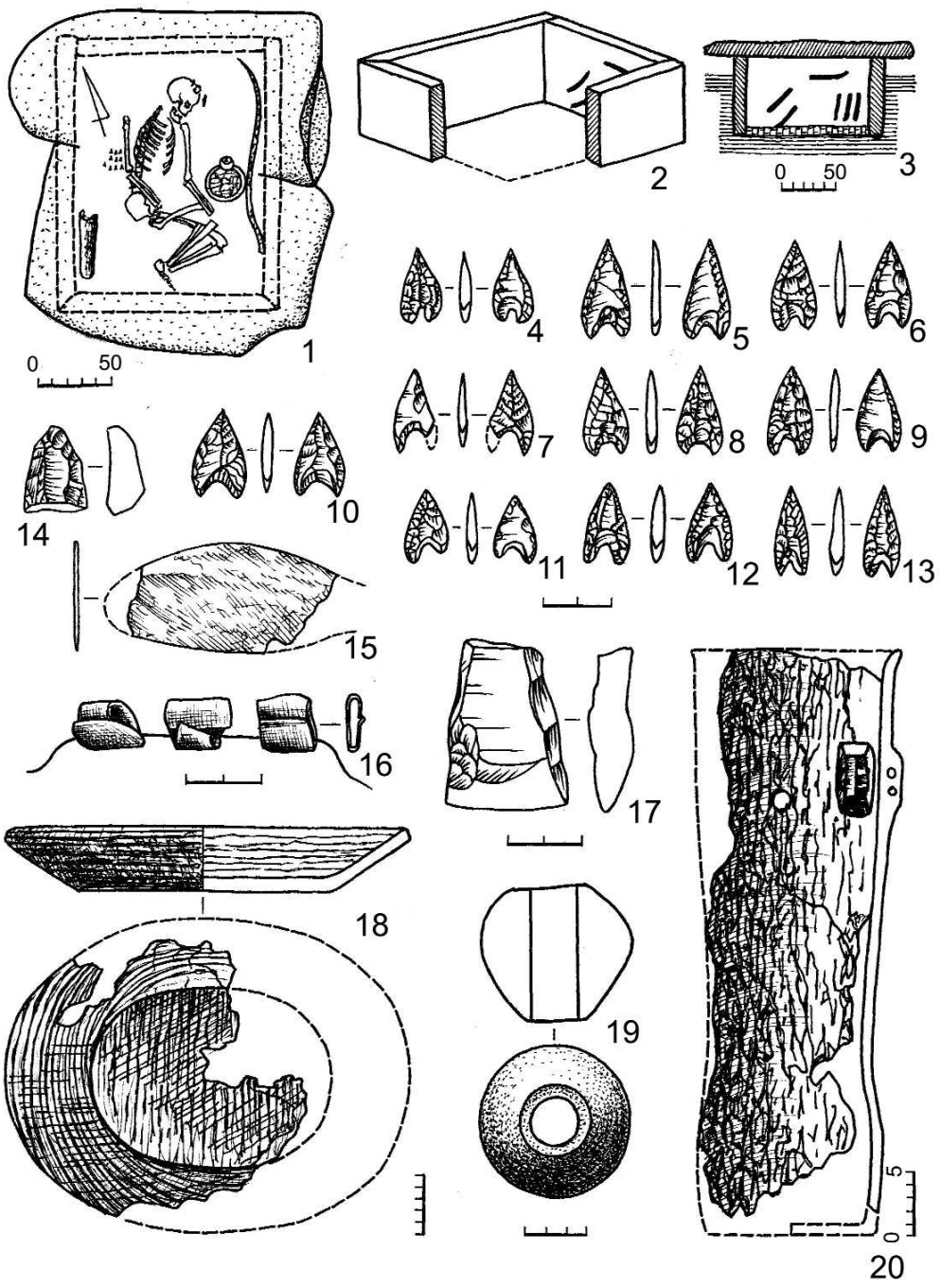


Рис. 54. Могильник Алкалия, курган 33, погребение 3.
1– план погребения; 2, 3 – каменный ящик; 4–13 – кремневые наконечники стрел;
14 – кремневая проколка; 15 – медный нож; 16 – медные пронизи; 17 – кремневый топорик;
18 – деревянное блюдо; 19 – каменная булава; 20 – деревянный колчан

Большой объем работ по возведению курганных насыпей и каменных надмогильных конструкций, необходимость регулирования общественных отношений определенного уровня и пр. – актуализируют социальную роль и социальный статус лидеров. В свое время влияние на формирование представлений об общественном строе населения ямной общности оказала идея Е.Е. Кузьминой, согласно которой в степных социумах эпохи бронзы могла иметь место трифункциональная социальная структура (воины-жрецы-рядовые общинники), отраженная в «Ригведе» и «Авесте» (Смирнов, Кузьмина 1977). Эта идея позволила конкретизировать представления об общественном строе степных племен, но она стала абсолютизироваться. Между тем, не следует считать ее универсальным явлением: применительно к каждому региону, к отдельной культуре необходимо начинать анализ социальной структуры с конкретного материала. Особенностью ямного общества Северо-Западного Причерноморья является вероятное отсутствие социальной группы воинов, а также военной знати[1]. Имеющиеся антропологические определения погребенных с оружием указывают на разнообразный возраст – от молодых до пожилых мужчин. Это свидетельствует о том, что воинами было все боеспособное население мужского пола, а не только молодые мужчины (как это характерно для обществ с системой возрастных классов). Потестарная структура представлена социальными группами правителей, знати и рядового населения. При этом имеется две категории правителей (погребенные с повозками и с каменными проушными топорами). Они связаны, в целом, с различными обрядовыми группами и занимают разные социальные позиции в контексте ямного общества региона. Эти группы населения находились в определенном взаимодействии и на разных социальных уровнях.

Существует несколько точек зрения на семантику повозки в погребальном обряде: о рядовом характере подобных захоронений (Избицер 1993), о связи их с военной знатью (Кузьмина 1986) и со жречеством (Алексеева 1992). Рассмотрение погребений с повозками, происходящих с территории Северо-Западного Причерноморья, позволяет установить неординарность комплексов, что подтверждает предположение ряда исследователей о соотнесении их со знатью. Тем не менее, отсутствие в них оружия не позволяет считать их военной знатью, а наличие детских погребений может указывать на наследование социального статуса. Эти положения позволяют нам предположить аристократический путь политогенеза ямного общества (Иванова, Цимиданов 1993).

Поло-возрастная дифференциация отражена в особенностях погребений мужчин, женщин детей. Проявляется она в некоторых категориях инвентаря, чертах ритуала, уровне трудовых затрат. Фиксируется и диспропорция в соотношении мужских и женских захоронений (2:1). Можно говорить о существовании определенных возрастных групп, имеющих свои особенности в погребальном обряде. Основные находки у мужчин связаны с умершими зрелого и старческого возраста, у женщин – возмужалого. И если некоторые категории инвентаря являются общими для мужчин, женщин и детей, то оружие и хозяйственно-производственный инвентарь найдены, преимущественно, в захоронениях мужчин. Количество находок в захоронениях мужчин и женщин неодинаково: у мужчин не только шире «ассортимент», но и почти все категории находок чаще найдены в мужских, чем в женских захоронениях. Отметим, что некоторые артефакты связаны с довольно

[1] Из данных этнографии известно, что образование социальной группы воинства, не типично для мобильных скотоводов и кочевников.

узкими возрастными рамками. В то же время в детских погребениях до 7 лет (как правило, имеющих небольшие размеры) отсутствуют орудия труда, но известны престижные предметы (повозки, серебряные украшения). После 7 лет погребальные камеры детских захоронений уже выполнены по параметрам взрослых погребений, в составе погребального инвентаря могут быть орудия труда. Вероятно, данный возраст отражает определенную возрастную границу в ямном обществе, а престижность инвентаря и обряда при погребении детей раннего возраста может указывать на наследование социального статуса.

Предполагается, что малая семья являлась минимальной социальной ячейкой обществ эпохи бронзы. Но, с одной стороны, такая семья не могла выполнять все хозяйственные функции, с другой – не все ее члены принимали участие в хозяйственных работах. Поэтому экономической ячейкой общества со скотоводческим хозяйством могло быть образование следующего уровня – домохозяйство («патриархальная семья», «семейная община», по другой терминологии). Она представляла собой несколько родственных семей и родственников, ведущих совместное хозяйство на основе поло-возрастного разделения труда. Отдельные аспекты этого разделения отражены в погребальном инвентаре и ритуалах. Однако такие категории, как община, род, племя, союз или группа племен, реконструируются гипотетически, но не прослеживаются по имеющимся археологическим реалиям. Отражением определенных родственных и социальных связей считают захоронения нескольких умерших под одной курганной насыпью и в одной могильной яме, однако уровень этих связей восстановить сложно.

Духовный мир. Основой для реконструкции мировоззренческих представлений носителей ямной культуры является погребальный ритуал во всех его проявлениях – и особенности курганной архитектуры, и инвентарь захоронений, и ритуалы, связанные с погребением. Заметим, что любая культура проявляется не только в материальных вещах или социальных институтах. Ей присущи и смысловые системы, отображающие функционирующие в данном социуме элементы мировоззрения и способы жизнеобеспечения. Рождение, жизнь, смерть и бессмертие составляют в этих системах краеугольный камень всех мировоззренческих конструкций (Кирилюк 1996: 29). Исследователи отмечают, что, сооружение кургана требует от общества значительных усилий. Такие затраты общественного труда могли расходоваться только на объекты, считавшиеся первостепенно необходимыми или выражающие глобальные и основные мировоззренческие представления древних людей. Символика как кургана, так и погребального комплекса шире своего функционального назначения. Функция кургана как погребального сооружения была главной, но не единственной. Формой курган полностью вписывался в трехчленное (по вертикали) деление индоевропейской Вселенной, отражая космогонические представления, являясь ипостасью таких архетипов как Мировая Гора, Мировая Ось, Мировое Дерево. Своей насыпью он защищал мир живых от мира мертвых, скрывая от человеческих глаз процесс возрождения. В то же время ограничение рвом сакрального пространства способствовало установлению границы между миром мертвых и миром живых; курганная насыпь являлась преградой между «тем» и «этим» мирами (Белов, Ляшко 1991: 29; Ковалева 1989: 52). Значение кургана и погребальной камеры объединено способностью ограничивать пространство. Они хранят его и как реальное место, отведенное под погребение, и как сакральное, определенное и освященное ритуалом. Цель всякого моделирования пространства отражена в его структуре, что позволяет утверждать существующий в

древних культурах пространственный символизм (Савостина 1990: 241). Характерной чертой курганной архитектуры являются рвы, порой, окружающие курганную насыпь. Исследователи отмечают защитную функцию круга (Топоров, Мейлах 1982). В то же время окружность ограничивает сакральное пространство, отделяя сакральный мир от профанного. Полагают, что эти идеи получили воплощение в кромлехах, кольцевых рвах. Зафиксированы площадки на вершинах курганов, прямоугольные (ритуальные?) выкладки из камней, ракушек, костей животных на уровне древнего горизонта (Иванова 2001: 34).

Представления о космосе и движения небесных светил, нашли отражение в редких подкурганных святилищах (Потемкина 2002), ориентировке умерших, их круговом расположение в курганах (Дворянинов и др. 1981). С календарной символикой, основанной на наблюдениях за луной и солнцем, связывают изображения на внутренних стенках каменных ящиков. Наиболее распространены древовидные изображения, кресты, точки, лучи. Подсчет количества основных элементов позволяет исследователям реконструировать основные календарные структуры (Дворянинов 1980).

Монументальные антропоморфные изваяния, появившиеся в более раннюю энеолитическую эпоху, получили распространение в ямной погребальной обрядности. Они представляют собой обработанные плиты, схематически передающие человеческую фигуру; изредка на поверхности плит имеется изображение (голова, руки, позвоночник, пояс, бусы) – высеченное или нанесенное краской (рис. 55). Как правило, стелы связаны с захоронениями мужчин (Иванова 2001: 227–228). В них видят изображения воинов (Даниленко 1951: 218–226), «заменителей» конкретных лиц, имеющих родственное или социальное отношение к погребенному (Шмаглий, Черняков 1970: 101), изображения выдающихся членов рода, вождей, шаманов, старейшин (Формозов 1969: 27), предка-прародителя-покровителя (Новицкий 1990: 101–103), родоначальника (Титова 1982). Наконец, наметилась тенденция определять стелы как изображения божества и даже персонифицировать их (Даниленко 1974: 83; Чмыхов, Довженко 1987; Ковалева 1989; Алексеева 1992: 106–114). Атрибуты, изображенные на стелах, позволяют исследователям предположить, что это – Громовик, творец Вселенной, или же универсальное божество типа ведийского Пуруши (Давня... 1997: 368). В захоронениях Северо-Западного Причерноморья стелы с атрибутами Громовика (топор) редки. Возможно, обряды со стелами были двухэтапными, включая воздвижение изваяния (с целью восстановления миропорядка, ликвидации хаоса, вызванного смертью), а затем его вторичное использование как строительного материала (Раевский 1985: 56). Причем, имевшие место обряды «переворачивания» стел позволяют прийти к выводу, что со стелами погребались служители культа, обладавшие, по мнению соплеменников, магическими способностями и связанные с потусторонней силой (Цимиданов 2001–2002: 382).

В погребальном обряде ямных племен известны повозки, с их многоплановой символикой. Это не просто престижный артефакт или особенность погребального ритуала, но и способ для перемещения в иной мир, атрибут, связанный с культом Солнца (Гудкова, Черняков 1981). Отмечают семантическую и в какой-то степени конструктивную близость жилищ и повозок (Сергеева 1998).

Определенные мировоззренческие представления связаны непосредственно с погребальным ритуалом. Захоронения детей чаще сопровождаются инвентарем, чем погребения взрослых, что может быть связано с довольно распространенными в

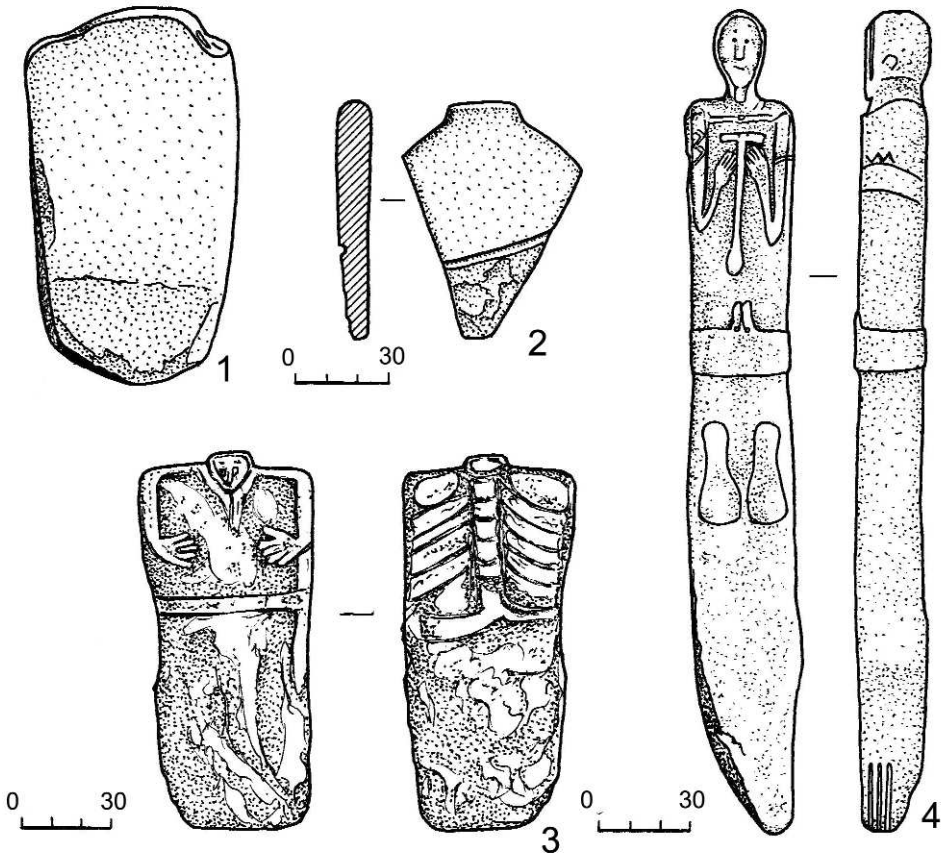


Рис. 55. Каменные антропоморфные стелы:
1 – Новоселица 19/7; 2 – Новоселица 19/17; 3 – курган «Крестовая могила», погребение 8
4 – Чобручи

древних обществах представлениями о сакральной выделенности детей (Алекшин 1986). Тела погребенных, обычно, лицо, кисти рук и стопы ног, реже – другие части тела, окрашивали охрой. Известны случаи заполнения охрой глазниц и носовой полости умершего. В погребальном ритуале применялся и мел. Фиксируются захоронения тела умершего не в анатомическом порядке, или же погребение неполного скелета (возможно, перезахоронение или погребение останков). В то же время считается, что такие случаи могут рассматриваться как человеческие жертвоприношения.

Из данных этнографии известно, что большое значение в обрядности древних народов занимают жертвоприношения животных. Возможно, на такие ритуалы указывают находки черепов и отдельных костей животных – на уровне древнего горизонта, в погребениях, во рвах. Полный «ритуальный набор» выявлен в кургане 2 у с. Лиман, где в южной части рва находилась выкладка из черепов овцы, коня, быка, тура и благородного оленя, а в северной – зубы овцы (Субботин 1993: 11). Кости всех этих животных (но уже по отдельности) встречены и в других курганах региона. Известны находки скелетов собаки, которая в индоевропейской мифологии связана с погребальным культом. Не менее важной, чем ритуальная, была социально-

престижная сущность жертвоприношений скотом, что подтверждается многими этнографическими примерами.

Существует точка зрения, что погребальный инвентарь не следует считать имуществом умершего (реальным или положенным ему по статусу). Находимые в могилах ценности не всегда принадлежали погребенному при жизни: их могли класть в могилу соплеменники в силу присущих архаическому мышлению представлений о магических функциях именно умершего члена социума. Кроме того, умерший выступает посредником между миром живых и миром мертвых, а мера благополучия коллектива может считаться пропорциональной количеству и ценности даров, посылаемых с умершим (Антонова, Раевский 1984). Нельзя не остановиться на керамике – наиболее массовой категории погребального инвентаря. Отметим, что семантика сосудов в контексте погребального ритуала явно неоднозначна. Традиционное их рассмотрение в качестве вместилища напутственной пищи применимо далеко не ко всем находкам. В то же время наличие керамики в могиле не связано ни с полом, ни с возрастом погребенного, поскольку она найдена как в мужских, так и в женских, и в детских захоронениях. Существует определенная корреляция между типом сосуда и позой умершего, сочетание с некоторыми категориями инвентаря. По-видимому, функции сосудов в погребальном обряде могло быть достаточно разнообразным, и лишь часть из них может быть реконструирована.

Чаще всего ритуальным считают исследователи набор из медного ножа и шила, относя их в культурах бронзового века к атрибутам жреца. К артефактам, связанным с гаданием, а, следовательно, ритуальным относят астрагалы; хотя существует точка зрения, что они могли использоваться для игры. Исследователями констатируется наличие семантической связи между понятиями игра и ритуал, игрушки и ритуальные предметы (Цивьян 1988: 57–58). У некоторых скотоводческих народов игра в астрагалы имела ритуальную окраску, связанную с гаданием. Вероятно, с гаданием связан и набор разноцветных палочек из Великозименово. Возможно, к ритуальным артефактам следует отнести дудочку из человеческой кости (Вишневое 13/6). Костяные амулеты-букрании, известные в других регионах, в Северо-Западном Причерноморье практически не встречаются. Молоточковидные булавки считают частью индивидуальных алтарей со сложным полисемантическим смыслом (Кияшко 1992). Но в Северо-Западном Причерноморье их находки единичны: видимо, связанные с ними ритуалы не получили здесь распространения.

Население буджакской культуры ямной КИО обитало в Северо-Западном Причерноморье в течение довольно длительного времени – от финала IV тыс. ВС до последней четверти III тыс. до н.э., что соотносится с ранним и средним этапами бронзового века (Черных др. 2000; Отрощенко та ін. 2007). Заключительный этап раннего бронзового века совпадает с финалом усатовской культуры (28 век до н.э.), однако, частичное сосуществование усатовского и ямного населения, несмотря на общность территории обитания, почти не отразилось в материальной культуре, что, вероятно, может свидетельствовать об отсутствии контактов. Немногочисленный буджакский инвентарь и достаточно редкие захоронения со скелетами, скорченными на спине, зафиксированы в погребальных комплексах катакомбной культуры. Носители ее, судя по радиоуглеродным датам, сосуществовали с населением позднего этапа ямной культуры, на протяжении второй половины III тыс. до н.э.

КАТАКОМБНЫЕ КУЛЬТУРЫ

История исследования. На рубеже двух периодов эпохи бронзы – раннего и среднего – большую часть Восточной Европы занимают племена катакомбной культурно-исторической общности. На востоке они освоили территории Нижнего Поволжья и Подонья, на западе – перешли реку Прут[1], занимая, в целом степную и отчасти лесостепную зоны Украины и России. Южная граница сопоставима со степным Крымом, северная проходит по верховьям рек Северский Донец, Орель, достигая среднего течения Дона.

Выделение памятников катакомбной культуры из массива подкурганных захоронений связано с археологическими изысканиями В.А. Городцова на северо-востоке Украины (Городцов 1905). Первым памятником катакомбной культуры, раскопанным в Северо-Западном Причерноморье, был так называемый Одесский курган. С памятниками этого кургана связано и начало антропологических исследований древнего населения региона, в том числе и катакомбной культуры (Дебец 1948).

Продолжительное время дальнейшее изучение катакомбной культуры шло по пути накопления новых материалов и выявления их специфики, а также решения вопросов происхождения. Отмеченные различия в культуре катакомбных племен в разных районах ее распространения позволили выделить в ней ряд локальных вариантов (Б.А. Латынин, Г.Е. Подгаецкий, Т.Б. Попова). Появляется положение о том, что нет катакомбной культуры, но есть «круг культур с катакомбным способом погребения» (Клейн 1970). Впоследствии исследователи стали рассматривать локальные варианты как отдельные культуры катакомбной культурно-исторической общности: донецкая, ингульская (днепро-азовская)[2], харьковско-воронежская (среднедонская), предкавказская (манычская). Основным типом памятников являются погребальные комплексы, преимущественно, впускные в курганы более ранних культур, но выявлены и кратковременные стойбища, расположенные вдоль берегов рек, и единичные поселения.

Точки зрения авторов на проблемы происхождения катакомбной культуры отражают традиционные в археологии концепции – эволюционную и миграционную. Одни считают, что катакомбная культура генетически восходит к ямной (Городцов 1917; Кривцова-Гракова 1938; Попова 1955; Брюсов, Зимина 1966; Братченко, Шапошникова 1985; Евдокимов 1979 и др.), другие считают ее в той или иной степени пришлой (Клейн 1970; Сафронов, Николаева 1981; Эрдниев 1982 и др.). Поиск исходных корней ведется в двух регионах: южных (Фисенко 1967; Нечитайло, Гаджиев 1990; Пустовалов 1992) и западных (Клейн 1970; Сафронов, Николаева 1981; Сафронов 1989).

Анализ территориального распределения ранних памятников катакомбных культур позволил выделить первичный очаг катакомбного культурогенеза в степной зоне Восточного Приазовья (от Кубани до Нижнего Днепра). Складывается

---

[1] Хотя, количество катакомбных захоронений в Запрутье невелико – всего около двух десятков.

[2] Ранее выделенные ингульская и днепро-азовская культуры (Братченко, Шапошникова, 1985); впоследствии были объединены в рамках одной. При этом одни исследователи сохраняют название ингульской (Давня історія України: 407; Яровой 2000; Отрощенко 2001; Фоменко 2003), другие считают ее днепро-азовской, выделяя в ней ингульскую группу или тип (Братченко 2001).

концепция о формировании на этой территории основных катакомбных культур (донецкой, днепро-азовской и предкавказской) на основе взаимодействия вариантов ямной культуры и синхронных групп земледельческого населения Предкавказья (Братченко 2001: 73). При этом наиболее ранние радиоуглеродные даты также увязываются с Доно-Донецким регионом (Черных, Орловская 2004б: 18). В целом, в истории племен катакомбной культурно-исторической общности выделяется три этапа (Отрощенно и др. 2007). Своеобразие раннего (2700–2500 ВС) заключается в том, что восприятие нового, катакомбного, обряда захоронения (стимулированное внешним импульсом) сочетается с сохранением отдельных черт материальной культуры предшествующей эпохи. Характерными чертами раннего этапа являются погребения в Т-образных в плане катакомбах, с прямоугольным входным колодцем и прямоугольной или овальной камерой, в которую ведут пандус или длинный дромос, а также расположение умершего на правом боку или на спине скорчено. Выделен еще один тип раннекатакомбных памятников – протоингульские захоронения, где в овальных катакомбах, с овальными и округлыми входными колодцами, находились скелеты в скорченном положении на спине или на боку в позе адорации, с инвентарем позднеямного облика (Фоменко 2003). Погребения раннего этапа сопровождаются инвентарем, характерным для позднеямных памятников. Распространяется не только новый погребальный обряд, но и население, что приводит к формированию новых культурных традиций и взаимной ассимиляции местных и пришлых культур. С территории Нижнего Подонья новое население, представлявшее собой катакомбную КИО, распространилось на значительной части Украины, по двум берегам Днепра, достигнув на западе Южного Буга.

Расселение племен катакомбной культуры сопровождалось контактами с местным, преимущественно, ямным населением, индикатором чему является инвентарь. Уже на раннем этапе катакомбная культура не является единой, в ней проявляются территориальные особенности, которые на следующем (развитом) этапе (2500-2300) привели к формированию отдельных катакомбных культур, характеризующихся относительно стабильными наборами признаков.

В Северо-Западном Причерноморье присутствуют памятники, связанные, преимущественно, с двумя культурами катакомбного круга – ингульской и донецкой.

Донецкая катакомбная культура сложилась в эпицентре катакомбного мира, ее памятники локализуются в бассейне Северского Донца и Нижнем Подонье. Погребальные сооружения представляли собой катакомбы Н-образной конструкции, с квадратными или прямоугольными входными колодцами и овальными или прямоугольными погребальными камерами, длинными лазами и заслонами из камней, иногда – дерева. Характерно скорченное положение умершего на правом боку, лицом ко входу. Антропологи фиксируют искусственную прижизненную деформацию черепа у большей части погребенных. Основные типы керамического инвентаря – амфоры, чаши, горшки, курильницы на четырех ножках, жаровни из обломков крупных сосудов. В орнаментации преобладают спирально-концентрические узоры (т.н. «донецкое барокко»), елочный орнамент, выполненные оттисками тесьмы, шнура, гребенчатым штампом. Выделяется донецкий очаг металлообработки, с определенным металлокомплексом и химико-технологическими традициями. Изделия из металла представлены «пятиугольными» ножами, втульчатыми топорами колонтаевского типа, теслами привольнянского типа, долотами, стамесками, резцами. Своеобразны украшения – «шнуровые» подвески, височные кольца, пронизи, бусины (Гак 2007).

Ингульская катакомбная культура занимает значительную территорию степной и юга лесостепной зоны Украины. На западе ее памятники известны в румынской Молдове, на востоке – в Орель-Самарском междуречье, Северном Приазовье (включая долину р. Молочной), на юге – в степном Крыму; северная граница культуры доходит до южных районов Киевской области. Основной формой погребального сооружения является катакомба с округлым входным колодцем и овальной погребальной камерой, которые часто соединяются коротким узким лазом. Входное отверстие закрывалось глиняной пробкой, реже – каменной плитой. Погребенного укладывали в вытянутом или слабоскорченном положении на спине, иногда – с поднятыми вверх коленями, а также в слабоскорченном положении на правом боку. Керамика, найденная в погребениях, является одним из характерных признаков культуры, это – амфоры с ручками-упорами, полусферические или плоскодонные чаши, горшки с короткой шейкой и выпуклым туловом. Специфичен орнамент – в виде прочерченных (желобчатых) горизонтальных линий, между которыми расположены фестоны или треугольники вершинами вниз, а также в виде схематически изображенного колоса злака. Порой углубления заполнены охрой или белой пастой, на некоторых экземплярах имеются антропоморфные и зооморфные изображения. Небольшая группа сосудов изготовлена из необожженной остеокерамической массы, с примесью человеческих костей. Металлические изделия являются достаточно редкими (ножи, стержни, украшения), но выделяется каменное парадное оружие – орнаментированные топоры-молоты, изготовленные из диорита или диабаза. Особенностью ингульского погребального культа является моделирование черепа умершего с помощью глины.

В поздний период (2300–2000) в ареале катакомбной КИО наблюдаются контакты и передвижки населения: с северо-востока в центральный ареал катакомбной КИО (Донбасс) проникают племена среднедонской культуры, с юго-востока – манычской (предкавказской). Они распространяются по территории донецкой, а затем и ингульской катакомбных культур; происходит смешение черт, появление новых элементов. В бассейне рек Бахмутка и Кальмиус, вдоль линии контактов западных и восточных групп населения, формируется бахмутский тип памятников, сочетающий компоненты нескольких катакомбных культур. Наиболее выражены в нем черты позднего этапа донецкой культуры. В дальнейшем прослеживаются смешение традиций, упрощение погребальных сооружений, беднее становится инвентарь. На финальном этапе распространяются захоронения в простых ямах, доминирует скорченное на боку положение умершего, появляется валиковый орнамент на керамике. Этот период связан уже с формированием бабинской культуры многоваликовой керамики (Отрощенко 2001).

Предполагается, что ***памятники катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья*** столь своеобразны, что их следует обособить в отдельную «одесскую» группу (Тощев 1991: 109). Более традиционна точка зрения, о том, что эти комплексы не выделяются из собственно западного ареала катакомбной КИО, хотя и имеют некоторые отличия (Дергачев 1986: 107; Субботин 2000: 376; Яровой 2000: 32; Братченко 2001). К настоящему времени раскопано около 500 погребальных комплексов, поселенческие памятники единичны и непредставительны (рис. 56). В подавляющем большинстве захоронения обнаружены в курганах, расположенных на плато, водоразделах, берегах речных долин и лиманов. Известны также случаи их нахождения в естественном возвышении (Данчены), гумельницком телле (Лишкотянка), сопоставимых с огромными насыпями. В отличие от ямных племен, ката-

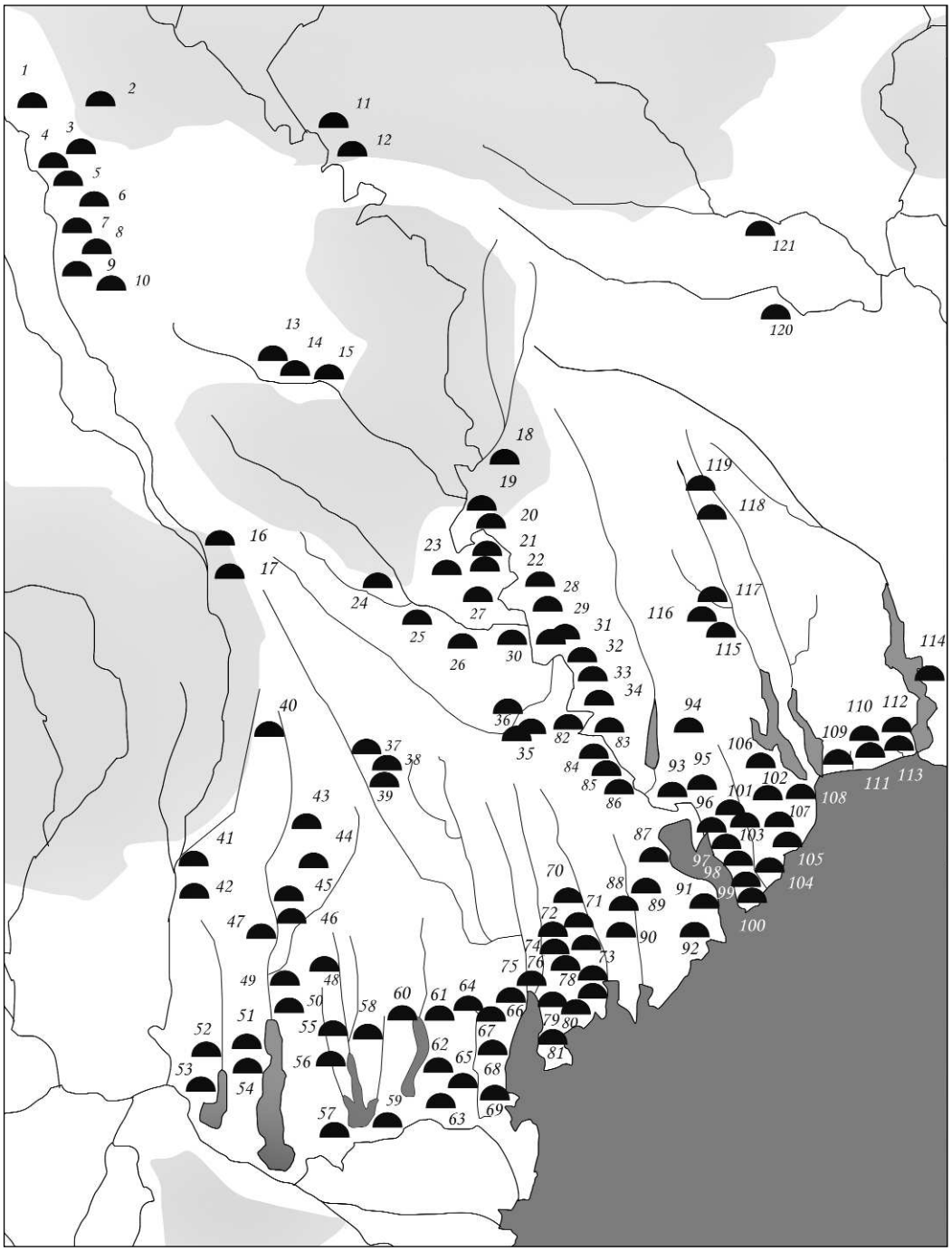


Рис. 56. Карта памятников катакомбной культуры

1 – Медвежа, 2 – Котюжаны; 3 – Коржеуцы, 4 – Тецканы; 5 – Безеда; 6 – Ханкауцы, 7 – Корпач; 8 – Старые Куконешты 9 – Думены, 10 – Дуруиторы, Новые Дуруиторы, Ивановка, 11 – Кузмин; 12 – Каменка (Окница), 13 – Кодрул-Ноу, 14– Чокылтяны, 15 – Бравичены, 16 – Чоропканы, 17 – Кирилень; 18 – Гармацкое; 19 – Погребя, 20 – Красное, 21 – Коржово, 22 – Старые Дубоссары, 23 – Балабанешты, 24 – Данчены, 25 – Кирка, Мерень; 26 – Гура-Быкулуй; 27 – Спея, 28 – Буторы, 29 – Бычок, 30 – Рошканы, 31 – Никольское, Константиновка 32 – Тирасполь, 33 – Суклея; 34 – Чобручи; 35 – Каушаны, Кырнацены; 36 – Урсоая, 37 – Гура-Галбене, 38 – Градиште; 39 – Чимишлия, 40 – Саретены; 41 – Дойна, 42 – Крихана Веке, 43 – Светлый, 44 – Томай; 45 – Казаклия; 46 – Тараклия, 47 – Балабан, 48 – Огородное, 49 – Копчак, 50 – Болград, 51 – Курчи, 52 – Этулия, 53 – Фрикацей, 54 – Мреснота Могила, 55 – Васильевка, 56 – Утконосовка, 57 – Богатое, 58 – Суворово; 59 – Кислица, 60 – Дзинилор, 61 – Холмское, 62 – Червонный Яр, 63 – Парапоры, 64 – Виноградовка, 65 – Мирное (Килийский район), 66 – Борисовка, 67 – Баштановка, 68 – Струмок, 69 – Приморское, 70 – Хаджидер, 71 – Сергеевка; 72 – Михайловка, 73 – Дивизия, 74 – Белолесье, 75 – Татарбунары, 76 – Заречное, 77 – Лиман, 78 – Желтый Яр; 79 – Новоселица, 80 – Вишневое, Кочковатое; 81 – Траповка, 82 – Талмаз, 83 – Глинное, 84 – Новые Раскаецы, 85 – Пуркары, 86 – Оланешты, 87 – Семеновка, 88 – Монаши, 89 – Алкалия, 90 – Дивизия II, 91 – Молога, 92 – Беленькое, 93 – Ясски, 94 – Щербанка, 95 – Березань 96 – Маяки, 97 – Надлиманское, 98 – Ефимовка, Николаевка; 99 – Дальник (Овидиопольский Район); 100 – Роксаланы; 101 – Петродолинское; 102 – Мирное (Беляевский район) Новая Долина, 103 – Новоградковка, 104 – Санжейка, 105 – Александровка, 106 – Холодная Балка, 107 – Великодолинское, 108 – Слободка-Романовка (Одесский курган), 109 – Шевченково (Одесса), 110 – Вапнярка, 111 – Большой Аджалык, 112 – Старые Беляры, 113 – Сычавка, Кошары, 114 – Попильное; 115 – Бараново, курган «Солдатская слава», 116 – Катаржино, 117 – Великозименово, 118 – Ревова, 119 – Новогригорьевка, курган «Любаша», 120 – Агеевка, 121 – Дубиново

комбное население очень редко возводили курганы, обычно, хороня своих умерших в уже существующих. Имеющаяся точка зрения о наличии грунтовых могил (Тощев 1991; Яровой 2000; Субботин 2000) оспаривается другими исследователями (Отрощенко 2001). Более чем в 50 курганных насыпях выявлено по 1 погребению, обычно в одном кургане размещалось от 1 до 5 могил. Крупные могильники редки: Приморское, к. 1 (11), Пуркары, к. 1 (10), «Захаркина могила» у с. Лиман (10), Вишневое, к. 17 (20). В центр курганной насыпи захоронения впускались крайне редко, чаще размещаясь по дугам или компактными группами в полах кургана (рис. 57, 1). Как правило, при размещении захоронений по окружности, погребенные ориентированы по часовой стрелке, лишь изредка – против часовой. Известно и радиальное расположение погребальных камер (Дубиново, к. 1; Новая Долина, к. 3).

Абсолютная и относительная хронология. Имеющийся к настоящему времени свод радиоуглеродных дат катакомбной культуры позволил исследователям определить период существования культуры в целом в рамках 2700–2000 ВС (Отрощенко и др. 2007: 245–250). Небольшая серия дат, полученная для Северо-Западного Причерноморья, укладывается в диапазон от 2580–2341 до 2267–1981 ВС (Иванова 2009). Что касается проблем относительной хронологии, то по сей день дискутируются два вопроса. Первый из них касается соотношения ямных и катакомбных памятников, возможности культурных контактов и отражении их в археологических реалиях. Второй связан с хронологическим приоритетом тех или иных катакомбных культур. Предполагается как одновременное сосуществование носителей

позднеямных и катакомбных традиций (Сафронов 1979; Пустовалов 1998; Кияшко 1998; Гей 1999; Черных, Орловская 2004б), так и всего лишь кратковременные их контакты на некоторых территориях (Братченко 2001: 62; Ніколова, Черних 1997: 108; Отрощенко 2001: 19).

Что касается непосредственно Северо-Западного Причерноморья, предполагается, что освоение катакомбным населением территории Северо-Западного Причерноморья происходило постепенно. Инфильтрация нарастала, и в позднекатакомбное время достигла своего апогея, тогда же в продвижении на запад приняли участие и носители позднедонецкого, позднеманычского типа памятников. В итоге наблюдается чересполосное сосуществовании носителей ямной и катакомбной культур (Тощев 1979; Toscev 1998). Имеющиеся материалы указывают не на смену одной культуры другой, а об их территориальном сосуществовании на определенном отрезке времени. Не все исследователи согласны с этим, считая, что такое размещение памятников этих культур в регионе еще не означает их синхронности (Отрощенко 2001: 19). Предполагаются длительные (в течение нескольких сотен лет) контакты ямных и катакомбных племен, проявившиеся в сходстве материальной культуры (Субботин 1993: 16; 2000: 376; Яровой 1999). Итог этих контактов видится разным: постепенно ямные племена были ассимилированы и подверглись культурной трансформации со стороны племен катакомбной культуры (Яровой 1985; Черняков 1996а: 59). В то же время указывается на вероятность ассимиляции катакомбного населения ямными племенами (Дергачев 1986: 110).

В Северо-Западном Причерноморье данные курганной стратиграфии указывают на более поздний характер размещения в курганах катакомбных погребений по сравнению с ямными комплексами. Тем не менее, синхронность определенной части погребальных комплексов обеих культур, судя по ряду признаков и радиоуглеродным датам, вполне очевидна. Имеется импорты и определенная близость в материальной культуре и погребальных традициях двух культурных общностей. Ситуация кажется противоречивой только на первый взгляд. В этом контексте следует иметь в виду, что в кургане нашли отражение соответствующие социальные и мемориальные установки, которые действовали в конкретном обществе на момент совершения погребения. Общепризнано, что курганная стратиграфия отражает последовательность совершения захоронений. За рамками остаются два аспекта – возможности и желания (необходимости) совершать захоронения своих соплеменников в том или ином конкретном кургане. Чем определяется захоронение в существующем кургане или строительство рядом нового? Допустимо ли существование «переменной стратиграфии» в принципе, т.е. практически одновременное использование родового (?) кладбища и святилища разноэтничными и, возможно, враждебными племенами, с различными культами и верованиями? По всей вероятности, для населения ямной КИО ответ будет отрицательным[1].

В связи с этим можно говорить не только о культовых установках или запретах на погребение в чужом сакральном пространстве, но и о сложившейся исторической ситуации. Катакомбные племена уступали в численности ямным в несколько раз[2], при этом не превосходя их ни по уровню социального развития, ни по уров-

---

[1] Единичные случаи «переменной стратиграфии» (т.е. погребение ямными племенами своих умерших в тех курганах, где уже имеются катакомбные захоронения) получили иную, вполне убедительную трактовку (Отрощенко 2001: 33; Субботин 2000: 375).

[2] За время обитания в регионе почти в течение тысячелетия ямные племена оставили здесь более 2500 захоронений, в то время как катакомбные – около 500 за период в два раза короче.

ню вооружения. По-видимому, они могли появиться лишь в тех ареалах, которые уже покинули носители ямной культуры; лишь после этого у катакомбного населения возникала возможность использовать не только земли, на которые ямные племена уже не претендовали, но и курганы ямных племен. Причины оставления земель ямными племенами могли быть различными, от перевыпаса, т.е. ухудшения качества пастбищ, до смены маршрутов перекочевок или уменьшения численности населения. Таким образом, предпосылки формирования курганов с «переменной стратиграфией» отсутствовали, несмотря на одновременное сосуществование определенной части позднеямного и катакомбного населения. Довольно малочисленные свидетельства взаимосвязей двух культурных общностей также вполне объяснимы: население двух культур могло не нуждаться в контактах друг с другом, занимая, возможно, разные экономические ниши, или же в силу иных причин[1].

Анализ планиграфии, размещения катакомбных захоронений в подкурганном пространстве, позволяет констатировать одновременность проживания в регионе носителей разных погребальных традиций: погребения, где умершие захоронены вытянуто на спине и скорчено на спине или на боку, подчиняются единым правилам размещения в кургане (рис. 57, 1). Вытянутые погребения соотносятся с ингульской культурой, интерпретировать однозначно скорченные захоронения сложнее.

На более поздний характер памятников катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья по сравнению со всем ареалом катакомбной КИО указывают многие исследователи (Тощев 1982: 17; Субботин 2000: 376; Яровой 2000: 34). Считают, что в периферийных областях, в частности Северо-Западном Причерноморье, процесс формирования культур несколько запаздывал (Братченко, Шапошникова 1985: 418). Но радиоуглеродные данные демонстрируют синхронность катакомбных памятников достаточно отдаленных регионов, например, Калмыкии (Шишлина 2007), Поднепровья (Bunjatjan et al. 2006) и Северо-Западного Причерноморья (Иванова 2009). Таким образом, речь может идти лишь об отсутствии в регионе пласта раннекатакомбных или «предкатакомбных» захоронений, при синхронности основного массива катакомбных комплексов. Впрочем, наличие небольшой группы ранних памятников отмечается исследователями (Тощев 1982; Дергачев 1986; 1999; Фоменко 2003). Но в любом случае они являются более поздними по отношению к преддонецким и предингульским комплексам.

Материальная культура. Значительная часть захоронений может быть достаточно надежно атрибутирована в рамках катакомбной КИО и соотнесена с определенными археологическими культурами. Но это, касается, в основном, преобладающих в регионе захоронений ингульской культуры. Выделение комплексов других культур (кроме единичных случаев) довольно проблематично. Довольно беден и невыразителен погребальный инвентарь. Кроме имеющихся типичных вещей (ингульских чаши и амфоры, нож манычского типа и пр.), остальные артефакты дают возможность отнести их к катакомбной КИО в целом, без привязки к определенной катакомбной культуре.

---

[1] Такая культурно-историческая ситуация не уникальна; к примеру, в Поволжье хвалынское население объективно не нуждалось в тесных контактах с некоторыми территориально близкими и синхронными культурами, что проявилось в материальной культуре в виде отсутствия каких-либо следов хвалынского культурного воздействия (Юдин 2006: 39).

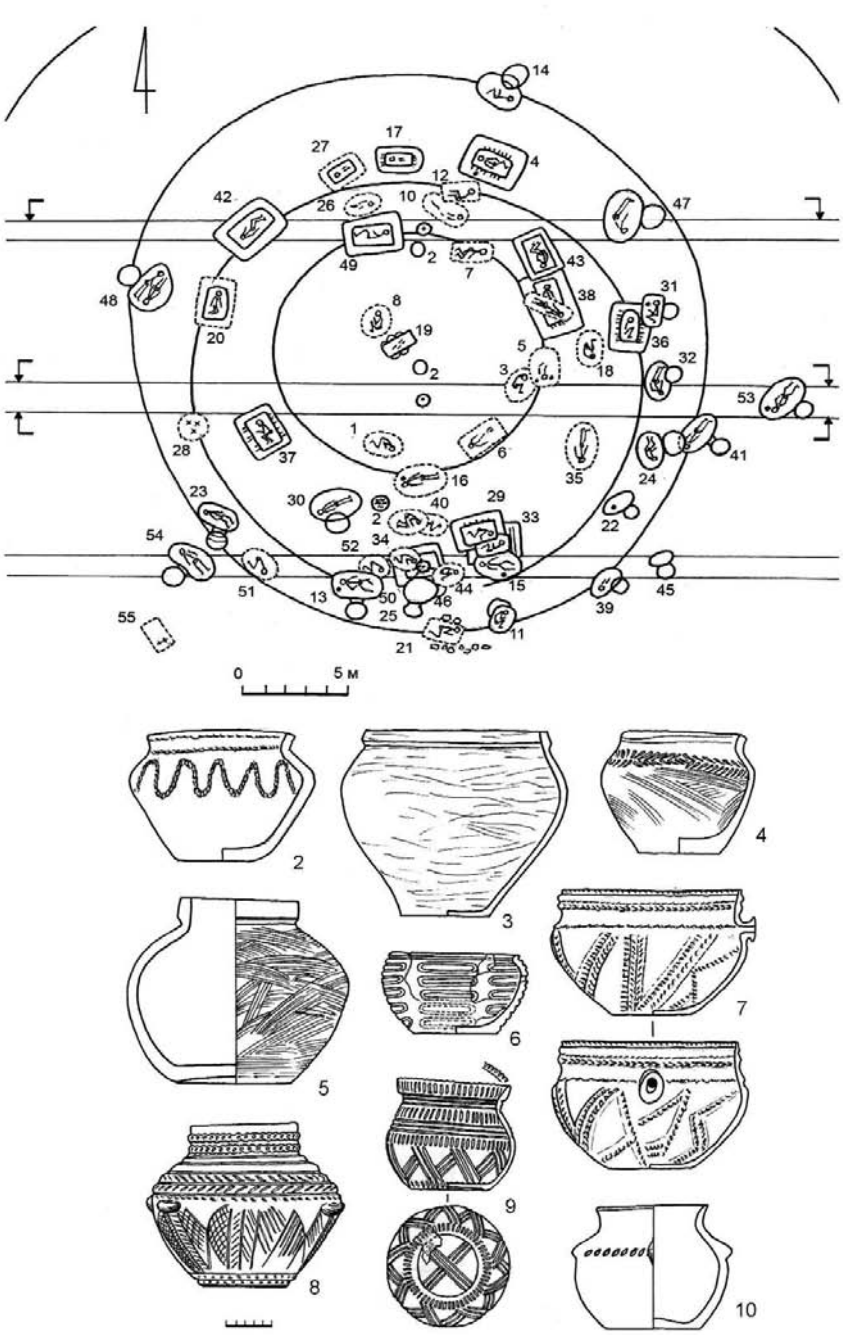


Рис. 57. Общий план кургана (1) и керамика (2–10) из захоронений катакомбной культуры.
1 – Вишневое, курган 17 общий план; 2 – Тараклия 1/11; 3 – Новые Раскаецы 1/7;
4 – Вишневое 17/15; 5 Вишневое 17/16; 6 – Новая долина 3/6; 7 – Пуркары 1/3 (?);
8 – Баштановка 4/20; 9 – Новая Долина 3/12; 10 – Сергеевка 1/12

К ***ингульской культуре*** относится около 70% всех погребений катакомбной КИО Северо-Западного Причерноморья. Основные типы погребальных сооружений представлены традиционными катакомбами овальной формы с округлым колодцем, более редкими простыми ямами и ямами с подбоем[1]. Вытянутое на спине положение умершего (реже – вытянутое на боку), характерное для этой культуры, имеет различные подварианты, в зависимости от размещения конечностей (Субботин 2000: 371–372) (рис. 60, 1; 61, 1, 4; 63). Встречаются скелеты в слабоскорченном положении на спине, а также ничком. Умершие обычно обращены лицевой частью ко входу либо к своду погребальной камеры. При известной закономерности (размещении скелета по часовой стрелке, черепом влево от входа), меняется и ориентировка погребенного. Известны погребения скелетов не в анатомическом порядке, одно такое погребение сопровождалось амфоркой, характерной для ямной культуры (Лиман 2/4), что позволяет предположить его относительно раннюю дату (Субботин, Тощев 2002).

Керамика, найденная в захоронениях, является доминирующей категорией находок; она довольно разнообразна и в определенной степени соотносится с посудой других регионов распространения катакомбной культуры (рис. 57, 2–10). Наиболее многочисленную группу составляют различные варианты горшков широких пропорций (рис. 57, 2–4). Крупные экземпляры, как правило, без орнамента, меньшие по размерам могут быть украшены рядом наколов или насечек. Немногочисленны приземистые широкогорлые горшки с резким перегибом тулова, с рядами насечек на плечиках. В то же время известны типичные для ингульской культуры миски и чаши полусферических форм, с прямым или слегка загнут вовнутрь венчиком (рис. 57, 6). Имеются экземпляры и с плоским дном, некоторые с одиночными или двойными ручками-ушками с отверстиями (вертикальными или горизонтальными). Редко встречаются амфоры – сосуды с высоким прямым горлом, округлыми туловом и плоским дном, орнаментированы прочерченными линиями, наколами (табл. 12, 7; рис. 57, 8; 59, 2). Некоторые формы единичны (молочник, круглодонный сосуд).

Орнаментированы сосуды чаще всего в прочерченной технике, но имеются оттиски шнура, насечки, наколы. Орнаментальные схемы (треугольники или фестоны, образованные прочерченными линиями, между рядами которых нанесены различные по форме вдавления) имеют аналоги в памятниках междуречья Днепра и Южного Буга. Орнамент чаще покрывает верхнюю половину сосуда; отдельные экземпляры имеют налепы с вертикальными проколами, орнамент на них отсутствует.

Из других категорий инвентаря зафиксированы оружие, орудия труда, украшения (рис. 58). Особенно выразительна группа каменных шлифованных топоров, которые изготовлены из песчаниковых и гранитных пород, базальта, диабазовых порфиритов, очень редко – из змеевика (Петрунь 2000: 181). Топоры различны по величине, чаще всего подромбовидные, с невыделенным обушком, часть из них украшена рельефным орнаментом, по центру некоторых проходит нервюра. Встречаются и топоры удлиненных пропорций (рис. 58, 1–3, 8). Из камня изготавливались и булавы, в основном, грушевидных очертаний (рис. 58, 4). Исследователями высказаны две точки зрения о назначении булав у степных скотоводов: по одной из

[1] Нужно учитывать тот факт, что в ряде случаев к грунтовым ямам могли быть отнесены катакомбы, прослеженные лишь по дну.

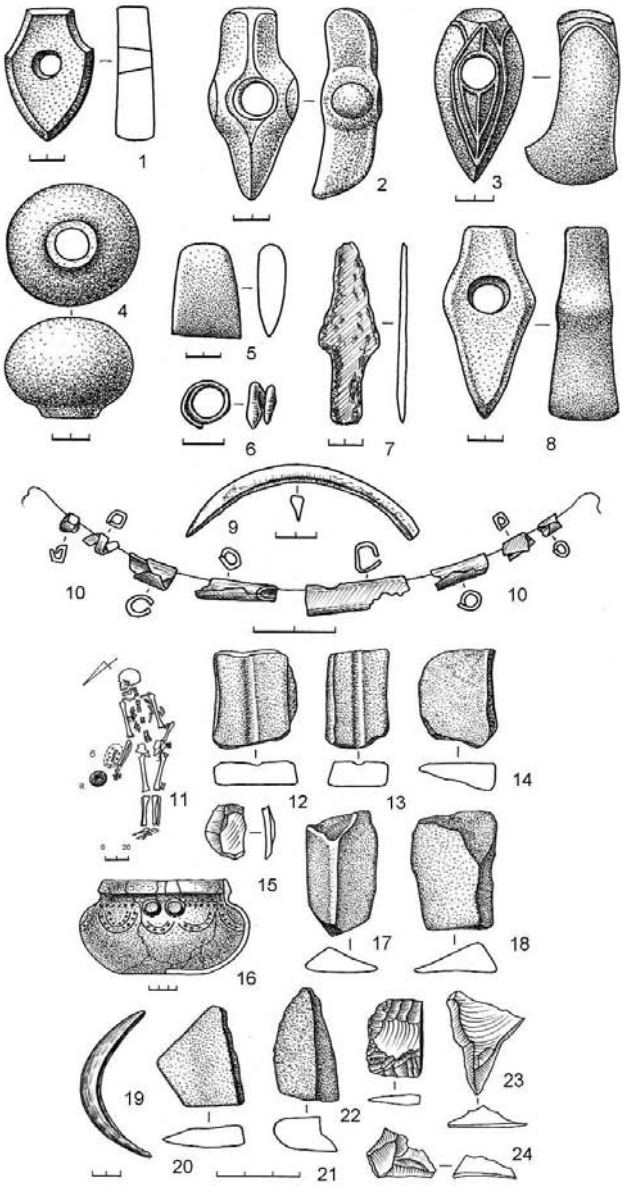


Рис. 58. Орудия труда, оружие и украшения из погребений катакомбной культуры.
1 – Надлиманское 9/20, топор ; 2 – Холмское 2/24, топор; 3 – Тирасполь 1/3 топор;
4 – Корпач 3/7, навершие булавы; 5 – Тараклия II, 1/11, тесло;
6 – Новая Долина 3/12, спиралевидная подвеска; 7 – Тирасполь 1/3, нож;
8 – Новые Раскаецы 1/12, топор; 9 – Новые Раскаецы 1/12, орудие из клыка кабана;
10 – Чобручи 1/35, пронизи; 11–24 – Никольское 8/11: 11 – план погребения,
12, 13 – выпрямители стрел, 14, 17, 18, 20, 21 – орудия со следами сработанности,
15, 23, 24 – отщепы, 19 – скобель, 22 – фрагмент тесла
(1–5, 8 – камень, 6 – серебро, 7, 10 – медь/бронза, 9 – зуб животного,
12, 13, 15, 22, 23, 24 – кремень, 14, 17, 18, 20, 21 – песчаник, 19 – кость)

них булавы были знаками власти (Даниленко 1974: 97), другая не исключает того, что булавы использовались как оружие (Кравец 1993: 37–38). Известны находки кремневых наконечников стрел и копий, топориков (Сергеевка, Тараклия, Никольское), ножей. С этой группой захоронений связана находка ножа, изготовленного из меди/бронзы (Тирасполь 83, к. 1, п. 1) (рис. 58, 7). При относительной редкости и ценности металла в рассматриваемый период, ножи могли быть полифункциональны, выступая и в качестве оружия, и как орудие труда. Орудия труда изготовлялись из различного материала. Из камня выполнены выпрямители древков стрел, наковаленки округлой формы (Светлый 1/2), зернотерки, растиральники, в том числе и для медной руды (Траповка 4/14). Среди костяных орудий – острия, иглы с пазами. Из клыков дикого кабаны изготовлены лощила и скобели (Новые Раскаецы 1/12, Никольское 8/11). Более многочисленны орудия труда из кремня – ножи, скребки ножевидные пластины, вкладыши, отщепы. Встречаются захоронения «мастеров», с наборами инструментов: Никольское 8/11 (Агульников, Сава 2004: 213) (рис. 58, 11–24). Украшения представлены подвесками из зубов животных – оленя, волка, ожерельем и подвесками из раковин, клыка кабана (рис. 60, 6; 63, 14). Металлические украшения редки (бронзовые пронизи) (рис. 58, 10). В погребениях также найдены кости животных (бык, овца, лошадь) и птиц.

Погребальный инвентарь в большинстве своем располагался в погребальных камерах, обычное его место – у изголовья (чаще справа от погребенного), изредка – у таза или у ног. Охра в виде посыпки погребенного, участков дна отмечена примерно в 40% захоронений, изредка она встречалась в виде комков. Для подавляющего количества катакомб фиксировался тлен на дне ямы, порой – древесные угли.

Донецкая культура, как уже отмечалось, характеризуется, помимо иных признаков, положением умершего скорченно на правом боку. Эта ее особенность, порой, абсолютизируется и к ней относят все правобочные захоронения, независимо от формы погребального сооружения (Яровой 2000). Между тем, для нее характерны захоронения с прямоугольным или квадратным входным колодцем, причем с ранним этапом соотносятся, преимущественно Т-образные типы, с дромосом в виде пандуса или ступеней, с развитым этапом – Н-образные типы, без дромоса. На раннем этапе, помимо катакомб, известны погребения в прямоугольных ямах, порой, с заплечиками. Поза погребенного относительно неустойчива, помимо правобочных (на правом боку и с наклоном вправо) известны левобочные погребения и скорченные на спине, в том числе слабоскорченные. На развитом этапе умерших хоронят на правом боку скорченно, с вытянутой правой рукой и слегка согнутой левой. На позднем этапе появляются катакомбы с овальным или округлым входным колодцем. Эти варианты представлены небольшим числом памятников и в Северо-Западном Причерноморье, как ранних (Великозименово и Старые Беляры в междуречье Южного Буга и Днестра (рис. 62, 3), Тецканы и Безеда на левобережье Среднего Прута), так и поздних (Катаржино в бассейне р. Малый Куяльник). Погребения донецкой культуры единичны, за исключением группы из двух десятков захоронений в Попрутье. В погребальном инвентаре – сосуд с елочной орнаментацией, характерный для захоронений Нижнего Подонья (Великозименово), каменные булавы, каменный топор, бронзовое шило, наконечники стрел, керамика приземистых горшковидных форм, иногда украшенная горизонтальными отпечатками шнура (Тецканы, Безеда). В то же время отмечается длительность бытования ранних черт обрядности, их сочетание с более поздними элементами материальной

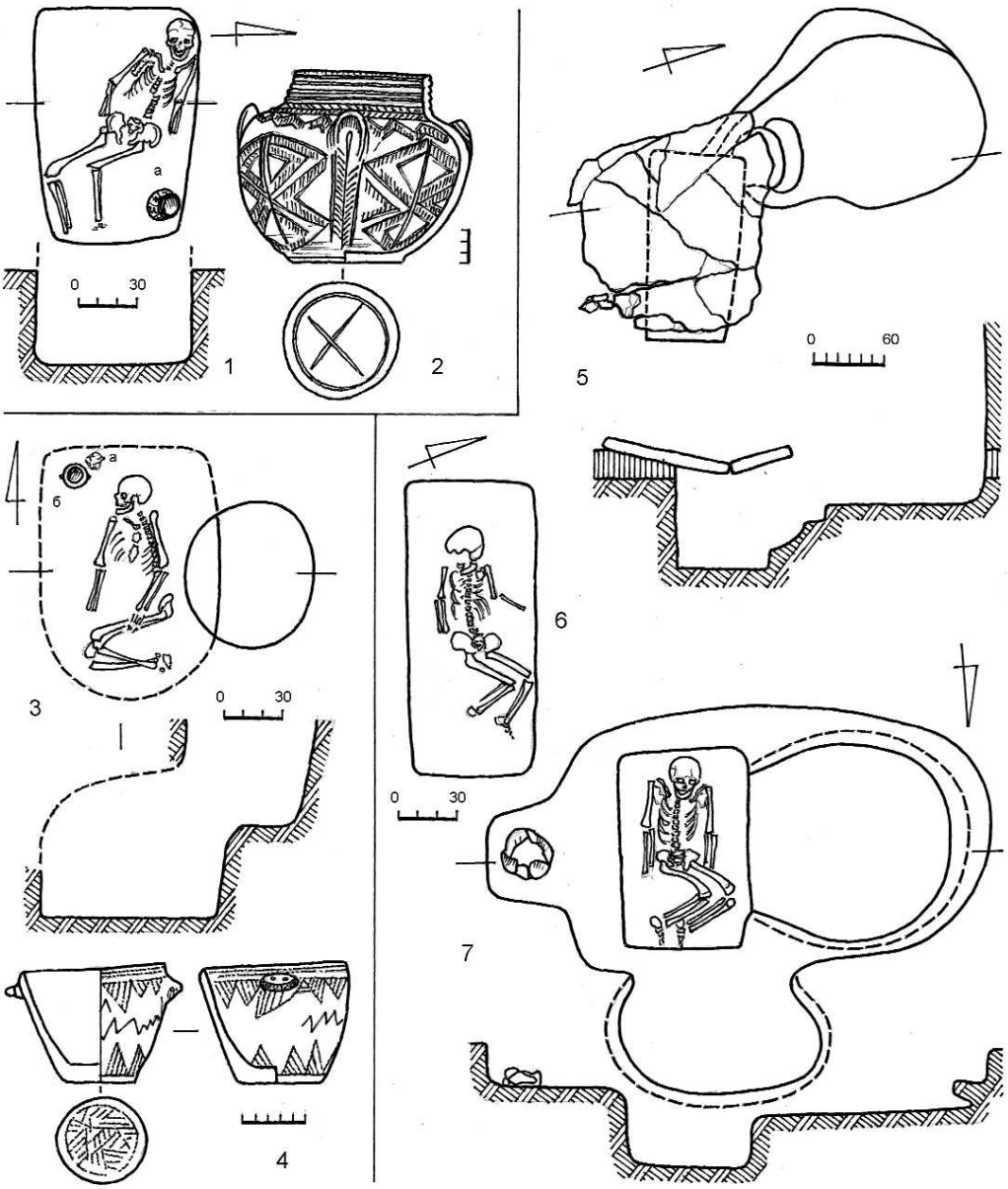


Рис. 59. Полиритуальные захоронения (2, 4 – керамика).
1, 2 Дубиново 1/11: 1 – план погребения, 2 – сосуд; 3, 4 – Вишневое 17/31:
3 – план погребения, 4 – сосуд; 5, 6 – Щербанка 1/3:
5 – верхний горизонт, 6 – план погребения; 7 – Тараклия 1/18

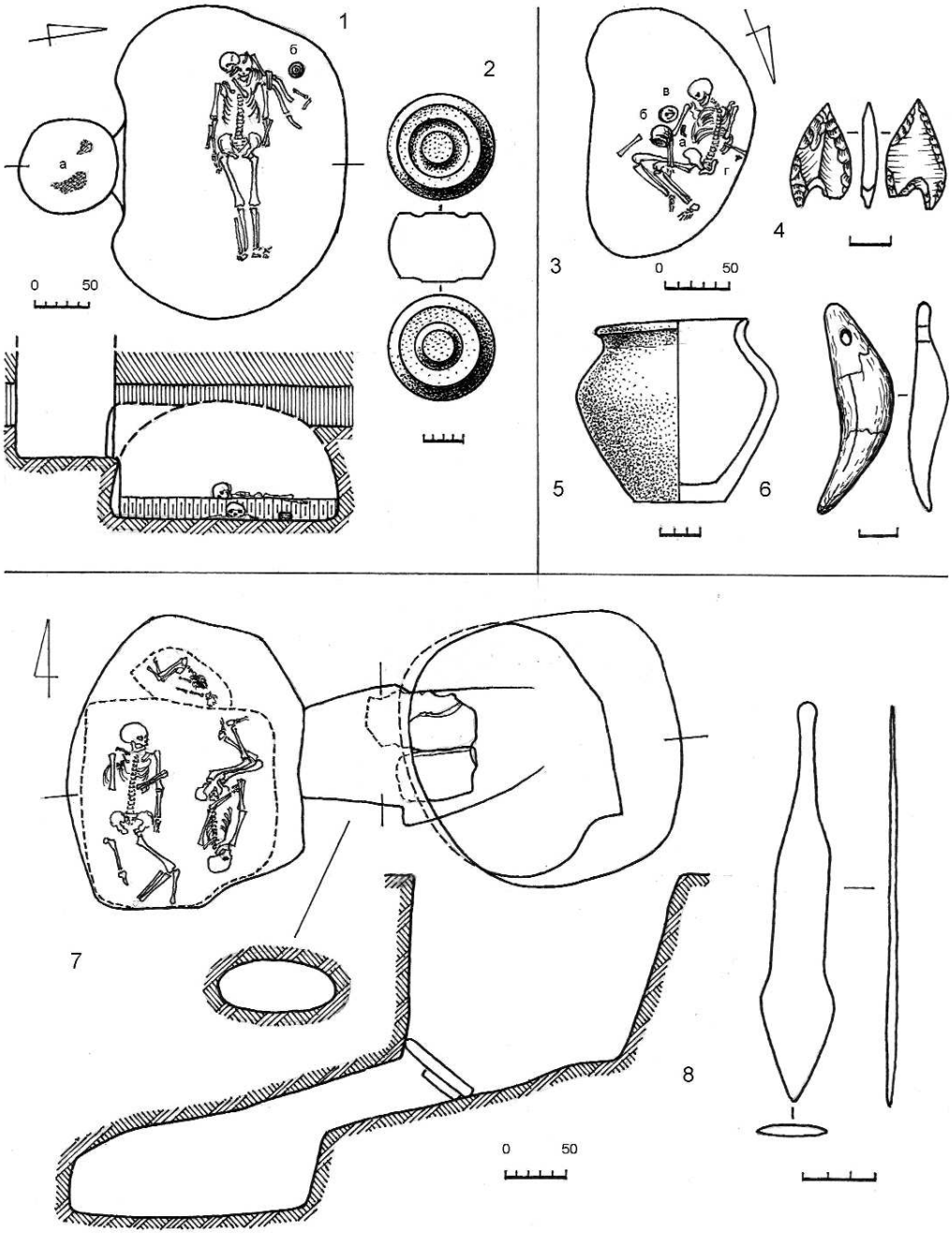


Рис. 60. Погребения катакомбной культуры с инвентарем
1, 2 – Траповка 4/14: 1 – план погребения, 2 – растиральник медной руды;
3–6 – Дивизия II, 5/4: 3 – план погребения, 4 – наконечник стрелы, 5 – сосуд,
6 – подвеска; 7, 8 – Каменка (Окница) 3/5; 7 – план погребения, 8 – нож
(2 – базальт, 4 – кремень, 5 – керамика, 6 – зуб животного, 8 – бронза)

культуры, что является особенностью данного периферийного региона. Примером может служить погребение Окница 3/5 из Среднего Попрутья (Республика Молдова). В катакомбе раннего типа, с пандусом и подпрямоугольным входным колодцем захоронено трое умерших, один на правом боку и два – на левом. В погребальном инвентаре – бронзовый нож с пламевидным лезвием, характерным для манычской культуры развитого этапа (рис. 60, 7–8).

Подтверждается длительность сохранения ранних черт погребальной обрядности и радиоуглеродными датами: для погребения Великозименово 1/4 получена изотопная дата (Ki-11210) 3780 ± 70 BP, или 2427– 2071 BC (Иванова и др. 2005: 99), которая позволяет соотнести это захоронение (с ранними чертами в обряде) лишь с началом развитого этапа катакомбных культур.

Манычская культура. Достоверно к ней относится лишь одно захоронение – Семеновка 9/1, где найден характерный сосуд реповидной формы с налепным валиком на средней части тулова (Субботин 1985: 89–91) (рис. 62, 6, 7).

Бахмутский тип представлен также одним захоронением – Дубиново 1/12, на самом севере региона, где в катакомбе овальных очертаний, отгороженной каменной заслонкой от прямоугольного входного колодца, при умершем, лежащем на левом боку (с отклонением на спину) было найдено навершие округленно-цилиндрической булавы, изготовленной из гнейса (Иванова и др. 2005) (рис. 61, 14, 15). В отличие от более распространенных булав грушевидных форм, такой тип достаточно редок; аналогичное изделие известно в бахмутском захоронении из Северо-Восточного Приазовья (Санжаров 2001: 126, рис. 43, 6), в позднекатакомбных погребениях Среднего Дона. Левобочное положение скелета, хоть и редко, но фиксируется в бахмутском типе памятников.

Тип Перун. К нему можно отнести одно выполненное в катакомбе детское погребение из кургана Новая Долина 1/12 (Петренко и др. 2002), со скорченным на правом боку скелетом и нетипичным инвентарем – серебряным кольцом и кубком со сферическим корпусом, украшенным оттиском перевитого шнура (рис. 57, 9). Этот сосуд, по мнению авторов раскопок, находит ближайшие аналогии на поселениях типа Перун в Поднепровье.

Полиритуальная группа. К ней следует, на наш взгляд, относить захоронения, культурная принадлежность которых в рамках катакомбной КИО однозначно не определяется. Погребенные в них расположены скорченно на спине, на правом и на левом боку; порой, несколько позиций (а то и все три) фиксируются в одном захоронении. Зачастую трудно восстановить позу погребенного и отличить слабоскорченное положение на спине от слабоскорченного на боку, или от скорченного на спине с небольшим наклоном[1]. Могильные сооружения представляют собой простые ямы или катакомбы с округлым входным колодцем. Казалось бы, эти погребения следует относить к самому раннему этапу ингульской культуры (или к предингульской группе), учитывая наличие поз умерших, которые более характерны для ямной, чем катакомбной культуры. Однако, в них (за редким исключением) отсутствует ямный инвентарь, да и позы умерших, кроме скорченной на спине, не вписываются в выделенные предингульские стандарты (поза адорации). С другой стороны, хотя эти позы вполне сопоставимы с преддонецкими и раннедонецкими

[1] Именно поэтому у разных исследователей (Дергачев В.А., Тощев Г.Н., Яровой Е.В.) в аналитических обзорах катакомбных культур региона при сходном проценте вытянутых на спине захоронений, распределение по другим подгруппам существенно отличается.

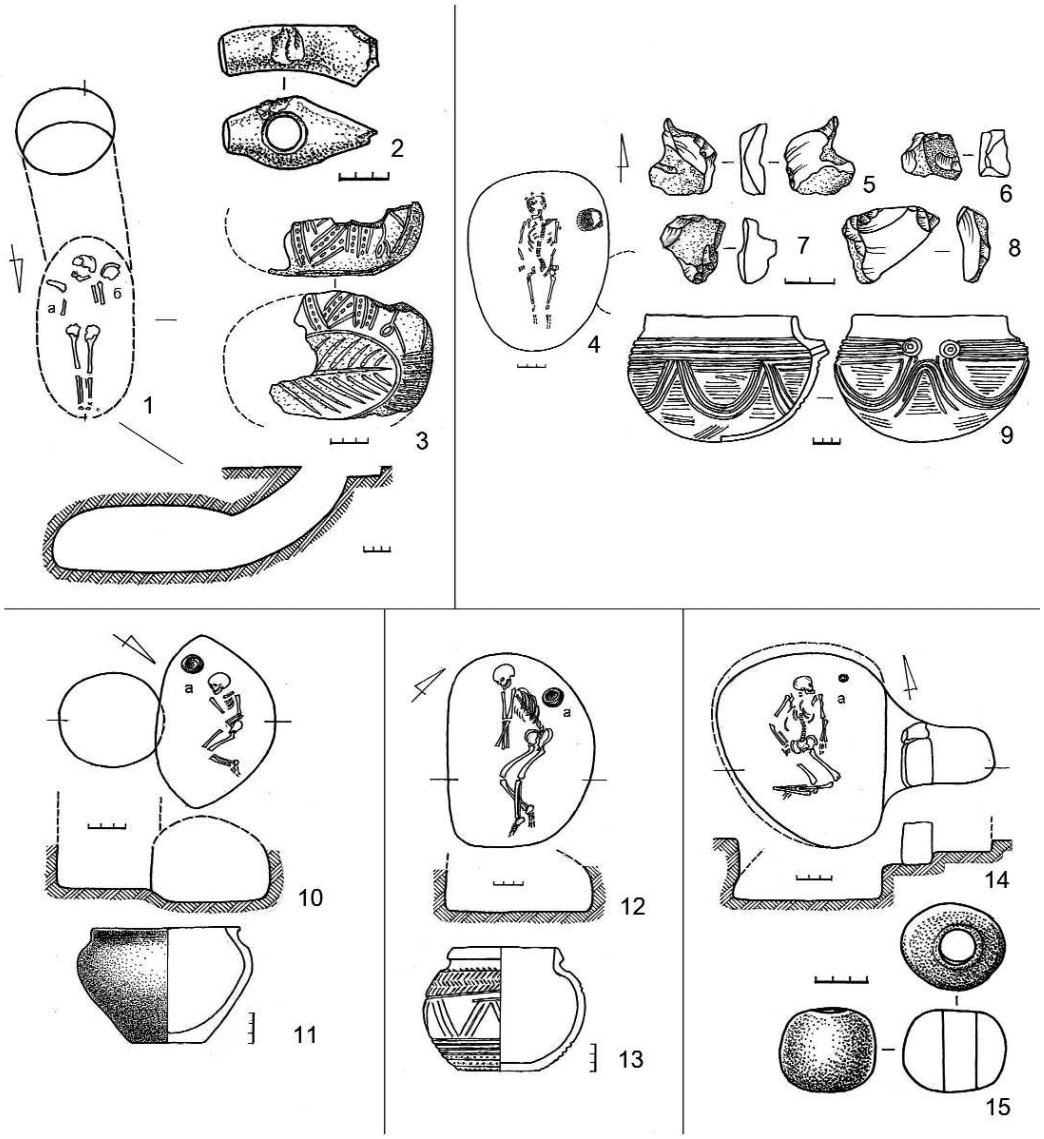


Рис. 61. Погребения катакомбной культуры с инвентарем.
1–3 – Щербанка 1/28: 1 – план погребения, 2 – топор, 3 – сосуд;
4–9 – Ревова 3/13: 4 – план погребения, 5–8 – отщепы, 9 – сосуд;
10–11 – Белолесье 3/11: 10 – план погребения, 11 – сосуд; 12, 13 – Сергеевка 1/13:
12 – план погребения, 13 – сосуд; 14, 15 – Дубиново 1/12:
14 – план погребения, 15 – булава
(3, 9, 11, 13 – керамика, 2, 15 – камень, 5–8 – кремень)

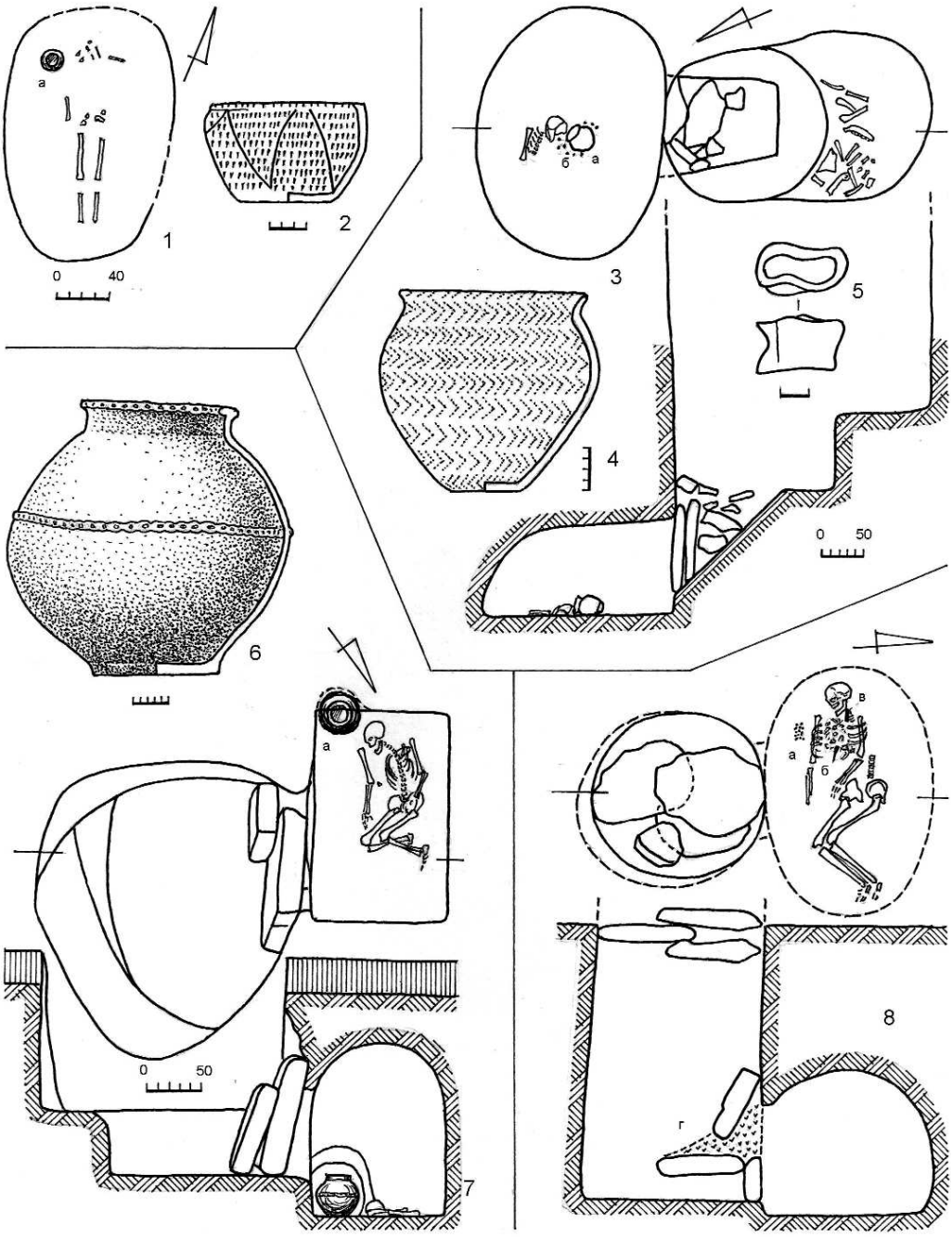


Рис. 62. Погребения катакомбной культуры и инвентарь из них.
1, 2 – Великозименово 1/3: 1 – план погребения, 2 – сосуд;
3–5 – Великозименово 1/4: 3 – план погребения, 4 – сосуд, 5 – астрагал;
6, 7 – Семеновка 9/1: 6 – сосуд, 7 – план погребения; 8 – Катаржино 1/3
(2, 4, 6 – керамика, 5 – кость)

комплексами, форма катакомбы не позволяет отнести их к донецкой культуре. Сочетание в захоронениях (или в одних стратиграфических горизонтах) скорченных на спине и боку захоронений, заставляет рассмотреть их в рамках одной группы, вероятно, достаточно ранней, где сочетаются позы умерших, характерные для ямной культуры, с погребальным сооружением катакомбной культуры. Отметим, что и инвентарь в них вполне однотипен и однообразен, как и инвентарь катакомбных погребений региона в целом:

а) захоронения со скорченными на спине умершими. Конструкции погребальных комплексов, их размещение в насыпи во многом совпадают с традиционным ингульским типом. В наборе инвентаря преобладает керамика, представленная катакомбными сосудами вытянутых и приземистых пропорций, не обладающая специфическими ингульскими чертами. Иные категории инвентаря редки; единичны находки остатков напутственной пищи, встречается охра, следы циновки. Выделяется лишь погребение Дубиново 1/11, с характерной ингульской пышно орнаментированной амфорой (рис. 59, 1, 2). Дата для этого погребения указывает на полиритуализм в достаточно поздний период: Ki-11202, 3720 + 70 BP, 2267-1981 BC;

б) погребения с умершими, скорченными на спине с наклоном влево (на левом боку). В качестве погребального сооружения встречаются как катакомбы, так и простые ямы, порой с подбоями. Керамика найдена в половине погребений, в основном она представлена горшковидными формами. В погребальном инвентаре фиксируются каменные, кремневые орудия труда, оружие: стрелы, наконечник копья, нож-кинжал. Отмечается довольно значительное количество оружия именно в этой обрядовой группе (Яровой 2000)[1];

в) захоронения с погребенными, скорченными на спине с наклоном вправо, на правом боку. Большинство погребальных сооружений представляют собой катакомбы овальной и неправильной овальной формы, среди входных колодцев также преобладают округлые и овальные. Инвентарь составляет, в основном, керамика катакомбного типа (половина находок), также известны каменные полированные топоры, ожерелья из зубов оленя, раковин кардиум, подвеска из клыка кабана, каменный бисер. Здесь следует упомянуть погребение Вишневое 17/31 (рис. 59, 3, 4), со скорченным на правом боку скелетом, где в захоронении найден сосуд буджакской культуры[2]. Такое сочетание характеристик не позволяет относить описанные правобочные захоронения к донецкой культуре.

Эта группа захоронений, таким образом, является полиритуальной, где характерное для ингульской культуры погребальное сооружение сочетается с довольно широко распространенным в катакомбном ареале инвентарем и позами умерших, характерными для ямной и донецкой культур. Вероятно, синкретизм связан с периферийностью региона в контексте катакомбной КИО, немногочисленностью катакомбного населения, «открытостью» периферийных культурных групп к контактам и связям. Определенную роль играют и взаимоотношения с населением ямной культуры на протяжении второй половины III тыс. до н. э. По крайней мере, именно этот период охвачен радиоуглеродными датами, полученными для поздних ямных и для катакомбных захоронений региона (Иванова 2009).

---

[1] Заметим, что и в ямной культуре региона с левобочным положением погребенного увязываются наиболее частые находки оружия (Иванова 2001а).

[2] Правда, форма погребальной камеры не соотносится ни с одной из катакомбных культур.

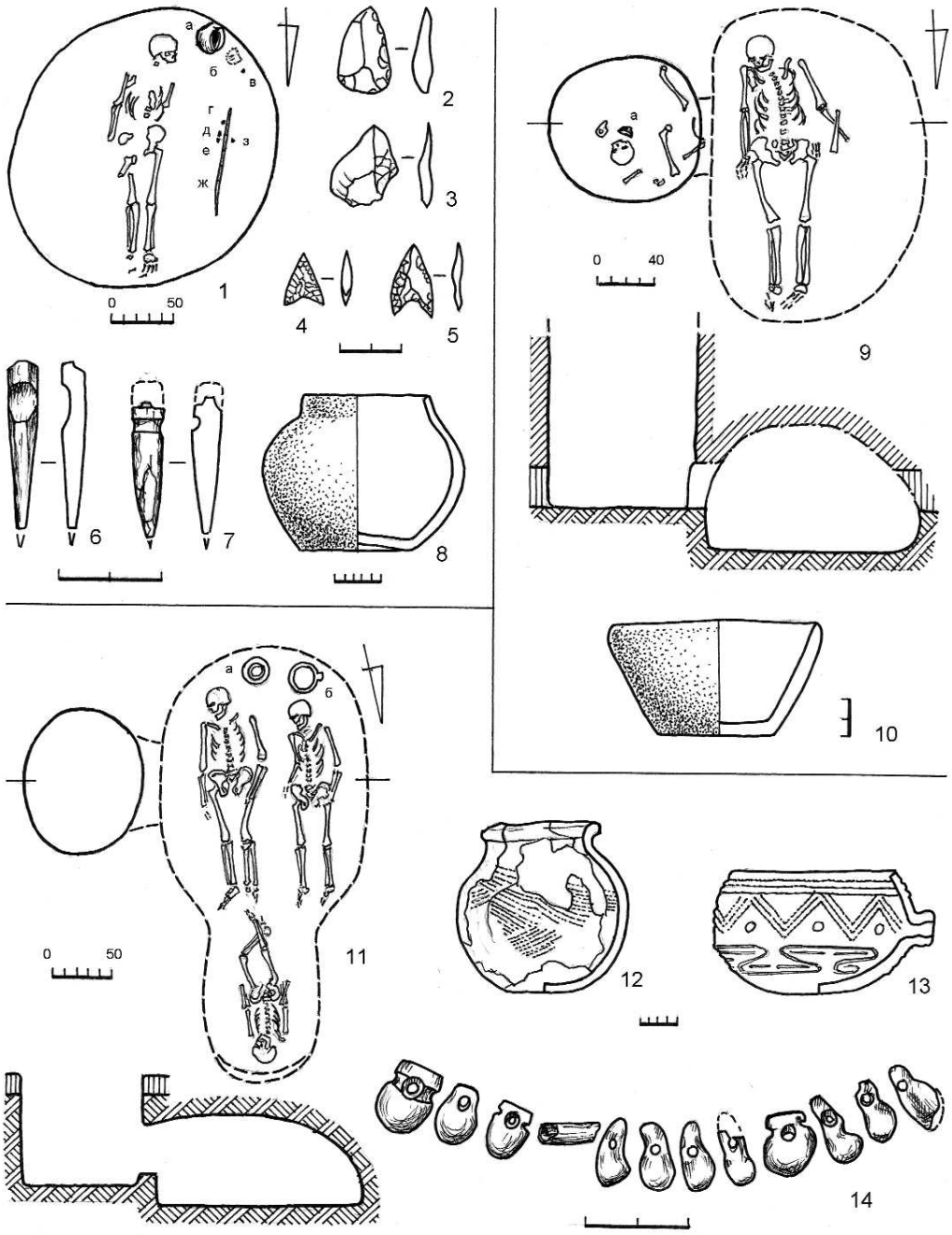


Рис. 63. Погребения катакомбной культуры с инвентарем.
1–8 – Семеновка 14/16: 1 – план погребения, 2–5 – наконечники стрел,
6, 7 – костяные иглы, 8 – сосуд; 9, 10 – Траповка 10/7; 9 – план погребения, 10 – сосуд;
11–14 – Урсоая 3/11: 11 – общий план, 12,13 – сосуды, 14 – подвески из зубов оленя
(2–5 – кремень, 6, 7 – кость, 8, 10, 12, 13 – керамика, 14 – зубы животного)

На наш взгляд, основная часть погребений со скорченными (на боку и спине) скелетами соотносится с «ямным» населением, частично воспринявшим катакомбные культурные традиции, возможно – в рамках социальных (брачных?) отношений. Безусловно, их следует относить к катакомбной культуре, но корни их местные, не имеющие отношения к ареалу донецкой или ингульской культур. Об этом свидетельствуют, в частности, данные антропологии которые указывают на наличие ямного компонента в катакомбной среде Северо-Западного Причерноморья (Круц 1997; Сегеда 2000).

Хозяйство катакомбного общества Северо-Западного Причерноморья являлось комплексным, скотоводческо-земледельческим. И по значению скотоводства, и по образу жизни катакомбное население было близким ямному, хотя роль земледелия была, по-видимому, несколько выше. Судя по находкам в захоронениях костей животных, в состав стада входили бык, овца, лошадь, хотя определить их соотношения исходя из обрядовых традиций невозможно. Охота и собирательство представлены слабо, отметим скелет зайца-русака в погребении Вишневое 17/40, кости птиц, украшения из зубов волка и оленя, орнаментиры из морских раковин, украшения из раковин Unio. По отпечаткам на посуде из погребений можно говорить о том, что выращивались просо, ячмень, овес, чина, пшеница-однозернянка и двузернянка (Кузьминова, Петренко 1989: 120; Кузьминова 1990: 263). Косвенно на увеличение доли растительных продуктов в пищевом рационе людей указывает рост процента больных кариесом, что прослежено по костным останкам (Круц 1984). Полагают, что растительные орнаменты на керамике и топорах также могут указывать на роль злаков в хозяйстве катакомбного населения (Шарафутдінова 1980). Отметим находки артефактов, связанных с переработкой зерна. По мнению исследователей, в катакомбное время формируется степной трансгуманс, своеобразное разделение труда в общине, когда часть ее жила оседло, занимаясь земледелием, устройством быта, заготовкой кормов для животных, а другая часть, занятая скотоводством, вела подвижный образ жизни (Бунятян 2001). Естественно, что такая специализированная часть общины была более мобильной, чем община в целом, и могла удаляться достаточно далеко от традиционных мест обитания. Возможно, курганы с незначительным количеством погребенных связаны с населением, которое занималось длительными сезонными перекочевками и возвращалось затем в довольно отдаленные места обитания, к примеру в стационарные поселения или стойбища Побужья. При регулярном использовании пастбищ в течение длительного периода (и проживании поблизости?) появляются курганы с довольно большим числом захоронений. Они расположены, в основном, в Нижнем Поднестровье и приморской зоне Буджака.

У катакомбных племен Северо-Западного Причерноморья развиваются виды хозяйственной деятельности, направленные на обеспечение быта. К числу их можно отнести использование и переработку вторичного сырья (ткачество, обработка кож и шкур животных, изготовление одежды, обуви и бытовых предметов и т.п.). Об этом свидетельствуют находки соответствующих орудий труда (костяное пряслице и иглы-проколки, кремневые скребки и ножи).

О высоком уровне обработки камня можно судить по каменным шлифованным топорам, порой орнаментированным, и булавам. Известны и единичные находки небольших каменных стел. Кремневый инвентарь малочисленный и представлен всего несколькими категориями (наконечники стрел, пластины, ножи, скребки,

отщепы). Отметим редкое для региона захоронение мастера из Никольского 8/11 с целым рядом предметов, представляющих собой орудия производства (рис. 58, 11–24). Трасологический анализ показал, что тальковые «выпрямители» использовались для заточки и правки деревянных и костяных орудий, костяное орудие из клыка вепря служило для формовки поверхности сосудов, скобель предназначался для обработки изделий из металла (Агульников, Сава 2004: 213). Выделяется из общей массы погребение Сергеевка 1/3, сопровождавшееся тремя кремневыми клиновидными топорами (Дзиговський, Суботін 1997: 172).

Ассортимент металлических изделий (из меди/бронзы) невелик и довольно беден, по сравнению с находками к востоку от Южного Буга: это – единичные находки ножей, шильев, бляшек, несколько чаще встречаются трубчатые пронизи. О местном изготовлении отдельных вещей может свидетельствовать находка песта для растирания медной руды (Траповка 4/14). Технология изготовления катакомбных и ямных шильев и ножей выглядит единой и близка усатовской технологической схеме металлообработки (Каменский 1990: 53). В то же время спектральное и металлографическое исследование изделий из металла, найденных в катакомбных погребениях Северо-Западного Причерноморья, позволил исследователям прийти к выводу, что носители этой культуры, помимо меди, были знакомы с оловянистой бронзой. Серебряное украшение найдено всего одно (спиральная подвеска) и является безусловным импортом. Обработка дерева представлена слабо, хотя в других регионах известны деревянные повозки катакомбной культуры. В погребениях были зафиксированы лишь сосуды и единичные изделия из дерева и коры.

Культурно-исторические контакты. Следует отметить связь катакомбного населения с ямными племенами региона, отображенную и в деталях катакомбного ритуала («ямная» поза погребенного, расчлененные захоронения), и в отдельных артефактах, сопровождающих умерших и имеющих аналоги в ямной культуре: сосуды, некоторые типы топоров, украшений. Немаловажным является и сходство приемов металлообработки, единые источники медного сырья. Но вот источники серебра, известные ямным племенам, оказались недоступными для катакомбных. Исследователями отмечаются контакты катакомбных племен с кругом культур шнуровой и постшнуровой керамики Карпато-Подунавья и Среднего Поднепровья (Черняков, Тощев 1985; Toscev 1998). М. Шмит прослеживает контакты племен катакомбной культуры и КША лишь в лесостепи (Szmyt 1999: 164–166, 187). С культурой шаровидных амфор можно связать находки сосудов из погребений Хаджидер, Костюкова могила, п. 15 и Ясски 5/12. Найденные изделия из добруджанского кремня (фрагмент тесла в Никольском 8/11, скребок из Думян 1/9) указывают и на связи Нижнего Поднестровья и Нижнего Подунавья в катакомбное время (Агульников, Сава 2004: 213).

Некоторые (неординарные) черты ритуала тяготеют к востоку. Так, погребения с т.н. «охристо-глиняными масками», найденные в Ясском могильнике, сопоставимы с моделированными черепами из погребений ингульской культуры в Приазовье, Поднепровье, Побужье и Поингулье (Алексеева 1994: 103–105). Уникальный кубок из погребений 12 кургана 1 у с. Новая Долина находит близкие аналогии на поселениях типа Перун (Петренко и др. 2002: 61–62)[1]. Серебряная подвеска из него типична для восточнокатакомбных комплексов. Аналогии сосуду из Великозименово 1/4, украшенного елочным орнаментом, имеются в памятниках катакомбной

[1] Заметим, что единичные находки керамики типа Перун известны и в Побужье (Фоменко 1990).

культуры Поднепровья и Подонья (Братченко 1976: 33; Братченко 2003: 166, рис. 3; Болтрик и др. 1991: 80, рис. 13, 7). Черенковый нож с раскованным окончанием клинка из коллективного погребения Каменка 3/5 (Манзура и др. 1992) сходен с артефактами развитого этапа манычской катакомбной культуры (Клочко 1990: 30). Известен и сосуд манычского типа в погребении Семеновка 9/1 на берегу Днестровского лимана (Субботин 1985). Единичные находки каменных булав (Дубиново 1/12, Корпач 3/7) связаны, видимо, с ареалом бахмутской и донецкой культур. Находка каменной булавы известна и в погребении из кургана Холбока на территории Румынии (Toscev 1998).

В то же время, скорченное на левом боку положение, усиление скорченности ног погребенных, появление ям с уступами и подбоями на позднем этапе катакомбной культуры соответствуют основной характеристике местных памятников бабинской культуры многоваликовой керамики, указывая на связи двух культур в определенный период (Савва 1992). Исследователи отмечают, что в материальной культуре КМК отчетливо прослеживаются элементы предшественников – ямной и катакомбной культур (Toscev 1998).

***

Катакомбное население появляется в Северо-Западном Причерноморье позже, чем в других регионах – в середине III тыс. ВС, сосуществуя с обитавшими здесь буджакскими племенами, но не имея с ними стабильных взаимосвязей. По крайней мере, в погребальной обрядности и погребальном инвентаре отношения между двумя культурными массивами почти не отразились, исключая ранний этап освоения катакомбными племенами Северо-Западного Причерноморья, характеризующийся формированием полиритуальной группы. Носители буджакской культуры объективно могли не нуждаться в контактах с катакомбными племенами, так как занимали другую экономическую нишу и, вероятно, другие регионы обитания. Об этом свидетельствует и расположение буджакских памятников в экономически более выгодных местах (например, вблизи переправы через Дунай у с. Орловка, где катакомбные памятники отсутствуют). Катакомбные культуры Северо-Западного Причерноморья выглядят как затухающий импульс с востока, о чем свидетельствует немногочисленность и относительная бедность открытых здесь памятников и почти полное отсутствие их за Дунаем. Катакомбная и буджакская культуры исчезают почти одновременно, частично растворившись в сменившей их в последней четверти III тыс. до н.э. бабинской культуре (многоваликовой керамики).

КУЛЬТУРА МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ (Бабино)

Культура многоваликовой керамики (КМК) явилась основным феноменом, отражающим среднебронзовый век рассматриваемого региона.

Формирование культуры и ранний этап ее развития проходили на основе катакомбных культур в лесостепной зоне Днепро-Донского междуречья (Словник… 1996: 19; Етнічна... 2000: 37). В XVII в. до н.э. КМК распространилась на восток, в Прикубанье, и на запад, в пределы нынешней Одесской области Украины и смежных районов Республики Молдова – вплоть до Дуная-Прута. Просуществовав здесь по XIV в. до н.э. включительно (Березанская 1998: 64), эта культура стала одним из компонентов сложения сабатиновской культуры (Савва 1992: 178; Словник… 1996: 21).

История исследования. Памятники культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье были открыты Ф.И. Кнауэром в конце XIX века у пгт Сарата. Таковыми оказались скорченные курганные погребения, сопровождавшиеся округлыми костяными пряжками, характерными для данной культуры (Савва 1992: 5). В 1912–1913 гг. подобные погребальные комплексы были выявлены в Одесском кургане, раскопанном М.Ф. Шкадышком и А.В. Добровольским в предместье Одессы Слободка-Романовка (Тощев 1984: 180–181).

С XIX – началом XX вв. связано и открытие кладов металлических изделий, относимых ныне к рассматриваемой культуре. Это – Бородинский (Бессарабский) клад, найденный в 1912 г. у пгт Бородино Тарутинского р-на Одесской области (Березанская, Отрощенко, Чередниченко, Шарафутдинова 1986: 12), и два клада из Николаевской обл., обнаруженные близ Тилигульского лимана: в 1856 г. Коблевский (Черняков 1967: 29–31) и в 1915 г. Рыбаковский (Кривцова-Гракова 1955: 146–147).

На протяжении последующих 50 лет памятники КМК в Северо-Западном Причерноморье исследовались спорадически. Так, в 1931 г. материалы этой культуры были выявлены на многослойном поселении Кременчук на Южном Буге в Николаевской области (Черняков 1985: 21–22). В 1938-40 гг. погребения этой культуры были обнаружены в Киселовском кургане на окраине Одессы (Черняков 1978: 144–151), в 1960 г. на правобережье Нижнего Днестра в кургане 2 у с. Оланешты (Мелюкова 1962: 30–37) и в 1961 г. в грунтовом могильнике Калфа (Чеботаренко 1965: 101–108).

Массовое же открытие памятников КМК на юге Одесской области и Республики Молдова произошло в 1960–1980-х гг., когда там велись широкие раскопочные работы в зонах мелиоративного строительства (Савва 1992: 5–7). С учетом результатов раскопок, осуществленных в последующие годы, общее число исследованных курганных погребений КМК в Северо-Западном Причерноморье превзошло 600. Они выявлены здесь в 265 раскопанных курганах, располагавшихся у 118 пунктов (рис. 64).

Следует отметить, что первоначально, и довольно длительное время, памятники КМК рассматривались, в основном, как позднекатакомбные (Братченко 1985:

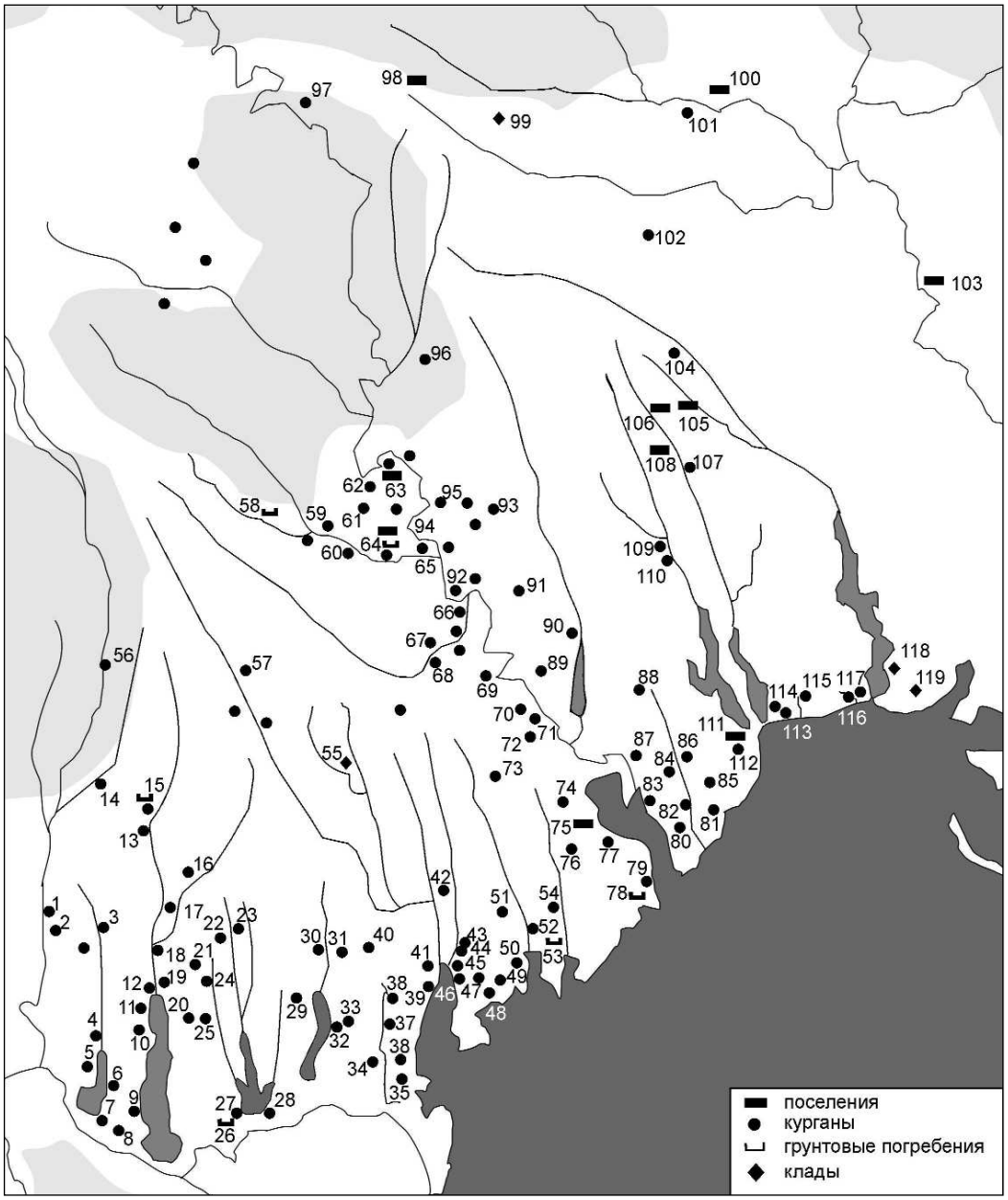


Рис. 64. Карта памятников культуры многоваликовой керамики

1– Манта, 2 – Ваду-луй-Исак, 3 – Гаваноаса, 4 – Етулия II, 5 – Фрикацей, 6 – Нагорное, 7 – Орловка, 8 – Градешка, 9 – Плавни, 10 – Владычень, 11 – Мреснота Могила, 12 – Курчи, 13 – Балабаны, 14 – Румянцево, 15 – Бешалма, 16 – Казаклия, 17 – Тараклия, 18 – Копчак, 19 – Болград, 20 – Жовтневое, 21 – Кубей, 22 – Огородное-80 (III), 23 – Огородное I, II, 24 – Калчева, 25 – Каланчак, 26 – Измаил, 27 – Богатое, 28 – Кислица, 29 – Дзинилор, 30 – Островное, 31 – Холмское, 32 – Червоный Яр, 33 – Помазаны, 34 – Мирное (Килийский р-н), 35 – Приморское, 36 – Десантное, 37 – Нерушай, 38 – Струмок, 39 – Глубокое, 40 – Виноградовка, 41 – Борисовка, 42 – Сарата (Павловка), 43 – Белолесье, 44 – Заречное, 45 – Новоселица, 46 – Траповка, 47 – Вишневое, 48 – Рыбальское, 49 – Кочковатое, 50 – Желтый Яр, 51 – Сергеевка, 52 – Дивизия II, 53 – Бикир (Тузлы), 54 – Алкалия (Широкое), 55 – Бородино, 56 – Токиле-Рэдукань, 57 – Градиште, 58 – Данчены, 59 – Мерены, 60 – Новые Анены, 61 – Спея, 62 – Коржово, 63 – Делакеу, 64 – Рошканы, 65 – Гура-Быкулуй, 66 – Хаджимус, 67 – Урсоая, 68 – Каушаны, 69 – Чобручи (р-н Штефан-Водэ), 70 – Пуркары, 71 – Новые Раскаецы, 72 – Оланешты, 73 – Капланы, 74 – Семеновка, 75 – Пивденное, 76 – Турлаки, 77 – Молога, 78 – Беленькое (Шабалат), 79 – Аккембетский, 80 – Дальник, 81 – Великодолинское, 82 – Доброалександровка, 83 – Ефимовка, Николаевка, 84 – Петродолинское, 85 – Холодная Балка, 86 – Мирное (Беляевский р-н), 87 – Беляевка, 88 – Щербанка, 89 – Глиное, 90 – Ново-Котовск, 91 – Никольское, 92 – Терновка, 93 – Плоское, 94 – Калфа, 95 – Буторы, 96 – Васильевка, 97 – Каменка, 98 – Червона Гребля, 99 – Крыжовлин, 100 – Матвеевка, 101 – Дубиново, 102 – Агеевка, 103 – Кременчук, 104 – «Любаша», 105 – Викторовка III, 106 – Сухая Журовка, 107 – Ревова, 108 – Осиновка,109 – Катаржино (Червонознаменка), 110 – «Солдатская слава», 111 – Усатово, 112 – Слободка-Романовка (Одесса), 113 – Вапнярка, 114 – Киселово, 115 – Большой Аджалык (Свердлово), 116 – Сычавка, 117 – Кошары, 118 – Рыбаковка, 119 – Коблево

451). А, памятники КМК, открывавшиеся в Северо-Западном Причерноморье, относились, как правило, к срубной культуре. И, даже после установления С.С. Березанской в 1960 г. полной самостоятельности этого культурного явления, получившего название «культура многоваликовой керамики» (Березанская 1960: 26–41; 1962: 5–15), рассматриваемые памятники продолжали считаться здесь срубными до 70-х гг. (Шмаглий, Черняков 1970: 108–110; Субботин, Загинайло, Шмаглий 1970: 142). Лишь в результате более внимательного подхода исследователей к материалам этих памятников, бывшие «срубные» памятники заслуженно получили «гражданство» именно в КМК (Гудкова и др. 1991: 54 и сл.; Савва 1992: 186 и сл.; Субботин 2003: 81).

Вместе с тем, в 1977 г. С.Н. Братченко, основываясь на показательности материалов, полученных при раскопках поселения Бабино III, выдвинул предложение именовать эту культуру термином «бабинская культура» (Братченко 1977: 21–42), что позже было поддержано и В.В. Отрощенко (2001: 81).

Сама же С.С. Березанская в 1998 г. высказалась об ошибочности выделения нею культуры многоваликовой керамики (а следовательно и этой же культуры, упоминающейся под иным наименованием – «бабинская») в качестве самостоятельного археологического феномена (Березанская 1998: 60–65).

Однако, опираясь на артефакты, большинство исследователей (в том числе и автор настоящей статьи) считают существование в среднебронзовом веке такого самостоятельного культурного образования несомненным. Вполне правомерно и сохранение за ним устоявшегося первоначального названия – культура многоваликовой керамики.

За время, истекшее после выделения этой культуры, установлены и довольно хорошо изучены все основные особенности ее самобытности.

В отличие от ираноязычного населения срубной культуры, носители КМК характеризуются в этническом плане как отражающие индоарийскую линию развития индоиранского этноса (Етнічна... 2000: 38; Давня… 1997: 402, 412). В целом, в антропологическом плане население КМК относится к долихокранному, узколицему ортогнатному варианту европеоидной расы (Давня… 1997: 538). Этим люди рассматриваемой культуры были близки позднеямным – долихокранным, сравнительно узколицым, и отличны от местных позднекатакомбных, которые были мезобрахикранными с широким ортогнатным лицом (Давня… 1997: 530). Последнее, кстати, явно не согласовывается с общепринятой археологами концепцией сложения КМК на базе исключительно катакомбных культур. Возможно, что в этом процессе были задействованы и иные этнокультурные компоненты, и племена КМК пришли в Северо-Западном Причерноморье из Поднепровья уже полностью сформировавшимися (Савва 1992: 177). Однако, вполне допустимо, что становление КМК здесь еще продолжалось, и определенную роль при этом сыграли еще проживавшие на этой территории представители местного позднеямного сообщества.

С.С. Березанская, разделившая культуру многоваликовой керамики на 4 локальные варианта, отнесла памятники Северо-Западного Причерноморья к юго-западному варианту. Этот вариант выделяется, с одной стороны, влиянием на КМК культуры Монтеору, а с другой – «большей близостью с ямной культурой, чем с непосредственно предшествующей – катакомбной» (Березанская и др. 1986: 9). Среди памятников этого варианта – поселения, клады и отдельные находки вещей, курганные и грунтовые погребения. Однако, несмотря на такое разнообразие, перечисленные виды археологических объектов количественно и информативно неравнозначны, а потому и разнятся своим вкладом в комплексную характеристику КМК рассматриваемого региона.

Археологические памятники. В отличие от довольно большого числа ***поселений*** КМК, известных в Нижнем Поднепровье, в степной зоне Северо-Западного Причерноморья и в приграничной с ней лесостепи они единичны. Да и те известны, в основном, лишь по данным разведок (Викторовка III, Осиновка, Пивденное, Сухая Журовка, Делакеу), так что судить о какой либо их планировке, об их характере (длительное или сезонное обитание) и жилищно-хозяйственных комплексах невозможно. Лишь на многослойном поселении Усатово – Большой Куяльник зафиксированы остатки наземных построек, связываемых с КМК, да на поселении Кременчук, помимо сооружения в виде каменной вымостки, к КМК относят круглую хозяйственную яму и защитные валы (Черняков 1985: 21–24).

Погребения. Как и во всем ареале культуры, численно ведущими памятниками рассматриваемого региона являются захоронения в курганах. Вместе с тем, ряд могильников Буджакской степи относится исследователями к грунтовым (Тощев 1982: 13; Черняков 1985: 130). В наиболее крупных из них выявлено от 7 (Данчены) до 14 (Калфа) погребений (Савва 1992: 180), остальные же 5 пунктов, причисляемых к таким могильникам, представлены лишь отдельными грунтовыми захоронениями (Беленькое, Бешалма, Бикир, Измаил, Орловка). Учитывая обычное выявление таких погребений на возвышенных участках и обнаружение на Данченском могильнике погребений не только КМК, но и ямных, и катакомбных,

Е.Н. Савва высказывает сомнение относительно бескурганного характера данных памятников, предполагая существование над ними насыпей, не сохранившихся ко времени раскопок (Савва 1992: 64).

Собственно же курганные памятники, в силу своей массовости и явились основным источником для изучения КМК в Северо-Западном Причерноморье.

Необходимо отметить, что принадлежность значительной части курганных памятников указанного свода к рассматриваемой культуре находится под вопросом. Главная причина такого положения – большое сходство многих погребально-обрядовых черт КМК и иных культур (ямной, катакомбной и, особенно, сабатиновской) и отсутствие при этом во многих захоронениях погребального инвентаря, который способствовал бы более точному установлению их культурной принадлежности. Тем не менее, благодаря большой аналитической работе по выделению погребальных комплексов КМК из общей массы погребений бронзового века с опорой на памятники с наиболее четко выраженными специфическими признаками, всесторонняя характеристика КМК рассматриваемого региона может быть достаточно обоснованной (Дергачев 1986: 122–127; Савва 1992: 14 и сл.).

Тощев Геннадий Николаевич

Для своих захоронений носители КМК чаще всего использовали уже существовавшие к тому времени насыпи усатовской и ямной культур (рис. 65, 2). Собственные же курганы они возводили довольно редко. Эти курганы, как правило, включались в состав ранее образованных курганных групп. В степной зоне Северо-Западного Причерноморья курганных памятников с основными погребениями КМК известно лишь 21. Это – к. 1 могильника Балабанешты II; к. 5, 6 и 7 могильника Балабаны II; к. 3 и 4 могильника Градешка I (рис. 65, 1); к. 2 могильника Градешка II; к. 2 у с. Жовтневое; к. 6 у с. Казаклия (1984 г.); к. 1 у пос. Киселово; к. 3 у с. Манта; к. 7 у с. Никольское; к. 6 у с. Новые Анены; к. 8 могильника Огородное II; к. 2 могильника Оланешты I; к. 1 у с. Орловка (1974 г.); к. 2 могильника Петрешть; к. 24 могильника Плавни; к. 20 Семеновского могильника; к. 6 могильника Спея; к. 11 Тараклии II (1983 г.).

В некоторых из этих курганов отмечено по два строительных горизонта, выраженных досыпками первичной насыпи. Такие досыпки, сделанные над впускными захоронениями КМК, имелись в кургане 6 могильника Балабаны II и в кургане 6 у с. Спея (Савва 1992: 88, 93). В кургане 3 могильника Градешка I вокруг основного погребения зафиксирован кольцевой ров диаметром 14,4–15,5 м и глубиной до 0,7 м (рис. 65, 1). Высота большинства курганов КМК около 1 м. Однако известны и едва возвышавшиеся насыпи (курган 2 у с. Жовтневое при диаметре в 16 м имел высоту 0,15 м), и довольно крупные (курган 1 у пос. Киселово был высотой 2,5 м, диаметром 54 м).

Под насыпями семи курганов, возведенных племенами КМК, находилось лишь по одному основному захоронению, в остальные же 14 курганов было впущено еще 64 впускных погребения этой культуры. Наибольшее число таких погребений отмечено в кургане 1 могильника Балабанешты II – 13. Выделяются еще курган у с. Орловка (1974 г.), в котором насчитывалось 11 впускных захоронений, а

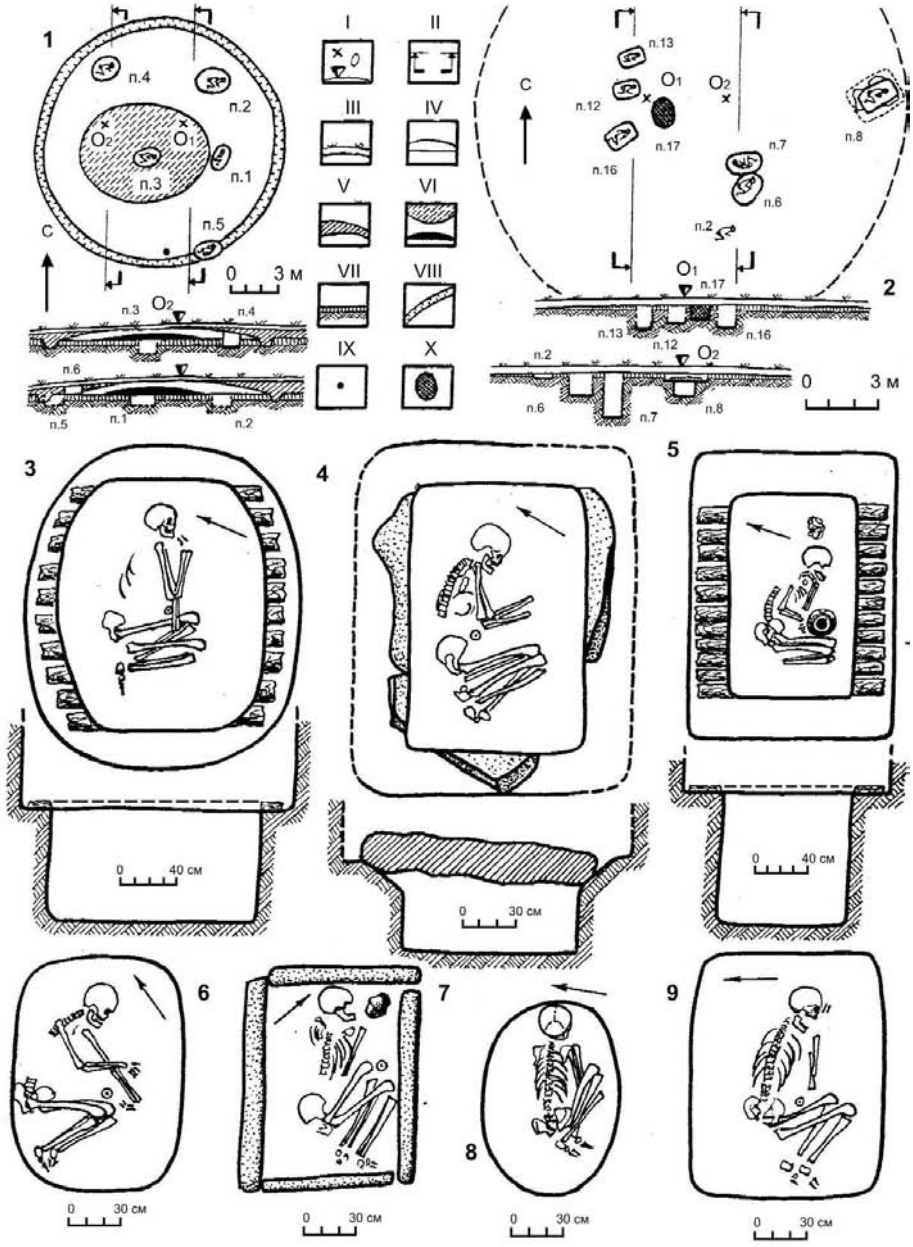


Рис. 65. Пример расположения погребений в курганах (1, 2), варианты погребальных сооружений и позиций скелетов (3–9).
1, 2 – курган 3 могильника Градешка I и курган 3 у с. Калчева (I – условный репер; II – место разреза; III – пахотный слой; IV – 1-я насыпь; V – 2-я насыпь; VI – материковый выкид; VII – погребенная почва и материк; VIII – ров; IX – сосуд; X – основное, усатовское, погребение); 3 – Огородное II 9/9; 4 – Калчева 3/8; 5 – Вишневое 17/29; 6 – Калчева 3/6; 7 – Виноградовка 6/3; 8 – Васильевка 2/2а; 9 – Алкалия 4/5

также курган 1 у пос. Киселово с девятью и курган 6 у с. Спея с семью впускными погребениями.

В целом же, почти 90% всех впускных погребений связано с более древними насыпями. Причем, и в таких насыпях число погребений КМК обычно находилось в пределах от 1 до 5. Но выявлены курганы и с большим числом погребений рассматриваемой культуры. Например: в кургане Большой Аджалык и в кургане 1 могильника Дзинилор оказалось по 9 таковых; в кургане 4 могильника Фрикацей – 8; в кургане 17 у с. Вишневое, в кургане 2 у с. Коржово и в кургане 3 у с. Калчева – по 7; в кургане 2 могильника Хаджимус и в кургане 1 у с. Новые Раскайцы – по 6.

Для впускных погребений обычно использовались склоны насыпей; с вершины же они впускались редко, становясь при этом иногда основными (известно 7 случаев) для вторичных насыпей (Савва 1992: 91). Какой-либо строгой системы в размещении погребений (помимо центральности основных) не наблюдается. Часть из них размещалась дуговидной цепочкой с расположением ям длинной осью по касательной к окружности насыпи либо приближенно к этому (рис. 65, 1). В иных случаях одиночные захоронения либо группы погребений устраивались с направлением могил длинной осью поперек кургана, причем чаще по линии запад-восток (рис. 65, 2). Следует отметить и различное расположение камер подбойных могил относительно центра кургана: в его сторону от входной ямы (Желтый Яр, 1/19) либо в сторону от него и от входного колодца (Желтый Яр, 2/12). В целом, большинство впускных захоронений связано с южной половиной насыпи.

В ряде случаев их ямы делались врезавшимися в материк и довольно глубокими, доходившими до 1,9 м (Кальчево, 3/7), а то и до 3,5 м (Орловка-81, погребения 12 и 13). Однако, чаще всего погребения (как основные, так и впускные) делались глубиной 0,5–0,8 м. Из-за этого формы могил, впущенных в недостаточно плотный грунт насыпи, выявляются с трудом либо не фиксируются вообще.

Прослежены погребальные сооружения по формам и конструкциям ям довольно разнообразны. В основном они представлены пятью типами.

1. Простые ямы овальной в плане формы (рис. 65, 8; 66, 3). Нередко овальность этих могил деформированная, иногда – приближенная к овоиду (Орловка-81, 1/12). Последним близки ямы, узкий край которых округлен, а противоположный широкий выполнен прямоугольно (Кочковатое, 24/1; Вишневое, 57/5; Чобручи р-на Штефан-Водэ, 4/15). Дно ям обычно ровное, но известны случаи, когда под голову погребенного делалось грунтовое подушковидное возвышение (Градешка I, 3/3 и 4). Размер ям, в основном, от 0,6 х 1,1 м до 1,2 х 1,7 м.

2. Простые прямоугольные в плане ямы. Углы их чаще всего незначительно округлены (рис. 65, 9), но иногда округление настолько сильно, что форма ямы приближается к овалу (рис. 65, 6). Размер этих ям обычно несколько больший, чем у ям овальной формы.

В могилах 1-го и, чаще, 2-го типа, составляющих 42,7% от всех погребений (Савва 1992: 141), встречаются деревянные конструкции в виде срубов, простых рам или колод (выдолбленных в толстом бревне корытообразных вместилищ, накрывавшихся иногда подобной же по форме крышкой).

Отмеченные деревянные конструкции, выделяемые Е.Н. Саввой в самостоятельный тип могил (Савва 1992: 18, 26, 27, 78–85), известны преимущественно на территории Республики Молдова: Балабаны I, 13/2; Глиное, 1/11, 3/3; Мерены I, 1/12; Токиле-Редукань, 1/3, 21 и Хаджимус, 2/8.

3. Ямы с уступом. Составляют 6,7% от всех погребений (Савва 1992: 141). Выполнялись в два этапа: сначала до предматерикового либо материкового грунта

выкапывалась входная часть ямы, затем со дна ее выкапывалась погребальная часть ямы, вокруг которой образовывался уступ. Обычно размер входных ям находится в пределах 1,9 х 2,2 м, Но иногда они и более просторные 2,2 х 2,6 м, 2,4 х 2,8 м и т.п.

Формы верхних и нижних частей ям разнообразны и встречаются они в различных сочетаниях:

а) верхняя и нижняя части ям прямоугольные (рис. 65, 4, 5);

б) верхняя и нижняя части ям овальные (рис. 65, 3), иногда расширенные к основанию (Манта, 3/4). С учетом неустойчивости овальных очертаний сюда относятся и такие сочетания: верхняя часть овальная или круглая – нижняя овоидная (Балабаны II, 6/2); обе части овоидные (Балабаны II, 6/5);

в) верхняя прямоугольная – нижняя овальная (Хаджимус, 2/8, 11, 15);

г) верхняя овальная – нижняя прямоугольная (Казаклия, 17/13; Никольское, 7/37);

д) верхняя овальная – нижняя шестиугольная (Катаржино, 1/3).

Перечисленное разнообразие в сочетаниях форм свидетельствует против предложенного Е.Н. Саввой простого разделения всех этих ям на два типа (III и IV) – «овальные с уступом» и «прямоугольные с уступом» (Савва 1992: 18, рис. 1).

Говоря о могилах 1–3 типов, следует отметить, что у многих из них отмечено существование перекрытий (в 3-м типе на уровне уступа) из каменных плит (рис. 65, 4), либо, чаще, из дерева (рис. 65, 3, 5). Жерди, плахи либо тонкие бревна укладывались в большинстве случаев поперек ямы, реже – продольно. Изредка встречается и комбинированное перекрытие деревом – поперечное и продольное. Могилы с деревянными конструкциями иногда полностью забутовывались известняковыми камнями (Никольское, 7/35, 37; 12/8). Однако, преимущественно, ямы засыпались землей без всякого перекрытия либо с последующим символическим перекрытием 2-3-мя бревнами или жердями (Фрикацей, 4/28).

4. Могилы с каменными ящиками (рис. 65, 7; 66, 2) составляли 2,7% от общего числа погребений (Савва 1992: 141). Устраивались в ямах прямоугольной формы (Борисовка, 6/2; Виноградовка, 6/3; Мирное-74 Килийского р-на, 1/3; Слободка-Романовка, 1/23; Червоный Яр, 1/12; и др.). Сооружались из 4-х или нескольких плит, поставленных на ребро вдоль стен ямы, и перекрытия, сделанного из подобных плит либо из дерева, покрывавшегося завалом мелких камней. Размеры каменных ящиков варьируются в основном от 0,9 х 1,3 м до 1,2 х 1,5 м, высота их не превышает 1 м. В погребении 4/5 могильника Фрикацей у ящика размером 1,0 х 1,6 м и высотой 0,8 м каменными были только две стороны, расположенные около узких стен ямы (Тощев, Сапожников 1990: 21, рис. 3, 8). Уникальной является каменная конструкция погребения 12 кургана 1 у пос. Киселово. Она имела овальные очертания в плане (как и могильная яма) и свободный проход у середины длинной стороны, к которой был обращен скорченный погребенный (Черняков 1978: 146, рис. 2, 2).

5. Могилы с подбоем (рис. 66, 1, 4) составляли 5,5% от общего числа погребений (Савва 1992: 141). Представляют собой сочетание простой входной ямы и собственно подбоя, сделанного вдоль одной ее длинной (как правило – северной) стороны. Входные ямы делались как овальными в плане, так и четырехугольными[1], подбои же всегда полуовальные. Длина подбойной ниши-камеры обычно равна длине вход-

[1] По классификации Е.Н. Саввы все ямы подбойного типа лишь овальные (Савва 1992: 18, рис. 1).

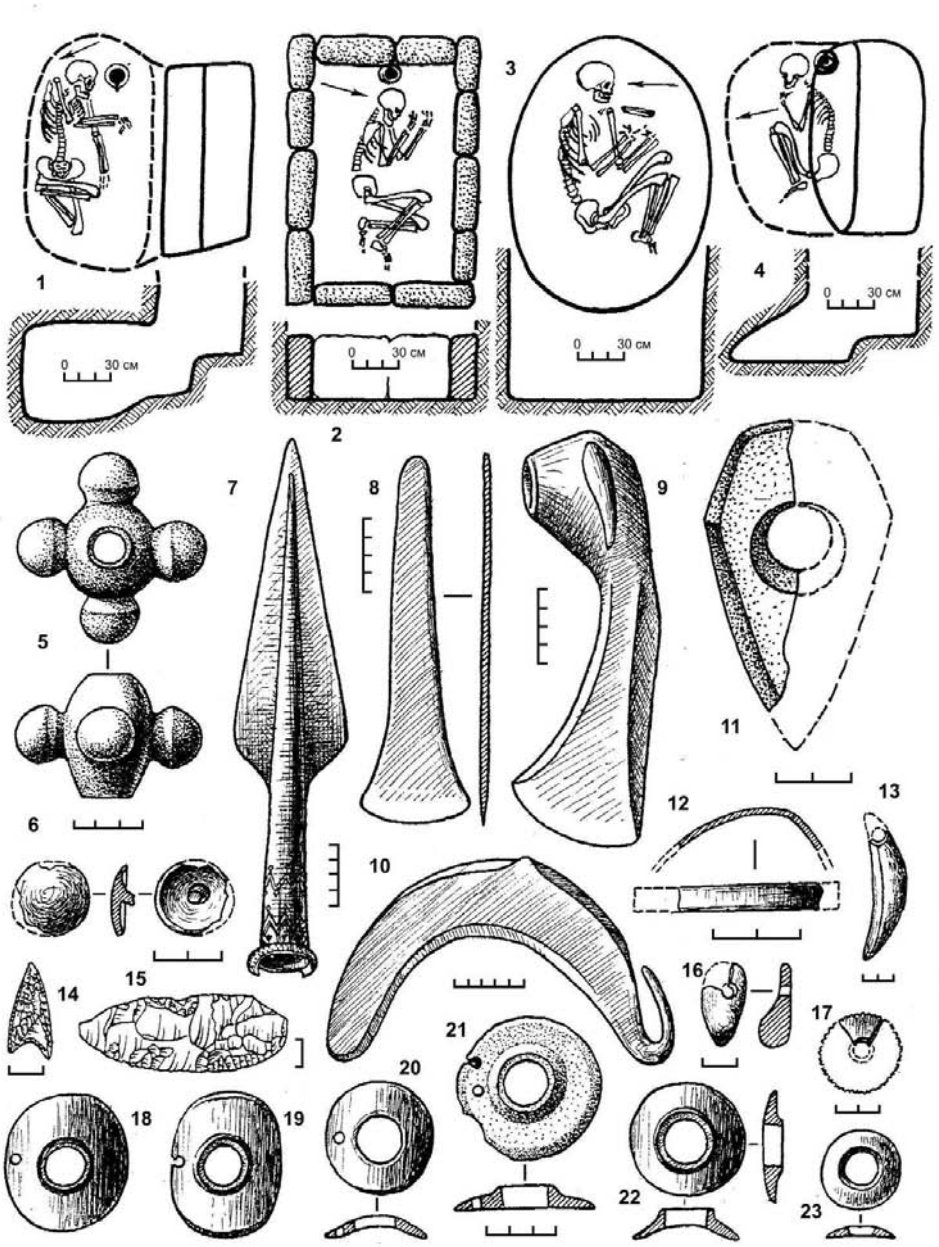


Рис. 66. Варианты погребений (1–4), вещи из погребений (5, 6, 11–23) и кладов (7–10):
1, 6 – Желтый Яр 2/12; 2 – Балабаны 4/4; 3 – Градешка I 3/2; 4 – Желтый Яр 1/19;
5 – Семеновка 8/1; 7 – Бородино; 8, 9 – Рыбаковка; 10 – Коблево;
11 – Ваду-луй-Исак 2/4; 12 – Градешка I 5/15; 13 – Васильевка (Дубоссарский р-н) 40/4;
14 – Новые Раскайцы 1/15; 15 – Оланешты 4/1; 16, 17, 22 – Огородное I 1/7;
18 – Калчева 3/6; 19 – Градешка I 5/14; 20 – Желтый Яр 3/1; 21 – Кочковатое 28/2;
23 – Калчева 3/12. (5, 11, 21 – камень; 6, 8 –10, 12 – бронза; 7 – серебро;
13, 16–20, 22, 23 – кость; 14, 15 – кремень)

ной ямы, либо чуть больше ее. Размер входных ям от 0,6 х 1,0 до 1,2 х 2,2 м, ширина подбоя – от 0,3 до 0,8 м. В камеру почти всегда ведут 1–2 ступени высотой по 10–25 см. Однако, встречаются и могилы, не имеющие такого перехода, т.к. основание обеих частей сооружения сделано общим: Новоселица, 19/32 (Субботин. Островерхов, Дзиговский 1995: 89, рис. 30, 2); Кошары 1/6 (Сымонович 1962: 178).

На дне всех типов могил изредка встречаются остатки покрытия корой, иногда – посыпка мелом.

Среди исследованных погребений КМК известно два с тремя костяками, находившимися в ярусном положении (Буторы III, 2/4; Красное, 1/3), и три – с парными захоронениями (Балабаны II, 6/1; Новоселица, 19/32; Калфа, погребение 9–10). Остальные погребения одиночные. Покойников всегда укладывали скорченно (рис. 65, 3) на левом (78%) или правом (22%) боку, нередко с поворотом на грудь (рис. 65, 7, 9). Скорченность погребенных различная: сильная, средняя, слабая. Сильная степень скорченности характеризуется поджатием ног по отношению к туловищу под углом 20-45°, средняя степень скорченности – 45–90°, слабая – 90–120° (Савва 1992: 16).

Длительное время считалось, что в КМК, как и в сабатиновской культуре, преобладала сильная скорченность (Черняков 1985: 130; Дергачев 1986: 131). Однако, как установлено в последнее время, большинство погребенных КМК находились в средней степени скорченности, усиление же ее наблюдается лишь к концу существования культуры (Савва 1992: 142–145).

Позиции рук, независимо от скорченности, довольно разнообразны. Наиболее характерна позиция, когда одна рука вытянута (иногда с небольшим сгибом в локте), вдоль туловища либо в сторону коленей, а вторая согнута под углом и направлена к первой, иногда положена на нее (рис. 65, 6; 66, 1). Довольно часто обе руки направлены кистями к лицу, подбородку, плечам (рис. 65, 7–9; 66, 2, 4) либо в таком положении находилась одна рука, а вторая направлена к ногам (рис. 65, 3, 5). Нередки случаи, когда обе руки согнуты в локтях и направлены кистями вперед (рис. 65, 4; 66, 3).

Рассматривая 19 основных захоронений КМК в курганах Днестро-Прутского междуречья, Е.Н. Савва отмечает неустойчивость ориентировки находившихся в них погребенных: 4 на север, по 6 на северо-восток и юго-восток, две – на запад, одна – на северо-запад. Преобладание восточной ориентировки (включая с отклонениями) отмечается и для всей массы погребений этой культуры указанного региона: 28,3% – на северо-восток, 23% – на восток, 16,4% – на юго-восток. Процентное выражение остальных направлений незначительно: 10% – на север, 7,1% – на северо-запад, 4,2% – на юго-запад и 2,6% – на юг (Савва 1992: 90–91, 94, 142).

Изредка на костях скелетов (в основном на черепах) отмечаются слабые следы окраски красной охрой. Примерно в десятой части исследованных захоронений перед лицом погребенного находились кости животных. Причем ассортимент их говорит о том, что кости были положены, скорее всего, без мяса либо с незначительными его остатками, лишь символически олицетворяя собой заупокойную пищу или животных, которым принадлежали.

Погребальный инвентарь. Вещественные находки с малочисленных поселений КМК в Северо-Западном Причерноморье представлены лишь незначительным количеством черепков от лепной посуды.

Учитывая это, судить о материальной культуре местных племен можно только по вещам из кладов и, в основном, по инвентарю, сопровождавшему более половины погребений.

Преобладающим видом этого инвентаря являлась *керамика*.

Известно 5 погребений, в которых находилось по два сосуда: Глиное, 3/1; Калфа, погребение 9; Кислица, 1/2; Нерушай, 9/4; Слободка-Романовка, 1/23. В остальных случаях около погребенных ставилось по одному сосуду. Они помещались перед лицом (рис. 65, 7; 66, 1), за затылком (рис. 66, 2, 4), перед грудью, у колен (рис. 65, 5) либо у стоп ног.

В трех погребениях посуда была деревянной. В погребении 23 Одесского кургана (Слободка-Романовка) это были находившиеся напротив груди глубокая миска и прямостенный сосуд со слегка загибающимися вовнутрь венчиками (Тощев 1984: 181). В погребении 28/2 у Кочковатого напротив пальцев ног стояла миска с овальным основанием, размером 18 х 20 см (Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1992: 18–19). В погребении 4/25 могильника Фрикацей обнаружен развал деревянного сосуда не определенного вида (Тощев, Сапожников 1990: 24).

Все остальные сосуды, встречающиеся при раскопках, керамические, лепные.

Эту лепную посуду КМК в целом отличает остроребериость, биконичность и коничность форм, плоскодонность (нередко с выделением закраин), своеобразный углубленный орнамент и частое украшение поверхности горизонтальными налепными валиками. Подробный анализ керамики и ее классификация уже достаточно широко отражены в целом ряде работ (Черняков 1985: 131–134; Черняков, Тощев 1985: 24–26; Дергачев 1986: 122–136; Савва 1992: 30–38, 100–119).

Опираясь преимущественно на классификацию Е.Н. Саввы, среди ведущих типов посуды отметим следующие:

1. Биконические горшки высоких пропорций, с ребром, расположенным в верхней части тулова, и с невысоким цилиндрическим или чуть расширенным кверху горлом (рис. 67, 1, 7). Сосуды обычно украшены по венчику, горлу, ребру, а иногда и по нижней части тулова горизонтальными валиками, нередко расчлененными цепочкой вдавлений или насечек, а также резным орнаментом в виде «елочки», чередования рядов параллельных линий или заштрихованных треугольников. Высота сосудов от 22 до 40 см, ширина тулова по ребру 20–30 см, диаметр устья до 25 см, дна – 12–17 см.

2. Биконические горшки подобные предыдущим, но с ребром ближе к середине тулова. Эти сосуды, как правило, не орнаментированные. Высота их 17–32 см, ширина тулова до 25 см, диаметр устья и дна в основном одинаковый – 10–15 см.

3. Горшки строго биконической формы высоких пропорций, с ребром практически посередине тулова. Горло и венчик почти без выделения, сосуды в основном не орнаментированы. Высота их 15–32 см, наибольшая ширина (по ребру) до 25 см, диаметр устья 10–12 см, диаметр дна бывает равным размеру устья либо несколько большим.

4. Биконические горшки невысоких пропорций, с подцилиндрическим либо со слабо выделенным горлом. Ребро расположено посередине тулова либо ближе к верхнему краю сосуда. Зачастую эти горшки орнаментированы под венчиком и по ребру валиками (в основном расчлененными цепочкой вдавлений) и резным орнаментом в виде различных треугольников между ними (рис. 67, 5, 8, 14, 18). Встречаются и иные виды украшения: налепные пары расходящихся крючков (рис. 67, 8) и насечки по венчику (рис. 67, 5, 8). Высота сосудов 10–22 см, диаметр тулова по ребру 11–18 см, диаметр устья 9–15 см, дна – 6,5–10 см.

5. Биконические горшки невысоких пропорций, с невысоким воронковидным горлом и с округленным ребром (рис. 67, 6, 10, 17). Среди них встречаются сосуды с краем венчика, оттянутым в виде носика для слива (рис. 67, 10) и украшенные

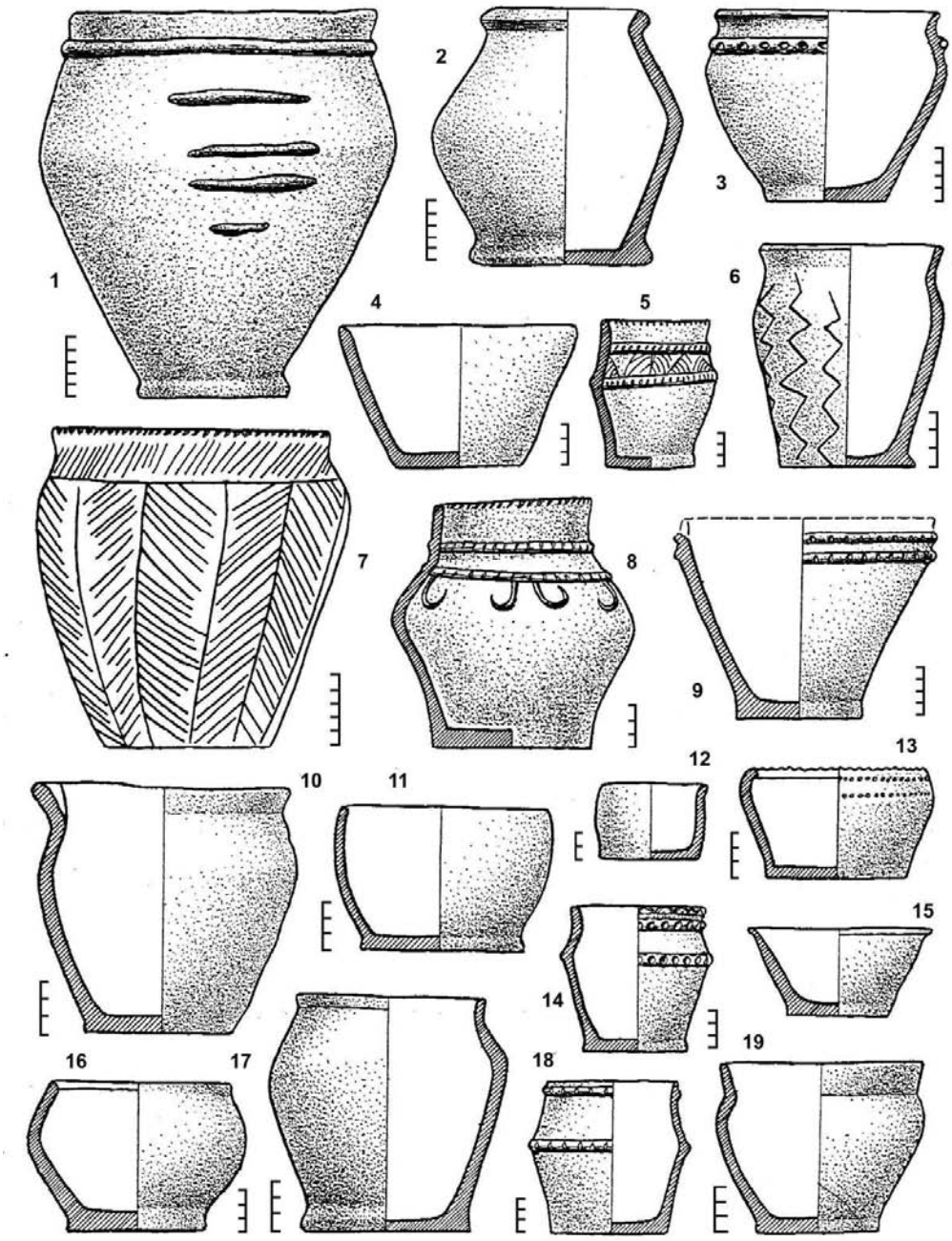


Рис. 67. Образцы керамической посуды.
1 – Орловка-74 1/3; 2 – Орловка-74 1/8; 3 – Кубей 1/13; 4 – Вишневое 13/2; 5 – Великодолинское 2/3; 6 – Калчева 3/12; 7 – Баштановка 4/7; 8 – Вишневое 17/29; 9 – Вишневое 11/1; 10 – Желтый Яр 2/12; 11 – Желтый Яр 3/5; 12 – Ново-Котовск 1/4; 13 – Желтый Яр 5/11; 14 – Белолесье 1/2; 15 – Вишневое 18/2; 16 – Новоселица 19/32; 17 – Градешка I 4/2; 18 – Плавни 17/1; 19 – Желтый Яр 1/19

резным орнаментом (рис. 67, 6). Высота сосудов и ширина тулова 10–20 см, диаметр устья до 15 см, дна 5–13 см.

6. Широкооткрытые горшки низких пропорций, банковидного типа.

Форма тулова почти биконическая, ребром округлено, горло воронкообразное (рис. 67, 3, 19). Некоторые сосуды украшались по плечику налепным валиком (рис. 67, 3). Высота этих горшков 8–13 см, диаметр устья и максимальное расширение тулова равны, их размер зачастую больше высоты сосуда.

7. Приземистые банковидные чаши, с плавно наклоненным венчиком, выпуклыми боками и с конически сужающимся книзу туловом. За редким исключением (рис. 67, 13) эти сосуды не орнаментированы (рис. 67, 11, 16). Высота их 6–10 см, диаметр устья 8–12 см, дна – 6–11 см.

8. Усеченно-конические глубокие миски (рис. 67, 4, 9). Высота их 10–15 см, диаметр широко открытого устья 16–22 см, диаметр дна почти вдвое меньший. Иногда эти сосуды украшались налепными валиками.

9. Усеченно-конические чаши (рис. 67, 15). Отличаются от подобных по форме мисок гораздо меньшими размерами и соотношением диаметров дна и устья, как 1 : 2. Обычно не орнаментированы.

10. Чашечки усечено-конической либо подцилиндрической формы (рис. 67, 12). Высота их 4,8–6,5 см, диаметр дна 4,7–8 см, венчика – 8–11 см.

Особо показательными при определении принадлежности погребений КМК являются пряжки, которые по массовости распространения (известно более 100 экземпляров) занимают среди инвентаря второе место после керамики. Форма пряжек круглая, овальная, иногда – подпрямоугольная с округленными краями (рис. 66, 18–23). Все они имеют большое отверстие посередине, а в ряде случаев еще и по одному-двум маленьким отверстиям у одного, всегда более широкого края.

Замечено, что второе малое отверстие просверливалось чаще всего лишь тогда, когда выходило из строя первое. Обычно погребенного сопровождала одна пряжка, но встречаются и по две (Балабаны II, 6/5; Огородное I, 1/11). Все пряжки разделяются на три типа:

1. Круглые роговые пряжки с центральным отверстием, имеющие одну плоскую, а другую слегка выпуклую к середине сторону (рис. 66, 23). Диаметр их от 2,5 до 5 см, диаметр отверстия – до 2,5 см.

2. Округлые и овальные пряжки с центральным отверстием, уплощенные подобно предыдущим, а также слегка выгнутой формы, но обязательно с невысоким бортиком вокруг отверстия (рис. 66, 22). Размер пряжек этого типа от 3,3 х 3,8 см, до 4,5 х 5,5 см, диаметр отверстий – 1,7–1,8 см.

3. Пряжки всех известных очертаний, имеющие профиль различной конфигурации, имеющие большое отверстие в центре и 1–2 малых сбоку (рис. 66, 18–21). Размер таких пряжек от 3,5 х 4,0 см до 6,0 х 6,5 см и даже чуть больший. Пряжки 3-го типа обычного изготовлены из трубчатых костей крупного животного, но известны и подобные им каменные (рис. 66, 21), выточенные, по определению Л.В. Ищенко, из мраморизированного известняка (Вишневое, 11/1; 18/2; Кочковатое, 28/2; Фрикацей, 1/9).

Расположение подавляющего большинства пряжек перед животом погребенного указывает на их основное назначение – служить застежкой ремня, опоясывающего одежду человека. Случаи же находок пряжек перед поджатыми ногами или прижатыми к груди руками, вероятно, является отражением обряда связывания

погребенного для придания ему устойчивой скорченности. Расположение пряжек напротив живота, но на значительном удалении от него, можно предположить обычаем класть развернутый ремень поверх погребенного, поперек него.

Помимо посуды и пряжек, в погребениях КМК изредка встречается и иной инвентарь.

Кремневые артефакты представлены в основном отщепами, предметы из пластин единичны. Это – концевые скребки (Жовтневое, 2/1; Хаджимус, 2/11), пластинчатый нож (Оланешты, 4/1) с ретушированными лезвиями и треугольные наконечники стрел (Слободка-Романовка, п. 23; Раскайцы, 1/15).

Каменные изделия в погребениях также редки. У с. Ваду-луй-Исак в погребении 2/4 найдены обломок сверленого топора (рис. 66, 11) и округлый амулет (Агульников 1998: 67,68, рис. 2, 3, 4), у с. Семеновка в погребении 8/1 – яйцевидная булава (рис. 66, 5; табл. 12, 8), имеющая по бокам четыре шаровидных выступа (Субботин 1985: 64, рис. 7, 2). В ряде других захоронений находились каменные растиральники. Е.Н. Савва относит к КМК еще каменный топор из погребения 3/10 у с. Копчак (Савва 1992: 76, рис. 27), однако это захоронение вероятнее всего было ямным (Бейлекчи 1990: 42–43).

Из кости сделаны: проколки (Кислица, 2/8; Тараклия, 16/11; Калфа, погребение 13), маленькая круглая подвеска или пряжка, орнаментированная по краю насечками (рис. 66, 17) и каплеобразный амулет (рис. 66, 16), напоминающий зуб оленя (Огородное I, 1/7). Пара подобных амулетов, но из клыков волка (рис. 66, 13), найдена в погребении 40/4 у с. Васильевка Дубоссарского района Молдовы (Кетрару, Серова 1992: 151, рис. 7, 4). Кроме того, в ритуальном захоронении 4 могильника Калфа выявлен костяной поворотный гарпун (Чеботаренко 1965: 105, рис. 23, 1), в погребении 8/7 могильника Оланешты II – костяная накладка лука (Яровой 1990: 187, рис. 84, 4), а в погребении 1/8 у с. Кислица – пряслице (Гудкова, Тощев, Чеботаренко 1995: 92, рис. 1, 16).

В ряде захоронений встречены астрагалы овцы, находившиеся, как правило, у головы погребенного. Обычно они представлены 1–6 экземплярами, однако, в погребении 5 кургана у с. Старые Беляры их насчитывалось 23 (Петренко 1991: 82), а в двух случаях – Лиман 3А/7 и Каменка 7–13 – по 21 (Субботин, Тощев 2002: 28; Манзура, Клочко, Савва 1995: 78). Причем, часть из них имеет просверленные отверстия (у Лимана), а часть – ошлифованные грани (у Каменки), что определенно указывает на их игральное назначение.

Бронзовые изделия, встреченные в погребениях, довольно мелкие. Так, в погребении 1/8 у с. Кислица находились две иголки и две кольцевидные височные подвески (Гудкова, Тощев, Чеботаренко 1995: 92–93, рис. 1, 17–19), в погребении 2/3 у с. Островное – шило и булавка (Савва 1992: 137, рис. 60, 2, 3), в погребении 2/12 у с. Желтый Яр – круглая бляха со стержнем для крепления (рис. 66, 6), а в погребении 5/15 могильника Градешка I найдена часть браслета (рис. 66, 12) (Субботин, Добролюбский, Тощев 1995: 118–119, рис. 4, 8). Упомянем также бронзовую скобочку, найденную у поясницы костяка в погребении 3/1 у с. Белолесье (Субботин, Дзиговский, Островерхов 1998: 65, 68, рис. 24, 11) и бронзовую пластинку, прикрепленную к деревянной основе бронзовыми шпильками, лежавшую на лобной части черепа в погребении 9/15 у с. Нерушай (Шмаглий, Черняков 1970: 21). Два последних предмета Е.Н. Савва считает изделиями для окантовки деревянных сосудов (Савва 1992: 140–141), однако, судя по их местонахождению, они служили украшениями пояса и головного убора. С деревянным же сосудом определенно свя-

зываются иные бронзовые предметы – скобки, очевидно скреплявшие сосуд после поломки, обнаруженные в подбойном погребении 25 кургана 4 могильника Фрикацей (Тощев, Сапожников 1990: 23, рис. 4, 14, 15)[1].

Наиболее крупное бронзовое изделие из погребений КМК найдено в северной Молдове (Старые Куконешты 9/28). Это цельнометаллический кинжал с рукоятью, общей длиной 20 см (Савва 1992: 137, рис. 60; Березанская и др. 1986: 11, рис. 3) – местом находки кинжала ошибочно названо с. Даумяны).

Клады. Представление о материальной культуре племен КМК существенно дополняют металлические и каменные предметы из трех кладов. Так, Рыбаковский клад состоял из 19 бронзовых клиновидных тесел (рис. 66, 8), вислообушного топора (рис. 66, 9) и желобчатого долота (Савва 1992: 170–172, рис. 64; Братченко 1985: 456, рис. 123, 16, 20, 21). В состав Коблевского клада входило 14 бронзовых предметов: три обломка топоров и 11 серпов (рис. 66, 10), часть из которых еще в древности поломана (Черняков 1967: 29–31, рис. 4, 5, 7, 8; 1985: 101, рис. 48).

Наиболее богатым и разнообразным по вещам является Бородинский, или Бессарабский клад. В состав этого клада входили изделия из различных материалов. Часть предметов была сделана из серебра. Это – кинжал, два наконечника копий (рис. 66, 7), втулка от третьего копья и серебряная с золотой инкрустацией булавка. Помимо этого в кладе находились две бронзовые пластинки от оковки какого-то деревянного предмета, 5 каменных топоров (один в двух обломках) и 3 булавы (Березанская и др. 1986: 12; Черняков 1985: 94, рис. 44; 97, рис. 45; 115, рис. 58). Заметим, что одна из булав Бородинского клада совершенно идентична по форме булаве из погребения 8/1 у с. Семеновка (рис. 66, 5).

По мнению исследователей, материалы Бородинского клада, датирующиеся XV–XIV вв. до н.э. (Бочкарев 1968: 129–154), отражают определенные контакты КМК Северо-Западного Причерноморья с культурами среднего периода бронзового века Балкано-Дунайского региона. Влияние бытовавшего на Балканах микенского стиля, отмечающегося в Бородинском кладе, видно и по золотой двуручной чаше вылчетырновского типа, найденной в 1974 г. у с. Крыжовлин Балтского р-на Одесской области. (Дзис-Райко, Черняков 1981: 151–162; Черняков 1985: 102–103).

Относительная и абсолютная хронология. Возвращаясь к особенностям погребальных комплексов КМК, следует отметить, что Е.Н. Савва выделяет среди них две хронологические группы: раннюю и позднюю (Савва 1992: 144–146).

К ранней группе он относит основные погребения в овальных и подбойных ямах, существование ям с уступом и продольным перекрытием, деревянные конструкции типа сруба, рам и колод, каменные ящики и ямы с подбоем, наличие биконических сосудов и пряжек 1-го типа. Относительно погребенных этой группы, отмечается неустойчивость их ориентировки с преобладанием северной, северо-западной и юго-восточной, средняя и слабая степень скорченности, устойчивое положение рук: одна, соответствующая боку, на который повернут погребенный, вытянута вдоль тела, иногда со сгибом, другая – согнута в локте под прямым или острым углом.

---

[1] В двух работах данное погребение интерпретировано как катакомбное (Субботин 1994: 72; 2000: 373).

В поздней группе, количественно преобладают ямы овальной формы, поперечные перекрытия могил, ориентировки погребенных к востоку и северо-востоку, сильная и частично средняя степени скорченности погребенных, сгиб обеих рук под острым углом. Для этой группы характерны пряжки 3-го типа и сосуды баночных и конических форм.

В.А. Дергачев видит в сильной скорченности погребенных с руками, поднесенными кистями к лицу, сопровождавшихся приземистыми сосудами баночных форм, третью хронологическую группу КМК, соответствующую переходу от нее к сабатиновской культуре (Дергачев 1986: 145). Ряд исследователей, придерживаясь точки зрения С.С. Березанской, считают, что в рассматриваемом регионе в силу взаимодействия с такими культурами, как позднеямная, катакомбная и Монтеору, сложился особый, юго-западный вариант КМК (Черняков 1985: 16, 26, 81, 157; Черняков, Тощев 1985: 25, 28; Дергачев 1986: 140–145).

Определенное влияние со стороны ямной и катакомбной культур КМК очевидно испытала. Это находит отражение, прежде всего, в многообразности различных черт погребального обряда. Например, с катакомбной культурой связывается появление подбойных могил и слабой скорченности на боку с положением одной руки вытянуто, а другой со сгибом в локте. С ямной культурой связано распространение уступчатых могил, перекрытие погребальных камер поперечно деревом либо камнем, положение погребенных в скорченной позиции с поднесением рук кистями к лицу (Дергачев 1986: 140–142).

Однако распространение указанных особенностей имело место практически во всем ареале КМК. В связи с этим, вполне вероятно, что расселение племен КМК в Северо-Западном Причерноморье происходило на стадии, когда основные признаки культуры уже были сформированы. Естественно, контакты с позднеямными и катакомбными племенами и их какое-то взаимовлияние продолжались и здесь. Но все это не привело к формированию каких-либо специфических особенностей, которые заметно отличали бы рассматриваемые памятники от однокультурных объектов, находившихся восточнее Южного Буга. Можно добавить, что, как и там, в степной зоне междуречья Ю. Буга и Дуная на позднем этапе развития КМК отмечено воздействие на ее обрядность и со стороны срубной культуры. Это – увеличение числа захоронений в простых прямоугольных ямах, преобладание погребенных на левом боку и их ориентирования в восточном направлении, возрастание процента сосудов баночных форм (Савва 1992: 157).

Так что, разделяя точку зрения Е.Н. Саввы, можно говорить об особом «юго-западном варианте» КМК только с позиции особого географического месторасположения рассматриваемого региона.

Определенной особенностью памятников КМК этой территории является то, что они соседствовали с запрутскими памятниками культуры Монтеору раннего этапа (фаз Ic3–Ia и начала фазы IIa), что несомненно предопределяло возможность их контактов. Однако, как показывают наблюдения, такое соседство какого-либо влияния на КМК не оказало. Археологически отмечаются, в основном, лишь факты проникновения племен КМК на восточную окраину ареала монтеоровского населения (Савва 1992: 159–168). Встречающиеся же в Буджакской степи керамика монтеоровского облика (например, двуручная чаша из Борисовки 6/2, напоминающая по форме золотую крыжовлинскую), за исключением находок на поселениях Заречное II и Рени (Субботин, Петренко 1990: 251–252), является более поздней, относящейся ко времени формирования и развития уже сабатиновской культуры. Вместе

с тем, отметим, что синхронизация, прежде всего именно с материалами культуры Монтеору, и дала основную возможность установления абсолютной датировки КМК рассматриваемого региона в пределах XVII–XIV вв. до н.э.

Фактически этот диапазон существования КМК в Северо-Западном Причерноморье подтвердился и некалиброванными изотопными датами, недавно полученными в Киевской радиоуглеродной лаборатории для погребений 15 и 9 кургана «Любаша», Ревова 3/14 и погребений 11, 15, 16 и 20 Аккембетского кургана: Ki–11201 – 3740±70 лет, Ki–11173 – 3520±80 лет,

Ki-11175 – 3590±70 лет, Ki–6823– 3795±60 лет, Ki–6824– 3745±50 лет,

Ki–6825– 3780± 60 лет и Ki–6826– 3685±45 лет.

Калибровка же этих дат дала в целом следующие их пределы в I сигме: от 2277 до 1741 гг. до н.э. (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 99, 163)[1].

[1] В таблице 2 указанной работы на с. 163 отмечается опечатка в калиброванных датах: для «Любаши» п. 15 ошибочно указано «2495–2341» и для Ревова 3/4 – «1799» вместо 1779. Точное и более полное датирование дано на с. 99. Приведенная в этих таблицах датировка для п.3 «Любаши», нами не рассматривается, так как она выходит далеко за пределы существования КМК. Возможно, что она ошибочна, но, скорее всего, данное погребение относится не к КМК, а к сабатиновской культуре.

САБАТИНОВСКАЯ КУЛЬТУРА*

История исследования. Начало изучения памятников сабатиновской культуры относится к середине XIX в. Известными русскими археологами А.С. Уваровым, Ф.И. Кнауэром, Д.Я. Самоквасовым, И.Я. и Л.В. Стемпковскими и др. были проведены первые значительные по объему раскопки курганов в Поднестровье и Буджакской степи, в которых, среди прочих, обнаружены погребения, отнесенные позже к сабатиновским (Уваров 1856: 181; Кнауэр 1889: 32–49; Самоквасов 1908: 131–132). Все известные к началу XX в. находки бронзовых кладов были систематизированы А.М. Тальгреном (Tallgren 1926: 25–30). Исследование поселений в Северо-Западном Причерноморье начал в первые годы советской власти М.Ф. Болтенко раскопками на многослойном памятнике в Усатово, поселении Сухой Лиман (Болтенко 1925: 48–66). Несколько позже А.В. Добровольский начал раскопки Сабатиновского поселения на Южном Буге (Добровольський 1952: 77–88). В 1932 г. был найден крупнейший в Северном Причерноморье Красномаяцкий клад литейных форм (Черняков 1965: 87–123).

В послевоенный период исследования сабатиновских поселений возобновили М.Ф. Болтенко и М.С. Синицын. Были исследованы поселения в урочище Вершина у с. Ильинка на Куяльницком лимане (Синицын 1962: 150–161), у хут. Черевичное на Хаджибейском лимане (Синицин 1959: 135–150), а также поселение Викторовка III в верховьях Березанского лимана. Крупные по объему раскопки поселений у сел Леонидовка и Анатольевка в Тилигуло-Березанском междуречье были проведены Н.Н. Погребовой (Погребова, Кондрацкий 1960: 74–84; Погребова, Елагина 1962: 6–14). Слои сабатиновской культуры были исследованы на многослойных поселениях Болград (Черняков 1966: 99–105), Калфа (Чеботаренко 1973: 90), Молога II (Черняков 1984а: 48–56). Значительный фонд источников изучения погребального обряда сабатиновской культуры получен в результате работ Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН Украины, раскопавшей десятки курганов и открывшей сотни погребений (Шмаглий, Черняков 1970: 5–115). Памятники сабатиновской культуры в Пруто-Днестровском междуречье были прокартографированы В.А. Дергачевым (1973). Были также изданы бронзовые предметы XIII–XII вв. до н.э. из Молдавии (Дергачев 1975).

С середины 70-х годов широкомасштабные раскопки сабатиновских поселений проводятся в Южном Побужье экспедициями Института археологии АН Украины под руководством О.Г. Шапошниковой и И.Н. Шарафутдиновой. Большими площадями исследованы такие поселения, как Новогригорьевка, Октябри I, Ташлык I, IV, V, Балабановка и др. (Шапошникова 1978: 400–401; Шапошникова и др. 1979: 421–422; Фоменко, Клюшинцев 1987: 323–424). И.Н. Шарафутдиновой исследованы поселения Степовое и Виноградный Сад (Шарафутдинова 1979: 422–423; Березанская и др. 1986: 88–90). В 1983–85 гг. экспедицией Одесского университета было исследовано крупное поселение сабатиновско-белозерского времени Вороновка II на Григорьевском лимане (Ванчугов и др. 1991). Параллельно шло изуче-

---

* При подготовке к печати разделов «Сабатиновская культура» и «Белозерская культура» корректуру текста с минимально необходимыми дополнениями и исправлениями осуществил Ю.А. Черниенко. Он же подготовил и карты.

ние бронзолитейного производства сабатиновской культуры. Опубликован ряд крупнейших кладов, таких, как Ингульский (Сымонович 1966: 127–142), Лозовский (Дергачев 1975: 94), Курлозский (Никитин, Черняков 1981: 151–160), Бециловский (Черняков 1968: 131–134), Новотроянovский (Суботін, Черняков 1982: 15–22). Рассмотрены вопросы техники бронзолитейного производства (Черняков 1967: 23–37). Определены источники металла, химические и металлургические группы, выделены очаги металлообработки (Черных 1976; 1978).

Сабатиновская культура вслед за О.А. Кривцовой-Граковой долгое время рассматривалась как этап срубной культуры, продвинувшейся на запад (Кривцова-Гракова 1955; Лесков 1975). Н.Н. Погребовой, В.Д. Рыбаловой, а затем И.Н. Шарафутдиновой и И.Т. Черняковым выдвинут тезис о существовании самостоятельной сабатиновской культуры, не связанной происхождением со срубной (Погребова 1960: 76–90; Рыбалова 1961: 80–95; Шарафутдинова 1968: 16–34; Шмаглий, Черняков 1970: 5–115; Черняков 1975; 1984б: 40). Обе концепции некоторое время существовали параллельно. Интенсивные раскопки памятников поздней бронзы на юге Украины, накопление новых источников дали возможность с новых позиций оценить многие культурно-исторические процессы, происходившие в Северном Причерноморье во 2-й половине II тыс. до н.э. Прежде всего удалось культурно дифференцировать памятники культур многоваликовой керамики, срубной и сабатиновской, уточнить ареалы их распространения, хронологию. Установлено, что срубная культура на Украине была распространена, в основном, на Левобережье и существовала с XV по XIII вв. до. н.э. (Березанская 1982: 207; Березанская и др. 1986: 153). Окончательно выяснено, что степная часть Правобережной Украины, степной Крым, Приазовье были заселены племенами сабатиновской культуры, генетически связанной с культурой многоваликовой керамики (Березанская и др. 1986: 85–86; Березанская, Шарафутдинова 1985: 489–499). Вопросы происхождения, периодизации, развития материальной и духовной культуры, а также культурно-экономических связей сабатиновских племен детально рассмотрены в монографии И.Т. Чернякова (1985а). Обобщенная характеристика памятников сабатиновской культуры Пруто-Днестровского междуречья дана в работе В.А. Дергачева (1986: 172–186).

Поселения. Одной из наиболее многочисленных категорий памятников сабатиновской культуры являются сотни поселений, расположенные вдоль практически всех водных систем, а также и в открытой степи.

Плотность заселения территории Северо-Западного Причерноморья в эпоху поздней бронзы почти не имеет аналогов среди других периодов его истории. Количественно сравнимы с сабатиновскими лишь поселения первых веков нашей эры, связанные, в основном, с черняховской культурой, но их почти вдвое меньше. В настоящее время в изучаемом районе известно около 800 поселений, из которых более 500 расположены в междуречье Дуная и Днестра и около 300 – в междуречье Днестра и Южного Буга (рис. 68). Поселения, как правило, расположены на невысоких мысах берегов рек, балок, причерноморских лиманов. Большая часть поселений расположена на берегах небольших степных рек (ныне пересохших) и балок, входящих в систему притоков Дуная, Днестра, Южного Буга, занимая удобные для хозяйственной деятельности участки местности.

Картографирование поселений показывает, что они часто располагаются более или менее компактными группами от 10–20 до 50–80 поселений. Выделяются несколько таких групп: в Днестро-Дунайском междуречье – Молдавская в верхо-

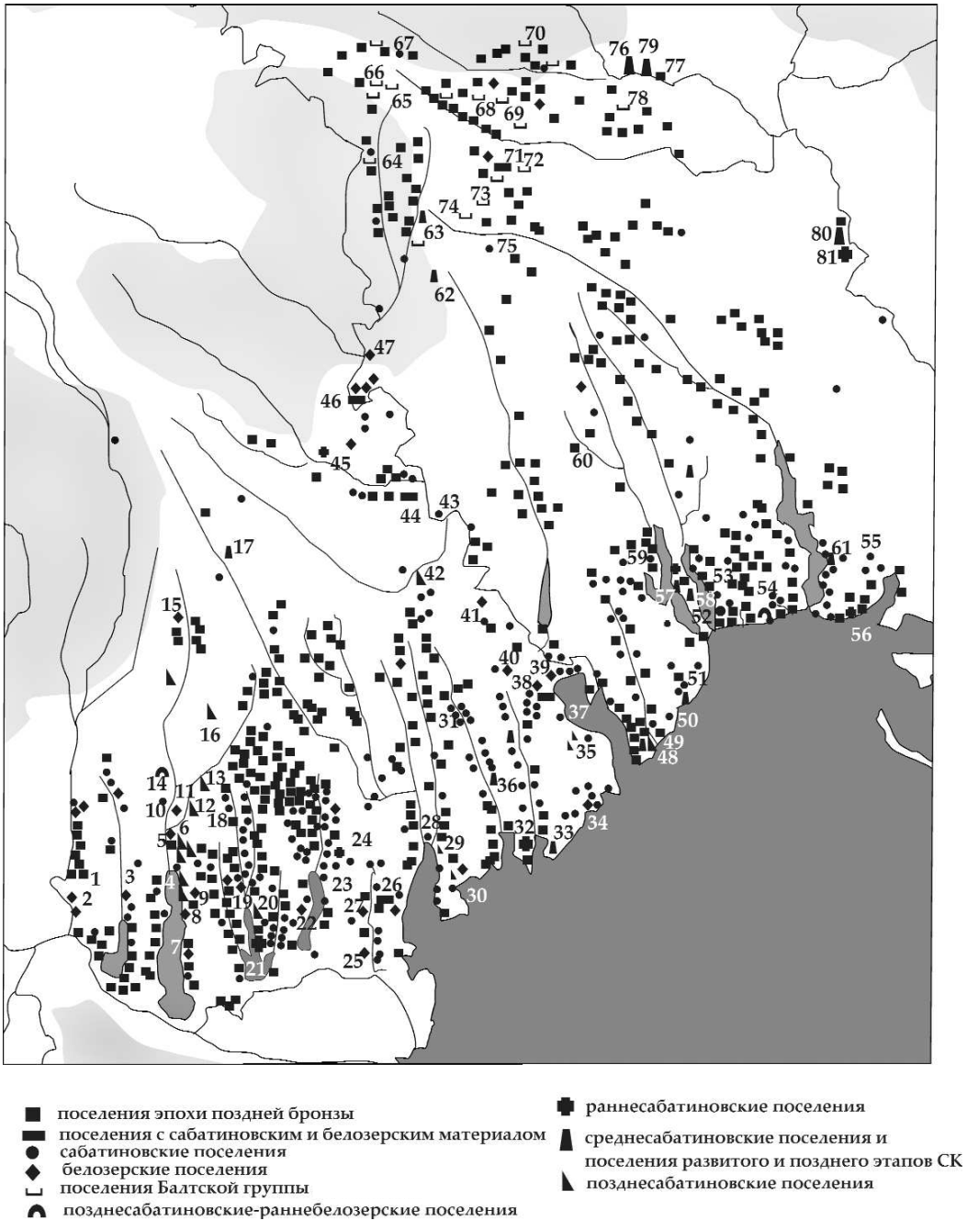


Рис. 68. Карта поселений позднебронзового века

1 – Слободзея Маре I; 2 – Джурджулешть IX; 3 – Этулия; 4 – Болград; 5 – Ялпуг IV; 6 – Табаки I; 7 – Озерное; 8 – Криничное I; 9 – Жовтневое; 10 – Самурза I; 11 – Новоселовка I; 12 – Тараклийская балка I; 13 – Новые Трояны II; 14 – Чалык II; 15 – Комрат I; 16 – Томай; 17 – Гура-Галбена; 18 – Казан-Кулак II; 19 – Новокаменка VI; 20 – Суворово I; 21 – Суворово V; 22 – Приозерное I; 23 – Холмское I; 24 – Ташлык; 25 – Мирное II; 26 – Струмок III; 27 – Струмок I; 28 – Новоселица II (Сарата-Когильник); 29 – Заречное II; 30 – Трихатки I; 31 – Николаевка-Новороссийская; 32 – Тузлы; 33 – Базарьянка; 34 – Чебановка; 35 – Молога II; 36 – Колесное I; 37 – Сария; 38 – Удобное; 39 – Тудорово I; 40 – Капланы I (Ла Юрт); 41 – Чобручи; 42 – Каушаны; 43 – Терновка «Кривое Озеро»; 44 – Калфа; 45 – Мерены II; 46 – Кошница; 47 – Погребя III; 48 – Грибовка II; 49 – Грибовка IV; 50 – Старое Бугово; 51 – Сухой Лиман; 52 – Красноселка I; 53 – Свердлово I; 54 – Вороновка II; 55 – Леонидовка; 56 – Викторовка III; 57 – Черевичное; 58 – Ильинка (урочище Вершина); 59 – Ведьмина Гора; 60 – Толмачевка; 61 – Анатольевка IV; 62 – Красный Маяк; 63 – Довжанка IV; 64 – Нестоита I; 65 – Александровка-Крутянская; 66 – Кодыма I; 67 – Червона Гребля; 68 – Чернече; 69 – Чернече II; 70 – Гербино II; 71 – Балта; 72 – Сорокова Балка; 73 – Гидерим I; 74 Александровка I; 75 – Чапаевка V; 76 – Сабатиновка I; 77 – Мельнична Круча; 78 – Полянецкое I; 79 – Червоное Озеро; 80 – Виноградный Сад; 81 – Щуцкое I

вьях рек Ботна, Бык и Когильник (на границе с ареалом культуры Ноа), Кагуло-Ялпугская, Китай-Катлабухская, Нижнеднестровская и Татарбунарская; в Буго-Днестровском междуречье – Балтско-Кодымская (лесостепная), Хаджибейская, Тилигуло-Березанская и Прибугская (Черняков 1985а: 26–27). Внутри этих больших групп иногда несколько поселений образуют своеобразные микрогруппы по 3–5 памятников на расстоянии 500–800 м, как, например, у сел Жовтневое, Червоноармейское, Вороновка, Мирное и др. Наибольшая плотность расположения поселений наблюдается в придунайском районе.

Площадь поселений колеблется от 0,05 до 18–20 га, но наиболее характерная – 0,5–2 га. Вертикальная стратиграфия не прослежена ни на одном из поселений, хотя разновременные комплексы на некоторых (Усатово, Калфа, Вороновка II) имеются. Культурный слой, как правило, залегает на глубине от 0,2 до 0,7 м, мощность его невелика и составляет 0,3–0,7 м.

Раскопки проводились более, чем на 30-ти поселениях сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье. В том числе, в Буго-Днестровском междуречье исследовалось около 20 поселений, остальные – в междуречье Дуная и Днестра. Однако, проведенные раскопки часто ограничивались небольшими площадями, поэтому данные о планировке и домостроительстве получены лишь на 1/3 от общего количества исследованных поселений. В этом плане наиболее изученным районом в настоящее время является Нижнее Побужье – как по количеству исследованных поселений, величине вскрытой площади, так и по объему полученных материалов.

Жилищно-хозяйственные комплексы. На поселениях зафиксировано несколько типов планировки жилищ. Наиболее распространенным был тип одно-двухрядной линейно-уличной системы планировки, при которой жилища вытянуты в один-два ряда (Викторовка III, Сабатиновка I, Вершина). Два-три ряда жилищ зафиксировано на поселениях Болград, Вороновка II (северо-восточная часть). В Степовом многокамерные жилища располагались рядами-терассами на склонах балки, прослежено 6 таких рядов (Шарафутдинова 1979: 422–423). Иной тип планировки представлен на поселениях Анатольевка IV, Октябри I, Вороновка II (юго-западная часть). Здесь несколько помещений, различающихся формой и размерами,

соприкасаясь друг с другом, образовывали крупные многокамерные постройки. Часто такие постройки или строительно-архитектурные блоки состояли из наземных или слегка углубленных помещений. На пос. Вороновка II открыт такой блок из 26 помещений, общая площадь которого составляла около 2,5 тыс. м^2 (рис. 69). Внутри этого блока прослежены определенные принципы планировки: наземные помещения в основном сосредотачивались вокруг углубленных, составляя, вместе с последними, своеобразные жилищно-хозяйственные комплексы из 4–6 помещений. Такие комплексы сплошной застройки иногда сообщались между собой коридорами, но имели отдельные входы (Ванчугов и др. 1991: 8–10).

В качестве строительного материала племенами сабатиновской культуры использовались камень, глина, дерево. В лесостепной зоне традиционно возводились наземные глинобитные жилища на деревянном каркасе (Сабатиновское поселение)[1]. На поселениях степной зоны Северо-Западного Причерноморья преобладали традиции каменного и каменно-глинобитного домостроительства, уходящие корнями в глубокую древность. Стены наземных и углубленных жилищ сооружались из известняка, понтического известняка-ракушечника, реже – из песчаника. На отдельных поселениях открыты углубленные жилища, сооруженные без применения камня (Суворово I, Чалык II, Томай), но они еще плохо изучены. Каменные кладки стен в отдельных случаях сохранились на высоту 0,7–1,1 м (4–7 ярусов). Выделяются три вида техники кладки: двухрядная с забутовкой средней части глиной и мелкими камнями; однорядная, состоящая из уложенных плашмя камней; техника из крупных, вертикально установленных плит с забутовкой внутреннего пространства глиной и гравием. Предположительно, стены выкладывались из камня только в нижней части. Верхние части стен, как это прослежено на поселениях Черевичное и Викторовка III, сооружались из глины. Учет контроля камня разрушенных стен позволил реконструировать их высоту, которая составляла 1,55–1,7 м в Вороновке II (помещение 1), около 2 м на Болградском поселении.

Площадь жилищ от 20 до 70 м^2. Форма жилищ обычно прямоугольная, как у однокамерных, так и у двух-трехкамерных. Вспомогательные помещения и пристройки часто имеют различную форму – округлую, трапециевидную, треугольную, неправильную. Из хорошо сохранившихся выделяется трехкамерное жилище в Анатольевке общей площадью 230 м^2. Все три помещения его прямоугольные, с отдельными входами в виде тамбуров. Центральное помещение с фасадной стороны оформлено в виде полукруглой апсиды. Углы помещений укреплены контрфорсами (Черняков 1985а: 39). У входов находились специальные камни-подпятники для дверей. Порог выложен круглыми плоскими камнями, а край входа огорожен вертикально стоящими плитами. Аналогичное по планировке, но менее фундаментальное и хуже сохранившееся жилище зафиксировано на Болградском поселении. Приведенные данные свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне техники каменного домостроительства у племен сабатиновской культуры. Этому способствовала, с одной стороны, природная среда, в изобилии предоставлявшая прекрасный строительный материал – легко поддающиеся обработке известняки. С другой стороны, в архитектурном решении жилищ четко проявляется роль культурного традиционализма. Традиции каменного домостроительства, существовавшие и развивавшиеся в Северном Причерноморье на всем протяжении эпохи бронзы у пле-

[1] Эта традиция сохранилась здесь и в белозерское время на поселениях Балтской группы.

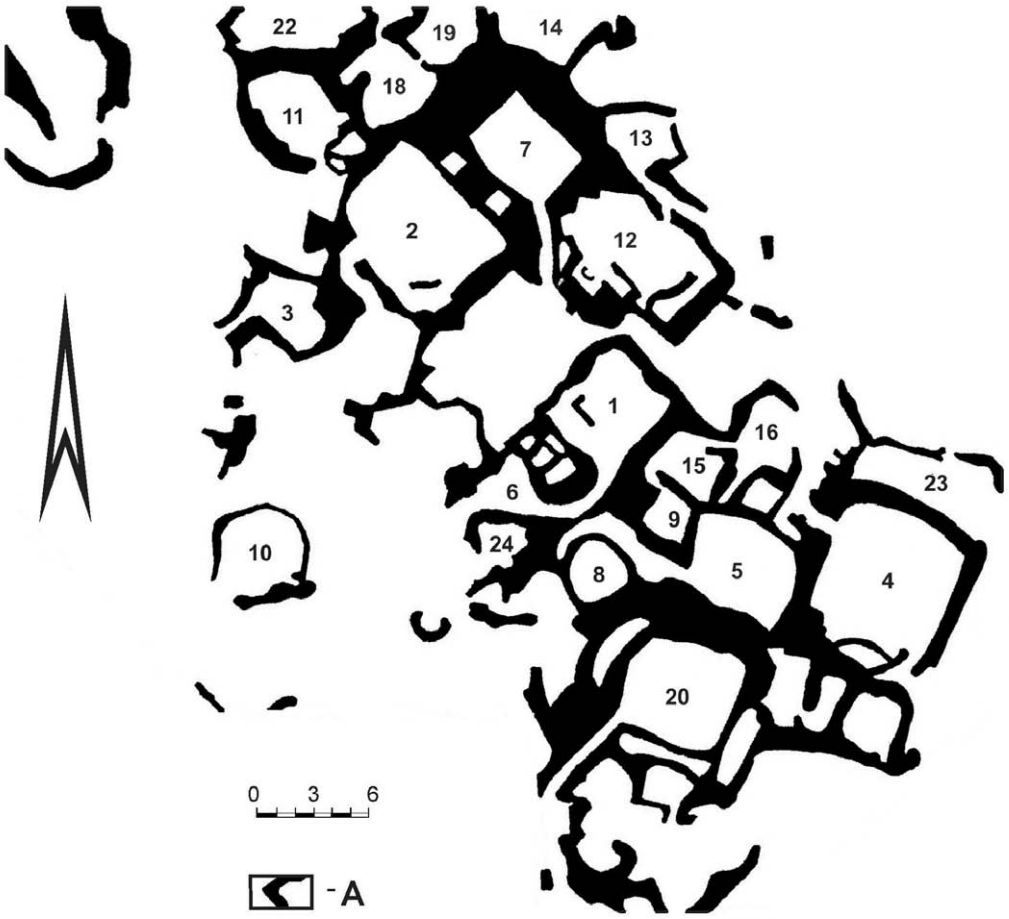


Рис. 69. Поселение Вороновка II. План строительных остатков на раскопе «А»
(А – каменные кладки)

мен культур ямной, катакомбной, многоваликовой керамики, достигают апогея в своем развитии у племен сабатиновской культуры в эпоху поздней бронзы.

В жилищах и за их пределами находились простые круглые или овальные очаги, иногда выложенные камнями. Многие помещения не имели очагов; вероятно, они обогревались с помощью переносных жаровен, фрагменты которых в изобилии присутствуют на поселениях. Изредка встречаются сводчатые печи (Степовое). Хозяйственные ямы разных размеров и формы применялись для хранения припасов, сбора золы и отходов. На поселении Червоное Озеро в яме найдено 8 крупных сосудов общим объемом около 750 л.

Зольники. Особой категорией археологических памятников, открытых на многих поселениях сабатиновской культуры, являются зольники – невысокие курганообразные насыпи, состоящие из золы, камней, земли, насыщенные культурными остатками. Они различаются размерами, конструктивными особенностями и

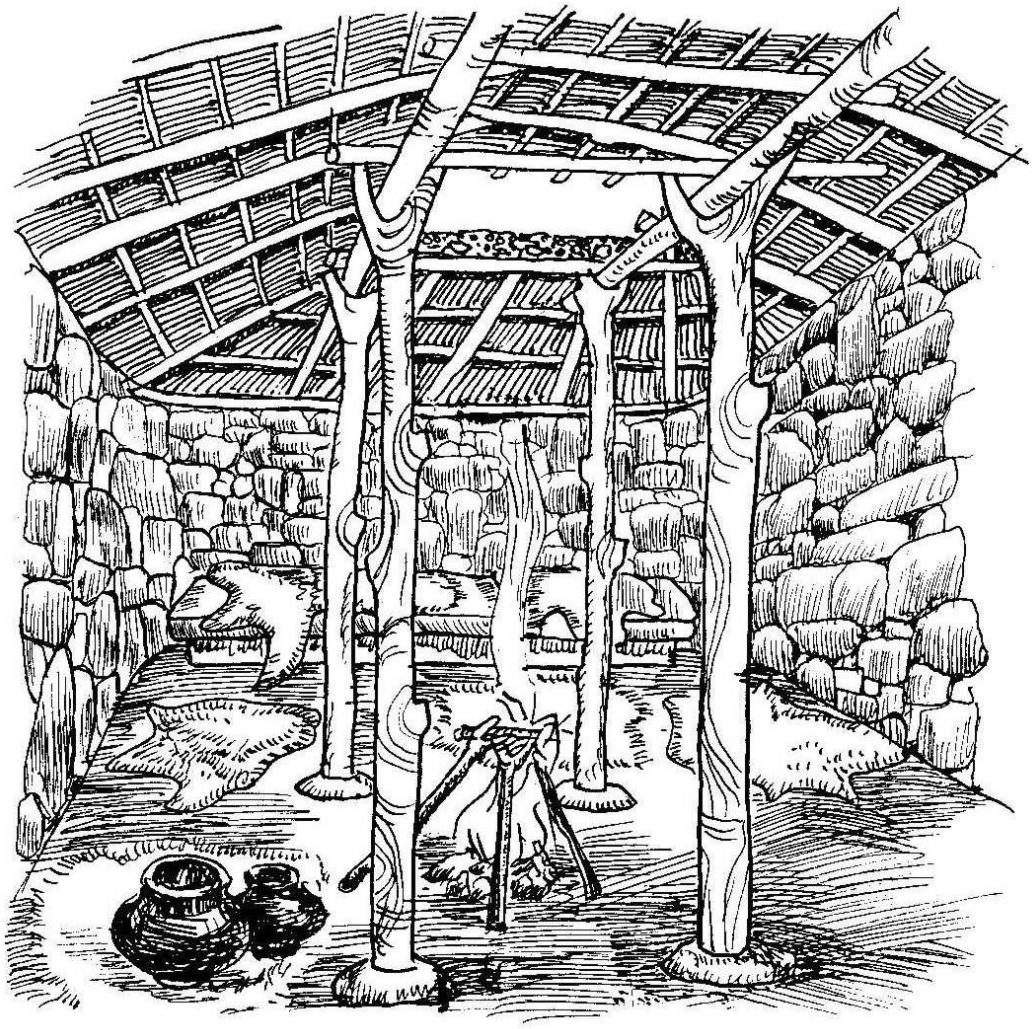


Рис. 70. Поселение Вороновка II. Помещение 1 раскопа «А». Реконструкция интерьера

своим расположением относительно жилищ и поселений. Зольникам, распространенным во многих культурах поздней бронзы, и их интерпретации как хозяйственных и культовых объектов посвящена довольно обширная научная литература (Мелюкова 1961: 12–18; Березанська 1970: 20–31; Шрамко 1957: 196–198; Балагурі 1968: 140). Большая часть исследователей отмечает культовый характер этих объектов, связанный с обрядами почитания огня, домашнего очага, другими земледельческими культами (Березанская 1982: 168–174; Мелюкова 1961: 12–18; Шрамко 1957: 196–198; Тощев, Черняков 1986: 115–138). Различия в конструкции и содержании зольников позволяют некоторым исследователям, не отрицая полностью их культовый характер, отмечать их утилитарное назначение как мест скопления остатков горения вблизи жилищно-хозяйственных сооружений (Балагури 1980: 104; Florescu 1964: 146–147). Не затрагивая дискуссионных вопросов интерпрета-

ции этих объектов, кратко охарактеризуем зольники сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья. Они делятся на 3 категории:

I. Зольники, расположенные непосредственно у конкретных жилищ. Они отличаются малыми размерами – диаметр от 5 до 12 м. На некоторых поселениях их насчитывается от 3–4 до 10–12. Такие зольники зафиксированы на поселении Сабатиновка I, Болград, Красная Коса (9 зольников), Октябри I, Ниспорены, Гура-Галбена и др.

II. Зольники на территориях поселений, не связанные с определенными жилищами. Характеризуются более крупными размерами. Высота 0,7–0,8 м, диаметр 17–20 м. Такой зольник открыт на поселении Анатольевка IV. На поселении Вороновка II зафиксировано 4 таких зольника. Один из них, расположенный в северовосточной части поселения, исследован (Ванчугов и др. 1991: 10, 32). Золистая насыпь была покрыта каменной куполовидной наброской. Восточная часть была обложена плоскими плитами.

III. Зольники, расположенные вне поселений. Эта категория представлена зольником у с. Новоселица (Тощев, Черняков 1986: 115-138), расположенным в пойме р. Сарата в 1 км от ближайшего поселения сабатиновской культуры Заречное II. Высота 1 м, диаметр 20 м. Зольник отличается конструктивными особенностями (вымостки из крупных плоских плит), наличием культовых сооружений и объектов (жертвенник, черепа быков, 10 конских черепов, выложенных полукругом, скопление глиняных «хлебцев», человеческое жертвоприношение (?) – скорченное инвентарное погребение, заложенное камнями) и т.п. Приведенные данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что зольники последнего типа создавались исключительно в ритуальных целях.

Погребения. По подсчетам исследователей, известно от 500 до 600–700 (Черняков 1985а: 135; Дергачев 1986: 180) курганных сабатиновских погребений. Курганы содержат от 1–2 до 10 погребений, расположенных, как правило, в юго-западных полах насыпей. Большинство из них характеризуются трудно прослеживаемыми контурами неглубоких ям, бедностью или полным отсутствием инвентаря, скорченным на боку положением костяков преимущественно с восточной и северо-восточной ориентировкой.

Характеристика погребений сабатиновской культуры затруднена по ряду причин (Черняков 1985а: 135; Дергачев 1986: 183; Березанская и др. 1986: 93; Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1992: 65–69). Невыразительность и безынвентарность основной массы впускных захоронений, относимых к сабатиновским, с одной стороны, и сходство основных черт соответствующего обряда со свойственными культуре многоваликовой керамики, занимавшей ту же территорию, – с другой, до сих пор остаются главными препятствиями для разработки культуродифференцирующих признаков погребений поздней бронзы. Высказывалось даже мнение о невозможности выработки объективных критериев погребального обряда основной массы безынвентарных сабатиновских погребений на основе имеющихся источников (Яровой 1990: 223–224).

На наш взгляд, культурная атрибуция безынвентарных погребений поздней бронзы допустима лишь при возможности детального сопоставления их с аналогичными захоронениями, достоверно атрибутирующимися бесспорным инвентарем (Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1992: 66). Но и в этом случае целый ряд погребений может быть атрибутирован лишь условно. В связи с этим в данной

работе для характеристики погребального обряда сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья мы привлекаем лишь комплексы, сопровождающиеся инвентарем. Количество их непрерывно растет. Если еще не так давно, согласно И.Т. Чернякову, их насчитывалось 40-50 (Черняков 1985а: 135–142), а по В.А. Дергачеву, – 20–25 (Дергачев 1986: 180), то в настоящее время известно не менее 100 погребений, инвентарь которых бесспорно позволяет считать их сабатиновскими.

Прежде всего, возросло количество исследованных курганов с ***основными сабатиновскими погребениями***. В связи с тем, что они встречаются в составе курганных могильников эпохи бронзы относительно редко, каждый курган, отнесенный по ряду признаков к сабатиновским, заслуживает особого внимания.

Курган 41 Кочковатовского могильника замыкал с юго-востока цепочку из четырех курганов ранней и средней бронзы, вытянутую по линии СЗ–ЮВ (Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1992: рис. 1, 2). Примечательно, что 16 белозерских курганов этого могильника (за исключением курганов 33 и 35) были сгруппированы в двух цепочках, ориентированных перпендикулярно первоначальной с ЮЗ на СВ. Курган 41 диаметром 18 м был окружен кольцевым рвом диаметром 15,6 м, глубиной 0,4 м. Ширина рва на уровне выявления 0,3 м, дно в профиле закруглено. В центре кургана на расстоянии 2 м друг от друга открыты 2 погребения в ямах, одинаково ориентированных по линии ЮЗ–СВ (рис. 71, 6).

Погребение 1 открыто на глубине 0,4 м. Яма неправильно овальной формы, размерами 1,3 х 0,95 м, глубиной 0,4 м, ко дну незначительно расширяется. У дна в северном углу ямы была сооружена небольшая ступенька. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. Ноги неравномерно согнуты почти под прямым углом. Положение рук различно: левая вытянута кистью к левому колену, правая согнута в локте и направлена кистью к стоявшему перед лицом сосуду (рис. 71, 2). Сосуд баночного типа со слегка выпуклыми в верхней части боками и отогнутым венчиком, высота сосуда 16 см (рис. 71, 9).

Погребение 2 открыто на глубине 0,55 м. Овальная в плане яма размерами 1,5 х 0,8 м, глубиной 1,25 м была снабжена уступом по периметру ямы на глубине 0,55 м от верхнего края. Размеры дна в связи с этим составляли 1,35 х 0,7 м. Дно ямы было обмазано тонким слоем зеленоватой глины и покрыто подстилкой из коры. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. Ноги неравномерно согнуты под углом 70° и 80°, руки согнуты в локтях и кистями поднесены к плечам (рис. 71, 3). Перед лицом погребенного на мелкой подсыпке стоял сосуд баночной формы с округлыми, высоко расположенными боками, отогнутым венчиком и слегка вогнутым дном, высота сосуда 12,5 см (рис. 71, 3).

Два кургана с основными сабатиновскими погребениями исследованы в 1989 г. у с. Сергеевка Саратского р-на Одесской обл (Дзиговський, Суботін 1997: 168–190).

Сергеевский курганный могильник, расположенный на плато правого берега р. Хаджидер, состоял из двух курганных групп по 8 насыпей в каждой. Два сабатиновских кургана 13 и 14 располагались в южной группе на расстоянии 10 м друг от друга. Курган 13 диаметром 15 м содержал единственное погребение 1. Яма прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами ориентирована длинной осью по линии З-В. Размеры ямы 1,1 х 0,9 м, глубина 0,5 м. Погребенный лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на В. Руки согнуты в локтях и кистями поднесены к лицу. Перед лицом находилась нижняя часть округлобокого сосуда, возможно, горшка.

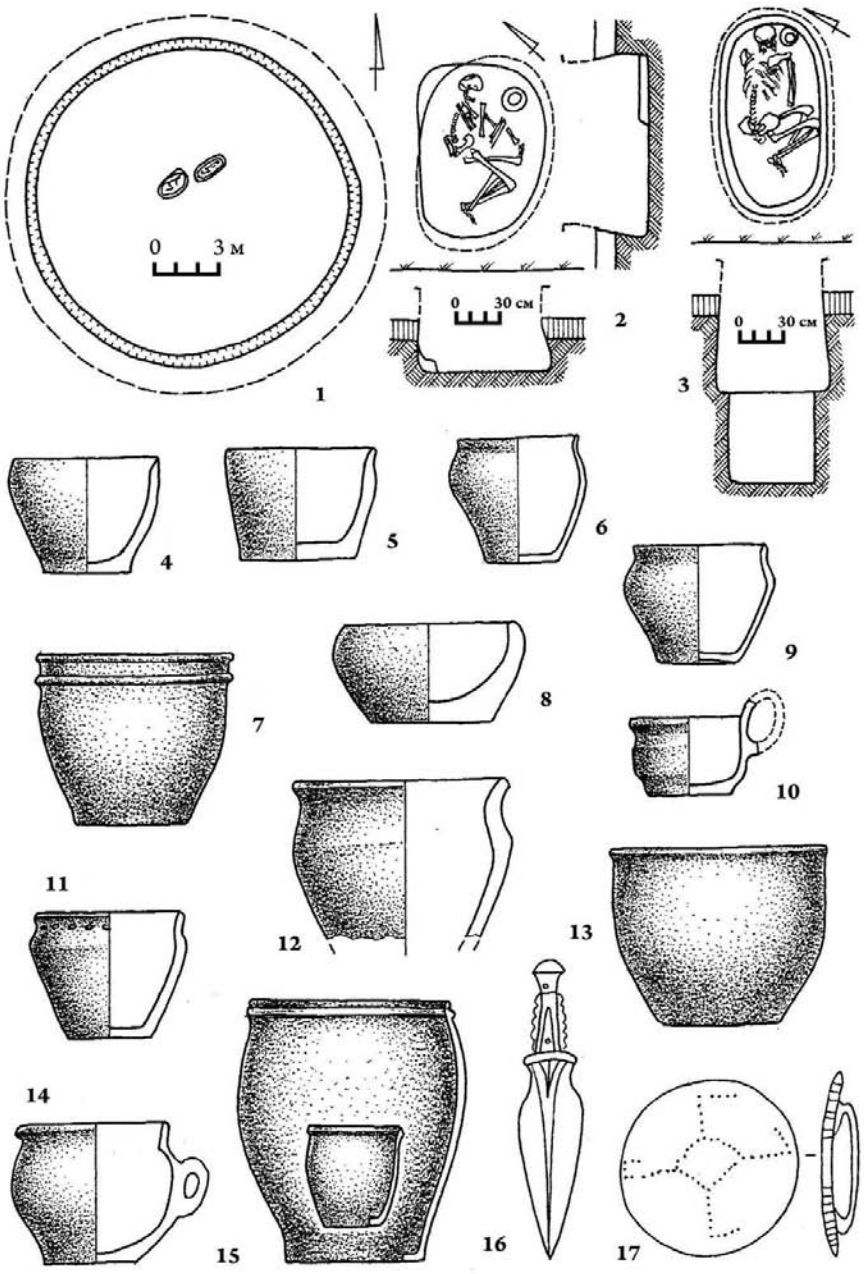


Рис. 71. Погребальные памятники и инвентарь. Кочковатое: 1 – план кургана 41; 2, 6 – погр. 1; 3, 9 – погр. 2; 10 – курган 25, погр. 1; Дивизия: 8 – курган 3, погр. 2; 12 – курган 5, погр. 2; 4 – Алкалия, курган 8, погр. 1; 5 – Кальчево, курган 4, погр. 1; 7 – Фрикацей, курган 4, погр. 5; 11, 14 – Вишневое, курган 13, погр. 1; 13 – Белолесье, курган 8, погр. 1; 15–17 – Борисовка, курган 3, погр. 2

Курган 14 диаметром 20 м был расположен в 10 м севернее кургана 13. В нём также найдено одно основное погребение 1 (Дзиговський, Субботін 1997: 168, рис. 6, 14–15). Яма овальной формы ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Размеры ямы 1,0 х 0,8 м, глубина 0,4 м. На дне ямы на подстилке органического происхождения лежал погребённый в сильно скорченном положении на правом боку, головой на СВ. Руки согнуты в локтях, кисти рук вытянуты к стоящему перед лицом сосуду. Сосуд представляет собой горшок с плоским дном и плавно округлёнными в верхней части боками, венчик обломан.

Курганный могильник у с. Кальчево Болградского р-на Одесской обл. состоял из 5 курганов, из которых один усатовский (к. 3), три белозерских (к. 1, 2, 5) и один сабатиновский (к. 4) (Субботин, Фокеев, Сапожников 1986: 53). Курган 4 диаметром 5 м содержал в центре погребение 1. Яма неправильной формы, размерами 1,17 х 0,8 м, глубиной 0,9 м была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. На дне выявлено погребение ребёнка плохой сохранности. Положение погребённого скорченное на правом боку, головой на ЮВ. В погребении найден сосуд баночной формы с прямыми стенками, слегка сужающимися ко дну, высота сосуда 8,4 см (рис. 71, 5).

Курганный могильник Курчи (Болградский р-н Одесской обл.) содержал курган 21 с основным сабатиновским погребением. Могильник расположен на плато западного берега оз. Ялпуг у места впадения одноимённой реки. В кургане 21 диаметром 15 м выявлено 2 захоронения сабатиновской культуры (Тощев 1992: 34, рис. 11, 1, 4). Погребение 1 открыто в центре кургана в яме овальной формы размерами 1,5 х 1 м. Положение погребенного скорченное на правом боку, ноги согнуты в тазобедренном суставе под углом 50°. Левая рука согнута в локте и кистью поднесена к лицу, положение правой руки не установлено. Ориентирован головой на СВ. Перед лицом погребённого оставлен сосуд баночной формы, на поддоне, украшенный по краю венчика насечками. Высота сосуда 10,5 см. Непосредственно под погр. 1 в аналогичной овальной яме размерами 1,2 х 1 м находилось погр. 2. Безынвентарное, с аналогичной ориентировкой на СВ, оно отличалось от погр. 1 лишь сильно скорченным положением на левом боку. Оба погребения мы относим к сабатиновской культуре с незначительной разницей во времени совершения захоронения.

Курган с основным сабатиновским погребением исследован у с. Белолесье Татарбунарского р-на Одесской обл. Курган 8 был расположен в центральной части цепочки курганов, вытянутой вдоль края плато левого берега р. Сарата. Диаметр кургана 20 м, сохранившаяся высота 0,5 м. Содержал одно основное погребение 1. Яма прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами была ориентирована по линии В–З. Размеры ямы 1,8 х 1,1 м, глубина 0,5 м. Дно покрыто тростниковой подстилкой (Субботин, Дворянинов 1980: 53–54, табл. 40, 4–6). Погребение ограблено, костяк разрушен. У юго-восточного угла ямы стоял сосуд баночной формы с широким устьем, прямыми, сужающимися ко дну стенками (рис. 71, 13).

И, наконец, ставший уже хрестоматийным для сабатиновской культуры курган 3 у с. Борисовка, выделяющийся по целому ряду параметров. Самый крупный из сабатиновских курганов, диаметром 60 м, он был окружен кольцевым кромлехом из камней (Шмаглий, Черняков 1970: 54–65). В большой подквадратной яме размерами 2,7 х 2,4 м, глубиной 2,85 м, ориентированной длинной осью по линии В–З, на середине глубины был сооружен уступ шириной 0,2–0,25 м. На уровне уступа яма была перекрыта двойным накатом из бревен и жердей. На дне покоились остатки кремации в деревянном сосуде. Инвентарь погребения составляли: бронзовый меч-

кинжал, деревянный щит с кожаной обивкой и бронзовыми заклепками, два керамических сосуда баночной форм, один из которых украшен гладким налепным валиком (рис. 71, 15–17). Погребение сопровождалось огненным ритуалом, тризной (Шмаглий, Черняков 1970: 56.).

Как видно из изложенного, основные захоронения сабатиновской культуры демонстрируют большое разнообразие погребальных сооружений и деталей обряда. Выделяются, по меньшей мере, 4 типа погребальных ям: овальные, прямоугольные с закругленными углами, ямы с уступом по периметру на середине глубины, а также прямоугольные с угловыми ямками. Отличаются разнообразием и их размеры, которые колеблются от 1,0 х 0,8 м до 2,7 х 2,4 м, при глубине от 0,4 до 2,85 м. В устройстве ям отмечены деревянные перекрытия, бревенчатый накат, органическая подстилка (трава, кора), подмазка дна ямы. Единичными случаями представлены подкурганные сооружения (кромлех, кольцевой ров). Значительно варьируют и размеры курганов, диаметр от 5 до 60 м. Положение всех основных погребений скорченное на боку, но сильно скорченное положение отмечено лишь в двух случаях (Сергеевка, кург. 13 и 14). У большей части погребенных согнутые в локтях руки кистями поднесены к лицу, у двух погребенных положение рук различно. Преобладает восточная и северо-восточная ориентировка скелетов.

Впускные погребения сабатиновской культуры, сопровождающиеся инвентарем, имеют следующие характеристики. Они чаще расположены в южном и юго-западном секторах курганов. Вследствие неглубокого залегания значительная часть впускных захоронений характеризуется трудно прослеживаемыми контурами ям. Например, в нашей выборке таких инвентарных погребений, у которых форма ямы осталась неустановленной, оказалось 61%. Остальные погребения представлены следующими типами ям. Овальные в плане ямы – 22% (например, Алкалия, кург. 8, погр. 1; Дивизия, кург. 3, погр. 2; Хаждидер, кург. 13, погр. 9 и др.). Прямоугольные в плане ямы – 17% (например, Фрикацей, кург. 4, погр. 5; Дивизия, кург. 2, погр. 3 и др.). Примечательно, что во впускном погр. 3 кург. 2 у с. Дивизия прямоугольная в плане яма вдоль трех сторон была снабжена небольшим уступом или ступенькой шириной 0,15–1,20 м (рис. 72, 3). Размеры впускных ям колеблются от 1,2 х 0,8 до 1,6 х 1,0 м, глубина от 0,15 до 1,0 м. Очень редко применялись деревянные перекрытия ям.

Все погребения скорчены на боку. Из них на левом боку зафиксировано 55%, на правом – 26%, не установлено вследствие плохой сохранности – 19%. Зафиксирована различная степень скорченности погребений. Определение соотношения погребенных с разной степенью скорченности дало довольно неожиданные результаты. Преобладают погребения, у которых степень скорченности можно определить как среднюю, приближающуюся к сильной, т.е. ноги согнуты в тазобедренном суставе по отношению к позвоночнику под углом 45–55°. Таких погребений оказалось 51%. Погребений с сильной степенью скорченности, у которых ноги согнуты под углом 20–45°, оказалось 33%. У 16% погребенных степень скорченности не установлена.

По положению рук погребения дифференцируются следующим образом. У 37% погребенных обе руки согнуты в локтях и кистями поднесены к лицу либо к груди. У 30% погребенных положение рук различно. Чаще наблюдается следующая позиция: левая рука согнута в локте, кисть находится у лица, правая рука кистью направлена к коленям, например, Желтый Яр, кург. 9, погр. 1; Кубей, кург. 1, погр. 13 (рис. 72, 11) и др. Встречаются и другие позиции рук: одна согнута в локте и кистью направлена

к лицу, другая вытянута вперед либо лежит кистью в области таза (Плавни, кург. 13, погр. 2; Струмок, кург. 1, погр. 15 и др.). Либо по-разному согнутые в локтях руки скрещены на груди или перед грудью (Желтый Яр, кург. 3, погр. 5).

По определению Д.Я. Телегина, поза скорченного погребенного, руки которого (или хотя бы одна из них) вытянуты к коленям или тазу, относится к позе «скачущего всадника» (Телегин 1976: 6–7). К разновидности этой же позиции исследователь относит скорченные погребения со сложенными или скрещенными на груди руками (Телегин 1976: 7–8). Выявленное значительное количество сабатиновских погребений средней степени скорченности, а также в позе “скачущего всадника” позволяет сделать важный вывод о том, что, появившись еще в энеолите, это положение погребенных сохраняется в обрядах на протяжении всего бронзового века. Кроме того, это дает дополнительный материал для хронологической дифференциации довольно однородного погребального обряда сабатиновской культуры по положению погребенных. Учитывая, например, что Е.Н. Савва слабую и среднюю степень скорченности погребенных относит к характерным признакам погребений КМК раннего хронологического горизонта (Савва 1992: 144–145), появляются основания считать это положение и в сабатиновской культуре архаическим признаком. Хотя, следует отметить, что средняя степень скорченности и поза «скачущего всадника» встречается в Северном Причерноморье в погребениях вплоть до рубежа II и I тыс. до н.э. Например, по подсчетам Д.Я. Телегина, в белозерском Широчанском могильнике из 92 погребений зафиксировано 35 в положении «скачущего всадника» и слабо скорченных и всего лишь 34 сильно скорченных погребения (Телегин 1976: 19).

Ориентировка впускных сабатиновских погребений распределяется следующим образом: В (иногда с незначительными отклонениями к С и Ю) – 48%, СВ – 23%, ЮЗ – около 9%, у 20% погребенных ориентировка не установлена. Таким образом, фиксируется полное преобладание восточной и северо-восточной ориентировки.

Исключительно редко встречаются парные сабатиновские погребения. Одно из таких, погр. 10 в кург. 3 у с. Желтый Яр, открыто в юго-восточном секторе кургана на глубине 1,6 м. Контуры погребальной ямы не прослежены. Два сильно скорченных костяка взрослых особей находились лицом друг к другу, один из них на правом боку, другой – на левом. Ориентированы головами на ВЮВ и ВСВ соответственно. Руки у обоих согнуты в локтях и кистями направлены к лицу. Между головами погребенных, примерно на равном расстоянии находились нижняя часть лепного сосуда и ребра животного (Субботин, Островерхов, Дзиговский 1981: 49). Лишь в единичных случаях в погребениях отмечено применение охры.

Инвентарь в основной массе погребений представлен исключительно керамикой. Обычно он состоит из одного сосуда, помещенного перед лицом погребенного, за головой, реже – у колен или пояса. Исключительно редко в погребениях ставилось по два сосуда, как, например, в погр. 1 кург. 13 у с. Вишневое (рис. 71, 11, 14) и погр. 3 кург. 1 у с. Кырнэцень. Керамика из погребений представлена баночными сосудами, горшками, реже – черпаками и двуручными чашами. По-прежнему редкими в погребениях остаются сосуды, украшенные валиком, преобладающие в керамических комплексах поселений. Среди баночных сосудов выделяются две группы. Низкие (высотой 6–10 см) конические сосуды с расширяющимися кверху стенками, иногда с чуть загнутым внутрь венчиком (рис. 71, 5, 7; 72, 8). Аналогичные сосуды имеются в керамике сабатиновских поселений Северо-Запад-

ного Причерноморья (Черняков 1985а: рис. 25, 23, 25; 26, 4; 27, 20, 24), Крыма (Лесков 1970: рис. 9, 1–7), Молдавии (Sava 1994: 146–154, fig. 6, 8, 9, 14, 20). А.М. Лесков классифицирует их как банки 1-го типа (Лесков 1970: 16). Преобладают баночные сосуды с плавно округленными боками и слегка отогнутым наружу венчиком, дно изредка имеет закраины (рис. 71, 6, 9, 11, 13; 72, 5). Диаметр тулова, как правило, превышает высоту, которая колеблется от 10 до 15 см. Поверхность таких сосудов обычно шероховатая, обработана небрежно. Редко керамика этой группы украшена гладким или расчлененным вдавлениями налепным валиком (рис. 71, 7, 15; 72, 10). Следует отметить, что именно баночные сосуды приведенных выше обеих групп чаще всего встречаются в качестве инвентаря сабатиновских погребений средней скорченности, что может косвенно указывать на их относительно раннюю хронологию. В этом плане корреляция стратиграфических, обрядовых и типологических признаков рассматриваемых погребений в дальнейшем может позволить выделить раннесабатиновский горизонт по данным погребального обряда и инвентаря[1].

Горшков в керамике из погребений гораздо меньше. Они имеют слегка выделенную шейку, отогнутый венчик, округлые бока, плавно сужающиеся ко дну, иногда снабженному закраиной (рис. 72, 6, 7). Изредка горшки имеют слегка выделенный уступ на плечиках (рис. 71, 12). Редкие типы сосудов представлены черпаками двух вариантов: горшковидной формы с маленькой ручкой-ушком (рис. 71, 14), черпаками «S»-видного профиля с высокой петлевидной ручкой (рис. 71, 10; 72, 4). Поверхность их обработана тщательно, иногда заглажена и залощена. Тонкостенный лощеный черпак из погр. 7 кург. 1 у с. Огородное украшен по шейке цепочкой круглых вдавлений, а по корпусу – широкими ветрикальными каннелюрами. К этой же группе керамики примыкают двуручная чаша из погр. 9 кург. 13 у с. Хаджидер, орнаментированная по шейке четырьмя горизонтальными каннелюрами (рис. 72, 2), а также двуручная чаша из погр. 3 кург. 1 у с. Кырнэцень. Как верно отметил Е.Н. Савва, аналогичные сосуды, часто орнаментированные каннелюрами, имеют широкое распространение в керамике позднейших фаз культур Монтеору и Тей в Румынии (могильник Бэлинтешть-Чиойнажь), которые датируются в пределах XVI в. до н.э. (Савва 1992: 53–58, там же и дополн. лит.). Очень редко в погребениях встречаются кости животных – астрагалы, ребра крупного и мелкого рогатого скота.

Наиболее выразительные комплексы *керамики* происходят из поселений Викторовка III, Сабатиновка I, Ильинка, Черевичное, Новоселица, Ниспорены, Калфа, Каушаны, Болград, Молога II, Вороновка II, а также из поселений нижнего Побужья, которые пока не опубликованы. В качестве общей характеристики отметим ленточную технику лепки керамики, довольно сильный, но неравномерный обжиг, который мог осуществляться в гончарных печах. Состав примесей в глине зависел от наличия природного сырья: толченый известняк, песок, шамот, очень редко – ракушка, измельченный гранит, галька. Характерными особенностями сабатиновской керамики являются бедность орнаментации, в которой преобладает валиковая различных вариантов, а также незначительное применение техники лощения поверхности.

---

[1] По материалам поселений выделение 3-х хронологических горизонтов в сабатиновской культуре обосновано И.Т. Черняковым.

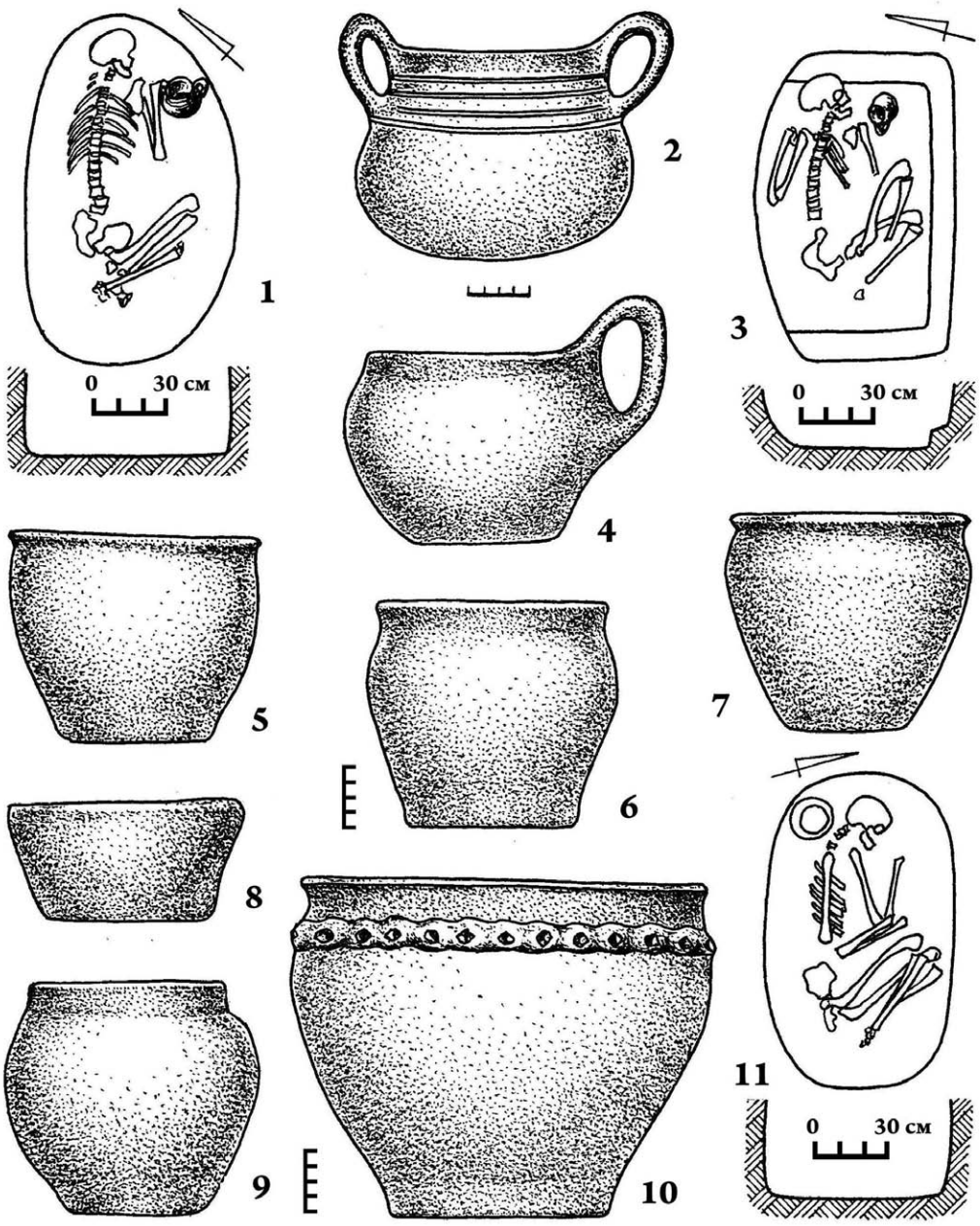


Рис. 72. Погребальные памятники и инвентарь. 1, 2 – Хаджидер, курган 13, погр. 9;
3, 4 – Дивизия, курган 2, погр. 3; 5 – Струмок, курган 1, погр. 15;
6 – Нагорное, курган 15, погр. 5; Плавни, курган 13: 7 – погр. 12, 8 – погр. 2;
9 – Вишневое, курган 56, погр. 10; 10, 11 – Кубей, курган 1, погр. 13

Характеристика керамики дается по отдельным комплексам, ярко иллюстрирующим хронологические этапы развития сабатиновской культуры. Керамика раннесабатиновского этапа представлена небольшими коллекциями пос. Викторовка III и Холодная Балка, которые, будучи подробно опубликованными, избавляют от необходимости останавливаться на них (Черняков 1985а: 55–59, рис. 20–22). Отметим лишь наличие множественных элементов керамики КМК как в формах сосудов, так и в орнаментации, что характеризует начальный период сложения сабатиновской культуры.

Керамика сабатиновского этапа представлена, прежде всего, коллекцией эпонимного поселения. Керамику Сабатиновского поселения (Добровольський 1952: 78–88; Кривцова-Гракова 1955: 124–129) по функциональному назначению можно разбить на три группы: 1 – посуда хозяйственного назначения для хранения запасов; 2 – кухонная посуда; 3 – столовая посуда.

Посуда хозяйственного назначения представлена большими мешковидными сосудами биконически-округленной формы, под венчиками которых имеется налепной валик, часто спускающийся в виде усиков. Высота таких сосудов достигает 45–50 см, диаметр венчиков – 17–20 см, диаметр средней части – 35–40 см, диаметр дна – 15–17 см, толщина стенок – 1,5–1 см. Их в коллекции около 8%.

Кухонная керамика представлена следующими типами:

а) баночные горшки со слегка раздутыми боками, украшенные в 2–3 см ниже венчика валиком (рис. 73, 1), реже – двумя. Валики гладкие и расчлененные косыми насечками, вдавлениями пальцев, с незамкнутыми концами, изогнутыми «усиками», опускающимися вниз под острым углом. Применялись и вертикальные налепы, орнаментация треугольными углублениями и т.д. Высота сосудов – 30–35 см, диаметр венчиков – 15–24 см, их в коллекции около 16%;

б) горшковидные сосуды с едва намеченной шейкой (рис. 73, 2). Они чаще всего без орнамента, на некоторых встречаются лощение, валик, косые насечки, треугольные вдавления. Диаметр венчиков – 15–24 см. Этот тип керамики занимает около 16%;

в) сосуды банковидных форм небольших размеров. Венчики закругленные, заостренные, срезанные вовнутрь. Венчики некоторых сосудов украшены насечками, у других резной орнамент нанесен на стенках, большая часть без всякой орнаментации. Диаметр венчиков – 10–15 см, высота – 10–17 см. Таких сосудов в коллекции около 10%;

г) сосуды с ослабленной остроребернostью. Стенки некоторых из них по ребру украшены оттисками веревочки, вдавлениями, насечками. В коллекции их насчитывается около 5%.

Столовая посуда Сабатиновского поселения представлена следующими типами:

а) лощеные кубки (рис. 73, 3) с ручками и без ручек. Обломки ручек с выступами гребешковидной формы. Один из обломков лощеного кубка имеет вогнутое дно, нижняя часть второго украшена резным орнаментом. Кубки в коллекции занимают около 10%;

б) лощеные и нелощеные миски (рис. 73, 7). Их в коллекции немного – около 3%.

Кроме указанных типов керамики, на поселении в небольшом количестве имеются сковородки, миниатюрные сосудики.

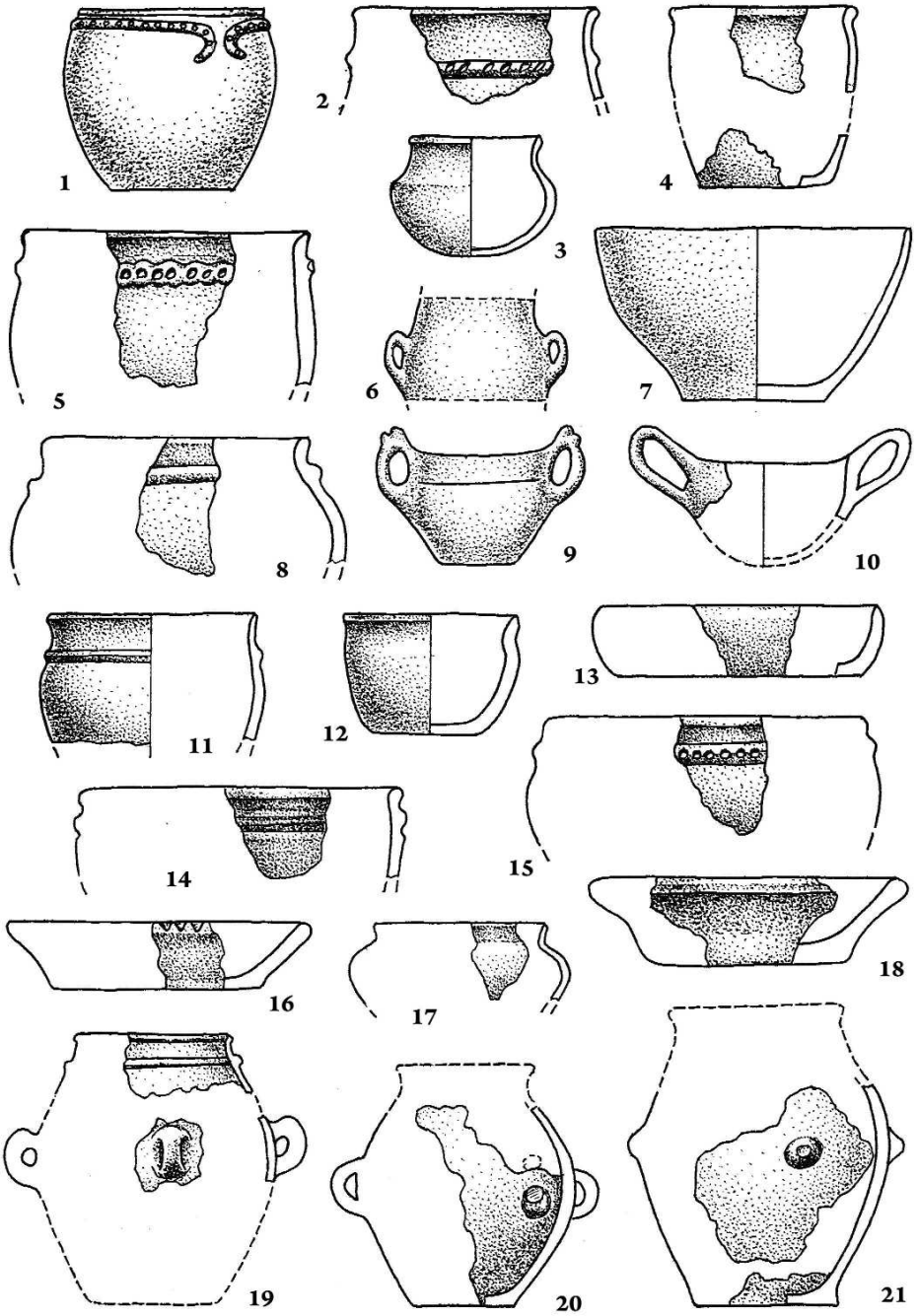


Рис. 73. Керамика из поселений: 1–3, 6, 7 – Сабатиновка I;
4, 5, 18 – Ильинка (урочище Вершина); 8, 13, 15, 17 – Черевичное; 9 – Калфа;
10, 12, 16 – Болград; 11 – Чалык II; 14 – Викторовка III; 19 – Гура Галбена;
20, 21 – Молога II

К этому же времени относится коллекция керамики из поселения в урочище Вершина возле с. Ильинка на Куяльницком лимане (Синицын 1962: 150–162).

Как и на Сабатиновском поселении, здесь выделяется группа больших сосудов хозяйственного назначения, украшенных под венчиками налепными валиками (рис. 73, 5). Они составляют около 30%.

Кухонная керамика состоит из сосудов банковидной формы (рис. 73, 4), горшков со слабо выраженным горлом, сковород, цедильников. Удельный вес ее в коллекции около 45%.

Столовая посуда представлена мисками, обломками ручек кубков, плоских и подтреугольных в разрезе, с выступающими отростками в верхней части. Столовой посуды в коллекции около 15%.

Отдельную группу составляют обломки крышек, сосудов на полой подставке, сосудов вытянутых пропорций с круглыми налепами и лощеной поверхностью.

Керамический комплекс из поселения у х. Черевичное на Хаджибейском лимане включает также большие сосуды, украшенные под венчиком налепными валиками, предназначенные для хранения запасов (рис. 73, 8, 15), кухонную керамику, состоящую из округлотелых слабо профилированных горшков, сковород (рис. 73, 13), столовую лощеную посуду, представленную обломками кубков. В керамике этого поселения, кроме валикового орнамента, встречается орнамент из оттисков зубчатого штампа, изредка – резной.

Наиболее крупными в количественном отношении являются керамические коллекции из раскопок поселений Анатольевка IV, Болград, Молога II (Черняков 1984а: 48–56; 1985а: 69–76). Эти комплексы, с одной стороны, ярко характеризуют поздний этап сабатиновской культуры, с другой – выявляют тенденции, получившие развитие в керамике белозерской культуры, генетически связанной с сабатиновской. Среди них выделяется коллекция керамики из поселения Вороновка II, насчитывающая около 7 тыс. фрагментов (Ванчугов и др. 1991: 34–45). Следует учитывать, что поселение Вороновка II хронологически охватывает конец сабатиновского и начало белозерского периодов (XIII–XII вв. до н.э.), в связи с чем его керамический комплекс имеет некоторые отличия от чисто сабатиновских как по набору форм, так и по их процентному соотношению.

Кухонная керамика поселения Вороновка II состоит из баночных сосудов (18%), горшков (70%) и мисок. Преобладают горшки, представленные 6-ю типами. Большинство горшков характеризуется четко выраженной профилировкой тулова, имеет выделенную шейку, выпуклые бока. Валиком орнаментировано лишь 8,2% горшков и банок. Группа тарной керамики представлена обломками крупных толстостенных сосудов-пифосов. Реконструируемый диаметр их – 0,6–0,7 м, высота – около 1 м, толщина стенок – 2–3 см. Фрагменты пифосов бочонковидной формы, снабженных ручками-упорами и ручками-ушками, найдены и на других поселениях сабатиновской культуры, таких, как Болград, Заречное II, Молога II (рис. 73, 20, 21), Гура-Галбеней (рис. 73, 19) и др.

Лощеной посуды в Вороновке немного (около 18%), но состав ее разнообразен. Она представлена кубками «S»-видного профиля, кубками с невысокой цилиндрической шейкой (некоторые из них орнаментированы каннелюрами и врезными линиями), чашами и черпаками с круглыми и овальными в сечении ручками, иногда с выступами на верхнем перегибе.

К немногочисленным керамическим изделиям относятся зооморфные статуэтки, изображающие, вероятно, овцу или барана, из поселений Трихатки I (Тощев

1976: 157–161), Новоселовка (Новицкий 1980: 116–119), Вороновка II (Ванчугов и др. 1991: 41–42), прясла и грузила различной формы.

Широко применялись *орудия из различных пород камня*, такие, как зернотерки, растиральники, ступы, песты, утюжки-гладильники, проушные сверленые топоры и клиновидные привозные топоры-молоты. Изредка из камня изготовлялись крупные сосуды типа лоханей (Ванчугов и др. 1991: 43, рис. 21, 9). Основное количество литейных форм изготовлялось из огнеупорных талько-хлорито-амфиболитовых сланцев. По мнению В.Ф. Петруня, различные каменные орудия изготовлены из специально подобранных пород камня со специфическими свойствами и часто не местного происхождения, что говорит о высоком профессионализме сабатиновских мастеров и выработанных критериях отбора сырья для орудий (Петрунь 1991: 70–76).

Многочисленны и разнообразны *изделия из кости и рога*. Большая часть их представляет собой орудия ремесленного производства, изготовленные из костей крупного рогатого скота, лошади. Это прежде всего зубчатые штампы для тиснения кожи, тупики и скребковые инструменты для обработки шкур, различные шпатели и лощила, проколки, шилья, рукоятки, «коньки» и т.п. Орудия охоты представлены наконечниками стрел, среди которых – трехгранные, пулевидные и двухперые с коротким черешком, а также гарпунами. Выделяются стержневидные псалии из кург. 8 у с. Плавни (с тремя продолговатыми отверстиями в одной плоскости и одним круглым – в другой), с пос. Сабатиновка I (с 4-мя отверстиями в разных плоскостях), с пос. Кокоара I (с 2-мя отверстиями в одной плоскости и выступом на конце (Дергачев 1986: 179)).

Бронзовые изделия и литейные формы. Для позднебронзового века, связанного на территории Северо-Западного Причерноморья с развитием сабатиновской культуры, известно два клада литейных форм (Красномаяцкий, Тилигульский), около десяти кладов бронзовых предметов и сорок отдельных находок обломков форм для литья бронзовых изделий и других предметов бронзолитейного производства. Большинство из них относятся к выделенному Е.Н. Черных Ингуло-Красномаяцкому очагу металлообработки (Черных 1976: 178).

Среди кладов литейных форм особое место занимает Красномаяцкая мастерская, найденная на территории сабатиновского поселения у с. Маяки. Негативы клада считаются одним из главных эталонов для определения типов изделий сабатиновской культуры, керамика которой была найдена вместе с литейными формами этого клада (Кривцова-Гракова 1955: 134, рис. 30). Учитывая отсутствие собственного металла в Северо-Западном Причерноморье и полную зависимость от Балкано-Карпатских металлургических центров, следует особое внимание уделить именно негативам литейных форм, которые, вероятно, наиболее объективно могут отражать ассортимент металлических изделий сабатиновских племен.

В состав Красномаяцкого клада входит 19 половинок литейных форм, каменная шлифовальная плита, обломки глиняного сопла. По числу и разнообразию изделий литейные формы этого клада являются наиболее представительными среди других мастерских не только в Северном Причерноморье, но и в Юго-Восточной Европе. Среди 33 изделий Красномаяцкого клада представлены негативы мечей-кинжалов (рис. 74, 1), кинжалов (рис. 74, 2), наконечников копий (рис. 74, 3), дротика, кельтов (рис. 74, 4–5), долот, рукояти для кинжала, булавки, браслета, украшений конской сбруи (рис. 74, 6–9).

Мечи-кинжалы составляют наиболее многочисленную группу негативов Красномаяцкого клада, включающую три различающихся размерами и деталями типа, которые Е.Н. Черных рассматривает в двух КТР – Н-48, 50 (Черных 1976: 123). Общей чертой всех красномаяцких мечей-кинжалов является листовидная форма клинка, наличие утолщения по его середине (с нервюрой или без нее), дуговидного упора ниже черенка (с волютами или без них), а также очень короткого штырька для крепления только с металлической рукоятью, негатив которой представлен в этом же кладе.

В кург. 3 у с. Борисовка был обнаружен кинжал, несколько отличный от красномаяцких (Шмаглий, Черняков 1970: 55, рис. 52). Его листовидный клинок имеет перехват у дуговидного перекрестия, а короткий плоский штырь соединялся с деревянной рукоятью при помощи штифта (рис. 71, 16; табл. 12, 17). Деревянная рукоять на конце имела отдельно отлитую бронзовую насадку с пятачком.

Значительное количество находок кинжалов и мечей с металлическими или комбинированными рукоятями позволяет выделить среди них две группы, разделяющиеся, в свою очередь, на несколько типов: кинжалы с отдельно отлитой рукоятью (Красные Маяки, Ингул, Лозово, Борисовка) и кинжалы с цельнолитой рукоятью. Типология как первых, так и вторых довольно подробно разработана Е.Н. Черных (1976).

На литейной форме из Красных Маяк имеется негатив широко распространенного в позднем бронзовом веке кинжала так называемого «киммерийского» типа с кольцевым упором для рукояти (рис. 74, 2). Е.Н. Черных этот тип кинжалов выделен в КТР Н-36 (Черных 1976: 120–121). Центром распространения таких кинжалов является Нижнее Поднепровье.

Следующей категорией типов изделий Красномаяцкой мастерской, относящихся к предметам вооружения, являются негативы наконечников копий и дротика. Наконечники копий принадлежат к двум подтипам КТР П-16 (Черных 1976: 102), отличающимся между собой наличием или отсутствием литого отверстия на втулке, а также своими размерами. Такой наконечник копья имеется и в Лозовском кладе, а распространение их охватывает территорию Поднепровья и Поднестровья, хотя отдельные находки выходят далеко за пределы этих районов.

Многочисленную группу Красномаяцкой мастерской составляют негативы кельтов и долот, типы которых отнесены Е.Н. Черных к КТР К-30, К-32, К-34, Т-20, Т-22 (Черных 1976: 77, 109). Неучтенным Е.Н. Черных остался красномаяцкий тип клиновидных долот с зауженным обухом, не имеющих себе аналогий в металлических находках. На наш взгляд, они по общей конфигурации имеют определенное отношение к топорам-теслам Т-16, известным в Авраамовском кладе (Черных 1976: 108) и могут быть выделены в отдельный КТР Т-17. На территории Северо-Западного Причерноморья обушковые шестигранно-овальные кельты с арочными фасками (К-32) известны по находкам из Пужайково, Пивденного, в Бециловском, Новотроянovском, Ингульском кладах (рис. 74, 18, 27). Территория распространения таких кельтов на западе охватывает Трансильванию и Северную Болгарию, а литейная форма известна деже в Трое VIIB (Черных 1976: 77). Следующую группу изделий Красномаяцкой мастерской составляют украшения, среди которых имеется негатив гвоздевидной булавки (У-12, по Е.Н. Черных), негативы для отливки браслетов (У-42, по Е.Н. Черных), бляшек и подвесок для украшения конской сбруи, треугольной рамки для шумящих подвесок и колец для них (рис. 74, 9).

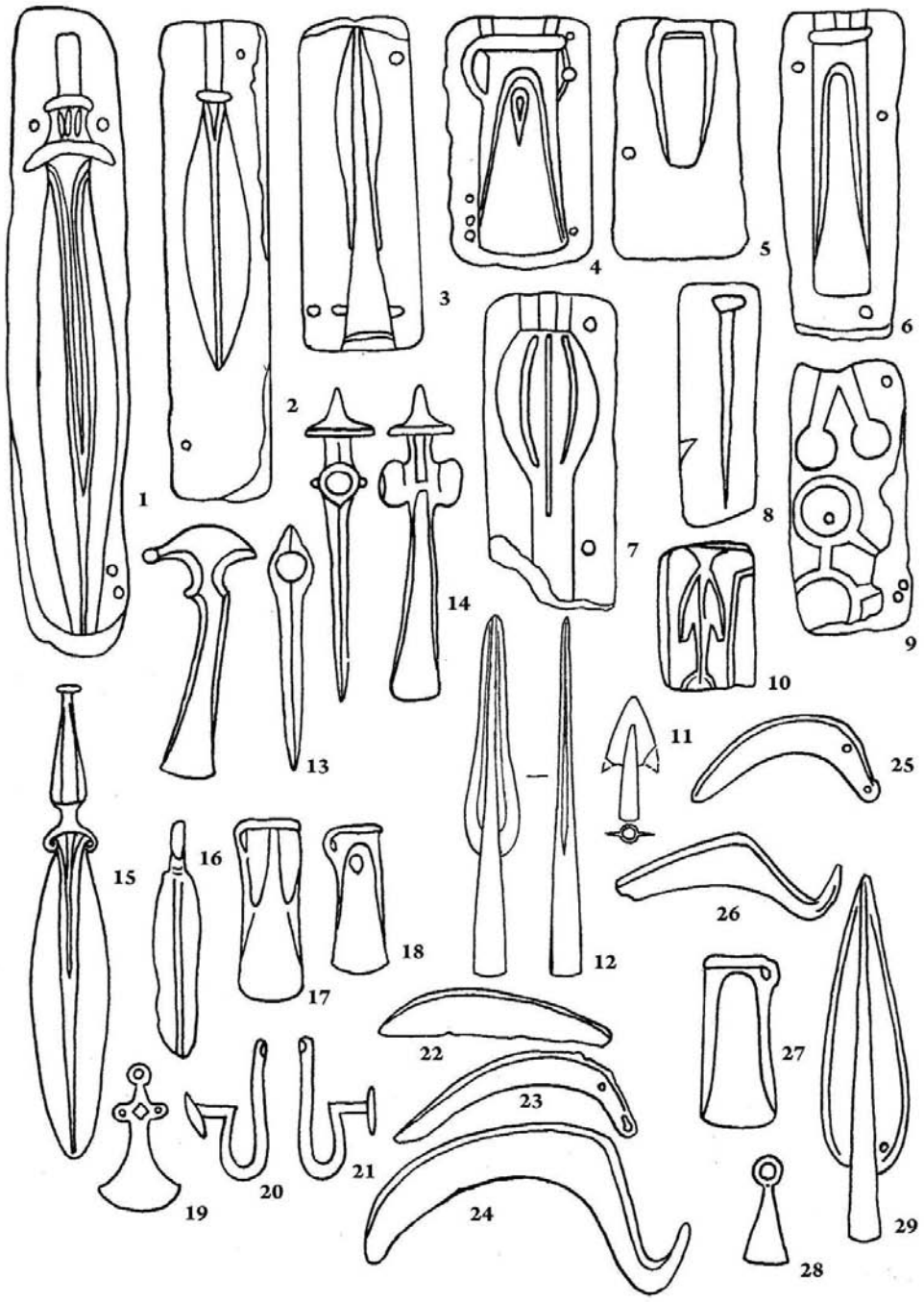


Рис. 74. Каменные литейные формы из Красномаяцкой мастерской (1–9) и поселения Слободка (10). Бронзовые изделия: 11 – поселение Суворово I; 12, 18, 27 – Новотроярновский клад; 13 – Журавлинский клад; 14 – Курлозский клад; 15, 16, 19–24 – Ингульский клад; 17 – Князьгригорьевский клад; 25, 26 – Бециловский клад; 28 – поселение Ташлык I; 29 – Санжейка (случ. находка)

На территории Северо-Западного Причерноморья найдены наиболее значительные клады бронзовых изделий сабатиновского времени, среди которых – Лозовский (Дергачев 1972; 1975: 13–18), Новотроянovский (рис. 74, 12, 18, 27) (Суботін, Черняков 1982: 15–22), Бециловский (рис. 74, 25, 26) (Черняков 1968: 131–134), Журавлинский (рис. 74, 13), Курлозский (рис. 74, 14), (Никитин, Черняков 1981), Ингульский (рис. 74, 15, 16, 19–24) (Сымонович 1966: 127–142). Типолого-хронологический анализ состава этих кладов довольно обстоятельно сделан в ряде работ (Лесков 1967; Дергачев 1975; Черняков 1985а; Черных 1976). Кроме охарактеризованных типов изделий, имеющихся на негативах Красномаяцкой литейной мастерской, в кладах имеются и другие бронзовые предметы. Среди последних – различные типы кельтов: безушковый К-10, одноушковые трансильванского типа из Ингульского клада.

В кладах бронзовых предметов количественно преобладают серпы различных типов. Так, в Ингульском кладе их насчитывается более 80 экземпляров и представлены следующие КТР: С-2 (С-4) (рис. 74, 23), С-6, С-18 (рис. 74, 22), С-24 (С-26) (рис. 74, 24). Изогнутые серпы с отверстиями на рукояти (С-2, С-4) имеются и в составе Лозовского, Новотроянovского, Бециловского (рис. 74, 25) и Пужайковского кладов. Крюкастые серпы (С-24, С-26) представлены также в Лозовском, Новотроянovском, Бециловском (рис. 74, 26), Курлозском, Журавлинском кладах.

Если большинство типов бронзовых предметов из кладов с территории Северо-Западного Причерноморья могут рассматриваться как одинаково характерные для культур Ноа и Сабатиновка, то в некоторых содержатся изделия западного производства. Такими, вероятней всего, являются втульчатые с шайбой или гребнем на обушке топоры (Т-2, Т-3) из Журавлинского и Курлозского (рис. 74, 13, 14) кладов (находки их в Северном Причерноморье ограничены (Черных 1976: 104), центр ареала их распространения находится в Трансильвании) возможно, кельтов семиградского типа (К-42, К-44).

В составе Ингульского клада обнаружены пара бронзовых псалиев в форме изогнутого четырехгранного стержня с круглой шляпкой на одном конце и литым отверстием – на другом (рис. 74, 20, 21). Аналогии им происходят из Румынии, а также из негативов Андровской и Новокиевской мастерских (Черняков 1983: 32–47; Писларий, Будылкина 1982: 61–67).

Интересным по составу изделий является Лозовский клад. Некоторые его предметы являются уникальными не только для территории Северного Причерноморья, но и всей Юго-Восточной Европы. Среди них – топор-скипетр, навершия, изделия неизвестного назначения, которые считаются предметами парадного вооружения (Дергачев 1975: 60) и отличаются по тщательной полировке поверхности от других изделий клада. Это, в частности, касается бронзового навершия в форме пустотелого изогнутого орнаментированного рожка, который по аналогиям с изделиями из Кривского клада, найденного в Закарпатье (Пеняк 1972: 110–111), и из Средиземноморья (Bornhardt 1972) может быть интерпретирован как навершие одного из древнейших бронзовых шлемов в Юго-Восточной Европе (Черняков 1985а: 123–124).

Хронология сабатиновской культуры детально разработана рядом исследователей (Тереножкин 1965: 63–85; Лесков 1975; Шарафутдинова 1982: 141–157; Черняков 1985а: 145–155). Она основана на синхронизации многочисленных бронзовых изделий из северопричерноморских кладов с Карпато-Балканским и Италий-

ским регионами, с одной стороны, и Северным Кавказом, Поволжьем и Приуральем, – с другой. Дополнительным материалом для хронологии сабатиновских памятников являются костяные псалии и сопоставление керамических комплексов поселений. Большинство исследователей датируют сабатиновскую культуру XIV–XII вв. до н.э., синхронизируя по целому ряду ведущих признаков с культурой Ноа, а в последнее время – и с Кослоджень. Памятники Северо-Западного Причерноморья делятся И.Т. Черняковым на 3 хронологические группы. Сабатиновка I – ранний период или время сложения культуры (Малокопаневский, Коблевский, Щетковский, Козорезовский клады, поселения Викторовка III, Тузлы) – характеризуется наличием элементов предшествующей КМК, датируется XIV – началом XIII вв. до н.э. (Черняков 1985а: 146–151). Сабатиновка II – период расцвета и наибольшего распространения культуры (большая часть кладов изделий и мастерских, сотни поселений) – датируется XIII–XII вв. до н.э. (Черняков 1985а: 151). Сабатиновка III – поздний или переходный к памятникам белозерского типа период (поселения Анатольевка IV, Болград, Молога II, Вороновка II) – датируется по И.Т. Чернякову серединой XII – началом XI вв. до н.э. (Черняков 1985а: 147). Датировка последнего этапа в настоящее время находится в противоречии с хронологическими рамками белозерской культуры, достаточно убедительно установленными на основе синхронизации белозерских смычковых фибул с италийскими, балканскими и ближневосточными аналогами в пределах XII–X вв. до н.э. (Березанская и др. 1986: 248–250; Ванчугов 1990: 110–122). Тенденция к удревнению сабатиновской культуры, отмечаемая рядом исследователей (Черных 1978: 257–260; 1981: 19–25; Чмихов, Черняков 1988: 34), несмотря на актуальность проблемы, нуждается в серьезной аргументации. Главным препятствием к пересмотру дат сабатиновской культуры в настоящее время является недостаток новых источников и бесспорная синхронизация с культурами Ноа и Кослоджень, даты которых остаются незыблемыми. Не исключено, что выход здесь может быть найден путем пересмотра базовых дат раннего и позднего бронзового века Средней Европы и Эгейского мира, основания для которого как будто бы имеются (Бочкарев 1992: 21–23).

В последние годы все же большинством украинских исследователей сабатиновская культура датируется XV–XII вв. до н.э. (Отрощенко 2001: 162–177; Чередниченко 1997: 28–29; Черняков 1997: 31–33; Gerškovič 1999: 82–86). В свете последних исследований ранний период сабатиновской культуры датируется XV – первой половиной XIV вв. до н.э. (Отрощенко 2001: 163). Н.Н. Чередниченко и И.Т. Черняков удревняют его до XVI–XV вв. до н.э. (Чередниченко 1997: 29; Черняков 1997: 32). Развитый этап Сабатиновки датируется второй половиной XIV – первой половиной XIII вв. до н.э. Поздний, заключительный этап культуры датируется второй половиной XIII – первой половиной XII вв. до н.э. (Гершкович 1993: 10–12). В.В. Отрощенко обоснованно синхронизирует Сабатиновку, особенно, ее ранний и развитый этап, с бережневско-маевской срубной культурой (Отрощенко 2001: 163–168).

БЕЛОЗЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

История исследования. Памятники конца II – начала I тыс. до н.э. на западе Причерноморских степей впервые были выделены в конце 20-х годов (Фабріциус 1929: 38–43). Исследование белозерских памятников указанного региона было начато А.И. Мелюковой раскопками поселения Тудорово I на Нижнем Днестре (Мелюкова 1961: 113–124). В 1960 г. было исследовано 3 кургана эпохи бронзы у с. Олонешты с погребениями белозерского времени, сопровождавшимися керамикой, близкой найденной на поселении (Мелюкова 1962а: 30–37). В 1962–1965 гг. И.Т. Черняков открыл ряд новых поселений в Поднестровье и Подунавье, опубликовал несколько бронзовых изделий и литейных форм белозерского времени (Черняков 1961: 9–18; 1962: 138–140; 1967: 35–37). В дальнейшем белозерские памятники Северо-Западного Причерноморья исследовались эпизодически (Черныш, Бесфамильная 1965: 40–42; Чеботаренко 1973: 4; Рафалович, Черняков 1982: 53–66). Из наиболее значительных исследований этого времени отметим раскопки Г.Б. Федоровым в 1967–1969 гг. поселения у с. Криничное, где были открыты 3 белозерских жилища (Федоров 1968: 286–287; 1969: 391–392). Известные к началу 70-х годов памятники степной Молдавии были картографированы В.А. Дергачевым (1973: 88–120). Им же опубликованы находки бронзовых предметов белозерского времени из Пруто-Днестровского междуречья (Дергачев 1975: 7–88).

Ванчугов
Владимир Петрович
(1948–2007)

Качественно новый этап в изучении белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья наступил в конце 70-х – начале 80-х годов. Разведками и раскопками в 1976–1979 гг. в Буго-Днестровском междуречье открыта Балтская группа памятников белозерского времени со своеобразными чертами материальной культуры (Ванчугов 1981а: 71–83; 1983: 88–101). В 1978–1980 гг. проведены раскопки белозерского поселения Ялпуг IV на левобережье Нижнего Дуная (Ванчугов 1981). Исследование могильников белозерской культуры связано с работами новостроечных экспедиций Института археологии АН Украины. Дунай-Днестровской экспедицией исследованы курганные могильники у сел Кочковатое (Субботин 1980а: 341–342; Ванчугов, Субботин 1980: 57), Васильевка (Субботин 1987: 416–417), Дивизия, Измаильской экспедицией исследован курганно-грунтовой могильник Будуржель у с. Плавни (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 71–83), курганы у с. Струмок (Тощев 1984а: 24–32). Белозерские могильники были открыты и исследованы в последние годы в степной части Пруто-Днестровского междуречья (Чеботаренко 1982: 137–145; Агульников 1985: 455; 1986: 381; 1987а: 512–513). Новостроечной экспедицией Одесского госуниверситета в 1983–1985 гг. было исследовано большое поселение сабатиновско-белозерского времени у с. Вороновка (Загинайло

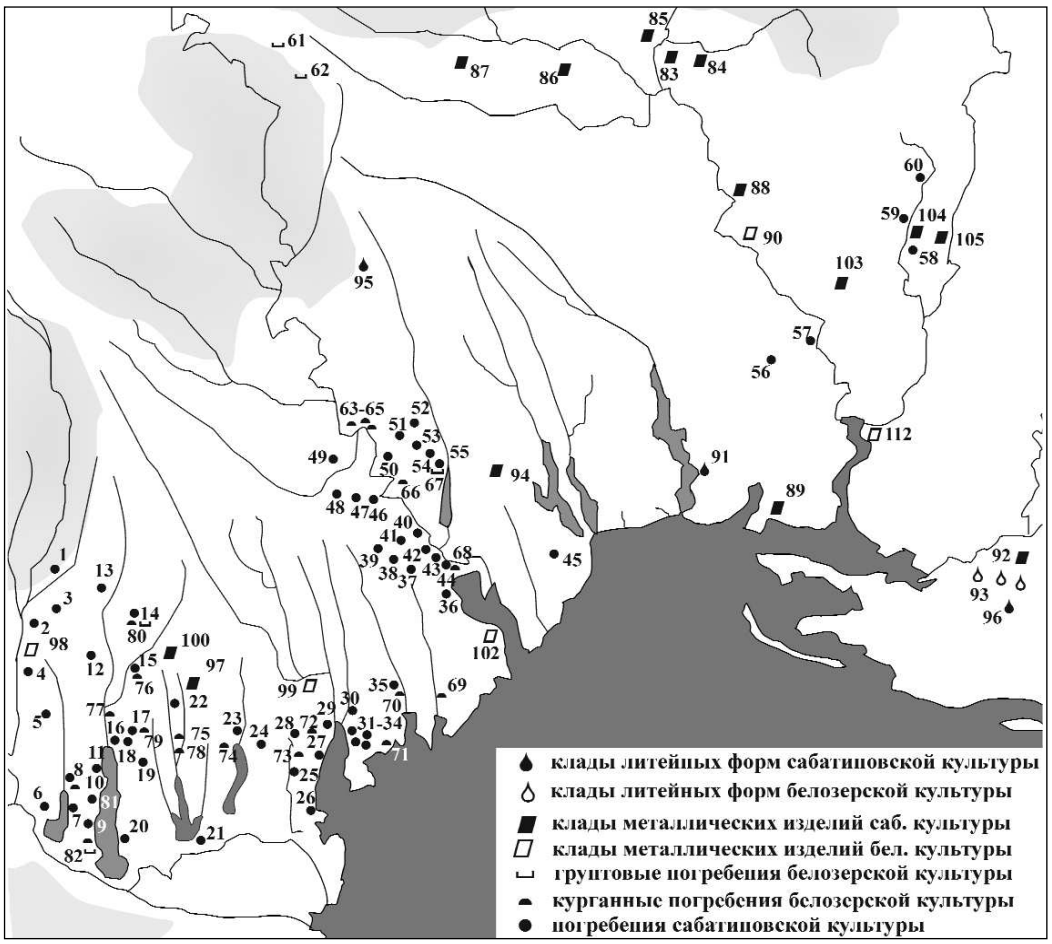


Рис. 75. Погребальные памятники и клады эпохи поздней бронзы

Погребальные памятники сабатиновской культуры: 1 – Токиле-Рэдукань; 2 – Румянцев (Бадикул Русеск); 3 – Дойна (Ахендорф); 4 – Крихана Веке; 5 – Гэвэноаса; 6 – Фрикацей; 7 – Нагорное; 8 – Этулия; 9 – Градешка; 10 – Плавни; 11 – Курчи; 12 – Балабановка; 13 – Светлый (Деневица); 14 – Казаклия; 15 – Тараклия; 16 – Болград; 17 – Кубей; 18 – Кальчево; 19 – Жовтневое; 20 – Озерное; 21 – Кислица; 22 – Огородное; 23 – Холмское; 24 – Помазаны; 25 – Нерушай; 26 – Приморское; 27 – Глубокое; 28 – Баштановка; 29 – Борисовка; 30 – Белолесье; 31 – Новоселица; 32 – Траповка; 33 – Вишневое; 34 – Кочковатое; 35 – Желтый Яр; 36 – Семеновка; 37 – Слободзея; 38 – Хаджилар; 39 – Фештелица; 40 – Толмаз; 41 – Чобручи; 42 – Рэскаець Ной (Новые Раскайцы); 43 – Пуркарь (Пуркары); 44 – Олэнешть (Олонешты); 45 – Великодолинское; 46 – Попяска; 47 – Кырнэцень; 48 – Кэушень (Каушаны); 49 – Хаджимус; 50 – Тырнаукэ (Терновка); 51 – Константиновка; 52 – Никольское; 53 – Уютное; 54 – Фрунзе; 55 – Новокотовск; 56 – Степовое; 57 – Ковалевка; 58 – Соколовка; 59 – Привольное; 60 – Пелагеевка

Погребальные памятники белозерской культуры: 61 – Шершенцы; 62 – Черкасов Сад; 63 – Парканы; 64 – Тирасполь; 65 – Суклея; 66 – Глиное; 67 – Новокотовск; 68 – Олэнешть (Олонешты); 69 – Широкое; 70 – Дивизия; 71 – Кочковатое; 72 – Баштановка; 73 – Струмок; 74 – Дзинилор; 75 – Банновка; 76 – Тараклия; 77 – Зализничное; 78 – Васильевка; 79 – Кальчево; 80 – Казаклия; 81 – Этулия; 82 – Будуржель

Клады литейных форм и металлических изделий: 83 – Добрянка; 84 – Щетково; 85 – Журавлинка; 86 – Курячьи Лозы; 87 – Пужайково; 88 – Бугское IV; 89 – Козырка; 90 – Новогригорьевка; 91 – Тилигульский лиман; 92 – Солонцы; 93 – Кардашинка I – III; 94 – Бецилово; 95 – Красный Маяк; 96 – Малые Копани; 97 – Новые Трояны; 98 – Чеболакчия-Викторовка; 99 – Павловка; 100 – Еникиой; 101 – Козорезово; 102 – Аккерман; 103 – Ульяновка; 104 – Ингульский

1985а: 275–276; 1986: 234–235). В результате полевых исследований был накоплен значительный материал, позволяющий охарактеризовать памятники белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. Детальной характеристике белозерских памятников Северного Причерноморья посвящены ряд крупных статей и разделов монографий (Отрощенко 1985: 519–526; Березанская и др. 1986: 117–154; Мелюкова 1979: 37–59), а также отдельная монография (Ванчугов 1990).

В Северо-Западном Причерноморье белозерскую культуру ныне представляют более 70-ти пунктов находок. Это поселения (рис. 68), могильники, клады (рис. 75) и отдельные находки. Наиболее густо соответствующие памятники расположены в приморской зоне степей Днестро-Дунайского междуречья и, особенно, в Придунайской низменности по берегам рек и пресноводных озер. По направлению к лесостепи их количество резко убывает, и лишь вдоль течения Днестра они глубоко вклиниваются в лесостепь.

В настоящее время в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья выделяются 2 локальных варианта: тудоровский и балтский. Памятники тудоровского варианта количественно и территориального преобладают и занимают степную часть Днестро-Дунайского междуречья и Нижнее Поднестровье, наиболее восточные из них открыты в приморской зоне Буго-Днестровского междуречья. Памятники балтского варианта локализуются в южном пограничье лесостепной зоны Буго-Днестровского междуречья (Ванчугов 1989: 26–27).

Поселения. Из 40 открытых поселений 17 расположено в степной части Днестро-Дунайского междуречья, 9 – в Нижнем Поднестровье и 14 – в Буго-Днестровском междуречье. Поселения чаще располагаются на высоких мысах рек и озер у мест впадения притоков или балок (Тудорово I, Криничное I, Озерное, Удобное, Вороновка II), реже – на склонах надпойменных террас или пологих берегах небольших степных рек (Ялпуг IV, Мирное II, Комрат I). Площадь поселений невелика и колеблется от 0,5 до 4–5 га, но известны и более крупные (Балта, Вороновка II). В целом, поселения белозерской культуры гораздо меньших размеров по сравнению с предшествующими сабатиновскими. Незначительная мощность культурного слоя свидетельствует о непродолжительном периоде существования основной массы поселений. Многие белозерские поселения перекрыты слоями хронологически более поздних культур: римского времени, черняховской культуры, славянской IX–X вв.

Раскопки велись на 15-ти белозерских поселениях, но ни одно из них не раскопано полностью, поэтому планировку поселений нельзя считать хорошо изученной. На исследованных участках прослежена уличная планировка жилищ вдоль берега реки, озера, торцовой частью к его краю (Тудорово I, Криничное I).

На поселении Вороновка II прослежена иная планировка многокамерных комплексов, состоящих из многочисленных пристроек, группирующихся вокруг некоторых центров. Наиболее полные сведения о характере и особенностях жилищ получены при исследовании поселений Тудорово I, Ялпуг IV, Криничное I, Приозерное I, Комрат I, Мирное II, Вороновка II, Балта. Остатки белозерских жилищ и ямы обнаружены на поселениях Озерное, Калфа, Этулия XI, Чалык II, Чобручи, Гайдары, Чебанское, Вишневое, Татарбунары I, Струмок I и III, Спорное I, Полянецкое I.

В степной зоне выделено два типа жилищ: углубленные и наземные с каменными основаниями стен. Последние выявлены лишь на одном поселении – Ялпуг IV. Наиболее распространенным типом в степной зоне были углубленные жилища – землянки и полуземлянки. Почти все они имеют подпрямоугольную в

плане форму, площадь их колеблется от 12 до 70 м^2. Полы углублены в материк на глубину от 0,4 до 1,5 м. У некоторых вход устроен в виде короткой аппарели в одном из углов землянки (Мирное II, Комрат I, Криничное I, Тудорово I) или углубленного коридора (Приозерное I, Вороновка II). Все углубленные белозерские жилища, за исключением поселения Вороновка II, сооружены без применения камня. В полах отдельных землянок обнаружены ямки от столбов, поддерживавших перекрытия. Находки в некоторых жилищах фрагментов глиняной обмазки с отпечатками прутьев свидетельствуют о наличии наземных стен (рис. 76, 3). Полуземляночные жилища поселения Вороновка II, относящиеся к наиболее ранним, имели стены, выложенные камнем от дна котлована. На поселении Ялпуг IV открыты, кроме землянки, два небольших наземных однокамерных жилища прямоугольной в плане формы с каменными основаниями стен. Внутри землянок и за их пределами открыты глинобитные печи, очаги, хозяйственные ямы.

Для поселений Балтской группы в южном пограничье лесостепи были характерны наземные глинобитные жилища каркасно-столбовой конструкции. Жилища прямоугольные в плане, площадью 50–55 м^2. Прослеженные ряды из трех-четырех столбовых ямок вдоль длинных осей жилищ позволяют реконструировать двухскатные крыши.

Разнообразие типов жилищ, их размеров и конструктивных особенностей, с одной стороны, связано с существованием различных традиций в домостроительстве племен белозерской культуры, с другой, – в определенной мере отражает их хронологическое развитие. В приемах домостроительства прослеживается определенная связь с жилищами предшествующей сабатиновской культуры. Так, землянки степной зоны имеют прототипы в слегка углубленных каменных помещениях сабатиновской культуры Буго-Днестровского междуречья (Погребова, Елагина 1962: 7–9), а наземные глинобитные жилища Балтской группы известны на эпонимном Сабатиновском поселении на Южном Буге (Добровольський 1952: 78–88). Хотя в целом, преобладание в степи земляночных жилищ, сооруженных без применения камня, их малые размеры и конструктивные отличия от предшествовавших наземных каменных построек сабатиновской культуры позволяют говорить о смене традиций домостроительства в белозерское время.

Погребальные памятники представлены курганами и грунтовыми захоронениями. В регионе открыто более 200 погребений, из них около половины обнаружено в курганах. Исследовано 6 крупных могильников, из которых 4 относится к курганным: Кочковатовский, Васильевский, Тараклийский и Дивизия. Два наиболее крупных могильника – Казаклия и Будуржель – сочетают признаки курганного и грунтового обрядов: грунтовые погребения располагаются вокруг курганов. Могильники расположены на относительно высоких местах, водоразделах, верхних террасах степных рек и озер.

Характерной особенностью курганных могильников является то, что они создавались вблизи одного или нескольких больших древних курганов. Обычно впускные белозерские погребения в этих древних курганах отсутствуют. Это показывает, что белозерские племена при сооружении курганных могильников ориентировались или выбирали место вблизи древних курганов, но предпочитали создавать свои собственные некрополи. Последовательность сооружения такого курганного могильника в течение эпохи бронзы хорошо реконструируется на примере некрополя у с. Кочковатое, полностью (в отличие от большинства других в Северо-Запад-

ном Причерноморье) исследованного в 1979–1980 гг. (Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1992). В центре могильника первоначально были сооружены курганы 30 (энеолитический) и 28 (ранней бронзы). В непосредственной близости от них к северо-западу и юго-востоку впоследствии были насыпаны курган 47 катакомбной культуры и, гораздо позже, в эпоху поздней бронзы – сабатиновский курган 41. В результате образовалась цепочка из 4-х курганов, вытянутая по линии северо-запад – юго-восток. Лишь 2 кургана белозерской культуры (33 и 35) были сооружены в продолжение этой цепочки к юго-востоку. Примечательно, что оба этих кургана объединяет сходство формы и размеров погребальных ям. Остальные 16 белозерских курганов были сгруппированы в две неровные цепочки, ориентированные перпендикулярно первоначальной, по линии юго-запад – северо-восток. В северной и южной цепочке находится по 8 курганов, но южная цепочка выглядит компактнее. В ней сосредоточены все крупные белозерские курганы со сложными погребальными ямами. Наиболее четкий ряд представляют курганы 46, 49, 42, 50, 51, 37. Курганы 49, 42 и 50 расположены вплотную. Каждый из последних трех курганов имеет по три погребения, составляющих в плане один общий ряд, вытянутый по линии юго- запад – северо-восток. При этом периферийные погребения в каждом из курганов отстоят от центральных на равном расстоянии. Таким образом, ведущим принципом планировки курганов Кочковатовского белозерского могильника, а также и погребений в курганах является расположение их рядами. Это явление отмечено и на материалах других курганных и грунтовых белозерских могильников Северного Причерноморья.

В 73-х белозерских курганах было выявлено 108 основных погребений и лишь 7 впускных в насыпи курганов эпохи бронзы. Под насыпями больших белозерских курганов выявлены каменные кромлехи, куполовидные каменные обкладки погребений, круглые и прямоугольные в плане рвы. 17 курганов имели от 2-х до 5-ти основных погребений, расположенных в один или в два ряда. Грунтовые погребения располагались в могильниках рядами, вытянутыми в широтном направлении. Под насыпями отдельных курганов и в грунтовых могильниках открыты выкопанные в материке канавки, обрамляющие прямоугольные площадки, а также прямоугольные и круглые в плане выемки, каким-то образом связанные с погребальным ритуалом.

Погребальные ямы по форме и конструктивным особенностям делятся на 4 типа: 1 – овальные в плане ямы, 2 – простые прямоугольные ямы, 3 – прямоугольные ямы с канавкой по периметру дна, 4 – прямоугольные ямы с круглыми столбовыми ямками в дне. Деление в некоторой мере условно, так как в отдельных случаях наблюдается сочетание признаков 3 и 4 типов (в 8-ми погребениях круглые столбовые ямки в дне сочетаются с канавкой вдоль стен, которая, в свою очередь, бывает сплошная, но в других случаях канавки имелись лишь вдоль двух длинных сторон ямы). Ямы 1-го типа составляют всего 8% от общего количества погребений. Первые преобладают во впускных погребениях, встречаются в грунтовых могильниках, отличаются наименьшими размерами (в среднем, 0,8 х 1,2 м) и, как правило, не содержат инвентаря.

Ямы 2-го типа составляют 72% от общего количества погребений, являются основным типом погребальных сооружений. Размеры их сильно варьируют от наименьших (0,6 х 0,8 м) до наибольших (2,5 х 4,05 м), стенки обычно отвесные или слегка расширяются ко дну, часто закруглены.

Ямы 3-го и 4-го типов, в основном, характерны для курганных могильников, но известны и в грунтовых некрополях. Они составляют около 20%. Это наиболее

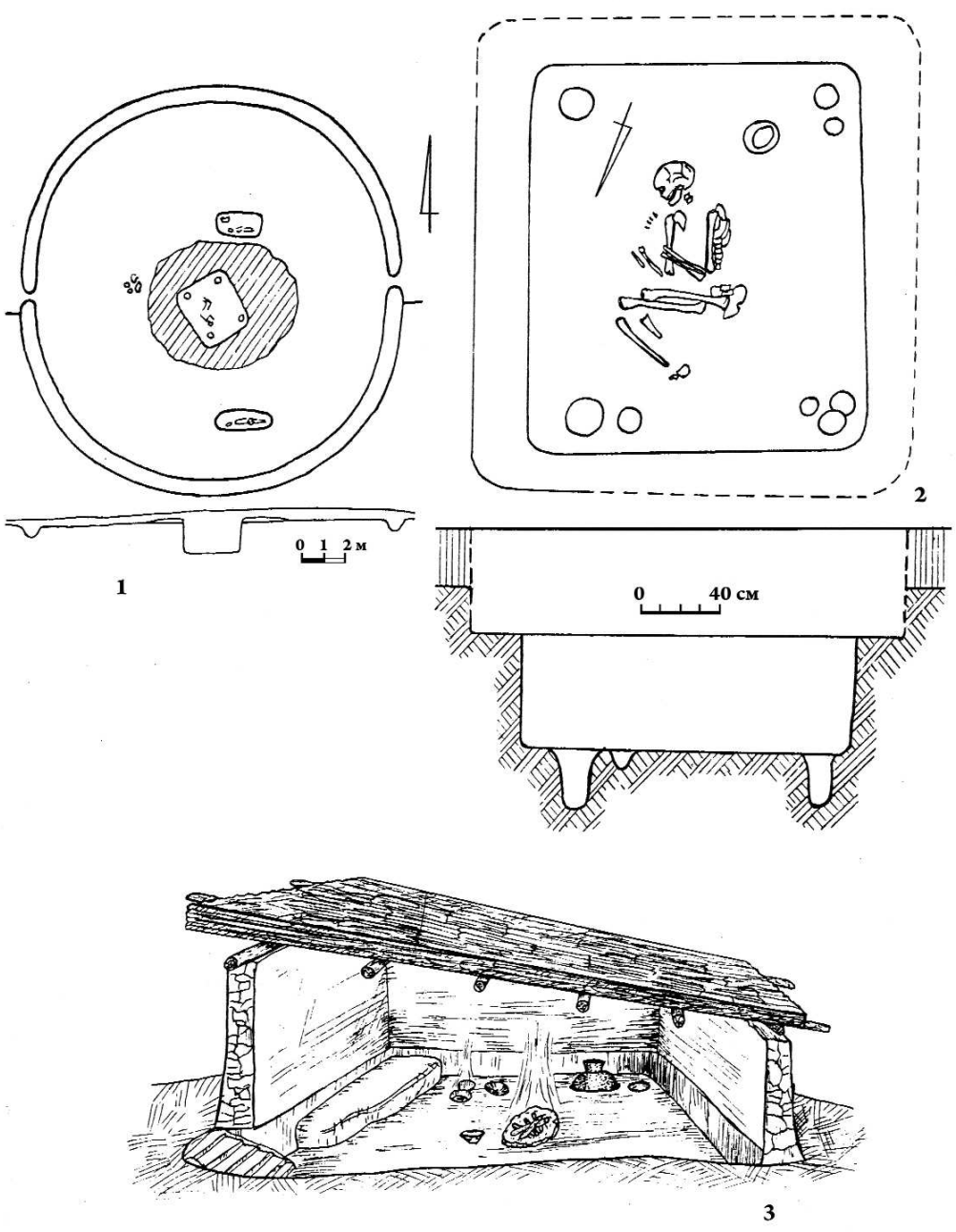


Рис. 76. 1 – Васильевка, курган 3; 2 – Кальчево, курган 1, погр. 1;
3 – Приозёрное I. Жилище 7. Реконструкция интерьера

крупные ямы размерами от 1,65 х 2,0 м до 2,8 х 3,7 м, глубина до 2,5 м. Вдоль стенок в дне выкопана канавка или ровик глубиной 0,2–0,3 м. При этом погребение, расположенное в центре ямы, оказывается как бы на специально сооруженном возвышении. Стенки этих ям обычно облицованы вертикально установленными досками, нижние концы которых укреплены в канавке.

Количество круглых столбовых ямок в дне колеблется от 1 до 12, но наиболее устойчивое их число – 4 (расположены по углам погребальной ямы). Диаметр ямок 0,1–0,8 м, глубина 0,15–0,6 м, в профиле цилиндрические. Назначение их до конца не выяснено. Ни в одной такой «столбовой» ямке не обнаружено остатков столбов, при том, что дерево хорошо сохраняется в облицовке стен и перекрытиях. Затеки ила и земли на дне некоторых ямок говорят о том, что последние долго оставались открытыми. Подтверждает это находки погребального инвентаря, обнаруженные в этих ямках. Так, в погр. 1 кург. 42 в Кочковатовском могильнике в одной угловой ямке найден фрагмент разбитого сосуда, а дно всех 4-х ямок было посыпано мелом. В погр. 1 кург. 31 этого же могильника в круглой угловой ямке найден биметаллический кинжал и кости быка. В погр. 1 кург. 31 у с. Хаджилар в юго-восточной угловой ямке найден костяной трехлопастный наконечник стрелы, а в северо-восточной – фрагменты сосуда (Агульников, Курчатов 1994: 4–7). Считается что круглые ямки в белозерских погребениях предназначались для опор какого-то легкого деревянного или другого навеса, устанавливавшегося над умершим на время совершения погребального ритуала (Березанская и др. 1986: 130). Не исключено, что на опоры этого навеса могли прикрепляться предметы погребального инвентаря, впоследствии попавшие в угловые ямки.

В 30-ти погребениях этого типа прослежены деревянные перекрытия, состоящие из досок или бревен, уложенных вдоль или поперек ямы, которые в сочетании с деревянной облицовкой стен образовывали своеобразный деревянный погребальный склеп. Дно погребальных ям часто покрыто циновками из травы, камыша, изредка выстлано досками. В 18-ти случаях дно посыпано мелом. В 15-ти погребениях в погребальном ритуале прослеживались следы огня (обожжены стенки ям, деревянные перекрытия, в заполнениях ям найдены угли). Над тремя погребениями после захоронения был разведен погребальный костер, который затем был перекрыт насыпью кургана. Известно 2 белозерских погребения с кремациями, совершенными в погребальных ямах.

Все погребения скорчены, из них 47% на правом боку, 42% на левом боку, изредка – на спине. Руки согнуты в локтях и кистями поднесены к лицу. Редко встречается различное положение рук: одна согнута в локтевом суставе, другая кистью вытянута к коленям. Практически все погребения белозерской культуры ориентированы головой на юг с незначительными отклонениями к востоку или западу. Ориентировка по другим сторонам света отсутствует.

Погребальный инвентарь обнаружен в 149 могилах. Традиционный набор инвентаря составляют 1–2 сосуда, мелкие бронзовые украшения, несколько стеклянных бус. Но погребения в больших ямах сложной конструкции выделяются богатым инвентарем: лощеными сосудами (до 8 в одном погребении), металлическими ножами, фибулами, украшениями из бронзы, кости, значительными наборами стеклянных и янтарных бус.

В могиле помещалась преимущественно лощеная керамика (88%) – кубки, чаши, корчаги, миски, реже – черпаки. Грубой лепной посуды немного – 12%. Среди металлических предметов инвентаря широко представлены бронзовые

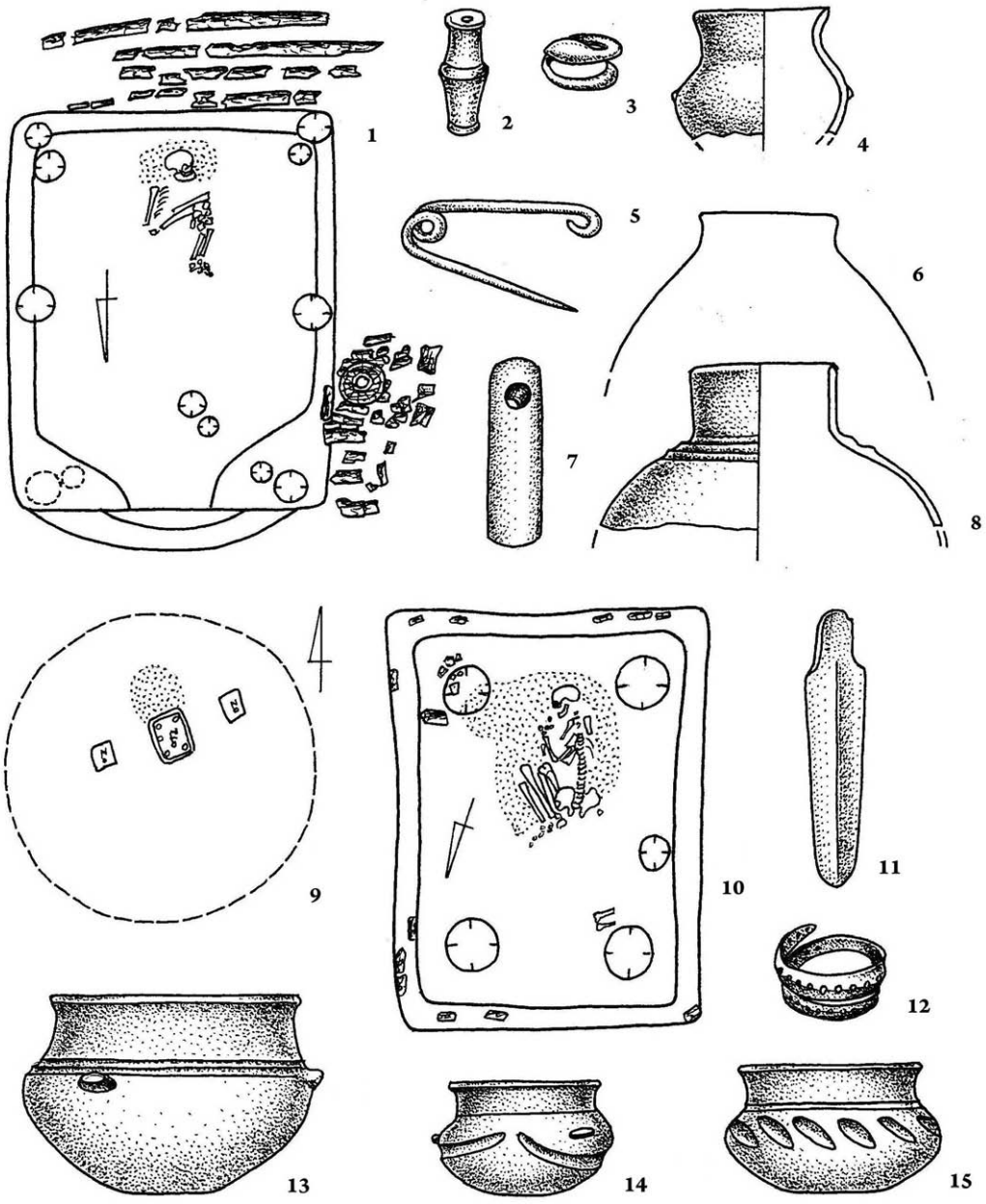


Рис. 77. 1–8 – Струмок, курган 7, погр. 1 (1 – план; 2, 3, 5, 7 – погребальный инвентарь; 4, 6, 8 – керамика из тризны); 9–15 – Кочковатое, курган 42 (9 – план; 10–12,14 – погр. 1; 13 – погр. 3; 15 – погр. 2)

черенковые ножи с параллельными лезвиями. В меньшем количестве известны бронзовые однолезвийные ножи. Выделяются импортные смычковые и арочные проволочные субмикенские фибулы (6 экземпляров). Среди украшений – круглые в сечении и пластинчатые браслеты, бронзовые булавки с посоховидной и спирально закрученной головкой, колоколовидные круглые и овальные в сечении бронзовые подвески. Украшения из стекла представлены кольцевидными, рубчатыми и полихромными бусами. Встречаются бусы из раковин, кости.

Антропология. У 71 погребенного определены пол и возраст. Среди них оказалось 36 мужчин, 20 женщин и 15 детей. Зафиксировано преобладающее положение мужчин на правом, а женщин на левом боку.

Антропологические материалы из отдельных белозерских могильников были объектом детального изучения их антропологами[1]. Установлено, что средняя продолжительность жизни погребенных, например, Кочковатовского белозерского могильника составляла 29,4 года (Литвинова 1987: 101). Средняя продолжительность жизни индивидуумов, достигших 25-летнего возраста, составляла 37,6 года.

Представляют интерес результаты корреляции возрастных групп среди погребенных мужчин и женщин Кочковатовского могильника. Мужчины представлены следующим количеством в 4-х основных возрастных группах: 1 погребенный относится к молодым (до 20 лет), 2 – к возмужалым (18–35 лет), 3 – к зрелым (35–55 лет), 2 – к старческим особям (более 55 лет). Средний возраст погребенных женщин гораздо ниже. Здесь к группе молодых относятся 3 особи, к группе возмужалых – 1, зрелых – 3, женщины старческого возраста отсутствуют. Это хорошо согласуется с общими выводами антропологов о том, что средняя продолжительность жизни женщин белозерской культуры меньше на 6–8 лет по сравнению с продолжительностью жизни мужчин (Литвинова 1987: 101).

Корреляция антропологических данных с элементами погребальной обрядности, количеством и качеством инвентаря также дала интересные результаты для реконструкции половозрастного статуса погребенных, состава и структуры семьи. Распределение погребального инвентаря по половозрастному признаку показывает, что более богатыми были мужские погребения. В погребениях мужчин найдены все бронзовые и железные ножи, каменные оселки, крупные бронзовые подвески, золотые украшения, в некоторых погребениях находились по 2–3–4 сосуда. Но в то же время 8 мужских погребений не содержали инвентаря.

Женские погребения отличались более скромным по количеству и специфическим по составу инвентарем. Они содержали, в основном, бронзовые браслеты, подвески, пронизи, мелкие украшения, наборы бус из стекла, раковин, кости, чаще по 1 сосуду. В целом, женские погребения менее дифференцированы по инвентарю, чем мужские. Наиболее резкие отличия по инвентарю наблюдаются у детских погребений. В основном, они сопровождаются одним–двумя сосудами, небольшими наборами бус и мелких украшений. Но среди них резко выделяются несколько погребений со значительными наборами инвентаря, бронзовыми ножами, фибулами.

---

[1] Антропологические анализы черепов из белозерских могильников Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья свидетельствуют о едином антропологическом типе белозерского населения. Это резко долихокранный тип с высоким и узким резко профилированным лицом. Как считают антропологи, сочетание признаков говорит о принадлежности населения белозерской культуры к европеоидному узколицему типу, его древнесредиземноморскому варианту (Круц 1984: 7–77; Зіневич, Круц 1968: 84–89).

Не менее интересные результаты получены при корреляции антропологических определений с планировкой в курганах Кочковатовского могильника, особенно в курганах 42, 49, 50, расположенных вплотную по одной линии. В кург. 42 в центральном погр. 1 в яме 4-го типа находился скелет пожилого мужчины (инвентарь – бронзовый кинжал, золотое кольцо, сосуд), а в боковых простых прямоугольных ямах найдены останки молодой женщины (погр. 2) и ребенка (погр. 3). Инвентарь – по l сосуду у каждого (Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1992: 73). Аналогичная ситуация зафиксирована и в соседнем кургане 50. В центральном парном погр. 1 в большой яме 3-го типа находился скелет молодого мужчины (полностью ограблено). Погребение выделялось деталями ритуала: яма тщательно отделана, снабжена деревянным перекрытием, дно покрыто настилом. В небольшом подбое, сделанном в стенке этой ямы, погребена пожилая женщина (инвентарь – сосуд, остатки мясной пищи). В боковых погребениях этого кургана, расположенных по обе стороны от центрального, покоились останки молодой женщины 20–25 лет (погр. 2) и ребенка (погр. 3). В следующем кургане 49 в центральном и одном из боковых погребений зафиксировано по одному скелету мужчин престарелого возраста, а в другом боковом погребении – скелет подростка. Приведенные данные позволяют интерпретировать некоторые белозерские курганы как некрополи, принадлежавшие отдельным семьям позднеродовой общины, утверждавшим свою экономическую и социальную независимость. Выделение погребений, принадлежавших, по-видимому, предводителям таких семей, центральными местами в курганах, размерами и формами погребальных ям, инвентарем (как видим на примере курганов 42 и 50 Кочковатовского могильника) прямо указывает на высокое социальное положение этих семей.

Материальная культура. Наиболее значительные и выразительные комплексы *керамики* получены из раскопок поселений Тудорово I, Ялпуг IV, Балта, Кринично I, Приозерное I, Кошница и др., а также из могильников и погребений. Исходя из форм, размеров, особенностей технологии изготовления и функционального назначения, ее можно разделить на кухонную и столовую. Обжиг керамики неравномерный, поверхность сосудов имеет чаще неровную, пятнистую окраску. Цвет поверхности варьирует от черного до светло-красного, но большинство сосудов темно-серого цвета. В глине заметны примеси песка, шамота, толченого известняка. На поселениях кухонная посуда преобладает, ее удельный вес колеблется от 75 до 90%. Наиболее многочисленную группу составляют горшки (от 30 до 70% кухонной посуды). Они отличаются выделенной шейкой, округлым корпусом и небольшим плоским дном (рис. 78, 5, 6, 10; 79, 1–5), у многих шейка отделена от корпуса рельефным уступом. Часть горшков украшена налепным или оттянутым валиком на плечиках (рис. 78, 7–8), реже – цепочкой вдавлений. Поверхность обычно хорошо заглажена. Различия в пропорциях и деталях позволяют выделить среди горшков 7 типов. От 20 до 30% кухонной посуды составляют низкие миски-сковороды с конически расширяющимися кверху стенками, часто украшенные по краю косыми насечками, вдавлениями (рис. 78, 17). Баночные сосуды составляют от 2 до 10% кухонной посуды и делятся на два типа. В небольшом количестве представлены жаровни, крышки, цедильники, дуршлаги.

Три ведущих типа кухонной посуды (горшки, банки и миски-сковороды) происходят от керамики сабатиновской культуры. В белозерское время изменяется процентное соотношение между ними, увеличивается количество горшков и мисок за

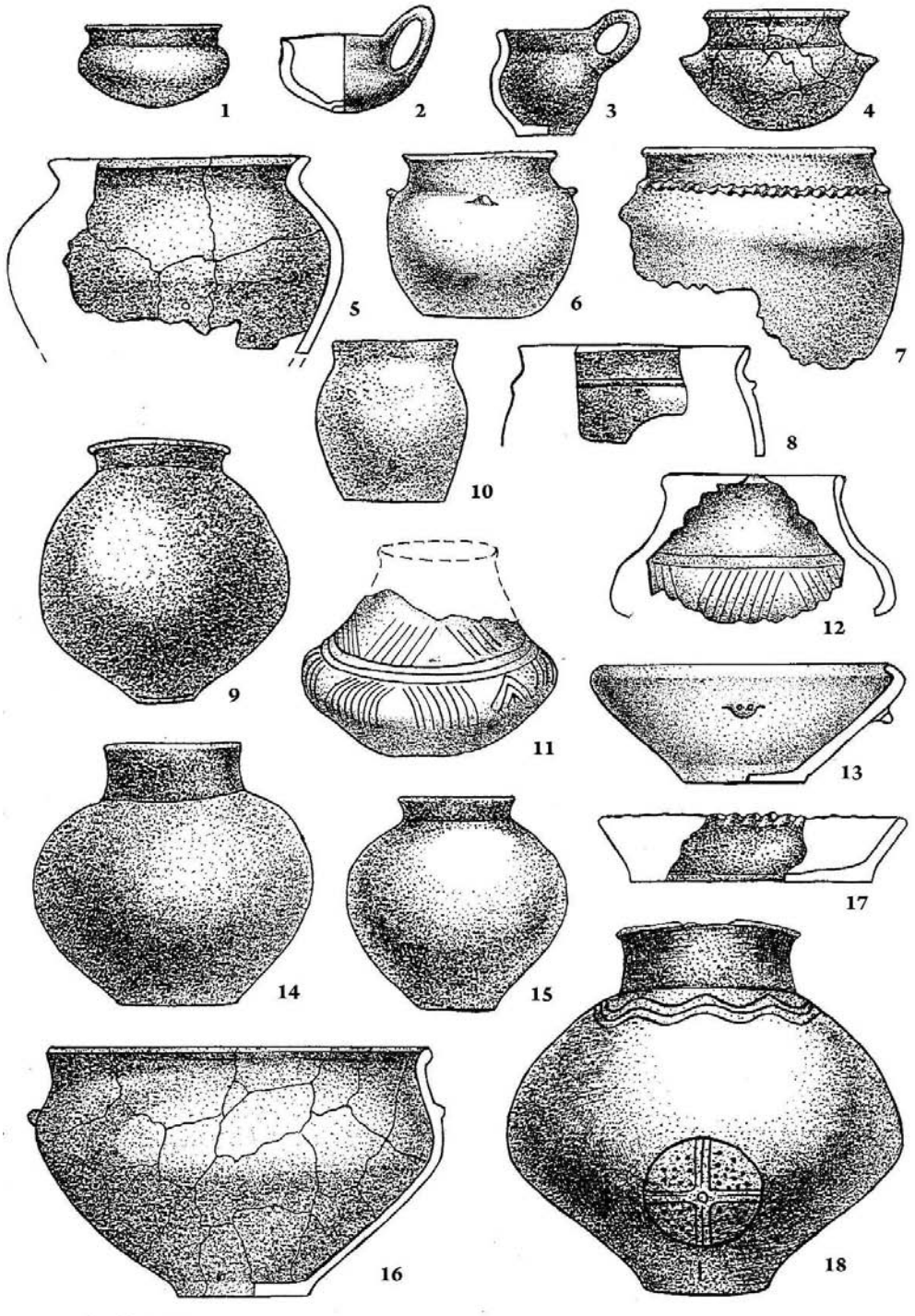


Рис. 78. Керамика из поселений. 1, 17, 18 – Ялпуг IV; 2,10–13 – Балта; 3, 14 – Криничное I; 4, 5, 16 – Мирное II; 6, 7 – Тудорово I; 8, 9 – Удобное; 15 – Приозёрное I

Рис. 79. Керамика из погребений. 1, 2, 10, 13, 18 – Будуржель; 3, 4, 6, 7, 25 – Кочковатое; 5, 8, 11, 12, 14, 20, 22, 23 – Васильевка; 9 – Черноморка; 15 – Черкасов Сад; 16, 21, 26 – Дивизия; 17 – Шершенцы; 19 – Этулия; 24 – Казаклия

счет баночных сосудов, усложняется профилировка горшков. Становится заметным уменьшение применения валиковой орнаментации. В керамике некоторых наиболее поздних поселений валик, как деталь орнамента, практически отсутствует. Небольшие серии горшков с резко отогнутым, воротникообразным венчиком, а также тюльпановидной формы являются следствием контактов с соседними племенами раннего фракийского гальштата и белогрудовской культуры Правобережной лесостепи.

Наблюдается расцвет лощеной тонкостенной столовой керамики, которая является одной из характерных составных частей культурной специфики белозерских памятников. Лощеная керамика отличается разнообразием форм и орнамента. Ведущим ее видом являются кубки, которые делятся на 6 типов. Всех их объединяет наличие более или менее выраженной цилиндрической шейки, округлого тулова с маленьким плоским или вогнутым внутрь дном (рис. 79, 6, 8–10, 12, 16, 18, 21).

Орнамент составляют каннелюры, налепы-шишечки, прочерченные линии, реже – оттиски штампа.

Чаши имеют низкий приземистый корпус и широкую шейку с отогнутым венчиком, отделенную от корпуса рельефным уступом (рис. 78, 1, 4; 79, 7, 14, 20). Отличаются разнообразием и размерами миски, среди которых выделено 5 типов. Наиболее распространены крупные миски с отогнутыми наружу венчиками и выделенными шейками (рис. 78, 16; 79, 22, 25). Встречаются конические миски с загнутыми внутрь венчиками (рис. 78, 13), иногда косо каннелированными. Кубковидные сосуды по форме близки кубкам, но более крупных размеров – высота до 25–30 см (рис. 79, 23). Широко распространены корчаги – крупные узкогорлые сосуды высотой 30–90 см с округлым или биконическим корпусом и цилиндрическим горлом (рис. 78, 9, 14, 15, 18; 79, 26). Изредка встречаются глубокие черпаки с профилированным корпусом и петлевидной гладкой в профиле ручкой (рис. 78, 2, 3; 79, 11, 19), миниатюрные сосуды.

Керамика Балтской группы памятников содержит ряд отличий от керамики степной зоны (Ванчугов 1983: 88–101). Среди лощеной посуды здесь преобладают миски с загнутым внутрь краем, черпаки и кубки, украшенные прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 78, 11–13; 79, 15, 17).

Яркий и разнообразный комплекс лощеной керамики белозерской культуры свидетельствует о сложном характере его формирования. Анализ комплекса лощеной керамики показывает, что она является, с одной стороны, результатом развития некоторых форм предшествующей сабатиновской посуды, с другой, – испытала значительные влияния со стороны западных культур финального этапа поздней бронзы – Сылеану-Римницеле, Бабадаг I, Кишинев, Гава-Голиграды (Ванчугов 1987: 126–129). К результатам этих влияний относятся прочерченный и каннелированный орнаменты, миски с загнутыми внутрь и лепестковидными краями, некоторые типы кубков, корчаг, черпаков.

Металлические изделия представлены предметами из бронзы, железа, серебра, золота. Преобладают бронзовые черенковые ножи с параллельными лезвиями. Известны черенковые и бесчеренковые ножи с листовидными клинками, однолезвийные ножи, биметаллический нож-кинжальчик с кольцевым упором. Три ножа изготовлены из железа (рис. 80, 5). Имеется несколько матриц для отливки двуушковых и безушковых кельтов, однолезвийных ножей, колоколовидных подвесок (Ранжевое). Бытовали втульчатые двухлопастные наконечники стрел с заостренными жальцами (рис. 80, 11).

Наиболее многочисленную группу составляют украшения. Среди них – смычковые и арочные проволочные фибулы (10 экз.), круглые в сечении и пластинчатые браслеты с несомкнутыми или перекрывающими друг друга концами. Булавки бывают посоховидные и со спирально закрученной головкой (рис. 80, 21, 22). Мелкие украшения представлены кольцевидными и несомкнутыми подвесками, трубчатыми и спиральными пронизями, обоймами, скобками. Золотые украшения состоят из спиральных и цилиндрических пронизей, височного кольца (рис. 80, 17, 18) и пластинчатого перстня с пуансонным орнаментом (рис. 77, 12).

К белозерскому времени относятся несколько кладов бронзовых изделий. В составе Новогригорьевского клада – 10 браслетов, 4 одноушковых кельта, однолезвийный нож и длинная спиральная пронизь. Все предметы являются Карпатским импортом периода HA2 – HB1 (Черных 1976: 188). 2 клада кавказского происхождения. В их составе: секира с полукруглым лезвием и черенковый кинжал с ободковым перекрестием (Чеболакчия-Викторовка), два бронзовых топора колхидского типа (Аккерман). Фракийским импортом являются бронзовая чаша типа «kerkendrup» и кельт, найденные в поле кургана у с. Павловка (Мелюкова 1979: 60–61).

Спектральный анализ бронзовых предметов из Кочковатовского могильника показал, что они изготовлены из оловянистых бронз, вероятно, Карпато-Трансильванского происхождения. Железные предметы сделаны из сильно окислившегося металлургического кричного железа.

Изделия из стекла представлены кольцевидными, рубчатыми и полихромными бусами. Проведенный анализ показал, что по химико-технологической характеристике они делятся на 2 типа: трехкомпонентные, идентифицируемые с восточно-средиземноморской школой древнего стеклоделия, и двухкомпонентные (абсолютное большинство), локализующиеся в Северном Причерноморье. Исследователи допускают их местное производство (Островерхов 1982: 97–99).

В погребениях встречаются бусы из янтаря, раковин, кости.

Изделия из камня многочисленны и представлены зернотерками, растиральниками, пестами, оселками, клиновидными сверлеными топорами, кремневыми вкладышами, серпами, скребками, ножевидными пластинами. Ассортимент *изделий из кости* беден и состоит из лощил, проколок, прясел, булавок, гребней, подвесок, пронизей и стержневидного псалия с 3-мя подпрямоугольными отверстиями в одной плоскости.

Хронология и периодизация. Абсолютный возраст белозерских памятников Северо-Западного Причерноморья устанавливается по находкам в погребениях трех целых бронзовых фибул: смычковой однопружинной с параллельной игле спинкой (Тощев 1984а: 24–32), двупружинной с непараллельной игле спинкой (типа Лукьяновской) и арочной с симметрично выгнутой спинкой (Агульников 1987: 4–5; 1987а: 512–513). Привлеченные аналогии из Средней Европы, Греции, Балкан и Румынии позволяют датировать их XII–X вв. до н.э. (Смирнова 1985: 42–45; Blinkenberg 1926: 46–48; Müller-Karpe 1959: 24, 66; Petrescu-Dîmboviţa 1977: 120; Bouzek 1985: 155–156). Другие датирующие предметы (ножи с параллельными лезвиями, втульчатый наконечник стрелы, браслет со спирально загнутым концом и пластинчатые браслеты) по среднеевропейским и венгерским аналогиям подтверждают эту датировку (Holste 1962: taf. 1, 2, 4, 10, 12; Patek 1969: 76–80, taf. 35, 68; Kemenczei 1984: 32, 96, 397–398; Goldmann 1979: 164–165). Балтская группа памятников по аналогиям в керамике нижнедунайских культур поздней бронзы Силеану – Римничеле, Тэмэоань, Винэтори датируется XI–X вв. до н.э. (Morintz 1978: 143–147; Hänsel 1976: 144–146; Laszlo 1986: 65–91).

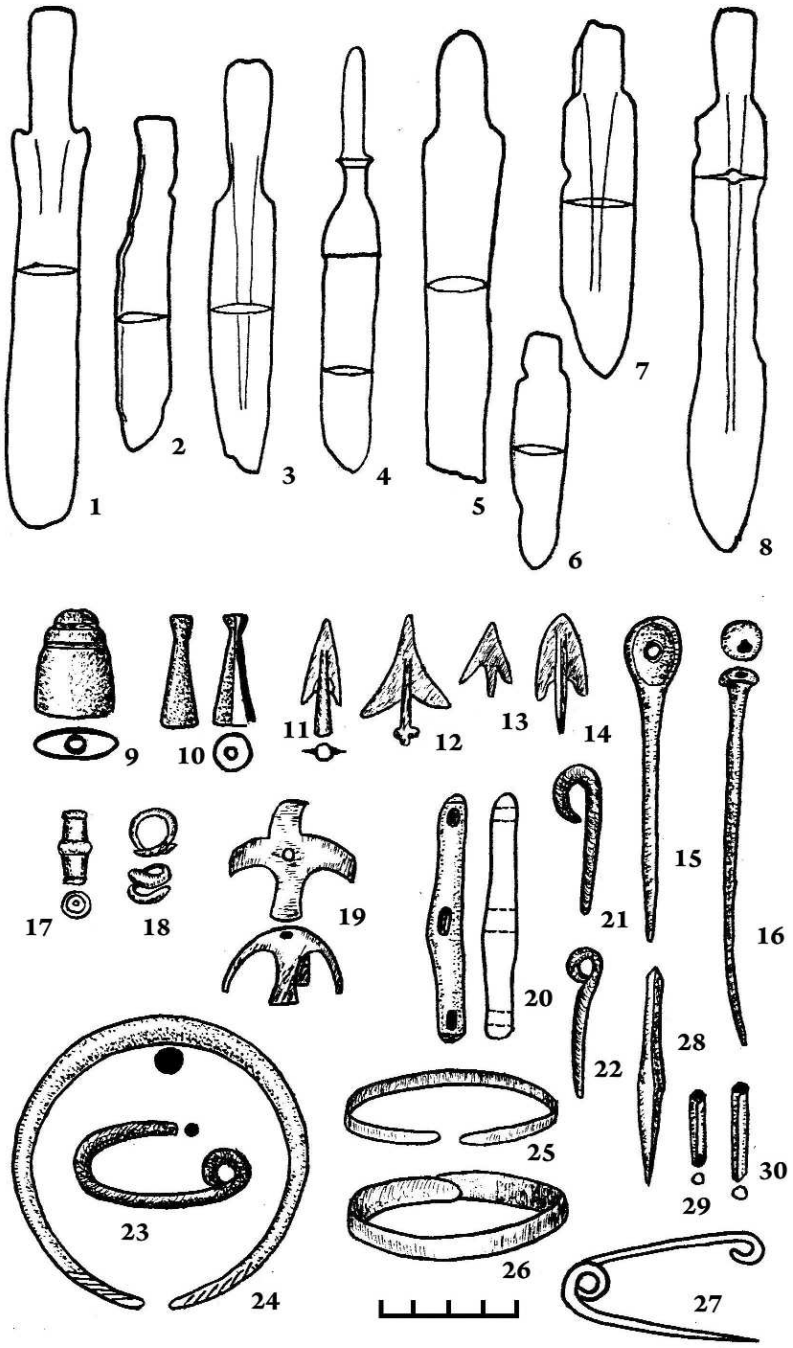


Рис. 80. Некерамические изделия. 1, 3 – Алкалия; 2, 6, 21, 22, 23, 25, 29, 30 – Будуржель; 4, 5, 9 – Кочковатое; 10, 11 – Васильевка; 7 – Дивизия; 8 – Кальчево; 12, 13 – Суворово I; 14 – Слободка; 15, 28 – Тирасполь; 16 – Вороновка II; 17, 18, 27 – Струмок; 19 – Казаклия; 20 – Усатово; 24 – Новокотовск; 26 – Кошница

На основе сравнительного анализа материалов поселений и погребений памятники белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья делятся на два хронологических этапа. К раннебелозерским памятникам относятся курганы у с. Лиманское, Тараклийский могильник, поселения Вороновка II, Приозерное I, Тудорово I, Озерное. Их хронологические рамки определяются XII – первой половиной XI вв. до н.э. и основываются на различиях в соотношении простой и лощеной посуды в комплексах поселений, типологии и орнаментации керамики. Раннебелозерские памятники носят следы влияний культур поздней бронзы Карпато-Дунайского бассейна и синхронизируются с памятниками заключительного этапа культур Ноа, Кослоджени, Силеану-Римничеле, с 1-м этапом культуры урновых полей.

К позднебелозерским памятникам относятся могильники Кочковатое, Васильевка, Дивизия, поселения Криничное I, Ялпуг IV, Комрат I, Мирное II. Они датируются второй половиной XI–X вв. до н.э. и синхронизируются с фазой Бабадаг I, Троей VII-B2, 2-м этапом культуры полей погребальных урн Венгрии, Кишиневской группой фракийского гальштата Молдавии, слоем Магала III гава-голиградской культуры в Прикарпатье. Радиоуглеродная дата погребения 1 кургана 32 Кочковатовского могильника составляет 930 г. до н.э. ± 45 лет. Некоторые поселения и могильники, вероятно, имеют более широкие датировки – от конца XII до X вв. до н.э. Анализ имеющихся радиоуглеродных дат белозерской культуры и синхронных культур Карпатского бассейна, проделанный А. Ласло, а также значительные различия в белозерских погребальных комплексах говорят в пользу предложенной периодизации (Laszlo 1993: 23–42).

Экономика. У племен белозерской культуры сохраняется оседлый земледельческо-скотоводческий уклад хозяйства, характерный для населения Северного Причерноморья в предшествующий период. Свидетельством занятий населения земледелием являются зернотерки, растиральники, кремневые серпы. Расположение поселений исключительно по берегам рек и пресноводных озер указывает на преимущественное использование под пашню пойменных земель с особо плодородными аллювиально-луговыми почвами. Основу скотоводства составляли крупный рогатый скот, лошадь, овца. Анализ остеологических остатков свидетельствует о высокой специализации животноводческого хозяйства, полностью удовлетворявшего потребности населения в мясо-молочных продуктах и обеспечивавшего сырьем кожевенное, ткацкое и костерезное ремесло. Белозерское население Северо-Западного Причерноморья, вероятно, практиковало так называемое отгонное скотоводство, при котором обычно используются близкие к поселениям пастбища. Широкое использование лошади, применявшейся для верховой езды и в пищу, создавало предпосылки для перехода к более мобильному, полукочевому скотоводству.

Комплексный анализ хозяйственной деятельности белозерских племен выявляет кризисные тенденции, характерные для переходного периода, который хронологически совпадал с переходом от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Не уменьшая значения причин социально-экономического характера, обусловивших эти тенденции, следует отметить возможное влияние климатического фактора на экономику белозерских племен. Некоторые исследователи говорят о значительном периоде засухи в конце II – начале I тыс. до н.э. в Восточном Средиземноморье, Центральной и Восточной Европе, который сопровождался усилением миграций, сменой археологических культур, переориентацией культурно-экономических свя-

зей (Археология Венгрии 1986: 8–9; Ромашко 1986: 120–136). Резкое сокращение оседлого населения в степном Северо-Западном Причерноморье выразилось в десятикратном уменьшении количества поселений, по сравнению с предшествующим периодом, а также в сокращении их размеров. Тонкие культурные слои на поселениях и даже отсутствие первых на некоторых памятниках говорят о непродолжительном времени существования таких поселений. Параллельно происходит уменьшение размеров жилищ, переход к земляночному домостроительству. Продолжает развиваться металлообработка, но в условиях острого дефицита сырья объем продукции значительно сокращается, происходит миниатюризация бронзовых изделий. Возрождается производство кремневых серпов, ножей, каменных топоров и других орудий из камня. Но в связи с этим получает мощный импульс и начинает развиваться железоделательное производство. В белозерских погребениях появляются железные ножи, повторяющие бронзовые прототипы, и даже фибулы. В XI–X вв. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье начинается ранний этап освоения железа. И хотя переход к раннему железному веку в Северном Причерноморье завершился в конце первой четверти I тыс. до н.э., все более широкое распространение нового материала не могло не оказать значительного влияния на процесс радикального обновления технологии в белозерской культуре.

Социальная структура. Белозерские могильники являются благодатным материалом для реконструкции социальной структуры оставившего их древнего общества, находившегося в стадии разложения общинных отношений.

Для создания социальной реконструкции белозерского общества нами применен метод статистической характеристики и сравнительного анализа основных компонентов погребального обряда. Изучение структуры погребального обряда белозерской культуры по составляющим качественным и количественным компонентам показало высокую степень сходства среди первых, но в то же время еще более высокую степень вариабельности среди вторых. К первым мы относим способ захоронения (курганный, грунтовой), форму погребальной ямы, расположение погребальной ямы в кургане, планировку погребений в могильнике, позу погребенных, ориентировку и др. Все перечисленные компоненты погребального обряда белозерской культуры представляют собой чрезвычайно устойчивую систему. Они выражены в следующих артефактах: в наличии курганных, грунтовых, а также смешанных курганно-грунтовых некрополей; в погребальных ямах прямоугольной формы (92%); в наличии, главным образом, основных погребений в курганах; в расположении погребений рядами как в курганных, так и в грунтовых некрополях; в исключительно скорченном положении погребенных; в стабильной южной ориентировке. В совокупности отраженные в погребальном обряде белозерской культуры, они характеризуют его как удивительно целостное явление. На наш взгляд, это свидетельствует как об общем уровне мировоззренческих представлений, так и о единстве и органическом сочетании этнических традиций населения белозерской культуры, выраженном в общих нормах погребальной обрядности. Одновременно с этим, количественные компоненты погребального обряда белозерской культуры, такие, как размеры курганов, размеры и конструктивные особенности погребальных ям, количество и наборы погребального инвентаря, представленного различными категориями, существенно различаются даже в пределах отдельных могильников.

Другими словами, качественное единство и целостность в погребальном обряде белозерской культуры сочетается со значительной вариабельностью по количественному содержанию его компонентов, а это открывает широкие возможности для реконструкции, прежде всего, социальной структуры белозерского общества.

Иерархия признаков погребальной обрядности в реконструкции социальной значимости детально разработана Л. Бинфордом (Binford 1971). Она проявляется как в количестве погребального инвентаря, его характере, так и (хотя и в меньшей степени) в расположении могилы, ее форме, ритуальных действиях (Binford 1971: 22). Наиболее надежные результаты для реконструкции социальной дифференциации белозерского общества удается получить при корреляции сразу трех групп признаков, учитывающих: l) тип, конструкцию и размеры погребальной ямы; 2) количество и характер инвентаря; 3) детали погребального обряда. Такая работа нами проделана в монографическом исследовании памятников белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов 1990: 56–58, табл. 2). Разработанная система дифференцирующих признаков позволила выделить среди белозерских погребений Северо-Западного Причерноморья 3 крупные социальные группы: бедные (около 30%), рядовые (более 50%) и богатые (около 20%). Каждой из выделенных групп погребений соответствовали оптимальные размеры и конструкции погребальных ям, определенные нормы обрядности, количество и характер инвентаря.

Могильники белозерской культуры содержат погребения всех трех выделенных групп, но распределяются они в каждом могильнике по-разному. Так, из 42-х выделенных богатых погребений в могильнике Будуржель их оказалось всего 7%, в Васильевском – 14%, в Казаклийском – 16%, в Кочковатовском – 28% от общего количества погребенных в каждом могильнике. В связи с этим, если рассматривать белозерские могильники как некрополи отдельных родо-племенных структур, то значительное количество богатых погребений на некоторых из них говорит о сформировавшемся мощном слое родо-племенной знати в белозерском обществе. Наиболее резко от двух других групп отличаются погребения, отнесенные к категории богатых. Они выделяются своим расположением в могильниках (в центре или строго локализованных местах), размерами курганов и погребальных ям, сложностью погребальных конструкций, обилием или специфическим составом погребального инвентаря. Например, подсчитано, что по величине трудовых затрат на сооружение только погребальной ямы богатые погребения в среднем в 7 раз превосходят группу рядовых и не менее чем в 15–17 раз – группу бедных. Это прямо свидетельствует о создании специального погребального ритуала для родо-племенной знати, который закрепляет в общественном сознании появление публичной власти.

Архаическим обществам, находящимся на заключительных этапах развития первобытной формации, свойственна разветвленная иерархия и в среде аристократии. Например, на этом этапе разложения первобытнообщинных отношений у папуасов Меланезии выделяется, по меньшей мере, трехступенчатая система иерархии среди вождей разного ранга (мелкие главари родовых групп, военные предводители, крупные вожди) (Массон 1976: 159). Наличие иерархии среди богатых белозерских погребений прослеживается по целому ряду признаков. Например, по размерам курганов и, соответственно, по количеству затраченного на их сооружение труда среди богатых погребений выделяется 2 группы. Большие курганы с диаметром насыпи 30–60 м (Струмок, Казаклия и др. – всего 7 курганов) и

средние – с диаметром насыпи 15–30 м (12 курганов)[1]. Вероятно, особое место в иерархии занимают погребальные комплексы, отличающиеся соответствием принятому у высшего эшелона знати эталону погребальных сооружений. Таким эталоном в белозерской культуре может считаться деревянная гробница прямоугольной формы с ровиком по периметру дна и столбовыми ямками по углам (22 погребения, или 10%). Этим погребениям, как правило, соответствуют устойчивый набор инвентаря (нож-кинжал, сосуды, стеклянные бусы) и детали ритуала (напутственная мясная пища, тризна, реже – следы огня).

С углублением социальной стратификации становятся все более явными уже не количественные, а качественные отличия в погребальном инвентаре. В составе погребального инвентаря лиц наивысшего ранга чаще появляются предметы уникальные или высокохудожественные. В контексте белозерской культуры к таким может относиться биметаллический нож-кинжальчик с бронзовым черенком, кольцевым упором и железным лезвием (рис. 80, 4). Подобные являлись «последним словом» технологии металлообработки переходного периода конца II тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. Всего известно 6 таких кинжальчиков, 4 из которых найдены в погребениях высшего эшелона знати белозерской культуры (Широкий курган, Степной, Кочковатое, Хаджилар). Наивысший социальный ранг, или верхнюю часть пирамиды родо-племенной знати, которую можно отождествить с формирующимся институтом вождей, могут составлять погребения, сопровождавшиеся, кроме всего перечисленного, престижными золотыми украшениями – подвесками, пронизями, перстнями (Струмок, Кочковатое, Широкое, Хаджилар, Похребя). Отмечено, что уникальные и престижные предметы составляют как раз характерную особенность погребений лиц наивысшего социального ранга, применительно к доклассовому обществу именуемых вождями (Массон 1996: 89).

О появлении в белозерском обществе традиций наследования высокого социального ранга родо-племенной знати членами их семей свидетельствует наличие богатых детских погребений. Так, среди выделенных 9-ти богатых погребений белозерской культуры, у которых удалось определить пол и возраст, оказалось 5 мужчин и четверо детей. Богатые детские погребения, как уже отмечалось, резко выделяются среди других не размерами погребальных конструкций, а количеством и составом инвентаря, среди которого – бронзовые ножи, фибулы, значительные наборы украшений (до 200 стеклянных бус), посуда. Это прямо указывает на наследственный характер власти родо-племенной знати.

Отсутствие в белозерской культуре ярко выраженных воинских погребений, а также имеющиеся множественные атрибуты перерождающейся родо-племенной аристократии с четко выраженной иерархией позволяют предположить, что для белозерского общества был характерен аристократический путь политогенеза. В связи с этим, немногочисленные погребения с оселками, выделяемые В.В. Цимидиновым в качестве захоронений носителей военной функции (Цимиданов 1993: 42–43), могут принадлежать представителям военного сословия, занимающим определенное место в разветвленной иерархии белозерского общества.

---

[1] Особое положение в этой градации занимает курган Широкая могила у с. Малая Лепетиха на Херсонщине высотой около 10 м и диаметром 120 м.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
Историко-археологический очерк

Переход к бронзовому веку на территории Юго-Восточной Европы традиционно датируют в диапазоне 3400–3200 ВС. Этот период характеризуется культурными трансформациями, распространением технологических инноваций, передвижками населения на достаточно большие расстояния и формированием новых хозяйственных моделей. Угасают или видоизменяются культуры энеолита; на раннем этапе бронзового века некоторые из них еще сосуществуют со свитой новых культур, появление которых позволяет говорить о следующем этапе в развитии эпохи палеометалла.

Реконструкция окружающей среды и климатических особенностей имеет значение при анализе любой исторической эпохи. Способы ведения хозяйства, топография поселений и могильников, торговые пути, движение населения – в той или иной степени связаны с климатом и ландшафтом, которые, в конечном итоге, определяют не только условия, но и образ жизни людей. Поэтому изучение археологических культур и культурно-исторических процессов в последние десятилетия опирается на исследования геологов, почвоведов, ботаников, биологов, экологов, что позволяет реконструировать среду обитания древнего населения. Исследователи приходят к выводу о связи динамики развития археологических культур с климатическими колебаниями природы: перемены климата не могли не влиять, прямо или косвенно, на трансформацию хозяйственного уклада, общественного устройства древних обществ, давая возможность формироваться и выживать наиболее адаптированным моделям социального развития

Природные условия в бронзовом веке. С переходом к бронзовому веку соотносятся климатические изменения, отражающие наступление нового (суббореального) периода голоцена. С конца атлантика (At-3) и вплоть до начала среднего суббореала (Sb-2) исследователи фиксируют континентализацию климата, сокращение участков широколиственной растительности, значительные амплитуды изменений ландшафтных инвариантов. В конце атлантического периода в современной лесостепи широколистные лесные ландшафты сменились лесостепными, в северной степи вместо лесостепных стали доминировать степные. Наблюдались похолодание и увлажнение в раннем суббореале, крупнейшая аридизация (проявившаяся в снижении облесения лесостепи, распространении сухих степей до границ северной степи) – на среднем суббореале. В то же время имели место значительные амплитуды теплых, засушливых, и влажных, прохладных, интервалов. На этапе Sb-2 (4,1–3,3 тыс. л.н., или 2890/2700 – 1660–1500 ВС) наблюдались крупнейшее в среднем голоцене сокращение площадей лесов, смена луговых степей разнотравно-злаковыми; в северной степи доминируют злаковые степи. В южной степи с аридизацией связаны засоление и низкая гумусность подкурганных почв (Герасименко 2004: 22, 27, 32).

В различных регионах Европы эти тенденции проявлялись по-разному. В степной зоне Украины суббореал отличался контрастными изменениями ландшафтов; первая его половина (4500–3500 л.н., или 3340/3100 – 1880/1770 ВС) характеризу-

ется аридизацией климата, с максимумом аридизации между 4200 и 3700 л.н. (2890/2700 – 2140/2030 ВС). В зонах лесостепи и степи резко уменьшается роль широколиственных пород, распространяются береза, ольха, сосна, наблюдается мезофитикация степей, лесостепь распространялась к северу. Климат был более холодным и влажным, по сравнению с современным. Ситуация изменяется с переходом к позднему суббореалу: улучшается климат, увеличивается количество среднегодовых осадков, происходит некоторое понижение летних температур. Особенности споро-пыльцевого комплекса соответствуют растительности луговых степей (Кременецкий 1997: 43–44, 156).

Эти данные сопоставимы в целом с хозяйственно-культурными типами обитавшего здесь в бронзовом веке населения: доминирование кочевого и пастушеского скотоводства в раннем и среднем бронзовом веке (периоды Sb 1, 2), оседлый земледельческо-скотоводческий тип хозяйства – в позднем (период Sb 3).

Следует также иметь в виду, что для северопонтийской зоны эвстатические колебания Черного моря могли иметь решающее значение в формировании климатических условий на протяжении того или иного хроноинтервала, смягчая процессы аридизации. Степи Северо-Западного Причерноморья являются самым влажным участком среди всего пространства степной зоны Евразии. Многочисленные лиманы и густая речная сеть обусловили зависимость региона от трансгрессивно-регрессивных циклов; определение их уровней и датировок имеет значение для изучения экономики и хозяйства обитавшего здесь населения. На проблемы возможного соотношения культурно-исторических явлений с эвстатическими процессами Черного моря обратили внимание и археологи, и геологи, проанализировавшие ситуацию достаточно подробно (Петренко 1989; Бруяко, Карпов, Петренко 1991; Шилик 1999; Дергачев 2005). С голоценовой эпохой связаны две крупные трансгрессии Черного моря – Древнечерноморская и Новочерноморская, разделенные Тирасской регрессией, пик которой приходится на точку 6100 ВР (5055/4960 ВС). Новочерноморская трансгрессия имела свои внутренние амплитуды: Нижняя Новочерноморская – пик 5000 ВР (3950/3710 ВС), Верхняя Новочерноморская – пик 3200 ВР (1500/1440 ВС), которые перемежаются с регрессиями – Хаджибейская регрессия (пик 4000 ВР, 2570/2475 ВС), Ольвийская (Фанагорийская) регрессия (пик 2500 ВР, 770/540 ВС), а также трансгрессивная Нимфейская фаза (пик 1200 ВР, 775/875 AD). Получено убедительное подтверждение величины Хаджибейской регрессии на уровне -16-17 м (Ostrovsky et al. 2009), что принципиально важно, поскольку принимавшийся ранее другой уровень (-2-3 м) не позволял найти объяснение некоторым археологическим фактам. Для культур, бытование которых в Северо-Западном Причерноморье связано с периодом Хаджибейской регрессии (3500/3350 – 2290/2150 ВС), практически неизвестны поселения, немногочисленные бытовые памятники соотносятся лишь с культурой многоваликовой керамики, начало которой по радиоуглеродным датам сопоставимо с финалом Хаджибейской регрессии. На пике Верхней Новочерноморской трансгрессии (1500–1440 ВС) появляются поселения сабатиновской культуры, возможно, и поселения КМК также относятся к этому периоду, по крайней мере, радиоуглеродных дат для них не имеется. С одной стороны, такая ситуация может объясняться циклами увлажненности, когда складываются наиболее благоприятная ситуация для занятия преимущественно оседлым земледелием (отметим, что земледелием занимались и номады, при безусловном доминировании скотоводства). Но при мощной регрессии, уровня которой более достигнуто не было, поселения могли находиться на

затопленных ныне террасах. Подтверждением тому служат материалы западного побережья Черного моря, где поселение культуры Езеро В (ранний бронзовый век) было найдено под водой, на глубине -7-9 м на прибрежных подводных террасах (Дергачев 2005: 22). Для Северного Причерноморья отметим затопленное поселение катакомбной культуры на острове Орлов в Тендровском заливе (Охотников, Островерхов 1991: 21).

В целом, новейшие данные по хронологическим рамкам отдельных культур и природных явлений позволяют реконструировать среду обитания древнего населения Северо-Западного Причерноморья в эпоху бронзы следующим образом. ***Ямная культура***, даты в хронодиапазоне 3240–3100 ВС до 2200–1970 ВС, охватывает ранний и средний суббореал SB-1 и SB-2, полностью совпадает с Хаджибейской регрессией. ***Катакомбная культура.*** Немногочисленные для региона даты лежат в диапазоне от 2580/2340 до 2267/1981 ВС, частично соотносятся со средним суббореалом SB-2, то есть, появляются на пике Хаджибейской регрессии и доживают до ее финала. Население ***культуры многоваликовой керамики*** проникает в регион в среднем суббореале SB-2. Это – финал Хаджибейской регрессии, начало Верхней Новочерноморской трансгрессии, пиком последней датируется ее позднейший памятник. ***Сабатиновская культура*** распространяется с началом позднего суббореала, на фоне потепления и увлажнения климата, на пике Новочерноморской трансгрессии. Завершает бронзовый век ***белозерская культура***.

В культурно-историческом плане во второй половине IV–III тыс. до н.э. Северо-Западное Причерноморье выделяется своеобразием, обусловленным как географическим положением, так и особенностями распространенных здесь археологических культур; при этом регион имеет больше общих черт и культурных связей с Западом, чем с Востоком.

С началом эпохи бронзы связывается распространение на обширной территории степей памятников, относимых к ямной культурно-исторической общности. Проблемы ее происхождения и распространения, казалось бы, давно решенные, в последние годы вновь вызывают достаточно оживленные дискуссии среди исследователей ямной проблематики. Радиоуглеродное датирование памятников различных регионов выявило несколько парадоксальную ситуацию, которая не может быть объяснена в русле распространенной концепции продвижения ямных племен с востока на запад. Памятники восточной (Волго-Уральский регион) и западной (Северо-Западное Причерноморье) периферии оказались наиболее ранними, в то время как центральная часть ареала представлена более молодыми датами. Это заставляет по-новому осмыслить историю формирования ямной КИО. «Протоямный энеолит» был выделен в Степном Предкавказье (Кореневский 2006); концом IV тыс. ВС датируются захоронения Северо-Западного Причерноморья, имеющие черты ямной культуры, но, вероятно, предшествующие ей. Это позволяет предположить относительно одновременное формирование ямной КИО на обширной территории на местной энеолитической (протоямной) подоснове. В то же время фиксируется своеобразие ямных памятников Северо-Западного Причерноморья. В научной литературе их рассматривают как юго-западный вариант ямной культуры (Мерперт 1968), юго-западную группу памятников (Яровой 1985), Одесскую группу (Ричков 1994), буджакскую культуру (Черняков 1979), днестровскую культуру (Алексеева 1992). Предложено их деление на ранний (днестровский) и поздний (буджакский) культурные варианты (Дергачев 1986).

Катакомбная культура не наследует ямной, как это достаточно долго постулировалось в рамках традиционной для советской исторической науки формационной модели. Наиболее ранние катакомбные памятники по изотопным данным датируются серединой III тыс. ВС, таким образом, катакомбное население достаточно долго сосуществует с ямным. Оба завершают свое развитие почти одновременно на рубеже III и II тысячелетий. Однако носители обеих культур были достаточно обособлены друг от друга, проявление их контактов в материальной культуре единичны. Памятники катакомбной культуры региона представляют собой западную периферию обширного явления – катакомбной культурно-исторической области, первичный очаг культурогенеза которой связывают с Северо-Восточным Приазовьем (между Днепром и Кубанью) (Братченко 2001).

Культура многоваликовой керамики (бабинская культура), сменяющая ямную и катакомбную культуры, представлена в Северо-Западном Причерноморье не только захоронениями, но и поселениями, локализующимися, преимущественно, в междуречье Южного Буга и Днестра. Вероятно, такая ситуация отражает начало перехода населения к более оседлому образу жизни в связи со смягчением климата.

Среди исследователей нет единства в решении вопроса о местном или пришлом характере носителей этой культуры в Северо-Западном Причерноморье, о взаимодействии ее с другими культурами. Предполагается сложение ядра КМК в отдельном регионе (лесостепная зона Днепро-Донского междуречья) с последующим распространением на другие территории (Г.Н. Тощев, Е.Н. Савва, Р.А. Литвиненко). В то же время высказывается точка зрения о том, что все культуры многоваликовой керамики сложились на местной основе, состоящей из разных археологических культур. При этом в юго-западном варианте, куда относятся и памятники Северо-Западного Причерноморья, в сложении КМК главную роль играла ямная культура при определенной роли катакомбной (С.С. Березанская, В.В. Отрощенко). Отмечается, что говорить об особом варианте можно лишь с позиций географического местоположения, а не культурных особенностей (Субботин 2000: 385).

В целом же Северо-Западное Причерноморье (в отличие от Поднепровья и Северного Надазовья) отличаются бедностью и крайней невыразительностью инвентаря. «Классические» сосуды с композициями из налепных валиков редки, составляя всего 10% керамического комплекса. Практически отсутствуют погребения с производственным инвентарем, оружием, топорами[1], оселками, выпрямителями стрел, деталями конской узды (дисковидные и желобчатые псалии), фигурными и зооморфными пряжками. Украшений найдено немного, причем совершенно неизвестны бусы из пасты и фаянса, традиционные в восточном ареале КМК. Отметим редкость находок металлических изделий и концентрацию их всего в нескольких погребениях Северо-Западного Причерноморья.

Между тем, памятники Поднепровья, Левобережья Днепра, Северного Надазовья предоставляют очень яркий и выразительный материал (Березанская и др. 1986; Литвиненко 1996). Создается впечатление, что западная провинция во всех отношениях отставала от центра и восточного ареала КМК. При этом почти все неординарные захоронения Северо-Западного Причерноморья в той или иной степени обладают чертами раннего хронологического горизонта. На позднем этапе погребаль-

[1] Можно отметить лишь находку половинки топора в погребении с катакомбными чертами Вадулуй-Исак 2/4 (Агульников 1998: 67).

ный инвентарь представлен исключительно пряжками и невыразительными сосудами[1]. Из раритетов с поздним горизонтом КМК соотносят лишь Бородинский клад и бронзовый кинжал из погребения 28 кургана 9 у с. Старые Куконешты. Случайную находку золотой двуручной чаши вблизи Крыжовлина, форма которой имеет аналоги в культуре Монтеору, полагают возможным также относить ко времени КМК (Березанская и др. 1986: 12). По всей видимости, для племен бабинской культуры Северо-Западное Причерноморье являлось в какой-то степени промежуточной территорией, открывающей путь на запад и северо-запад, в Балкано-Карпаткий регион (а Бородинский клад предполагает и более дальние походы). В Днестро-Бугском междуречье население практиковало более оседлый образ жизни.

Бабинскую культуру многоваликовой керамики сменяет сабатиновская культура, имеющая достаточно много общих черт с предшествующей.

Анализ археологических источников свидетельствует о местном происхождении ***сабатиновской культуры***, сложившейся на базе предшествующей культуры многоваликовой керамики. На востоке сабатиновские племена были тесно связаны с позднесрубной культурой, а на западе – с культурами Ноа и Кослоджень (карта 5). Сабатиновские племена Северо-Западного Причерноморья играли большую роль в развитии связей с Балкано-Дунайским регионом, особенно в снабжении Северного Причерноморья и всего степного мира металлом из крупнейшего в Европе семиградского металлодобывающего центра.

Современное состояние исследований свидетельствуют, что сабатиновская культура представляла собой одно из ярких культурно-исторических образований эпохи бронзы на Украине, которое играло значительную роль в исторических процессах на юге Восточной Европы, обусловленную, прежде всего, успехами производящей экономики. Органичное сочетание земледелия и скотоводства при благоприятных климатических условиях и стабильной внешнеполитической ситуации привели в XV–XIV вв. до н.э. к значительному росту населения в южноукраинских степях, созданию многих сотен крупных поселений с развитым каменным и глинобитным домостроительством. На некоторых поселениях сабатиновской культуры (Вороновка II, Виноградный Сад, Степовое, Ташлык и др.) открыта сложная уличная и гнездовая планировка больших многокамерных жилищ, выделены очаги ремесленного производства, связанные с обработкой металла, кости, кожи, камня. Особое место в экономике сабатиновской культуры занимало бронзолитейное дело, которое было ориентировано, главным образом, на производство оружия и орудий труда. Характерной особенностью металлообработки в Северо-Западном Причерноморье было то, что ее развитие полностью зависело от импорта металла из Балкано-Карпатских металлургических центров (Черных 1978: 268–270; Дергачев 1997: 44–46).

Острая потребность северопричерноморских очагов металлообработки, таких, как Ингуло-Красномаяцкий, в сырье обусловила установление регулярного обмена сабатиновских племен со своими западными соседями. Картографирование кладов и отдельных находок выявляет обменные торговые пути, которые вели из Балкано-Подунавья на территорию Северного Причерноморья в широтном направлении. Один из таких реконструируемых путей на территории Северо-Западного Причерноморья протянулся по линии: дельта Дуная – с. Новые Трояны – г. Кишинев – г. Балта – г. Первомайск и далее на восток. Особенно остро в эпоху поздней брон-

[1] Такая тенденция к упрощению ритуала характерна для всего ареала КМК.

зы стоял вопрос о поставках олова – основной лигатуры для получения бронзы. Кроме гипотетически реконструированного (по данным античных авторов) морского пути из Касситеритских (Британских) островов в Юго-Восточную Европу, который, вероятно функционировал еще с эпохи бронзы, существовал, видимо, и другой – сухопутный – вариант доставки олова в Северное Причерноморье. Он совпадал с направлением киммерийских вторжений в Среднюю и Западную Европу – через Карпатские перевалы, Трансильванию, большую Венгерскую низменность, Восточные Альпы до Галлии (Косиков 1997: 40–42). В торговых связях Северо-Западного Причерноморья с Восточными Карпатами традиционно использовались речные магистрали – Прут, Днестр (Ванчугов 1990: 18–20). Показательно, что именно в Верхнем Поднестровье наиболее четко проявляется влияние северопричерноморских очагов металлообработки, выраженные в Островецкой мастерской литейщика (Балагурі 1964: 28–39) и в находках бронзовых мечей ингуло-красномаяцкого типа в Северо-Восточном Прикарпатье (Крушельницька 1985: 36–37).

Наиболее активные и регулярные связи сабатиновское население поддерживало с племенами соседних культур Ноа и Кослоджень, которые располагались в Карпато-Поднестровье и Добрудже. Близкий уровень социально-экономического развития, тесные культурные взаимосвязи разрушали замкнутость родовых общин этих культур, способствовали формированию общих черт материальной и духовной культуры. Это со временем привело к своеобразной унификации блока культур Сабатиновка–Ноа-Кослоджень, которые часто рассматриваются как единая культурно-историческая общность. Некоторые исследователи допускают даже их этническое родство (Morintz 1977: 23–30). Находки керамики, отдельных бронзовых предметов вооружения причерноморских типов в Трое VIIb, позднемикенских городах Эгеиды и Малой Азии свидетельствуют о возможном участии сабатиновского населения в военных походах в Восточное Средиземноморье в XIII–XII вв. до н.э. (Черняков 1985а: 34–42; Клочко 1990: 10–17).

Этническая принадлежность племен сабатиновской культуры остается дискуссионной. Традиционно сабатиновскую культуру, как и позднесрубную и целый ряд других синхронных степных культур, относят к североиранской языковой общности (Давня історія… т. 1 1997: 402–403). Однако, последние исследования памятников эпохи бронзы свидетельствуют, по мнению исследователей, о более значительном вкладе раннефракийских племен в историю и культуру бронзового века Украины, чем это считалось ранее (Березанська, Отрощенко 2000: 112–123). Отличия Сабатиновки от степных культур Евразии, с одной стороны, и многие общие черты с культурами Ноа и Кослоджень, – с другой, дают основания специалистам включать первую в восточный ареал культур эпохи бронзы Балкано-Карпатского круга (Березанская 1997: 4–6; Черняков 1997: 31–33; Березанська, Отрощенко 2000: 118–119). А это, в свою очередь, позволяет предполагать этническую принадлежность племен сабатиновской культуры как близкую фракийской (Березанська, Отрощенко 2000: 119) или фрако-киммерийской (Черняков 1996: 191–195).

Демографический «взрыв», характерный для степей Северного Причерноморья в XIV–XIII вв. до н.э., сменился кризисом оседлости в XII–IX вв. до н.э., который отчасти мог быть вызван и резким ухудшением климатических условий. Эти процессы сопровождались полной сменой археологических культур в регионе. Исторические судьбы сабатиновских племен, вероятно, связаны с вынужденным переселением части населения на юг Балкан и Малую Азию. Остатки сабатинов-

ского населения в Северном Причерноморье стали основой для формирования белозерской культуры.

Проблема происхождения ***белозерской культуры*** остается дискуссионной. Согласно В.В. Отрощенко, сложение белозерской культуры связано с миграцией срубных племен из Днепровского Левобережья на территорию степного Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, занятую населением сабатиновской культуры (Березанская и др. 1986: 151). Существует и иная точка зрения, согласно которой формирование белозерской культуры происходило на основе сабатиновской при участии культур поздней бронзы Карпато-Дунайского бассейна (Ванчугов, Черняков 1984: 5–24; Черняков 1985а: 148–151; Ванчугов 1990: 123–132). Исследователи обычно связывают в хронологическом плане смену сабатиновской культуры белозерской с распространением в Карпато-Подунавье культур раннего фракийского гальштата (Мелюкова 1979: 37; Отрощенко 1975: 202–203). Нам представляется, что начало сложения основных элементов комплекса белозерской культуры хронологически не совпадало со сменой культур поздней бронзы новыми культурами раннего фракийского гальштата, а происходило несколько раньше, где-то на рубеже XIII и XII вв. до н.э. Этот сложный процесс включал взаимодействие целого ряда новых культурно-этнических элементов, наслоившихся на сабатиновскую основу, которая сама, вероятно, претерпела значительные изменения к концу своего существования.

Сравнительный анализ материалов подтверждает высказанное А.И. Мелюковой мнение о влиянии культуры Ноа на формирование погребального обряда белозерской культуры (Мелюкова 1979: 39). Вероятно, часть населения культуры Ноа на рубеже XIII и XII вв. до н.э. продвинулась на территорию родственных ей сабатиновских племен и сыграла определенную роль в сложении белозерской культуры в Днепро-Дунайском междуречье. В пользу этого предположения говорит общность некоторых, правда, немногочисленных, категорий инвентаря (черпаки, миски, двуручные чаши) и определенное сходство антропологических типов населения. Характерно, что погребения отдельных раннефракийских могильников Нижнего Подунавья, совершенных по способу ингумации и проявляющих близкое сходство с обрядом культуры Ноа (Стойкани и др.), имеют также южную ориентировку. В позднейшее предскифское время южная ориентировка погребенных была характерна, главным образом, для Днепро-Дунайского междуречья и далеко на восток не распространялись. Находки в белозерских погребениях и на поселениях цилиндрошейных кубков, сплошь покрытых каннелюрами, и конических кубков на высокой цилиндрической ножке свидетельствуют, вероятно, еще об одном импульсе с территории задунайской курганной культуры и культуры полей погребальных урн.

В XII–XI вв. до н.э. культурно-историческая ситуация в Карпато-Подунавье резко изменилась, и сложение белозерской культуры протекало в совершенно новом культурном окружении, представленном десятками различных культур и культурных групп, в основном, западного происхождения. Естественно допустить, что утверждение целого ряда прафракийских и раннефракийских культур на западных границах причерноморских степей не могло не сказаться на облике белозерских памятников. Открытие и исследование Гордеевского курганного могильника на юге современной Винницкой области прямо говорит о продвижении на правобережную Украину значительной группы населения среднеевропейского происхождения в XIV–XII вв. до н.э. (Berezanskaja, Kločko 1998: 18–20). Особый интерес в Гордеевском могильнике представляют погребальные конструкции в виде больших

прямоугольных и подквадратных ям, перекрытых и облицованных деревом, с ровиком по периметру дна и четырьмя столбами по углам (Berezanskaja, Kločko 1998: tab. 19, 33, 44, 45, 46, 48, 55). В настоящее время они являются ближайшими и прямыми аналогами белозерским погребальным сооружениям в больших курганах. Вопрос о культурной принадлежности Гордеевского могильника окончательно не решен, но С.С. Березанская предполагает, что он мог быть оставлен носителями новой, ранее не известной курганной культуры (Berezanskaja, Kločko 1998: 29). В данном случае мы можем говорить о ее мощном влиянии на территорию Правобережной Украины и Северо-Западного Причерноморья.

Следующий импульс западного происхождения, оказавший влияние на формирование белозерских памятников, несомненно связан с культурами нижнедунайского региона. Анализ керамики с прочерченным декором в памятниках поздней бронзы Северного Причерноморья позволил рассмотреть роль и характер нижнедунайских влияний, а также наметить их предварительную периодизацию (Ванчугов 1993: 28–39). Удалось более уверенно очертить восточный ареал экспансии культурных групп с прочерченным декором керамики (Силеану-Римничеле, Тэмэоань-Фолтешть, Винэтори-Бабадаг I, Голерканы-Ханск), который протянулся узкой полосой из Нижнего Подунавья через юг Румынской Молдовы на северо-восток в Пруто-Днестровское и Буго-Днестровское междуречье (Ванчугов 1993: 36). Влияние нижнедунайских культур поздней бронзы, вероятно, имело не менее значительный характер. По крайней мере, оно ярко и четко проявляется в керамических комплексах не только белозерской, но и целого ряда синхронных культур поздней бронзы сопредельных территорий.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

КИММЕРИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Археологические раскопки в Северо-Западном Причерноморье за последние 20 лет значительно пополнили источниковедческую базу позднейшего предскифского периода. Если в своде А.И. Тереножкина (1976) указано около 20 киммерийских памятников в междуречьях Южного Буга – Днестра – Дуная, (Тереножкин 1976: 15) то к настоящему времени их известно более 60. Они представлены погребениями в курганах (56), отдельными находками.

Периодизации и генезису памятников позднейшего предскифского периода Северного Причерноморья посвящен ряд фундаментальных работ. Наиболее обоснованной остается периодизация А.И. Тереножкина, подразделяющая эти древности на 2 последовательные ступени: черногоровскую (IX – середина VIII вв. до н.э.) и новочеркасскую (середина VIII – первая половина VII вв. до н.э.) (Тереножкин 1976: 186–208). Она построена, в основном, на различиях двух типов удил, соответствующих псалий, а также предметов вооружения и по ряду других признаков. Но в последнее время с появлением новых источников вопрос о культурно-хронологическом соотношении черногоровских и новочеркасских древностей вновь привлек внимание специалистов. Исследователи пытаются найти новый подход к проблеме классификации и исторической интерпретации киммерийских памятников в свете современных представлений об историческом процессе в конце II – начале I тыс. до н.э. в Северном Причерноморье (Клочко, Мурзин 1987; Дубовская 1989; Ванчугов, Черняков 1984). Установленная А.И. Тереножкиным хронологическая последовательность черногоровской и новочеркасской ступеней (или этапов) киммерийской культуры сейчас является объектом дискуссии. Исследователи допускают их синхронность (Polin 1994; Клочко, Мурзин 1989). Некоторые выделяют отдельную черногоровскую культуру (Дубовская 1993). Отдельные исследователи вообще отрицают возможность отождествления каких-либо археологических памятников с киммерийской культурой (Куклина 1985; Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993: 75).

В Северо-Западном Причерноморье киммерийские погребения группируются (или локализуются), главным образом в трех районах: на левобережье Нижнего Дуная, в Нижнем Поднестровье (преобладающая часть) и Нижнем Побужье. Реже они встречаются в открытой степи или в пограничной с лесостепью зоне. Киммерийские погребения представлены курганным могильником у с. Суворово, отдельными курганами у сел Петродолинское, Слободзея. Остальные погребения впущены (или являются вторичными) в насыпях более древних курганов. В отличие от погребений непосредственно предшествующей белозерской культуры, киммерийские погребения характеризуются разнообразием форм погребальных сооружений, значительными различиями в погребальном обряде, ориентировке погребенных, инвентаре (Ванчугов 1993а: 44–46). Классификация киммерийских погребений Северо-Западного Причерноморья осложнена ещё и тем, что предметы вооружения в них крайне редки, а принадлежности (или детали) конской сбруи практически отсутствуют.

Конструкции погребальных ям достаточно разнообразны. Данные о них имеются для 46 погребений. Из них 22 обнаружено в прямоугольных в плане ямах, 6 –

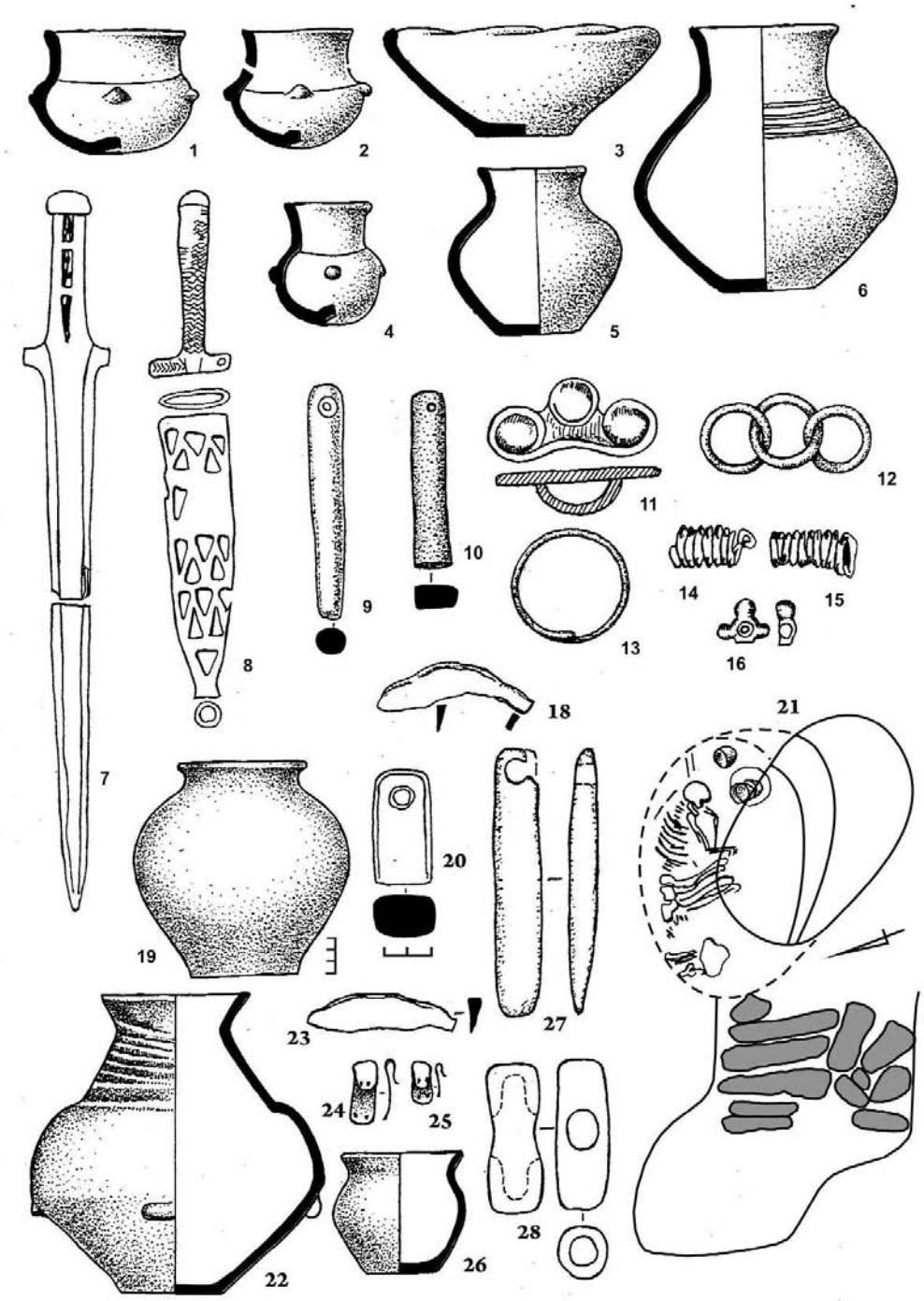


Рис. 81. 1–6, 8, 9, 11, 12, 14–16 – Инвентарь погребений из курганов у с. Суворово (1–6 – керамика; 8, 11, 12 – бронза; 9, 16 – камень); 7 – Гербино; 18–20 – Гура Быкулуй; 21–28 – Калиновка

в овальных, 18 – в ямах с подбоем, 14 ям были перекрыты деревом, 2 – бревнами, в 4 ямах стенки были облицованы досками, в 3 погребениях – камнями и досками. В ямах с подбоем вход в подбой часто был заложен камнями (рис. 81, 21). Лишь 4 костяка были слабо окрашены охрой. Положение, ориентировка были зафиксированы в 53 погребениях. Из них 24 погребения скорчены на боку или спине и 29 вытянуты на спине. Среди скорченных костяков 18 имеют южную ориентировку, иногда с отклонениями к З или В, 12 ориентированы на восток с отклонениями к Ю и С, 2 ориентированы на СЗ. Ориентировка вытянутых погребений распределяется следующим образом: З – 13 погребений, Ю – 4, С – 6, В – 6. Таким образом, устанавливается, что для значительной части скорченных погребений (сопровождавшихся более архаичными предметами погребального инвентаря) была характерна южная ориентировка, свойственная погребениям предшествующей белозерской культуры, хотя четко выделяется группа погребений, ориентированных на В и СВ. Для вытянутых погребений наиболее показательна серия с западной ориентировкой. Эти различия в ориентировке скорченных и вытянутых погребений подтверждаются еще более очевидными различиями в погребальном инвентаре. Все это позволяет установить динамику развития (или смены) погребального обряда от скорченного к вытянутому и считать скорченное положение погребенного одним из архаичных признаков в киммерийских погребениях (Шарафутдинова, Дубовская 1982: 129–130). В связи с этим, при комплексном учете положения погребенных, ориентировки и инвентаря имеются основания для разделения киммерийских погребений Северо-Западного Причерноморья на 3 хронологические группы.

1. Одним из наиболее ранних и ярких памятников киммерийской культуры является Суворовский курганный могильник. Он находился на восточном берегу придунайского озера Катлабух. Небольшие киммерийские курганы диаметром 15–30 м располагались вокруг курганов эпохи бронзы (Черняков 1977: 29–36). Исследовано 7 курганов, в которых найдено 8 погребений. Исследования этого могильника дало крайне важный материал для характеристики переходного периода от финального этапа эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Суворовский могильник явился культурно-хронологическим репером, который четко обозначил смену белозерской культуры культурой киммерийской в Северном Причерноморье (Ванчугов 1990: 119–120). В погребальном обряде и инвентаре могильника ярко выражены как наследие предшествующей эпохи, так и новые культурные явления. Генетическая связь его с белозерской культурой фиксируется по таким деталями, как скорченное положение костяков (4 из 6 погребенных скорчены), наличие южной ориентировки (2 из 6 погребенных ориентированы на юг), по форме и конструкции больших прямоугольных ям с деревянной облицовкой стен, но, главным образом, по керамике. Весь керамический комплекс могильника (кубки, корчаги, миски) – и его орнамент полностью идентичны керамике белозерских погребений и практически ничем от нее не отличаются (рис. 81, 2). Аналогичны белозерским и золотые спиральные украшения, а также бронзовый браслет, найденные в Суворово (рис. 81, 13, 15, 16). Но другие металлические предметы погребального инвентаря могильника: биметаллический кинжал с бронзовой рукоятью и железным лезвием (рис. 81, 8), ажурный футляр-подвеска (рис. 81, 9), бронзовая трехчастная лунница (рис. 81, 12) характерны для культуры ранних кочевников евразийских степей. Принципиально новым является также появление в могильнике вытянутых на спине захоронений, неустойчивость их ориентировки. А.И. Тереножкин считал Суворовский могильник наиболее ранним памятником черногоровской ступени

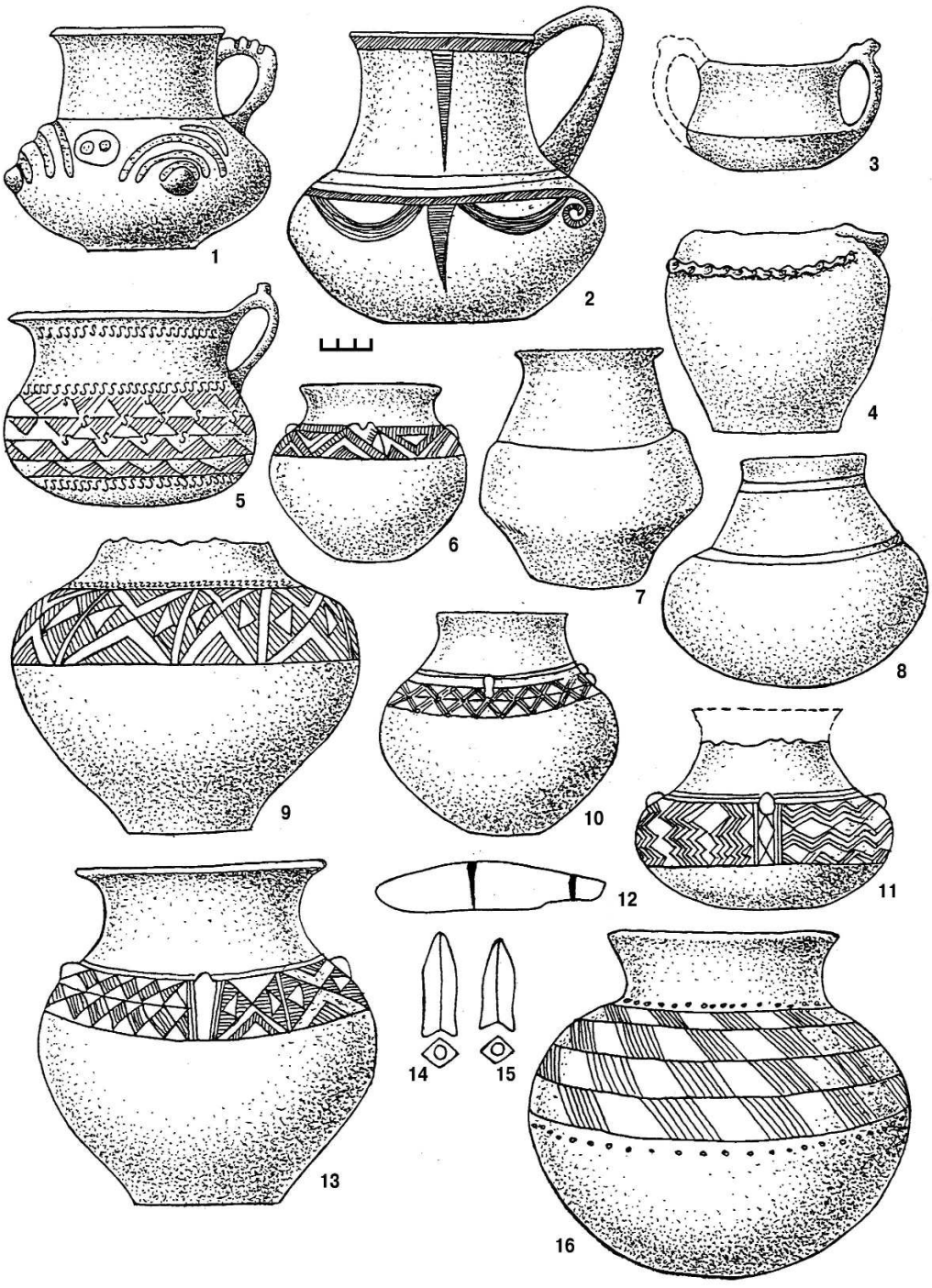


Рис. 82. 1 – Рошкань; 2, 11, 12 – Сарата; 3 – Парканы; 4, 7, 8 – Дивизия; 5 – Виноградный Сад; 6, 10 – Великодолинское; 9 – Конгаз; 13 – Семёновка; 14–16 – Красное

предскифского периода, начало которой он датировал рубежом X и IX вв. до н.э. (Тереножкин 1976: 167, 208). На наш взгляд, наличие многих белозерских черт в обряде и инвентаре позволяет датировать Суворовский могильник временем не позже конца X–IX вв. до Р.Х. Такая датировка могильника основана с одной стороны на близости его белозерским погребальным комплексам, с другой – на значительных отличиях от других киммерийских погребений Северо-Западного Причерноморья. Отмеченные особенности Суворовского могильника послужили основанием для выделения в нем некоторыми исследователями погребений как белозерской культуры, так и киммерийских (курган 5 погребения 1 и 2 [Отрощенко 1989: 111–112; Ойстрах 1991: 82–87]). По нашим представлениям, погребальные комплексы Суворовского могильника фиксируют наиболее ранние контакты местного причерноморского населения поздней бронзы (белозерской культуры) с племенами ранних кочевников из глубин евразийских степей. Причем, следы первых контактов с пришельцами, судя по находке бронзового меча с крестовидным перекрестьем и грибовидным навершием у с. Гербино Одесской области (рис. 81, 7; табл. 12, 18) – одного из наиболее ранних образцов оружия карасукского типа в Северном Причерноморье, относятся еще к концу белозерского времени[1]. Вероятно одну группу с Суворовским могильником составляют еще несколько скорченных погребений, найденные в простых и подбойных могилах, сопровождавшиеся, среди предметов погребального инвентаря керамикой близкой белозерской. К ним относятся: погребение 1 в кургане 5 у с. Гура-Быкулуй (рис. 81, 18–20), погребение 7 в кургане 1 у с. Красное (Серова, Яровой 1987: 132–136), погребение 7 у с. Траповка (рис. 83, 2).

2. Следующую хронологическую группу составляют скорченные и вытянутые погребения, которые по основным компонентам погребального обряда и инвентаря, сходны с памятниками черногоровской ступени. Таких погребений 22, из них 8 совершены в ямах с подбоем. Инвентарь погребений включает: деревянные сосуды с бронзовыми оковками венчиков (рис. 81, 24–26), бронзовые ножи (рис. 81, 24–26; 82, 12), бронзовые височные кольца, каменные цилиндрические и прямоугольные в сечении оселки, костяные наконечники стрел (рис. 82, 14, 15). Керамику этих погребений, составляют кубки, крупные кубковидные сосуды, корчаги, черпаки, украшенные широким поясом резного и штампованного орнамента, иногда в сочетании с рельефным. Орнаментацию керамики составляли заштрихованные зигзаги, треугольники, пересекающиеся линии, образующие ромбы, косая и клеточная штриховка, оттиски зубчатого и «S»-видного штампа. К ним относятся погребения 5 и 11 в кургане у с. Великодолинское (рис. 82, 6, 10), Виноградный Сад, Конгаз (рис. 82, 5), Семеновка (рис. 82, 13), Красное, курган 5 погр. 3 (рис. 82, 9), Киркаешты, кург. 4 погр. 3 (рис. 83, 7), Каушаны (рис. 83, 13) и др. Ближайшие аналоги сосудам из этой группы имеются среди керамики группы памятников Сахарна-Солончены в лесостепной Молдове, которые в настоящее время датируются в пределах конца X – первой половины VIII вв. до н.э. (Смирнова 1985: 33–53). В связи с этим IX–VIII вв. до н.э. мы датируем и степные погребения с аналогичной керамикой.

К этой группе относятся погребения, сопровождающиеся относительно богатыми наборами инвентаря. В погребальном комплексе погр. 1 курган 2 у с. Кали-

[1] Недавний осмотр меча показал, что в средней части клинка на месте слома отсутствует часть лезвия длиной не менее 5–7 см. Это необходимо учитывать при определении размеров меча. *(Прим. отв. ред.)*

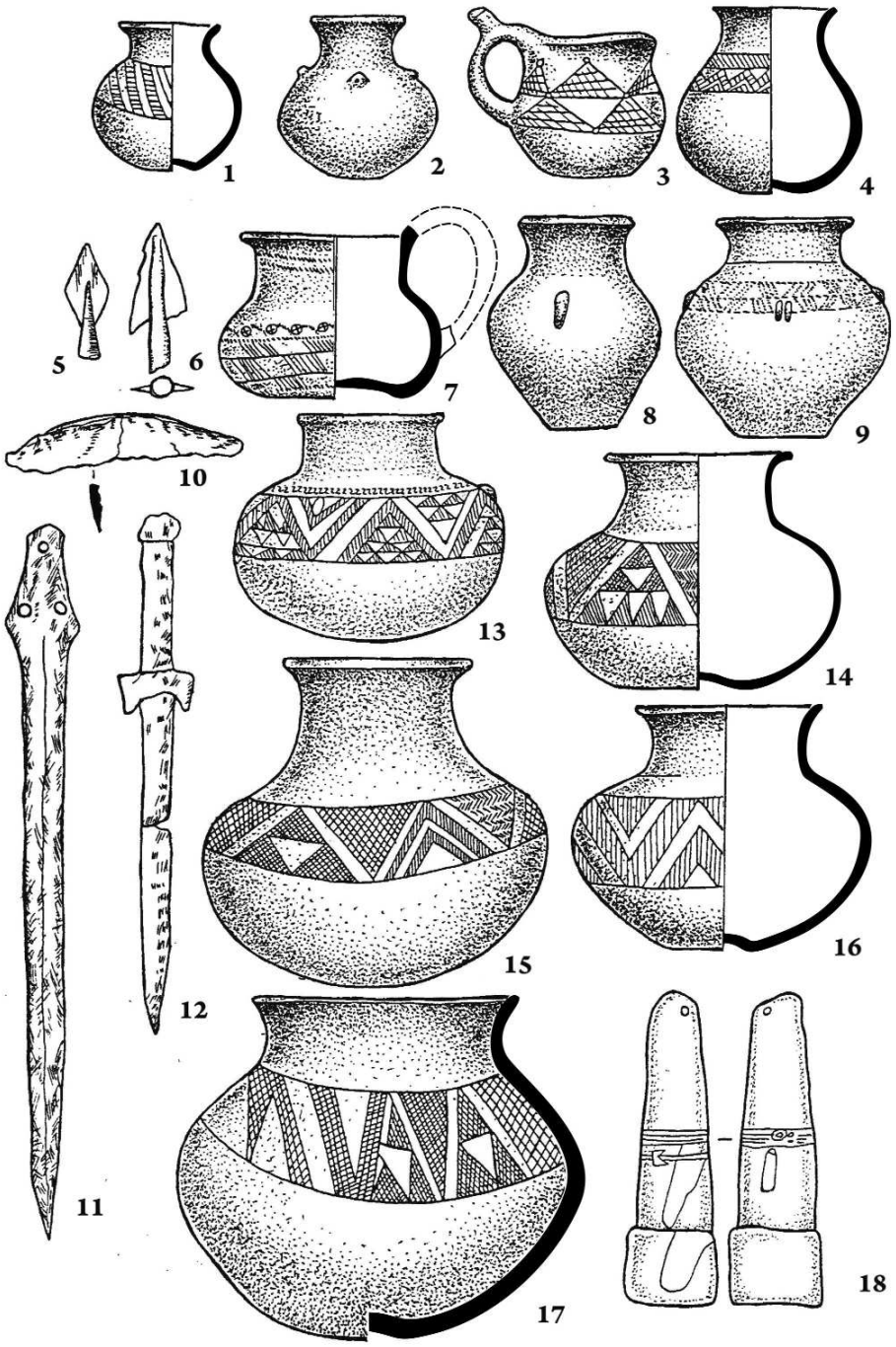


Рис. 83. 1 – Яблоня; 2 – Траповка; 3 – Петродолинское; 4 – Новая Одесса; 5 – Тирасполь; 6 – Холмское; 7 – Киркаешти; 8 – Костычи; 9 – Суклея; 10, 11 – Слободзея; 12 – Берёзки; 13 – Каушаны; 14 – Дальник; 15 – Маяки; 16 – Огородное; 17 – Пивденное; 18 – Ольвия

новка находился большой биконический чернолощеный сосуд, деревянный сосуд с бронзовыми и золотыми оковками (накладками), бронзовые нож и цилиндрический молоток, каменный оселок (рис. 81, 21–28). В единственном пока, в Северо-Западном Причерноморье, богатом основном киммерийском погребении воина, в кургане у с. Слободзея, находился железный меч (рис. 83, 11), бронзовые однокольчатые удила, костяные псалии, бронзовые и золотые украшения (Яровой, Кашуба, Махортых 2002). Анализ комплексов этой группы показывает, что белозерский компонент хотя и имел место в формировании памятников этого типа, но он не был доминирующим. Основные элементы погребального обряда и инвентаря свидетельствуют о массовом проникновении на этом этапе в Северо-Западное Причерноморье носителей новой культуры, называемой иногда «протоскифской», которая кардинально изменила культурно-историческую ситуацию в регионе. Следует отметить, что некоторые из перечисленных киммерийских комплексов (Калиновка, Слободзея) содержат материалы, связанные своим происхождением как с Северным Кавказом (бронзовые уздечные принадлежности, молоток), так и с Центральной Европой (железный меч, керамика).

Выделяется небольшая группа погребений, сопровождающихся керамикой типично фракийского круга. В погребении 13 кургана 10 у с. Сарата найден кувшин, украшенный резным и штампованным орнаментом, инкрустированным белой пастой, типичный для культуры Басараби (рис. 82, 2). Из кургана 98б у с. Парканы происходит двуручная чаша (рис. 82, 3). К этой же группе относится и погребение 4 кургана 3 у с. Рошканы, сопровождавшееся кувшином типа Шолданешты (рис. 82, 1). Интересный керамический комплекс фракийского облика происходит из разрушенного погребения 1 кургана 4 у с. Дивизия. Он состоит из биконического сосуда, кубковидного сосуда и сосуда баночкой формы со сливом (или носиком) (рис. 82, 4, 7, 8). Аналогичные сосуды характерны для раннефракийских памятников Нижнего Подунавья, где они датируется довольно широко от XIII до начала VI вв. до н.э. (Vulpe 1965: 105–132; Gumă 1993: 211). Следует заметить, что по погребальному обряду перечисленные погребения ничем не отличаются от киммерийских.

3. Наиболее позднюю группу киммерийских погребений Северо-Западного Причерноморья, сравнимую с памятниками новочеркасской ступени, составляют, главным образом, вытянутые на спине погребения в прямоугольных и овальных ямах (в том числе 8 ям с подбоем). Таких погребений 20. Для них характерна, главным образом, западная ориентировка. Среди погребального инвентаря – редкие находки железных ножей (рис. 83, 10), бронзовые наконечники стрел с ромбическим и заостренным пером (рис. 83, 5, 6), деревянные сосуды, каменные оселки. Керамика представлена сосудами тюльпановидной формы (рис. 83, 8), но, главным образом – кубками, кубковидными сосудами, черпаками, украшенными широким поясом резного геометрического орнамента (рис. 83, 1, 3, 4, 14–17). Форма и орнамент этих сосудов позволяет отождествлять их с керамикой позднечернолесской культуры в лесостепном Днепровском Правобережье, которая в настоящее время датируется второй половиной VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983: 11). Наибольшая концентрация этих погребений фиксируется в Нижнем Поднестровье (Маяки, Пивденное Суклея, Дальник II, Петродолинское, Марковка, Лиманское и др.), и меньшее количество в Южном Побужье. К этой же группе памятников относятся погребения в кургане у с. Березки с железным кин-

жалом новочеркасского типа (рис. 83, 12), клад из с. Пуркары с предметами вооружения и уздечным набором новочеркасского типа, сделанными из железа (Лапушнян 1977: 37–39; Яровой, Бруяко 2000), а также каменная антропоморфная стела с гравированными изображениями пояса, кинжала, колчана, происходящая из Ольвии (рис. 83, 18).

Погребальный обряд и инвентарь киммерийских памятников Северо-Западного Причерноморья демонстрирует сложный процесс взаимодействия местного и прошлого населения в IX–VII вв. до н.э. В нем выделяются следующие 3 крупные (или основные) группы компонентов: местные, связанные с традициями предшествующей белозерской культуры, восточные – из пока не локализованных центров Центральной Азии и Кавказа, а также западные – сильные влияния со стороны соседних оседлых племен, главным образом, ранних фракийцев Карпато-Дунайского бассейна (Vanchugov 1998: 96–106).

Анализ комплексов оседлого населения в степной зоне Северо-Западного Причерноморья свидетельствует о полном опустении региона в IX–VIII вв. до н.э., по сравнению с предшествующим периодом поздней бронзы. Для первой четверти I тыс. до н.э. характерно практически полное отсутствие поселений вплоть до начала греческой колонизации региона. Наиболее достоверные следы оседлого населения прослеживаются лишь на левобережье Нижнего Дуная у сел Орловка и Новосельское.

ПАМЯТНИКИ ФРАКИЙСКОГО ГАЛЬШТАТА

Ареал археологических культур соотносимых с древнефракийским населением охватывает обширные районы Балканского полуострова и делится на две большие историко-географические области – северофракийскую, занимающую Карпато-Днестро-Дунайский бассейн и южнофракийскую, охватывающую территории современных Болгарии и Северной Греции (т.н. историческая Фракия). Археологические памятники фракийского населения Северо-Западного Причерноморья соответствуют северофракийскому ареалу. При этом, памятники фракийского населения эпохи среднего гальштата (HaB3-HaC) известны лишь на крайнем юго-западе Одесской области в районе Нижнего Дуная. В смежных областях они представлены довольно плотной группой в лесостепи между Днестром и Прутом на территории Республики Молдова. Основной же ареал северофракийских культур этой эпохи располагается на территории современных Румынии и Северной Болгарии.

История исследования. До недавнего времени, единственным археологическим памятником фракийской культуры периода среднего гальштата в Северо-Западном Причерноморье являлось поселение у с. Орловка (Ренийский р-н Одесской обл.)[1]. В силу ряда обстоятельств кардинально меняющих наше представление об исторической топографии и характере данного памятника недавно было предложено впредь именовать этот древний населенный пункт как «городище Картал» (Бруяко 2009).

В результате первого же сезона раскопок, на этом многослойном памятнике, был локализован слой культуры Басараби (Головко, Бондарь, Загинайло 1965). Эта культура, основной ареал которой расположен в южной части Румынии (Валахия и Южная Трансильвания), в настоящее время датируется VIII – первой пол. VII вв. до н.э. В 2004 г. на территории посада городища был открыт грунтовой могильник этого же времени. Пока его культурная принадлежность остается не вполне ясной. Очевидно лишь, что хронологически он вполне сопоставим с периодом существования поселения культуры Басараби на городище Картал.

В 1988–1989 гг. в этом же районе у с. Новосельское (Сату Ноу) на городище Новосельское-II были открыты следы обитания какой-то группы фракийских племен, культура которой соответствует выделенной сравнительно недавно культурной группе «Бабадаг-III» (Brujako, Noviţki 1997; Бруяко, Ярошевич 2001)[2]. Эта фаза считается заключительной в длительном (от XII–XI вв. до н.э.) развитии культуры Бабадаг и синхронной культуре Басараби (VIII–VII вв.). Основной ареал памятников типа Бабадаг-III – область Северо-Восточной (румынской) Добруджи.

---

[1] Памятник исследовался экспедицией Одесского государственного университета под руководством Р.Д. Бондарь с 1963 по 1994 гг. С 1998 г. раскопки были возобновлены на территории посада городища. Ведет раскопки Одесский археологический музей, партнерами которого в разные годы являлись Институт фракологии (Бухарест, Румыния), Высшая антропологическая школа (Кишинев, Молдова), Германский археологический институт (Евразийское отделение, Берлин).

[2] В 1988–1989 гг. раскопки на памятнике вела экспедиция Одесского охранного археологического центра под руководством Е.Ю. Новицкого и И.В. Бруяко. В 1997–1999 гг. работы продолжила международная украинско-румынско-молдавская экспедиция под общим руководством В.П. Ванчугова.

Вероятнее всего, с периодом существования этих фракийских памятников в низовьях Дуная, нужно связывать и отдельные находки (в частности, керамику), обнаруженные в некоторых подкурганных захоронениях предскифского периода в степной части Днестро-Дунайского междуречья (Ванчугов 1998).

Таким образом, памятники фракийской культуры эпохи среднего гальштата в Северо-Западном Причерноморье, образуют восточную (северо-восточную) периферию Карпато-Дунайского блока фракийских древностей этого периода.

Периферийный характер среднегальштатских памятников, их малочисленность в сочетании с культурной неоднородностью делает необходимым более широкий территориально-хронологический обзор, с привлечением источников из основного ареала культур «фракийского гальштата» каковым является Карпато-Дунайский бассейн.

Понятие «фракийский гальштат» и хронология культур эпохи среднего гальштата. До недавнего времени, не было необходимости всякий раз раскрывать содержание данного понятия. Географически, под понятие «фракийский гальштат» подпадали области Карпато-Дунайского бассейна и севера Балкан составлявшие юго-восточную и восточную периферии обширного района в Средней Европе с центром в Альпийской зоне, где существовали памятники т.н. «классической» гальштатской культуры[1]. Необходимость выделения периферийной гальштатской области диктовалась несколькими, весьма существенными причинами. Во-первых, материальная культура населения Карпато-Балканского региона в целом, при очевидном наличии общих черт, обладала и многочисленными признаками, отличавшими ее от культуры «классического» гальштатского ареала. Во-вторых, колонная секвенция культур фракийского гальштата имеет значительно более длинную хронологию (XII/XI–VII/VI вв. до н.э.), нежели культуры собственно гальштатского, альпийского ареала (VIII–V вв.). В-третьих, значительная часть культур Карпато-Балканского региона совершенно справедливо отождествлялась с фракийским этносом, ареал которого в северо-западном направлении ограничивался историко-географической областью Банат и низовьями р. Тиса, а на западе соседствовал с миром иллирийских племен западной части Балканского полуострова.

В последнее время, все чаще звучат призывы отказаться от употребления термина «фракийский гальштат», поскольку он в силу постоянно накапливающегося фонда источников перестает отражать реальное положение вещей. В частности, предполагается, что различий между культурами фракийского и нефракийского (классического) гальштата стало гораздо больше. Вероятно, настолько, что такое европейское транскультурное понятие как «гальштат», абсолютно неприменимо к области обитания древних фракийцев. Кроме того, на сегодняшний день появились вполне обоснованные сомнения относительно фракийской принадлежности ряда археологических культур, которые до недавнего времени считались бесспорно фракийскими.

Между тем, данное определение, на наш взгляд совершенно исчерпывает, проблему терминологии, по крайней мере, на уровне описания феномена. А это немало, если учесть, что, во-первых, мы пользуемся абсолютно понятным для всех, устоявшимся определением некоего культурного явления, а во-вторых, меру обособленно-

[1] Эпонимный памятник – могильник у г. Гальштат (Hallstatt) в Австрии. Начало изучения относится к 20–30 гг. XIX в.

сти, индивидуальности фракийского блока предстоит выяснять еще довольно долго. Существует проблема хронического отставания в процедуре объяснения культурного феномена с одной стороны от, не требующей глубокого анализа, процедуры его переименования. При этом, зачастую необходимость этой процедуры вызвана лишь неуёмным, плохо обоснованным стремлением к переменам. В этих условиях ритуал «навешивания» на этот феномен очередного ярлыка, только лишь в угоду желанию постоянного обновления всего и вся, кажется излишним занятием[1].

Не случайно обе отмеченные области до настоящего времени «живут» в одной и той же хронологической схеме. Хотя, Карпато-Балканский регион в данном отношении, безусловно, подчинен центральноевропейскому и здесь как раз и кроется еще одна весьма важная проблема, особенно отчетливо обозначившаяся в последнее время.

Хронология культур гальштатского круга Карпато-Дунайского бассейна и Днестровско-Карпатских земель проецируется на европейскую гальштатскую хронологическую схему разработанную П. Райнеке на рубеже XIX–XX вв. и модернизированную Г. Мюллером-Карпе в конце 50-х гг. прошлого столетия. Согласно этой схеме период среднего гальштата охватывает ступени HaB3-HaC или 800–600 гг. до н.э. Как известно, гальштатская хронологическая схема понимается, как схема относительной хронологии во-первых (размещение соответствующих ступеней (этапов) друг относительно друга), и только, во-вторых, как хронология абсолютная (привязка этих ступеней к календарному летоисчислению). Именно так и воспринимают эту схему европейские исследователи. Для археологов советского и постсоветского пространства более привычным всегда было использование абсолютных дат. Здесь не место рассуждать о порочности одной методики и прогрессивности другой. Традиция сложилась и закрепилась если и не на генетическом уровне, то уж на психологическом, во всяком случае[2]. Отметим следующие, важные для дальнейшего изложения моменты.

Этап HaB, который как раз и интересует нас в первую очередь, по схеме П. Райнеке – Г. Мюллера-Карпе был разбит на 3 хронологически последовательные ступени (B1-B3). Первая и третья из этих ступеней были вполне надежно синхронизированы с периодами поздняя Протовилланова (X в.) и Вилланова II (VIII в.). Что касается фазы HaB2, то ее наличие в основном подразумевалось поскольку IX в. в Центральной Европе приходился на лакуну, которой в Италии соответствовал этап Вилланова I. Таким образом, не имея полноценного, оригинального археологического контекста в Центральной Европе, этап HaB2 образовался в значительной степени умозрительно.

В 90-е гг. XX в. схема Г. Мюллера-Карпе подверглась корректировке в результате которой сложилась следующая картина. В качестве полноценных хронологических фаз для периода HaB остались лишь ступени B1 и B3. Фаза HaB2, теперь понимается не как самостоятельная хронологическая ступень, а некая прослойка или временной срез, всплывающий в одних регионах Центральной Европы и исче-

---

[1] «Неклассический гальштат» – вот неологизм, которым предлагают заменить «фракийский гальштат». И то, и другое понятие одинаково подчёркивают отличие этого провинциального гальштата от того, классического. Бессмысленность подобной замены в данном случае очевидна.

[2] Об этом же, фактически говорит М.Б. Щукин. При этом, он полагает, что сложности соотнесения системы относительной хронологии с абсолютными датами столь значительны, что нам вообще предстоит в ближайшем будущем «…изменить саму парадигму нашего хронологического мышления» (Щукин 2004: 228, 233).

зающий в других. В итоге, фазы HaB2 и HaB3 были объединены в одну, которая получила обозначение HaB2/HaB3 (HaB2/B3). А затем, произошел и пересмотр абсолютных дат для этих ступеней на основе новейших датировок ряда памятников Центральной Европы по методу дендрохронологии. В результате, была установлена верхняя граница для культурного блока Урненфельд (конец фазы HaB2/B3), и нижний предел для культур гальштатского круга в Центральной Европе (HaC1) – рубеж 1-й и 2-й четверти VIII в. до н.э. (778±5 BC [Pare 1996: 103])[1].

Фактическая ликвидация целой ступени привела к объединению HaB2 и HaB3 в одну новую ступень и смещению её почти целиком в IX в. Поскольку, древности классического Гальштата (фаза «C»), в схеме Г. Мюллера-Карпе занимали VII в. до н.э. (HaC1-HaC2), то стало понятно, что оставаться там дальше они не могут, так как теперь уже куда-то исчезает VIII столетие и его необходимо чем-то заполнить. Сторонники новой схемы предлагают вывести ступень HaC в VIII в. и поместить ее там, где она и должна находиться по законам относительной хронологии – следом за HaB2/B3, т.е. после даты 778±5 BC. Однако, древности этапа «C» остаются и в VII веке и таким образом вместо одного столетия ступень HaC теперь охватывает почти два. Поскольку речь идет уже не о «бессловесных» столетиях (X–VIII вв.), а о начале письменной истории Европы, то передвигать вниз содержимое одного столетия за другим руководствуясь лишь здравым (но не всегда верным) смыслом заполнения пустого пространства было бы верхом легкомыслия. К тому же, начиная с середины VIII века перестают работать и колебания калибровочной кривой, на которые многое списывают в предыдущие эпохи. Именно для X, а особенно IX и VIII вв. до н.э. поправки радиоуглеродных дат в сторону понижения выглядят наиболее существенными – до 70–80 лет. Однако, после 750 г. все становится на свои места. И уже 700 BC – это рубеж, который не подвержен никаким корректировкам, ни радиоуглеродным, ни дендрохронологическим (Nijboer 2006: 255, 267), поскольку оба этих метода отныне дают значения, которые не отличаются от конвенциональной хронологии. В радиоуглеродном методе такое совпадение объясняется явлением, называемым «Hallstatt disaster» (см. напр. Nijboer et al. 1999/2000). Этот естественнонаучный феномен удивительным образом соответствует началу европейской (античной) письменной традиции. Может быть поэтому, (а, может быть и нет) ступень HaC модернизирована следующим образом. Фаза HaC1 отныне делится на раннюю и позднюю. Рубежом между ними является дата 720 BC. Но, при этом, HaC1/«ранний» нельзя считать полноценной фазой, универсальной для всего ареала классической гальштатской культуры поскольку она, пока имеет региональный статус, в частности для западногальштатского ареала. К тому же, археологическое содержание этой ступени в количественном и качественном отношениях явно уступает предшествующей (HaB2/B3) и последующей (HaC1/«поздний») фазам (Pare 1996: 111). Таким образом, в методическом отношении процедура выделения раннего HaC1 столь же спекулятивна, как и технология появления фазы HaB2 в схеме Г. Мюллера-Карпе. Видимо, ранний HaC1 – это всё же ещё не «классический» Гальштат. Хронологическая «прозрачность» (или призрачность) этой ступени подтверждается тем, что опорные комплексы рубежа HaB/C (ок. 700 г. по схеме Г. Мюллера-Карпе), дабы избежать известного риска, помещают в фазу позднего HaC1, т.е. примерно после 720 BC. Таким образом, для

[1] Дендродата для курганного погребения «Hexenberge» в Баварии (район г. Аугсбург).

интересующего нас периода (VIII–VII вв.) все это, фактически сводит к минимуму разницу при абсолютном датировании по схеме Г. Мюллера-Карпе и её новому, откорректированному варианту.

Все эти коллизии касаются главным образом Центральной Европы, по отношению к которой, Карпато-Дунайский бассейн является периферийным ареалом. Здесь ощущается явный дефицит надежных хроноиндикаторов, которые позволили бы достоверно вписать древности этого региона в календарную хронологическую схему. Таковыми индикаторами являются изделия из металла, чей ассортимент и численность на западе и в центре Европы на несколько порядков выше аналогичных показателей для Карпато-Дунайского региона. Далее на восток эти показатели продолжают неуклонно снижаться. Это следует непременно учитывать в регионе Восточной Европы, которая в свою очередь, является периферией уже по отношению к Карпато-Дунайскому бассейну и где нет, ни крупных компактных могильников предскифского времени изобилующих металлическим инвентарем, ни значительных по составу кладов этого же периода (подр. см. Бруяко 2004)[1].

В последнее время среди отечественных исследователей, занимающихся проблемами предскифского периода юга Восточной Европы наблюдается небывалый энтузиазм в связи с обозначившимися новыми хронологическими горизонтами. Справедливости ради, нужно сказать, что столь радикальные умонастроения распространены у незначительной части специалистов, которые стремятся поскорее внедриться со своим периферийным хозяйством в европейский хронологический контекст. В настоящее время такое желание не совпадает с имеющимися возможностями. Эти возможности не позволяют пока использовать единый метод датирования для разных районов Старого света, или хотя бы сблизить между собой схемы, полученные при помощи различных методов абсолютного датирования. Если в Центральной Европе счастливый случай, происшедший в Баварии позволил внедрить календарный дендрохронологический метод, то для средиземноморского ареала радиоуглеродные даты пока остаются единственными в своем роде, для тех, кого не устраивает конвенциональная хронология[2]. Причем, пока еще совершенно неясно как нужно соотносить между собой датировки, полученные с помощью этих двух принципиально различных методов. Поэтому, энтузиазм, с которым в Восточной Европе была встречена дата 778±5 ВС для рубежа HaB/C, не слишком оправдан. А, между тем именно эта единственная дендродата, полученная к тому же для Южной Германии, которая, как известно, довольно далека от Северного Причерноморья, как географически, так и археологически, служит системообразующим элементом для тех авторов, которые претендуют на глобальную ревизию хронологии раннего железного века Восточной Европы. При таком подходе, пересмотр хронологии вряд ли окажется корректным. Ведь относительная хронология раннего железного века Восточной Европы по-прежнему очень плохо соотносится с центральноевропейской. Что же касается относительной хронологии предскифского периода в Восточной Европе, так её попросту нет.

Учитывая всю неупорядоченность ситуации, в дальнейшем мы будем отдавать предпочтение абсолютным датам, отмечая при этом некоторые важные соответствия с относительной схемой гальштатской хронологии старого и нового вариан-

---

[1] Определенное исключение составляет Восточная Галиция (Михалков, Голиграды, Мошанец), демонстрируя лишний раз свою приуроченность к центральноевропейскому культурному кругу.

[2] В последнее время, получено несколько дендродат для отдельных памятников балкано-анатолийского региона – Гордион (РЖВ) и Ассирос (ПБВ).

тов. В абсолютных датах интересующая нас эпоха среднего гальштата определяется VIII–VII вв. до н.э.

Археологические памятники эпохи среднего гальштата. Как уже отмечалось, на территории Северо-Западного Причерноморья, без учета районов лесостепной Молдавии, к настоящему времени известно 2 поселения этого периода, одно из которых (городище Картал) сопровождается могильником.

Городище Картал расположено в 1,5 км западнее современного с. Орловка (Ренийский р-н Одесской обл.) и представляет собой крупный многослойный памятник, где помимо прочего представлен едва ли не весь спектр фракийских культур Карпато-Дунайского бассейна конца II–I тыс. до н.э.

Поселение раннего железного века состояло из центральной, возможно укрепленной на то время части (акрополя), занимавшей господствующую над местностью высоту («Каменная Гора») и обширного предместья (посада). Культурные слои с материалами VIII–VII вв. соответствуют горизонту «Картал III» общей стратиграфической колонки городища. Эти слои традиционно, еще с момента первой публикации (Головко, Бондарь, Загинайло 1965) отождествляются с культурой Басараби. И действительно, очень характерная, практически безошибочно определяемая столовая керамика этой культуры известна как в слоях цитадели на «Каменной Горе», так и в раскопах на территории посада.

Керамический комплекс представлен двумя основными составляющими – столовой и кухонной посудой. В свою очередь, столовая керамика может быть разделена на 2 подгруппы. К первой относится орнаментированная, парадная керамика. Это формы столовых сосудов весьма качественной отделки с прекрасным, часто глянцевым лощением. Поверхность таких сосудов имеет темно-серый, черный либо желтый оттенки. Для орнаментации использовались разнообразные штампы среди которых наиболее популярны разновидности т.н. «бегущей волны» и оттиски «ложного шнура». Фрагментов такой керамики в общей массе столовой посуды немного (рис. 84, 1–3). Чаще всего это черпаки, либо миски, как с широким, отогнутым наружу, так и с загнутым внутрь краем.

Вторую подгруппу составляет лощеная столовая керамика либо с целиком гладкой, неорнаментированной поверхностью, либо украшенная пластическим орнаментом в виде каннелюров и небольших налепных выступов, как правило, конической формы (рис. 84, 4–6). Количество фрагментов этой посуды очень велико. Одной из самых популярных форм являлся тип миски с гладким и канелированным краем, который почти всегда загнут вовнутрь. Весьма распространены низкие двуручные черпаки, а также небольшие корчажки и кубки.

Кухонная посуда этого периода в типологическом отношении выглядит гораздо беднее. Ведущими формами здесь являются слабопрофилированные горшки и горшки т.н. «баночного» типа с желтовато-коричневой, заглаженной поверхностью (рис. 84, 9–10, 12). Очень часто поверхность этих сосудов украшена пластическим орнаментом в виде небольших конических выступов и налепных валиков с косыми насечками или пальцевыми вдавлениями.

Среди прочих находок главное внимание привлекают *металлические изделия,* как основной хронологический индикатор. В свою очередь здесь безусловное первенство принадлежит фибулам. С учетом находок на могильнике[1], на сегодняшний

[1] Сведениями о фибулах найденных на акрополе городища мы не располагаем.

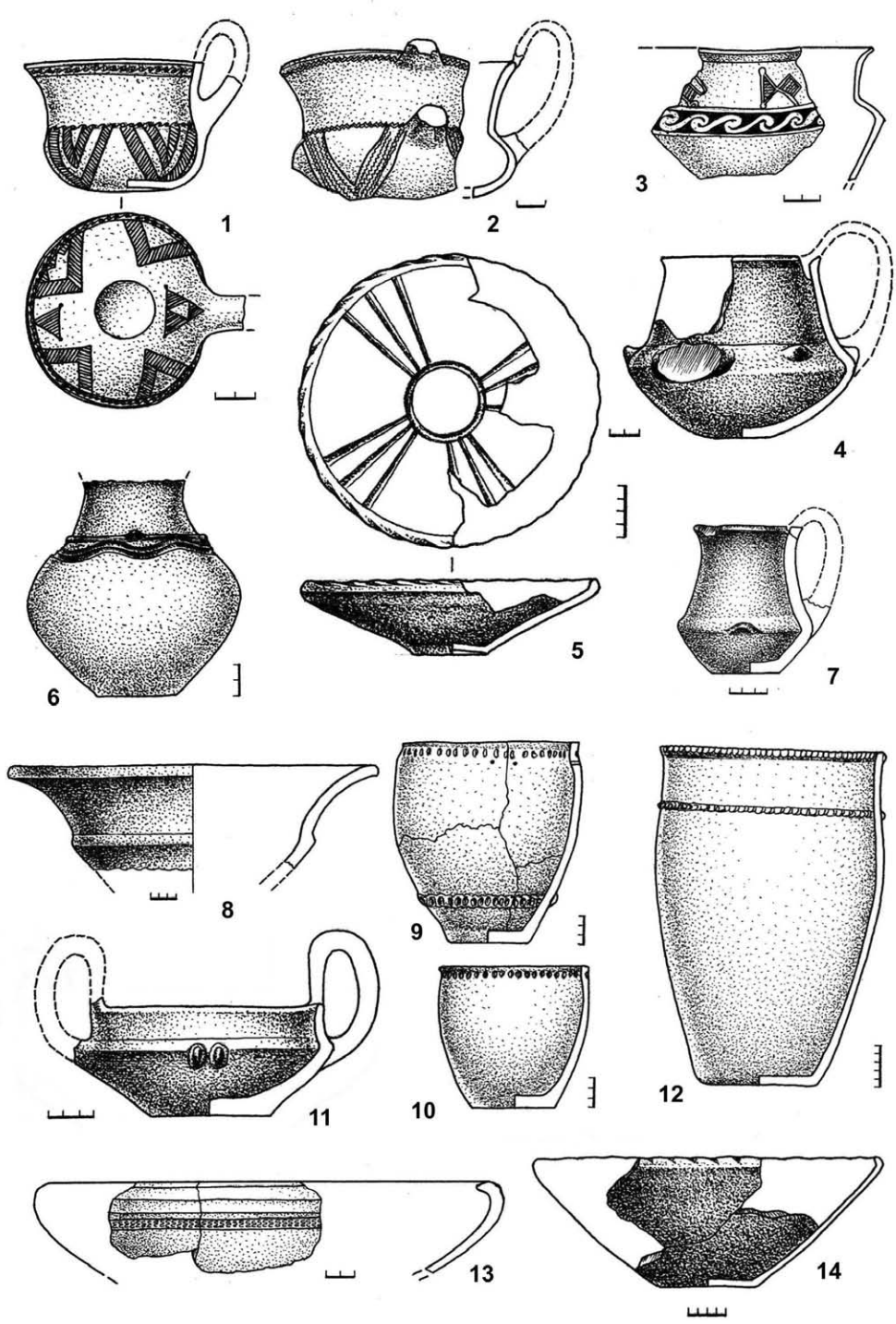


Рис. 84. Городище Картал. Керамика эпохи среднего гальштата

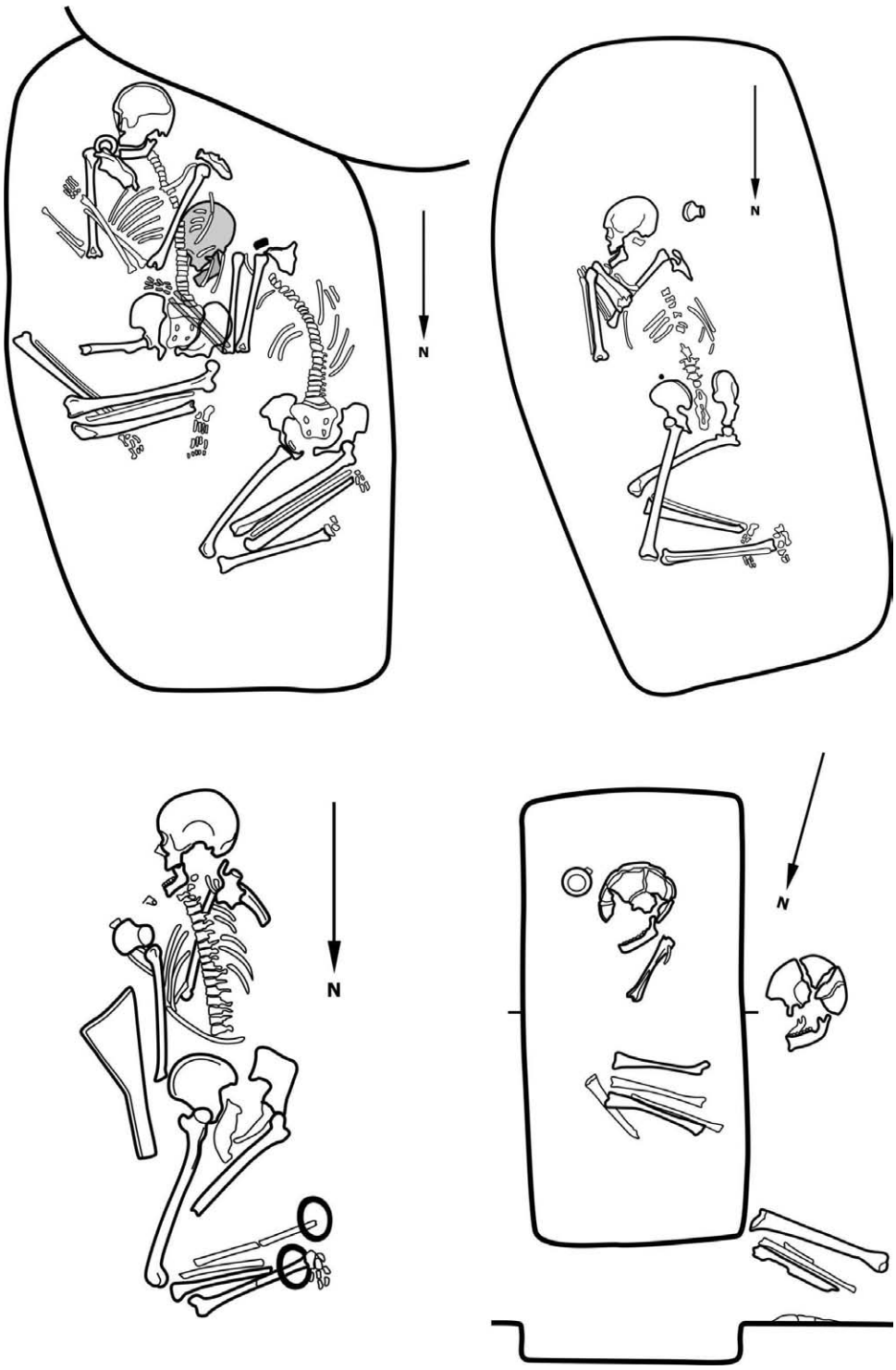


Рис. 85. Типы погребений могильника Картал-III

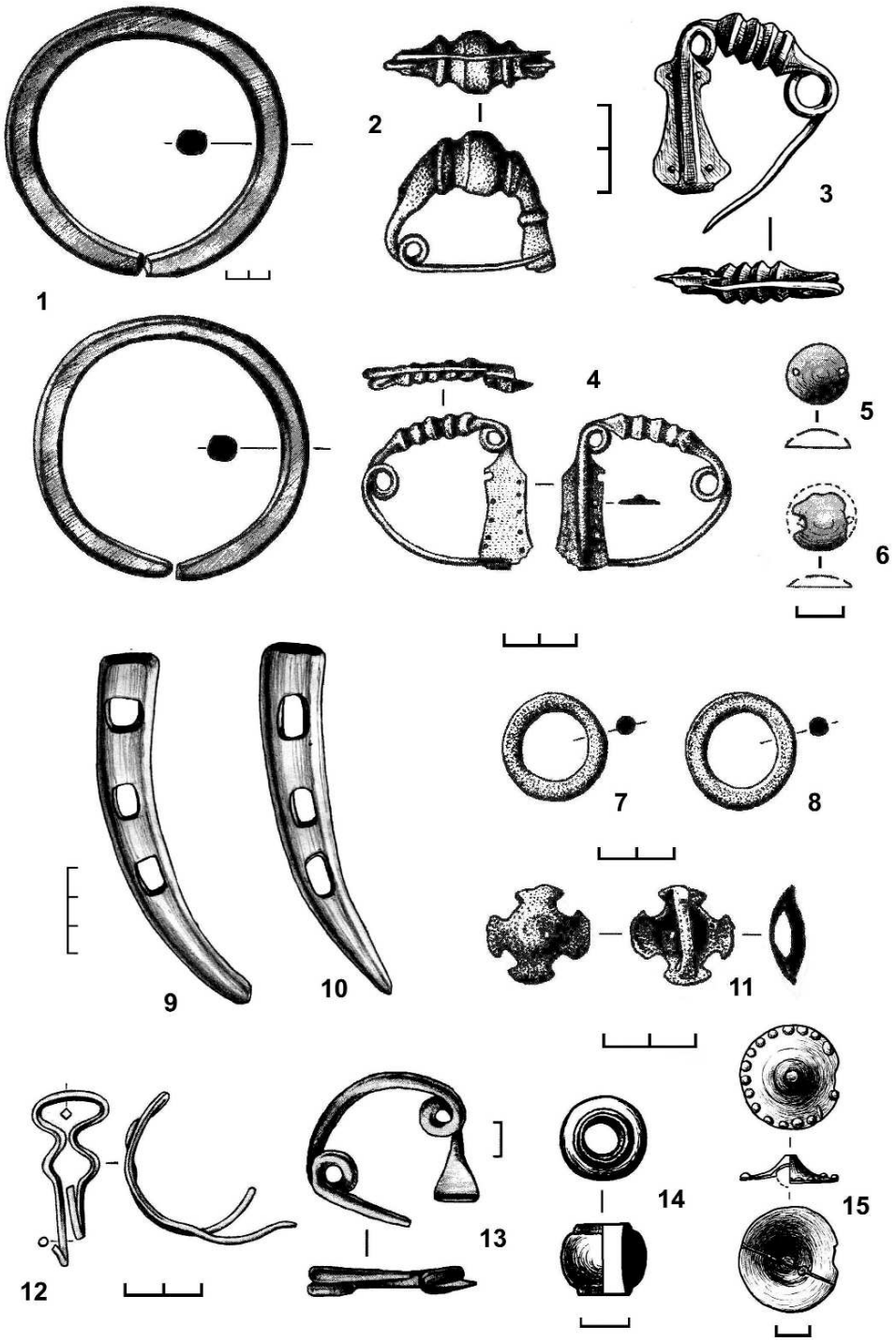


Рис. 86. Городище Картал. Бронзовые предметы и изделия из рога из поселения (12, 13) и могильника

день известно 25 целых и фрагментированных экземпляров (в т.ч. 4 железных). Большинство из них принадлежат к уже известным типам фибул Балканского региона: *zweischleifige Bogenfibeln mit sanduhrförmiger Fußplatte; einschleifige Bogenfibeln mit Bügelkugeln; zweischleifige Bogenfibeln mit dreieckiger Fussplatte* (рис. 86, 2–4, 13). Прочие изделия из металла, это бронзовые гладкие кольца, разнообразные бляшки, обоймы, пронизи, браслеты, булавки, наконечники стрел.

Строительные остатки этого периода представлены в основном ямами т.н. «классического» облика – с более или менее узким устьем и расширяющимися ко дну стенками. Помимо ям на территории посада открыты остатки 2 наземных построек т.н. каркасно-глинобитного типа. Оба сооружения представляли собой остатки глинобитного пола со столбовыми ямками разного диаметра. Судя по наличию двух открытых очагов и следов дощатого пола одно из них определенно можно отнести к сооружениям жилого типа.

Могильник городища Картал эпохи среднего гальштата открыт в 2004 г. (Бруяко, Субботин, Субботин 2005). Участок с захоронениями VIII–VII вв. обнаружен в 250–300 м к северо-востоку-востоку от акрополя городища («Каменная Гора»). Могильник грунтовой. Все захоронения совершены по обряду ингумации. К настоящему времени раскопано 300 погребений среди которых есть парные и коллективные. Захоронения совершались в неглубоких ямах, которые в ряде случаев вообще не прослеживались. Ямы простые, прямоугольные, либо овальные в плане. Положение костяков скорченное на правом боку. Ориентировка южная (рис. 85). Инвентарь представлен столовой керамикой, формы которой в большинстве случаев близки миниатюрным (кубки, черпаки, миски, корчажки, пиксиды). Кроме керамики в погребениях присутствуют также детали костюма (фибулы, кольца, бляхи), украшения (браслеты, бусы), предметы вооружения (железные наконечники копий) и конской упряжи (бронзовые бляхи, костяные псалии).

Городище Новосельское-II. Памятник расположен в 5 км к югу от одноименного села (Ренийский р-н Одесской обл.) на левом берегу Дуная. Расстояние между городищем у с. Новосельское и Карталом по прямой составляет 11–12 км. Так же как и городище Картал, данное поселение является многослойным. В отличие от Картала, где мы имеем дело с классической вертикальной стратиграфией, для городища Новосельское-II характерна стратиграфия горизонтальная.

Новосельское-II расположено на узком, невысоком треугольном в плане мысу, острие которого обращено к Дунаю. На каком-то этапе жизнедеятельности поселения, оно обносится оборонительной линией, состоявшей из каменно-земляного вала и неглубокого рва, или даже двух параллельных рвов. Время сооружения оборонительной линии пока точно не установлено. Вал и ров замыкали площадь примерно в 40 га, на которой повсеместно встречается подъемный материал. Наличие довольно большого пространства, по-видимому, обусловило тот факт, что комплексы разных эпох располагаются более или менее изолированно в разных частях городища. И, хотя, наложения одного культурно-хронологического горизонта на другой имеют место, но все же они носили эпизодический, нерегулярный характер, что и позволяет нам говорить о городище Новосельское-II, как о памятнике преимущественно с горизонтальной стратиграфией.

Керамический комплекс. Интересующий нас период представлен здесь материалами культуры типа Бабадаг (фаза «Бабадаг-III»). Причем, в абсолютном большинстве случаев археологический материал исчерпывается керамикой, состоящей из двух основных групп – столовой и кухонной. Столовая посуда представлена

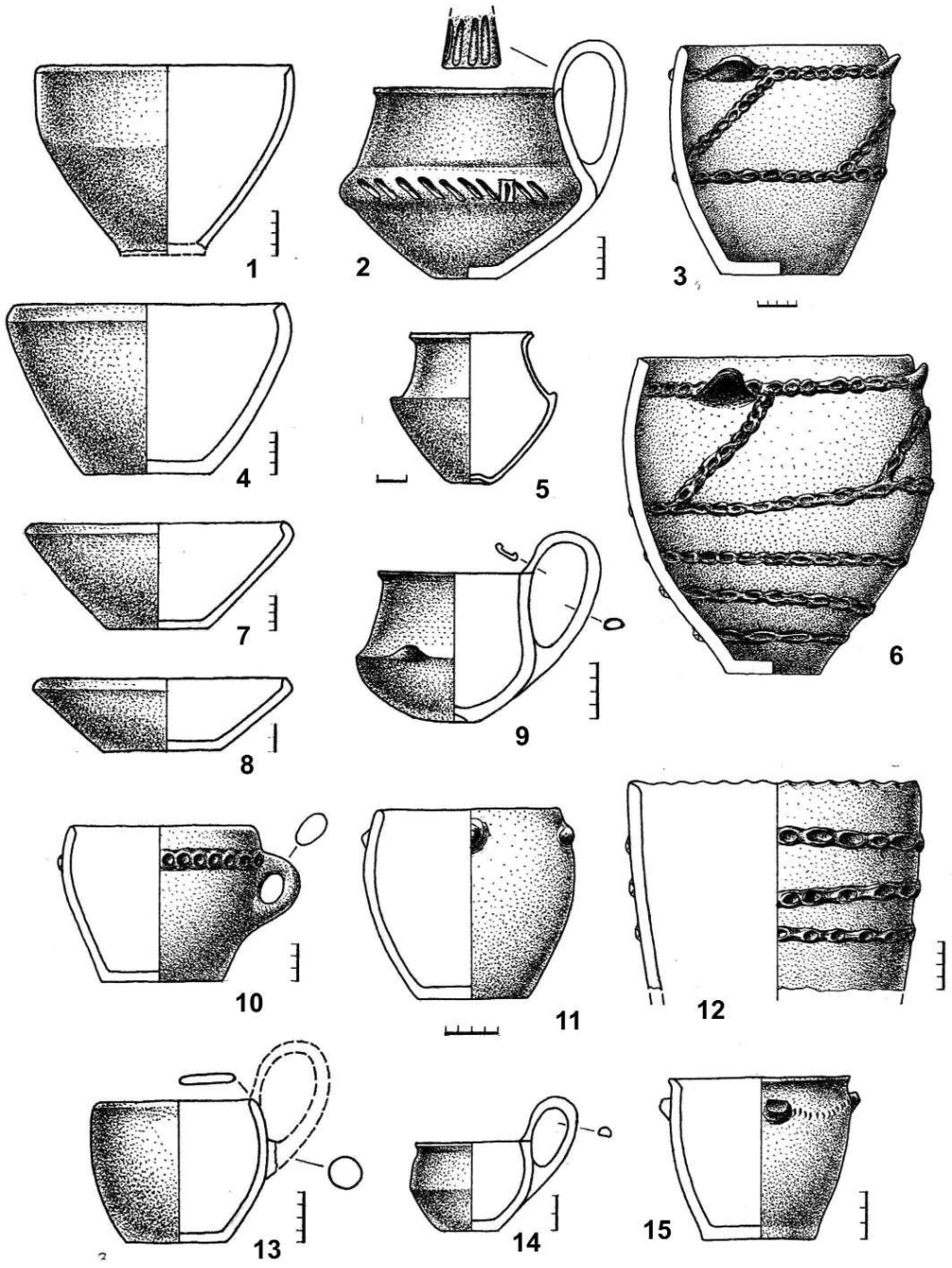


Рис. 87. Городище Новосельское II. Керамика эпохи среднего гальштата

залощенными или хорошо заглаженными формами, ведущими среди которых являются миски, черпаки, кубки (кубковидные сосуды), корчаги (рис. 87, 1, 2, 4, 5, 7–9, 14). Отличительной чертой этой керамики следует считать почти полное отсутствие фрагментов, орнаментированных резным и штампованным орнаментом[1]. Именно по этому признаку, в сочетании с типологией форм, мы и считаем возможным причислить соответствующий слой городища к памятникам типа Бабадаг-III. Типология кухонной керамики (рис. 87, 3, 6, 10–13, 15) совершенно не противоречит (да, и не может противоречить) этому выводу, поскольку известно, что формы кухонной посуды северофракийского ареала весьма консервативны на протяжении большей части I тыс. до н.э. На городище Новосельское-II формы кухонной посуды представлены слабопрофилированными горшками с валиковой орнаментацией, а также горшками закрытого (т.н. «баночного») типа.

Каких-либо изделий из металла, либо иных предметов, которые могли бы служить в качестве хронологического индикатора данного горизонта обитания, на городище не обнаружено.

Строительные остатки представлены хозяйственными ямами, среди которых доминирует тип ямы с узким устьем и расширяющимися коническими, либо грушевидными в разрезе стенками. Помимо ям зафиксировано 2 комплекса, которые можно интерпретировать как остатки полуземляночных построек жилого, либо хозяйственного назначения. Оба сооружения отличаясь по размерам, сходны в конструктивном отношении. Это слегка заглубленные в материковый грунт котлованы овальной и округлой формы с одной несущей конструкцией в виде центрального опорного столба. Причем, в одном случае, остатки сгоревшего столба зафиксированы *in situ*, непосредственно в центральной ямке (рис. 88, 1).

Единичные *погребальные комплексы* городища периода среднего гальштата не образуют компактных участков и встречены пока что только среди объектов хозяйственно-бытового назначения. Причем, в двух случаях погребения обнаружены в комплексах, визуально ничем не отличающихся от обычных хозяйственных ям (рис. 88, 3, 4). Похожая ситуация отмечается и на синхронных памятниках Добруджи, в частности, на городище Бабадаг (Jugănaru 2005: fig.8).

Как мы могли убедиться, памятники эпохи среднего гальштата располагаются на крайнем юго-западе Северного Причерноморья. Одновременно, они образуют восточную периферию обширного блока фракийских культур этого периода (VIII–VII вв. до н.э.) центральным ареалом которого является Карпато-Дунайский бассейн, точнее, Южная Трансильвания, Валахия и Северная Болгария. Основной археологической культурой занимающей это пространство в указанный период является уже упоминавшаяся культура Басараби. Споры вокруг фактического содержания этого культурного феномена ведутся давно. Суть дискуссии сводится к следующей дилемме. Следует ли считать феномен Басараби культурой, либо за ним нужно видеть лишь некий надкультурный стиль, «моду», на пышный керамический орнамент столовой посуды, внезапно распространившейся на огромной территории от Среднего Дуная до Среднего Днестра. Учитывая отсутствие крупных, хорошо исследованных поселений этой культуры, решение данного вопроса отодвигается на перспективу. По большому счету неясной остается и этническая принадлежность носителей Басараби. Практически все исследованные крупные могильники

[1] Известно 3 фрагмента со штампованным орнаментом.

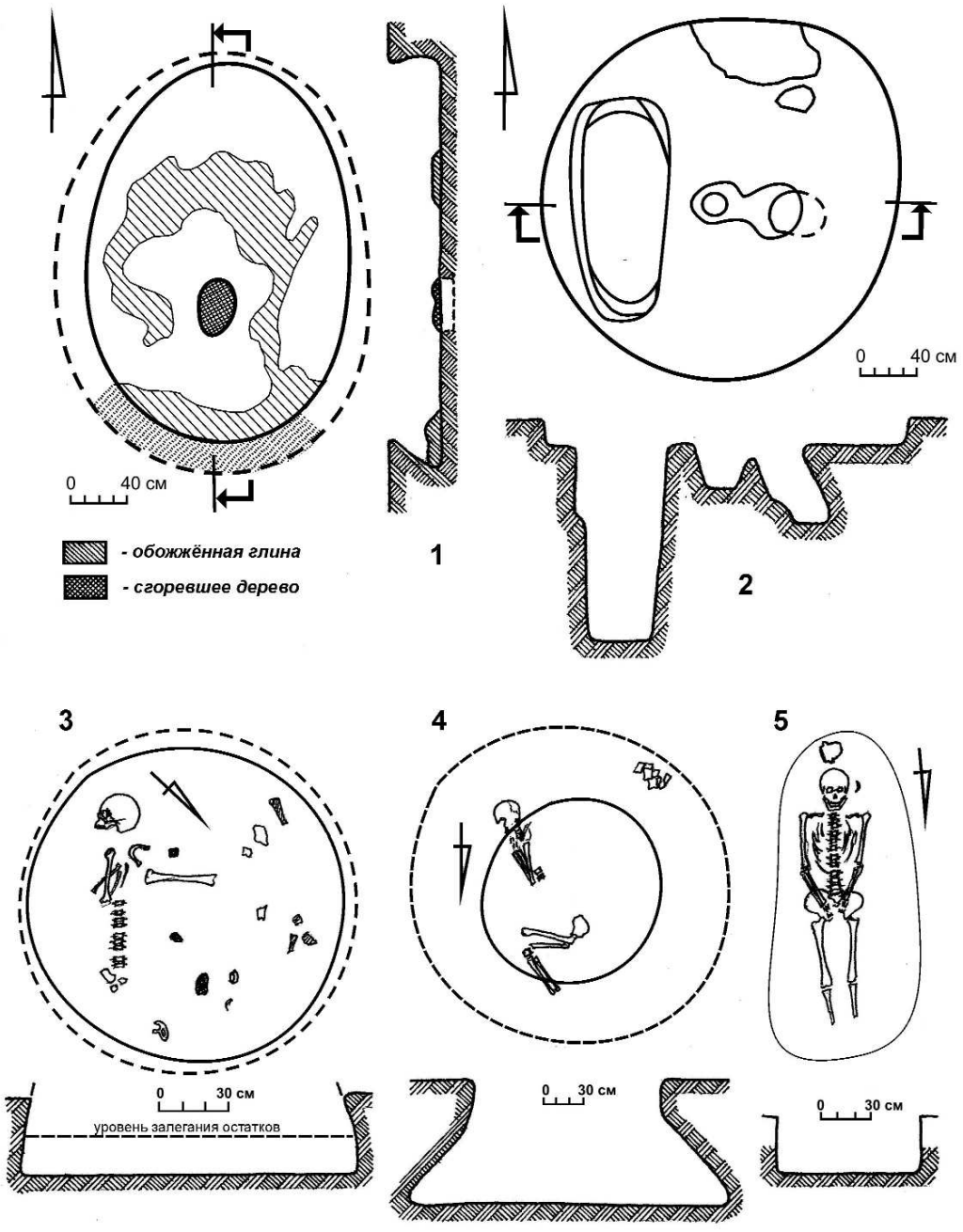


Рис. 88. Городище Новосельское II.
Жилые (1, 2) и погребальные комплексы эпохи среднего гальштата

этой культуры в районе Железных Ворот показывают присутствие в погребальном обряде сильного западнобалканского (иллирийского) компонента (Dumitrescu 1968: 257 и сл.; 1971: 859–860; Petrescu-Dîmboviţa 1972/1973: 83).

Как бы там ни было, но пока соответствующий слой городища Картал мы можем уверенно причислить именно к культуре Басараби. При этом, весьма вероятно, что материалы эпохи среднего гальштата зафиксированные на левобережье Нижнего Дуная отнюдь не исчерпываются материалами только этой культуры. И для Картала и, главным образом для городища Новосельское-II мы можем говорить о присутствии здесь керамики, соответствующей еще одной культурной группе эпохи среднего гальштата – Бабадаг-III.

Напомним, что этот культурно-хронологический горизонт был в свое время выделен С. Моринцем на эпонимном памятнике в Северо-Восточной Добрудже (Morintz 1987). Причем, основанием для выделения этой новой культурной группы эпохи среднего гальштата послужил именно тот факт, что среди столовой лощеной керамики слоя Бабадаг-III, перекрывавшего слой Бабадаг-II (X–IX вв. до н.э.) полностью отсутствовали экземпляры украшенные прочерченным и штампованным орнаментом. В условиях широчайшего распространения керамики стиля Басараби в этот период данное обстоятельство и позволило С. Моринцу выдвинуть предположение о существовании в низовьях Дуная в VIII–VII вв. какой-то обособленной группы фракийского населения эпохи среднего гальштата.

Помимо отмеченных культурных ареалов, на землях примыкающих или частично входящих в регион Северо-Западного Причерноморья в эпоху среднего гальштата существует еще один культурный очаг. В лесостепной Молдавии еще в 50-е гг. прошлого столетия была выделена группа памятников типа Шолдэнешти. До настоящего времени эта группа рассматривается как своеобразный локальный, среднеднестровский вариант культуры Басараби (Кашуба 2000). Основной категорией материальной культуры позволяющей говорить о подобном родстве является опять-таки столовая керамика, украшенная характерным штампованным орнаментом. Сейчас на Среднем Днестре известна целая группа поселений и городищ, как правило многослойных, где помимо прочего зафиксированы и слои с керамикой типа Шолдэнешти. Ареал этих памятников весьма компактен. Одним из наиболее хорошо изученных поселений в интересующем нас культурном аспекте следует считать городище Хлинжень (Глинжены [Гольцева, Кашуба 1995]).

Помимо поселений, на территории лесостепной Молдавии известно 3 грунтовых могильника, относящихся к группе памятников типа Шолдэнешти (Шолдэнешти, Селиште, Матеуцы [Лапушнян 1979]). Причем, погребальный обряд всех трех могильников по своему основному признаку – грунтовые трупосожжения – отличается от могильников культуры Басараби, раскопанных в районе Железных Ворот, где безраздельно господствует обряд трупоположения под курганными насыпями.

Совсем недавно, в низовьях Прута на его левом берегу у с. Джурджулешты был открыт еще один могильник, который может быть датирован эпохой среднего гальштата, по-видимому поздней ее фазой – в рамках уже только VII в. до н.э. (Leviţki, Haheu 1999). С учетом открытого могильника городища Картал и, уже давно известного могильника у с. Стойкани на правом берегу Нижнего Прута, в низовьях Прута и Дуная довольно отчетливо выявляется какая-то новая группа фракийского (?) населения. Пока мы можем говорить лишь об относительной синхронности всех трех упомянутых могильников в широких хронологических рамках

VIII–VII вв., предполагая при этом, что могильники Картал и Стойкани могут датироваться в том числе и VIII в., а могильник у с. Джурджулешти – только VII в. Погребальный обряд этих могильников, в целом, отличается и от обряда могильников культуры Басараби, и от погребений группы Шолдэнешти.

Обозначившаяся, особенно отчетливо в последнее время культурная пестрота памятников Карпато-Днестро-Дунайского региона VIII–VII вв., позволяет высказаться по поводу феномена Басараби следующим образом. Вероятнее всего, мы имеем дело с новой традицией керамического стиля, которая объединила собой обширный ареал разнокультурного и разноэтничного (фрако-дардано-иллирийского) населения. Эта новая культурная традиция, первоначально сформировалась в области, условным центром которой являются Железные Ворота (Юго-Западная Олтения, Восточный Банат). Быстрое распространение стиля, вероятно, в некоторых случаях сопровождалось и миграцией населения, о чем свидетельствуют достаточно удаленные от центра, изолированные анклавы с соответствующей керамикой (Шолдэнешти). Однако, в основном, речь должна идти не о линейной миграции (переселение), а о миграции концентрической (расселение). Расселение не сопровождается дроблением культурного ареала и лучше всего обеспечивает процесс культурной диффузии. В результате, некая идея постепенно «расползаясь» в разные стороны охватывает сплошную область, без зияющих пустот.

В данном случае, идею выражает орнаментальный стиль Басараби, за появлением которого стоят причины более глубокие, нежели просто мода в современном эстетическом понимании этого слова. Это была очередная модификация геометрического мировосприятия, которая стала завершающим, конечным этапом в линии развития балканской «геометрии» позднего бронзового – раннего железного веков (Бруяко 2005б: 44). Стиль Басараби – вычурный и пышный – как раз и сигнализирует о том, что содержание идеи (мировоззренческие установки, основанные на геометризме) исчерпано. Кризис содержания всегда отражается на форме.

Хронологические рамки культуры Басараби и синхронизируемой с ней фазы Бабадаг-III определяются в пределах VIII (ок. 800 г. до н.э.) – VII (ок. 650 г.) вв. до н.э. Начальная дата «привязана» к финалу эпохи культур «классической штампованной керамики» (по Б. Хенселю) в Карпато-Дунайском бассейне – X–IX вв. (Бабадаг-II, Козия, Сахарна, Инсула-Банулуй). Конечная – соответствует финалу древностей культуры Басараби в том числе и в ее первичном ареале – Олтении – и появлению здесь же, но уже не на равнине, а только в предгорьях Южных Карпат памятников группы Фериджеле-Бырсешти.

Размышляя о хронологии соответствующих слоев Картала и Новосельского, можно уверенно определить VIII век, как основной период жизнедеятельности этих поселений. В тоже время, его начало приходится еще на IX в., а финал – на VII в. до н.э. На раннюю дату указывают некоторые типы фибул, а также керамики (в том числе, со штампованным орнаментом). Что же касается поздней, то в Картале отмечены единичные находки раннескифского облика сер.-второй пол.VII в. и поэтому, весьма вероятно, что поселение эпохи среднего гальштата прекращает свое существование в соответствии с общей верхней датой культуры Басараби, т.е. не позднее середины VII в. Было ли это непосредственно связано с появлением скифов в Бессарабии ок. 650 г., либо фракийское население покинуло городище раньше – пока не ясно. Можно лишь предполагать, что переход скифских отрядов на правый берег Дуная, о чем свидетельствуют соответствующие памятники Северо-Восточной Добруджи конца VII в. вряд ли происходил в условиях «полного взаимопонимания»

между номадами и оседлым фракийским населением левобережья Нижнего Дуная. Хотя, и в данном случае может быть не все очевидно, если мы обратимся к материалам среднеднестровских памятников типа Шолдэнешти. Здесь, не исключено, что отдельные комплексы такого могильника как Селиште датируются уже второй половиной VII в., т.е. временем, когда скифские памятники хотя бы и в крайне малом числе, известны на всей территории Бессарабии (Днестровско–Пруто–Дунайский регион). И все-таки, учитывая исключительную стратегическую важность местонахождений у сс. Орловка и Новосельское, осуществлявших контроль над дунайской переправой, можно думать, что переход скифов через Дунай происходил либо уже в отсутствие населения на этих двух памятниках, либо в условиях силового воздействия на него со стороны степняков.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о соответствии хронологического ритма среднегальштатских древностей Северо-Западного Причерноморья общей схеме развития этих древностей всего Карпато-Дунайского региона. Рубежом, разделяющим эпоху среднего и позднего гальштата в таком случае нужно считать вторую пол. VII в. до н.э.

ОЧЕРК ИСТОРИИ СКИФОВ

В самом начале I тыс. до н.э. Северное Причерноморье становится областью распространения культуры ранних кочевников – киммерийцев и скифов. Это первые в истории Восточной Европы этнические и культурные сообщества, названия которых были зафиксированы современной письменной традицией, и в таком, или близком произношении дошли до наших дней. В стадиальном отношении обе культуры были схожими между собой. Кроме того, есть основания предполагать, что между ними существовало и языковое родство. Культуру киммерийцев долгое время считали (и считают до сих пор) автохтонной, северопричерноморской, или шире – южнорусской. И, соответственно, её истоки находили в разных пластах культурно-хронологической толщи бронзового века (белозерская, сабатиновская, срубная и, даже катакомбная, культуры). Изыскания в этом направлении были обусловлены главным образом замечанием Геродота, считавшим киммерийцев исконным населением той территории, которая в его время называлась «Скифией». В конечном счёте, поиски истоков киммерийской культуры – первой в ряду кочевнических культур Евразии – оказались не слишком удачными. Материальная культура позднейших, летописных (или «исторических») киммерийцев начала I тыс. до н.э. была явлением не столько ярким и избыточным, сколько оригинальным, непохожим ни на что в прошлом. И вывести этот феномен эволюционным путём из культур бронзового века, оказалось делом чрезвычайно трудным. Количественные признаки никак не хотели перерастать в качественные.

Неубедительность результатов, достигнутых при поиске археологических соответствий историческим фактам, постепенно создавала предпосылки для смены вектора в научном поиске. Геродоту (*resp*. античной традиции) всё чаще отказывали в доверии, в том, что касается истории ранних кочевников Восточной Европы. Внимание исследователей полностью поглотил анализ элементов, слагающих археологическую культуру степняков первой трети I тыс. до н.э. Когда же, такие памятники стали известны на территории стран Древнего Востока, то именно эти области стали приоритетными в изучении раннекочевнических древностей. При том, что число этих самых древностей в Анатолии и Передней Азии, по сравнению с Восточной Европой было ничтожно малым. Дело, однако, заключалось в другом. При изучении этих памятников можно было опереться на древневосточную письменную традицию, совершенно независимую от античной. Согласно этой традиции киммерийцы и скифы присутствовали на территории стран Древнего Востока в одно и то же время – в VII в. до н.э. Правда, тоже самое утверждали и античные авторы. Преимущество восточных текстов видят, и видят вполне справедливо в том, что они записаны современниками событий и, тем самым, могут быть причислены к летописному жанру. В тоже время, античная историческая литература – жанр ретроспективный, резюмирующий. Однако, и восточные тексты и античные авторы говоря о киммерийцах и скифах, как о двух разных народах одной и той же эпохи, вероятно, тем самым отличали их друг от друга. Это, в свою очередь, предполагает наличие каких-то особенностей в том числе, и в материальной культуре этих двух народов.

Именно этот последний тезис и не подтвердился. Со временем выяснилось, что в массе, в общем-то, не слишком многочисленной раннекочевнической атрибу-

тики рассеянной по территории Древнего Востока, и среди единичных оригинальных памятников, которые можно приписать номадам, существует гораздо больше сходства, чем отличий. Материальная культура киммерийцев и скифов была одинаковой, несмотря на разные этнонимы. Разница в названии может отражать принадлежность к различным племенным группам, объединённым, впрочем, одной материальной культурой. Это отличие могло иметь и какое-то лингвистическое значение. Наконец, оно могло оформиться в результате недопонимания, ошибки, мифотворчества и, тогда, киммерийцы вообще превращаются в историческую фикцию.

Если бы провозглашённое тождество киммерийской и скифской культур, установленное по археологическим материалам Анатолии и Передней Азии VII в. до н.э. ограничивалось только этой территорией и этой эпохой, то оно бы не вызывало никаких возражений, поскольку данный тезис вполне соответствует логике исторического метода. Однако, вопреки этой логике тождество культуры ранних кочевников VII в. в странах Древнего Востока было перенесено на древности юга Восточной Европы (X) IX–VIII вв. и это как раз является серьёзным методическим просчётом. Культура ранних кочевников в Передней Азии появляется не ранее конца VIII в. до н.э. А, культура этих же кочевников в степях юга Восточной Европы, по крайней мере на 2 столетия старше. За два столетия кое-какие изменения можно проследить даже в длинных, монотонных культурных трендах эпохи неоэнеолита. А при взрывной динамике кочевых культур два столетия могут вместить вообще всю видимую историю той или иной общности (исключая, как правило, скрытую начальную фазу). Иными словами, культура ранних кочевников IX в. до н.э. в Причерноморье (киммерийцев) и культура ранних кочевников VII в. до н.э. в Малой Азии (киммерийцев и скифов) были культурами разными. И, в этом может убедиться каждый, сопоставив соответствующие археологические материалы между собой.

Что касается Геродота и его указания на киммерийцев, как на коренное население Северного Причерноморья, то, вероятно, этот тезис «отца истории» не следует распространять на древности бронзового века. Киммерийцы жили здесь до прихода скифов – вот, пожалуй, и всё, что хотел (и мог) сказать Геродот. Из этого совершенно неясно когда появилось это население, и где формировалась его культура.

Итак, к концу VIII в. до н.э. киммерийцы ушли из Северного Причерноморья, а их место заняли скифские племена. С этим положением, сейчас согласно большинство исследователей.

Если статус киммерийской культуры как культуры автохтонной полностью доминировал (и доминирует) в историографии, то генезис скифской культуры попрежнему строится на почве двух, абсолютно полярных концепций – автохтонной и миграционной. Довольно заметно, особенно на протяжении 20 последних лет, что первая концепция, испытывая острейший недостаток в новой фундированной аргументации, приобрела некий догматический оттенок. Вторая теория в настоящее время полностью преобладает, в том числе и за счёт, периодически появляющейся, новой аргументации, в основном, археологического свойства[1].

---

[1] Наиболее важными за последние 5–6 лет следует считать данные, полученные при раскопках могильника Люшуй в Синцьзяне (Wu Xinhua et.al. 2006; Ван Вэй, У Синьхуа 2011). Сведения о могильнике в этих работах поданы в предельно лаконичном, иногда, явно купированном виде. Авторы, по-видимому, осознали сенсационную составляющую памятника и приняли меры для предотвращения преждевременной утечки информации. Хотя, возможно, это следует считать спецификой китайской археологической литературы (Шульга 2010: 10).

Появление скифской культуры в Восточной Европе, есть результат миграции населения из глубин Азии. По современным представлениям она состоялась в рамках второй пол. VIII в. до н.э. Исходный район миграции определяется достаточно широко. Он находился в географическом центре Азии и занимал следующие области: Восточный Казахстан (Семиречье), Восточный Туркестан (Синьцзян), Алтай (в т.ч. Монгольский), западные районы Тувы. Двигаясь в западном направлении орда скифов перешла Волгу, после чего разделилась на два потока. Один из них поворачивает на юг и, в конечном счёте, составлявшая его группа кочевников оказывается в предгорной зоне Северного Кавказа. Именно здесь формируется плацдарм для походов в Переднюю Азию. Именно сюда после этих походов и будут возвращаться скифские всадники. Археологической иллюстрацией к этому сюжету служат знаменитые Келермесские курганы, курганы у хут. Красное Знамя и др.

Вторая волна скифов, не сворачивая с магистрального западного направления, достигла обширной области Приднепровья (Приднепровская низменность на левом берегу Днепра и Приднепровская возвышенность – на правом). Таким образом, в начале VII в. в Восточной Европе уже существует несколько зон компактного распространения новой кочевой культуры, которые концентрируются в Среднем Поднепровье и на Северном Кавказе. Спустя ещё полстолетия ареал скифской культуры накрывает вначале районы Восточного Прикарпатья (Средний Днестр и Верхний Прут), а затем и внутренние области Карпатского бассейна (Трансильвания). К концу VII в. кочевники проникают на северо-восточную периферию Балкан (Добруджа), а на рубеже VII/VI вв., их памятники появляются на территории Венгерской равнины. Это был период завоеваний, в результате которых подчинённая территория всегда превышает, то пространство, на котором кочевая культура существует и развивается в дальнейшем. Завоевать всегда проще, чем удержать.

В современной археологической классификации этот отрезок скифской истории принято обозначать, как период раннескифской культуры (РСК). Этот большой период делится на три этапа (РСК 1 – 750–700 гг.; РСК 2 – 700–650 гг.; РСК 3 – 650–600 гг.). Каждому из них соответствует определённая номенклатура предметов материальной культуры. При этом, строгое соответствие – вещь – этап – выдерживается далеко не всегда, из-за чего границы между этапами выглядят не столь отчётливо, как того хотелось бы.

Финал раннескифской культуры остаётся предметом дискуссии. По одним данным он устанавливается около 600 г., по другим – в интервале первой пол. VI в. до н.э. Удревнение раннескифской хронологии породило проблему лакуны в развитии скифских древностей. Её видят не все, но те кто видит, полагают что она приходится на первую пол. VI в. до н.э. И, действительно, эти полстолетия настолько слабо освещены археологическими источниками, что это дало повод к тому, чтобы назвать этот период «тёмными веками» скифской истории.

Во второй пол. VI в. до н.э. в Северном Причерноморье достаточно быстро возрастает плотность скифских памятников. Причина – новая волна кочевого населения, вместе с которой появились новые типы вещей, при всё той же номенклатуре (оружие, упряжь, предметы звериного стиля). Наряду с этим, изменения наблюдаются и в погребальном обряде. Принято считать, что эта волна нового населения даёт начало т.н. среднескифской культуре (ССК), которая представляет собой следующую после РСК стадию развития скифских древностей. Разница во взглядах на генезис скифской культуры, коренится в оценке степени преемственности этих самых древностей при переходе от РСК к ССК. И то, и другое – суть скифская куль-

тура, и этот тезис никем не оспаривается. Однако, часть исследователей полагает, что обе традиции хронологически дискретны и разрыв между ними приходится именно на первую пол.VI в., другие же считают, что степень непроницаемости упомянутых «тёмных веков» не была абсолютной и несмотря на бесспорное резкое снижение плотности скифских памятников первой пол. VI в. говорить об их, едва ли не полном исчезновении, невозможно. В последнем случае преемственность обеспечивается некоторым числом погребальных памятников, а также сериями отдельных находок (мечи, котлы, упряжь и пр.).

Исторически, носители раннескифской культуры, это поколение легендарных героев древневосточной эпопеи. Население среднескифской культуры, это геродотовы скифы, герои скифо-персидской войны 10-х гг. VI в. до н.э.

Параллельно с новым импульсом скифского культурогенеза, который привёл к формированию ССК, окончательно замирают резонансные колебания прежнего культурного пространства – РСК. К концу VI – нач. V вв. все анклавы, порождённые героической эпохой ранней миграционной стадии, растворяются в местном окружении (Трансильвания, Восточная Венгрия, Добруджа, Северный Кавказ). Какая-то часть населения из этих анклавов возвращается в Северное Причерноморье и входит в состав объединения, порождённого второй волной скифского населения (ССК). Аргументированное обоснование этого тезиса добавило бы уверенности в вопросе о преемственности между РСК и ССК. Скифия уплотняется в границах Северного Причерноморья и занимает территорию от Дуная до Дона.

В политическом отношении период ССК – вторая пол. VI – конец V вв. – это время консолидации скифского общества. Она не достигла того уровня, при котором можно говорить о началах государственности в рамках кочевого объединения. Тем не менее, именно на этот период приходятся, пожалуй, наиболее яркие и успешные события из военно-политической истории Скифии, которые и легли в основу героизации этого народа в античном мире. Триумф скифов в войне с Ахеменидской империей, военно-дипломатический успех в конфликте с царством одриссов, политический сюзеренитет над греческими полисами Северо-Западного Причерноморья, успешная борьба с идеологическим (а, быть может, и политическим) сепаратизмом некоторых своих лидеров – все эти события знаменует этап социокультурного взлёта. Высшая точка этого восхождения – точка выбора траектории дальнейшего развития структуры (т.н. точка бифуркации). Она будет достигнута в следующем IV столетии, а ее практическим и наиболее ярким воплощением явилась целая серия грандиозных погребальных комплексов скифских царей и высшей аристократии, первый из которых – курган Солоха – был воздвигнут в конце V в. до н.э.

Конец V–IV вв. до н.э., это последний этап истории причерноморской Скифии. В археологическом отношении его определяют как позднескифскую (Алексеев 2003: 23, табл. I), или классическую скифскую (Бруяко 2005б: 149) культуру. Развитие традиции прослеживается на этот раз непрерывно от ССК второй пол. VI в. до конца IV – нач. III вв. до н.э. Изменение культурных стандартов следует считать в основном результатом трансформаций внутри структуры, без серьёзных заимствований извне. Значительные перемены происходят в социальной структуре скифского общества. Она усложняется и становится более стратифицированной. Вероятно, уже на рубеже V–IV вв. в среде кочевников начинается процесс оседания на землю. Усиливается интеграция определённой части скифского общества в эллинское культурное пространство. Материальным воплощением этого процесса являются сельские поселения на хоре античных центров с отчётливо выраженными смешан-

ными, эллино-скифскими чертами. Возможно, эти памятники (и их обитатели) образуют отдельную субкультуру в северопонтийском континууме. С другой стороны, элита общества – царские скифы – ведут всё более обособленный образ жизни, как в социальном, так и в территориально-географическом отношении. Дискуссионным остаётся вопрос о верховном единовластии в скифском обществе IV в. Вероятно, можно говорить лишь о номинальном верховном владыке Скифии. Фактическая власть в регионах принадлежала местным правителям. Это могли быть представители провинциальной знати, либо, своего рода, удельные князья из числа высшей аристократии, а возможно, и царской фамилии.

По законам диалектического развития достижение некоего рубежа одновременно означает то, что этот рубеж уже пройден. А эпоха расцвета и стабильности предвещает скорую гибель структуры. Именно в IV в. скифское общество достигает высшей точки своего развития. И в том же IV веке начинается медленный упадок скифского могущества, который продлится до конца столетия. А уже в начале следующего, III века, Великая Скифия уйдёт в историю. О непосредственных причинах её крушения споры будут вестись ещё очень долго. Но, все они, так или иначе, могут быть формализованы в виде четырёх концепций – сарматская, кельто-галатская, климатическая, экономическая (Бруяко 1999). При этом, вряд ли какая-то из них могла иметь универсальное значение и негативное развитие событий было, скорее всего, обусловлено воздействием двух, а быть может и трёх факторов, пока ещё неясного сочетания и последовательности.

Распад единого культурного пространства, именуемого Скифией, не означал исчезновение скифского населения и скифской культуры. На месте одной глобальной структуры возникает несколько региональных. Эти изолированные очаги скифской культуры известны в литературе под названием «Малых Скифий». Письменные источники говорят о двух «Малых Скифиях» – в Крыму и Добрудже. Ещё один анклав – на Нижнем Днепре – был локализован археологически. Наконец, совсем недавно статус ещё одной «Малой Скифии» получила группа памятников на левом берегу Нижнего Днестра, до того известная как Тираспольская группа. Таким образом, в III в. до н.э. в Причерноморье насчитывается четыре локальных области скифской культуры, которую теперь, с полным основанием можно называть позднескифской (Бруяко 2005–2009: рис. 8). История этих анклавов имела разную хронологическую длительность. Разной оказалась и их судьба, если оценивать это не слишком строгое понятие с точки зрения рефракции одной культурной традиции сквозь спектр иных и участия населения этих анклавов в создании новой (или, просто другой) этнокультурной общности. Именно такая общность сформировалась в первые века новой эры. Она также имеет в своём названии определение «скифская» («позднескифская культура»). Однако, это всего лишь пробившийся сквозь столетия отблеск, некогда прочной и оригинальной культурной традиции, принадлежавшей народу, оставшемуся в древности, как, безусловно, яркий образ своей эпохи.

Северо-Западное Причерноморье сыграло значительную роль в скифской истории, выступая ареной военно-политических столкновений, часть из которых оказались судьбоносными как для скифов, так и для всего Северного Причерноморья. С одной стороны оно являлась западным районом Скифии, с другой – связующим звеном между причерноморскими степями и Балкано-Карпатским бассейном.

Согласно Геродоту, западные границы Скифии начинались от залива «образуемого Фракией, где в Скифию входит Истр, обращенный устьем к востоку». Называя Дунай первой из рек Скифии, историк упоминает пять его притоков, которые текут по «древней, исконной Скифии». «Отцу истории» принадлежит описание скифо-персидского конфликта конца VI в. до н.э. Он же дает этнополитическую характеристику региона: к северу от Истра Скифия граничила с агафирсами, к югу, за Истром – с гетами. По Гипанису проживали каллипиды, а там, где Тирас и Гипанис сближаются в своем течении, – ализоны, граничащие со скифами-пахарями, за которыми находилась земля невров (Herod. IV. 17, 18, 40, 52, 100), а также сведения о продвижении скифов в Среднюю Европу и на Балканы (Herod. VI. 40, 84).

Северо-Западное Причерноморье особенно заинтересовало античных авторов в связи со скифо-персидским (Herod. IV. 1, 4, 46, 89, 92–93, 97–98, 102, 118–143. VI. 40 Strabo. VII. III. 14) и скифо-македонскими конфликтами (Pomp. Trog. Hist. Phlipp. IX. 2; Just. II. 3, 4. IX. 1, 9. IX. 2. 1–16; IX. 3. 1–3. XII. 1. 4. XII. 2, 16; Strabo. VII. III, 18; Luc. Samos. Macrob. 10; Clem. Alexandr. Strom. V. 5, 31; Curt. 1, 43, 44; Diod. Bibl. XIX. 73). Более поздние источники размещают между Тирасом и Гипанисом реку Асиак, которая служила границей между асиаками и каллипидами. Тирас отделял асиаков от истриан (Pom. Mela. De Chorog. II. 7). О конфликте между истрианами и скифами Атея повествует Юстин (Just. IX. 2, 1–2). У Страбона Буджакская степь названа «скифской пустыней», а в перипле Артемидора она именуется «гетской пустыней» (Strabo. VII. 3, 14. VII. 3, 17). Наиболее поздние свидетельства отражают историю Малой Скифии в Добрудже (Strabo. VII. 7. 4, 5. VII. 5, 12; Diod. XIX. 73). Они дополняются декретом из Одесса II в. до н.э., в котором упоминается скифский царь Канит. Аполлоний Родосский размещает на Дунае скифов, смешанных с фракийцами (Apoll. Arg. IV. 320), Дион Кассий – «скифо-бастарнов» (Dio Cass. XXXVIII. 10, 3).

Мелюкова
Анна Ивановна
(1921–2004)

История исследования. Изучение скифских памятников началось в конце XIX в. с фиксации случайных находок из разрушенных погребений (Гошкевич 1903: 51–52). В этот период (1896–1911 гг.) начинаются и первые археологические исследования на левобережье Днестра, в районе Тирасполя супругами И.Я. и Л.П. Стемпковскими (Мелюкова 1962б: 114–166), раскопавшими в районе Тирасполя 412 курганов, из которых более 60 принадлежали скифам. Проводятся раскопки курганов со скифскими погребениями у сс. Шабо (Самоквасов 1908: 130), Сарата (Спицын 1918: 121–122). Маяки (Дложевський, Третьяков 1930: 129–134), Вадул-луй-Водэ (Кетра-

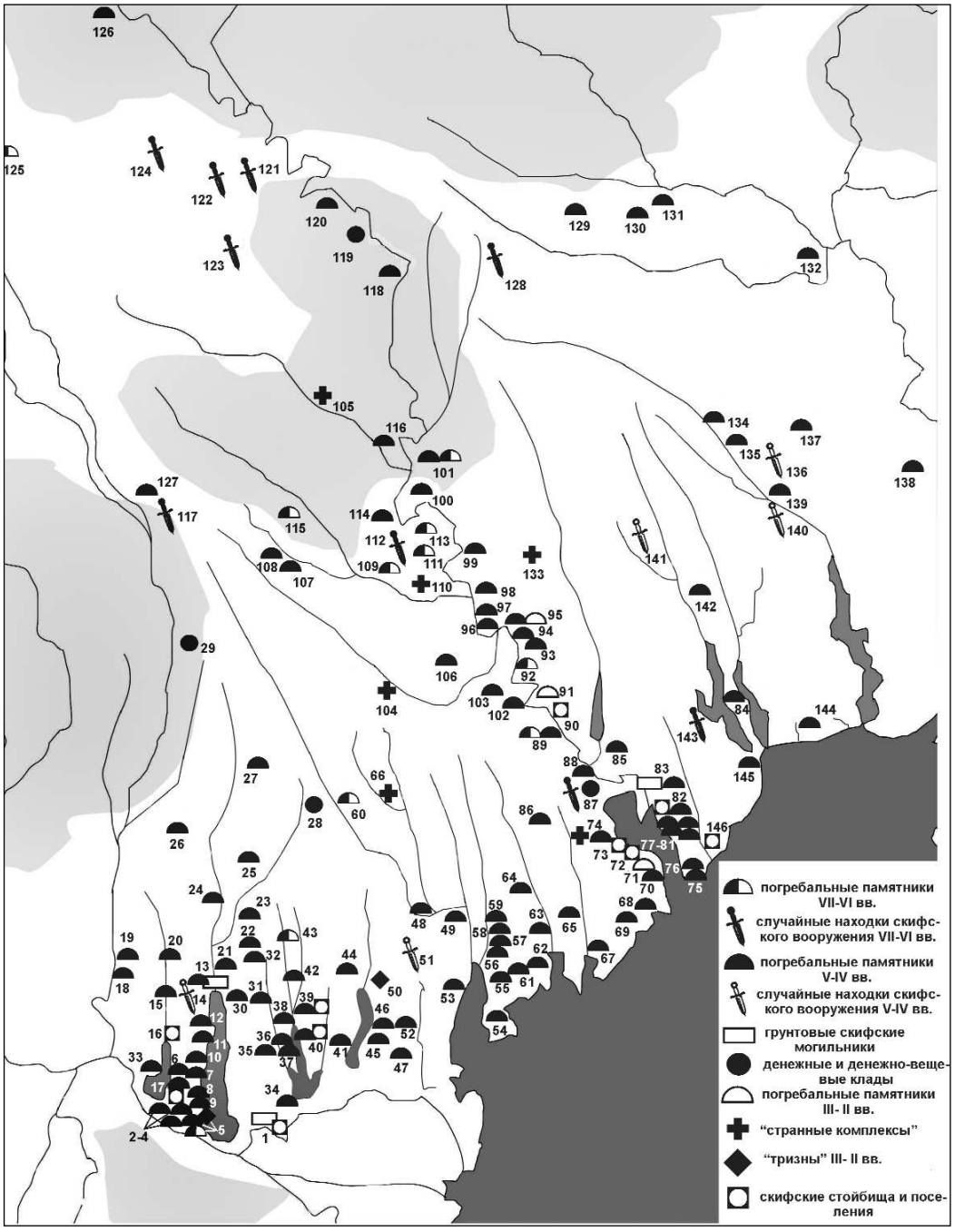


Рис. 89. Карта памятников

1 – Измаил; 2 – Кугурлуй; 3 – Дервент; 4 – Градешка; 5 – Чауш; 6 – Нагорное; 7 – Плавни I; 8 – Плавни; 9 – Цыганка; 10 – Котловина; Котловина I; Котловина II; 11 – Мреснота Могила; 12 – Владычень; 13 – Курчи; 14 – Виноградовка I; 15 – Вулканешты; 16 – Этулия; 17 – Нагорное; 18 – Манта; 19 – Крихана Веке; 20 – Гаваноаса; 21 – Табаки; 22 – Кайраклия; 23 – Тараклия («первая»); 24 – Балабаны; 25 – Казаклия; 26 – Дойна; 27 – Томай; 28 – Твардица; 29 – Ларгуца; 30 – Жовтневое; 31 – Васильевка; 32 – Кубей; 33 – Фрикацей; 34 – Богатое; 35 – Каланчак; 36 – Каменка; 37 – Утконосовка; 38 – Ново-Каменка; 39 – Воларска Могила; 40 – Катлабух; 41 – Камышовка; 42 – Бановка; 43 – Огородное; 44 – Островное; 45 – Червоный Яр; 46 – Помазаны; 47 – Шевченково; 48 – Арциз; 49 – Павловка; 50 – Холмское; 51 – Виноградовка; 52 – Струмок; 53 – Борисовка; 54 – Сасык; 55 – Траповка; 56 – Белолесье; 57 – Михайловка; 58 – Заря; 59 – Сарата; 60 – Березино; 61 – Вишневое; 62 – Кочковатое; 63 – Дивизия; 64 – Хаджидер; 65 – Алкалия; 66 – Веселая Долина; 67 – Широкое; 68 – Сергеевка; 69 – Попова Могила; 70 – Шабо; 71 – Белгород-Днестровский; 72 – Молога; 73 – Пивденное; 74 – Семеновка; 75 – Каролино-Бугаз; 76 – Роксоланы; 77 – Николаевка II; 78 – Николаевка «На горбах»; 79 – Ефимовка; 80 – Николаевка-Ефимовка; 81 – Николаевка I; 82 – Надлиманское; 83 – Маяки; 84 – Ильинка; 85 – Троицкое; 86 – Капланы; 87 – Олонешты; 88 – Пуркары; 89 – Новые Раскайцы; 90 – Красная; 91 – Глиное; 92 – Чобручи (левобережные); 93 – Никольское-Уютное; 94 – Суклея; 95 – Тирасполь; 96 – Терновое; 97 – Парканы; 98 – Плоское (Бычок); 99 – Бутор; 100 – Красное; 101 – Дубоссары; 102 – Чобручи (правобережные); 103 – Талмаз; 104 – Тараклия («вторая»); 105 – Бравичены; 106 – Хаджимус; 107 – Данчены; 108 – Суручень; 109 – Кишинев; 110 – Бобуечь; 111 – Мерень; 112 – Будешть; 113 – Коржова; 114 – Вадул-луй-Водэ; 115 – Страшень; 116 – Голерканы; 117 – Унгены; 118 – Мокра; 119 – Матеуцы; 120 – Косоуцы; 121 – Гура Кэйнарулуй; 122 – Путинешть; 123 – Кышла; 124 – София; 125 – Старые Куконешти; 126 – Окладна; 127 – Новые Бедражи; 128 – Котовск; 129 – Кринички; 130 – Неделково; 131 – Саврань; 132 – Каменная Балка; 133 – Большое Плоское; 134 – Анастасиевка; 135 – Исаево; 136 – Новопетровка; 137 – Антоновка; 138 – Анновка; 139 – Владиславовка; 140 – Тилигул; 141 – Бузиново; 142 – Белки; 143 – Гниляково; 144 – Вапнярка; 145 – Одесса; 146 – Грибовка (Дачное)

ру, Четвериков 2005: 80). В 1951 г. И.В. Фабрициус картографирует известные на то время памятники (Фабрициус 1951: 14, 40, 46, 50, 54).

Новый этап в изучении скифских древностей связан с А.И. Мелюковой. Ею публикуются материалы из раскопок Стемпковских, раскопаны могильники у сс. Николаевка, Буторы, обобщены материалы по истории региона (Мелюкова 1974а; 1975; 1979).

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX ст. в результате работ экспедиций ИА НАНУ, ОГУ и ОАМ, изучение памятников активизировалось. На территории Одесской области раскопаны следующие памятники: Ефимовка (Шмаглий, Черняков 1969), Борисовка, Огородное (Субботин и др. 1970), Червоный Яр (Гудкова 1978), могильники Плавни (Андрух и др. 1985), Плавни I (Суничук, Фокеев 1984), Чауш (Суничук 1985), Нагорное (Андрух, Суничук 1987), Помазаны (Тощев, Редина 1991), Курчи (Андрух, Чернов 1990), Мреснота Могила (Редина 1992), Дервент, Кугурлуй, Градешка (Гудкова, Суничук 1984), Владычень, Воларска Могила (Гудкова и др. 1999: 35), Островное (Алексеева 1973; Алексеева и др. 1977: 259), Ефимовка (Алексеева 1971), Николаевка (Алексеева, Булатович 1990), Арциз (Алексеева и др. 1997), Семеновка, Маяки, Надлиманское (Охотников, Субботин, 1981), Градешка, Дивизия, Кубей, Васильевка, Хаджидер, Алкалия, Заря, Табаки (Субботин и др. 1992), Жовтневое (Субботин 1984), Белолесье (Субботин др. 1998: 61), Дивизия II (Субботин и др. 2001–2002), Старые Беляры (Петренко 1991: 79, 89), Березино (Загинайло 1976б: 6),

Котловина, Котловина I (Фокеев 1990), Цыганка (Ольховский, Шилов 1995), Неделково (Редина 1999а), Вапнярка (Савельев, Остапенко 2009) и др.

Проводятся исследования скифских памятников в соседней Молдове. Раскопаны курганы и могильники: Старые Куконешты (Дергачев 1978), Мерень (Дергачев, Сава 2001–2002), Новые Раскайцы, Пуркары (Яровой 1990), Красное, Буторы (Серова, Яровой 1987); Глиное (Яровой, Четвериков 2000), Балабаны, Хаджимус (Чеботаренко и др. 1989), Дубоссары (Кетрату, Четвериков 2005), Косоуцы (Манзура 1982), Паркань (Манзура и др. 1992), Коржево (Борзияк и др. 1983), Никольское – Уютное (Агульников, Бубулич, 2000; Агульников, Сава 2004), Чобручи (Агульников, Субботин 1997), Дойна (Бубулич 1992), Тирасполь (Хахеу 1990), Томай, Манта (Агульников 1993) и др.

Широкое освещение получили вопросы, связанные с этапами проникновения кочевников на запад и особенностями их исторического развития (Мелюкова 1979; Андрух 1995; Бруяко 2005б).

Археологическими источниками по скифской культуре являются погребальные памятники – (более 500 погребений), поминальные и культовые сооружения. Их дополняют случайные находки из разрушенных комплексов, кладов, а также стойбища и поселения.

Погребальные памятники скифов характеризуются курганным обрядом захоронений и представлены одиночными впускными могилами в курганах эпохи бронзы, основными погребениями в отдельно стоящих курганах, небольшими курганными группами, сосредоточенными вблизи более древних курганов с основными и впускными погребениями, курганными могильниками, иногда с системной планировкой (Редина 1989а: 25–34). Встречаются и грунтовые некрополи (Маяки, Николаевка I, II, Измаил, Курчи) (рис. 89).

Могильные сооружения, типология которых содержится в работах Б.Н. Гракова и В.С. Ольховского, представлены различными по конструкциям ямами и катакомбами (Граков 1962: 84; Ольховский 1991: 34–40) (рис. 90).

Наиболее распространенным типом могильных сооружений являются простые грунтовые ямы прямоугольной, квадратной, овальной или округлой в плане формы. Встречаются ямы с «заплечиками» вдоль длинных стен, с деревянным, каменным или комбинированным перекрытием. Выделяются деревянные и каркасно-глиняные гробницы, сооруженные в ямах или на древней дневной поверхности, зачастую сожженные во время погребальной церемонии.

Среди катакомб преобладает I тип, входная яма и камера которого располагались параллельно друг другу. Катакомбы II типа, с размещением камеры по одной оси с входным колодцем, иногда имели короткий дромос. Камеры катакомб III типа, расположены относительно колодца перпендикулярно или под углом. Известны и катакомбы иных типов.

Входные колодцы катакомб оформлялись ступенями или пологим спуском в сторону камер. Полуовальный или арочный вход перекрывался камнем, вальками, сырцовыми кирпичами, деревянным заслоном. В колодцах катакомб II и III типов встречаются ниши для захоронения лошадей и собак. Катакомбы III типа отличались тщательностью внутренней отделки стен, а в камерах изредка наблюдались материковые останцы-лежанки.

Среди курганных захоронений преобладают основные погребения. Впускные погребения, как в более древние курганы, так и в скифские, составляют менее 30%. Большинство захоронений совершено по обряду ингумации, в единичных слу-

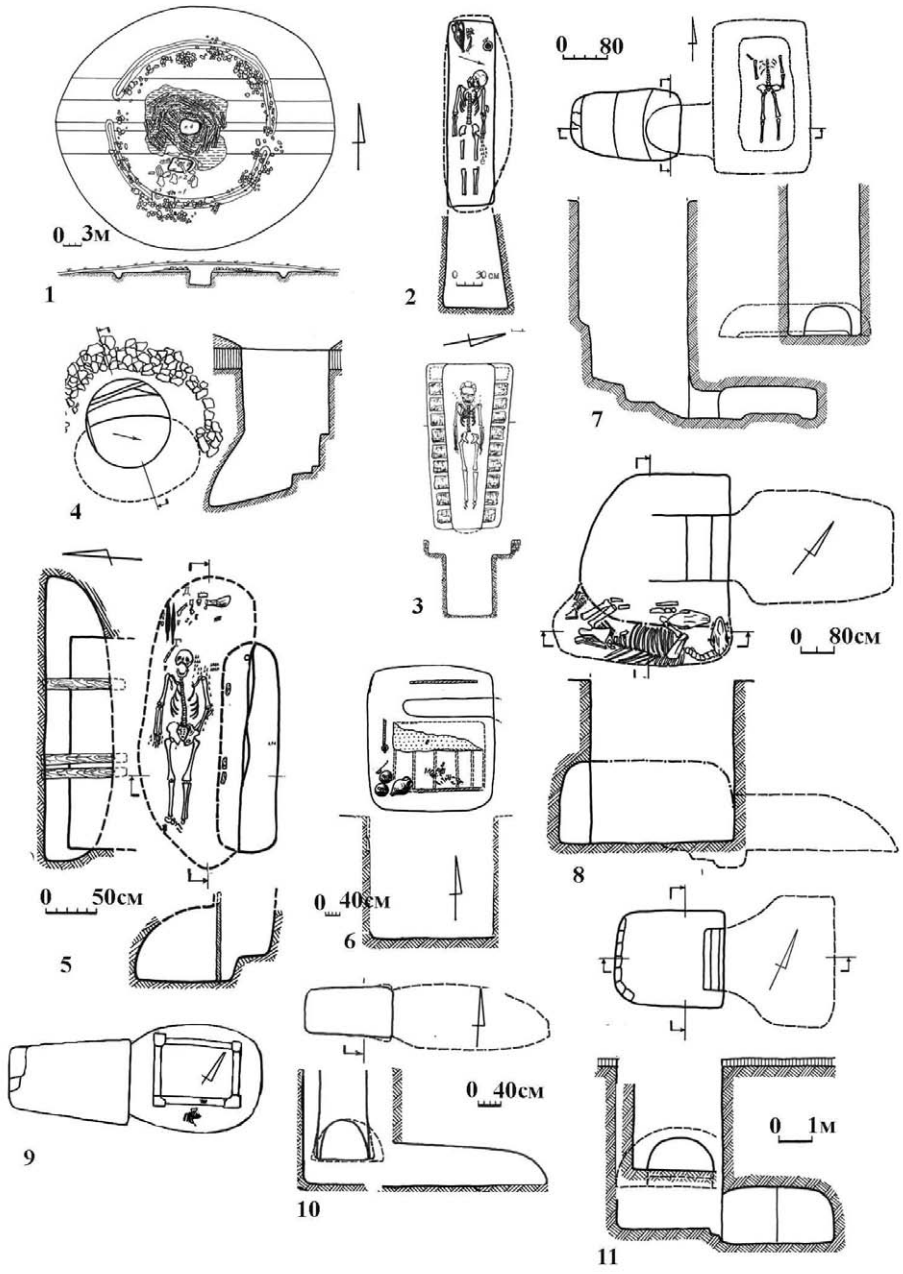


Рис. 90. Типы погребальных сооружений.
1 – Бутор I. План кургана 13; 2 – Дивизия (курган 15, погр. 1);
3 – Никольское (курган 4, погр. 6); 4 – Хаджидер (курган 1, погр. 1);
5 – Градешка I (курган 5, погр. 6);
6 – Мреснота Могила (курган 3, погр. 1); 7 – Дервент (курган 5, погр. 2);
8 – Дервент (курган 4, погр. 1); 9 – Владычень (курган 15, погр. 1);
10 – Чауш (курган 22, погр. 2); 11 – Дервент (курган 1, погр. 2)

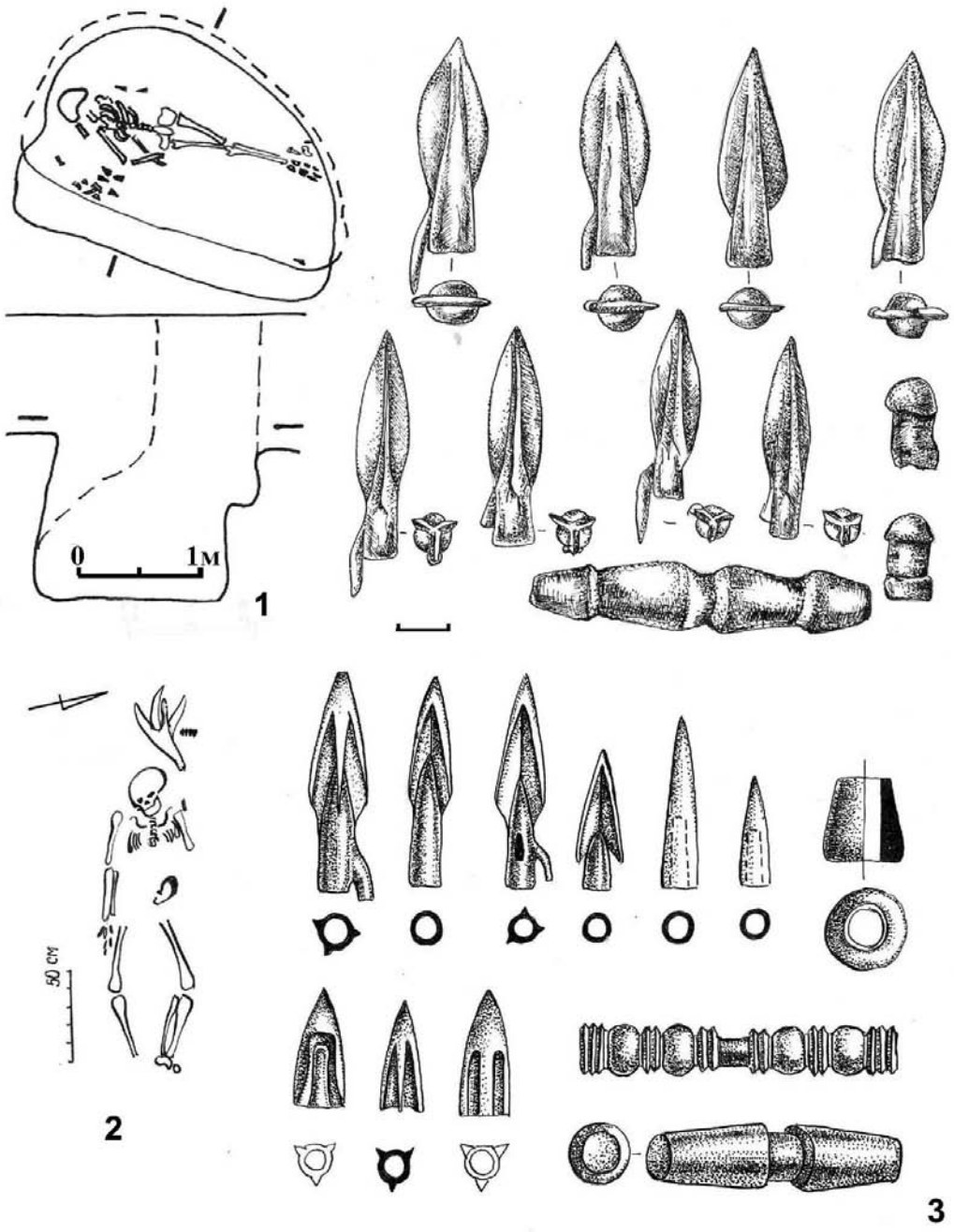


Рис. 91. 1 – Погребение в кургане у с. Старые Куконешты; 2 – Погребение в кургане у с. Огородное; 3 – Погребение в кургане 6, могильник Чауш.
Комплексы VII–VII вв. до н.э.: 1 – Старые Куконешты; 2 – Огородное; 3 – Чауш, курган 6

чаях – кремации. Положение умерших – вытянуто на спине, которое преобладает; редко встречаются скорченные на боку и на спине с подогнутыми ногами погребения. Доминирует западная ориентировка погребенных, но встречается и восточная. Северная и южная связаны с катакомбами III типа.

Выделяются ***пять условных хронологических групп:*** VII–VI; VI–V; V – первая половина IV; вторая половина IV – начало III; вторая половина III – первая четверть II вв. до н.э.

I группа. Незначительное число памятников этого периода характерно для всей степной зоны Северного Причерноморья (Мурзин 1984: 46-47). Исключением не стала и его северо-западная часть. На данный момент известно семь погребальных комплексов: Новые Раскайцы, Чобручи, Старые Куконешты, Страшены, Огородное, Березино. Все погребения одиночные, впущены в курганы эпохи бронзы. Их датировка не выходит за пределы второй половины VII – начала VI вв. до н.э. В Старых Куконештах погребальное сооружение представлено подбойной могилой в Новых Раскайцах, Чобручах и Огородном – грунтовыми ямами (Субботин и др. 1970; Левицкий, Демченко 1995). В Березино и Страшенах могилы разрушены. На вершине кургана Новые Раскайцы, найдено бронзовое навершие VII–VI вв. до н.э. (Нудельман, Рикман 1956а: 129). Ориентировка погребенных неустойчивая. Датировка базируется на бронзовых наконечниках стрел VII–VI вв. до н.э., костяных и бронзовых колчанных застежках, ранних типах зеркал, лепной посуде и деталях конской узды.

Погребения маркируют рейды кочевников на запад в VII–VI вв. до н.э., что подтверждается находками скифских изваяний на территории Буджака и в Добрудже (Ольховский, Евдокимов 1994), бронзовых котлов и ранних типов вооружения (Бруяко 2005б: рис. 37, 153–154).

Картографирование памятников позволило предложить один из путей проникновения скифов в низовья Дуная и в Добруджу со Среднего Поднестровья (Бруяко 2005б: 152) и Побужья, что подтверждает погребение у Старых Куконешт. В Побужье катакомбы I типа известны с предскифского времени (Гребенников 2008: 30). Дальние рейды кочевников отражаются в контексте погребения у Сабанджии и могильника Чилик-Дере (Simion 1992: 95–105; 1997: 231–252; 2000: 69–82), где их появление в VII–VI вв. до н.э. трактуется, как подтверждение вхождения Добруджи в Старую Скифию (Herod. IV. 99, 2; Мелюкова 2001: 30).

II группа. Захоронений конца VI в. до н.э. немного, их количество увеличивается к середине V в. до н.э. Как и в первой группе преобладают ямы. Новый тип погребальных сооружений представлен деревянными гробницами. Помимо впускных погребений, появляются скифские курганы, расположенные поодиночке или группами вдоль водоразделов и на границе степи и лесостепи. Наиболее представительна северная группа в междуречье рр. Кодымы и Савранки. В могильнике Кринички исследованы округлые в плане ямы V–IV в. до н.э., расширенные ко дну с богатым инвентарем, в том числе и античным импортом. Аналогичные сооружения известны в могильнике Каменная Балка (Бессонова 1994: 11), где большинство основных погребений середины V в. до н.э. совершались в обширных ямах с деревянным перекрытием и в катакомбах I типа (Гребенников 2008: 30, рис. 8). С правобережья Тилигула происходят несколько предметов конской упряжи из разрушенных погребений (Островерхов, Охотников 1989: 59; Островерхов 2009: рис. 13). Близкая картина наблюдается в Поднестровье и Буджаке, где известны ямы иногда с заплечиками и деревянные гробницы с кремацией. В Дубоссарах

погребенные кремированы, в одном случае в деревянной гробнице на уровне древней дневной поверхности без могильной ямы, в другом в яме. В Коржево (3/2) сожжение совершено в яме с надмогильной деревянной конструкцией (Кетрару, Серова 1987; Борзияк и др. 1983: 17). Датирующим материалом в обоих случаях выступают амфоры. В Коржево амфора представлена продукцией Лесбоса, в Дубоссарах – Самоса. Два трупосожжения зафиксированы в могильнике Чауш (6/1; 22/1). Остатки плах в верхних уровнях заполнения одной из ям и прожог вокруг нее предполагают наличие деревянной конструкции. В кургане 22 остатки кремации, совершенной на стороне, помещены в яму. У с. Маяки к рубежу VI–V вв. до н.э. относится, исследованный частично, грунтовый некрополь с погребениями в ямах, принадлежащий оседлому или полуоседлому населению (Носова 2009: 99–104).

К началу V в. до н.э. основные погребения в ямах фиксируются по всей рассматриваемой территории (Кубей (7/1), Фрикацей (5/1)). Среди впускных выделяется захоронение в кургане эпохи бронзы у с. Мерень, с последующей досыпкой насыпи в скифские время (Дергачев, Сава 2001–2002: 529–538). Могила представляла собой яму, с двух сторон которой примыкали, продолжая осевую линию, округлые ямы-входы с деревянным заслоном. Богатый инвентарь, сопровождающий погребенную, позволяет видеть в ней служительницу культа. В северо-восточной части насыпи находились 6 лошадиных черепов и поминальное кострище. Близкое погребение исследовано на могильнике Тимофеевка в Побужье (Гребенников 2008: 71).

К середине V в. до н.э. появляются «всаднические» погребения воинов-дружинников с высоким социальным статусом, что подтверждается инвентарем и отдельными захоронениями лошадей. Они представлены впускными (Николаевка (8/1), Арциз) и основными (Никольское 9/1, Червоный Яр) захоронениями в ямах, иногда перекрытых камнем. Хроноиндикаторами выступают защитное снаряжение и вооружение, золотые пластины – аппликации от деревянных чаш, конская узда, элементы которой, выполнены в зверином стиле.

Наиболее ярко группу характеризует погребение подростка у г. Арциз (Алексеева и др. 1997: 48–55). Его инвентарь состоял из аттического шлема, панциря, акинака, копья, колчана со стрелами, гончарного кувшина, золотых накладок на деревянную чашу и золотой «ворварки» с процарапанным изображением орла (о предназначении см. Черняков, Рябова 2006) (рис. 96, 10). Лошади (целый скелет одной и череп другой) имели богато украшенные уздечки (рис. 97, 1–6).

Погребение у с. Червоный Яр совершено в яме с уступом и перекрыто каменной вымосткой с остатками тризны (Гудкова 1978: 186–193). Уздечка была положена у передних ног лошади (рис. 97, 9–12).

Практически синхронно с погребениями дружинников появляются окруженные каменным кромлехом курганы, возведенные над воинскими погребениями в обширных грунтовых ямах (правобережные Чобручи, Николаевка (3/2), Мреснота Могила (3/1), Шевченково). Инвентарь захоронений (защитное снаряжение и вооружение) близок к набору «всадниических» погребений.

В могильнике Мреснота Могила курган был окружен рвом с остатками тризны. На дне прямоугольной ямы с деревянным перекрытием сохранился деревянный настил с травяной подстилкой, части железного панциря и щита, три амфоры, киаф, аппликация на деревянную чашу с изображением головы хищной птицы с глазом в виде розетки и др. предметы (рис. 96, 8). Котел с костями животного был впущен в курган и перекрыт каменными плитами. Верятно, котел сопровождал и погребение

в кургане у с. Чобручи (Агульников, Субботин 1997: 182–186). Как и в Мреснотой Могиле здесь найдена золотая пластина – аппликация от деревянной чаши с изображением оленя с рогами, украшенными двумя изображениями грифо-барана (рис. 96, 9; табл. 21, 3), а также наконечники стрел и фрагменты железного панциря. Комплекс амфор из Мреснотой Могилы и хиосская пухлогорлая амфора из Чобручей позволяют датировать погребения второй – третьей четвертью V в. до н.э. У с. Помазаны насыпь сооружена над двумя погребениями в ямах рубежа V–IV вв. до н.э., перекрытых каменными плитами (Тощев, Редина 1991: 98–105).

III группа. Возрастание числа населения фиксируется с начала IV в. до н.э. Локально выделяются только дубоссарские курганы с сожженными погребальными сооружениями. На всей остальной территории сохраняются традиции захоронений в грунтовых ямах. Это предполагает единство племенного объединения, закрепившего за собой право на эту территорию во второй-третьей четверти V в. до н. э. Начинают формироваться стационарные могильники. Некоторые из них используются до середины – конца IV в. до н.э.

В Дубоссарах, продолжая более древние традиции, доминируют гробницы, сожженные на древней дневной поверхности, с последующим сооружением курганной насыпи (Кетрару, Серова 1992: 169). Ближе к середине IV в. до н.э. в одной из дубоссарских групп появляются погребения в ямах и катакомбах. Наиболее выразительны комплексы впускного захоронения в яме (18/1) и основного погребения в катакомбе II типа (21/1). Их объединяет наличие в могилах сопровождающих погребений служанок или рабынь. Аналогичный обряд зафиксирован в Неделково и Буторах. Курганы с «прожогами» присутствовали в составе могильников Красное, Никольское, Буторы. Они известны на правобережье у с. Голерканы, в могильниках у сс. Семеновка и Дойна в Попрутье. Курган у с. Дойна середины IV в. до н.э. достигал высоты 10 м, был окружен рвом и валом. Центральная могила имела частично сожженное деревянное шатровое сооружение. Уникальным явилось оформление выброса из этого погребения в виде птицы, с распростертыми крыльями (Бубулич 1992)[1]. В могильнике у с. Красное кроме каркасной гробницы, обмазанной глиной и сожженной на древней дневной поверхности, известны захоронения в ямах и в катакомбе I типа с каменным закладом.

Помимо социально значимых могил в ямах с деревянным перекрытием, принадлежащих зажиточным скифам (Никольское, Парканы, Пуркары, Талмаз, Островное, Балабаны, Нагорное, Манты) и каркасных гробниц с представительной тризной (Цыганка, Плавни 28/1) (Андрух 1995: 29), появляются небольшие вытянутые ямы, характерные для погребений рядовых общинников (Семеновка, Дивизия, Дивизия II, Плавни I, Котловина и др.). В состав инвентаря одиночных впускных погребений входят башнеобразные или разнотипные наконечники стрел рубежа V–IV вв. до н.э. Аналогичные колчанные наборы, а также копья и обязательная жертвенная пища с ножом, характеризуют впускные погребения в катакомбах I типа, которые распространяются в этот же период.

В могильнике у с. Никольское кроме простых ям, иногда с уступами, на которые опирались плахи деревянного перекрытия, отмечены сожженные шатровые сооружения на уровне древней дневной поверхности. Присутствуют культовые

[1] Приносим благодарность авторам раскопок за возможность использования результатов исследований.

ямы-тризницы, выделяются хозяйственные зоны в погребениях (2/2). Единично присутствуют катакомбы I и II типов. В насыпи двух курганов находились котлы с жертвенной пищей. Богатое впускное погребение женщины (2/2) позволяет отнести его, как и весь курган, к зажиточным скифам. Это подтверждает размер кургана высотой более 4 м, кострище под насыпью, тризна во рву с 12-ю черепами лошадей, кости животных и обломки амфор (Агульников, Сава 2004: 18–36). Длинные ямы 2–3 четверти IV в. до н.э. со следами деревянных перекрытий и с выделенными в могилах «хозяйственными» зонами, известны на правобережье Днестра у с. Пуркары (Яровой 1990: 47–53).

В Буджаке, к зажиточным скифам можно отнести могильник Островное, расположенный по обоим берегам р. Киргиж – Китай, просуществовавший с начала IV до начала III вв. до н.э. (Алексеева 1973). Два кургана с основными скифскими погребениями перекрытыми камнем выделялись значительными размерами. Высота кургана 1 достигла 3 м при диаметре 60 м. На перекрытии могилы находились два бронзовых котла с костями животных (рис. 98, 4–5). В нише погребения 3/1 сохранились гераклейские амфоры 90-х гг. IV в. до н.э. Под насыпью зафиксирована жертвенная яма с костями животных и культовое захоронение молодого мужчины на спине с подогнутыми ногами, головой на запад. Бронзовый котел был впущен в насыпь кургана. Во рву фиксировались обломки амфор. В грабительском ходу найдена пальштабовидная мотыжка характерная для памятников второй половины IV в. до н.э. (рис. 93, 12).

В первой половине III в. до н.э. в курган 3 было впущено скифское погребение в овальной яме с уступом с южной стороны (катакомба I типа?), из инвентаря которого сохранились буролаковая чаша с ручкой и мелкие бронзовые изделия.

К погребениям зажиточных скифов относится курган у с. Балабаны с женским погребением, в инвентарь которого входили золотые калачиковидные серьги, украшенные головой грифона (рис. 99, 2). Погребение сопровождала жертвенная яма с черепом и копытами лошади, поверх которых находилась амфора (Чеботаренко и др. 1989: 28–37).

Вблизи могильника рядового населения Плавни I располагались два хронологически близких ему кургана с выразительным инвентарем, несмотря на ограбление одного из них (Нагорное 11/1). Состав инвентаря, в том числе: чернолаковая и краснофигурная посуда, золотые бляшки (рис. 101, 1), серебряный кувшин (рис. 102, 1) и украшения позволяют отнести погребения к племенной верхушке (Андрух, Суничук 1987: 45).

Высокий социальный статус имел курган конца V – начала IV вв. до н.э. с двумя погребениями в ямах у с. Манта в Попрутье, в детском погребении которого находилась краснофигурная пелика (Агульников 1993: 115–119).

Рядовым общинникам принадлежали несколько крупных могильников. В могильнике Семеновка, курганы которого окружены рвами, иногда двойными, в насыпях наблюдались следы тризны. В пяти курганах скифские погребения были основными. Скифские могилы впущенные в более древние курганы сопровождались досыпкой насыпи. Одно из погребений совершено в яме с заплечиками, перекрыто двойным закладом из брусьев, поверх которых положена известняковая плита. В двух курганах находились впускные погребения в скорченном положении на правом боку, головой на северо-восток. Единична катакомба II типа (16/1). Необычным выглядит комплекс близкий к катакомбам I типа, с расположенной над ним сожженной конструкцией (15/1).

Могильники Дивизия и Дивизия II раскопаны частично. Характеризуются единообразием погребального обряда (Субботин, Сапожников, Субботин 2001–2002: 563–581). Три кургана из могильника Дивизия II скифские, пять погребений впущены в древние курганы. В двух случаях произведена досыпка насыпи. Самое раннее захоронение относится к началу IV в. до н.э., большинство – к 70–50 гг. этого же столетия. В заполнении рвов фиксировалась тризна, наиболее внушительно представленная в кургане 20, где под единой насыпью вокруг центрального захоронения по кругу, располагались еще 6 погребений с различной ориентировкой (Андрух, Оанча 1992: 38–46).

Погребения в ямах характерны и для могильника Плавни I (33 кургана, 35 погребений), состоящего из двух групп, расположенных вблизи курганов эпохи бронзы (Суничук, Фокеев 1984: 103–120). Скромность инвентаря, однородность сооружений, наличие оружия в мужских и женских погребениях позволяют отнести памятник к рядовому военизированному населению.

Частично исследованы: могильник у с. Павловка (7 курганов с досыпками насыпи), Арцизский могильник (6 скифских курганов) (Алексеева 1987), могильники Катлабух, Котловина и Котловина I (Фокеев 1990) с обычным для рядового населения инвентарем. В могильнике Курчи II три детских захоронения в ямах сопровождались лепными сосудами.

Наряду с населением, хоронившим своих соотечественников в грунтовых ямах, в конце V в. до н.э. появляется новая волна кочевников, «визитной карточкой» которых становятся катакомбы I типа. Если погребения в грунтовых ямах уже с конца V в. до н.э. находят себе место в рамках организованных родовых кладбищ, то погребения в катакомбах I типа, в этот период, представляют собой впускные могилы (Борисовка, Виноградовка и др.). В первой – второй четверти IV в. до н.э. они становятся основными, входят в зону более ранних могильников (Чауш) или оказываются у истоков формирования новых (Николаевка II). В Нижнем Поднестровье между сс. Надлиманское и Николаевка исследованы несколько впускных скифских погребений в катакомбах I типа начала IV в. до н.э. (Mateevici 2007: 143). В кургане у с. Ефимовка (3/16) был погребен подросток головой на восток. В инвентарь входили: гераклейская амфора, арибаллический лекиф с изображением Эрота, часть однолезвийного кинжала, два ножа и бронзовый наконечник стрелы (Алексеева 1971а: 153–154).

Для закладов могил, обычно расположенных в северной стенке колодца, использовались деревянные заслоны и камень, как исключение – вертикально установленные амфоры (Надлиманское, Утконосовка, Камышовка).

В верховьях оз. Катлабух, у с. Каменка, исследовано погребение в катакомбе I типа с лепным скифским горшком, украшенным конусовидными налепами, характерными для гетской посуды (рис. 103, 22) и погребение у с. Новокаменка (3/1), откуда сохранился разнообразный инвентарь, в том числе: обломки краснофигурного скифоса, лепного горшка, 4 нашивные бляшки в виде миниатюрных зайцев (рис. 101, 7, 8), бронзовое зеркало с костяной рукоятью (рис. 102, 17) и бусы пирамидальной формы из синего прозрачного стекла.

Катакомбы I типа присутствуют в могильнике Чауш, который сформировался в границах древнего курганного поля и имел три хронологических горизонта. Первый (начало VI в. до н.э.) представлен погребениями с кремацией, второй (первая четверть IV в. до н.э.) – катакомбами I типа, третий – (вторая четверть – середина IV в. до н.э.) – ямами и катакомбами II-го типа. Четыре кургана с катакомбами I-го

типа располагались бессистемно, в то время как погребения в ямах и катакомбах II-го типа составляли компактные группы. Почти во всех погребениях присутствовали наконечники стрел, копий. В пяти случаях зафиксированы однолезвийные мечи, которые встречались как в катакомбах II-го типа, так и простых ямах. В подбоях мечи отсутствовали, а датировка разнотипных наконечников стрел из колчанных наборов этих погребений свидетельствует о более раннем их сооружении по сравнению с катакомбами II-го типа (Суничук 1985: 45).

К северо-западу от могильника Чауш исследован курган Цыганка со сброшенным в скифское погребение каменным изваянием (Ольховский, Шилов 1995: 103–113). Погребение представлено каркасно-деревянной гробницей с грунтовым дромосом впущенной в курган эпохи бронзы. Со скифским комплексом связан прямоугольный в сечении ров, с жертвенно-поминальной тризной, состоящей из обломков амфор, в числе которых фрагмент амфоры Фасоса с клеймом 60–50 гг. до н.э. и костей лошади (кости ног и череп).

Доминирующее положение курганов могильника Чауш и Цыганки над расстилающейся внизу долиной Дуная, вблизи переправы, сложность погребально-культового комплекса кургана Цыганка с деревянной гробницей и каменным изваянием позволяют говорить о их значимости в системе окружающих могильников.

Деревянную конструкцию, перекрытую в накат, имело основное погребение у с. Плавни (28/2). Возможно элементы аналогичной гробницы прослежены у с. Павловка (6/1).

Отличаются от классических катакомб основное и впускное погребения могильника Алкалия середины IV в. до н.э. (Субботин и др. 1992: 23–25). Оба погребения совершены в катакомбах VIII типа с круглым цилиндрическим входным колодцем и полуовальной камерой. Выделяется погребение впущенное в курган эпохи бронзы (33/12) «Гостра Могила», высота которого после досыпки в скифский период достигла более 7 м. Во рву кургана с основным погребением (к. 18) находились обломки антропоморфной стелы. Аналогичные погребения исследованы в кургане – святилище могильника Хаджидер с каменным изваянием (Субботин и др. 1992: 21–23) и в могильнике Васильевка (Субботин и др. 1992: 13).

Отдельную группу представляют два грунтовых могильника у г. Измаил, расположенные вблизи хронологически близкого им поселения. Амфорный материал определяет дату их функционирования с начала IV до 340–320 гг. до н.э.

IV группа. Ко второй половине IV в. до н.э. одиночных курганов становится меньше, а к концу столетия они практически исчезают. Это связано с установившимися границами кочевий, закрепленных за определенными родовыми объединениями, и созданием стационарных кладбищ. Продолжают существование могильники, возникшие во второй – третьей четверти IV в. до н.э., но возникают и новые. В междуречье Буга и Днестра исследовано несколько курганов (Анастасиевка, Старые Беляры) и часть могильника Вапнярка, в погребальном обряде которого использовались сооружения в виде ям и катакомб II типа с каменными и каменно-сырцовыми закладами (Савельев 2012: 193–200).

К середине IV в. до н.э. формируется могильник Буторы с преобладанием ям перекрытых бревнами и шатровыми сооружениями (Мелюкова 1974; 1974а; 1979). Отмечено использование помостов и гробов. Присутствуют катакомбы I и II типов. Колодец одной из катакомб I типа был заполнен камнем и перекрыт плитами (Серова, Яровой 1987: рис. 54). В трех курганах похоронены по одному погребенному, в остальных – от 2 до 4 человек. Наличие значительных по размерам погребальных

сооружений, впускных могил, разнообразного инвентаря и каменного изваяния в одном из курганов, позволили отнести могильник к кладбищу знати (Мелюкова 1974а: 75). Дата его функционирования с середины IV до начала III в. до н.э. подтверждается серией амфор во рвах курганов 4 и 13 (Серова, Яровой 1987).

Аналогичные сооружения известны и в других могильниках левого берега Днестра второй половины IV – начала III в. до н.э. (Плоское (Бычок), Парканы, Суклея) (Мелюкова 1962б: 144). Продолжение работ в районе Паркан и Тирасполя подтвердили преобладание в этих группах сооружений в ямах, как основных, так и впускных. В некоторые могильники вклинивались курганы с поздними катакомбами III типа (Парканы, Тирасполь, Коротное).

Погребение у с. Парканы совершено в яме с двойным бревенчатым перекрытием, поверх которого находилась гончарная миска с ручкой (Манзура и др. 1992). В дно рва были вбиты копья и дротик, а поминальная тризна состояла из более чем 50 амфор последней трети IV в. до н.э. В аналогичной по конструкции могиле исследованной в восточной части Тирасполя сохранились фрагменты панциря и амфор (1/1). Под насыпью зафиксировано 7 жертвенных ям (одна с костями лошади), а также площадка тризница с фрагментами амфор (Хахеу 1990).

Единство погребального обряда объединяет памятники левобережья в целостную группу, центром которой являлся некрополь Буторы.

На правобережье Днестра самым северным памятником является курган с деревянным срубом у с. Косоуцы IV в. до н.э. (Манзура 1982: 122–129). Сложная конструкция погребального сооружения с захоронениями коней, собаки и человеческими жертвоприношениями находят ему аналогии среди памятников лесостепной зоны.

В могильнике Хаджимус, второй половины IV в. до н.э., исследовано два кургана с основными погребениям в ямах и двумя захоронениями в катакомбах II типа с деревянным заслоном.

В низовьях Днестра продолжает существовать могильник вблизи с. Николаевка. Его особенностью является наличие курганов и грунтовых погребений. Подкурганные захоронения совершались в ямах с каменными перекрытиями. Среди грунтовых присутствовали два типа сооружений: ямы и катакомбы I типа с каменными закладами. В катакомбах трое погребенных ориентированы головой на запад, остальные – на восток. Над грунтовыми захоронениями прослеживались следы тризны. Мужские погребения сопровождались оружием. В женских присутствуют зеркала и украшения. Анализ антропологического материала некрополя показал включение в скифский тип средиземноморских элементов – греческого и фракийского (Мелюкова 1975: 194). Сооружения II-го Николаевского могильника представлены грунтовыми ямами.

Со второй четверти IV в. до н.э. получают распространение катакомбы II-го, а в последней четверти столетия – III типа. На могильниках с катакомбами II-го и III-го типов отмечена системная планировка. Иногда они состоят из нескольких групп, расположенных вокруг доминирующего кургана. Господствует ингумация. Как исключение – захоронение праха в амфоре из могильника Дервент. Погребенные сопровождались напутственной пищей. Преобладают одиночные захоронения, хотя встречаются по две, реже три могилы под насыпью и парные погребения в одной яме. Ориентировка погребенных головой запад, реже на восток. Северная и южная ориентировка характерна для катакомб III типа конца IV в. до н.э.

Катакомбы II типа иногда являются единственными погребальными сооружениями в могильнике, либо сосуществуют с грунтовыми ямами и катакомбами I типа, которые хронологически самые ранние. В рамках одного могильника они, как правило, концентрируются в локальные группы.

Доминирование катакомб II типа отмечено в могильнике Табаки (Субботин и др. 1992). Среди инвентаря выделяются фибулы, лировидная подвеска и лепная посуда, представленная кувшинами, горшком, гутусом и крышкой (рис. 103, 1). В колодце катакомбы могильника Кубей (13/1) находилась лошадь с собакой. Останки собаки выявлены во входном колодце аналогичной катакомбы у с. Васильевка (22/1), особенностью которого являлись площадки со следами тризны, расположенные за пределами насыпей. Концом IV в. до н.э. датируются катакомбы II типа могильников Владычень и Котловина I. На лицевой части погребенной из могильника Котловина I (6/1) отмечены следы культовой раскраски. Дополнительную конструкцию имела катакомба из могильника Владычень (15/1), где по дну ямы прослежен ровик, по углам которого располагались углубления (рис. 90, 9).

В могильнике Мреснота Могила захоронения в катакомбах II типа сосредоточены в северо-западной, а ямы и единственная катакомба I типа – в юго-восточной части могильника. Погребения в ямах одиночные, в одном случае зафиксировано два захоронения. Отмечено одно погребение в яме, впущенное в курган с основной катакомбой II типа. Погребенные ориентированы головой на запад, в нескольких случаях – на восток (там, где катакомбы расположены в противоположную друг от друга сторону под одной насыпью) (Редина 1992: 83–84).

Колчанные наборы и наконечники копий встречались как в мужских, так и женских могилах. Среди инвентаря присутствовали фибулы, лировидные подвески, колокольчики, лепные сосуды и др. предметы.

Значительный интерес представляют могильники Дервент, Градешка и Кугурлуй. Формированию последних двух предшествовали скифские курганы с катакомбами I-го типа начала IV в. до н.э. Характерной чертой некрополей является наличие катакомб II и III типов.

В могильнике Дервент, который занимал центральное положение, прослежена круговая планировка вокруг скифского кургана № 1, с погребением в катакомбе II типа (рис. 90, 11). 15 погребений могильника совершены в катакомбах III типа, четыре – II типа, единичное погребение праха в амфоре. Один из курганов содержал погребение в яме, один – кенотаф. Погребения выделялись значительными размерами и тщательностью отделки камер. Два кургана имели по два захоронения под насыпью. В одном из них погребальные сооружения представлены катакомбами III типа, в другом (13/1) катакомбами II типа и III типов. В катакомбах III типа ориентировка погребенных головой на север, II типа – на запад. В стенке колодца катакомбы II типа находился подбой для лошадей и собаки (рис. 90, 8). Самые ранние комплексы датируются последней четвертью IV в. до н.э., поздние – первая – вторая четверть III в. до н.э.

В могильнике Градешка 9 катакомб III типа зафиксированы в 8 курганах, 8 катакомб II типа в 7 курганах. В трех случаях насыпи сооружены над двумя погребениями. Катакомбы I типа, начала IV в. до н.э., представлены основным и двумя впускными погребениями в курганы эпохи бронзы.

Могильник Кугурлуй формировался вокруг курганов эпохи бронзы, 27 курганов содержали катакомбы II типа, два – катакомбы III типа. По два погребения с катакомбами II и III типов имели два кургана. В одном кургане находилось три

могилы (две в катакомбе III типа, одна – II типа). Один из курганов содержал 5 культовых ям.

Курганные насыпи могильников в среднем высотой до 0,25 м. В случаях обнаружения рвов, фиксировались перемычки с западной и восточной сторон. Большинство катакомб с коротким дромосом и ступенькой перед камерой. Вход арочный. На могильниках Кугурлуй и Дервент засвидетельствовано несколько катакомб с лежанками в камере. Погребения с богатым инвентарем часто сопровождались захоронениями лошадей и собак во входных колодцах, II тип катакомб связан с западной ориентировкой погребенных, III тип – с северной, реже – южной. Погребения III типа отличались большими размерами. Среди инвентаря значительное число браслетов, фибул, амулетов, стрел. В могильнике Дервент обнаружена монета Истрии. Антропологический анализ свидетельствует о значительном числе погребенных, умерших в возрасте 25–35 лет. Детских погребений немного. Возраст самого старшего мужчины – 40–45 лет, женщины – 50–55 лет (определения С.П. Сегеды).

V группе принадлежат курганы и могильники на левобережье Днестра: Парканы–Терновка, Тирасполь–Суклея, Слободзея–Чобручи, Глиное–Красное. Основными сооружениями являются катакомбы III типа. Наиболее полно исследован могильник Глиное. Наряду с катакомбами III типа, в их же хронологическом диапазоне, присутствуют ямы и катакомбы I и II типов.

Для захоронений в катакомбах II и III типов характерно господство северной ориентировки, южная встречается редко, западая фиксируется во впускных ямах и катакомбах I типа (Четвериков, Синика 2002). Вход в камеру для катакомб III типа, располагался в восточной стене колодца, закрывался сырцовыми кирпичами, возможно вальками и замазывался. Использовались дополнительные колодцы для повторных захоронений. В колодцах иногда сооружались подбои для погребения лошади. Перед входом в камеру размещались захоронения собак. Иногда в камерах устраивались материковые лежанки. Стенки и потолки камер оформлялись орнаментом по глине в виде выступов или прочерченных линий, имитирующих корпус кибитки. Выделяются погребения высокого социального ранга. Среди инвентаря присутствует: вооружение (железные наконечники стрел, с единичными экземплярами бронзовых, дротики, копья, топоры); конское снаряжение (налобники с крючком, крестовидные псалии, крупные глазчатые бусы); античная посуда; украшения (бусы, височные кольца, серьги, нашивные бляшки, браслеты, фибулы, перстни и др.); лепная посуда (вазы, миски, светильники, курильницы). Встречаются кремневые кресала у таза или бедра погребенных, иногда в нишах над входом в камеру, культовые каменные плиты, прясла, зеркала, веретена.

К III–II вв. до н.э. относится еще ряд памятников. Это Никольское (1/7) с фибулой среднелатенской схемы, близкой к находкам из курганов Глиное, Семеновка (7/2) с обломком родосской амфоры, курган в северо-западной части г. Белгород-Днестровска с фрагментами родосских амфор (Субботин 1975а: 356), курган 1 из группы «На горбах» у с. Николаевка, с кромлехом и катакомбой II типа, катакомба III типа у с. Огородное (3/1), погребение у с. Кочковатое (48/3), где присутствовали бронзовые и железные наконечники стрел, близкие к колчанным наборам могильника Глиное и впускное погребение в катакомбе III типа у с. Островное.

К этому времени относятся материалы из поминальных тризн: курган у с. Холмское, в районах могильников Курчи, Чауш, Цыганка.

Отдельную группу памятников III–II вв. до н. э. составляют культовые комплексы с предметами вооружения, всаднического снаряжения, уздечными набора-

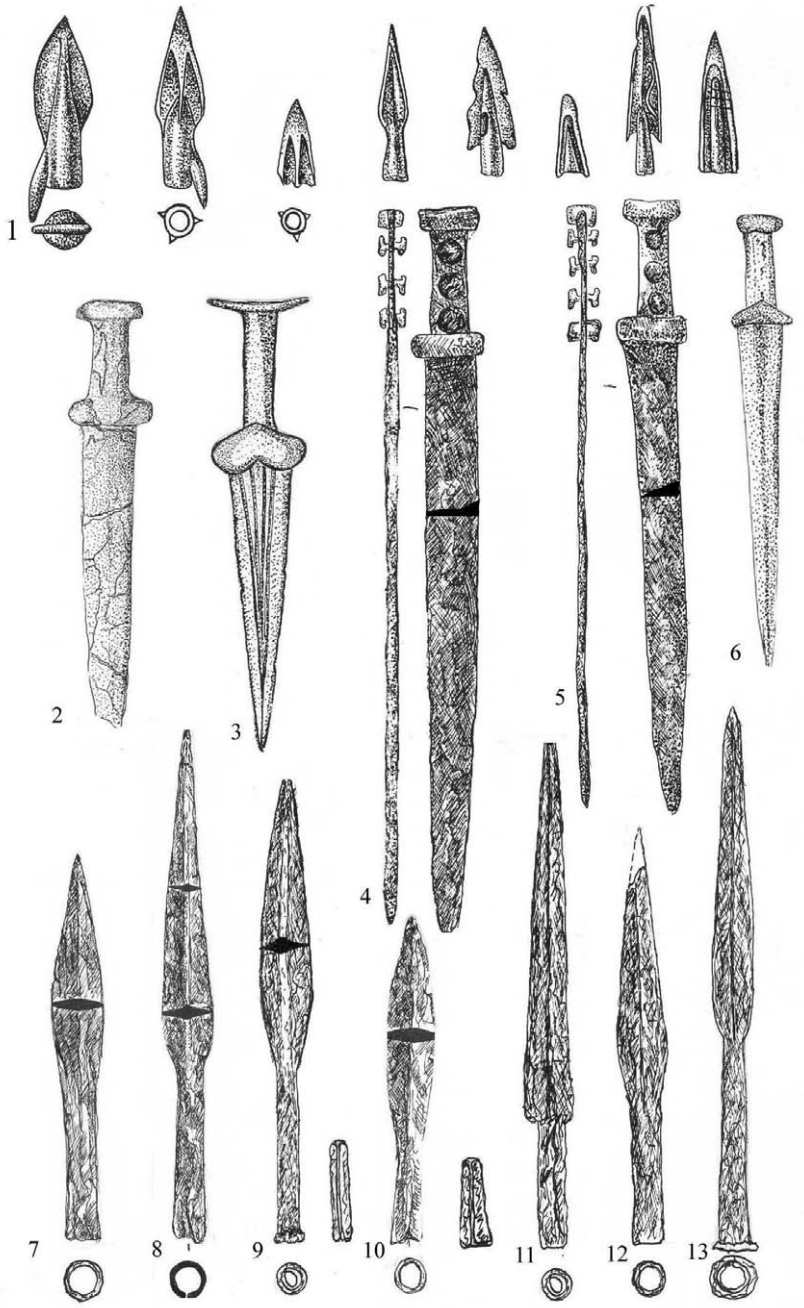


Рис. 92. Вооружение скифов.
1 – Наконечники стрел; 2 – Курган у г. Арциз; 3 – Гниляково; 4 – Чауш (курган 15, погр. 1);
5 – Чауш (курган 12, погр. 1); 6 – Суручены; 7 – Дервент (курган 14, погр. 1);
8 – Плавни I (курган 28); 9 – Плавни I (курган 32);
10 – Градешка (курган 8, погр. 1); 11–12 – Градешка (курган 5, погр. 6);
13 – Владычень (курган 5, погр. 1)

ми с налобниками с крючком, парадной посудой: Большое Плоское, Веселая Долина, Новые Бедражи, Семеновка, Беленькое, Тараклия, Бубуечь (Симоненко, Редина 2002: 97–105).

Стойбища и поселения. По мере заселения региона, отдельные группы кочевников вырабатывали маршруты своих передвижений, устанавливали районы пастбищ, связанных с системой сезонного выпаса животных. Появлялись временные и стационарные стоянки пастухов, выпасавших скот. Их число увеличивается к середине IV в. до н.э. Зимники и летники располагались на берегах водоемов, озер и рек. Они зафиксированы в районе Нижнего Поднестровья у сел Семеновка, Молога, Пивденное, Слободзея, Граденицы. К востоку от Днестра известно стойбище Грибовка IV (Іванова, Сєкерська 2003: 31).

Изменения в жизни общества, происходившие в IV в. до н.э., коснулись и западных районов Скифии. Здесь кочевники соприкоснулись с земледельческой культурой гетов и традициями населения античных полисов. Возросшая численность номадов повлекла за собой обнищание и переход части скифов к полуоседлому и оседлому существованию. Появляются небольшие поселки оседлого населения. На поселении Малый Катлабух, помимо находок фрагментов амфор и лепной керамики, найдена монета Тиры IV в. до н.э. (Гудкова и др. 1999: 35). Вблизи могильника Воларска Могила расположено поселение Буркуит (ур. Кале). Поселенческие структуры исследованы вдоль озер Ялпуг и Кагул (Мелюкова 1979: 145, 160), в районе сел Нагорное (Романова, Скакун 2002: 73), Этулия (Чеботаренко, Щербакова 1974: 140–141), Владычень и Виноградовка. На поселении Этулия зафиксирован культурный слой с комплексом гончарной и лепной керамики, фрагментами амфор с клеймами Фасоса 360–350 гг. до н.э. На поселении Нагорное II открыты хозяйственные ямы этого же времени. Типологически близкие памятники появляются и на северных окраинах степного массива (Гидерим IV).

Материальная культура. В состав инвентаря скифских погребений входили: вооружение и воинское снаряжение, конская узда, каменные изваяния, навершия, посуда, бытовые изделия, украшения, культовые предметы.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, мечами, копьями, дротиками, боевыми ножами и топорами.

Колчанные наборы. Ранние комплексы стрел происходят из курганов у сел Огородное, Старые Куконешты, Березино. В конце V – первой половине IV в. до н.э. появляются наборы из разнотипных бронзовых наконечников стрел с облегченным весом. В могильниках второй половины IV в. до н.э. в колчан входили трехлопастные наконечники с выделенной втулкой и вариациями в размерах. Для IV в. до н.э. присутствие этого вида вооружения отмечается и в женских, изредка в детских, погребениях. Железные трехлопастные наконечники с длинной втулкой встречены в Семеновке и в Кочковатом (48/3). Массовое распространение железных стрел харктерно для Тираспольской группы III–II вв. до н.э.

Деталью колчана являлись костяные (Чауш, Старые Куконешты) и бронзовые (Огородное) застежки в виде усечено-конических стержней с перехватом в средней части, распространенные в VII–V вв. до н.э. (рис. 91). В более поздних комплексах встречаются застежки в виде костяных рифленых пустотелых цилиндриков (Кугурлуй 6/1) или бронзовых округлых стрежней, украшенных орнаментом в виде насечек (Курчи 25/2). Застежками служили и крестовидные бронзовые изделия с короткой полой внутри втулкой (Дервент, Буторы) (рис. 102, 8).

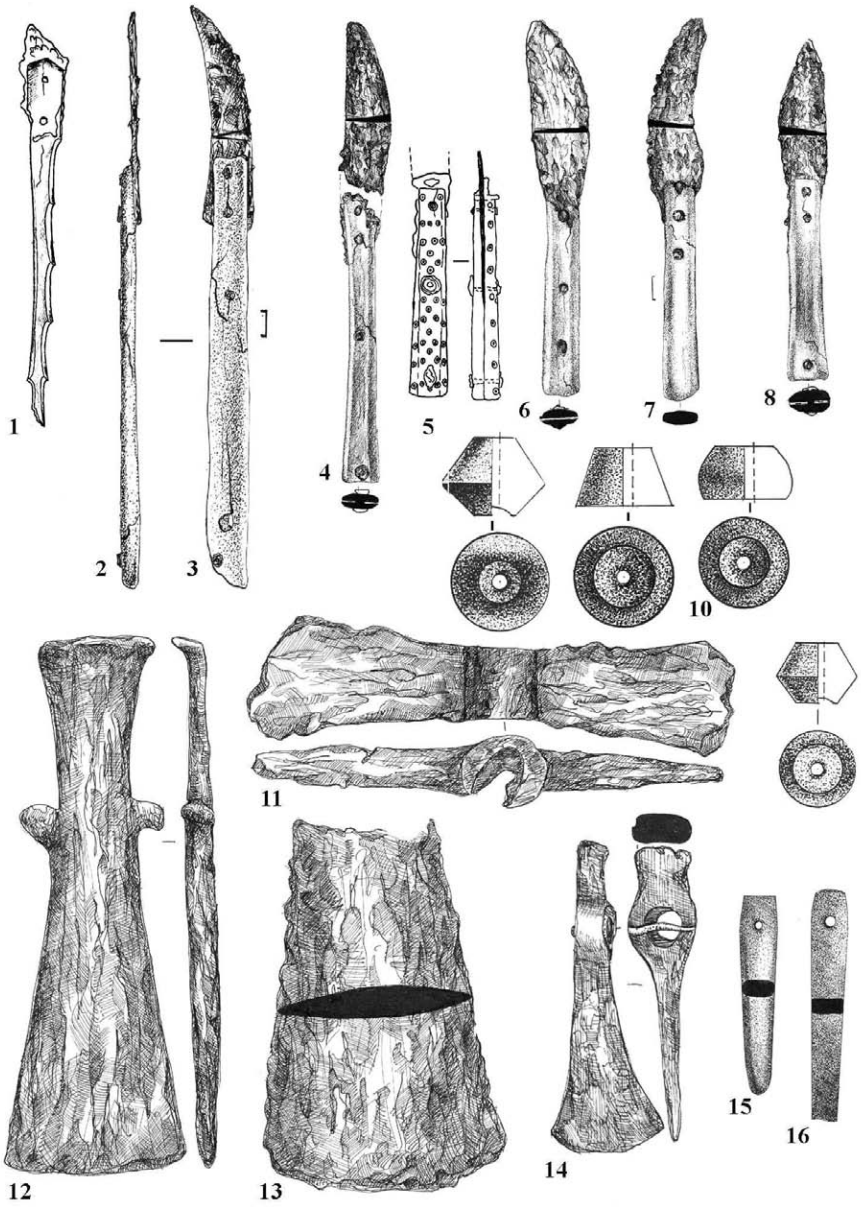


Рис. 93. Орудия труда.
Ножи: 1 – Мреснота Могила (курган 12, погр. 2);
2–3 – Плавни (курган 4, погр. 2); 4 – Плавни I (курган 27, погр. 1);
5 – Дервент (курган 4, погр. 1); 6 – Дервент (курган 11, погр. 1);
7 – Чауш (курган 15, погр. 2); 8 – Кугурлуй (курган 6, погр. 1); Пряслица лепные:
9–10 – Градешка и Кугурлуй; Топоры железные: 11 – Кугурлуй (курган 11, погр. 1);
12 – Островное (курган 1); 13 – Кугурлуй (курган 29, погр. 1); 14 – Бутор.
15–16 – Оселки каменные

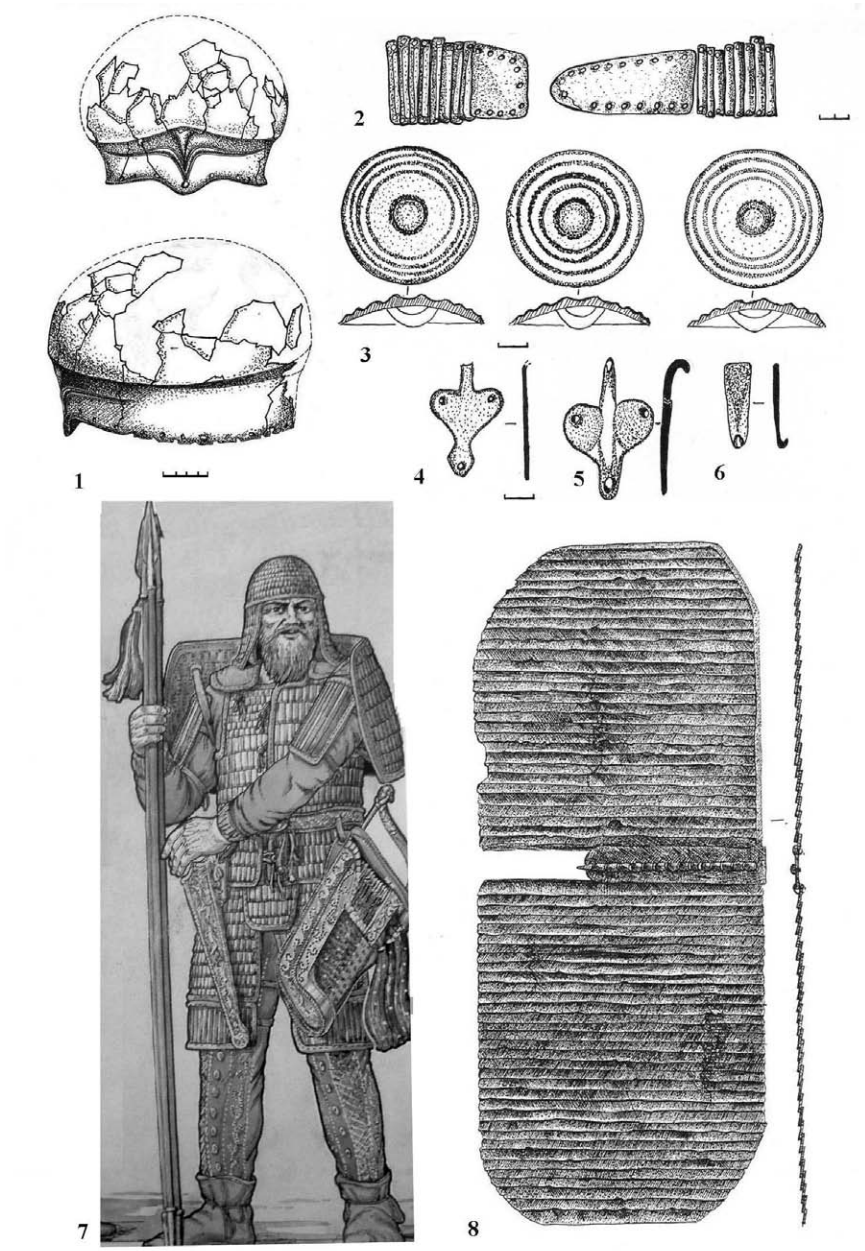


Рис. 94. Скифский доспех.
1 – шлем, бронза (курган у г. Арциз);
2 – пояс пластинчатый, наборной, бронза (Семеновка, курган 23, погр. 3);
3 – пояс накладной, бронза (Градешка, курган 15, погр. 1);
4 – поясной крючок, бронза (Кугурлуй, курган 18, погр. 1);
5 – поясной крючок, бронза (Дервент, курган 13, погр. 1);
6 – поясной крючок, бронза (Кугурлуй, курган 13, погр.1);
7 – реконструкция доспеха воина (по Л.С. Клочко, А.И. Минжулину, П.Л. Корниенко);
8 – щит железный из могильника Мреснота Могила (курган 3, погр. 1)

Копья являлись наиболее распространенным, после стрел, оружием. Они представлены несколькими типами (рис. 92). В основном это остролистные экземпляры с прямыми, сходящимися к острию гранями. К более редкому типу относятся копья с выделенным ребром (Плавни 28/1). Составляющими копий являлись подтоки. Сохранившиеся нетронутыми экземпляры копий с подтоками позволяют установить их длину в пределах 2–2,2 м. Наконечники дротиков появляются к середине IV в. до н.э., но распространение получают в III в. до н.э.

Мечи и кинжалы представлены двулезвийными кинжалами акинаками и однолезвийными мечами (рис. 92). Акинак происходит из кургана у г. Арциз. В некоторых случаях это случайные находки (Котовск, Дачное). Значительное их число зафиксировано в Николаевском могильнике. Однолезвийные мечи имеют прямую, слегка утолщенную спинку и лезвие, равномерно сужающееся к острию. Рукояти продолжают клинок и как варианты снабжены перекрестием и навершием. Деревянные или костяные накладки на рукоять крепились заклепками. На юге Восточной Европы этот вид оружия хорошо известен (Яковенко 1974: 56; Мелюкова 1979: 98–99; Копылов, Янгулов 1987: 67; Бруяко 1989: 69–70; Редина 1999а: 222–228; Гребенников 2008: 84).

Топоры редко встречаемое оружие. Как правило это однолезвийные клиновидные железные экземпляры с прямоугольным обухом и выемкой в основе (рис. 93, 11, 13, 14).

Боевые ножи фиксировались у пояса погребенных. Они отличаются от бытовых размерами, достигая в длину более 20 см. Некоторые имели отверстия на рукоятях для крепления к поясу (рис. 93, 3).

Защитное снаряжение связано с погребениями тяжеловооруженных воинов V – начала IV вв. до н.э., хотя встречается и в более позднее время. К нему относится: панцирный доспех, наборные пояса, поножи, шлемы, щиты. Представление о типе панцирного доспеха в виде рубахи с рукавами, имеющими оплечье и набедренники, дает находка в могильнике Мреснота Могила (к. 3). В остальных случаях его присутствие фиксируется в разрушенных могилах по остаткам панцирных пластин (Черненко 1968; Мелюкова 1979: 203–206).

Уникальна находка из могильника Мреснота Могила (к. 3) железного наборного пластинчатого щита. Он имел прямоугольную, с закругленными углами форму, состоял из двух подвижных частей, соединенных пластиной с напаянным железным стержнем с заостренным концом. На внутренней стороне находились петли для крепления ремней (рис. 94, 8).

Для крепления ремней панцирного доспеха использовались бронзовые многогранные, полые внутри ворварки, конической формы и литые свинцовые «пряслица», украшенные радиально расходящимися рельефными лучами. Возможно украшением щита можно считать золотую бляшку из курганного могильника Николаевка (табл. 21, 4; рис. 96, 6).

Парадные и портупейные пояса с пластинчатым набором были атрибутами воинов и служителей культа. Они имели основу из нескольких слоев кожи (Черненко 1968: 58–59), на которую, посредством нитей или железных штифтов, крепились вертикально расположенные тонкие бронзовые или железные пластины со сквозными отверстиями по краям (Кугурлуй 18/1, 20/1; Семеновка, Курчи). Концы пояса иногда имели пластины трапециевидной формы (Семеновка) (рис. 94, 2). Внешний вид раннескифского пояса иллюстрирует изваяние из Виноградовки (рис. 95, 1).

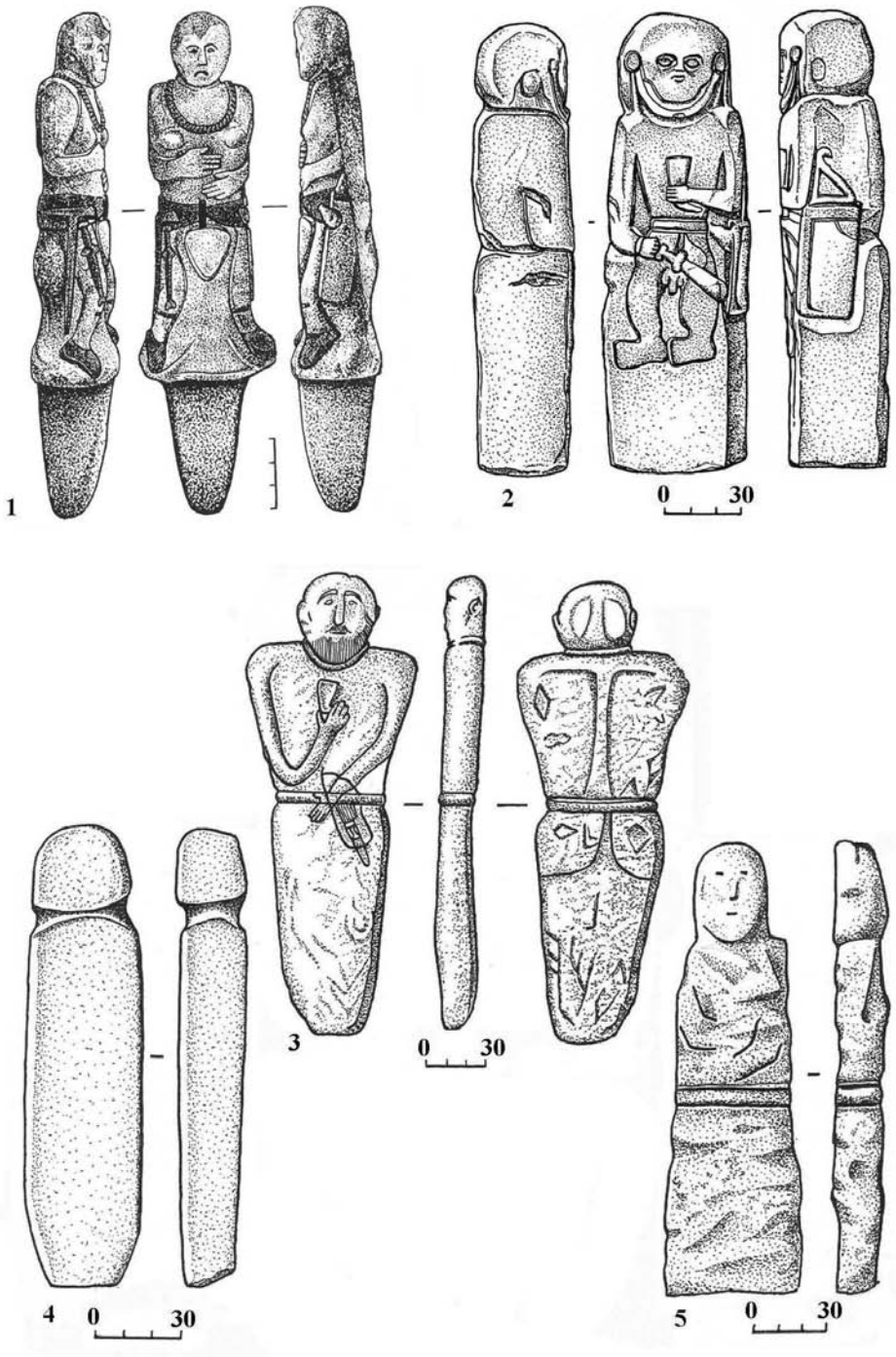


Рис. 95. Скифские каменные изваяния.
1 – Виноградовка; 2 – Цыганка (Плавни); 3 – Бутор;
4 – Хаджидер (Ярославка); 5 – Демидово

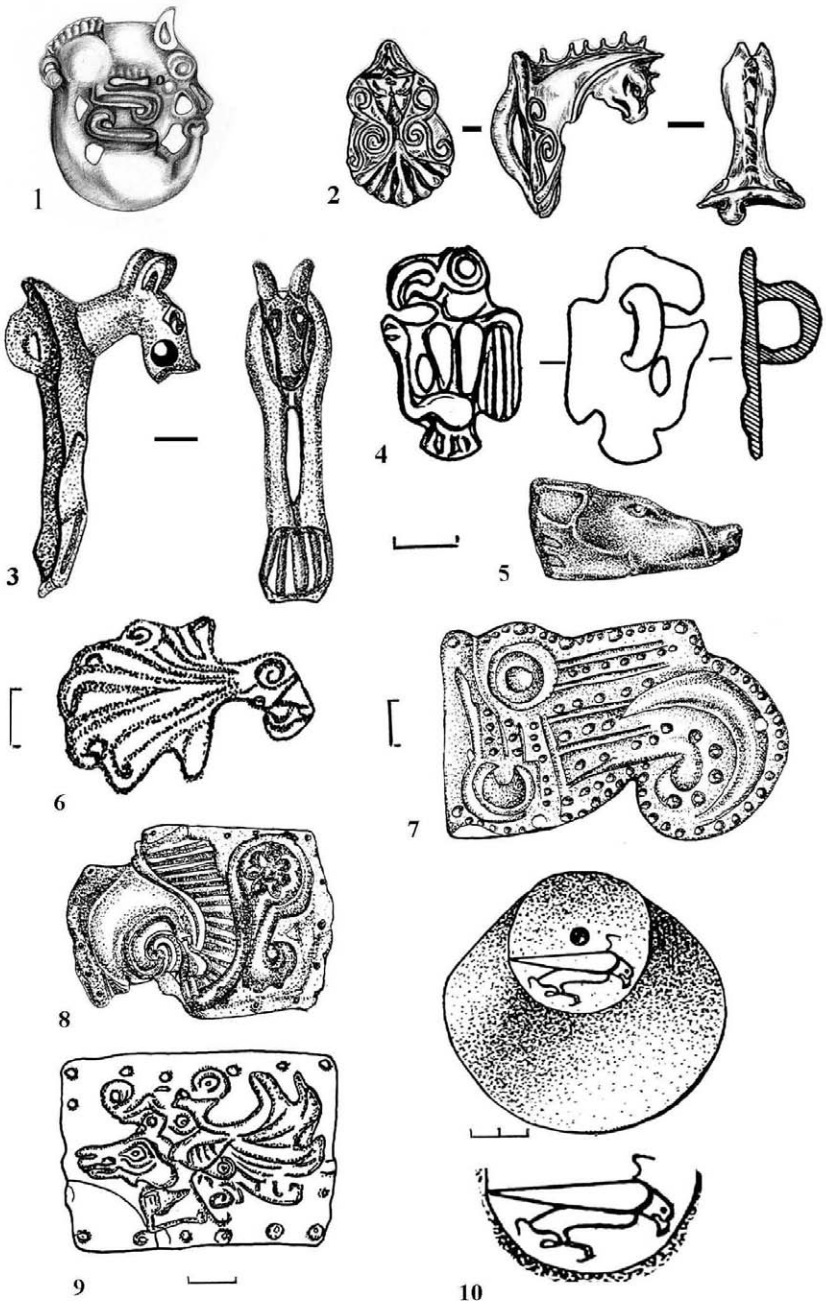


Рис. 96. Предметы с элементами скифского звериного стиля.
1 – Новые Раскайцы (бронза); 2 – Лиманы, Нижнее Побужье (бронза);
3 – Новопетровка (бронза); 4 – Поселение Надлиманское III (бронза);
5 – Городище у с. Кошары (бронза); 6 – Николаевка, курган 4 (золото);
7, 10 – Курган у г. Арциз (золото); 8 – Мреснота Могила, курган 3 (золото);
9 – Курган у с. Чобручи (золото)

Иногда использовались миниатюрные бронзовые поясные крючки сердцевидной формы, имеющие загнутый выступ и отверстия по краям для крепления к ремню (Дервент 13/1; Кугурлуй 18/1) (рис. 94, 4–6).

Поясная пряжка, покрытая тонкой золотой пластиной, происходит из культового комплекса Веселая Долина (рис. 104, 2).

Шлем аттического типа, прошедший переделку, найден в погребении V в до н.э. у г Арциз (рис. 94, 1). Шесть аттических и фракийских шлемов входили в Олонештский клад (Сергеев 1966: 138). Из кладов у сс. Бубуечь, Веселая Долина (рис. 104) и Беленькое происходят шлемы типа Монтефортино (Бруяко, Росохацкий 1993; Симоненко, Редина 2002: 97–105).

Бронзовые поножи найдены в погребениях могильников Никольское и Дубоссары, а также в Олонештском кладе (Сергеев 1966).

Оселки или точильные камни входили в состав воинского снаряжения. Они овальной или прямоугольной формы в сечении, с отверстием для подвешивания (рис. 93, 15–16).

Каменные изваяния в рассматриваемом регионе найдены в 7 пунктах (рис. 95). Еще 3 происходят с территории Румынии (Canarache 1953: 709). Эти изваяния с изображением мужской фигуры, моделированной в технике высокого рельефа. Ко второй половине VI – началу V вв. до н.э. относится скульптура из Виноградовки. Концом V – началом IV вв. до н.э. датируется скульптура из Цыганки. Остальные находки: Демидово, Дубоссары, Красногорка (Четвериков 1997: 12–14), Буторы, Хаджидер укладываются в рамки конца V–IV вв. до н.э. (Ольховский, Евдокимов 1994: 16–17)

Конская узда. К ранней уздечке относится бронзовая бляха в виде свернувшегося в кольцо хищника из погребения у с. Новые Раскайцы (2/7) (рис. 96, 1). Из бассейна р. Тилигул происходят несколько бронзовых предметов от уздечки: нащечник с изображением хищника (рис. 96, 2) (Островерхов, Охотников 1989: 59) и налобник в виде протомы зверя (Островерхов 2009: рис. 13) (рис. 96, 3). Украшением узды служила бляшка VI–V вв. до н.э. с изображением орлиноголового грифона из поселения Надлиманское III (рис. 96, 4). Уздечки V в. до н.э. с двукольчатыми удилами и псалиями украшались пронизями, налобниками, наносниками, нащечниками. Концы двудырчатых псалий S-видной формы иногда также оформлялись в зверином стиле, либо оканчивались серебряными наконечниками (Арциз). Большинство уздечных наборов находились на лошадях, похороненных в отдельных ямах (Червоный Яр, Николаевка (Ефимовка), Арциз, Никольское). Набор из Николаевки имел нащечник в виде бедра пантеры и лапы хищника. Уздечка лошади из Червоного Яра – две пары украшений в виде когтей хищных птиц (рис. 97, 9–12).

Захоронения коней с уздечкой встречаются в помещениях входных колодцев катакомб II и III типов. В это время исчезает зооморфный декор, появляются новые типы. В могильнике Кугурлуй (25/1) найдены фрагменты железных двусоставных строгих удил с тройными зубчатыми колесиками (рис. 97, 13). Их ранние образцы появляются в конце V в. до н.э. во Фракии. Подобные удила происходят из Краснокутского кургана (Мелюкова 1981: 54). В Дервенте (4/1) детали узды состояли из пронизей (рис. 97, 15) в Кугурлуе – из бронзовых округлых блях, разного диаметра (рис. 97, 14). В комплексах III– II вв. до н.э. известны конские налобники с крючком (Бубуечь, Семеновка, Великоплоское, Веселая Долина, Глиное) (рис. 104).

Навершия предназначались для украшения верхней части штандарта. В погребениях они венчали углы балдахина над носилками, либо повозкой. На вершине

кургана Новые Раскайцы, до момента исследований, было случайно найдено бронзовое навершие VII–VI вв. до н.э., в виде головы грифона со стилизованными птичьими головами, размещенными на длинной втулке (Нудельман, Рикман 1956а: 129) (рис. 98, 1).

Четыре навершия конца V – начала IV в. до н.э. происходят из Никольского (2/2) (рис. 98, 2). Две пары наверший конца IV в. до н.э. найдены в бассейне р. Тилигула (рис. 98, 3) (Островерхов, Охотников 1989: 63; Дзиговський, Островерхов 2004; Островерхов 2005).

Украшения включают гривны, серьги, височные подвески, фибулы, браслеты, ожерелья, бусы, нашивные бляшки, украшавшие головной убор и одежду. В большинстве являлись античным импортом.

Наиболее распространенными являлись проволочные *серьги* округлой формы с заостренными концами и замком, которые иногда украшались подвесками и бусами (рис. 99, 6, 13). На некоторых образцах проволочных золотых серег присутствовали амфоровидные подвески (Дубоссары 18/1), или подвески с изображением змеиногой богини (Буторы 2/3) (рис. 99, 1). Золотые серьги из Николаевского могильника были украшены розетками (рис. 99, 9; табл. 21, 1). Из этого же могильника происходят серьги с подвесками в виде лежащих львов (рис. 99, 7). Сложносоставные золотые серьги с проволочной дужкой и полого калачика, покрытого сканью и зернью, украшенного на концах головой грифона, происходят из Балабан (6/1) (рис. 99, 2). Пара близких сережек найдена в Никольском (2/2). Простые калачиковидные бронзовые серьги известны в могильниках Курчи (27/2) (рис. 99, 14) и Михайловка (7/2).

Височные подвески лировидной формы с загнутыми к верху концами, декорировались змеевидными или конусовидными окончаниями (рис. 99, 8, 11, 12, 15, 16). Подобный тип украшений появился во Фракии в конце V, но распространение получил в IV в. до н.э. Одним из мест их изготовления был Никоний. Изделия характерны для придунайских могильников (Редина 1998: 123–127).

Металлические *браслеты* представлены стержневыми и пластинчатыми типами. Они изготавливались из бронзы, реже серебра и железа. Поверхность украшалась насечками, окончания шишечками, шариками, или же змеиными головками (рис. 100, 15–21). Браслет из кург. 14/1 у с. Никольское состоял из 6 золотых бляшек в виде рыб. Популярными были браслеты из бус.

Серебряная *гривна* из округлого в сечении стержня, украшенного на концах стилизованными головками хищников, происходит из мог. Дервент (13/1) (рис. 100, 22). Аналогичная гривна известна в кладе у с. Матеуцы (Нудельман, Рикман 1956а: 23). Прекрасными образцами античного искусства являются гривны из клада у Ларгуцы (Нудельман, Рикман 1957) и Дубоссар (5/1), на края которой насажены наконечники в виде головок льва. Позже к основе были прикреплены фигурки уточек (Кетрару, Серова 1989). Гривна из Бутор, выполненная из серебряных проволочек, сплетенных в косичку, имела наконечники в виде змеиных головок (Кетрару, Серова 1987: 114–115).

Шейными украшениями являлись *ожерелья* из золотых амфоровидных подвесок и колечек (Хаджимус (1/1); Мреснота Могила (21/2). В ожерельях использовался золотой бисер и рифленые бусины (Плавни I; Курчи).

Фибулы-застежки раннелатенского типа (фракийский вариант) в нижнедунайском костюме появились ближе к середине IV в. до н.э. (рис. 100, 1–11). Они изготовлены из цельного стержня, округлого или плоского в сечении, с пружиной в

один-два витка и высокой дуговидной спинкой с хвостиком на конце приемника, снабженным шишечкой, бусиной, или конусовидной кнопкой. Присутствуют фибулы центральноевропейских типов (Peschel 1972: abb. 6, 32). Несколько экземпляров относятся к поздним вариантам середины III в. до н.э. (Дервент 5/1; Градешка 14/1). Из могильника Дервент происходит фрагмент декорированной фибулы с шаром (рис. 100, 11). Фибулы изготавливались из бронзы, серебра, железа. Серия фибул второй половины III – начала II вв. до н.э. присутствует в могильнике Глиное (Редина 1993; 1998).

Нашивные бляшки применялись для украшения головных уборов, налобных ремешковых повязок, накидок и одежды. Они выполнены в невысоком рельефе из золота: в форме розеток, четырехлистников, «личин», сфинксов, львов, зайцев. Из кург. у с. Нагорное происходят бляшки с изображением собако-льва (рис. 101, 1; табл. 21, 2).

Большой популярностью у скифов пользовались *бусы* из стекла, «египетского фаянса», цветных металлов, камней, мела, янтаря, кости и т. п. (рис. 101, 9–26). Они входили в состав ожерелий, браслетов, украшали серьги, конскую упряжь. Бусы использовались как амулеты, обереги и талисманы (Островерхов 1985а; 1987; 1992; 1998; Дзенеладзе, Симоненко 2010: 21–33).

Встречаются литые *перстни* с плоским щитком (рис. 100, 12–14). В Мреснотой Могиле (21/2) найден *литик-скарабеоид* с изображением бодающегося быка (Островерхов, Редина 1991: 55–56).

Атрибутом женского костюма являлся кожаный *пояс*, украшенный накладными литыми бляхами округлой формы с петлей для крепления (Градешка 15/1, Дервент 13/2, Никольское 2/2) (рис. 94, 3).

Орудия труда и предметы быта представлены глиняными пряслицами различной формы (рис. 93, 10), античными костяными наборными веретенами (Балабаны, Буторы, Пуркары), иглами, бытовыми ножами, железными крюками и зеркалами. Отдельную категорию представляет посуда. *Ножи* с прямыми лезвиями и горбатыми спинками, снабжались костяными и деревянными рукоятями (рис. 93, 1, 4–8). Иногда костяные рукояти украшены циркульным орнаментом. Редкие экземпляры с костяной рукоятью в виде рога оленя (Мреснота Могила 12/2 (рис. 93, 1); Пуркары 4/1). Уникальным является нож из Николаевки, ручка которого изготовлена из «финикийского» стекла (Мелюкова 1975: 171–172; Островерхов 2002).

Ранние дисковидные экземпляры *зеркал* с центральной ручкой-петелькой известны в погребениях Страшены и Чобручи. Основная часть зеркал происходит из памятников VI–III вв. до н.э. (рис. 102, 14–17). Есть они и в поздней Тираспольской группе. Большинство изделий принадлежит односоставным зеркалам, вырезанным из листа бронзы по контуру, с боковой плоской ручкой, расширенной к концу в виде кружка (Кузнецова 2002: 120–121). В одном случае окончание ручки украшено головой Медузы-Горгоны (Мерены I). Сложносоставные зеркала с боковой ручкой из бронзы, кости и железа крепились посредством заклепок. Односоставные зеркала без ручек украшались циркульным орнаментом.

Скифы пользовались *посудой* из цветных металлов, дерева и глины. Металлические сосуды представлены бронзовыми котлами, мисками, киафами и серебряной посудой. Уникальными находками можно считать стеклянный кубок из Семеновки (рис. 104, 3) и серебряную чашу из Большого Плоского (рис. 104, 1).

Бронзовые *котлы* изготавливались по восковой модели на заказ, поэтому тождественные экземпляры не встречаются (рис. 98, 4–6). Котлы, в скифских захороне-

ниях Северо-Западного Причерноморья, укладываются в типологию подобных изделий, получивших распространение на огромных пространствах евразийских степей (Косяненко, Флеров 1978: 200–202; Ромашко 2010: 13–21). В комплексах III–II вв. до н.э. встречаются котлы (Большое Плоское) и ситулы (Веселая Долина) (рис. 104, 2).

Черпаки-киафы из бронзы или железа, имели длинную загнутую ручку, увенчанную изображением головки лебедя и глубокий черпачок (Мреснота Могила (3/1), Нагорное (11/3), Николаевка).

Редкими находками представлена бронзовая миска из Мерен I и серебряный килик (ручка) из Николаевки (8/20). Серебряный одноручный сосуд из Нагорного (11/3) по плечикам был украшен овами и декорирован в месте крепления ручки парными изображениями голов баранов, разделенных пальметтой (рис. 102, 1). Композиция характерна для изделий первой половины – середины IV в. до н.э. (θεμελης Πετρος 1997: 75: T. 85: B. 34).

От *деревянных сосудов*, в виде полусферических чаш, которые занимали определенное место среди скифской ритуальной посуды, сохранились золотые накладки, с изображением орлиных голов и оленей (Арциз; Мреснота Могила (табл. 21, 3); Чобручи) (рис. 96, 7–9). Иногда использовались обивки из листового серебра треугольной формы, с пуансонным орнаментом по краям (Дервент 6/1). Подобные находки маркируют воинские погребения (Манцевич 1966: 34; Рябова 1984: 37). В конце IV в. до н.э. распространяются цельные или собранные из дощечек деревянные подносы, скрепленные железными скобками.

Особую роль играла ***лепная посуда***, представленная несколькими категориями: горшки, миски, кувшины, курильницы, светильники, гутусы (рис. 103).

Горшки использовались для жидкой пищи и каш. Среди них выделяются сосуды с дуговидно выгнутой шейкой, плавно переходящей в тулово, с прямой шейкой расположенной под тупым углом к тулову, высокой почти вертикальной шейкой. Края венчиков округлые или заостренные, иногда плоско срезанные, орнаментированы ямками, косыми насечками, отпечатками ногтя. Некоторые из них по плечикам украшены наколами, насечками, резным орнаментом из горизонтальных или зигзагообразных линий, «елочек». Несколько скифских горшков имели характерные для гетской посуды налепы (Каменка, Томай). Для жидкости (вода, молоко, кумыс) использовались лепные лощеные и гончарные *кувшины*. Мясо размещалось на деревянных подносах и в мисках гето-фракийского типа со сглаженным или резко выраженным ребром, которые получают популярность на рассматриваемой территории в конце IV–III вв. до н.э. Миски, помимо редких экземпляров на Нижнем Дунае (Кугурлуй, Дервент), становятся, как и курильницы, неотъемлемым атрибутом погребального инвентаря и обряда Тираспольской группы III–II вв. до н.э. Из могильника Табаки (4/1) происходит лепной гуттус.

Миски-плошки, в виде усеченного конуса, могли использоваться как солонки или курильницы. Встречаются они с начала IV в. до н.э. в скифских памятниках Северного Причерноморья.

Особую группу в керамическом комплексе занимают курильницы, представленные несколькими типами. Небольшое количество составляют разнообразные мисочки-курильницы с выделенным низким или высоким, полым внутри дном (рис. 103, 2, 4, 13, 15). К редким формам относится сосуд с плоским массивным дном, суженной горловиной и раздутыми боками. В верхней части сосуда прикреплены ручки-упоры, снабженные отверстием (рис. 103, 7). Этот тип курильниц,

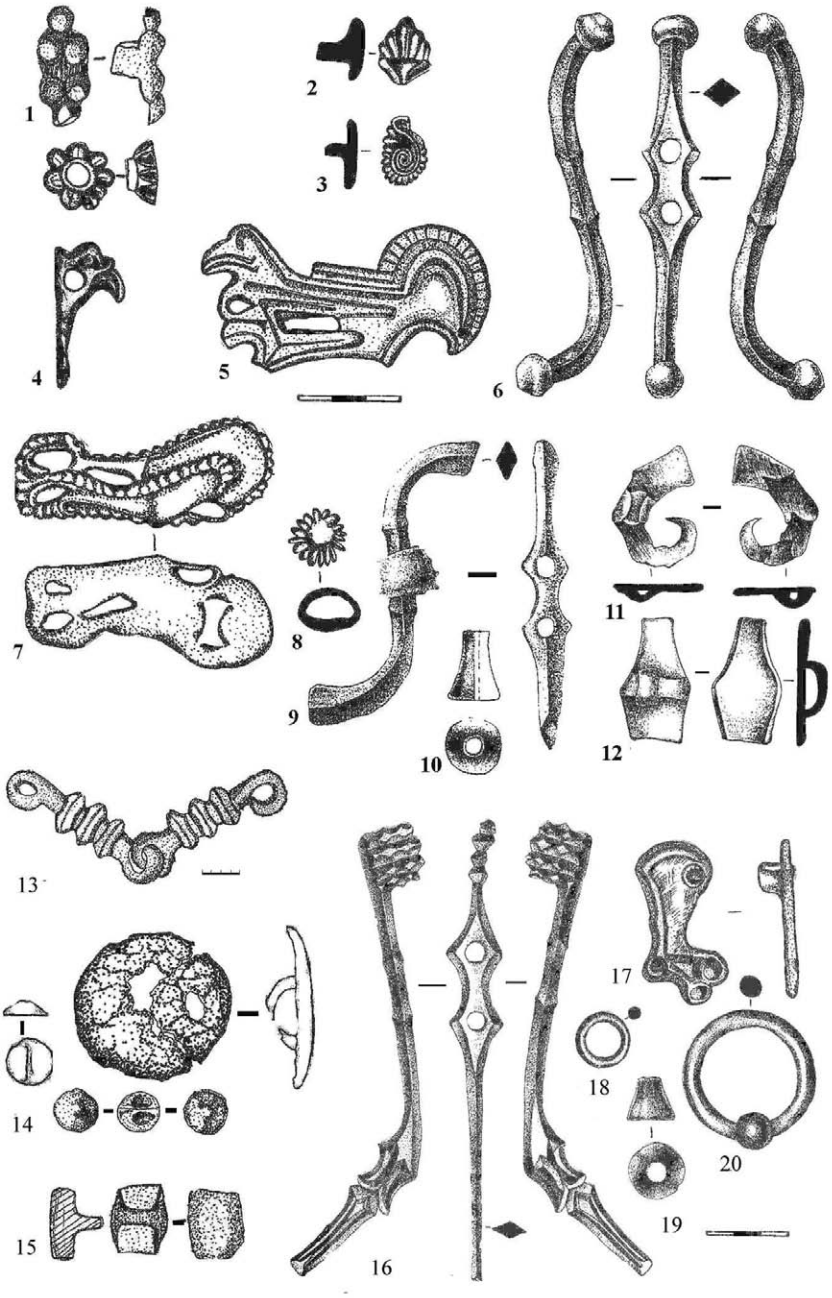


Рис. 97. Конское снаряжение (детали конской сбруи).
1 – Курган у г. Арциз (1–4, 6 – бронза; 5 – серебро); 7 – Дубоссары, курган 5 (серебро);
8 – Могильник Дервент, курган 4, погр. 1 (бронза);
9–12 – Червоный Яр (бронза); 13 – Кугурлуй, курган 25, погр. 1;
14–15 – Кугурлуй, курган 25; 16 – Дервент, курган 4, погр. 1;
17–21 – курган у с. Николаевка (Ефимовка)

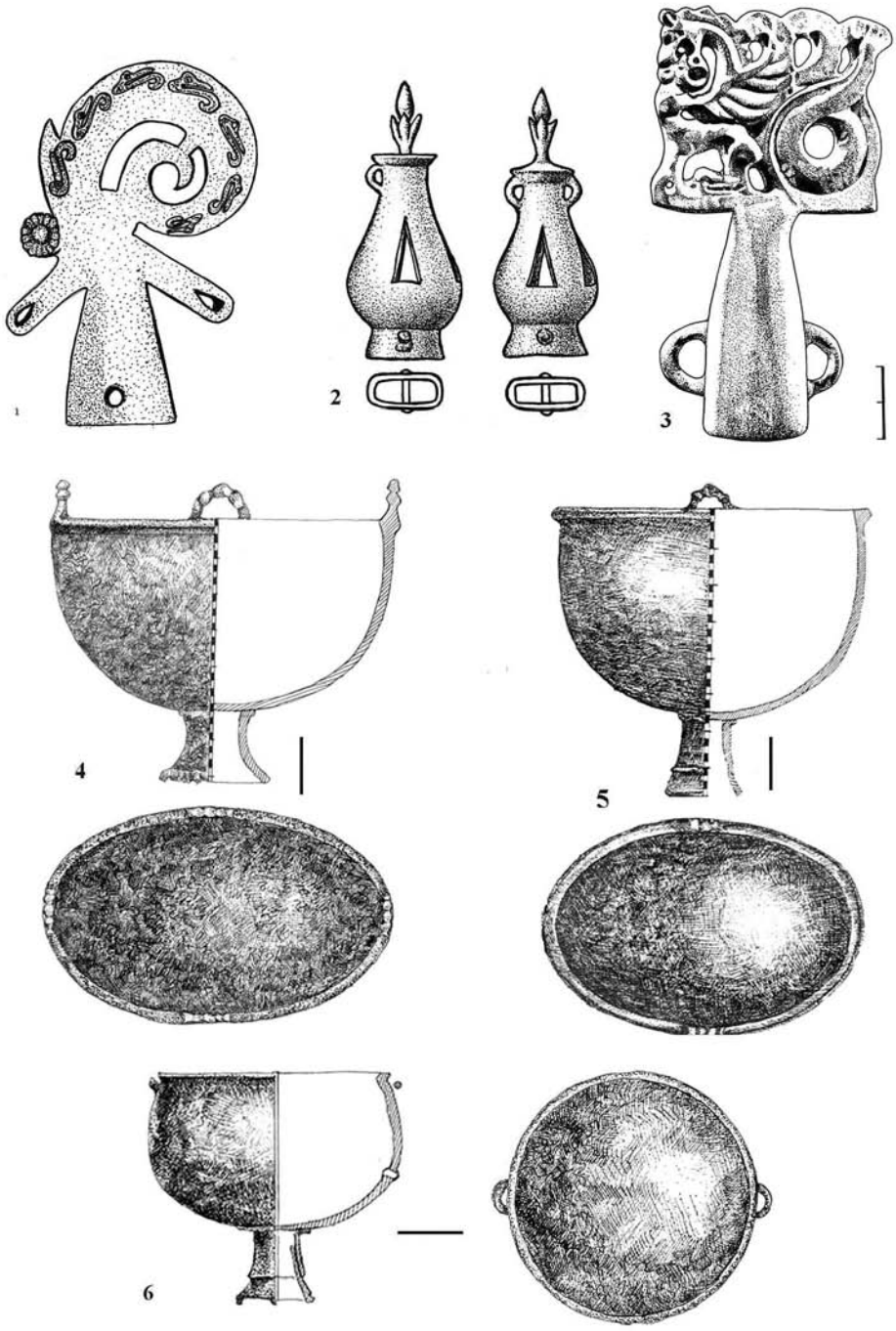


Рис. 98. Навершия и котлы.
1 – Новые Раскайцы; 2 – Никольское (курган 2, погр. 2);
3 – бассейн р.Тилигул; 4 – Островное (курган 3); 5 – Островное (курган 1);
6 – Мреснота Могила (курган 3)

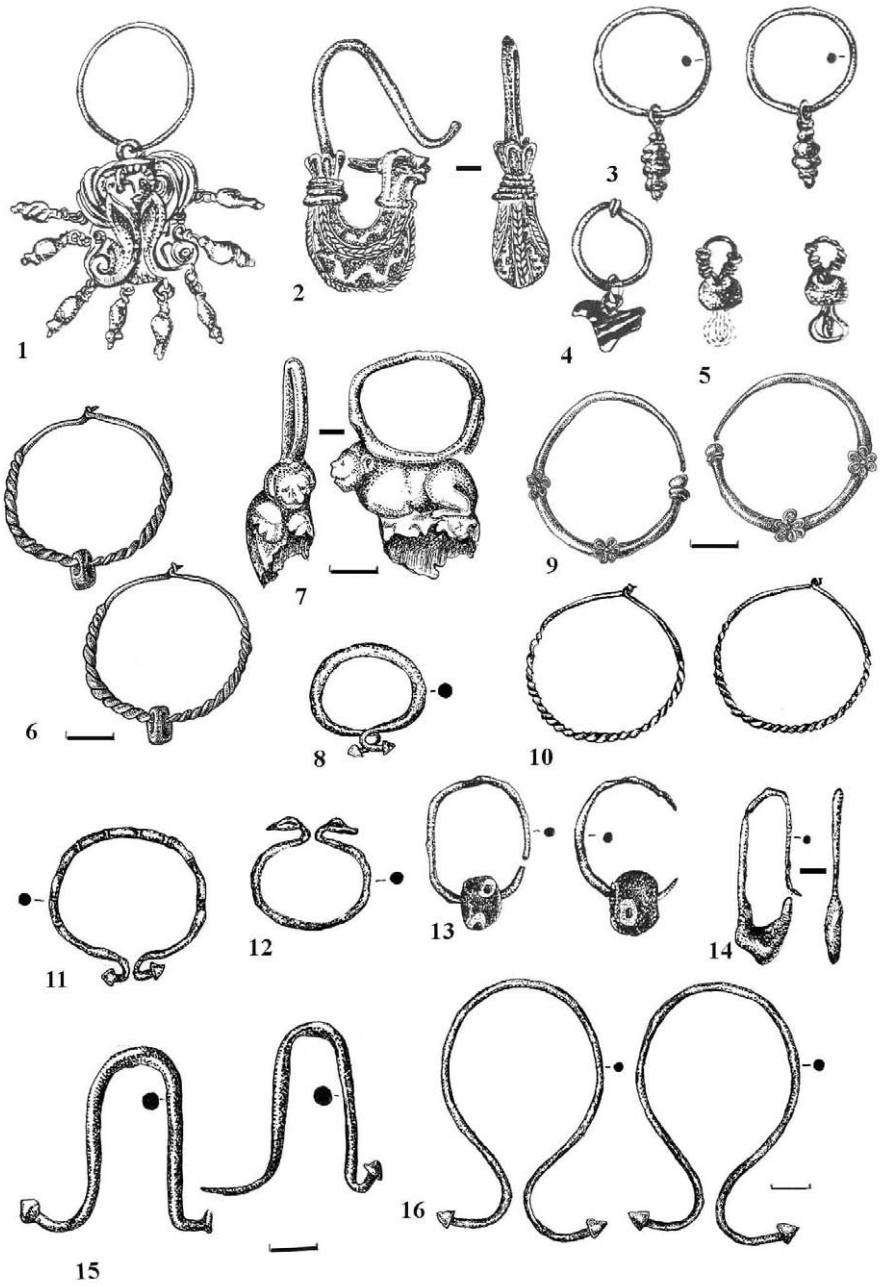


Рис. 99. Серьги и височные подвески.
1 – Бутор, курган 3, погр. 2; 2 – Балабаны, курган 4, погр. 1;
3 – Дубоссары, курган 18, погр. 1; 4 – Бутор, курган 4, погр. 4;
5 – Хаджимус, курган 3, погр. 2; 6 – Мреснота Могила, курган 22, погр.1;
7 – Николаевка, погр. 17; 8 – Табаки, курган 3, погр. 1; 9 – Николаевка, погр. 49;
10, 13 – Градешка, курган 7а, погр. 1; 11 – Котловина, курган 6, погр. 1;
12 – Градешка, курган 10, погр. 1; 14 – Курчи, курган 27, погр. 2;
15 – Кугурлуй, курган 31, погр. 1; 16 – Градешка, курган 15, погр. 1

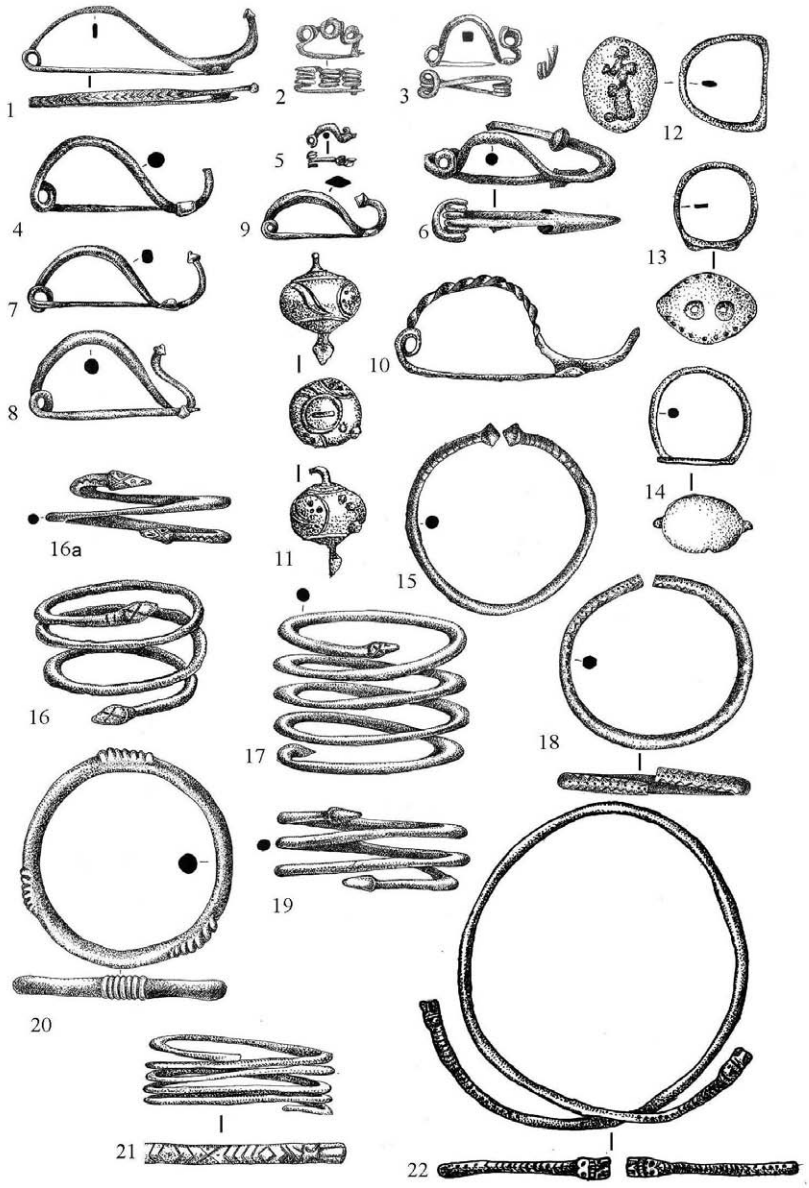


Рис. 100. Фибулы, перстни, браслеты.
1 – Мреснота Могила, курган 8, погр. 2; 2, 22 – Дервент, курган 13, погр. 1;
3 – Кугурлуй, курган 26, погр. 2; 4 – Кугурлуй, курган 17, погр. 1;
5 – Мреснота Могила, курган 14, погр. 3; 6 – Дервент, курган 15, погр. 1;
7 – Мреснота Могила, курган 20, погр. 1; 8 – Мреснота Могила, курган 24, погр. 2;
9, 16–16а – Градешка, курган 7а, погр. 1; 10 – Красное, курган 8, погр. 1;
11, 17 – Дервент, курган 13, погр. 2; 12 – Градешка, курган 15, погр. 1;
13–15 – Мреснота Могила, курган 21, погр. 2; 18 – Градешка, курган 15, погр. 1;
19 – Мреснота Могила, курган 24, погр. 2; 20 – Кугурлуй, курган 26, погр. 2;
21 – Градешка, курган 11, погр. 1

имитирующий деревянные скифские кубки с боковыми ручками, находит аналогии среди материалов меотских могильников на Дону (Лимберис, Марченко, 2006: 134), Бельского и Надлиманского городищ.

Наиболее представительна группа «ребристых» курильниц с прямым горлом, переходящим в грушевидное тулово. Для этого типа характерным признаком является наличие на внешней поверхности рельефно выраженных вертикальных или наклонных валиков-ребер, либо врезных вертикальных линий. Сосуды отличаются массивностью и толстыми стенками. В экземпляре из могильника Кугурлуй (18/1), поверхность курильницы была окрашена охрой (рис. 15, 6) (Редина 1989). Особой популярностью эти сосуды пользовались у населения Тираспольской группы, где они отличались индивидуальностью в оформлении тулова, и плоско срезанным орнаментированным венчиком (Глиное). Аналогичные по форме курильницы зафиксированы в керамическом комплексе городищ: Надлиманское на Днестровском лимане (Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012: 112–115), Елизаветовка на Нижнем Дону (Марченко, Житников, Копылов 2000: рис. 111, 2, 3), Албешти в Добрудже (Buzoianu, Barbulescu 2008: pl. LII, № 239–238). Типологически близкие курильницы известны в Крыму (Яковенко 1971: 92, рис. 5).

Амфорный материал из погребений и тризн представлен различными античными центрами производившими вино, которое поступало на рынки Северного Причерноморья: Хиос, Гераклея Понтийская, Фасос, Синопа, Херсонес, Родос (Самойлова, Редина 1997; Монахов 1999; Mateevici 2007).

Простая гончарная посуда представлена сероглиняными и красноглиняными кувшинами и мисками. Самым ранним экземпляром можно считать сероглиняную амфору-пифос из тризны кургана у с. Червоный Яр, а наиболее поздним – трехручный светлоглиняный сосудик III в. до н.э. из погребения у с. Кочковатое (Андрух 1995: 46).

Среди чернолаковой и краснофигурной посуды встречаются килики (Плавни I, Плавни, Нагорное), скифосы (Мреснота Могила, Нагорное, Плавни), пелики (Манта), ойнохои, леканы (Нагорное), лекифы (Мреснота Могила, Нагорное, Ефимовка; Червоный Яр (чернофигурный) миски и солонки. Канфары появляются с середины IV в. до н.э. и продолжают использоваться до начала III в. до н.э. Как правило, они имели следы длительного использования.

Экономика и хозяйство. Традиционный кочевой образ жизни скифов Северо-Западного Причерноморья ничем не отличался от других степных регионов. Основой их хозяйства являлось скотоводство, которое требовало постоянной смены пастбищ, предполагая при этом частые перекочевки населения вместе со стадами. Наиболее распространенными оставались меридиональные миграции. Для более длительного пребывания в районе с ограниченной территорией, кочевники переходили на полукочевое ведение хозяйства. В частности это происходило в низовьях Днестра и Дуная, где обширные пойменные пастбища использовались для содержания скота в зимний период.

Состав стада реконструируется по результатам анализа жертвенной пищи и сопровождающим погребения животным. Это: крупный рогатый скот, лошади и мелкий рогатый скот. При этом в составе стада рассматриваемого региона наблюдаются отличия от остальных районов Скифии. В то время как в комплексах Поднепровья кости КРС встречаются редко (Мурзин 1984: 26–28; Гаврилюк 1999: 135), на рассматриваемой территории в IV в. до н.э. отмечается значительный перевес в

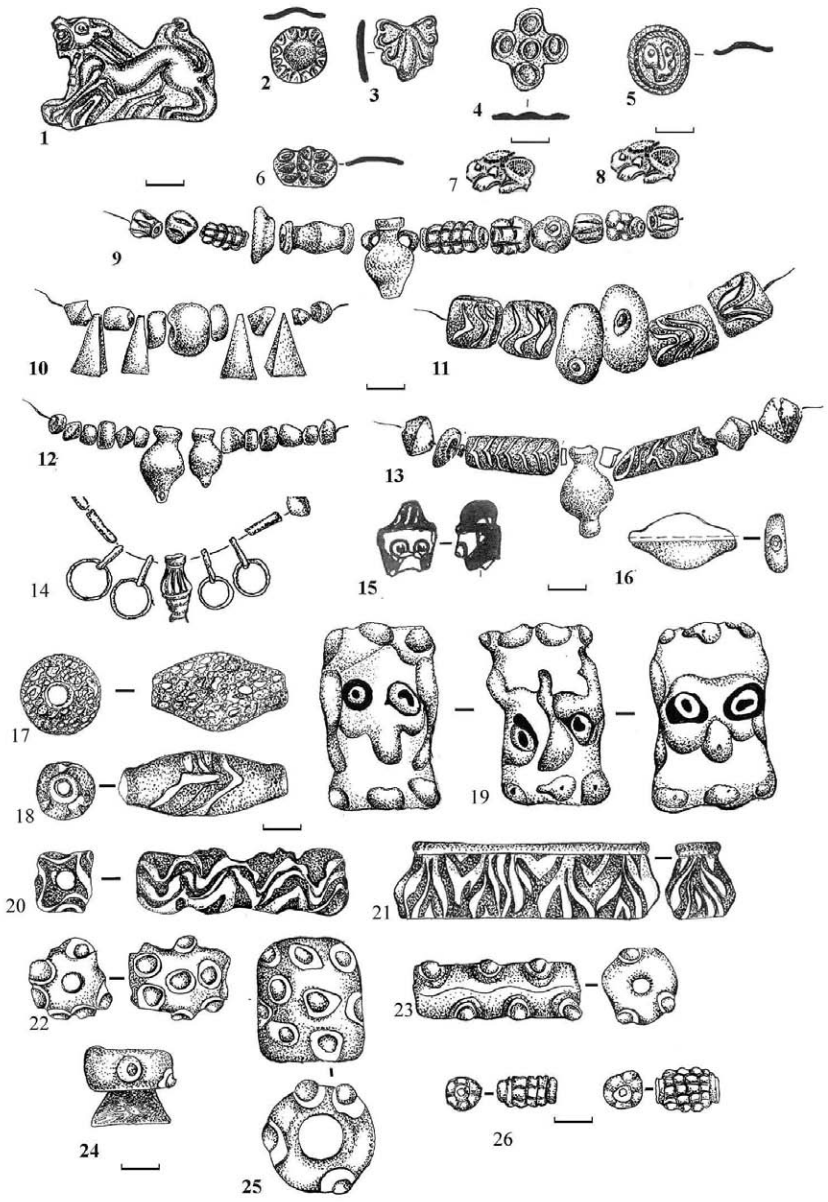


Рис. 101. Нашивные бляшки и бусы.
1 – Нагорное, курган 11, погр. 1; 2 – Градешка.погребение 2, курган 14;
3, 14 – Мреснота Могила погребение 2, курган 21;
4, 26 – Кугурлуй, курган 18, погр. 1; 5–6 – Мреснота Могила, курган 18, погр. 1;
7–8 – Курган у с. Ново-Каменка; 9, 19 – Градешка, курган 7а, погр. 1;
10 – Мреснота Могила, курган 8, погр. 2; 11 – Дервент, курган 4, погр. 1;
12 – Кугурлуй, курган 5, погр. 1; 13 – Мреснота Могила, курган 8, погр. 1;
15 – Дивизия, курган 20, погр. 4; 16 – Чауш, курган 9, погр. 1;
17. 18, 20, 22, 24 – Дервент, курган 13, погр. 1; 21 – Дервент, курган 15, погр. 1;
23 – Плавни I, курган 18, погр. 1; 25 – Дервент, курган 13, погр. 2

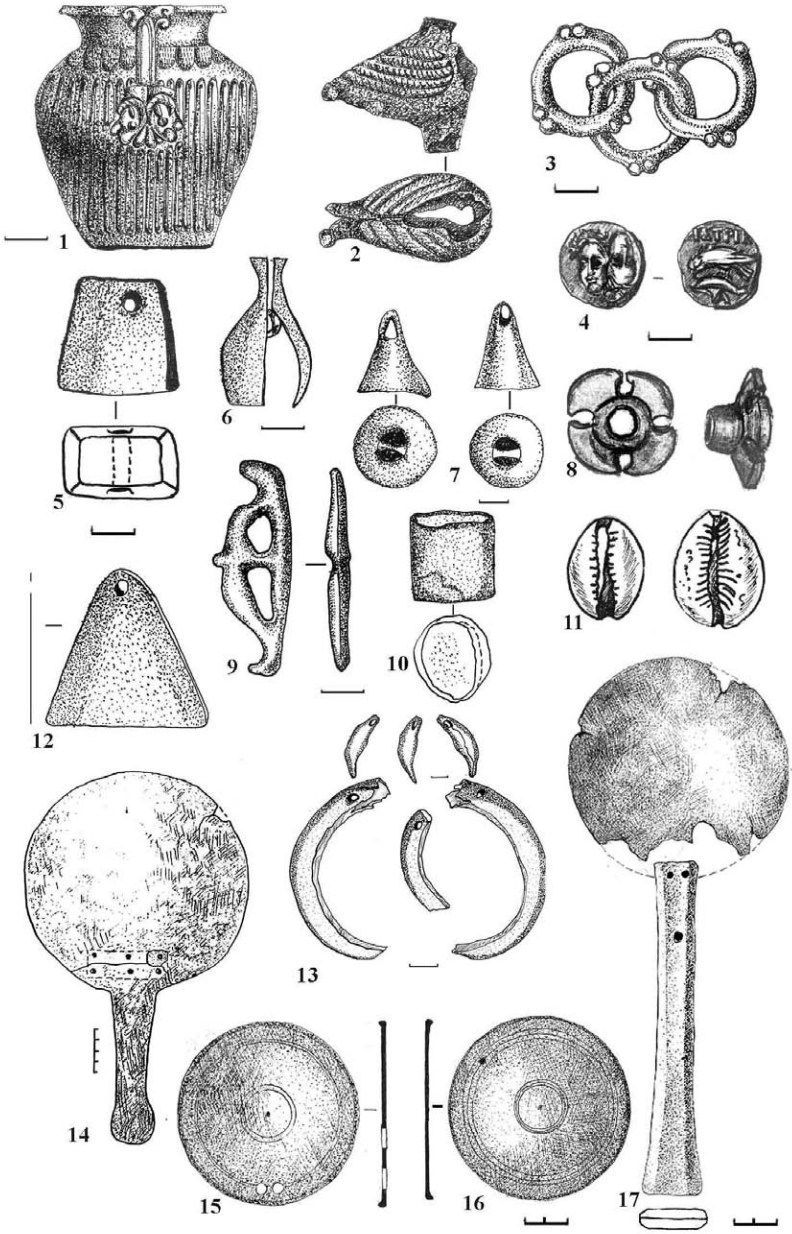


Рис. 102. Металлические сосуды, амулеты, зеркала.
1 – Нагорное, курган 11, погр. 3 (серебро); 2 – Кугурлуй, курган 31, погр. 1 (серебро);
3 – Градешка, курган 15, погр. 1 (бронза); 4 – Дервент, курган 10, погр. 1 (серебро);
5 – Градешка, курган 7а погр. 1 (мел); 6 – Мреснота Могила, курган 4, погр. 1 (бронза,
стекло); 7 – Дервент, курган 13, погр. 2 (бронза); 8 – Дервент, курган 5, погр. 2 (бронза);
9 – Дервент, курган 13, погр. 2 бронза); 10, 12, 16 – Градешка, курган 7а, погр. 1 (бронза);
11 – Хаджидер, курган 3, погр. 1; 13, 15 – Мреснота Могила погребение 2, курган 21,
(бронза, кость); 14 – Неделково погребение 1, курган 9, (бронза);
17 – Новокаменка погребение 1, курган 1 (бронза, кость)

сторону крупного рогатого скота. Это может свидетельствовать о стабилизации зон хозяйственной деятельности и ограничении подвижности кочевников региона (Бруяко 1999а: 46: рис. 15: прил. 2).

Второе место по численности костных остатков занимает лошадь (Бруяко 1999а: 47: рис. 15). Конь широко использовался в военном деле скифов. Большое значение лошадь имела в обеспечении номадов мясом, молоком, а также продуктами их переработки (Гаврилюк 1999: 134).

Природные условия степной зоны благоприятствовали разведению МРС. Овцы, а особенно козы, неприхотливые в отношении кормов и воды, способны к длительным перекочевкам на большие расстояния (Цалкин 1966: 94; Гаврилюк 1999: 134–135).

Остатки диких видов животных в погребениях скифов Северо-Западного Причерноморья не зафиксированы (Бруяко 1999а: 49). Однако в погребениях второй половины IV в. до н.э. среди амулетов присутствуют клыки дикого кабана (Мреснота могила 21/2) и волка (Градешка 7а). О социальном значении охоты свидетельствуют рассказ об охоте на зайца (Herod., IV, 134), а также памятники греко-скифского искусства. Культовая охота являлись не столько хозяйственным занятием, сколько средством подготовки воинов (Бруяко 1999а: 51). О существовании таких охот в Северо-Западном Причерноморье могут свидетельствовать находки в погребениях (Огородное, Памазаны) рогов оленя, использовавшихся в качестве сакральных орудий труда.

Дискуссионной остается проблема седентаризации номадов региона. Некоторые исследователи отстаивают раннее появление этого феномена в скифском обществе. Масштабный переход кочевников к оседлости определялся уровнем социально-экономического развития общества (Хазанов 1975: 13). В Скифии процесс оседания на землю кочевников принял массовый характер не ранее IV в. до н.э. (Гаврилюк 1999: 155–163; Бруяко 1999а: 48). О подобных процессах в Северо-Западном Причерноморье свидетельствуют поселения Катлабух, Этулия, Буркуит, Нагорное и др., появившиеся к середине IV в. до н.э., а также ряд поселений на левобережье Днестровского лимана, со смешанным населением (греки, скифы, геты).

Интерес вызывают материалы ранних скифских могильников в Добрудже (Simion 2000: 69–82). Длительность существования некрополя Челик-Дере, наличие курганных и бескурганных погребений, присутствие керамики фракийского типа и смешанного погребального обряда (ингумация и кремация) позволили А.И. Мелюковой высказать предположение об оседании группы воинов на землю, что впоследствии и привело к их ассимиляции (Мелюкова 2001: 28).

Иным видом деятельности номадов Северо-Западного Причерноморья было домашнее производство, в частности косторезное, ткацкое и кожевенное. Оно играло главенствующую роль в обеспечении населения предметами первой необходимости (Гаврилюк 1999: 187).

Из кости и рога скифы изготавливали орудия труда, наконечники стрел, украшения и предметы культа. Дерево использовалось при постройке погребальных сооружений, средств передвижения, изготовлении предметов быта и украшений. Камень применяли при обустройстве могил, для изготовления предметов и орудий труда, украшений и культовых артефактов (скульптуры).

О развитии прядения, вязания и ткачества свидетельствуют находки в погребениях пряслиц и веретен. Сырьем для этих промыслов являлись шерсть и конопля (Herod. IV. 74–75).

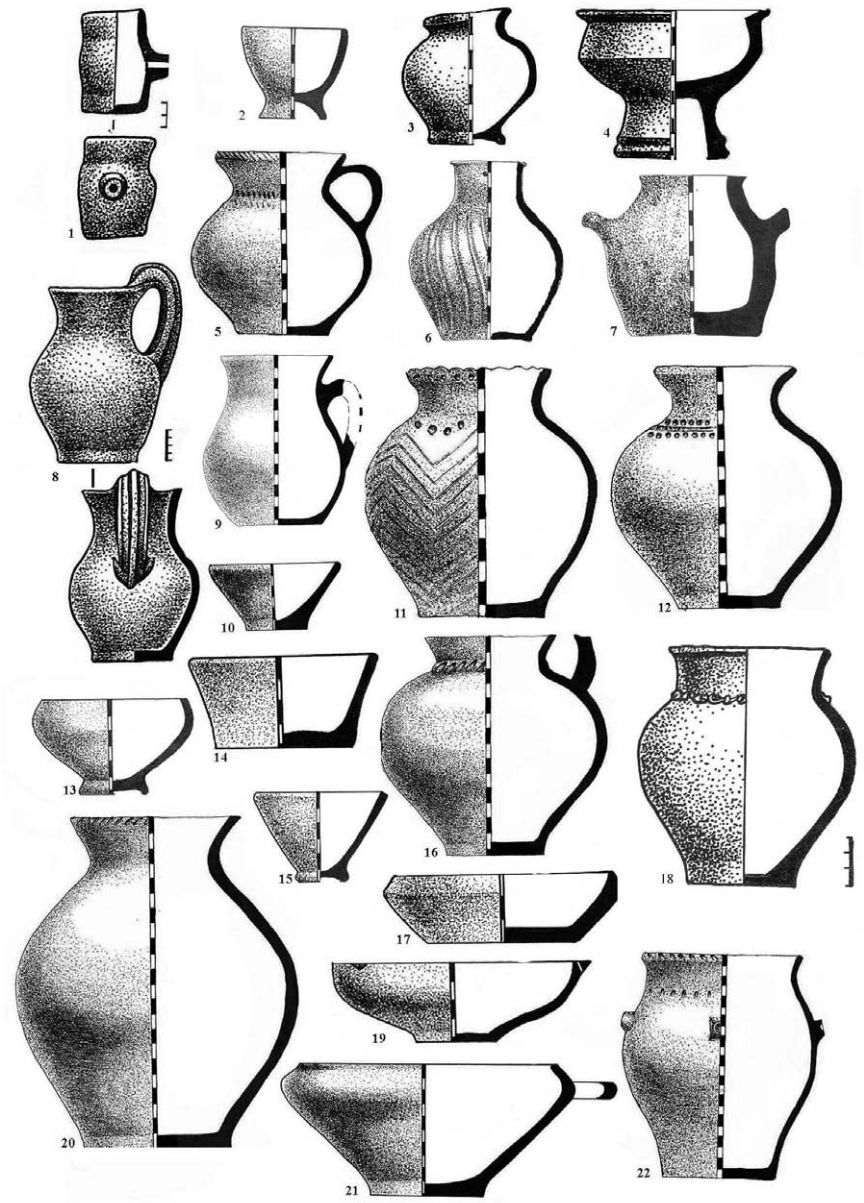


Рис. 103. Лепная посуда из скифских погребений.
1, 9 – Табаки, курган 4, погр. 1; 2 – Градешка, курган 8, погр. 1; 3, 4 – Дивизия II, курган 7, погр. 2; 5 – Мреснота Могила, курган 12, погр. 1; 6 – Кугурлуй, курган 18, погр. 1; 7 – Градешка, курган 16, погр. 1; 8 – Табаки, курган 1, погр. 1; 10 – Курчи, курган 5, погр. 2; 11, 16 – Курчи, курган 24, погр. 1; 12 – Чауш, курган 13, погр. 2; 13 – Мреснота Могила, курган 6, погр. 1; 14 – Чауш, курган 15, погр. 1; 15 – Градешка, курган 15, погр. 1; 17 – Дервент, курган 13, погр. 2; 18 – Хаджидер, курган 3, погр. 1; 19 – Дервент, курган 11, погр. 1; 20 – Мреснота Могила, курган 13, погр. 1; 21 – Кугурлуй, курган 32, погр. 1; 22 – Каменка, курган 1, погр. 1

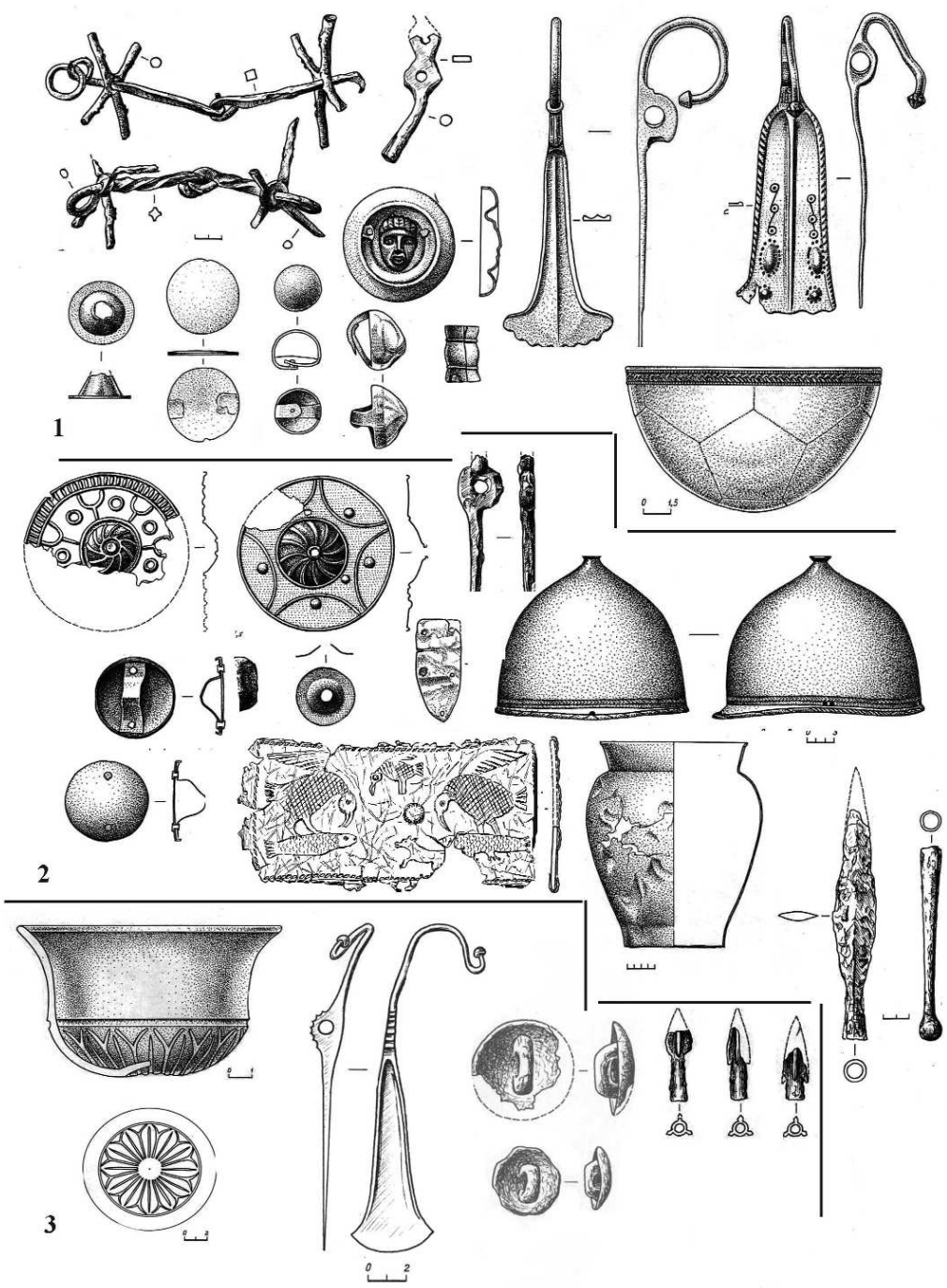


Рис. 104. Комплексы III–II вв. до н.э.
1 – Большое Плоское; 2 – Веселое; 3 – Семеновка

Особое место у скифов занимало производство лепной посуды. На протяжении многих веков этим промыслом занимались женщины, наделявшиеся сакральными и ритуальными функциями. Часто это были представители иных этнических групп (Антонова, Раевский 1984: 123–126). Этим, очевидно, объясняется разнообразие форм лепной керамики в памятниках Буджака.

В отличие от Днепровской Скифии, и особенно Лесостепи (Гаврилюк 1999: 173–185; Ольговский 2005), в Буджаке явных следов обработки цветных металлов, а тем более черной металлургии, не обнаружено. Древние авторы подчеркивают негативное отношение номадов к занятиям ремеслами. В кочевых обществах ремесленные продукты получали главным образом на внешних рынках или за счет эксплуатации земледельцев – как в виде дани, так и путем переселения захваченных ремесленников (Herod. III. 167; Хазанов 1975: 131–202; Гаврилюк 1999: 171; Островерхов 2006). Номады были заинтересованы в античных товарах, как завезенных из метрополии, так и изготовленных в местных центрах. Само формирование и существование специализированного кочевого хозяйства могло возникнуть лишь на определенном уровне внутреннего и международного общественного обмена. Жители городов Северного Понта и Средиземноморья нуждались в продуктах скотоводства и земледелия, а также в рабах, которых поставляли восточноевропейские племена (Мелюкова 1984: 103). В греческих городах рано возникает собственное производство товаров, предназначенных на сбыт (Островерхов 1980; Бруяко 1999а: 122).

Находки большого количества импорта в скифским могилах V–III вв. до н.э. свидетельствуют, что в глубины Скифии он попадал благодаря налаженной торговле. Ее развитию способствовало наличие речных и сухопутных путей. Особое значение имели Истр и Тирас соединявшие античные центры региона с магистральным путем Геродота (Островерхов 1981а: 87–89).

Торговля и обмен могли осуществляться в стационарных «лавках», функционировавших не только в греческих центрах, но и на варварских поселениях. Один из таких пунктов мог находиться в Нижнем Подунавье, в районе комплекса Картал. О роли этого узла в интерлокальной торговле во времена царя Атея свидетельствует клад кизикинов, а также находки монет в близлежащих скифских погребениях (Дзиговский, Островерхов 2000: 193; Редина 1989б: 62) и кладах более позднего времени (Анадольский). В Пруто-Днестровском междуречье таким центром выступало городище Бутучень (Банару 1997: 178). Подобные торжища могли действовать вблизи переправ через Тирас, в районе с. Чобручи (Щербакова 1997; Никулицэ, Фидельский 2002; 2004; 2004а). Существовали также временные сезонные грековарварские торжища, функционировавшие в теплое время года, куда товар доставлялся купцами, которые привозили его как по рекам, так и сухопутным дорогам.

Роль эквивалента выполняли продукты варварского хозяйства. У номадов – скот и шнуры (Strabo. XI. II. 3), у земледельцев – зерно (Брашинский 1984: 183–184). Не исключено, что в некоторых случаях торговля могла осуществляться и на монетной основе. Монеты обнаружены в 4-х пунктах: Буторы – посеребренная бронзовая монета Истрии (подвеска); Плавни I – истрийское колесико; Дервент – истрийская драхма; Мреснота Могила – монета Филлипа Македонского (подвеска) и поселение Катлабух – монеты Тиры (Редина 1989б; Андрух 1995: 45).

Религия и культы скифов достаточно полно освещены в литературе (Раевский 1977; 1985; Бессонова 1983). Скифское общество находилось на стадии разло-

жения родоплеменного строя – зарождения раннеклассовых структур. В таких обществах доминантной была традиционная культура.

Погребальный обряд древних народов заключал в себе сложные представления о сущности жизни и смерти, развитую систему представлений о потустороннем мире и месте в нем умерших, которые в каждом конкретном обществе отличались деталями. Он состоял из цикла действий, обычаев, обрядов и запретов, которые последовательно исполнялись с момента смерти человека до его погребения и поминок. Конечной его целью являлось помочь умершему достичь мира мертвых и приобрести там статус предка. Сакрализировались действия и предметы, связанные с погребением, а также сами действующие лица на время исполнения своих обязанностей по отношению к умершему родственнику (Токарев 1990: 153 сл.; Иванов 1990; Кызласов 1995: 101).

В скифском обществе ответственность за совершение погребения и присмотра за ним ложилась на семью умершего. Показателем принадлежности погребального культа к семейной религии является обустройство семейных гробниц (погребения мужчин, женщин и детей). Поскольку формирование традиций происходило в кругу семьи, рода, племени, образовывались локальные традиции (Бессонова 1990: 18; Иванов 1990).

Инструментом, обеспечивающим социальную связь, были погребальные памятники, под которыми понимается совокупность погребальных, надмогильных и околокурганных сооружений, появившихся в процессе подготовки и совершения погребения. Центром погребального памятника являлось погребальное сооружение, главным компонентом которого выступало тело умершего. Все остальные составляющие системы подчиняются ему (Ольховский 1993; 1995; Байбурин 1993; Антонова 2005: 65).

Скифы имели развитую систему представлений о потустороннем мире, героизировали умерших. С этими идеями связаны обряды сооружения курганов, могил, тризны и т. п. (Папанова 2006: 14–15). На протяжении длительной истории скифских племен существовало множество типов погребальных сооружений. Их форма и выбор материалов, использовавшихся при строительстве, определялись господствующей религиозно-мифологической концепцией и окружающей средой (Ольховский 1991: 16, 150).

Скифы широко использовали квадратные и прямоугольные формы, которые были простейшей моделью организованного космоса (Подосинов 1999: 480). Погребальные сооружения являлись символами реальных жилищ. Сложную семантику имели погребения в форме катакомб. Камера катакомбы рассматривалась как покрытая часть кузова кибитки на колесах. Входная шахта была передком повозки и местом расположения символической упряжки (Чмихов 1993: 71–72). Если рассматривать скифскую религию с обрядовой точки зрения и контактов с богами, то в распространении представлений о стране блаженных, путешествия души умершего в эту страну по «реке смерти» и т. п. просматриваются следы шаманизма (Бессонова 1983: 63; Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 92–122, 147, 151).

Одним из важнейших элементов погребального обряда являются способы погребения умерших – ингумация или кремация. В скифском обряде доминировало трупоположение. Положение тел в могилах помогает реконструировать «возвращение» умершего к жизни в потустороннем мире. Доминирующей у скифов оста-

валась западная ориентировка, хотя встречаются и отклонения. Последние появляются под влиянием соседних народов, и объясняются социальными отличиями, специфическими обстоятельствами смерти (Бессонова 1990: 27).

Среди скифских могил встречаются погребения-кенотафы. Обычай сооружать пустые могилы обуславливался верой в то, что душа непогребенного человека не имела пристанища. Если человек погибал на чужбине, то на его родине сооружался кенотаф. Вполне возможно, что скифы позаимствовали этот обычай у эллинов, у которых он был распространен (Папанова 2006: 193–194).

На могильнике Воларска Могила исследованы два кургана-кенотафа. В их рвы через равные промежутки были впущены амфоры последней четверти IV в. до н.э. После совершения ритуала они не были разбиты, а только присыпаны. Кенотаф под насыпью исследован в могильнике Дервент (8/1).

Выбор заупокойной пищи был регламентирован и указывает на распространенную пищу того или иного народа. Скифы приносили в жертву животное удушением. Затем мясо варилось в котлах, та часть, что предназначалась божеству, выбрасывалась на землю (Herod. IV. 60, 71), либо сохранялась в виде головы и ног.

Особая роль в иранской религии отводилась коню. Он отождествлялся с Солнцем и приносился в жертву (Herod. I. 216; IV. 59–62, 71–72; Strabo. IX. 513). Кони были заменителями человеческого жертвоприношения (Иванов 1974: 108). На исследуемой территории это прослеживается по захоронениям взнузданных лошадей в отдельных ямах, сопровождающих воинские погребения, в могилах (Косоуцы) и входных колодцах катакомб (Кубей, Дервент, Кугурлуй). Часто рядом с лошадью находились собаки. В этом обряде прослеживается вера в существование у животных души. Особенно это характерно для религий шаманского толка, где потусторонний мир для людей и животных был общим. Если кости не уничтожены, то в ином мире происходит инкарнация душ погибших животных. Зоолатрия – это общечеловеческое явление (Богданов 1918). Широко применялся обряд помещения голов лошадей в насыпи и во рвы курганов (Мерень). В кургане 1 у г. Арциз и в могильнике Дервент (4/1) рядом с целым скелетом лошади находилась лошадиная шкура с головой и ногами второго коня. Аналогичный обряд практиковался и в могильнике Глиное, что свидетельствует о длительности существования этой традиции. Использование шкур животных в качестве подстилок в погребениях, а также одевание умерших в кожаные одежды, обуславливались верой в магические свойства шкуры животного или одежды, сшитой из нее (Латышев 1899: 214–215; Иванов, Топоров 1974: 88). Лукиан описывает скифский обычай «сидения на шкуре». Организатор акции убивал жертвенное животное, готовил мясо и подавал его в котле. Сам же он, заложив руки за спину, садился на шкуру. Каждый, кто ступал на нее, и попробовав мяса, становился членом боевого отряда. «Такое войско было непобедимым, так как было связано клятвой, потому что вставание на шкуру равнозначно клятве» (цит. по: Ковалевская 1977: 110).

Об использовании скифами быков в качестве жертвенных животных сообщает Геродот (Herod. IV. 61). Свидетельство подтверждает не только материал из тризн, но и захоронение туши целого животного в могильнике Курчи.

Поздней инновацией в скифском обряде региона были погребения собак. Очевидно, это явление было восточным заимствованием (ср.: Яровой, Четвериков 2000: 4–6; Дзиговский 2003: 29). Хотя у иранцев культ собак появляется еще в первой половине I тыс. до н.э. (Смирнов 1964: 102, 223–225; Акишев 1978: 61–62;

Литвинский, Седов 1984: 161 сл.), у скифов Причерноморья он фиксируется лишь со второй половины IV в. до н.э. Собаки считались хтоническими животными, проводниками душ умерших и должны были защищать могилы от грабителей (Сымонович 1963: 36; Погребова 1984: 148). Этот обряд практиковался и у фракийцев.

К культовым погребениям относятся захоронения зависимых людей (Неделково и Буторы, Косоуцы).

Среди специфических выделяются обряды, где особая роль отводилась человеческим черепам (Бессонова 1983: 46–50). Об обрядовых действиях с черепами, в числе военных обычаев скифов, упоминает Геродот (Herod. IV. 62, 64, 65, 66). В могильнике Плавни I (24/1) в заполнении ямы, над костями ног воина находились три черепа, у основного погребенного череп отсутствовал. В захоронении у с. Заря обнаружен скелет с отчлененной головой и воткнутым в землю копьем. В Старых Белярах (1/1) отделенный от тела череп, присыпанный слоем глины, находился на ступеньке входного колодца. Культы головы, черепа и скальпа на территории Евразийских степей прослеживается на протяжении нескольких тысячелетий. Они были тесно связаны с культами Ареса и священной чаши (Радзиевская, Шрамко 1980: 186–187; Дмитриев 1997: 212–219; Кашуба и др. 2001–2002: 223–224). О широком распространении в скифской среде мотива отрубленной головы свидетельствуют памятники с изображением маскоидов (Тереножкин, Мозолевский 1988: 88).

Для проведения тризны рядом с погребением сооружались культовые площадки-алтари. Их остатки фиксируются по следам кострищ, остеологического материала, керамики и других артефактов.

На вершинах насыпей курганов, над отдельными погребениями и в святилищах иногда устанавливали каменные изваяния, которые выполняли охранную, сакральную и обрядовую роль направленную на героизацию умерших (Ольховский, Евдокимов 1994).

В погребальном обряде скифов широко использовались каменные плиты. В большинстве своем они происходят из богатых женских погребений и рассматриваются как переносные алтари, связанные с выполнением огненных ритуалов (Серова 1991: 181–183). Функции костров выполняли небольшие мисочки-плошки, мисочки на высоком поддоне, курильницы, а впоследствии и светильники. Особое место занимают толстостенные ребристые курильницы, распространение которых приходится на конец IV–III вв. до н.э. Можно согласиться, что подобные сосуды изготавливали жрицы – хранительницы домашнего очага (Смирнов 1973: 167), которые одновременно были и служительницами культа Табити (Раевский 1977: 87–110; Бессонова 1983: 27–28). Возможно, в этом процессе участвовала особая группа женщин, связанных с хтоническими культами, и именно им была понятна символика нанесенных на венчики орнаментов.

В курильницы помещали раскаленные на костре гальки, которые засыпались зернами конопли и злаков. Окуривание связывалось с обрядом очищения (Apul. Met. XI. 16). Этот обряд практиковался в памятниках конца IV в. до н.э. на Нижнем Дунае (Дервент, Градешка), получив широкое распространение в Тираспольской группе III–II вв. до н.э.

Петрографический анализ камней показал, что они имеют различное происхождение. При перевесе местных пород, здесь присутствуют образцы, завезенные из Днепровского Правобережья, Крыма и Добруджи (Петрунь 2002; 2008: 151). Аналогичные характеристики имеют «пращевые камни» из Поднепровья (Нікітен-

ко 2011). Эти и многие другие материалы свидетельствуют о распространении в скифской среде литогенных представлений, тесно связанных с анималистическими и фетишистскими верованиями.

Античной инновацией в погребальном обряде скифов в конце IV в. до н.э. является использование античных светильников и их лепных имитаций. Их ставили в погребения, чтобы «освещать» дорогу в потусторонний мир (Лосев 1957: 53; Зубарь, Сорочан 1984; Папанова 2006: 217). Значительное место подобные предметы занимали в практике иранских народов (Артамонов 1973: рис. 48). В собственно скифских погребениях Буджака найдено несколько светильников, как гончарных (Кугурлуй) так и лепных (Павловка). Значительное число подобных артефактов присутствует в могильнике Глиное, где, помимо античных однорожковых, использовались имитации различных античных светильников, в том числе двух- и трехрожковых. Наличие лепных экземпляров свидетельствует о том, что инновация нашла отклик в кочевнической среде. Это подтверждают материалы Поднепровья и Побужья. Использование аналогичных светильников и курильниц в культовых целях отмечено в это время и в среде оседлого греко-варварского населения Днестровского лимана, в частности на городище Надлиманское.

Особое место в культовой практике скифов занимали святилища и алтари. О наличии в Скифии сооружений, посвященных Арею, сообщает Геродот (Herod. IV, 62). Утверждение историка подтверждают археологические источники. Три кургана-святилища с жертвоприношениями людей и животных исследованы у с. Кагильник в Побужье (Бессонова 1989). В Среднем Поднестровье наиболее интересным является святилище курганного типа у с. Мокра, где на уровне материка, находилось сооружение, ограниченное ровиком прямоугольной формы с округленными углами и несомкнутыми краями, заполненным камнем. В северо-западном углу ровика находилось скопление амфорного боя. В центре площадки располагалась яма со столбом-стелой. Святилищу принадлежали две культовые ямы заполненные камнем, фрагментами костей человека и животных (Кашуба и др. 2001–2002: 218–119). Близким по конструкции является курган-святилище на могильнике Хаджидер I (1/2) в Буджаке. В центре кургана находилось ограбленное (?) погребение в подбое. К востоку от него располагалась дуговидная каменная оградка и П-образный ровик. В 11, 5 м на юго-запад от погребения найдено каменное фалосовидное изваяние. Жертвенник с алтарем исследован в кургане эпохи бронзы Попова Могила на берегу Шаболатского лимана. В западной поле кургана зафиксирована площадка из обломков амфор IV–III вв. до н.э. (Фасос, Гераклея и Родос). Здесь же найдены наконечники стрел и монета Филиппа II. В расположенной рядом яме, вместе с керамикой, на разных уровнях, находился расчлененный костяк молодой женщины (Рябова, Супрунов 1998: 66–71). Близкий комплекс исследован у с. Семеновка (Островерхов, Суботін 1987). Для проведения локальных церемоний, посвященных Аресу, сооружались временные жертвенники. Они обычно заключались во вбивании копья и меча в землю в самом погребении, возле него или во рву (Болтрик 1978: 61–62; Гудкова 1980: 62–62).

Культовые предметы и их роль в обряде. В традиционных культурах важными инсигниями власти было оружие, выступающее как атрибут богов, царей и воинов (Бессонова 1984; Папанова 2006). На изваяниях меч занимает центральное место (Ольховский, Евдокимов 1994). Меч обожествлялся, наделялся магическими функциями, клался в могилы, где маркировал принадлежность умершего к касте

воинов, был символом мировой оси, гарантом возрождения в потустороннем мире (Раевский 1977: 153; 1985: 119 сл.; Бессонова 1983: 45–50).

Луки в скифских погребениях находят редко. Этот факт следует рассматривать как свидетельство высокой ценности артефактов, которые передавались по наследству (Мелюкова 1964: 14–15; Мозолевський 1979: 176; Черненко 1981: 17). Натягивание лука входило в комплекс мероприятий при инициации молодых воинов. В этой связи интерес представляет бронзовый амулет в форме лука из могильника Дервент (13/2) (Оанча 1989). Подобные талисманы хорошо известны в древнем мире (Козуб 1973; Черненко 1981: 111–115; Зограф 1982; Зубов 2004: 177–182).

Мифологема стрелы соотносится с мировой осью и культом мертвых. В шаманском фольклоре со стрелой отождествлялся нижний мир. Договор о побратимстве или о мире в эпосе скреплялся клятвой и лизанием стрелы. Стрела также ассоциировалась со змеей и фаллосом (Хазанов 1971: 42; Бессонова 1984: 11; Подосинов 1985: 181: прим. 306; Раевский 1985: 66–67). В Кугурлуе (18/1), наряду со стрелами IV в. до н.э. найден наконечник архаического времени. Такое явление наблюдается в культурах, исповедовавших шаманизм. Сила шамана сосредотачивается в стреле, которую он получает по наследству (Студзицкая, Кузьминых 2001: 154).

На лопастях стрел встречаются прочерченные линии в виде крестиков, треугольников и зарубок (Черненко 1981: 99; Гребенников 2008: 82). Уникальным является изображение лука на стреле из могильника Чауш. Функция очищения путем стрельбы из лука вокруг умершего и в умершего (Андреев, Саенко 1992) прослежены в могильнике Кугурлуй (30/1).

Символом реальной и сакральной власти была нагайка, плеть. У номадов она служила не только для управления конем, но и была оружием, при помощи которого наказывали непокорных (Дюмезиль 1990: 134). У иранцев с плетью связывался цикл легенд, одна из которых сохранена Геродотом (Herod. IV, 1–4). В Буджаке оплетки нагайки засвидетельствованы в погребении у с. Талмаз.

Особое место в жизни кочевников занимали бронзовые котлы. Они были хорошо известны скифам (Herod. IV. 6; Граков 1968; Бессонова 1983: 103), у которых наделялись сакральными свойствами, были символами семьи и рода, использовались в жертвенно-поминальных культах. Подобные обычаи возникали в результате важного мероприятия в жизни номадов – проведении общественных трапез (Кореневский 2004: 79).

Котлы обычно устанавливались в «хозяйственной части» погребения или в насыпи кургана в специально отведенной яме (Островное; Мреснота Могила 3/1, Никольское 15/1; 16/1 Дубоссары (45/1), Кальчево, Бановка, Исаево). По мнению ряда исследователей, в могилах они были маркерами «старшего котла», т. е. главы рода. Но подобные дорогие вещи не всегда клали даже в престижные могилы. Их обычно оставляли в семье или роде умершего.

Скифы Северо-Западного Причерноморья практиковали раскраску лиц, являвшейся дериватом татуировки. На лицевых костях черепа (Градешка, Котловина I) выделяются несколько зон, где отмечены пятна красной (малиновой) и черной красок: на скуловых костях, на лбу и в виде вертикальной полосы на переносице. Такое редкое явление на территории Поднепровья зафиксирована лишь один раз (Ильинская 1968: 150). На востоке этот обряд практиковался с эпохи бронзы (Смирнов 1964: 161; Чугунов 1996: 87; Бородовский 1998). Раскраска тел – известна и в

савромато-сарматском мире, у фракийцев, кельтов и германцев (Sect. Emp. Pirr. III. 202; Plin. NH. XXII. 2; Caes. De bello Gall. V. 14; Tac. Germ. 43). Откуда была позаимствована инновация буджакскими скифами, ответить трудно. Вполне возможно, что раскраска указывает на жреческую принадлежность погребенных. Предназначение татуировки и раскраски тел у этносов, имевших сложные системы ритуально-магических правил и обычаев, было разным. Наряду с символами, указывавшими на происхождение, возраст и т. п., эти действия имели колористическое и апотропеическое значение (Липс 1954: 53–59, 77; Раевский 1977: 67; Леви-Стросс 1983: 56; Кожин 1991: 126–127).

* * *

Анализ скифских памятников рассматриваемого региона позволяет говорить о поэтапном расселении здесь кочевников. В рамках нескольких хронологических групп, каждая из которых представлена неравным количеством памятников, наиболее активно этот процесс протекал в IV – начале III вв. до н.э. Каждая новая волна скифского населения приносила свои инновации в погребальный обряд, при этом сохраняя черты скифской культуры, основой которой оставался «раннекочевнический культурный комплекс», куда входили: вооружение, конское снаряжение, звериный стиль, каменные изваяния, котлы и многие другие категории вещей.

Изменения в социально-политических отношениях и в культуре, связанные с приходом нового населения с востока, и консолидация скифского общества в связи с походом в Северное Причерноморье царя Дария, происходят на рубеже VI–V вв. до н. э. Эти события отразились в разнообразии, хотя и очень редких погребальных комплексов, позволяющих проследить продвижение на юго-запад не только степняков, но и населения лесостепи.

Для V–IV вв. до н.э. фиксируются несколько волн продвижения скифского населения, которые являлись результатом военно-политических событий в Северо-Западном Причерноморье.

Маркером нового населения для V в. до н.э. выступают воинские погребения дружинников с отдельными захоронениями взнузданных лошадей, уздечки которых оформлены элементами звериного стиля. Они представляли господствующую силу военно-политического объединения Скифии на ее западных рубежах.

Появление скифского вооружения, в частности мечей-акинаков в памятниках лесостепи (Пыржолтены, Суручены, Олонешты, Лукашевка, Требужены, Данчены), подтверждают достаточно масштабное проникновение кочевников и на эту территорию.

Консолидации скифского населения в IV в. до н.э. способствовала политика царя Атея, стремившегося за Дунай, к богатым западнопонтийским городам. Родоплеменной союз с закрепленными территориальными владениями состоял из разных категорий населения, занимавших определенное положение в социальной иерархии скифского общества. Это нашло свое отражение в археологических материалах, таких как типы погребальных сооружений, набор инвентаря. Разнообразие этих признаков свидетельствует о пестроте родоплеменного союза, контролировавшего рассматриваемую территорию.

Для этого периода, помимо уже существовавших погребальных конструкций, характерно распространение погребений в ямах с деревянными каркасными сооружениями и в катакомбах, типологически изменяющихся во времени: в начале столетия распространяются катакомбы I типа, к середине II типа, а к концу столетия III типа. Серьезные трансформации в погребальном обряде, связанные с массовым распространением катакомб, могли быть последствиями прихода новой волны мигрантов. При этом, еще до середины IV в. до н.э., наблюдается устойчивая тенденция сохранения и преобладания более древнего обряда – захоронений в простых могильных ямах, характерных для раннего этапа заселения, которые так и не были вытеснены катакомбами. Это отличает северо-западный регион от большей части Скифии, где катакомбы в этот период занимают лидирующее положение. Наличие катакомб II и III типов в рамках одного могильника в конце IV – начале III вв. до н.э., а иногда и под одной насыпью, свидетельствуют как об этнической близости погребенных там людей, так и о племенных различиях, отразившихся в погребальном обряде.

С середины IV в. до н.э. в костюме скифов, живущих вблизи Дуная, стали проявляться новые тенденции, выразившиеся в распространении предметов не характерных прежде для скифов Северного Причерноморья (фибулы, височные подвески). Эти категории достаточно широко использовались в среде фракийского населения. Такие изменения могли произойти только при условии проживания скифов среди фракийцев и при наличии рынка с товарами фракийских мастеров, которые находились в западнопонтийских античных центрах. Востребованный товар привозился на сезонные торжища, например в район дунайской переправы у современного с. Орловка.

Использование катакомб III типа с северной и южной ориентировкой, глубокие могильные сооружения, обязательный набор определенных предметов (мисок, курильниц, светильников), характеризует группировку скифов, как значительную в количественном отношении и имевшую представление об античных погребальных традициях (конструктивные особенности катакомб, использование светильников в погребальном обряде). Формирование новой орды, объединенной единством погребального обряда, вероятно, следует относить к концу IV в. до н.э. В начале III в. до н.э. на поселениях Нижнего Днестра (Надлиманское городище, Николаевка, Пивденное), на последнем этапе их жизни, появляются круглые шалашеобразные жилища кочевников и используются лепные курильницы и миски, занявшие определенное место в погребальном инвентаре населения как на Дунае, так, впоследствии, и на левобережье Днестра. Эти факты прекрасно иллюстрируют перемещение скифского населения с запада на восток, в обратном, от традиционных миграционных потоков, направлении. Новое кочевническое объединение, состоящее из воинов, принадлежащих к высокому социальному рангу и ополчения, в которое входили скотоводы и земледельцы, создает административно-политический центр в районе современного города Тирасполя на левобережье Днестра. Судя по археологическим материалам, это объединение продолжает контролировать территорию Буджакской степи и совершать походы на запад в Добруджу. Фиксируется также их продвижение на восток, по степному коридору в район Побужья (Гребенников 2008: 68–69), на Никопольщину (курганы у с. Кирова) (Черненко 1967: 189) и др. В лесостепи они известны в верховьях Тясмина (Бокій 1977: 70–71), современного Борисполя (Ильинская 1966: 152–171).

Сакральные клады, в рамках религиозной практики, с повторяющимся обязательным набором предметов, аналогичным найденным в Тираспольской группе,

подчеркивают их культурное единство и могут приниматься как приношения верховному правителю или божеству за успехи в военных действиях и право обладания определенными территориями.

Завершающий этап существования Приднестровского скифского объединения по верхней дате совпадает с началом формирования постскифской культуры на Днепре, в Добрудже и в Крыму, приведшего к возникновению полиэтничных образований известных, как Малые Скифии.

ФРАКИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО ГАЛЬШТАТА (раннегетская культура)

Памятники фракийского населения периода позднего гальштата (VI–V вв. до н.э.) в рассматриваемом регионе, фактически отождествляются с культурой ранних гетов. Понятие «поздний гальштат» в центральноевропейской хронологической схеме охватывает фазу HaD относительной хронологии, которая в абсолютных значениях соответствует отрезку от рубежа VII–VI вв. (ок. 600 г. до н.э.) до сер. V в. В рамках периодизации античной эпохи это будет соответствовать архаической эпохе (второй ее половине) и началу эпохи классики или раннеклассической эпохе, если придерживаться трехступенчатой ее периодизации.

Для степной части Северо-Западного Причерноморья с началом античной эпохи использование центральноевропейской схемы относительной хронологии, в целом уже неактуально, учитывая наличие античных хроноиндикаторов (прежде всего, расписной и тарной керамики), дающих прямой выход на абсолютную хронологию. Однако, для фракийского ареала Карпато-Днестровских земель пользоваться понятием «поздний гальштат» будет еще вполне уместно, если учесть во-первых, что число находок раннего античного импорта в лесостепной области весьма ограниченное, а, во-вторых, дисперсность и очаговый характер фракийских памятников VI–V вв. до н.э. вынуждает искать любые возможные точки соприкосновения, позволяющие вписать динамику фракийского мира в общую культурную канву Юго-Восточной Европы этого периода.

Археологические памятники. Говорить сколько-нибудь связно и последовательно о культуре фракийского населения этого периода весьма непросто. Дело в том, что так называемых «чистых» фракийских памятников эпохи позднего гальштата известно крайне мало. Причем, в степной части Северо-Западного Причерноморья, за исключением опять-таки низовьев Дуная их нет вообще, а в лесостепной Молдавии – они единичны. По сути, это лишь могильник Данчены в центральной части Бессарабии. Кроме него, можно назвать еще погребение у с. Пыржолтены, а также, комплекс вещей из с. Олонешты на Нижнем Днестре, который вероятно являлся погребальным инвентарем разрушенного захоронения. Все эти памятники известны уже довольно давно. ***Могильник у с. Данчены*** полностью не опубликован. Общие сведения о характере погребальных комплексов и составе инвентаря с иллюстрациями основных его групп содержатся в монографии В.Л. Лапушняна (1979). Там же опубликованы погребения у сс. Пыржолтены и Олонешты[1].

Если характеризовать указанные погребальные памятники фракийского населения этого периода в целом, то можно отметить следующее: захоронения совершенные по обряду кремации в процентном отношении преобладают, хотя, и трупополо-

[1] Первоисточником для последнего комплекса является публикация Г.П. Сергеева (1960).

жения отнюдь не единичные. В Данченах, при общем количестве погребений 42 соотношение кремации и ингумации выглядит как 27 и 15. Основной категорией погребального инвентаря является керамика в составе которой бесспорно доминируют фракийские формы. Вместе с тем, прочий погребальный инвентарь демонстрирует весьма ощутимое скифское влияние. Это касается, прежде всего, предметов вооружения, обнаруженных на всех трех памятниках, конской упряжи и изделий, выполненных в зверином стиле (Пыржолтены). Говоря о скифской составляющей этой группы захоронений, необходимо упомянуть наличие в Данченском могильнике подбойных захоронений (всего 2) в сочетании с вытянутым трупоположением и западной ориентировкой погребенного (всего 1). Все эти особенности позволяют говорить о существовании некоего синкретического, фрако-скифского горизонта памятников в Бессарабии в позднегальштатское время (Бруяко, Ткачук 1994).

Хронологические рамки этого горизонта определяются второй пол. VI–V вв. до н.э. Причем, датирующими вещами в основном выступают изделия связанные со скифской культурной традицией (вооружение, упряжь).

С 90-х гг. прошлого столетия ведутся исследования на многослойном ***поселении у с. Чобручи*** на Нижнем Днестре. Информация о памятнике пока носит отрывочный характер. Однако, уже сейчас мы можем говорить о том, что интересующий нас период представлен на данном поселении довольно большой группой материала, главным образом, опять-таки керамикой. При этом, наряду с доминирующей лепной посудой фракийского типа в Чобручах присутствует и довольно репрезентативная коллекция амфорного материала. Из известных на сегодня центров-экспортеров позднеархаического времени абсолютно достоверно определены Хиос и Клазомены. Первый из них представлен несколькими вариантами пухлогорлых амфор (посл. чтв. VI – первая чтв. V вв.), второй – сосудами, поверхность которых, включая ручки, орнаментирована широкими полосами, нанесенными красной краской. Наличие амфорной тары на поселении Чобручи представляется весьма важным, поскольку на других, уже упоминавшихся фракийских памятниках этой эпохи античной керамики не найдено.

Исследователи поселения Чобручи, по-видимому, еще не определились с датировкой интересующего нас слоя. В имеющихся работах публикационного либо тезисного плана пока предлагается лишь самая общая, широкая его дата в пределах VI (второй пол. VII) – V вв. до н.э. (Никулицэ, Фидельский 2002; 2004).

К самому концу эпохи позднего гальштата (или рубежу позднеархаического-раннеклассического времени) относится возникновение ***поселения у с. Новая Некрасовка*** на левобережье Нижнего Дуная (Измаильский р-н). Памятник исследовался в 2003 г. Нижнедунайской АЭ. Полученные в ходе раскопок материалы позволяют уверенно отнести это поселение к гетской культуре и датировать его V в. до н.э., по-видимому, не ранее второй четверти и не позднее конца столетия (Агульников и др. 2004; Бруяко 2005а).

Керамический материал обнаруженный на поселении включает большую группу кухонной лепной керамики фракийского (гетского) типа (рис. 105, 10–13), фракийскую и античную кружальную сероглиняную посуду, амфорную тару. Последняя представлена типами хиосских позднепухлогорлых (с перехватом) сосудов, фасосских амфор, типом амфор «с раздутым горлом».

Строительные остатки на поселении состоят исключительно из ям различных форм (всего свыше 40). Несмотря на то, что раскопками, судя по всему была охвачена периферийная (сохранившаяся на сегодняшний день) часть древнего поселения, тем не менее, можно утверждать, что поселение у с. Новая Некрасовка было

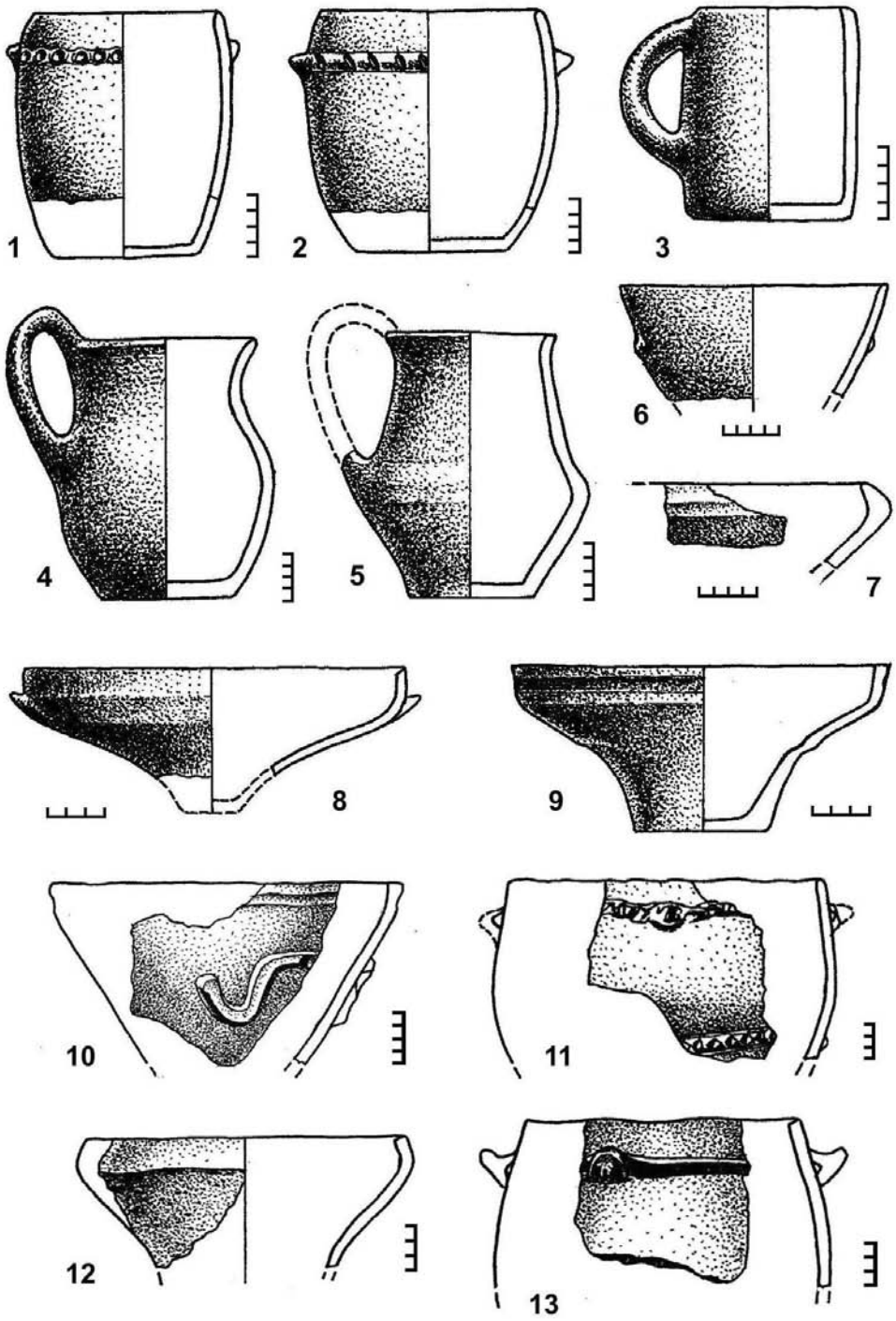


Рис. 105. Гетская лепная керамика VI–V вв. до н.э. (1–8 – Никоний, 9 – Беляевка I, 10–13 – Новая Некрасовка II)

оставлено какой-то весьма средней в имущественном отношении группой фракийского населения.

В румынской Молдове на землях к западу от Прута археологическая ситуация практически тождественная той, которую мы наблюдаем в Бессарабии. Здесь известны отдельные находки античного импорта в частности на севере Молдовы (городище Стынчешть) и поселение у с. Куртени в южной ее части. Последний памятник в археологическом отношении вполне выразительный. В коллекции материала, найденного на поселении Куртени наряду с репрезентативной группой фракийской лепной керамики, привлекает внимание и довольно разнообразный античный импорт (амфоры, расписная керамика, сероглиняная кружальная посуда). Памятник датируется временем от рубежа VII–VI вв. до начала (первой пол.?) V в. до н.э. (Iconomu 1979).

Совсем недавно, в 2005 г., была опубликована и монография по городищу Стынчешти (Florescu, Florescu 2005). Судя по античному импорту, который в частности представлен пухлогорлыми амфорами Хиоса, начиная с самого раннего их типа сочетающего черты воронковидных и пухлогорлых сосудов, нижняя дата городища действительно находится где-то в пределах второй половины-последней чтв. VI в. до н.э. Вполне репрезентативным выглядит набор бронзовых наконечников стрел. Исключая отдельные, очень архаичные силуэты, основная масса наконечников может быть датирована концом VI–V вв. до н.э. Особо следует отметить клад конской упряжи с предметами в зверином стиле т.н. «скифского барокко». Указанные категории находок, так или иначе можно отнести к неместным элементам. Что же касается основного населения городища, то керамический комплекс бесспорно указывает на его фракийскую (раннегетскую) принадлежность.

На юге Молдовы, ближе к предгорной зоне известно и несколько изолированно расположенных погребений VI–V вв., совершенных по обряду кремации (Реча, Бэрбоасэ [Buzdugan 1968; Florescu, Căpitanu 1969]). Вероятнее всего, эти погребения следует связывать с населением, оставившим могильник Бырсешти, который существует в предгорьях Карпат (восточный склон хребта Вранча) в конце (второй пол.?) VII – первой пол. V вв. до н.э. Наряду с другим эпонимным памятником – могильником Фериджиле, расположенным в северной части Олтении, могильник Бырсешти образует один из немногочисленных, ярких, но все же изолированных очагов культуры северных фракийцев периода позднего гальштата – группу Фериджеле-Бырсешти (Vulpe 1977). Примечательно, что Фериджеле располагается в той же ландшафтной области, что и второй могильник этой группы – на склоне горного массива Южных Карпат (т.н. Трансильванские Альпы).

Погребения, открытые в могильниках группы Фериджиле представляют собой урновые кремации перекрытые курганной насыпью. Керамический комплекс на раннем этапе (вторая пол. VII – рубеж VII–VI вв. до н.э.) несёт явные, хотя и видоизмененные черты предшествующей эпохи. Для VI в. характерно наличие в инвентаре скифских элементов, прежде всего оружия (акинаки).

Помимо немногочисленных памятников варварской периферии фракийский элемент довольно ярко проявляется в материальной культуре ***античных поселений и городов Северо-Западного Причерноморья***. Причем, его присутствие здесь отмечается уже на самых ранних стадиях существования практически любого населенного пункта архаической эпохи. Некая парадоксальность ситуации заключается в следующем. Количество античных памятников, где зафиксирован довольно высокий процент фракийской лепной керамики, плохо согласуется с той картиной явного запустения, которую мы наблюдаем в это же время на ближайших фракийских

землях между Днестром и Карпатами. Таким образом, с одной стороны мы можем говорить о резком сокращении числа памятников (=плотности населения) и фактическом отсутствии компактного ареала фракийских памятников на варварской периферии Северо-Западного Причерноморья в VI в. до н.э. С другой – раскопки античных городов и сельских поселений позднеархаического времени дают нам большое количество лепной керамики и некоторых других элементов материальной культуры, которые явно указывают на присутствие здесь именно фракийского населения. Если, конечно, за наличием лепной керамики варварского (в данном случае, фракийского) облика на античных памятниках мы продолжаем видеть физическое присутствие населения той или иной (опять-таки в данном случае, фракийской) этнокультурной группы.

Поскольку, совершенно очевидно, что степная часть Северо-Западного Причерноморья никогда не входила в ареал фракийских племен, то в сложившейся, довольно противоречивой ситуации, возникает вопрос об исходной области обитания фракийского населения (метрополии), откуда оно, или какая-то его часть, на каком-то историческом этапе переселилось в области Северо-Западного Причерноморья, колонизированные древними эллинами. Причем, для Нижнего Побужья фракийская керамика фиксируется уже со второй пол. VII (Березань) – нач. VI (Ольвия) вв. до н.э. Для Нижнего Поднестровья – со второй пол. VI в. (Никоний и ряд сельских поселений левого берега Днестровского лимана). Иными словами, фракийское население сигнализирует о своем присутствии на античных поселениях едва ли не с момента основания последних.

Иная ситуация складывается в соседней области древнегреческой колонизации – Северо-Восточной Добрудже, где, по-видимому, уже в сер. VII в. до н.э. возникает, впоследствии один из крупнейших эллинских полисов Понтийского бассейна – Истрия. Причем, на первый взгляд, картина здесь как будто бы, абсолютно тождественная той, которую мы наблюдаем в районе Нижнего Побужья. В ранних слоях Истрии и на поселениях ближней округи при безусловном доминировании античного импорта, явственно ощутим сильный фракийский колорит в виде, прежде всего яркого и разнообразного набора характерной лепной керамики (Coja 1970; Alexandrescu 1988). Поселения и могильники микс-культурного облика известны и на дальней периферии, которая включает в себя всю область Северо-Восточной Добруджи ограниченную с трех сторон течением Дуная, а с четвертой (южной), довольно условной, границей между Северной (румынской) Добруджей и Южной (болгарской). Поликультурный характер этих памятников обеспечивают эллинская, фракийская, а в ряде случаев (Челик-Дере) и скифская составляющие (Simion 1992).

Принципиальное отличие предпосылок для фракийского культурогенеза эпохи позднего гальштата в данной области от районов колонизации в низовьях Южного Буга и Днестра видится в следующем. Во-первых, совершенно очевидно что зона Добруджи (как северной, так и южной) являлась исконной областью обитания фракийского населения, по меньшей мере, с эпохи поздней бронзы. Во-вторых, и это пожалуй главное, на материалах Северо-Восточной Добруджи мы можем проследить достаточно плавную, без хронологических лакун трансформацию фракийской традиции эпохи среднего гальштата (финал группы Бабадаг-III – ок. середины VII в.) в позднегальштатскую. Наличие последней демонстрируют материалы Истрии уже со второй пол. VII в., а, примерно от рубежа VII–VI вв. до н.э. – памятники (поселения и могильники) ближней и дальней периферии.

Наконец, необходимо упомянуть и еще один весьма важный для нашей темы район где отчетливо прослеживается довольно самобытная фракийская традиция, берущая свое начало еще в первой пол. – середине VII в. и длящаяся до V в. до н.э.

включительно. Это группа памятников типа Добрина-Равна, состоящая на сегодня только из могильников, локализуемых в приморской зоне болгарского побережья в районе г. Варна (Мирчев 1962; 1965). Погребальный обряд этих могильников представляет собой подкурганные захоронения в каменных ящиках. Среди погребального инвентаря следует отметить весьма характерную керамическую форму в виде корчаги с высоким цилиндрическим горлом (тип I по Э. Москалу [Moscalu 1983]). Подобные корчаги известны и в группе Фериджеле, что позволяет видеть в этой форме один из характерных признаков позднегальштатской керамической традиции. На более поздних этапах функционирования могильников в погребениях известны античные импортные сосуды. Определенное своеобразие болгарской группы, в отличие от уже известных нам, заключается в том, что истоки ее формирования до сих пор неясны.

Имеющиеся на сегодня данные позволяют предложить следующую реконструкцию событий в Северо-Западном Причерноморье, которые в свою очередь имеют непосредственное отношение к культурогенезу северофракийской общности.

Распад обширного блока фракийских культур эпохи среднего гальштата приходится в основном на середину VII в. до н.э. Вероятнее всего, к началу следующего, VI-го столетия степень запустения фракийского ареала, судя по археологическим данным, достигла предельной отметки. Фракийское население практически полностью исчезает из большинства тех районов, которые можно считать исконными его областями с последней четверти-конца II тыс. до н.э. Вместо обширного и компактного ареала северофракийских памятников периода среднего гальштата, начиная со второй пол. VII в. до н.э. мы наблюдаем здесь лишь инерционное существование отдельных, локальных очагов в которых можно видеть одновременно реликты прежнего этнокультурного единства и нарождающуюся новую культурную традицию. К таким очагам относится ареал группы Фериджеле-Бырсешти, область Северо-Восточной Добруджи и группа могильников типа Добрина-Равна в Болгарии (округ Варна). Хотя, в целом, нужно учитывать, что болгарская группа явление в значительной степени новое, слабо связанное с предшествующей традицией эпохи среднего гальштата.

К районам, где наблюдается фактический перерыв фракийской культурной традиции, относятся и земли между Карпатами и Днестром. На сегодняшний день мы видим здесь лишь рассеянные по всему региону, отдельные памятники или комплексы, которые при всем желании невозможно связать между собой в некое единое целое, на уровне, скажем, культурной группы. Лишь горизонт памятников типа Данчены обладает необходимым для такой процедуры минимальным количеством сходных, синхронных признаков.

Почти очевидно, что обширное пространство Карпато-Днестровского региона со временем будет пополняться фракийскими памятниками VI–V вв., которые наверняка смогут оформиться в некую упорядоченную культурно-хронологическую картину[1]. Однако, сегодня мы видим два чуть ли не абсолютно изолирован-

[1] К примеру, уже сейчас ясно, что население оставившее памятники типа Данчены-Пыржолтены-Олонешты не могло не знать о существовании какого-то, судя по всему довольно крупного населенного пункта на Нижнем Днестре у с. Чобручи. Хотя, некая нелогичность в поведении этого населения видна уже потому, что обитая синхронно с эллинскими поселениями низовьев Днестра, оно по каким-то причинам не считало нужным вступать с ними в торговые контакты. Этот вывод напрашивается как бы сам собой, если учесть полное отсутствие какого-либо античного импорта в погребениях Данченского могильника.

ных культурных континуума. С одной стороны, фрако-скифский горизонт памятников типа Данчены, а с другой – агломерация античных поселений в низовьях Днестра. Надежду на выявление каких-то связей между ними оставляет, пока еще во многом загадочный феномен поселения Чобручи.

Не исключено, что и в запрутской Молдове внешне дисперсную картину пространственного распределения фракийских памятников и отдельных комплексов (находок) можно будет «привязать» к какому-то из перечисленных локальных фракийских очагов. Так, отдельные погребения на юге Молдовы (Реча, Бэрбоасэ), уже сейчас можно присоединить к ареалу группы Фериджеле. Однако, другие памятники в т.ч. поселение Куртени и городище Стынчешть, располагающие находками античного импорта, скорее всего следует связывать с фрако-эллинским ареалом Северной Добруджи[1].

Другими словами работа по выявлению новых памятников на землях к востоку от Карпат будет идти, и идти продуктивно. Однако, надеяться на то, что она приведет к заполнению Карпато-Днестровских земель археологическим содержанием настолько, что можно будет говорить о сугубо эволюционном характере фракийского культурогенеза (т.н. теория континуитета), не стоит.

Проблема же собственно фракийского культурогенеза в Северо-Западном Причерноморье в VI в. до н.э. фактически сводится к более общей в масштабах всего северофракийского ареала проблеме генезиса раннегетской культуры. Понятие «ранние геты», или «раннегетская культура» охотно употребляемое в литературе – не является строго историческим, а скорее археологическим, или историко-археологическим. Существование гетов, как исторического народа фракийского происхождения уже в VI в. до н.э., вполне надежно зафиксировано античной литературной традицией. Но, если памятники гетской культуры IV–III вв., занимая огромную территорию, хорошо известны, то локализация гетских памятников VI–V вв. до н.э., т.е. тех самых гетов, которых знали Геродот и Фукидид, требует известных усилий.

В настоящее время существует две основные точки зрения на проблему сложения археологической культуры ранних гетов. Согласно первой из них, традиция гетской (в т.ч. и раннегетской) культуры вырастает на основе хронологически предшествующей фракийской традиции эпохи среднего гальштата. При этом, между ними предполагается полная хронологическая и территориальная преемственность. Фактически, это т.н. теория континуитета – текучего, плавного эволюционирования, которое можно назвать немотивированной культурной трансформацией. Вторая точка зрения основывается на отмеченной выше неравномерности территориально-хронологического развития северофракийского ареала, дискретности культурной традиции. В ее основе лежит принцип сокращения и расширения этого ареала, или т.н. фактор пульсации. Соответственно, контуры области обитания фракийских племен в разные исторические эпохи могли иметь различные очертания, обусловленные периодическим исчезновеним, а затем появлением фракийцев на тех или иных территориях своей исторической области, зачастую уже в новом культурном качестве. За всеми этими событиями, вероятно, стоит нечто более сложное, нежели прямолинейная эволюция материальной культуры. Последняя правда, имеет один существенный «плюс» – полную свободу от напряженных размышлений над историческими судьбами фракийского этноса. Реалии же их

[1] Весьма вероятно, что одиноко стоящий памятник на юге Мунтении – поселение Александрия (Preda 1959) – вообще тяготеет к третьему, из упомянутых очагу, к болгарской группе Добрина-Равна.

таковы, что появление нового этнонима – «геты» – фактически означает и появление новой культурной традиции сопряженной с этим этнонимом.

Исходя из анализа имеющихся данных, достаточно очевидно, что Карпато-Днестровские земли не могут считаться областью формирования раннегетской культуры. В качестве таковых предлагается рассматривать, в первую очередь область Добруджи, как северной так и южной (Ткачук 1999: 286). Именно здесь мы можем проследить вполне внятное и последовательное развитие фракийской традиции. Однако, ее непрерывность здесь есть непрерывность в значительной мере хронологическая. Культурной эта преемственность выступает лишь в самом широком смысле слова «культура», в данном случае это будет культура фракийского (северофракийского) мира. То есть, геты, как этноним – явление совершенно новое, хотя, безусловно, взращенное на фракийской культурной почве. И не случайно, именно с низовьями Дуная (Добруджей) связывается первая дошедшая до нас локализация гетов античными авторами.

С археологической точки зрения памятниками раннегетской культуры так сказать в чистом виде следует считать болгарскую группу Добрина-Равна[1]. В виде эллинско-фракийского симбиоза раннегетские памятники (население) существуют и в Северо-Восточной Добрудже, на ближней и дальней периферии Истрии.

Начало довольно робкой инфильтрации гетов в районы к северу от Дуная относится ко времени не ранее конца VI в. Этот процесс, также медленно продолжается и на протяжении в большей части V в. до н.э. И только начиная с IV в. фракийцы вновь весьма плотно заселяют Карпато-Днестровские земли, а их древности IV–III вв. являются уже древностями т.н. «классической» гетской культуры – культурно-географического пространства именуемого «Гетикой».

Что же касается присутствия фракийского населения в зонах древнегреческой колонизации в низовьях Южного Буга и на Нижнем Днестре, то здесь, как уже отмечалось, нас интересует локализация географической области, откуда носители фракийской культуры могли проникать в районы колонизованные эллинами на протяжени ста лет – со второй пол. VII по вторую пол. VI вв. до н.э.

Для района Нижнего Побужья процесс внедрения фракийского населения видится следующим образом. Распад среднегальштатской общности в лесостепной зоне Карпато-Днестровских земель сопровождался резким сокращением численности населения. Оставшаяся его часть в целях элементарного выживания должна была стремиться к новой консолидации, которая в старом ареале была невозможна по ряду причин. Одним из направлений такого исхода фракийцев, вероятно и был район Нижнего Побужья, где как раз в третьей чтв. VII в. до н.э. возникает эллинское поселение на о-ве Березань. Стечение подобных обстоятельств надо признать исключительно удачным и для остатков фракийского населения Карпато-Днестровской области Березань оказалась таким же спасительным оазисом, каким стала Истрия для носителей умирающей фракийской традиции Добруджи и Валахии. Фракийский мир из монолитной общности трансформируется в группу локальных очагов, отделенных друг от друга фактически пустыми пространствами. Вряд ли, конечно, можно абсолютизировать степень изоляции таких фракийских анклавов. Мало того, в ряде случаев контакты между ними были предопределены теми связя-

[1] Известно еще несколько, менее крупных могильников, относящихся к этой группе – Кръгулево, Проф. Златарски.

ми, которые существовали между античными центрами – Березани и Ольвии с одной стороны, Истрии – с другой.

Опираясь на этот, вроде бы бесспорный факт, мы можем проследить дальнейшее развитие сюжета и попробуем объяснить еще одну противоречивую ситуацию, сложившуюся во второй пол. VI в. до н.э.

Так же как и в Нижнем Побужье, только веком позже, на античных поселениях в низовьях Днестра, буквально с самого момента их возникновения фиксируется высокий удельный вес фракийской лепной керамики – до 30–35% от общей численности этой группы материала. Отвечая на вопрос, откуда на античных поселениях Нижнего Поднестровья появилось фракийское население исследователи обычно указывали на ближайшие исконные фракийские земли, в первую очередь на лесостепную область Днестровско-Прутского междуречья. Для более позднего периода – IV в. до н.э. – реконструкция такой локальной миграции выглядит вполне логичной, ибо в это время земли между Днестром и Карпатами весьма плотно заселены племенами гетов. Иное дело период поздней архаики, которому как раз и соответствует максимальное популяционное запустение этого региона. Надежда на скорое открытие памятников VI–V вв. до н.э. в Пруто-Днестровском междуречье, которую, казалось бы, давали обнаруженные в 70-е гг. памятники (Данчены, Пыржолтены), эта надежда не оправдалась. Сегодня, мнение о том, что фракийцы проникли в низовья античного Тираса из области Центральной Бессарабии выглядит совершенно неубедительно.

Рассмотренная выше археологическая ситуация позволяет нам реабилитировать точку зрения, которую в свое время высказала А.И. Мелюкова и которая в последнее время получила довольно весомое подтверждение. Речь идет о том, что появление фракийцев в низовьях Днестра одновременно с первыми колонистами и их постоянно стабильное, на протяжении всего архаического периода присутствие на поселениях Нижнего Побужья и Березани, фактически связано с колонизационной активностью эллинов (Мелюкова 1979: 162). Для Нижнего Поднестровья все решает статус Никония как апойкии Истрии. С ним, этим статусом в последнее время соглашается все больше исследователей[1]. Тогда, действительно, можно говорить о переселении в низовья Тираса во второй пол. VI в. до н.э. фракийского населения из самой Истрии или ее округи, которые входили (были включены) в состав первых (и последующих) партий колонистов. Интересно и то, что появление истрийской апойкии в Нижнем Поднестровье, почти совпадает по времени с началом продвижения гетов к северу от Дуная в ходе которого они постепенно заселяют Днестровско-Прутское междуречье. То есть, географически оба вектора заданы одной и той же областью – Северной Добруджей, политическим и экономическим центром которой в позднеархаическую эпоху является Истрия.

Для районов Нижнего Побужья история фракийской «диаспоры» могла выглядеть следующим образом. Переселившиеся сюда во второй пол. VII в. фракийцы-носители среднегальштатской традиции, сколь велика по численности ни была бы их группа, не могли поддерживать культурную самоидентификацию на протяжении ста и более лет. Нужно помнить, что, во-первых, они оказались в инокультурной среде в каком-то, явно подчиненном положении, а во-вторых, не могли рассчитывать на пополнение своего численного состава за счет простого притока новых

[1] В данном вопросе, тирасский декрет в честь Автокла видимо можно рассматривать как *ultima ratio* (Виноградов 1999: 70).

групп, учитывая тот глобальный кризис, охвативший их исходные области обитания – Карпато-Днестровские земли.

Мы полагаем, что и в Нижнем Побужье, на каком-то этапе, стабильный уровень фракийской прослойки поддерживался уже не за счет притока беженцев-мигрантов с варварской периферии (хинтерланда), а главным образом в результате опять-таки активных контактов между полисами Нижнего Побужья и той же Истрией. Известно, что активное освоение сельской округи Ольвии начинается с третьей четверти VI в. до н.э. При этом, едва ли не на всех известных поселениях отчетливо видна фракийская составляющая их материальной культуры в виде все той же лепной керамики. Причем, по сравнению с типами такой же керамики более раннего времени – второй пол. VII – первой пол. VI вв. – наблюдается активное внедрение новых форм. Все это вполне согласуется с появлением в Нижнем Побужье во второй пол. VI в. каких-то новых групп фракийского населения.

В дальнейшем, судьбы фракийского населения в Нижнем Побужье и Поднестровье складываются по-разному. В Побужье синхронно с гибелью (запустением) хоры на рубеже архаической и классической эпох фракийская керамика по данным К.К. Марченко исчезает полностью (Марченко 1988: 107 и сл.; 133). В низовьях Днестра также исчезают сельские поселения. Однако, в Никонии удельный вес фракийской лепной керамики продолжает оставаться столь же высоким на протяжении всего V в. до н.э.

Степная часть Северо-Западного Причерноморья является периферией памятников классической гетской культуры, основной ареал которой в IV–III вв. до н.э., включает обширную, главным образом лесостепную, область расположенную на землях между Днестром и Карпатами.

Памятники собственно гетской культуры в Северо-Западном Причерноморье представлены в бассейнах Нижнего Днестра (правый берег) и Нижнего Дуная (левый берег). Так же как и в архаический период, присутствие фракийского (гетского) населения вновь отмечается на античных поселениях в низовьях Днестра и Южного Буга. Главным индикатором такого присутствия по-прежнему выступает лепная керамика.

Поселения в низовьях Днестра. Здесь, в бассейне Днестровского лимана, на правом его берегу достоверно зафиксирован пока лишь 1 такой памятник – ***городище у с. Пивденное***. Исследования городища проводились в 1960–1962 гг. экспедицией Одесского археологического музея под руководством А.Г. Сальникова. Несмотря на то, что итоги этих исследований были опубликованы весьма оперативно (Сальников 1966), следует признать, что в настоящий момент эта публикация по целому ряду требований уже не может считаться удовлетворительной. Во-первых, материалы опубликованы далеко не полностью. Во-вторых, обращаясь к опубликованным материалам, исследователи до сих пор пользуются теми выводами, которые содержатся в первой (и единственной) публикации. Ясно, что по прошествии 50 лет многие из них нуждаются в уточнении или даже пересмотре. В частности, это касается датировки некоторых важнейших групп материала, таких как клейма и чернолаковая керамика. В-третьих, способ подачи иллюстративного материала (фотографии) и его качество, не отвечают минимальным современным требованиям.

Сегодня мы можем говорить о том, что поселение датируется IV – первой пол. III вв. до н.э. Расположенное на дальней периферии античной Тиры (в 15 км к северу), поселение в общем-то имеет смешанный, фрако-эллинский облик. Бесспорное наличие гетского элемента показывает характерная лепная керамика (рис. 106, 1, 3). Ее столь высокий удельный вес мы не видим ни на одном из исследованных памятников этого времени в Нижнем Поднестровье. Наряду с этим, в коллекции присутствует и определенный процент лепной керамики скифского облика. Этот варварский колорит уравновешивается разнообразным и в тоже время стандартным перечнем античной импортной керамики (амфорная тара, включая 108 клейм, чернолаковая и простая столовая керамика). Единичными находками представлены изделия из металла. Это наконечники стрел и медная монета Тиры сер. IV в. до н.э. (Ашрафиан 1963).

Поселение однослойное. Мощность культурного слоя достигает 1 м. За три сезона раскопок исследовано 1500 м^2. К *строительным остаткам* относится 5 наземных комплексов (А-Д), каждый из которых состоит из нескольких помещений. Эти комплексы представляли собой глинобитно-каменные завалы наземных сооружений с очажными конструкциями. А.Г. Сальников справедливо считает их жилыми помещениями.

В последнее время появились некоторые сомнения относительно укрепленного характера поселения Пивденное. Дело в том, что насыпь вала, реально суще-

ствующая, имеет весьма скромные, «декоративные» размеры. Её изучение в ходе раскопок памятника не проводилось. Следы рва с внешней стороны вала визуально не прослеживаются.

Вполне вероятно, что к западу от поселения находится и могильник. А.Г. Сальников отмечал на поле, примыкающем к городищу до полусотни видимых насыпей. Спустя 20 лет, в середине 80-х гг. их было заметно не более десятка. На поверхности одной такой насыпи собран немногочисленный, но разнообразный подъемный материал – фрагменты амфор, лепной керамики, столовой гончарной посуды. Не исключено, что эти насыпи, или, по крайней мере, часть из них могут оказаться т.н. «зольниками».

Сальников
Алексей Георгиевич
(1925 –?)

Поселения левобережья Нижнего Дуная. Здесь слои с материалами гетской культуры надежно фиксируются на двух местонахождениях – городище Картал и городище Новосельское-II.

На ***городище Картал*** в IV–III вв. до н.э. существует какое-то весьма крупное, по-видимому, укрепленное, поселение гетов. Неоднократно предпринимались попытки отождествить с этим поселением один из населенных пунктов, перечисляемых античными авторами в низовьях Дуная. Чаще всего указывают на Алиобриг Клавдия Птолемея (Карышковский, Клейман 1985: 72). Акрополь традиционно располагался на «Каменной Горе». Сведениями о результатах раскопок здесь, мы не располагаем. К востоку от цитадели было расположено довольно обширное предместье, где сейчас ведутся планомерные исследования. По их итогам, а также результатам исследований предыдущих экспедиций на сегодняшний день вырисовывается следующая картина.

Слой с материалами гетской культуры зафиксирован во всех раскопах, которые были заложены на разных участках посада. Можно предполагать, что обитаемая в гетское время территория предместья равнялась примерно 8–10 га. С учетом цитадели на «Каменной Горе» площадь всего поселения могла составлять 12–14 га. По-видимому, это и есть близкие к максимальным размеры, которых данное поселение достигало еще дважды за всю свою историю – в эпоху раннего гальштата (XII–X вв.) и, вероятно, в римское время.

Строительные остатки состоят из хозяйственных ям и 2 земляночных помещений (рис. 107, 1). Довольно много ям имеет классический колоколовидный (грушевидный) профиль. Встречаются и конические в разрезе ямы. Одна из землянок представляет собой большой котлован округлой в плане формы глубиной до 2,5 м. В бортах котлована оборудованы четыре ниши-лежанки. В северной стенке сооружена наклонная тоннелеобразная ниша, которая уходит на глубину свыше 4 м от современной дневной поверхности. Дно землянки чрезвычайно неровное. Каких-либо следов очага не обнаружено (рис. 107, 1). Если считать данное сооружение жилым, то тогда оно, по-видимому, отапливалось с помощью переносных очагов.

Основной группой материала является лепная керамика. Формы ее достаточно стандартные (рис. 106, 8, 9, 11, 15, 16). Разница между столовой и кухонной посудой в гетское время, если и не стирается полностью, то, по крайней мере, становит-

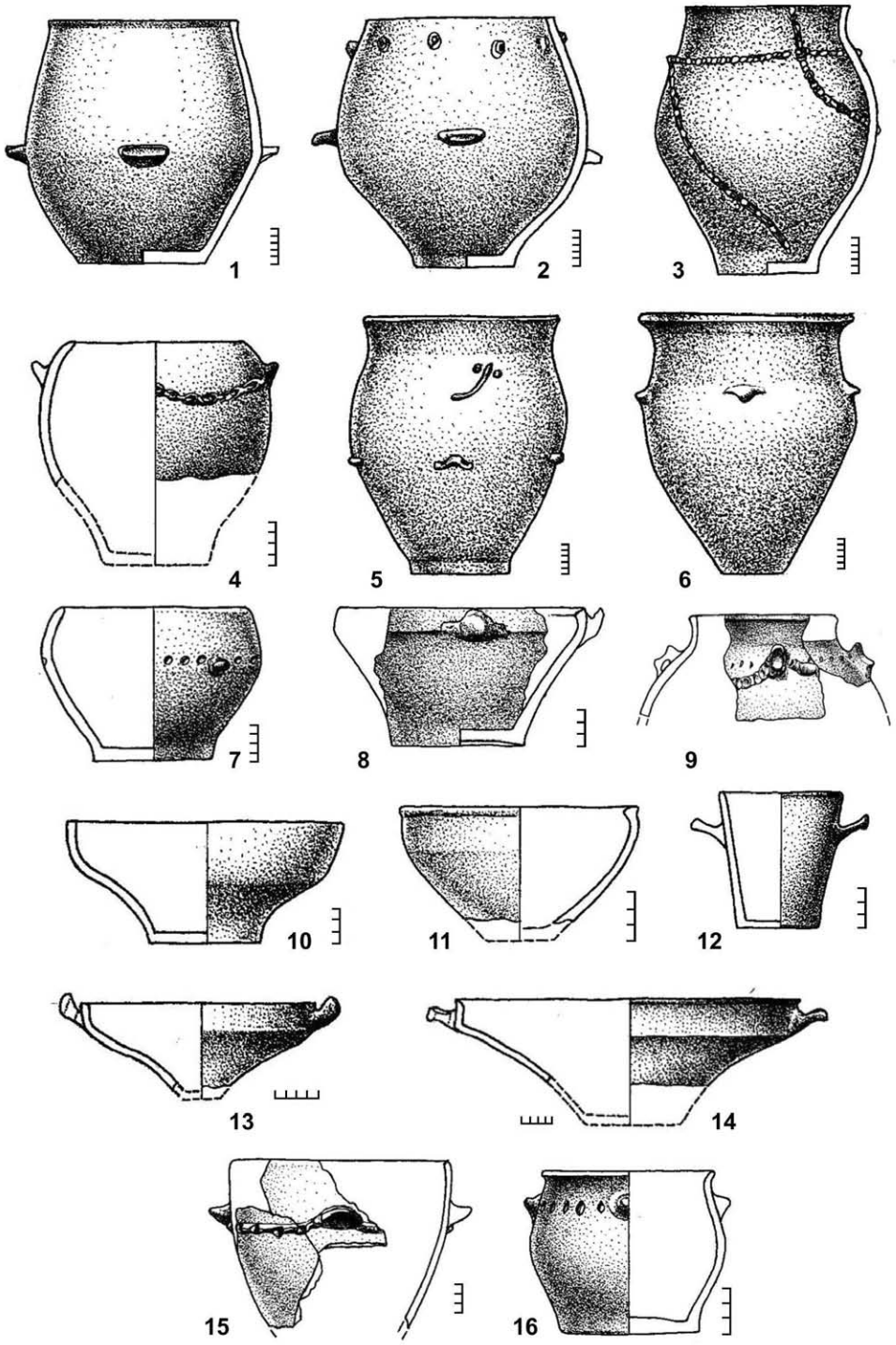


Рис. 106. Гетская лепная керамика IV–III вв. до н.э. (4, 7, 10, 12–14 – Никоний, 1, 3 – Пивденное, 2 – Овидиополь I, 5, 6 – Тира, 8, 9, 11, 15, 16 – Картал)

ся гораздо менее заметной, нежели в гальштатскую эпоху. В особенности, это касается обработки поверхности сосудов. Качество лощения резко снижается. Большинство сосудов либо хорошо заглажено, либо подлощено. Ведущей формой кухонной керамики продолжают оставаться баночные и т.н. «мешковидные» сосуды. Гораздо более массивными и разнообразными по форме становятся налепы на тулове (подково- и волютообразные, трехлепестковые). Основной формой столовой керамики можно считать разнообразные миски на которых, помимо различных налепов появляются петельчатые ручки. Черпаки, как форма, практически исчезают, трансформируясь в кружки. Больше становится кувшинообразных форм.

Весь этот разнообразный комплекс лепной керамики датируется сопутствующим античным импортом. Впрочем, его процент весьма невелик. Единичными находками представлена расписная краснофигурная посуда поздних групп (в основном, скифосы). Простая чернолаковая керамика включает канфары, рыбные блюда, чаши раннеэллинистического времени. В состав амфорной тары входят сосуды Фасоса преимущественно «биконической» серии, хиосские колпачковые амфоры, сосуды Гераклеи, Синопы, амфоры с грибовидными венцами. Клейм известно чуть более 40, причем, 5 штампов принадлежит Гераклее, 1 – Синопе, 1 – Родосу, а все остальные – Фасосу. Основная масса керамического импорта датируется серединой IV – второй чтв. III вв. Любопытно, что на периферийном участке посада («Северо-Восточный», раскоп I) клейма и чернолаковая керамика дают довольно узкую дату для комплексов гетского слоя – конец IV – нач. III вв. до н.э.

Комплекс гончарной керамики представлен еще светлоглиняными формами (кувшины, рыбные блюда), а также единичными фрагментами толстостенной керамики (лутерии).

Орудия производства состоят из небольшой коллекции костяных предметов. Известны примитивные мукомольные орудия в виде седловидных зернотерок.

Изделия из металла представлены бронзовыми браслетами, фрагментами каких-то пластинчатых изделий, бронзовыми проволочными серьгами. Есть небольшая серия бронзовых наконечников стрел типичного для IV в. силуэта. Примечательной находкой является большой обломок бронзового зеркала скифского типа (рис. 108, 7). Изделие, вероятно, имело боковую ручку. Еще одна находка, обычно связывается с материальной культурой скифов. Это железный нож с костяной, граненой ручкой.

Последние категории находок вполне соотносятся с тем, вообщем-то немалым числом находок лепной керамики, которую можно определить как скифскую или «скифоидную». Явно уступая по численности фракийской, эта керамика, тем не менее, регулярно встречается во всех раскопах на территории посада.

Говоря о монетных находках на территории городища и в его окрестностях, в первую очередь следует напомнить о знаменитом кладе кизикинов, который был случайно обнаружен на территории села Орловка, примерно в 3 км от городища. Тезаврация клада датируется концом 30-х гг. IV в. до н.э. Депонирование такого уникального комплекса, конечно же, не могло быть отнесено на счёт какого-то неизвестного, рядового события. По одной из версий этот сюжет связан с одним из эпизодов короткого, но яркого скифо-македонского противостояния в Добрудже в 30-е гг. IV в. (Карышковский, Клейман 1985: 63). Непосредственно на территории городища был найден золотой статер Александра Македонского. Есть находки медных монет Филиппа II.

Известен могильник этого времени. Он был открыт и частично исследован Р.Д. Бондарь в конце 60-х гг. Материалы не опубликованы. Имеется лишь самая

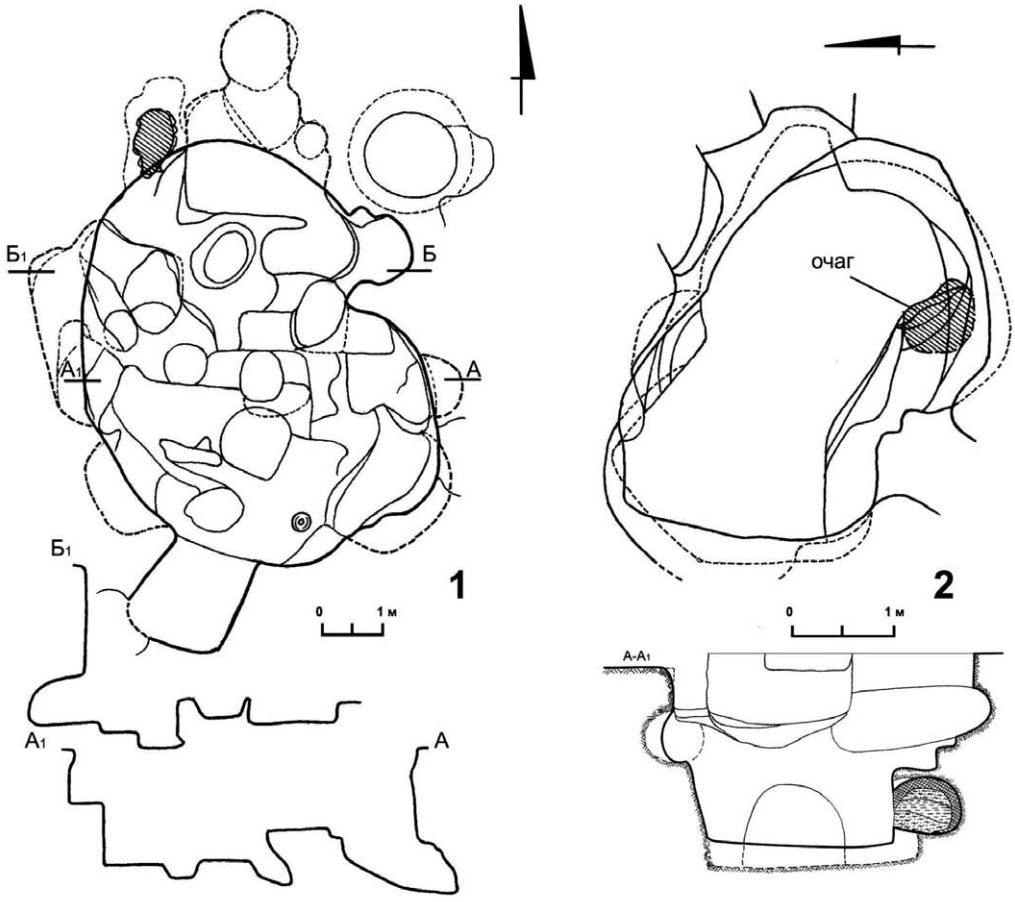


Рис. 107. Землянки гетов: 1 – Картал, 2 – Новосельское II

общая информация (Бондарь 1971), согласно которой мы, вслед за автором раскопок можем говорить о, безусловно, преобладающем обряде кремации и последующем помещении останков в урны. Среди урн и сопровождающего инвентаря известны лепные сосуды и амфоры.

Комплексы и материалы гетской культуры открыты и на ***городище Новосельское II***. Еще в 1986 г. экспедицией «Газопровод» ИА НАН Украины (нач. Ю.А. Шилов) в южной части мыса были открыты 2 землянки и 1 яма. Землянки сохранились неполностью. Одна из них имела вид прямоугольного котлована с входной ямой-«тамбуром». Другая, содержавшая глинобитный очаг была подквадратной в плане формы. В яме, располагавшейся рядом с этими объектами, наряду с характерной лепной керамикой было найдено родосское клеймо ранней группы (Бруяко, Кожокару 1990).

В 1988 г. раскопками Одесского охранного археологического центра (Е.Ю. Новицкий) в центральной и северной частях городища было открыто несколько ям содержавших керамический материал III–II вв. до н.э. Помимо лепной керамики найдено также 2 клейма и гончарная сероглиняная мисочка покрытая плохим лаком. Родосское клеймо на ручке амфоры (эпоним Горгон) относится к IV–V хро-

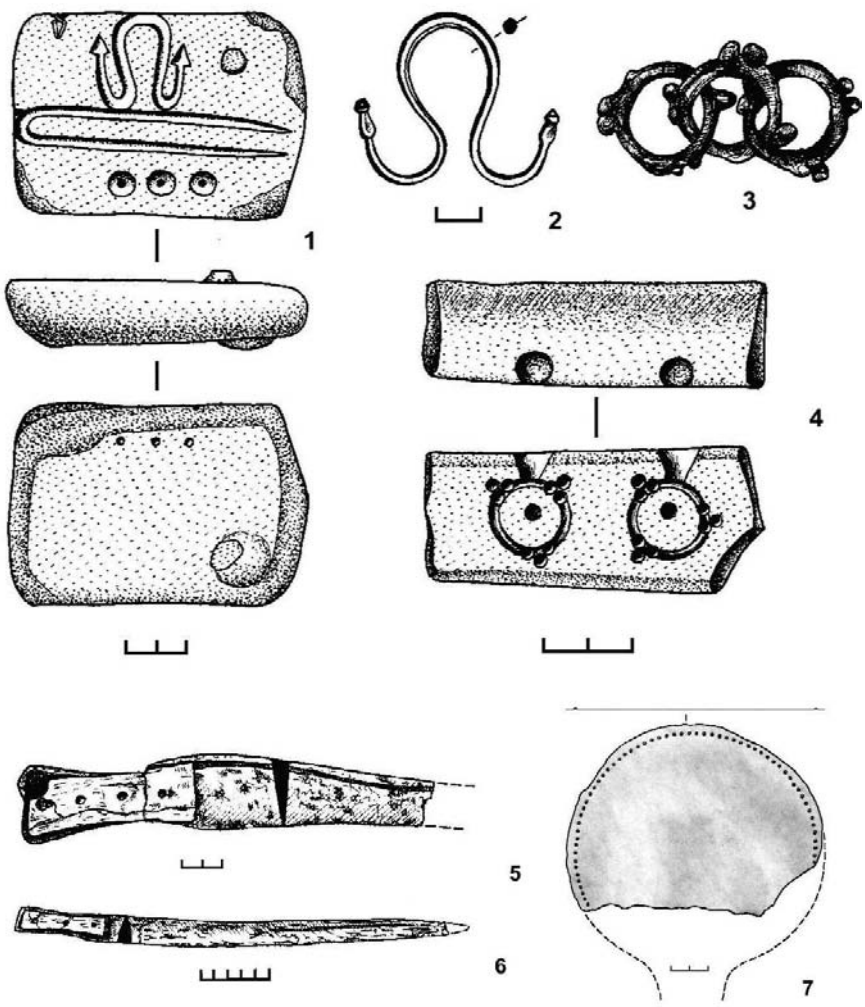


Рис. 108. Литейные формы, украшения, оружие, предметы туалета
(1, 2, 5 – Никоний, 3, 6 – Николаевка, 4 – Тира, 7 – Картал)

нологическим группам. Другое клеймо (HPA) оттиснуто на горле амфоры, которая вероятно является продукцией Гераклеи Понтийской первой пол. III в. до н.э.[1] Мисочка имеет аналогии в коллекциях сероглиняной керамики Истрии (с округой) и Ольвии эпохи развитого эллинизма (Бруяко, Ярошевич 2001: 63).

В 1997–1999 гг. в ходе работ на городище украинско-румынско-молдавской экспедиции на самом краю южной оконечности мыса был заложен раскоп («Южный»), который дал довольно неожиданное и весьма интересное сочетание

[1] В монографии 1999 г. С.Ю. Монахов допускал в т.ч. и синопское (или шире – южнопонтийское) происхождение амфор содержавших подобные клейма (Монахов 1999: 458–459). В последней книге он говорит о принадлежности этих амфор лишь Гераклее Понтийской (Монахов 2003: 137–138).

археологического материала (Ванчугов и др. 1999). Фактически, тема эллинизма на левобережье Нижнего Дуная, обозначившаяся раскопками 1988 г., получила дальнейшее развитие.

Основной слой и объекты раскопа «Южный» (общая площадь ок. 500 м^2) относятся к последней четверти III – первой пол. II вв. до н.э. Керамический материал имеет весьма большое сходство с позднегетской культурой Северо-Восточной Добруджи (Сату Ноу, Албешти и др.). Некоторым числом представлена керамика, которая характерна для культуры Поянешти-Лукашевка. Обнаруженные в слое раскопа амфорные клейма Синопы, Родоса и Книда охватывают период от второй чтв. III в. до сер. II в. до н.э. И хотя число клейм весьма незначительное (всего 14 ед.) не исключено, что по материалам городища Новосельское II прослеживается трансформация гетской культурной традиции в позднегетскую (Бруяко и др. 2011).

Строительные остатки раскопа «Южный» представлены многочисленными ямами и одной землянкой. Ямы за редким исключением неглубокие, имеют расширяющиеся ко дну стенки. Землянка прямоугольно-овальной формы, имеет довольно сложную конфигурацию стенок (рис. 107, 2). Глубина котлована 2–2,5 м. В его южном борту вырублен куполообразный очаг.

Лепная керамика состоит из нескольких ведущих форм. Во-первых, это идущая еще от гальштатского времени форма округлобокого горшка закрытого типа. Во-вторых, слабопрофилированные горшки с намеченной шейкой и слегка округлым туловом. Этот тип сосудов часто имеет пластическую орнаментацию в виде сгруппированных и переплетенных между собой налепных валиков с пальцевыми вдавлениями. В-третьих, это сосуды открытого типа, имеющие сходство с глубокими мисками или чашами (рис. 109).

В состав импортной керамики помимо фрагментов амфорной тары (Синопа, Родос, Книд, Кос) входит и незначительное число фрагментов чернолаковой посуды. Среди них можно отметить несколько крупных обломков чернолаковых канфаров. Сосуды весьма массивные, с толстыми стенками в средней части корпуса, удлиненных пропорций с крупным горизонтальным лабрисовидным налепом идущим от края венчика поверх ручки. Лак густой, но не блестящий и внутри сосуда имеет отчетливый коричневый оттенок. Эту форму, не имеющую аналогий в эллинистической керамике эгейско-малоазийского круга, вероятно следует считать продуктом северопонтийского производства (Ольвия, Истрия). Учитывая довольно большое число подобных находок в последнем центре и на его хоре, истрийское происхождение таких канфаров кажется наиболее вероятным. Датируются эти канфары в основном II в. до н.э., хотя появляются еще в конце (второй пол.) предыдущего столетия.

В коллекции керамики III–II вв. с городища Новосельское II есть и группа сероглиняной гончарной керамики. В основном, она представлена мисками или чашами.

Изделий из металла нет. Известны находки образцов антропоморфной пластики т.н. «гето-дакийского» типа.

Погребальный обряд. Севернее раскопа «Южный», по всей вероятности находится и могильник этого времени. Одно захоронение – кремация в лепной урне-кувшине – было обнаружено в 1986 г. Его точное место расположения осталось неизвестным. Еще одна кремация в чернолощеной урне-кувшине обнаружена в 1999 г. в 250 м к ССВ от раскопа «Южный». Сосуд с подграненым венчиком явля-

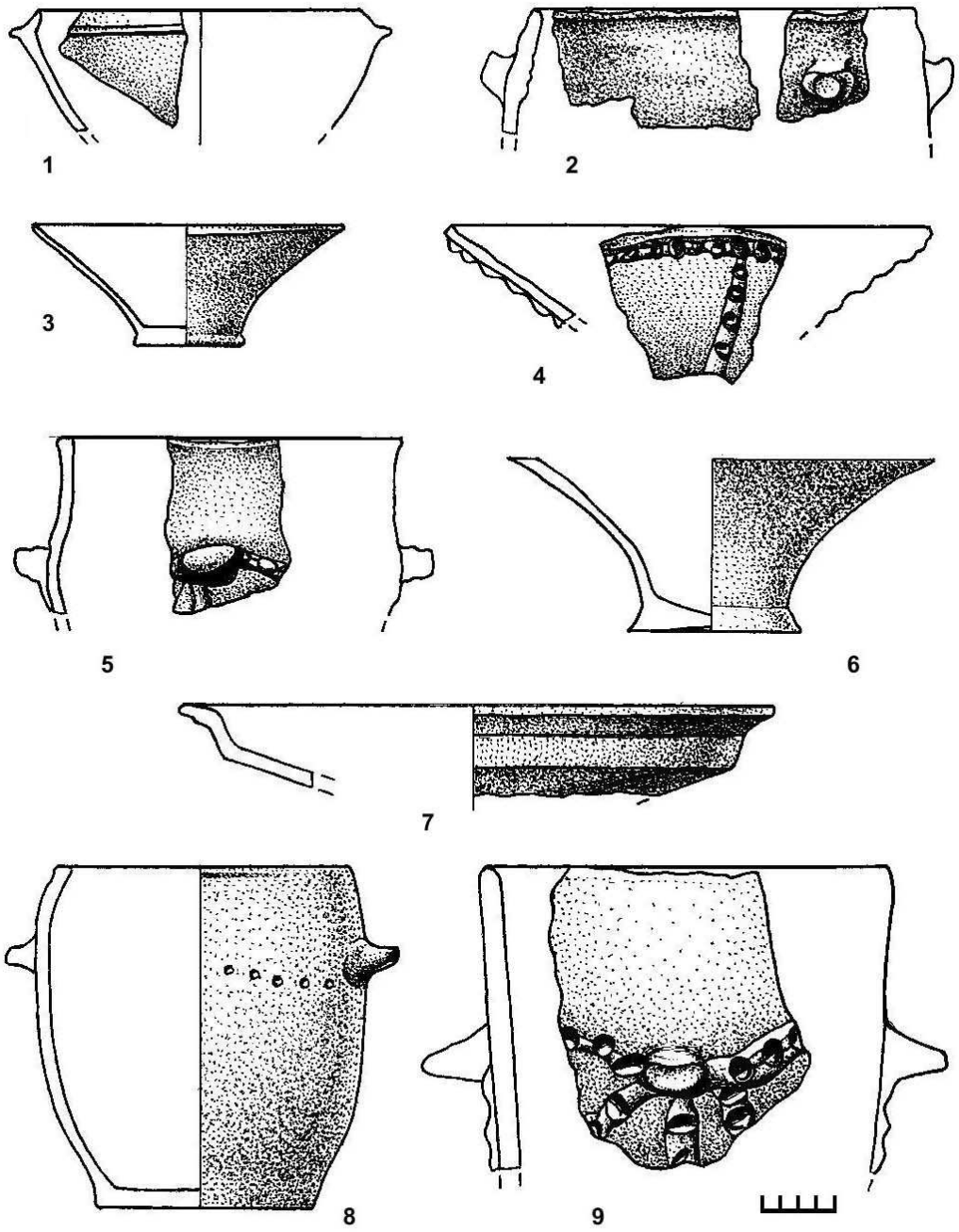


Рис. 109. Городище Новосельское II.
Позднегетская керамика (1 – гончарная, остальное – лепная)

ется формой типичной для столовой посуды культуры Поянешти-Лукашевка[1]. Наконец, остатки еще одной кремации зафиксированы раскопками 1989 г. Захоронение, залегавшее довольно высоко было разрушено вспашкой. Сохранилась лишь придонная часть лепного сосуда с пережженными костями и спекшейся стекловидной (?) массой. Возможно, это были остатки бус. Среди кальцинированных костей была найдена глиняная подвеска подтреугольной формы. Причем, следов воздействия огня на изделии нет. В остальных погребениях сопровождающий инвентарь отсутствовал.

Помимо этих двух памятников в этом же районе можно предполагать существование нескольких гетских поселений IV–III вв. на территории и в окрестностях г. Измаил. Все эти данные в виде конкретного, но немногочисленного материала получены в результате разрушения памятников различными строительно-хозяйственными работами (консервный завод, целлюлозный комбинат)[2].

Античные поселения Нижнего Поднестровья. Так же как и в предыдущую, позднеархаическую эпоху элементы материальной культуры соотносимые с фракийскими (гетскими) племенами выявлены на античных поселениях в зоне колонизации Нижнего Поднестровья. По сравнению с предшествующим периодом удельный вес этих элементов несравненно выше. Конечно, с одной стороны это можно объяснить резким увеличением общей численности памятников – ок. 100 в IV – первой пол. III вв. против, примерно 10–12 в конце VI – нач. V вв. до н.э. С другой стороны, более разнообразным стал перечень предметов материальной культуры имеющих определенно фракийское происхождение. Помимо керамики это детали костюма, мелкие украшения, оружие.

Кроме упомянутого выше местонахождения у с. Пивденное (Пивденное II), более или менее ощутимый фракийский колорит несут в себе абсолютно все поселения где велись (или ведутся до сих пор) стационарные раскопки (Тира, Никоний, Овидиополь-I, Николаевка, Надлиманское городище), либо даже те, где такие раскопки носили ограниченный характер (Затока I, Бугаз IV, Веселое, Беляевка II), или вообще являлись шурфовками (Беленькое).

Говоря о фракийской составляющей в материальной культуре этих поселений, мы, конечно же, имеем в виду в первую очередь *лепную керамику*. Еще раз подчеркнем, что помимо городища Пивденное на всех остальных памятниках эта керамика является компонентом, который в процентном отношении, безусловно, подчинен либо античным, либо скифским (скифо-античным) слагаемым.

Для Никония и поселения Овидиополь I лепная керамика была предметом специальных работ (Кузьменко, Синицын 1966; Бруяко, Суничук 1987; Бруяко 1993). Очерковая (предварительная) статья по античной Тире доримского времени вышла уже давно (Самойлова 1985), а совсем недавно опубликована большая статья Н.А. Гаврилюк, посвящённая коллекции лепной керамики Тиры всей античной эпохи (Гаврилюк 2010). Соответствующий специальный раздел находится в моно-

---

[1] Масса аналогий данному сосуду имеется в материалах могильника Поянешти (Vulpe 1953: 320, fig. 112; 342, fig. 157; 351, fig. 182; 392, fig. 285–286; 395, fig. 293; 407, fig. 323–324).

[2] Информация о находках древностей античной эпохи в этом районе по состоянию на сер. 60-х гг. XX в. собрана в дипломной работе В.К. Чигирина, который в 60–70-е гг. занимал должность директора Измаильского музея А.В. Суворова (Чигирин 1965).

графии А.И. Мелюковой посвященной поселению и могильнику у с. Николаевка (Мелюкова 1975). Опубликована и коллекция лепной керамики из Надлиманского городища (Дзис-Райко и др. 2012). Для других памятников ее количество пока настолько незначительно, что не требует отдельной публикации и в ряде случаев включено в общую статью, посвященную раскопкам (шурфовкам) того или иного поселения (Малюкевич 1993а; Бруяко 2005).

Если характеризовать комплекс гетской лепной керамики из памятников Нижнего Поднестровья в целом, то легко заметить, что этому комплексу присущи практически все формы, являющиеся ведущими формами лепной керамики гетского облика на обширном пространстве Карпато-Днестро-Дунайских земель. Нет каких-то особенностей, которые явственно отличали бы коллекции гетской лепной керамики античных памятников от такой же посуды на собственно гетских поселениях. Ведущей, легко узнаваемой формой является кухонный горшок закрытого типа, часто снабженный массивными ручками-упорами (рис. 106, 1, 2, 4). По сравнению с предыдущими эпохами наблюдается лишь отчетливая тенденция к расширению тулова сосуда. Очень часто верхние две трети корпуса таких горшков имеют, чуть ли не шарообразные очертания. Притом, что диаметр дна зачастую настолько мал, что сосуд, будучи пустым должен был быть на редкость неустойчивым. Налепы в нижней части тулова, появившиеся на кухонной керамике еще в эпоху среднего гальштата, к IV в. становятся более уплощенными, хотя внешне, в особенности на рисунках выглядят столь же массивными.

Таким образом, мы можем охарактеризовать общую тенденцию развития главной формы фракийского кухонного горшка на протяжении XII–X/V–IV вв. как эволюцию от слабопрофилированных форм к формам с раздутым туловом. Причем, эта тенденция очевидна даже для более узкого хронологического диапазона, что наглядно демонстрирует коллекция лепной керамики из Никония второй пол. VI – первой пол. III вв. до н.э. (Бруяко 1993: рис. 3).

Вообще, говоря об эволюции комплекса фракийской керамики на протяжении гальштатско-гетской эпохи можно заметить следующую особенность. Очевидное разделение всей массы посуды в более ранние периоды на столовую и кухонную в V–IV вв. до н.э. сильно нивелируется и носит уже почти формальный характер. С одной стороны – миски, черпаки (кружки), с другой – баночные горшки. При этом, качество обработки поверхности (в целом, явно снизившееся) зачастую не имеет особых различий в особенности, если судить по фрагментам керамики. О слиянии двух этих групп в некий гомогенный комплекс свидетельствует и то, что отдельные элементы орнамента и пропорции характерные в более раннее время только для одной из них (раздутый корпус ранних столовых корчаг, наличие крупных налепов в нижней части тулова у таких же корчаг среднегальштатского периода) со временем переходят на формально кухонные (баночные, «мешковидные») формы. Вероятно, не ранее конца VI – нач. V вв. до н.э. на гетских лепных мисках под влиянием античного комплекса сероглиняной керамики вместо пластических налепов появляются петельчатые ручки (горизонтальные и вертикальные).

Помимо керамики известны и другие находки, которые имеют непосредственное отношение к фракийской культурной традиции. Это предметы вооружения, детали костюма и украшения из бронзы (рис. 108). В погребениях Николаевского могильника и некрополя Никония обнаружены 2 железных однолезвийных кинжала с изогнутым клинком (Мелюкова 1975: рис. 56,9; Бруяко 1989). Более или менее

выразительные обломки подобных боевых ножей (кинжалов) происходят из поселения на о-ве Березань (Назаров, Соловьев 2000). В Никонии найдена литейная форма с негативом лировидной подвески (Секерская 1989: рис. 55, 6; Бруяко 1999а: рис. 53, 3). Есть и находки самих подвесок. Одна из них обнаружена в погребении IV в. до н.э. на некрополе городища (курган 4). Литейная форма, предназначенная для отливки небольших колец со сдвоенными шишечками найдена в Тире (Самойлова 1988: рис. 16, 1; Бруяко 1999а: рис. 54, 3). Находки таких изделий известны в Никонии и в могильнике Николаевского поселения.

По сравнению с Нижним Побужьем в низовьях Тираса фракийская традиция в виде лепной керамики гетского типа не прерывается. Напомним, что согласно наблюдениям К.К. Марченко на поселениях и в городских центрах Нижнего Побужья фракийская лепная керамика исчезает уже во второй трети V в. и вновь появляется не ранее середины IV в. до н.э. (Марченко 1988: 107 и сл.). И если исчезновение этой керамики на поселениях хоры, само по себе загадки не таит, поскольку исчезают и сами поселения, то в отношении Ольвии и Березани этого не скажешь. В низовьях Тираса сельские поселения исчезают практически синхронно с районом Нижнего Побужья. Однако, материалы Никония демонстрируют непрерывное присутствие гетской лепной посуды на протяжении всего доримского периода существования города – вторая пол. VI – первая пол. III вв. до н.э. Причем, удельный вес этой керамики достаточно стабилен на всем хронологическом отрезке. Таким образом, при ритмично-синхронном цикле развития сельской округи этих двух районов наблюдается очевидное отличие, касающееся наличия (отсутствия) одной из групп варварского населения.

Объяснить это можно исходя из той модели фракийского (раннегетского) культурогенеза, которая была предложена выше, а также опираясь на положение-аксиому о соответствии конкретной группы лепной керамики конкретной этнокультурной группе. Если, мы не признаем этой аксиомы, то тогда мы должны признать, что те десятилетия, которые были потрачены на реконструкцию глобальной модели эллинско-варварских отношений в Северном Причерноморье – потрачены впустую[1]. Тогда необходимо предложить иные критерии пространственно-хронологического позиционирования варваров, либо, что проще, вообще отрицать их всяческое присутствие в эллинской среде на периферии античного мира.

Источники формирования фракийской «диаспоры» в Нижнем Побужье это – дисперсные фрагменты среднегальштатского блока Днестровского-Карпатских земель плюс фракийское население Северной Добруджи в котором мы видим фактическое начало новой, гетской культурной традиции. В Нижнем Поднестровье фракийцы появляются лишь в позднеархаическую эпоху одновременно с возникновением Никония. Эта группа, вероятнее всего состояла из выходцев истрийской периферии. Во второй пол. VI в. начинается и широкое освоение хоры Нижнего

[1] Настойчивость с которой мы снова и снова акцентируем внимание на данном положении, может показаться навязчивой если учесть, что соответствие «лепная керамика – варвары» с 70-х гг. XX в. считается в научной литературе неким общим местом. Однако, в последнее время предпринимаются попытки реабилитации старой точки зрения (Буйских 2004), которая в несколько утрированной форме выражается следующей фразой: «не все лепное – варварское». Оказывается, существовала (и существует) целая научная школа, которая всегда противостояла панварваризму в этом вопросе, но, деятельность представителей этой школы, вероятно, протекала в какой-то скрытой форме, поскольку, до недавнего времени оставалась незамеченной.

Побужья. При этом, на возникающих друг за другом сельских поселениях стабильно фиксируется фракийская лепная керамика. Вряд ли можно думать, что такой территориальный охват был под силу дальним потомкам среднегальштатского населения лесостепной Молдавии, чьи предки обосновались в низовьях Ю. Буга сотню лет назад. Притом, что на протяжении этого столетия притока нового населения из опустевших фракийских областей, скорее всего либо не было вовсе, либо он носил весьма ограниченный характер на протяжении второй пол. VII в. – когда процесс рассеивания остатков среднегальштатского населения в Бессарабии завершился. Таким образом, речь должна идти об изолированном на протяжении трех поколений существовании в эллинской среде инокультурной группы. Почти очевидно, что в таких условиях и за такой период времени данная группа должна была максимально дезинтегрироваться как культурная, да и этническая общность. Между тем, на сельских поселениях второй пол. VI в. мы видим ярко выраженную фракийскую традицию, тяготеющую не столько к гальштатскому наследию, сколько к новым, раннегетским формам, поиски аналогий которым уводят нас в область компактного расселения фракийцев в этот период – Северную Добруджу.

Если за фракийским населением Нижнего Побужья в позднеархаическую эпоху (так же как и в Нижнем Поднестровье) видеть переселенцев из Добруджи, то тогда нужно искать какой-то новый, неизвестный доселе историко-политический сюжет во взаимоотношениях двух крупнейших полисов Северо-Западного Причерноморья – Ольвии и Истрии (Бруяко 2005б: 226, сн. 84). Ибо, как появление новой волны фракийцев в последней трети VI в. до н.э., так и их внезапное, полное исчезновение во второй чтв. V в. вряд ли можно объяснить сугубо демографическими процессами. О том, что этот сюжет мог развиваться только в рамках взаимоотношений между этими двумя полисами говорит достаточно ровная ситуация, наблюдаемая в Нижнем Поднестровье, где стабильность фракийской прослойки, по-видимому была обеспечена дочерним статусом Никония по отношению к Истрии.

Начавшаяся во второй пол. VI в. вялотекущая реконкиста фракийских земель Днестровско-Карпатского региона, медленно, но уверенно привела к тому, что весь этот объемный ландшафтно-географический резервуар к началу IV в. оказался заполненным гетами. Причем, плотность населения, судя по археологическим памятникам была такой, какой эти исконные фракийские земли никогда прежде не знали. Это «второе обретение родины» было лишь одним из направлений новой фракийской экспансии, которая в конечном счете привела к образованию «Гетики» – обширного этнокультурного ареала за которым это название закрепилось со времен выхода классического труда Василе Пырвана «Getica» (Pârvan 1926).

С этого момента, вопрос о географических источниках пополнения фракийской диаспоры в колонизационных анклавах Побужья и Поднестровья, надо думать, утрачивает актуальность. Нависающая над низовьями Тираса «Гетика» явно ощущала избыток населения. Некую интригу обещает лишь ответ на вопрос почему геты проникают в Нижнее Побужье так поздно – только от середины IV в. до н.э. Но, эта проблема требует отдельного исследования.

Образование «Гетики» совпадает с образованием классической Скифии. Одновременно, начинается и экономический расцвет античных полисов Северо-Западного Причерноморья. Все эти три мира упорядочены по отдельности. Сбалансированы и вполне предсказуемы взаимоотношения между ними. Однако, стабильность и упорядоченность структуры – предвестники ее скорой гибели (Ткачук 1996: 162).

Она и последует, с разной степенью обратимости, для всех трех участников уже в следующем, III столетии до н.э.

Однако, в IV в. еще все выглядит вполне безоблачно, хотя и отнюдь не идиллически если иметь ввиду те бурные события, о которых нам в частности говорят письменные источники. Благодаря им, целая плеяда исторических личностей явно оживляет историю Северо-Западного Причерноморья в IV – нач. III вв. до н.э. Поскольку в данном разделе речь идет в основном о фракийцах, то мы отметим лишь те события политической истории, которые прямо касаются истории гетов.

Без преувеличения важнейшей следует считать проблему взаимоотношений между скифами и гетами. Географическим полигоном отработки решения этой проблемы можно считать степные области Днестро-Дунайского междуречья (Буджакская степь).

Долгое время краеугольным камнем данной проблемы был вопрос об этнокультурной (или даже этнополитической) границе между скифским и фракийским (гетским) мирами. Эта граница в трудах различных исследователей постоянно перемещалась во времени и пространстве – от Нижнего Дуная в VI–V вв. до Нижнего Днестра в IV в. до н.э. В настоящее время, этот вопрос в значительной степени утратил свою актуальность. Появление гетов в низовьях Днестра в конце архаической эпохи, как мы предположили, не связано с расширением (экспансией) фракийского ареала, а было следствием колонизационного движения эллинов в ходе т.н. вторичной колонизации. Примерно сходную ситуацию мы наблюдаем и для IV в. до н.э. Фракийские элементы вполне самостоятельно проявляют себя лишь на левобережье Нижнего Дуная и в низовьях Днестра. Эти проявления выражаются либо в виде собственно фракийских поселений, либо в качестве одного из компонентов в зонах оседлости связанных опять-таки с жизнедеятельностью эллинов. Что касается непосредственно степных районов Днестро-Дунайского и Пруто-Днестровского междуречья (Буджакская степь), то здесь как в более раннюю, так и в позднюю эпохи мы не видим каких-либо следов долговременного присутствия гетов. Напротив, эта область на протяжении второй пол. VI – нач. III вв. с разной степенью интенсивности была вполне освоена скифами. Мало того, время от времени номады вполне уверенно чувствуют себя и на такой, казалось бы, исконной фракийской территории как Северная Добруджа. В конце VII–VI вв. до н.э. здесь существует какой-то очаг раннескифской культуры представленный памятниками типа Челик-Дере. Для IV в. мы можем оперировать уже не только археологическими, но и письменными источниками, которые буквально в один голос говорят нам о районе Добруджи, как о зоне исключительных интересов скифской орды под предводительством Атея.

Решение же вопроса о границе между скифами и гетами, если его непременно нужно вынести, заключается в том, что в самом общем смысле таковой нужно считать нижнее течение Дуная. Этот рубеж исторически, на протяжении тысячелетий являлся границей между миром степей, к которому принадлежали скифы и земледельческим миром Балкан, к которым мы относим и фракийскую культуру. Поскольку границы политические никогда не совпадают с границами этнокультурными, то и ставить вопрос о некой политической (административной) демаркационной линии, в данном случае некорректно. Тем более, что ни скифы, ни геты так и не создали самостоятельных политических (государственных) объединений. Поэтому, лучше говорить о периодическом расширении (экспансии) того или иного

культурного ареала. Именно это мы и наблюдаем во взаимоотношениях между скифами и гетами охватывавшими период с VI по IV вв. до н.э.

В VI в. фракийцы Добруджи еще только готовятся к «прыжку» на север, в районы Днестровско-Карпатских земель, которые, как мы видели представляют собой в это время весьма слабо заселенную область. Скифы очень эпизодически наведываются в степную область между Днестром и Дунаем. К IV в. геты, продвинувшись на север вдоль Прута, заполняют обширный, давно и хорошо знакомый их предкам ареал между Днестром и Карпатами. В этом случае, границей между двумя культурными ареалами становится линия разделяющая степную и лесостепную ландшафтные зоны. Ни в одном, ни в другом случаях, Буджакская степь не выступала в качестве пресловутой скифо-фракийской контактной зоны. Процесс взаимодействия этих двух культур активно мог происходить в Нижнем Поднестровье и в низовьях Дуная. Причем, в последнем регионе, это, вероятно, было настолько явным, что дало повод античным авторам говорить о какой-то форме микшированности двух этносов (подр. см. Андрух 2000)[1].

Пожалуй, лишь для V в. можно говорить о некоем административно-политическом статусе дунайского рубежа исходя, прежде всего из данных античной литературной традиции. Чуть было не разразившийся военный конфликт между скифами и фракийцами из-за Скила, этого неудачливого «западника» царских кровей, вполне дипломатично был разрешен именно на берегу Нижнего Дуная. Но, складывается впечатление, что граница Одрисского царства, установленная по Дунаю, выступала еще и как прикрытие для гетов, начавших вскоре после этого стремительное освоение Карпато-Днестровских земель.

Последним, безусловно, героическим актом в истории гетов был поход Лисимаха против весьма загадочного «царства» Дромихета. Если хронология этой экспедиции, благодаря подробному жизнеописанию Лисимаха достаточно точна – 90-е гг. III в. – то локализация этого «царства» все еще вызывает споры.

Днестровско-Карпатская «Гетика» распадается практически синхронно со «Скифией». Быть может чуть позже, если опять-таки учитывать хронологию гето-македонского конфликта. Начало этого распада было вызвано воздействием внешнего фактора в лице кельтов (галатов). Необратимый характер он приобрел позднее – в третьей чтв. III в., когда практически весь ареал гетской культуры к востоку от Карпат был наводнен племенами бастарнов. Возможно, как показывают материалы городища Новосельское II, какие-то, серьезно видоизменившиеся фрагменты гетского культурного блока сохраняются на периферии «Гетики» и во II в. до н.э. Однако, дальнейшая история северных фракийцев, связана уже с другой культурой и другим этнонимом – даками.

---

[1] Из отрывка у Аполлония Родосского неясно, впрочем, должна ли идти речь об этнокультурной метисации или только о чересполосном проживании скифов и фракийцев на одной территории (Бруяко 2005–2009: 357).

ОЧЕРК ИСТОРИИ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Северное побережье Черного моря представлялось для древних греков краем ойкумены. Бескрайние просторы Понта Эвксинского, практически лишенного островов, холодный по сравнению с Грецией климат – все это повлияло, вероятно, на то, что освоение этих местностей началось довольно поздно по сравнению со Средиземноморьем. Хотя, несомненно, сведения об этой территории относятся к более раннему времени, что нашло отражение в мифах, гомеровском эпосе, где в частности в «Одиссее» упоминается «город людей киммерийских» (Od. XI, 12–19).

Со второй половины VII в. до н.э. с основанием Истрии и Борисфена, как бы замкнувших границы Северо-Западного Причерноморья, начинается греческая колонизация региона, достигшая своего апогея в VI в. до н.э. Причины имманентного характера, крывшиеся в экономических, политических, социальных условиях эллинского общества послужили толчком к освоению новых территорий. На северо-западе Понта образуются крупные агломерации городов и поселений, концентрирующихся в устьях больших рек – Истра, Тираса, Гипаниса, возникает святилище на острове Левке. Наконец, на рубеже V–IV – первой половине IV в. до н.э. на морском побережье, расположенном между этими реками появляется еще ряд поселений.

Первые письменные сведения о заселении северо-запада Понта относятся к VII в. до н.э. Так, Гесиод (Hes. Theog., 337–339) упоминает реку Истр (Дунай), Арктин (Arctin. Aetop. Ap. Procl Chrest. II), Алкей (Alc. Fr. 48 B) – остров Левке (Змеиный), а Евсевий (Euseb. Chron.Can. p. 95 b, Helm) – Борисфен (Днепр и поселение Березань).

Древнейшее свидетельство о Тирасе (Днестре) появляется только в середине V в. до н.э. и принадлежит Геродоту (Herod. IV, 51), который писал, что у устья Тираса живут греки, «называемые тиритами». Другие, более поздние авторы, такие как псевдо-Скилак (ps. – Scyl. 68), псевдо-Скимн (ps. – Scymn 798–803), Страбон (Strabo VII, 3, 16), Птолемей (Ptol. Geogr., III, 10, 7, 8), называют уже конкретные населенные пункты: Офиуссу, Тиру, Никоний, деревню Гермонакта, башню Неоптолема, Фиску. Об этих поселениях и самой реке в том или ином контексте имеются указания у многих других ученых и писателей: Овидия (Ovid. Ex Ponto, 4, 10, 45–50), Помпония Мелы (Pomp. Mela Chorog. II, 7), Валерия Флакка (Val. Flac. Arg., IV, 711–720), Плиния (Plin. NH, IV, 82, 93), псевдо-Арриана (ps.-Arr. Peripl., 87–89), Александра Полигистора (Alex. Polyh. Pont., Fr. 37–38), Стефана Византийского (Steph. Byz. Ethn.), Гесихия (Hesych.), Геродиана (Herodian II, 56, II; IV, 99, 7). Река Тира, как место важных военных действий, связанных с противостоянием Римской империи и варварских племен, фигурирует у Аммиана Марцелина (Amm. Marc. XX, 8, 41, XXXI, 3, 2–8), Зосима (Zoc. 1, 42), Иордана (Get. III, 30, 35). Анонимному космографу (Anon. Raven. IV, 5; 5, 11) известен один из пунктов римской военной дороги к северным берегам Понта под названием «Фира» или «Тира». В таком же качестве она изображена в итинерарии (дорожном указателе) из Дура – Европос (Охотников 2000: 46).

Об острове Левке и святилище на нем в той или иной связи упоминали: (Pind Nem., IV, 48–50; ps.-Scyl. 68; Aristot. Epith., 5; Antig. Car., CXXII (134); Nicandr. fr. 58; Strabo II, 5, 22; VII, 3, 16; Plin. NH, IV, 83, 93; Pomp. Mela Chorog. II, 98; III, 108; Dion. Perieg. 541–553; Paus. III, 19, 11; Ptol. Geogr., III, 10, 8; Philostr. Heroic., XIX, 16, 18, 20; Clem. Rom. Recogn., X, 25; Hom. VI, XXII; Amm. Marc. Res gestae, XXII, 8, 35; Avien. Descript. orb. 720–733; ps.-Arr. Peripl., 90–92 (32–34); Prisc. Perieg., 356, 557; Steph. Byz. s.v. Αχιλλειος δρομος; Eurip. Andr., 1260–1262; Hesych. Lex. s.v. Alex.; Lycophr. Alex., 186–201; Max. Tyr. Philosoph., XV, 7; Dion Chrys. Or., XXXVI; Conon XVIII, 18; Ovid. Ibis, 329; ps. Scymn. 785–796; Appollod. Epitom., V, 5; Solinus. Collectanea rerum memorabilium, XIX, 1; Mart. Capel.VI, 663). Известны схолии и комментарии к ним (Schol. ad Pind. Nem., IV, 79; Schol. ad Eurip. Andr., 1260, 1262; Schol. ad Dion. Perieg., 541; Comment. ad Dion.Perieg., 306; Eustath., Schol. ad Dion. Perieg., 306–541; Tzetzes, Comment. ad Lycophr. Cass., 186–188; Schol. ad Lycophr. Alex., 186; Chrest ad Strabo. VII, 3, 16).

О памятниках на морском побережье от Тираса до Асиака (Тилигула) писали: Плиний Младший (Plin. NH, IV, 82); псевдо-Арриан (ps.-Arr. Peripl, 87 [31–32]); Помпоний Мела (Pomp. Mela Chorog, II, 7); Птолемей (Ptol. Geogr., III, 5, 14).

Территория, где располагались все эти античные памятники, входила в состав Великой Скифии (см. главу «Скифские древности»).

Именно скифы были первым варварским народом в степях Причерноморья, с которыми греки вступали в контакты: политические, экономические, этнические.

Сложившееся здесь взаимодействие двух типов культур имело с момента зарождения обоюдостороннюю направленность. Контакты и конфликты греческого варварского обществ были основной движущей силой, определяющей ход исторических событий в Северо-Западном Причерноморье. Несмотря на мощное воздействие античной цивилизации политическая и экономическая обстановка в регионе диктовалась, в известной степени, скифским государством. Так, не исключено существование протектората скифов над Ольвией и Никонием в начале V в. до н.э. Расцвет эллинских полисов и усиление царства Атея в IV в. до н.э. происходило практически синхронно, а ослабление скифской державы, сокращение ее территории и ухудшение экономического положения античных городов во второй половине – III – начале II вв. до н.э. также совпали по времени. После этого начинается новый этап развития античной цивилизации, связанной с влиянием Римской империи.

Систематизация результатов исследований Северо-Западного Причерноморья этого времени составляет известные трудности. Несмотря на общность происхождения, памятники настолько отличаются друг от друга, что представить их обобщенную характеристику практически невозможно. Различна также степень их изученности, состояние источниковедческой базы. Вызывает сложность и определение территориальных рамок данного обзора, поскольку границы античных государств и варварских образований не были стабильны и менялись в тот или иной хронологический период.

И все же, признавая историко-географическое единство этого региона, на что уже неоднократно обращалось внимание исследователей (Шелов 1967: 219–224; Брашинский 1970: 129–138; Русяева 1979: 3–18; Марченко 1993: 49–50; Охотников 1990а: 73–74; Охотников 1995: 120–124; Виноградов 1995: 5–56), в данную главу не включены Истрия и Ольвия с их близлежащими округами, поскольку по ним уже имеются многочисленные обобщающие труды (Крыжицкий, Русяева, Крапивина, Лейпунская, Скржинская, Анохин 1999; Opperman 2004).

Теми же обстоятельствами продиктовано и структурное разделение наиболее значительных памятников: Левке, Тира, Никоний, группы поселений и погребений Нижнего Поднестровья, морского побережья – от Одесского залива до Тилигула и укрепления римского времени Картал-Орловка (рис. 110).

В истории городов-государств Северного Причерноморья можно проследить несколько больших периодов.

На самом раннем этапе, о котором уже говорилось, в VII – начале V в. до н.э. происходит становление поселений, формируется их политический строй. Большинство колоний конституировались как самостоятельные демократические республики, имеющие Народное собрание, Совет, ряд магистратур или коллегий. Несмотря на то, что во всех городах основным типом жилища («домом колониста») являлись заглубленные в грунт землянки и полуземлянки, в середине V в. до н.э. начинается формирование урбанистической системы. Строятся храмы, другие общественные сооружения, возводятся башни, улицы располагаются в «гипподамовой системе», а в центрах появляются священные участки и агора, как, например в Ольвии, на Левке начинает функционировать святилище Ахилла.

Во второй половине VI в. до н.э. наблюдается самый мощный всплеск колонизационного движения из Ионии, в первую очередь, Милета. Милет был крупнейшей метрополией Греции, основавшей большинство городов в Северном Причерноморье. До 494 г. до н.э. (время его разрушения персами) возникли Тира, Никоний на Днестровском лимане, Керкинитида, поселение на месте будущего Херсонеса в Крыму, но самое главное, эти города стали обладать обширной сельскохозяйственной округой. Так, в окрестностях Ольвии насчитывается свыше сотни сельских поселений. Но они просуществовали недолго. В конце первой трети V в. до н.э. практически все они исчезают, а в Никонии и Ольвии возводятся крепостные стены. Вероятно, это было связано с изменившейся исторической обстановкой. Скифы, судя по некоторым данным, устанавливают протекторат над этими городами. Об этом, правда, косвенно, свидетельствует сообщение Геродота о посещении царем скифов Скилом Ольвии (Herod. IV, 78–80), но, самое главное, чеканка монет с его именем в Никонии (Загинайло, Карышковский 1990). Геродот писал, что Скил родился от брака скифского царя Ариапифа с гречанкой из города Истрии. Он был поклонником греческой культуры и религии, за что впоследствии его настигла кара соплеменников. Но первоначально он осуществлял вслед за своим отцом протекторат над апойкиями Северо-Западного Причерноморья. Это неудивительно. После победы скифов над персидским войском Дария I в конце VI в. до н.э. (между 519 и 507 гг. до н.э. по разным источникам) они стали контролировать не только степи Причерноморья, но и политическую жизнь в эллинских городах – колониях. Конечно, это не значит, что последние полностью утратили свою автономию и государственный аппарат. В Ольвии, например, как считают, установился режим правления в виде тирании, наиболее совместимый с характером варварского влияния. Вполне вероятно, что такое же политическое устройство сложилось и в Никонии. Совпадение интересов скифской верхушки и греческой аристократии нашло отражение в выпуске названных монет. Хотя эмиссия шла от имени скифского царя, но в изображении присутствует сова – символ Афин. Все это может свидетельствовать об авторитете, который приобрели Афины в Северном Причерноморье после побед над персами в 490 и 480/79 гг. до н.э.

Расцвет экономики городов был связан, в первую очередь, с вывозом хлеба, особенно с Боспора, где в 438–477 гг. до н.э. некто Спарток отстранил от власти

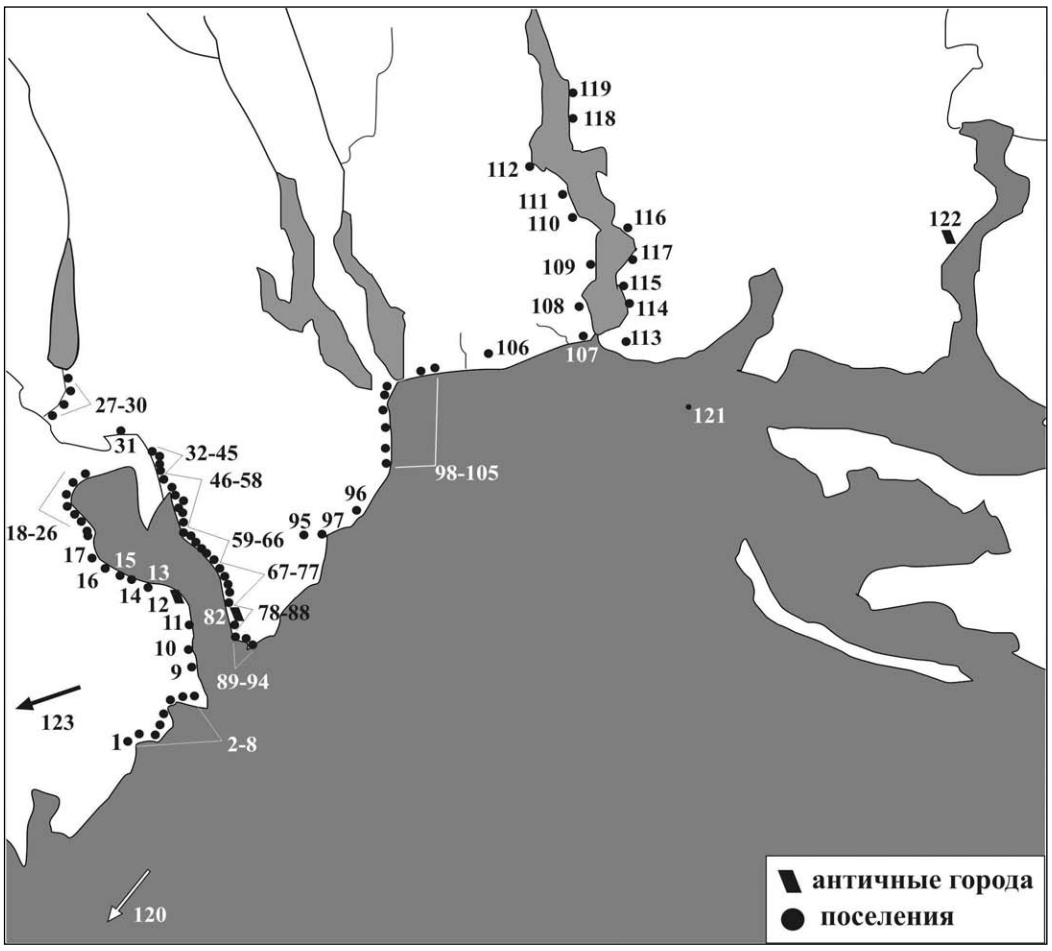


Рис. 110. Карта памятников VI вв. до н.э. – III в. н.э.

1 – Косовка; 2 – Чабанское II; 3 – Чабанское III; 4 – Чабанское I; 5 – Сергеевка; 6 – Беленькое I; 7 – Беленькое II; 8 – Затока I; 9 – Шабо I; 10 – Шабо II; 11 – Салганы; 12 – Тира; 13 – Переможное; 14 – Сухолужье; 15 – Молога III; 16 – Молога II; 17 – Пивденное I; 18 – Пивденное II; 19 – Семеновка II; 20 – Семеновка I; 21 – Веселое I; 22 – Веселое II; 23 – Веселое III; 24 – Красная Коса II; 25 – Красная Коса I; 26 – Удобное; 27 – Граденицы I; 28 – Граденицы III; 29 – Троицкое III; 30 – Троицкое II; 31 – Беляевка IV; 32 – Беляевка V; 33 – Беляевка II; 34 – Беляевка III; 35 – Беляевка I; 36 – Беляевка VI; 37 – Беляека VII; 38 – Маяки IV; 39 – Маяки III; 40 – Маяки V; 41 – Маяки VI; 42 – Маяки I; 43 – Маяки II; 44 – Маяки VII; 45 – Маяки VIII; 46 – Надлиманское XI; 47 – Надлиманское III; 48 – Надлиманское X; 49 – Надлиманское II; 50 – Надлиманское I; 51 – Надлиманское. Городище; 52 – Надлиманское V; 53 – Надлиманское IV; 54 – Надлиманское VII; 55 – Надлиманское. Могильник; 56 – Надлиманское VI; 57 – Надлиманское VIII; 58 – Надлиманское IX; 59 – Николаевка II; 60 – Николаевка III; 61 – Николаевка IV; 62 – Николаевка V; 63 – Николаевка I; 64 – Николаевка I. Могильник; 65 – Николаевка VI; 66 – Николаевка VII; 67 – Овидиополь II; 68 – Овидиополь III; 69 – Овидиополь I; 70 – Овидиополь IV; 71 – Овидиополь V; 72 – Овидиополь VI; 73 – Овидиополь VII; 74 – Овидиополь VIII; 75 – Овидиополь IX; 76 – Овидиополь X; 77 – Овидиополь XI; 78 – Роксоланы X; 79 – Роксоланы IX; 80 – Роксоланы VIII; 81 – Роксоланы VII; 82 – Никоний; 83 – Роксоланы VI; 84 – Роксоланы V; 85 – Роксоланы IV; 86 – Роксоланы III; 87 – Роксоланы II; 88 – Роксоланы I; 89 – Бугаз VI; 90 – Бугаз V; 91 – Бугаз IV; 92 – Бугаз III; 93 – Бугаз II; 94 – Бугаз I; 95 – Сухой Лиман; 96 – Черноморка I; 97 – Черноморка II; 98 – Приморский бульвар; 99 – Жевахова Гора; 100 – Шкодова Гора; 101 – Лузановка; 102 – Слободка; 103 – Кривая Балка; 104 – Крыжановка; 105 – Н. Дофиновка; 106 – Григорьевка; 107 – Кошары I. Городище; 108 – Кошары II. Могильник; 109 – Тишковка I; 110 – Марьяновка; 111 – Калиновка II; 112 – Калиновка I; 113 – Карабаш; 114 – Коблево I; 115 – Ленинка; 116 – Червона Украина II; 117 – Коса; 118 – Ташино III; 119 – Люблино; 120 – Левке; 121 – Березань (Борисфен); 122 – Ольвия, 123 – Орловка (Картал)

династию Археанактидов. Его власть носила характер наследственной монархии. В других полисах сохранялось демократическое правление.

Выгоду от зерновой торговли с Северным Причерноморьем начинают понимать и в метрополиях, Афинах, в частности. В 437 г. до н.э. на Понт направляется эскадра Перикла и многие города, вероятно и Тира и Никоний, попадают в состав Афинской архэ (Карышковский, Клейман 1985: 45).

В первой половине IV в. до н.э. начинается новый экономический подъем античных городов, ставший особенно заметным после походов полководца Александра Македонского – Зопириона в 331 г. до н.э. против скифов и Ольвии.

Начались радикальные перемены в строительной деятельности. В округе Тиры, Никония, на морском побережье увеличивается число сельских поселений. Это был период наивысшего расцвета полисов. В сферу их влияния попадают и окружающие варварские племена – скифы, фракийцы. Происходит их сильная эллинизация, начавшаяся еще во времена Геродота, писавшего об эллиноскифах (Herod. IV, 17), а в более поздних источниках упоминаются «миксэллины» (IOSPE^2 № 32; Виноградов 1989).

Весьма вырос объем торговых связей с другими районами античного мира – Афинами, Гераклеей, Синопой, Фасосом, городами Малой Азии.

Религия и культура этого времени также были по преимуществу эллинскими, что, впрочем, сохранялось до первых веков н.э. Поклонялись традиционным богам: Аполлону, Деметре, Зевсу и т.д., но в Херсонесе особым почитанием пользовалась богиня Дева, близкая Артемиде, а в Ольвии – герой «Илиады» – Ахилл.

Значительного развития достигли: монументальное искусство, скульптура, художественное ремесло.

Однако, в первой половине – середине III вв. до н.э. полисы на севере Понта вступают в эпоху кризиса, о чем свидетельствуют не просто археологические материалы, но и данные эпиграфики из этих городов, в частности декрет Автокла из Тиры (Виноградов 1999: 50–71), декреты Антестерия и Протогена из Ольвии (Виноградов 1989). Скифы, а несколько позднее сарматы, активно атакуют и Херсонес. В конечном итоге Ольвия попадает, по сути, под власть царя скифов Скилура, Херсонес потерял все свои владения. Видимо, та же участь постигла Никоний и Тиру. Пантикапей, хоть и держался благодаря торговле хлебом с Аттикой, также постепенно приходит в упадок.

Конец II – начало I в. до н.э. очень слабо освещены разными источниками. Но, очевидно, что все города нынешнего юга Украины попавшие в сложную военно-политическую и экономическую ситуацию вынуждены, были искать покровительства на стороне. Им оказалось Понтийское царство во главе с Митридатом VI Евпатором, оказавшим военную помощь Тире и Ольвии, и при помощи нескольких удачных походов его полководца Диофанта против скифов, спасшим Херсонес. Но дальнейшие поражения от становившегося здесь все более грозного Рима и предательство его сына Фарнака оставили в его руках только Боспор, где он и покончил с собой. К тому же, в середине I в. до н.э. Тира и Ольвия подверглись нападению гетов во главе с Буребистой, и жизнь в этих городах надолго замирает (Dio Chrys. Or., XXXVI, 11, 48).

Продвижение на территорию Северного Причерноморья Римской империи поставило античные города под ее зависимость, но, в то же время, способствовало возрождению их экономики и общему подъему культуры. Вокруг городов (Ольвии, Тиры) возникает ряд сельских поселений. Их экономика базировалась не только на

сельском хозяйстве. Высокого уровня достигают ремесла, промыслы, засолка рыбы, виноделие. Прослеживается многочисленные связи с различными регионами античного мира вплоть до Италии.

Первоначально – на рубеже эр, основные интересы Рима аккумулировались на Боспоре, но с I в. н.э. его интересы сосредоточились в междуречье Дуная и Днестра, и постепенно власть императора распространилась на Тиру, Ольвию, Херсонес. В правление Нерона (54–68 гг. н.э.) наместник провинции Мезия Т. Плавтий Сильван Элиан оказал последнему городу военную помощь (Зубарь 1994: 26–29), а Тире были дарованы права внутреннего самоуправления и освобождение от пошлин.

На Дунае укрепляется лимес, появляются мощные города-крепости: Эгисс, Новиодунум, бывшие базами для римских легионов и флота. Вексиляции V Македонского, XI Клавдиева, I Италийского, Мезийской Флавиевой эскадры сосредотачивались в Тире, на Левке и в укреплении у с. Орловка (Картал), предполагаемом Алиобриксе (Бондарь 1973: 144–159; Bujskih 1994).

Политика Рима в отношении городов севера Понта менялась. Этому способствовало наступление сарматов, доходивших до Дуная. И уже в правление Траяна (98–117 гг. н.э.) и Адриана (117–138 гг. н.э.) империя переходит к стратегической обороне своих границ и значение местных античных городов увеличивается.

Это время (II–III вв. н.э.) достаточно полно представлено археологическим материалом: краснолаковой керамикой, стеклянными сосудами, светильниками, эпиграфическим материалом.

При Септимии Севере (193–211 гг. н.э.) в сфере влияния Рима по-прежнему оставались Тира, Ольвия, Херсонес, Боспор, которые рассматривались как форпосты на далеких подступах к границам империи. Политика по отношению к античным городам отличалась своеобразием. Они получали многие привилегии, как это отмечено, в известном рескрипте 202 г. н.э. по отношению к Тире (IOSPE I^2 № 4). В 214 г. н.э. в окрестностях того же города были разбиты карпы – одно из варварских племен (Бруяко, Росохацкий 1990: 22–28). Благодаря поддержке Рима античные полисы продолжали существовать в условиях враждебного окружения, и сохраняли основы эллинской цивилизации – искусство, религию, хотя отдельные моменты свидетельствуют о проникновении варварского влияния. К тому же, практически не вмешиваясь во внутреннюю жизнь полисов, Рим поддерживал зажиточные слои населения, позволял последним вступать в ряды собственных граждан и тем самым все же влиять на политику полисов. Эта сложная обстановка постепенно приводила к упадку собственно античной духовной культуры и распространению синкретических культов, шедших с Востока – Изиды, Сераписа, Митры.

Решающим моментом в истории региона стали так называемые «готские» войны середины – второй половины III в. н.э. Под постоянным варварским натиском Рим выводит свои войска из Тиры, Ольвии, Херсонеса. Единственным его надежным союзником с конца III в. н.э. стал только Херсонес, и, частично, Пантикапей. После гуннского нашествия в IV в. н.э. Тира и Ольвия исчезают с лица земли. Боспор и Херсонес в разных ипостасях сохранились в составе Восточной Римской империи. Но новые влияния, шедшие из Византии привели к распространению христианства, начавшемуся еще с III в. н.э. и окончательно закрепившемуся уже при Юстиниане (527–565 гг. н.э.).

Так заканчивается античный период в истории полисов Северного Причерноморья, продолжавшегося более 1000 лет. Эти города-государства являлись неотъем-

лемой частью культуры средиземноморских цивилизаций Греции и Рима. Они восприняли все их достижения во многих областях знаний, литературе, религии и других областях духовной культуры. Они строили такие же города как в Элладе, использовали прекрасные расписные вазы. Не только привозили сюда скульптуры таких мастеров, как Пракситель, но и создавали свои собственные. Имена местных ученых, таких как Сириск из Херсонеса, Дионисий из Ольвии, Бион Борисфенит, Сфер из Боспора и других имели широкую известность в античном мире.

Север Понта упоминается в произведениях многих историков, географов, писателей: Гекатея, Алкея, Эсхила, Софокла, Демосфена, Геродота, Полибия, Диодора, Страбона, Плиния и многих, многих других.

Тесные связи сначала с эллинским миром, а потом Римом способствовали включению этой территории во всемирно-исторический процесс. Несмотря на их расположение вдалеке от основных центров Средиземноморья местные полисы способствовали объективно ускорению социально-политического развития в этом регионе, знакомству многих племен, обитавших здесь с лучшими достижениями античных цивилизаций.

Античные культурные традиции легли в основу духовной культуры многих народов Европы, в том числе Украины, на юге которой и находились эти города.

ТИРА
(конец VI в. до н.э. – IV в. н.э.)

На протяжении всего античного периода Тира была самым крупным античным центром в степной зоне между Тилигулом и Дунаем, определяя во многом путь развития этого региона. Остатки античного города Тиры находятся на правом берегу Днестровского лимана, на территории современного города Белгород-Днестровского Одесской области (рис. 111). В период основания города лимана еще не было, а река Днестр впадала в море двумя рукавами.

В связи с тем, что остатки античной Тиры находятся на территории современного города, они очень пострадали от деятельности людей. Кроме того, Нижний город и порт, были практически уничтожены естественной эрозией берегов лимана. Исследования античного города выявили, что его северо-западный район располагается под Гарнизонным и, возможно, частично и под Гражданским двором средневековой Аккерманской (Белгород-Днестровской) крепости. Юго-западная часть Тиры находится на прикрепостной площади и частично перекрыта постройками современного города. Таким образом, площадь сохранившейся части античного города не превышает 8–9 га, а его полная территория могла занимать не более 22 га (Крыжицкий 1997: 61–62). Еще более пострадал некрополь Тиры. При строительстве города в XIX в. неоднократно находили склепы и захоронения, сопровождавшиеся античными материалами, которые почти полностью утеряны.

История исследования. Античная Тира впервые привлекла внимание историков в начале XIX в., после того, как земли междуречья Дуная и Днестра вместе с крепостью Аккерман вошли в состав Российской империи. Тогда на территории крепости и прилегающих к ней кварталов были зафиксированы многочисленные находки античных и средневековых раритетов. Это позволило предположить, что здесь было крупное античное поселение, которое могло быть соотнесено с древним городом Тирой (Мурзакевич 1844; 1853; Стемпковский 1826: 19–23; Струве 1867; Юргевич 1883).

В 1846 г. на левом берегу Днестра у с. Коротное обнаружена мраморная плита с вырезанными на ней надписями на латинском и греческом языках. Первый издатель и переводчик надписи П.В. Беккер локализовал Тиру на месте Аккермана (Беккер 1849: 1–22; 1850: 416–469). С этой точкой зрения не согласился Ф.К. Брун. Он считал, что город находился именно на месте находки надписи – у с. Коротное (Брун 1853: 49–54). В течение XIX в. формировались коллекции, содержавшие нумизматические и иные материалы из Аккермана. Только в конце XIX – начале XX вв. были осуществлены первые, очень небольшие археологические раскопки, проведенные профессором Новороссийского университета Э.Р. фон Штерном, поставившим точку в дискуссии по поводу местоположения античной Тиры, четко локализовав ее на территории Аккермана (Штерн 1901; 1913).

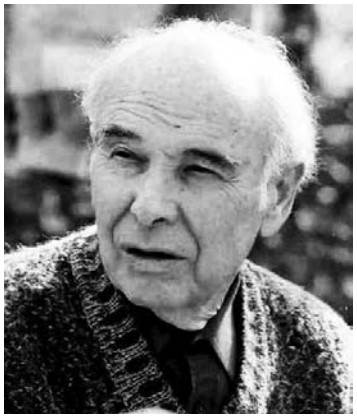
Раскопки Тиры были возобновлены в 20-е гг. XX в. известным румынским археологом П. Никореску. Им были проведены исследования как на прикрепостной площади, так и на территории средневековой крепости, где были обнаружены античные строительные объекты (Nicorescu 1924; 1933; 1937; 1944). В 1927–1930 гг. раскопки продолжил знаток и собиратель древностей Г. Авакян,

Фурманская
Адель Исааковна
(1916–1964)

сосредоточивший свое внимание на участке крепости возле средневековой цитадели (Avakian 1924; 1925; 1927; 1931). В это же время советские исследователи продолжали изучать историю Тиры в общем контексте истории Северного Причерноморья (Граков 1939; Дьяков 1940; Зограф 1925; 1940).

Новый этап в исследовании Тиры начался уже после окончания Отечественной войны 1941–1945 гг. благодаря работам археологических экспедиций Института археологии АН УССР под руководством Л.Д. Дмитрова и А.И. Фурманской. На прикрепостной площади к востоку от главных ворот средневековой крепости был заложен большой раскоп, получивший название Центрального Раскопа (далее ЦР). Были открыты остатки домов античного периода, улица, производственные, гончарные и металлургические печи (Дмитров 1949; 1952; 1955; Фурманская, Максимов 1955; Фурманская 1957; 1962), написаны работы, посвященные различным сторонам жизни этого античного центра (Златковская 1951; 1959; Зограф 1957; Карышковский 1959; 1960; 1960а; Семенов-Зусер 1946; Фурманская 1960; 1960а; 1963; 1965; Шелов 1962).

Крыжицкий
Сергей Дмитриевич



Клейман
Исаак Бенционович
(1921–2012)

В 60–70-е гг. экспедицией под руководством С.Д. Крыжицкого, а затем И.Б. Клеймана была открыта античная система оборонительных сооружений, выявлены римские и позднеантичные строительные остатки. Это позволило изменить бытовавшие ранее представления о времени прекращения жизни античной Тиры в III в. н.э. и отодвинуть его к концу третьей четверти IV в. (Карышковский, Клейман 1985: 138–139; Кравченко, Корпусова 1975; Крижицький, Клейман 1978; 1979). Результаты исследований этих лет были опубликованы в ряде работ (Карышковский 1959; 1971; 1979; 1980; Клейман 1971; 1979; Карышковский, Клейман 1985; Крижицький, Клейман 1972; 1978; Крыжицкий, Клейман 1979; Самойлова 1988; Сон 1993).

С 1996 г. работы проводит Белгород-Тирская экспедиция Института археологии НАН Украины под руководством Т.Л. Самойловой. Были открыты новые участки оборонительных стен, пятиугольная башня, постройки эллинистического, римского и позднеантичного времени (Tyras-Chetatea Alba 2002).

Как любой античный город Тира имела свою хору, но во второй половине XIX и XX вв. западный берег Днестровского лимана был почти полностью застроен, что

Тира-Белгород, 1963 г. Крайний справа – М.С. Синицын. Слева первый – Дж. Хайнд, второй – И.Б. Клейман, третья – К.М. Колобова. Из архива И.Б. Клеймана

явилось препятствием планомерного изучения сельской округи и наши представления о ней носят достаточно отрывочный характер.

Античные письменные источники о Тире. Северо-Западное Причерноморье было известно грекам задолго до основания на реке Тирас (Днестре) эллинских апойкий. Клавдий Птолемей (Ptol. Geogr. III. 5, 8; III, 10, 7) и другие античные авторы упоминают Тиру, как город, носивший одно имя с рекой, на которой он расположен. Более того, Плиний, называя Тиру, добавляет, что город этот раньше носил другое название – Офиусса. Римский поэт Валерий Флакк, живший в I в. до н.э. и упоминавший реку Тирас и город Офиуссу в своей поэме «Аргонавты» (Arg. IV. 711–724; Val. Fl. VI. 84–85), знал, судя по всему, не только современные ему источники, но значительно более древние сочинения. Некоторые сведения о Нижнем Поднестровье и Тире содержат и периплы. В одном из них, приписываемом Скилаку Кариандскому, имеется краткое описание Нижнего Поднестровья: «Скифия. Тавры. За Фракией живут скифы, у них такие греческие города (полисы): река Тирис, полис Никоний, полис Офиусса» (ps. Skyl. 68). Таким образом, античный город имел два имени: первоначально он назывался Офиусса, затем Тира или Тирас. Второе имя города было созвучно употребляемому в античных письменных источниках древнему названию реки Днестр – Тирас. Его связывают со словом иранского происхождения «tuer» – «tur» – «вертеть», «кружить», «вращать» и комментируют как эпитет реки – «tura» – «стремительная», «быстрая» (Абаев 1949: 185). В античных источниках написания названий города и реки полностью совпа-

дают (греческие названия ΤΥΡΑΣ – ΤΥΡΑ и латинские Tyras – Tyra). Следует отметить, что уже к IV в. до н.э. город не носил имя Офиусса. Во всех эпиграфических и нумизматических источниках, самые ранние из которых датируются IV в. до н.э., употребляется только имя Тира. Река Тирас и город Тира были известны многим античным географам IV–I вв. до н.э., труды которых не сохранились. Мы знаем о них только, благодаря цитатам в работах более поздних авторов: Страбона, Плиния, в «Землеописании», ошибочно приписанном Скимну Хиосскому, и некоторых других. Особенно ценны сведения, содержащиеся в труде псевдо-Скимна: «Река Тира, глубокая и обильная пастбищами, доставляет купцам торговлю рыбой и безопасное плавание для грузовых судов. На ней лежит и соименный реке город Тира, основанный милетянами» (ps. Scymn. 798–803). Упоминает об Офиуссе и Страбон в своей «Географии» (Strabo. VII. 7, 8, 10). Правда, этот пассаж древнего автора из-за определенной противоречивости по-разному толкуется исследователями. Неточности и противоречия в древних источниках привели к довольно бурной дискуссии о местоположении и названиях древней Тиры.

Некоторые сведения о Тире содержатся в «Географии» Клавдия Птолемея. Он называет три города: Тиру, Офиуссу и Никоний, причем он их располагает не на Днестре, а на территории между реками Гиерас (современная река Прут или Серет) и Тирас (Ptol. Geogr. III. 5, 6; 10, 6, 8). Скорее всего, ученый, используя разные источники, не понял, что Офиусса это первоначальное название Тиры.

Таким образом, сведения древних авторов относительно Тиры-Офиуссы можно объединить в 4 группы: 1) Офиусса – это первоначальное название Тиры (Плиний, Стефан Византийский); 2) Офиусса и Тира – два различных города Нижнего Поднестровья, существовавшие одновременно (Птолемей); 3) известна только Офиусса (псевдо-Скилак, с оговорками Страбон); 4) упоминается только Тира (Помпоний Мела, псевдо-Арриан, псевдо-Скимн). Соответственно взгляды исследователей разделились на две группы: 1) Тира и Офиусса – один и тот же город, а Офиусса – его первоначальное название (Зограф 1957а; Карышковский 1966; Самойлова 1988; Скржинская 1977); 2) Тира и Офиусса – два разных населенных пункта (Агбунов 1979; Златковская 1959).

Следует отметить еще один источник, содержащий имя Тира. Это список денежных взносов (форосов), которые вносили союзники Афин в общую казну для покрытия военных расходов, датируемый 425–424 гг. до н.э. (Карышковский 1959: 111). На плите, содержавшей документ, можно прочесть буквы ΤΤ ΤΥ... и ΧΧ ΝΙΚ.., которые восстанавливаются как ΤΥΡΑΣ (Тира) и ΝΙΚΟΝΙΑ (Никоний), что может свидетельствовать в пользу того, что уже в третьей четверти V в. до н.э. город носил название Тира.

Основание Тиры и основные этапы ее истории. Время основания Тиры не может быть установлено с полной уверенностью. Это связано как с отсутствием письменных свидетельств, так и с тем, что неперемещенные слои и объекты первого этапа жизни города пока не обнаружены. Представляется несомненным факт основания этой апойкии в рамках Великой колонизации VIII–VI вв. до н.э.

В VII–VI вв. до н.э. степные пространства Северного Причерноморья были практически безлюдными. Таким образом, демографическая ситуация благоприятствовала основанию колоний в Нижнем Поднестровье, которое происходило в сжатый промежуток времени. Причем на левом берегу Тираса в конце VI в. до н.э. было основано несколько поселений, а на правом возникло только одно – Офиусса

(Тира). Первоначально время основания апойкии определялось очень широко – VII–VI вв. до н.э. (Юргевич 1872: 4; Diehl 1948: 1849–1863; Ebert 1921: 187; Pippidi 1969: 445–447). Позднее Т.Д. Златковская и А.И. Фурманская попытались установить время возникновения Тиры более четко – конец VI в. до н.э. (Златковская 1959: 63; Фурманская 1963: 41). Некоторые исследователи считали, что Тира как город сформировалась лишь в V в. до н.э., что подтверждается фактом позднего начала монетной чеканки Тиры (Блаватский 1959: 13, 14; Дмитров 1957: 271; Зограф 1957а: 11; Stern 1915: 172). В целом совпадает с этой точкой зрения мнение А.С. Русяевой, которая полагала, что Тира была основана в результате третьей волны колонизации Причерноморья в конце VI–V вв. до н.э. Этот процесс, по ее мнению, проходил под эгидой не Милета, а Ольвии и Истрии (Русяева 1979: 8 и сл.). Находки позднеархаической керамики, а так же точное указание перипла псевдо-Скимна на милетское происхождение первопоселенцев города, бытование в городе милетского календаря, сам факт невозможности Милетом выводить колонии после 494 г. до н.э., заставили П.О. Карышковского предположить, что Тира была основана в конце VI в. до н.э. и именно милетянами (Карышковский, Клейман 1985: 40).

В жизни Тиры, выделяются три основных периода: эллинский, который иногда называется доримским или догетским, греко-римский или римский и позднеантичный. Основными рубежами, отделявшими периоды один от другого, было гетское нашествие (около 55 г. до н.э.) и готский разгром (третья четверть III в. н.э.). Событием, подведшим черту под античным периодом истории Тиры, считается нашествие гуннов. Можно предположить, что на первом этапе город был достаточно небольшим населенным пунктом и не обладал развитой хорой. Более достоверно можно представить себе облик и историю Тиры в классический период, когда центр однозначно обладает полисными функциями, а в IV в. до н.э. у него появляется и развитая хора. Первая половина эллинистического периода является временем экономического расцвета. Для второй половины характерны черты экономического упадка, который связан с прекращением жизни на поселениях хоры, а затем, в конце II в. до н.э., с утратой полисом самостоятельности и подчинением понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Доримский период завершается нашествием гетов под предводительством царя Биребисты. Римский или греко-римский период принято начинать со второй половины I в. до н.э., когда Рим начинает упорное продвижение в восточном направлении вдоль берегов Черного моря. Следует отметить, что отрезок времени с середины I в. до н.э. до второй половины I в. н.э. один из самых неясных как с точки зрения истории, так и экономики города. Период с третьей четверти I в. н.э. до середины III в. н.э., это время расцвета Тиры в составе Римской империи. И последний период в истории античной Тиры четвертая четверть III – конец IV в. – время упадка античного полиса, ограниченное двумя варварскими нашествиями: готским и гуннским.

Оборонительные сооружения города. В конце V – начале IV вв. до н.э. в Тире было начато строительство оборонительных стен. Сейчас открыты западная, южная и северная части оборонительного комплекса (Карышковский, Клейман 1985: 46 и сл.; Самойлова 1988: 15 и сл.). Исследования показали, что его отдельные участки были построены в разные периоды времени. Можно выделить три разновременные части: северную, западную (пристроенную к северной части с запада) и южную, сооруженную позднее всего. Кроме стен в систему входили две башни: круглая (№ 68), которая первоначально представляла собой самостоятельную оборонительную единицу, и пятиугольная (№ 575), построенная одновремен-

но со стенами южной части оборонительной системы (рис. 111). При строительстве стен рылись траншеи, впущенные на значительную глубину в материк и в некоторых случаях доходившие до скалы, которая подтесывалась. Закладывался фундамент, состоявший из грубо обработанных или совсем не обработанных камней, на котором сооружались стены, сложенные из хорошо обработанных плит и блоков Особенностью системы оборонительных сооружений Тиры в отличие от Ольвии является отсутствие слоевых оснований, игравших роль дополнительных фундаментов.

Ранее всего была построена северная часть оборонительного комплекса. Она состоит из нескольких оборонительных стен, одна из которых – Северная куртина, (№ 72) имеет направление запад-восток и расположена перпендикулярно берегу лимана. Одновременно с ней сооружено несколько оборонительных стен, ограждавших северную часть городища. В этот же период была построена круглая башня, расположенная на расстоянии 20 м к юго-западу от северной части комплекса. Западная стена северной части оборонительной системы (№ 231–235) подверглась разрушению, причиненному военными действиями, связанными с походом Зопириона. Затем она на короткое время была восстановлена. Через некоторое время, вероятно около середины III в. до н.э., эта стена прекратила функционировать, ее северная часть была разобрана и поверх выборки был сооружен водосток, который соединялся с водостоком I Поперечной улицы эллинистического времени. В это же время был сооружен и дом № VI, расположенный вдоль северного фасада оборонительной стены № 72 (Северная куртина). Происходит изменение застройки и в западной части города. В пространство между стенами № 282, 231–235, 395, 315 встраиваются два (№ VIII и XI) жилых дома.

Все стены северной части оборонительной системы – трехслойные, имеют два внешних, фасадных слоя и средний слой – забутовка материковой глиной с примесью бутового камня. Ширина стен 2,05–2,15 м, что меньше принятой в античной фортификационной традиции. Фундаменты оборонительных стен заглублены в землю на 1,80 м. Их наземная часть сложена из тщательно обработанных блоков и плит насухо длиной до 1,6–1,8 м и до 0,65 м в высоту каждая. Рисунок кладки одинаков: в каждом ряду две–три плиты или блока, положенные длинной стороной на фасад, чередуются с плитой или блоком, поставленными узкой частью на фасад. Последние заходят в средний слой – забутовку, что обеспечивает устойчивость стены.

Круглая башня по своему облику обладает значительным сходством, хотя по размерам она и больше, с башней Зенона в Херсонесе Таврическом (Стржелецкий 1969: 29). Исследования показали, что она могла быть сооружена в конце V – начале IV вв. до н.э. Башня почти круглая в плане (диаметр – 10,90 м). Она представляет собой замкнутое кольцо каменной трехслойной кладки. Нижняя часть башни была забита материковой глиной до высоты 2 м от современной ей дневной поверхности. В северо-западной части башни на этом уровне сохранился вход в верхнюю часть башни. Внешний фасад сложен из крупных хорошо обработанных прямоугольной по фасаду формы плит и реже блоков, хорошо подогнанных друг к другу. Внешние грани слегка скруглены и имеют рустованную поверхность. Размеры плит и блоков по фасаду достаточно значительные: 1,65 х 0,22; 1,30 х 0,32; 0,70 х 0,36 м. Башня сохранилась на высоту до 6 м вместе с фундаментом, который был заглублен на 2 м. Подошва башни лежит на выровненной поверхности материковой скалы.

Возможно, еще до похода Зопириона была сооружена западная часть системы оборонительных сооружений, примыкающая к северной и состоящая из двух стен расположенных под прямым углом друг к другу – № 282 и 351[1]. Восточный фасад этой части комплекса сложен в той же манере, как и фасады стен северной части комплекса. Совершенно по-другому сложен западный фасад этой стены и оба фасада кладки № 351. Это кладки из достаточно небрежно обработанных блоков и плит небольших размеров, среди которых изредка встречаются хорошо обработанные камни вторичного использования. Особенностью этой части оборонительной системы является то, что внутренний фасад стены № 351 является одновременно южной стеной не менее, чем пяти смежных подвалов, которые были сооружены одновременно с оборонительными стенами вдоль северного фасада оборонительной стены № 351. Возможно, первоначально они входили в оборонительный комплекс и не имели жилого назначения, но затем здесь сооружаются два жилых дома (№ VIII и № XI), в систему которых включаются эти помещения.

Наиболее поздним фрагментом системы оборонительных сооружений является южная часть, расположенная к югу от северной и западной частей[2]. Она состоит из более ранней круглой башни (№ 68), которая была связана стеной с западной частью оборонительной системы, Южной куртины (№ 37), которая соединила круглую башню с пятиугольной башней (№ 575), и стены, отходящей от этой башни в юго-восточном направлении. Время строительства этой части оборонительного комплекса пока не установлено точно. Куртина № 37 сложена совершенно в другой манере, чем северная и западная части оборонительной системы. Отличительной особенностью стены № 37 является то, что для нее использованы плиты очень большого размера: 3,55 х 1,55 х 0,18 м; 2,28 х 1,6 х 0,20 м; 3,40 х 1,7 х 0,41 м. Стена выполнена в сложной двурядной системе, когда по высоте чередуются два разных вида кладки. Один из них представляет собой плиты, положенные плашмя, длинной стороной на фасад, второй выполнен из поставленных орфостатно плит широкой стороной на фасад. Они чередуются в ряду через одну с вертикально поставленными плитами, которые на фасад выходят уже узкими сторонами и впущены в средний слой стены для ее надежности. Ширина стен достигает 2,25 м.

Пятиугольная башня (№ 575), расположенная на южном конце стены № 37, построена одновременно с последней, о чем говорит связь кладок башни и оборонительной стены в переплет. Особенностью этой части оборонительного комплекса является, то, что фундаменты ее залегают на небольшую глубину: всего на 0,50 м, хотя и впущены в материк. Башня сильно разрушена. Сооружение имеет в плане форму пятиугольника площадью 40 м^2. Два из углов башни находятся внутри оборонительного комплекса, три – обращены в напольную сторону. В северной стене башни, находящейся внутри комплекса был дверной проем, ведший во внутрь башни.

В римский период Северная куртина, круглая башня и южная часть комплекса были объединены в новую оборонительную структуру, так называемую цитадель. Вдоль северного фасада Северной куртины был сооружен дополнительный пояс кладки, который усиливал северную оборонительную стену. Это было характерно

---

[1] При исследованиях на территории средневековой крепости были выявлены фрагменты такой же по ширине мощной стены, являющиеся, вероятно, продолжением западной оборонительной конструкции.

[2] Есть точка зрения о том, что эта часть была сооружена в римский период.

для оборонительных комплексов римского времени в городах Северного Причерноморья (Крыжицкий 1993: 181).

Сооружения общественного и административного назначения для доримского периода пока не обнаружены. И только для римского времени известны два объекта такого рода: здание вексилляции и перистильный двор в южной части ЦР. Имели место и такие сооружения как портики. Здание вексилляции размещалось в северо-западной части цитадели (рис. 112). Вокруг него располагались незастроенное замощенное пространство и две перпендикулярно расположенные улицы (с севера и запада). Само здание представляло собой одно большое прямоугольное помещение (10,6 х 6,2 м). Стены сложены по внешнему фасаду из массивных орфостатно поставленных прямоугольных плит. В заполнении помещения были обнаружены обломки черепиц с клеймами римских легионов, (V Македонский, XI Клавдиев и I Италийский), светильники II–III вв. н.э., краснолаковая посуда, железные шипы-рогульки, использовавшиеся против конницы, литые стеклянные жетоны, фибулы.

К западу от здания вексилляции были обнаружены две плиты с плохо сохранившимися базами двух колон (Самойлова, Кожокару, Богуславский 2002: 176). Возможно, здесь был портик. В этой связи уместно вспомнить два фрагмента архитрава, вероятно, от портика римского времени с надписью (Карышковский 1979: 76–79; Сон 1980; Самойлова 2001: 104).

К римскому же времени относится еще одно сооружение, расположенное в южной части Центрального раскопа, которое представляет собой окруженное с трех сторон колоннадой незастроенное прямоугольное в плане пространство – скорее всего, перистильный двор площадью не менее 380 м^2 (Самойлова, Кожокару 2002: 109 и сл.). Каждая из колонн стояла на отдельной прямоугольной плите, игравшей роль стилобата. В некоторых случаях сохранились только сами плиты, в других – в их центре находились базы колонн и в одном – кроме плиты и базы была выявлена нижняя часть фуста. От восточной колоннады сохранились только две плиты. Расстояние между плитами 1,75–2,25 м; диаметр фуста – 0,33 м, предполагаемая высота колонн – около 3 м. Базы колонн включают в себя квадратное в плане основание, вырезанное вместе с собственно базой, и относятся к ионийскому ордеру. Можно предположить, что это сооружение имело отношение к какому-то храмовому комплексу. В позднеантичный период на его месте были сооружены два жилых многокамерных дома. В одной из кладок этих позднеантичных построек был найден фрагмент мраморной плиты с надписью, содержавшей упоминание о храме и жертвоприношении (Самойлова, Кожокару 2002: 111–112). Кроме того, рядом с колоннадами были обнаружены прямоугольная алтарная плита со сферическим углублением и сквозным отверстием для стока, два небольших известняковых алтаря, один из которых содержит посвящение богу непобедимому (Митре) Ульпия Валента (Карышковский 1979: 85–88) и несколько обломков алтарей, использовавшихся впоследствии для замоста улиц позднеантичного времени, и баз колонн.

Городская планировка и жилые дома. Наиболее ранние строительные объекты были выявлены в северной части прикрепостной площади на ЦР. Здесь были открыты пять жилых домов доримского периода, ограниченные с юго-востока оборонительными стенами. Некоторые помещения двух домов (№ I и № II) в северной части городища были сооружены еще в конце V – начале IV вв. до н.э. Все открытые дома доримского времени имели в основном прямоугольную в плане форму и образовывали кварталы с элементами регулярности. В северной части городища

были выявлены две улицы, пересекающиеся под прямым углом и переулок. Ширина улиц не превышала 2 м, переулки были уже – до 1,5 м. Улицы имели мощение каменными плитами с подсыпкой гальки, песка, мелкой окатанной керамики. Посредине улиц проходили водостоки, перекрытые каменными плитами с уклоном в сторону лимана.

Все дома имели два и даже три строительных периода. Первый период может быть датирован концом V – началом IV вв. до н.э., второй – IV в. до н.э., третий – III–I вв. до н.э. Следует отметить факт перепланировки всех известных домов доримского времени в начале IV в. до н.э. и затем в самом конце IV – начале III в. до н.э. Во время последней некоторые подвальные помещения были засыпаны и над ними сооружались наземные помещения. Третий строительный период можно связать с военными событиями последней трети IV в. до н.э., когда происходил поход Зопириона в направлении Ольвии (331 г. до н.э.).

Площадь домов доримского времени могла достигать 400 м^2 (до 10–12 помещений). Они представляли собой простые безордерные постройки, имели жилые и хозяйственные помещения, располагавшихся как в подвальных, так и наземных этажах. Помещения группировались вокруг небольших, мощеных каменными плитами двориков. Повалы соединялись каменными или деревянными лестницами с наземным этажом. В целом дома Тиры обладали определенным сходством с жилыми постройками соседней Ольвии, хотя и имели определенные отличия. В частности в Тире не получили распространение слоевые основания, широко применявшиеся в Ольвии (Крыжицкий и др. 1999: 98). Жилые помещения были довольно просторны – 12–30 м^2, хозяйственные имели меньшую площадь. Высота подвального этажа достигала 2–2,5 м. Полы, как в подвальных помещениях, так и в наземных были глинобитными, но в редких случаях – из дерева или каменных плит. Подвальные помещения от наземных отделяли деревянные перекрытия. Из дерева делались двери и прочие детали строений. Иногда в стенах подвальных помещений устраивались полукруглые или прямоугольные ниши. В хозяйственных подвалах, а так же в помещениях наземного этажа выявлены вкопанные в пол амфоры или их нижние части. В одном случае в системе жилого дома (№ VI) в одном из помещений была устроена красильня (Самойлова 1988: 31). Иногда в углах делались небольшие скругленные загородки. Отопление помещений и приготовление пищи осуществлялось при помощи очагов открытых типов или переносных жаровен. Кровля домов была черепичной одно- или двускатной. Для нее использовалась в основном черепица синопского производства, реже – боспорского (найдены керамиды с клеймами мастерских Пантикапея). Для украшения использовалась фронтальная орнаментированная черепица и антефиксы. Стены иногда покрывались штукатуркой, как правило, красного, синего или желтого цветов. Были найдены фрагменты многоцветной штукатурки с цветочным орнаментом и изображением птиц. Дворики были как небольшой площади (до 6 м^2), так и достаточно значительной – до 31 м^2. Во дворах были выявлены остатки открытых очагов, следы от подпорных столбов для навесов, водосборные колодцы, загородки. Как правило, дворы мостились каменными плитами.

Строительная техника первого строительного периода отличалась большой тщательностью. Стены были сложены из тщательно обработанных прямоугольных по фасаду плит и блоков известняка по рядовой однорядной или ложково-тычковой системе кладки. Такая техника характерна для V – начала IV вв. до н.э. (Крыжицкий 1982: 4; 1993: 62–63). Манера кладки стен во втором и третьем строительных

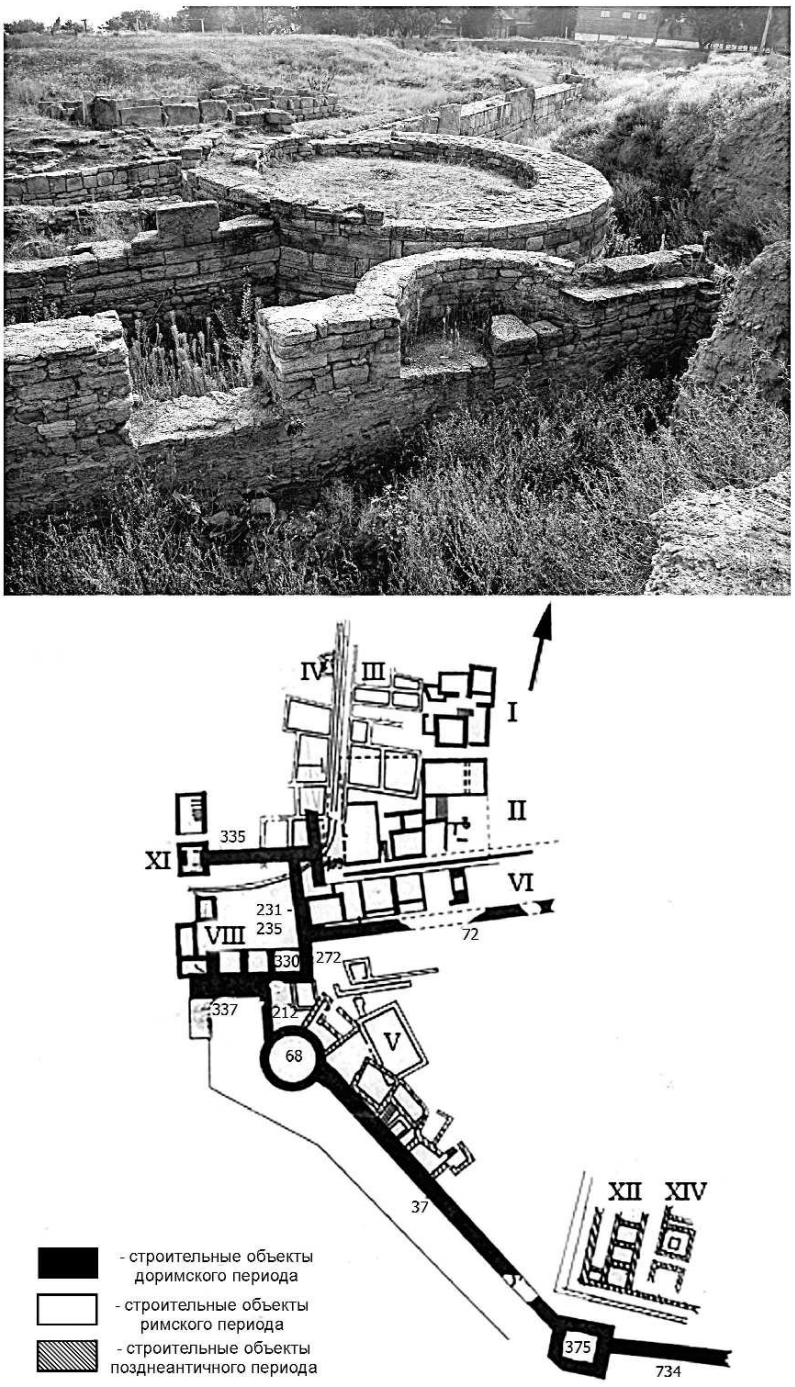


Рис. 111. Вид и план античной Тиры

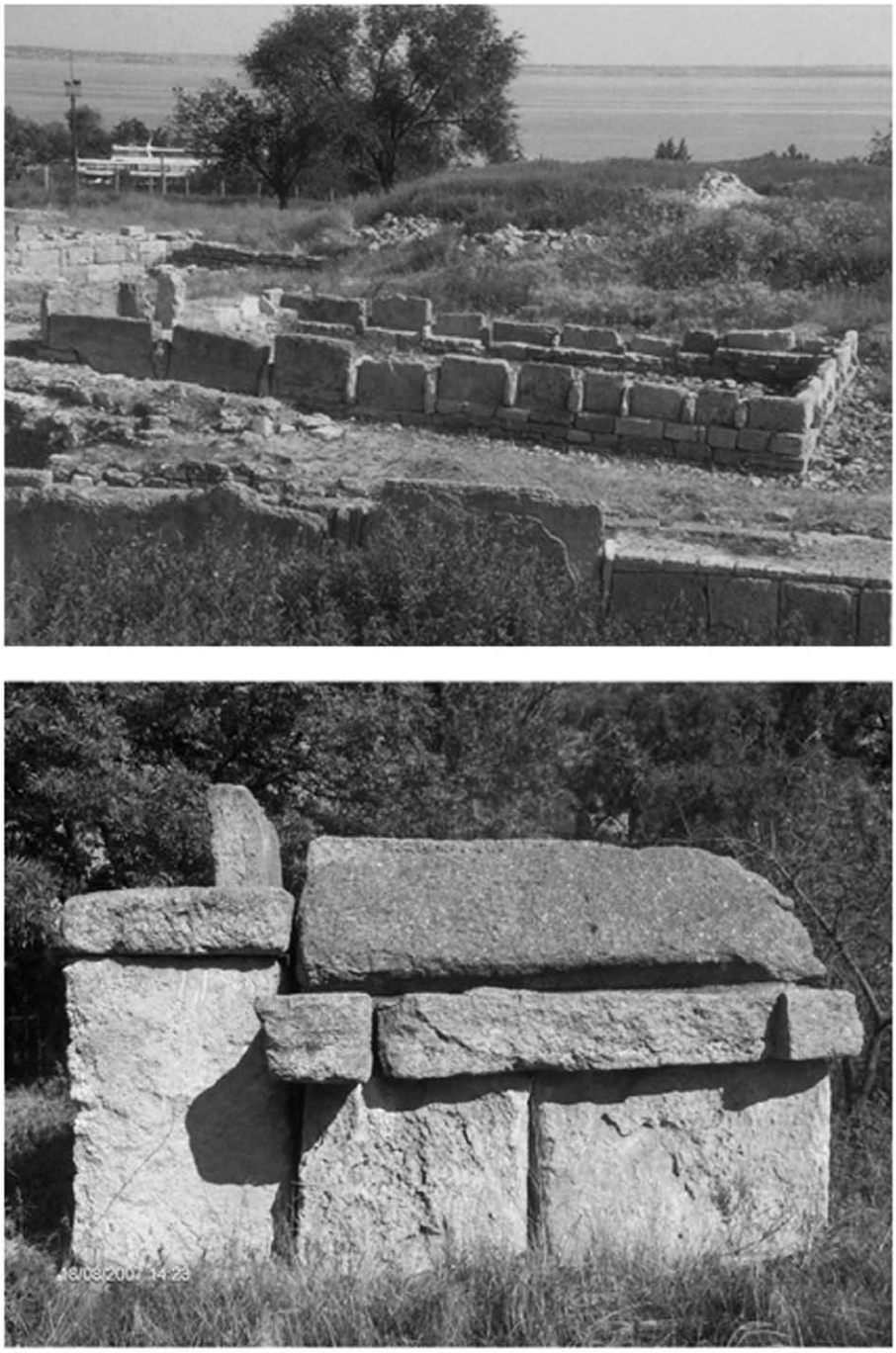


Рис. 112. Здание вексилляции (вверху) и склеп римского времени из окрестностей Тиры

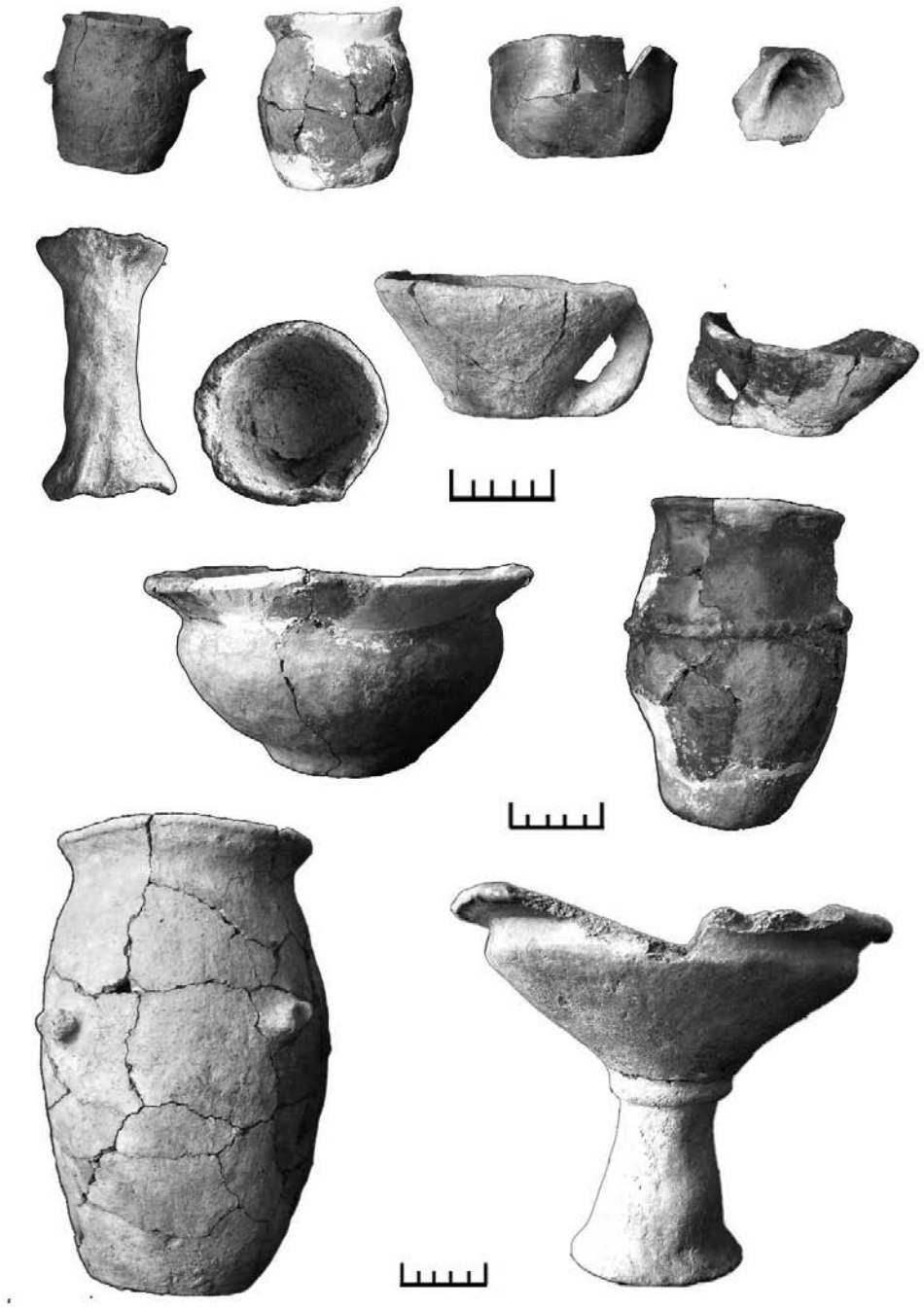


Рис.113. Лепная керамика

Рис.114. Металлические изделия

периодах существенно меняется. Используются разные по размерам камни, обычно плохо обработанные, горизонтальность рядов не всегда выдерживалась, толщина стен уменьшилась на одну треть. Это могло быть связано в первую очередь с увеличением объемов строительства и нехваткой квалифицированных кадров (Крыжицкий 1993: 151).

В середине I в. до н.э. после нашествия Биребисты, город приходит в упадок, многие дома прекращают функционирование. В римское время Тира восстанавливается, территория, возможно, расширилась в южном направлении. Жилые дома римского времени были открыты в основном в северной и северо-западной части ЦР, где они перекрывали постройки эллинистического периода, частично используя их стены в качестве фундаментов. Наиболее хорошо сохранились два дома (№ III и IV), разделенные I Поперечной улицей, сооруженной в свою очередь поверх улицы эллинистического времени. При ее строительстве в качестве замоста использовались большие прямоугольные плиты, взятые из разрушенных оборонительных стен. Следует отметить общую для других античных центров Северного и Северо-Западного Причерноморья тенденцию к увеличению так называемого типа производственно- или хозяйственно-жилых домов (Крыжицкий 1993: 201), когда в системе одного дома наряду с жилыми блоками существовали производственные помещения и мастерские. В связи с этим увеличиваются и площади дворов. Дома в северной части ЦР были многокамерными и принадлежали достаточно зажиточным гражданам Тиры. Оба дома представляют собой безордерные постройки, техника сооружения которых обычна для домов римского времени (Крыжицкий 1993: 197). Вполне вероятно, что в Тире были и дома ордерного типа, о чем свидетельствуют многочисленные находки капителей тосканского ордера и баз колонн. Как и в предыдущий период дома римского времени покрывались черепицей. Восточный дом (№ III) имел не только жилые, но и хозяйственно-производственные помещения. Главный вход был с I Поперечной улицы и вел в узкий дворик, в юго-западном углу которого была водосборная цистерна. Рядом с первым двориком находился второй, который отделялся от него стеной с дверным проемом. К западу от второго двора и к северу от первого размещался блок жилых помещений, а в южной части дома находились производственные мастерские. Здесь были открыты две круглые в плане домницы для выплавки железа (Фомін 1974: 27–29). Рядом с ними были найдены шлаки, угли, куски железа и обломки железных изделий. В этом же доме находилась и овальная в плане печь для обжига керамики (Фурманська 1957: 85). Дом погиб в результате пожара в середине III в. (Фурманська 1962: 127). Похожим по планировке был дом, расположенный к западу от I Поперечной улицы, так же погибший в пожаре середины III в. Здесь кроме жилых комнат были выявлены так же помещения производственного назначения с печами, одна из которых относится к ювелирному производству. Одно из помещений представляет собой домашнее святилище. Здесь в центре был сооружен алтарь в виде глиняной площадки, были обнаружены герма Диониса, фигурка воина со щитом, рельеф с изображением сидящих мойр, а так же обломки ритуальных сосудов (Фурманская 1960а: 79–82).

В позднеантичный период (вторая половина III–IV вв.) наблюдается определенный упадок в градостроительстве, хотя сохраняются все основные принципы античного домостроительства. Система оборонительных сооружений в это время не функционирует. Вся открытая часть Тиры в границах Центрального раскопа имеет остатки строительных объектов позднеантичного периода, залегавших непосредственно над постройками римского времени. В это время в определенной сте-

пени нарушается планировочная сетка римского времени, но хаотичность в застройке не выявлена (ср. Карышковский, Клейман 1985: 137). Дома многокамерные, хотя есть однокамерные постройки типа так называемого «послеготского дома» (Крижицький, Клейман 1978: 83 и сл.; Крыжицкий 1993: 201). Исследованная территория античной Тиры показывает, что застройка в период второй половины III–IV вв. была достаточно плотной, и значительного сокращения территории города, вероятно, не произошло. Сохранялась традиция сооружения помещений в двух уровнях: наземном и подвальном. Дворики мостились каменными плитами. Были и крытые камнем улицы с водостоками. В южной части города, было выявлено два дома, встроенные в перистильный двор, наиболее ярко демонстрирующие сохранение традиций античного жилого домостроительства: прямоугольная планировка, многокамерность, наличие внутренних двориков. В одном из помещений был обнаружен прямоугольной формы каменный алтарь. Размеры одного из домов в южной части ЦР – 19,30 м х 11 м. В нем открыто восемь помещений прямоугольной формы, одно из которых является длинным коридором или двором, куда имели выход помещения. В двух из них были выявлены бытовые печи. Планировка зданий, общие принципы градостроительства сохраняют античные черты, что позволяет видеть в Тире и в это время античный центр, обладающий сходством с Ольвией (Крыжицкий и др. 1999: 325–329) и Истрией. Следы пожара носит только одна постройка этого времени – «послеготский дом», другие постройки не носят следов разгрома, что позволяет не согласиться с утверждением о внезапной гибели античной Тиры в результате военного нападения, которое связывается с нашествием гуннов (Карышковский, Клейман, 1985: 138–139).

Некрополь Тиры. Некрополь – наименее изученная часть античного города, так как почти ни один памятник некрополя не исследовался достаточно профессионально. В XIX – начале XX вв. на территории Аккермана неоднократно были выявлены захоронения античного периода разного типа. По аналогии с более изученными античными центрами Северо-Западного Причерноморья можно предположить, что размеры тирасского некрополя и его местоположение в различные периоды изменялись (Папанова 2006: 65–76). Общим для всех античных городов было то, что первоначально некрополь располагался в непосредственной близи от границ города. В основном находки артефактов, связанных с погребальной практикой, очерчивали территорию некрополя Тиры, начиная от границ античного города, и располагая его к югу и юго-западу от него, вдоль берега лимана вплоть до с. Шабо (Дмитров 1955: 117; Фурманская 1963: 81–82). П.О. Карышковский и И.Б. Клейман не были склонны распространять некрополь Тиры так далеко на юг. Они полагали, что подкурганные склепы, начиная от «Скифской могилы», которая находится в 3 км к югу от крепости, и далее до с. Салганы, следует относить к поселениям, расположенным в окрестностях с. Шабо (Карышковский, Клейман 1985: 32). Более обоснованной является точка зрения Н.А. Сон, которая относит все известные подкурганные склепы к некрополю именно Тиры (Сон 1993: 99–100). В западном направлении его границы вполне могли доходить до с. Переможное, где был обнаружен курган с захоронением эллинистического времени (Черняков 1960: 213).

Всего в литературе сохранились сведения приблизительно о 20 захоронениях и погребальных сооружениях на территории современного города и его окрестностях[1]. Можно выделить несколько типов погребальных и надмогильных сооружений

[1] В 2010 г. было выявлено раннеэллинистическое захоронение, расположенное в непосредственной близости от юго-восточной границы города.

(каменные склепы, грунтовые могилы, курганы, надгробия), относящихся как к доримскому, так к римскому и позднеантичному периодам. Кроме ингумации, выявлен и случай кремации (Криволап 1972: 185–190).

Наиболее известен подкурганный склеп, получивший название «Скифской могилы» и сохранившийся до наших дней. Он был выявлен в 1895 г. под насыпью кургана (Кочубинский, Штерн 1896: 13–16). Представляет собой каменный склеп с замковым полуцилиндрическим сводом центральной камеры. Высота кургана составляла на момент его исследования – 5,32 м. Склеп был построен на выровненной скальной поверхности, имел ориентировку восток-запад с небольшим отклонением. Затем поверх него была сооружена земляная насыпь. Сооружение было двухкамерным и состояло из входной и центральной камер. Обе камеры были прямоугольной в плане формы. Размеры центральной камеры в плане были 3,9 м на 3,4 м. Вход в погребальную камеру был закрыт плитой. Вертикальные стены завершались замковым полуцилиндрическим сводом над погребальной камерой. Стены и свод сложены из хорошо обработанных блоков прямоугольной формы на известковом растворе с добавлением красной глины (Кочубинский Штерн 1896: 14). Наибольшая высота склепа внутри составила 3,40 м. Полом сооружения являлась скала, где высечены две прямоугольные могилы, которые закрывались плитами. Внутренняя поверхность камней стен и свода были покрыты непонятного происхождения рельефными волнообразными и круговыми линиями.

Склепы с полуцилиндрическим замковым сводом появляются в Северном и Северо-Западном Причерноморье еще в IV–III вв. до н.э. и иногда их называют «македонскими» (Папанова 2006: 119). Сооружались подобные склепы и в римское время (Сон 1979: 104). Вполне возможно, что «Скифская могила» может датироваться еще эллинистическим периодом. Сходной конструкцией со «Скифской могилой» обладает и склеп, открытый на берегу лимана у с. Салганы (Дмитров 1955: 111–112; Сон 1979: 100–105). Поверх сооружения был так же насыпан курган. Этот склеп был однокамерным с небольшим ступенчатым дромосом (три ступени). Размеры погребальной камеры близки размерам «Скифской могилы»: 3,8 х 3,4 м. Он был сооружен из хорошо обработанных блоков и имел полуцилиндрический распорный свод. Некоторые исследователи датируют его римским временем (Сон 1979: 100 и сл.), другие более осторожны в своих выводах (Карышковский, Клейман 1985: 32–33; Nicorescu 1924: 380).

Кроме склепов с цилиндрическим сводом в тирасском некрополе были и гробницы в виде прямоугольного каменного ящика, перекрытого плитами известняка (Клейман 1978: 99–107). В 1989 г. в песчаном карьере у с. Салганы был случайно обнаружен каменный склеп (Росохацкий, Штербуль 1991: 78–80). Это двухкамерное сооружение состоит из входной и погребальной прямоугольных в плане камер (рис. 112). Первая камера имела горизонтальное перекрытие, вторая – двускатное. Длина склепа – 2 м, ширина – 1,52 м, высота – 2,04 м. В плите горизонтального перекрытия первого помещения имеется прямоугольное углубление со специально предусмотренным местом для слива. Во входной камере был установлен массивный каменный монолитный алтарь (1,07 х 0,73 х 0,45 м). Погребальная камера соединялась с первым помещением через дверной проем, закрывавшимся прямоугольной плитой и деревянной дверью. Стены сложены из плит, поставленных орфостатно. Двускатная крыша выполнена из двух монолитных плит длиной около 3 м. Плиты поддерживаются двумя треугольными фронтонами. Внутри стены и пол оштукатурены. В погребальной камере были обнаружены отдельные человеческие

кости, фрагменты краснолаковых сосудов, римских амфор. Аналогичные склепы известны в некрополях других античных центров Причерноморья. Датируется сооружение II – первой половиной III вв. н.э.[1]

Кроме описанных выше погребальных сооружений сохранились сведения и о других каменных склепах на территории Аккермана. Так, в 1894 г. на территории города был открыт каменный склеп частично ограбленный, но сохранились сведения о некоторых материалах (лекиф, гипсовые украшения от саркофага, тирасские монеты) III в. до н.э. (Яцимирский 1894: 363). Кроме того, Э.Р. фон Штерн упоминает о находках других склепов (Штерн 1913: 92–101). Есть сведения и о грунтовых захоронениях как эллинистического, так и римского времени.

Экономика. Хозяйство и экономический потенциал Офиуссы-Тиры для различных этапов ее истории исследованы недостаточно хорошо.

Основываясь на свидетельствах античных авторов о благоприятных природных условиях региона (ps. Scymn. 798–800; ps. Arr. Peripl. 88), можно предполагать, что хлебопашество, скотоводство, рыболовство, виноградарство и садоводство были главными занятиями жителей Тиры. Полис на раннем этапе своего развития еще не обладал развитой хорой, которая первоначально имела вид системы наделов, обрабатываемых гражданами полиса и сосредоточенных вблизи города. Поселения в округе Тиры в это время отсутствуют. Ее экономика находилась в процессе становления. Осваивались прилегающие территории, устанавливались связи с племенами, жившими в среднем течении Тираса. Имели место постоянные контакты с античными центрами как Средиземноморья, так и Причерноморья (Карышковский, Клейман 1985: 43–44; Самойлова 1988: 36–39). На раннем этапе число жителей не превышало 2,5 тыс. человек. Затем оно увеличилось до 6–7 тыс. (Крыжицкий 1997: 65).

По аналогии с другими регионами Причерноморья можно предполагать, что земледелие здесь носило пашенный характер. Скорее всего, применялась переложная система растениеводства (Крыжицкий и др. 1999: 58). Основное место среди зерновых занимали голозерная пшеница, просо и ячмень. С появлением в период эллинизма сети поселений в округе Тиры производство зерна увеличилось. Кроме земледелия было развито скотоводство. Немаловажную роль занимало и рыболовство.

Есть основания полагать, что ремесленное производство играло в экономике ранней Тиры далеко не первое место и было рассчитано на удовлетворение в основном потребностей жителей города (прядение, ткачество, обработка металлов, гончарство, обработка камня, дерева, кости). Первоначально торговля так же не получила достаточного развития. Это подтверждается и отсутствием своей монетной чеканки, и слабой заселенностью региона. Тем не менее, находки импортной керамики конца VI–V вв. до н.э. (ионийская посуда, светильники, аттические чернолаковые сосуды, хиосские пухлогорлые амфоры), монет Истрии V в. до н.э., одрисского царя Спарадока (40-е гг. V в. до н.э.) свидетельствуют о том, что уже во второй половине V в. до н.э. Тира идет по пути превращения в крупный торговый центр региона. Представляется, что на первом этапе внутригородская торговля носила исключительно меновой характер. Находки монет других центров, относя-

[1] На юго-восточной окраине г. Белгорода Днестровского было случайно обнаружено похожее погребальное сооружение, содержавшее материалы римского времени.

щихся к V в. до н.э., скорее свидетельствуют о наличии денежных отношений в сфере внешней торговли. Тирасский рынок заполнялся товарами, привезенными первоначально из Ионии, затем Хиоса и Аттики (вино, оливковое масло, керамическая посуда, светильники, терракоты, вероятно, ткани, украшения, металлы). Из Тиры вывозились, вероятно, продукты скотоводства и, может быть, еще какие-то специфические товары. Можно предположить, что какую-то роль играла торговля рабами. Что касается значительного экспорта зерна, то он представляется крайне сомнительным в виду отсутствия своей развитой хоры. Достаточно проблематичной представляется и наличие посреднической торговли зерном, полученным от племен лесостепи (Пашкевич, Гейко 1998: 40).

Со второй половины V в. до н.э. Тира начинает достаточно бурно развиваться не только как сельскохозяйственный центр, но и ремесленно-торговый. Правда, и в этом случае сельское хозяйство продолжало занимать первое место в экономике города. В IV в. до н.э. Тира имела сельскохозяйственную округу уже в виде сети поселений. Они были сосредоточены в основном на правом берегу Днестровского лимана и располагались от с. Удобное (30 км к северо-западу от Тиры) до с. Приморское (35 км к югу). Здесь зафиксировано около 25 поселений, на которых встречены фрагменты античной посуды (амфоры, красноглиняная гончарная керамика, чернолаковая посуда). На некоторых из них были найдены тирасские монеты автономного периода (возле сс. Шабо, Пивденное). Наиболее густо поселения расположены в непосредственной близости от Тиры, особенно в районе с. Шабо.

Расширение сельской хоры привело к росту объема сельскохозяйственной продукции. Тем не менее, представляется маловероятным вывоз значительных объемов зерна на внешний рынок[1]. Большое значение имели скотоводство и рыболовство. Кроме костей домашних животных (крупный рогатый скот, козы, овцы, собаки, лошади, свиньи), найдены многочисленные костные остатки рыб, раковины морских моллюсков. О развитии рыболовства говорят и многочисленные находки рыболовных крючков, грузил для сетей.

Система оборонительных сооружений, остатки домов тирассцев демонстрируют высокий уровень строительного дела, получают развитие и другие не менее важные ремесла. Расширение сельского хозяйства требовало изготовления орудий труда, что в свою очередь способствовало развитию металлургии. Значительное место, особенно в эллинистический период занимала выплавка железа, бронзолитейное ремесло (рис. 114). Развивается и ювелирное дело (изготовление украшений из бронзы и драгоценных металлов: браслеты, серьги, подвески, кольца, тисненые бляшки). О развитии металлургии говорят находки железных и медных шлаков, обломки тиглей, льячек, сами изделия из металлов (бронзовые наконечники стрел, ножи, рыболовные крючки, гвозди, иглы, проколки, детали конской упряжи, украшения и пр.), многочисленные литейные формочки из камня и керамики (рис. 116). Ремесленники в первую очередь обслуживали жителей самой Тиры и близлежащую округу. Железо, медь, золото и серебро могли поступать в Нижнее Поднестровье из Карпато-Балканского и других рудных регионов (Ольговский 1982).

Для эллинистического периода можно говорить и о существовании своего керамического производства, несмотря на то, что керамические производственные комплексы пока не выявлены. Но наличие в районе Тиры гончарных глин, много-

[1] Ольвия, обладавшая более мощной хорой, чем Тира, могла в лучшем случае вывозить не более пятой части урожая и то не регулярно (Крижицький, Лейпунська 2004: 12).

численные находки форм для изготовления терракот и самих терракот местного производства, относящихся к эллинистическому времени свидетельствуют в пользу достаточно раннего развития гончарства.

Получают развитие и другие виды ремесел: ткачество, деревообработка, косторезное дело, стеклоделие. В жилых домах эллинистического времени в большом количестве встречаются пирамидальные ткацкие грузила, биконические, дисковидные керамические, костяные и свинцовые пряслица, костяные и даже серебряные веретена[1]. Ткачество носило домашний характер, но вполне возможно, что часть тканей шла на продажу на внутреннем рынке. Многочисленные заготовки, а так же изделия из кости (лощила, рашпили, орудия для обработки шкур животных, проколки, накладки для рукояток ножей, украшения шкатулок, астрагалы, предметы туалета (застежки, бусы, шпильки) связаны с развитием косторезного ремесла. Находки стеклянных шлаков и формочек для изготовления бус свидетельствуют о наличии стеклоделия.

В эллинистический период возрастает роль торговли в жизни Тиры. Она, как и ранее, имеет три основных направления: внутриполисная, внешняя торговля с античными центрами Причерноморья и Средиземноморья, обмен с варварским миром. В эллинистическое время увеличивается роль торговли с варварами. Основными товарами, поступавшими в Нижнее Поднестровье и Тиру из античных центров, были вино и оливковое масло.

Основным поставщиком масла в доримский период считалась Аттика. Поступало оно в меньших количествах и из Синопы. Вино привозили из центров Средиземноморья и Причерноморья: Хиос, Гераклея Понтийская, Фасос, Синопа, Херсонес Таврический, Родос, Кос, Книд (Самойлова 1981). Из Аттики, кроме оливкового масла, в основном поступала чернолаковая парадная посуда. В IV в. до н.э. значимым торговым партнером становится Гераклея Понтийская, откуда в амфорной таре привозилось вино и масло. Продолжаются связи с Хиосом. После середины IV в. до н.э. Гераклею начинают постепенно вытеснять Фасос и Синопа, ввозившая не только вино и масло, но большое количество кровельной черепицы, краску-синопиду, толстостенную керамику (лутерии) и др. В III в. до н.э. большое место в торговле Тиры начинает играть Родос. Кроме указанных товаров в Тиру поступали произведения искусства (табл. 15; 16), в частности из мрамора, ткани, металлы, соль. В обмен Тира продавала как продукты, произведенные жителями самого полиса, так и полученные в результате торговли с варварами (продукты скотоводства, бортничества, рыба, зерно, рабы). Варварам тирасские купцы поставляли товары, изготавливавшиеся как в самой Тире, так и прибывшие из других центров: предметы вооружения, украшения, ткани, керамику, вино, оливковое масло, соль.

Для обслуживания рынка во второй половине IV в. до н.э. Тира начинает чеканить свою монету. Первые монеты Тиры представляли собой серебряные драхмы с изображением головы Деметры на аверсе и быка на реверсе (Зограф 1957а: 20–21, табл. 1), а так же разменные бронзовые монеты. Тирасские драхмы были чеканены по эгинской монетно-весовой системе и обращались Северо-Западном Причерноморье наряду с серебряными монетами Истрии (Карышковский, Клейман 1985: 59). Находки тирасских монет на гетских памятниках Молдовы (Загинайло, Нудельман 1971; Карышковский, Клейман 1985: 59; Мелюкова 1962б), в Никонии (Карышков-

[1] В подвале одного из домов II в. до н.э. в раздавленной амфоре было найдено около 20 необожженных пирамидальных ткацких грузил.

Рис. 115. Античные терракоты IV–II в. до н.э.

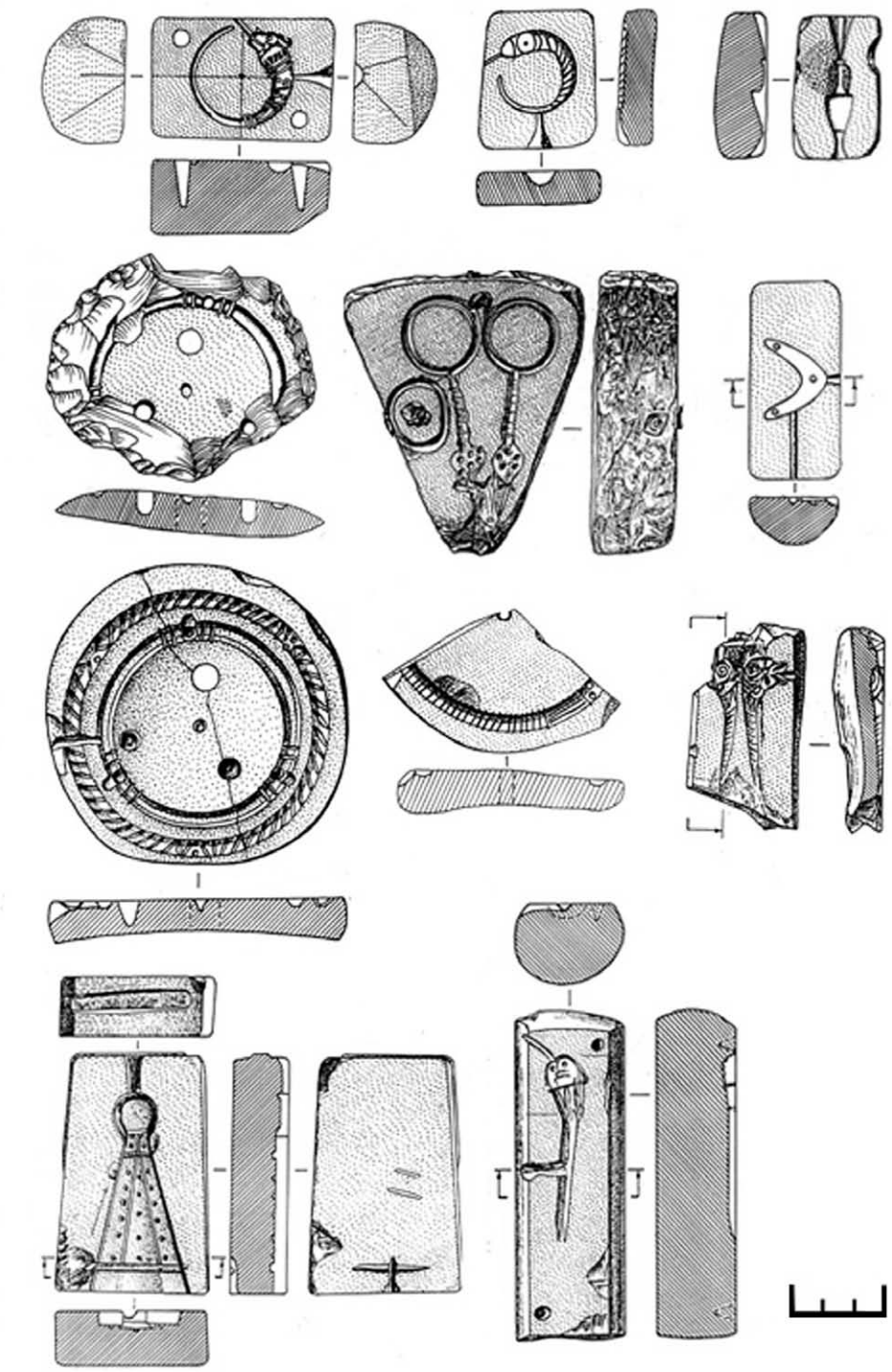


Рис. 116. Литейные формы

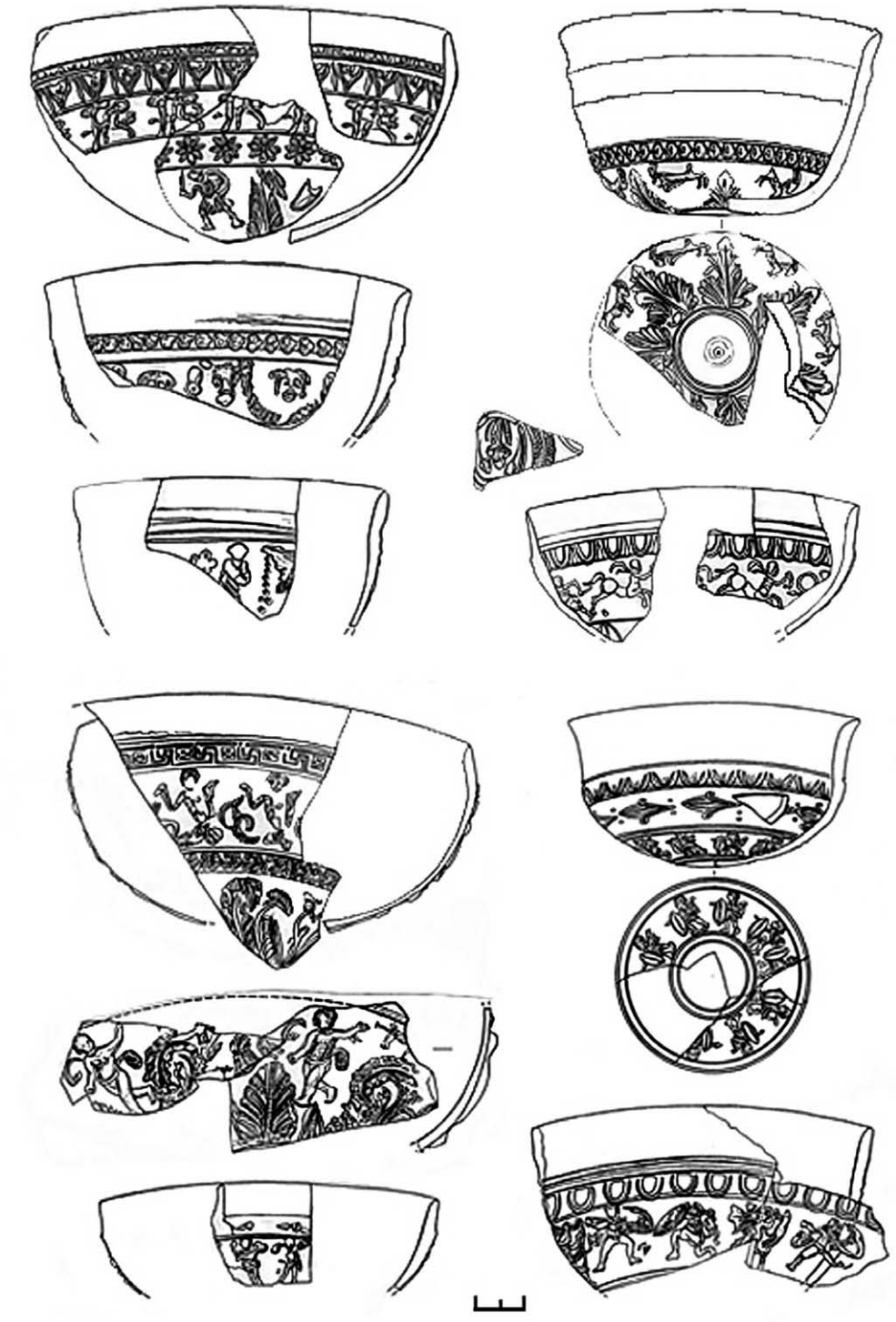


Рис. 117. Мегарские чаши

ский, Клейман 1985: 57), в Северо-Западном Крыму, на Боспоре, а так же монет различных центров на тирском городище говорят об экономических связях Тиры с античными центрами и варварами (Самойлова, Булатович 2008). Следует отметить находки на городище истрийских драхм (Загинайло 1967: 67; Mitrea 1965: 152), монет западнопонтийских городов, Ольвии (Зограф 1957а: 57; Бурачков 1884: 17), золотого статера и серебряных монет Александра Македонского, золотых статеров Лисимаха (Зограф 1957а: 27; Карышковский, Клейман 1985: 60; Струве 1867: 607). Об оживленных торговых связях говорят упоминания Тиры в периплах по Черному морю, а так же декрет из Каллатиса в честь гражданина Тиры (Карышковский 1966: 149–152).

В начале III в. до н.э. Тира вступила в полосу кризиса. Ко второй четверти III в. до н.э. Тира лишается сельских поселений, что приводит к сокращению сельскохозяйственного производства. Тем не менее, полис продолжает играть главную роль в регионе. Происходит расширение системы оборонительных сооружений в связи с развитием городской территории, вызванной, как можно полагать, с притоком населения из прекративших существование поселений и, возможно, из Никония. Основным торговыми контрагентами Тиры в этот период были Синопа, Родос, Кос, Книд, Амастрий, Херсонес, откуда поступали товары в амфорной таре, центры Малой Азии и, в том числе, Пергам, поставлявший посуду с лаковым покрытием, а так же «мегарские чаши» и терракоты. Находки предметов из Аттики очень незначительны (терракоты, керамика). В это время усиливаются связи с Птолемеевским Египтом. Помимо керамики, предметов из египетского фаянса, в Тире были обнаружены надписи с упоминанием синкретических греко-египетских божеств (Иванчик, Самойлова 2007: 150–156; IOSPE. II. № 5), что свидетельствует и о культурных контактах.

В позднеэллинистический период прослеживаются тесные связи с городами Северного и Северо-Западного Причерноморья, подтверждением чего могут служить кроме монет находки керамики из Ольвии, Херсонеса, Боспора (Самойлова, Строкин, 1982). Среди монетных находок из причерноморских центров первое место принадлежит Ольвии. В конце II – начале I вв. до н.э. в связи с тем, что Тира попала в сферу интересов державы Митридата Евпатора, усиливаются связи с ее центрами, о чем говорят неоднократные находки монет Амиса этого времени (Шелов 1962; Карышковский, Клейман 1985: 79; Самойлова, Остапенко 2009: 120–125). О сохранении своих позиций в качестве торгового центра региона свидетельствует и ее монетная чеканка. Она отображала состояние экономики Тиры. Чеканились в небольшом количестве лишь мелкие номиналы разменной меди, которая обеспечивала потребности только городского рынка. Наряду с выпусками мелких номиналов разменной монеты (Зограф 1957а: 29–30, 124–125), предпринимается чеканка золотых статеров в третьей четверти III в. до н.э. и во второмтретьем десятилетии II в. до н.э. (Карышковский, Клейман 1985: 76). Вероятно, деятельности тирасского монетного двора следует приписать и золотые статеры с монограммой TY (Seyrig 1968: fig. V, 227, 228). Факт чеканки золотых монет следует рассматривать как свидетельство того, что экономический упадок в Тире не носил постоянный характер.

Несмотря на признаки кризиса, Тира продолжает оставаться важным ремесленным центром, что подтверждают находки литейных форм, заготовки для косторезного ремесла, формы для изготовления терракот, различные керамические и металлические предметы.

В этот период среди жителей Тиры выделяется слой богатых граждан. Об этом говорит надпись из Том в честь Нила, гражданина Тиры (конец II в. до н.э.). В декрете подчеркивается его высокое происхождение: «ЕК ПРОГОNΩN АГАΘΩN ΩN» (Граков 1939: 310–311). Известен и фрагмент декрета, где перечислены лица, скрепившие одно из постановлений тирасской общины своими печатями (Карышковский 1966а: 152–153). Данные источники показывают, что в этот период зажиточная верхушка играет заметную роль на политической арене. К концу II – началу I вв. до н.э. кризис усиливается, и период завершается походом гетского царя Биребисты против греческих городов Западного и Северо-Западного Понта.

Таким образом, экономика Тиры в доримский период представляет собой типичную для эллинского полиса систему. Она основана, в первую очередь, на аграрном секторе, при существенной роли ремесла и торговли, которая, особенно с варварским миром, имела в целом вид натурального обмена.

В римский период вокруг Тиры вновь возникают сельские поселения и отдельные усадьбы, составлявшие ее сельскохозяйственную хору. Границы сельских округ греческих городов в это время определялись римской администрацией, о чем свидетельствуют эпиграфические памятники ряда городов Нижней Мезии в том числе и Истрии (Inscriptiones Scythal... 1883: № 67–69), а так же одна надпись и из Тиры (Карышковский 1979: 79–82). Правда, у нас нет ни одного письменного источника, где бы определялась территория сельской округи Тиры. Тем не менее, обследования берегов Днестровского и соседнего с ним Будакского лиманов показали наличие сельских поселений этого времени. На некоторых из них были обнаружены имперские и тирасские монеты Каракаллы, Веспасиана, Антонина Пия, Адриана, Северов, Комода и Геты, что свидетельствует об административном подчинении этих пунктов полису. Основными отраслями сельскохозяйственного производства остается выращивание зерновых, винограда, о чем говорят находки тарапанов различных типов, как стационарных, так и переносных, косточек винограда, каменных жерновов и остатков зерна (голозерная пшеница, просо, ячмень). Большое значение имеет скотоводство и рыболовство.

Тира продолжала оставаться и ремесленным центром. К этому периоду относятся девять печей для обжига керамики и две домницы для выплавки железа, а так же печь для получения цветных металлов (Дмитров 1955: 116–117; Сон 1993: 68–69). Домницы круглой в плане формы, облицованы изнутри огнеупорными плитками из камней вулканического происхождения. Печи для обжига керамики так же небольших размеров, имеют, как правило, овальную в плане форму (размеры – 1,25–1,16 м) и состоят из топочной и обжигательной камер. Открытые комплексы представляли собой небольшие мастерские, которые должны были удовлетворять в основном потребности конкретного ойкоса и имели малый товарный потенциал (Зубарь, Сон 2007: 195–196). Появление этих мастерских в городских жилых структурах Тиры говорит, по мнению некоторых исследователей, о подъеме в сфере торговли, который был связан с увеличением своего ремесленного производства. Тоговля продолжала играть значительную роль в хозяйственной жизни Тиры. Она имела те же направления, что и ранее: торговля внешняя (с центрами греко-римского мира и варварами региона) и внутренняя (внутригородская и внутриполисная). Торговля носила как меновый, так и денежный характер. Потребности в монете обеспечивались местным монетным двором и за счет собственно римских монет. Чеканка Тиры была возобновлена при императоре Веспасиане (69–79 гг.) продолжена при Домициане (81–96 гг.), затем наступил перерыв и чекан-

ка была снова предпринята при Адриане (117–138 гг.). Монеты чеканились трех номиналов: тетрассарий, дупондий, ассарий. При Антонине появляется еще один номинал – тригемиссарий. Резкое увеличение объема чеканки фиксируется при императоре Комоде, причем появляется новый номинал – трессис. Рост числа монетных эмиссий наблюдается при Септимии Севере и Каракалле. Завершается монетная чеканка Тиры при Севере Александре (222–235 гг.). Монетное дело Тиры имело и свои особенности. Так, при Веспасиане, Домициане, Адриане, Антонине Пие преобладали мелкие номиналы, а во время правления Северов преимущественно чеканятся тетрассарии (Карышковский, Клейман 1985: 110). Иногда на монетах дополнительно делают надчеканки (колос, виноградная гроздь). В целом монеты Тиры представляли собой мелкие деньги, обслуживавшие потребности внутриполисной и внутригородской торговли, а для крупных платежей использовалась общеимперская монета. Большинство римских монет, найденных в Тире, были денариями, хотя встречены и ауреусы, и мелкие монеты (сестерции, дупондии, ассы). Больше всего римских монет поступало в Тиру при императорах Комоде и Септимии Севере, но известны монеты более поздних императоров вплоть до Галлиена. Монеты Тиры вместе с римскими денариями встречены и на поселениях близлежащей к Тире округе. Проникали они и дальше на восток вплоть до Тендровской косы. Тирасская медь следовала образцам, которыми служили для нее монеты западнопонтийских городов. (Карышковский, Клейман 1985: 110).

Несколько расширяют представления об экономике Тиры в римский период сильно фрагментированные надписи, которые содержали упоминания, связанные с экономикой: о торговле и торговых судах (ΕΜΠΟΡΙΑ, ΝΗΕΣ ΕΜΠΟΡΙΚΑΙ), перечеканке монет (ΠΑΡΑΧΑΡΑΓΜΑ), надчеканах на них (ΧΑΡΑΚΤΗΡΗΣ), пошлинах (ΤΕΛΟΣ), предоставлении податных льгот при Антонине Пие (Карышковский 1963а: 102–103; 1959: 115; Nicorescu 1924: 394–396). О существовании в Тире судовладельцев-навклеров во II в. н.э. свидетельствует проксенический декрет в честь тирасского навклера Диофанта, сына Герака (IOSPE. I^2. № 365), осуществлявшего перевозки посольств херсонеситов (Сапрыкин 2001: 120–122). Тира имела гавань, которая была удобна для грузовых судов (ps. Scymn. 798–803). О приоритете торговых операций, осуществляемых морским путем, свидетельствуют и эпиграфические источники. Они содержат упоминания о торговых судах, фрахте, иностранцах, варварах (Сон 1993: 28). Скорее всего, на первом месте в торговом обороте стояли города Западного и Северного Причерноморья, что подтверждается находками соответствующих материалов (Сон 1993: 77), хотя нельзя отрицать наличие прямых контактов с центрами Средиземноморья.

О развитии внешней торговли свидетельствуют находки различных категорий вещественных материалов. Наиболее массовой категорией являются амфоры (не менее 10 типов), которые поступали из различных центров Причерноморья и Средиземноморья (Самойлова 1978: 245–266), в частности Ольвии, Южного Понта, Малой Азии, Италии. Из этих центров привозили в первую очередь вино и оливковое масло. Наряду с широко представленными в Тире амфорными материалами многочислены находки разнообразной краснолаковой посуды (кубки, канфары, тарелки, миски, блюда, чашки, кувшины, ойнохойи, фигурные сосуды, вазы). Анализ этой категории столовой посуды показывает большое ее разнообразие по типам (табл. 14). Не вызывает сомнение и тот факт, что она, как и большое количество краснолаковых светильников, поступала в Тиру, непосредственно из центров ее

производства (Пергам, Сирия, Самос, Италия, Северная Африка). Исследователи отмечают возможность ввоза больших объемов краснолаковой посуды через центры Нижней Мезии, где, кроме того, производилась керамика, повторявшая малоазийские образцы (Крапивина 1993: 119; Зубарь, Сон 2007: 197). Из мастерских городов Нижней Мезии, а так же Италии поступали художественные изделия из бронзы, такие как бронзовый сосуд в виде бюста юноши (Штерн 1906). Нижнемезийское происхождение имеют красноглиняные курильницы, мортарии с латинскими надписями, некоторые бронзовые изделия, в том числе и фибулы различных типов, изделия из стекла, кости, терракоты (Карышковский, Клейман 1985: 108).

Важную роль в упрочении благосостояния Тиры играла торговля с варварским населением. Зиждилась она в основном на перепродаже тирасцами полученных из других центров товаров, на поставке своих товаров и на получаемых взамен от варваров продуктах. Незначительное количество монет Тиры как на памятниках тирасской хоры, так и в более удаленных районах (Карышковский, Клейман 1985: 106), при больших объемах находок импортных предметов на варварских памятниках говорят об оживленном обмене, носившем в основном натуральный характер (Зубарь, Сон 2007: 199). Сложно точно определить, что именно получали жители Тиры от варваров. Скорее всего, это были продукты сельского хозяйства, в первую очередь зерно, вполне возможно, продукты скотоводства, металл в виде слитков или руды, вероятно, рабы, так как в римский период, изобиловавший военными конфликтами, захват пленных и их дальнейшая перепродажа были широко распространены. Связи с варварской округой подтверждаются находками в Тире большого числа керамики варварского облика (дакийская и сарматского вида), вещей, связанных с бытом варваров (сарматские зеркала, терракоты), каменная варваризированная скульптура (Гудкова, Крапивина 1990: 17–18; Дмитров 1949: 48; Фурманська 1957: 91; 1960а: 82; 1965: 50), а также данными эпиграфики (Сон 1993: 89 и сл.).

Таким образом, можно констатировать экономический подъем в период рубежа II–III и первой половине III вв., который был обеспечен как своим сельскохозяйственным и ремесленным производством, так и торговлей с варварами и античными центрами[1].

Экономика Тиры и в позднеантичный период являла собой естественное развитие хозяйства античного полиса в период глубокого кризиса античной системы. Значение Тиры как торгового и ремесленного центра уменьшается, но продолжает сохраняться на определенном уровне. В позднеантичный период отсутствует большая тирасская хора, но на окружающих территориях появляется большое число поселений черняховской культуры. Для населения Тиры основой жизни продолжает оставаться сельское хозяйство, не изменившее своих основных направлений. Вероятно, выращивались те же сорта голозерной пшеницы, просо, рожь. Косвенным подтверждением этого являются палеоботанические исследования соседней Ольвии (Крыжицкий и др. 1999: 331). В слоях Тиры этого времени встречено большое число костей домашних животных[2], что может свидетельствовать о росте значения животноводства в связи с сокращением посевных площадей.

---

[1] В связи с недостаточностью уровня исследований античной Тиры и ее окружения пока недоказанным является предположение о том, что ее экономический подъем был вызван не развитием собственного производства, а увеличением роли посреднической торговли (Зубарь, Сон 2007: 197)

[2] Определения остеологического материала сделаны Е.П. Секерской.

В конце II–IV вв. Тира продолжала оставаться значительным ремесленным центром. Сохраняется удовлетворительный уровень строительного дела. Зафиксировано три строительные периода в рамках послеготского слоя (Крыжицкий, Клейман 1979: 53). Несмотря на определенное ухудшение строительной техники, в Тире в это время сооружаются жилые многокамерные дома в двух уровнях. Находки шлаков и большого числа металлических изделий, изделий из стекла, силикатных шлаков, формочек для изготовления светильников, самих светильников явно местного производства, заготовок и изделий из кости (обкладки рукояток ножей, гребней, рашпилей и пр.), ткацких и рыболовных грузил свидетельствуют о развитии различных ремесел и промыслов.

Достаточно большую роль в жизни жителей Тиры продолжает играть торговля. С одной стороны сохранялись связи с античными центрами, с другой достаточно прочными были контакты с племенами черняховской культуры, фракийским миром и кочевниками. В позднеантичный период Тира уже не чеканила свою монету. Монет римской империи на городище и в его окрестностях было найдено немного (Столярик 1992: 19). Тем не менее, большое число импортных предметов, говорят о тесных связях с античными центрами. Так, выделено 8 типов амфор позднеантичного времени, происходящих из различных центров (Самойлова 1978). К варварам поступали вино и оливковое масло, столовая посуда, изделия из стекла, металла, кости.

Таким образом, Тира была важным ремесленным и торговым центром региона, обеспечивавшим всем необходимым как сельских жителей, так и варварские племена.

Политическое и социальное устройство. На протяжении всего периода своего существования Тира была эллинским центром. Ее государственное устройство имело вид, характерный для других греческих центров Северо-Западного Причерноморья. Общеизвестно, что греческие колонии Северного и Северо-Западного Причерноморья заимствовали, особенно на первых порах, государственный облик своих метрополий. Во многих апойкиях Милета государственное устройство первоначально носило аристократический или олигархический характер. Это наблюдается и в античных колониях Западного Понта. Олигархические формы правления были уничтожены в результате волнений в 70–60 гг. V в. до н.э. Ольвия, как явствует из источников раннего периода, так же имела олигархическую форму правления. Возможно, в раннем Борисфене власть ойкиста приближалась к тираническому способу правления (Лапин 1966: 146–147). Затем на смену этому политическому устройству пришла демократия (Крыжицкий и др. 1999: 344 и сл.).

Основным источником для определения формы государственного строя Тиры в эллинистический период является надпись конца IV – начала III в. до н.э. в честь неизвестного гражданина Тиры (Карышковский 1959: 112). В ней кроме Совета упоминается народ, а так же коллегии архонтов и агонофетов, т.е. обычные для этой формы органы самоуправления. Таким образом, в IV в. до н.э. в Тире существовала демократическая форма правления. Можно предположить, что первоначально здесь имел место аристократический образ правления (Карышковский, Клейман 1985: 44; Крыжицкий и др. 1999: 348). Ряд письменных источников указывают на различные признаки полисного устройства. В городе существовала обычная процедура награждения граждан и установление плит с соответствующими надписями. Кроме того, Тира обладала своей монетной чеканкой. Имела она и свою сельскую

территорию. Нерешенным остается вопрос о характере подчинении Тиры варварским властителям, например, Скилу или Атею, македонским царям или Лисимаху. Неясен статус города и в составе державы Митридата Евпатора. Тем не менее, источники позволяют видеть все признаки полисного устройства и в эти периоды (Карышковский, Клейман 1985: 79–80).

В римский период, несмотря на то, что город продолжал сохранять облик греческого города, тем не менее, его подчинение Риму изменило некоторые стороны его политического и социального устройства.

В городе имелась определенная прослойка представителей римской администрации и военнослужащих. Сложно судить, какими были повседневные отношения между римской администрацией и жителями Тиры, насколько многочисленны были чиновники, были они специально присланы или же их обязанности выполняли городские магистраты, оставались ли в городе вышедшие в отставку ветераны. Тем не менее, наличие в городе цитадели, где размещался гарнизон, может говорить в пользу определенной обособленности римской администрации.

В политическом отношении Тира была обычным римским провинциальным городом с определенными чертами автономии. Как явствует из надписей, в этот период Тира являлась вольным городом в составе империи – *civitas libera et immunis* (Diehl 1948: 1861–1862), т.е. имела подвластную ей территорию (хору), обладала правом даровать гражданство, имела свои законы и постановления. В городе действовал совет и народное собрание, различные коллегии. Коллегия архонтов состояла из прота (первый архонт), являвшегося эпонимом, и трех членов, был и городской секретарь. Важные документы скреплялись печатями архонтов, лица, вынесшего проект постановления на рассмотрение (эйсигета), и членов особой группы, состоявшей из 15 граждан, которые являлись, вероятно, бывшими магистратами, и принадлежали к высшему сословию декурионов, будучи членами совета (булевтами). Есть предположение, что город делился на четыре филы, которые появились еще во время основания города (Давня… 1998: 419).

Город сохранял определенную автономию: продолжал чеканить свою монету, располагал казной и сохранял право беспошлинной торговли. Но не следует преувеличивать степень самостоятельности Тиры и демократичности ее институтов. Над городом существовал контроль римских таможенных властей, здесь находился военный гарнизон. В составе Совета были и римские граждане, имевшие права гражданства и других римских городов (Давня… 1998: 419). Это явствует и из надписи Марка Аврелия Артемона, который имел одновременно с тирасским гражданством гражданства Истрии и Гераклеи (Иванчик, Сон 2004: 80–88). Характерным для этого времени является обращение, зафиксированное в нескольких эпиграфических источниках: «ΑΡΧΟΥΣΙ ΒΟΥΛΗ ΔΗΜΩ ΤΥΡΑΝΩΝ» (Архонтам, Совету, народу тиритов), где упоминание о народном собрании (народе) стоит в конце (IOSPE. I². № 41). Подобное обстоятельство говорит об утере народным собранием своих позиций. В III в. происходит дальнейшее ограничение прав городских властей. В 202 г. они теряют возможность предоставлять гражданские права. Свобода от пошлин при Северах становится под строгий контроль римских властей (Карышковский, Клейман 1985: 123–124).

В римский период наблюдаются более тесные, чем ранее, контакты с варварским окружением. Естественно предположить проживание в городе варваров, что подтверждается рядом соответствующих материалов.

После вывода римского гарнизона и последовавшего нападения на Тиру готов (Карышковский, Клейман 1985: 131–135; Зубарь, Сон 2007: 202), политическое и

государственное устройство Тиры не поддается реконструкции. Отсутствие источников не позволяет видеть в Тире «военно-политический и экономический центр готского объединения» (Зубарь, Сон 2007: 203). Скорее всего, Тира в этот период сохраняла какие-то полисные институты, позволявшие ей существовать еще некоторое время как античный центр.

Культура и религиозные представления. Открытая часть Тиры дает представление о ней как о значительном античном городе. В этой связи представляется, что в его градостроительной системе были агора, теменос, как центры сакральной и общественной жизни горожан. С эллинистического времени в Тире был обычай увековечивать выдающихся граждан не только посредством плит с почетными декретами, но и установкой статуй. Так, в III в. до н.э. в честь Автокла сына Ойн[иада] была установлена конная статуя (Виноградов 1999: 50–71). В римский период в Тире было поставлено несколько статуй в честь императоров, наместников. В надписи в честь Марка Аврелия Артемона говорится об установке статуи императора Севера Александра (Иванчик, Сон 2004: 80–88). Еще в XIX в. была обнаружена статуя наместника или императора (Карышковский, Клейман, 1985, 115)[1]. Недавно были обнаружены фрагменты мраморной статуи подобного типа, возможно, римского императора (Остапенко 2009: 397–399). Устанавливаются памятники и на некрополе (Сон 1993: 126–128). Скульптура небольших размеров и терракоты были необходимой частью быта жителей Тиры.

Надписи на камне, найденные в Тире, выполнены на койне и соответствовали государственно-правовым нормам эллинского полиса. В Тире существовал ионийский лунный календарь (IOSPE. II. № 2, 4; Карышковский 1963а: 103–104; 1971: 151), как в других милетских колониях Истрии и Ольвии (Крыжицкий и др. 1999: 555). Календарь был связан с культом Аполлона, почитание которого было характерно для жителей Тиры. Об этом же говорят фрагмент надписи с именем Аполлона Врача и многочисленные граффити (Карышковский 1959: 116; Самойлова 1988: 69 и сл.). Можно предположить, что в Тире соблюдались календарные празднества, принятые в Милете и его колониях, связанные с Аполлоном, Гермесом, Артемидой, как это имело место в Ольвии (Крыжицкий и др. 1999: 555 и сл.).

Особое отношение в Тире было к божествам связанным с плодородием и в первую очередь Деметре. Приоритетное почитание этих божеств характерно для ряда греческих центров Причерноморья (Нимфей, Китей и пр.). Естественно, можно предположить, что в Тире проводились празднества в честь Деметры и ее дочери Коры-Персефоны. Возможно, рядом с ней прославляли и Афродиту Доритиду, как божество, дающее плодородие. Известно совместное почитание Деметры и Афродиты в Греции и в Причерноморье (Горская 2002: 119; Paus. VIII, 31, 5). В ближайшем к Тире греческом городе Никонии в V в. до н.э. получил распространение синкретический культ Деметры-Коры-Афродиты (Секерская 1989: 106–107). Популярность этих богинь подтверждается многочисленными находками терракот, изображающих Деметру и Афродиту (Самойлова 2009: 390–396). Большое число терракотовых статуэток, связанных с культом богини Деметры, фигурок Матери богов Кибелы, в том числе и изготовленных тирасскими коропластами, свидетельствуют, и о возможности проведения мистерий Матери богов, элевсинских и дионисийских таинств, которые содержали идеи плодородия, бессмертия души и возрождения.

---

[1] Существует точка зрения, что эта статуя не тирского происхождения (Тункина 2002: 283, сн. 15).

В эллинистический период большую популярность приобретает культ Афродиты. Именно в это время начинают более рельефно выступать стороны культа Афродиты, связанные с мореплаванием. Это обуславливалось значительным развитием морской торговли в Тире. Сходную картину можно наблюдать и в других причерноморских центрах (Русяева 1982: 67). В эллинистический период, когда в греческие религиозные верования проникают восточные обряды, культ Афродиты сливался с культом египетской богини плодородия, воды и мореплавания Исиды, почитание которой, как и других египетских богов, имели место в Тире. Исида получила одинаковые эпиклезы с Афродитой, например, Пелагия (Paus. II, 4, 6). Одновременно в этот же период культ Афродиты, как почитание Афродиты Сирийской (существует мраморная и терракотовая статуэтки такого типа), сближается с культом фригийской богини Кибелы, дарующей плодородие.

На монетах Тиры встречаются изображения ряда греческих богов и богинь: Деметры (наиболее часто повторяющееся изображение), Геракла, Аполлона, Афины, Тихе, Гермеса, Диониса, Асклепия (Зограф 1957). Кроме изображений на монетах образ Геракла запечатлен и на интальях, его имя есть на граффити (Avakian 1927). Не лишним будет упомянуть и свидетельство Геродота о следе стопы Геракла в скалах у реки Тираса (Herod. IV. 51). Посвятительные граффити содержат имена Деметры, Афины, Артемиды, Диониса, Гефеста, Гелиоса, неизвестного бога с титулом Сотер (Головко 1961; Cojocaru 2002a). Терракоты, найденные в Тире представляют культы тех богов, которые почитались во всем Нижнем Поднестровье: Зевса, Коры, Баубо, Кибелы, молодого Сатира, Эрота и Эрота-Танатоса, Диониса, Афродиты, Аполлона. Как в любом античном городе в Тире были и мраморные изображения божеств, которые стояли в храмах и на площадях. В XIX в. была найдена голова большой статуи, изображавшей Деметру. При раскопках были обнаружены статуя быка, которая могла служить приношением в храм этой же богини, торс Афродиты, фрагменты мраморной фигурки и бронзовой статуи Афродиты, вырезанная из кости фигурка этой богини, плывущей вместе с Эротом по морю в раковине (Самойлова, Батизат 2001) и др.

Находки монет Тиры на острове Левке, где находилось святилище Ахилла, а также изображение этого божества на мерном сосуде и граффити с его именем как владыки Скифии на дне чернолакового сосуда конца V в. до н.э. (ΑΧΙΛ]ΛΕΙ ΣΚΥ[ΘΙΑΣ), говорят о его почитании и в Тире в качестве владыки Скифии (Cojocaru 2002: 199–205).

Период эллинизма вследствие политики Александра Македонского, стремившегося объединить Восток и античный мир, стало временем, когда в греческий пантеон проникают культы Востока и Египта. В Тире этот процесс иллюстрируется надписью, упоминающей Сераписа и Исиду, которая находилась в соответствующем храме (IOSPE. I^2: № 5). Кроме того, в 2006 г. был найден фрагмент мраморной плиты с надписью, содержавшей имена Сераписа, Исиды, Анубиса, датируемой II–I вв. до н.э. (Иванчик, Самойлова 2007: 150–156). В римский период почитание Сераписа и Исиды продолжалось, о чем свидетельствует фрагмент надписи с именем богини (Иванчик, Самойлова 2007: 154–155). Своеобразием религиозных представлений граждан тирасского полиса является существование культа речного божества – Тираса, изображение которого в виде бородатой головы с клешнями рака на висках встречены на эллинистических монетах Тиры (Зограф 1957а: 48). Некоторые исследователи связывают появление этого изображения, так же как

образа и символов Диониса на тирасских монетах с панэллинской политикой Митридата VI Евпатора, который считал Диониса своим божественным покровителем (Шелов 1962: 100–101).

Большое значение уделяли жители Тиры различным магическим действиям, связанным с обеспечением плодородия полей, скота, содействием деятельности людей, отвращением зла и т.д. Известны находки, связанные с магическими действиями: остраконы с изображениями отдельных букв, простых линий, перекрестий (Cojocaru 2002a), различные амулеты.

Во II–III вв. Тира была одним из центров римской провинциальной культуры в регионе. Она имела храмы и портики, площади украшались статуями императоров, легатов провинции (Остапенко 2009: 396–401). В первые века н.э. ведущее место в пантеоне богов Тиры, вероятно, занимала Афина. Кроме изображений этой богини на монетах (Зограф 1957a: 37), известны граффити с именем богини, терракотовая голова Афины в шлеме, обломок мраморной статуэтки с ее изображением, керамический штамп, изображающий Афину у алтаря, инталья с бюстом Афины (Крыжицкий, Клейман 1979: 52; Островерхов, Батизат 2002: 114–115). Другим женским божеством, особенно почитаемым в Тире в этот период, была малоазийская Кибела. Ее изображения так же встречаются на монетах Тиры (Зограф 1957a: 36), где она предстает сидящей на троне, с венком или фигуркой Ники в руке. Возможно, это изображение было сделано с какого-то статуарного образца, находившегося в Тире (Зограф 1957a: 51). Божеством, связанным с римским пантеоном был Геркулес, культ которого был особенно близок к мифологической истории Северного и Северо-Западного Причерноморья. Его изображения часты на монетах Тиры, где он предстает в виде бородатого или безбородого обнаженного атлета с палицей в руке (Зограф 1957a: 52–53). На монетах Тиры этого времени встречаются изображения и других божеств: Тихе, Деметры (известны интальи с изображением богини), Диониса, Гермеса, Ники, речного божества Тираса. Герма Диониса найдена в домашнем святилище римского времени (Фурманская 1960: 79). Особняком стоят изображения на монетах собственно римской символики: героизированный император, скачущий на коне, римский сенат, персонифицированный в образе юноши в венке, римские орлы, встречаемые и на других предметах, например, на интальях (Островерхов, Батизат 2002: 118–119). Ничего не известно в этот период о культе Аполлона. Единственное свидетельство о культе его сестры Артемиды сохранилось в виде мраморного рельефа, изображающего богиню-охотницу (Nicorescu 1924: 393–394). К кругу античных божеств этого времени принадлежат Асклепий и Гигея, статуэтка которой была найдена в Тире (Карышковский, Клейман 1985: 117). Резные камни с изображениями Зевса, Гермеса (Фурманская 1962a: 134), герма Приапа (Nicorescu 1924: 392) говорят о почитании этих богов в римское время.

Достаточно много свидетельств проникновения фракийских культов, которые были широко распространены среди римских легионов, дислоцировавшихся в придунайских провинциях. Об этом можно судить по находкам каменных рельефных вотивных плиток с изображениями бога-всадника (табл. 16, 4) или как еще принято называть его – фракийского всадника (Остапенко 2009; Фурманская 1965: 158–164). Специфическими культовыми памятниками являются посвящения доброму гению-покровителю – *Tempori bono* (IOSPE. I². № 6), алтарь, поставленный в честь Митры военными моряками (Карышковский 1979: 85–88), мраморный рельеф с изображением Юпитера Долихена, найденный у с. Беленькое, Белгород-

Днестровского района и др. Перешли в пантеон Тиры римского времени и синкретические греко-египетские божества. Известны находки мелких амулетов, изображавших Осириса, богиню Секет, Беса, скарабеев (Карышковский, Клейман 1985: 117), надписи на мраморной плите и граффити с упоминанием Исиды (Avakian 1927: fig.1, 32).

Отправление культов в Тире римского времени происходило как в храмах, (одно из культовых сооружений находилось, вероятно, в южной части цитадели), так и в домашних святилищах. Здесь находились алтари, каменные и глинобитные. Святилищем домашнего типа было одно из помещений дома № IV. Здесь под завалом черепицы находилось три скульптуры: герма Диониса, рельеф с изображением сидящих мойр и статуэтка воина со щитом, два ритуальных одноручных сосудика с надписью белой краской «ΠΕΙΝΕ ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ» («пей, радуйся»), связанные с заупокойными обрядами. В центре помещения находилась глинобитная площадка, возможно алтарь или жертвенник (Фурманская 1960а; 1962). В одном из домов позднеантичного времени в южной части ЦР был обнаружен каменный алтарь прямоугольной формы.

На религиозные представления жителей Тиры определенное влияние оказывали варварские культы, о чем говорят изображения как фракийских всадников, так и варварской богини, изображения которой в виде терракот или каменных скульптур встречаются в римских слоях (Дмитров 1949: 51). Можно считать изображением варварского мужского божества и фигуру из камня, найденную в домашнем святилище дома № IV (Фурманская 1960а; 1962).

Отношения с варварскими социумами были важны для тирасского полиса на протяжении всей его истории. Находки в слоях Тиры варварской керамики VI–V вв. до н.э. заставляют предполагать наличие контактов с варварами уже на этом этапе. Они были в это время, возможно, как в сфере экономической, но более в бытовой и политической. Главную часть греков-переселенцев составляла мужская молодежь. Вполне естественно, на новой родине эллины должны были искать себе жен среди варварского населения. Кроме того, какая-то часть варваров, обитавших в прилегающих районах могла попасть в Тиру и проживать здесь в качестве какой-то зависимой категории населения. Следует отметить, что для эллинистического времени количество гетской керамики численно очень велико (рис. 113) и в некоторые периоды приближается к 20% от числа всей керамики, исключая амфоры (Гаврилюк 2010). Характерной особенностью Тиры является не только присутствие разнообразной фракийской посуды, но и наличие ее в закрытых комплексах античных домов. Метисация эллинского населения Нижнего Поднестровья и в частности Тиры, вероятно, начинается сразу после основания колоний. Определенный интерес в этом отношении может представлять ономастика Тиры (Юргевич 1883: 16; Златковская 1951: 115; Зограф 1957: 14; Фурманская 1963: 50; Савостина 1977: 134; Карышковский, Клейман 1985: 77, 112–114; Сон 1993: 80–106). Так как основная часть источников, содержавшая имена жителей Тиры относится к римскому времени, то соответственно данные об их этническом составе наиболее достоверны именно для этого периода. Число имен, зафиксированных в источниках доримского времени совсем невелико – всего 12. Они все являются греческими и всего одно из них носит отпечаток иного этноса (Bean, Cook 1957: 105–106, № 1; Граков 1939: 310–311; IOSPE II, № 5; Карышковский 1959: 113–115, № 2; Карышковский 1966: 149–15). Естественно, что при наличии выходцев из варварской среды среди жителей Тиры, представляется вполне вероятным влияние культуры варваров на элли-

нов. Следует все же констатировать, что оно не было достаточно значительным. Не прослеживается и никаких лексических заимствований из языка фракийцев или скифов в эпиграфике Тиры. Не наблюдается следов варварского влияния и на внешний облик самого города. Можно говорить об определенном синкретизме верований, что находит свое отражение в находках значительного числа антропоморфных и зооморфных миниатюрных глиняных идолов (Остапенко 2005) (рис. 118).

Население города в римский период его истории было более пестрым, чем ранее. Кроме традиционной греческой прослойки населения в городе были, несомненно, представители варварских племен, обитавших в регионе: фракийцы, поздние скифы и др. О составе населения Тиры можно судить в определенной мере и по именам, встречаемых в надписях (всего 50 имен):

1. 15 человек имели только греческие имя и патронимик (IGR, № 229; IOSPE, I^2, № 2; Avakian 1927: N 1, 14, 32; Граков 1939: 312, № 5).

2. 14 человек – имена римского происхождения (IOSPE, I^2, № 2, 4, 7, 9; Карышковский 1959: № 4–7).

3. 9 человек носили смешанные греко-римские имена (IGB, N 228в; IOSPE, I^2, № 2, 11; Юргевич 1893: 11–13; Иванчик, Сон 2004: 80–88).

4. 9 человек обладали именами с фракийскими, иранскими и иными варварскими элементами, которые сочетались с греческими или римскими (IGR, N 228в, 229; IOSPE, I^2, № 2).

5. 3 человека носили только варварские имена, иранского или фракийского происхождения (IGR, N 229; IOSPE, I^2, № 11; Сон 1993: 88).

Таким образом, основными группами населения полиса были греки, римляне и варвары (фракийцы и представители кочевых сообществ). Кроме того, имена дают картину определенного смешения различных этнических компонентов. В Тире отмечается более высокий процент римских имен по сравнению с другими центрами Северного и Северо-Западного Причерноморья – 22,5%, из которых 17,5% имен принадлежит военным (Сон 1993: 96). Это свидетельствует о той важной роли, которую играла Тира в системе военных опорных пунктов римлян в Причерноморье.

История Тиры. Тира была основана милетянами в самом конце VI в. до н.э. Само первоначальное название города – ионийское слово Офиусса, означало «змеиный». Оно затем было заменено названием, созвучным имени реки – Тирас или Тира. Изменение названия должно было произойти в конце V в. до н.э., до появления первых монет города, и уже имевших надпись TYRANON. Это изменение имени могло произойти в момент появления второй волны поселенцев, что было частой практикой в греческих городах-колониях. Кроме того, к концу V в. до н.э. прекращают свое существование сельские поселения в Нижнем Поднестровье, жители которых могли так же влиться в состав общины Офиуссы. Все они ощущали себя обитателями земель возле реки Тирас, и изменение названия города на имя реки достаточно логично.

Скорее всего, вначале Офиусса-Тира была довольно небольшим населенным пунктом, затем занявшим ведущее место в регионе. Только в IV в. до н.э. на правом берегу появляется ряд поселений, которые составили хору Тиры. Эта модель освоения греками новых территорий отличалась как от модели, примененной при колонизации левого берега Тираса, так и от того процесса, который наблюдался в Нижнем Побужье. В первом случае одновременно было основано несколько насе-

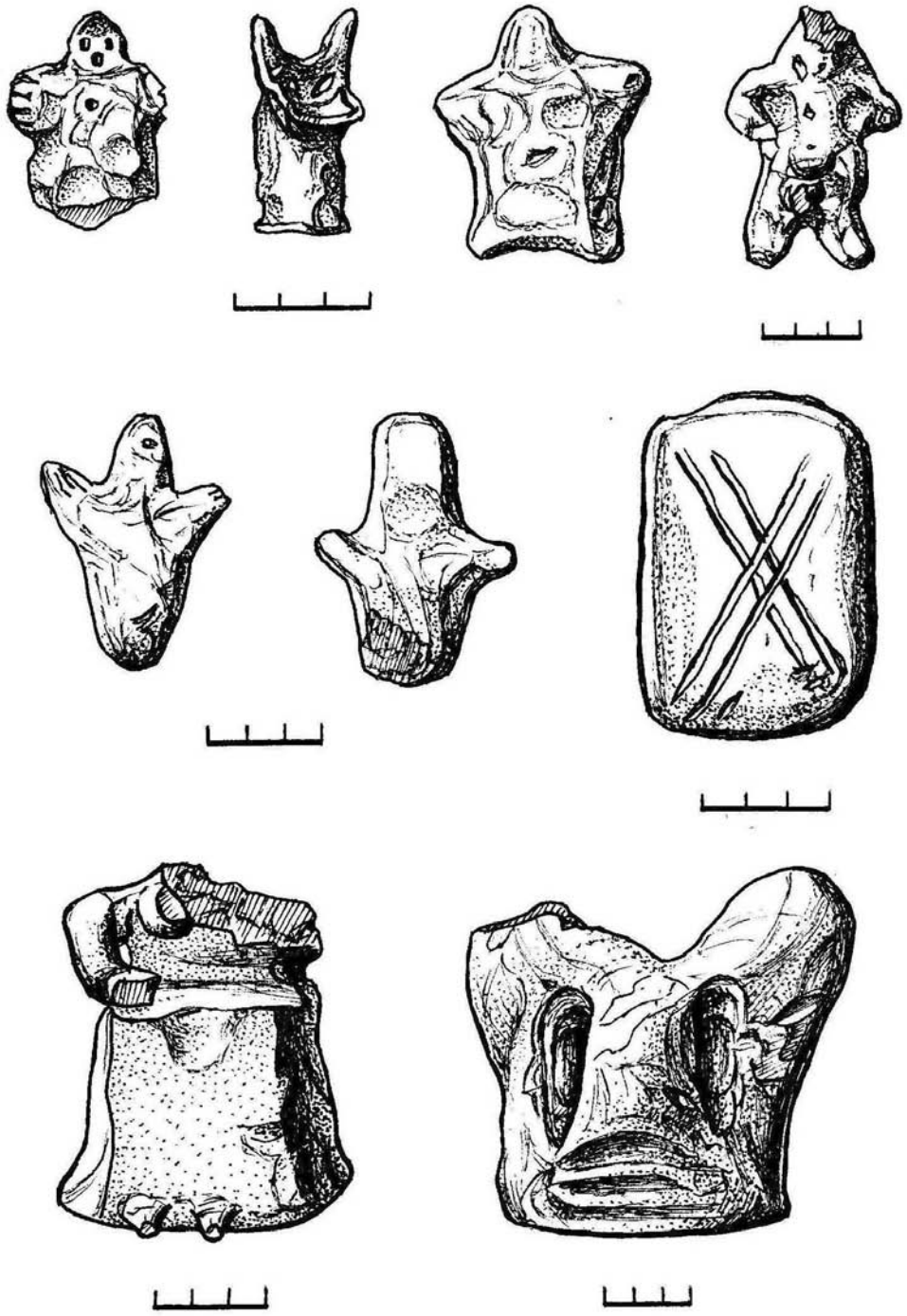


Рис. 118. Лепные терракоты

ленных пунктов, среди которых достаточно быстро выделился Никоний, во втором – колонисты первоначально осели на полуострове Березань, затем были освоены территории на материке, где и была основана Ольвия в окружении сельских поселений.

Весь доримский период жители Тиры жили в тесном соседстве с варварскими племенами, обитавшими в Северо-Западном Причерноморье. Своеобразием положения Тиры, как и других античных городов Северо-Западного Причерноморья, было то, что они возникли в западной части степной зоны, простиравшейся от Амура и лесов Приморья на востоке до Венгрии на западе. Эллинам приходилось жить рядом с постоянно менявшимся миром кочевников, кроме того, эта территория была зоной, где соседствовали два мощных варварских массива: кочевой и оседлый.

После ухода из Причерноморья киммерийцев сюда в обезлюдевшие земли с востока пришли скифы. Археологические данные свидетельствуют, что проникновение этого кочевого народа в Днестро-Дунайское междуречье было постепенным, а заселенность региона была долгое время очень слабой. Тем не менее, в Тире найдена в небольшом количестве керамика VI–V вв. до н.э. скифского и фракийского происхождения (Самойлова 1985: 51–59). Взаимоотношения между эллинами и варварскими племенами были достаточно непростыми. Прекращение жизни на поселениях левого берега Тираса в V в. до н.э., достаточно скромное существование Офиуссы-Тиры связаны именно с этой неспокойной ситуацией. В то же время можно констатировать, что в античных поселениях Нижнего Поднестровья в этот период присутствует прослойка гетского населения (Самойлова 2000а: 79–86).

Периоды мирных передышек сменялись конфликтами между скифами и населением, обитавшим к югу от Дуная. Например, в «Истории» Помпея Трога в изложении Юстина, рассказывается о войне около 340 г. до н.э. скифов с истрианами (Just. IX. 2, 1–2). Плиний (Plin. NH. IV. 82) помещает их между Тирасом и Истром, т.е. в непосредственной близи от Тиры, таким образом, она вполне могла оказаться в районе конфликта.

Тира находилась на пути движения с востока на запад всех варварских кочевых орд. Кроме того, вблизи от нее проживали воинственные фракийские племена гетов и других варваров, которые часто враждовали как между собой, так и с греческими городами. Не следует забывать и о постоянно обращенных на северо-восток алчных взглядах македонских царей, стремившихся к доминирующей роли в припонтийском регионе.

Трудно судить, как сказались на жизни региона и собственно Тиры крупные военные события конца VI–V вв. до н.э. Одним из наиболее значимых был поход Дария Гистаспа против скифов между 520 и 507 гг. до н.э. Невозможность победить скифов, в конце концов, заставила Дария прекратить поход и уйти из Скифии. Однако продвижение Дария, а затем и ответный поход скифов за ним на запад, должны были пролегать через Нижнее Поднестровье. Геродот говоря об этом конфликте, не упоминает об эллинах, живших в этих местах. Однако, обращает на себя внимание его свидетельство о присутствии здесь в это время ионийских греков и милетского тирана Гистиея, охранявших для Дария мост через Истр. Вполне возможно, что именно это обстоятельство позволило грекам ознакомиться с ситуацией в Северо-Западном Причерноморье. После отступления Дария, положение в степях Днестро-Дунайского междуречья было благоприятным для основания новых колоний: скифы были ослаблены борьбой с персами и здесь не было постоянного населения. Представляется вполне вероятным основание Офиуссы-Тиры именно после похода Дария (Самойлова 2004).

После войны с персами античные авторы отмечают усиление военной активности скифов направленной на запад. Античная литература сохранила свидетельства о нескольких походах скифов, которые могли пролегать мимо греческих колоний Нижнего Поднестровья. В 496–495 или 494 г. до н.э. произошел поход кочевников в сторону Херсонеса Фракийского, затем поход скифов под предводительством царя Октамасада (сер. V в. до н.э.) против фракийцев, к которым бежал другой свергнутый скифский царь – Скил (Herod. IV. 80). Некоторые исследователи считают, что в этот период скифы устанавливают свой протекторат над некоторыми античными городами Северо-Западного Причерноморья: Ольвией, Никонием и, возможно, Тирой (Виноградов 1989: 90–108; Карышковский 1988: 49, 50). Исследования последних лет Ольвии поставили под сомнение эту возможность (Крыжицкий и др. 1999: 152–154).

В V в. до н.э. военная активность скифов заставила жителей Тиры возвести систему оборонительных сооружений (конец V – начало IV вв. до н.э). Тем не менее, не стоит думать, что отношения с варварами носили постоянно враждебный характер, так как экономика города в этот период развивается по восходящей линии.

В первой четверти V в. до н.э. усиливается позиция Афин на Понте. В Тире, это подтверждается ростом находок аттической чернолаковой керамики (Секерская 1980). В результате экспедиции Перикла в Понт влияние афинской политики в античных городах Причерноморья усиливается. Афины пошли по пути включения городов Понта в Афинский морской союз, о чем говорит уже упоминавшаяся надпись со списком городов Причерноморья, уплачивавших форос. В числе прочих в надписи реконструируется имя Тиры (Карышковский 1959: 124–125).

В IV в до н.э. в Северо-Западном Причерноморье складывается сложная политическая ситуация. С одной стороны в Добрудже формируется мощное скифское государство во главе с царем Атеем, с другой – активизируется Македонская держава. Ее царь Филипп II, отец Александра Македонского, начинает создавать сильную державу. В связи с этим в Западном Причерноморье произошел военный конфликт македонцев со скифами, приведший к поражению последних и гибели Атея. В 335 г. до н.э. против гетов в район Дуная совершил удачный поход Александр Македонский. Плутарх свидетельствует о том, что Александр угрожал и скифам (Plut. 1, 3). Через четыре года македонцы под предводительством полководца Александра Зопириона осуществляют поход в Причерноморье (Strabo. VII. 3. 14, 17; Arr. Anab. I. 4). Пройдя через Нижнее Поднестровье до низовьев Днепра, войско Зопириона осадило Ольвию в 331 г. до н.э. У нас нет ни одного письменного свидетельства о том, как отразился этот поход на Тире и на других эллинских пунктах Северо-Западного Причерноморья. Тем не менее, часть оборонительной системы Тиры приходит в упадок именно в это время. Затем происходит ее перестройка, как и жилых кварталов, что можно связать с ликвидацией последствий военных разрушений. В конце третьей четверти IV в. до н.э. оборонительные сооружения Никония были так же разрушены, а жилые постройки погибли в пожаре (Секерская 1989: 48). Похожая картина наблюдается и в Ольвии (Крыжицкий, Лейпунская 1988; Лейпунская, Самойлова 1994), которая подверглась нападению Зопириона (Латышев 1887: 65, 66). На обратном пути Зопирион и его огромное 30-тысячное войско погибли в степях Бессарабии.

В IV в. до н.э. на берегах Днестровского лимана появляются смешанные греко-варварские поселения, скорее всего составлявшие хору Тиры. Наличие одновременно как поселений с гетской керамикой, так и скифских курганов, говорит о том,

что гетское население сосуществовало рядом со скифскими кочевьями достаточно мирно.

После смерти Александра Македонского, в конце IV – начале III вв. до н.э. в западнопонтийском регионе македонские правители и, в частности, царь Лисимах продолжали попытки подчинить земли по обоим берегам Истра. В своих устремлениях они испытывали сопротивление со стороны и гетов, и эллинских городов. Диодор приводит сведения о конфликте западнопонтийских городов и в частности Каллатиса с Лисимахом (Diod. XIX. 73, 1–10; XX. 25, 1; XX. 112, 2). Возможно, позицию, направленную против экспансии македонцев, занимала и Тира (Карышковский, Клейман 1985: 63).

На северном берегу Дуная в начале III в. до н.э. гетские племена образовали государство во главе с царем Дромихетом. Можно предположить, что Днестро-Дунайское междуречье входило в его состав (Paus. I. 9, 6). Именно здесь в 293–292 г. до н.э. произошло столкновение Дромихета с Лисимахом (Diod. XXI. 12, 1–2; Strabo. VII. 3, 14.). В связи с довольно напряженной ситуацией в регионе Тире приходилось все время избирать такой стиль политического поведения, чтобы с одной стороны, не вызывая недовольства тех или иных варварских царей, оставаться в дружеских отношениях с соседними греческими полисами, а с другой – стараться не ссориться с македонцами.

После смерти Лисимаха Каллатис пытается играть доминирующую роль в регионе и, возможно, устанавливает более тесные отношения с Нижним Поднестровьем. Об этом говорит и декрет (III в. до н.э.) жителей Каллатиса в честь одного из граждан Тиры. В нем указывается, что этот тирасец оказывал услуги каллатийцам, находившимся в Тире (IOSPE. I^2. № 27). Попытка доминирования Каллатиса в конечном итоге завершилась его поражением в военном конфликте с другим греческим полисом – Византием около 260 г. до н.э. П.О. Карышковский, анализируя одну из надписей Ольвии, предположил, что она могла выступить на стороне Византия (Карышковский, Клейман 1985: 64–65). Вероятно, Тира поступила аналогично.

Со смертью Дромихета его царство распалось на несколько мелких государственных образований. Возможно, что в III в. до н.э. над «гетской пустыней», как называл земли Днестро-Дунайского междуречья Страбон (Strabo. I. 3, 7), властвовал гетский царь Акросандр. Материалы Тиры дают картину тесных контактов города с гетами после распада царства Дромихета.

К концу III в. до н.э. в регионе появляются сарматы, которые постепенно вытесняют скифов. Последние покидают междуречье Дуная и Днестра (захоронения III в. до н.э. на этой территории отсутствуют). Как свидетельствовал Диодор, сарматы «опустошили значительную часть Скифии.., превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. II. 43, 7). Одновременно достаточно большую активность в Европе проявляют кельты. Кельтские памятники, а так же отдельные вещи достаточно редки к востоку от Карпат, хотя они известны даже в Причерноморье. В этом отношении интересны находки фрагментов кельтских стеклянных браслетов в Тире (Островерхов 2010), бронзового кельтского шлема в ее окрестностях, обломка мраморного рельефа с изображением воина с кельтским щитом. Ситуация в Северо-Западном Причерноморье в этот период достаточно ясно обрисована в декрете в честь Протогена из Ольвии и декрете в честь Агафокла из Истрии. Города Северо-Западного Причерноморья фактически находились в зависимости от вар-

варских царьков. Ольвия находилась в землях, принадлежащих сарматскому племени саев (Смирнов 1981: 3–26). Их царь Сайтафарн постоянно требует от города «даров проезда» (IOSPE. I². № 32). Аналогичная ситуация должна была сложиться и в Тире.

Значительную угрозу для греческих городов Северо-Западного Причерноморья представляло племя бастарнов, появившееся, согласно Помпею Трогу, в Карпато-Дунайском бассейне еще около 230 г. до н.э. (Schmidt 1934: 87). У псевдо-Скимна сохранились сведения о «пришельцах бастарнах», живших в низовьях Дуная (ps. Scymn. 797). Более поздние данные приводит Страбон, который помещает бастарнов уже в Нижнем Поднестровье (Strabo. II. 5, 12; VII. 1, 1; VII. 3, 1). Они проявляют большую активность: ведут успешные военные действия против гетского вождя Орола, затем в качестве союзника македонского царя Филиппа V участвуют в военных конфликтах на Балканах, направленных против римской экспансии (Just. XXXII. 3, 16; Liv. XL. 57, 2–5). Таким образом, положение Тиры в позднеэллинистический период было достаточно сложным. В первой половине III в. до н.э., вероятно, в результате военного конфликта исчезают сельские поселения Днестровского лимана. В самой Тире прослеживаются разрушения и пожары. Можно предположить, что виновниками этих событий могли быть бастарны (Карышковский, Клейман 1985: 71).

В позднеэллинистический период город мог находиться в сфере интересов правителей Малой Скифии. В Тире были обнаружены монеты правителей Малой Скифии: Хараспа, Канита, Сариака, Элия (Бурачков 1884: 17; Карышковский, Коциевский 1979: 93).

В конце 80-х – 70-х гг. II в. до н.э. в Причерноморье активизируется Понтийское царство. Его царь Фарнак I (Polyb. XXV. 2, 12) начинает проводить политику объединения всех эллинов Понта Евксинского под своей эгидой. Есть предположение, что было заключено соглашение между Ольвией и Фарнаком (Виноградов 1989: 230; Щукин 1994: 139). Испытывала определенное влияние Понтийского царства и Тира. Постоянные контакты с Синопой и Херсонесом, находившимися в орбите политики понтийских царей подтверждаются находками монет и вещественных материалов из этих центров.

Понтийский царь Митридат VI Евпатор продолжал филэллинистическую политику своих предшественников, стремясь не только объединить эллинов, но и привлечь к себе варваров. На пути претворения этих идей в жизнь естественно стоял Рим с его стремлением к мировому господству. Для борьбы с Римской державой Митридат Евпатор предполагал опереться на греческие государства Понта. Постепенно он вводит свои гарнизоны в эллинские города Северного и Северо-Западного Причерноморья. К сожалению, в Тире не было найдено никаких эпиграфических источников, которые могли бы осветить подробности взаимоотношений города с Митридатом. Тем не менее, близость типов ряда монет Тиры к монетам митридатовской державы, а так же достаточно многочисленные находки последних позволяют предположить, что город находился в сфере влияния, если не в подчинении понтийским царям (Шелов 1962). Не исключена возможность присутствия в городе гарнизона понтийского царя, но формально город сохранял свою самостоятельность (Карышковский, Клейман 1985: 80; Зограф 1957а).

В 80–70 гг. I в. до н.э. происходят открытые военные действия между Римом и Митридатом Евпатором, которые демонстрируют перевес римлян. В этой ситуации западнопонтийские города стремятся сохранять нейтралитет и ищут союзников

среди фракийских царей, правда, безуспешно. Римские войска наносят удар по одному из фракийских племен бессов, бывших на стороне понтийского царя, и захватывают западнопонтийские города: Томы, Кабилу, Истрию, Аполлонию, Каллатис и др.

В середине I в. до н.э. политическая ситуация в Западном и Северо-Западном Причерноморье во многом определялась событиями во Фракии, где выдающуюся роль играл царь гетов Биребиста. «Биребиста, гет, достиг верховной власти над своим племенем. Ему удалось возродить свой народ… и настолько возвысить его.., что за несколько лет он основал великую державу... Он стал внушать страх даже римлянам...» (Strabo. VII. 2, 11, 13). Письменные источники содержат сведения о нападении Биребисты на все античные города от Аполлонии до Ольвии включительно и их разрушении. Относящаяся к этому периоду надпись из Истрии в честь Аристагора сообщает о том, что вследствие нашествия варваров горожанам пришлось оставить свой город и рассеяться по стране (Латышев 1887: 146). Сообщение Диона Хрисостома перекликается с данными вышеупомянутого декрета. Он даже констатирует, что в опустевшие эллинские города пришли геты (Латышев 1887: 146; Златковская 1951: 23). Предполагаемое нападение Биребисты на Тиру, скорее всего, произошло во время похода в сторону Ольвии, который может датироваться 48 г. до н.э. (Pippidi 1981: 255–262) или 55 г. до н.э. (Виноградов 1989: 264). Тем не менее, как в Ольвии, так и в Тире явных следов военного нападения в середине I в. до н.э. не обнаружено. Существует точка зрения, что жители Ольвии, так же как и обитатели Истрии еще до прихода Биребисты оставили свой город и укрылись на сельских поселениях у варваров (Крыжицкий и др. 1999: 295–296).

Можно предположить, что целью похода Биребисты не было установление контроля над греческими городами. Он, скорее всего, стремился только к грабежу (Златковская 1955: 90–91). Гибель гетского царя привела к распаду его державы. Греческие города Западного и Северо-Западного Причерноморья постепенно восстанавливаются. При императоре Августе в Истрии уже существовал храм, ему посвященный (Inscriptiones Scythiae... 1883: № 146). В Ольвии был сооружен портик в честь Августа и Тиберия (IOSPE. I^2. № 181), что свидетельствует об определенной тяге греческих городов к сильному Риму, могущему предоставить защиту грекам от варваров и обеспечить им спокойную жизнь. Но напряженность в регионе сохраняется. Около 16 г. до н.э. в Добруджу вторгаются кочевники-сарматы. Походы Марка Лициния Красса (29–28 гг. до н.э.), Л.Тария Руфа, Элия Ката и Гн. Корнелия Лентула (начало I в. н.э.) были направлены на укрепление позиций римлян в бассейне нижнего течения Дуная.

В период правления Августа западнопонтийские города вошли в состав Римской империи. Римляне, стремясь укрепить свои позиции в регионе, воюют с варварами – фракийцами, бастарнами, сарматами. После прихода к власти императора Тиберия, была организована провинция Мезия (App. Illyr. 30), в которую в середине 40 гг. вошла вся прилегающая к Дунаю территория и Добруджа (Pippidi, Berciu 1965: 305–307). В начале I в. н.э. Ольвия устанавливает тесные связи с Римской империей, о чем свидетельствует надпись, сделанная от имени Абаба, сына Каллисфена, установившего портик в честь императоров Августа и Тиберия (Крыжицкий и др. 1999: 305). После ликвидации Одрисского царства и непосредственного поглощения его земель Римом, греческие города передаются под управление администрации провинции Мезия.

Положение Тиры в период между гетским нашествием и прямым подчинением города Риму реконструируется достаточно условно из-за почти полного отсутствия источников. Исключением является один обломок надписи, в которой упомянут сын какого-то царя, возможно, владетеля Одрисского царства (Карышковский, Клейман 1985: 87). О связях в этот период Тиры и Фракии, говорят неоднократные находки монет фракийских династов Реметалка I и Реметалка II (Анохин, Пушкарев 1965: 195, 197).

Несомненно, что Тира в первой половине I в. уже привлекает внимание Рима. Это косвенно подтверждается фактами укрепления ольвийско-римских контактов в период пребывания на посту легата провинции Мезия (между 57–67 гг.) Тиберия Плавтия Сильвана (Виноградов 1994: 166–169), который осуществил ряд мероприятий, направленных на упрочение власти Рима, в частности, таковым был его поход в Крым. Вероятно, в связи с этим на ольвийской периферии появляются военные лагеря (Буйских 1991: 67–68). На связи Тиры с Римом в I в. указывают и достаточно большое число римских монет с надчеканами TYP (Бурачков 1884: 93; Карышковский, Коциевский 1979: 93), что было возможно только при определенных отношениях с римской администрацией (Карышковский, Клейман 1985: 90). В 56 или 57 гг. н.э. в Тире было введено новое летоисчисление, кроме того, появление в дальнейшем на монетах Тиры римской символики свидетельствуют о последующем подчинении ее Римом (подр. см. Карышковский, Клейман 1985: 90–92)[1]. Это соответствовало желанию полиса найти защиту от варваров у могущественного государства. Походы сармат и даков против римлян в первой половине I в. н.э. были постоянными. В связи с этим в Мезии увеличивается римский военный контингент и к 71 г. здесь размещались V Alaudae («легион Жаворонка»), I Италийский, и XI Клавдиев легионы. Завершается формирование нижнедунайской флотилии (Флавиева Мезийская), был усилен нижнедунайский лимес. Пока трудно сказать, когда появился римский гарнизон в Тире. Первая датируемая надпись из Тиры, которая свидетельствует о его присутствии, относится к 116–117 гг. Однако возможно, что гарнизон появился еще в I в. (Шелов 1981: 53–54). Первая надпись, связанная с римским гарнизоном была поставлена от имени наместника Нижней Мезии Кв. Росция Помпея Фалькона командиром тирасского вексиллатиона, которым был центурион V Македонского легиона, из подразделения которого, а так же вспомогательных отрядов и состоял первоначально тирасский гарнизон. В разное время в состав вексиллатиона в Тире входили подразделения I Италийского, XI Клавдиева легионов, о чем говорят, помимо эпиграфических источников, клейма на черепицах с именами легионов. В состав гарнизона входили и вспомогательные отряды (ауксилии). Во главе гарнизона стоял командир в чине центуриона. Кроме того, известно, что в гарнизоне находились писарь, фельдшер или санитар, всадник, знаменосец (Nicorescu 1937: № 1, 2).

Кроме сухопутных подразделений в Тире была стоянка римского флота. Об этом говорят начерченное на кирпиче изображение военного корабля, надпись на алтаре в честь Митры, поставленном воином, служившим на корабле, надпись, содержавшая упоминание о легких военных судах – либурнах, а также моряках и воинах, несших на них службу – классиариях (Карышковский 1959: 15; Максимов 1955; Nicorescu 1924: 94–396).

---

[1] Существует точка зрения о том, что Тира не была включена в состав провинции Мезия и не являлась провинциальным римским центром, а отношения строились на союзной основе (Зубарь, Сон 2007: 190).

После включения Тиры в состав провинции Нижняя Мезия ее судьба во многом была похожа на судьбу других античных городов региона. Римские власти, стремясь упрочить свое положение, осуществляют ряд мер для защиты от варваров двигавшихся с востока. Римские гарнизоны прибрежных городов были связаны как морским, так и сухопутным путем. Их местоположения были изображены на дошедшем до наших дней кожаном щите, принадлежавшему воину XX Пальмирской когорты: Одесс, Каллатия, Томы, устье Дуная, Тира, Борисфен (Ольвия), Херсонес (Cumont 1925: 1–15). Существовала и сухопутная дорога к Тире из Дакии (Aur. Victor. De Caes. XIII. 3). В надписях из Тиры содержатся упоминания о военных кораблях и моряках, воинах, о боевом строе или лагере, о нападении врагов (ЕПІВОΛН), что свидетельствует о напряженности политической обстановки в регионе (IOSPE. I^2. № 3; Карышковский 1959: 115; 1963: 102; Nicorescu 1924: 394). Осенью 117 г. в Дакию после смерти императора Траяна прибывает новый император – Адриан. Граждане Тиры устанавливают статую Адриана с соответствующей надписью (Карышковский 1971: 152, 154, 157–158). Возможно, что во время пребывания Адриана на Дунае в 123/124 гг. он посетил Тиру и во время его посещения была возобновлена чеканка монеты (Брун 1888: табл. IV, 7–9).

Во времена императора Антонина Пия подтверждаются права тирасских граждан на льготы при ввозе и вывозе товаров (Карышковский, Клейман 1985: 123). В этот период положение города было стабильным. При преемниках Антонина Пия явственно проявляются кризисные явления. В 166–180 гг. на среднем Дунае происходят Маркоманские войны, в которых выступили против Рима германцы-маркоманы и сарматы.

Ослабление позиций Рима к III в. не могло не сказаться на положении Тиры. Уже при Марке Аврелии город не чеканит свою монету. Во времена правления династии Северов, пришедшей к власти после Марка Аврелия наблюдается некоторая стабилизация положения. В Тире Септимию Северу и его сыновьям посвящается алтарь с надписью, к этому же времени относятся две серии монет (Зограф 1957а: 40–41).

Одним из наиболее слабых районов в римской империи в III в. становятся придунайские земли. В Причерноморье и Прикарпатье появляются новые ранее неведомые племена, получившие в источниках название скифов и готов. Обострение обстановки на дунайской границе заставило Каракаллу двинуться в поход в Паннонию, в результате чего была осуществлена реорганизация и усиление среднедунайского лимеса. В 214 г. происходит битва римлян с карпами. О месте, где произошло это событие, нет до сих пор единого мнения. Анализ надписей из Эска, где упоминаются о «ревностной доблести против врагов и деяниях, счастливо совершенных у Тиры» (Карышковский 1980: 74) позволяет прийти к выводу, что карпы переправились через Дунай и устремились к побережью Черного моря. Их нашествие коснулось городов Мезии. Возвращались же в свои земли карпы другим путем и в окрестностях Тиры потерпели поражение от римлян. Косвенным подтверждением этого может служить и находка в окрестностях Тиры (с. Беленькое) мраморного рельефа с изображением Юпитера Долихена и надписей, датируемых так же 214 г. (Карышковский 1979: 85–88; 1980: 79–80)[1].

[1] Сомнительным является представление о нападении карпов непосредственно на Тиру (ср. Зубарь, Сон 2007: 201–202).

В период своего вхождения в состав римской провинции Тира поддерживала тесные связи с различными центрами империи. Известны находки в Тире монет из различных провинциальных центров (Зограф 1957а: 57). Тира вместе с другими балканскими, малоазийскими и понтийскими городами участвует в чествовании ольвиополита Теокла. С другой стороны тирасские граждане удостаивались в свою очередь почетных декретов в других городах.

В 30–60 гг. III в. большую активность в восточной Европе проявляли два племенных готских союза: визиготы (тервинги) в бассейне Прута и Днестра и остроготы (грейтунги), располагавшиеся к юго-востоку от них. Первые вторжения варваров датированы еще 232–238 гг. В 242 г. они вторглись в пределы империи и дошли до Филиппополя. Затем почти каждый год источники фиксируют нападения на римские границы с востока. В 269 г. готы предпринимают очередное нападение на римские земли и даже пытаются закрепиться на этих территориях (Буданова 1990: 92–99). В 271 г. римские гарнизоны были выведены из Дакии. Естественно, что позднее этого времени в Тире не могли находиться римские войска. Греческие города Северо-Западного Причерноморья подвергаются нападением готов. Некоторые исследователи относили готский разгром Тиры ко времени Александра Севера, когда Тира прекращает чеканку соей монеты. Наличие тирасских надчеканов на более ранних монетах и находки более поздних римских монет заставляют усомниться в разрушении города в 30-х – 40-х гг. III в. Истрия подверглась нападению только во второй половине III в. Вполне вероятно, что и Тира могла бы быть разрушена варварами около этого же времени, как и Ольвия (Карышковский 1968: 178–179; Крыжицкий и др. 1999: 320).

Борьба варваров и Рима развивалась не только на суше, но и на море. «Скифские» племена организуют морские походы, которые были вначале направлены из боспорских портов. Около 269 г. коалиция варваров («скифы», готы, герулы, бастарны-певки), сконцентрировавшаяся у реки Тираса, построила шесть тысяч кораблей и двинулась в поход против римских городов (Zos. I. 34, 1). Можно предположить, что к этому времени Тира была уже разрушена. Следы пожара были обнаружены на значительной территории городища. После готского разгрома жизнь в городе не прекращается. Поверх разрушенных построек римского периода строятся новые дома. Основываясь на свидетельстве Зосима, в литературе, существует малоаргументированная точка зрения, что Тира была не только завоёвана варварами, но и «стала центром военных учений варварских народов», и получила «статус… центра варварского объединения» (Павленко, Сон 1991: 10–11).

В самых поздних античных слоях города найдено достаточно много вещей, привозившихся из других регионов Черного моря и Средиземноморья (амфоры, стеклянные сосуды, краснолаковая керамика и пр.). Несомненно, Тира продолжала играть важную роль торгового, ремесленного, культурного центра. Сохранение эллинских традиций в архитектуре и быту, заставляют видеть в Тире античный центр, тесно связанный с миром черняховской культуры.

В IV в. с востока надвигалась новая волна кочевых племен – гуннов, которые, разгромив остроготов в 376 г., подошли к Дунаю. Гунны не могли в своем движении на запад миновать Тиру. Насколько она пострадала сказать трудно, так как следы пожара носит только одна постройка – так называемый послеготский дом. Другие дома, относящиеся к этому периоду, не пострадали, а были просто оставлены жителями, возможно бежавшими при приближении гуннов. Самой поздней

римский монетой, найденной в Тире является монета императора Валентиниана правившего в 364–375 гг. (Карышковский, Клейман 1985: 139).

Таким образом, античная Тира существовала в течении тысячи лет. Она была основана в конце VI в. до н.э. выходцами из греческого города Милета и прекратила свое существование в конце IV в. н.э. Город представлял собой важный центр античной культуры в Северо-Западном Причерноморье, хотя здесь более, чем в других городах, ощутимо присутствие варварского населения.

НИКОНИЙ

До недавнего времени античный Никоний оставался одним из наименее изученных центров Северо-Западного Причерноморья. Античный город был невелик. В настоящее время большая часть его остатков либо разрушена, либо находится на дне лимана. Систематические исследования города начались только в 1957 г.

В греко-римских литературно-исторических памятниках Никоний упоминается, главным образом, как географический пункт. Эпиграфические документы при раскопках города до настоящего времени не найдены, за исключением небольшого фрагмента мраморной плиты, на котором сохранились четыре буквы. Наконец, монеты Никония представляют собой нумизматическую редкость – речь идет о литых «ассах» и мелких литых «колесиках». Все это создает существенные трудности при изучении древнего города.

В результате раскопок, охватывающих значительную площадь, открыты и изучены жилые и хозяйственные комплексы раннеклассического, классического, раннеэллинистического и римского времени, накоплен разнообразный вещевой материал. Разработана стратиграфия Никония, уточнены границы города.

История города таит еще немало нерешенных вопросов. Серьезные трудности встречаются и при попытке изучения политической и социально-экономической истории Никония

История исследования. Остатки древнего Никония расположены в 300 м северо-западнее современного с. Роксоланы, на небольшом естественном возвышении, на западе круто обрывающемся к лиману (Синицын 1966: 10–11). Возвышение представляет собой довольно неровное плато, изрытое окопами, ниспадающее к юго-западу; его высшая горизонталь в северо-восточной части лежит на 52 м выше уровня воды в Днестровском лимане, низшая горизонталь в юго-западной части лежит на 39–40 м выше уровня воды, таким образом, перепад глубин до 12 м. С севера городище ограничено балкой и невысокой грядой, с востока незначительной пологой ложбиной, тянущейся с юга на север, южный конец ее поворачивает к лиману и становится широкой балкой с обрывистыми склонами, ограничивающей городище с юга. Плато, является верхней террасой, на которой располагался верхний город (рис. 119а/А). Нижняя терраса (нижний город) в настоящее время разрушена. Доказательством этого является тот факт, что в прибрежном обрыве перед началом работ на городище был виден оборванный мощный городской культурный слой толщиной до 3,5–4 м, нависающий над лиманом и находящийся ниже сохранившейся части городища. Подтверждается это и свидетельством В.И. Гошкевича, который посещал городище несколько раз и отмечал его быстрое разрушение. В 1904 г. он констатировал, что свалилась в лиман прибрежная терраса Никония (Гошкевич 1909: 176–182).

Синицын
Моисей Сергеевич
(1899–1973)

Загинайло
Анатолий Георгиевич
(1935–1996)

Самый ранний план, на который снят Никоний, сделан группой военных гидрографов и топографов под командованием русского морского офицера, капитана Е. Манганари (Манганари 1841: № 22). К сожалению, масштаб не позволяет познакомиться с деталями городища. В середине XIX в. план Никония был снят А.С. Уваровым (Уваров 1851). На этом плане видно, что береговая линия значительно отличается от современной, особенно в районе городища, юго-западная часть городища выступает к западу.

В 1910 г. В.И. Гошкевич снял план верхней террасы города. Существующие планы выполнены в мелких, и к тому же в разных масштабах и не могут дать представления о городище, размерах его разрушения. Граница погибшей нижней террасы города, по-видимому, определяется мелководьем, которое находится напротив плато городища. По рассказам старожилов-рыбаков, метрах в 75 от современного берега находилась вымостка из крупных тесанных и хорошо уложенных каменных плит, возможно, остатки древней пристани. В настоящее время в этом месте дно затянуто мощным слоем ила. Небольшие подводные работы по осмотру дна, проведенные первым исследователем городища М.С. Синицыным, не дали существенных результатов. В том месте, на которое рыбаки указывали, как на место расположения древней пристани были найдены крупные камни, которые, скорее всего, являются выходами известняка (Синицын 1966: 8–9).

В 1962 году подводная археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством В.Д. Блаватского произвела разведку небольшого участка в лимане, протяженностью в 50 м, и сняла генеральный план этой части лимана. Работы подтвердили выходы камня на расстоянии 75–100 метров от берега, которые, видимо, являются материковой скалой, служившей основой нижнего города, в настоящее время разрушенного. Таким образом, если считать границу мелководья на расстоянии 75–100 м от берега, где глубина не превышает 1–1,2 м границей города, то погибшая часть его составляет приблизительно 2 га. И общая площадь города должна быть не менее 6–7 га. По очертаниям выхода скалы можно предположить, что уничтоженная часть городища создавала в южной части подобие бухты, где могла быть стоянка кораблей.

Сохранившаяся верхняя терраса города также подвергалась разрушениям под действием сил природы и человека. В.И. Гошкевич писал, что «...уже сотню лет окресные жители добывают строительный материал из развалин...», а затем «...площадью городища распоряжались надельные крестьяне... Лишенная дернового покрова и разрыхленная поверхность городища стала быстро разрушаться...» (Гошкевич 1909: 182). Непосредственно с современной дневной поверхности начинается культурный слой античного Никония, он достигает местами 5 м толщины.

К востоку от городища находится некрополь Никония (рис. 119а/Б). Первые упоминания о некрополе восходят к первой половине XIX века. Возвышенности, возможно, курганы, сконцентрированные к востоку от городища были отмечены на планах Е. Манганари и А.С. Уварова. В.И. Гошкевич также писал, что к востоку от городища располагается некрополь, где находились группы курганов различной высоты, а «...между ними как будто улица.» (Гошкевич 1909: 182). Разграбление

древнего некрополя было начато в 1889 году и в настоящее время эта площадь распахана и неоднократно засаживалась виноградниками.

К югу от городища через южную балку находится небольшой мыс, площадью до 1 га, который был заселен в IV в. до н.э. и в первые века н.э. Культурный слой его до 1 м толщиной.

В 1957 г. был снят план городища и произведена разбивка его на квадраты (5 х 5 м) на всей площади.

В 1966 г. М.С. Синицын издал еще один план городища, на котором были отмечены все исследованные до 1965 года участки (Синицын 1966: 11).

В 1974 г. была произведена инструментальная съемка городища с привязкой раскопов и рельефа городища к единому реперу – от уреза воды Днестровского лимана. Одновременно с планом городища была произведена топографическая съемка прилегающей к городищу территории и территории некрополя Никония.

Пробные раскопки, проведенные в юго-западной части городища в 1957 г., показали перспективность и необходимость исследования памятника. В истории его изучения можно выделить три этапа принципиально отличающиеся по своим целям и задачам.

Первый этап, самый продолжительный, начался задолго до начала раскопок городища в 50-х годах XIX века и продолжается до настоящего времени, так как связан с поисками древнего названия города. Источником для этих изысканий служат фрагментарные упоминания населенных пунктов в районе Нижнего Поднестровья греческими и римскими писателями. Археологические реалии позволившие бы определиться с названием этого памятника отсутствуют, поэтому среди ученых нет единства, но подавляющее большинство из них отождествляет городище с Никонием, известным из сообщений древних авторов, а также надписи на фрагменте подножия конной статуи, найденной в Тире в 1987 г. (Карышковский 1988: 56–57; Виноградов 1999: 50–70).

В XIV–XVI вв. развалины Никония упоминают различные путешественники. Но их описания очень кратки и не всегда понятны. Мартин Брониовус де Биездзфед видел башню – часть оборонительных сооружений Никония (Беккер 1853: 151–209).

После присоединения степей Северного Причерноморья к России в конце XVIII в. памятники старины стали объектом оживленного изучения. Но попытки согласовать сохранившиеся памятники со скудными сообщениями древних авторов часто приводили к самым противоречивым выводам.

Некоторые сведения чисто справочного характера, касающиеся отдельных находок и памятников античного времени на побережье Днестровского лимана можно почерпнуть из отчетов о поездках в Новороссию по заданию Академии наук в конце XVIII в. и записок путешественников (Pallas 1793: 175).

Так многочисленные античные предметы в районе Аджидера (современный Овидиополь) дали возможность И.П. Бларамбергу и И.А. Стемпковскому поместить Никоний на месте Овидиополя.

С середины XIX в. появились сочинения историко-географического характера, в которых делались попытки согласовать и отождествить свидетельства античных авторов с теми или иными памятниками в Нижнем Поднестровье.

Полную характеристику всех сохранившихся крупных памятников, известных в его время дал П.В. Беккер. Тщательно проанализировав имеющиеся сведения

древних авторов и сопоставив их с находками вещей и развалинами городищ, он поместил Никоний на месте городища у с. Роксоланы (Беккер 1853: 162–172). К такому же выводу пришел В.И. Гошкевич крупный знаток древностей Херсонского края (Гошкевич 1909: 176–189). Эту точку зрения разделяло большинство ученых XIX – начала XX вв. В 60-х гг. XX в. к этому мнению присоединился П.О. Карышковский. Не разделял эту точку зрения М.С. Синицын, он поместил Никоний на правом берегу Днестровского лимана у с. Пивденное (Сініцин 1960: 18).

Второй этап исследования городища связан с именем М.С. Синицына и охватывает период с 1957 по 1966 г. Он характеризуется накоплением источниковедческой информации и переходом к историческому осмыслению археологических материалов. М.С. Синицын высказал предположение, что раскапываемый им памятник – древняя Офиусса, но до решения вопроса ввел его в научный оборот под названием Роксоланское городище.

В стратиграфии культурных напластований городища М.С. Синицын выделил несколько строительных периодов связанных с различными этапами жизни города.

Мощность культурного слоя на городище неодинакова, в северо-западной части достигает 2,30 м, а в западной превышает 3 м, а с помещениями и ямами превышает глубину 5 м. Всего М.С. Синицыным было открыто свыше 2000 м^2 площади. Результаты исследований городища постоянно публиковались, начиная с 1960 г.

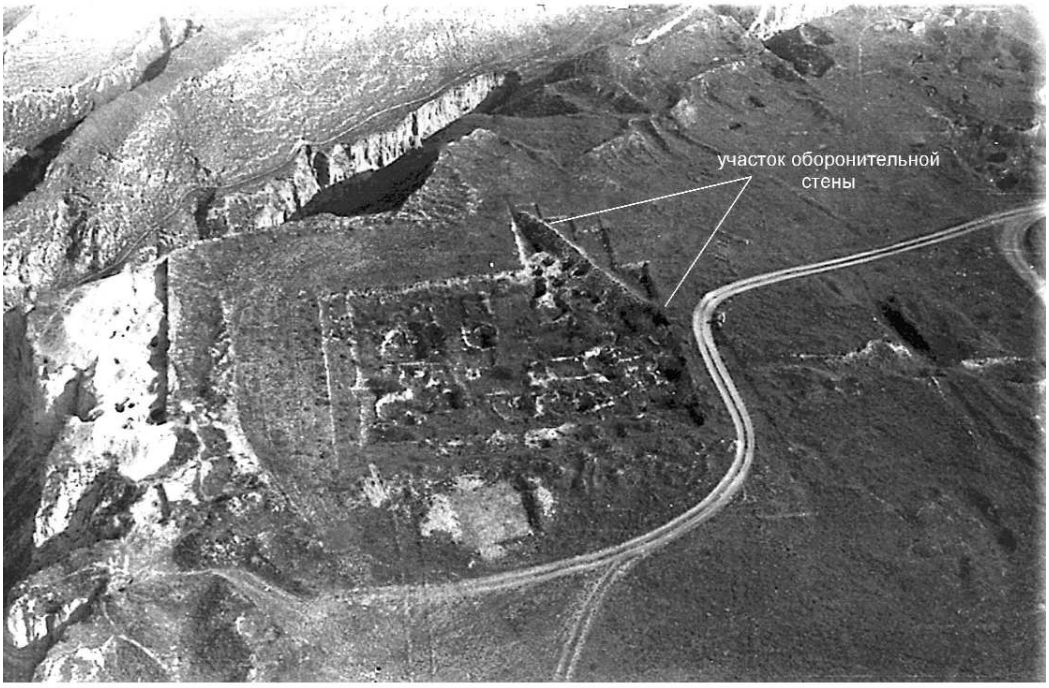
Обработка и опубликование открытых объектов и основных групп находок Роксоланского городища позволили по-новому взглянуть на городище. Оно предстало как значительный экономический и культурный центр, основу экономики которого составляло земледелие (Синицын 1966: 56).

С 1968 г. начинается третий этап исследований Роксоланского городища, продолжающийся в настоящее время. Он связан с систематизацией, обобщением и исторической интерпретацией накопленного за все годы археологического материала и дальнейшими планомерными раскопками этого города, рассчитанными на многие годы.

В результате этих работ были уточнены и получили дальнейшее развитие различные стороны жизнедеятельности древнего города. За ним закрепилось название Никоний. Некоторые уточнения были внесены и в стратиграфию городских слоев. Поскольку Никоний являлся городом, основным строительным материалом для которого служил сырцовый кирпич, культурные отложения памятника представляют собой в значительной степени мощные развалы разновременных сырцовых строений. Причем накопление подобных напластований протекало непрерывно, в результате периодически и сознательно производившегося разрушения обветшалых стен и нивелирования его продуктов. Разравнивание сырцовых развалов каждый раз приводило к значительному повышению дневной поверхности на 0,4–0,6 м эти развалы преимущественно желтого цвета, реже светло-серых оттенков и разделены тонкими глинобитными или утоптанными золистыми древними поверхностями.

Два основных культурно-исторических периода можно выделить в напластованиях Никония, они неравнозначны по мощности отложений и длительности их образования.

Первый охватывает время от основания города до середины III в. до н.э. Внутри него выявлены строительные остатки второй половины VI – первой четверти V вв. до н.э.; второй–третьей четверти V – первой четверти IV вв. до н.э.; вто-



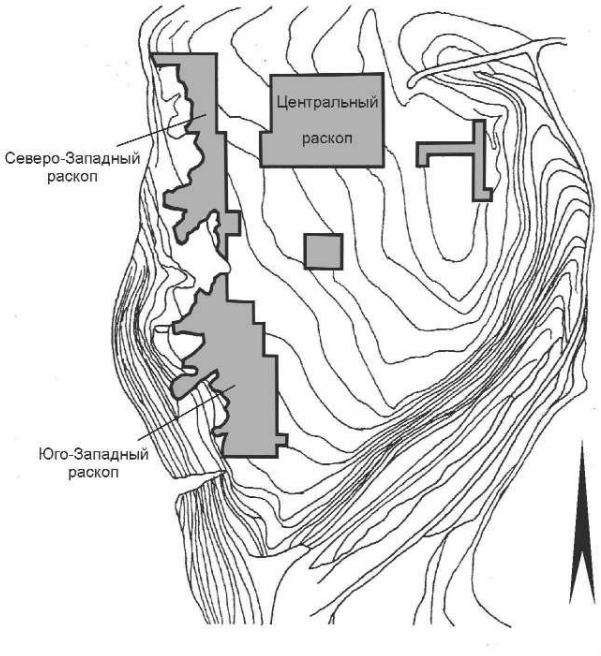


Рис. 119. Никоний. Вид на Центральный раскоп с юга.
План городища с указанием мест раскопок

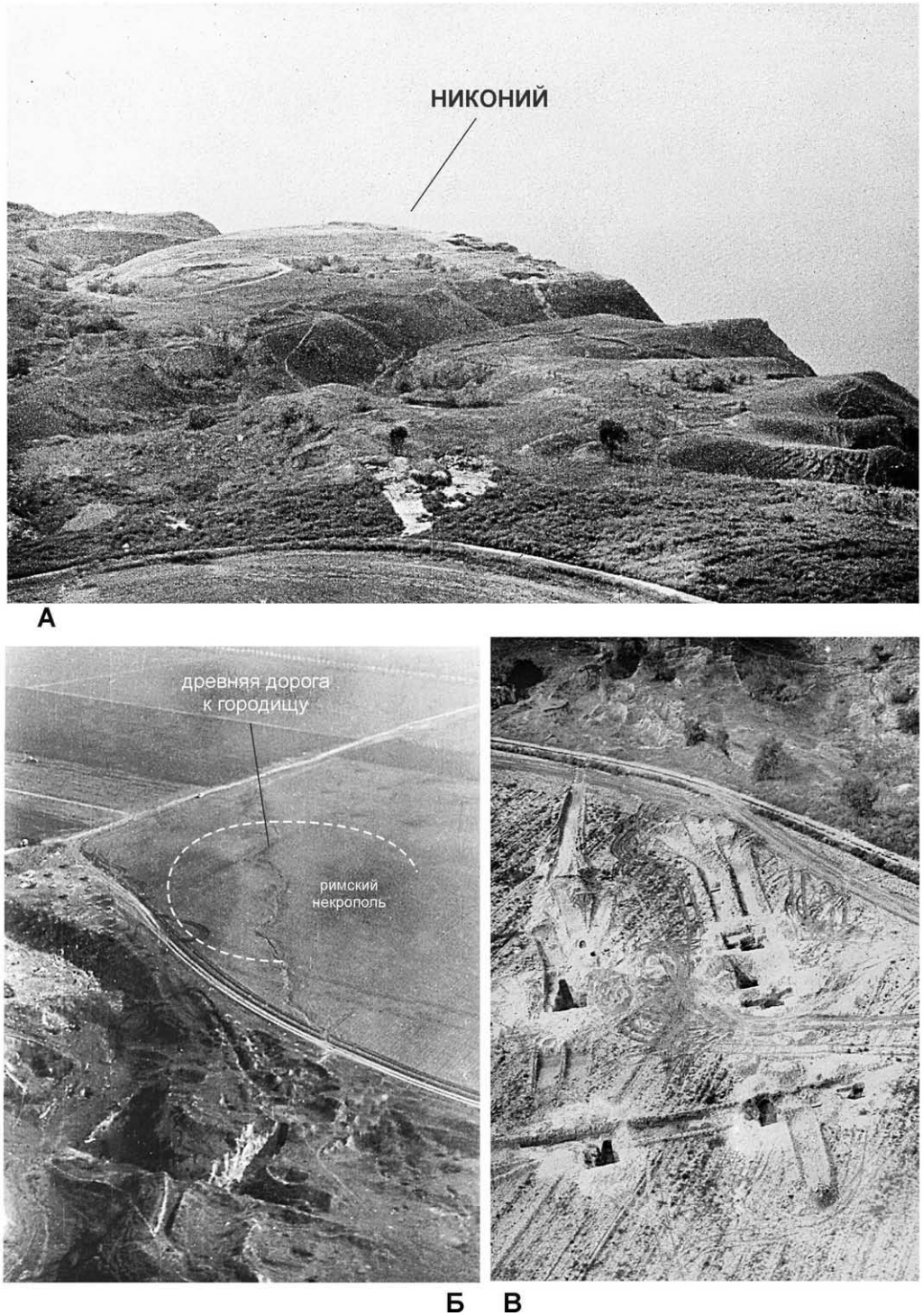


Рис. 119а. А – Никоний с северо-северо-востока; Б – Вид на некрополь Никония;
В – Участок римского некрополя. 1991 г. – год открытия

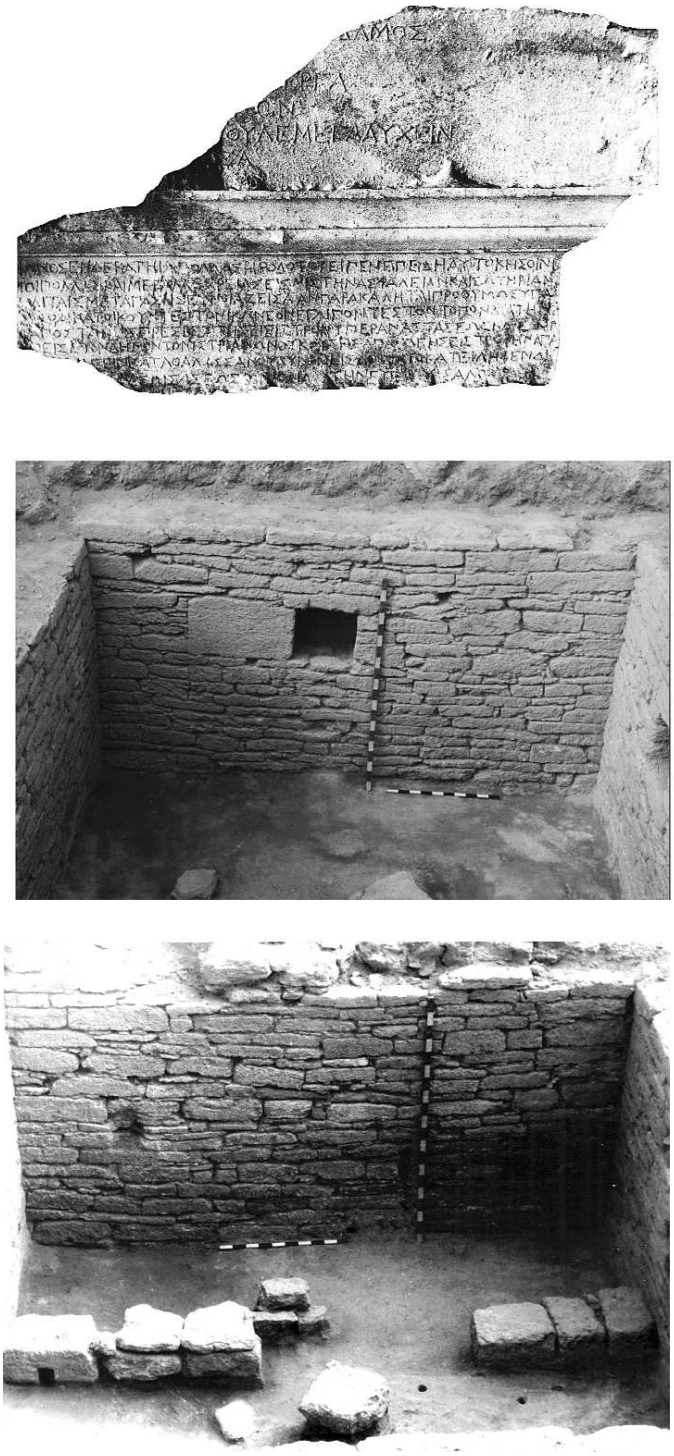


Рис. 120. Фрагмент постамента с упоминанием Никония. Подвальные помещения V–IV вв. до н.э.

Рис. 121. Терракоты.
1 – фрагмент фигуры с подвесными конечностями, середина V в. до н.э.;
2 – голова богини, первая половина V в. до н.э.; 3 – верхняя часть статуэтки Афродиты,
первая половина V в. до н.э.; 4 – фрагмент протомы богини, IV–III в. до н.э.;
5 – голова женской фигурки, первая половина IV в. до н.э.; 6 – сидящая девушка,
первая половина III в. до н.э.; 7 – сидящий мальчик, III в. до н.э.;
8 – Баубо, первая половина IV в. до н.э.; 9 – фигурка Иакха, IV в. до н.э.; 10 – петух,
V в. до н.э.; 11 – протома богини, V в. до н.э.; 12 – богиня на троне, начало V в. до н.э.

рой–третьей четверти IV в. до н.э. и конца IV – первой половины III в. до н.э. Внутри этого периода с середины VI в. до н.э. по 30-е годы IV вв. до н.э. Никоний переживает расцвет экономики и культуры, формируется как административный и культурный центр полиса. Этот процесс был прерван в 30-е годы IV в. до н.э., по-видимому, походом Зопириона. Разрушения серьезно подорвали жизнедеятельность города, и хотя многие здания были восстановлены, построены новые, жизнь в городе не приобрела былого расцвета. А к середине III в. до н.э. под влиянием внутренних и внешних причин жители покинули Никоний. Хронологические рамки второго периода – I–III вв. н.э. Границы города в этот период расширились к югу, на небольшое плато площадью до 1 га с культурным слоем мощностью до 0,8 м.

Данные аэрофотосъемки (Бруяко, Назарова, Петренко 1991) позволяют заключить, что земельные наделы граждан Никония находились на равнине к северо-востоку от Никония. Поля прямоугольные в плане, вытянуты в длину с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток. Самые крупные земельные участки достигают 4,6 га, мелкие – 1 га. Плохая сохранность очертаний дальних полей не позволяет заключить, что площади землепользования Никония прослежены полностью. Открытые участки свидетельствуют: никонийцы обрабатывали около 250–300 га по крайней мере в период V–IV вв. до н.э. Можно предположить, что никонийцы занимались садоводством, огородничеством, виноградарством, т. к. почвенные условия, по определению А. Одрина, были благоприятны для многих садовых и огородных культур (Одрін 2005: 32–33). Скотоводство наряду с земледелием было одной из основных отраслей сельского хозяйства (Одрін 2005: 49), широко использовались никонийцами рыбные богатства Днестра (Секерская 1989: 66).

Значительное ремесленное производство в Никонии содействовало развитию внутригородской торговли. В настоящее время установлено, что в Никонии отливались не только монеты, подражающие истрийским колесикам, но «ассы» с изображением совы и колеса, которые хорошо объединяются в одну серию надписями ΣK, ΣKYЛ, или ΣKY. По мнению А.Г. Загинайло эти монеты связаны с деятельностью скифского царя Скила, под протекторатом которого находился Никоний (Загинайло 1991: 52–61). Кроме рассмотренных монет в Никонии имели обращение практически все разновидности литых монет Западного и Северо-Западного Причерноморья.

Во второй половине VI – начале V вв. до н.э. Никоний вел оживленную торговлю с ионийскими центрами, но в первые десятилетия V в. до н.э. все большую роль в торговле приобретает Аттика. Наряду с массовой продукцией в Никоний поступают великолепные расписные вазы «мастера Шуваловской амфоры», «мастера из Агригента», круга Мидия и др. (Секерская 1986: 70–79; 1989: 100–101).

Полученные в результате раскопок материалы позволяют заключить, что Никоний на левобережье Нижнего Поднестровья в VI–V вв. до н.э. сформировался как экономический и политический центр сельскохозяйственной округи. К сожалению, довольно слабая изученность сельских поселений (исключение составляют лишь поселение VI–V вв. до н.э. Надлиманское III и поселение IV–III вв. до н.э. у с. Николаевки (Мелюкова 1975: 194–199), не дает возможности проследить процесс формирования и развития хоры. К середине III в. до н.э. жизнь в городе полностью прекращается. Одновременно прекращают существование многочисленные поселения. Это было связано, видимо, как с сокращением хлебной торговли, так и крайне обострившейся военно-политической обстановкой в степях, в частности с нашествием галатов.

Второй хронологический период в истории Никония – I–III вв. н.э. Включение нижнеднестровского региона в I в. н.э. в орбиту интересов Рима приводит к возрождению Никония. М.С. Синицын полагал, что в первые века н.э. это было поселение, хотя участок оборонительной стены первых веков н.э., протяженностью 6,75 м, шириной 1 м был им исследован еще в 1961 г., но небольшая ширина кладки и ее плохая сохранность не позволили точно определить ее функциональное назначение (Синицын 1966: 44–45).

В 1987 и 1990 гг. удалось открыть еще один фрагмент фундамента оборонительной стены первых веков н.э. протяженностью 3,6 м, шириной 1 м. К ней с внутренней стороны примыкают небольшие кладки фортификационных сооружений (Секерская 1993: 55–57). Строительные остатки первых веков н.э. представляют собой многокамерные дома с каменными или глинобитными стенами на каменных основаниях. Большое распространение в домостроительстве в этот период получили каменные вымостки помещений и двориков.

В первые века н.э. Никоний ведет торговлю с Синопой, Пергамом, Самосом, Сирией, Палестиной, Египтом, с западными и придунайскими провинциями Римской империи.

Во II–III вв. н.э. город переживает свой последний подъем экономики и культуры, к середине III в. н.э. жизнь в Никонии замирает навсегда.

Наряду с городищем с 1972 г. раскапывается некрополь Никония IV–III вв. до н.э. (Загинайло, Бруяко 1988: 241–242).

В 1991 г. И.В. Бруяко был открыт некрополь первых веков н.э. (Бруяко и др. 2008: 81–164).

Стратиграфия и материальная культура. Стратиграфия культурных отложений и связанных с ними архитектурных остатков как основа для историко-градостроительной периодизации Никония до настоящего времени не являлась предметом специального изучения, главным образом, из-за отсутствия достаточного количества данных. Такое положение значительно изменилось в последние годы, когда в процессе полевых исследований памятника были открыты значительные культурные наслоения. В поперечном вертикальном сечении с севера на юг культурные напластования представляют собой близкую к трапеции фигуру. Такой силуэт древних напластований объясняется, по-видимому, тем, что их накопление происходило внутри периметра крепостных стен.

При изучении двух историко-хронологических периодов VI–III вв. до н.э. и I–III вв. н.э. в 2010 г. впервые был открыт фрагмент пола помещения III–IV вв. н.э. с вкопанным в землю зерновиком.

Как уже указывалось, письменные источники по Никонию носят слишком фрагментарный характер и никакой информации по истории, хронологии и экономике города не несут. Из единственного дошедшего до нас эпиграфического памятника из Тиры в честь Автокла можно сделать вывод, что в IV–III вв. до н.э. Никоний находился в бедственном положении.

Самые ранние материалы, связанные со строительным горизонтом второй половины VI – первой четверти V вв. до н.э., найдены в землянках, ямах и перемещенных слоях. Наиболее широко представлены фрагменты амфор Хиоса на высоком поддоне с пухлым горлом. Датируются эти сосуды второй половиной VI в. до н.э. (Cook, Dupont 1998: 146–151).

Большую группу составляют фрагменты амфор с широкими полосами, амфор с усеченно-коническим корпусом, красноглиняные и сероглиняные лесбосские, протофасосские, самосские (Cook, Dupont 1998: 156–169, 178–190). Эти типы амфор являются самой большой по численности группой ранних находок и составляют 70–80% от общей их массы. Они не выходят из хронологических рамок второй половины VI – начала V вв. до н.э.

Найдено свыше 200 фрагментов расписных амфор, гидрий, кувшинов, которые украшены полосами лака – горизонтальными, вертикальными, волнистыми. Как и в других центрах, в Никонии фрагменты таких сосудов очень разнообразны по составу глины, их датируют второй половиной VI в. до н.э. Черным лаком покрыты верхние части ручек, венчик.

Свыше ста фрагментов насчитывают ионийские килики, орнаментированные поясками лака (Cook, Dupont 1998: 129–131).

До 50 фрагментов принадлежат одноручным чашам VI в. до н.э.

К VI в. до н.э. относятся также фрагменты пиксид и кальпид, орнаментированных поясками лака.

К архаическому периоду относятся целые и фрагментированные светильники ионийского производства; край у некоторых экземпляров плоский, у других закругленный. Часть светильников в центре имеет втулку, другие снабжены в центре небольшим выступом и орнаментированы по выступу, а иногда полностью – поясками лака, реже встречаются светильники орнаментированные чередующимися поясками лака и белой краски. Рассмотренные типы светильников бытуют в греческих центрах на протяжении всего VI в. до н.э.

Довольно частой находкой являются фрагменты амфорисков, орнаментированные поясками лака или без орнамента, среди них можно выделить несколько почти целых экземпляров. К концу VI в. до н.э. относятся фрагменты и один целый экземпляр аска орнаментированные поясками лака по материалам Афинской агоры они датируются 520–490 гг. до н.э. (Cook, Dupont 1998: 132–134).

Аттическая ранняя керамика насчитывает свыше 1000 фрагментов. Далеко не все фрагменты поддаются точному определению, но большинство можно отнести к тому или иному классу ваз.

Основная масса ранней аттической продукции из Никония представлена простой чернолаковой керамикой, среди которой можно выделить чаши, орнаментированные по внешней поверхности широкими поясками лака. Сосуды имеют глубокое вместилище на невысоком поддоне, снабжены одной ручкой. Во многих работах для них все чаще употребляется термин «канастрон», который впервые был предложен М. Мильне и поддержан Р. Куком. Канастрон, по мнению специалистов – древнее название этих сосудов. Они производились аттическими керамистами с конца VI до середины V вв. до н.э. В Никонии встречаются сосуды разных хронологических групп.

Среди фрагментов чернолаковых скифосов можно отметить около 90 фрагментов, ручки которых имеют в плане форму колокольчика, позволяет продатировать 525–500 гг. до н.э., так как уже в конце первой четверти V в. до н.э. форма ручек в плане приближается к подкове. На нескольких фрагментах зона вокруг ручек и узкая полоса в месте перехода от стенок к донышкам оставлены в цвете глины, что также характерно для сосудов конца VI в. до н.э.

Среди ранней чернолаковой керамики аттического производства из Никония доминируют килики (около 600 фрагментов). Киликов с прямым бортиком мало,

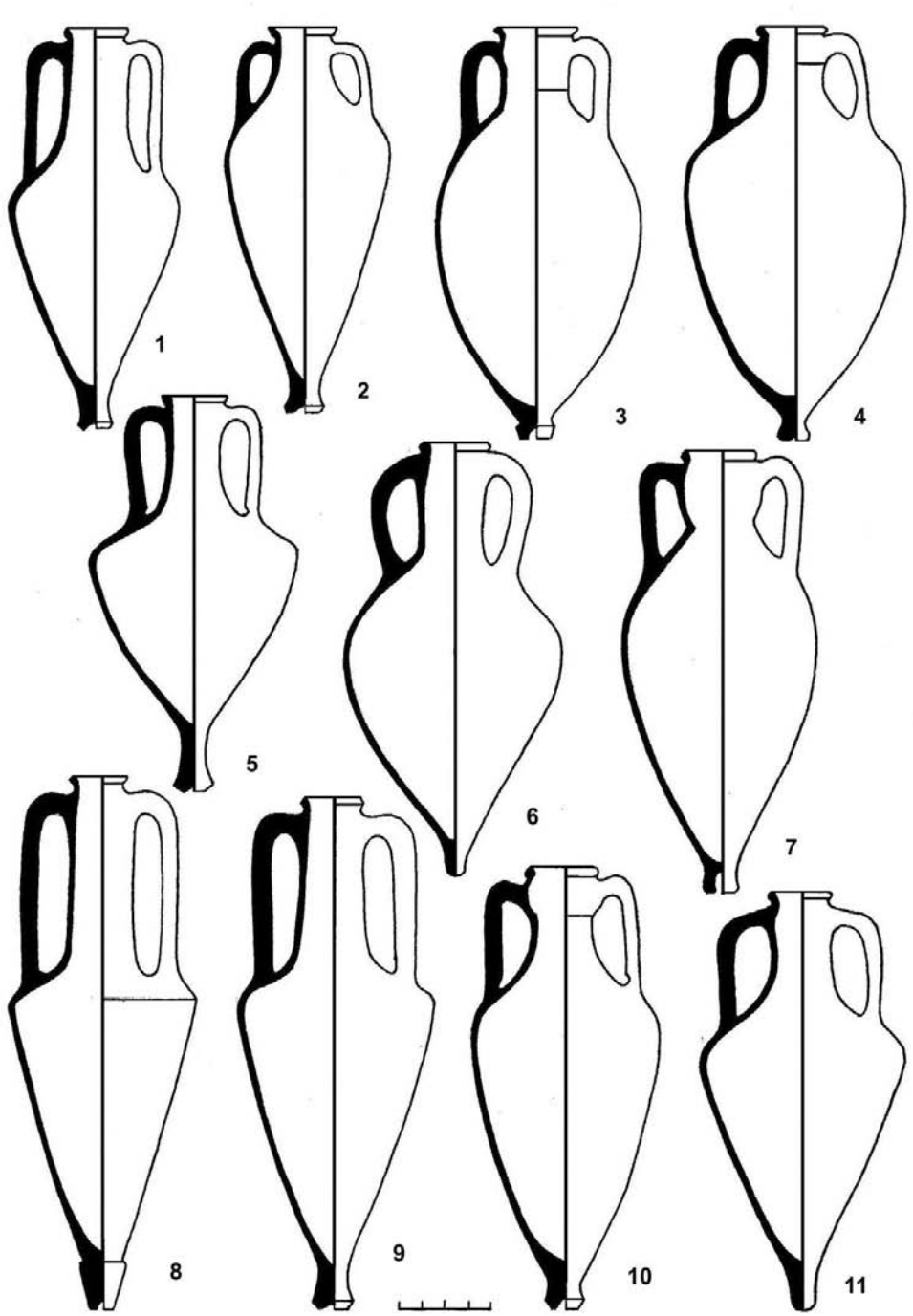


Рис. 122. Типы амфор из Никония: 1 – Гераклея Понтийская; 2 – Фасос; 3 – Самос; 4 – Херсонес Таврический; 5 – Менде; 6 – Лесбос; 7, 8, 10 – Хиос; 9 – Пепарет; 11 – Синопа

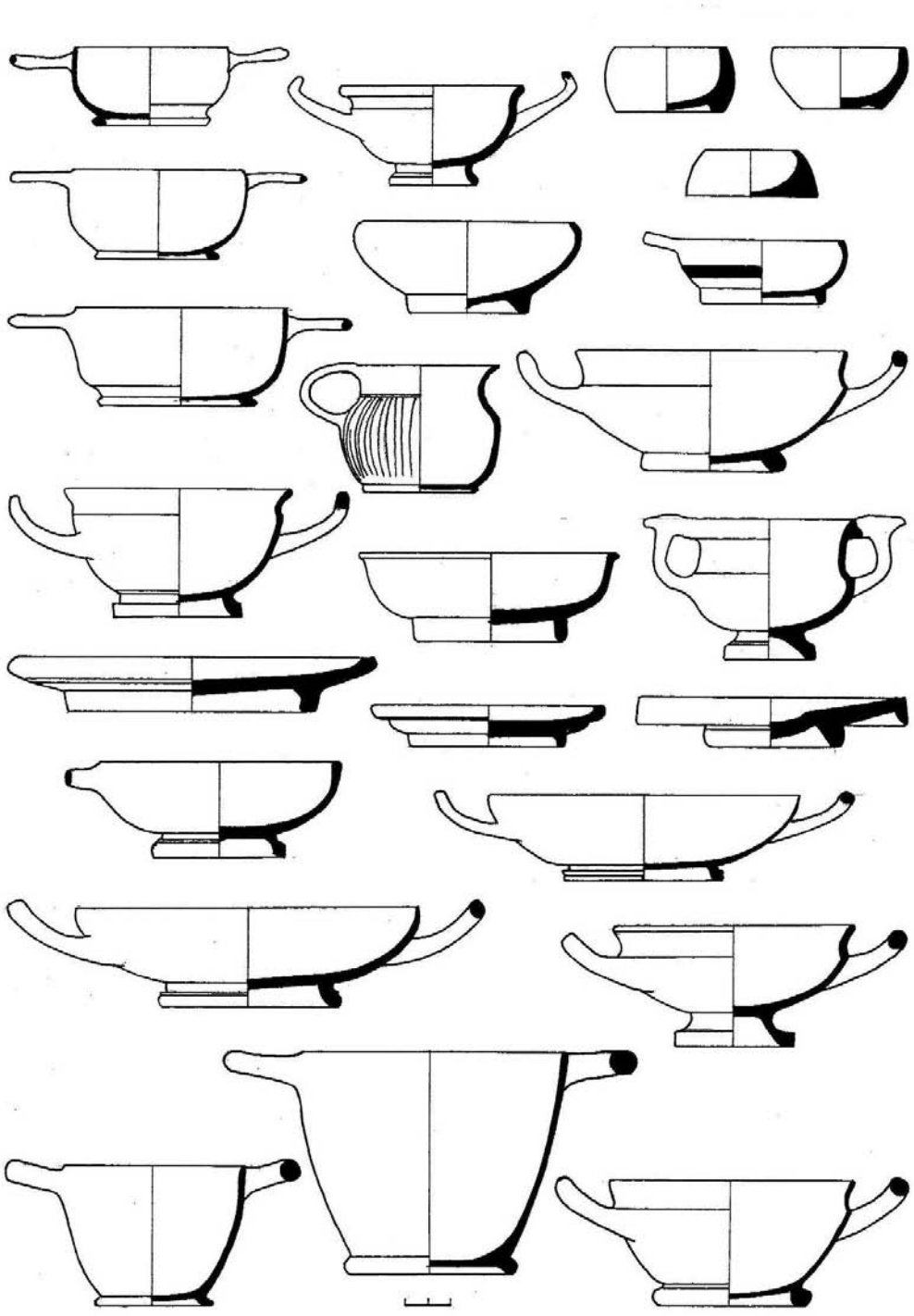


Рис. 123. Чернолаковая керамика

большинство – с вогнутым венчиком. Ножки, принадлежащие этим сосудам, различные: приземистые, массивные, иногда совсем низкие, но встречаются и высокие стройные. Они относятся к киликам, выделенным по материалам Афинской агоры. Никонийские сосуды наиболее близки №№ 398, 399, 420, 421. Ножек типа 398, 399 значительно больше, они датируются около 525 г. до н.э. На некоторых донъях имеется роспись в виде одного-двух концентрических кругов и точек в центре. У киликов типа № 420, 421 более узкий ствол ножки, иногда на нем имеется небольшой рельефный поясок, датируются такие сосуды VI – началом V вв. до н.э. (The Athenian Agora 1970).

В хронологических рамках второй половины VI – первой четверти V вв. до н.э. аттический материал из Никония распределяется неравномерно. Единичные экземпляры могут быть отнесены к 40–30 гг. до н.э.; несколько десятков к 30–20 гг. до н.э.; в конце VI и первой четверти V в. до н.э. количество резко увеличивается.

Необходимо также отметить, что наиболее ранние материалы происходят с западной части городища, они найдены в культурном слое проходящем по линии обрыва верхней террасы города, что дает основание предполагать, что заселение города шло с нижней террасы и наиболее ранние объекты находились на территории нижнего города.

Таким образом, ранний культурный горизонт Никония, непосредственно предшествующий урбанизации апойкии, можно относить ко времени второй половины VI – первой четверти V в.в. до н.э.

Датировка слоя второй–третьей четверти V – первой четверти IV вв. до н.э. базируется уже не только на керамических материалах, но и на монетных находках. К V–IV вв. до н.э. относятся монеты самого Никония (Загинайло, Карышковский 1990: 3–15), а также монеты Истрии ранних выпусков (Загинайло 1966: 109–111), найденные в виде клада, в который входили четыре монеты с изображением двух юношеских голов, почти в профиль, тесно прижатые друг к другу, на оборотной – орел с прижатыми к туловищу крыльями на дельфине, которого он клюет в голову, сверху надпись ΙΣΤΡ. Весь клад датируется временем не позднее конца V в. до н.э. Монеты Ольвии также представлены ранними экземплярами группы середины V в. до н.э. с изображением Горгоны с высунутым языком.

При исследовании этого горизонта наиболее часто встречаются амфоры Хиоса, Фасоса, Гераклеи Понтийской, Менды, Лесбоса. Среди них хиосская продукция занимает ведущее место. Почти не уступает по численности хиосской продукция Фасоса. Наиболее частой находкой являются фасосские неклейменные амфоры с коротким горлом, расширяющимся книзу и сливающимся с округлыми высоким плечами, ножка цилиндрическая со слегка расширенной округлой подошвой и небольшой ямкой посредине. Клейменная продукция Фасоса представлена сосудами с сильно расширяющимся книзу горлом, сливающимся с покатыми плечами. Наиболее ранней является группа безэмблемных клейм в две или три строки, датируемых концом V – началом IV вв. до н.э. Их сменяют клейма с изображением головы Сатира и именем фабриканта по окружности клейма, часто снабженные дополнительным клеймом с именем магистрата Сатира, и круглые клейма магистрата Телея с различными эмблемами и обязательным изображением керикея. Эти клейма уступают место клеймам с изображением головы юного Диониса с именем магистрата Мегона, а также с головой Геракла и именем магистрата Герофона и с изображением Геракла-стрелка и именем магистрата Аристомена. На смену им приходят клейма с прямоугольным штемпелем, содержащем имена этникона и магистра-

та. Можно еще отметить группу клейм с надписями по длинным сторонам и вертикально расположенной эмблемой, под которой на узкой стороне штемпеля помещена монограмма. Эти клейма постепенно сменяются другими с надписями одного или двух имен и этникона, расположенных по трем-четырем сторонам прямоугольника с эмблемой. Все перечисленные клейма укладываются в хронологические рамки конца V – первой четверти IV вв. до н.э.

С конца V в. до н.э. появляются амфоры Гераклеи Понтийской. На сосудах конца V – начала IV вв. до н.э. встречаются клейма с именами Стасохора, Архелая, Силана, Эвридама, Аристарха, Сотера, Калия (Василенко 1971: 138–141).

Встречаются амфоры Менды, особый интерес представляет обломок ручки с клеймом овальной формы, на котором изображен Дионис с канфаром в руке, возлежащий на осле в обрамлении пояска жемчужника, датируется оно третьей четвертью V в. до н.э. (Секерская 1984: 79–83). Распространены амфоры Лесбоса.

В Никоний в этот период ввозилась многочисленная столовая и кухонная посуда аттического производства. Чернолаковая керамика аттических мастерских может быть разделена на две группы: керамику, лишенную орнамента и керамику орнаментированную резным и штампованным орнаментом. Обе группы находят аналогии среди материалов Афинской агоры, обработанных Б. Спарксом (The Athenian Agora 1970: fig. 4–10).

Терракотовые статуэтки данного культурного горизонта представлены в основном продукцией аттических мастерских. Нужно отметить богиню на троне второй половины V в. до н.э. (Клейман, 1976: 118–119). Встречаются также терракоты так называемой танцовщицы с подвесными конечностями, одним из центров их производства является Коринф. Датируются они в пределах первой половины V в. до н.э. (Клейман 1976: 120). Среди терракот второй половины V в. до н.э. встречена статуэтка изображающая Баубо, которая очень близка комплексу терракот из кургана Большая Близница (Передольская 1962: 106). По сюжету близка ей миниатюрная женская головка статуэтки, изображающая девушку с дарами, которая датируется в пределах первой половины IV в. до н.э.

Культурный слой V – начала IV вв. до н.э. отличается большой насыщенностью находками.

Материал из культурных отложений второй–третьей четверти IV в. до н.э. типичен для городов Северо-Западного Причерноморья. В Никоний продолжают поступать товары, перевозившиеся в амфорах, вино и оливковое масло. Большим количеством представлены амфоры Фасоса, Гераклеи Понтийской, Хиоса, Пепарета, Менды,

В больших количествах продолжает поступать в Никоний во второй–третьей четверти IV в. до н.э. продукция Гераклеи Понтийской. Примерно с середины IV в. до н.э. появляются анэпиграфные клейма. Хиос в рассматриваемый период представлен амфорами с «колпачковыми» ножками. Значительным остается импорт продукции в амфорах Менды, Аканфа. Несколько уступает в количественном отношении продукция в амфорах Пепарета. На середину IV в. до н.э. приходится расцвет импорта товаров из Синопы (Василенко 1971: 146–147).

Монетные находки представлены Ольвией, Тирой, Истрией, Аполлонией, Македонией, Амисом. Чеканенные монеты Ольвии принадлежат к многочисленным сериям с изображением Деметры на лицевой стороне и орла с дельфином на обороте. А.Н. Зограф продатировал их IV в. до н.э. Тира в нумизматических находках Никония представлена довольно скромно, что, по-видимому, объясняется тем,

что город начал чеканить свою монету поздно. Самые ранние из них появились в последнем десятилетии первой половины IV в. до н.э. В Никонии в виде небольшого клада было найдено шесть однотипных монет Тиры с изображением головы безбородого речного бога Тираса в лавровом венке на лицевой стороне и головы взнузданного коня с поводьями на оборотной стороне. Время чеканки монет – вторая половина IV в. до н.э. Еще один клад монет состоял из двух истрийских серебряных монет, сикла города Амиса и тетрадрахмы Филиппа II. Истрийские монеты из клада относятся к самой распространенной группе истрийского серебра. На лицевой стороне изображены две юношеские головы в три четверти, одна в обычном положении, влево, другая в перевернутом. Волосы у обеих голов развевающиеся. На оборотной стороне – орел с прижатыми к туловищу крыльями на дельфине, которого он клюет в голову, влево. Вверху надпись ΙΣΤΡΙΟΝ, снизу под дельфином буква А. На лицевой стороне монеты Амиса находится изображение Геры или нимфы, на оборотной – совы. Это сикл или драхма пониженной персидской системы, которые чеканились с конца V в. до н.э. до времени Александра Македонского. А.Г. Загинайло посчитал возможным датировать монету серединой IV в. до н.э. (Загинайло 1966: 112). Тетрадрахма Филиппа II принадлежит к раннему и сравнительно редкому типу монет, которые чеканились в начале его правления. На лицевой стороне – изображение Зевса в лавровом венке, на оборотной – всадник.

Среди терракотовых статуэток рассматриваемого времени наибольший интерес представляют две односторонние крылатые статуэтки. Относительно иконографии этих статуэток нет единого мнения, одна из последних версий, что это изображение Иакха (Клейман 1966: 96). Они существовали очень непродолжительное время IV–III вв. до н.э. Статуэтки, по-видимому, относятся к раннему варианту – середине IV в. до н.э.

В слое найдена аттическая краснофигурная и чернолаковая керамика орнаментированная штамп-орнаментом и без него. Расписная краснофигурная керамика второй–третьей четверти IV в. до н.э. в Никонии весьма представительна, но это все продукция, не отличающаяся высокими художественными достоинствами. Можно отметить крышечку пиксиды с изображением рыбы, краснофигурные аски с изображением хищников, птиц, грифонов и т.п. Краснофигурные леканы орнаментированы стилизованными листьями, волнами и другими орнаментальными мотивами. На крышке лекан представлена многофигурная роспись. Очень часто находкой в слое второй–третьей четверти IV в. до н.э. являются фрагменты краснофигурных кратеров, на которых сохранились детали росписи и орнамента в виде ов, лавра, меандра. Найдены также два фрагмента краснофигурных пелик «керченского» стиля. К разряду массовых изделий аттических мастерских IV в. до н.э. принадлежат многочисленные фрагменты скифосов. Для них характерна беглая небрежная роспись. На обеих сторонах обычно изображены мужские фигуры в гиматиях, под ручками – пальметты. Фигуры схематичны, прически трактованы суммарно. На лицах обозначены лишь глаза и брови. Аналогичные скифосы датируются второй четвертью IV в. до н.э. (Иванов 1963: 199).

Завершая характеристику рассматриваемого горизонта, отметим, что именно с ним связан дальнейший расцвет Никония.

Последний строительный горизонт первого культурно-исторического периода связан с катастрофой постигшей город в последней трети IV в. до н.э., погибли в пожаре дома, пострадали оборонительные укрепления.

Можно предположить, что эта катастрофа явилась отражением событий, происходивших в Нижнем Подунавье от середины IV в. до н.э. Здесь столкнулись интересы Македонии и Скифского царства (Артамонов 1974: 113), которые завершились в 339 г. до н.э. гибелью скифского царя Атея (Синицын 1966: 54). Несколькими годами позднее в 335 г. до н.э. на северный берег Нижнего Дуная переправился Александр Македонский разгромивший живших здесь гетов. Вскоре, в 331 г. до н.э. поблизости от переправы через Дунай погиб полководец Александра Зопирион, выступивший против скифов и гетов и безуспешно пытавшийся захватить Ольвию (Виноградов, 1989: 150–170). Какое из этих событий привело к трагедии в Никонии, у исследователей нет единогласия (Синицын 1966: 54; Секерская 1989: 115). Из всех перечисленных событий только одно из них, а именно, осада Ольвии Зопирионом, происходило ближе всего к Никонию и позволяет предположить, что именно Зопирион разрушил город. Большой интерес в связи с катастрофой в Никонии приобретает фрагмент мраморного постамента из Тиры в честь Автокла сына Ойниада, который П.О. Карышковский (Карышковский 1988: 56–57) датирует IV–III вв. до н.э., что в общем не противоречит связи трагических событий в Никонии с походом Зопириона. С этой датировкой надписи не согласился Ю.Г. Виноградов (Виноградов 1999: 65), он относит надпись к 70-м годам III в. до н.э., что пока археологически не подтверждается. Автор не связывает катастрофу в Никонии с конкретными событиями. Можно все-таки предположить, что надпись, скорее всего, отражает событие 30-х годов IV в. до н.э.

Нумизматические находки этого горизонта представлены монетами Ольвии, Тиры, Аполлонии, Амиса.

В Никоний продолжают поступать товары различных причерноморских и средиземноморских центров: Гераклеи Понтийской, Синопы, Херсонеса, Ольвии, Фасоса, Афин и др. Отсутствие мегарских чаш, амфор Родоса и т.п., позволяют считать вероятной датой прекращения греческого импорта в Никоний, а вместе с тем и конца жизни города примерно середину III в. до н.э. Убедительное обоснование и уточнение даты прекращения жизни в Никоний требует дальнейших исследований и уточнений, связанных с разработкой хронологии различных групп импортного материала, в том числе и амфорных клейм.

Наиболее многочисленной является продукция поступавшая в амфорах Гераклеи Понтийской (Василенко 1971: 140–141). На многих экземплярах фрагментов амфор сохранились клейма. Как уже неоднократно отмечалось специалистами, гераклейские клейма постепенно деградируют. Клейма конца IV–III вв. до н.э. содержат одиночные имена, сокращения и монограммы. В результате этого процесса появились клейма с очень крупными буквами и монограммами. Наряду с ними получили преобладание и анэпиграфные. Они служили лишь для того, чтобы различать продукцию отдельных мастерских. Фасосские конические амфоры рассматриваемого времени имеют стабильное клеймение. Эти клейма содержат одно имя, этникон и эмблему. С III в. до н.э. получают распространение яйцевидные амфоры емкостью свыше 20 л. Большое место в этот период занимает импорт товаров в синопской таре. О том, что в Никоний поступали в этот период целые партии товаров в амфорах свидетельствуют повторы клейм. Для херсонесских клейм, как и для других центров можно отметить повторяемость одинаковых. Встречаются имена астиномов: Аполла – 2 раза, Батюла – 2, Гераклея – 2, Нанона и Ксанфа. В клеймах первой половины III в. до н.э. встречаются астиномы: Аполлаф – 2 раза, Диоскурид – 2, Теоген, Эвклид.

Помимо амфорного материала культурный горизонт рассматриваемого времени дает импортный материал греческих центров, главным образом, фрагменты чернолаковых сосудов: канфаров, киликов, тарелок, блюд, чаш, солонок, светильников. Необходимо, наконец, упомянуть обломки сосудов с накладным орнаментом. Все обломки сосудов этой группы датируются концом IV в. до н.э. Часть канфаров с накладным орнаментом, нанесенным белой краской, принадлежат сосудам малоазийского производства, в нижней части они обычно покрыты каннелюрами и датируются концом IV – началом III вв. до н.э. Вероятно, к малоазийской группе канфаров относится и ряд фрагментов «псевдоканнелированных» сосудов: вместо каннелюр нижняя часть их корпуса орнаментирована врезными вертикальными полосами, что создает ребристость нижней части сосуда. Датируются канфары, судя по форме, началом – первой четвертью III в. до н.э. Продукцией аттических мастерских являются плоские тарелки с валикообразным венчиком. По качеству лака и составу глины они близки сосудам малоазийского производства первой половины III в. до н.э. По материалам Афинской агоры сосуды можно датировать 320 гг. до н.э. (The Athenian Agora 1970: 147). Чернолаковые миски различаются размерами. Относятся миски к продукции аттических мастерских IV в. до н.э. Найдены фрагменты больших чаш, покрытые тусклым черным лаком. Наружная сторона дна оставлена в цвете глины и орнаментирована, пояском черного лака и точкой. У соединения чаши с подставкой находится узкий поясок, оставленный в цвете глины. Чаши датируются концом IV – началом III вв. до н.э. Некоторые фрагменты чаш отличаются от аттических составом глины. Она бурого цвета, грубая, по-видимому, малоазийского происхождения. Встречаются фрагменты солонок, по качеству лака, приближающиеся к рассмотренным выше сосудам конца IV – начала III вв. до н.э., и фрагменты закрытых чернолаковых светильников этого же времени.

Частой находкой являются обломки простой серо- и красноглиняной керамики, которая до настоящего времени остается одной из слабо изученных групп. Ее датировка определяется наличием в комплексе хорошо датированного материала. Центры производства этой посуды также в большинстве случаев не определены. Рассматриваемый материал конца IV – первой половины III вв. до н.э. происходит из перемещенных слоев и поэтому в настоящую выборку входят только экземпляры надежно датированные. Можно отметить фрагменты красноглиняных кувшинов на кольцевой подставке с приземистым широким корпусом, венчик валикообразный, под ним на цилиндрическом горле кольцевое ребро. Аналогичные сосуды датируются концом IV – началом III вв. до н.э. Фрагменты небольших чашек диаметром до девяти см на кольцевом поддоне, которые по материалам Аполлонии можно датировать концом IV – первой половиной III вв. до н.э. (Секерская 1989: 92). Обломки светлоглиняных расписных сосудов ольвийского производства, датируемых III в. до н.э. (Зайцева 1976: 97). Выделяется группа сероглиняной керамики – кувшины, миски, кратеры, которая по результатам исследований истрийского материала датируется концом IV – первой половиной III вв. до н.э. (Coja 1968: 305–329).

На всем протяжении жизни Никония в культурных напластованиях встречен значительный процент лепной керамики. Можно выделить лепную керамику подражающую античным формам, а также сосуды скифского и фракийского облика.

Таким образом, несмотря на фрагментарность дошедших до нас строительных остатков рассматриваемого строительного горизонта его можно продатировать кон-

цом IV – первой половиной III вв. до н.э. Это последние десятилетия жизни Никония в первом культурно-историческом периоде.

Второй культурно-исторический период I–III вв. н.э. Никония связан с вхождением Нижнего Поднестровья в сферу влияния интересов Римской империи. Отстраиваются жилые кварталы и фортификационные сооружения города.

Монетные находки этого времени принадлежат соседней Тире, Римской империи или подвластным Риму городам Балканского полуострова и Малой Азии; это антонианы Отацилии Северы, тетрассарий Каракаллы, дупондий Геты. Города Балканских провинций представлены монетой Филиппополя.

Наиболее многочисленной группой на городище являются светлоглиняные узкогорлые амфоры гераклейского производства II–III вв. н.э. Часто встречаются фрагменты боспорских амфор II–III вв. н.э. Более редкой находкой были красноглиняные амфоры со сложнопрофилированными ручками и амфоры с желобчатыми венчиками. А также амфоры с воронковидным горлом и красноглиняные амфоры с высокоподнятыми ручками. В перемещенных слоях, ямах, в качестве урн для детских захоронений найдены многочисленные фрагменты и целые экземпляры красноглиняных кувшинов. Они различаются размерами, цветом глины, внешней облицовкой.

Кухонная керамика представлена кастрюлями с немного наклоненными внутрь стенками, отогнутым наружу почти под прямым углом широким плоским венчиком, обычно вертикальными ручками, поверхность иногда рифленая. Встречаются экземпляры с округлым корпусом.

Столовая посуда первых веков нашей эры представлена мисками, блюдами, чашками, кубками, кувшинами. Находки I-го в. н.э. очень редки, и основная масса столовой посуды датируется II–III вв. н.э. Это тарелки с вертикальным бортиком на кольцеобразном поддоне, миниатюрные тарелки, целый ряд фрагментов и почти целые экземпляры чашек с вертикальными краями и косыми стенками. Довольно широко представлена продукция мастерских Чандарли. Встречаются миски, орнаментированные по внешней поверхности корпуса насечками. Кубки из Никония представлены двуручными и одноручными сосудами, встречаются канфары. Фрагменты краснолаковых блюд круглой или овальной формы с широким горизонтальным краем являются довольно распространенной находкой в Никонии. Один фрагмент принадлежит блюду прямоугольных очертаний с широким горизонтальным венчиком, переходящим в ручку. Венчик орнаментирован бисерным орнаментом и цветами лотоса.

Среди светильников сохранился почти полностью один экземпляр, по-видимому, малоазийского проиводства II–III вв. н.э. с рельефным изображением Эрота.

На одном фрагменте краснолакового сосуда сохранился орнамент в виде человеческого лица, обрамленного волосами. Представлены в Никонии также фрагменты фигурных сосудов. Один – в виде женской головы с гладко причесанными волосами, разделенными пробором. Несколько фрагментов принадлежит фигурным сосудам в виде лежащих баранов на высокой прямоугольной подставке. Из Никония происходит фрагмент рельефного кубка и фрагмент сосуда с эротической сценой.

Таким образом, в Никонии малоазийский импорт представлен на протяжении длительного времени, с конца I в. н.э. по первую половину III в. н.э. Основные центры его производства – район Пергама и Самос. Отдельные экземпляры поступали в Никоний с конца II в. н.э. из нижнемезийских мастерских (Бруяко и др. 2008: 29–55). Среди керамических находок обращают на себя внимание грузила для

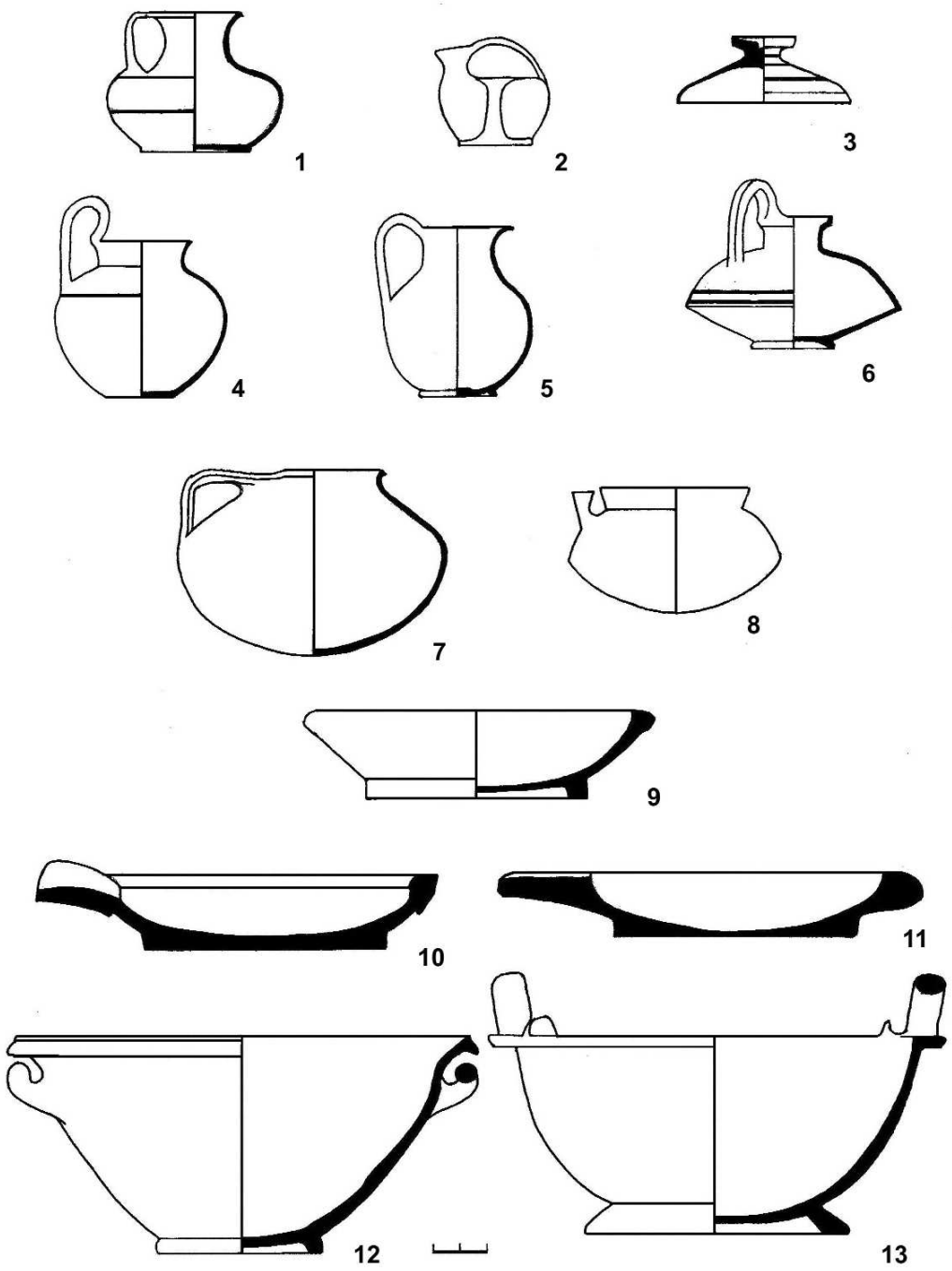


Рис. 123а. Светлоглиняная керамика. 1–6 ионийские сосуды; 7–8 кухонные сосуды; 9, 10, 11 – мортарии; 12, 13 – миски

рыболовных сетей из стенок амфор и керамид, намотки из фрагментов амфор, пирамидальные грузила для ткацкого станка. Повсеместно на городище встречаются лепные горшки, миски, лепные светильники (Бруяко и др. 2008: 55–58). В слоях первых веков н.э. в Никонии кроме керамических находок присутствуют единичные вещи из стекла, металла, кости, камня. Изделия из стекла весьма малочисленны. Изделия из бронзы представлены рыболовными крючками, иглами, гвоздями. В культурных напластованиях Никония найдены также украшения из бронзы: перстни с щитком и из круглой проволоки; бронзовые браслеты, фибулы (Бруяко и др. 2008: 64–70).

Наличие в Никонии предметов из железа и железных шлаков может свидетельствовать о железообрабатывающем производстве. Было развито в Никонии костерезное ремесло, об этом видетельствуют изделия из кости и значительное количество отходов производства (Бруяко и др. 2008: 70). Рассмотренные выше материалы показывают, что в Никонии в первые века нашей эры были развиты некоторые ремесла.

Все материалы позволяют датировать римский Никоний второй половиной I в. – первой половиной III в.

Оборонительные сооружения. Место для основания Никония было выбрано очень удачно с учетом естественных преград. Исследование оборонительных сооружений Никония началось в 1961 г. М.С. Синицыным (Синицын 1966: 44–45). Исследователь предполагал шурфом перерезать под прямым углом небольшое возвышение вблизи которого в 1957 г. найдены две обработанные плиты размерами: 1,5 х 0,8 х 0,35 м и 0,75 х 0,8 х 0,35 м, залегавшие на глубине 1,85 м. Юго-восточнее, перпендикулярно к ним, лежали еще две плиты меньших размеров. Блоки близки выявленным в оборонительной стене Ольвии и не могли быть остатками жилищного строительства. Существовало мнение, что никонийская крепостная стена построена из сырцовых кирпичей и облицована панцирем из крупных каменных блоков. Разрез, созданный шурфом, показал, что мощность культурного слоя достигала 4 м. Ров городища представлял собой в разрезе треугольник, выкопанный в материковом лёссе, каждая сторона которого равнялась 5 м. Заполнение рва состояло из чернозема, смешанного с золой. Керамический материал позволяет заключить, что крепостной ров перестал выполнять свои функции со второй половины IV в. до н.э. и засыпан к концу столетия.

В 1968 г. А.Г. Загинайло заложил небольшой раскоп с целью исследования оборонительных сооружений. Работы по исследованию оборонительной стены сосредоточились в северо-западном направлении на протяжении 40 м. На этом участке после снятия римского слоя обнаружены остатки каменной облицовки внутренней стороны оборонительной стены (исследована на протяжении 40 м) и продолжение ее забутовки. За внешней стороной сохранившейся глиняной забутовки находилась небольшая площадка шириной 0,3 м с уклоном на восток (Загинайло 1984: 74–79).

Что касается времени строительства, существования и разрушения стены, то не подлежит сомнению, что ее не было в римское время, поскольку открытые в 1975–1976 гг. строительные комплексы этого времени расположены прямо на выявленных остатках оборонительной стены. Уточнить дату ее разрушения помогают находки, сделанные в месте частичного разрушения глинобитной забутовки. Забутовка была нарушена уже после разборки каменной кладки при сооружении ямы,

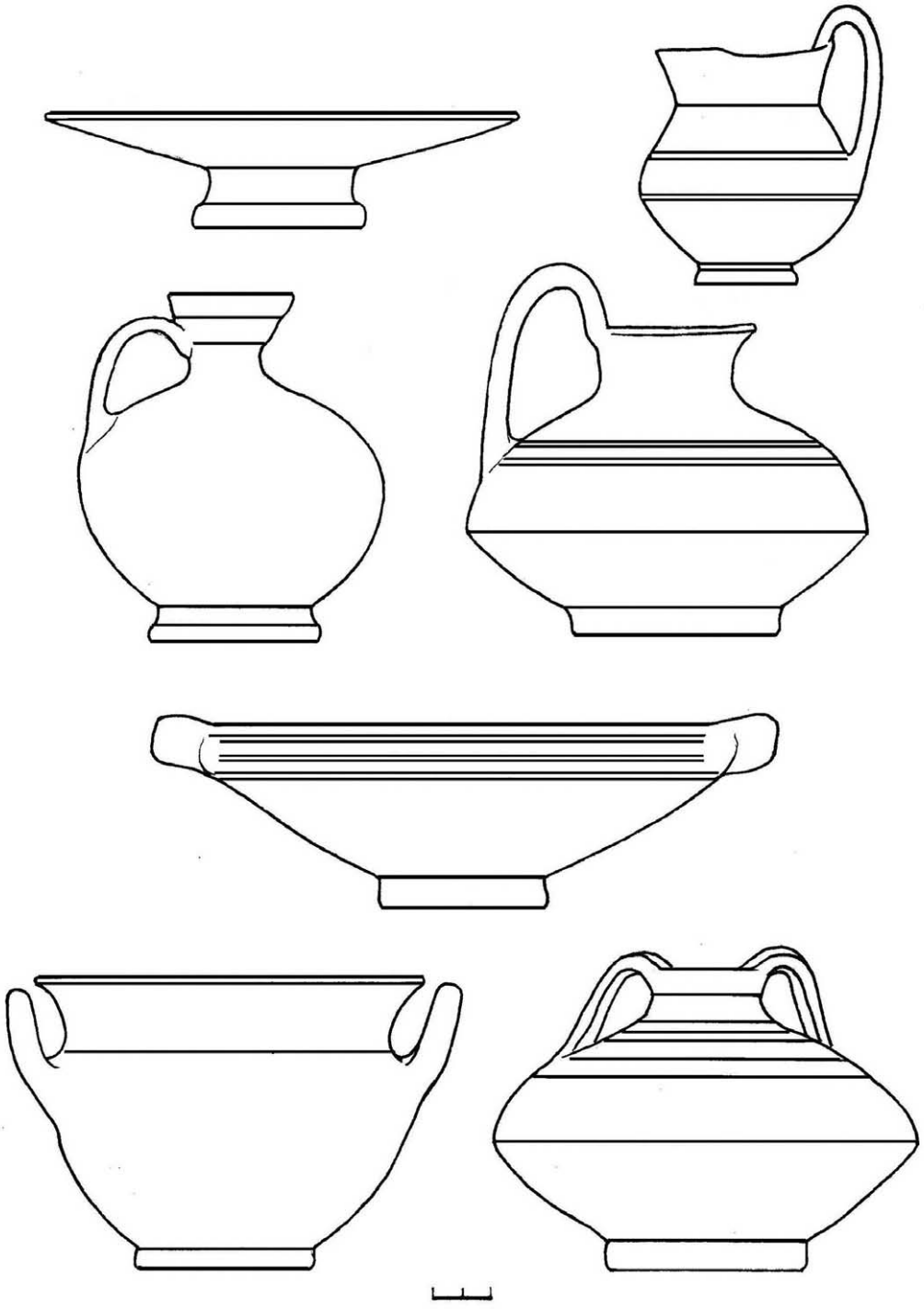


Рис. 124. Сероглиняная керамика

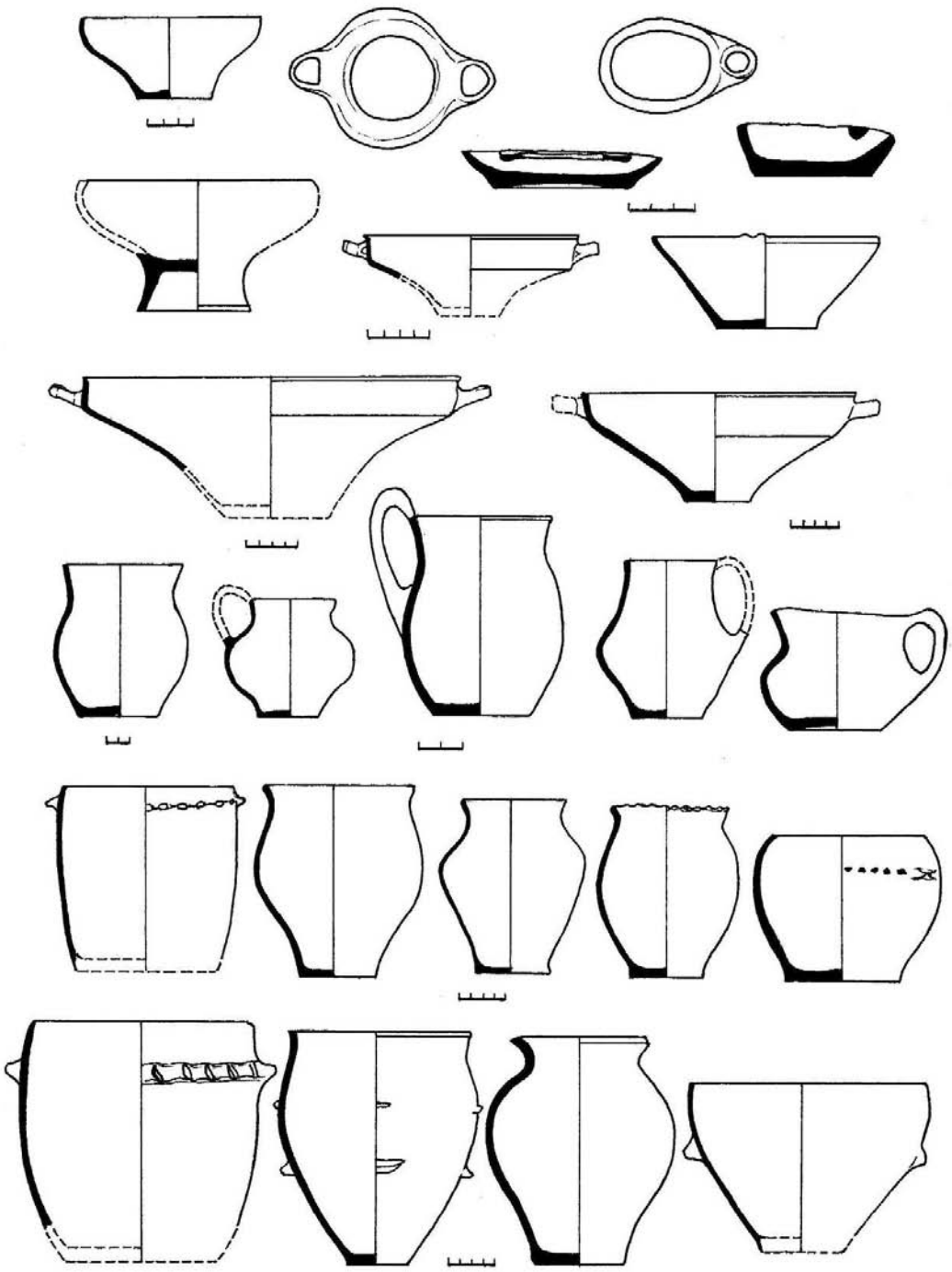


Рис. 125. Лепная керамика

заполнении которой находились обломки амфоры Пепарета, верхняя часть косской амфоры с клеймом МО, ножка чернолакового канфара III в. до н.э. Не исключено, что после катастрофы в последней трети IV в. до н.э. стена была частично отремонтирована и просуществовала до середины III в. до н.э. Более сложен вопрос о времени сооружения стены. До настоящего времени не изучен ни один комплекс, находящийся под ее цокольной частью и предшествовавший ее возведению. Однако некоторые косвенные данные подтверждают предположение о том, что она была возведена в первой половине V в. до н.э. Две ранние ямы находились ниже уровня подошвы стены и содержали материал конца VI – первой половины V вв. до н.э.

В 1987 и 1990 проводились исследования северной оборонительной линии Никония. Открыт фрагмент фундамента оборонительной стены шириной 1 м, протяженностью 3,6 м, который первоначально ошибочно был датирован классическим временем. На самом деле был открыт фрагмент оборонительной стены первых веков н.э., которая идентична стене, открытой М.С. Синицыным. Там же, на северо-западном участке был открыт небольшой фрагмент фундамента оборонительной стены V в. до н.э. протяженностью 4,4 м, шириной 1,8–2,00 м. Фундамент двухпанцирный, внешний панцирь полностью выбран, от внутреннего сохранился один небольшой блок. Пространство между панцирями плотно забутовано мелкими бутовыми камнями, глиной. В забутовке встречается большое количество обломков керамики. Размеры камней 0,4 х 0,35 м; 0,6 х 0,4 х 0,2 м. Рассмотренный фрагмент фундамента синхронен стене, открытой в восточной части города А.Г. Загинайло.

Домостроительство. На территории Никония в культурных слоях VI–V вв. до н.э. открыто 37 углубленных в землю помещений. Ближайшими аналогиями этим жилищам никонийцев являются землянки и полуземлянки Ольвии. По мнению В.В. Лапина землянки и полуземлянки в Нижнем Побужье являлись древнейшим, закономерным для этого региона типом жилищ греческих переселенцев (Лапин 1966: 153–158). Это положение справедливо для всего северопричерноморского региона в том числе и для Никония. Анализ накопленных данных позволил С.Д. Крыжицкому прийти к выводу о том, что землянки и полуземлянки являлись модификацией обычного для колониста жилища, как правило, однокамерной структуры (Крыжицкий 1982: 10–180).

Открытые в Никонии помещения VI–V вв. до н.з. углублены в материковый лёсс. Глубина открытых жилищ колеблется от 0,6 до 1,4 м, и их можно считать полуземлянками. Помещения имеют в плане прямоугольную форму, стенки вертикальные, площадь от 11 до 40 м^2. Облицовка стен частично сохранились в одном из помещений. Она состоит из сырцовых кирпичей, уложенных на каменном основании. Следы обмазки или побелки на стенах не обнаружены. Полом почти во всех помещениях служила утрамбованная материковая глина. Исключение составляет одна полуземлянка, где пол неоднократно подмазывался и вымощен камнями небольших размеров.

Среди всех помещений раннего периода по своему устройству выделяется полуземлянка площадью – 25,48 м^2, глубиной – 1,25 м. Стены вертикальные, углы слегка закругленные. В стенах помещения и на полу вдоль них зафиксированы углубления и ямки от опорных столбов кровли диаметром до 0,2 м. Ямка с камнем для столба кровли открыта в центре помещения. Полуземлянка состояла из двух камер, отделенных друг от друга перегородкой, следы которой отчетливо просле-

живаются в полу. Площадь северо-западного помещения 8 м^2. В полуземлянке открыты две квадратные площадки, возвышающиеся над уровнем пола на 0,05–0,08 м. Они, по-видимому, служили подставками для переносных жаровен. В юго-восточном углу находилась обожженная площадка, отгороженная сырцовыми кирпичами, с нишей над ней (Секерская 1989: 24–29). Устройство этого помещения, наличие в нем площадки и ниши, а также комплекс вещей позволяют сопоставить его с помещениями культового назначения, открытыми в Ольвии (Козуб 1976: 124–130).

Несмотря на плохую сохранность помещений раннего времени можно сделать некоторые выводы. Никонийские полуземлянки имеют в плане прямоугольную форму, близкие им жилища открыты на Березани, в Ольвии и на целом ряде поселений в Нижнем Побужье, Однако на этих поселениях и городищах обнаружен и другой тип полуземляночных помещений – круглых в плане, которые в Никонии пока не известны. Стены помещений вырезаны в лёссе и не обмазаны. Наземные части стен возводились из сырцовых кирпичей – большое количество обломков найдено в заполнении ряда помещений. Подобное устройство стен встречается и на поселениях Нижнего Побужья и в Ольвии. В некоторых полуземлянках устроены небольшие ниши и выступающие материковые останцы, служившие, очевидно, хозяйственным целям. В полах всех помещений открыты небольшие круглые или овальные в плане ямки разных диаметров от 0,025 до 0,4 м и глубины (от 0,05 до 0,45 м). В них найдены кости животных, рыб, зола, нижние части амфор. Большинство из них имело, очевидно, хозяйственное назначение. Оформление в лёссе строго вертикальных стен с прямыми углами выполнено на высоком уровне. Ямки и камни от столбов перекрытий позволяют предположить односкатную или двускатную крышу. В хронологических рамках второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. можно выделить полуземлянки, построенные несколько позднее. Они сооружены на месте ям-зернохранилищ, функционировавших в более раннее время. Земля из котлована, заложенного под новое помещение, сбрасывалась в использованную яму и служила ее забутовкой. Такое использование ям встречается и в более позднее время. Это объясняется, очевидно, необходимостью расширения жилой площади в пределах одного дома. В одном случае рядом с полуземляночным помещением исследовано наземное. По длинной оси оно ориентировано с северо-востока на юго-запад, площадь – 22,54 м^2.

Количество открытых ранних помещений и их расположение не позволяют говорить о регулярной планировке, но вероятно, уже с самого начала заселения в Никонии были заложены ее основы, то есть существовали какие-то регламентирующие начала. План расположения ранних помещений в юго-западной части Никония подтверждает это предположение. Обычно возле полуземлянки находилось несколько хозяйственных ям, на месте некоторых из них к V в. до н.э. возводятся новые полуземлянки или, чаще всего, подвальные помещения жилых домов. Возможно, каждое помещение с группой ям представляло собой отдельное хозяйство, занимавшее свыше 200 м^2 площади, меньшая часть которой отводилась под жилище.

К середине V в. до н.э. в жизни нижнеднестровских греков происходят существенные изменения. Ранние поселения Левобережья прекращают свое существование и население сосредотачивается в Никонии. Прекращение жизни на ранних поселениях совпадает с созданием оборонительных укреплений городов, очевидно, жить в неукрепленных поселках стало опасно. Причину происходящего следует

искать во внешне-политической и экономической обстановке. По сообщению Геродота (IV, 120–122), скифы к концу VI в. до н.э. прочно овладели степной зоной Северного Причерноморье от Истра до Танаиса. Скифское царство представляло собой реальную силу; одержав победу над Дарием I, скифы покорили племена, населявшие Лесостепь. «Их царство превратилось в примитивное государство, в котором политически доминировали кочевники, а преобладающей формой эксплуатации являлись даннические отношения» (Хазанов 1975: 238). О том, что Никоний в первой половине V в. до н.э. попал под протекторат скифов некоторые исследователи аргументируют выпуском в городе серии монет с изображением совы и надписью ΣK, ΣKY, ΣKYΛ (или ΣKYΛE) на аверсе и колеса на реверсе. Они связывают эти монеты со скифсим царем Скилом (Загинайло, Карышковский 1990: 3–15; Виноградов 1989: 81–134).

Одновременно с созданием оборонительной системы в Никонии начинается массовое наземное сырцово-каменное домостроительство, что связано с переселением в Никоний жителей сельских поселений. На этом этапе жизни города можно выделить два хронологических периода: первый – вторая половина V – первая четверть IV вв. до н.э. и второй – вторая–третья четверть IV в. до н.э.

К первому периоду относятся отдельные жилища, углубленные в материк, но они не доживают до конца V в. до н.э.

Наиболее характерная особенность строительства второй половины V – первой четверти IV вв. до н.э. – появление жилых и хозяйственных подвалов в сочетании с наземными помещениями. Площадь открытых подвальных помещений в основной массе невелика – 13–18 м^2, исключение составляет подвальное помещение, открытое в центральной части городища, – до 25 м^2. Камень из него выбран почти полностью еще в древности. Исследованные подвалы отличаются материалом облицовки и техникой кладки, всего открыто 15 подвальных помещений.

Наземные части домов второй половины V – первой четверти IV вв. до н.э. сохранились в крайне фрагментарном виде. Это прежде всего части стен из камня, позволяющие предположить, что площадь наземных помещений составляла не менее 25–30 м^2.

Вторая – третья четверть IV в. до н.э. – период интенсивного строительства в Никонии. Продолжает функционировать часть каменных подвальных помещений, построенных в V в. до н.э., но наряду с ними во всех районах города сооружаются новые. Строительные остатки этого периода также дошли до нас в крайне фрагментарном состоянии, особенно наземные помещения. Исследованы фрагменты четырех стен, сложенных из камня, остатки двух небольших каменных строений. Каменные стены сложены из обработанных и необработанных камней различной величины от 0,12 до 0,4 м с применением большого количества бутовых камней на глинистом растворе. Ширина стен от 0,4 до 0,6 м. Две из них возведены на субструкциях или слоевых основаниях.

Отличительной особенностью строительства в Никонии IV в. до н.э., по сравнению с предшествующим временем, является использование в качестве фундаментов жилых домов субструкций или слоевых оснований. Они дошли до нас в лучшем состоянии, чем другие строительные остатки, так как построены из чередующихся слоев чистого лёсса и темных золотистых слоев, материала непригодного для вторичного использования. Фрагменты субструкций открыты по всей площади городища.

Общая площадь открытых частей домов в Никонии около 240 м^2, при этом дворы занимали не менее 50 м^2, что составляло 25% всей площади. Хотя по имеющимся строительным остаткам невозможно воссоздать полную планировку дома, не говоря уже об объемной реконструкции, все же можно заключить, что по площади и распределению жилой и хозяйственной части никонийские дома имеют аналоги в Ольвии и Истрии (Крыжицкий 1971: 105). Во дворах открыты хозяйственные ямы грушевидной формы. В районе домов найдены очаги или фрагменты жаровен.

Крыши чаще всего покрывались камышом, но довольно многочисленные находки черепицы свидетельствуют о значительном применении привозной черепицы. О санитарном благоустройстве города позволяет судить система водостоков и цистерна, построенная в V в. до н.э. и действовавшая на протяжении IV в. до н.э., вымостки улиц и двориков.

В последней трети IV в. до н.э. катастрофа разразившаяся в Никонии привела к значительным пожарам и разрушениям. Пострадали, главным образом, наземные помещения, которые вскоре были восстановлены, построены новые. Менее всего пострадали подвальные помещения, они продолжали функционировать до середины III в. до н.э., когда население покинуло город.

Почти через три столетия город был отстроен заново. Строительные остатки первых веков н.э. сохранились очень плохо. Городище на протяжении нескольких столетий служило каменоломней для соседних с ним населенных пунктов.

На всех участках городища открыты фрагменты каменных стен, каменных вымосток двориков и улиц, очаги. Все это позволяет заключить, что и в этот период площадь домов доходила до 200 м^2, а иногда была и больше.

Конструкция каменных кладок, которые служили как цоколями так и самостоятельными стенами – трехслойная, двухлицевая. Рядом с домами находились хозяйственные и культовые ямы.

Таким образом, в разные культурно-исторические периоды жизни Никония устройство домов и строительные приемы мало отличались друг от друга.

Конечно, в таком небольшом полисе, как Никоний, где граждане были тесно связаны с землей, горожане мало чем отличались от селян. Но тем не менее, интенсивное строительство в городе, его благоустройство предполагает довольно высокий культурный уровень населения. Мы не располагаем материалами, которые позволили бы судить о внутреннем облике жилых помещений, но имеющиеся в нашем распоряжении строительные остатки и предметы, принадлежавшие жителям, позволяют заключить, что внутреннее убранство домов никонийцев ничем не отличалось от домов в других городах.

Культовые сооружения. Наиболее раннее культовое сооружение Никония состоит из двух полуземляночных помещений. Оба помещения, вероятно, составляли комплекс культового назначения. Ближайшим аналогом никонийскому является древнейший культовый комплекс, открытый в Ольвии (Козуб 1976: 124–130). Открытый в Никонии культовый комплекс является древнейшим в Нижнем Поднестровье и дает некоторые представления о характере наиболее ранних святилищ и верованиях, принесенных греческими поселенцами с берегов Эллады.

Среди сооружений культового назначения необходимо отметить фависсу (Секерская 1983: 123–135). Весь материал из фависсы охватывает хронологический период от конца VI до середины IV в. до н.э., при этом основная масса его относит-

ся ко второй половине V в до н.э. Он был извлечен из сгоревшего святилища и сброшен в полуземляночное помещение. Привлекает внимание богатство инвентаря. Некоторые из рассмотренных предметов имеют самое непосредственное отношение к культу, прежде всего, это терракотовые статуэтки женских божеств, покровительниц земледелия – Деметры и Афродиты. В очень тесной связи с земледельческими женскими божествами в древнегреческой религии находился Дионис. В этом плане примечателен сюжет двух кратеров, связанных с дионисиями. Как уже отмечалось, кратеры, подобные никонийскому с изображением шествия, являлись принадлежностью культа Диониса и использовались исключительно в ритуальных целях.

Кроме культовых сооружений, большую роль для решения вопроса о религии никонийцев играют терракотовые и костяные статуэтки божеств и их спутников, изображения богов на вазах, а также посвятительные граффити.

Исследование этих источников позволяет установить, что на протяжении VI–III вв. до н.э. в городе почитались Деметра, Кора-Персефона, Кибела, Афродита, Артемида, Зевс, Дионис, герои. На рассмотренных памятниках не прослеживается влияние на духовную жизнь со стороны варварского населения. Большое влияние на развитие культов в Никонии оказывали экономические и культурные связи с государствами античного мира. В VI – начале V вв. до н.э. наблюдается влияние ионийских центров, распространение получили женские божества земледелия и плодородия ионийского круга. С середины V в. до н.э. усиливается аттическое влияние, преобладающим становится культ аттической элевсинской Деметры. Своеобразием никонийских культов можно считать их тесное переплетение на основе земледельческого характера экономики. В одной фависсе находятся не только статуэтки различных женских божеств, но и сосуды культового назначения, связанные с орфической интерпретацией функций Диониса, имеющих такую же земледельческую основу. Следовательно, религиозные воззрения никонийцев теснейшим образом отражают основу их экономической жизни. Слабая источниковедческая база не позволяет определить социальный характер культов Никония, нельзя выделить государственные культы. Изменения в пантеоне никонийских богов на имеющемся материале проследить трудно. У нас есть возможность лишь частично раскрыть картину религиозных представлений никонийцев в VI–IV вв. до н.э. Но даже такое знакомство с памятниками культового содержания показывает нам сложную и многообразную религиозную жизнь этого небольшого очага греческой культуры в Нижнем Поднестровье.

Погребальный обряд. Большое значение для изучения духовной культуры жителей Никония имеет его некрополь. Местоположение некрополя было хорошо известно еще в XIX в., но раскопки его не проводились до 70-х годов нашего столетия. Некрополь, расположенный к востоку от городища, на протяжении десятков лет распахивался под виноградник. В разных частях некрополя было исследовано пять курганов, относящихся к IV в. до н.э. (Загинайло, Бруяко 1988: 241–242).

Для открытых захоронений под курганными насыпями характерны погребальные ямы с подбоем, а также ямы прямоугольной формы без подбоя. Подбойные могилы имели сравнительно сложное устройство: в колодце с отвесными стенками в нижней части была устроена ниша-подбой, который после завершения погребения закладывался. Во всех случаях для заклада использовалось 5–12 амфор, поставленных на горло. Сопровождающий инвентарь помещался в подбое и только

отдельные предметы оставались во входном колодце. Подбойные могилы известны в античных городах Северного Причерноморья с начала V в. до н.э. На протяжении IV в. до н.э. они составляли 45% всех погребений в Ольвии. Ориентация погребений северная или южная. Инвентарь довольно многочисленный. В кургане № 1 он представлен сетчатым лекифом, точильным бруском, ножом с костяной ручкой, в курганной насыпи обнаружен железный кинжал. В двух погребениях другого кургана найден чернолаковый канфар, гераклейская амфора, расписанная полосами белой, красной и черной краски, нож с костяной ручкой, в правой руке у погребенного была монета, обнаружены также бусы из стеклянной пасты и серебра, серебряные кольца, бронзовая подвеска в виде сосудика, два бронзовых наконечника стрел. Незначительное количество открытых погребений не дает возможности делать какие-либо выводы. Пристального внимания заслуживают подбойные могилы, до сих пор они считались одной из важнейших черт своеобразия погребального обряда Ольвии, где подбойные могилы известны с V в. до н.э. В некрополях других греческих центров Северного Причерноморья могилы с подбоем появились значительно позже. Так, древнейшие подбойные могилы Пантикапея датируются рубежом III–II вв. до н.э., но и там в последующие периоды существования города господствовал тип ямной могилы и подбои не получили такого широкого распространения, как в Ольвии. В херсонесском некрополе подбойные могилы появляются в незначительном количестве только в позднеантичное время. Для Херсонеса характерны ямные погребальные сооружения, высеченные в скале. В первые века нашей эры в ограниченном количестве подбойные могилы известны в Танаисе. Наличие подбойных могил в некрополях Ольвии и Никония IV в. до н.э. может быть свидетельством близости духовной культуры ольвиополитов и никонийцев. Материалы, полученные в ходе раскопок, позволяют выявить отдельные стороны культурной жизни обитателей поселений.

Весьма значительными данными мы располагаем относительно захоронений умерших жителей Никония в первые века нашей эры. Открыто более 20 склепов состоящих из дромоса со ступеньками ведущего в погребальную камеру. Вход в камеру закрыт каменной плитой. Погребальная камера с куполообразным сводом, глубина камеры могла достигать 4–5 м. За исключением одного склепа, все были ограблены еще в древности (Бруяко и др. 2008: 82–164).

В каждом из склепов были погребены четыре–шесть умерших. По-видимому, склепы являлись семейными усыпальницами II – первой половины III вв. н.э.

При исследовании строительных остатков первых веков н.э. во многих помещениях под полами были обнаружены детские захоронения (Бруяко и др. 2008: 76–79; 189–196). Человеческие захоронения в пределах поселений и в жилищах вблизи домашнего очага известны на различных этапах истории человеческого общества с глубокой древности. В этом отразилась идея зарождения и развития культа мертвых – домашних божеств, когда умерших считали священными существами. Эта идея типична и для античной цивилизации от ее зарождения до конца существования, чему имеются неоднократные свидетельства в литературных памятниках.

В Никонии, по-видимому, на всем протяжении его существования бытовал культ огня, или культ домашнего очага. Так, в частности, в домах греков и римлян стояли алтари, на которых постоянно нужно было держать тлеющие угли. Этот огонь нельзя было чем-либо осквернять. Греки называли огонь богом богатства. Посвящение новорожденных в домашний культ происходило у домашнего очага в Греции на десятый день после его рождения, в Риме на девятый.

Сам факт захоронения детей в жилищах является также выражением культа обратимости и плодородия, выражением идеи увеличения семьи и рода, его богатства и благополучия. Детские погребения в сосудах в жилых помещениях во II–III вв. н.э. были широко распространены на всей территории Европы в римских поселениях. Население Никония первых веков впитало в себя элементы различных культур, в которых ведущую роль играла античная.

Античный Никоний существовал с VI по III вв. до н.э. и с I по III вв. н.э. К сожалению, известно о нем мало: беглые и немногословные упоминания античных географов и историков, монеты, заслуженно считающиеся нумизматическими раритетами, наконец, открытые в нескольких местах остатки укреплений, жилых домов, обломки посуды или терракотовых статуэток оставляют без надлежащего освещения многие важные стороны жизни и быта древних обитателей города, многие события его истории.

Никоний, основанный в зоне контактов и столкновений различных этнокультурных и социальных общностей, вырос как один из центров античной ойкумены, сложившийся у границ гето-скифских территорий, и в дальнейшем он был неразрывно соединен с судьбами этих двух миров.

Расположенный на полноводной и судоходной реке, орошающей плодородные поля и обильные пастбища, город долго сохранял аграрное направление хозяйства, являясь в то же время значительным торговым портом на путях вдоль побережья от Истра к Борисфену и от моря в глубь материка.

ОСТРОВ ЛЕВКЕ
(древнегреческое святилище на острове Змеином)

Воздействие гомеровского эпоса на духовную жизнь древних греков было велико. Герои «Илиады» были популярны, их идеализировали, учреждали культы heros-theos. Особым почетом пользовался Ахилл, который после смерти был обожествлен. По свидетельствам древних авторов (Philostr. Heroic. XIX, 14; Paus., VI, 23; 2; III, 20, 8; 24, 5) празднества в его честь проводились в Спарте, Элиде, Аркадии, Олимпии. В Таренте был сооружен храм Ахилла, в Коринфе, Танагре, Византии, Эрифрах, функционировали его святилища. В Фессалии ему приносили жертвы. На Сигейском мысу локализовали его гробницу и поселение Ахиллеон, где он почитался как бог и герой. В Милете имелся героон Ахилла с посвященным ему источником (Roscher 1886: 58–63; Tomaschek 1894: RE.- I. 1894: 220–224; Diehl 1953: 1–18; Wide 1973: 232–236).

Его изображение встречаются на памятниках искусства Древней Греции и Рима (Kemp-Lindeman 1975: 242–248; Русяева 1975; Лейпунська 1970; Kossatz-Deismann 1981; Pinney 1983: 127–146). Не менее известным был герой и в Северном Причерноморье, где также имелись места, связанные с его именем. Наиболее значительным являлось святилище на острове Левке. Древнейшее упоминание о нем относится к VII в. до н.э. (Arctin. Aethiop ap Procl Chrest. II): «Фетида придя с музами и сестрами, оплакивает сына, и после этого, похитив сына из огня, переносит на Белый остров». Местонахождение острова здесь не указано, и долгое время пассаж трактовался в чисто мифологическом значении.

С учетом новых данных о времени жизни поэта (середина VII в. до н.э.), можно предполагать, что он имел в виду уже не легендарное убежище героя, а конкретный остров (Русяева 1990; Vinogradov, Domanski, Marčenko 1990). В это же время сформировалось убеждение в том, что «Белый» остров относится к месту, лежащему на пути кораблей, идущих на север Понта. Об этом свидетельствует Алкей (Alc. Fr. 48B), поэт конца VII–VI в. до н.э.: «О Ахиллес, владыка земли скифской!».

С возникновением на Змеином святилища, греки создают множество местных вариантов мифов об Ахилле. В них авторы пытались объяснить поступки героя, дополнить недостающие звенья в его новой жизни, дать рационалистическое толкование непонятных явлений (Pind. Nem., IV, 48–50; ps.-Scyl. 68; Aristot. Epith., 5; Antig. Car. CXXII (134); Nicandr. fr. 58; Strabo II, 5, 22; VII, 3, 16; Plin. NH, IV, 83, 93; Pomp. Mela Chorog. II, 98; III, 108; Dion. Perieg. 541–553; Paus. III, 19, 11; Ptol. Geogr., III, 10, 8; Philostr. Heroic., XIX, 16, 18, 20; Clem.Rom. Recogn., X, 25; Hom. VI, XXII; Amm. Marc. Res gestae, XXII, 8, 35; Avien. Descript. orb. 720–733; ps.-Arr. Peripl., 90–92 (32–34); Prisc. Perieg. 356, 557; Steph.Byz. s.v. Αχιλλειος δρομος; Eurip. Andr., 1260–1262; Hesych. Lex. s.v. Alex.; Lycophr. Alex., 186–201; Max. Tyr. Philosoph., XV, 7; Dion Chrys. Or., XXXVI; Conon XVIII, 18; Ovid. Ibis, 329; ps. Scymn. 785–796; Appollod. Epitom., V, 5; Solinus Collectanea rerum memorabilium, XIX, 1; Mart. Capel.VI, 663). Известны схолии и комментарии к ним (Schol. ad Pind.

Nem., IV, 79; Schol. ad Eurip. Andr., 1260, 1262; Schol. ad Dion. Perieg., 541; Comment. ad Dion.Perieg., 306; Eustath. Schol. ad Dion. Perieg., 306–541; Tzetzes Comment. ad Lycophr. Cass., 186–188; Schol. ad Lycophr. Alex., 186; Chrest ad Strabo. VII, 3, 16).

Вполне вероятно, что остров под названием, происходящим от «макарон – остров блаженных» (Plin. NH, IV, 83, 9) упоминается и в некоторых раннесредневековых источниках: Певтингеровой карте (Segm. VIII, 2); у Анонима из Равенны (Raven. Anonim V, 19).

Именно на Змеином культ Ахилла был сформирован и приобрел черты, распространившиеся впоследствии и в других местах его поклонения в Северном Причерноморье. Данные письменной традиции дополняются и археологическим материалом.

История исследования. Первое упоминание острова в средние века относится к XIII в. В портолане «Compasso de Navigare», составленном в Пизе в 1250–1265 гг. и дополненном в 1296 г., он называется Filoxia и помещен на расстоянии 30 миль от сулинского гирла Дуная (Димитров 1979; Todorova 1978). С тех пор остров отмечается практически на всех картах и портоланах XIII–XVII вв., где он носит название Fidonixi, Fidinisi, Fidonis, Fudnis, Fudonis и Fidonisi (Todorova 1978: 138; Ronciere, Jordin, Azard, Raynaud-Nquen, Vannereau 1984). В переводе с греческого это означает «Змеиный остров». Это же название перешло к туркам, у которых оно звучало как Ilan-ada (Боплан 1990: 49).

Начало научного изучения острова относится к середине XVIII в, когда французский дипломат и военный К.Ш. де Пейсонель, совершая вояж ко двору крымского хана, оставил его описание. Но следуя разночтениям античных авторов и сам считал, что остров находится в устье Борисфена. Первым, кто обратил внимание на Змеиный, как местопребывание Ахилла стал И.О. Потоцкий (Potocki 1796: 4–7). В 1775 г. остров упоминается в «Атласе Черного и Азовского морей» П.В. Пустошкина (Тункина 2002: 401–416).

В 1801 г. И.М. Будищевым был снят план острова с «развалами древнего строения», а в 1823 г. Н.Д. Критский сделал топосъемку «Фидонисия» (табл. 20, 1). Он провел раскопки и собрал несколько античных архитектурных фрагментов. Материалы были переданы Е.Е. Кёлеру (Köhler 1826).

В 1837 г. на Змеином стал сооружаться маяк, и для этого использовали камни от храма. Фундамент, отмеченный Н.Д. Критским, был разобран. Одесское общество истории и древности старалось исследовать остров. На Змеином был основан карантинный пост, его чиновники вели раскопки, а найденные вещи их обязали передавать в Одесский музей древностей (Тункина 2002: 415). Раскопки продолжались до 1852 г. В 1841 г. ООИД организовало экспедицию на Змеиный. В заложенном шурфе были обнаружены керамика, граффити, монеты, геммы, фрагмент древнегреческой надписи и т.п. Н.Н. Мурзакевичу принадлежит честь первой публикации материалов со Змеиного (Мурзакевич 1844; 1850; 1853; 1867).

В 1856 г. англичанами Спраттом и Миллардом был снят план острова, где они отметили остатки древностей и две надписи. Эти надписи: одна, посвященная Ахиллу, а вторая – декрет в честь неизвестного ольвиополита были опубликованы и прокомментированы (Egger 1885; IOSPE. I², N 325; Točilescu 1887: Fasc I, 37, № 41; Латышев 1887: 52–53; 1890: 61). Э.Р. Штерн (1897) рассмотрел граффити, где упоминался Ахилл, а Б.В. Фармаковский (1893; 1901) дал анализ двух фрагментов краснофигурных сосудов. Г. Попа-Лиссяну посвятил острову статью, где он про-

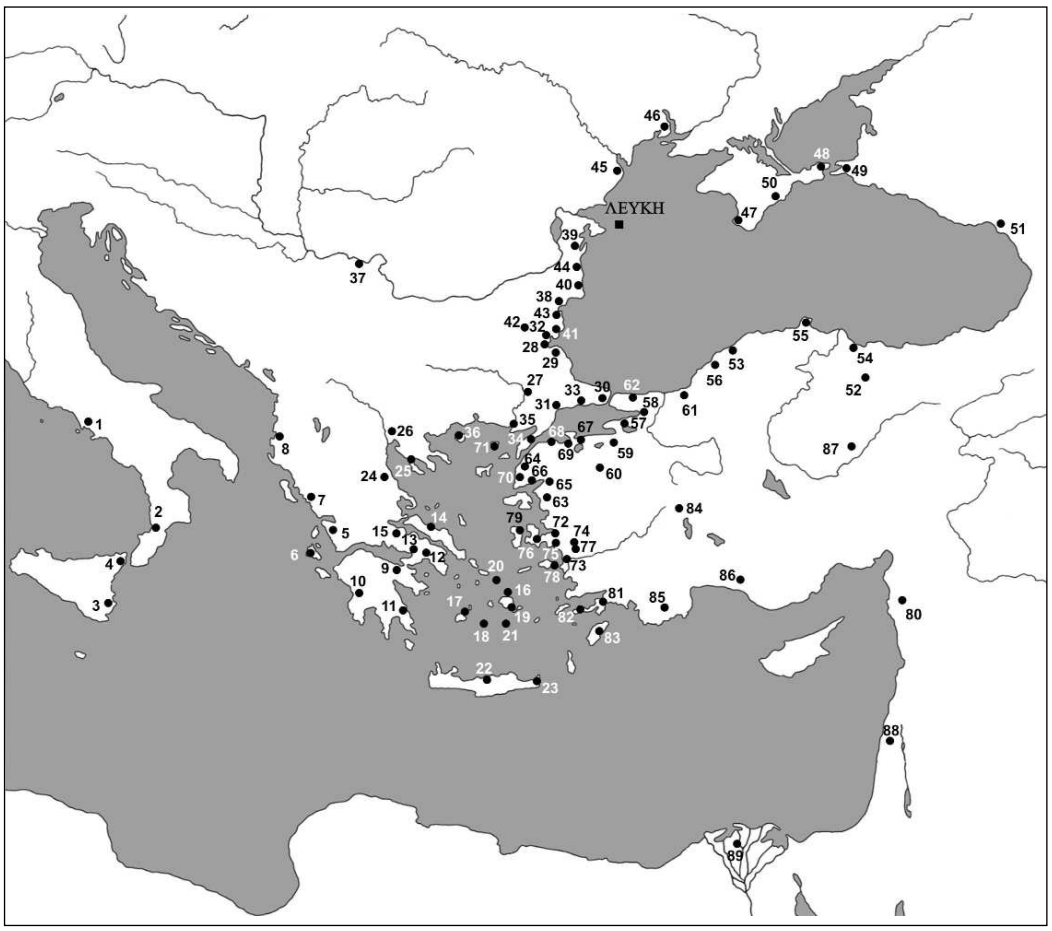


Рис. 126. Города, монеты которых обнаружены на Левке:
1 – Неаполь; 2 – Бруттий; 3 – Сиракузы; 4 – Мессана; 5 – Мелита; 6 – Кефалления (г. Симе); 7 – Эпир; 8 – Аполлония; 9 – Сикион; 10 – Пилос; 11 – Лакедемон; 12 – Афины; 13 – Мегары; 14 – Танагра; 15 – Локры Опунтские; 16 – Делос; 17 – Китнос; 18 – Сифнос; 19 – Наксос; 20 – Тенос; 21 – Иос; 22 – Кнос; 23 – Итан; 24 – Фессалия; 25 – Менде; 26 – Фессалоника; 27 – Адрианополь; 28 – Анхиал; 29 – Аполлония; 30 – Византий; 31 – Лисимахия; 32 – Месембрия; 33 – Перинф; 34 – Сест; 35 – Энос; 36 – Фасос; 37 – Виминакий; 38 – Дионисополь; 39 – Истрия; 40 – Каллатис; 41 – Маркианополь; 42 – Никополь; 43 – Одессос; 44 – Томис; 45 – Тира; 46 – Ольвия; 47 – Херсонес; 48 – Пантикапей; 49 – Фанагория; 50 – Феодосия; 51 – Диоскуриада; 52 – Амассия; 53 – Амастрида; 54 – Амис; 55 – Синопа; 56 – Гераклея; 57 – Никея; 58 – Никомидия; 59 – Кий; 60 – Пруса; 61 – Прусиада; 62 – Тий; 63 – Пергам; 64 – Абидос; 65 – Адрамитий; 66 – Александрия; 67 – Кизик; 68 – Лампсак; 69 – Парий; 70 – Тенедос; 71 – Митилена, Эрес; 72 – Клазомены; 73 – Прина; 74 – Смирна; 75 – Теос; 76 – Эритры; 77 – Эфес; 78 – Самос; 79 – Хиос; 80 – Антиохия; 81 – Книд, Кария; 82 – Кос; 83 – Родос; 84 – Дионисополь; 85 – Города Ликии; 86 – Города Памфилии; 87 – Города Каппадокии; 88 – Города Финикии; 89 – Александрия Египетская (по: Русяева 1979: рис. 65)

анализировал две надписи, несколько монет, сделал обзор античных источников (Popa-Lisseanu 1925).

Основная дискуссия в это время концентрировалась вокруг существования в Черном море не одного, а двух островных святилищ Ахилла. То, что их было именно два (второе на Березани) писал еще Е.Е. Келер. В.В. Латышев считал, что источники римского времени отражают не независимую традицию, а лишь представления их авторов о севере Понта. К гипотезе о существовании двух островов присоединился Э. Миннз (Minns 1913: 480), а затем М.И. Ростовцев (1918). Отметим также исследование Э. Диля, где он собрал и интерпретировал все имеющиеся на то время сведения об острове, рассмотрел истоки зарождения культа Ахилла (Diehl 1927; 1953). Р. Калинеску в сводной статье упомянул об экспедициях на остров, повторил данные античных авторов (Calinescu 1931).

Статья А.Н. Зографа (1941) на долгие годы оставалась последней научной работой об острове. В ней автор уточнил состав монетных находок из святилища Ахилла, сопоставил их с находками в других святилищах.

В 1964 г. состоялась вторая после 1841 г. экспедиция на Змеиный. На острове заложили несколько шурфов, обнаружили амфоры с клеймами, черепицу, архитектурную терракоту; были впервые проведены подводные исследования (Пятышева 1966). В 1968 г. экспедицию на Змеиный организовал Одесский археологический музей (Булатович 1968; 1990). Были найдены клейма амфор, римских легионов на черепице, керамика.

Начиная с 70-х гг. прошлого века интерес к Змеиному повысился. Выходит статья Н.А. Лейпунской, где автор привлекла все имевшиеся на тот момент материалы (Лейпунська 1970). Нумизматические находки стали предметом исследования С.А. Булатович (Булатович 1971). И.Б. Клейманом опубликованы терракоты (Клейман 1970: 24). В работах А.С. Русяевой и В.М. Отрешко рассматривались вопросы, связанные с распространением культа Ахилла, значением бога-героя в ипостаси Понтарха для Ольвийского полиса (Русяева 1975; Отрешко 1979). В.П. Яйленко переиздаются граффити с Левке, куда были включены и новые находки (Яйленко 1980; SEG XXX).

Восьмидесятые годы XX столетия и начало XXI в. отмечены появлением нескольких работ обобщающего и семантоведческого характера (Hommel 1980; Хоммель 1981; Hooker 1981; Курбанов 1983; Коршунков 1989; Топоров 1990). Анализу ольвийских монет со Змеиного, посвящена статья П.О. Карышковского (1983). Появляются работы справочного и научно-популярного характера, где суммировались сведения о Левке и культе Ахилла (Кубланов 1957; Wąsowicz 1975; 1984; Ehrhardt 1988; Виноградов 1989; Русяева 1986; 1990; 2005; Агбунов 1987; 1992; Островерхов, Охотников 1990; 1993; 2008; Шелов-Коведяев 1990; Яйленко 1990; Hedreen 1991; Скржинская 1991; Vinogradov, Kryžickij 1995; Буйских 1996; Охотников 1998; Тункина 1987; 2002; Островерхов, Сапожников 2002; Cojocaru 2000; 2002; Самойлова, Кожокару 2002; Шауб 2002; Назаров 2003).

С 1988 г. наступает новый этап исследований на острове Змеином – начинает работать экспедиция Одесского археологического музея. В 1993 г. выходит монография о Левке, где обобщены или впервые публикуются все известные письменные и археологические источники (Охотников, Островерхов 1993а; Островерхов, Охотников 2006; Okhotnikov, Ostroverckhov 1993; 2007). Фонд последних постоянно пополняется и это находит отражение во многих статьях, особенно касающихся подводных исследований (рис. 130, 6; 132; табл. 19, 3). Ведь именно с их помощью

подтверждены сведения античных авторов о якорных стоянках на острове (Охотников 1996; 1998; 2001; Охотников, Островерхов 1991; 1999; 2002). В первом десятилетии XXI в. издано несколько обзорных статей и монографических исследований (Островерхов, Охотников 2006; 2008; Сминтина та ін. 2008; Hupe u.a. 2006).

Основные этапы в истории острова. Несмотря на известность в античном мире сама история возникновения и существования храма Ахилла на острове Левке отражена в письменной традиции слабо и фрагментарно. Известны отдельные детали, эпизоды, которые в совокупности с археологическим материалом позволяют лишь наметить канву исторического развития святилища. Целые периоды в жизни острова не нашли отражения в известных нам источниках.

Основным контингентом, посещавшим Левке и в среде которого могли появиться первые представления об отождествлении острова с обиталищем Ахилла, были ионийцы. Это может быть подтверждено, во-первых, составом ранней керамики, среди которой присутствуют типы Камир и Middle Wild Goat, характерные именно для Ионии (Копейкина 1982: 31–33; Виноградов 1989: 37). Во-вторых, с именем Ахилла и топонимом «Левке» связано несколько географических названий в округе самого Милета (Хоммель 1981: 63). Об Ахилле, как «владыке» свидетельствует Алкей (Alc. 48 B). Формула обращения, где герой назван «владыкой» перекликается с более поздними надписями, указывает на давнюю традицию его почитания в Северном Причерноморье (Хоммель 1981: 54–55). Определенную информацию о том, что именно в это время идея поклонения Ахиллу получает практическое воплощение, можно извлечь из сообщений Павсания (Paus. III, 19, 11) и Конона (Conon XVIII, 18). В связи с островом Левке они упоминают поэта Стесихора из Гимеры, жившего в последней трети VII – первой половине VI вв. до н.э. Он был известен как сочинитель песен для хоров, трактовал мифологические сюжеты, писал палинодии, т.е. стихи, где автор отрекается от сказанного. В тех же отрывках говорится и о первых посетителях священного острова. Павсаний упоминал некоего Леонима из Кротона, а Конон – также кротонца по имени Автолеонт. Однако сюжет у обоих авторов идентичен. Речь идет о посещениях острова во время войны между Кротоном и Локрами, которая, судя по всему, происходила в середине VI в. до н.э., или даже несколько ранее – около 600 г. до н.э. (RE, XIII, 2, 1326–1328). Оба воина, будучи ранеными, во время войны, по совету Пифии отправились на Белый остров для излечения. Здесь они получили поручение от подруги Ахилла Елены передать Стесихору, чтобы он сочинил в ее честь палинодию, если дорожит зрением. Стесихор составил гимны в честь Елены и снова получил возможность видеть, поскольку до этого он был ослеплен ею же за непочитание.

Переплетение в этих сюжетах мифологических деталей с конкретными историческими событиями и лицами, характерно для сведений об Ахилловом острове. Вычленяя достоверные факты, можно попытаться проследить истоки и время формирования культа героя и сопровождающих его персонажей. Можно утверждать, что в первой половине VI в. до н.э. культ Ахилла уже был сформирован и остров в это время был включен в общую систему представлений эллинов о северных берегах Понта. Эти соображения подкрепляются граффити на родосско-ионийской керамике второй четверти – середины VI в. до н.э. и другие более поздние материалы (рис. 131, 1; 129, 9).

Укрепление веры в то, что остров Левке в Понте и есть обиталище героя Троянской войны, повлекло за собой и стремление к официальному учреждению его культа. Оно выражалось в строительстве героонов, храмов, приуроченных к какому-либо конкретному месту, служившему в качестве святилища и объекта сакральных действий. Данными действиями закреплялся не только культ героя, но и устанавливалось политическое и идеологическое право государства, учредившего такой культ на конкретной территории (Русяева 1990: 45).

Приблизительно в третьей четверти VI в. до н.э. на острове был сооружен храм, возможно, с алтарем (рис. 127; табл. 19, 2). Судя по тому, что другие места поклонения Ахиллу появились в VI – начале V вв. до н.э. в районах, близких к Ольвии (Русяева 1979: 127–138), надо полагать, что и на Левке учредителем культа героя стал именно этот полис. Конец VI – начало V вв. до н.э. был временем расцвета храма. К этому периоду относится значительное количество расписных сосудов черно- и краснофигурного стилей и других вещей, преподносимых богу-герою (рис. 128; 129; 130, 1–4; табл. 20, 2). Однако нумизматический материал этого времени чрезвычайно редок, а ольвийские монеты составляют 1,5% всего числа находок. Это дало повод П.О. Карышковскому (1983: 165–166) усомниться в эффективности контроля Ольвии над храмом в первой половине V в. до н.э. Нам же представляется, что подобный феномен объясняется другими обстоятельствами. В это время традиция приношения денег еще не устоялась (Зограф 1941).

Функционирование храма предполагало наличие специальных служителей. Вопрос – являлись ли эти служители временными или постоянными – решается неоднозначно. Античные авторы сообщают, что «людей на острове нет» (ps. Arr. Peripl 90–92 (32–34)), «в этой Таврике посвящен Ахиллу остров Белый, на котором нет никаких обитателей» и к тому же «там никто не может переночевать без опасности для жизни» (Amm. Marc. XXП, 8, 35). «Людям, плавающим по широкому пространству моря, не запрещается вступать на этот остров (ведь он и лежит как гостеприимное убежище для кораблей), но строить на нем жилища запрещено всем мореплавателям и живущим по берегам Понта, эллинам и варварам» (Philostr. XIX, 16). Но было бы совсем невероятным, если бы здесь отсутвовал хотя бы временный персонал. Косвенно об этом свидетельствует сообщение Арриана об оракуле на Левке.

Наличие контингента людей можно предполагать и из сообщения Филострата о деревьях, посаженных возле храма. Здесь, очевидно, речь идет о священной роще, за которой требовался регулярный уход. Судя по отрывкам из Павсания и Конона, на острове функционировало специальное учреждение для исцеления. Приписывание святилищу Ахилла лечебных функций предполагало наличие врачей или жрецов, обладавших медицинскими знаниями. Судя по тому, что Ахилл «являлся во сне», здесь применялся метод инкубации, характерный для многих других святилищ (Блаватская 1983: 97–98).

На Левке постепенно сложился ряд специальных сакральных действий, за правильным выполнением которых наблюдал сезонный персонал. Для охраны храмового имущества, поддержания порядка и проведения календарных служб, на острове мог оставаться специальный контингент служителей и охранников.

Широкое распространение поклонения Ахиллу привело к усилению известности святилища, принесло ему славу по всей ойкумене. Уже к V в. до н.э. популярность храма становится столь широка, что Левке фигурирует в произведениях Пин-

дара (Pind. Nem., IV, 48 – 50): «Эант владеет отеческим Саламином, а Ахилл – светлым островом в Эвксинском море»; Еврипида (Eurip. Andr., 1260–1262): «Ты увидишь любезнейшего тебе и мне сына Ахилла, обитающего в островном доме на Белом берегу внутри Эвксинского моря».

Популярность храма приводила к расширению его контактов, что нашло отражение в значительном количестве монет, найденных на Левке. Их география охватывает, практически, все более или менее значительные государства Понта и Средиземноморья (рис. 126). Изучение этих находок показывает, что пик таких приношений приходится на IV–III вв. до н.э., причем, среди городов, монеты которых встречены на острове, преобладают причерноморские полисы, а Ольвия представлена более чем 20% нумизматического материала этого времени (Карышковский 1983: 166). Имеются и другие примеры того, что культ Ахилла стал для ольвийского государства одним из главных, а город стремился, как можно прочнее закрепить свой патронат не только над Левке, но и над другими местами поклонения герою. В его честь были учреждены календарные празднества, проводившиеся на Ахилловом дроме и других местах. Возобновленный договор об исополитии между Ольвией и Милетом, датирующийся последней третью IV в. до н.э., свидетельствует о давних традициях почитания отчих обычаев и указывает на право жителей Милета участвовать в празднествах Ахилла (Виноградов 1989: 168–170; Русяева 1990: 47).

Ольвия, прочно утвердив свой патронат над святилищем Ахилла, укрепила тем самым и свое политическое господство в северной части Черного моря. Археологический материал подтверждает могущество и процветание полиса во второй половине IV в. до н.э. Несмотря на осаду Зопириона, город в последней трети IV в. до н.э. достигает своего расцвета. К концу IV в. до н.э. относится и денежная реформа – для закрепления курса монет Ольвия выпускает золото (Карышковский 2003: 225–228). Также, вероятно, происходит накопление богатств и в самом святилище. Монеты и другие приношения собираются здесь в специальном месте. Нельзя также исключить сосредоточение даров в самом храме, где они охранялись религиозным запретом (Зограф 1941: 157).

Вывод о расцвете святилища проистекает и из трактовки декрета 30–20 гг. IV в. до н.э. (IOSPE, I^2, № 325; Латышев 1890: 146–147). Суть декрета – награждение некоего лица, освободившего Левке от грабежа и оказавшего услуги городу Ольвии, звучит одинаково у всех исследователей. Однако в чтении и трактовке некоторых мест имеются разногласия. Канонический текст, предложенный В.В. Латышевым и несколько дополненный Ю.Г. Виноградовым, может быть представлен следующим образом: «… в Ольвиополе [?] … и захвативших [священный остров] для грабежа эллинов, перебил и бывших с ними изгнал с острова, и прибыв в город оказал много важных услуг народу ольвиополитов, и за это народ и при жизни почтил его подарком, и после смерти похоронил за общественный счет. Постановил народ ольвиополитов, (поставить) ему статую, дабы и деяния (его) оставались в памяти, и город (сделал) очевидным эллинам, что он и об острове имеет большое (попечение) по заповедям отцов, и служащих ему и живых почитает и умершим воздает достойную [благодарность]». (Виноградов 1989: 165).

Имя награжденного до нас не дошло, но факт постановки конной статуи свидетельствует как о его принадлежности к знатному роду, так и о действительно серьезных заслугах перед Ольвией. М.И. Ростовцев (Ростовцев 1918: 190) высказался в осторожной форме, что декрет издан в честь известного по другим надписям Посидея, сына Посидея, жившего во II в. до н.э. В.В. Латышев считал это лицо служителем храма (IOSPE, I^2, 270), что вызвало возражения (Толстой 1918: 43).

Вероятнее всего, это ольвиополит, сумевший освободить остров, захваченный пиратами, или, как считает В.П. Яйленко (1990: 267), здесь в ближайшей местности действовали противники ольвиополитов, к которым присоединились некие люди, осевшие на Левке.

Этот кратковременный эпизод в истории святилища произошел на общем фоне весьма благополучного существования ольвийского государства. Такая ситуация могла сложиться в период осады города войсками Зопириона, когда Ольвия не смогла обеспечить охрану и защиту своей святыни на Левке. Внешнеполитические проблемы усугубились, судя по синхронной надписи в честь Каллиника, социальными неурядицами внутри города (Виноградов 1989: 153–168). Отразив осаду и решив внутренние конфликты, ольвиополиты сумели направить на остров необходимую военную силу во главе с этим выдающимся лицом. После победы этот человек вернулся в Ольвию, где оказал еще много услуг городу, а спустя некоторое время, уже после смерти, он был похоронен за общественный счет, а на острове в его честь была установлена конная статуя.

О протекторате Ольвии над Левке в это, а, возможно, и более позднее время – III в. до н.э. свидетельствует и одна из надписей этого времени (IOSPE, I^2, № 26): «С добрым счастьем. Совет и народ постановили по предложению архонтов и Семи: так как получаются известия, что … оказывает услуги тем из народа ольвиополитов, которые приезжают на священный остров Левке, то да постановит Совет и народ увенчать его».

М.И. Ростовцев (1918: 191) думал, что этот человек на острове не жил и гражданином какого города он являлся – неизвестно. Н.А. Лейпунская (1970: 70) считает героя декрета обитателем острова, что указывает на существование здесь поселения. Несмотря на эти разногласия, сам факт оказания услуг (вероятнее всего они связаны с сакральными действиями), заслуживших быть отмеченными в специальном постановлении, говорит о влиянии Ольвии на острове. Это подтверждается и нумизматическими данными. На период между 250 и 150 гг. до н.э. приходится 30% монет Ольвии, найденных на Левке (Карышковский 1983: 166).

Международная обстановка около середины III в. до н.э. отличалась нестабильностью. В это время Ольвия оказалась втянутой в конфликт между Византием и Истрией, разгоревшийся в результате борьбы за гавань Томиса. Ольвия выступила на стороне Византия и контакты с Истрией, расположенной вблизи от Левке, нарушаются (Виноградов 1989: 179–180). Отзвуки каких-то военных действий близкого к описываемому времени прослеживаются в декрете в честь Антестерия (Виноградов 1984: 64–71). Речь идет о победе, одержанной Ольвией с помощью морского флота, что само по себе свидетельствует о его мощи в данный период и наводит на мысль, что ольвийской эскадре вполне было под силу сохранять контроль полиса над островом. Косвенную информацию о необходимости такого контроля можно извлечь и из других мест декрета, где речь идет об алтарях, пришедших в негодность из-за времени и многочисленных военных опасностей. Алтари, которые могли охраняться с помощью флота, находились, в первую очередь, на Левке, так что вполне вероятна привязка событий, описываемых в документе, к острову Ахилла.

Нестабильная обстановка складывалась и в степях Причерноморья, где активизируются варварские племена. Сложное положение, в котором оказались античные города к концу III в. до н.э., ярко показано в декретах Протогена, Никерата (Виноградов 1989: 180–188). Не исключено отражение в последнем событии, свя-

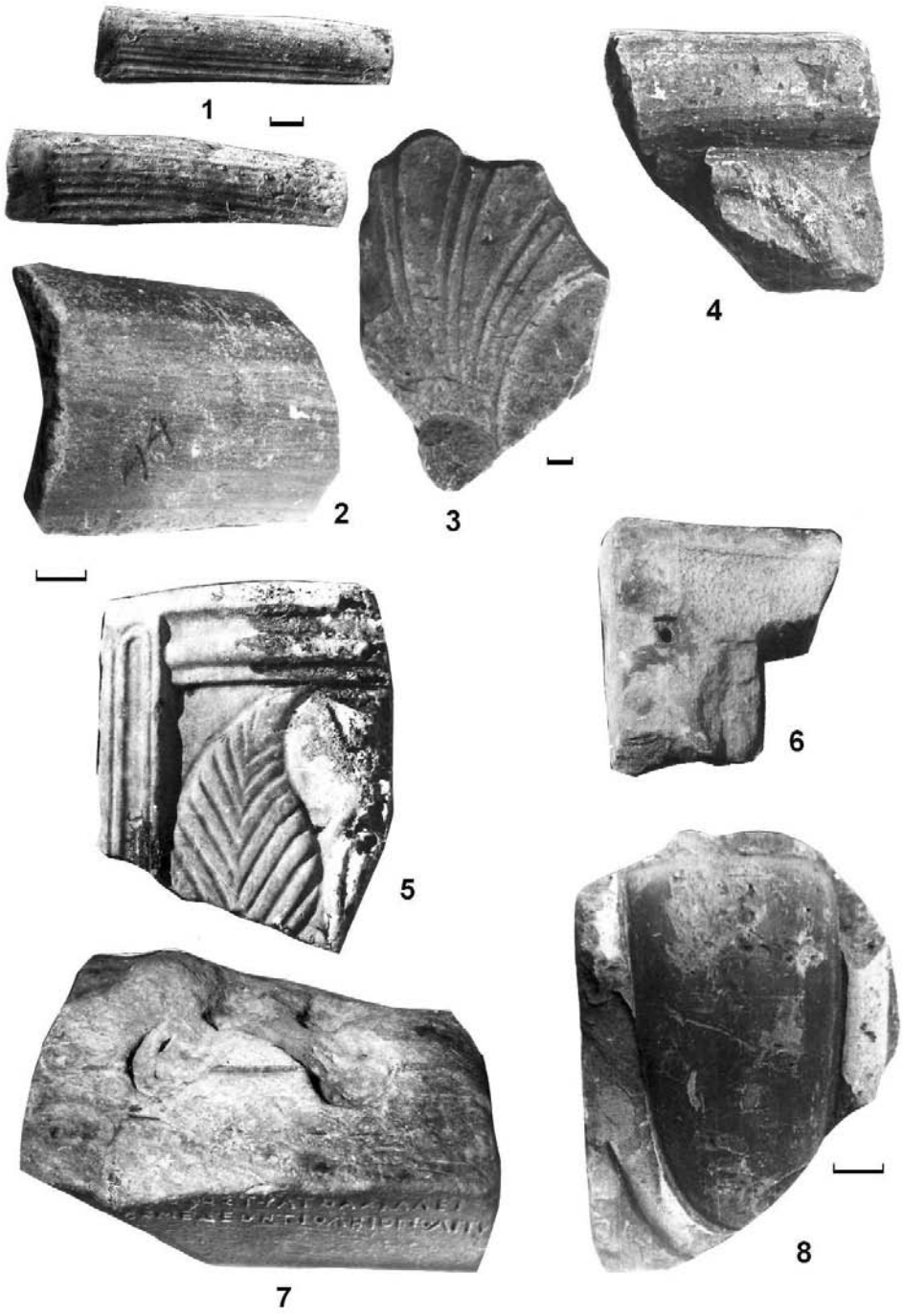


Рис. 127. Остров Змеиный. Детали храма.
1–2 – черепица; 3–4, 8 – архитектурная терракота; 5 – фрагмент алтаря (мрамор);
6 – деталь храма (мрамор); 7 – база скульптуры с надписью в честь Ахилла

Рис. 128. Остров Змеиный. Керамика

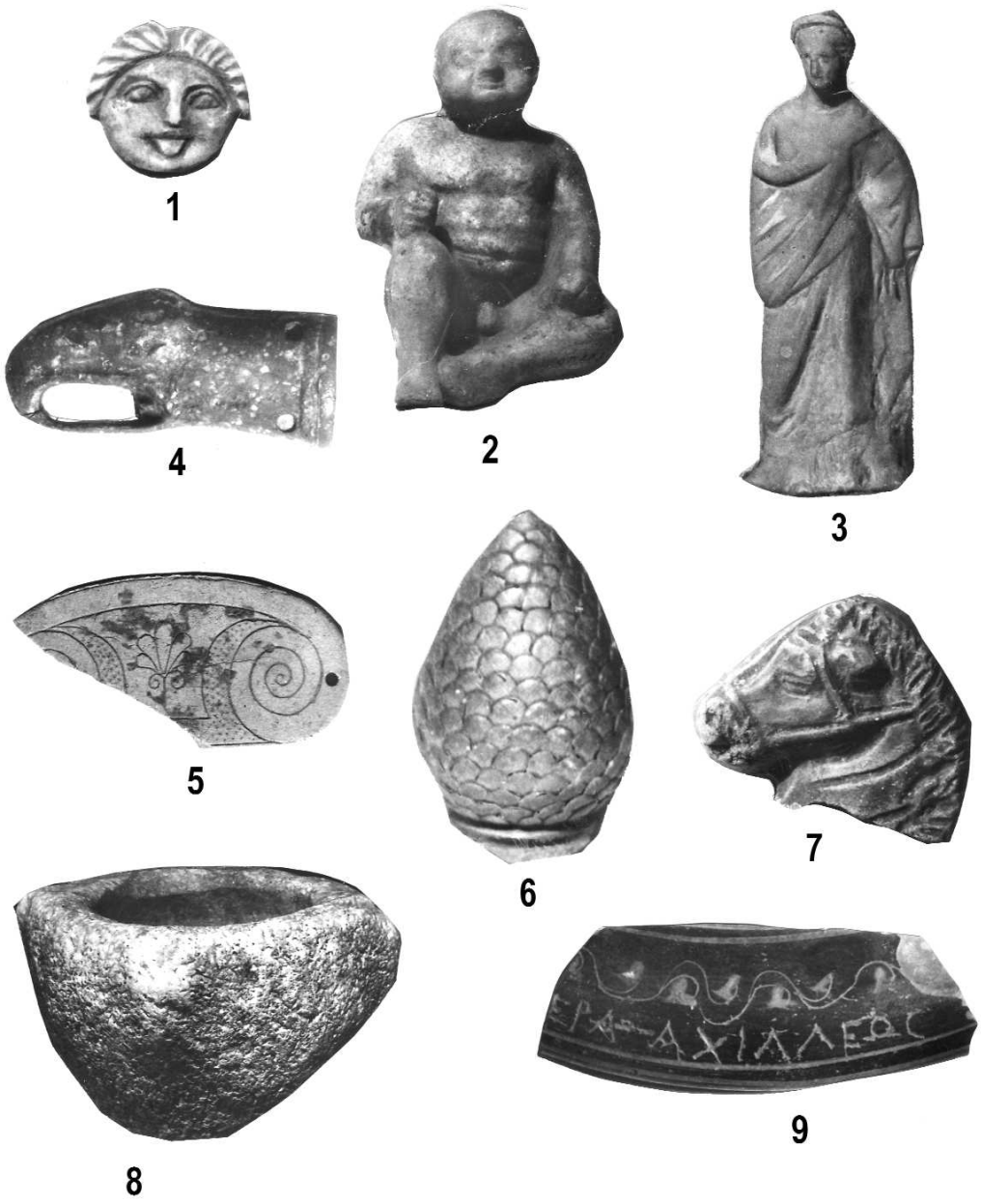


Рис. 129. Остров Змеиный. Предметы сакрального назначения.
1 – Тессера с изображением Медузы. Кость. 2 – Фигурка Кабира. Терракота.
3 – Фигурка женщины. Терракота. 4 – Бутероль ножен меча. Бронза.
5 – Украшение из кости. 6 – Ручка сосуда. Керамика. 7 – Фрагмент фигурного сосуда.
8 – Мраморная чаша. 9 – Граффити с посвящением Ахиллу

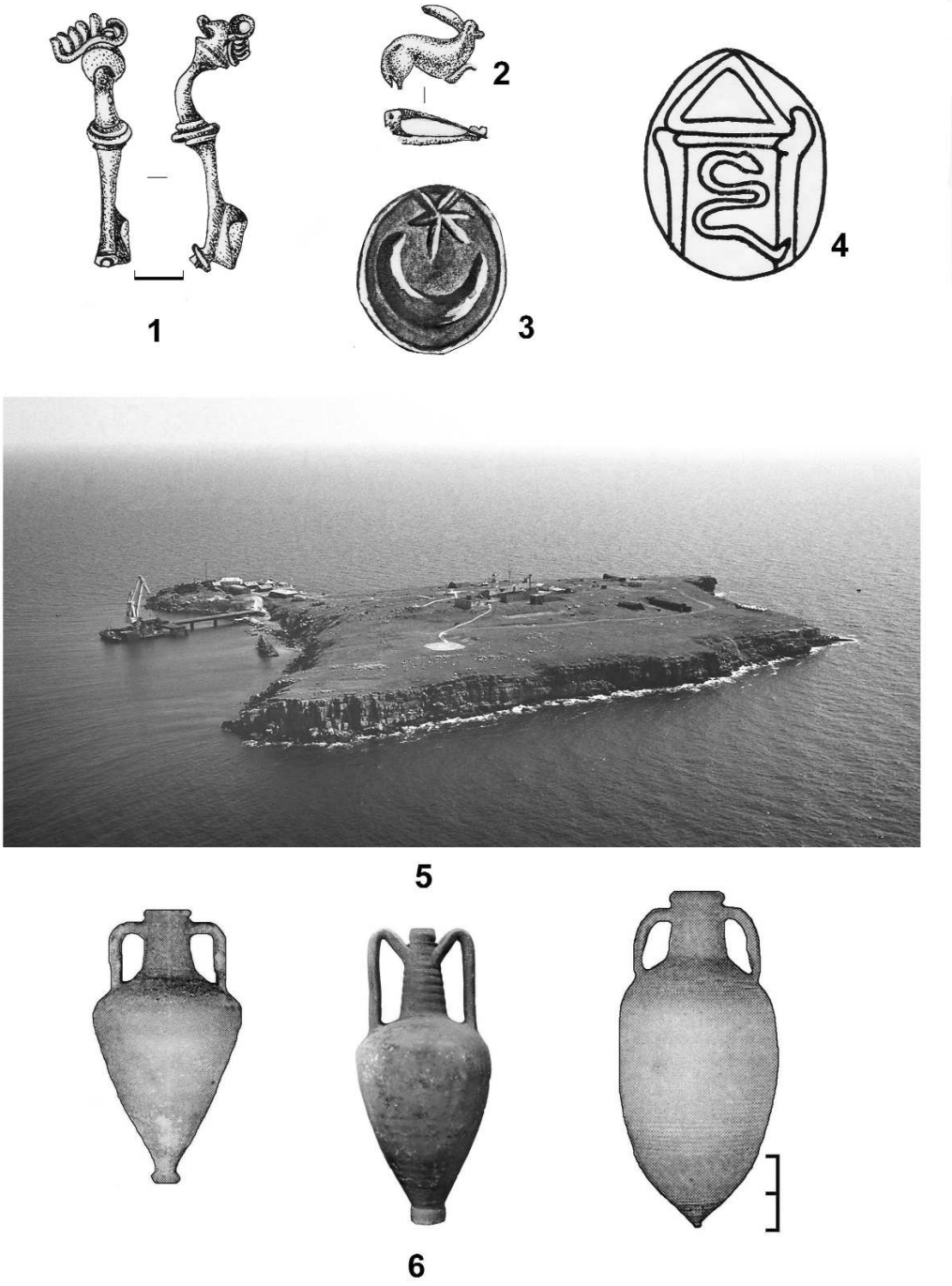


Рис. 130. Вещи найденные на острове: 1–2 – бронзовые фибулы, 3 – оттиск геммы с изображением эмблемы Митридата VI Евпатора, 4 – оттиск геммы с изображением змеи в храме, 5 – остров Змеиный с высоты птичьего полета,
6 – амфоры, поднятые из акватории острова

занном с празднеством Ахиллей в Гилее. Люди, подобные Протогену, Никерату или их современнику Агафоклу из Истрии (Карышковский 1971: 35–56), сумели своим личным вкладом спасти на какое-то время положение в государствах Северо-Западного Причерноморья. К середине II в. до н.э. Ольвия попадает под власть скифов, что, вероятно, засвидетельствовано чеканкой монет с титулом и портретом Скилура. Эмиссии этого времени известны и на Левке, указывая на сохранение связей святилища и полиса. Не позднее II в. до н.э. в Добрудже складывается Малая Скифия, цари которой стали выпускать в западнопонтийских городах монеты, часть которых, а именно Канита и Гелия проникла на остров Ахилла.

Усиление варварского натиска не только на суше, но и на море подтверждает надпись Посидея, сына Посидея, прославленного многими другими эпиграфическими документами, найденными в Ольвии и Неаполе Скифском. Речь в надписи идет о том, что Посидей посвятил ее Ахиллу в честь победы над сатархами (IOSPE, I^2, № 672; Соломоник 1962: 37–39).

И.И. Толстой (1918: 41) привлек этот документ для трактовки декрета, где речь шла о грабеже острова (IOSPE, I^2, № 325), а М.И. Ростовцев считал, что неизвестным лицом, упомянутым в декрете, мог быть Посидей. Однако, принимая во внимание датировки обеих надписей В.В. Латышевым, где первая из них (IOSPE, I^2, № 672) относится к концу III–II вв. до н.э., а вторая (IOSPE, I^2, № 325) – на сто лет ранее, вряд ли можно говорить о том, что речь в них идет об одном и том же лице.

Вторая спорная проблема интерпретации надписи Посидея – место, где пиратствовали сатархеи. М.И. Ростовцев и Э.И. Соломоник предполагали, что они могли действовать у берегов Крыма, хотя сам Ростовцев позднее писал о Посидее как освободителе Левке (Брашинский 1973: 30). Нам представляется наиболее убедительной точка зрения, согласно которой речь в надписи идет именно о Левке. В первую очередь такое предположение основывается на упоминании имени Ахилла в связи с островом. Таковым в то время мог быть только Левке. Что касается личности Посидея, то он, вероятно, был одним из крупных военачальников или судовладельцев при Скилуре, мог даже возглавлять его флот (Брашинский 1973:131; Виноградов 1989: 46). Время, в которое он развивал свою деятельность, было неспокойным. Противостояние эллинов и местных племен, стремившихся контролировать налаженные торговые коммуникации, пролегавшие, в том числе и вблизи острова Ахилла, шло с переменным успехом. Эти противоречия на морских просторах Понта, начало которых отмечено с последней трети IV в. до н.э., продолжались, как уже показано, и позднее. Возможно, какие-то отголоски событий II в. до н.э., происходивших на севере Понта и связанных с Левке, нашли косвенное отражение в сообщении Филострата (Phil. XIX, 19). Излагая различные мифические истории, автор передает рассказ об Ахилле, истребившем у себя на острове отряд амазонок, прибывший сюда на кораблях. При этом он упоминает, что это происходило в то время, когда Леонид Родосский одержал первую победу на стадионе. Если исходить из такого сопоставления, то события, изложенные Филостратом, происходили около середины II в. до н.э., поскольку Леонид начал свои победы на 154 Олимпиаде (RE, XII, 2020–2021).

Углубление кризиса городов Причерноморья повысило роль монархий эллинистического типа, среди которых выдающееся место занимало Понтийское царство. Его значение в истории северного и западного побережий Черного моря особенно возросло с конца II в. до н.э. при Митридате Евпаторе. Херсонес и Ольвия стали его союзниками, а с начала I в. до н.э. он стал господствовать и на западном Понте.

Положение Левке в это время не освещено прямыми источниками. Ольвийских монетных находок на острове периода господства Митридата чрезвычайно мало – всего две (Карышковский 1983: 164). Также мало (3 экземпляра) монет из Понта и Пафлагонии (Булатович 1971: 222). И это, при всем том, что в Ольвии проникновение городской медной монеты государства Митридата значительно увеличивается (Карышковский 1983: 103–104). Эти наблюдения приводят к определенным предположениям, которые раскрываются в поэме Овидия «Ибис». В одном из стихов поэмы (Ov. Ib. 329–330) поэт высказывает пожелание врагу остаться нагим на Ахилловой земле, как некогда Леней с амастрийских берегов. Более развернутую информацию можно почерпнуть из схолий к этой поэме, существующих в семи вариантах. По поводу этих комментариев имеется обширная литература (Подосинов 1983: 163–165). Она основана на том, что в схолиях, во-первых, упомянуто несколько вариантов имени человека, оставшегося на Ахилловой земле. Во-вторых, подвергается сомнению само местопребывание этого героя – то ли это действительно Левке, то ли Ахиллов Бег, есть еще варианты – на острове Эсхина, Андугенес, Анхигенес, Армигенес. Имеются также различные версии отождествления упомянутого Ленея с известными историческими лицами или даже мифологическим персонажем (Дионисом). Несмотря на все эти разногласия наиболее убедительным представляется мнение А.В. Подосинова, увидевшего за всеми путаными комментариями реальные факты, как это и звучит в подлинном тексте Овидия. За какие-то провинности правитель Амастрии, вошедшей в состав Понтийского царства, был сослан своим тестем Митридатом в ссылку на остров Ахилла, где и погиб от холода и голода. Вероятно, за этими словами кроется реальный факт – упадок святилища в первой половине – середине I в. н.э., хотя полностью оно вряд ли прекратило свое существование – ведь здесь найден материал I в. до н.э., в том числе гемма с изображением звезды и полумесяца – эмблемы Митридата (рис. 130, 3).

Вторая половина I в. до н.э. была сложным временем для античных городов Северо-Западного Понта. Ольвия, Тира, Истрия разрушены войсками Буребисты, хотя археологических подтверждений этому недостаточно. Не лучшая участь ожидала и другие полисы, о чем сообщает, описывая события этого времени, Дион Хрисостом: «Геты взяли и её (Ольвию. – Авт.), и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Вследствие этого дела тамошних греков пришли в полный упадок; одни города не были восстановлены, другие в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров» (Dion Chr. XXXVI, 4–5).

Яркие картины внешней угрозы, все еще довлевшей над греческими городами и в начале I в. н.э., рисует Овидий, живший в Томисе с 9 по 18 гг. н.э. Вполне вероятно, что именно здесь он узнал об острове Ахилла и связанными с ним преданиями.

Все эти перипетии не могли не сказаться на судьбе острова Левке, постепенно терявшего свое значение как центр поклонения Ахиллу, хотя сам культ героя продолжал оставаться одним из главных в Ольвии. Дион Хрисостом, побывавший в городе в конце I в. н.э. (вероятнее всего в 95 г.), пишет, что Ольвия уже отстроилась. Правда, она не имеет того величия, что было ранее. Тем не менее, жители, несмотря на постоянную боевую готовность, проявляют живейший интерес к поэзии, особенно Гомеру, а Ахилла «они чрезвычайно чтут.., построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе» (Dion. Chr. CXXXVI, II, 48).

Таким образом, мы можем констатировать, что до времени Диона, т.е. конца I в. н.э., центр поклонения Ахиллу все еще находился на Белом острове под протек-

торатом Ольвии. В пользу такого утверждения можно привести следующие соображения. Упоминание ритором из Прусы построенного жителями Ольвии храма относится ко времени более раннему, чем то, о котором он писал. Ибо в данный период Ольвия не могла заниматься крупными строительными работами. Слабое экономическое положение, в котором находился город в первые века нашей эры, вряд ли способствовало сооружению нового храма, тем более на другом острове. Но Ольвия старалась поддерживать старое святилище и храм продолжал функционировать. Это подтверждается и соответствующими монетными находками (Карышковский 1983: 166).

Стабилизации обстановки в Северо-Западном Причерноморье, благодаря которой многие города, в том числе и Ольвия уже к началу первой четверти I в. н.э. могла возродиться, способствовало усиление в этом районе влияния Римской империи. Идея завоевания этих земель возникла еще во времена Цезаря в связи с подготовкой наступления на Парфию, но позднее преследовала и более близкие цели – создание по Дунаю защитной линии обороны от варварских племен. Подчинение же прибрежных городов давало возможность наладить торговые связи по всему Понту. Закрепление здесь римлян происходило в несколько этапов. В I в. до н.э., военные экспедиции Гая Скрибония Куриона (74–73 гг. до н.э.), Марка Лукулла (72–71 гг. до н.э.), а затем и походы Марка Лициния Красса (29–28 гг. до н.э.), Корнелия Лентула (начало I в. н.э.) способствовали распространению власти Рима вплоть до западного берега Черного моря. В это время в орбиту внимания римлян попадает и остров Левке, на котором обнаружены керамика, монеты Республики и Империи, начиная с Августа (Булатович 1971: 224; 1984: 124–126).

В начале I в. н.э. римские гарнизоны еще отсутствовали в греческих городах, хотя последние стали облагаться налогами в пользу Рима. Для этого по Дунаю, вплоть до моря устанавливались посты для взимания подати, войска же появлялись лишь в случае крайней необходимости. Так, например, произошло в 12 г. н.э., когда крепость Эгиссос в самом устье реки захватили даки. Римляне пришли сюда на кораблях по Дунаю и освободили город. Данный факт указывает, что уже в это время войска империи обладали флотом, который мог выходить к единственному в этих местах морскому острову – Левке.

Подлинное закрепление римских войск в Западном и Северном Причерноморье произошло в начале 60-х годов I в. н.э., после похода легата провинции Мезия Плавтия Сильвана против скифов, захвативших Херсонес. В нем, а также в некоторых других местах Таврики, были оставлены гарнизоны, часть войск могла быть размещена и в Тире (Карышковский, Клейман 1985: 98). Созданием опорных баз римляне завершили установление своего контроля практически на всем Черном море. По свидетельству Иосифа Флавия (Flav. Jos. Bell. Jud., II, 16, 4) в 66 г. н.э. порядок на Понте Эвксинском поддерживали 3000 легионеров и 40 военных судов. В начале 70-х годов в Мезии находились I Италийский, VII Клавдиев, V Alaude (легион Жаворонка), V Македонский легионы. После раздела провинции на Верхнюю и Нижнюю Мезии в последней дислоцировались I Италийский, V Македонский, XI Клавдиев легионы и ряд вспомогательных отрядов. Морская служба осуществлялась Мезийской эскадрой, базировавшейся в Новиодунуме (Велков 1961: 69–82). Однако, известны и другие ее стоянки – Тира (Карышковский, Клейман 1985: 54), Таврика (Зубарь 1994: 54–60).

В начале правления Траяна, после прибытия в город V Македонского легиона, Новиодунум стал крупным военным центром (RE, XVII, 1192). Отсюда отдельные

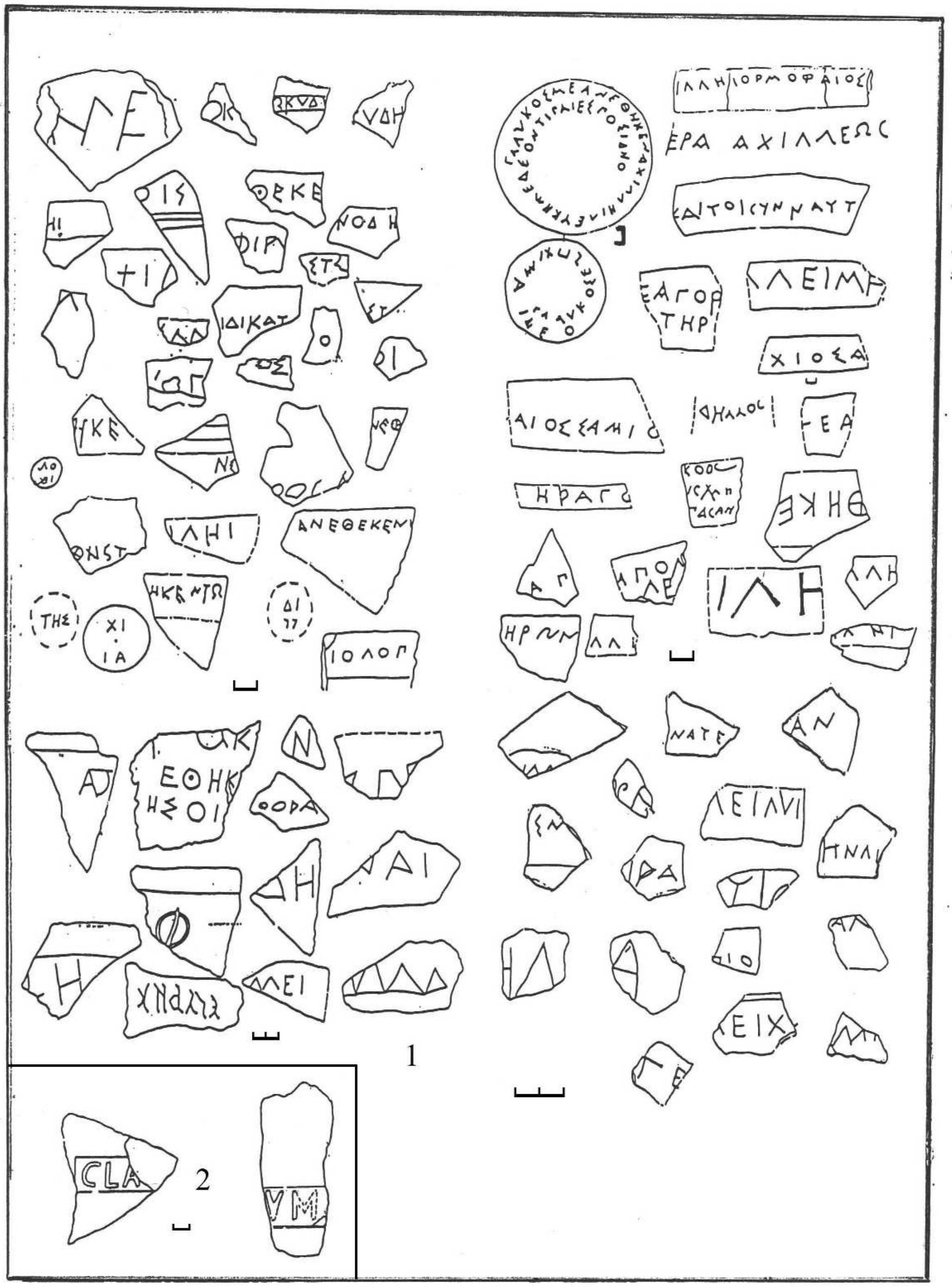


Рис. 131. 1 – Граффити. 2 – Клейма римских легионов на черепице

воинские подразделения как флота, так и легионов направлялись в различные районы дунайского (Бондарь 1973: 144–159; Doruțiu-Boilă 1990: 251–271) и северо-причерноморского (Ростовцев 1900; 1915: 1–16; Шелов 1981: 62–66; Виноградов 1990: 27–32; Bujskich 1994: 165–174; Krapivina 1998: 187–190) лимесов.

Части V Македонского легиона и Мезийской эскадры располагались и на острове Левке. Это подтверждено находками их клейм CLA[SSIS FLAVIA MOESICA] и [LEGIO] V M[ACEDONICA] (рис. 131 ,2), значительным количеством краснолаковой керамики I–II вв. н.э., геммами с легионным значком – орлом. С конца I – начала II вв. резко увеличивается количество монет, обнаруженных на острове Левке (Булатович 1971: 223), который, вероятно, стал служить одним из форпостов Римской империи на подступах к Северному Причерноморью, как бы замыкая линию нижнедунайского лимеса. Он был удобной стоянкой кораблей, являясь связующим звеном между такими крупными базами флота, как Новиодунум и Херсонес.

И все же, несмотря на различные сложности исторического характера, военную дислокацию, существование святилища Ахилла на Левке продолжалось, о чем свидетельствует многочисленный археологический материал. Однако, обращает на себя внимание резкое снижение количества (до 3% общего числа) ольвийских монет времени Антонинов, т.е. 96–192 гг. н.э. (Карышковский 1983: 116), тогда как число монет западнопонтийских городов в этот и последующие периоды неизменно велико (Булатович 1971: 223). Из этого сопоставления, само собой, напрашивается вывод, который выдвинул еще М.И. Ростовцев (Ростовцев 1918: 223), считавший, что в позднеэллинистическое и римское время патронат над Левке переходит к городам Западного Понта, скорее всего Томису. Наши данные позволяют уточнить это предположение и отнести начало установления власти греческих городов в римской провинции Нижняя Мезия над священным островом к рубежу I и II вв. н.э.

Этому способствовало несколько обстоятельств. Во II в. н.э. союз западнопонтийских городов полностью оформил свою организацию, во главе которой стал самый крупный экономический и политический центр – Томис. Именно здесь найдено наибольшее количество надписей, относящихся к этому союзу, а сам город становится его столицей – «метрополией Понта». Глава союза получил характерное наименование – «Понтарх» (Златковская 1951: 113).

Укрепление военного присутствия римлян в этом районе, особенно с начала II в. н.э., о чем говорилось выше, совпало, в определенной степени, с созданием пента- или гексаполиса греческих центров Нижней Мезии. Однако римляне практически не вмешивались во внутриполитическое устройство эллинских городов, особенно касающееся религиозной жизни. Так, в Томисе известны филы, во главе которых стоял епископ – человек, подготавливавший и устраивающий священнодействия. Большую роль в отправлении религиозных культов играла и герусия, основное ядро которой, судя по надписям из Истрии, составляли греки (Златковская 1951: 116–117). Не исключено, что именно герусия Томиса, как столицы Понта осуществляла контроль над святилищем Ахилла, после того, как Ольвия утратила протекторат над священным островом. Она вынуждена была искать и учредить новый центр поклонения Ахиллу, который отвечал бы нескольким требованиям. Это должен быть, во-первых, остров, во-вторых, – иметь отношение к Ахиллу. Такое место было найдено неподалеку – Борисфен (Березань), остров, имевший давнюю, еще с

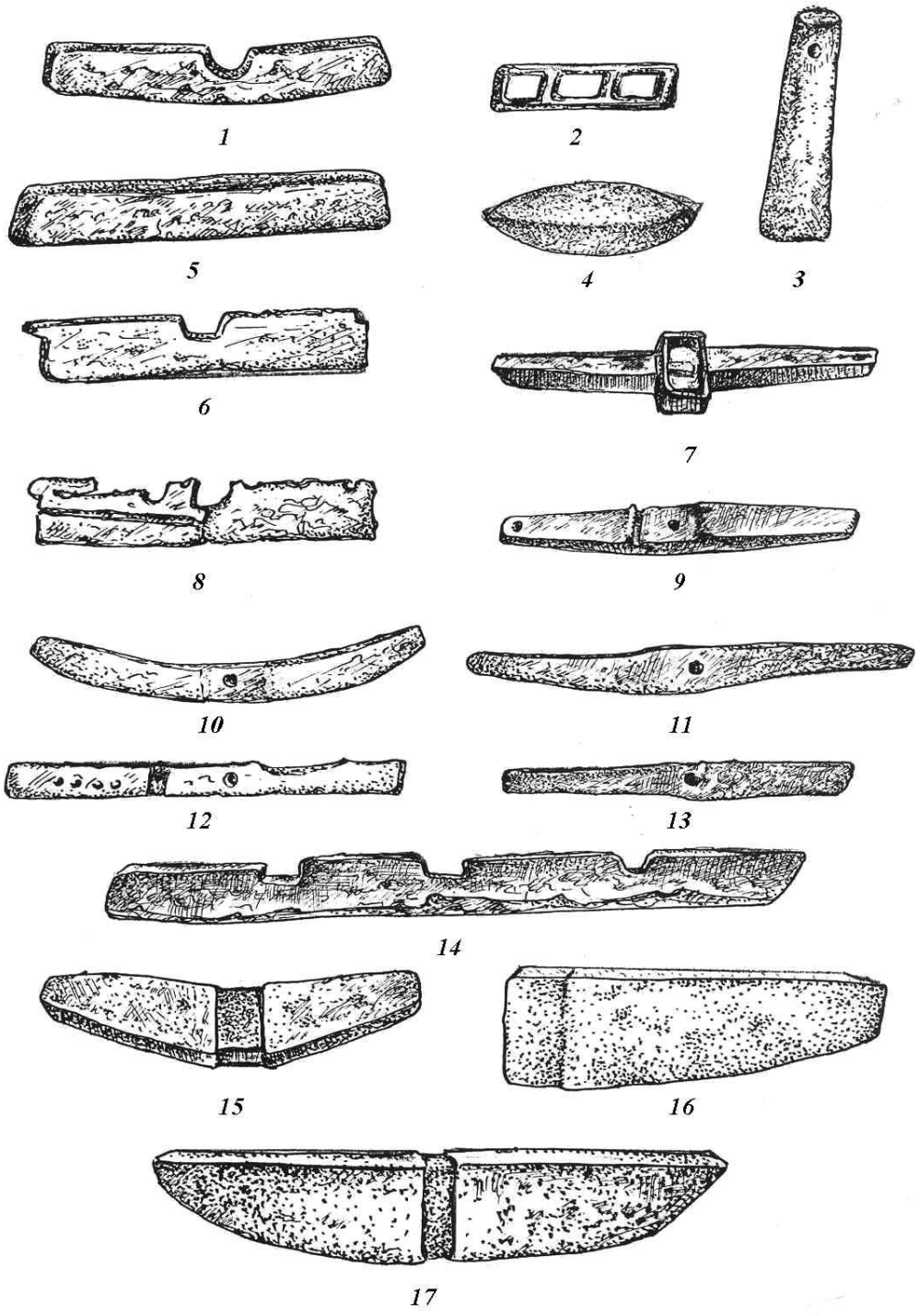


Рис. 132. Штоки и детали античных якорей из акватории острова.
1–3, 5–13 – свинец; 4, 15–17 – камень

архаических времен традицию поклонения богу-герою (Русяева 1979: 137). Подтверждение факту переноса святилища с Левке, найдено на самой Березани. Среди надписей римского времени, в которых упоминался Ахилл (в ипостаси Понтарха или Героя) наибольшее их число сосредоточено именно здесь. Последняя же из этих находок, содержащая стихотворное посвящение Ахиллу на острове, датируется, по мнению автора публикации, концом I – рубежом – I–II вв. н.э. (Шелов-Коведяев 1990: 58–60).

Сопоставляя данные различных источников: сообщения Диона Хрисостома, известных исторических фактов, связанных с закреплением Рима в данном районе; археологического материала, происходящего с Левке; эпиграфических документов и т.д. можно утверждать, что потеря власти Ольвией над Белым островом и оформление культа Ахилла уже в качестве Понтарха как своего рода противовеса Понтарху западнопонтийских полисов пришлось на рубеж I и II вв. н.э. Именно с этим связаны противоречия в локализации острова у писателей римского времени. Тем более, что сам Левке продолжал оставаться религиозным и военно-стратегическим пунктом о чем, кроме всего прочего, свидетельствует третья лапидарная надпись с острова, датирующаяся II–III вв. н.э., но, к сожалению, весьма фрагментарная. Так, пребывание гарнизона V Македонского легиона на нем продлилось, вероятнее всего, до 166 г. н.э., после которого легион покинул Нижнюю Мезию (Vulpe,Bărnea 1968: 155). Стоянка флота могла существовать и позднее, по крайней мере, до середины III в. н.э., когда варвары предприняли мощный натиск не только на суше, но и на море. Особенно разрушительными были походы 267 г. н.э., во время которых местные племена, названные в источниках «скифы», прошли вдоль северо-западного побережья Понта, «вступили в Истр и произвели много бедствий на римской земле» (Карышковский, Клейман 1985: 134).

В 269 г. коалиция «скифов», герулов, певков, готов собралась у реки Тиры …и построили 6000 судов и… двинулись по Понту. Нападение на укрепленный город Томис было отбито… они напали на Марцианополь… и двинулись дальше» (Zos. I, 42). В сообщении Зосима обращает на себя внимание громадная цифра кораблей, участвовавших в этом походе, но даже если на самом деле она и была меньше, это не умаляет той грозной силы, какую представляла эта эскадра. Левке, так или иначе, почувствовал ее, как в силу своего географического расположения, так и потому, что угроза была направлена против его города-куратора.

При Диоклетиане (284–305 гг.) нижнедунайский лимес был реорганизован и дополнительно укреплен, но, несмотря на это и последующие победы римлян, в частности над готами в 322 г. н.э. при Константине I и увеличению объема монетного обращения в Нижнем Подунавье (Stolyarik 1993: 14–27), на Змеином наблюдается обратная картина. После императора Галлиена (конец правления 268 г. н.э.) количество монетных находок здесь снижается. Монеты последних римских правителей исчисляются единичными экземплярами на каждое правление, а наиболее поздняя – Гонория датируется 423 г. н.э. (Stolyarik 1993: 128–129).

Отголосками каких-то древних верований можно считать и находки на острове монет Анастасия (491–518 гг. н.э.), Юстина (518–527 гг. н.э.) и, конечно, Юстиниана (527–565 гг. н.э.), при котором все остатки язычества были искоренены – в 529 г. н.э. была закрыта последняя школа античной философии.

Но, наступление христианства и критика языческих культов, в том числе Ахилла, произошли не внезапно. Еще во II в. н.э. Клемент Римский писал: «Нера-

зумные люди воздают поклонение тем, которые по собственному их признанию, умерли или даже более того – были наказаны как, например, сирийцы поклоняются Адонису, египтяне – Осирису, илионцы – Гектору, на Белом острове – Ахиллу» (Clem. Rom.; Recogn. X, 25). Та же тема звучит и в одной из его бесед: «Удивляйтесь, что поддались обману те, которые жили во времена Астелая или Геракла, или современники Диониса, или какого-либо другого из чтимых тогда, если и Гектору в Илионе, и Ахиллу на острове Белом местные жители воздают поклонение…» (Clem. Rom. Hom. VI, XXII).

Тем не менее, культ Ахилла на о. Левке, который просуществовал тысячу лет и угас вместе с концом античной цивилизации, является одним из ярчайших проявлений эллинского духовного мира на северных берегах Понта Эвксинского.

ГОРОДИЩЕ КАРТАЛ (римский кастель у с. Орловка)

История исследования. Памятник находится на левом берегу Дуная, в 1 км к северу от русла реки и в 1,5 км к западу от современного села Орловка (старое название Картал) Ренийского района Одесской области. Местность на которой он расположен, представляет из себя треугольный в плане мыс, сужающийся от села, в западном направлении, и имеющий в своей западной части, на краю, природное возвышение, основу которого составляли очень мощные слои сланца. Именно на данном возвышении, именуемом местными жителями «Каменной Горой», в первые века н.э., и располагался римский форт, имевший также и весьма обширное предместье (посад), границу которого, судя по всему, определяют земляной вал и ров, вынесенные в поле на 2,5–3 км к востоку – северо-востоку от цитадели.

В истории исследования многослойного городища у с. Орловка прослеживается три основных этапа. На первом из них (1840–1851 гг.) село Картал становится известным как археологический памятник, причем, существование здесь в древности римского кастеля было установлено уже самыми первыми обследованиями памятника (Мурзакевич 1844: 627–628; Уваров 1851). Второй этап (1963–1993/4 гг.) связан с раскопками данного городища, главным образом, на «Каменной Горе» (Головко, Бондарь, Загинайло 1965; Бондарь 1971; 1984; 1996), а третий (1998 г. – по настоящее время) – с исследованиями его территории, которая прилегает к «Каменной Горе» с востока и северо-востока (Бруяко и др. 2003; 2005; 2006; 2005–2009; Бруяко, Дзиговский 2008).

Укрепленная часть поселения *(акрополь)*. Время строительства римского форта на «Каменной Горе» традиционно определялось эпохой дакийских войн Траяна. Хотя, на сегодняшний день, имеется достаточно материальных свидетельств (монетные находки, изделия из стекла), для того чтобы предполагать более раннюю дату появления здесь укрепления – еще до эпохи правления Траяна, во второй половине I в. н.э. (Бондарь, Булатович 1990: 101; 1991: 108, прилож. № 4–10; 2001–2002: 174; Булатович 1994: 192; Сорокина 1994: 182, кат. № 1–5; Бондарь 1996: 14). Отмеченный хронологический период характеризуется заметным усилением военно-политической активности Рима в Северном Причерноморье, особенно, в низовьях Дуная и Днестра, а также на территории древней Таврида. Наиболее наглядное отражение эта активность нашла в эпитафии Тиберия Плавтия Сильвана, который, как известно, занимал пост легата Мезии в третьей четверти I в. н.э. и реальные действия которого против варваров, исключая его крымский поход, имели место как раз в районе Нижнего Дуная (CIL, XIV, 3608). Последнее обстоятельство, позволяет предполагать, что строительство римского кастеля у с. Орловка, равно, как и сооружение самого главного в плане обороны «молдавского» участка Нижнего Бессарабского вала, между р. Прут и оз. Ялпуг, самым непосредственным образом связаны с именем этого выдающегося военачальника и администратора (Дзиговский 2003: 131, 132). Возможно, падение гето-дакийской крепости на «Каменной Горе», на месте которой, затем, возникло римское предмостное укрепление, прямо связано с военными действиями Плавтия Сильвана в середине I в. н.э. (Бондарь 1984: 32).

Бондарь Римма Дмитриевна (1937–2011),
на фото в центре, с группой студентов и школьников на раскопках городища Орловка
в 1982 г. На заднем плане справа – Ю.А. Черниенко

Предположение о возникновении римского кастеля на «Каменной Горе» уже во второй половине I в. н.э., вполне соответствует тем политическим событиям, которые произошли в Северо-Западном Причерноморье в середине 50-х г. н.э. Так, в частности, в Тире, в самом начале правления императора Нерона (56 либо 57 гг. н.э.), было введено особое летоисчисление. Это событие, могло стать следствием дарования Римом данному полису каких-то важных привилегий, и соответственно, включением его в сферу римской политики в Северном Причерноморье (Сон 1993: 21–27, 28; Зубарь, Сон 2007: 149), или даже «в состав римских владений» (Карышковский, Клейман 1985: 92). Следовательно, появление в этом городе римских военных отрядов уже в третьей четверти I в. н.э. (Шелов 1981: 53–54) допустимо, что, собственно, подтверждается и монетными находками (Карышковский, Клейман 1985: 85–89, 98).

Таким образом, строительство римлянами своего предмостного укрепления у с. Орловка во второй пол. I в. н.э., вполне соответствовало римскому военному присутствию в Северо-Западном Причерноморье. Эти события, наряду с изменениями в политическом статусе Тиры, были взаимосвязаны и направлены на усиление и закрепление позиций Рима, как в низовьях Дуная, так и в устье Днестра.

Римский кастель у с. Орловка состоял из укрепленной части, располагавшейся на «Каменной Горе» и предместья (посада), который располагался на мысу, к востоку – северо-востоку от последней. Площадь цитадели составляла 2–3 га. Площадь посада – до 8 га. Материалы раскопок на «Каменной Горе» до сих пор не опубликованы и, соответственно, мы ничего не знаем о том, как выглядел этот римский форт. Известно лишь, что была исследована часть оборонительной башни гето-дакийской крепости, сооруженной здесь еще в середине I в. до н.э. и жилища первых веков нашей эры, которые перекрывали остатки упомянутого оборонительного сооружения (Бондарь 1971: 68; 1984: 32). Жилища римского времени представляли собой наземные, прямоугольные в плане помещения, стены которых были сложены из массивных сырцовых, иногда слабообожженных, кирпичей и оштукатурены с внешней стороны. Крыши домов были покрыты черепицей, среди многочисленных фрагментов которой, часто встречаются обломки с клеймами V Македонского и I Италийского легионов, относительно реже – Флавиева Мезийского флота. Среди жилищ различаются постройки больших и меньших размеров, первые из которых локализуются ближе к центру укрепленной части, вторые – практически на ее краю. Наряду с наземными жилищами, в римскую эпоху, здесь известны также и полуземлянки. Рядом с жилищами, исследованы очажные, мусорные и хозяйственные ямы.

В керамическом комплексе данного периода преобладают амфоры, как узкогорлые светлоглиняные, так и массивные красноглиняные. Весьма многочисленна и посуда местного производства, главным образом лепная, орнаментальные мотивы которой не оставляют никаких сомнений в ее гето-дакийском происхождении. Среди основных форм последней различаются горшки, миски, чашки. Незначительный процент от общего количества керамических находок составляет импортная краснолаковая посуда. Нумизматические находки представлены экземплярами серебряных и медных римских монет, самые ранние из которых датируются периодом поздней Республики, а самые поздние – двумя первыми этапами позднеримского периода. При этом, необходимо подчеркнуть, что все монеты IV в. н.э. представляют собой случайные находки. В целом же, археологические материалы, происходящие из раскопок укрепленной части римского кастеля, расположенной на «Каменной Горе», определенно укладываются в хронологические рамки I – середины III вв. н.э. (Бондарь 1970: 260–261; 1971: 66–70; 1973: 155; 1984: 31–32; Бондарь, Булатович 2001–2002: 171–182).

Предместье форта *(посад)*, которое вплотную примыкает к его укрепленной части, исследовалось на двух участках – «Центральном» и «Северо-Восточном». На первом из них, большинство комплексов римского времени представлено ямами, преобладающая часть которых имела цилиндрическую в разрезе форму. Диаметр отдельных комплексов достигал 2,5 м, а глубина – 2 м, и более. Характерным признаком заполнения ям римского времени, благодаря которому, они особенно отчетливо фиксируются в культурном слое, является чрезвычайно рыхлый, золистый грунт, обильно насыщенный углем, кусочками обмазки, большим количеством костей животных и керамикой. Состав последней включает амфоры различных типов, парадную краснолаковую и, в основном, столовую красноглиняную и сероглиняную посуду, а также лепные горшки и чашки местного дакийского производства.

Среди амфор римского времени преобладающее большинство обломков принадлежит светлоглиняным узкогорлым амфорам со сложными профилированными ручками, которые были очень широко распространены в Северном Причерноморье

в первые века нашей эры, как в античных центрах, так и на варварских памятниках данной территории (Шелов 1979: 16). Другую группу составляют обломки крупных широкогорлых красноглиняных амфор с массивным венцом (рис. 133, 1). Известны также массивные, пифоидные амфоры с коническим горлом, а также светлоглиняные (ангобированные) амфоры с воронковидным горлом (рис. 134, 1).

Посуда с лаковым покрытием либо его имитацией составляет одну из основных категорий находок на данном участке. Она представлена разнообразным набором форм, включая чашки, кубки, тарелки, миски, горшки, кувшины (рис. 133, 4, 6, 8, 10, 11). В этом наборе, как в количественном отношении, так и по разнообразию форм, преобладают краснолаковые тарелки и миски различных типов. Среди последних, практически половину находок составляют тарелки с отвесным бортиком и выступающим ребром на изгибе, которые, в свою очередь, представляют собой один из наиболее распространенных типов столовой посуды в Северном Причерноморье, в римское время (Античные государства Северного Причерноморья… 1984: 231–232).

Что касается сероглиняной гончарной посуды, то она представлена здесь мисками, кувшинами, горшками, чашками, и, особенно, вазами с широким горизонтально отогнутым краем. Последние составляют очень многочисленную группу этой категории керамики на памятнике (рис. 133, 3, 7). Такие сосуды, которые известны под названием «чаши-фруктовницы» были широко распространены на дакийских памятниках Румынии и Закарпатья римского времени. С другой стороны, вовсе не исключено, что подобные находки могут быть фрагментами гончарных реберчатых мисок, зачастую схожих с фруктовницами по профилю верхней части и даже орнаментами, которые известны как на дакийских памятниках II–III вв. (Popilian 1980: pl. XLII/1), так и в Тире и Ольвии первых веков нашей эры (Гудкова, Крапивина 1988: 88, 96, рис. 1, 30, 2, 17).

Среди металлических изделий, исследованных в римском слое памятника, следует выделить две бронзовые позднеримские фибулы (рис. 134, 9–10). Одна из них представляет собой подвязную прогнутую одночленную фибулу с узкой спинкой и длинной ножкой, которая может быть отнесена к группе 16, среднеевропейской серии, варианту 2, согласно классификации А.К. Амброза (Амброз 1986: 58–59, рис. 3, 3–9). В то же время, следует отметить, что среди фибул этого варианта она выделяется рядом особенностей – очень высокой ножкой и более сложным двойным изгибом спинки. Подобные фибулы были распространены, главным образом, у племен Средней Европы, включая Паннонию, однако они, совершенно не характерны для Северного Причерноморья, и римской провинции Дакия. Вторая фибула двухпластинчатая с дуговидноизогнутой, треугольной в сечении спинкой и удлиненной ножкой ромбической формы. Фибула относится к группе 2, подгруппе 1, варианту 1а, согласно классификации А.К. Амброза (Амброз 1966: 76–77, табл. 13/10–12) и представляет тип достаточно распространенный в Северном Причерноморье и Подунавье.

Монетные находки с данного участка представлены случайной находкой сестерция Траяна (ок. 100 г.), и медного ассария начала III в. н.э., найденного в заполнении одной из ям.

Помимо ям, среди комплексов римского времени, исследованных на этом же участке, необходимо упомянуть и три погребения, относящиеся к данному периоду. Два из них, которые сопровождались большим количеством стеклянных бус, детские. Особого внимания заслуживает третье погребение, которое было определено как сарматское. Оно принадлежало женщине 30–35 лет с сильно выраженной

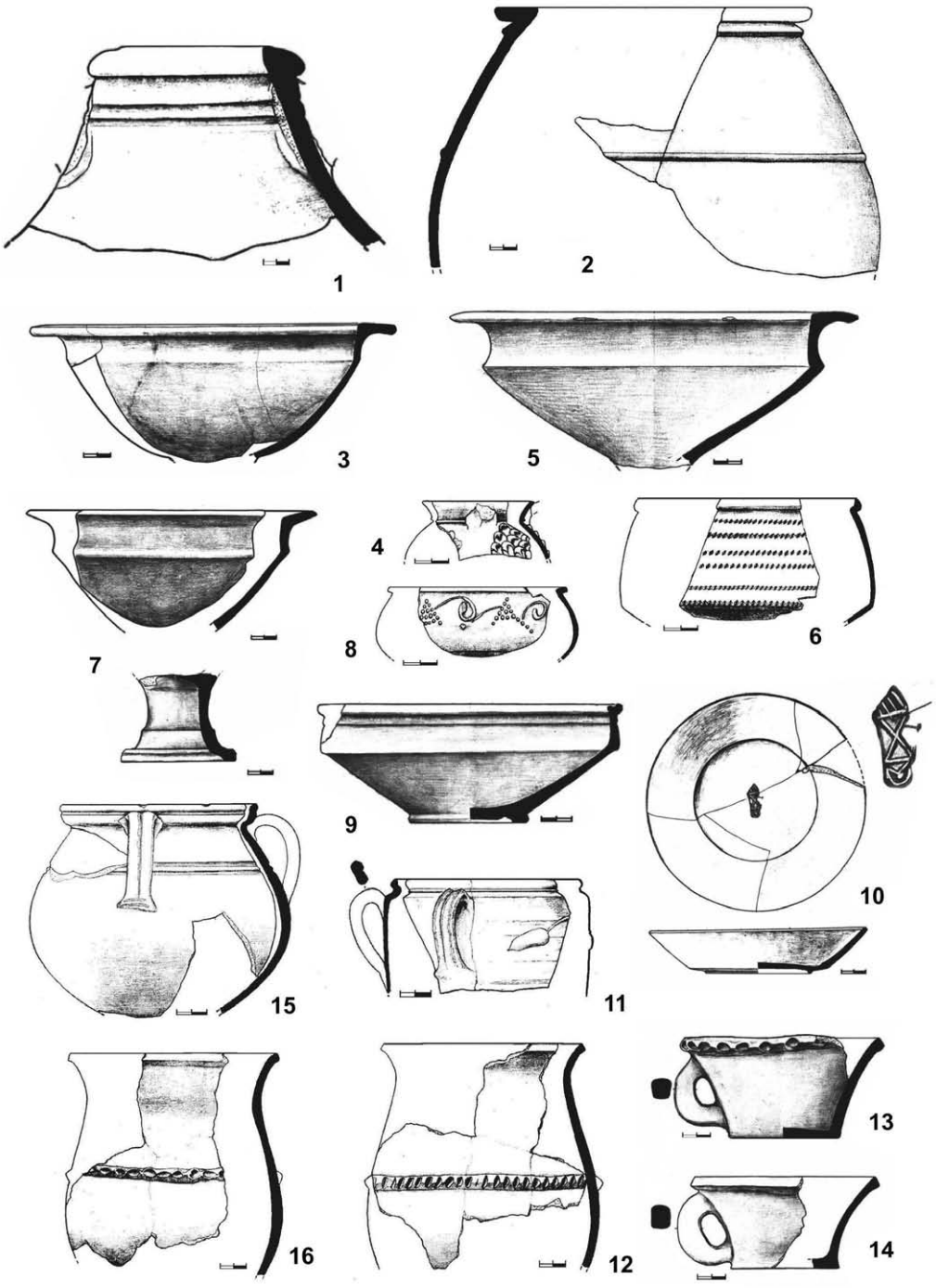


Рис. 133. Керамика с территории посада (уч. «Центральный»):
амфора – 1; краснолаковая керамика – 4, 6, 8–11, 15;
гончарная светло- и сероглиняная – 2, 3, 5, 7; лепная керамика – 12–14, 16

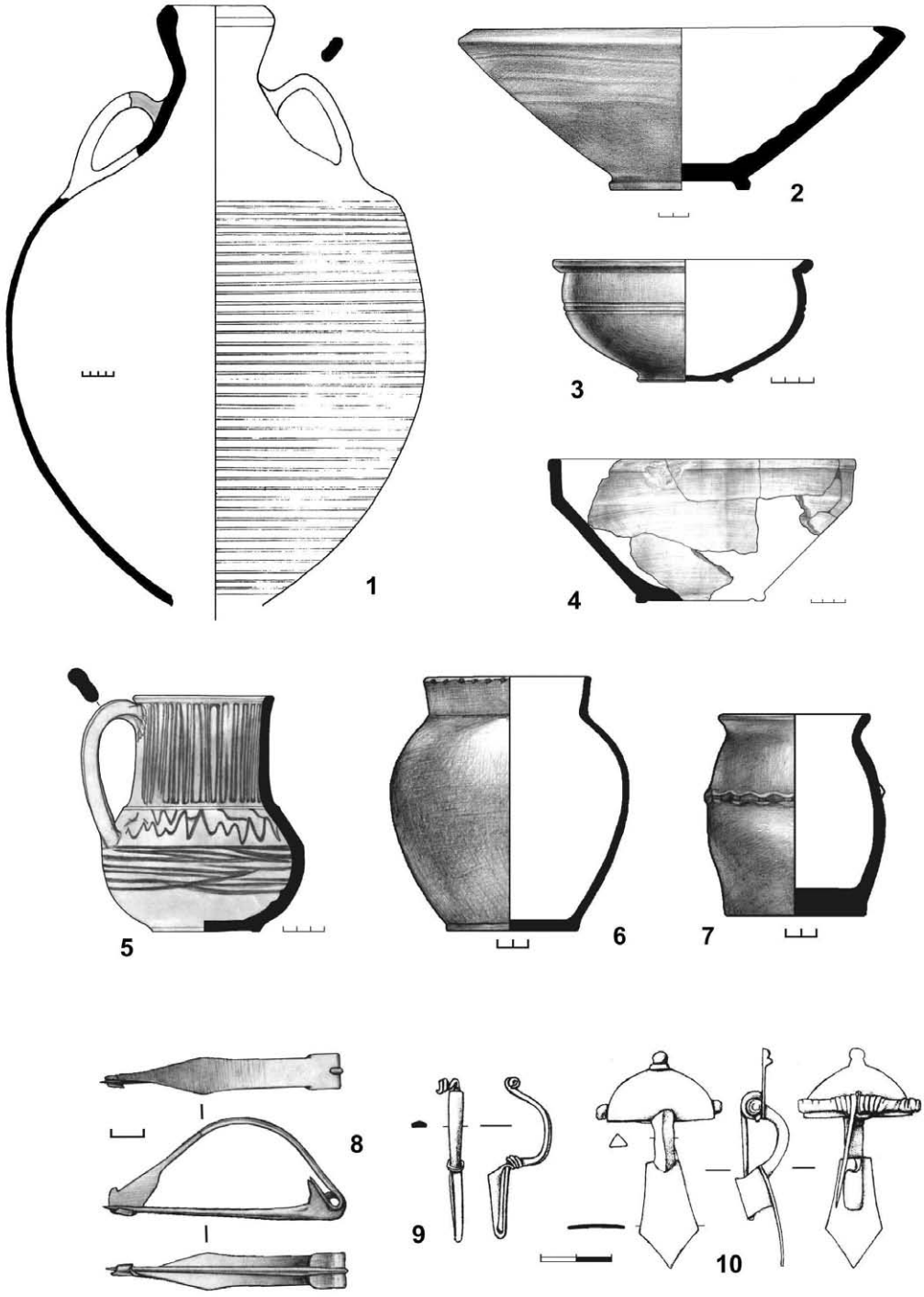


Рис. 134. Находки с территории посада: амфора – 1; краснолаковая керамика – 2, 3; гончарная светло- и сероглиняная – 4, 5; лепная керамика – 6, 7; фибулы бронзовые – 8–10

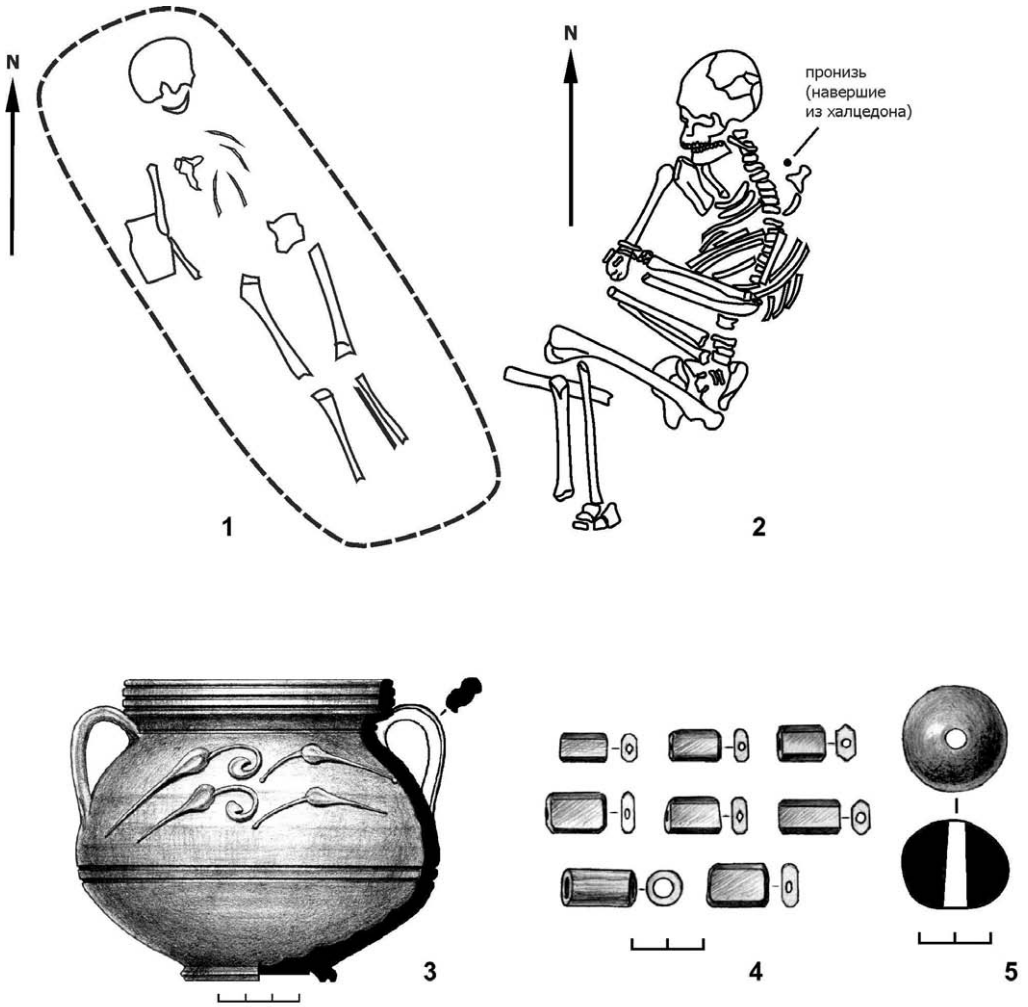


Рис. 135. Погребения римского времени (1–2) и инвентарь из них (3 – краснолаковая чаша, 4 – стеклянные бусы, 5 – халцедоновая пронизь)

искусственной деформацией черепа. Захоронение находилось в культурном слое, причем, частично разрушило заполнение ямы также римского времени. Костяк погребенной сопровождал сероглиняный гончарный горшок с пролощенным орнаментом (Бруяко и др. 2005–2009: 339 и сл.).

При определении хронологии римского слоя участка «Центральный» более или менее отчетливо выглядит его нижняя дата – около 100 г. Что же касается верхней, то она, скорее всего, располагается где-то в диапазоне второй четверти – середины III в. н.э. Дата гибели римского форта, установленная еще в 70-е гг. прошлого столетия около середины III в. н.э., подтверждается исследованиями последних лет. На участке «Центральный» в римские ямы с материалами II–III вв. впущено упомянутое сарматское погребение, которое, по сопровождавшему его сосуду датируется первой-второй третью III в. н.э.

Находки позднеримских фибул, III–IV вв. н.э. о которых шла речь, отдельных монет, также как и некоторых других отдельных предметов и небольших групп керамики, связаны с кратковременным возрождением поселения, которое соответствует периоду черняховской культуры (Бруяко и др. 2005–2009: 363, 360, рис. 8).

Участок «Северо-Восточный» является наиболее изученным на всей территории предместья городища. Слой римского времени – один из шести, открытых на данном участке, и предпоследний по хронологии. Соответственно, сохранность объектов в целом достаточно хорошая, хотя интенсивное использование этой территории населением предшествующих эпох приводит к довольно частым случаям вторжения римских комплексов в объекты более раннего времени. Подавляющее большинство комплексов первых веков представлено ямами, которые, по своему графическому профилю, делятся на два типа. Большинство имеет прямые, цилиндрические в разрезе стенки. Реже встречаются ямы со стенками, расширяющимися ко дну. Заполнение ям насыщено находками неравномерно. В некоторых ямах, керамики едва хватает для их более или менее надёжного датирования, в других – находок больше. Однако, все они, по степени насыщенности материалом явно проигрывают в сравнении с ямами на раскопах участка «Центральный».

Керамика из ям участка «Северо-Восточный» представлена достаточно стандартными типами, практически полностью повторяющими коллекции из участка «Центральный». Среди амфор преобладает тип светлоглиняных узкогорлых. Реже встречаются фрагменты красноглиняных амфор с массивными венцами и глубокими бороздками, светлоглиняных (ангобированных) амфор с воронковидным горлом, розовоглиняных амфор с массивным валикообразным венцом и коническим горлом. После амфор вторую по численности группу составляет сероглиняная гончарная посуда (кувшины, миски, чаши, вазы-«фруктовницы», амфоры). Несколько уступает ей по численности коллекция светлоглиняной столовой керамики. Самая немногочисленная группа керамики принадлежит краснолаковой посуде. Фрагменты этой группы объединяет, пожалуй, один признак – качество лакового покрытия. Ярко-оранжевые, коричневато-красные оттенки свидетельствуют о том, что в этой группе вряд ли присутствуют экземпляры ранее II в. Лепная керамика представлена формами, соответствующими двум культурным традициям – причерноморской степной и карпато-дунайской (дакийской). Более или менее выразительные изделия из металла в закрытых комплексах исчерпываются находкой ручки бронзового зеркала сарматского типа. В тоже время, среди подъёмного материала с территории посада есть фибулы, в том числе и позднеантичного (черняховского) типа. Редкой находкой можно считать бронзовый медицинский пинцет. Нумизматические находки представлены монетами Адриана, Антонина Пия, Фаустины Младшей, Марка Аврелия, Септимия Севера.

В одной из ям, в придонной части, обнаружено парное детское захоронение. Один погребённый имел при себе инвентарь – проволочные бронзовые серьги и какое-то сложное ожерелье, в состав которого помимо бус входили бронзовый и железный стержни. На одном уровне с костяками обнаружены два лепных сосуда (рис. 134, 6–7). Один из них является достаточно типичной степной формой (керамика этулийского типа, или сарматская), другой – столь же типичной дакийской формой.

Известен ***могильник*** этого времени. Он располагался на том же участке, где уже хоронили своих соплеменников жители городища в IV в. до н.э. Основная, по-видимому, большая часть могильника раскопана Р.Д. Бондарь в конце 60-х гг.

Несколько захоронений было открыто в 2001 и 2011–2012 гг. Судя по тем данным, которыми располагаем мы, и в которых абсолютно уверены (а, это около 10 погребений), основным обрядом было трупоположение в неглубокой, узкой яме, ориентированной по линии С-Ю. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на север. Известно 1 погребение со скорченным костяком на правом боку. Его принадлежность к римскому времени удостоверена крупной халцедоновой пронизью (навершием?), найденной у плеча (рис. 135, 2, 5). Прочий инвентарь представлен лепной и гончарной керамикой, в т.ч. группы *terra sigillata*, бусами, парой проволочных серебрянных сережек, стеклянным бальзамарием (рис. 135, 3–4). Некоторые косвенные данные по раскопкам Р.Д. Бондарь и обстоятельства находки отдельных предметов в 2001 г. позволяют полагать, что наряду с ингумацией, на могильнике в римское (да, и в эллинистическое) время практиковалась также и кремация – урновая и безурновая.

Весьма примечательным объектом первых веков, следует считать комплекс по производству керамики (горн). В загрузочной камере горна обнаружены развалы форм сероглиняной гончарной керамики т.н. карпо-дакийского типа. Основных форм две. Это, двуручные амфоры, часть которых украшена пролощенным орнаментом, и глубокие чаши с вертикальным бортиком и широким, отогнутым наружу, плоским краем. Явных следов поздних вторжений в загрузочную камеру нет, однако реставрация сосудов показала, что большинство форм, в той или иной степени фрагментированные.

Помимо отмеченных комплексов римского времени на территории предместья были обнаружены и другие объекты этой же эпохи, в частности, сегменты ровиков прямоугольной, квадратной и округлой в плане формы, которые являются одним из самых характерных признаков сарматского погребального обряда. Всего, на разных раскопах «Северо-Восточного участка» было зафиксировано 4 такие конструкции. В настоящее время, один из ровиков открыт полностью. Он почти квадратный в плане, с широкой перемычкой, располагавшейся с юга. Погребения внутри пространства, ограниченного ровиком не обнаружено. При исследовании первой такой конструкции, в 2005 г., был открыт район перемычки в северо-западной (длинной) траншее. По обе стороны перемычки находилось два скопления керамики. В дальнейшем, во внутреннем пространстве этого же ровика, на уровне предматерика, было открыто погребение, которое, хотя и не сопровождалось инвентарем, однако ярко выраженная деформация черепа погребённого, практически не оставляет сомнений в его принадлежности к сарматской культуре.

В основе датировки горизонта римского времени участка «Северо-Восточный» лежит массовый материал, который указывает на достаточно широкий хронологический период – II–III вв. н.э. Нижняя дата последнего может быть скорректирована, на основании монетных находок с данного участка, которые укладываются в рамки середины – второй половины II в. н.э., в то время, как на участке «Центральный», самыми ранними являются монеты рубежа I–II вв. н.э. Относительно верхней даты горизонта обитания римского времени определенность могут внести упомянутые ровики, которые, вместе с погребением, исследованным во внутреннем пространстве одного из них, представляют собой, вероятнее всего, часть сарматского могильника. Очевидно, что процедура его закладки в районе предместья, практически под стенами крепости римлян, даже при самых мирных и дружеских отношениях последних с кочевниками, маловероятна. Следовательно, сарматский могильник на территории посада, мог возникнуть лишь после того, как сама кре-

пость была сожжена и разрушена. Анализ керамики, обнаруженной в районе перемычки одного из рвов, дает возможность датировать данную конструкцию в рамках второй чтв. – середины III в. н.э. (Бруяко, Дзиговский 2008: 77). Примерно также можно датировать и сарматское погребение на участке «Центральный». Тогда, хронология этих комплексов, как нельзя лучше соответствует хронологии группы погребений сарматов переходного этапа, который помещается между начальным и финальным периодами позднесарматской культуры Буджака (см. Васильев, Савельев 2008: 29–37; Савельев 2005–2009: 365–377). Эти древности датируются 240–270 гг., и, комплексы, исследованные на территории предместья, по некоторым характерным особенностям обряда (рвы, погребения с искусственно деформированными черепами) вполне соответствуют этой группе сарматских памятников.

Долгое время, разрушение римского форта на «Каменной Горе» связывалось с событиями Готских войн. В последнее время, разрушение крепости приписывают карпам, во время их рейда по Добрудже и Южной Бессарабии в 214 г. н.э. (Бондарь, Булатович 2001–2002: 175). Свой тезис авторы обосновывают отсутствием находок на акрополе крепости, монет, чеканенных позже второго десятилетия III в. н.э. Эта дата, вряд ли может считаться окончательной, поскольку монеты первой половины III в. н.э., найденные на акрополе, представлены всего тремя экземплярами. К тому же, связывая возможную гибель римской крепости у с. Орловка с нападением карпов на города Добруджи и Тиру, необходимо принимать во внимание и общее направление движения карпов, которое, достаточно обоснованно, реконструируется как нижнее течение р. Арджеш – Маркианополь – Дионисополь – Каллатис – Тира, под стенами которой они и потерпели «решительное поражение» (см. об этом: Карышковский 1980: 72–83; Карышковский, Клейман 1985: 128–131; Бруяко, Росохацкий 1988: 10–12; 1990 : 22–28). Последнее обстоятельство, кроме всего прочего, также дает очевидный повод поставить под сомнение предположение Р.Д. Бондарь и С.А. Булатович, так как выходит, что карпы уже будучи разбитыми под Тирой или вблизи неё, отправились затем на Нижний Дунай.

Если все-же придерживаться прежней датировки гибели римского форта у с. Орловка (Бондарь 1974; 1996 : 10), то, видится прямая связь данной катастрофы с «готскими» или «скифскими» войнами 238 либо 248 гг. Первая из них, когда готы вторглись в Добруджу, завершилась разграблением и сожжением Истрии (Dexipp., Fr. 14; Буданова 1999: 105–106, карта; Вольфрам 2003 : 71–72). Во время второй – одна из групп коалиции «скифов», во главе с Аргаитом и Гунтерихом, следуя из районов междуречья Среднего Прута и Днестра, переправилась через Нижний Дунай и вторглась в Добруджу (Иордан 1960: 84; Буданова 1999: 106–111; Вольфрам 2003: 73–74, карта 2)[1]. Примечательно, что согласно Иордану, они «...перешли Данубий вброд...», в чем, не исключено, следует усматривать использование «скифами» единственно удобной переправы в нижнем течении этой реки, которая, как известно, находилась в древности между современными селами Новосельское и Орловка. В связи с этим, важно отметить и то обстоятельство, что в Новиодунуме, расположенном напротив Орловки, на правом берегу Дуная, исследователи выделяют три строительных периода. При этом, второй период, фактически представляет собой восстановительные работы после разрушений, вызванных походом 248 г. (Barnea et.al. 1957: 155–174; Barnea, Mitrea 1959: 461–473; Suceveanu 1969: 364; см. также: Бондарь 1973: 148, прим. 18; 1974). Заметим, также, что атаковать Новиоду-

[1] Х. Вольфрам датирует этот поход 250 г. н.э.

нум из-за Дуная можно было при одном условии – нейтрализации предмостного укрепления на «Каменной Горе».

Таким образом, римский кастель у с. Орловка возник во второй половине I в. н.э. как предмостное укрепление. В этом качестве он просуществовал, вероятнее всего, до середины III в. н.э. Около 100 г. н.э., на территории, вплотную примыкавшей к цитадели, начинает формироваться предместье форта (Vorburg, suburb), которое, в середине – второй половине II в. н.э., существенно расширяется в восточном и северо-восточном направлениях. Памятник, вне всякого сомнения, имел стратегическое значение и был одним из опорных на данном участке дунайского лимеса в нижнем течении реки.

ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ (VI–III вв. до н.э.)

История исследования. Отдельные находки с побережья Днестра стали известны еще в конце XVIII в. (Охотников 2007: 500–508). Однако первое конкретное обследование античных поселений проведено В.И. Гошкевичем только спустя сто лет (Фабрициус 1951: 11–13). В 50–60-е годы XX века сотрудники ОАМ и ОГУ начинают систематическое изучение Нижнего Поднестровья. Их разведки и шурфовки позволили существенно расширить представления об античных памятниках на берегах реки и лимана (Синицын 1950: 51–66; Сініцин 1955: 33–61; Кравченко, Кузьменко 1959: 122–125; Клейман, Ревенко 1959: 118–121; Черняков 1960: 209–218; Клейман, Яровая 1962: 161–163; Дзис-Райко 1963: 40–46). В 1957 г. начинаются стационарные раскопки городища IV–III вв. до н.э. у с. Надлиманское, продолжавшиеся с перерывами до 1973 г. (Синицын 1960: 189–196; Дзис-Райко 1961: 37–45; 1966: 163–175; Дзис-Райко, Охотников 1974: 269; Дзис-Райко 1978: 173–182). В 1960–1962 гг. проведены исследования поселения того же времени у с. Пивденное (Сальников, 1966: 176–225), а в 1963 г. у с. Затока (Сальников 1964: 24). В 1961 году обследованы два памятника у с. Граденицы (Мелюкова 1963: 70–72), а в 1962, 1964–1966, 1968 гг. осуществлено комплексное изучение поселения и могильника IV–III вв. до н.э. у с. Николаевка II (Мелюкова 1975). В 1964 г. раскопан грунтовый могильник в с. Николаевка I (Дзис-Райко 1965: 59–68). В 1962 и 1969 гг. велись работы на единственном известном тогда в Нижнем Поднестровье архаическом поселении Надлиманское III (Мелюкова 1980: 5–23). Таким образом, до середины 70-х годов основное внимание уделялось памятникам IV–III вв. до н.э. В последующие годы их изучение было ограничено только раскопками поселения Овидиополь в 1981–1982 гг. (Загинайло 1985: 45–50) и шурфовками некоторых других пунктов (Охотников 1989: 93–95). Начиная с 1972 г., после открытия еще одного поселения VI–V вв. до н.э. у с. Беляевка (Охотников 1976: 201–204) и в 1973, 1975–1980, 1983–1985, 1987 гг. археологические исследования сосредоточились по преимуществу на архаических памятниках Поднестровья (Охотников 1990). Библиография исследований всех этих памятников до 1991 г. опубликована (Бондаренко 2005). В те же годы было предпринято сплошное планомерное обследование берегов р. Днестр, Днестровского и Будакского лиманов. В результате составлена сводка, насчитывающая свыше 90 поселений и могильников VI–III до н.э. (Охотников 1983: 101–122). Это позволило раскрыть общую картину заселенности Нижнего Поднестровья в различные периоды античной истории. Так, выяснилось, что все поселения VI–V вв. до н.э. расположены

Дзис-Райко
Ганна Александровна
(1931–2013)

только на левобережье, памятники IV–III вв. до н.э. распределены более равномерно, но преобладают опять-таки на восточном берегу. Материалы, полученные в результате этих раскопок, использовались также в ряде обобщающих работ, посвященных античным поселениям Нижнего Поднестровья (Ochotnikov 1997; Охотников 2000; Ochotnikov 2001: 91–115; Ochotnikov 2006: 81–98; Охотников 2008: 123–133; АГСП 1984: 30–31; Мелюкова 1969: 61–80; Археология УССР 1986: 337–342; Мелюкова 1971: 39–53; Малюкевич 1993: 75–78; Зубар, Ліньова, Сон 1999; Бруяко 1999; Бруяко 2005: 164–172; Зубарь, Сон 2007: 116–125; Бруяко, Малюкевич 2009: 180–201; Дзис-Райко, Охотников, Редина 2012).

Поселения архаического времени. Находки архаической керамики в низовьях Днестра (за исключением Тиры и Никония) отмечены в 15 пунктах: Бугаз IV, Бугаз VI, Роксоланы I, Николаевка II, Надлиманское VI, Надлиманское V, Надлиманское (городище), Надлиманское III, Маяки, Маяки IV, Беляевка I, Граденицы III, Слободзея, Чобручи, Тирасполь. В местонахождении поселений отмечается определенная закономерность. Часть из них тяготеет к Роксоланскому городищу, находясь южнее его на расстоянии до 10 км, к северу же от него в пределах 35–40 км не известно ни одного памятника, исключая разве что отдельные фрагменты керамики VI–V вв. до н.э. в районе Николаевки (II). Вторая и наиболее многочисленная группа сосредоточена между с. Надлиманское и с. Беляевка. Наконец, еще четыре пункта, где встречены отдельные фрагменты архаической керамики, находятся гораздо дальше от основной массы поселений – это Граденицы III, Слободзея, Тирасполь, Чобручи.

Поселение Чобручи является во всех смыслах уникальным памятником. Это трехслойное поселение, несмотря на свое весьма удаленное расположение от остальных археологических памятников Нижнего Днестра содержит, тем не менее, значительное количество позднеархаической керамики (амфор), но самое главное – на нем обнаружено 11 (!) терракотовых статуэток: 7 антропоморфных, 4 – зооморфных, т.е. более терракот, чем на всех остальных памятниках вместе взятых Рассмотрению этого феномена посвящено несколько заметок, но полная публикация этого памятника крайне необходима (Щербакова 1997: 167–170; Щербакова 1999: 231–232; Щербакова, Тащи 2009: 217–221).

Площадь, которую занимали поселения, составляла 1,2–3,0 га. На 6 памятниках отмечен культурный слой или строительные остатки VI–V вв. до н.э., еще на 3 поселениях их наличие можно предполагать исходя из полученного при раскопках материала, хотя объектов, датирующихся этим временем не обнаружено. Остальные пункты известны только по подъемному материалу. Исследованные сельские поселения имеют мощность культурного слоя 0,4–0,9 м, но хронологической стратиграфии не прослежено ни на одном из них. Однако, на 9 памятниках известна керамика, относящаяся к двум временным отрезкам (Бугаз IV, Бугаз VI, Роксоланы I, Николаевка (II), Надлиманское V, Надлиманское (городище), Граденицы III, Слободзея, Тирасполь., на двух Надлиманское VI, Чобручи – к трем. Находка архаической посуды в Маяках отмечена на территории, которую занимали разновременные поселения, начиная с III тыс. до н. э. Надлиманское III, Беляевка I, Маяки IV содержат один чистый хронологический горизонт VI–V вв. до н.э.

Большая или меньшая площадь распространения и насыщенность культурного слоя остатками материальной культуры, относящихся к раннему периоду античной истории, отдаленность этих памятников от городских центров, может объясняться их различным характером. Так, к временным стоянкам, по всей вероятности, относятся Тирасполь, Слободзея, Граденицы. Небольшие хутора характерны, по

всей видимости, для ближайшей округи Никония (Бугаз IV, Бугаз VI, Роксоланы I). Наконец более крупные селища представлены такими памятниками как Надлиманское VI, Надлиманское III, Маяки IV, Беляевка I. Классификация других пунктов затруднена вследствие их слабой изученности, а также в связи с тем, что на их месте в IV в. до н.э. возникли новые крупные поселения.

Жилые помещения. Проведенные исследования позволили выявить на всех этих памятниках 22 помещения, около 150 ям, несколько зольников и другие объекты. Какой-либо системы в их расположении не прослеживается, планировка носила стихийный характер. Помещения и хозяйственные ямы располагались скученно, обычно в 1–3 м друг от друга и составляли, по-видимому, единый жилищно-хозяйственный комплекс.

Все постройки однокамерные. Исходя из их вертикального развития, они принадлежат к двум основным категориям – полуземлянкам и наземным структурам. Численно преобладают полуземляночные строения круглой и прямоугольной форм. Круглых полуземлянок известно 12, прямоугольных 7. Площадь круглых полуземлянок составляет от 8–10 до 16–19 м^2, глубина в материке от 0,5 до 1,4 м.

Наиболее заглубленная из них полуземлянка 1 из поселения Надлиманское VI имела размеры 4 х 4 м и высоту сохранившихся стен 1,4 м. С южной стороны помещения прослежены три ступеньки входа, обложенные камнем, а в северо-западной части, у стен, находилась выложенная из камня однокамерная печь размером 0,68 х 0,65 х 0,2 м.

Диаметр полуземлянки 22 из поселения Надлиманское III достигал 4,9 м, а глубина материковых стен 0,65 м. В центре находилась ямка для опорного столба диаметром 0,44 м, а у западной и восточной стенок хозяйственные углубления.

Близкими по конструкции были также помещения 77, 18, 1 из Надлиманского III и полуземлянка 7 из Беляевки I. Их диаметр составлял соответственно 4,2 м, 4,2 м, 3 м, 5 м. В центре находилась ямка для опорного столба. На неоднократно подмазывавшемся глинобитном полу прослежены следы от временных очагов, небольшие углубления от внутренних конструкций. К архитектурным особенностям следует отнести пристройку-тамбур в полуземлянке 77 (Надлиманское III), наличие глинобитного уступа-лежанки в постройке 18 из этого же поселения.

Определенные конструктивные детали отличали полуземлянку 23 из того же поселения. Ее диаметр составлял 3,4 м, половину площади занимало ступенчатое углубление округлой формы диаметром 1,8 м и глубиной 0,55 м, в северо-восточной стене в материковом грунте вырезана куполообразная двухкамерная печь, диаметром 1,1 м.

Второй тип заглубленных помещений представлен прямоугольными структурами со слегка закругленными углами. Площадь их колеблется от 9 до 32 м^2, глубина в материке достигает 0,85 м. Полуземлянка 1 (Беляевка I) имела размеры 5 х 4,2 м. В полу прослежено несколько ямок, а в северном углу находилась глинобитная площадка-уступ размером 0,6 х 0,4 х 0,3 м. Такой же уступ, но несколько больших габаритов – 0,9 х 0,7 х 0,4 м – и в помещении 66 (Надлиманское III). Среди деталей интерьера прямоугольных структур необходимо указать на наличие в 3-х из них стационарных очагов. Очаги представляли собой открытые сооружения диаметром около 1 м, выложенные из камня, пол выстлан песком, глиной.

В полуземлянке 28 (Надлиманское III) размером 3,2 х 2,8 м прослежен очаг, хозяйственная яма. Судя по сохранившимся кускам обмазки, стены этой постройки были покрыты слоем извести. Уникальным по конструктивным особенностям оказалось помещение 57 из Надлиманского III. Сохранилась только его часть с разме-

рами по осям 3,4 м и 2,2 м. Стенки неровные, оплывшие. Пол материковый, утрамбованный. В его центре находилась трапециевидная в разрезе яма глубиной от пола 0,7 м. В середине ямы находилось еще одно углубление диаметром 0,2 м и глубиной 0,45 м. Его устье обрамлял глинобитный валик, служивший, вероятно, для более прочного крепления столба.

Полуземлянка 6 (Беляевка I) приближалась по форме к квадрату. Ее размеры по осям составляли 5,3 м. В центре отмечена ямка для столба, у западной стены обнаружена хозяйственная яма, уходящая вместилищем под борт котлована.

Наземные постройки по своим конструктивным особенностям делятся на два типа: первый – со слегка заглубленным в материк основанием, предполагающим наличие каркасно-глинобитных стен, второй – с каменно-сырцовыми стенами. Помещения первого типа имеют слегка вытянутую овальную форму с размером по длинной оси 4,2–4,9 м, по короткой 3,8–4 м. В центре одного из них находилась ямка для столба, поддерживающего кровлю, в другом имелось несколько расположенных треугольником ямок.

Ко второму типу принадлежит одно жилище из поселения Надлиманское VI. Лучше всего сохранилось основание его восточной стены и часть кладки южной. Восточная стена ориентирована на север, ее длина достигает 5 м. Кладка иррегулярная, выложенная из небольших грубо обработанных плит известняка. Внутри здания находились три хозяйственные ямы, прослежены остатки глинобитного пола и керамических вымосток.

В целом необходимо отметить, что в исследованных помещениях качество исполнения строительных работ находилось на довольно высоком уровне, что позволяет трактовать большинство этих построек как жилые. Исключение составляет, пожалуй, только помещение 23 из Надлиманского III, где большая часть пространства занята углублением, исключающим возможность нормального существования. Реконструируя общий облик раскопанных строений, можно предположить, что в круглых полуземлянках кровля могла быть конической, опиравшейся непосредственно на борта котлована или наружные стены, а в подпрямоугольных – крыша имела один или два ската.

Хозяйственные ямы, исходя из формы вместилища и размеров подразделяются на семь типов. Численно преобладают ямы, имевшие в разрезе трапециевидную форму – с узким горлом и расширяющимися к низу стенками. Диаметр некоторых из них в донной части составляет 1–2 м, однако, встречены несколько ям с диаметром дна 3–4 м. Соответственно и объем их вместилища колеблется от 3–6 м^3 до 13–15–20 м^3. Некоторые из этих объектов сохранили материковые выступы для крепления перекрытия, в качестве которых применялись, судя по всему, каменные плиты. Заполнение всех ям практически одинаково – это сбросы золы, костей, фрагментов керамики, однако некоторые из ям отличаются весьма значительным количеством предметов материальной культуры. В двух неглубоких цилиндрических ямах обнаружены захоронения черепа коня и панциря черепахи, покоящихся на слое чернозема.

Зольники известны только на поселении Надлиманское III, где до интенсивной распашки его площади выделялись над уровнем современной дневной поверхности на 0,2 м. Диаметр их достигал 15–18 м. Основание одного из них находилось на древнем черноземе на глубине 0,6 м и состояло из слоя золы толщиной до 0,4 м, его перекрывал плотный слой щебенки с глиной. Над ним находился чернозем с золой и культурными остатками. Практически все исследованные объекты содержали в большей или меньшей степени различные категории находок, среди которых преобладает керамика.

Материальная культура. ***Керамика***. Около 66 % всего ее объема занимают амфоры. На посуду, изготовленную гончарным способом, приходится 23%, на лепную 11%. При сравнении категорий посуды без амфор соотношение получится следующим: доля простой гончарной керамики составит приблизительно 49%, лепной 32%, чернолаковой 18,5%.

Из почти 300 (судя по днищам) экземпляров керамической тары, к числу наиболее ранних относятся амфоры с «широкими полосами», определяемые как продукция Клазомен и датируемые 520–480 гг. до н.э. Находки их единичны. Пухлогорлые сосуды Хиоса нескольких вариантов выпускались с конца VI до начала второй четверти V в. до н.э. В тех же хронологических пределах датируются амфоры со «стаканообразным дном», несколько типов сосудов, выпускавшихся Самосом. Среди керамической тары Фасоса особый интерес представляет одна из амфор, являющаяся, судя по метрологическим данным, переходным типом от неклейменых начала V в. до н.э. к пифоидным, относящимся к его второй половине. Известны также сероглинянные сосуды Лесбоса. Среди других фрагментов выделяются две редчайшие для Северного Причерноморья ручки с клеймами, изображающими орла в фас.

Простая гончарная посуда представлена несколькими типами мисок, кувшинов, двуручных сосудов, некоторые из них имеют прямые аналогии в памятниках фракийской культуры, другие являются подражанием греческим формам – кратерам, ойнохойям, кальпидам, леканам.

Лепная керамика подразделяется на две большие категории. Около 80% составляют горшки четырех типов, характерные для комплексов степной Скифии VI–III вв. до н.э. Приблизительно 20% приходится на посуду различных форм – миски, банки, вазы. В них прослеживается генетическая связь с керамикой северофракийских племен.

Наиболее ранние, очень редкие, образцы восточносредиземноморской посуды относятся к первой половине VI в. до н.э. Второй половиной VI – началом V вв. до н.э. датируется основная масса этого вида керамики: аски, кратериски, ольпы, чаши, амфоры, уникальная для Северного Причерноморья гидрия и пр. Центрами производства этих сосудов, судя по характеру глины, были Самос, Родос, Хиос.

Аттическая чернофигурная посуда представлена киликами, скифосами, лекифами, чашами, арибаллами, датируемыми первой и началом второй четверти V в. до н.э. Сравнительный анализ позволил выявить принадлежность некоторых экземпляров к нескольким художественным школам: к группе мастера Хаймона, к группе Ланкут, к кругу мастера Диосфоса, к группе Белдам. Наиболее распространенным типом чернолаковых сосудов являются скифосы и килики, выпускавшиеся в 490–470 гг. до н.э. К этому же времени относятся несколько разновидностей светильников.

Толстостенные чаши и лутерии нескольких типов производились Фасосом, Коринфом и неизвестными центрами в конце VI – начале V вв. до н.э.

Вещественный материал представлен семью типами пряслиц, двумя типами керамических грузил, различными поделками. Самыми распространенными изделиями из камня являлись рыболовные грузила, оселки, точильные камни, зернотерки из песчаника, эндербита, гранитоида. Встречены железные серпы четырех типов, железные ножи, находящие аналогии в степной и лесостепной Скифии, а также собственно Греции (Олинф). Из бронзы изготовлялись в основном наконечники стрел VI–V вв. до н.э. (многие из них имеют остатки литника), иголки, ворварки, украшения. Свинцовые предметы представлены гирями, скрепами для

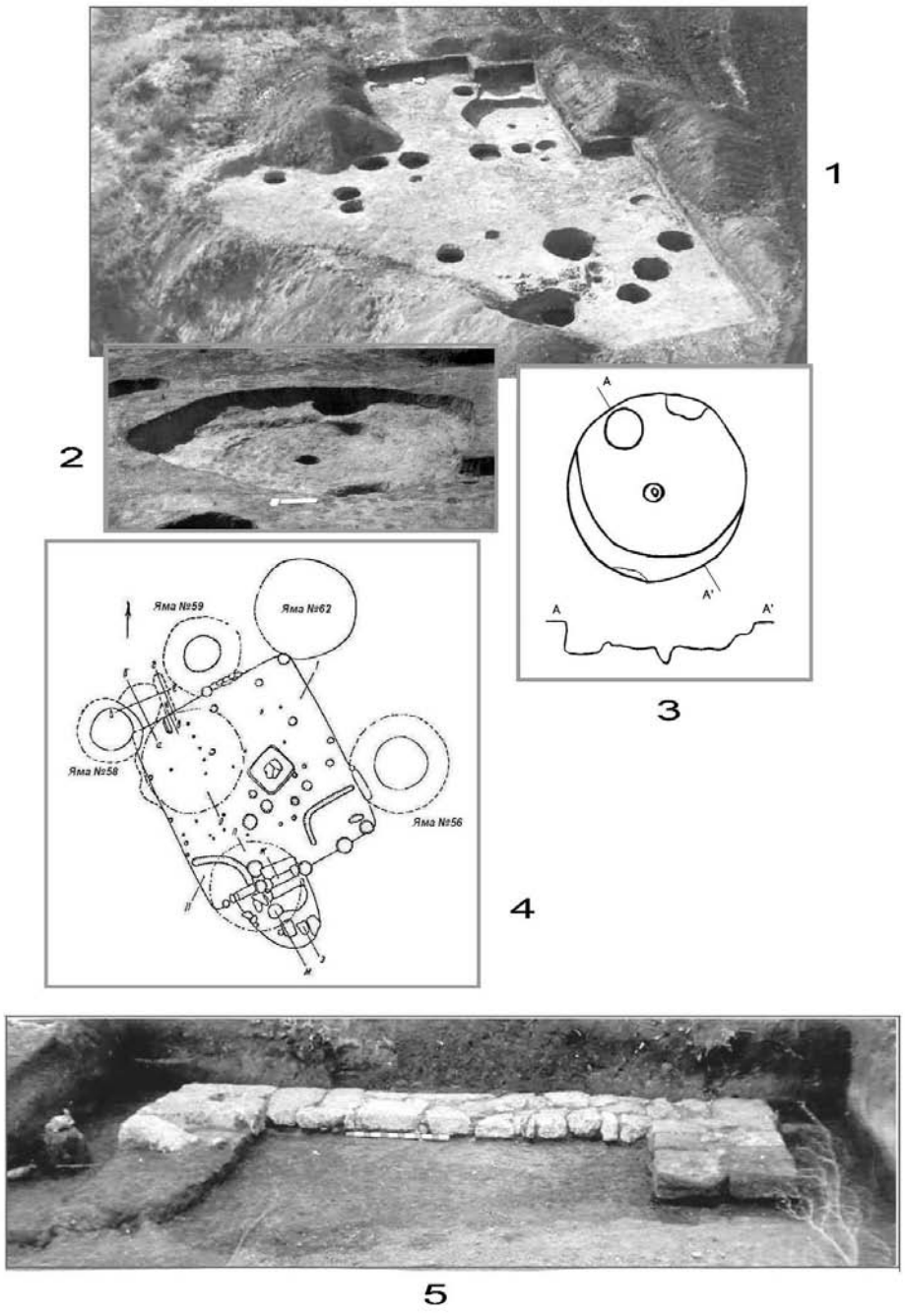


Рис. 136. Строительные сооружения на поселениях.
1 – Надлиманское III. Аэрофотосъемка раскопа с остатками полуземлянок и хозяйственных ям. 2–3 – Надлиманское III. Фото, план и разрез полуземлянки № 141.
4 – Надлиманское городище. План землянки.
5 – Затока I. Фото фундамента каменного сооружения (башня Неоптолема?)

Рис. 137. Керамика и культовые предметы.
1 – Беляевка I. Фрагмент протомы (терракота); 2 – Бугаз VI. Протома богини (терракота);
3 – Граденицы III. Голова богини (терракота); 4 – Надлиманское III. Фрагмент
чернофигурного скифоса; 5 – Надлиманское III. Чернолаковый килик;
6 – Надлиманское III. Гемма с изображением Силена (стекло);
7 – Надлиманское III. Ионийская гидрия;
8 – Надлиманское III. Фрагмент чернофигурного килика с изображением Афины

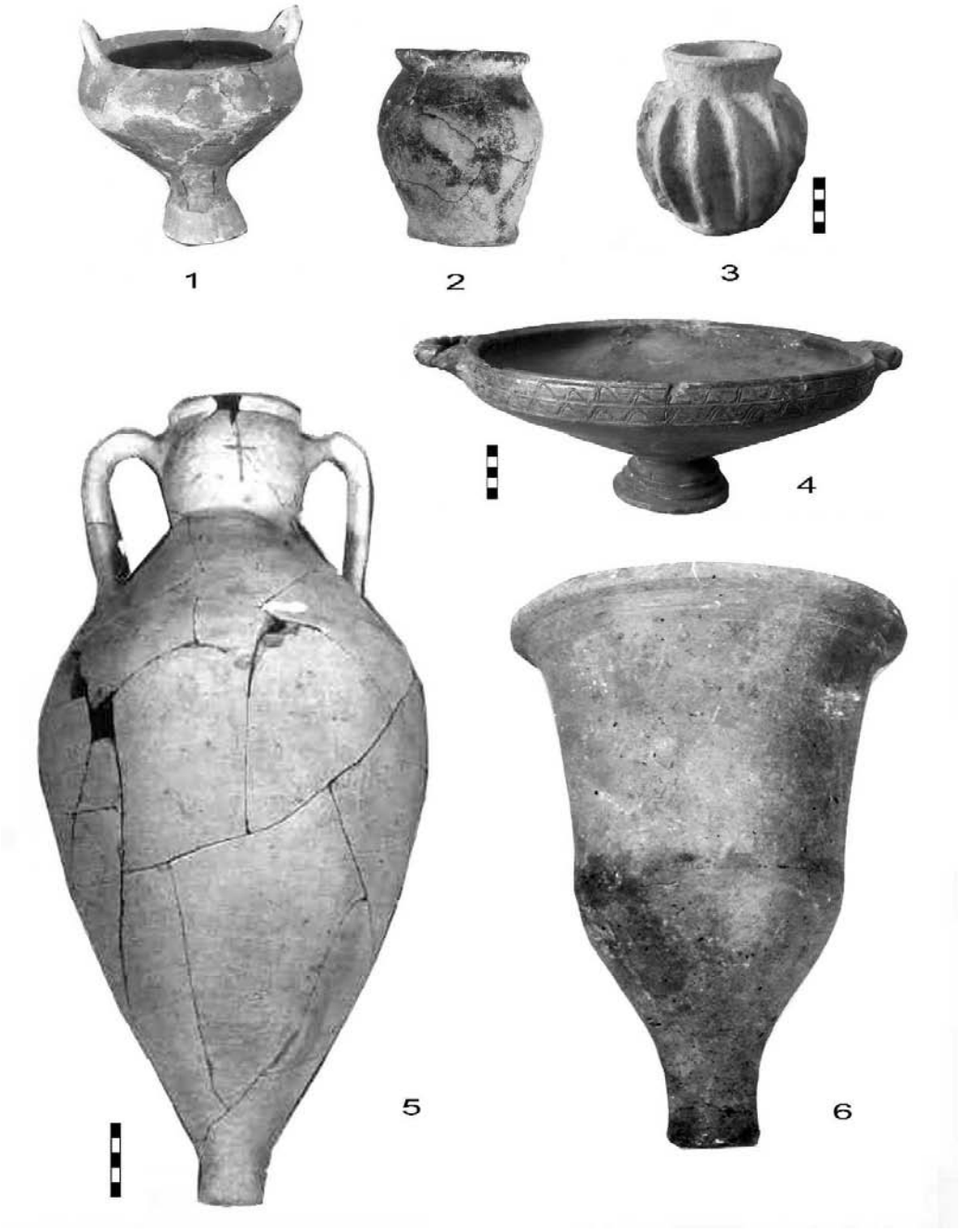


Рис. 138. Керамика из поселений.
1 – Пивденное I. Лепной кратер; 2 – Надлиманское III. Лепной горшок скифского типа;
3 – Надлиманское городище. Лепная курильница; 4 – Надлиманское городище. Лепная
сероглиняная миска фракийского типа; 5 – Надлиманское III. Хиосская амфора;
6 – Надлиманское III. Глиняная урна

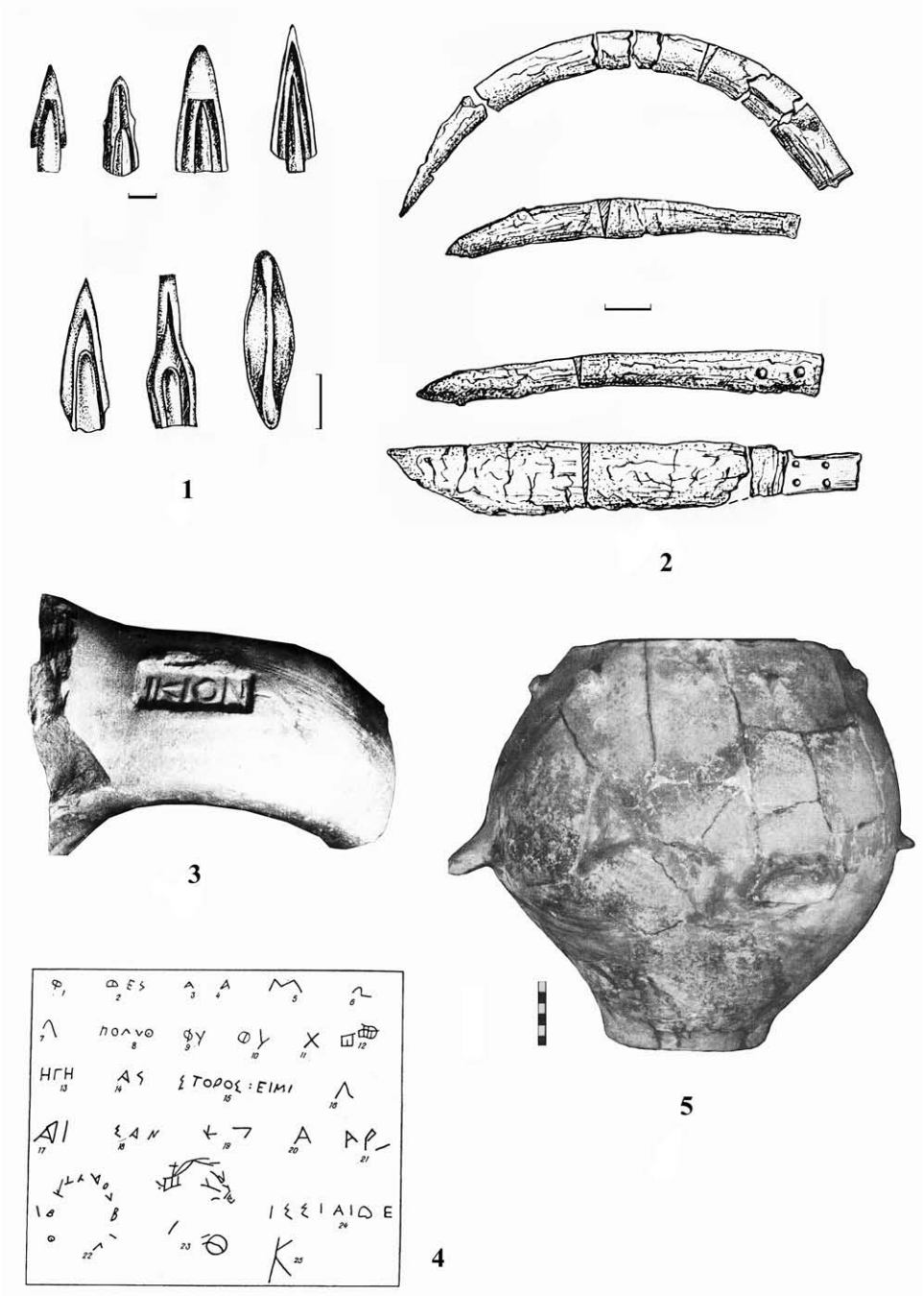


Рис. 139. Предметы из поселений.
1 – Наконечники стрел и монета-стрелка. Надлиманское III;
2 – Серпы и ножи. Надлиманское III; 3 – Клеймо Икоса. Беленькое II;
4 – Граффити. Надлиманское III; 5 – Лепной сосуд фракийского типа. Овидиополь I

починки керамики. Из стекла и пасты сделаны бусы. Кость применялась для лощил и разминателей кожи, обкладок рукоятей ножей.

На поселениях найдено 9 терракотовых статуэток. Одна из них представляет собой протому Деметры второй половины VI в. до н.э., вторая изображает сидящую на троне богиню. Фигурка относится к тому же времени. Тип стоящей богини передают фрагменты двух других терракот, датируемых третьей четвертью VI в. до н.э. Фигурки голубей из Родоса изготовлялись в 500–470 гг. до н.э. Статуэтка Кабира относится к началу V в. до н.э., а Силена – к концу VI в. до н.э., они также, вероятно, родосского производства.

На поселении Чобручи, как уже говорилось, найдено 11 терракот. Антропоморфные передают изображение Кибелы, Деметры, Коры-Персефоны, Аполлона. Зооморфные статуэтки – быка, медведя, дикобраза, свиньи (?).

Коллекция терракот, происходящая из поселения Чобручи является уникальной для памятников эпохи колонизации и свидетельствует о широком проникновении греческих культов в местную этническую среду.

В целом, материальная культура всех поселений практически одинакова. На них найдены одни и те же группы керамики, соотносящиеся, как уже было показано, в определенном процентном выражении. Исключение составляет поселение Надлиманское VI, где лепная посуда скифского типа преобладала над простой гончарной, при почти полном отсутствии греческой чернолаковой и расписной.

Экономика и этносоциальная структура архаических поселений. Основу хозяйства поселений составляло, вероятно, земледелие. Судя по палеоботаническим анализам в Нижнем Поднестровье культивировались две разновидности проса – обыкновенное и итальянское, пленчатый ячмень, полба двузернянка, особые популяции мягкой и карликовой пшеницы (Кузьмінова, Охотніков 1987: 80–83). Все эти виды отличаются скороспелостью, засухоустойчивостью, стойкостью к полеганию. Таким образом, создание торгового зернового потенциала здесь было достаточно благоприятным (Одрін 2005: 9–49; Крижицький, Щєглов 1991: 46–56). Созревшие растения убирали железными серпами, а полученное при уборке урожая зерно размалывалось на ручных ладьевидных зернотерках и хранилось в специальных ямах. Второй важной отраслью сельского хозяйства являлось скотоводство. В составе стада 30,9% занимала овца, 3,1% – коза, на долю крупного рогатого скота приходилось 27,8%, лошади – 13,4%, свиньи – 12,4%. Среди других домашних животных 12,4% составляли собаки. Судя по находкам грузил, население занималось рыболовством. Определенное развитие получили ткачество, железоделательное ремесло, промыслы.

Торговые связи поселений практически идентичны тем, что осуществлял Никоний. Он был, вероятно, связующим центром, поскольку весьма трудно предположить полную экономическую самостоятельность нескольких разбросанных по побережью деревень. Среди центров, чья керамика поступала в поселения – Хиос, Аттика, Клазомены, Фасос и другие.

Основную массу жителей поселений составляло, по всей вероятности, население со слабой имущественной дифференциацией. В этническом плане не вызывает сомнения преобладание греческого элемента, вполне возможно также наличие представителей варварских племен – скифов и фракийцев. Не исключено также, что именно скифам, в среде которых начались седентаризационные процессы, принадлежало поселение Надлиманское VI.

Преобладание этнического массива греков определенно сказалось и на духовной жизни обитателей поселений. Особый интерес для ее изучения представляют материалы Надлиманского III, где обнаружено 25 граффити на различных типах посуды и кости животного. Они представляют собой отдельные буквы, аббревиатуры, более развернутые надписи, свидетельствующие о принадлежности сосуда тому или иному лицу, посвящения. Религиозные воззрения связаны преимущественно с хтоническими культами, почитанием земледельческих божеств. Об этом свидетельствуют ямы с зольным заполнением, зольники, имевшие не только утилитарный, но и сакральный характер (Paus., V, 8–11, 13). В сочетании с обнаруженными в них находками – вотивными остраконами, «хлебцами», «рогатыми» лепешками, терракотами они отражают поклонение Деметре, Кабирам, Афродите, Дионису, Силену, Аполлону. Это же подчеркивают ритуальные захоронения головы коня и панциря черепахи.

Возникнув на завершающем этапе греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья сельские поселения Нижнего Поднестровья были основаны, вероятнее всего, беженцами из метрополий Малой Азии после 494 г. до н.э. и просуществовали до рубежа первой и второй третей V в. до н.э. Судя по всему, основной причиной их исчезновения стал все более усиливающийся нажим скифов на сельские округи античных городов и желание этих полисов хоть в какой-то степени сохранить свои земли. Период нестабильности и отсутствия сельских памятников продолжался на берегах Днепра несколько десятилетий. С начала IV (по некоторым данным даже с конца V в. до н.э.) в Нижнем Поднестровье снова появляются небольшие сельскохозяйственные поселки.

Поселения классического и раннеэллинистического времени. В это время на обоих берегах реки и лимана возникает свыше 70 поселений и небольших хуторов, среди которых наиболее крупными являлись Граденицы III, Надлиманское (городище), Николаевка (II), Овидиополь I, Бугаз VI, Затока I, Пивденное I.

Большинство поселений располагалось на высоких мысах надпойменной террасы, ограниченных глубокими древними балками. Исключение составляют лишь несколько памятников на западном берегу (Затока I, Шабо III, Сухолужье, Молога III), находившиеся на низменных участках или в пойме. На поселениях Беляевка II и Беляевка VI кроме культурного слоя, прослеженного на коренном берегу, строительные остатки (хозяйственная яма, очаг) отмечены ниже уровня современной поверхности поймы. Это подтверждает в известной степени, предположение о более низком уровне воды в античную эпоху, а более конкретно только в IV–III вв. до н.э. (Охотников 2002: 246–253). По этим же данным на косе Будакского лимана под толщей воды в -4-5 м так же находятся остатки древних поселений (Агбунов, 1984: 135–137).

Площадь известных памятников колеблется от 0,9 га (Надлиманское городище) до 3–4 га (Пивденное, Николаевка) и даже 6 га (Затока).

Искусственные укрепления прослежены только на Надлиманском городище. Здесь обнаружена крепостная стена, выполненная из двух параллельных кладок, одна из которых тянулась на 8,5 м. Она состояла из двух рядов крупных плит известняка длиной около 1 м и высотой до 0,2 м. Между кладками находилась глиняная забутовка. Вал в виде утрамбованной глины шириной 2,5 м располагался перед стеной.

Жилые помещения. По всей вероятности, основным типом жилища и хозяйственных построек в IV в. до н.э. становится наземный дом с каменными конструк-

циями стен и перегородок. Так, на поселении Пивденное I открыто пять строительных комплексов, среди которых наибольший интерес представляет комплекс «А». В нем находились два смежных помещения, ориентированных с запада на восток и соединявшихся между собой дверным проемом с сохранившимся деревянным порогом. Размеры стен здания – 14,2 х 4,15 м. В качестве фундамента для наружных стен применялись хорошо обработанные плиты известняка размером 0,4 х 0,2 м. В отдельных местах стены сохранились в высоту на 1,3–1,45 м, ширина их достигает 0,6 м. Стены глинобитные с каменной прослойкой, связующим раствором для камней служила глина. Кровля, судя по всему, изготовлялась из камыша. Основой пола служила материковая глина, которая затем неоднократно подмазывалась. В каждом из двух помещений находились печи. Одна из них размером 1,4 х 1,1 м сооружена из глины с каменной обкладкой, вторая имела размер 2,5 х 1,5 м.

Остальные комплексы сохранились несколько хуже, однако имеют в принципе те же конструктивные особенности. Так, комплекс «Б» представлял собой остатки семи, а может быть девяти самостоятельных наземных жилых построек. По сути дела, здесь располагалась часть улицы, дома которой ориентировались с востока на запад. Средние размеры каждого помещения 5 х 3,5 м, во всех находились очаги.

Жилой комплекс исследован частично на Надлиманском городище. Здесь обнаружен западный угол большого здания, образованный двумя каменными стенами шириной 0,65–0,7 м. Протяженность одной из них – 6 м, другой (до конца не исследованной) – 6,65 м. Наибольшая сохранившаяся высота стен – 0,9 м. Нижний ряд кладки сложен из плоских необработанных известняковых плит, образующих наружные и внутренние стены. Они поставлены на ребро и слегка впущены в материк. Пространство между ними заполнено камнями. С внутренней стороны к этим капитальным стенам примыкает помещение размером 3,2 х 3,2 м, стены которого выложены из небольших необработанных камней. Пол здания глинобитный, в интерьере так же находился очаг, состоявший из топочной части и «лежанки» общим размером 1,5 х 1,2 м.

Остатки наземных домов на поселении Николаевка II позволяют сделать лишь самые общие выводы об их внешнем облике. Тут найдены остатки двух зданий, представленных обрывками кладок и мощными развалами камней. Каждое из зданий состояло из двух и более помещений. Предположительные размеры одной из построек 10 х 4 м. Стены выложены из необработанных камней без применения раствора.

Отдельные фрагменты каменных кладок известны на поселениях Затока I, Овидиополь I, Молога III.

К числу наземных построек принадлежат несколько построек т.н. «юртового» типа. В Надлиманском и Пивденном от них сохранились неглубокие круглые котлованы диаметром 5–5,5 м, обложенные по периметру камнями. В центре находилась ямка от опорного столба. В Николаевке остатки такого жилища представляли собой неширокую (0,3 м) и неглубокую (0,1–0,15 м) канавку диаметром 4,8 м.

На поселениях открыто несколько землянок и полуземлянок. В Николаевке II землянка имела размеры 11 х 4,5 м и глубину от современной дневной поверхности 2,3–2,6 м. Она состояла из двух помещений, сообщавшихся между собой, но не имевших отдельных входов. Помещения разделяла перегородка из материковой глины. Ступеньки входа одного из них вырыты в материковом суглинке, второго в материковом известняке. Пол землянки ровный, на нем прослежены небольшие ямки и канавки, вероятно от внутренних перегородок. В юго-западной части одного из помещений находилась яма, дно которой было выстлано камышом, в северо-

восточной части располагалась куполообразная печь. Она имела наклонный под размером 1,05 х 0,6 м, устье высотой 0,4 м и топилась, вероятно, «по-черному».

На Надлиманском городище размеры землянки составляли 4,4 х 4,1 м, глубина в материке – 1,35 м. Стены вертикальные, пол тщательно выровнен и сохранил три слоя подмазки. По углам и вдоль стен зафиксированы ямки от опорных столбов, поддерживавших кровлю, которая в древности сгорела и прослеживалась сейчас в виде слоя золы и дерева. С юго-востока в землянку вели каменные ступени, две из которых находились внутри, а остальные за ее пределами. В полу отмечены следы небольших ямок, канавок, вероятно связанных с устройством интерьера, перегородок. В левом углу у северной стены устроена печь, вырубленная в материке на высоте 0,5 м от пола. Она имела сферическую форму, плоский под слегка наклонен внутрь землянки. Судя по сохранившимся остаткам, ширина печи составляла 0,95 м.

В средней части пола помещения находилась квадратная глинобитная площадка со сторонами 0,8 м и высотой 0,1 м. В центре ее вмазан необработанный камень со следами огня. Вероятно, площадка представляла собой основание жаровни.

На этом же памятнике одна из круглых в плане полуземлянок углублена в материк на 0,4 м и имела диаметр 4,3 м. С юго-востока к ней пристроен тамбур-вход в виде ступени высотой 0,2 м. В центре находилась яма диаметром 0,9 м и глубиной от пола 0,8 м, а вокруг нее выявлены остатки очага из необработанных камней и обожженной глины.

Небольшое распространение, судя по всему, углубленные в землю постройки получили на поселении Овидиополь I, где на площади 900 м^2 открыто несколько таких помещений, круглой (овальной) и подпрямоугольной формы. Одна из землянок овальной формы имела размеры по осям 4 х 3,5 м и глубину 1,5 м. В центре прослежен открытый очаг диаметром около 1 м. На глубине 0,8 м по всему периметру стен находился уступ.

Из четырех раскопанных полуземлянок наибольший интерес представляет постройка № 26 прямоугольной формы с длиной сторон 4,6; 3,2; 3,8; 4,4 м. В северном углу отмечен материковый уступ, а с юго-восточной стороны ступеньки, вырезанные в материке. В восточном углу располагалась печь размером 1,3 х 0,9 м, ограниченная по периметру каменными плитами. Под ее представляет собой слой гальки и обожженной глины. Кроме того здесь же обнаружены два очага размером 0,8 х 0,85 и 0,6 х 0,5 м, рядом находилась небольшая каменная оградка, где найдена терракота и лепной сосуд. В северном углу выкопана яма грушевидной формы с верхним и нижним диаметром соответственно 1 и 1,8 м. Глинобитный пол постройки со следами многократной подмазки сохранился по всей площади.

Таковы типы открытых на поселении зданий. К основным архитектурным особенностям наземных построек следует отнести широкое использование камня в конструкциях, чего не прослеживается на архаических поселениях. Большая часть домов, судя по сохранившимся остаткам, имела каменные или сырцово-каменные стены. В качестве перекрытия использовался камыш, подмазанный глиной, изредка применялась черепица. Черепичная кровля не получила широкого распространения за исключением, может быть, поселения Затока I, где ее находки весьма часты. Поскольку практически в каждом помещении найден очаг или печь, можно предполагать их жилое назначение. Землянки и полуземлянки этого периода ничем принципиально не отличались от подобных структур архаического времени и имели, вероятно, такой же внешний облик, но оформление их интерьера было более разнообразно.

Ямы. Рядом с жилыми постройками выкапывались хозяйственные ямы. Они так же близки по форме к исследовавшимся на раннеантичных поселениях. Наиболее представительный комплекс таких ям (несколько десятков) открыт на Надлиманском городище. Все они округлые в плане, устья некоторых обложены камнем, другие закрыты сверху необработанными каменными плитами. Стенки ям тщательно обработаны и покрыты глиняной обмазкой. Донья плоские, плавно соединявшиеся со стеками. В одной из ям (№ 35), устье которой диаметром 0,8 м было закрыто двумя плитами, под глиняной прослойкой обнаружен слой шелухи проса толщиной 0,2 м. Сверху он прикрыт стеблями и листьями осоки, отпечатавшимися на нижней поверхности слоя глины. Общая глубина ям – 1,4 м, диаметр дна – 2,2 м. Отметим так же яму № 37, отличающуюся очень узкой горловиной (0,38 м) при общей глубине 1,3 м. Горловина высотой 0,3 м переходила во вместилище сложной формы. Верхняя часть, плавно расширяясь, достигает диаметра 1,65 м. Ниже стенки вновь плавно сужаются, закругляясь к плоскому дну диаметром 1,45 м. Стенки ямы покрыты слоем обмазки толщиной 0,05 м.

На поселении Николаевка II из нескольких открытых ям выделяется яма № 9, имевшая в плане форму овала размером 1,3 х 1,2 м. По мере углубления яма расширялась и у дна ее размеры достигали 1,45 х 1,35 м. Общая глубина ямы – 2,5 м. На горизонтальном дне лежало семь амфор, еще одна найдена несколько выше. Яма, вероятно использовалась в виде склада, перекрывалась в древности прутьями или деревом, затем сгоревшим и рухнувшим вниз.

Зольники. Еще одним археологическим объектом, исследованном на поселениях, являются зольники, известные в Пивденном I, Овидиополе I, Николаевке II. На первых двух памятниках они представляли собой скопления золы, расположенные возле помещений и достигавшие диаметра 3–4 м. В Николаевке II зольник имел курганообразную форму диаметром около 40 м и высотой 0,75–0,85 м. Его структура довольно сложна. Чистая зола встречалась в виде отдельных пятен, основной же слой состоял из рыхлого чернозема, насыщенного золой, фрагментами керамики, костями животных. В нем в нескольких местах на разной глубине наблюдались прослойки щебенки с глиной. Тут же находились две каменные оградки. Первая из них состояла из двух рядов камней, один из которых располагался по дуге диаметром около 2 м, второй с внешней стороны имел диаметр 3,5 м. Вторая оградка меньших размеров (1,1 х 0,95 м) сооружена в виде круга, состоящего из плит, поставленных на ребро. Почти в центре оградки так же на ребре находилась еще одна плита. Это сооружение имело культовое назначение.

Погребальный обряд. Рядом с поселением Николаевка II исследован могильник (Мелюкова 1975), а в районе Николаевки I и Надлиманского обнаружено несколько погребений (Дзис-Райко 1965: 59–68; Охотников, Субботин 1981: 106), но их привязка к конкретному поселению затруднена. В могильнике у Николаевки II выявлено 68 погребений, дающих представление о погребальном обряде населения IV–III вв. до н.э. Кроме того, 4 могилы найдены в курганах. Диаметр курганов – 12–14 м, высота – 0,5–0,7 м от древней поверхности. Встречены только простые ямы. Они же преобладали и на грунтовом могильнике. Они, как правило, имели нечеткую форму, приближающуюся к вытянутому прямоугольнику или овалу. В отдельных случаях отмечены уступы. Размеры ям сильно варьируются: по ширине от 0,4 до 1,35 м, по длине от 0,98 до 3,5 м, по глубине от 0,55 до 2,5 м. Стенки и дно ям, как правило, земляные, лишь в двух случаях встречены каменные обкладки. Над погребениями делались каменные перекрытия или наброски. Основная ориентация – по линии восток-запад.

Из 18 катакомбных или подбойных могил 17 принадлежат к I типу по классификации Б.Н. Гракова (Граков 1964: 120–121) и одна – III типу. Погребальная каме-

ра располагалась параллельно входной яме и обычно находилась к северу от нее. Собственно все сооружение ориентировано по линии восток-запад. Входные могильные ямы приблизительно равны по площади. Размеры первых составляют: 2,15–2,75 и 1,6–3,4 м по длине и 0,4–1,1 и 0,75–1,3 м по ширине. Погребальные ямы имеют соответственно длину 2,15–2,7 и 1,35–2,7 м, ширину 0,6–1,25 и 0,47–1 м. Погребальные и входные ямы между собой отделялись камнями, камышовой загородкой, а в Надлиманском – амфорами.

Преобладают одиночные захоронения, но известны 18 могил с последовательными подзахоронениями от 2 до 5 умерших. Костяки, как правило, находились на спине, головой на восток и только 2 имели западную ориентацию, 1 – северо-западную, и 1 – юго-западную. Погребенных клали на подстилку, и лишь один умерший был похоронен в деревянном саркофаге.

В качестве сопровождающего инвентаря в 36 случаях использовали жертвенную пищу, в 30 – ножи, в 16 – наконечники стрел, в 8 – наконечники копий, в 3 – мечи, в 3 – зеркала, в 9 – пряслица, в 17 – амфоры (всего 25 экземпляров). Среди других вещей встречены: бусы, браслеты, кольца, бронзовые и железные черпаки, чернолаковые сосуды (канфар, килик, лекиф, ойнохойя, чаша). Известно несколько экземпляров простой столовой посуды и лишь три лепных сосуда.

Сопоставление инвентаря из могильника с находками на поселениях показывают их полную идентичность. Керамический комплекс всех памятников содержит в целом одни и те же категории посуды, состоящей из привозной, греческой и местной лепной. Но соотношение отдельных ее типов было различным для поселений западного и восточного берегов лимана. Наиболее исследованными пока являются поселения Николаевка II и Пивденное I.

Большую часть ***керамики*** составляют обломки амфор. В Николаевке II они составляют до 90% общего числа фрагментов. Без учета амфор первое место по числу находок принадлежит лепной посуде – до 87,3%. Простая гончарная посуда составляет до 16,4%, а чернолаковая – до 9,5%. В Пивденном I число амфорных фрагментов составляет 91%. Без них процентное соотношение таково: лепная посуда – 83%, чернолаковая – 10%, гончарная сероглиняная и красноглиняная – 6,4%.

В Николаевке II из 361 амфоры (судя по днищам) лишь 44 имели клейма, в Пивденном I из 797 сосудов (подсчет велся также по днищам) клейменных было 108, т.е. экземпляры с клеймами составляют 12–13% всего состава амфорной тары. Изучение всей ее совокупности позволило определить места производства: Гераклея, Фасос, Синопа, Херсонес, Хиос, Кос, Менде, Византий, Пепарет, Родос, Пантикапей и ряд других неустановленных центров. На поселении Беленькое II встречено редчайшее для Северного Причерноморья клеймо Икоса (Брашинский 1980: 201, № 780). Все типы амфор выпускались с начала IV до конца III в. до н.э.

Самую многочисленную категорию лепной керамики, обнаруженной на восточном берегу, составляют горшки скифских типов – около 80% объема, 15% насчитывает посуда гетских форм. Приблизительно такое же соотношение выявлено на поселении Овидиополь I (Бруяко, Суничук 1987: 130). На западном побережье соотношение обратное: 36% занимает скифская керамика и 64% – гето-фракийская. Скифские горшки представлены 3 основными типами. Гетская керамика разнообразнее по формам: это банковидные сосуды, корчаги, орнаментированные валиками, налепами, ручками-упорами, миски.

Простая керамика состоит из чаш, мисок, рыбных блюд. Расписная керамика немногочисленна. Краснофигурные сосуды найдены в Николаевке и Надлиман-

ском. В Пивденном они неизвестны. Пелики и арибалические лекифы аттического происхождения датируются серединой – второй половиной IV в. н.э. Среди чернолаковой керамики также по преимуществу аттического происхождения выделяются чаши различных форм и размеров со штампованным орнаментом внутри. Они относятся ко второй – третьей четверти IV в. до н.э. Известны и килики рубежа V–IV вв. до н.э. и первой половины IV в. до н.э., канфары конца IV–III вв. до н.э., рыбные блюда, светильники. На некоторых экземплярах имеются граффити.

На поселениях встречены в небольших количествах синопские и гераклейские лутерии, обломки пифосов, черепица. Известны пряслица, грузила, глиняные изделия, точила из камня, ручные мельницы, предметы из кости, железа, бронзы, стеклянные украшения.

Отдельную категорию составляют ***терракоты***. Следует отметить их полное отсутствие на таких хорошо известных памятниках как Николаевка II и Пивденное I. На Надлиманском городище найдены протома Деметры, фигурки Баубо и двух местных идолов (Клейман 1964: 137–139), в Овидиополе I – статуэтка сидящей на троне богини, Бугазе VI – протома Коры Персефоны, Граденицы III – изображение женской головки.

Таким образом, материальная культура поселений сочетала черты греческой и варварской культур, причем на западном берегу преобладала гетская культура, а на восточном – скифская. Возникновение поселений связано с деятельностью античных городов – Тиры и Никония, заинтересованных в создании собственной сельскохозяйственной базы. По крайней мере находки тирасских монет в с. Шабо (Карышковский, Клейман 1985: 55) и в Пивденном I (Ашрафиан 1963: 99–101), Паланке (Карышковский 1985: 180–182), Затоке I позволяют видеть в этих поселениях хору Тиры. Вероятна также экономическая зависимость поселений левобережья от Никония, но конкретные ее формы пока не изучены.

Экономика и этносоциальная структура поселений. Ведущая роль земледелия в хозяйстве поселений в целом не вызывает сомнений, однако для его характеристики имеется не так уж много материала. Находки на Надлиманском городище и Пивденном I зерен проса свидетельствуют, что оно продолжало оставаться одной из ведущих зерновых культур. Зерно хранилось в специальных ямах или пифосах, а размалывалось при помощи зернотерок или ручных мельниц двух типов: состоящей из двух круглых курантов (Беляевка II) или прямоугольных жерновов возвратно-поступательного действия (Надлиманское, Затока I).

О занятиях скотоводством свидетельствуют костные остатки, анализ которых позволил установить, что крупный рогатый скот в составе стада различных поселений занимал около 33%, мелкий рогатый скот – 25–35%, свинья – 10,5–25%, лошадь – 17–21,4%. Собаки составляли – 2,4-8,4% домашних животных. Кости благородного оленя, косули, зайца, лисы указывают на определенную роль охоты в хозяйстве поселений, а грузила и кости рыб – на рыболовство. Развитие керамического и металлообрабатывающего ремесел можно предполагать, исходя из находок шлаков, а о ткачестве можно судить по широкому распространению пряслиц.

Большое количество керамической тары, чернолаковой керамики и других предметов импорта свидетельствуют о значительной роли торговли. Основными поставщиками товаров для поселений восточного берега являлись Гераклея (43% всех клейменных амфор), Фасос (29%), Синопа (около 14%) (Василенко 1971: 137–149). Судя по амфорным днищам, активными торговыми партнерами являлись также Хиос, Менде, Византий, Херсонес. Прочие центры представлены лишь еди-

ничными находками амфор или клейм. Изучение керамической тары позволило изучить динамику торговых связей поселений. Наиболее ранние гераклейские и фасосский сосуды датировались первой четвертью IV в. до н.э. Увеличение ввоза гераклейских, а также синопских товаров происходит во второй половине IV в. до н.э., к концу IV в. до н.э. свою торговлю активизируют Фасос, в первой половине III в. до н.э. керамическая тара всех трех центров привозится в одинаково небольших количествах (Самойлова 1997: 220–223).

Торговыми партнерами поселений правобережья были те же центры, но соотношения объемов и хронологическая изменчивость поступлений из них были несколько иными. Наибольшее число клейм и амфорных днищ принадлежит Фасосу, далее следует Гераклея и Синопа. Синопский импорт в наибольшем количестве привозился во второй четверти III в. до н.э., когда прекращаются связи с Гераклеей, ослабляются с Фасосом. Важную роль в торговле всех поселений играли также Афины, которые не только поставляли продукцию собственного производства, но и выступали в качестве посредника.

Торговые связи поселений осуществлялись, вероятнее всего, путем натурального обмена через города, поскольку следы денежного обращения отмечены лишь в единичных случаях. На Надлиманском городище найдены истрийская, тирасская монеты и свинцовая гиря (Дзис-Райко 1982: 138–140), в Овидиополе обнаружена медная монета Филиппа II (359–336 гг. до н.э.). Известны так же случайные находки монет – в Затоке I золотого статера Ольвии (Карышковский, Клейман 1985: 60), ольвийского обола в Овидиополе и истрийской бронзы в с. Шабо (Карышковский 1985а: 180–183).

Неоднородный этнический состав жителей поселений, в котором преобладали сильно эллинизированные варварские элементы, сложился в результате экономической и политической обстановки во всем Северном Причерноморье. В начале IV в. до н.э. начинается новый расцвет сельскохозяйственной территории греческих полисов, заинтересованных в получении земледельческой продукции как важнейшей статьи своего экспорта. Наряду с этим взаимная потребность в товарах приводила к увеличению оседлой прослойки среди скифов, сосредоточившихся в основном на левом берегу Днестра и привлекла часть фракийского населения, преобладавшего на западном побережье (Мелюкова 1969: 61–80). Политические события середины-второй половины IV в. до н.э. (скифо-македонский конфликт, гибель Атея, поход Зопириона) практически не отразились на жизни поселений. Наоборот, это был наиболее интенсивный период существования этих памятников. Однако в первой половине III в. до н.э. экономика поселений постепенно ослабевает, вероятно, вследствие общего кризиса античного общества к середине этого же столетия они прекращают свое существование.

Этим процессам в немалой степени способствовало усиление активности сармат, продвижение с запада кельтских племен, ухудшение отношений с фракийцами, что в конечном итоге поставило полисы в зависимость от окружавшего варварского населения и надолго лишило их собственной обширной земледельческой территории.

Материалы конца III – начала II вв. до н.э. (клейма Родоса) известны только на нескольких поселениях, в частности, Надлиманское VI (Охотников 1983: 172), Граденицы I (Мелюкова 1963: 70), Чобручи (Щербакова 1994а: 231–232) и некоторых других (Бруяко, Малюкевич 2009: 198).

Следующий этап развития сельских поселений Нижнего Поднестровья начался лишь в первые века нашей эры.

ПОСЕЛЕНИЯ ОДЕССКОГО ЗАЛИВА

Освоение древними греками морского побережья между Днестром и Тилигулом проходило на протяжении VI–V вв. до н.э. в рамках исторических процессов, характерных в целом для Северо-Западного Причерноморья этого периода, но не с такой интенсивностью, как это было в районе Нижнего Поднестровья и Нижнего Побужья.

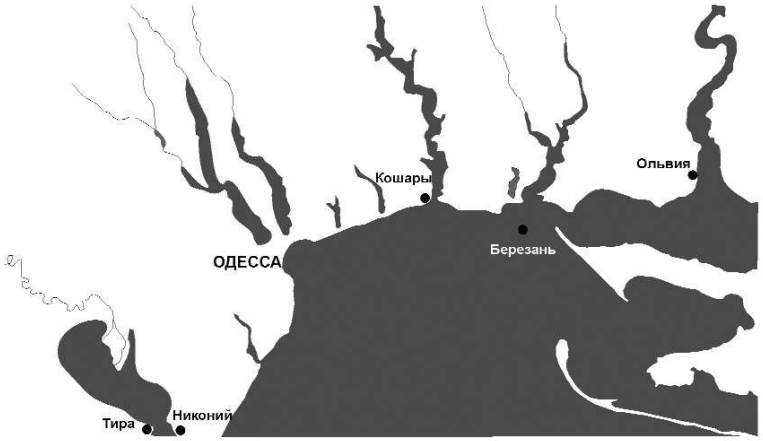
Восточная граница рассматриваемого региона проходит по реке Тилигул – Дели-Гель («Бешеная река» тур.). В древнегреческой традиции это река Аксиакес (Асиак). По этой реке, как отмечали античные авторы (Мела, Плиний, Птолемей), проходила граница между каллипидами и асиаками – народами, которые населяли эту область во второй половине I тыс. до н.э. Западная граница проведена по водоразделу Сухого лимана, закрывающего Одесский залив с юго-запада.

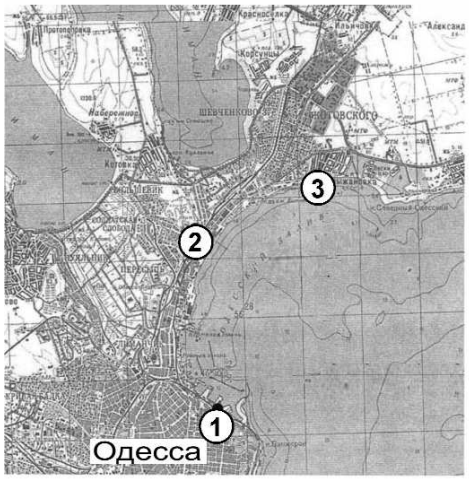
На этой территории помимо устьевых частей долин крупных рек (Тилигул, Куяльник, Хаджибей) встречаются большое количество водоносных балок и дельты малых рек, часть из которых сохранилась в виде лиманов до настоящего времени (Большой и Малый Аджалык, Сухой лиман).

Подавляющее большинство античных поселений находилось на морском побережье Одесского залива. Их расположение определяло направление как морских (каботажных), так и сухопутных путей из Ольвии в Тиру, Истрию и далее, вплоть до Аттики (Буйских 1996: 65–69; 1997: 98–102).

Небольшие античные поселения Одесского залива не отражены в работах древних географов и историков, хотя, несомненно, были известны древнегреческим мореплавателям. Информация о них содержится только в позднеантичных источниках и у латинских авторов: Плиния Младшего (Plin. NH. IV. 82), пс. Арриана (ps. Arr. Peripl. 87. 31–32), Помпония Мелы (Pomp. Mela. Chorog. II. 7), Птолемея (Ptol. Geogr. III. 5, 14). В их трудах имеются названия пунктов, расположенных на побережье к западу от Ольвии – Борисфена: город Одесс, Скопелы, Гавань Истриан и Гавань Исиаков. Данные об этих населенных пунктах и их названия были, вероятно, взяты римскими авторами из не дошедших до нашего времени произведений более раннего периода (Карышковский, Клейман 1985: 7–9). Интересно отметить, что практически у всех античных поселений Одесского залива, которые могут претендовать на указанные античной традицией пункты, существовали их «спутники» римского времени. К северу от античного поселения Лузановка, где встречены материалы римского времени, находился памятник первых веков н.э. Киселово (Синицин 1957: 70). Памятники этого же времени зафиксированы недалеко от поселения Приморский бульвар (Охотников 2010: 133), в районе Черноморки и Сухого лимана. Два последних располагались на месте более ранних поселений IV–III вв. до н.э. Ряд исследователей пытались локализовать пункты, отмеченные в трудах латинских авторов (см. библ. Диамант 1976: 204), но однозначно решить эти вопросы пока не представляется возможным (Редина 2006: 182–187).

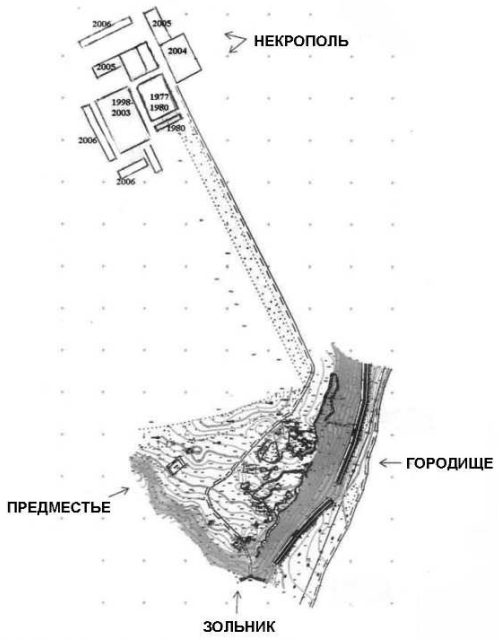
История исследования. Исследование античных поселений на побережье Одесского залива началось еще с конца XVIII в. (Стемпковский 1827: 160). Результаты картографирования некоторых из них, а также курганных могильников, отражены в трудах XIX в. (Уваров 1856: 148; Ястребов 1894: 164). Первые системати-





Античные поселения побережья
Одесского залива

1 – Приморский бульвар
2 – Жевахова гора
3 – Лузановка



Топосхема археологического комплекса
«Кошары»

Рис. 140. Расположение античных поселений на побережье Одесского залива и прилегающих лиманов

ческие исследования начались только в 20-х гг. XX ст. раскопками Лузановского поселения (Штейнванд 1930: 135–139). В 50-х гг. этого же столетия Одесским историко-археологическим музеем были открыты и частично исследованы античные поселения в районе винодельческой станции им. Таирова на Сухом лимане (Синицин 1955: 148), где еще в XIX в. был обнаружен некрополь (Уваров 1856: 148), а также в районе Люстдорфа (Черноморка I и Черноморка II) (Синицин 1949: 151; Синицин 1955: 54–55), недалеко от последних, на юго-запад от которых находился курганный могильник (Ястребов 1894: 164).

Следы разрушенных, во время строительства Одессы, античных поселений обнаружены непосредственно и в самом городе (Штерн 1910: 59–62; Синицин 1950: 64; Охотников 1998: 100–101; Охотников 2010: 133, 135).

В 1946 г. и в 1955 г. проводятся археологические разведки восточной части побережья Одесского залива с прилегающими лиманами (Синицин 1949: 149–156). В результате был выявлен ряд античных поселений: Красная Слободка, Кривая Балка, Шкодова гора, Крыжановка, Н.-Дофиновка (Уваров, 1856: 150), Григорьевка. В 1950 г. обследованы берега Тилигульского лимана и открыто городище Кошары (Сымонович, 1954: 145–146; Буйских, Иевлев 1993: 114–122; Смолянінова, Островерхов, Кушнір 1996: 1–22).

Недолговременность существования ранних очагов поселенческих структур VI – начала V вв. до н.э., а также разрушение береговой линии, отразилось в скудности сохранившихся археологических источников (Назаров 2003: 42–43). Наиболее ранние материалы (фрагменты ионийской посуды VI вв. до н.э.) найдены в южной части Куяльницкого лимана (Синицин 1955: 42), в районе Шкодовой горы, к западу от современных полей орошений и в центре с. Усатово (Синицин 1955: 58). В основном это случайные находки, которые не всегда могут указывать на существование в данном месте поселения. Редкие фрагменты керамики VI–V вв. до н.э. эпизодически встречались и на памятниках, время жизни которых приходятся на конец V – первую половину III вв. до н.э. (Жевахова гора, Лузановка, Кошары). Подобная ситуация прослеживается и в Нижнем Побужье, где на поселениях со слоями классики – эллинизма, эпизодически встречались более древние материалы, которые происходили из архаических комплексов уничтоженных при позднейшем строительстве (Лапин 1966: 78). Достоверное подтверждение существования некоторых поселений в конце VI – начале V вв. до н.э. получены при исследовании поселений Жевахова гора, Приморский бульвар, Лузановка.

Характеризуя архаические поселения Одесского залива С.Б. Буйских, не без основания предположил, что здесь мог начать формироваться античный центр по примеру Тиры и Никония, который в силу различных причин не реализовался (Буйских 1996: 68).

В конце V в. до н.э. происходит расширение территориальных владений греческих апойкий региона, достигших к концу IV– началу III вв. до н.э. наивысшего экономического расцвета. К этому периоду на рассматриваемой территории относятся 12 поселений, среди которых выделяются наиболее крупные: Лузановка, Приморский бульвар, Жевахова гора (Охотников 1998: 100–101; 2001: 167–170; 2010: 134) и Кошары на правом берегу реки Тилигул (рис. 140).

Лузановка. Поселение открыто археологом-любителем М.С. Моргулисом. Исследовано частично (Штейнванд 1930: 135–139; 1929–1930; 1932; Нудельман 1937; Селинов 1937; Синицин 1957: 67–78; Диамант 1980: 121). Оно располагалось

на высоком мысу левого берега р. Куяльник. С юго-запада поселение ограничено устьем реки, с юга и юго-востока – крутым берегом Одесского залива. С напольной, северной стороны территорию поселения ограничивала балка, впадающая в залив Куяльницкого лимана. Вероятно, что поселение имело нижний город и портовую часть.

Первые греки-поселенцы появились здесь во второй половине – конце VI в. до н.э., о чем говорят находки фрагментов пухлогорлых хиосских амфор, часть коринфского чернофигурного арибаллического лекифа с изображением идущих со щитами воинов и несколько фрагментов ионийской керамики. Однако слоя архаического времени пока не зафиксировано.

Обнаруженные на поселении строительные остатки относятся к двум хронологическим периодам. Первому (вторая половина V – начало IV в. до н.э.) принадлежат землянки, небольшие наземные постройки хозяйственного и жилого назначения, хозяйственные ямы. Землянки (площадь не превышала 4 м^2) заглублены в землю имели сырцовые стены и перекрывались деревом и соломой. Небольшие наземные постройки возводились на каменных фундаментах.

Ко второму строительному периоду (вторая половина IV – начало III в. до н.э.) относятся жилые сырцово-каменные дома. Зафиксированы дворики, мощеные галькой, фрагменты водостока и улицы благоустроенные вымосткой из плоских камней, что подтверждает определенную систему в застройке поселка (рис. 141). В это время продолжают существовать и землянки. Одна из них имела прямоугольную в плане форму (3,5 х 2,8 м) и состояла из двух частей: жилой и хозяйственной. Верхние части стен представляли собой каркас из дерева, прутьев и камыша, обмазанные глиной. В центре находился подпорный столб. В северо-западной части помещения располагалось домашнее святилище, где были найдены два лепных светильника (курильницы) на высоких ножках и терракота – протома Коры-Персефоны, с полихромной росписью (табл. 18, 1) (Диамант 1980: 117–122; Мельникова 2008: 90; Русяева, Лейпунская 1982: 51). Землянка погибла во время пожара в 30-е годы IV в. до н.э. (Монахов 1999: 397–400).

Керамический комплекс Лузановского поселения достаточно разнообразен. Амфорные материалы занимают ведущее место (Хиос – 3,0%, Гераклея – 43,8%, Фасос – 34,4%, Синопа – 9,4%, Книд – 9,4%). Известно 36 клейм (Коцевалов б/г НА ОАМ; Василенко 1972: 87–93; Диамант 1984: 87). Второе место принадлежит лепной керамике, представленной различными формами горшков и мисок. К группе гончарной столовой керамики относится сероглиняная, красноглиняная и небольшой процент чернолаковой и расписной посуды (Диамант 1996: 39–42) (рис. 143).

На поселении найдено 16 монет (13 из них – в виде клада), 15 из которых принадлежат Ольвии начала IV в. до н.э. и одна монета римского времени (Зограф 1957: 97–101; Карышковский 1959: 138–142; 1960а, 305–309; Карышковский 2003: 294, Приложение 3, № 4, табл. V-С, 4).

Амфорные клейма и ольвийские монеты позволяют говорить о существовании Лузановского поселения в пределах конца V – первой половины, а возможно и всего III вв. до н.э. (Диамант 1984: 87). По единичным находкам посуды позднеархаического и римского времени можно предполагать наличие здесь как более раннего поселения, так и небольшого поселения первых веков н.э. (Синицин 1957: 76–78; Бруяко, Росохацкий 2000: 45).

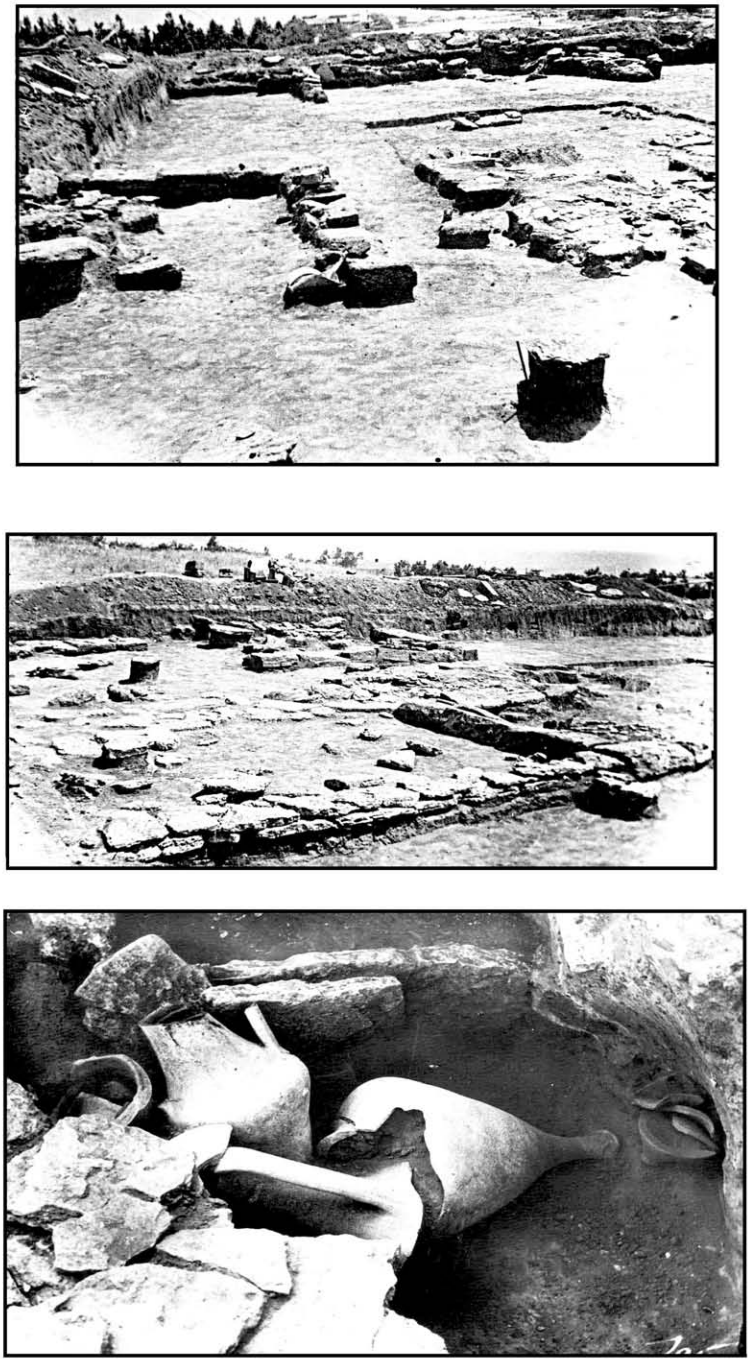


Рис. 141. Поселение Лузановка, раскопки 1929–1930 гг.

1

2

3

Рис. 142. 1 – Панорама Жеваховой горы с раскопами 2006 г.
2 – Приморский бульвар. Остатки культового сооружения с алтарями (раскопки 2008 г.)
3 – Приморский бульвар. Стена помещения и каменный ящик

Диамант
Эммануил Израилевич
(1922– 2001)

Жевахова гора. Жеваховское поселение расположено в северной части Одесской бухты на плато, которое возвышается на 40 м над уровнем моря и разделяет Хаджибеевский и Куяльницкий лиманы. В древности часть плато мысом выдавалось в море, имея с востока и запада устья рек, расположенных на месте нынешних лиманов (Диамант 1989а: 18–20; Красножон, Будников, Барбулат 2007: 40–48) (рис. 142, 1).

Первые упоминания о памятнике принадлежат И.А. Стемпковскому (Стемпковский 1826: 182). К северу и северо-востоку от поселения располагался курганный, а возможно и грунтовый могильники (Штерн 1904: 60–61). Систематические исследования были начаты в 1968 г. Э.И. Диамантом. Размеры сохранившейся части поселения, составляли около 3000 м^2. Исследовано всего около 350 м^2. Мощность культурного слоя в некоторых местах достигла 1–1,5 м (Диамант 1989а: 18–20; Диамант, Кузьменко 1977: 289–290; 1978: 321–322; Редина 2012: 245–252).

Выделяются три периода в жизни памятника: конец VI – начало V в. до н.э.; конец V – первая половина IV вв. до н.э.; вторая половина IV – первая половина III в. до н.э.

Период первой застройки поселения представлен однокамерной с наземной частью землянкой овальной в плане формы (18,86 м^2) со стенами, облицованными сырцовыми вальками. Находки из придонной части землянки фрагментов лесбосских, ранних хиосских амфор, а также амфор со стаканообразным дном определяют время ее функционирования концом VI – первой четвертью V в. до н.э. После определенного перерыва землянка была окончательно засыпана в конце V в. до н.э. Среди материалов этого времени найдена часть письма на свинцовой пластине, адресованного Протагору. По характеру написания букв надпись может относиться к середине (Vinogradov 1998: 164–166, № 4, fig. 4 a,b,c, 177–178) или к концу V в. до н.э. по уточнению С. Тохтасьева.

Ко второму периоду относится двухкамерная полуземлянка, помещения которой располагались на разных уровнях. В центральном хозяйственном помещении находилась врезанная в стену печка с устройством для сушки зерна (Диамант 1991: 32–33). Среди сооружений этого периода выделяется культовая постройка представляющая собой тщательно утрамбованную округлую площадку диаметром 1,3 м с небольшим отверстием в центре, огражденную полусферической кладкой из хорошо отесанных, плотно пригнанных друг к другу известняковых плит. Вблизи сооружения находилась яма, выполнявшая функции ботроса, заполненная обломками амфор, кухонной и столовой керамики, в том числе чернолаковой и расписной, керамическими шлаками, грузилами, костями домашних животных и рыб.

Для третьего периода характерно как наземное домостроительство, так и земляночное. Стены наземных домов сооружались из камня с использованием хорошо обработанных плит и блоков от предшествующих строительных периодов, а также сырца. Существовали и сырцово-каменные постройки. Все они на момент исследований были практически разобраны (Редина 2012: 247–248).

Отдельную группу жилых построек представляли сооружения с каркасными стенами из прутьев и камыша обмазанные глиной.

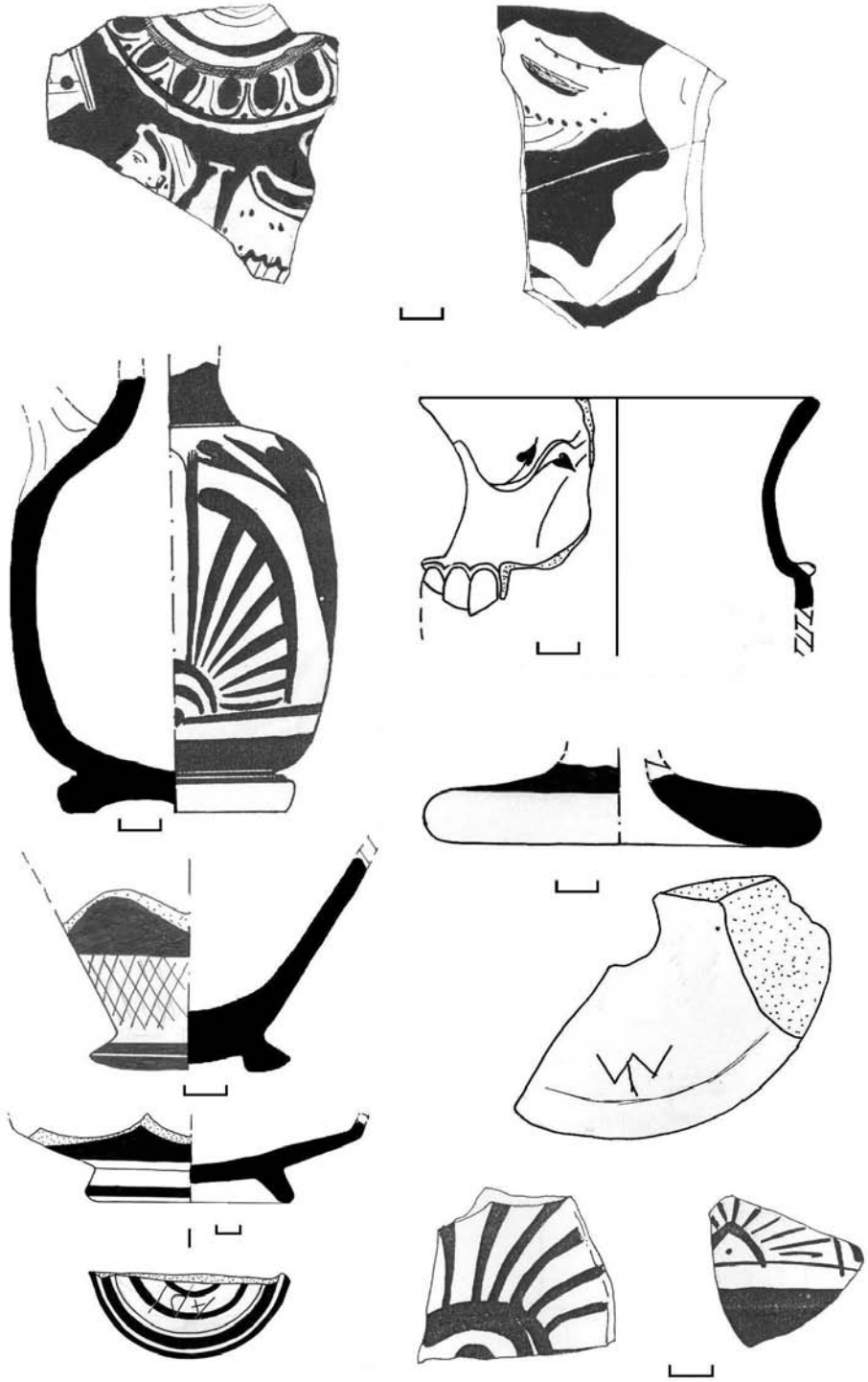


Рис. 143. Краснофигурная посуда с поселения Лузановка

Характерной чертой поселения на Жеваховой горе является большое количество ям, значительный процент которых использовался как зернохранилища. В последствии многие из них выполняли роль культовых. В одну из таких ям были сброшены части 31 амфоры (в основном Гераклеи и Хиоса первой половины IV в. до н.э.), значительное число лепной, гончарной столовой (кувшины, рыбные блюда со специально обколотыми краями) и кухонной посуды. Некоторые сосуды имели граффити в виде прочерченных букв и рисунков. На венце книдской амфоры сохранилось графическое изображение корабля. В заполнении из прослоек золы, органических остатков (зерна проса) и костей животных, помимо керамики выявлены культовые предметы, изготовленные из кости и глины (хлебцы, бусина), а также каменный идол антропо – фаллического типа, высотой 15 см (рис. 144, 1–5).

Уникальное святилище с глиняными конструкциями где происходили ритуальные действия, связанные с культом огня, представляло собой цилиндрическую яму диаметром 5 м и глубиной до 4 м. (Добролюбский, Красножон 2007: 88–94; 2007а: 58–66).

Среди керамического материала Жеваховского поселения первое место занимают амфоры (Курмоярцев 2007: 66–69), интенсивность поступлений которых отмечена для первой половины и последней четверти IV – начала III вв. до н.э. Значительный процент лепной посуды, в составе которой преобладают горшки и миски. Небольшим количеством представлена группа греческой простой, чернолаковой и расписной гончарной керамики (Редина 2012: 250–251; Добролюбский, Сергеенко, Ориховский 2007: 48–57).

Результаты исследований позволяют предположить существование небольшого архаического поселения на Жеваховой горе в конце VI – начале V вв. до н.э. Отсутствие материалов середины V в. до н.э. свидетельствует о прекращении его жизни в начале V в. до н.э. Но уже в конце V в. до н.э поселение возрождается и продолжает существовать до второй четверти III в. до н.э.

Приморский бульвар. Греческое поселение «Приморский бульвар» и его некрополь располагались на верхней террасе коренного морского берега в юго-западной части Одесского залива, на высоте около 40 м над современным уровнем моря. С востока памятник ограничен крутым обрывом к морю, с юго-запада и северо-востока – глубокими природными балками (в настоящее время это ул. Гаванная и Военный спуск, и Польский и Девлановский спуски) имевшими в древности выход к морю (Диамант 1976: 205).

Находки античных древностей на Приморском бульваре и в районе современной Театральной площади центральной части города были известны с начала XIX в. (Blaramberg 1822: 6–7). Достаточно частыми они становятся с 1823 года, в связи с активным строительством домов на Приморском Бульваре (Стемпковский 1826: 192–228, 334–335; Тункина 2002: 131; Охотников 2010: 27).

Целенаправленное изучение поселения, ввиду его расположения под городскими застройками, не проводилось. Первые охранные исследования памятника проведены Э.И. Диамантом в 1976 г. (Диамант 1976: 104–212). Этими и дальнейшими эпизодическими раскопками были открыты остатки культурного слоя, угол античного дома, хозяйственные ямы, в том числе и позднеархаические, собран материал, свидетельствующий о трех периодах застройки : конец VI – начало V в. до н.э.; конец V – начало IV в. до н.э; вторая половина IV – первая половина III в. до н.э. (Добролюбский 1999: 241–259; Добролюбский, Красножон 2002: 18–24;

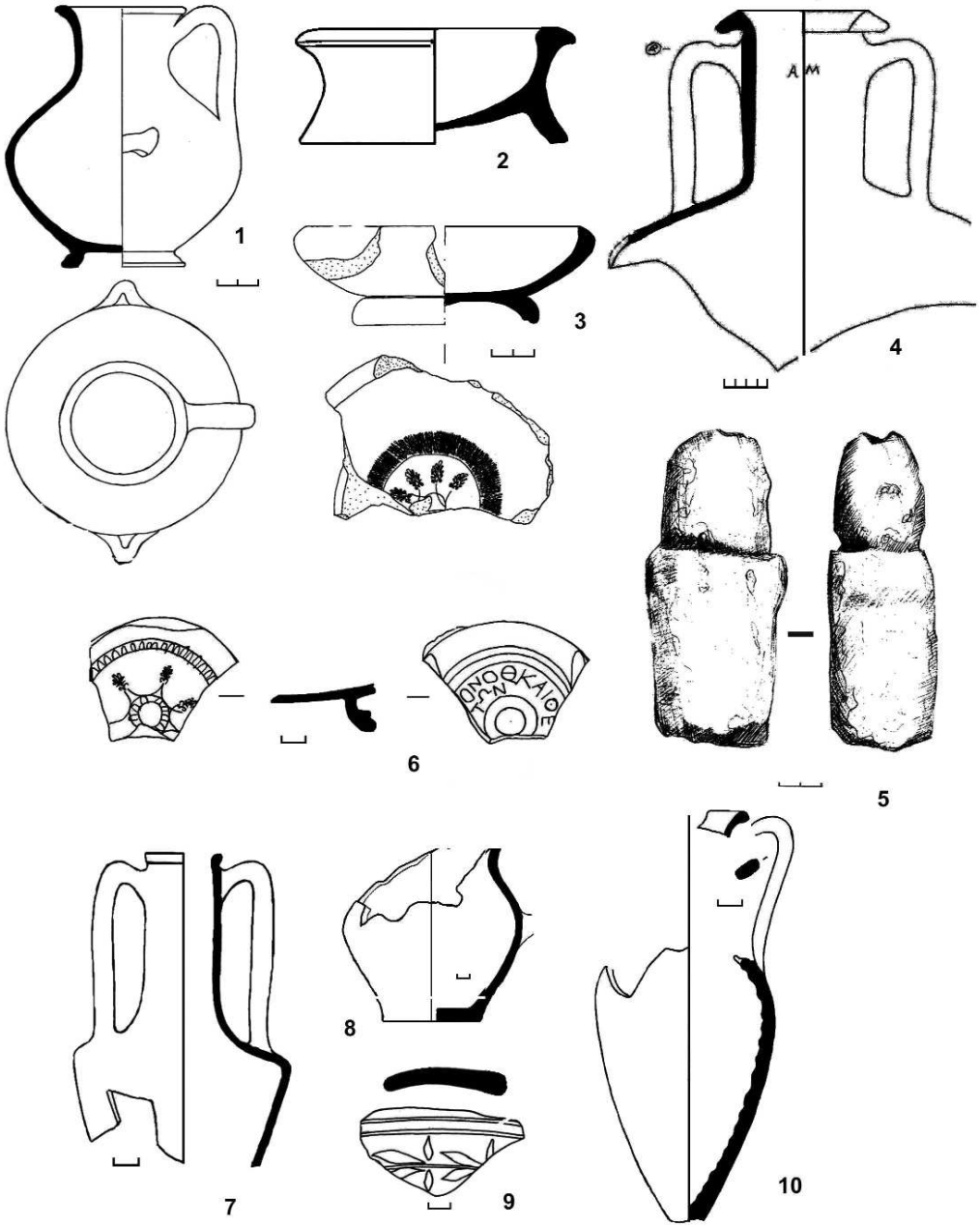


Рис. 144. 1 – 5 – Жевахова гора; 6–10 – Приморский бульвар

Добролюбский, Губарь, Красножон 2002: 94–121; 2004; 2005: 172–178; Диамант 1976: 104–212; Охотников, Редина 2009).

В 2008 г. небольшие археологические работы в юго-западной части Приморского бульвара позволили открыть фрагменты жилых построек, печь, хозяйственные и культовые ямы конца V–IV вв. до н.э. и отдельные керамические материалы конца VI – начала V в. до н.э. Под одной из кладок последнего строительного периода находился фундамент более древнего строения, с выгороженным каменным ящиком, перекрытым плитой. Одна из ям была заполнена виноградными улитками и крупными камнями, среди которых находилась каменная заготовка под якорь. Наиболее интересной оказалась культовая яма цилиндрической формы, на дне которой, в золистом слое, находились два каменных корытообразных «алтаря» из ракушечника. Внутри чаши одного из них находилась челюсть собаки, ребро крупного животного, мелкие камешки, фрагменты амфор, кусочки обожженной глины, угольки. В углублении второго «алтаря» сохранились: фрагмент амфорной стенки, ребро крупного рогатого животного и куриная кость (рис. 142, 2–3).

Керамический материал поселения представлен многочисленными обломками амфор, лепной (скифоидного и в меньшей степени фракийского облика) и гончарной посудой. Чернолаковая керамика немногочисленна, в основном это обломки киликов, один из которых с двухстрочным граффити. Найдены бронзовые и костяные наконечники стрел, свинцовая ворварка, каменные намотки и грузила (рис. 144, 6–10).

Рядом с поселением находился некрополь, сведения о котором мы имеем только благодаря случайным находкам, получившим отражение в периодических изданиях «Одесского вестника» и «Отечественных записках», чаще всего подписанных И.П. Бларамбергом и И.А. Стемпковским, а также в работах И.А. Стемковского (Стемпковский 1826: 161). Можно предположить существование грунтового некрополя, расположенного к западу от поселения, и курганного, вытянутого в степь от современной Греческой площади в юго-западном направлении, вдоль морского побережья. Курганы маркировали одну из сухопутных дорог, идущую в юго-западном направлении, в сторону Днестра.

Сохранились краткие упоминания о разрушенных курганах в районе современной Греческой площади (Стемпковский 1826: 2; Константинов, Незвахин 1992: 6–7), возле лютеранской церкви где отмечены погребения с гончарным кувшином, железным мечом, бронзовыми украшениями и бусами. Одно из погребений было совершено в земляном склепе (Стемпковский 1826: 263–265; Тункина 2002: 131).

О грунтовом некрополе можно судить по сохранившейся информации о 17 разрушенных могилах. Более древняя его часть, конца VI–V вв. до н.э. находилась в районе пересечения современного Приморского бульвара и переулка Чайковского (бывший дом Делявоза), где обнаружены погребения с чернофигурной керамикой. К западу и юго-западу от него располагались погребения конца V–III вв. до н.э. Отмечен культурный слой могильника, в виде амфорных фрагментов (тризна) (Добролюбский, Красножон 2002: 18–24; Добролюбский 2004: 42–65).

Сведения дошедшие через немногочисленные источники позволяют говорить, что погребальные традиции населения, проживавшего на поселении «Приморский Бульвар» носили греческий характер. Умерших хоронили в простых ямах и ямах с подбоями. Практически повсеместно отмечено применение местного камня известняка в могильных перекрытиях и закладах (Стемпковский 1826: 160; 1827: 454).

Находки, при строительстве одного из домов, фрагментов мрамора свидетельствуют о использовании на некрополе каменных надгробий (ЖМНП 1850: 82–83).

Практиковался обряд трупоположения, иногда использовались гробовища. В нескольких случаях погребения были парными (Отечественные записки 1826: 142). Известно применение в погребальной практике трупосожжений, когда прах был помещен в амфору. Исключительно греческим был и состав погребального инвентаря. К сожалению, материал из захоронений, кроме одной существующей и одной сохранившейся в рисунке пелики, а также нескольких амфорных клейм, не сохранился. Однако по описаниям он состоял из традиционных наборов греческой посуды. В погребениях присутствовали амфоры, некоторые с клеймами, лекифы, пелики, килики, сероглиняные кувшины (Стемпковский 1826: 12; Стемпковский 1827: 453; Придик 1917: 122, № 65). Из чернофигурной посуды известны находки трех лекифов и килика (Стемковский 1827: 440–456; «Одесский вестник» № 28 за 1826 год; № 13 за 1827). На одном из лекифов, по описанию, была изображена сцена с театральным сюжетом из трагедии о Лаэрте и Пенелопе (Стемпковский 1827: 456). Краснофигурные сосуды представлены поздней боспорской и аттической пеликами и лекифами. На лицевой стороне одной из пелик изображена женская голова и протома грифона, на оборотной – две мужские фигуры в гиматиях (Диамант 1976: 206; Стемпковский 1827: 442; Уваров 1853: табл. XXIX). Другая, принадлежащая аттическому производству, имела композицию с изображением лутерия и четырех обнаженных женских фигур, совершающих обряд омовения (хранится в ОАМ). С оборотной стороны сосуда расположены три мужские фигуры, закутанные в длинные плащи. По сюжету и стилю изображения пелика близка к работам «Мастера купающихся женщин» и датируется третьей четвертью V в. до н.э. (Beazley 1941: 745; Диамант 1976: 207–208). Среди краснофигурных сосудов следует отметить лекиф с изображением крылатого гения, держащего в руках открытую шкатулку (Стемпковский 1827: 442). Найдены также фрагменты чернолаковых ваз с рельефным декором III в. до н.э. (Стемпковский 1827: 455).

Можно предположить существование на Приморском бульваре двух разновременных памятников. Первый просуществовал со второй половины VI – до начала V в. до н.э.; второй, расположенный к юго-западу от архаического поселка, – с середины V в. до н.э. – до середины III в. до н.э. (возможно и позже). Пока нет оснований утверждать, что жизнь на памятнике продолжалась без перерыва с конца VI до III в. до н.э. Позднеархаическое поселение, вероятно, повторило судьбу архаических поселений Северо-Западного Причерноморья, прекратив свое существование в начале V в. до н.э. (Редина 2002: 70–78).

КОШАРЫ

Античное поселение Кошары расположено на высоком, западном берегу Тилигульского лимана, на расстоянии 3 км к югу от села Кошары и 0,5 км от береговой линии Черного моря. Памятник открыт экспедицией Института археологии Украины под руководством Л.М. Славина в 1950 г. (Славин 1955: 127–150). В 1954 году Э.А. Сымонович избрал Кошарское поселение объектом своего исследования, высказав мысль об отождествлении его с древним Одессосом (Сымонович 1954: 146–150), упомянутым античными авторами: Ορδησος – у Плиния (Plin. NH. IV. 82) и Птолемея (Ptol. Geogr. III. 5, 14), или Οδησσος у Арриана и Анонимного автора Перипла (ps. Arr. Peripl. 87. (31–32)). По их указанию этот пункт находился в 80 стадиях от острова, около реки Аксиак и имел гавань (portus – по Плинию) или просто бухту (’ορμοζ – по Арриану). Тем не менее, вопрос о его отождествлении с Кошарским городищем остается открытым (Редина 2006: 182–186).

С 1968 г. на памятнике проводились систематические работы под руководством Э.И. Диаманта (Диамант 1969: 276–279; 1972: 190–193), а впоследствии Э.А. Левиной (Левина 1988: 254–255; 1993а: 62) и Е.Ф. Рединой (Левина, Редина 1989: 128–129; 1989а: 117–118). С 1998 по 2007 гг. исследования осуществлялись украинско-польской экспедицией (Chochorowski, Papuci-Wladyka, Redina 1999: 55–63; 2000: 185–202; Redina, Chochorowski 2001: 139–154; Papuci-Wladyka, Chochorowski, Redina 2004: 243–265; Редина 2004: 97–105; Papuci-Wladyka, Redina, Chochorowski, Bodzek, Machowski 2006: 354–374; Papuci-Wladyka, Redina, Bodzek, Machowski 2006: 109–113; 2007: 64–67; Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски 2008: 143–160; Papuci-Wladyka, Redina 2007; 2007a; 2011: 283–297).[1]

Античное Кошарское поселение и его некрополь расположены в зоне древнего курганного могильника V–IV тыс. до н.э., который был отмечен на картах еще в начале XIX в. (Уваров 1856: 143; Стемпковский 1826а: 33–35; Сымонович 1962а: 176–178; 1954: 152; Иванова, Островерхов, Петренко 2004: 193–194).

По структуре археологический комплекс Кошары относится к типу поселений – агломераций, включающих в себя разнотипные памятники. Это укрепленная часть – цитадель, предместье с отдельными усадьбами, культовый зольник и некрополь (рис. 140). Кроме того, оно имело стационарные пастушьи стоянки, одна из которых зафиксирована на краю высокого берега лимана, в 2 км к северо-востоку от поселка. Возможно, существовала и портовая часть поселения. По данным аэрофотосъемки вокруг поселения прослежены сельскохозяйственные наделы и древние дороги (Бруяко, Назарова, Петренко 1991: 37–44).

Поселок был спланирован с учетом рельефа местности и окружающего ландшафта. С востока – юго-востока он был ограничен крутым спуском в сторону лимана, с юга – юго-запада – глубокой, водоносной в древности, балкой, впадающей в лиман. На дне и по склону этой балки отмечены следы древних разработок камня,

[1] Исследование памятника проводилось на всех составляющих его объектах. На городище и предместье вскрыто более 1200 м^2, на зольнике и прилегающей к нему территории 350 м^2, на могильнике более 7000 м^2.

который использовался при строительстве поселения. Еще одна неглубокая балка закрывала поселок с севера. Западная сторона природных границ не имела.

Близкие по структуре памятники этого периода известны на сельской округе Ольвии (Крыжицкийи и др. 1989: 101–104), в Северо-Западном Крыму (Щеглов 1978: 54), на Европейском Боспоре (Масленников 1998: 69–84).

Центральная часть поселка – цитадель, размещалась на возвышенном, относительно ровном участке, занимала площадь около 0,8 га и была окружена оборонительными сооружениями.[1] К сожалению, данных для полной реконструкции линии обороны пока недостаточно. По имеющимся данным цитадель в плане имела форму прямоугольника, длинная западная сторона которого была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. На краю балки, закрывавшей поселок с севера, стена поворачивала под прямым углом в сторону лимана. Здесь зафиксированы остатки прямоугольной башни. К югу, на расстоянии около 20 м, от северо-западного угла оборонительной стены, располагался один из входов в цитадель. Система обороны состояла из вала (?), крепостной стены и двух рвов (возможно разновременных), расположенных с напольной стороны. Стена имела каменный цоколь шириной 1,2–2 м, возведенный в технике однорядной, постелистой, трехслойной, двухлицевой кладки. Верхние части стены могли быть каменно-глинобитные либо сырцовые. Постройка фортификационных сооружений, вероятно, относится к середине IV в. до н.э.

Среди сельских поселений хоры Ольвии этого периода фортификационных сооружений не зафиксировано. Пока они известны только в районе Нижнего Поднепровья на поселении Глубокая Пристань (Былкова 2007: 29). Для ольвийской хоры этого периода наиболее характерны большие, укрепленные, отдельно стоящие усадьбы с элементами фортификации (мощные внешние стены) (Дидова хата, Козырка, Кателино, Прибугское и т.д.), возникшие в последней трети IV в. до н.э. (Буйских 1986: 22–23; Крыжицкий и др. 1989: 100).

На поселении выделяются ***три строительных периода***, которые условно отражают основные этапы жизни памятника с конца V – до середины III вв. до н.э. В центральной части городища встречены единичные фрагменты керамики конца VI в. до н.э.

Первый этап относится к концу V – первой половине IV в. до н.э. и характеризуется земляночными и наземными постройками. Этим же временем датируется и часть хозяйственных ям, большинство из которых использовалось для хранения зерна.

Землянки и полуземлянки имели округлую и квадратную в плане форму. Стены облицовывались камнем и сырцовым кирпичом. Отмечены материковые ступени, следы деревянных лестниц, ниши, перегородки из сырцовых кирпичей, круговые лежанки. Для поддержки перекрытий применялись столбовые конструкции. Наземные каменные сооружения первого периода не сохранились, но иногда прослеживаются остатки ранних фундаментов, использованных при возведении построек более позднего времени. В центральной части городища исследован каменный подвал (2,5 х 3 м, при глубине 1,6 м), построенный из хорошо обработанных каменных блоков.

---

[1] Мощность культурного слоя на городище составляет от 0,5 до 1,5 м, без учета впущенных в материк комплексов.

Около середины – третьей четверти IV в. до н.э., после сооружения линии обороны, территория городища была подвергнута перепланировке. Ранние земляные сооружения засыпаны и утрамбованы. В некоторых случаях для этой цели использовались заполнения из чередующихся слоев золы и глины, что давало возможность возведения над ними новых построек. Глубокие хозяйственные ямы, пришедшие в негодность, забивались камнем и глиной. Иногда, со дна ям, возводились каменные подпорки в виде кладок, для укрепления стен новых строений. Для этого периода характерны многокамерные дома, с жилыми и хозяйственными постройками, внутренними двориками, однако продолжают существовать и землянки. Территория «цитадели» приобретает типично городскую планировку, с наземными сырцово-каменными зданиями, разделенными улицами, шириной до 2 м, главные из которых вели в сторону лимана. Исследовано несколько домов, расположенных в центральной и северной части городища. В пол одного из помещений были вкопаны шесть пифосов; на венцах трех из них располагались цифровые метки, с информацией о емкости сосуда и монограммы.

К концу IV в. до н.э. оборонительная стена перестает выполнять свою основную функцию. Вдоль нее, с внутренней стороны, пристраиваются многокамерные сырцово-каменные дома с площадью отдельных помещений от 7,5 до 15 м. Стены возводились на каменных фундаментах, сложенных по рядовой однорядной системе с нарушением регулярности. Некоторые дома имели черепичные покрытия, хотя в основном крыши сооружались из тростника. Отмечены глиняные полы со следами неоднократной подмазки. Некоторые постройки имели помещения хозяйственного (кладовые) и производственного назначения. В одном из производственных помещений находилась мастерская, в которой были найдены шлаки и литейная форма (табл. 18, 3).

На территории городища открыты хозяйственные ямы различных хронологических периодов, расположенные как внутри помещений, так и за их пределами. Основная их часть первоначально использовалась для хранения зерна и припасов.

Предместье, площадью около 1,2 га, находилось за стенами цитадели, вдоль южной балки, а возможно занимало и территорию к северу от нее. Оно состояло из отдельно стоявших индивидуальных усадьб, из которых частично исследована только одна. Она представляла собой памятник периметрального типа, где ряд помещений располагался вокруг двора, образовывая замкнутую фигуру (Крыжицкий и др. 1989: 121–124). Помещения небольшие, с сырцово-каменными стенами. Внутренний дворик вымощен плоскими каменными плитами. В центре двора находилась почти цилиндрическая в разрезе яма, глубиной 1,35 м, прикрытая каменной крышкой. Вход в дом располагался со стороны балки, с юга. Под камнями вымостки входа, была обнаружена неглубокая ямка, с крупными фрагментами гераклейской амфоры, которая играла роль закладного жертвоприношения. К западу от жилой постройки размещалась яма-зернохранилище. В северо-восточной части усадьбы располагался хозяйственный комплекс, состоящий из печки, загородок и хозяйственных ям, перекрывших более раннюю, сгоревшую от пожара землянку прямоугольной формы. Возможно, с северной стороны усадьба имела ограду.

Культовый зольник – жертвенник, открытого типа, находился на южной окраине поселения. При его сооружении были перекрыты две землянки и несколько ям. Зольник представлял собой овальный холм диаметром 20–30 м с мощностью напластований до 2,5 м. Его возвели на специально подготовленной площадке, состоящей из тончайших прослоек дробленных раковин, песка и известняковой крошки.

Структура зольника состояла из многочисленных суглинистых и серо-золистых слоев. Эти слои чередовались прослойками чистой золы и глины Отмечено наличие двух первоначальных насыпей, впоследствии перекрытых одной общей (Носова 2002: 63–68; 2004: 100–119; 2005: 201–206; 2007: 69–79; 2008: 114–136). Среди многочисленных напластований выделяются разные по хронологии участки, связанные с непродолжительными обрядовыми действиями. Они имели вид небольших загородок из камней, локальных пятен золы, небольших углублений и утрамбованных площадок.

В южной части насыпи находился глинобитный 4-ступенчатый прямоугольный жертвенник – алтарь, сооруженный из сырцовых кирпичей или вальков и окруженный вертикально стоящими камнями. Алтарь располагался над прямоугольной культовой землянкой, заполненной золистым грунтом и невыразительными обломками керамики. Поверх заполнения землянки была сооружена площадка из нескольких слоев глины с фрагментами посуды и обожженными камнями в замесе, которая и являлась основанием алтаря. Все сооружение сильно обожжено. Размеры алтаря соответствовали размерам внутренней части землянки 1,65 х 2,05 м (землянка имела материковый уступ по периметру, а ее внешний контур составлял 2,9 х 2,6 м). Вокруг алтаря отмечены утрамбованные локальные площадки со слоями гальки, костей рыб, раковин мидий и керамики. С восточной стороны алтаря в слое заполнения найдена часть терракотовой статуэтки, изображающей сидящую пожилую женщину с прялкой (Мойру) (рис. 146, 1). С северной и восточной сторон, у основания алтаря сохранились горловины амфор, установленные вертикально, предназначенные для возлияний. С запада к комплексу примыкала яма, заполненная золистым грунтом и остатками жертвоприношения (кости козы или овцы). Земляные алтари известны на некоторых античных памятниках Причерноморья. Так, остатки простого земляного алтаря были обнаружены на зольнике святилища Ахилла на Тендре (Русяева 2007: 98–99).

На зольнике помимо массового керамического материала отмечено присутствие вотивных предметов в виде глиняных хлебцов, моделей зерен, зооморфных и антропоморфных небольших камней естественного происхождения, предметов связанных с ремеслом и промыслами (Коцура 2008: 104), а также находки фрагментов терракот и свинцовой отливки с изображением сцены терзания (Иванова, Островерхов, Петренко 2004: рис. 3), что характерно для культовых мест. На основании анализа керамических материалов и нумизматических находок, зольник мог функционировать со второй четверти IV – до первой четверти III в. до н.э. Это подтверждается и находкой возле алтаря бронзовой монеты Тиры конца IV – начала III вв. до н.э. (Bodzek 2008: 17, fig. 6).

Некрополь располагался на расстоянии 300 м к северо-западу от городища, вдоль верхней террасы правого берега Тилигульского лимана. Его площадь составляет более 15 га. Он представлял собой совокупность погребальных и культовых поминальных комплексов (исследовано 270 античных погребений и поминальных объектов).

Согласно античной традиции расположение некрополя относительно города или поселения регламентировалось определенными правилами. Это отразилось и на формировании Кошарского некрополя. Выделенная гражданской общиной сакральная территория согласовывалась с топографией местности и вписывалась в систему древних курганов (Русяева 1996: 69). Возможно один из наиболее крупных курганов (эпохи бронзы?), ограничивал античный могильник с севера, являясь

дозорным пунктом по дороге к поселку (Редина 2007: 95–99). Близкая топография была характерна и для некрополя Ольвии (Козуб 1984: 157). Планировка античного некрополя изначально была системной. Формирование участков зависело от социального статуса погребенного. На могильнике зафиксирована рядность могил, концентрация погребений вокруг небольших курганов, выделение отдельных семейных, детских и воинских участков. Пока исследовано только три кургана относящихся к античному времени, остальные погребения принадлежат грунтовому некрополю.

Погребальные сооружения Кошарского некрополя представляют собой различные типы конструкций с ингумацией: подбои, земляные склепы, простые могилы, каменные ящики и сырцовые гробницы (рис. 145). Исследовано два комплекса с кремацией. Самым распространенным типом погребальных сооружений являлись подбойные могилы, которые имели прямоугольные входные колодцы с боковыми нишами в длинной, преимущественно северной стене, с закладами из камня и сырцовых кирпичей и различными приемами их возведения. Встречаются и комбинированные заклады. Иногда в закладах использовались каменные алтари и надгробия. В подбоях преимущественно совершались индивидуальные погребения. В единичных случаях отмечены парные захоронения, погребения матерей с детьми, кормилицы с ребенком и погребения нескольких детей, при обряде подзахоронения (табл. 18, 5). Время появления подбойных могил на некрополе Кошар – начало IV в. до н.э. Они существуют на протяжении всей жизни поселка до середины III в. до н.э. Аналогичные сооружения в Ольвии появляются уже во второй половине VI – начале V вв. до н.э. (Козуб 1987: 33) и продолжают активно применяться до середины III в. до н.э. (Козуб 1974: 12). На ольвийской хоре этот тип погребений появляется во второй четверти-середине IV в. до н.э. (Снитко 2009: 28). Близкая ситуация характерна и для Северо-Западного Крыма (некрополь поселения Панское) (Рогов, Щеглов 1985: 86–88). Наряду с подбоями ближе к середине IV в. до н.э. появляются земляные склепы. Отличительной чертой большинства кошарских склепов является применение вместо длинного дромоса (коридора), характерного для некрополя Ольвии и ее хоры, входной ямы прямоугольной или трапециевидной формы типологически близкой к скифским катакомбам. Только в двух случаях отмечен дромосный вход в камеру. Спуск в камеру оформлялся несколькими широкими ступенями и как исключение, угловой земляной лестницей. Вход в могилу арочной формы перекрывался каменным или сырцовым закладом. Как и в подбойных могилах, в закладах встречались антропоморфные надгробия и алтари. Отмечены одиночные и парные захоронения. В одном случае выявлены два входных колодца, расположенные с двух сторон от камеры. Появление склепов связано с зарождением обычая хоронить родственников в семейных усыпальницах. Подтверждением этого могут служить склепы, где отмечены следы подзахоронений.

Наиболее ранние погребения в склепах известны в Ольвии с рубежа V–IV в. до н.э. Со второй половины IV в. до н.э. их число увеличивается, а к III в. до н.э. достигает 50% (Козуб 1974: 15–17). На поселениях хоры земляные склепы встречаются не на всех могильниках (Снитко 2009: 30).

Количество погребений в простых грунтовых ямах незначительно. Среди могил этого типа выделяется компактно расположенная группа, в основном мужских погребений, в неглубоких узких ямах, которые содержали от одного до двух и более погребенных, уложенных друг на друга. Часть из них не имели сопровождающего инвентаря. В некоторых захоронениях он состоял из нескольких бронзовых

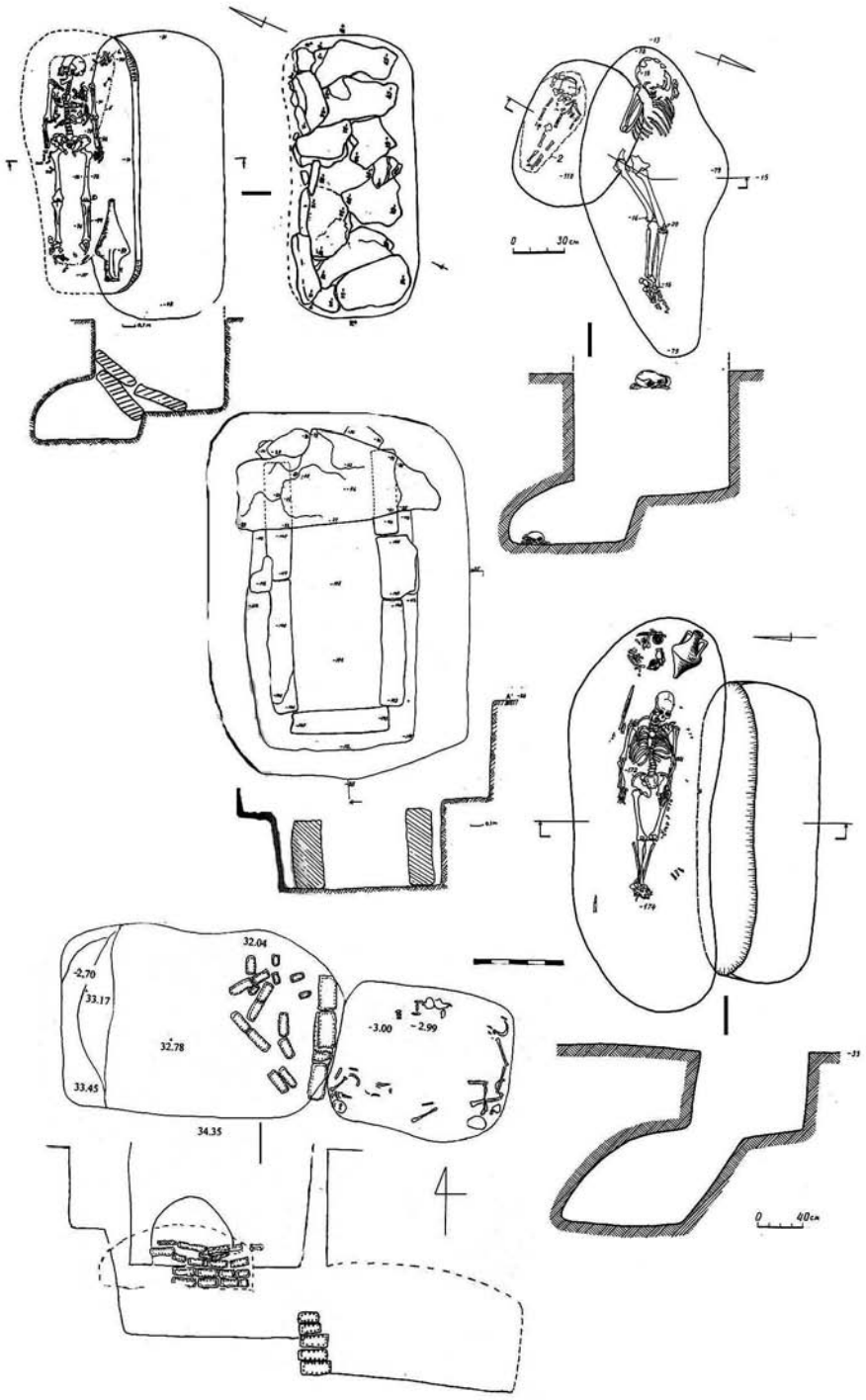


Рис. 145. Типы погребальных сооружений некрополя поселения у с. Кошары

наконечников стрел. Можно допустить, что погребения на данном участке некрополя связанны с каким-то военным событием, например с походом армии Зопириона на Ольвию.

Редкими формами погребальных сооружений являются каменная и сырцовая гробницы. Первая представляла собой плитовую гробницу, сооруженную из массивных, хорошо обработанных плит плотного известняка, тщательно подогнанных друг к другу и перекрытых одной (сохранившейся после ограбления) большой плитой над изголовьем. Вторая – в виде прямоугольной ямы, с уступами по периметру, облицованная и перекрытая сырцовыми кирпичами, которые вероятно, были положены сверху на деревянную основу.

Обряд кремации представлен двумя видами: сожжением на стороне, с дальнейшим захоронением праха и сожжением на специальном участке – «точке», который сохранился в виде округлого в плане пятна, насыщенного золой, с пережженными костями животных и деревянными плахами. Сожжение происходило на многоярусном деревянном помосте. После завершения обряда костер был погашен. Прах умершего был собран в сероглиняную урну-амфору, а сопровождающий его инвентарь (бронзовые и костяные наконечники стрел, наконечник копья, сероглиняный сосуд и амфора) размещен на еще тлеющем кострище и присыпан землей. Сама же урна была опущена в углубление за каменной кладкой – алтарем, рядом с местом сожжения (рис. 146, 5). Обряд кремации занимал значительное место в погребениях Боспора (Сударев 2004: 208–219), где основное число погребений приходится на IV – начало III вв. до н.э. Известен он в Ольвии и на Березани. В некрополях хоры Ольвии погребений с сожжениями не выявлено (Снитко 2009: 30).

В погребальной практике преобладала восточная ориентировка, обычная для греческих некрополей. Южная отмечена в единичных случаях. Значительный процент погребений с западной ориентировкой. Соблюдение погребальных традиций кочевых скифов в одном из курганов (наличие рва, имеющего проходы с запада и востока, тризна), свидетельствует о присутствии среди погребенных на некрополе скифского этнического компонента. К скифским погребальным традициям можно отнести наличие в некоторых захоронениях у головы умершего напутственной пищи в виде костей мелкого рогатого скота, которые находились на рыбных блюдах либо деревянных подносах с обязательным наличием ножа. Вокруг скифского кургана, с соблюдением сакральной зоны, располагались могилы с различными типами погребальных сооружений, свидетельствующие об определенном социальном статусе погребенного в кургане (Chochorowski 2008: 25–43).

Присутствие на некрополе скифского этнического компонента подтверждается и антропологическими исследованиями (Kaszanjwski, Kosydarski, Niedzwiecka 2008: 52–61).

Умерших хоронили лежа на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Встречаются скорченные и положенные на бок, но они составляют небольшой процент, как и на поселениях хоры Ольвии (Снытко, Лобко 2008: 88–93). Отмечены следы тростниковых циновок, подстилок из войлока и морской травы. На дне некоторых склепов фиксировались по две пары округлых углублений, которые свидетельствуют о наличии саркофагов. В двух случаях были обнаружены деревянные гробы трапециевидной формы, собранные в шип.

Погребальный ритуал предусматривал помещение в могилы определенных предметов: сосуды для жидкости (амфоры, кувшины); сосуды для питья (килики,

канфары); сосуды для ароматического масла (лекифы, алабастры). В некоторых погребениях находились миски, солонки, рыбные блюда. Оружие представлено наконечниками стрел, в редких случаях – копьями и кинжалом. Присутствуют предметы быта и украшения: лепные пряслица, зеркала, ножи с костяными ручками, бусы, ожерелья, браслеты, перстни, серьги, подвески (табл. 18, 4). Среди погребального инвентаря выделяются предметы, связанные с магией и культами. Это костяные резные подвески – амулеты в виде цикады и миниатюрного костяного двухстороннего гребня, найденные в составе ожерелья детского погребения (Laczek 2008: 111–119, pl. 17–18). Цикаду считали символом бессмертия, спутницей человеческой души, которая уходит в потусторонний мир. Фигурки в форме цикад, изготовленные из различных материалов (глины, кости, золота), было принято класть умершим в могилу. Костяные гребни оставляли как дары за исцеление в святилищах, в основном женских божеств. Аналогичные костяные амулеты входили в ожерелье детского погребения некрополя Абдеры (Papaikonomou 2006: 239–249, pl 36,2). Встречены они и в некрополях Северного Причерноморья, в частности в Ольвии (Леви 1956: 53–86).

Сакральные функции выполняли костяные астрагалы. Они обнаружены в мужских и детских захоронениях, где играли роль игрушек и предметов, связанных с гаданием или отправлением хтонических культов (Рыбакова 2007: 79–85). К этой группе находок относятся: составное резное костяное веретено (Диамант 1984а: 117–119) и терракотовая статуэтка сидящей на троне Деметры из детского погребения, что подтверждает распространение среди населения поселка элевсинских культов (Русяева 2005: 316–367).

Места захоронений отмечались на поверхности отдельными каменными кладками, а при неглубоких подбоях – выступающими над поверхностью каменными закладами. В виде надмогильных сооружений использовались надгробия в форме обелисков – прямоугольных и антропоморфных плит. Их находки отмечены только в закладах могил (Диамант 1972: 221–223). Существовали и мраморные надгробия. Хорошо сохранилась часть мраморного надгробия первой половины – середины III в. до н.э., украшенное фронтоном с акротериями и сохранившимся именем погребенного. Оно принадлежало Леофанту сыну Нанниона (Диамант 1989: 25). В закладах ряда могил найдены и составные алтари-надгробия. Их нижняя часть – каменный монолитный алтарь с чашей и желобком-стоком, имеющий дополнительно паз, в который вставлялась антропоморфная стела-герма. Обычай помещения надгробных памятников и алтарей в заклады могил зафиксирован на некрополях Ольвии (Папанова 1997: 112) и ее хоры (Снитко 2009: 31), а также на Боспоре, в частности, в Нимфее (Молева 1999: 315–328). Место их находок позволяет предположить, что их изготавливали на время совершения погребальной церемонии, а затем использовали ко времени проведения при возведении заклада, отделяющего мир живых от мира мертвых.

Неотъемлемой частью погребального ритуала являлись поминальные обряды – жертвоприношения и возлияния, характерные для погребальной практики античного населения Северного Причерноморья (Папанова 1997а: 156–161). Поминальный обряд совершали над могилой либо рядом на специально отведенном месте. При этом определенная роль отводилась погребально-поминальным эсхарам (частным и общественным). Среди них встречаются как простые сооружения в виде вкопанных вертикально горловин амфор, которые использовались как ηεσχαρα –χοη, так и сложные. Использование амфор в поминальных культах, как и другой

посуды, было достаточно распространенным явлением (Тульпе 1999: 38–343). Над могилами иногда фиксировались неглубокие ямы, содержавшие битую посуду, реже – части туш животных. Ямы-ботросы с остатками поминальной пищи и обломками керамики, отмечены на некрополях Ольвии и ее хоры, а также на некрополе Березани (Штерн 1904а: 48).

Более сложные поминальные сооружения представлены: каменными загородками; земляными чашеобразными углублениями, наполненными битой посудой и костями животных; жертвенной площадкой с алтарем, сложенным из камня в виде столика, с вкопанными рядом горловинами амфор. Близкие типологически жертвенники – тризницы известны в Ольвии и на архаическом некрополе Березани (Лапин 1966: 118–119; Папанова 2006: 195 и сл.). На тризницах помимо возлияний богам подземного царства совершались очистительные обряды с использованием огня и воды. Многие из них не были связаны с конкретным погребением, а выполняли роль общественного или семейного поминального жертвенника (Думберг 1894: 16). Наличие общественных ηεσχαρα –χοη отмечено на многих боспорских некрополях (Хршановский 2000: 242). Примечательно, что на кошарском некрополе некоторые чашеобразные земляные алтари – тризницы под пережженным слоем заполнения, имели ритуальные человеческие захоронения.

Исключительно греческим является обряд Харона. Он зафиксирован в пяти погребениях сосредоточенных на одном из участков могильника. Монеты найдены как в погребениях взрослых, так и детей.

Погребальный обряд, который прослеживается на Кошарском некрополе, аналогичен погребальным традициям, принятым в античных городах и на сельских поселениях их хоры. Он отражает стабильность древнегреческих верований населения поселка на протяжении более чем 100 лет (с начала IV до середины III вв. до н.э.). Определенный процент могил, содержащих скифские элементы и выделенный антропологический тип, связанный с кочевым населением степи, позволяет говорить об определенном проценте скифов в составе жителей поселка.

Материальная культура Кошарского поселения представлена различными категориями. Среди керамического комплекса на первом месте находится амфорный материал, происходящий из различных античных центров: Гераклеи Понтийской, Фасоса, Хиоса, Менде, Синопы, Херсонеса, реже из Книда и Коса (Левина 1993: 78–79; Papuci-Wladyka, Kokorzhitskaia 2002: 313–324; Redina, Mateevici 2007: 299; 2008: 245–252). Поступление амфор с конца V – до середины III вв. до н.э. позволяет говорить о торговых операциях жителей поселка на протяжении всего этого времени. Значительное место в керамическом комплексе занимает лепная керамика, которая без учета амфорных обломков, составляет около 60%. Среди лепной керамики преобладающей является посуда скифского облика. Известны лепные сосуды, подражающие античным формам. Присутствует и гетская керамика (Левина 1990: 47–49). Среди столовой гончарной посуды выделяется красноглиняная и сероглиняная: кувшины, миски, рыбные блюда, лекифы. Кухонную и бытовую керамику представляют кастрюли, пифосы и лутерии. Чернолаковая и краснофигурная посуда занимает не более 5%. Целые формы встречаются, в основном, на некрополе. Состав чернолаковой посуды обычен для памятников этого времени (рис. 147). В основном это массовая продукция аттических мастерских (Редина, Папуци-Владыка, Стельмах 2008: 311–319). Среди расписных сосудов выделяется краснофигурный кратер, который является образцом аттической вазовой живописи «керченского» стиля середины IV в. до н.э. (Левина 1990а: 130–134).

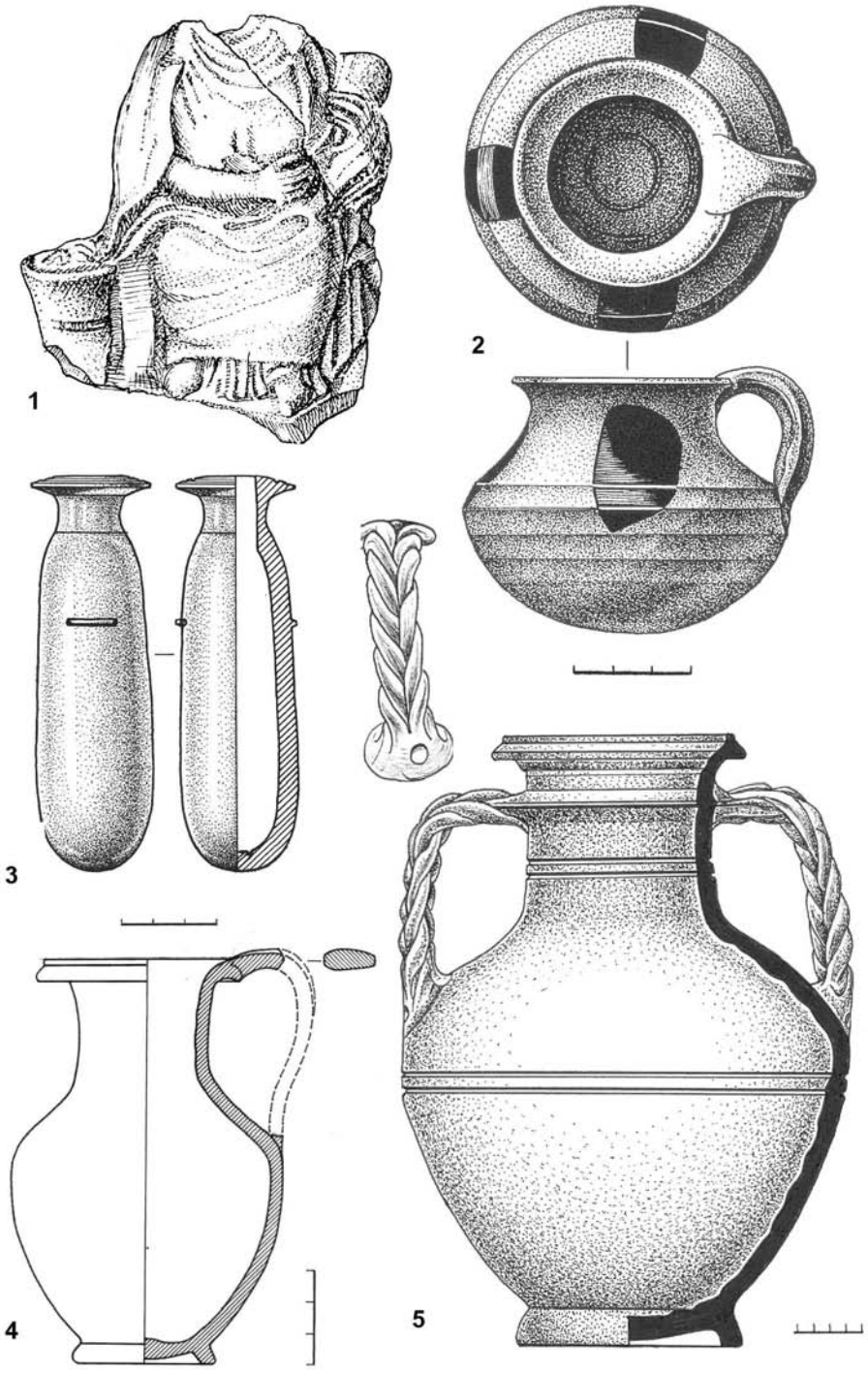


Рис. 146. Археологический комплекс у с. Кошары. 1 – терракота (зольник); 2–5 сосуды из погребений некрополя

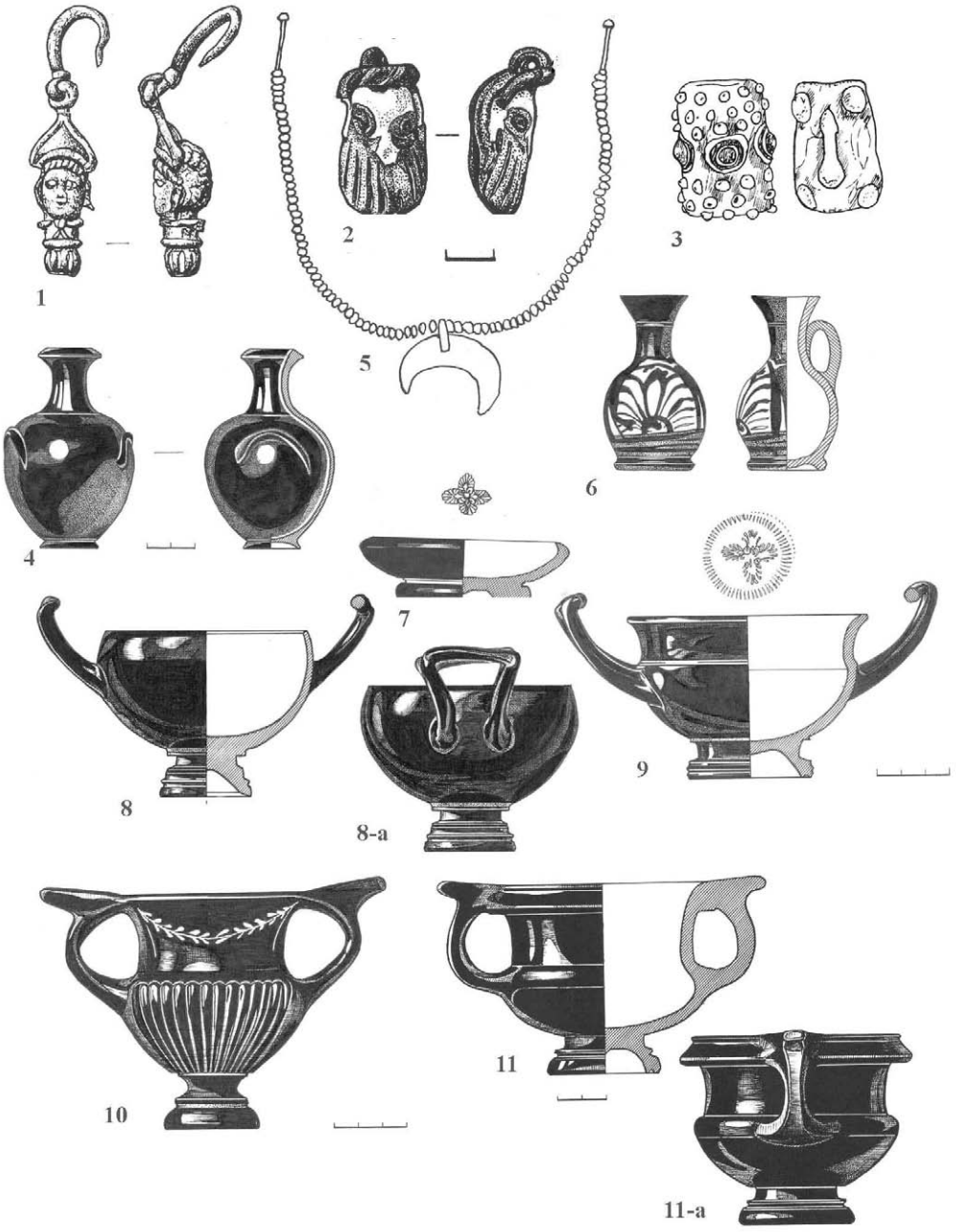


Рис. 147. Археологический комплекс у с. Кошары. Украшения и чернолаковая посуда из погребений некрополя

Терракоты представлены небольшим числом. Это статуэтка Геракла, найденная в заполнении культовой ямы на городище (табл. 18, 2), сидящая на троне богиня – Деметра, из детского погребения и статуэтка Мойры Клото из зольника (рис. 146, 1). Остальные фрагменты в основном принадлежат кругу изображений Деметры и Коры.

Редкой находкой является литейная форма середины V в. до н.э., изготовленная из ручки амфоры, с негативом изображения головы вепря с одной стороны и крестовидного украшения – с другой (табл. 18, 3) (Левина, Островерхов, Редина 1993: 86–90).

Большое значение для датировки и решения многих принципиально важных вопросов политической истории памятника, имеют находки монет (Сымонович 1962а: 105; Диамант 1978: 199–247; Левина, Столярик 1991: 51–54), основное число которых принадлежит Ольвии (48 экземпляров). Самую многочисленную группу составляют так называемые «борисфены» (68%). Более редки монеты типа «голова Деметры / орел на дельфине», «голова Аполлона / дельфин и колос» и «голова Тихе / стрелок из лука». По одному экземпляру найдены монеты Тиры и Истрии «колесико» (Bodzek 2008: 13–22). Редкой находкой является литой асс с головой Деметры (Бодзек 2008: 53–55). Монеты представлены только бронзовыми номиналами. Они появляются на памятнике со второй половины IV в. до н.э., причем большинство из них приходится на последнюю четверть IV – первую половину III в. до н.э.

* * *

Таким образом, первые древнегреческие поселения на территории Одесского залива и прилегающего региона появились в конце VI в. до. н.э, что значительно позднее поселений сельской округи Ольвии, возникших в пределах первой четверти VI в. до н.э. (Буйских, Буйских 2009: 58). Большинство памятников относится к концу V – первой половине III вв. до н.э. Это время нового этапа в расселении греческих колонистов. Поселения Одесского залива располагались на высоких мысах морского побережья или по берегам лиманов при впадении их в море. Основным типом населенного пункта в начальный период было неукрепленное поселение с земляночными жилыми и хозяйственными структурами. В период расцвета – это поселения, реже городища, с развитым безордерным наземным каменно-сырцовым домостроительством (Крыжицкий и др. 1989: 102–103).

Материальная, духовная культура и погребальный обряд населения Одесского залива в основном сходны с культурой жителей Ольвийской хоры. В этническом плане эти поселения были греческими с присутствием варварского компонента

Экономической базой поселений являлось сельское хозяйство, а ведущим занятием населения – земледелие, что подтверждается наличием определенной агросистемы (Кошарское городище) и находками сельскохозяйственных орудий труда: зернотерок, ручных мельниц, серпов, костяных насадок на мотыги. Крупные зернохранилища и значительное число зерновых ям в Кошарах и на Жеваховой горе могут свидетельствовать и о наличии товарного зерна. Развивались домашние ремесла и промыслы.

Находка части переносной монолитной давильни (тарапана) в Кошарах, предполагает производство вина (Винокуров 1999: 52, рис. 52, 3). Жители поселков занимались рыболовством, что подтверждается находками грузил для сетей, изготовленных из стенок амфор и камней, рыболовных крючков и костей рыб, преиму-

щественно осетровых и карповых. Наличие глиняных грузил для ткацких станков, пряслиц и костяных веретен свидетельствуют о развитии ткачества.

Значительную роль в жизни жителей поселений играло животноводство, о чем говорят находки костей крупного рогатого и комолого (Лузановка) скота, лошадей, коз, овец, свиней, птицы. Обеспеченность кормовой базой, устройство стационарных кошар вблизи поселков позволяло сохранять стадо в зимний период (Сєкерська 2002: 8–10). Большой интерес представляют находки костей домашнего осла. На поселении Приморский бульвар отмечено употребление в пищу мяса собак (Редина, Охотников 2008). Небольшое значение имела охота на зайцев, волка, лис. Для охраны и охоты использовали собак.

Заготовки и бракованные керамические изделия указывают на наличие местного керамического производства. В связи с развитием домостроительства определенное место занимало строительное дело и каменотесное ремесло. Следы металлообработки прослежены по находкам в Кошарах льячек и литейной формы. Возможно, украшения, в том числе и нашивные бляшки, выполненные в скифском зверином стиле, поставлялись в варварскую среду (Левина 1989б: 75–76; Левина, Островерхов, Редина 1993: 86–90).

Важной частью экономики являлась торговля. Массовое поступление амфорной тары позволяет предположить, что торговые связи с различными греческими центрами, осуществлялись не только через Ольвию, но и через прямые поставки товаров на крупные поселения Одесского залива. Наличие античной гончарной керамики, как простой (в том числе ольвийской), так и чернолаковой (аттической и малоазийской), определяют направления экономических связей поселений (Диамант 1996: 39–42).

Незначительное число медных монет, в основном ольвийских, свидетельствуют с одной стороны о неразвитости торговых отношений в этом регионе, с другой – о том, что он был все-таки включен в орбиту экономических интересов Ольвийского полиса (Карышковский 2003: 294).

Религиозные воззрения жителей поселений Одесского залива и прилегающих районов были теми же, что и у жителей других античных сельских территорий Северо-Западного Причерноморья. Особым почитанием пользовались земледельческие божества, прежде всего Деметра и Кора Персефона (Русяева 2005: 316–367; Русяева 2007; Зубарь, Сон 2007: 82; Мельникова 2008: 91). Хтоническая сущность культа Деметры, как покровительницы людей и после смерти, проявлялась в элевсинских культах и прослеживается по материалам некрополя и зольника Кошарского поселения. Специфика этого культа требовала создания святилищ с храмами и алтарями вне городской территории на возвышенностях и в живописных местах возле рек или моря (Русяева 2000: 83). Неслучайно для сакрального зольника Кошарского поселения было выбрано место откуда открывался вид на море и устье реки, а рядом расположенный источник мог использоваться для обрядов очищения. Традиция сооружения подобных священных мест имеет глубокие корни в системе древних земледельческих культов. Она связана с магическими действиями и ритуалами, отражающими отношение греков к огню, очагу и солнцу (Paus. V. 13, 8–11; VIII 38, 7). В сакральных местах, в том числе и на зольниках, проводились календарные праздники с соответствующими ритуалами, жертвоприношениями и трапезами, многократные культово-обрядовые действия связанные с культом Великих элевсинских богинь, культом домашнего очага и хтоническими культами, с возлияниями подземным богам (Русяева 2002: 271–276; Русяева 2005: 95–102; Носова

2004: 109). Несомненно, с хтоническими культами связана и находка на зольнике терракотовой статуэтки одной из Мойр-Клото (прядущая). Прядение и ткачество, помимо бытовых функций, обладали сакральной силой. Понятие нити у греков ассоциировалось с судьбой. Терракотовая статуэтка Геракла, найденная в культовой яме на Кошарском городище, также связана с элевсинским культом и восходит к древнейшему представлению о Геракле, как о хтоническом божестве (табл. 18, 2). С элевсинскими культами связаны и ямы-ботросы Жевахового поселения, в одной из которых был найден антропо-фаллический каменный идол (рис. 144, 5).

Типично греческим был и погребальный обряд. Материалы некрополей Кошарского городища и Приморского бульвара имеют черты близкие некрополям Ольвии и ее хоры, что свидетельствует об общности идеологических представлений. В то же время, каждый из некрополей характеризуется определенными, индивидуальными, присущими только ему чертами.

Жители поселков обладали начатками грамотности, о чем свидетельствуют находки граффити, письмо на свинцовой пластинке из Жеваховского поселения, а также надгробие из Кошар.

Сходство многих сторон жизни греков, обитавших в данном регионе с Ольвией, позволяют согласиться с высказанным В.М. Зубарем предположением, что междуречье Тилигула и Одесского залива могло быть отдельным административно – территориальным районом Ольвийского государства, наблюдение и контроль за которым осуществляла гражданская община Ольвии (Зубарь, Сон 2007: 104). В этом случае Кошарское городище могло играть роль стратегически важного пункта, контролирующего торговые операции вверх по реке и обеспечивающего безопасность переправы через Тилигул в сторону Ольвии, которую непосредственно охраняло небольшое укрепленное городище, расположенное на краю выступающего в лиман мыса (Тишковка I). Оно было синхронным Кошарскому поселению и, по мнению Э.А. Сымоновича, связано с ним экономически и политически (Сымонович 1954: 149). Открытым остается вопрос о статусе жителей этих поселений: зависимое военизированное население для охраны полисных границ (Виноградов 1989: 183) или это часть обедневшего скифского населения (Зубарь, Сон 2007: 101). Не последнюю роль в решении этих вопросов может сыграть проблема асиаков, смешанного греко-скифского населения, граница которого проходила по Тилигулу. Учитывая характер греческой колонизационной практики, которая предусматривала предоставление удаленных от полиса земельных участков новому контингенту переселенцев, можно предположить, что на берегах Одесского залива проживали выходцы не только из Греции, но, возможно, и из Фракии или даже Малой Азии (Крыжицкий и др. 1999: 407; Рубан 1985: 35–36). Если Кошарское городище играло роль пограничного поселка для рассматриваемого административно-территориального района, то его центром могло быть поселение на Приморском бульваре, тогда как Жеваховское поселение, учитывая его расположение между двумя лиманами, которые являлись транспортными магистралями, а также его доминирующее положение над акваторией залива, выступало торговым, а возможно и культовым центром.

САРМАТЫ

Насущная необходимость исследования истории сарматских племен, обитавших на западе степного Причерноморья, обусловлена, прежде всего, знаковостью роли этих ираноязычных номадов в историческом развитии региона, которая, на отдельных этапах указанного процесса, была если не определяющей, то, по крайней мере, ведущей. Тем не менее, достаточно продолжительное время эта история воссоздавалась, преимущественно, на основании данных античной письменной традиции, поскольку археологические свидетельства пребывания сарматов на территориях западнее Днепра, еще даже к началу 70-х годов XX столетия были представлены лишь незначительным количеством погребений.

Ситуация коренным образом изменилась сравнительно недавно, когда усилиями многих археологических экспедиций был в конце концов найден и качественно исследован мощный пласт древностей этих кочевников в регионе, который нас занимает, и к тому же, благодаря изучению отдельных эпиграфических и нумизматических памятников, удалось обнаружить «сарматский след» и среди данных категорий источников. К настоящему времени представилась исключительная возможность сопоставить материалы письменных, эпиграфических, нумизматических, а теперь уже, в полной мере, и археологических источников, с тем, чтобы попытаться более детально осветить отдельные страницы истории номадов, которые столь продолжительный период составляли прямую и непосредственную угрозу Древнему Риму и играли роль далеко не статистов в этнокультурных процессах и военно-политических коллизиях, имевших место на исследуемой территории (рис. 148).

История исследования. Обзор мнений, характеризующихся концептуальным подходом к воссозданию истории сарматов северопричерноморских степей справедливо будет начать с работ Н.М. Карамзина, где впервые был приведен, хотя и краткий и практически без хронологии, однако, все же общий очерк истории этих ираноязычных кочевников. Исследователь полагал, что сарматы становятся хорошо известными лишь с начала христианской эры, а их история завершается в эпоху гуннов. По мнению Н.М. Карамзина сарматы, которые властвовали от Азовского моря до Дуная, состояли из двух главных племен – роксоланов и язигов. Практически одновременно с ними становятся известными и аланы, которые тогда жили в юго-восточной России, но со временем заняли и Тавриду (Карамзин 1990: 59–60, 62).

Выдающийся эпиграфист середины XIX ст. Август Бек, хотя и не приводил какой-то целостной концепции относительно истории сарматов Северного Причерноморья, тем не менее, он впервые высказал предположение о возможности пребывания данных племен на землях западнее Днепра уже во II или I вв. до н.э. (CIG 1843: 83–85, 123).

Сторонником точки зрения о раннем проникновении сарматов на запад был и П.И. Шафарик, который предполагал, что они продвинулись вплотную к Днепру еще в III в. до н.э. Однако, в отличие от А. Бека, исследователь считал, что территорию между Днепром и Дунаем номады заселяют лишь после середины I в. до н.э. (Шафарик 1848: 18–19, 108–111, 131, 134).

Высказанное, в свое время, А. Беком предположение о довольно раннем пребывании сарматов, на землях западнее Днепра, полностью поддержал В.В. Латы-

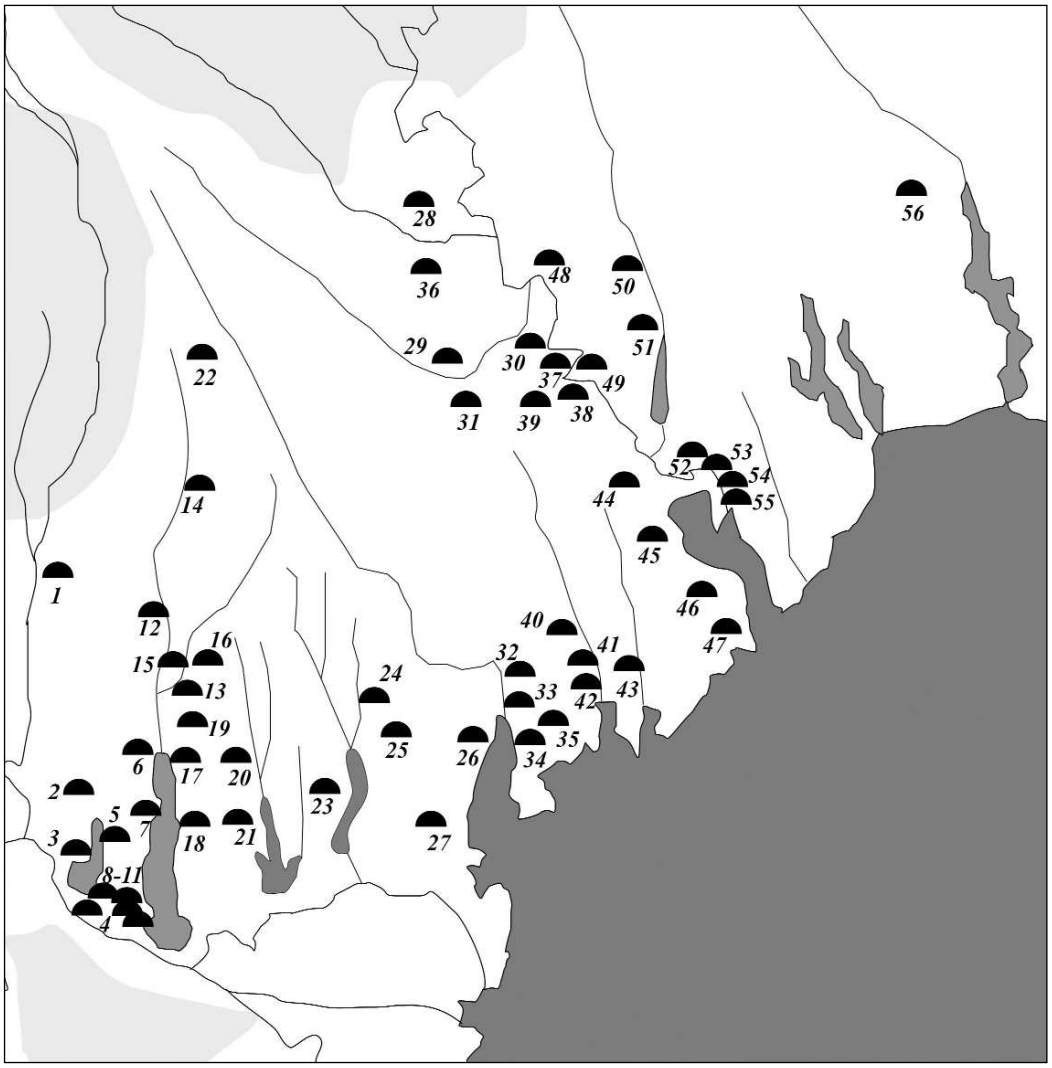


Рис. 148. Карта сарматских памятников Северо-Западного Причерноморья.
1 – Готешты; 2 – Суворово; 3 – Фрикацей; 4 – Орловка; 5 – Нагорное; 6 – Виноградовка; 7 – Владычень; 8 – Плавни; 9 – Новосельское; 10 – Градешка; 11 – Чауш; 12 – Конгаз; 13 – Тараклия; 14 – Комрат; 15 – Казаклия; 16 – Огородное; 17 – Болград; 18 – Криничное; 19 – Кубей; 20 – Васильевка; 21 – Каланчак; 22 – Первомайск; 23 – Дзинилор; 24 – Алияга; 25 – Холмское; 26 – Глубокое; 27 – Приморское; 28 – Старая Кобуска; 29 – Урсоая; 30 – Кырнацены; 31 – Опач; 32 – Михайловка; 33 – Белолесье; 34 – Траповка; 35 – Вишневое; 36 – Новые Анены; 37 – Талмаз; 38 – Чобручи; 39 – Фештелица; 40 – Хаджидер; 41 – Сергеевка; 42 – Дивизия; 43 – Алкалия; 44 – Олонешты; 45 – Семеновка; 46 – Турлаки; 47 – Шаболат; 48 – Тирасполь; 49 – Глиное; 50 – Никольское; 51 – Котовск; 52 – Беляевка; 53 – Кулударова Балка; 54 – Маяки; 55 – Надлиманское; 56 – Соколова Могила

шев, который предполагал, что эти кочевники уже прочно закрепляются к западу от Южного Буга даже не во II в., а еще к середине III в. до н.э. (Латышев 1887: 86, 88, 89, 91).

Близкой точки зрения придерживался и М.С. Грушевский, который полагал, что северопричерноморские степи находились в руках сарматов уже в III или во II вв. до н.э., а в I в. до н.э. они достигают и Дуная. В данный период, по мнению исследователя, на Правобережье Днепра властвовали язиги, политический статус которых, после перекочевки последних в середине I в. н.э. в междуречье Тисы и Дуная, перенимают роксоланы. В I в. н.э. на этой территории появляются аланы, которые несколько позднее, в результате экспансии германцев с запада и гуннов с востока мигрируют в западном направлении (Грушевский 1898: 59, 60, 62, 63).

Самым началом II в. до н.э. датировал появление сарматских племен на землях западнее Днепра Ф.А. Браун. Согласно автора, это были сарматы «царские» и язиги. Последние, во второй четверти I в. н.э. мигрируют на запад и с этих пор, на территории между Карпатами и Днепром властвуют роксоланы. В III в. н.э., в роли «политического лидера» в Северном Причерноморье, их сменяют аланы (Браун 1899: 85–87, 90-99).

Единственным, кто поставил под сомнение устоявшуюся точку зрения о вытеснении скифов сарматами из северопричерноморских степей, которая сложилась среди исследователей в то время, был Ю.А. Кулаковский. Автор полагал, что замена скифов сарматами на данной территории была, в значительной мере, лишь «сменой номенклатуры, а не следствием вытеснения одной народности другой». По мнению исследователя, сарматские племена занимают земли западнее Днепра в эпоху войн Митридата VI Евпатора с Римом и это были сарматы «царские», под которыми Ю.А. Кулаковский понимал роксоланов. Переселение язигов на Тисскую равнину исследователь относил к началу I в. н.э., а появление аланов в Нижнем Подунавье ко времени императора Нерона (Кулаковский 1899: 1–7, 9, 15–17).

Бесспорно, следует отметить и оригинальную точку зрения Д.Я. Самоквасова относительно истории сарматов Северного Причерноморья. Исследователь полагал, что после поражения Атея в войне с Филиппом Македонским, на землях между Доном и Днепром, эти кочевники основали свое новое государство под верховенством роксоланов. Во II в. до н.э., продвинувшись на территорию между Дунаем и Днестром, сарматы, объединившись со скифами и гето-даками образовали здесь большой политический союз под названием «гето-дакийское царство». После завоевания последнего римлянами, племена скифо-сарматского происхождения мигрируют из придунайских областей в Центральную Европу и восточнее, где и становятся известными под названием славян (Самоквасов 1884: 75–77, 81–85; 1908: 146, 270).

На качественно новый научный уровень подняли изучение истории сарматов Северного Причерноморья работы выдающегося русского исследователя М.И. Ростовцева. Согласно ему, начиная с IV в. до н.э. из Азии снова начинают движение на запад иранские кочевые племена. Они двигаются с востока рядом сильных племенных групп и ко II в. до н.э., вытеснив скифов вглубь Крыма, утверждаются на всем пространстве царства последних. На западе, вплотную к Дунаю жили язиги, а роксоланы занимали территорию между Доном и Днепром. Несколько позднее, в Северном Причерноморье появляются и аланы. С проникновением последних в северопричерноморские степи, и, возможно, под их давлением, роксоланы переселяются на запад данной территории, что, в свою очередь, вынуждает язигов мигрировать в междуречье Тисы и Дуная и, в конце концов, поселиться там. В III в. н.э.

аланы смешиваются с германскими племенами и входят в состав гото-аланского царства на юге России (Ростовцев 1918: 80, 81; 1918б: 127, 128; 1993а: 91–93).

Таким образом, в XIX – 30-х годах XX вв. среди исследователей, на основании изучения, в подавляющем большинстве, письменных и эпиграфических источников, сложилось достаточно твердое мнение о пребывании разных сарматских племен в Северо-Западном Причерноморье, начиная уже с III или II вв. до н.э. и завершая вторжением гуннов в восточноевропейские степи.

Конец 40-х – начало 50-х гг. XX в. характеризуется появлением, благодаря широким полевым исследованиям первых послевоенных лет, значительного количества археологических источников по проблеме, которая нас интересует. Данное обстоятельство, в свою очередь, предоставило исследователям замечательную возможность использовать при реконструкции истории сарматских племен не только свидетельства античной письменной традиции и эпиграфики, но и археологические материалы. В 1953–1962 годах вышли в свет обобщающие работы М.И. Вязьмитиной, Г.Б. Федорова, М.П. Абрамовой, которые были посвящены проблемам изучения культуры сарматов на территории от Дона до Прута, где рассматривались и отдельные вопросы истории этих кочевников, обитавших в указанном регионе (Вязьмітіна 1953: 56–75; Федоров 1956: 63; 1960: 91, 98, 99, 172; Абрамова 1961: 91–110; 1962: 274–283).

Особенно плодотворной в сарматоведении оказалась первая половина 70-х годов, когда появились обобщающие исследования Я. Харматты, Д.А. Мачинского, Г. Бикира, Э.А. Рикмана по истории сарматских племен Северного Причерноморья вообще, и территории, которая нас интересует, в частности.

Так, в работе Я. Харматты приводится общий очерк истории сарматов, которые в разные периоды, начиная со II в. до н.э. и завершая III в. н.э., населяли земли от Дона на востоке и до Венгерской низменности на западе. Согласно исследователя, в начале II в. до н.э. Днепро-Донское междуречье оказывается под сильной сарматской властью. Ее распространили на этот регион выходцы из западноазийских степей – саии, которые упоминаются в ольвийском декрете в честь Протогена. В третьей четверти II в. до н.э., под давлением других сарматских племен с востока, политическая власть племен саиев постепенно ослабевает, и около 125 г. до н.э. в Северном Причерноморье, под лидерством «царских сарматов» сформировалась новая кочевая империя. Ближе к середине I в. до н.э., полагал Я. Харматта, сильная племенная конфедерация сарматов распадается и «царские» сарматы исчезают со страниц истории. В начале I в. н.э. в указанном регионе появляются аланы, что вызвало переселения других сарматских племен, в частности язигов, в междуречье Тисы и Дуная. В III в. н.э., к ним присоединяются и роксоланы, вынужденные эмигрировать из северопричерноморских степей под давлением готов (Harmatta 1970: 10–34, 39–40, 41–42).

В исследованиях Д.А. Мачинского, рассматриваются проблемы ранней истории сарматов Северного Причерноморья, где автором были определены основные этапы сарматского завоевания указанной территории и «пойман ритм» проникновения этих кочевников на земли западнее Дона. Согласно Д.А. Мачинского, в конце IV в. до н.э. сарматы наносят «Великой Скифии» сокрушительный удар, в результате чего, в степях возле Перекопа и Сиваша появляется новое этнополитическое образование «Сарматия». На рубеже III–II вв. до н.э. сарматские племена проникают на Правобережье Днепра, а в конце II – начале I вв. до н.э. эти кочевники (язиги и сарматы «царские») уже живут на территории между Днепром и Днестром. Ближе

к последнему десятилетию II в. до н.э. в Северном Причерноморье появляются роксоланы, которые, на протяжении I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. продвинулись сначала на правый берег Днепра, а со временем и к Дунаю. Около середины – третьей четверти I в. н.э. в северопричернорских степях появляются аланы, а в Нижнем Подунавье – аорсы (Мачинский 1971: 42–54; 1974: 122–132).

Практически одновременно с работами Я. Харматты и Д.А. Мачинского, появляется и целая серия статей П.О. Карышковского, в которых автором, вполне обоснованно доказывается возможность пребывания сарматских племен в Северо-Западном Причерноморье уже в конце III – начале II вв. до н.э., что, по мнению исследователя, полностью отвечало политическим реалиям, которые сложились на этой территории в указанное время (Карышковский 1971а: 43–45; 1972: 32–33; 1973: 88–93).

Освещение проблем истории сарматских племен, обитавших на территории современной Румынии, имело место в работах Г. Бикира. По мнению исследователя, проникновение сарматов в Запрутскую Молдову произошло приблизительно в 105–106 гг., когда даки потерпели окончательное поражение от римлян. В Мунтению и Олтению эти кочевники проникают в 117–118 гг., а в Закарпатье Румынии лишь в конце II – первой половине III вв. Согласно Г. Бикиру, ни одно из этих проникновений не привело к каким-то кардинальным изменениям этнополитической ситуации на указанных землях, поскольку сарматы, проникая на дакийскую территорию смешивались здесь со свободными даками и карпами и принимали их господство (Bichir 1972: 137–171, 173–174).

Важным вкладом в разработку сарматской проблематики этого периода, стали и исследования Э.А. Рикмана, которым впервые были систематизированы и обобщены материалы, касающиеся истории сарматских племен на землях между Карпатами и Днестром. Собрав и проанализировав все известные к тому времени археологические источники и привлекая данные античной письменной традиции, автором были определенны этапы проникновения сарматов в данный регион и характер взаимоотношений этих кочевников с окружающей их этнокультурной средой. Итогом данных разысканий стало выделение Э.А. Рикманом отдельной проблемы западных сарматов (Рикман 1972: 209–210; 1975б: 9–12, 27–70, 317–323).

Завершая, необходимо подчеркнуть, что практически во всех рассмотренных исследованиях, авторами, в сущности, была поддержана мысль их предшественников о довольно раннем присутствии сарматских племен на землях между Доном и Днепром. В то же время, в данных исследованиях, за исключением работ Я. Харматты и П.О. Карышковского, вырисовывается и определенная тенденция «омоложения» времени заселения этими номадами западной периферии причерноморских степей.

Вторая половина 70-х – 90-е гг. характеризуются появлением качественных обобщающих исследований К.Ф. Смирнова, М.Б. Щукина, А.В. Симоненко по истории и археологии сарматов Северного Причерноморья.

В работе К.Ф. Смирнова, на основании тщательного анализа всех имеющихся к тому времени археологических материалов и детального изучения свидетельств письменных источников, автором была нарисована яркая картина ранней истории сарматов северопричерноморских степей. Согласно исследователя, в конце V–IV вв. до н.э. отношения между скифами и савроматами носили, преимущественно, мирный характер и последние появлялись и даже жили в Скифии с добровольного согласия ее могущественных хозяев. Политическая ситуация резко меня-

ется в конце IV в. до н.э., когда «Великая Скифия» значительно ослабевает, а с востока все ощутимее становится давление ранних сарматов – носителей прохоровской культуры. Не позднее конца III в. до н.э. сарматские орды закрепляются на обоих берегах Днепра, и на протяжении последних десятилетий III – начала II вв. до н.э. в Северном Причерноморье окончательно утверждается власть его новых хозяев – сарматов. Начиная с этого времени, наступает продолжительный период их господства на данной территории (Смирнов 1984: 18–123).

Анализу событий, которые имели место на землях к западу от Днепра, начиная с III в. до н.э. и вплоть до начала II в. н.э., посвящены исследования М.Б. Щукина, где на основании детального изучения данных письменных источников и археологии, автором была осуществлена качественная попытка определения динамики передвижения сарматских племен в этот регион. По мнению М.Б. Щукина, она определяется пятью волнами сарматского движения на запад – III – II вв. до н.э., конца II – первой половины I вв. до н.э., конца I в. до н.э., середины I в. н.э., конца I или начала II вв. н.э., каждая из которых имеет свои особые характеристики (Щукин 1989: 31–55; 1989а: 70–83; 1994: 83–87, 96–101, 144–147, 152–153, 196–197, 204–218, 222–224).

Согласно исследований А.В. Симоненко по истории сарматских племен Северного Причерноморья, эти кочевники появляются в северопричерноморских степях лишь во II в. до н.э. и на протяжении II–I вв. до н.э. это были роксоланы и язиги. В первой половине I в. н.э. они продолжают жить на данной территории и распространяют район своих кочевий вплоть до Нижнего Подунавья. Однако, уже в середине I в. н.э. «сарматская этнокарта» Северного Причерноморья существенным образом меняется – язиги откочевывают на Тисскую равнину, а на землях западнее Днепра появляются аорсы и аланы, которые создают здесь достаточно прочное политическое образование во главе с последними. В середине – второй половине III в. н.э. в северопричерноморские степи проникают аланы-танаиты, вследствие чего, предшествующее сарматское население этого региона вынуждено было частично войти в состав новых пришельцев, а частично влиться в черняховскую среду (Симоненко 1991: 17–28; 1994: 15–17; 1994а: 32–48; 1998: 154–176; 1999: 4–30; Симоненко, Лобай 1991: 76–89).

Во второй половине 70-х – 80-е гг. значительный пласт сарматских древностей был наконец выявлен и в Буджакской степи. Закономерным итогом данных исследований стал выход в свет обобщающих работ А.В. Гудковой и М.М. Фокеева, в которых определяются этапы проникновения сарматских племен на указанную территорию, и предлагается схема вхождения последних в состав носителей черняховской культуры (Гудкова, Фокеев 1984: 6–58, 86–93; 1992: 93–98).

Значительное накопление археологического материала в Днестровско-Прутском междуречье нашло свое отражение в работах В.И. Гросу, которым впервые была разработана периодизация сарматских древностей данной территории. Согласно автора, они представлены пятью хронологическими горизонтами или группами: памятники рубежа эр – первой половины I в. н.э., I в. н.э., второй половины I–II вв. н.э., конца II–III вв. н.э., второй половины III–IV вв. н.э. В соответствии с выделенными хронологическими горизонтами сарматских древностей, автор определяет и динамику заселения этими кочевниками Днестровско-Прутского междуречья (Гросу 1990: 6–17, 38–99).

Анализу культурно-исторических процессов, которые имели место в Буджакской степи на протяжении I в. до н.э. – IV в. н.э., посвящены и исследования

М.М. Фокеева, где, в частности, рассматривался и целый ряд вопросов, связанных с историей сарматских племен этого региона. По мнению М.М. Фокеева, сарматы (язиги) впервые проникают в Буджак в конце II – первой половине I вв. до н.э., однако, в это время, данная территория еще не становится местом их постоянного обитания. В середине I в. н.э., после продолжительного отсутствия сарматских племен в этом регионе, здесь появляются роксоланы, которые в середине II в. н.э. откочевывают из междуречья Дуная и Днестра, в связи с Маркоманнскими войнами, а затем снова возвращаются на эти земли, где и проживают до середины III в. н.э. Около указанного времени, в результате вторжения готов в Приазовье, в Буджакской степи появляются аланы, которые пребывают здесь до конца IV в., а, возможно, даже до начала V в. н.э. (Фокеєв 1998: 3–6, 10–11, 13).

Таким образом, исследования второй половины 70-х – 90-х годов XX в. по истории сарматов северопричерноморских степей и сопредельных западных и северо-западных территорий характеризуются, прежде всего, сложностью поставленных в них вопросов и неоднозначностью решения последних, а, следовательно, большинство из них остаются дискуссионными и до настоящего времени. Бесспорным достоянием данного периода в сарматоведении можно считать настоящий «прорыв» в изучении древностей этих кочевников на западной периферии их обитания, а именно на землях между Карпатами и Днепром.

Оценивая, в целом, историю изучения проблемы, которая нас интересует, и, отдавая надлежащее несомненным достоинствам каждого из рассмотренных исследований, в то же время, необходимо подчеркнуть, что ни в одном из них синтез данных всех без исключения категорий источников, к сожалению, так и не получил своего развития. В определенной степени, обобщение всех материалов по истории сарматов Северо-Западного Причерноморья, имели место только в работах М.Б. Щукина и А.В. Симоненко. Однако, и в данных исследованиях, регион, который нас интересует, изучался лишь в ракурсе политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе в первом случае, и контексте истории сарматов огромной области их обитания от Нижнего Дона до Нижнего Дуная – во втором.

Сарматы в III–II вв. до н.э. В настоящее время, в изучении истории сарматских племен, обитавших на западной окраине евразийского степного коридора, едва ли не самым сложным является определение времени проникновения этих номадов на указанную территорию, как впрочем, и ее освоения ими. Представляется, что решить данные вопросы, вне контекста всех событий, имевших место в III в. до н.э. в степном коридоре от Дуная до Дона едва ли возможно. Эти события общеизвестны. Полностью и окончательно сходит с исторической сцены «Великая Скифия». В конце первой – начале второй трети III века практически одновременно гибнет подавляющее большинство укрепленных и неукрепленных греческих и варварских поселений от дельты Дона до Нижнего Побужья. В Нижнем Поднестровье, хотя такой впечатляющей картины разгрома сельских поселений и не наблюдается, тем не менее, здесь они также прекращают свое существование в первой половине III в. до н.э. Если обобщить все мнения, которые объясняют главные причины данной катастрофы, то они в конечном итоге, сводятся к четырем концепциям: «сарматской», «галатской», «климатической» и «экономической». В связи с проблемой, которая исследуется, нас, вполне понятно, занимает «сарматская» (Мачинский 1971: 30–54; Щеглов 1985: 190–198; Виноградов, Марченко, Рогов 1997: 93–103;

Виноградов 1997: 104–124; 1999а: 59–62) концепция, где, в качестве одних из главных аргументов используются свидетельства ольвийских эпиграфических документов, в частности, декрета в честь Протогена. Относительно даты издания последнего существуют разные точки зрения. Данный декрет датируют временем начиная с 275–250 гг. до н.э. и завершая двумя предпоследними десятилетиями III в. до н.э. до 213 г. При этом, практически все исследователи единодушны во мнении, что деятельность Протогена, как эвергета, политика и финансиста имела место в Ольвии на протяжении многих лет, равно как и в том, что события, которые упоминаются в этой псефизме происходили в достаточно продолжительном хронологическом промежутке (Книпович 1966: 149; Марченко 1985: 247; 1999: 168; Карышковский, Клейман 1985: 71; Виноградов 1989: 182, прим. 16; 1997: 106; Русяєва 1993: 14; Щукин 1993: 106; 1994: 101; Бруяко 1999: 85–86). Однако, следует признать, что датировка декрета в честь Протогена двумя предпоследними десятилетиями III в. до н.э. до 213 г. является наиболее убедительной, поскольку она находит свое подтверждение еще и среди нумизматических источников (Карышковский 1984: 114, 115; Виноградов 1989: 182, прим. 16). Тогда, учитывая то обстоятельство, что события, которые зафиксированы в нем, как и синхронная им деятельность Протогена приходятся на достаточно продолжительный период, есть все основания предполагать, что они имели место в пределах от середины до конца предпоследнего десятилетия III в. до н.э.

Анализ событий, нашедших свое отражение в Протогеновской хронике позволяет согласиться с их последовательностью, которая была предложена, в свое время, сначала В.В. Латышевым, а значительно позднее, и Ю.Г. Виноградовым. Согласно исследователям, запланированный набег галатов и скиров, который упоминается в данном декрете, мог состояться незадолго до времени составления последнего, то есть на завершающем этапе деятельности Протогена (Латышев 1887: 98–99; Виноградов 1997: 106). Следовательно, все другие внешние события, упоминающиеся в псефизме, а именно – и прибытие царя Сайтафарна в Канкит, и появление саиев за получением даров, и снаряжение посольства в резиденцию царя, и очередное прибытие Сайтафарна за дарами должны, таким образом, приходиться на начальный период его эвергетии, то есть, на время близкое к середине либо концу второй трети III в. до н.э. Иное дело, что в галатах данного декрета, в равной мере можно усматривать как восточнобалканских кельтов, государство которых существовало во Фракии в 278–213 гг. до н.э. (Латышев 1887: 86, Виноградов 1997: 106), так и подкарпатских кельтов, которые появляются в районе дунайского «колена» между 229–220 гг. до н.э., вследствие движения на юг бастарнов (Браун 1899: 119), в 233–229 гг. или 230/229 гг. до н.э. (Карышковский, Клейман 1985: 71; Щукин 1999: 76).

Изучение фрагмента декрета в честь Протогена, где упоминается о дани скептухам, дает основания согласиться также и с мнениями В.В. Латышева и Ю.Г. Виноградова о том, что в данном случае речь идет о каких-то «мелких князьках», которым ольвиополиты вынуждены, были платить дань, равно как и их царю Сайтафарну (Латышев 1887: 94, Виноградов 1989: 198). Факт уплаты дани жителями Ольвии «местным царям» зафиксирован и в декрете в честь родосца Гелланика, который датируется около середины III в. до н.э. (Виноградов 1997: 122, прим. 92), то есть временем близким к началу деятельности Протогена. Следовательно, правомерным будет признать реальность существования даннических отношений между Ольвией и какими-то «местными царями» (декрет в честь Гелланика) или

«скипетроносцами» (декрет в честь Протогена), тождественность которых предполагал еще В.В. Латышев, если два ольвийских эпиграфических документа, которые охватывают промежуток времени от середины III в. до н.э. до 20-х – 10-х годов этого же столетия, упоминают о них. Учитывая то обстоятельство, что согласно все того же декрета в честь Протогена, Ольвия, в данный период, платила дань именно саиям, которых, по мнению подавляющего большинства исследователей, следует отождествлять с «царскими сарматами» (Harmatta 1970: 11–12; Мачинский 1971: 47; Карышковский 1973: 88–93; Смирнов 1981: 3–26; 1984: 119; Виноградов 1997: 106, прим. 3; Виноградов 1999: 76), видеть в этих «местных царях» или «скипетроносцах» предводителей каких-то пограничных сарматских групп, обитавших вблизи данного античного полиса, по крайней мере, начиная с середины III в. до н.э., представляется вполне оправданным.

Тезис о постоянном присутствии сарматов в Северо-Западном Причерноморье в столь раннее время находит свое подтверждение и в нарративных источниках, если принять во внимание известие Страбона о размещении сарматских племен (язигов, царских и ургов) между Борисфеном и Истром и вполне обоснованную датировку данного известия последними десятилетиями III в. до н.э. (Карышковский 1972: 32–33; 1973: 88–93; Карышковский, Клейман 1985: 69)[1]. К тому же, нуждается, на наш взгляд, в более пристальном внимании и следующее сообщение Плиния Старшего о сираках западнее Днепра. «Далее по берегу – Ахейская гавань. Остров Ахилла славится могильным курганом этого героя, а за ним в 125 000 шагах лежит полуостров, тянущийся поперек в виде меча и названный Бегом Ахилла, вследствие упражнений того же героя; …Все это пространство занимают Скифы – Сарды и Сираки.» (Plin. Nat. Hist. IV, 83). Полагают, что данное сообщение является ошибочным, поскольку Плиний, смешивая Гипанис – р. Кубань с Гипанисом – р. Ю. Буг, переносит, таким образом, сираков из Прикубанья в Побужье (см. напр. Ельницкий 1961: 182). Представляется, что подобное утверждение хотя и возможно, однако едва правомочно. Дело в том, что Плиний Старший вряд ли мог допустить подобную ошибку, так как, судя по всему, имел личные контакты с Митридатом VIII (Скржинская 1977: 9), на стороне которого, как известно, в его междоусобной борьбе с Котисом, выступили сираки, к которым и бежал Митридат после вступления римских военных отрядов в Пантикапей (Виноградов 1994: 164). Следовательно, древний автор должен был быть хорошо информирован о районах обитания союзников мятежного боспорского царя, которых он, кстати, и размещает под именем «савроматов» в предкавказских степях (Plin. Nat. Hist. VI, 16, 17). Далее. Если исходить из текста «Естественной истории» Плиния, то его «сираков», равно как и «скифов-сардов» следует располагать не в районе Нижнего Побужья или «Ахиллова Дрома», а по побережью Черного моря, между современными о. Змеиным и Тендровской косой. Поэтому, вовсе не случайно М.В. Скржинская, посвятившая анализу труда Плиния фундаментальное исследование, локализует упомянутые племена в Северо-Западном Причерноморье (Скржинская 1977: 44; см. также Щукин 1995: 177).

---

[1] Очевидную настороженность в данном допущении может вызвать столь ранняя локализация язигов в Северо-Западном Причерноморье. Однако, здесь нельзя исключать и вероятной поздней вставки Страбоном этнонима «язиги» в значительно более раннюю номенклатуру племен, взятую им у того же Деметрия (Ростовцев 1925: 33), при посредстве труда Артемидора Эфесского (Карышковский, Клейман 1985: 69). На возможное совмещение разновременных сведений в этом пассаже Страбона уже неоднократно и вполне справедливо обращалось внимание (см. напр. Щукин 1989: 34; Ткачук 1998: 71).

Теперь относительно времени, к которому может быть отнесено сообщение Плиния о сираках. В свое время, еще М.И. Ростовцев обращал внимание на архаический пласт сведений о Северном Причерноморье, содержащийся в трудах Помпония Мелы и Плиния Старшего. Согласно автора, источником Мелы являлся географ II–I вв. до н.э., давший описание Понта, главным образом, по старой доэфоровской традиции, подновив ее только в той части, которая касается Крыма. Периэгеса же Плиния напоминает Мелу и восходит к источнику того же типа (Ростовцев 1925: 45 – 57). Данные выводы известного исследователя нашли свое продолжение в работах Д.А. Мачинского, где автором ряд взаимосвязанных сообщений Мелы и Плиния о Скифии и Боспоре были несколько уточнены хронологически. По Д.А. Мачинскому, сведения Мелы отражают реальность последней четверти IV в. до н.э., а Плиния – III в. до н.э. (и позднее) (Мачинский 1993: 17, 18).

Таким образом, получается, что известие Страбона о язигах, сарматах царских и ургах на землях между Дунаем и Днепром и сообщение Плиния о скифах – сардах и сираках на западе степного Причерноморья, до определенной степени, синхронны. Не исключая возможности последнего и принимая его во внимание, важно отметить, что «сарды» Плиния Старшего и «урги» Страбона, в значении «сильный», «мощный», как оказывается, также могут быть вполне сопоставимы (см. Десятчиков 1973: 140, 141). В связи с чем, в свою очередь, вовсе небезинтересным представляется и предположение о том, что в ольвийском декрете в честь Протогена зафиксированы названия союза сиракских племен, где ведущая роль принадлежала собственно сиракам – саиям (Туаллагов 1999: 14; см. также Виноградов 2004: 21, 22), которые, как известно, отождествляются с сарматами «царскими». Следовательно, между свидетельствами эпиграфических документов последней трети III в. до н.э. античных полисов Северо-Западного Причерноморья и сведениями нарративных источников, возможно, этого же и немногим более позднего времени, в качестве соединяющего их звена, предположительно, может быть поставлена связка саии – сарматы «царские» – сираки.

Определенные соответствия вышеизложенному можно найти и среди археологических материалов, которые были выявлены в Северо-Западном Причерноморье еще в конце XIX – начале XX вв. и которые, на наш взгляд, касаются начального этапа освоения сарматами исследуемой территории. Речь идет об очень интересной группе погребальных памятников, характеризующихся катакомбными могильными сооружениями, которые были исследованы И.Я. и Л.П. Стемпковскими на Тираспольском курганном поле (рис. 149). По особенностям погребального обряда данная группа древностей связывается с частью скифского населения Нижнего Поднепровья, которая переселяется в Нижнее Поднестровье в конце III или в начале II вв. до н.э. под давлением сарматов с востока (Мелюкова 1962б: 147–164) или со скифскими переселенцами с территории лесостепи, которые появляются здесь в IV – III вв. до н.э. (Ольховский, Шилов 1995: 112).

С этими памятниками поразительное сходство в конструкции могильных сооружений, деталях погребального ритуала и составе инвентаря демонстрируют материалы курганного могильника возле с. Глиное, который, по нашему мнению, датируется в пределах середины III – середины II вв. до н.э. (Дзиговский 2003: 49 прим; Бруяко 2005–2009: 358), и является составной частью Тираспольской курганной группы. Выявленные здесь комплексы не только подтвердили результаты раскопок И.Я. и Л.П. Стемпковских, но и самым существенным образом дополнили их, как в количественном, так и качественном отношениях (Яровой, Четвериков

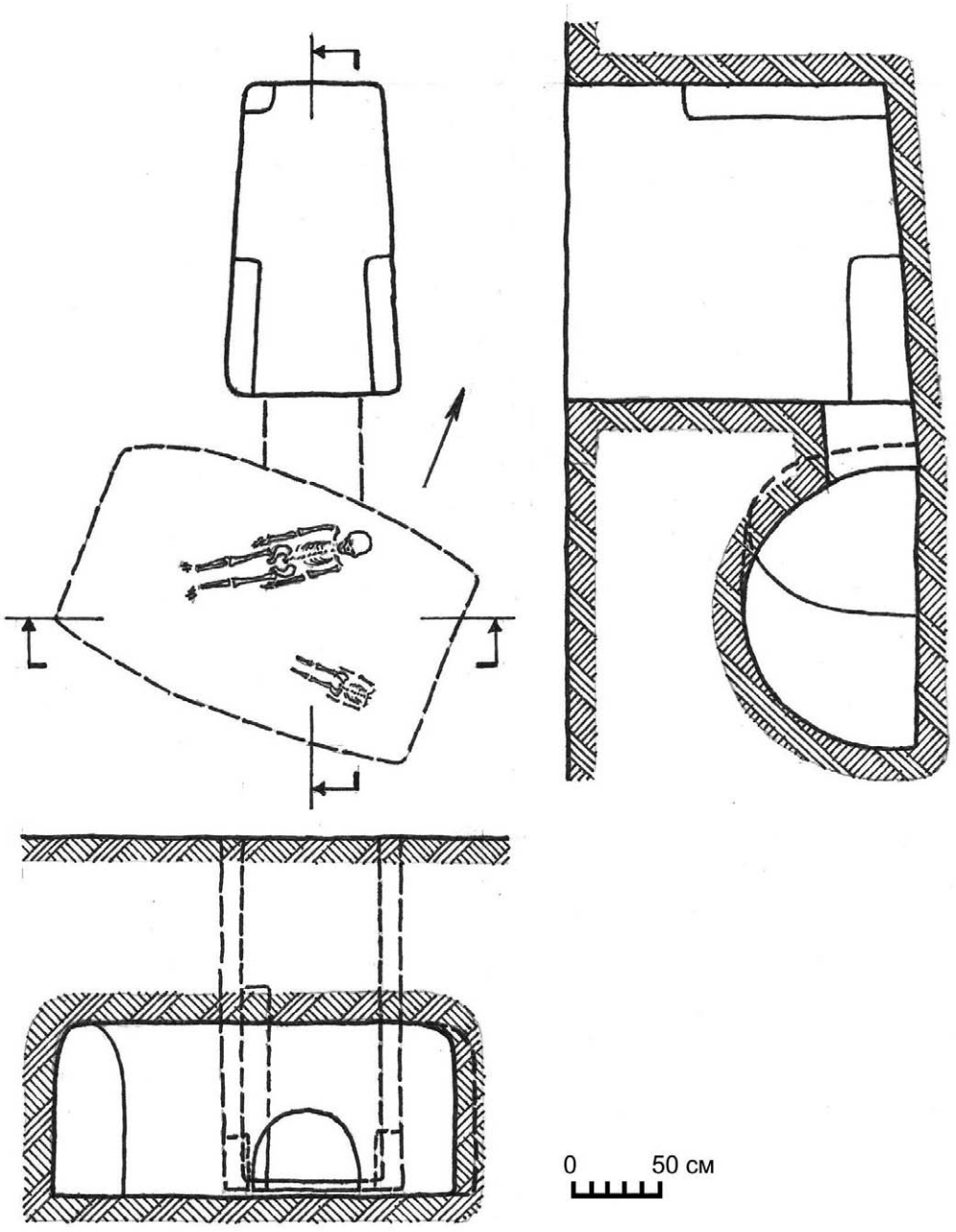


Рис. 149. Тираспольская курганная группа,
с. Глиное, курган А-98 (по дневникам Стемпковских)

2000: 3–28), а кроме всего прочего, дали дополнительные аргументы утверждать, что перед нами древности одного культурного круга, которые представляют собою яркие археологические свидетельства пребывания на западе степного Причерноморья какой-то группы кочевого населения, оставившего после себя эти многочисленные курганы. Вся сложность заключается лишь в вопросе, кто кочевал в степях западнее Днепра в этот «темный» для их истории период?

Дело в том, что если признать памятники, которые нас интересуют действительно скифскими, то по целому ряду особенностей погребального обряда, а именно – размещению напутственной пищи в миске с ножом, обычаю перекрещивания ног, наличию курильниц, равно как и гальки в них, в могильной камере и некоторым другим – они будут стоять несколько особняком в системе погребального – поминальной обрядности Степной Скифии IV–III вв. до н.э. (Яровой, Четвериков 2000; Четвериков 2002; Дзиговский 2003: 25–49).

Отмеченные выше особенности погребального обряда курганов Тираспольщины, в частности, обычай размещения гальки или ее заменителя в сосуде, в том числе и ритуальном, известен у «прохоровцев» Южного Приуралья, меотов Северо-Западного Кавказа конца VII–VI вв. до н.э. и V–III вв. до н.э., сираков Прикубанья второй половины IV в до н.э. – середины I в. н.э. и населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа, входившего, по всей вероятности, в сиракский союз племен (см. Курганы левобережного Илека 1995: 38, 39, рис. 61, 2; Каменецкий 1989: 232, 236; Ждановский, Марченко 1988: 45, 46; Ждановский 1990: 37; Абрамова 1979: 34; Виноградов 1965: 108–121). Примечательно, что в Прикубанье находят свои соответствия и некоторые другие особенности погребального ритуала древностей Тираспольского курганного поля, такие, например, как обычай перекрещивания ног и размещения напутственной пищи в миске с ножом. Первый был довольно распространен у меотов Северо-Западного Кавказа в III–I вв. до н.э., второй – как у них, так и сираков этой территории, где он, наравне с обычаем размещения гальки в сосуде, рассматривается как результат «меотизации» последних (Каменецкий 1989: 240, 247, 251). В то же время, у степных скифов, рубежа V–IV – III вв. до н.э. и населения восточноевропейской лесостепи этого периода перекрещенность ног и традиция размещения напутственной пищи в миске с ножом, равно как и ритуальные сосуды с галькой и без последней, встречаются крайне редко (см. Петренко 1989: 67–80; Ковпаненко и др. 1989: 47, 48; Редина 1989: 133; Ольховский 1991: 101, 115, 153).

Очень интересным является и состав инвентаря интересующих нас курганов Тираспольщины, который характеризуется ярко выраженной западной (предметы личного убора, некоторые формы лепной керамики) и восточной (предметы вооружения) «окраской». Казалось бы, для контактной зоны, которой является Нижнее Поднестровье, ничего особенного он собою не представляет, а лишь свидетельствует о широких связях кочевников этого региона как с населением кельто-бастарно-фракийского мира, так и племенами, которые обитали совсем в противоположном направлении. Однако, необходимо подчеркнуть, что если вещи первой группы характерны для достаточно большой территории, в особенности к западу от Днестра, то предметы второй – явно тяготеют к вполне конкретному региону, а именно – Северного Кавказа. Речь идет о железных трехлопастных втульчатых наконечниках стрел, которые вполне определенно связываются исследователями с северокавказскими сарматами, а если быть еще более конкретным, с сираками данной территории (Абрамова 1988: 8, 9). Однако, самое интересное заключается в том, что

трехлопастные втульчатые наконечники стрел, в плане их этнокультурной интерпретации, вполне сопоставимы как с традицией размещения гальки в сосуде-курильнице, так и с обычаем размещения напутственной пищи в миске с ножом. Таким образом, становится довольно очевидной жесткая связь между определенными особенностями погребального ритуала и отдельными предметами инвентаря, которые, теперь уже в целом, характерны для одной культуры, в данном случае, для сарматов Северо-Западного Кавказа.

Появление этих кочевников на западе причерноморских степей стало следствием событий, ярко выраженного этнополитического характера, которые имели место значительно восточнее изучаемой территории. Под последними, прежде всего, видится миграция в Заволжье в IV в. до н.э. части южноуральских кочевников, которые проникают в это время также в междуречье Дона и Северского Донца и на Кубань (Клепиков, Скрипкин 1997: 30, Смирнов 1982: 120–131, Максименко и др. 1984: 124–141). В конце IV в. до н.э. или на рубеже IV–III вв. до н.э. восточные мигранты закрепляются уже на огромной территории от Заволжья на востоке до Донского Правобережья на западе и от Среднего Дона на севере до Прикубанья на юге. Не исключено, что именно эти сарматы в самом начале III в. до н.э. положили конец существованию «Великой Скифии», а в конце первой – начале второй трети III в. до н.э. наносят сокрушительный удар по оседлому населению Северного Причерноморья (Виноградов и др. 1997: 98, 99, Виноградов 1999а: 59–62), причем, данный удар, возможно, был нанесен ними уже в союзе с меотами (см. Симоненко 2010: 158–161; Дзнеладзе, Симоненко 2010: 31).

Экстраполируя этот тезис на проблему и регион, которые исследуются, обращает на себя внимание очевидная синхронность начала активного функционирования большого курганного некрополя на Тираспольщине и тех трагических для жителей Северного Причерноморья событий, когда в результате мощного удара варваров гибнет подавляющее большинство укрепленных и неукрепленных поселений оседлого населения данной территории. Удивительно, но эти события, в свою очередь, практически синхронны образованию, около середины III в. до н.э., меото-сиракского военно-политического союза племен в Прикубанье (Лимберис, Марченко 1989: 124). Что, вместе взятое, дает достаточно оснований предполагать прямое и непосредственное присутствие в степях между Дунаем и Южным Бугом, начиная с середины III в. до н.э., каких-то отдельных боевых дружин этого союза, которые были оставлены здесь для контроля и охраны пограничной территории[1].

Критику предположения о сарматской принадлежности древностей Тираспольской группы (см. Глебов 2004; Симоненко 2005), следует признать вполне правомерной и ожидаемой, что, в принципе, и должно иметь место при изучении любых, предельно дискуссионных вопросов. С другой стороны, интерпретация

---

[1] Возможно Т-образные катакомбы, которые, как погребальные сооружения, явно преобладают в древностях Тираспольской группы, могли быть своеобразными «маркерами» этого воинского клана, подчеркивающими их «социально-профессиональный статус» (см. об этом Марченко 1996: 137, 138), и тогда подобную конструкцию погребального сооружения в границах данной группы следует рассматривать не как этнокультурный, а, скорее, как социальный определитель. При таком подходе, к трактовке могильных сооружений отмеченного типа находит свои объяснения и обычай погребения собак во входных ямах катакомб на могильнике Глиное, где данные погребения составляют 42,5% от общего числа могил исследованных здесь (Яровой, Четвериков 2000: 4), который, таким образом, наравне с конструкцией погребального сооружения, подчеркивал особый социальный статус погребённых, в данном случае, профессиональных воинов (см. подр. Иванчик 1988; Гуцалов 2005).

данных древностей как скифских также выглядит далеко небезоговорочной уже хотя бы по той причине, что отдельные, весьма необычной конструкции, то есть «несерийные» или «эксклюзивные» погребальные комплексы Тираспольского курганного поля (катакомба с одной входной ямой и двумя погребальными камерами, сооруженными с ее узкой (торцовой) стенки и расположенными под углом ко входу, а также комбинированное погребальное сооружение (катакомба + подбой) находят свои прямые аналогии именно среди древностей раннесарматского времени Южного Приуралья (могильники Покровка 1, Покровка 7, II Шумаевский) и Заволжья, среднесарматского времени Нижнего Дона (могильник у хутора Новый), но никак не на памятниках Степной Скифии VII–III вв. до н.э. (см. дневник раскопок Стемпковских 1897 : 21; Яровой и др. 1997: 251; Яровой и др. 1997а: 16; Яровой, Четвериков 2000: рис. 1, 3; Курганы левобережного Илека 1996: 11–13, рис. 6; 38–40, рис. 45; Моргунова и др. 2003: 158–163, 260, 262; Скрипкин 1990: 179, табл. 16; Ильюков, Власкин 1992: 69, 70, рис. 15, 4; 92, 93, рис. 23, 17; Глебов 2004а: 130, 131; Мошкова, Малашев 1999: 179, 182, 183; Куринских 2011: 185, 186; Ольховский 1991). Весьма показательно и то обстоятельство, что в погребениях раннесарматского времени могильников Покровка 1, Покровка 2, Покровка 7 и Покровка 8 в Южном Приуралье находят свои достаточно близкие соответствия и такие известные среди погребальных комплексов Тираспольского курганного поля конструкции могильных сооружений как катакомбы с расположением входной ямы и могильной камеры по одной длинной оси, катакомбы с входными ямами, у которых вдоль длинных сторон расположены уступы-заплечики, катакомбы с расположением длинной оси входной ямы под углом к длинной оси могильной камеры (см. Курганы левобережного Илека 1993; 1994; 1995; 1996). К тому же, в погребении раннесарматского времени могильника Покровка 2 (к. 8, п. 10) был выявлен сосуд-курильница (Курганы левобережного Илека 1995: 38, 39, рис. 61, 2; см. также Краева 2011: 138, 139, рис. 2, 4), аналогичный исследованным в погребальных комплексах Тираспольской группы, где они, в частности, признаются наиболее «устойчивой чертой погребального инвентаря могильника Глиное» (Четвериков 2002: 234). Причем, внутри покровского сосуда-курильницы, находилось несколько обработанных фрагментов керамики, в чем очень трудно не усмотреть параллелей с наличием галек, да и не только их, а просто сфероидов, вылепленных из необожженной глины (см. Петрунь 1998: 11) внутри курильниц, обнаруженных в погребениях Тираспольской группы[1].

Допуская возможную взаимосвязь между началом освоения сарматами исследуемой территории, и активизацией военно-политической деятельности меото-сиракского союза племен Северо-Западного Кавказа, обращает на себя внимание и целая серия древностей, которые получили в специальной литературе определение как «клады» снаряжения всадника или «странные» памятники, и которые, не без оснований, связываются с сарматами (Смирнов 1984: 69, 71, 80–81, 84; Лимберис, Марченко 1989: 124; Симоненко 1993: 89,90; 1998: 156; 2000: 161, 162; Щукин

[1] Резюмируя изложенное, с полным основанием можно утверждать, что ставить окончательную точку в дискуссии относительно скифской либо сарматской принадлежности древностей Тираспольской группы, как в пользу первой версии, так и второй, пока, будет несколько преждевременным. Единственное, что уже сейчас становится очевидным, так это явная неуместность поспешности, а, самое главное, категоричности в выводах как со стороны приверженцев мнения о скифской принадлежности древностей Тираспольского курганного поля, так и, разумеется, в равной мере, их оппонентов.

1994: 98; Виноградов 1999: 77, 78; Редина, Симоненко 2002: 78–96; Дзиговский 2003: 57–59; 2005а: 17; Дзиговський, Островерхов 2004: 71–73; 84–85, прим. 39–43; 86–87, прим. 58, 59; Дзиговский, Островерхов 2010: 145–174; Медведев 2008: 18–21; Сергацков 2009: 149–159). Датировка большинства «кладов», известных на землях западнее Днепра, III–II вв. до н.э. и очевидная синхронность их времени активного функционирования «катакомбного» некрополя на Тираспольском курганном поле, и, что самое главное, фиксация, как и в тех, так и других древностях аналогичных предметов (Яровой, Четвериков 2000: 15, 16), позволяют считать эти памятники одного культурного круга (Дзиговский 2003: 57–59)[1].

Середина – вторая половина II в. до. н.э. в Северном Причерноморье характеризуется какими-то очередными катаклизмами, явно не природного характера. Во второй половине II в. до н.э. в огне пожаров гибнут жилые дома и система оборонительных сооружений Тиры (Самойлова 1988: 100), упадок строительства и даже окончательная гибель строений (на теменосе и агоре, в жилых кварталах), начиная с середины II в. до. н.э. наблюдаются в Ольвии (Крыжицкий 1985: 132), следы катастрофы этого времени археологически фиксируются на «всей дальней хоре» и в окрестностях античных городов Северного Крыма (Масленников 1999: 186). И в это же время прекращает свое функционирование большой «катакомбный» некрополь на Тираспольском курганном поле. Синхронность этих явлений вряд ли может быть случайной. Вероятнее всего, они стали следствием как усиления крымских скифов (Harmatta 1970: 18), так и появления в Северном Причерноморье роксоланов (Симоненко 1991: 17–28), где последние, наравне с язигами олицетворяли собой новую (вторую) волну сарматской миграции в северопричерноморские степи (Виноградов 2004: 25). Несомненное влияние на политическую ситуацию в этом регионе могла иметь также и активность бастарнов (Марченко 1996: 77).

Логика событий этого времени свидетельствует, что определяющая роль меото-сиракского союза племен в политической истории Северного Причерноморья, а следовательно, и присутствие их боевых дружин на данной территории никак не устраивали ни роксоланов, ни крымских скифов, ни бастарнов. Первые должны были стремиться к укреплению и расширению своих новых степных владений, вторые – к освобождению от сюзеренства сарматов (Harmatta 1970: 17), третьи – к усилению своего влияния, как в Поднестровье, так и Поднепровье. Таким образом, каждая из названых сторон преследовала личную цель, что, в свою очередь, неизбежно должно было «толкать» их навстречу друг другу для создания бастарно-скифо-роксоланского политического союза (см. об этом Щукин 1994: 147, 153).

Судя по всему, во второй половине II в. до н.э., в результате вполне вероятного образования такого объединения, меото-сиракский союз племен Северо-Западного Кавказа теряет свое влияние на западе степного Причерноморья, что, в конце концов, и приводит к окончательному уходу их воинских пограничных контингентов с этой территории. Не исключено, что начало этому процессу положили решительные действия царя крымских скифов Скилура, который «многими силами выступая на защиту [отчизны на полчища] фракийцев (и) *меотов* (курсив мой – А.Д.) [Ареса] кару божью ниспростер и разметал …» (Виноградов, Зайцев 2003:

[1] «Кубанский след», как оказывается, все-таки можно проследить среди материалов «странных» комплексов исследуемой территории (см. напр. дискуссию относительно происхождения причерноморских удил с крестовидными насадками Зайцев 2005: 88–94 и Симоненко 2010: 156–161).

44–53), что, в свою очередь, имело место, вероятно, между 50-ми (Виноградов 1989: 249) и концом 30-х гг. (Зайцев 2003: 42, 43, 52, 53) II в. до н.э.[1]

Сарматы на рубеже эр. Начиная с самого конца II в. до н.э. и практически вплоть до 63 г. до н.э. жизнь, поступки и действия варваров Северного Причерноморья, в том числе и сарматов, во многом определялись государственными и политическими интересами Митридата VI Евпатора – могущественного владыки Понта. В эпоху его царствования письменные источники локализуют этих кочевников уже на правом берегу Дуная, где они упоминаются, опять же, вместе со скифами и бастарнами (Strabo. VII, 13). В свое время, Я. Харматта вполне обоснованно предполагал, что проникновение скифов, бастарнов и сарматов и югу от Дуная могло быть в русле политики царя Понта и, возможно, даже санкционировано им (Harmatta 1970: 28). В связи с данным предположением, очень уж заманчиво видеть в свидетельствах нарративных источников отражение каких-то действий бастарно-скифо-сарматской (роксоланской) коалиции как союзников Митридата VI Евпатора. Определенные подтверждения этому тезису можно найти и среди археологических источников. Так, с достаточной долей вероятности, концом митридатовского времени могут быть датированы некоторые сарматские древности, известные в Буджакской степи, в частности, основное подкурганное погребение (№ 4) у с. Холмское, которое было совершено в могильной яме прямоугольной в плане формы с уступами-заплечиками вдоль длинных сторон (рис. 150). Углы ямы закруглены, на дне последней прослежены меловая посыпка и камышовая подстилка. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кисть правой руки находилась на костях таза. В погребении выявлен достаточно разнообразный инвентарь, в том числе красноглиняный одноручный широкогорлый кувшин, серебряная фибула среднелатенской схемы, золотые нашивные бляшки, серебряные ручные и ножные браслеты, стеклянные бусы (Гудкова, Фокеев 1984: 8–10; 21–24; Щукин 1989: 35, 37). Безусловного внимания заслуживает и фиксация на гето-дакийских поселениях Запрутской Молдовы отдельных сарматских предметов, нижняя дата которых определяется I в. до н.э., а возможно даже и второй половиной II в. до н.э. (см. Bichir 1993: 139, fig. 3; Дзиговский 2003: 71, 72). Наконец, еще одним материальным свидетельством возможности проникновения сарматов южнее Дуная в эпоху Митридата VI Евпатора могут служить и находки на территории современной Болгарии замечательных изделий: так называемых «греко-ираноиндийского стиля», «причерноморского графического стиля» или «стиля Малибу» (Ростовцев 1993: 39–56; Мордвинцева 1996: 12–14; Щукин 2001: 81–85). Появление этих предметов в восточноевропейских степях вполне обоснованно связывается с событиями, которые привели к гибели Греко-Бактрийского царства, усилению Парфии, образованию в Индии индо-скифских или индо-сакских царств, что, в свою очередь, было связано с вынужденным передвижением юечжей, под давлением гуннов, от границ Китая на запад и юго-запад (Ростовцев 1993: 46). Судя по всему, именно в результате этих событий и появляются в Северном Причерноморье роксоланы, с которыми и приходят в данный регион изделия вышеупомянутого стиля (Щукин 1994: 144, 145, 146; Щукин, Еременко 1999: 157).

---

[1] С.Р. Тохтасьев и Ю.А. Виноградов предполагают, что «меоты», которых победил Скилур, на самом деле являются обитавшими в Восточном Приазовье сарматами (см. Тохтасьев 2005: 295; 304, прим. 54).

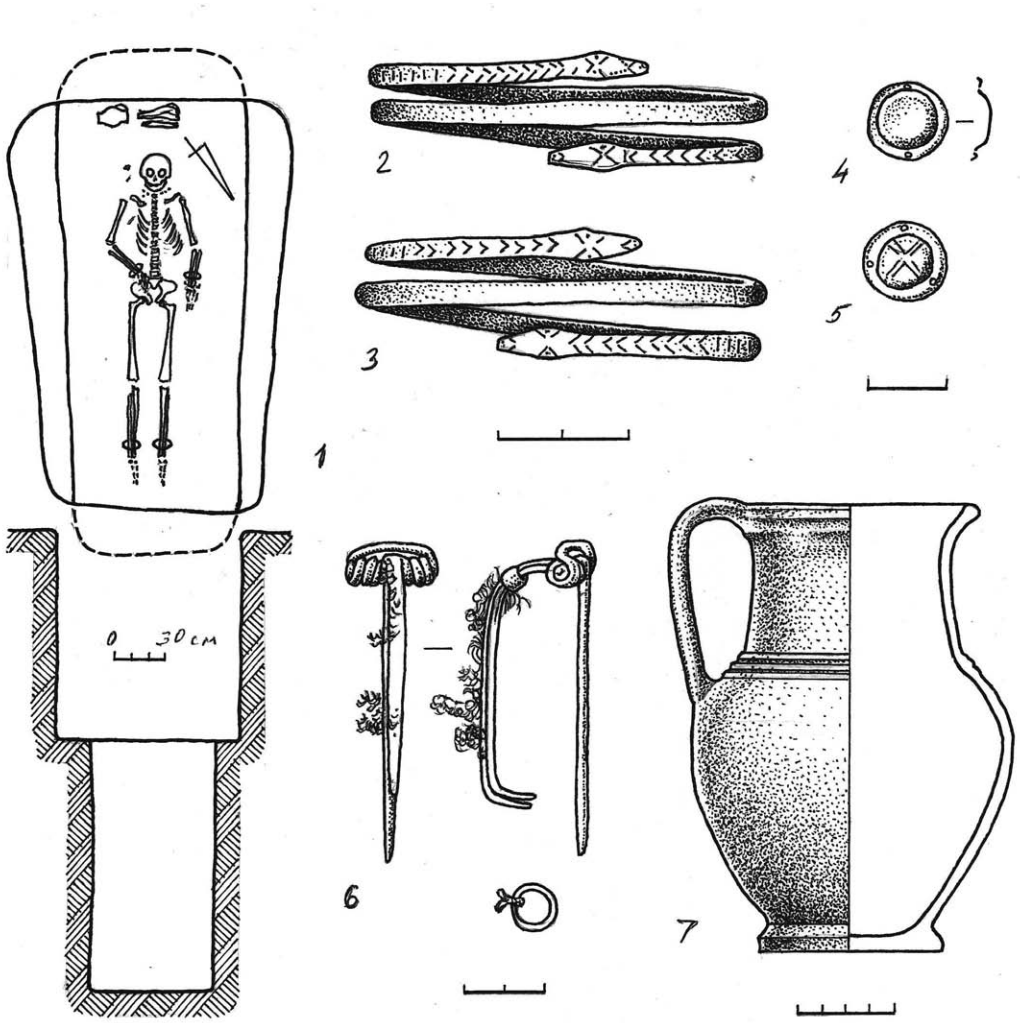


Рис. 150. Комплекс середины – второй половины I в. до н.э.
(Холмское, погребение 4)

Бурные события, самым существенным образом повлиявшие на историю сарматов Северо-Западного Причерноморья, имели место, в первой половине I в. до н.э., не только восточнее, но и к западу от него. Около начала 50-х годов до н.э., в Карпатском ареале, образовалось могущественное племенное объединение гето-даков во главе с Буребистой. После разгрома последним в 55 или в 50 гг. до н.э. античных полисов Западного и Северо-Западного Понта, подконтрольные данному племенному объединению территории значительно расширяются в восточном направлении и, согласно свидетельств письменных источников, граница между Дакией и Сарматией начинает проходить по Днепру (Подосинов 1988: 39–40).

Мощный заслон в лице племенного объединения гето-даков во главе с Буребистой, вероятно, во многом, скорректировал динамику проникновения сарматов к западу от Днепра, поскольку выразительных археологических следов их продвижения в данный регион, начиная со второй половины I в. до н.э. и вплоть до предпоследнего его десятилетия не наблюдается. Хранят об этом молчание и другие категории источников. Такое положение с сарматскими древностями этого времени на западе степного Причерноморья, вобщем-то, и не должно вызывать особого удивления, если учесть то обстоятельство, что именно в указанный хронологический период начинается медленное, но верное продвижение римлян к низовьям Дуная. Стремление Древнего Рима взять эту территорию под свой контроль достаточно выразительно наметилось еще в эпоху митридатовых войн, однако ощутимое поражение проконсула Македонии Гая Антония Гибриды в 61 г. до н.э. от объединенных сил эллинов, гетов, скифов и бастарнов вблизи Истрии, а главное, усиление гето-дакийского союза племен во главе с Буребистой, свели на нет все предшествующие попытки римлян закрепиться в указанном регионе. Решительное продвижение Рима к северу от Балкан возобновляется с самого начала 20-х гг. до н.э., когда в результате действий проконсула Македонии Марка Лициния Красса в 29–28 гг. до н.э. римляне на северо-востоке проникли вплоть до самого низовья Дуная и завоевали Мезию, на землях которой, в самом начале правления Тиберия, была организована одноименная римская провинция (Дьяков 1940: 79; Златковская 1951: 26–29, 30–31, 44; Блаватская 1952: 170; Vulpe, Barnea 1968: 34, note 44).

Согласно данным письменных источников, сарматы становятся довольно частыми гостями на Нижнем Дунае лишь в конце I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э. (Овидий, Флор, Дион Кассий). Но, вот что любопытно. В Буджакской степи, древности сарматов, которые могли бы служить археологическим соответствием данным сообщениям крайне малочисленны (Дзиговский 2003: 81, прим. 4). С другой стороны, в Верхнем и Среднем Поднестровье сарматских памятников этого времени наблюдается гораздо больше. Именно последние, не без оснований, и связываются исследователями с язигами, которых отмечал Публий Овидий Назон в своих «Письмах с Понта» (Смішко 1962: 69; Bichir 1972: 168; Щукин 1989: 38; Гросу 1990: 38–39, 42) и которых, возможно, под общим этнонимом «сарматы» упоминают и другие древние авторы, в частности, Флор и Дион Кассий. По свидетельствам, опять таки, письменных источников (Tacit. Ann. XII, 29, 30), язиги уже около середины I в. н.э. активно участвуют в политических событиях в Центральной Европе, что, в свою очередь, дает все основания предполагать их миграцию в западном направлении в указанное время. Был ли процесс переселения язигов на земли западнее Карпат растянутым на десятилетия или он имел место в сравнительно короткий срок сказать, со всей определенностью, крайне трудно. Однако, обращает на себя внимание выразительная информационная лакуна, которая прослеживается

в письменных источниках относительно проникновения сарматов на Нижний Дунай между серединой 10-х и серединой 30-х гг. н.э. Такое «невнимание» со стороны античной письменной традиции, по отношению к этим кочевникам может отражать снижение напряженности, связанной с регулярными вторжениями последних в указанный регион, в отмеченное время. Определенная стабилизация обстановки на этой территории начала намечаться еще в конце правления Августа. Не вызывает сомнений, что в дальнейшем, стабилизирующими факторами на политическую ситуацию в Северо-Западном Причерноморье послужили и организация провинции Мезия и переход де-факто, после изгнания Рескупорида, под управление римлян Одрисского царства. И только «отшельничество» Тиберия на о. Капри и его самоустранение от «хлопот государственных» (Suet. III, 41) нарушило эту шаткую стабильность. Отсутствие, надежно датированных сарматских комплексов именно первой половины I в. н.э. в Буджаке, Запрутской Молдове, Добрудже и Мунтении позволяет видеть в сарматах, которые, согласно письменных источников, опустошали Мезию в конце правление Тиберия еще язигов Верхнего и Среднего Поднестровья. Следовательно, termini post et ante quem переселения язигов на запад можно считать начало второй трети и середину I в. н.э. Наличие и концентрация язигских древностей рубежа эр – первой половины I в. н.э. в Верхнем и Среднем Поднестровье и отсутствие таких в более южных и юго-западных районах достаточно выразительно намечают и маршрут переселения этих сарматских племен на Тисскую равнину – через перевалы Северо-Восточных Карпат и Верхнее Потисье (Bichir 1972: 168; 1976: 210; 1993: 139, Щукин 1989а: 77; 1994: 204).

Возможно, одной из главных причин миграции язигов в междуречье Тисы и Дуная стало появление на землях западнее Днепра новой сарматской, предположительно, аланской орды и образование, вследствие этого, в данном регионе значительного политического объединения этих кочевников, куда кроме последних, входили также аорсы и, может быть, роксоланы. Основания для подобного вывода дают данные нумизматических источников, которые удостоверяют чеканку на монетных дворах античных полисов Северо-Западного Понта, в частности в Ольвии, монет сарматских царей Фарзоя и Инисмея между серединой и началом последней четверти I в. н.э. Чеканка собственной монеты варварскими басилевсами, да к тому же еще и по римским весовым нормам было бесспорным вызовом Древнему Риму и свидетельствовала о силе нового сарматского политического объединения (Каришковський 1961: 120). Очевидно, именно с его образованием и, как следствие, усилением влияния сарматов в Северо-Западном Причерноморье имеют прямую связь решительные действия наместника Мезии Плавтия Сильвана против варваров указанной территории и не менее решительные его мероприятия по созданию «зоны безопасности» вдоль северных границ, вверенной ему провинции (Bichir 1996: 302–303, 304; Дзиговский 2003: 87–102). Относительно конкретной племенной принадлежности сарматских царей Фарзоя и Инисмея, которые чеканили на монетном дворе Ольвии свои, соответственно, золотые и серебряные монеты существуют разные точки зрения (см. напр. Симоненко 1992: 148–162; Гросу 1992: 141–148). Наиболее убедительным и обоснованным представляется мнение, которое было высказано, в свое время, П.О. Карышковским, полагавшим возможным усматривать в них аланских правителей (Карышковский 1980а: 120–121).

Усиление сарматского влияния на данной территории четко фиксируется и археологическими источниками. Середина – вторая половина I в. н.э. характеризу-

ется в Северо-Западном Причерноморье резким количественным скачком сарматских древностей. Для этого времени здесь известны как впускные, так и подкурганные погребения сарматов, хотя отсутствуют регулярные могильники последних. Для данного периода характерны два типа могильных ям – прямоугольные ямы с заплечиками вдоль длинных сторон и прямоугольные с округленными углами ямы (рис. 151). Известна одна катакомба (рис. 152). Из особенностей погребального ритуала фиксируются меловая посыпка или обмазка дна, стенок и заплечиков ям, следы огня и древесные угольки в могилах. Положение погребенных вытянуто, на спине, ориентировка, главным образом, северная с отклонением к востоку или западу. Состав инвентаря отличается значительным количеством античного импорта. Это, прежде всего краснолаковая, стеклянная и металлическая посуда, украшения из драгоценных металлов. Однако даже среди данных древностей богатством и диагностичностью погребального инвентаря выделяются захоронения у сел Ковалевка (Ковпаненко 1986), Михайловка (Добролюбский 1988: 71–91) и, до определенной степени, казаклийский комплекс (Агульников, Бубулич 1999: 10–15; Agulnicov, Bubulici 1999: 287–307). Все они характеризуются инновациями, которые имеют ярко выраженное восточное происхождение (предметы, выполненные в полихромно – бирюзовом стиле, фалары). Распространение этих инноваций в сарматских древностях восточноевропейских степей, вполне обоснованно, связывается с очередным выплеском, циклически закипающего на востоке «кочевого котла», а в роли их основных распространителей, также небезосновательно, видят аланов (Скрипкин 1996: 163–165, 168). Появление последних на западе степного Причерноморья привело к существенным изменениям в сарматской кочевой среде данной территории. Язиги вынуждены были переселиться на Тисскую равнину, а ранние аланы объединив под своим политическим лидерством аорсов и роксоланов, становятся полновластными хозяевами в Северо-Западном Причерноморье.

Сарматы во II – первой половине III вв. н.э. В последней четверти I в. н.э., в непосредственной близости к нижнедунайской границе Римской империи, на землях даков, возникло могущественное государственное объединение, которое представляло собою прямую угрозу римским владениям к югу от Дуная. Сила и воинственность этих ближайших соседей, постоянная опасность их вторжений в пределы пограничных провинций буквально «подталкивали» Древний Рим начать активные военные действия с целью ликвидации этого очага угрозы. К тому же, богатые железом, медью, золотом, а кроме всего прочего, еще и плодородные земли Дакии уже давно привлекали его пристальное внимание. Война Рима с даками началась еще в правление Домициана, однако ее итоги едва ли можно трактовать в пользу последнего. Ситуация в дако-римских отношениях кардинально меняется с приходом к власти Траяна, который в 101–102 гг. и 105–106 гг. выиграл две жестокие войны с даками, после чего, в 106 г. на землях последних была образована новая римская провинция Дакия, которая с момента своего создания становится императорской провинцией (Бондарь 1974: 109).

Это событие вызвало собою резкое увеличение стратегической роли Нижнего Дуная, что, в свою очередь, требовало усиления обороны нижнедунайского лимеса. Одним из материальных проявлений этого процесса стало строительство Нижнего Бессарабского вала, который тянется через южные районы Буджакской степи от р. Прут к оз. Сасык. Длина вала составляет 126 км, а вся его трасса делится на три участка или сектора (Бондарь 1973: 153–154). Сразу же необходимо отме-

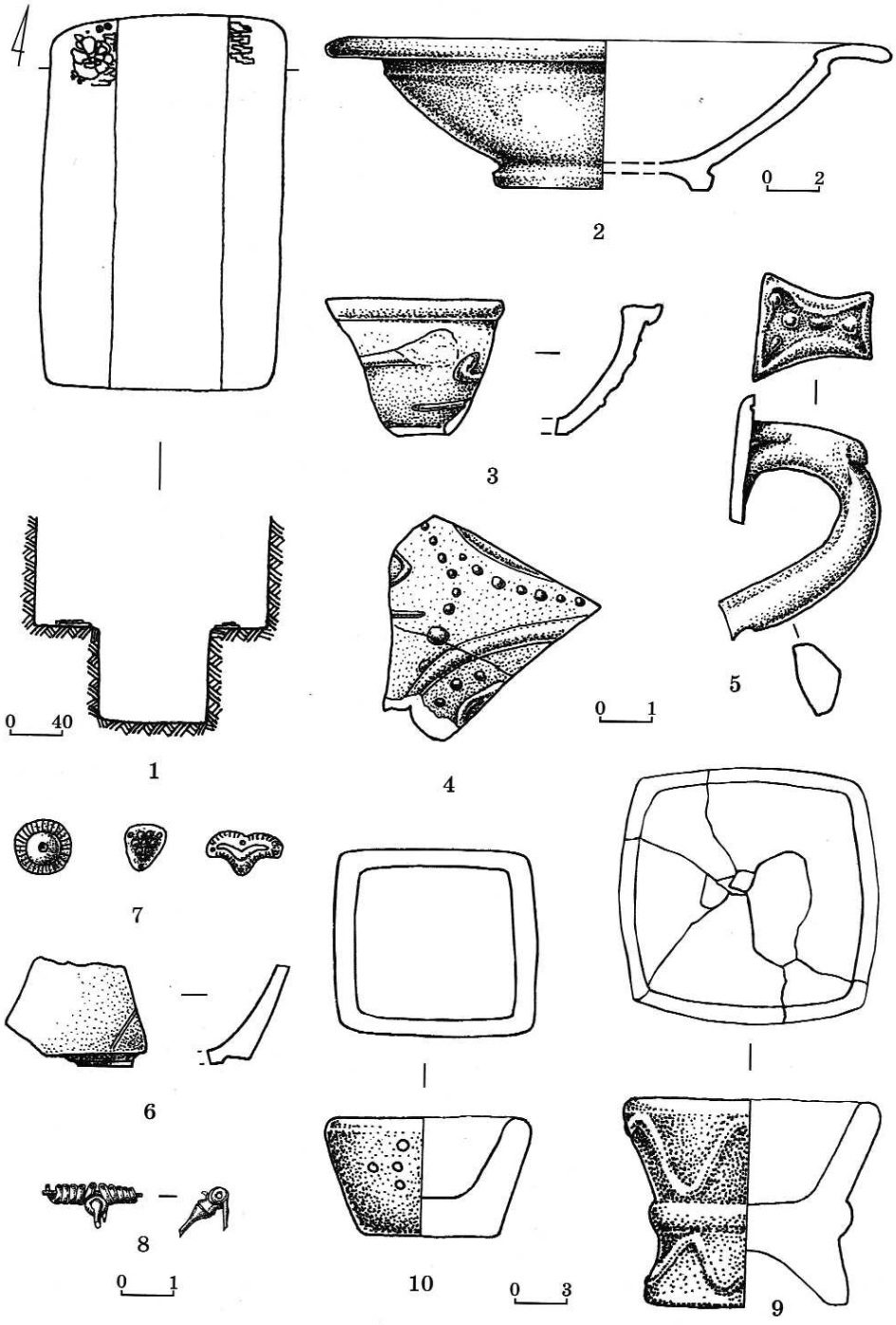


Рис. 151. Комплекс второй трети I в. н.э. (Турлаки, курган 7)

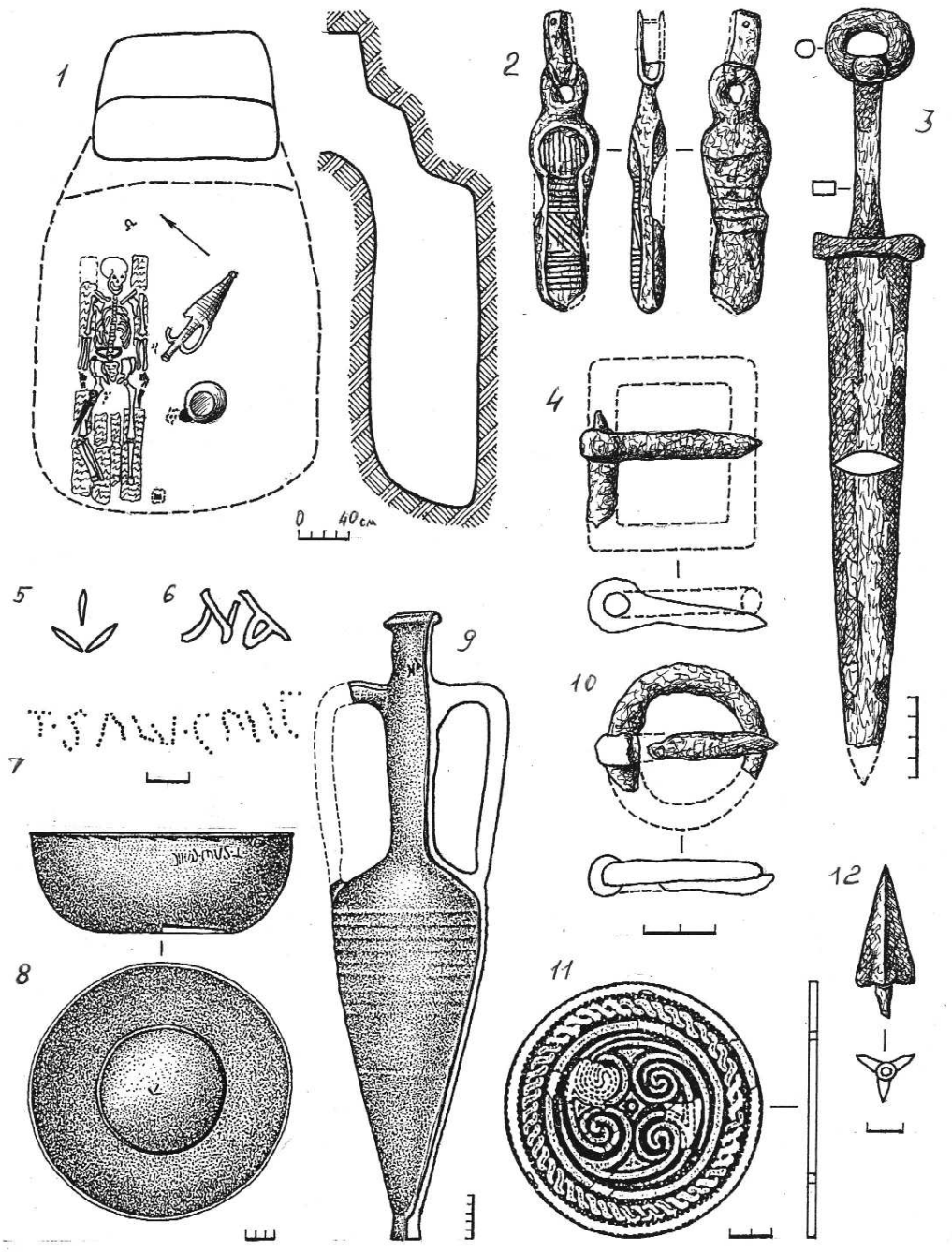


Рис. 152. Комплекс середины – второй половины I в. н.э. (Казаклия, курган 10)

тить, что вопрос о времени сооружения Нижнего Бессарабского вала является предметом острой дискуссии и до сегодняшнего дня, а обобщение мнений отечественных и зарубежных исследователей о дате возведения данного оборонительного сооружения дает возможность отразить их в пределах от I в. до н.э. до эпохи средневековья (Vulpe 1950: 89–98; Вулпе 1960: 259; Федоров 1960: 71–80; Крупенников 1960: 55; Бондарь 1973: 150; Карышковский, Клейман 1985: 95; Дзиговский, Лисецкий 1991: 42–43; 1997: 229–238; Рошка 1991: 44–45; Добролюбский 1991: 52; Суботін, Чеботаренко 1992: 103–117; Руссев 1998: 129–134). Из данного обобщения становится очевидным, что датировка памятника, на основании изучения отдельных, очень незначительных его участков, без стационарного исследования вала на всем его протяжении, едва ли принесет объективные результаты. В связи с чем, обращают на себя внимание данные относительно даты вала, полученные с помощью педохронологического метода. Оказалось, что время сооружения Нижнего Бессарабского вала в границах нынешней Одесской области не выходит за пределы II в. н.э. Крайне интересным также оказалось и сопоставление полученных результатов с данными исследований участка Нижнего Бессарабского вала, расположенного на территории современной Молдовы, которое удостоверило неодновременность сооружения вала на всем его протяжении и более раннее его возведение в секторе от р. Прут (Дзиговский, Лисецкий 1991: 42–43). Данный отрезок оборонительного сооружения прикрывал наиболее опасный участок нижнедунайской границы, напротив переправы через Дунай и его прямая связь с римским кастелем у современного с. Орловка несомненна (Бондарь 1973: 154). Учитывая более раннее сооружение именно этого участка Нижнего Бессарабского вала, по сравнению с двумя другими, датировка его в пределах второй половины I в. н.э. вполне допустима, тем более, что в последнее время появляется все больше нумизматических и археологических материалов, свидетельствующих о строительстве римлянами предмостного укрепления у современного с. Орловка именно в указанное время (Бондарь, Булатович 1990: 101; 1991: 103, прил. № 4–10; Булатович 1994: 192; Сорокина 1994: 182, кат. № 1–5; Бондарь 1996: 11).

Логическим видится и продолжение строительства двух последних участков Нижнего Бессарабского вала во II в., когда в процессе усиления обороны нижнедунайского лимеса римские сторожевые посты появляются на левом берегу Дуная, в частности, в районе современных городов Измаила и Килии. Вместе с кастелем у с. Орловка эти римские опорные пункты, прикрытые с севера Нижним Бессарабским валом, представлявшим собою искусственный барьер между озерами Буджака, который перекрывал все пути быстрого проникновения к Дунаю и местам перехода через него со стороны кочевой степи и лесостепи, составляли вместе с валом единую и эффективную систему защиты данного отрезка нижнедунайского лимеса, а значит и провинции Нижняя Мезия. С мероприятиями по укреплению северо-восточного сектора границы последней, вероятно, тесно связано и появление постоянного римского гарнизона в Тире. Вполне естественно, что для связи с провинцией Нижняя Мезия, воинские подразделения легионов которой располагались в этом античном полисе, необходимы были надежные сухопутные магистрали. Одна из таких, достаточно обосновано, локализуется, согласно данных письменных источников. Она шла от моста через Дунай, напротив римского лагеря и стоянки мезийского флота Новиодуна, через предмостное укрепление на «Каменной Горе» (с. Орловка) на восток, вдоль северного устья Дуная. Затем, у современного города Килия, поворачивала к северу и, пересекая Нижний Бессарабский вал, через район

современного г. Арциз следовала к Тире, и далее в Таврику (Зубарев 1999: 68–70). Еще один сухопутный путь, о котором также упоминают письменные источники, шел к Тире, во времена императора Траяна, из Дакии (Карышковский, Клейман 1985: 96, 97).

Таким образом, римское военное присутствие в Северо-Западном Причерноморье в первой половине II в. н.э. носило достаточно масштабный характер. Оно находилось в прямом соответствии со стратегией усиления политического влияния Древнего Рима в данном регионе, что отчетливо начало проявляется еще в годы мезийского наместничества Тиберия Плавтия Сильвана и, намного рельефнее, после дакийских войн Траяна.

Эффективность действий римлян, направленных на укрепление нижнедунайской границы и усиление своего военного присутствия в Северо-Западном Причерноморье, наглядно демонстрируют археологические источники, в особенности, что касается юга Буджака. Сарматские древности изучаемой территории первой половины II в. н.э. представлены исключительно отдельными впускными погребениями, которые «разбросаны» по степи на довольно значительном расстоянии друг от друга. В это время исчезают основные погребения, которые известны в предыдущие периоды. Не зафиксированы в первой половине II в. н.э. и регулярные сарматские могильники. Ведущей формой могилы является прямоугольная с округленными углами яма. Ориентировка погребенных становится только северной с отклонением к востоку или западу. Предметы погребального инвентаря представлены сероглиняными гончарными кувшинами, бронзовыми дисковидными зеркалами без ручки с неорнаментированной оборотной стороной, стеклянными бусами и бисером. Совсем неизвестны в погребениях находки краснолаковой, стеклянной и металлической посуды. Вообще, следует заметить, что малочисленность и бедность погребального инвентаря является наиболее характерной чертой сарматских древностей данного времени. Однако, что характерно, чем далее к северу от Нижнего Дуная, тем все больше фиксируется сарматских памятников. Небезынтересно отметить, что аналогичная ситуация с расположением сарматских древностей в Северо-Западном Причерноморье уже имела место в конце I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. и была тесно связана с политикой Рима относительно нижнедунайских территорий. Судя по всему, такая характерная особенность распространения сарматских древностей в исследуемом регионе, может свидетельствовать лишь об одном. Присутствие этих кочевников на западе степного Причерноморья в первой половине II в. н.э., столкнувшись с интересами Рима на данной территории, носило, очевидно, исключительно характер эпизодических вторжений, количество которых было существенным образом ограничено как введением регулярных частей римских войск в Тиру и другие пункты, расположенные на левом берегу Нижнего Дуная, так и продолжением строительства Нижнего Бессарабского вала (Дзиговський 2000: 137).

Иное дело лесостепные регионы, в частности, междуречье Среднего Прута и Днестра, где для II в. известны значительные сарматские могильники, которых объединяют между собою специфические особенности погребального ритуала (рвы прямоугольной и квадратной формы). Данные памятники исследователи вполне справедливо выделяют в одну культурную группу и предполагают их одновременное возникновение и синхронное функционирование (Симоненко 1999: 13). В то же время, относительно датировки этой очень интересной группы сарматских древностей существуют самые разные мнения. Их датируют второй половиной

I–II вв., концом I–II вв., второй половиной II – первой половиной III вв., II – началом III вв. (Яровой, Чирков 1989: 183; Гросу 1990: 71; Курчатов и др. 1995: 122; Гудкова, Фокеев 1984: 32; Курчатов 1989: 74).

Тщательный анализ предметов-хроноиндикаторов, выявленных на этих памятниках, дает возможность датировать их в пределах начала II в. и самого конца его второй трети. Сарматские древности с аналогичными особенностями погребального ритуала известны и значительно южнее – в Буджакской степи, однако, на основании опорных хроноиндикаторов, датируются они здесь в рамках конца II – первой половины III вв. Рассматривая в целом хронологию данного пласта сарматских памятников со специфическими особенностями погребально-поминального ритуала, явно принадлежащих какой-то единой группе кочевого населения, представляется достаточно очевидным ее общее определение в пределах начала II – первой половины III вв. В то же время, становится не менее очевидным, что в рамках указанного периода, эти древности в лесостепных и степных районах территории от Южного Буга до Дуная и Прута, асинхронны. В этой связи, обращает на себя внимание наличие значительного количества сарматских памятников в междуречье Среднего Прута и Днестра, датирующихся двумя первыми третями II в., и, практически, отсутствие таковых, в указанное время, в более южных районах (Буджак). Очень показательно и повторение ситуации с количеством и характером этих памятников для указанных регионов в последней трети II – первой половине III вв., однако теперь уже с точностью «до наоборот». Что, в свою очередь, дает основания утверждать о перемещении кочевого сарматского населения, имевшего место в последней трети II века из северных лесостепных районов на юг – в Буджакскую степь (Дзиговский 2003: 141–150).

Сарматы, для погребального обряда которых характерна практика ритуальных рвов разной формы, появляются на землях западнее Днепра уже в конце правления Траяна, когда в Среднем Поднестровье прекращается традиция погребений аланской знати второй половины I – начала II вв. Исходные районы движения этих переселенцев на новые земли отчетливо «маркирует» фиксация аналогичных поминальных сооружений в сарматских древностях лесостепного Подонья, которые датируются I в. н.э. (Медведев 1990: 72, 73, 95).

Судя по всему, появление очередных пришельцев в междуречье Среднего Прута и Днестра не вызвало здесь резкой смены кочевого населения, а привело к миксации прибывшего с племенным объединением роксоланов (Симоненко 1999: 27, 28). Как представляется, именно роксоланы, начиная со времени правления Адриана, становятся ведущей кочевой силой в Северо-Западном Причерноморье, что находит свое подтверждение и среди свидетельств письменных источников (Dio. Cass. LXXI, 19; SHA. Hadrian. 6).

В 166–180 гг. разгорается очередной крупномасштабный военный конфликт, связанный с войнами Рима против варваров на Среднем Дунае, которые вошли в историю под названием «Маркоманнских войн». В этих событиях непосредственное, и к тому же активное участие принимали сарматы, в которых, согласно данных письменных источников, следует усматривать язигов Тисской равнины (Dio. Cass. LXXI, 7). В нарративных источниках как участники Маркоманнских войн упоминаются также роксоланы и аланы (SHA. M. Ant. Phil. 22, 1). Однако здесь необходимо отметить, что такой авторитетный историк как Дион Кассий, который в 180 году был уже сенатором (Режабек 1895: 208, прим. 164), а, следовательно, располагал самой достоверной информацией, по меньшей мере, о заключительном этапе Мар-

команнских войн, ни словом не упоминает ни первых, ни вторых, довольно подробно и ярко характеризуя эти события. С другой стороны, для погребального обряда сарматов Алфельда фиксируется целый ряд инноваций, которые появляются на этой территории именно во II в., вероятнее всего, после Маркоманнских войн (Kulcsar 1998: 95, 96, 102; Иштванович 2001: 193). Это, в частности, практика курганного обряда погребений и окружения последних рвами кольцевой и прямоугольной формы, то есть именно тех особенностей погребально-поминального ритуала, которые так характерны как для сарматов междуречья Среднего Прута и Днестра, так и Буджака. Очень показательным является и совпадение времени появления сарматских памятников, характеризирующихся поминальными сооружениями кольцевой и прямоугольной формы в Алфельде и Буджакской степи – заключительная треть II в. Последнее может свидетельствовать о том, что предполагаемая нами миграция сарматов из лесостепных районов, в указанное время, имела место не только в южном, но и западном направлениях.

Исходным моментом начала этой миграции могло послужить вторжение костобоков в Нижнюю Мезию, а затем, во Фракию, Македонию и Ахайю в 170 году (Кудрявцев 1950: 56–70). Однако, главная причина возможного передвижения сарматского населения из лесостепных территорий в Алфельд и Буджакскую степь видится не в этом. Представляется, что данное перемещение сарматов было самым тесным образом связано, а еще справедливее будет предположить, вызвано теми кардинальными изменениями в политике Древнего Рима относительно варварских народов, которые произошли в период Маркоманнских войн, когда, варварам впервые было позволено стать поселенцами на землях Империи (Режабек 1895: 171–174, Колосовская 1973: 227, Буданова 2000: 31).

В последней трети II – первой половине III вв. основным регионом активной жизни сарматов Северо-Западного Причерноморья, является междуречье Дуная и Днестра, что наглядно иллюстрируют археологические источники. Для указанного времени, на данной территории известны их курганные и грунтовые могильники, стойбища и даже поселения. Встречаются в этот период и одиночные основные и впускные сарматские погребения. Ведущими типами могильных сооружений являются прямоугольные ямы с заплечиками вдоль длинных сторон и прямоугольные с округленными углами ямы (рис. 153). Появляются подбойные могилы (рис. 154). Ориентировка погребенных северная с отклонением к востоку или западу, при значительном преобладании первой. Из особенностей погребального ритуала, фиксируются меловая посыпка или обмазка стенок, дна и заплечиков ямы, следы огня и древесные угольки в могиле. Состав инвентаря в погребениях этого времени значительно отличается от древностей первой половины II в. н.э. Вновь появляются в могилах краснолаковая, стеклянная и бронзовая посуда, украшения из золота и серебра. Безусловного внимания заслуживает и факт появления в данный период в сарматских погребениях исследуемой территории сероглиняной гончарной посуды дако-карпского производства. Это кувшины и кубки, украшенные орнаментом в виде вертикальных пролощенных полос.

Наличие у сарматов Буджакской степи грунтовых могильников, стойбищ и поселений предоставляет возможность предполагать начало процесса оседания на землю, имевшего место у этих кочевников в отмеченных хронологических пределах. Представляется, что предпосылки данного процесса начали формироваться уже у сарматов, обитавших в первой и второй трети II в. н.э. в междуречье Среднего Прута и Днестра, о чем свидетельствуют их грунтовые могильники, зафиксиро-

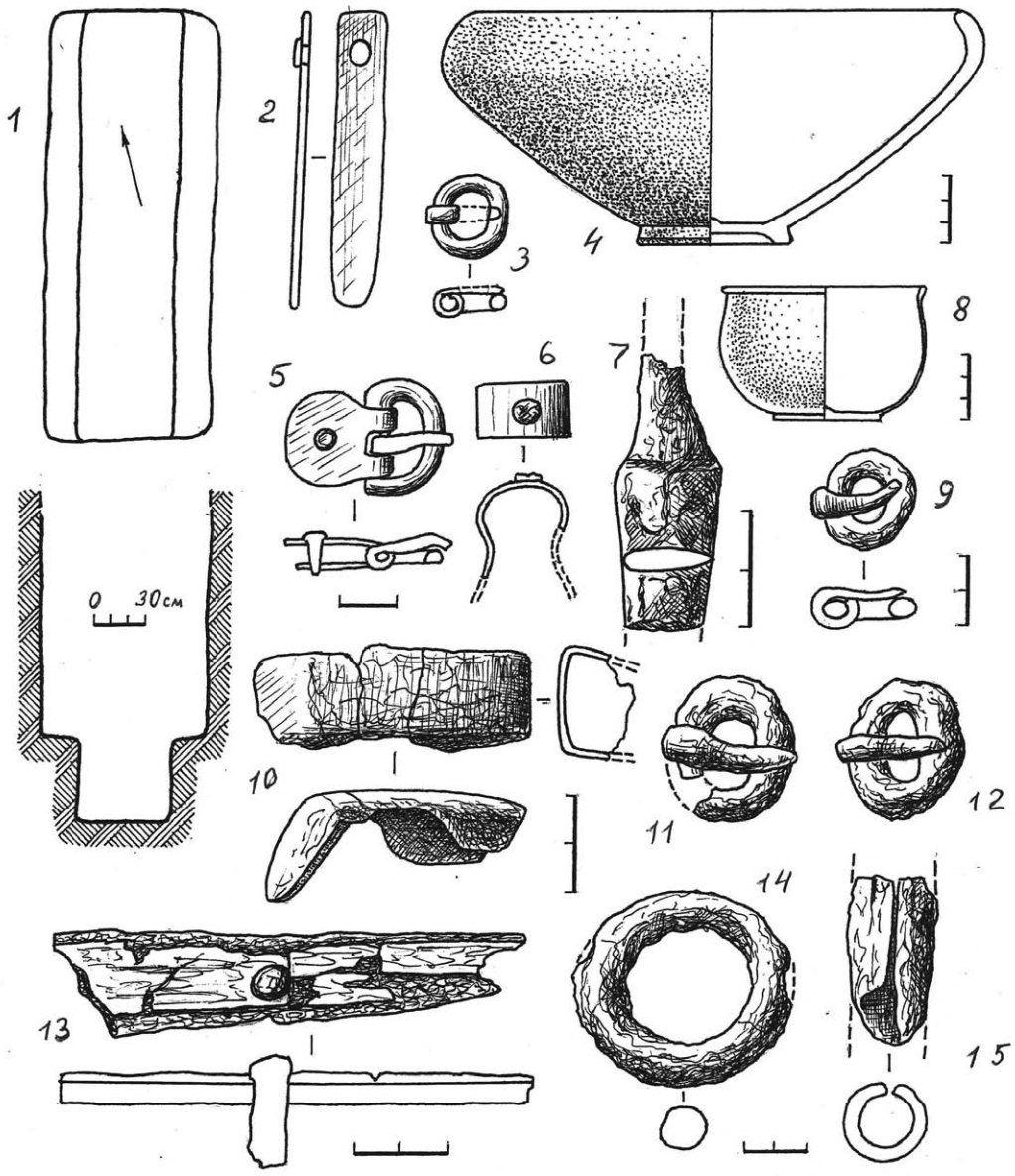


Рис. 153. Комплекс конца II – первой половины III вв. н.э.
(могильник Хаджидер II, курган 7)

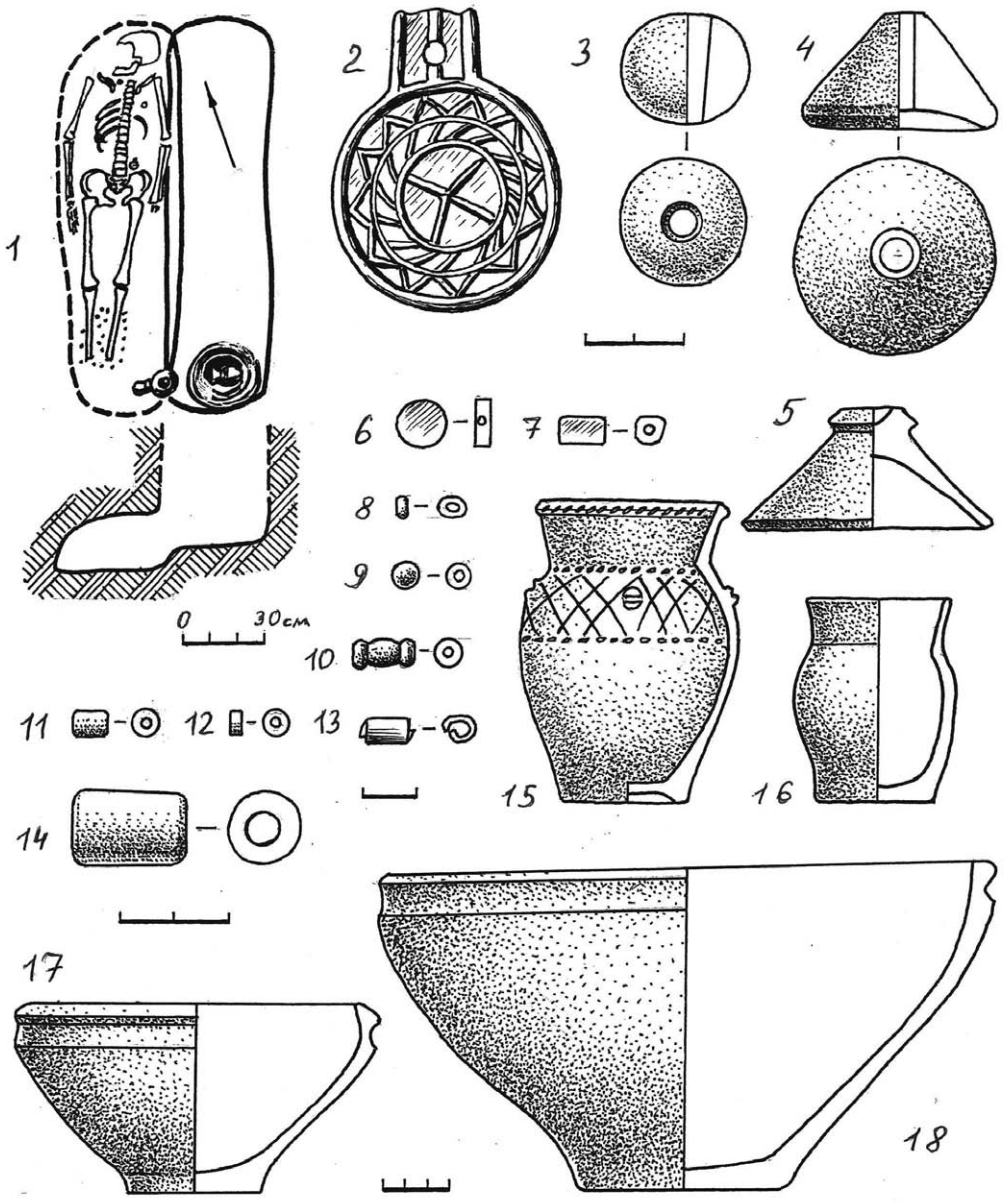


Рис. 154. Комплекс конца II – первой половины III вв. н.э.
(могильник Васильевка, курган 23)

ванные для упомянутого времени в этом регионе. После перемещения данного сарматского населения в Буджак, эти предпосылки получают дальнейшее развитие, что и нашло свое выражение в появлении стойбищ и поселений сарматов в междуречье Дуная и Днестра. Максимально ускорить начало процесса оседания, могли наиболее благоприятные для этого условия. Среди таковых, прежде всего, видится довольно стабильная военно-политическая обстановка. Из относительно значимых событий этого периода, которые существенным образом могли повлиять на ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, письменные и эпиграфические источники отмечают лишь нашествие карпов в 214 году. Однако, оно было направлено, в первую очередь, на грабежи античных городов Западного Понта (Карышковский 1980а: 71–83; Карышковский, Клейман 1985: 128–151; Бруяко, Росохацкий 1990: 22–28; Сон 1993: 52).

Кроме того, необходимо также учитывать и факт обитания на этой территории, а также в непосредственном соседстве от нее земледельческого населения. Дело в том, что переселившись в Буджак, сарматы уже в начале III в. оказываются в полном окружении земледельцев (поздние скифы Нижнего Поднестровья, этулийцы первой волны, свободные даки Запрутской Молдовы), что не могло не сказаться на их жизнедеятельности и способах ведения хозяйства (Дзиговський 1999: 36).

Таким образом, для Буджака последней трети II – первой половины III вв. вырисовывается следующая картина. В этот период здесь вполне мирно сосуществует земледельческое и кочевое население. В хронологический отрезок после окончания Маркоманнских войн и до начала «скифских» походов, военно-политическая ситуация в этом регионе отличается достаточной стабильностью. В это время сарматы полностью закрепляются на данных землях, и они становятся местом их постоянного обитания. В этом промежутке времени степняки оказываются в полном окружении земледельческого населения. Наконец, в этот же период у сарматов данного региона становятся известны грунтовые могильники, стойбища и, даже, поселения. То есть, в наличии все те основные факторы, которые самым непосредственным образом содействуют началу процесса оседания кочевников на землю и занятия ними земледелием (Плетнева 1982: 42, 47, 146).

В связи с данным тезисом, обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Характеризуя древности типа Этулия, исследователи выделяют три хронологических группы этих памятников, которые датируются началом III в., второй и третьей четвертью III в., последней четвертью III – IV вв., соответственно. Данные памятники отражают собою три волны перемещения в Буджак земледельческого населения между которым не наблюдается общности по происхождению. Особый интерес представляет вторая хронологическая группа этих памятников («Холмское II»), которая связывается с «раннеславянско-иранским симбиозом» (Фокеєв 1998: 7, 8, 12, 13). В качестве исходных территорий, где могло возникнуть подобное образование, предполагаются лесостепные районы от бассейна Среднего Днестра до Южного Буга, а основанием для данного предположения служит ряд особенностей керамического комплекса, в частности, наличие на памятниках типа «Холмское II» лепных горшков «скифоидного» облика. Однако, необходимо заметить, что аналогичная керамика, которая так характерна для второй волны «этулийцев», а именно последняя в этнокультурном плане представляет собой «раннеславянско-иранское» образование, в достаточном количестве представлена на сарматских курганных и, что в особенности важно, грунтовых могильниках Буджака последней трети II – первой половины III вв. Наличие подобной керамики также и

на памятниках сарматов лесостепной полосы Пруто-Днестровского междуречья, отчетливо указывает откуда она могла появиться у сарматских племен изучаемой территории, если принять во внимание предложенный нами тезис о перемещении этих кочевников из северных лесостепных территорий на юг в последней трети II в. Тогда, вовсе не исключена возможность возникновения данного симбиоза непосредственно в Буджакской степи, когда первая волна земледельческого населения, которое пришло из лесостепных регионов междуречья Южного Буга и Среднего Днестра, полностью ассимилировала осевших на землю сарматов Буджака, что и привело, в конечном итоге, к образованию здесь во второй четверти III в. нового культурного феномена.

Финал истории. Середина III в. н.э. в Северо-Западном Причерноморье характеризуется значительными потрясениями в жизни сарматского населения этой территории. Приблизительно в это же время, окончательно прекращают свое существование и многочисленные древности сарматов лесостепной полосы Пруто-Днестровского междуречья. В Буджакской степи, начиная с данного времени, на сарматских памятниках вполне отчетливо фиксируется трансформация погребального обряда, проявившаяся, прежде всего, в резкой смене ведущих типов могильных сооружений, господствующими формами которых становятся глубокие подбои (рис. 155) и катакомбы (рис. 156). Во второй половине III–IV вв. н.э. крайне редко встречаются прямоугольные ямы с заплечиками вдоль длинных сторон и прямоугольные с округленными углами ямы. Практически полностью исчезают одиночные основные, и, в особенности, впускные погребения. В отличие от более ранних этапов, в сарматском погребальном ритуале, в несколько меньшей степени, прослеживаются меловая посыпка или обмазка стенок и дна могилы, наличие древесных угольков в последней. В составе погребального инвентаря продолжают преобладать предметы античного импорта, в частности, светлоглиняные амфоры «танаисского» и «инкерманского» типов, стеклянная посуда, украшения из золота, выполненные в полихромном стиле. Выделяются также двучленные лучковые подвязные фибулы с расширенной в нижней части ножкой и наборы металлической наременной гарнитуры. Отмеченные особенности погребального обряда и состава инвентаря сарматских древностей указанного периода служат довольно веским аргументом в пользу вероятности процесса смены одного сарматского населения другим, имевшего место на данной территории ближе к середине III в., о чем собственно и свидетельствует практически полное исчезновение могильных сооружений, наиболее характерных для предшествующего времени и появление новых, при сохранении, в основном, всех основных черт погребального ритуала, присущих одной, в данном случае, сарматской культуре.

Хронологическое совпадение финала последней в лесостепной зоне Пруто-Днестровского междуречья и ухода из Буджакской степи ее бывших хозяев, дает все основания полагать эти события взаимосвязанными. Они приходятся на начальный период «скифских» войн или «готских» походов (конец 30-х – 40-е годы III века), что и видится в качестве главных причин, приведших к таким кардинальным изменениям в жизни сарматов данного региона. Эти войны имели место на территории римских провинций Нижняя Мезия, Дакия, Фракия, и, одну из ведущих ролей в них играли карпы – ближайшие соседи сарматского населения, обитавшего на землях западнее Днепра. Значительное усиление карпов, их более чем активная военная деятельность в конце 30-х – 40-е годы III в., наконец, «дыхание в спину» с севера

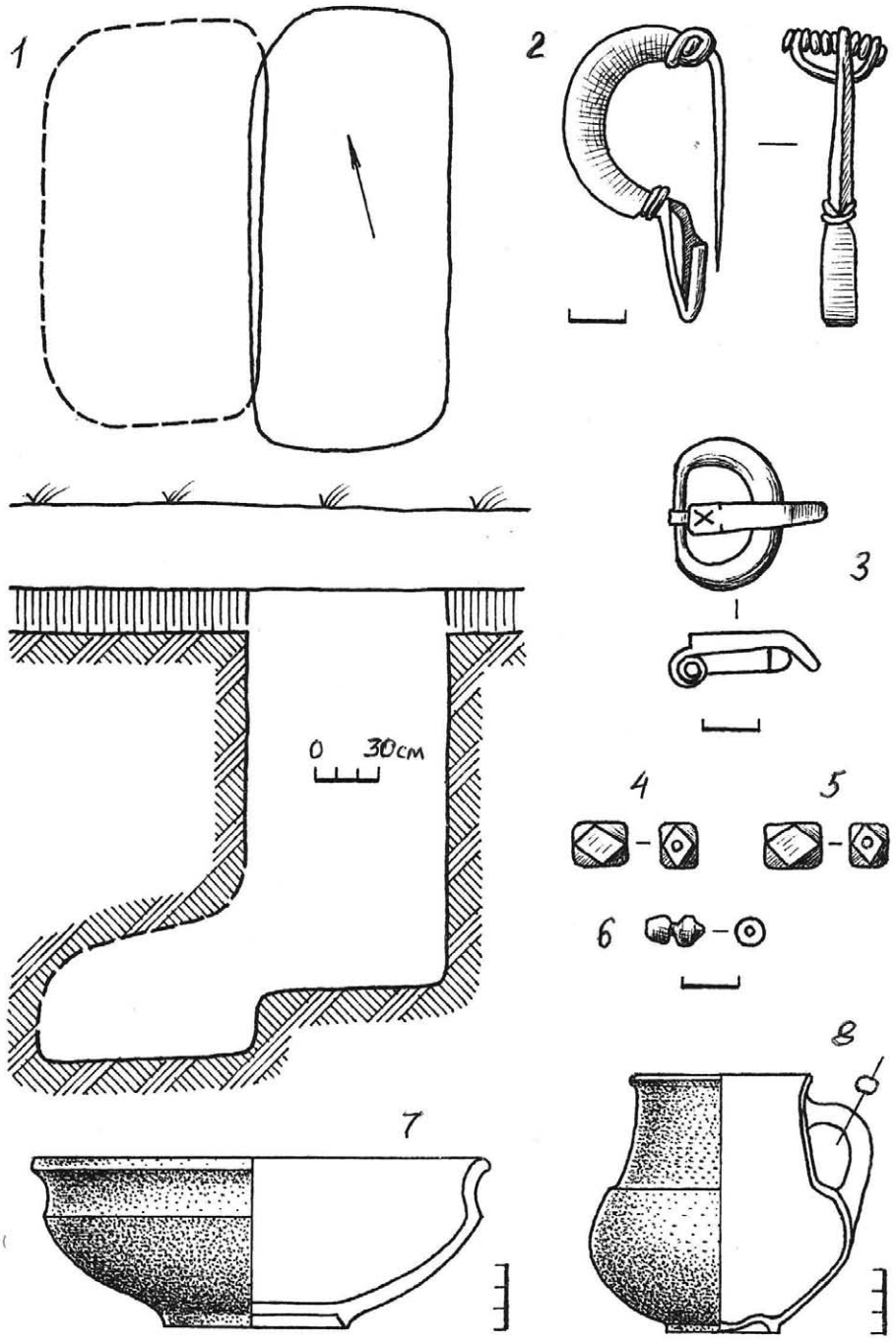


Рис. 155. Комплекс первой трети IV в. н.э. (могильник Кубей, курган 8, погребение 1)

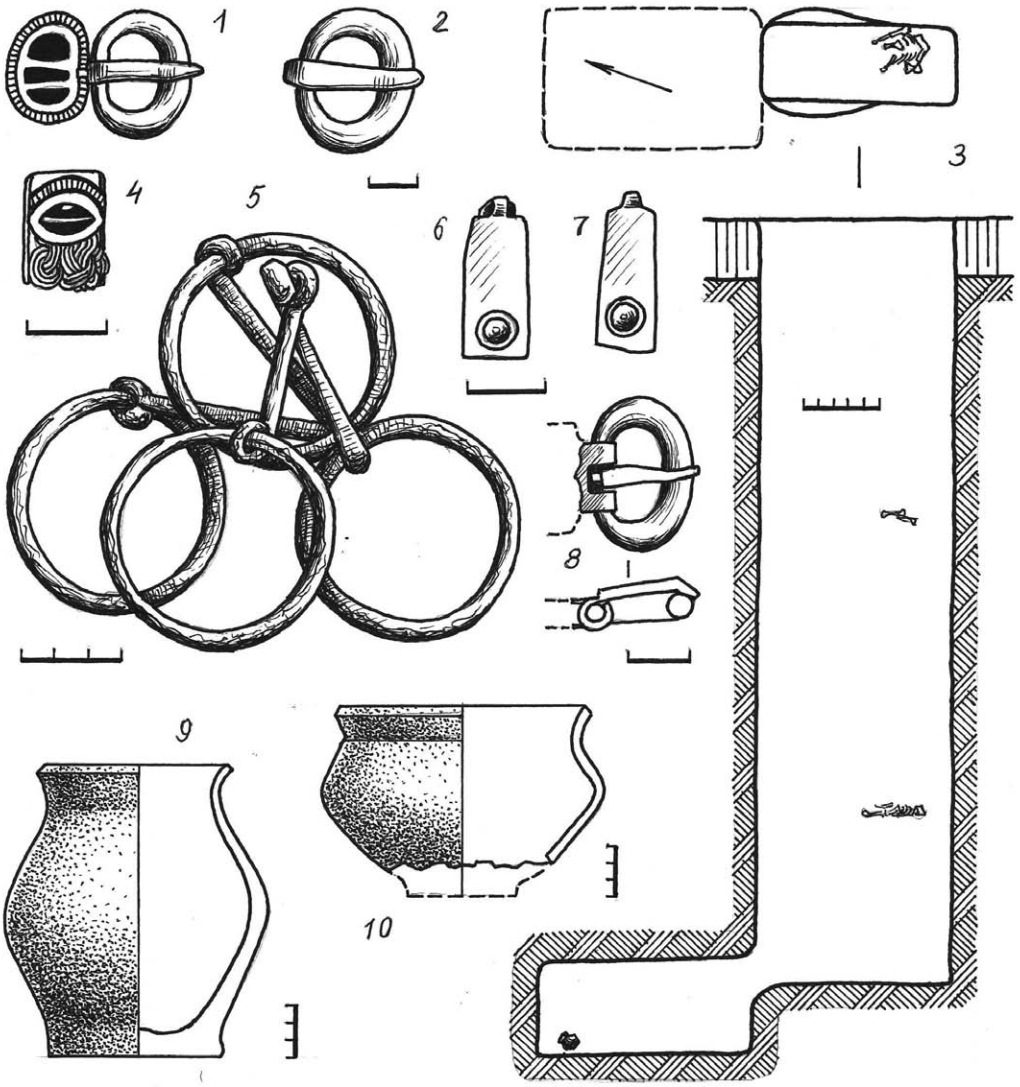


Рис. 156. Комплекс последней трети IV в. н.э. (могильник Кубей, курган 20)

готов, которое все отчетливее начинало ощущаться с этого времени, никак не могли не сказаться на жизни сарматов Северо-Западного Причерноморья. Сумма этих обстоятельств и привела, в конечном итоге, к их уходу с насиженных мест, под сильнейшим давлением внешних факторов, ярко выраженного военно-политического характера[1].

Сарматское население, которое появляется в Северо-Западном Причерноморье, начиная с середины III в., все исследователи единодушно связывают с поздними аланами (Фокеев 1985: 61–63; Яценко 1997: 154; Дзиговский 2000: 150–151; Симоненко 2001: 89, 90). Основанием для подобного единства мнений служат, прежде всего, археологические источники, которые действительно это подтверждают. В то же время, обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все позднейшие могильники сарматов этого региона концентрируются на очень ограниченной территории и характеризуются незначительным количеством исследованных на них погребений, что, в свою очередь, разительно отличает данные памятники от сарматских древностей предшествующего периода. Отмеченные особенности пространственного распространения сарматских памятников второй половины III–IV вв. и количественного содержания в них погребальных комплексов поневоле ставят вопрос о стабильности присутствия аланов в Северо-Западном Причерноморье в указанное время.

Детальный анализ материалов этих древностей свидетельствует, что и в хронологическом плане позднейшие сарматские памятники не составляют собою монолитного единства и, достаточно определенно, делятся на три разновременные группы – второй половины (конца) III в., первой четверти IV в. и конца третьей – начала последней четверти IV в. (Васильев, Дзиговский 2001–2002: 315–334; Дзиговский 2003: 176–199).

Очень показательным является и распределение типов могильных сооружений по данным хронологическим группам. Оказалось, что в каждой из групп доминируют разные типы могильных ям. Отмеченные особенности погребального обряда и хронологии позднейших древностей сарматов Северо-Западного Причерноморья едва ли могут служить подтверждением постоянного присутствия этих кочевников на данной территории в пределах середины III–IV вв. Скорее всего, они отражают отдельные, разновременные проникновения сарматского населения на запад степного Причерноморья. На справедливость данного тезиса указывают и особенности пространственного распространения сарматских древностей западной периферии причерноморских степей, где последние фиксируются не на всей территории, а концентрируются, в подавляющем большинстве, в низовьях Дуная. Отмеченная особенность именно такого их расположения становится вполне понятной, если принять во внимание то обстоятельство, что единственная удобная переправа через Дунай в этом районе находилась возле современного с. Орловка, где, до середины III в., существовало римское предмостное укрепление, которое гибнет в огне и пожарах в указанное время. Следовательно, основной стратегической задачей предполагаемых проникновений сарматов было не заселение всего Буджака, хотя бы на

[1] Не исключено, что какая-то незначительная часть этого, в основной своей массе, роксоланского населения, осталась в Буджакской степи и после начала «скифских» войн или «готских» походов в конце 30-х – 40-е гг. III в. н.э., к которой, возможно, в это время, присоединились отдельные группы сарматских мигрантов с более восточных территорий (см. Васильев, Савельев 2008: 29–37; Савельев 2005–2009: 365–373).

какой-то кратковременный период, а лишь использование его степных пространств в качестве «транзитной» территории.

О событиях середины III – конца IV вв., где принимали участие сарматы, и в связи с которыми могли иметь место проникновения этих кочевников на земли западнее Днепра, достаточно определенную информацию содержат письменные источники. Свидетельствами древних авторов эти события фиксируются в римских провинциях Фракия, Мезия, Скифия в 242 г., 270–273 гг., самом конце первой четверти IV в., 375 или 376 гг., соответственно (SHA. Gordian Tert. XXX, IV; SHA. Aurelian. 22; Zosim. 2, 21; Amm.Marcell. XXXI, 3; Константин Багрянородный 1989: 253). Как уже отмечалось, позднейшие сарматские древности, по особенностям своей хронологии, отчетливо распределяются на три разновременные группы – второй половины (конца) III в., первой четверти IV в., конца третьей – начала последней четверти IV в. Таким образом становится очевидной синхронность первой хронологической группы памятников событиям 270–273 гг., когда Аврелиан победил «за Дунаем» готов и аланов, второй – военному конфликту, возможно 324 г., между Константином I и «савроматами» Равсимода в Скифии, третьей – событиям 375 или 376 гг. в Буджакской степи, когда в составе гуннской орды здесь появляются и аланы-танаиты (Васильев, Дзиговский 2001–2002: 332; Дзиговский 2003: 202–208; 2005: 182–185; Dzigovskiy 2007: 27–31).

Более чем пятидесятилетний временной «зазор» между второй и третьей группами позднейших сарматских погребений Буджака заполняют древности черняховской культуры, разноэтничное население которой начинает обживать данную территорию после 332 г., когда, согласно договора, заключенного между Римской империей и готами, за последними окончательно был закреплен статус федератов. Заселение Буджакской степи носителями черняховской культуры происходило, главным образом, с востока через Днестр, и в нем достаточно активное участие приняли германцы – выходцы из лесостепного ареала культуры, представители местного значительно сарматизированного населения приморской зоны, а также полиэтничные мигранты из Крыма (см. Васильев 2008: 8–12, 16).

Таким образом, финальный этап истории сарматов Северо-Западного Причерноморья необходимо рассматривать, вероятно, лишь в контексте военных событий, имевших место в Нижнем Подунавье в середине III–IV вв. нашей эры, поскольку, земли западнее Днепра, в указанный период, едва ли можно считать местом постоянного обитания этих кочевников или же «их землями» в истинном понимании данного словосочетания.

ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ВАРВАРСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

ПАМЯТНИКИ ТИПА ЭТУЛИЯ

История исследования. Памятники типа Этулия стали известны в 80-е годы прошлого столетия. К настоящему времени раскапывались в разной мере около двух десятков поселений и три могильника. Эти памятники как особый феномен выделены Т.А. Щербаковой по материалам юга Молдавии. Она раскопала эпонимный могильник Этулия XII (Щербакова 1981), а затем исследовала ряд поселений (Щербакова 1983; 1985; 1987; 1988; Щербакова, Кашуба 1990). С.И. Курчатов раскопал могильник у с. Алчедар (Курчатов 1989а). Исследование памятников в Буджакской степи вели автор настоящего очерка (Фокеев 1982; 1987; 1991; 1997; 1997а; 1998; 1999; 2003) и А.В. Гудкова (Гудкова 1999а: 271–304).

Ареал рассматриваемых памятников (Гудкова 1999: рис. 10, карта), безусловно, потребует дальнейшего уточнения. Надо учитывать, что определение поселений как этулийских только по данным разведок может быть спорным. Они явно распространены в Буджакской степи между низовьями Днестра, Дуная и Прута на западе Одесской области (Украина) и на юге Молдавии. Несколько памятников обнаружено в степном левобережье Днестра.

Поселения, – как правило, это селища с немногочисленными жилищами, – значительно различаются по площади. Их население, судя по отпечаткам культурных растений на днищах сосудов, большому количеству хозяйственных ям и составу стада, было земледельческим (Щербакова 1991: 237). Преобладает лепная керамика, реже встречена античная сероглиняная и красноглиняная, фрагменты амфор.

Домостроительство. К настоящему времени известно 21 этулийское жилище. Исследователи приходят к выводу о разнобое в конструкции жилищ, об отсутствии устоявшегося типа (Щербакова 1987: 55; Гудкова 1999: 275–279). А.В. Гудкова считает, что этулийские полуземлянки «...сложились и развились в одном русле с позднезарубинецким и раннекиевским домостроительством правобережья Среднего Днепра и черняховского населения верховьев Днестра и Западного Буга» (Гудкова 1990: 22). А.Т. Смиленко находит параллели этулийскому домостроительству в черняховских лесостепных древностях и в более ранних памятниках (Смиленко 1990: 86–89). Т.А. Щербакова находит аналогии этулийским квадратным полуземлянкам в киевской культуре, а прямоугольным жилищам – на таких памятниках черняховской культуры как Демьянов II и Рипнев II, отмечая близость некоторых этулийских жилищ к черняховским полуземлянкам Верхнего и Среднего Поднестровья по наличию пристенных выступов (Щербакова 1987: 55).

Нельзя согласиться с мнением о присутствии характерных для Этулии признаков «...практически во всех культурах лесостепи» (Гудкова 1989: 39). К такому выводу можно прийти, пытаясь выявлять истоки домостроительства по отдельным признакам, но не по комплексу признаков, в результате чего появляется «...пёстрая картина сочетания элементов разного происхождения» (Гудкова 1999: 278–279). Отдельные элементы жилищ могут обнаружиться и на хронологически

отдалённых памятниках, что делает поиск аналогий бесперспективным с точки зрения этнокультурного определения.

Сгруппировав жилища по их конструктивным особенностям, среди которых основными являются форма котлована и опорная система кровли, можно прийти к выводу о том, что в жилищах Этулии нет разнобоя, отражающего якобы полное отсутствие устоявшихся типов. Очевидно только, что здесь нет единого типа жилищ. В Этулии можно выделить два типа: полуземлянки с квадратными котлованами и полуземлянки с удлинённо-прямоугольными котлованами. Четырнадцать жилищ являются полуземлянками с квадратными котлованами. Восемь из них имели один столб для опоры кровли. Остальные – без опорных столбов. Квадратная форма котлована большинства жилищ согласуется с позднезарубинецкой традицией.

В Этулии только 5 полуземлянок прямоугольные и удлинённо-прямоугольные. Одна из них имеет три столба по длинной оси котлована, другая – с одним столбом. Две прямоугольные полуземлянки не имеют опорных столбов (Щербакова 1987: 43–52). Такие жилища без опорных столбов известны в зубрицкой культуре (Козак 1984: рис. 8, 1). Полуземлянка с опорными столбами по углам квадратного котлована происходит из поселения Этулия VI (Щербакова 1987: рис. 1, 3). Такие жилища характерны для памятников пшеворской культуры (Козак 1982: 31–48). Полуземлянке с тремя столбами по длинной оси котлована близки две жилые постройки на поселении Подберезцы в Верхнем Поднестровье, а также жилище на поселении Великая Слобода на Среднем Днестре с пшеворско-вельбаркскими материалами (Козак 1984: 59, рис. 1, 1; 2, 1). Однако о том, что такие жилища не являются особенностью памятников Поднестровья, свидетельствует, например, полуземлянка с поселения Вовки в Днепровском Левобережье (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 40, 1).

Жилища зубрицкой культуры заметно отличаются от этулийских сложностью столбовых конструкций. Квадратные полуземлянки появляются на волыно-подольских памятниках после инвазии зарубинецких племен и составляют 13% (Козак 1984: 57). Здесь известна только одна печь (Козак 1984: 64). Для зубрицких памятников нехарактерны квадратные жилища с одним опорным столбом. Всё это свидетельствует о возможности исключения этого региона из числа потенциально исходных для большинства этулийских памятников. Пристенные выступы – лежанки могут свидетельствовать о заимствовании элементов соседних культур.

Представление о разнобое в конструкции жилищ, об отсутствии в Этулии устоявшихся типов полуземлянок основывается, по-видимому, на сочетании в ней квадратных и прямоугольных жилищ. Такое сочетание стало рассматриваться как особенность домостроительства Этулии. Между тем сочетание квадратных и прямоугольных жилищ характерно для киевской культуры (Максимов 1982: 145). Здесь наряду с квадратными полуземлянками с центральным опорным столбом встречаются прямоугольные жилища с сильно закруглёнными (как и в Этулии) углами (Обломский 1991: рис. 45, 13), а также удлинённые прямоугольные (Обломский 1991: рис. 30, 1). Следовательно, отсутствие устоявшегося типа жилищ не является специфическим этулийским признаком.

Сопоставление с жилищами киевской культуры обнаруживает различия в отопительных устройствах. В киевских полуземлянках встречаются открытые очаги, печи для них нехарактерны (Терпиловский, Абашина 1992: 31). В этулийских – печи (4) подковообразной формы, сводчатые глинобитные на плетёном каркасе, очаги в ямках, переносные жаровни (Щербакова 1987: 42–58). Различается размещение отопительных сооружений – в киевской культуре они располагались в центре жилища либо в углу, в этулийских – у одной из стенок. Позднезарубинецкие

древности Среднего Поднепровья дают в этом отношении еще меньше оснований для аналогий. Здесь жилища отапливались открытыми очагами на полу (Обломский, Терпиловский 1991: 37).

Преобладающий тип жилища Этулии указывает на связь с позднезарубинецкой традицией и соответственно на исход из региона, находящегося восточнее ареала зубрицкой культуры. Не наблюдается полного совпадения элементов домостроительства в Среднем Поднепровье и Подесенье. Квадратные полуземлянки и глинобитные печи известны в Южном Побужье (Хавлюк 1975: 78, рис. 2). Можно предположить, что исходный район для этулийских жилищ находился южнее зоны хорошо исследованных культур.

Специфической особенностью ***керамического комплекса*** Этулии считается его «смешанность», «исключительный синкретизм», «большая внутренняя пестрота керамической традиции» (Гудкова 1990: 20–23; 1999а: 292). Такой характеристике лепного комплекса противоречит выделение в Этулии всего четырёх видов горшков.

Горшки скифоидного облика выделяются в вид 1. Присутствие горшков этого вида являются «универсальной чертой видового состава». Происхождение этой формы в Этулии связывается с позднескифской степной традицией или с наследием зарубинецкой культуры (Гудкова 1999а: 279–282). Горшки скифоидного облика распространены в Этулии, но только на части памятников, где они действительно степной традиции. Таких сосудов нет на памятниках лесостепи. Попытки найти аналогии скифоидным горшкам Этулии в зарубинецкой культуре, на наш взгляд, неоправданны. Путь попадания таких форм в зарубинецкую среду от поздних скифов Нижнего Днепра и оттуда – в междуречье Днестра и Дуная представляется неубедительным. Определённые контакты позднескифской и зарубинецкой культур позволяют говорить только о некотором влиянии позднескифских форм. Однако главное всё же в том, что этулийские горшки нетождественны позднескифским. В Этулии широко распространён лишь один тип горшков – с достаточно высоким прямоотогнутым воронковидным горлом (рис. 157, 2–7, 9–20). Такие горшки не составляют большинства на позднескифских памятниках (Гаврилюк, Абикулова 1991: 5–7).

Представление о широком распространении скифоидных горшков на волыно-подольских памятниках (Гудкова 1989: 40; 1999а: 280–291) не соответствует действительности. Сосудов, которые можно было бы считать аналогичными буджакским, среди основных типов зубрицких горшков нет (Козак 1991: рис. 25). Со времени появления в этом регионе зарубинецкого населения начинается активное взаимодействие пшеворской, зарубинецкой и липицкой культур. Происходит трансформация форм сосудов. К концу II в., то есть ко времени появления этулийских памятников, на Верхнем Днестре и Западном Буге завершается процесс создания симбиозных форм (Козак 1983: 95). Идея о массовости в этом регионе скифоидных горшков и, следовательно, возможном перемещении их в степь между Дунаем и Днестром, несостоятельна. На памятниках зубрицкой культуры нет горшков, аналогичных этулийским скифоидным формам. Сосуды, которые объявлены скифоидными, представляют результат длительной трансформации.

Попытки выявить связь между этулийскими скифоидными горшками и позднезарубинецкими-раннекиевскими древностями Среднего Поднепровья (Гудкова 1989: 40) следует признать неудачными. Зарубинецкая культура сменяется здесь памятниками типа Лютеж (Козак, Терпиловский 1986: 35). Керамические формы этого региона также претерпевают значительную эволюцию. Наряду с зарубинецкими здесь появляются горшки раннекиевского облика (Максимов 1982: 88, 94).

Керамика этого круга (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 20, 21) далека от рассматриваемого типа. Очевиден уход от скифской традиции, в определённой мере заметной в зарубинецкой керамике. Как и на памятниках зубрицкой культуры, результаты трансформации форм заметны здесь уже во второй половине II – начале III вв. Район Южного Буга, где тоже присутствуют зарубинецкие формы (Хавлюк 1975: 7–19), также не может претендовать на передачу Этулии скифоидной формы. Позднезарубинецкие формы ещё не означают их сходства с этулийскими. Важная роль в распространении скифоидной керамики отведена Полесью (Гудкова 1987: 12). Однако и там господствовали другие типы горшков. Сосуды из Зарубинецкого могильника и Отвержичей генетически связаны с позднепоморской культурой (Максимов 1982: 13), но не скифской.

Существует мнение о сохранении скифоидной формы, присущей горшкам холмской группы Этулии, в керамике черняховской культуры Верхнего Поднестровья (Гудкова 1987б: 12; 1999а: 280). Т.А. Щербакова пытается найти истоки форм скифоидных горшков поселения Томай в керамике черняховской культуры этого же региона (Щербакова 1988: 98). Однако между горшками этой культуры и томайскими мало общего.

Таким образом, обращение к различным регионам, которые указываются как возможные опосредованные передатчики скифоидной традиции, показывает, что поиск аналогий в них сводится к поискам отдельных, единичных сходных форм в культурных группах с генетически разнородной керамикой. А потому причисление к скифоидным типам значительной части горшков лесостепной полосы неправомерно. Горшков, аналогичных буджакским, в упоминавшихся культурных образованиях нет. Заметен отказ исследователей от сопоставления этулийских скифоидных горшков с сарматскими, хотя первоначально этулийские поселения со скифоидной керамикой связывались со степной традицией.

Вид 2 – горшки с высоким цилиндрическим горлом (рис. 158, 10), имеющие якобы «аналогии... растянутые во времени от последних веков до н.э., в зарубинецкой культуре, … и на верхнем Днепре», в Рахнах (Гудкова 1989: 40, рис. 12, 1, 2). Между тем, такие сосуды встречаются в позднезарубинецких древностях редко. Такой формы мы не видим среди основных форм горшков зубрицкой культуры (Козак 1983: рис. 12; 1984: рис. 19). Сосуды с цилиндрическими горловинами действительно представляют в Этулии устойчивую серию, но для них характерны горловины разной высоты (рис. 158, 1–3, 7, 10, 11, 15, 17–20, 23), которые при формовке могли получиться немного отогнутыми. Следовательно, этот вид следует рассматривать только как вариант распространённой в Этулии формы округлобоких горшков с более или менее высокими цилиндрическими горловинами.

Вид 3 – сосуды с низкой, едва намеченной шейкой и покатым, слабо выраженным плечом (Гудкова 1999а: рис. 17, 6–12). Для этих сосудов предлагается столь же обширный круг аналогий в широком хронологическом диапазоне. Сосуды этого вида предлагается считать протопражскими, ссылаясь на выделение В.Д. Бараном в черняховской культуре сосудов, которые могли стать подосновой пражских форм (Гудкова 1999а: 284–285). Однако имеющиеся в нашем распоряжении верхние части сосудов (рис. 158, 6, 8, 12–14, 16, 26, 27) относятся к округлобоким горшкам и трудно сопоставимы с протопражскими. Нечёткость признаков этого вида приводит к ряду неприемлемых аналогий. Так, считается, что такие формы распространены в зарубинецкой культуре Полесья (Гудкова 1999а: 283–284, рис. 17, 6–12). В качестве аналогий позднезарубинецким и раннекиевским сосудам предложены весьма разнородные горшки (Гудкова 1999а: рис. 19). Этот вид типологически связан с видом 2 и

видом 4, на что указывает вертикальный венчик и форма корпуса. Членение в ряде случаев довольно условное ввиду большого количества переходных форм.

Вид 4 – горшки с сильно расширенным почти шаровидным корпусом, низкой шейкой и резким сужением ко дну (Гудкова 1989: 40, рис. 2, 3, 10; 1999а: 285–286, рис. 17, 13–20). Выделяются три варианта в зависимости от положения венчика. В качестве аналогий привлекаются разнородные горшки, начиная с «латеноидных сосудов последних веков до нашей эры». В большинстве случаев речь идёт не о сериях сосудов, а лишь о единичных экземплярах, выбранных на основе некоторого визуального сходства. При выделении этого вида должны быть задействованы все признаки: форма корпуса, горла, ширина устья и дна. Горшки этого вида представляют, на наш взгляд, развитие формы сосудов с цилиндрическими горловинами, поэтому особенно важным формообразующим признаком является цилиндрическое горло, а при слишком коротком горле – сохраняющий вертикальное положение венчик (рис. 158, 22, 24, 25, 28). Сосуды с наклонными горловинами представляют варианты этого вида. Аналогии, привлечённые без учёта комбинации этих признаков, оказываются некорректными. Среди них сосуд из погребения в Гринчуке, ряд сосудов (Гудкова 1999а: рис. 21, 10–13), которые вполне можно отнести к виду 1, а также единичные широкогорлые сосуды зубрицкой культуры.

А.В. Гудкова находит сходство материалов Этулии с волыно-подольской группой и со Средним Поднепровьем. В частности, обнаруживается якобы полное сходство керамического комплекса зубрицкой культуры и Этулии, что особенно проявляется на поселениях Подберезцы и Хоров (Гудкова 1999а: 299). Однако в зубрицкой культуре нет распространённых в Этулии округлобоких горшков с цилиндрическим горлом, округлобоких горшков с едва намеченными горловинами, горшков с шаровидным туловом вида 4. И что совершенно очевидно – в этом регионе нет форм близких холмским скифоидным (вернее – скифо-сарматским) сосудам. Напротив, в материалах поздних этулийских памятников нет форм характерных для зубрицой культуры, в том числе и тех, которые можно считать протопражскими.

Что касается Среднего Поднепровья, то здесь в позднезарубинецкое и раннекиевское время проявляют себя ребристые, тюльпановидные и другие формы, развивающиеся далее в IV в. н.э. (Абашина, Гороховський 1975: 61–71; Кравченко, Гороховский 1979: 51–69). Таких форм нет в Этулии, во всяком случае, в раскопанных памятниках.

Рассмотренная классификация не даёт полного представления о керамике Этулии ввиду отсутствия чёткой типологии. В результате появляется путаница, проявляющаяся в объединении в один вид на основе слишком широко трактуемой скифоидности множества сосудов лесостепи и буджакских скифоидных горшков степной традиции. Путаница очевидна и при выделении некоторых других видов. Принципы классификации, использующиеся в разработанных типологиях для близких по времени культурных образований (напр. Обломский, Терпиловский 1991: рис. 2), позволяют производить достаточно обоснованное членение также и этулийских сосудов.

«Исключительный синкретизм», «большая внутренняя пестрота керамической традиции», являющиеся якобы специфической особенностью Этулии, есть не что иное, как результат метода, в основе которого – совокупное рассмотрение хронологически и этнографически различных групп Этулии и отсутствие анализа конкретных комплексов. Такой анализ дал бы возможность выявить как общие черты комплексов, так и своеобразие, выражающееся в господстве на ряде памятников скифоидных форм, и совершенно иную ситуацию – на других.

Понятию исключительного синкретизма совершенно не соответствуют лепные комплексы поселений холмской группы, на которых господствуют горшки одного типа – скифоидные. Декларируемой пестроты форм не наблюдается в поздней группе этулийских памятников с керамикой лесостепных образцов. Напротив, основными оказываются всего два-три вида горшков. Здесь представлены только округлобокие сосуды, среди которых преобладают горшки с цилиндрическими горловинами разной высоты. Горшки так называемого скифоидного вида, который считается «универсальной чертой типового состава» Этулии, либо встречаются редко, либо отсутствуют. Разумеется, можно найти аналогии формам сосудам поздней Этулии в близких по времени культурных образованиях, но очевидно, что этулийский горшковый комплекс имеет особую структуру.

Создается впечатление, что поздние памятники Этулии весьма целостно воспроизводят комплексы исходных районов. Они не более синкретичны, чем хорошо исследованные культурные образования лесостепи. Об этом же свидетельствует и выделение исследователями в Этулии всего четырёх видов горшков, три из которых, по нашему мнению, являются родственными по форме. Действительный, но умеренный синкретизм Этулии проявляется в присутствии на памятниках в разной мере сарматских элементов.

В комплексе горшков могильника Алчедар много сходства с поздней Этулией. Здесь представлен тип округлобоких широкогорлых горшков с коротким или слабо выраженным венчиком и покатыми плечиками (рис. 157, 24, 25), аналогичных виду 3. Есть возможность говорить о присутствии горшков с цилиндрическими горловинами (рис. 157, 26, 29). Меньше горшков с плавно отогнутым горлом и плавным расширением к средней части тулова (рис. 157, 28) (скорее всего, это так называемый скифоидный вид по А.В. Гудковой). Остальные сосуды единичны. Среди них широкогорлый сосуд пшеворского облика (рис. 157, 30), а также горшок с насечками по венчику, аналогичный горшкам холмской группы (рис. 157, 27).

Погребальный обряд Этулии известен по трём могильникам. На могильнике Этулия XII раскопано 55 погребений с кремацией ямного типа. Ямы круглые, реже – овальные. Диаметр от 30 до 70 см, глубина от 50 до 90 см. Основная масса погребений (39) представляет собой захоронение кальцинированных костей, перемешанных с остатками костра (тип 1). Меньшая часть (14) – захоронение очищенных костей, уложенных плотным слоем не на дне, а на чернозёмной подсыпке (тип 2). Т.А. Щербакова выделяет также третий тип погребений – «рассеянных» в больших и глубоких ямах (Щербакова 1981: 116). Особенность обряда – в отсутствии инвентаря. Нет и следов огненных обрядов.

А.В. Гудкова в поисках истоков обряда могильника Этулия XII обращается к различным культурам латенского круга висло-одерского междуречья, к зарубинецкой культуре. Из могильников киевской культуры выделяется могильник Киреевка в Подесенье (но не используются могильники водораздела Днепра и Дона). Для понимания генезиса обряда Этулии автор считает важным обряд поянешты-лукашевского могильника Долиняны на Верхнем Днестре, который датируется I в. до н.э. Считается возможной передача отсюда Этулии традиции захоронения очищенных костей (Гудкова 1999а: 294). Эта идея кажется неубедительной не только из-за огромного хронологического разрыва, но и потому, что такие погребения в Этулии немногочисленны.

Автор приходит к выводу о том, что этулийский обряд объединяет в себе разнородные черты. Проявлением разнородности считается использование разных

типов ямных погребений, индивидуальные черты некоторых захоронений (Гудкова 1999а: 295). Разнородность рассматривается как специфическая особенность обряда Этулии по отношению к близким по времени культурным образованиям, с чем трудно согласиться. Разные типы ямных погребений на одном могильнике могут свидетельствовать о различии далёких генетических корней обряда.

На Среднем Днестре раскопан могильник первой половины III в. н.э. Алчедар. Могильник биритуальный. Здесь обнаружено два сарматоидных трупоположения, остальные погребения – с кремацией ямного типа (44), есть также ритуальные ямы (43). В могилах с кремацией попадались кусочки обмазки от площадки, на которой происходила кремация, обломки керамики, кости животных. Выделяются 4 типа погребений. Тип 1 – захоронения остатков кремации с золой в круглых или овальных ямах больших размеров глубиной до 175 см (38). Тип 2 – погребения с рассеянными костями (2), среди которых – зола и фрагменты вторично обожжённой керамики. Размеры и очертания ям таких погребений не прослежены. Тип 3 – «компактные сожжения» (3): тщательно очищенные от остатков костра кости плотным слоем уложены в небольшую овальную ямку, кости перекрыты иногда черепками, обмазкой, камнями. Тип 4 – урновые (1) с остатками кремации в смеси с остатками костра уложены в урну – лепной горшок. Отмечается бедность инвентаря (Курчатов 1989: 163–179; Щербакова, Кашуба 1990: 117–119).

Могильник Холмское II, принятый при раскопках за скопления хозяйственных ям (Гудкова, Фокеев 1982: рис. 17, 1), также биритуальный. Здесь раскопано одно сарматоидное трупоположение. Остальные погребения с кремацией в ямах глубиной до 150 см (50). Некоторые ямы овальной формы. В ямах попадались обломки керамики без следов вторичного обжига, обмазка, кости животных, в том числе и части скелетов. Остатки кремации в сильно пережженном состоянии. Имеются погребения с остатками кремации, уложенные слоем вместе с золой, но больше погребений, в которых остатки кремации и костра перемешаны почти по всей яме. Есть ямы без остатков кремации. Погребальный инвентарь отсутствует.

Между обрядом Этулии XII, а также Холмского и Алчедара наблюдается больше сходства, чем различий. Типы ямных захоронений одинаковы. Различия состоят в значительно больших размерах и глубине ям в Алчедаре и Холмском, в их форме (расширение к низу), а также в обычности находок обломков керамики. Все могильники объединяет основное – идентичность типов захоронений и почти полное отсутствие мелкого инвентаря.

Наибольшее количество параллелей мы находим на могильниках киевской культуры. Здесь содержимое ям – небольшое количество пережжённых костей, смешанных с остатками костра. Остатки кремации перекрыты прослойкой грунта, выше которой находятся следы тризны в виде костей животных, фрагментов перекаленных сосудов. Редко попадается бедный инвентарь: пряслица, подвеска, фибула и т.д. (Терпиловский, Абашина 1992: 40–41). Могильник Среднего Поднепровья Казаровичи (Максимов, Орлов 1974: 11–17; Максимов 1982: 137–140), обнаруживая сходство с могильником Этулия XII в форме ям и их глубине, заметно отличается от него присутствием в могилах обломков лепных сосудов и количеством костей. В Подесенье на могильнике Киреевка также можно заметить общность с Алчедаром и Холмским в использовании двух типов ямных захоронений, в наличии ям без остатков кремации (Третьяков 1974: 115–116). В обряде киевской культуры водораздела Днепра и Дона (Приоскольское II, Шишино V), отмечаются остатки кремации рассредоточенные слоем на дне и линзами в заполнении могильных ям.

Присутствуют кости животных, угли, керамика. Наблюдаются дополнительные углубления в дне ям, а также ямы, не содержащие захоронений. Отмечаются единичные урновые захоронения, а также ингумация (Обломский 1991: 59–62). На фоне столь широкого распространения типов погребений, присущих Этулии, предпочтение столь раннему могильнику Долиняны оказывается необоснованным.

Можно констатировать сходство киевского и этулийского погребального обряда по их основным признакам. Различия не принципиальны и сводятся к количественным соотношениям признаков, обусловленных недостаточной степенью исследования как киевских, так и этулийских могильников. Вряд ли следует говорить об объединении в этулийском обряде разнородных черт. Погребальный обряд киевской культуры достаточно однообразен по способу захоронения, устройству могил, составу инвентаря. Однако при этом однообразии погребения на одном могильнике могут быть достаточно индивидуальными (Максимов 1982: 137–140). Варианты признаков не могут указывать на принципиально иной тип обряда (Терпиловский, Абашина 1992: 42). То же самое можно утверждать и в отношении этулийского обряда. Можно констатировать проявление на огромной территории элементов обряда, которые в III–IV вв. н.э. уже не могут считаться этнографическими признаками (типы кремации). Об этом же свидетельствует и универсальная тенденция к исчезновению погребального инвентаря. Сочетание «разнородных» признаков в этот период в полной мере может быть присуще моноэтничной общности.

Хронология. Этулийские памятники обычно датируют III–IV вв. (Щербакова 1987: 55–57; Гудкова 1999а: 297). Однако такая датировка противоречит имеющимся данным. Могильник Алчедар, считающийся этулийским, С.И. Курчатов датирует II – первой половиной III вв. (Курчатов 1989: 175). Датировка этого памятника основана на находках фрагментов амфор неапольского и танаисского типов, а также бусин II–III вв. Датирующим признаком мы считаем также обычай обшивания сапожек бусами, наблюдающийся в сарматоидных погребениях Алчедара. Этот обычай присущ позднесарматской группе последней четверти II – первой пол. III в. Учитывая присутствие амфор неапольского типа, выпускавшихся вплоть до начала III в. (Щукин 1976: 306), а также амфор танаисского типа, не встречающихся в одних комплексах с неапольскими, датировку могильника следует уточнить в пределах конца II – первой половины III в. Ряд поселений со скифоидной керамикой степного облика, выделяемых нами в особую (холмскую) группу, датируется серединой III в. (см. ниже), III–IV вв. датируется только поздняя группа с керамикой лесостепного типа.

Холмская группа памятников этулийского типа обладает некоторым своеобразием и потому заслуживает отдельного рассмотрения**.** Сарматские черты некоторых этулийских поселений считались столь очевидными, что эти памятники воспринимались как сарматские, либо как связанные со степной традицией (Паламарчук 1982: 125–131; Фокеев 1982: 119–125). Позднее такие поселения стали рассматриваться нами как памятники особого облика, отличные от этулийских с керамикой лесостепного облика. Связь этих памятников с этулийскими ставилась под сомнение. Затем они были выделены в особую группу, названную холмской группой (по одному из первых исследованных поселений с выразительным скифоидным комплексом – Холмское II). В последнее время представления о памятниках холмской группы, благодаря появлению новых материалов, усложнились. Они стали

рассматриваться как особая группа этулийских памятников, хотя в отношении керамического комплекса отдавался приоритет сарматскому вектору (Фокеев 1991: 220–221; 1997: 78–81; 1998: 1–16; 2003: 164–175).

Поселения. В Буджаке раскапывались пять поселений этой группы (Холмское II, Волчья Балка, Карасулак, Кале, Томай, Этулия VI). Много памятников с керамикой подобного облика известно по материалам разведок. Поселения холмской группы в отличие от этулийских, считающихся маленькими, занимают иногда значительную площадь. Поселение Волчья Балка прослеживается на длину 1000 м. Поселение Карасулак тянется вдоль берега полосой 200 х 1500 м. Поселение Кале занимает на мысу площадь 800 х 300 м.

Все эти поселения имеют земледельческий облик. Об этом свидетельствует большое количество зерновых ям, находки ротационных жерновов, отпечатки культурных растений. Однако набор культурных растений здесь беднее, чем на поздних этулийских памятниках (пшеница-двузернянка, ячмень пленчатый, просо обыкновенное)[1]. Жилищ на таких поселениях, по-видимому, мало. На некоторых из них жилища не обнаружены (Волчья Балка, Карасулак, Томай), что объясняется конкретными условиями раскопок.

В *керамическом комплексе* этой группы господствуют лепные горшки. Много конических лепных крышек. Лепные миски встречаются редко. Другие типы сосудов единичны. Так, с поселения Холмское II происходит кубок с вертикальными стенками (Фокеев 1982: рис. 2, 4). На холмских поселениях господствуют горшки одного типа. Это округлобокие сосуды с довольно высокими прямоотогнутыми горловинами (рис. 157, 2–7, 9–20). Характерен резкий перегиб от горла к плечикам. Наиболее распространенный орнамент – насечки или вмятинки по венчику, а также один или два пояса вмятинок по плечикам. Часто вмятинки выполнены угловым штампиком. Встречается орнамент из трех пальцевых вмятинок по плечикам. Редко использовался налепной орнамент: шишечки на плечиках или короткие налепные расчлененные валики. Лепные миски чаще всего полусферические открытые, есть миски с выделенным венчиком.

В поисках исходных форм холмских горшков можно обратиться к сарматской культуре Буджака. В обоих комплексах мало мисок, а другие типы сосудов встречаются крайне редко. Именно в сарматской керамике мы часто находим полные аналогии формам горшков и приемам орнаментации. Так, у холмских и сарматских сосудов распространен орнамент из вдавлений и насечек по плечикам, орнаментация венчиков угловым штампиком, орнамент по плечикам из трех пальцевых вмятинок. На холмских горшках встречаются «расчесы». Они известны и на сарматских горшках. На поселениях распространены лепные крышки с вертикальной ручкой (рис. 157, 1, 8). Определение их как позднескифских (Гудкова 1999а: 289) принять нельзя. Такие крышки вполне отличимы от позднескифских. Дисковидные крышки встречаются только на поздних этулийских памятниках с лесостепной керамикой. На холмских поселениях попадаются обычные для сарматов пряслица, так называемой «грибовидной» формы.

Всё же возможно говорить об аналогичности только части сосудов. Среди холмских сосудов достаточно часто встречаются горшки с широкими горловинами и покатыми плечиками. Таких сосудов нет у сарматов. Среди сарматских горшков при сохранении основных особенностей скифоидной формы часто наблюдаются

[1] Определения Г.А. Пашкевич.

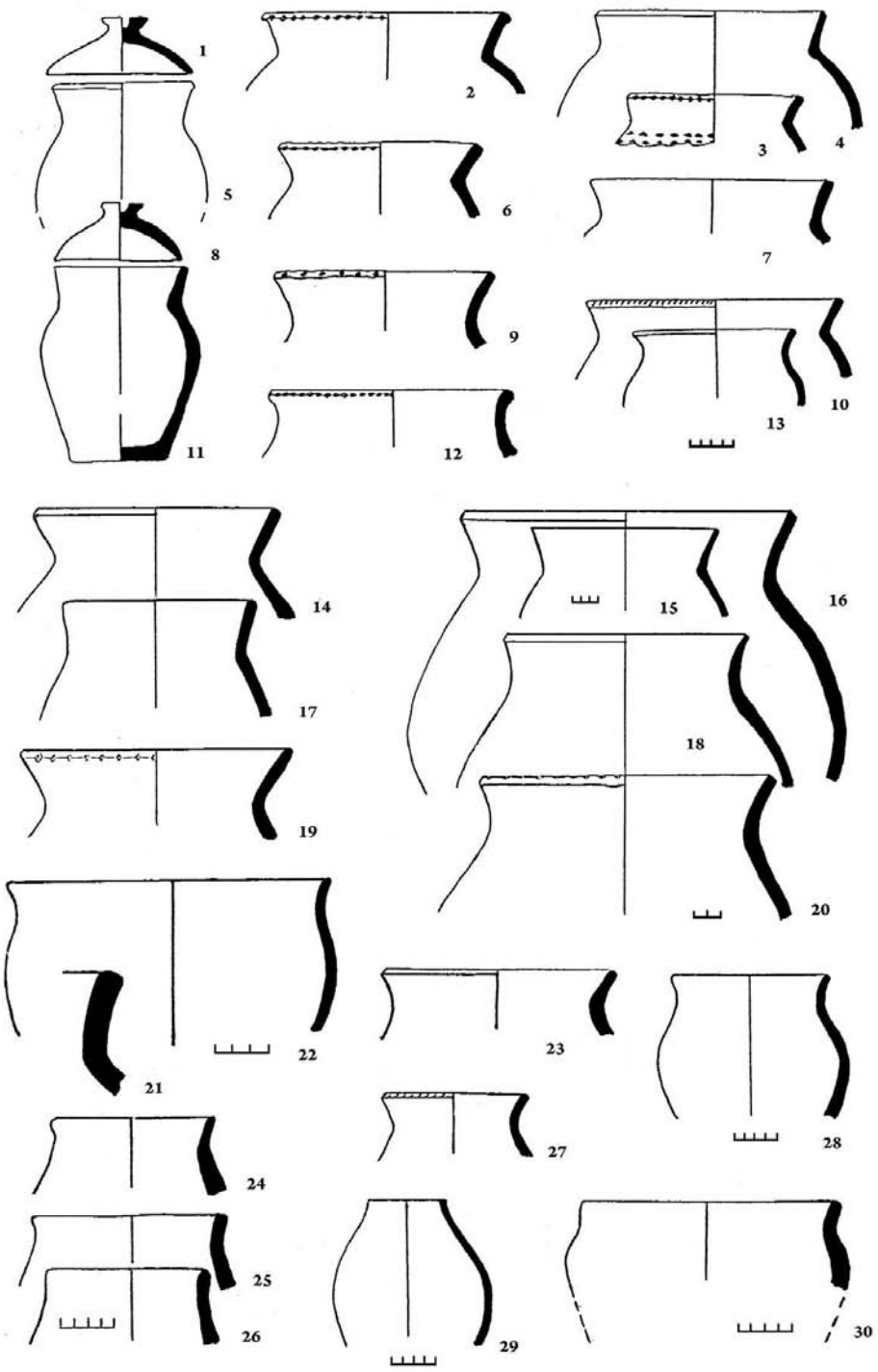


Рис. 157. Лепные горшки и крышки памятников типа Этулия.
1–13 – Карасулак; 14–20 – Кале; 21–23 – Суворово IX; 24–30 – Алчедар

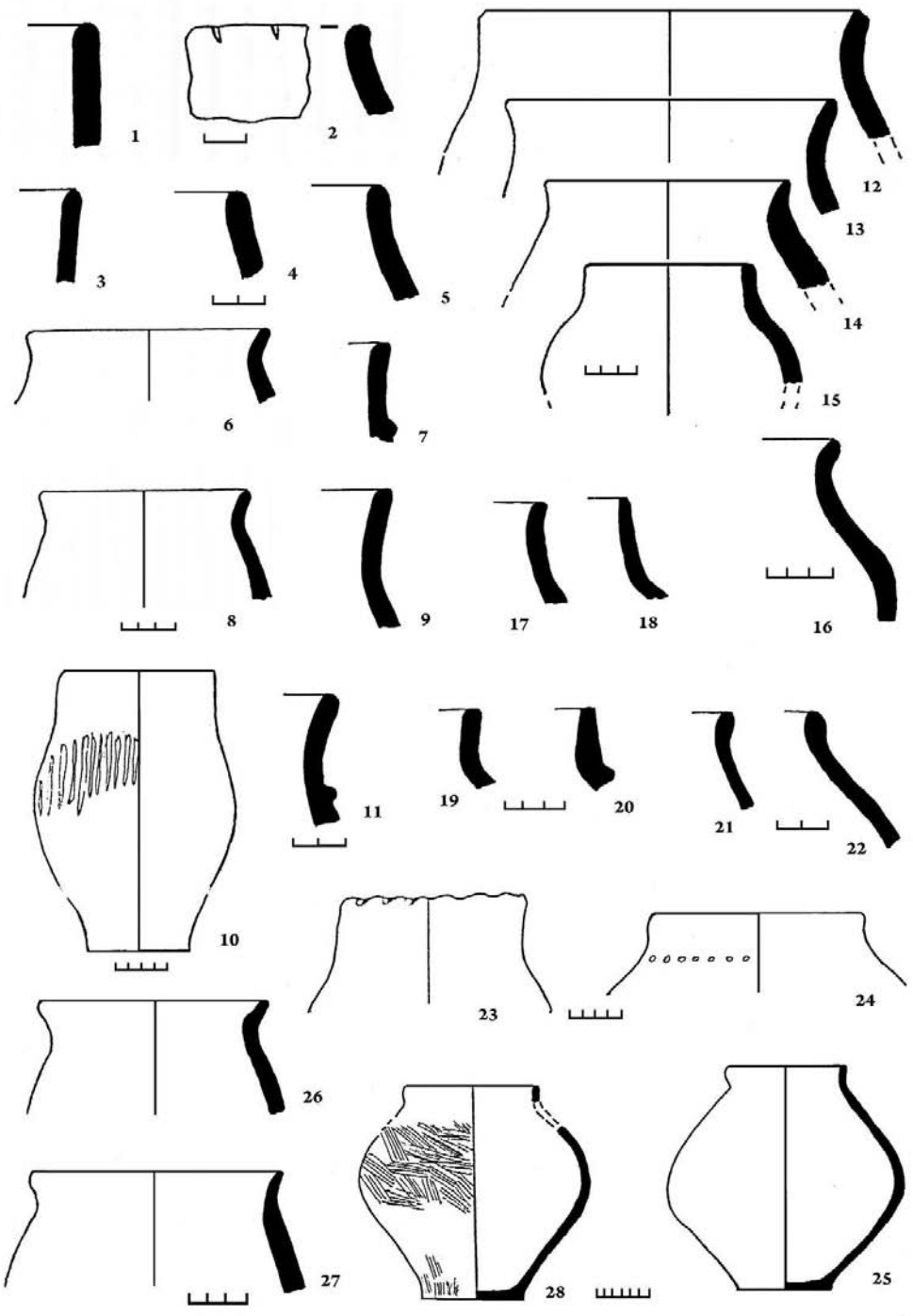


Рис. 158. Лепные горшки памятников типа Этулия.
1–11 – Чишмикиой I; 12–16 – Кокоара III; 17–20 – Волчья Балка;
21–25 – Чишмикиой II; 26, 27 – Конгаз I; 28 – Томай

отклонения от основного типа и его деградация. Скифоидные черты сарматских сосудов заимствованы от земледельческого населения Северного Причерноморья, являясь более или менее удачным подражанием причерноморским формам. Очевидно, что рафинированно скифоидные формы холмских горшков не могли появиться только на основе сарматской культуры.

Характерная черта холмского керамического комплекса – присутствие в разной мере вещей лесостепного происхождения. На поселении Волчья Балка это горшки с цилиндрическими горловинами (рис. 158, 17–20) и миски. На поселении Холмское II – это биконическое пряслице, лепной тонкостенный кубок и, возможно, некоторые горшки. На поселении Томай – округлобокие горшки с коротким горлом (рис. 158, 28). На поселении Суворово IX найден слабопрофилированный светлолощёный горшок (рис. 157, 22).

Домостроительство холмской группы известно всего по трём полуземлянкам. Две полуземлянки найдены на поселении Кале и одна – на поселении Холмское II (Фокеев 1982: рис. 1). Все эти полуземлянки имеют квадратные котлованы без следов столбовых конструкций.

Погребальный обряд холмской группы известный по могильнику Холмское II демонстрирует биритуализм и такие же особенности погребений с кремацией, как и на других могильниках Этулии.

Культурно-хронологическая принадлежность. Холмские памятники являются более ранними, чем этулийские с материалами лесостепного типа. Большое значение для датировки имеет амфорный материал, указывающий на III в. (Фокеев 2003: 170–172). Наиболее многочисленны на поселениях амфоры танаисского типа. На раскапывавшихся поселениях мы обычно находим обломки десятков таких амфор. Амфоры этого типа датировались первой половиной III в. (Шелов 1978: 16–21). Однако их массовые находки в помещениях Танаиса времен гибели города в начале пятидесятых годов III в. фиксирует не окончание выпуска этих амфор, а лишь пик их поступления в Танаис. Большое количество танаисских амфор на холмских поселениях может указывать на возможность датирования их серединой III в. н.э.

Включение холмских памятников в тип Этулия отчасти является вынужденным, поскольку такие памятники уже фигурировали в работах исследователей как этулийские. Обе группы связывает сходство погребального обряда, вместе с тем холмская группа демонстрирует совершенно иные истоки формирования лепного комплекса. Существенны различия в хронологии. Не исключено, что в дальнейшем речь будет идти о выделении холмских памятников в особую культуру.

Поиски исходных культурных образований без учёта различий этулийских материалов оказываются бесперспективными. Выделение нами в Этулии хронологических групп, каждая из которых имеет своеобразный облик материальной культуры, приводит к выводу о необходимости решения проблемы их формирования и поиска исходных районов дифференцированно.

Попытка выделения нами исходного района для холмской группы гипотетична, поскольку аналогий скифоидным холмским горшкам в хорошо исследованных регионах нет. Следует исключить регион зубрицкой культуры, позднезарубинецких и раннекиевских памятников Среднего Поднепровья. Между Средним Днестром и Южным Бугом известны уже 90 памятников зарубинецкой культуры всего хронологического диапазона вплоть до начала III в. н.э. (Хавлюк 1990: 107–110). На запад от этого массива, в междуречье Прута и Днестра известны памятники типа Алчедар. Следовательно, исходный район холмской группы находился южнее.

Считается, что материалы Этулии не дают возможности выявить прямых предшественников во всех группах лесостепных древностей (Гудкова 1999а: 302). Если речь здесь идёт о поздней Этулии, то этот вывод неверен. Сходство лепного комплекса и погребального обряда поздней Этулии с Алчедаром, позволяют предположить, что исходный район для неё находился в лесостепном междуречье Днестра и Прута.

Естественно, что материальная культура населения исходных районов как части обширного раннеславянского массива, имела определённые особенности. Именно поэтому поиски для Этулии прямых предшественников в хорошо исследованных регионах оказываются бесплодными. Можно найти определённое сходство или даже прямые аналогии некоторым сосудам, элементам погребального обряда, домостроительству Этулии в близких по времени культурных образованиях, но сочетание этих элементов характерно только для конкретной общности. Такой общностью и является Этулия. Созданное некоторыми исследователями представления об Этулии как о некоем исключительно синкретическом образовании далеко от реальности. Её своеобразие ярко проявляется в структуре керамического комплекса поздней группы этулийских памятников, в степной традиции, прослеживающейся в присутствии вещей сарматского круга, в сарматоидных погребениях. Наиболее ярким проявлением славяно-иранского симбиоза являются памятники холмской группы.

Перемещение в степную зону земледельческого населения можно связывать с давлением вельбаркских племён в конце II в. Переселение происходило из области обитания венедов (Мачинский 1976: 85–91). Первая волна связывается с появлением памятников холмской группы середины III в. Особенности культурного облика этой группы свидетельствуют о её формировании на основе некоего культурного образования в южной, маргинальной зоне венедского массива. Импульс, судя по распространению памятников этой группы по всей южной части междуречья Дуная и Днестра, был значительным. Поздняя волна переселения представлена группой этулийских памятников III–IV вв. н.э. Возможно, её появление связано с распространением в лесостепной зоне около второй половины III в. н.э. памятников черняховской культуры. Переселение этой группы происходило из лесостепной зоны междуречья Днестра и Прута.

ПОЗДНЕСКИФСКАЯ КУЛЬТУРА

В первой четверти I тыс. н.э. в Северо-Западном Причерноморье обитало земледельческое население с определенной специфической культурой, которую большая часть исследователей интерпретирует как позднескифскую. Принципиально важно и то, что в этот период на данной территории не было другого народа, с которым можно было бы связать рассматриваемые древности (рис. 159). Давно выделены два района обитания поздних скифов, связанные друг с другом, – в Крыму и на Нижнем Днепре (Шульц 1971). Существование позднескифских памятников в Нижнеднестровском регионе впервые установлено раскопками поселения и могильника Молога II на Днестровском лимане (Гудкова, Фокеев 1982). Выявлено сходство основных культурообразующих категорий материалов Мологи и позднескифских памятников Нижнего Поднепровья. Это, естественно, породило вопрос о характере культуры населения хоры Ольвии первых веков н.э. А.В. Гудковой проведено сравнительное изучение основных категорий археологических источников для памятников этого времени на Нижнем Днепре, Ю. Буге и Днестровском лимане (Гудкова 1999а: 242 и сл.). Степень выявленных сходств указывает на существование здесь населения с единой археологической культурой. Ее атрибутация как позднескифской в определенной мере условна. Нельзя считать обладавшее ею население прямыми и этнически чистыми потомками скифов. Однако и преуменьшать их значение вряд ли следует. Скорей всего, истоки этого населения смешанные (обзор существующих мнений см.: Гудкова 1999а: 243–244).

История исследования. Первая сводная карта позднескифских памятников в степях Северо-Западного Причерноморья опубликована в 1999 г. и дополнена в 2003 г. (Гудкова 1999а: рис. 1; 2003: рис. 1). Результаты разведок позволяют включить в число позднескифских памятники на территории Одессы и к востоку от нее на морском побережье, а так же на Малом и Большом Аджалыкском и Тилигульском лиманах (Смольянинова и др. 1996). Разведками в степях к востоку от Днестра (Загинайло 1976а; Сапожников 1988; 1989; 1990) выявлено, примерно, два десятка поселений первых вв. Ключ к их пониманию дало поселение Точилово, с достаточно репрезентативной подъемной керамикой позднескифского облика (рис. 161). В междуречье Ингульца и Березанки разведками открыты памятники первых веков н.э. (Елисеев, Клюшинцев 1982). В их числе могут быть и позднескифские.

По берегам Днестровского лимана учтено около двух десятков поселений первой четверти I тыс. н.э. (Малюкевич 1991а: рис. 1). На западном берегу – это Шабо, Сухолужье, Пивденное II, Веселое III, Удобное; на восточном – Беляевка III, Николаевка IV, Овидиополь V, Роксоланы I, V, VI, X, Бугаз III (Охотников 1983), Кроме того, известны места обнаружения монетных кладов, содержащие римские денарии и монеты Тиры (Карышковский, Клейман 1985: 106). В 1975–1978 гг. А.В. Гудковой были проведены раскопки поселения и могильника Молога II (Гудкова 1976а; 1977; Гудкова, Руссова 1980; Гудкова, Фокеев 1982). Позднее работы продолжены А.Е. Малюкевичем (Малюкевич 1988а; 1988; 1989а; 1989; 1990; 1991а; 1994б; 1995; 1999а; 1999; 2002; 2003; 2004; 2006; 2008; 2009; Малюкевич, Желтоногов 1995). В течение одного полевого сезона раскапывалось поселение Веселое III (Малюкевич 1992; 1994а).

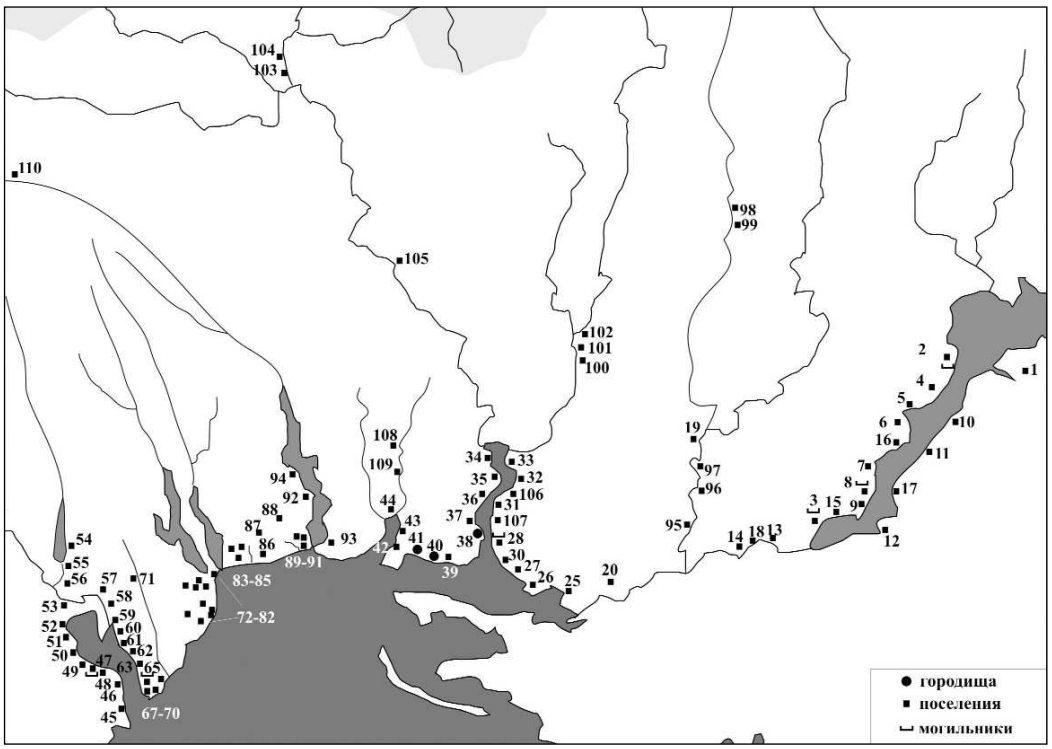


Рис. 159. Карта-схема расположения позднескифских памятников в Северо-Западном Причерноморье и на Нижнем Днепре.

1 – Знаменское городище; 2 – Золотая Балка; 3 – Львово; 4 – Гавриловка (аэрофотосъемкой К.В. Шишкина рядом обнаружен могильник); 5 – Гановка (Анновка); 6 – Саблуковка; 7 – Консуловка; 8 – Красный Маяк (Бизюков монастырь) и рядом два могильника, один из которых разрушен при сельскохозяйственных работах (материалы в Херсонском музее); 9 – Старошведское; 10 – Великая Лепетиха; 11 – Горностаевка; 12 – Любимовка; 13 – Николаевка (Козацкое); 14 – Понятовское; 15 – Берислав; 16 – Дудчаны; 17 – Каиры; 18 – Козацкое; 19 – Афанасьевка; 20 – Белозерское; 21 – Ивановка X; 22 – Геройское II; 23 – Покровское II; 24 – Бузово; 25 – Золотой Мыс; 26 – Станислав; 27 – Александровка II; 28 – Скелька I; 29 – Скелька I; 30 – Скелька II; 31 – Семенов Рог; 32 – Сиверсов Маяк; 33 – Попова Балка; 34 – Радсад; 35 – Старая Богдановка; 36 – Козырка I; 37 – Чертоватое; 38 – Днепровское II; 39 – Аджигольская Коса I; 40 – Аджигольская Балка VI; 41 – Аджигольская Балка XIV; 42 – Петуховка; 43 – Очаков; 44 – Мыс; 45 – Шабо I; 46 – Сухолужье; 47–48 – Молога II; 49 – Пивденное (Южное); 50 – Семеновка I; 51 – Веселое II; 52 – Веселое III; 53 – Удобное; 54 – Граденицы I; 55 – Граденицы III; 56 – Троицкое; 57 – Беляевка III; 58 – Маяки III; 59 – Надлиманское VI; 60 – Надлиманское VIII; 61 – Николаевка VI; 62 – Овидиополь I; 63 – ОвидиопольV; 64 – Роксоланы X; 65–66 – Никоний; 67 – Роксоланы VI; 68 – Роксоланы V; 69 – Роксоланы I; 70 – Бугаз III; 71 – Мирное; 72–82 – на территории Одессы; 83–85 – Крыжановка I–III; 86 – Дофиновка; 87 – Вороновка I; 88 – Булдынка-школа; 89–91 – Григорьевка I–III; 92 – М. Аджалык V; 93 – Кошары I; 94 – Калиновка (Дмитровка); 95 – Дарьевский Поворот; 96 – Галагановка; 97 – Елизаветовка I; 98 – Волна I; 99 – Владимировка I; 100 – Садовое 3; 101 – Виноградовка II; 102 – Виноградовка I; 103 – Станиславчик II; 104 – Станиславчик III; 105 – Ракова Балка; 106 – Галициновка; 107 – Лесхоз; 108 – Подымово I; 109 – Яблоня II; 110 – Точилово

На восточном берегу лимана изучался слой римского времени на городище Никоний, раскапывался его могильник. Раскопки последовательно вели М.С. Синицын (1960а; 1966), Н.М. Секерская (Андрунина) (1975; 1976; 1977; 1978а; 1978; 1984; 1993; 1995) и А.Г. Загинайло (1966; 1972; 1976; 1977), И.В. Бруяко, открывший и раскопавший могильник (Секерская 1993; Бруяко 1996; Бруяко, Секерская 1994; Малюкевич 1997; Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008). Обнаружены остатки оборонительной стены римского времени (Секерская 1993: 58). Подвергнуты анализу жилища (Кузьменко 1976), детские погребения в сосудах (Секерская 1978-), краснолаковая (Секерская 1984) и лепная (Гудкова, Бруяко 1997) керамика.

Хронология. Наиболее древние позднескифские памятники находятся на Низовом Днепре. Их корни уходят в период до нашей эры, а прекращение жизни на них относится к первым векам н. э. (Щукин 1970). Существование поселений на хоре Ольвии в римское время охватывает период между последней четвертью I в. до н.э. до середины III в. н.э. (Крыжицкий и др. 1989: 155; 1990: 96–97). Они занимают по времени возникновения серединное положение между памятниками Днепра и Днестра. Поселения на Днестровском лимане датируются: Молога II – от второй половины I в. н.э. до середины III в. н.э. (Гудкова, Фокеев 1982: 103), Весёлое – II–III вв. (Малюкевич 1991; 1992), поселение на городище Никония – I–III вв. н.э. (Секерская 1984; Загинайло 1966: 113–114), могильник Никония от конца первой четверти II в. до середины III в. (Бруяко и др. 2008: 156). Таким образом, вырисовывается процесс распространения позднескифского населения из Нижнего Поднепровья на запад.

Жилища. В Нижнем Поднестровье, как и в других позднескифских регионах, господствующей формой жилищ были каменные и каменно-глинобитные дома с каменными и глиняными полами и с участками каменных вымосток дворов. В Мологе зафиксирована облицовка стены по низу рядом орфостатных камней, обмазка стен глиной и их побелка. Кроме порогов вход в дома оформлялся и в виде глинобитных пандусов. В помещениях присутствовали очаги, которые наряду с жаровнями и ямами находились и во дворах. На хоре Ольвии жаровни известны только в Козырке. В Мологе во дворах располагались и большие сводчатые печи с каменным основанием. Уникальна и каменная печь в виде тандыра (Малюкевич 1990: 52).

В Нижнем Поднепровье наземные каркасные строения отмечены в Золотой Балке, Гавриловке и Каирах (Вязьмітіна 1962: 109; Погребова 1958: 197; Махно 1961: 148). На Днестровском лимане два каркасных строения хозяйственного назначения зафиксированы в Мологе и два в Веселом, где они основной тип жилищ (Малюкевич 1992: 54).

Среди нижнеднепровских городищ полуземлянки как тип строения практически отсутствуют. А немногочисленные на хоре Ольвии служили в основном, хозяйственными помещениями. Но в Поднестровье – в Веселом раскопана одна, а в Мологе исследовано восемь полуземлянок, одни из которых использовались как жилища, другие как помещения связанные с проведением ритуальных церемоний проводимых на святилище (Малюкевич 1990: 51; 1995: 32–34; 1999а: 40–42; 1999: 108–120).

Каменное домостроительство на городищах и поселениях Нижнего Днепра, на хоре Ольвии в низовьях Буга и по берегам Днестровского лимана вокруг Тиры было в основных чертах одинаковым (Малюкевич 1990: 53; Гудкова 1999а: 244–252).

При этом, использование при строительстве тщательно обработанного камня – явление исключительное.

Как и в других регионах, в Мологе (в Никонии предположительно) применялся равнозначно-параллельный принцип расположения строений. Существовали большие, плотно застроенные усадьбы, в которых жилые и хозяйственные помещения, иногда с маленькими двориками, располагались вокруг общего двора обычно в ряд, или Г-образно. Помещения в них имели одинаковую ширину, как правило, друг с другом не сообщались и имели выход во двор. (Бруяко и др. 2008: 22–26).

Могильники на Днестровском лимане найдены при поселениях Молога II и Никоний. На Мологе вскрыто: пять грунтовых склепов с коллективными захоронениями от 4 до 8 погребенных – всего 26–28 костяков, (еще часть склепов разрушена глинищем); четыре погребения в простых, или с небольшим подбоем, грунтовых могилах с каменными закладами, (среди них одно частично расчлененное, детское, с каменной стелой, которой служил якорь, или противовес винодавильного пресса); пять погребений младенцев в неглубоких ямках; три захоронения младенцев в больших ритуальных ямах, при обязательном сопровождении их умерщвленными собаками; два расчлененных погребения взрослых при присутствии костяков собак и других животных, и часть человеческого черепа в ритуальных ямах; два захоронения младенцев – одно в разбитом кувшине и одно под черепками амфоры; три погребения взрослых в безинвентарных ямах, куда трупы были небрежно сброшены – два в одну яму, один – в другую.

Особого внимания заслуживают погребения ритуально расчлененных трупов или их частей. Вероятно, практиковалось расчленение двух видов: в момент погребения или перед ним и во вскрытой могиле после того, как связки на костях уже истлели. В культовых ямах выявлены обломок черепа и отдельные человеческие кости, а также погребение части ноги со ступней взрослого человека вместе с убитой собакой. Видимо, с ритуальными действиями связано и захоронение подростка с черепом и передней частью туши лошади, черепами овцы и собаки.

Кроме погребений, на могильнике и территории между ним и поселением раскопано святилище и около 200 ритуальных ям (Малюкевич 1993б; 1994б; 1999а; 2001; 2002: 47; 2003; 2004; 2006; 2008).

Ямы разных размеров часто специально обустроены многообразными способами. Некоторые на поверхности были маркированы отдельными крупными камнями или каменными «пирамидами». У многих ям дно выравнивалось и подмазывалось глиной и обжигалось. Отмечены подсыпки дна песком и локальные вымостки из стенок амфор или плоских камней. Ямы заполнены остатками поминальных пиршеств с большим количеством золы и перемежающимися прослойками глины, что свидетельствует о развитом обряде паренталий (Малюкевич 1994б: 200–204). Керамика и вещевые находки в ямах полностью соответствуют материалам поселения, но в них практически отсутствует сероглиняная лощеная и шероховатая посуда, та, которая в изобилии представлена на поселении. Безинвентарные ямы, часто заполненные материковым суглинком, очевидно, тоже связаны с жертвоприношениями. В них известны захоронения собак и коровы, одно парное и одно одиночное погребения взрослых.

В наиболее пышных тризнах встречаются светильники, миниатюрные лепные сосудики /игрушки/, курильницы, глиняные диски, глиняные «хлебцы», пряслица, пирамидальные грузила из необожженной, или слабопрокаленной глины, а также

Рис. 160. Картосхема раскопок поселения, могильника и святилища Молога II 1975–2009 гг.
1 – современные дороги; 2 – средневековый вал; 3 – раскопы; 4 – склепы; 5 – культовые ямы

астрагалы, оселки, растиральники, конкреции керамического шлака, костяные рашпили и проколки. Отмечены отдельные находки бронзовых фибул, браслетов, иголок, заклепок, железных гвоздей и ножей, свинцовые пластины, обломки стеклянных сосудов бисер и бусины. Единичными находками являются неординарные, несущие семантическую нагрузку изделия из слабообожженной глины (рис. 164).

Святилище расположено среди культовых ям и лабиринта из 11 неглубоких траншей-канавок. Центральным участком капища является большой очаг-кострище с пятью лепными светильниками по краям. Рядом располагался алтарь-жертвенник в виде глинобитного столика (Малюкевич, Присяжнюк 2000: 154, рис. 1, 2). К сакральной зоне святилища относятся также каменные и глинобитные тризновые площадки, небольшие очаги-кострища, зольники, участки прокаленного грунта, ямки с целенаправленно уложенной керамикой, отдельно стоящие сосуды, три нежилые полуземлянки, остатки тризн в виде костей животных на поверхности (Малюкевич, Желтоногов 1995; Малюкевич 2006).

Еще одним важным отличительным элементом Мологи является умерщвление и ритуальное погребение собак. На данный момент в 20 ямах зафиксировано 32 костяка, черепа, или отдельные кости собак. В Мологе все собаки обнаружены только в культовых ямах. В двух случаях по 2 собаки сопровождали захоронения младенцев, в одном – часть ритуально разрушенного костяка взрослого, в одной яме было погребено 5 собак, подвергшихся ритуальному разрушению. Иногда у собак отсекали головы и помещали их за спиной (Малюкевич 2003: 106).

На некрополе поселения Никоний (Бруяко 1996; Бруяко, Секерская 1994; Малюкевич 1997; Бруяко и др. 2008) раскопан 21 целый и два недостроенных земляных склепа аналогичных моложским, 6 грунтовых одиночных погребений в простых ямах, погребение с многоступенчатым подбоем и 20 поминально-жертвенных комплексов (Бруяко и др., 2008: 138–139), сопоставимых с сакральной зоной на могильнике Мологи. На поселении найдено одно погребение взрослого человека в

полу жилого помещения (Синицын 1966: 23) и 45 детских погребений в сосудах под полами жилищ, в том числе 4 с кремацией (Секерская 1978).

Типы и формы погребальных сооружений, характер захоронений, поза и ориентировка костяков, погребальный инвентарь показывают, что могильники Мологи и Никония аналогичны и на этих поселениях проживало этнически однородное, в основе позднескифское население (Малюкевич 1997: 37; Бруяко и др. 2008: 179–180).

Нижнебугские могильники почти не исследованы. У с. Петуховки раскопано 8 погребений первых веков н.э. (Ebert 1913a: 75–80; Вязьмитина 1972: 9). Рядом с Козыркой раскопаны одно коллективное погребение в склепе и парное в грунтовой яме (Бураков 1976: 136). На Козырке, Петуховке и Золотом Мысе обнаружены погребения детей в сосудах под полами жилищ (Бураков 1976: 138–143; Синицын 1959a: 21; Абикулова, Былкова 1985: 6). Все это не отличается от материалов по погребальному обряду на могильниках Днестровского лимана.

Представляется очевидным, что погребальный обряд поздних скифов Северо-Западного Причерноморья находит себе ближайшие аналогии на позднескифских могильниках Нижнего Днепра. Склепы в основном не отличаются от таких же сооружений на могильниках Золотая Балка (Вязмитина 1972), Николаевка Козацкая (Ebert 1913b; Сымонович 1967; 1969a) и на некрополях Неаполя Скифского, Усть-Альма и Дружное в Крыму (Бабенчиков 1957: 120–121; Сымонович 1983: 28–58; Высотская 1994; Бруяко и др. 2008: 179–180). Совпадение с материалами этих могильников наблюдается как в основных чертах обряда, так и в его необязательных элементах: наличие тризновых ям с захоронением костей собак, лошадей и других животных.

Материальная культура. ***Лепная керамика*** (рис. 161) на всех памятниках представлена преимущественно «скифоидными» горшками часто с горлом в виде раструба. На Днестровском лимане на поселении Молога II лепная керамика составляет 19% от всей массы фрагментов, а без учета амфор – 61%, то есть немногим более половины. На Веселом ее количество достигает 24,2% от общей массы (Малюкевич 1994a: 253). Некоторое их количество орнаментировано по венчику вдавлениями пальцем или штампом, или насечками. На плечах бывают такие же вдавления, изредка – шишечки.

Значительная часть горшков употреблялась с крышками. Их форма коническая с вертикальной ручкой-выступом, плоской или углубленной сверху (Гудкова, Фокеев 1982: рис. 20, 14, 17, 20, 23; Малюкевич 1994: 254; Гудкова, Бруяко 1997: рис. 1, 12–14).

По всем основным характеристикам лепная керамика сходна во всем ареале культуры. Сходство проявляется в широком применении лепной посуды, общих чертах технологии ее изготовления и обжига, применении одних и тех же типов керамических изделий, широком распространении древних традиционных скифских форм, особенно горшков и конических крышек, и орнаментации защипами, вдавлениями, насечками. Инновации – это корчаги и в меньшем количестве горшки, часто лощеные со сложным рельефным орнаментом, дакийские чаши.

Гончарная керамика (рис. 162) представлена античной красноглиняной и сероглиняной посудой частично ольвийского и тирасского происхождения и сероглиняной, в этих городах не известной. Последняя впервые была выделена как особое явление в Козырке (Гудкова 1991). Она представлена и на других поселениях

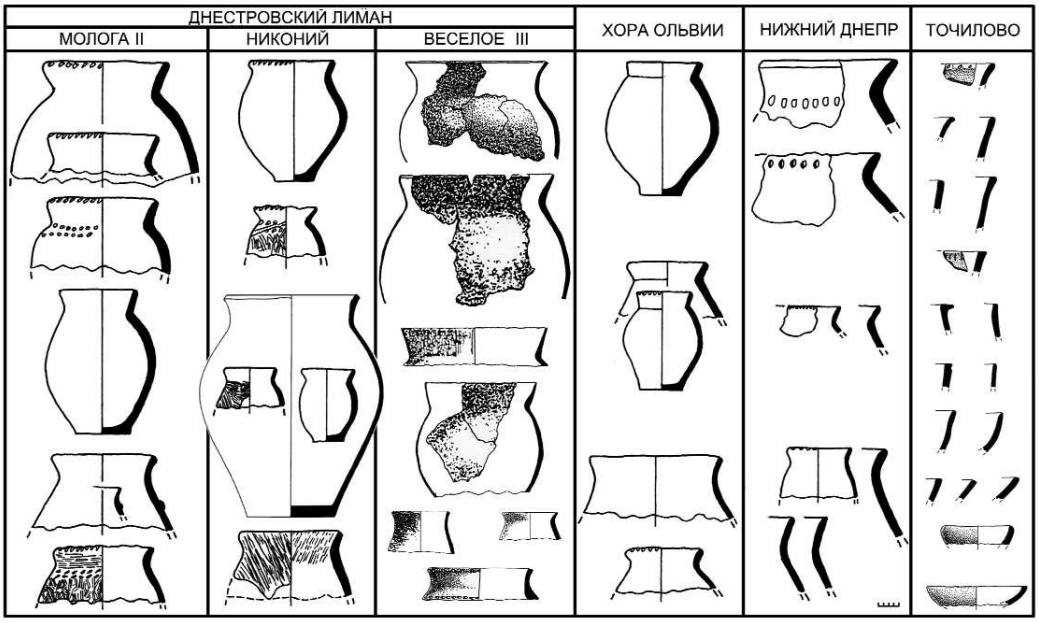


Рис. 161. Сравнительная таблица лепной керамики по регионам культуры поздних скифов

Ольвийской периферии, а так же на Мологе, Веселом и Никонии (Гудкова 1991: 122–131; Gudkova 1999; Гудкова, Малюкевич 1994: 251–252; Гудкова 1999; Гудкова, Фокеев 1982: 91–94). На хоре Ольвии ее количество не велико, а в Мологе и Веселом это основная столовая посуда. О возможном производстве сероглиняной керамики в Мологе свидетельствует керамический брак.

Материалы хорошо стратифицированной и датированной Козырки позволили отнести время появления этой керамики к концу I в. н.э. Во II в. и первых десятилетиях III в. возрастает число таких сосудов и они становятся обычными. Хронологическое совпадение с Мологой очевидно.

Основные формы этой посуды – миски, открытые реберчатые и закрытые биконические, в небольшом количестве кувшины с биконическим туловом, реберчатые кружки, сосуды не реконструированной формы с очень широким Т- и Г-образным венчиком, кубки. В Мологе и Веселом обычны сосуды для хранения запасов с массивным выдающимся внутрь горизонтальным венчиком и без шейки. Они сделаны из такой же хорошо отмученной глины, как и прочая керамика. Вся столовая посуда и часть корчаг покрыты лощением. Иногда отмечается черное покрытие до лощения или науглероживание при обжиге для придания черепку черного цвета. Применялся линейно-лощеный орнамент. Пластичный декор состоит из валиков, уступов, «обручей», наплывов, углубленных «выбранных» круговых поясов, косых каннелюр. Столовая посуда дополняется грубоглинянными кухонными горшками типа, который провинциально-римские мастерские в Мезии и Фракии начали производить в I в. н.э. (Poczy 1956: рис. 8, 9, 11; Sultov 1976; 1985). В Тире и Ольвии они редки (Гудкова, Крапивина 1990: 17–18; Крапивина 1993: 101–105), но широко распространены в варварских культурах I тыс. н.э. (Милитарь-Килия, карпатских курганов, черняховская и др.). Чрезвычайно важно отметить, что вся эта керамика практически неотличима от черняховской.

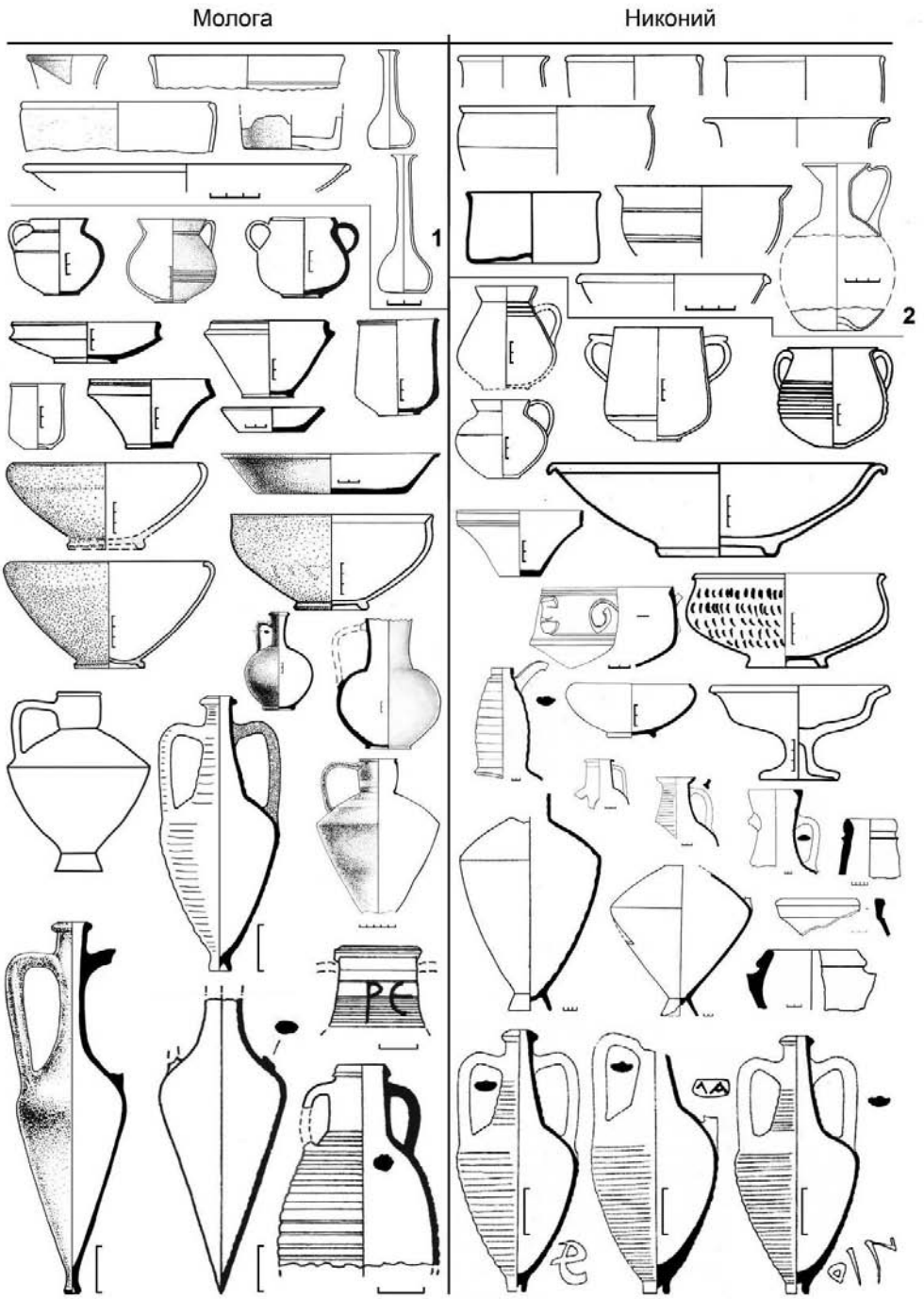


Рис. 162. Изделия из стекла, краснолаковые, красноглиняные сосуды и амфоры из поселений Молога и Никоний

Украшения и детали костюма (рис. 163) – фибулы, среднелатенской схемы и раннеримские, пряжки, многоцветные и одноцветные стеклянные бусы, кольца и перстни со стеклянными вставками, браслеты с завязанными или несомкнутыми концами, /фигурными и змеиноголовыми/, браслеты с шишечками, подвески-колокольчики, в том числе и ажурные, разнообразные подвески-амулеты. Из бытовых вещей это ключи и зеркала, дисковидные или с ушками, встречаются повсеместно и подробно изучены по материалам памятников, устойчиво определяемых как позднескифские. Преобладающий материал для изготовления этих вещей – бронза, реже применялось и железо. Золото встречается редко.

Хозяйственная деятельность определялась прочной оседлостью. Земледелие было основой экономики. В Петуховке найден лемех двухотвального плуга (Синицын 1952: 247, рис. 4), два заостренных окончания железных лемехов – в Мологе, серпы – в Мологе и Никонии. Зерно хранили в зерновых ямах, амфорах и корчагах. В Мологе известны ямы, в которых могло храниться до 15 тонн зерна. По размерам они не уступают ольвийским зернохранилищам I–II вв. На Козырке раскопана зерносушилка со слоем перегоревшего проса на полу (Бураков 1976: 32, рис. 18). Большая (диаметром 2,1 м) печь-сушилка открытого типа исследована в Мологе (Гудкова, Фокеев 1982: 61). Для размола зерна применяли зернотерки, ротационные жернова, ручные мельницы, каменные ступы, которые встречаются повсеместно. На поселениях сельской округи Ольвии засвидетельствовано появление виноградарства и виноделия (Крыжицкий и др. 1989: 199–200). Мясо и рыбу могли сохранять длительное время в соленом и копченом виде. Так в Мологе обнаружена стационарная активно функционировавшая коптильня для приготовления мясной продукции холодного и горячего копчения (Малюкевич 2009).

Скотоводство составляло значимый компонент в хозяйственной деятельности. В видовом составе стада первое место занимал крупный рогатый скот, второе – мелкий. Затем по количеству идут лошади, собаки и свиньи (Сушко 1966: 149).

Промыслы. Охота большого экономического значения не имела. Рыболовство носило вспомогательный характер. Найдены каменные и керамические грузила для сетей, бронзовые и железные рыболовные крючки, крючки и иглы для вязания сетей, на поселении Скелька – остатки самой сети, в Мологе – каменный якорь (Бураков 1976: 126, табл. XI, 1–5; Крыжицкий и др.1989: рис. 74, 6; Бруяко и др. 2008: 64; Малюкевич 1993: рис. 2, 14).

Ремесла в хозяйственной деятельности поздних скифов носили домашний характер, удовлетворяя собственные нужды обитателей конкретных поселений. О возможном гончарном производстве свидетельствуют керамический шлак и единичные бракованные сосуды (Молога). На существование прядения и ткачества указывают повсеместные находки пряслиц, обломки лепной керамики с отпечатками тканей. Часто встречаются пирамидальные необожженные глиняные грузила от ткацкого станка, а так же небольшие грузила и намотки из амфорных стенок.

Свидетельства об обработке металлов довольно ограничены На Козырском городище найдена литейная форма для украшений (Бураков 1976: табл. XII, 19, XIII). На Петуховке известно большое количество железных шлаков и обломков железных предметов (Синицын 1959а: 18. 27; Крыжицкий и др. 1989: 202). Из железа делали украшения, детали костюма, ножи, тесла, скобы, гвозди и др. мелкие орудия труда. Железные шлаки обнаружены и в Никонии, где, возможно, существовало и бронзолитейное дело, о чем свидетельствует находка бронзового колокольчика с производственным дефектом (Бруяко и др. 2008: 70).

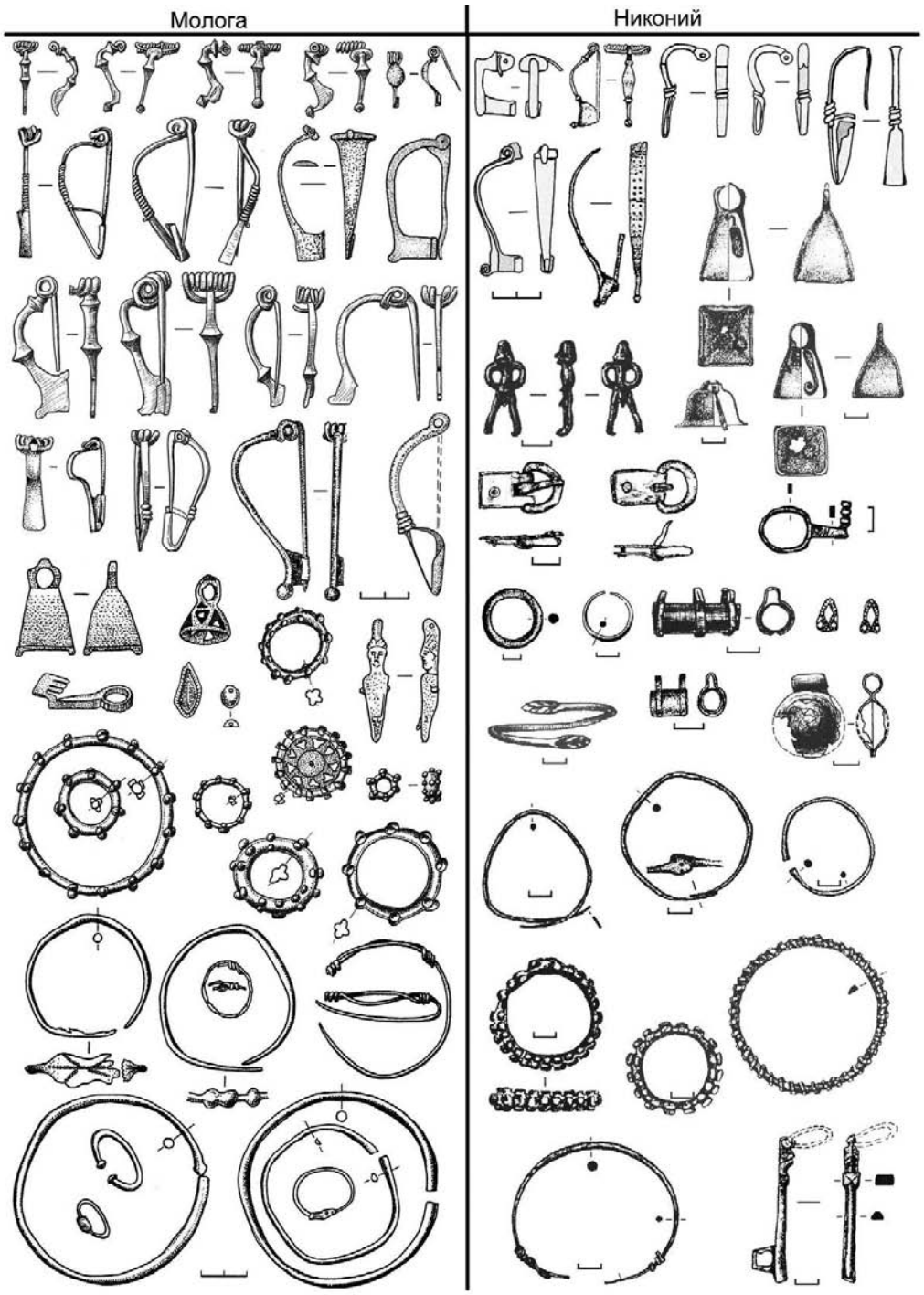


Рис. 163. Фибулы, украшения, амулеты и предметы из бронзы поселений Молога и Никоний

Наличие косторезного дела широко представлено разнообразными проколками, шильями, иглами для плетения сетей, уплощенными челноками для ткачества, трубочками-игольницами, «коньками», рашпилями из костей и челюстей животных, распиленными рогами. Ручки многих ножей были костяными. Единичны костяные пуговицы и гребни (Молога).

Для выделки шкур использовали реберные кости-лощила и костяные рашпили.

Обработка камня для бытовых и строительных нужд производилась повсеместно. Зафиксировано изготовление жерновов, зернотерок, ступ, пестиков, растиральников, оселков, корыт, строительных деталей. В Мологе найдена не до конца изготовленная ручная мельница. Однако потребность в различных ремесленных изделиях удовлетворялась в основном за счет производства античных городов.

Торгово-экономические контакты с внешним миром осуществлялись в основном через античные города Причерноморья. Эти связи особенно ярко прослеживаются по импортной керамике – амфоры, красноглиняная и краснолаковая посуда. Количество импортных стеклянных изделий, иногда высокохудожественных, не велико. Применялось и оконное стекло.

Этнокультурные процессы. Взаимоотношения с античным миром и влияние его культуры на поздних скифов были очень сильными. Очевидна и признана всеми исследователями ярко выраженная связь с Ольвией поселений ее хоры. Их обитатели обеспечивали Ольвию продукцией сельского хозяйства (Крыжицкий и др. 1989: 210) и защищали подступы к ней. Теснейшие экономические отношения поселений на Днестровском лимане с Тирой так же не вызывают сомнений. Наличие в Мологе больших зернохранилищ, коптильни, присутствие в керамике грубоглиняной античной кухонной посуды, никогда не ввозившейся издалека, фрагменты черепицы и оконного стекла указывают на постоянные экономические связи с городом.

Совершенно очевидно, что для последних веков до нашей эры и первых веков нашей именно поздние скифы оказались в Северном Причерноморье тем пластом оседлого варварского населения, которое впитывало достижения античной культуры в непосредственном контакте с античными полисами. Через них осуществлялась связь со всей циркумпонтийской и средиземноморской зоной. Эта историческая ситуация не может быть понята во всей полноте без учета характера взаимоотношения обитателей нижнеднепровских городищ с Ольвией. А они были настолько тесными, что ряд исследователей даже считает их выходцами из нее. Давно высказано предположение о том, что между Нижним Днепром и Нижним Бугом происходил обмен населением (Славин 1976: 185). Неординарность существовавших связей выявляется новыми исследованиями. Н.А. Гаврилюк пришла к выводу о том, что памятники Нижнего Днепра назвать позднескифскими в узком смысле этого слова можно лишь условно, «...имея в виду лишь время их существования и сложившуюся историческую традицию. Видимо, основное население этих городищ состояло из переселившихся в силу многих причин, вытекающих из сложной политической ситуации в Ольвии во II в. до н.э., обитателей Ольвии, приспособившихся к более суровым степным условиям» (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 30; Гаврилюк, Крапивина 2007; Гаврилюк 2009: 169). В еще более категорической форме эти взгляды развивает В.М. Зубарь (1996: 130–131). Есть и несколько более мягкая оценка теснейшей демографической связи населения Ольвии и городищ Нижнего Днепра (Крапивина 1993: 141).

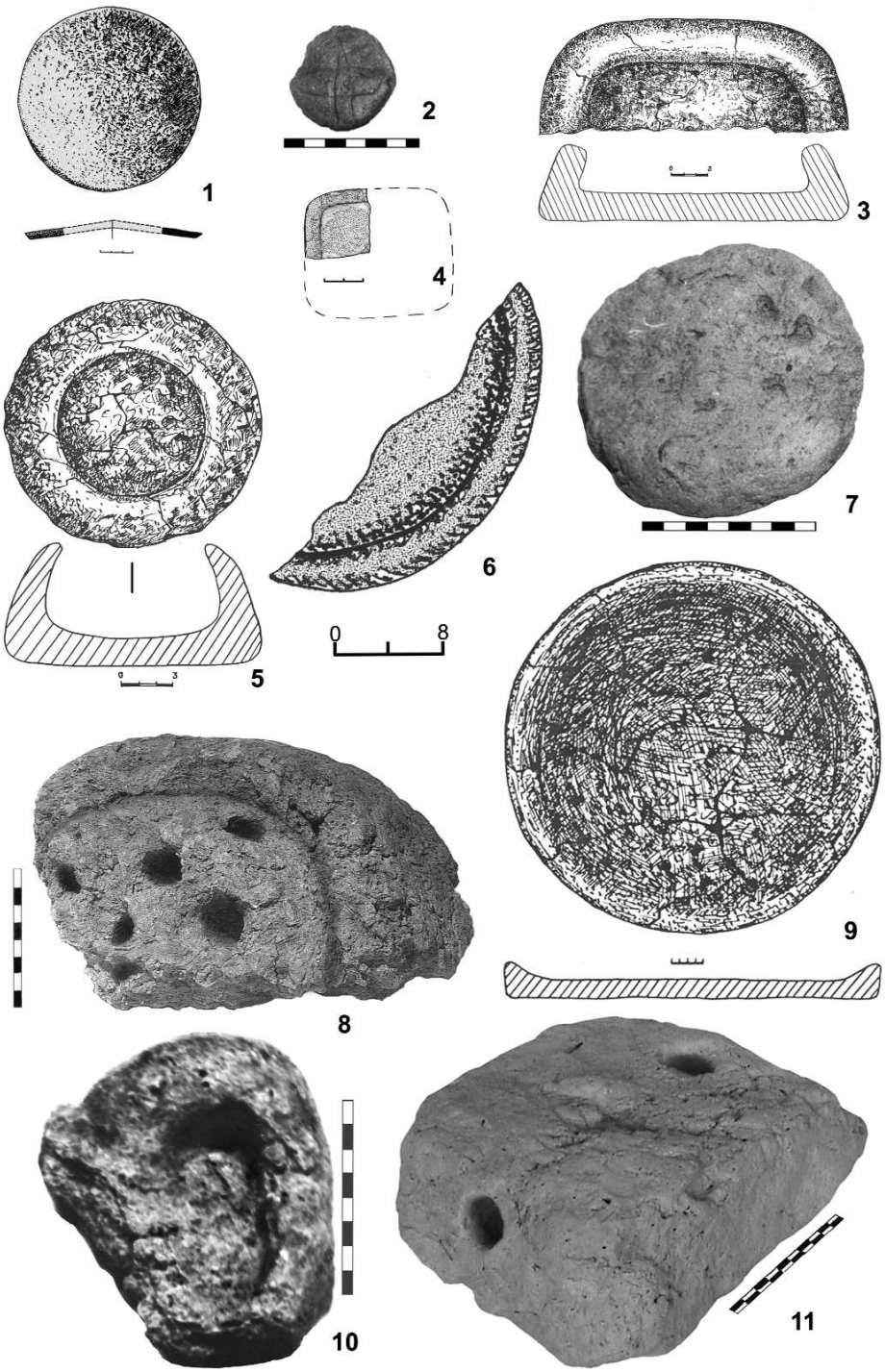


Рис. 164. Вотивные предметы из подсушенной и слабообожженной глины из культовых ям Моложского святилища

Домостроительство поздних скифов испытало определенное античное влияние. Его высокую степень демонстрируют дома Козырского городища. Элементы античной культуры проникали и в духовную жизнь, но сведений об этом пока очень мало. Так в склепах Мологи были обнаружены антропоморфная бронзовая подвеска в виде гермы, амулет из египетского фаянса, изображающий Гарпократа и амулет из гагата в форме параллелепипеда с нанесенным на грани геометрическим орнаментом из 30 кружков. Данный амулет связан с неопифагорейским учением о числах и вполне возможно, что в Мологе проживала какая-то группа потомков эллинов (Руссев 1986: 141). Но трудно сказать, осознавался ли смысл этих символов в варварской среде. На присутствие в Мологе и Никонии эллинского этнического компонента указывают находки керамики с греческими граффити и дипинти. В никонийских погребальных комплексах обнаружены истрийские монеты-«колесики», свидетельствующие о сохранении важного элемента эллинистического погребального обряда – «обола Харона» (Бруяко и др. 2008: 181).

Современное состояние источников позволяет сделать некоторые наблюдения о связи поздних скифов Северного Причерноморья с фракийским миром. В лепной керамике городищ Нижнего Поднепровья представлены изделия гето-фракийского облика. Таковы большие лепные корчаги с налепным орнаментом, некоторые виды горшков, «дакийские чаши», очажные подставки и др. (Погребова 1958: 140, 142, 211, 213–214, 244, 245; Вязьмітіна 1962: рис. 64). Эта керамика появляется на нижнеднепровских городищах в конце III в. до н.э. и бытует на продолжении всего их существования. Она представлена также в Козырке (Бураков 1976: 79, 80, 114, 116, 145, табл. VII, 17), Мологе (Малюкевич 1992б) и Никонии (Гудкова, Бруяко 1997: 73). Подобные находки сделаны и в синхронных слоях Тиры и Ольвии. Недавно сделана попытка подвести итог изучению этой проблемы, в частности специально рассмотрен вопрос о распространении фракийской керамики (Крыкин 1993). Пока неясны пути продвижения в Причерноморье носителей фракийской керамической традиции. Крайним пунктом обитания фракийцев на востоке в низовьях Дуная является Орловка (Головко и др. 1965). Некоторое участие гетов в греческой колонизации вполне вероятно (Крыкин 1993: 126), но трудно допустить, что в основном именно через Тиру и Ольвию население, изготовлявшее лепную фракийскую керамику, попало в среду поздних скифов. Бытование этой керамики на продолжении длительного времени в инокультурной среде указывает на постоянные контакты населения Причерноморья с фракийскими племенами. Важно отметить, что на памятниках римского времени в Буджаке не отмечено массового гетского материала. Это заставляет предположить, что контакты поздних скифов с фракийцами осуществлялись по рекам Днепру, Бугу и Днестру и были направлены в сторону северной части фракийского мира. В Никонии найден фрагмент терракотовой статуэтки воина с подвесными ногами. Подобные статуэтки были связаны с культом Митры, который был распространен среди солдат воинских подразделений Мезии, Фракии, Дакии и Паннонии (Найденова 1975: 22; Крапивина 1994: 170–171). Аналогичные статуэтки воинов обнаруженные в Ольвии и Тире, где дислоцировались римские гарнизоны, позволяют предположить присутствие римских войск, возможно, фракийского происхождения и в Никонии (Бруяко и др. 2008: 181–182). Это указывает на то, что контакты поздних скифов с фракийским миром осуществлялись и через дунайское направление.

В составе обитателей нижнеднестровских поселений присутствовала также какая-то группа сарматов. На это указывает то, что среди погребений некрополя

Никония обнаружены черепа с искусственной деформацией. С сарматами, а вернее с аланами Северного Кавказа следует, вероятно, связывать и наличие на некрополе склепов с короткими «классическими» дромосами и перпендикулярно расположенной, по отношению к входной яме, могильной камерой. Северокавказский (аланский?) вклад в культуру населения Никония дополняется находкой во входной яме склепа № 56 ручной ротационной мельницы в полном комплекте /нижний и верхний жернова/ (Бруяко и др. 2008: 182–183). В Никонии в 300 м от основного ядра могильника обнаружена грунтовая могила с двумя подбоями и тремя погребенными (Бруяко и др. 2008: 101–103, 140). И.В. Бруяко отмечает уникальность конструкции погребения. На наш взгляд, вполне возможна ее принадлежность к сарматскому типу захоронений.

Отдельные черты сарматского этноса прослеживаются и в материалах Мологи. Это находки двух бронзовых разбитых зеркал и прорезного колокольчика в склепе № 1; железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы и заворачивание погребенного в кошму в склепе № 2; комок ярко-розовой краски, деревянная подстилка под одним из костяков, обкладка корой и досками еще трех погребенных, наличие земляных «подушек» вместо камней под головами двух погребенных в склепе № 4; единичные сосуды сарматского облика из культовых ям и слоя поселения. К косвенным сарматским признакам можно отнести ажурную тамгообразную пряжку из склепа № 5, обшивку одежды золотыми бляшками у одного и обилие бус у всех погребенных в склепе № 4.

Интересные новые сведения о связях поздних скифов с населением Центральной Европы дают наблюдения над сероглиняной гончарной керамикой. В первой четверти I тыс. в Причерноморье существовало две ее группы. Первая, в малом количестве на позднескифских памятниках, – продукция античных мастерских Тиры и Ольвии (Гудкова 1979; Крапивина 1979; Гудкова, Крапивина 1988). Вторая группа – сероглиняная гончарная керамика, не имеющая местных генетических корней, описанная выше. В ней очевидны влияния провинциально-римского гончарства, мастерских Подунавья, и, возможно, гончарных центров юго-восточной Словакии и южной Польши.

Эта керамика в Северо-Западном Причерноморье совершенно инородна. Почти полное ее совпадение с черняховской посудой свидетельствует о том, что оба явления имеют общие истоки. Облик подобной керамики сложился в Центральной Европе, в частности в Рейнско-Везерском регионе, в начале II в. н.э. (Шаров, Бажан 1999: 57). Таким образом, позднескифские материалы фиксируют проникновение данной керамики с северо-запада, в обход Карпат и расселение в Причерноморских степях германцев в начале н.э.

Подводя итог рассмотрению позднескифской культуры, можно констатировать, что в округе Тиры и Ольвии, обитало позднескифское население. Регионы Нижнего Буга и Нижнего Днестра типологически однородны между собой и с эталонными памятниками Нижнего Днепра. Становится очевидной общность территории позднескифской культуры в Причерноморье при ее некоторой внутренней вариантности. В качестве ее характерных черт следует выделить очень сильную синкретичность и внутреннюю нестабильность, связанную с переходом скифов от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледельческому (Малюкевич 1992а: 52–54).

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА

История исследования. Изучение черняховской культуры в степи начал 1923–1926 гг. А.В. Добровольский на Ингульце (1950: 168). В 1938–1940 гг. А.К. Раевский раскопал поселение Кисёлово (1955). Затем М.С. Синицыным было учтено большое количество памятников, в том числе римского времени, между низовьями Ю. Буга и Днестра (1949а; 1949б; 1950; 1955; 1959). Его полевые документы и коллекции не сохранились. В 1946 г. он провел раскопки на поселении Ильинка I (Синицын 1949б: 151–155; 1950: 64–65). В 1949–1950 гг. М.Ф. Болтенко осуществил раскопки на поселении Викторовка II (1960: 43). Публикация памятника началась спустя двадцать лет (Сымонович, Яровой 1968; Гудкова 1976а: 127, прим. 66).

Активное изучение черняховских памятников началось после войны. В междуречье Ю. Буга и Днестра Э.А. Сымонович обследовал 9 поселений на Тилигульском лимане. Он провел раскопки на поселениях Капустино (1956: 131–135), Тилигуло-Березанка (1967), Кошары (1967), на поселениях и их могильниках Викторовка II (Болтенко 1949; Сымонович 1966а; 1967а; Сымонович, Яровой 1968), Коблево (Сымонович 1966; 1967а; 1970; 1979б), Ранжевое (Сымонович 1967а; 1979б). Б.В. Магомедов провел раскопки на поселении и могильнике Городок (Магомедов 1978; 1979а; 1980; 1984; 1987; Магомедов, Гудим-Левкович 1990), поселении и могильнике Каборга IV (Магомедов 1979) и Каменка-Анчекрак (Магомедов 1991). На обрыве морского берега у с. Сычавка было найдено черняховское погребение (Федоров, Рошаль 1979). На территории между Днестром и Бугом при строительстве доследован могильник Фрунзовка (Кравченко 1967).

С 1969 г. черняховские памятники степи начала исследовать А.В. Гудкова (1975; 1976). Ею были проведены значительные разведки. Все результаты вошли в справочник «Археологические памятники Одесской области» (Гудкова и др. 1991).

Значительные работы были проведены на памятниках черняховской культуры в Буджакской степи и по берегам Днестровского лимана. Сведения об открытых памятниках первой половины I тыс. н.э. обобщил И.Т. Черняков, показав их культурную неоднородность (1967), которую первым подметил Н.М. Шмаглий (Шмаглий 1965: 53). И. Т. Черняков разделил эти древности на памятники черняховского типа и «античные». В северной части Буджака в 50–60-х годах Э.А. Рикман осуществил раскопки на поселениях Будешты, Делакеу и Балабанешты и опубликовал их результаты (1960; 1964; 1967). Затем им было исследовано поселение Комрат I (1975а: 56) и могильник поселения у с. Будешты (1957а; 1958; 1960; 1964; 1967; 1969). Общие результаты своих исследований Э.А. Рикман издал монографически (1975а; 1975 б). Недавно произведена републикация могильника Будешты (Vornik 2006). Раскопки поселения продолжены в 1975 г. Т.А. Щербаковой (Щербакова, Чеботаренко 1973). Г.Б. Федоров, изучая древности Пруто-Днестровского между-

[1] В настоящем разделе рассматриваются степные памятники в междуречье Ю. Буга и низовий Дуная и Прута (рис. 1, 2). Древностям этого района практически аналогичны черняховские памятники степного междуречья Ю. Буга и Нижнего Днепра. Их материалы в некоторых случаях используются нами для полноты картины. Памятники лесостепи на севере Одесской обл. остались за рамками нашего обзора. Они почти не исследованы и принадлежат иному варианту культуры.

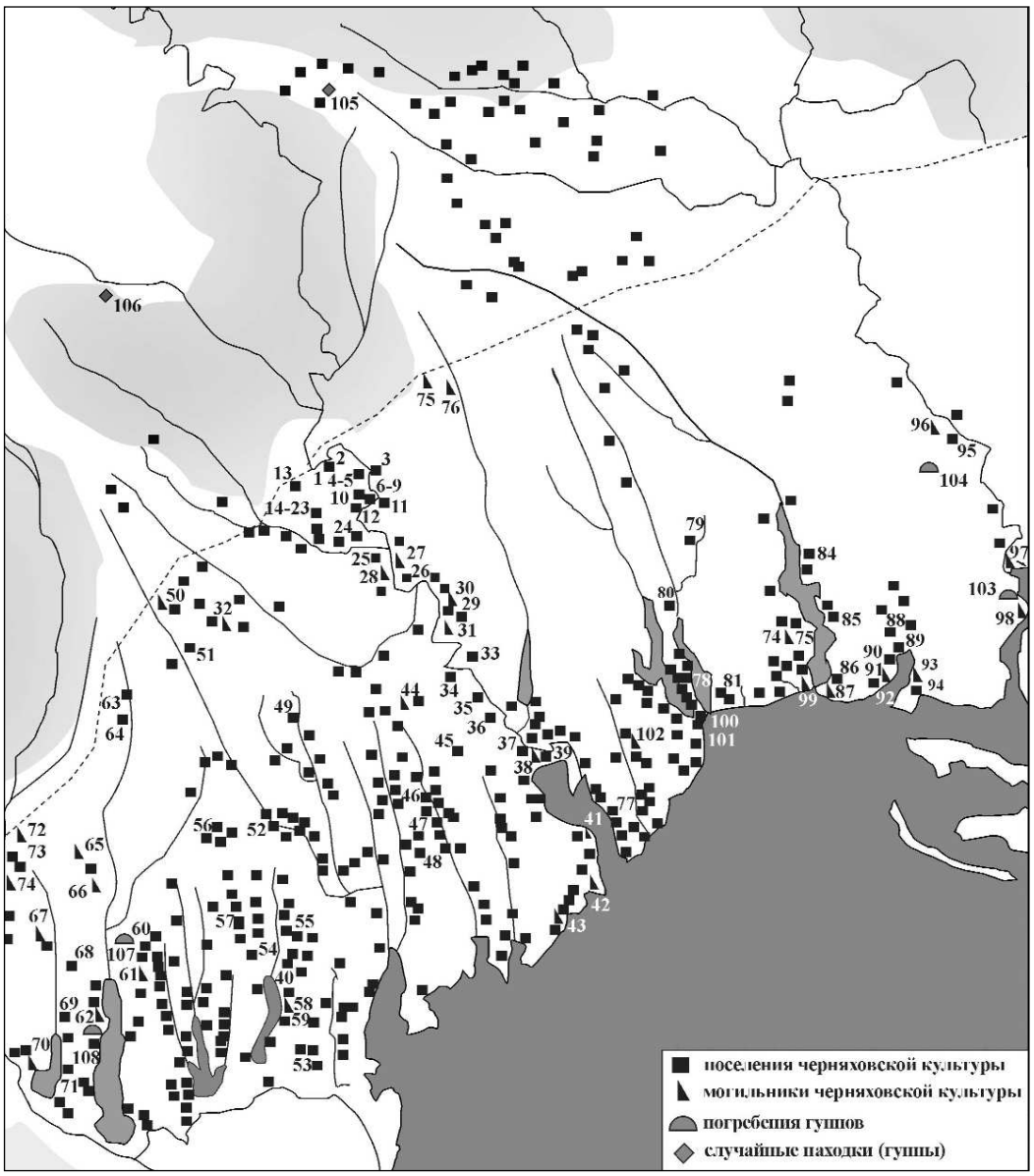


Рис. 165. Карта-схема расположения черняховских и гуннских (№№ 103–108) памятников в степной зоне между Южным Бугом и Дунаем; а – поселения; б – могильники; в – граница степи и лесостепи.

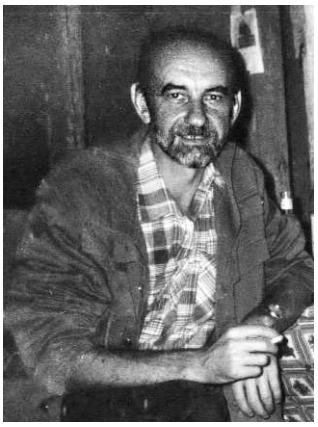
1 – Балабанешты (Федоров 1960; Рикман 1975а); 2 – Коржево (Федоров 1960; Рикман 1975а); 3 – Делакеу (Рикман 1975а); 4 – Делакеу I (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 975а); 5 – Делакеу II (Рикман 1975а); 6 – Пугачены I (Рикман 1975 а); 7 – Пугачены II (Рикман 1975а); 8 – Пугачены III (Рикман 1975а); 9 – Пугачены IV (Рикман 1975а); 10 – Система укреплений Пугачены (Рикман 1975а); 11 – Буторы (Рикман 1975а); 12 – Спея (Рикман 1975а); 13 – Чимишены (Рикман 1975 а); 14 – Кобуска-Веке I (Федоров 1960; Рикман 1975а); 15 – Кобуска-Веке II (Рикман 1975а); 16 – Кобуска-Веке III (Рикман 1975); 17 – Кобуска-Веке IV (Рикман 1975); 18 – Кобуска-Веке V (Рикман 1975а); 19 – Кобуска-Веке VI (Рикман 1975а); 20 – Кобуска-Веке VII (Рикман 1975); 21 – Кобуска-Веке VIII (Рикман 1975); 22 – Кобуска-Веке IX (Рикман 1975а); 23 – Кобуска-Веке X (Риман 1975а); 24 – Новые Анены I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975а); 25 – городище

Калфа I (Рикман 1975), Калфа II (Рикман 1975а), Калфа III (Рикман 1975), Калфа IV (Рикман 1975); 26 – Ревака I; 27 – Парканы IV (Рикман 1975а); 28 – Бендеры (Рикман 1975а; 1975); 29 – Слободзея I (Федоров 1960; Рикман 1975а), Слободзея II (Федоров 1960; Рикман 1975а), Слободзея III (Федоров 1960; Рикман 1975а), Слободзея IV (Кетрару, Рикман 60; Рикман 1975а); 30 – Карагаш I (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975а); 31 – Слободзея V (Федоров 1960; Рикман 1975а); 32 – Кабурна I, Кабурна II, Кабурна III, Кабурна IV Кабурна V (Рикман 1975а); 33 – Глиное (Рикман 1975а); 34 – Раскайцы (Рикман 1975а); 35 – Олонешты I (Федоров 1960; Рикман 1975а), Олонешты II, Олонешты III (Рикман 1975а); 36 – Коркмаз I, Коркмаз II, Коркмаз III (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975а); 37 – Тудорово I, Тудорово II, Тудорово III, Тудорово IV, Тудорово V Тудорово VI, Тудорово VII, Тудорово VIII (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975а); 38 – Тудорово IX (Рикман 1975а); 39 – Паланка I, Паланка II, Паланка III, Паланка IV Паланка V, Паланка VI, Паланка VII (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975а); 40 – Холмское (Гудкова, Фокеев 1984), Холмское III (Гудкова, Столярик 1985); 41 – Погребение из Белгорода-Днестровского (Криволап 1972); 42 – Беленькое (Сымонович 1974; 1979а); 43 – Приморское (Криволап 1972; Сымонович 1973, 1979а); 44 – Слободзея I (Федоров 1960; Рикман 1975а); 45 – Капланы I, Капланы II (Федоров 1960; Рикман 1975а); 46 – Николаевка-Новороссийская X, Николаевка-Новороссийская II, Николаевка-Новороссийская IX, Николаевка-Новороссийская VII, Николаевка-Новороссийская VI, Николаевка-Новороссийская VIII (Гудкова 1974); 47 – Рипа (Черняков 1963; Гудкова 1974; 1986); 48 – Хаджидер III (Гудкова 1974); 49 – Тараклия (Федоров 1960; Рикман 1975а); 50 – Липовены II (Рикман 1975а); 51 – Градинешты I (Федоров 1960; Рикман 1975а), Градинешты II (Рикман 1975а); 52 – Березино VIII, Березино VI, Березино VII, Березино Южное (Гудкова, Новицкий 1976); 53 – Дракуля (Мирное) (Шмаглий 1965; Гудкова, Фокеев 1984б); 54 – Холмское (Гудкова 1973); 55 – Главаны IV (Дижма), Главаны I, Главаны V, Главаны II (Гудкова 1973; 1999; Малюкевич 1993); 56 – Твардица II (Рикман 1975а); 57 – Задунаевка VIII, Задунаевка IX, Задунаевка VII Задунаевка I, Задунаевка III, Задунаевка IV (Гудкова 1973); 58 – Фурмановка (Сымонович 1974; 1988); 59 – Фурмановка (1) (Шмаглий 1965; Кравченко 1971б; Дудкин 1971; Гудкова 1974; 1986); 60 – Червоноармейское VII (Кубей VII), Червоноармейское XI (Кубей XI) (Субботин 1968); 61 – Жовтневое IV, Жовтневое II (Субботин 1968); 62 – Виноградовка (Субботин, Черняков 1971); 63 – Комрат I Комрат II, Комрат III Комрат IV Комрат V, Комрат VI, Комрат VII, Комрат VIII (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975а); 64 – Кирсово, Кирсово II, Кирсово III (Рикман 1975а); 65 – Александровка (Рикман 1975а); 66 – Московей (Рикман 1975а); 67 – Сатук (Рикман 1975а); 68 – Чигирлены (Рикман 1975а); 69 – Этулия I, Этулия II (Верхняя Этулия) (Рикман 1975а); 70 – Лиманское I (Субботин 1968); 71 – Нагорное I, Нагорное II (Субботин 1968; Гудкова, Субботин 1972; Гудкова и др. 1981; Гудкова 1991б; 1999; Скакун, Романова 1987; 1991), Нагорное IV (Субботин 1968; Гудкова 1999), Нагорное III (Субботин 1968; Гудкова 1973; 1999), Нагорное V (Субботин 1968); 72 – Фламында (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975а); 73 – Кирканы I, Кирканы II (Рикман 1975а); 74 – Старые Кричаны (Рикман 1975а); 75 – Васильевка (Белогорский 1965); 76 – Фрунзовка (Кравченко 1967); 77 – Овидиополь I (Синицын 1950), Овидиополь III (Синицын 1949а), Овидиополь II (Синицын 1955; Махно 1960); 78 – Ильинка I, Ильинка II, Ильинка III (Синицын 1950; 1955; Махно 1960; Гудкова и др. 1980); 79 – Верхний Куяльник (Кузьменко 1957); 80 – Северииновка (Синицын 1955; Махно 1960); 81 – Киселово (Раевский 1955; Махно 1960); 82 – Ранжевое (Сымонович 1967а; Махно 1960); 83 – Ранжевое (Сымонович 1967а; 1979б); 84 – Атаманка (Сымонович 1956а); 85 – Капустино (Славин 1955; Сымонович 1956а; Махно 1960); 86 – Коблево (Славин 1955; 1966; 1967а; 1970); 87 – Коблево (Сымонович 1966а; 1967а; 1970; 1979б); 88 – Тилигуло-Березанка (Сымонович 1967а; Погребова, Кондрацкий 1960); 89 – Каменка-Анчекрак (Магомедов 1978; 1987); 90 – Каменка (Махно 1960); 91 – Викторовка II (Болтенко 1949; Сымонович 1967а; Сымонович, Яровой 1968; Карышковский 1962); 92 – Викторовка II (Сымонович 1966а; 1967а); 93 – Каборга IV (Магомедов 1979б); 94 – Каборга IV (Магомедов 1979б); 95 – Городок (Старопокровка I) (Патокова 1960; Махно 1960; Магомедов 1979а); 96 – Городок (Новый Городок) (Магомедов 1979а); 97 – Чубовка (Гребенников и др. 1982); 98 – Б. Кореиха (Гребенников и др. 1982); 99 – Сычавка (Федоров, Рошаль 1979); 100 – Крыжановка (I) (Синицын 1955), Крыжановка (II); 101 – Одесса (V), Одесса II (Аркадия) (Синицын 1955; Махно 1960); 102 – Новоградовка (Нейбург) (Махно 1960); 103 – гуннское погребение на правобережье Тилигульского лимана; 104 – Антоновка (гуннское погребение); 105 – случайная находка Тимково (гунны); 106 – случайная находка Шесточь (гунны); 107 – урочище Кубей (гуннское погребение); 108 – озеро Ялпуг (гуннское погребение).

речья I тыс. н.э., открыл и исследовал многие черняховские памятники Буджака (1960: 57–172). В частности им исследованы Верхний и Нижний Траяновы валы, относящиеся ко времени существования этой культуры. Э.А. Сымонович раскопал сохранившуюся часть могильника Фурмановка на берегу оз. Китай (1988), обследовал остатки могильника и поселение у с. Приморское (1979 а) и открыл могильник Беленькое (1981). В 1986–1991 годах этот могильник полностью раскопал А.А. Росохацкий. Материалы не изданы. Отчеты хранятся в научном архиве ИА НАН Украины и ОАМ, находки – в ОАМ и Белгород-Днестровском краеведческом музее. Б.В. Магомедов провел небольшие раскопки на поселениях Утконосовка и Чабанское II (1983). В Болградском районе Одесской области во время строительства были уничтожены могильник и поселение Виноградовка. Удалось расчистить одно погребение. На поселении обнаружена керамика «типа Дитиничи – Брест» (Субботин, Черняков 1971). В 1995–1998 гг. профессор Копенгагенского университета К. Рансборг профинансировал для практики своих студентов сплошное археологическое изучение микрорайона у с. Суворово Измаильского района Одесской области. Исследовались в частности два поселения черняховской культуры Суворово I и Ново-Каменка.[1]

Сымонович Эраст Алексеевич
(1919–1983)

В 70-х годах и по начало 90-х в связи с многолетним ирригационным строительством в степях Одесской области работали большие новостроечные экспедиции: Днестро-Дунайская (нач. Н.Д. Шмаглий), Дунай-Днестровская (нач. Л.В.Субботин), Измаильская (нач. А.В. Гудкова) ИА АН СССР, Буджакская экспедиция Одесского археологического общества (нач. А.В. Гудкова). Черняховский отряд Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции (нач. Н.М. Кравченко) провел значительные разведки и раскопки на поселениях Нерушай и Мирное (Гайдолина) (Кравченко 1967; 1971; 1971а). Измаильской и Буджакской экспедицией в Буджаке были проведены раскопки на поселениях Бужорка, Нагорное II, III и IV, Кантемировская Балка, Холмское I, Фурмановка, Рипа, Главаны I и II, и на могильниках – Холмское и Нагорное II, зафиксированы остатки могильника в с. Первомайское на Днестре. На многослойном поселение Нагорное II раскопки проводились несколькими экспедициями (Романова, Скакун 2002; Гудкова 1999а: 319, рис. 39). Результаты работ на перечисленных черняховских памятниках в основном изданы (Гудкова 1985; 1986; 1987; 1987а; 1991 а, б, г; 1999; Гудкова, Росохацкий 1987; 1990; 1993; 1991; 1995; Гудкова, Столярик 1985; Гудкова, Фокеев 1984; Малюкевич 1987; Романова, Скакун 1987; 1991; 2002; Фокеев 1982).



Росохацкий
Александр Анатольевич

[1] Полевые отчеты М.М. Фокеева за эти годы хранятся в научном архиве ИА НАН Украины.

Поселения и жилища. Места постоянного обитания в степях отличаются малыми размерами: 89–90% их – это селища площадью до 4 га (Малюкевич 1987: 141–142). Планировка поселений, всегда вытянутых вдоль реки, бессистемная или с расположением домов в один – два ряда. На некоторых поселениях установлено наличие усадеб (напр., Ранжевое, Кисёлово, Главаны I, Рипа и др.).

Городища и фортификационные сооружения мало изучены. В Северо-Западном Причерноморье имеется городище Городок (Покровка) при впадении в Ю. Буг р. Чичиклеи (Махно 1960: 67). В 20-х годах его обследовал Г. Крысин, а в недавнее время – Б.В. Магомедов, раскопавший часть его первого могильника (Крисін 1929; Магомедов 1979 а) и открывший второй могильник (Магомедов, 2001: 20). Он провел раскопки на городище Александровка (Роксандровка) (1987а) в Николаевской области. В Молдавии на пограничье степи и лесостепи известны городище Калфа I, городище и фортификационная система Мовила Лата (Рикман 1975а: № 468, 544, 601).

Жилища представлены несколькими типами. *Наземные каменные дома* присущи исключительно степным поселениям и являются одним из ведущих признаков для памятников причерноморского типа (Баран 1981: 58); Магомедов 1981: 7; 1983а: 144, рис. 1). Северная граница зоны их распространения отстоит от берега Черного моря на несколько десятков километров. На востоке каменное домостроительство широко представлено на памятниках Ингульца. Граница его распространения на западе проходит, примерно, по оз. Китай и впадающей в него р. Алияга. Для южной части Буджакской степи характерно смешанное расположение поселений с каменными и каркасными домами, но в северной ее части каменное домостроительство отсутствует. Сочетания на одном поселении каменных и каркасных домов не засвидетельствовано. Каменные дома раскопаны на поселениях Викторовка II (Сымонович, Яровой 1968), Ильинка (Синіцин 1949б), Капустино (Сымонович 1956), Луговое (Магомедов, Гудим-Левкович 1990), Кисёлово (Раевский 1955), Мирное (Кравченко 1971а), Тилигуло-Березанка (Сымонович 1967), Ранжевое (Сымонович 1967), Коблево (Сымонович 1967), Атаманка (Сымонович 1983а) и в Буджаке – Фурмановка, Рипа, Главаны I и II, Холмское I, Кагильник-Остров (Гудкова 1999а: рис. 33).

Все дома построены из необработанного известняка или песчаника. Кладки иррегулярные. Полагают, что было распространено возведение сырцовых и глинобитных стен на каменном цоколе. Столбовые конструкции для перекрытий не применялись. Двери вращающиеся. Из элементов интерьера сохранились лишь очаги, печи и хозяйственные загородки. Купольные и сводчатые печи встречаются снаружи и внутри.

Каменные дома по планировке делятся на небольшие и многокамерные (Ильинка, Коблево). Ни один из многокамерных домов не раскопан полностью. На поселении Каменка-Анчекрак раскопана часть усадьбы с периметральной застройкой и, возможно, внутренним двором.

Однокамерные дома известны на многих поселениях (Атаманка, Ильинка, Мирное, Главаны I и др.). Это прямоугольные сооружения площадью в среднем от 15 до 30 м^2. Двух- и трехкамерные жилища раскопаны на поселениях Кисёлово, Капустино, Ранжевое, Рипа, Фурмановка. Принцип их планировки равнозначно-параллельный. У части из них имеются большие пустые дворы с каменной оградой (Рипа, Фурмановка, Ранжевое дом № 1, Кисёлово дома «Г», «Д» и «З»). Такие усадьбы представляют собой определенное явление (Ioniţa 1982: 108; Магомедов 1983а; Гудкова 1986).

Поскольку каменное домостроительство чуждо для основной части ареала черняховской культуры и синхронных культур Восточной и Юго-Восточной Европы, его истоки следует искать в древних традициях населения Причерноморья. Полагают, что черняховскими племенами оно было заимствовано у местного эллинизированного варварского населения (Сміленко 1975: 47–48; Баран 1981: 165; Журко 1983: 25).

Генетическую связь черняховского и позднескифского каменного домостроительства следует рассматривать не только с точки зрения применения камня как строительного материала, но и по строительным приемам и конструкциям. В постройках поздних скифов характерный элемент каменных кладок – двупанцирный цоколь (Елагина 1958: 46). На черняховских селищах он известен только на Ингульце (Афонасьевка, Дарьевка, Ново-Кондаково, Снигиревка). В то же время приемы выведения кладок одинаковы: господствуют иррегулярные постелистые с плохо выдержанной рядностью.

Характерной особенностью позднескифского дома еще с IV–III вв. до н.э. (напр., Закисова Балка [Штительман 1958: 131 и сл.]) являются пристенные загородки-закрома из крупных плит камня, поставленных вертикально и иногда немного вкопанных в землю (Елагина 1958: 110). Они существовали здесь вплоть до первых веков нашей эры (Петуховка [Синицын 1959: 23]), а в Ольвии и городах Боспора распространились в первых веках нашей эры (Погребова 1958: 242; Кругликова 1966: 41). На степных селищах закрома применялись только к востоку от Днестра (Кисёлово, Афонасьевка, Дарьевка, Снигиревка).

Сравнительный анализ строительных приемов и интерьера черняховских и позднескифских домов выявляет их определенное сходство. Оно дополняется существованием в обоих случаях однотипного двух-трехкамерного дома равнозначно-параллельной планировки. Такие или сходные дома возникают в Северном Причерноморье у позднескифского населения. В позднеэллинистическое время они имели широкое распространение в Неаполе Скифском (Высотская 1979: 23, 87), на городищах Золотая Балка (Вязьмитина 1962: 86, рис. 47), Гавриловка (Погребова 1958: 192–196, рис. 38) и Николаевка-Козацкая (Гошкевич 1913: 6–8, табл. V).

Каркасные наземные дома в западной и северной части Буджакской степи единственная форма жилища. Они изучены на поселениях Комрат I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1962; 1975: 56, № 148; 1975б: 107), Делакеу I (Рикман 1975б), Балабанешты (Рикман 1964), Нерушай (Кравченко 1971: 54, 65–66), Нагорное II, Кантемировская Балка, Холмское III. На восток от Днестра такой дом известен в Каборге IV (Магомедов 1979).

Каркасные дома строили на древней дневной поверхности. Стены делали из прутьев и веток, реже – тростника (Холмское III), обмазанных толстым слоем глины. В Делакеу стены некоторых домов имели местами каменную субструкцию. Четкая прямоугольная форма домов свидетельствует о разработанной конструкции перекрытий. В слое разрушения кровли присутствуют отпечатки камыша.

Помещения отапливали очаги-поды. Хозяйственная печь вне дома найдена в Делакеу (Рикман 1967: 176–178).

В жилищах и снаружи встречаются каменные вымостки. Снаружи располагались хозяйственные ямы. Буджакские каркасные дома аналогичны жилищам этого типа в других частях ареала черняховской культуры. Поскольку в степи такие сооружения в предшествующее время не известны, естественно полагать, что каркасное домостроительство появилось здесь с приходом населения из лесостепи,

скорей всего, из междуречья Днестра и Прута (Рикман 1975б: 80–81, табл. III; Журко 1983: 15).

Углубленные в землю жилища сочетаются как с каменными (напр., Главаны I, Фурмановка, Тилигуло-Березанка, Викторовка II), так и с каркасными (Делакеу, Комрат, Нагорное II и III) домами. Всего известно 20 полуземлянок. Их преобладающая форма прямоугольная со скругленными углами. В Викторовке они овальные и округлые. Их глубина колеблется от 0,6 до 1,5 м, площадь от 5 до 12 м^2. Особняком стоит полуземлянка в Викторовке II площадью 20,6 м^2. Эти жилища однокамерные. Исключения редки: Бургунка (Сымонович 1980: 105–107, рис. 1) и Нагорное II.

Полуземлянки со следами постоянного разведения огня в них надо считать жилыми. Они раскопаны в Буджаке на поселениях Приморское (Сымонович 1979а: 109–110), Утконосовка (Магомедов 1983б), Комрат (Рикман 1975б: 113–116; 1975: 82–83), Нагорное II и III, Бужорка, в междуречье Днестра и Буга в Викторовке II (Сымонович, Яровой 1968: 170–172), Тилигуло-Березанке (Сымонович 1967: 209, рис. 2), Надлиманском VI (Охотников, Пасхина 1979). Купольная печь известна на поселении Викторовка II (Сымонович, Яровой 1968: 171). В отдельных полуземлянках сделаны лежанки (Надлиманское VI, Бужорка, Делакеу).

Очевидно, что полуземлянки были подсобными строениями, а роль самостоятельного жилища играли в исключительных условиях.

Стационарные юрты раскопаны на поселении Дракуля (Гудкова, Фокеев 1984а: 68–73). Остатки трех жилищ имеют вид глинобитных полов с очагами и хозяйственными ямами, с ямками от столбов по периметру. Рядом находилась хозяйственная полуземлянка. На поселении Бургунка в степном Поднепровье юрта сосуществовала с полуземлянками и каменным строением (Сымонович 1980: 107–109). Ее остатки представляют собой плоскодонную яму диаметром более 3м и глубиной около 0,2 м с очажным углублением в середине. Столбовых ям не обнаружено (Сымонович 1980: 107, рис. 1).

Э.А. Сымонович предположил, что такие жилища появились в результате контактов черняховских племен с кочевниками степи (Сымонович 1980: 107–109). Это, возможно, правильно для поселения Бургунка. Однако на поселении Дракуля, где юрты – господствующий тип жилища, это трудно объяснить только заимствованием. Возможно, обитатели этого черняховского поселения были в недалеком прошлом кочевниками. Тип их домов отражает эволюцию жилища от кочевнического к оседлому.

Анализ типов жилищ указывает на смешение в степи разных традиций. В междуречье Днестра и Днепра преобладали поселения с каменными домами, а с каркасными – единичны. Иное дело в степи к западу от Днестровского лимана, где поселения с каменными и каркасными жилищами расположены вперемежку. В Буджакской степи обычай сооружения жилищ из камня не имеет местных корней, а на сопредельных территориях он известен только к востоку. Это указывает на его распространение из-за Днестра.

Наземные каркасные дома, массово применявшиеся в Буджаке и в меньшей мере к востоку от Днестра, оказываются полностью аналогичными таким строениям на черняховских поселениях лесостепного междуречья Днестра и Прута, где эта форма жилища была господствующей (Рикман 1975б: 80–81; Журко 1983: 12, 15). Неминуем вывод о его распространении с севера.

Особый феномен представляют стационарные юрты, выявляющие в черняховской среде кочевнический элемент в переходе к оседлости.

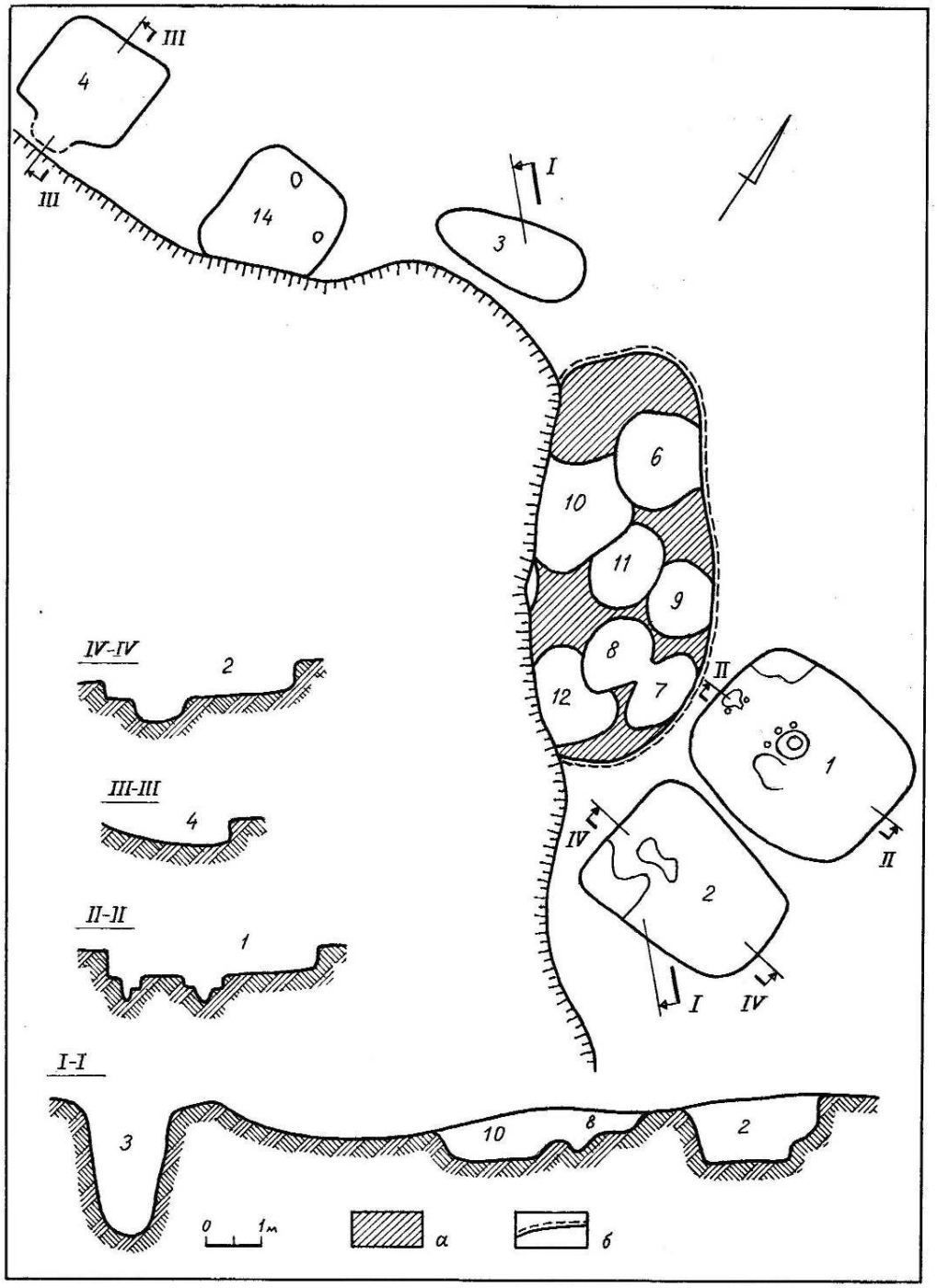


Рис. 166. План поселения Нагорное III: а – пол в котловане с хозяйственными ямами; б – стенка котлована; 1, 2, 4 полуземлянки; 3, 6–12 – хозяйственные ямы; римскими цифрами обозначены разрезы

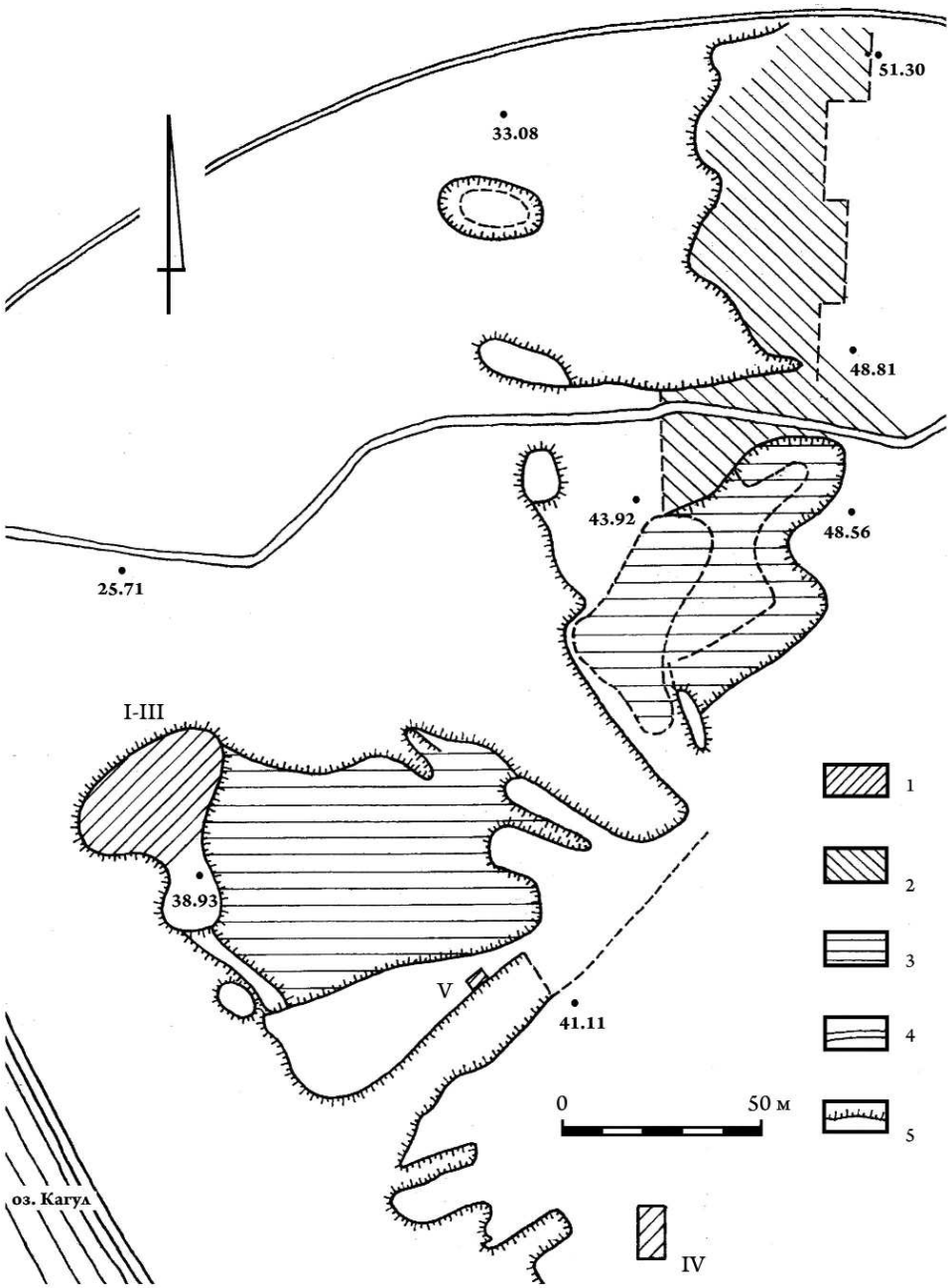


Рис. 167. План поселения и могильника Нагорное II.
Условные обозначения: 1 – раскоп на поселении; 2 – раскопанная территория могильника; 3 – песчаные карьеры; 4 – грунтовая дорога; 5 – обрывы; I–V номера раскопов на поселении; арабскими цифрами указаны высоты от уреза вод в озере

Итак, в целом по характеру домостроительства степи представляют собой в культуре особый регион. При этом в нем отсутствует внутреннее единство и очевидны различные этнокультурные влияния и связи.

Особую категорию находок представляют собой керамические горны (Малюкевич 1993).

Керамический комплекс. Керамика степных памятников подробно исследована В.Б. Магомедовым (1987) и автором (Гудкова 1999а: 325–347). Здесь мы ограничиваемся основными выводами.

Лепные сосуды – это почти исключительно кухонные горшки (Гудкова 1999а: 325–330). В них наиболее значимы скифские и сарматские истоки, присутствует в размытом виде влияние зарубинецкой культуры, а фракийское, даже в Буджаке, не оказывается ярко выраженным. Влияние культур северной части лесостепи, Повисленья и Прибалтики фиксируются избирательно на отдельных памятниках в виде присутствия отдельных форм сосудов. Миски редки. Среди них встречаются открытые сосуды с невысокой шейкой, известные во всем ареале культуры (Никитина 1966: 79, рис. 3, 10, 13). Генетическая линия этой формы, явно со степным регионом не связана. Миски на высоком поддоне известны лишь на поселении Каменка-Анчекрак. В позднескифских материалах Причерноморья эту форму считают зарубинецкой по происхождению (Максимов 1982: табл. 15, 4).

Конические крышки с вертикальной ручкой редки.

Сероглиняная горчарная керамика состоит из мисок, ваз, горшков, кувшинов и кубков (Гудкова 1999а: 325–347).

Миски. Открытые округлые миски вида 1 в среднем Поднепровье известны, но не принадлежат к числу распространенных форм (Петров 1964а: 95; рис. 6, 14, 17; Сымонович 1969: рис. 2, 9). В то же время в римских слоях античных городов Причерноморья такие миски отсутствуют. Открытые округлые миски вида 2 обычная форма в античной краснолаковой посуде, что и указывает на их происхождение.

Открытые биконические миски вида 1 обычны на памятниках Среднего Поднепровья: Масловский (Петров 1964: рис. 6, 11; 11, 14; 14, 16) и Черняховский могильники (Сымонович 1969: рис. 2, 2; Петров 1964а: рис. 3, 15), Переяслав-Хмельницкий (Гончаров 1955: 38, рис. а, верхняя и крайняя справа; рис. в, крайняя справа; Гончаров, Махно 1957: 135, табл. 1, 4, 7), Ягнятин (Махно 1949: табл. II, 3). В Тире они многочисленны и богаты вариантами (Гудкова 1979: рис. 2, 11–16, 18, 20–23). Открытые реберчатые миски вида 2 обычная столовая посуда в Среднем Поднепровье: могильники Черняхово (Петров 1964а; рис. 3, 12; 4, 6, 8, 11, 20; Сымонович 1967б: 18, рис. 5, 3, 11), Ромашки (Брайчевский 1960: табл. I, 6), Маслово (Петров 1964б: рис. 13, 18, 27; 14, 16), Ризино (Кропоткин 1971: рис. 1, 2). Открытые реберчатые миски вида 3 известны в Черняховском (Петров 1964а: рис. 6, 12) и Масловском (Петров 1964б: рис. 11, 11; 13, 13) могильниках.

Итак, облик биконических мисок соответствует норме культуры в целом.

Миски-вазы тоже характерный элемент черняховской керамики во всем ее ареале. Б.В. Магомедов связывает их происхождение с пшеворской культурой, отмечая, что в лепном варианте они распространены в культурах Центральной и Восточной Германии и Польши (Магомедов 1987: 56–57; Магомедов, Левада 1994), а часть прототипов происходит из Ютландии (Магомедов 1997; 2001: 50).

Формы кувшинов, в частности реберчатые, обычны для черняховской культуры. Кувшины со сливом распространены в основном в Буджаке. Они изготовлялись, очевидно, под воздействием провинциально-римских образцов.

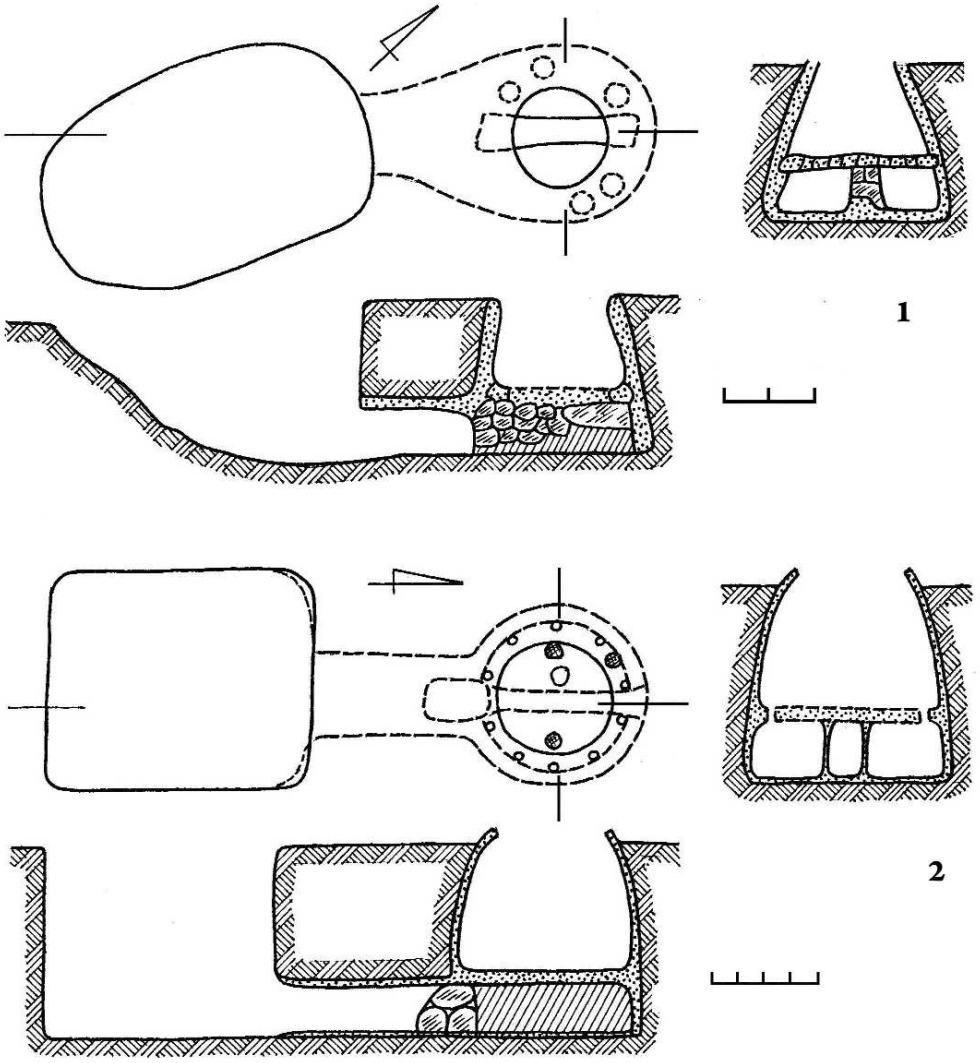


Рис. 168. Планы керамических горнов на поселении Главаны I

Кружки в степном регионе заметно отличаются преобладанием реберчатых форм.

Горшки в столовой посуде мало распространены и их формы и облик вписываются в норму культуры. Для приготовления пищи они не применялись, а крупные тонкостенные экземпляры могли служить для хранения запасов.

Наблюдения над столовой посудой показывает, что, в целом, она не отличается от общей нормы культуры. Малое количество кубков и наличие их в основном на тех могильниках, где присутствуют культурные признаки северо-западного происхождения, может указывать именно на эти связи.

Гончарная хозяйственная посуда, в основном горшки, такие же как во всем ареале культуры. Миски и кувшины немногочисленны. Особое явление – кухонная посуда поселений на берегах оз. Кагул. Горшки, обычные по форме, отличаются

наличием орнамента. Их венчик украшен по краю защипами. На плечиках волнистая полоса, прочерченная гребенкой, или ряд угловатых вдавлений, форма которых варьирует на разных сосудах. Орнаментированная шероховатая посуда ни в других частях Буджака, ни за его пределами на черняховских памятниках не известна.

Зерновики имеют обычный для культуры облик. Анализ орнамента на них позволяет предположить, что Побужье является крайним восточным районом распространения западного обычая украшать эти сосуды орнаментом, прочерченным гребенкой, и накладными расчлененными валиками.

Шероховатая хозяйственная посуда и тара являются характерным элементом черняховского керамического комплекса, однако, не только его. Эта керамика возникает в провинциальных гончарных мастерских Подунавья и Фракии ранее сложения черняховской культуры (Poczy 1956: рис. 8, 9, 11; Султов 1976: 42; Brukner 1981). Она распространяется в различных культурах первой половины I тыс. н.э. – у свободных даков на севере и западе их ареала, в древностях района Иголомь-Тропишев (Diaconu 1970: 249), в культуре Милитарь-Килия (Bichir 1984: 37–38, pl. 23, 1–7; 30, 11, 15; 60). Позднее, в уже сложившемся виде, ее усваивают носители черняховской культуры. Важно отметить, что это произошло не через Тиру и Ольвию, в керамике которых такая керамика практически отсутствует (Гудкова, Крапивина 1990).

Импортная гончарная керамика. Ее количество колеблется на разных поселениях от неполных 4 до 52% от всей керамики (Магомедов 1987: 79–84; 2001: 62–63).

Амфоры были широко распространены. Целые красноглиняные сосуды «типа Делакеу» (тип 100 по И.Б. Зеест) происходят из Делакеу, Каменки-Анчекрак и Александровки. Менее распространены широкогорлые амфоры типа «Харакс 33». Их обломки известны в Снигиревке, Александровке, Городке и Луговом. Амфоры типа Ягнятин в археологически целом состоянии найдены на могильнике Фрунзовка и на поселении Комрат. К редким типам относятся тонкостенные красноглиняные амфоры типа Зеест 95. Почти целый экземпляр найден на поселении Кокоара II, ножка – в Ранжевом. В западной части степного региона встречаются небольшие амфоры с воронковидным горлом и коническим корпусом типа «дафна» по Б.В. Магомедову. Целые экземпляры происходят из Комрата и Нагорного II (Гудкова и др. 1993: рис. 1: 15).

Светлоглиняные амфоры наиболее широко представлены «инкерманским типом» – тип F по Д.Б. Шелову. Целые экземпляры найдены на могильниках: Викторовка II, Чубовка, Каменка-Анчекрак, Беленькое, Нагорное II, Васильевка.

Столовая импортная посуда, в основном краснолаковая, встречается практически на всех памятниках, но в составе керамического комплекса она занимала небольшое место. Целых форм сохранилось очень мало, в основном кувшины и тарелки.

Погребальный обряд. К настоящему времени в степях раскопано значительное количество могильников. В междуречье Ю. Буга и Тилигула – это Викторовка (Сымонович 1966; 1967: 214–216), Каборга IV (Магомедов 1979), Каменка-Анчекрак (Магомедов 1978; 1980), Коблево и Ранжевое (Сымонович 1967; 1979), Городок (Магомедов 1979а), Чубовка и Большая Кореniха (Гребенников и др. 1982) и случайные находки захоронений у сел Фрунзовка (Кравченко А. 1967), Васильевка (Белогорский 1965) и Сычавка (Федоров, Рошаль 1979). В Буджакской степи иссле-

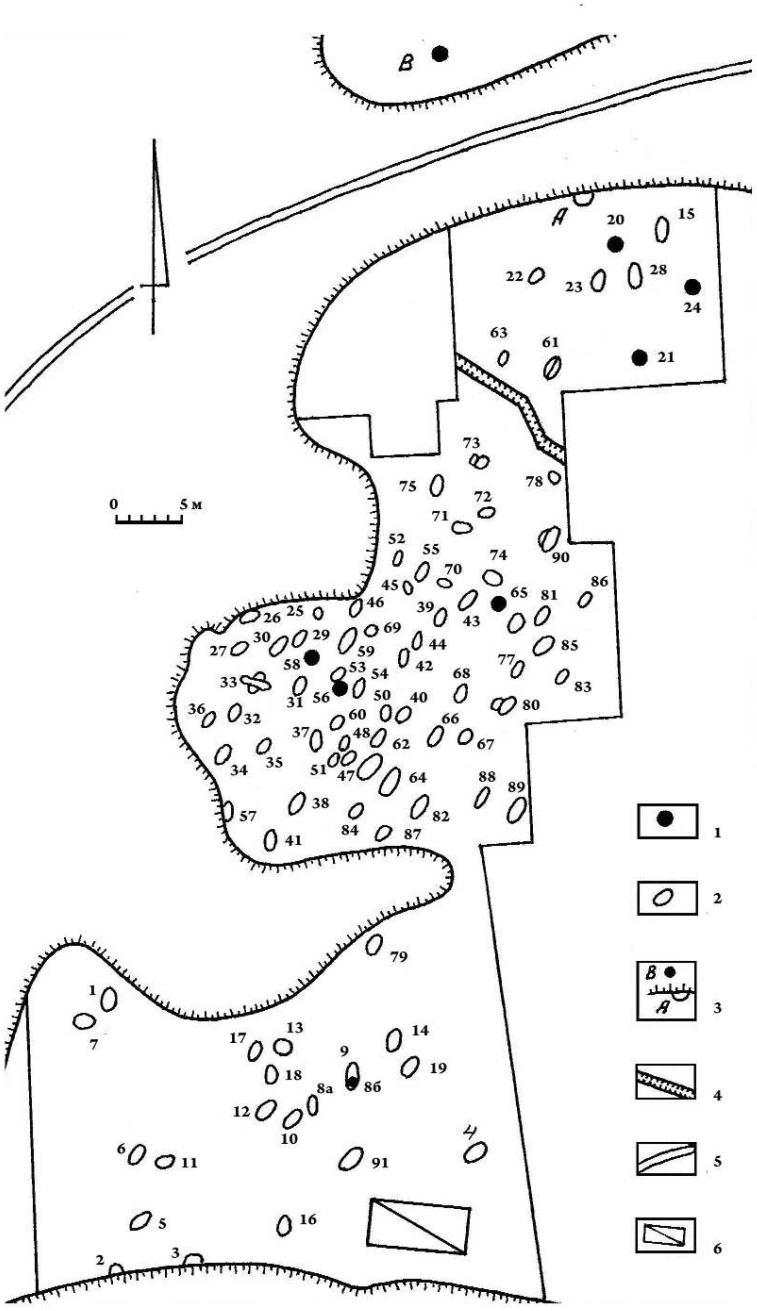


Рис. 169. План могильника Нагорное II; условные обозначения: 1 – кремации; 2 – ингумации; 3 – раскопки Н.Н. Скакун; 4 – военный окоп; 5 – грунтовая дорога; 6 – бетонное основание для электротрансформатора

дованы Приморское (Сымонович 1979), Беленькое (рис. 6) (Сымонович 1981; Блаватская 1981; Гудкова 1987б; Росохацкий 1990а; 1990б; 1992; 1995), Фурмановка (Сымонович 1988), Холмское (Гудкова, Фокеев 1984: 58–85), Виноградовка (Субботин, Черняков 1971), Нагорное II (Гудкова 1991а; 1991б; 1994; Гудкова и др. 1993; Романова, Скакун 1987) (рис. 169).

Топографические условия расположения могильников в степи обычные: в нескольких сотнях метров от поселения выше него по склону или на плато.

Планировка могильников отмечена в Ранжевом, Коблеве, Каборге, Беленьком и Холмском. Каких-либо ее особенностей не наблюдается.

Количественное соотношение погребений с кремацией и ингумацией в Причерноморье характеризуется большей распространенностью трупоположений. По подсчетам Б.В. Магомедова кремация на могильниках в среднем составляет около 12% всех захоронений, тогда как в Среднем Поднепровье на ее долю приходится примерно 25% (Магомедов 1981: 8). О.А. Гей разделила на две группы: с резким преобладанием ингумации и биритуальные (Гей 1980: 44). Но, пожалуй, следует выделить еще и те, на которых процент сожжений значителен: Городок, Каборга. Погребения с кремацией отсутствуют в Каменке-Анчекрак, Ранжевом и Холмском. В Викторовке, Фурмановке, Беленьком, Нагорном и Приморском они единичны. Г.Ф. Никитина полагает, что сожжения и трупоположения применялись параллельно, а их количественное соотношение может быть хронологическим показателем (Никитина 1985: 86).

Погребения с ингумацией. Основные формы могилы: простая яма, яма с подбоем, катакомба, яма с уступами (заплечиками) и яма с углублением в дне.

Простые грунтовые ямы наименее информативны и рассматриваются как всеобщий признак (Никитина 1985: 46).

Погребения в ямах с подбоями в северных районах черняховской культуры встречаются редко. В Северо-Западном Причерноморье они составляют 14,6%. Установленная Г.Ф. Никитиной преимущественная связь подбоев с погребениями детей (Никитина 1985: 49) в степном регионе не наблюдается. На разных могильниках отмечены локальные традиции размещения подбоев. В Каборге они все находятся с востока, в Коблеве – с запада, в Холмском – с севера. Единичность южного размещения подбоя соответствует норме культуры (Никитина 1985: 49). В Нагорном все подбои связаны с погребениями западной ориентировки, что в культуре в целом является исключением (Никитина 1985: 49). В Коблеве в восьми подбоях, в Ранжевом в трех, в Николаевке Козацкой в трех обнаружены каменные заклады плитами входа в подбой. В одном из подбоев Фурмановки найдены остатки дерева. В Нагорном в одном погребении сохранились следы деревянной конструкции, закрывавшей вход в подбой.

Происхождение подбойных захоронений традиционно связывают с сарматским влиянием (Федоров 1958: 234; Седов 1976: 95; Рикман 1975б: 319; Магомедов 1980: 84).

Катакомбы не свойственны погребальному обряду черняховского населения лесостепи. В степном Причерноморье они разбросаны по всему региону: Коблево, Фурмановка, Беленькое, Николаевка Козацкая. На двух первых памятниках катакомбы сходны. Они имеют меридиональную ориентировку иногда с легкими отклонениями. Форма входной ямы и камеры или овальная (Фурмановка, Коблево, погребения 12 и 31), или близкая к прямоугольной (Коблево, погребения 16, 38, 46). Пло-

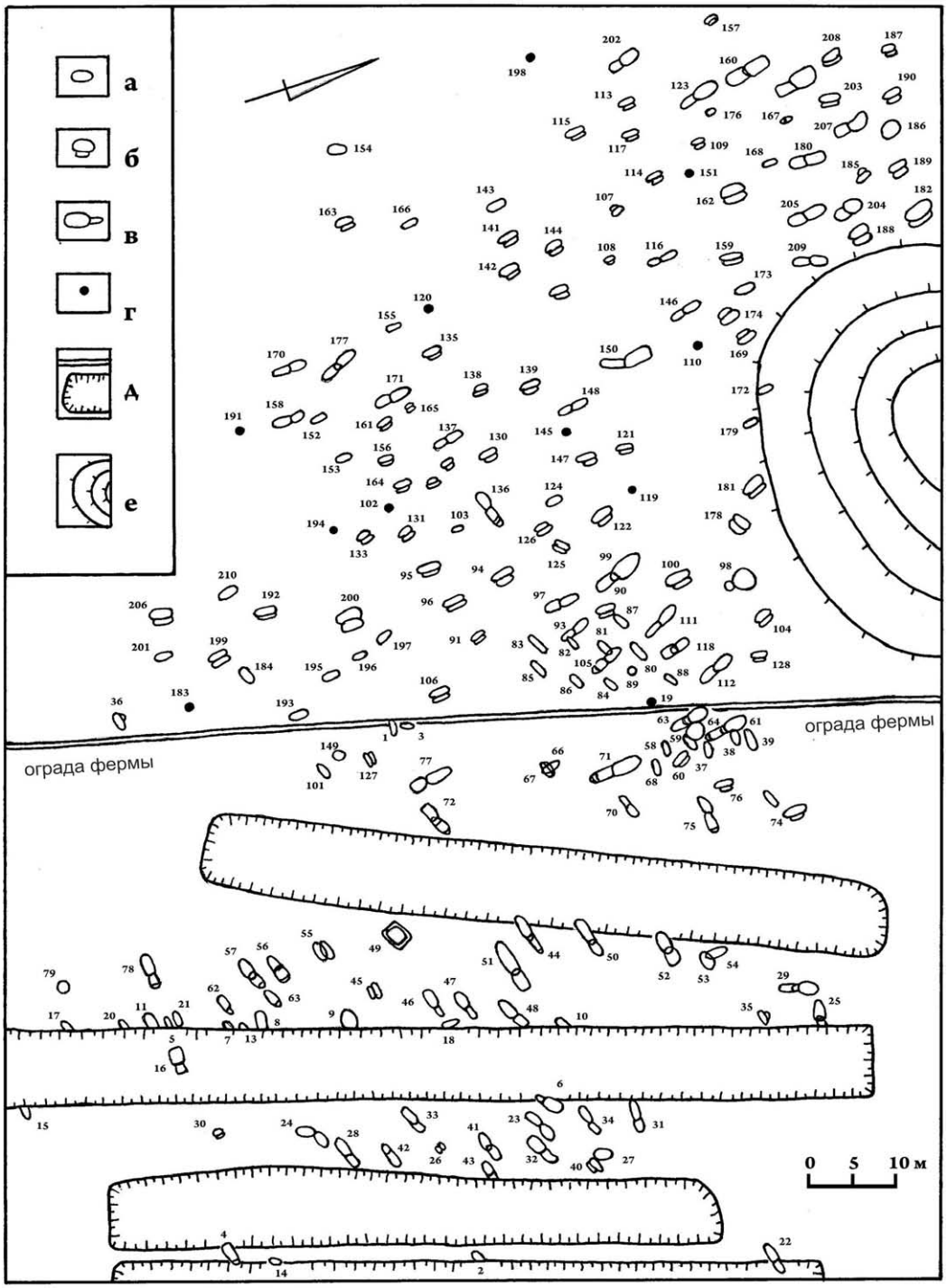


Рис. 170. План могильника черняховской культуры Беленькое (составлен А.А. Росохацким); условные обозначения: а – погребения в грунтовых ямах; б – погребения в ямах с подбоями; в – погребения в катакомбах; г – погребения с кремацией; д – современные силосные траншеи; е – курган

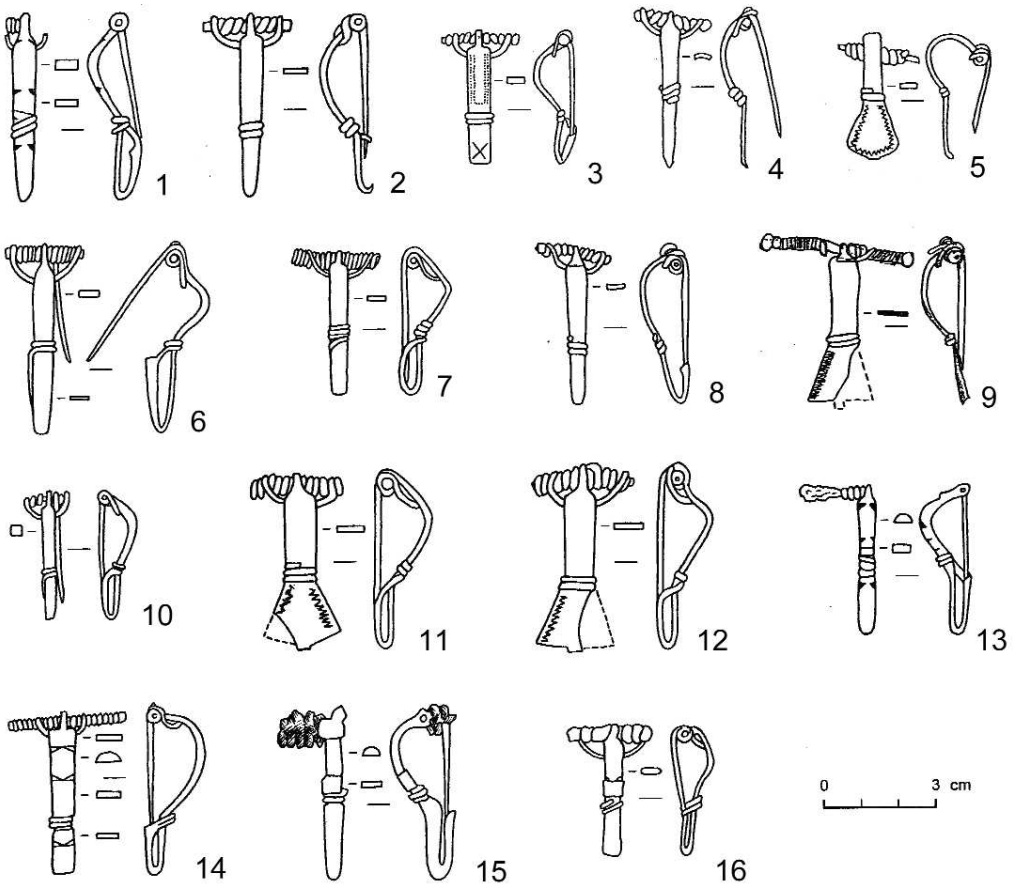


Рис. 171. Фибулы из могильника Нагорное II

щади входной ямы и камеры частично перекрываются. Вход в камеру в Коблеве в четырех катакомбах был закрыт каменными плитами. Отмечены случаи подмазки дна камеры зеленоватой глиной. На обоих могильниках захоронения в катакомбах были одиночными. В Беленьком в первый год раскопок (Гудкова 1987) вскрыто 10 катакомб. Они в основном ориентированы широтно, с входной ямой с востока. Расположение входной ямы и катакомбы продольное.

Происхождение катакомб Э.А. Сымонович связал с подобными сооружениями на позднескифских могильниках в Николаевке Козацкой, Золотой Балке, Неаполе Скифском (Сымонович 1967: 219). Б.В. Магомедов видит в них «...регрессивное подражание греческим склепам...» и связывает их с эллинизированными сарматами и поздними скифами (Магомедов 1986: 86). Поздней он стал их связывать «...с обычаями кочевников» (Магомедов 2001: 37). О.А. Гей первоначально полагала, что катакомбы могильника Коблево имеют явные черты сходства с античными склепами Ольвии и Пантикапея, и отличаются от них наличием входной ямы вместо дромоса. Из этого был сделан вывод о происхождении черняховских катакомб Причерноморья на основе подобных сооружений античных и позднескифских могильни-

ков (Гей 1980: 52). Позднее она пришла к выводу о том, что их тип II, характерный для черняховских погребений и встречающийся на позднескифских могильниках, имеет сарматское происхождение (Гей 1985а: 17, 20). Основой для этого суждения послужили формы сарматских катакомб Поволжья и Приуралья.

Формально-типологическое сопоставление черняховских катакомб с античными склепами возможно, но обосновать исторически такую генетическую связь трудно. Для сарматов погребальное сооружение в виде катакомбы – явление столь исконное, что вряд ли при любой степени эллинизации сарматы Причерноморья могли их заимствовать из погребального обряда античных городов. Скорей, они могли передать в черняховскую культуру собственный обычай сооружения ката-

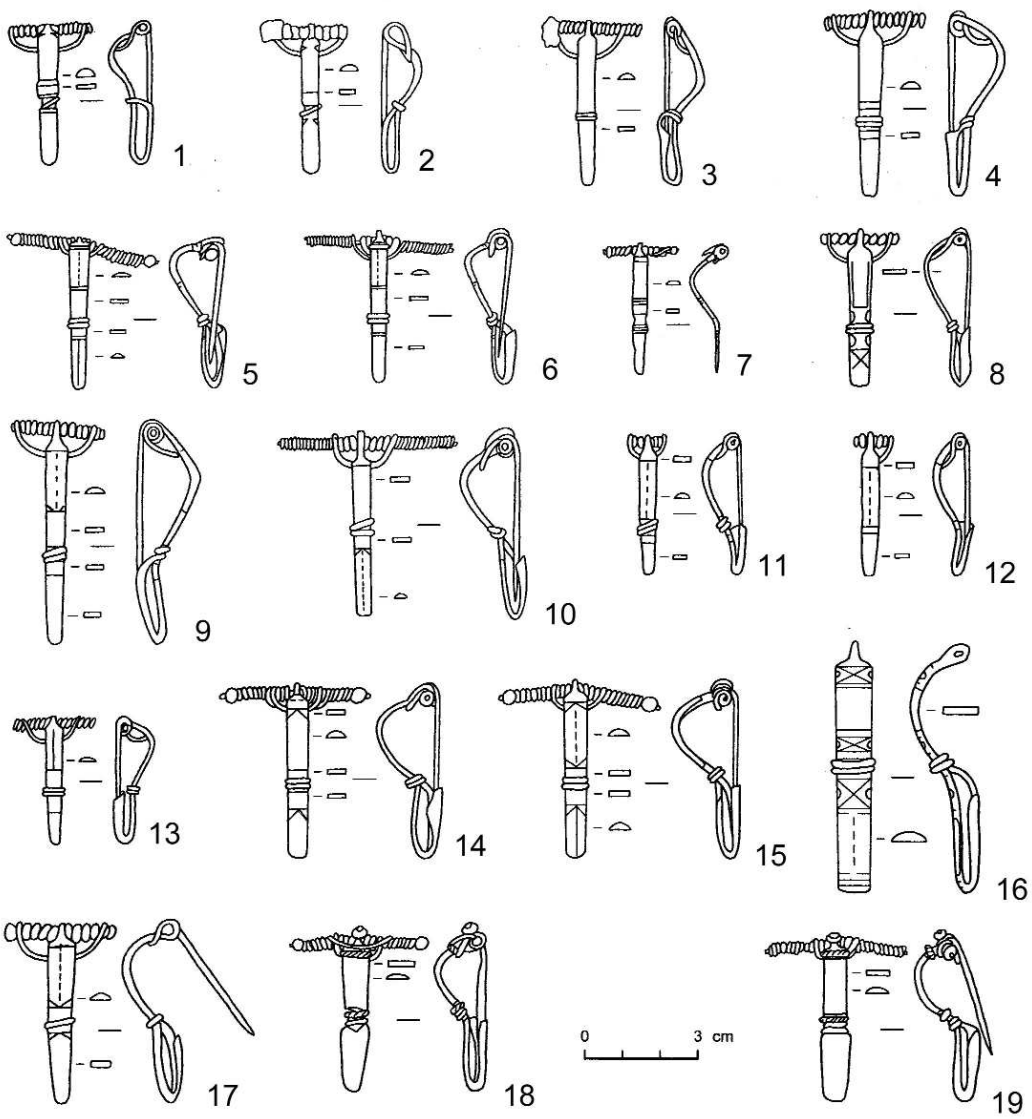


Рис. 172. Фибулы из могильника Нагорное II

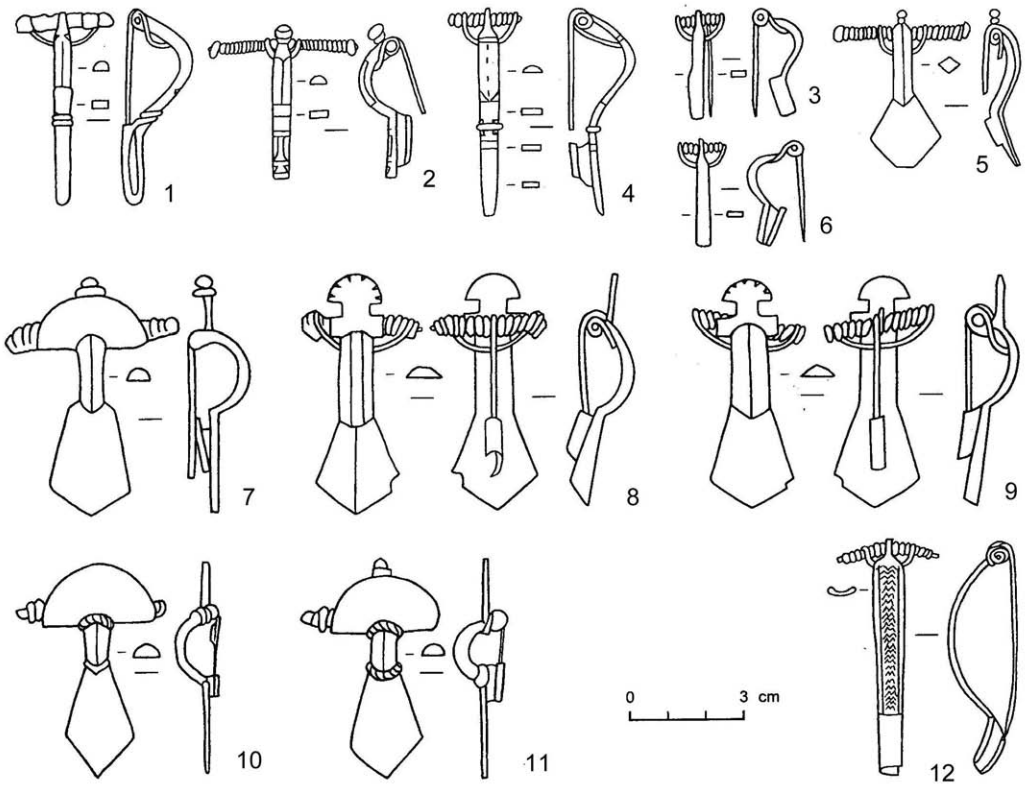


Рис. 173. Фибулы из могильника Нагорное II

комб. Это стало ясно после того, как в Буджакской степи были обнаружены сарматские катакомбы на могильниках Чауш, Фрикацей, Владычень и Градешка (Гудкова и др. 1981; 1984; Гудкова, Редина 1999). Важно отметить, что они относятся к III – началу IV в. (Фокеев 1986: 160), то есть частично синхронны черняховским памятникам, однако, само по себе это хронологическое соотношение не может указывать на то, что заимствование происходило именно на этой территории. Связь катакомб Беленького с сарматскими прототипами наблюдается в характере расположения входной ямы и камеры. Однако преобладающая ориентировка погребенного головой на запад необычна для поздних сармат. Катакомбы в Коблево и Фурмановке более сходны по форме и устройству с позднескифскими, которые, однако, служили коллективными усыпальницами. Наблюдается и ряд более мелких отличий.

Итак, в целом черняховские катакомбы Причерноморья объединяют в себе сарматские и позднескифские признаки, причем в каждом конкретном случае в разных пропорциях. Для Буджака установлено, что группа сарматских древностей с захоронениями в подбоях, датируемая в основном первой третью IV в. (Васильев, Дзиговский 2001–2002: 315–334), сменяется черняховскими памятниками, которые сходны с черняховскими древностями междуречья Днепра и Днестра (Васильев 2008: 9–11). Никаких связей между этими двумя группами населения не наблюдается. Третья группа сармат, имевшая погребения в катакомбах, появляется здесь после того, как черняховское население в этом районе уже сформировалось. Оче-

видно, в Буджаке быстрая смена разных групп сарматского населения и недолговременное существование черняховского сделали невозможными интеграционные процессы между ними.

Погребения в могилах с уступами (с заплечиками) распространенны в основном на степных могильниках (Никитина 1985: 47, рис. 16) и на пограничье лесостепи и степи (Будешты и Балцаты II). Их количество на могильниках колеблется от незначительной доли (в Николаевке 1 из 8, в Фурмановке 3 из 26) до полного преобладания (в Каменке-Анчекрак 28 из 33, в Холмском 40 из 56). В лесостепи они представлены в Журавке, Даниловой Балке и Романковцах (Никитина 1985: 16).

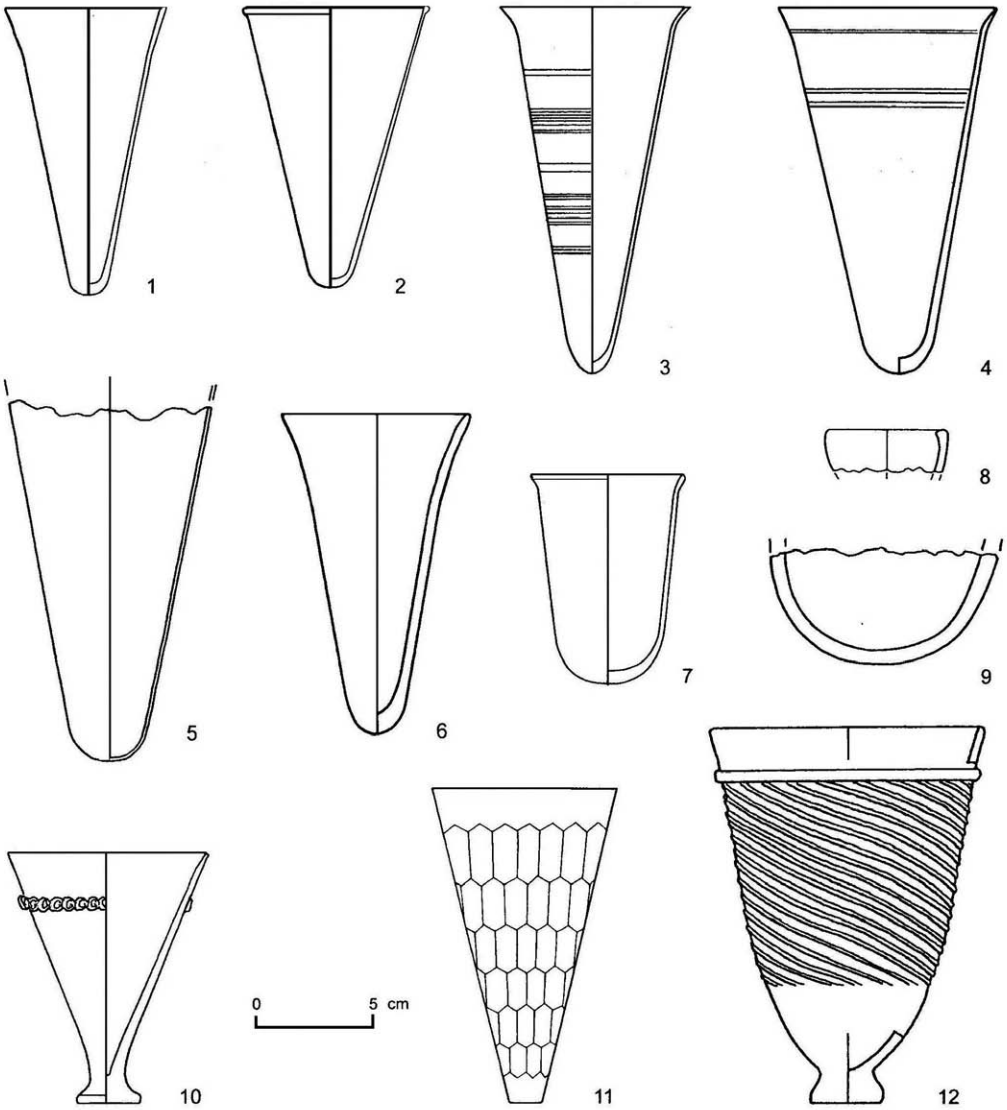


Рис. 174. Стеклянные кубки из могильника Нагорное II

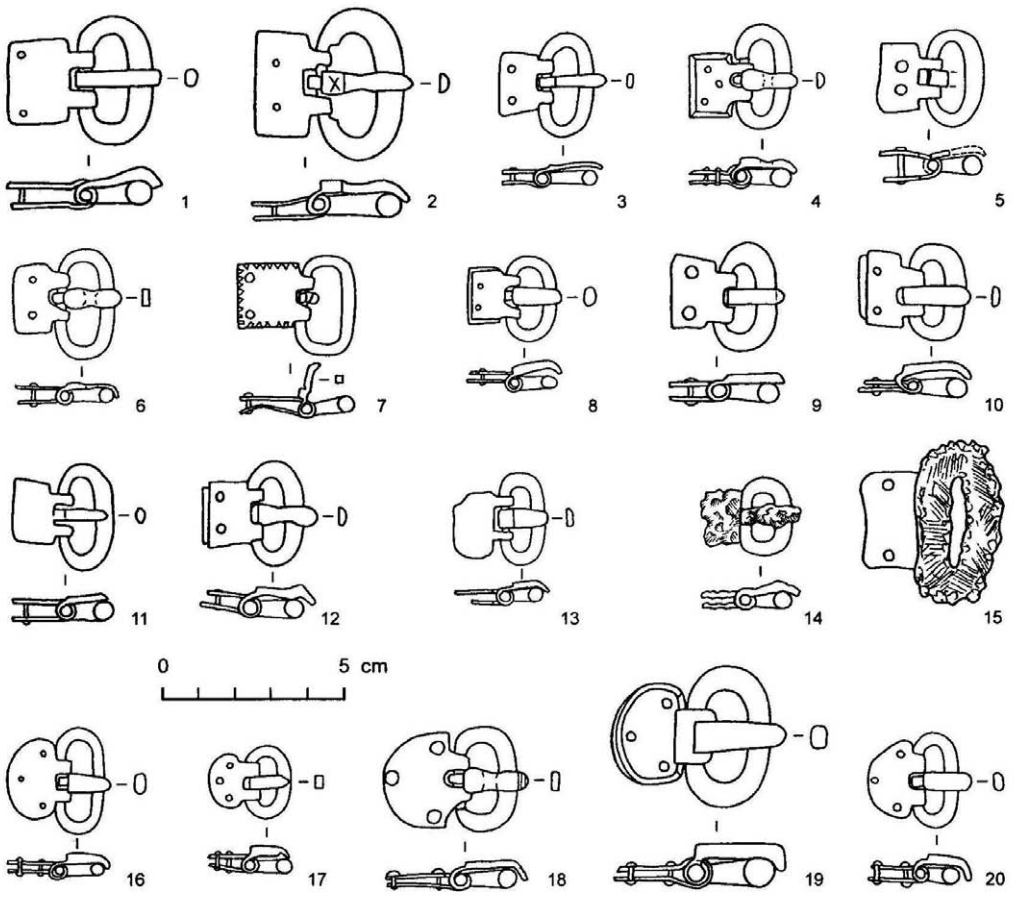


Рис. 175. Пряжки из могильника Нагорное II

Уступы могли располагаться по периметру или с трех сторон, одной короткой и двух длинных, или реже вдоль двух длинных сторон и редко вдоль одной стороны. В большинстве случаев они сделаны тщательно и имеют хорошо выраженные горизонтальные поверхности. Изредка имеются ниши в ногах и в изголовье. Установлено, что в культуре, в целом, погребениям в ямах с уступами присуща западная ориентировка (Никитина 1985: 49). На степных памятниках этого не наблюдается. Здесь лишь немногим более половины их ориентированы на запад.

Полагают, что уступы служили опорой перекрытия. Однако в большинстве могил с уступами следов перекрытий не найдено. Там, где они были, их остатки хорошо видны. Каменные перекрытия выявлены во всех могилах с уступами в Коблево и Ранжевом, а на других могильниках они весьма редки. Другое предположение о причине существования уступов заключается в том, что могилу первоначально для удобства копания закладывали на площади, большей, чем было нужно для погребения. Планы и разрезы многочисленных погребений с уступами на могильнике Романковцы, на Среднем Днестре, хорошо подтверждают это предположение (Никитина 1996: таблицы). В степях же ничего подобного не известно. Особое мнение по поводу существования уступов принадлежит Г.Ф. Никитиной.

Она полагает, что они возникали при древних ритуальных вторжениях (Никитина 1985: 47–48). Это предположение для степного региона не подтверждается. Так, в Нагорном, где вскрыто 19 могил с уступами, они не были нарушены. Таким образом, вопрос о назначении уступов остается неясным.

Характер распространения могил с уступами показывает, что они не применялись в период становления культуры и на ее ранних памятниках. Вопрос об их происхождении рассматривали практически все исследователи степных памятников, сходясь на мысли об их сарматском или скифо-сарматском истоке.

Б.В. Магомедов полагает, что захоронения в ямах с уступами, с одной стороны, восходят к сарматским могилам с уступами, а с другой – к античной погребальной традиции. В целом же для Северо-Западного Причерноморья носителей этого обычая он определил как «эллинизированное местное население сарматского происхождения» (Магомедов 1980: 82–83; 2001: 33–34, 36; 2004). Таким образом, предполагаются два истока в соединении – сарматский и античный. Первый представляется вполне возможным. Второй же далеко не очевиден. Такое заимствование мы считаем исторически невозможным. Надо учитывать крайнюю консервативность погребального обряда как одного из главных этнокультурных признаков. Кроме того, заимствование из античного мира в черняховскую культуру предполагает в этом случае очень тесный контакт обществ, не только разноэтничных, но и стоявших на совершенно разных социальных и культурных уровнях.

Могильные ямы с углублением в дне естественно рассмотреть в связи с ямами с уступами. Трудно сказать, являются ли первые частным случаем вторых. Г.Ф. Никитина отметила существование этого признака в Среднем Поднепровье (на право-

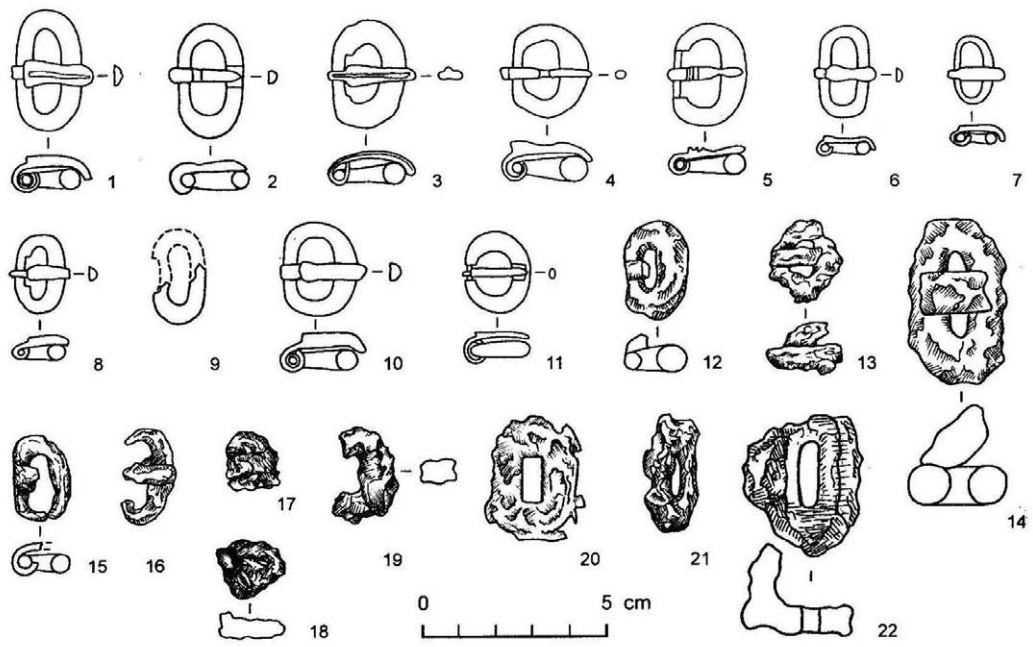


Рис. 176. Пряжки из могильника Нагорное II

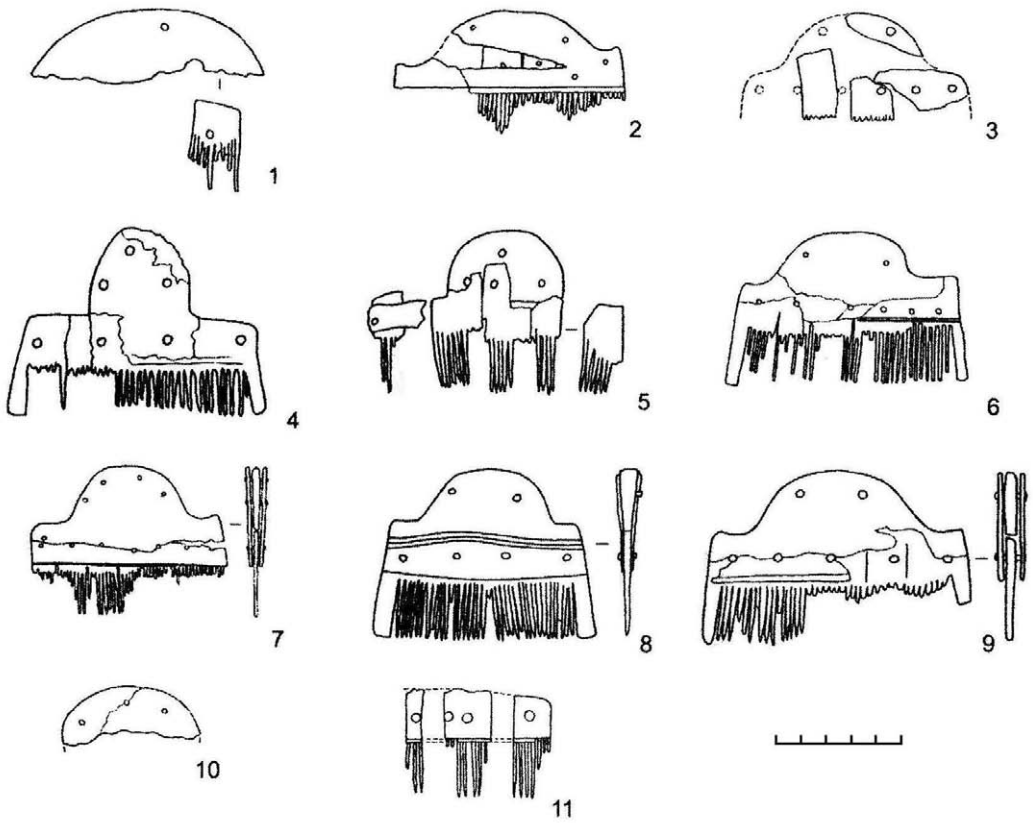


Рис. 177. Костяные гребни из могильника Нагорное II

бережье и левобережье), в Побужье, на Днестре и на причерноморских памятниках (Никитина 1985: 49, рис. 16).

Погребениям с ингумацией в Причерноморье свойственно *использование камня* при устройстве могил разного типа (простые ямы, подбои, ямы с заплечиками, катакомбы) и совершении погребения (камни в засыпи могилы или бессистемно поверх скелета). Каменные конструкции (заклады, перекрытия, изредка обкладки) широко представлены в Коблево (26 могил разной конструкции), Ранжевом (15 могил) и Беленьком в катакомбах. В одном из погребений Каменки-Анчекрак обнаружен каменный ящик (Магомедов 1980: 84), в Викторовке и Ранжевом – обкладка стенок углубления в дне могилы небольшими камнями. Камень применялся как необработанные плиты, так и подтесанный (Сымонович 1967: 222, 229). И хотя в могильниках Холмское, Фурмановка и Нагорное каменных конструкций вообще нет, а в Викторовке и Каборге они присутствуют только в отдельных могилах, в целом они оказываются характерными для степи.

За пределами степи каменные устройства обнаружены в Оселевке (10) на Среднем Днестре. Балцаты и Будешты на пограничье степи дают сравнительно большое количество погребений с каменными конструкциями. В целом же для памятников лесостепи они не характерны (Никитина 1985: 51). Поскольку в сарматском погребальном обряде каменные заклады, и тем более, иные каменные приспособления, не встречаются, источником их появления на черняховских степных

могильниках могла быть позднескифская традиция. Это – каменные заклады подбоев и входов в катакомбы, перекрывание могил камнями. В то же время для отдельных захоронений нельзя полностью сбросить со счета и наличие каменных конструкций в вельбаркской культуре. Но в обеих культурах бывают редуцированные, а иногда и сходные по внешнему виду формы употребления камня, тогда их трудно различить. Удается зафиксировать лишь отдельные случаи, когда северные обычаи довольно очевидны. Таково, например, каменное кольцо вокруг безинвентарного погребения № 4 в Чубовке. Символическое или ритуальное присутствие в погребениях отдельных камней и заваливание умершего камнями Г.Ф. Никитина считает характерным для северных районов черняховской культуры (1985: 52).

Известны две находки грубо отесанных каменных плит с круглыми отверстиями в Ранжевом (п. 12) и Холмском (п. 42). Возможно, это якоря (Сымонович 1967: 225). Подобные камни найдены и в Раковецком могильнике (Винокур, Островский 1967: 152, рис. 14).

Разные *деревянные конструкции* изредка встречаются в могилах разного времени в Гавриловке, Ранжевом, Каборге, Коблево, Викторовке и Нагорном. Для могильников лесостепи они не характерны (Никитина 1985: табл. XV).

Подмазка дна могилы зеленоватой глиной (Ранжевое и другие) засвидетельствована в отдельных позднескифских захоронениях в Золотой Балке (Вязьмитина 1972: 33), Николаевке Козацкой (Сымонович 1969а: 75–79), Красном Маяке (Гей 1987: 61) и Неаполе (Сымонович 1983: 61). Генетическая связь представляется очевидной. Для могильников лесостепи этот прием не характерен (Никитина 1985: табл. XV).

Анализ могильников с точки зрения ориентировки погребений относительно частей света, их преднамеренного разрушения и наличия инвентаря не показывает существенных отличий от закономерностей, установленных Г.Ф. Никитиной для всей культуры.

Анализ ингумаций – выявил широкое распространение в них черт, связанных с сарматскими и познескифскими традициями. Они массовы только в Причерноморье. Попытки найти в погребальном обряде элементы античного влияния представляются нам с исторической точки зрения неоправданными. Второе важное наблюдение: в степи нет ведущей формы погребального сооружения. Местное предпочтение наблюдается на каждом могильнике свое. Очень показателен в этом отношении могильник Нагорное. Хотя он и расположен в степи, но по многим важным параметрам явно отличается от степных черняховских могильников. Анализ следов защитной магии в его погребениях с ингумацией выявил связи с памятниками масломенчской группы на юге Польши и традициями германцев Центральной Европы (Гудкова 2010).

Большая смешанность погребальных традиций свидетельствует о том, что в степях отдельные группы черняховского населения, разные по происхождению, сохранили свои обычаи. Видимо, полной культурной интеграции не произошло.

Погребения с кремацией. Обряд сожжения не имел местных корней в Причерноморье и появился с черняховской культурой. Это констатировали многие исследователи. Б.В. Магомедов (Магомедов 1980: 85, 87) связал это с появлением носителей вельбаркской культуры. О.А. Гей разделила могильники Причерноморья на две группы: с резким преобладанием ингумации и биритуальные (Гей 1980: 44). В действительности картина значительно сложней. Уже отмечалось, что в Каменке-Анчекрак, Ранжевом и Холмском кремация отсутствует. В Городке на Буге сожжения составляют 66,7%. На остальных могильниках их число не достигает и поло-

вины. Относительное и абсолютное количество кремаций убывает с востока на запад. Всего больше их на Днепре. Такое их размещение может отражать путь готов к Меотиде, который в древности пролегал по территории Украины с северо-запада на юго-восток, через Среднее и Нижнее Поднепровье. В своем движении они могли задеть и крайнюю восточную часть Северо-Западного Причерноморья. Соотнесем с этим предположением то, что в междуречье Буга и Днестра элементы вельбаркской культуры присутствуют, но нигде ведущими не являются. В Каборге они выражены достаточно весомо. Далее на запад этих признаков нет.

Сожжения, как обычно, делятся на урновые и ямные. Их количественное соотношение неустойчиво. Общая тенденция – преобладание ямных захоронений (Никитина 1985: 61).

Все урновые захоронения, за исключением погребения во Фрунзовке, не содержат остатков погребального костра. Значительная их часть покрыта черепками или мисками. В Коблево погребение № 1 совершено в двух сосудах, а № 9 – в трех, в Каменке Днепровской в погребениях № 38 и 49 и в Гавриловке № 66 – в двух сосудах. Инвентарь редок. Чаще встречаются разрозненные черепки. Иногда урны вторично обожжены.

Ямные погребения представлены на всех могильниках, где обнаружена кремация. За одним исключением (Каборга, погребение № 5) все они чистые. Инвентарь весьма скудный, но в Каборге он чрезвычайно обилен, разнообразен и во всех случаях присутствует вторично обожженная посуда. Покрытие праха черепками отмечено в Коблево и Каменке-Днепровской.

Единичность случаев погребения кальцинированных костей с остатком погребального костра соответствует черняховскому обряду кремации в целом. Г.Ф. Никитина отметила, что на южных памятниках этот принцип мало распространен (1985: рис. 22).

Осмысление степных сожжений упирается в то, что их характеристики, видимо, недостаточно полно и изучены, и учтены. Они находятся на малой глубине, нарушены и часть их характеристик утрачена. Поэтому невозможна четкая классификация по всей сумме избранных для них признаков. Это надо учитывать при использовании этнических определений разных групп сожжений, данных Н.М. Кравченко для могильника Косаново. В «безинвентарной» группе типы 1 и 2 определены ею как гето-дакийские. Эта группа объединяет на степных могильниках около половины погребений, причем тип 2, ранний, в ней составляет тоже около половины. Захоронения «безинвентарной» группы сконцентрированы в междуречье Днепра-Днестра. Погребения второй группы «с приношениями», связанные почти целиком с традициями зарубинецкой культуры, почти полностью отсутствуют. Два из них, принадлежащие типу 4, объединяющему признаки липецкой и зарубинецкой культур представлены на могильнике Городок. Наиболее крупной оказалась третья группа «с тризной». В ней преобладает пшеворское и присутствует пшеворско-липицкое культурное наследие. Эти погребения имеются почти на всех (за исключеннием Викторовки) представительных памятниках междуречья Днепра и Днестра. Первая и третья группы сочетаются на одних и тех же памятниках, а в Городке поровну представлены все три группы.

Очевидный вывод: в степных сожжениях практически отсутствует влияние зарубинецкой культуры, но фиксируется пшеворское и гето-дакийское. Привлекает внимание тот факт, что гето-дакийские черты сконцентрированы не в Буджаке, а в

восточной части региона. Наличие в них в части случаев липицких черт дает возможность предположить перемещение на юг населения, практиковавшего обряд сожжения, с северо-запада, из района верховий Днестра и Западного Буга.

Важной особенностью многих сожжений является присутствие в них вторично обожженной керамики. Это – урны и разрозненные черепки. Вторично обожженная керамика в кремациях Причерноморья не редкость. Так в Каборге она представлена во всех сожжениях. В Гавриловке в погребении 30 была вторично обожженная урна, а в шести погребениях из 16 с сожжением отмечены вторично обожженные черепки (Сымонович 1955: 293). В Каменке она присутствовала практически во всех кремациях (Сымонович 1955: 283). В Коблево – в погребении 11 урна имела следы огня. В Городке оба ямные погребения содержали вторично обожженные черепки. Г. Диакону по материалам Румынии высказал мысль о том, что погребения со вторично обожженной керамикой присущи германскому племени тайфалов (Diaconu 1965: 115). Однако, письменные источники его в Причерноморье не фиксируют. Очевидно, в этой зоне были какие-то другие германские связи.

Анализ сожжений показывает, что могильники Каменка, Гавриловка, Каборга IV и Городок характеризуются не только их сравнительно большим количеством, но и развитостью и яркостью обряда. Это согласуется с тем, что в Каборге погребения с кремацией территориально обособлены. Кроме того, их инвентарь явно связан с культурами Нижней Вислы и Прибалтики (Магомедов 1979б: 62; 1980: 85). В Каборге в зоне кремаций находится ритуальная яма № 1 с камнями и костями животных. Она аналогична культовым ямам на могильниках Любомль и Брест-Тришин (Магомедов 1979б: 55). Материалы кремаций в Городоке и Каборге идентичны. Очевидно, они принадлежат пришлому населению, еще не утратившему своеобразия своего погребального обряда. По-иному выглядят немногочисленные и упрощенные сожжения на остальных (к западу от Буга, на что следует обратить особое внимание) могильниках. Очевидно, практика сожжений была привнесена в Причерноморье в основном германскими племенами (Магомедов 1980: 85; Гей 1980: 51). По преимуществу это были носители вельбаркской культуры с пшеворской примесью.

В целом погребальный обряд на степных памятниках является черняховским. Обычны планировка могильников, биритуализм, сосуществование ингумаций с северной и западной ориентировкой и их различие по инвентарю, наличие урновых и ямных кремаций, преобладание «чистых» сожжений. Своеобразие региона проявляется в наличии могильников без кремации; широком распространении каменных конструкций; большом количестве ингумаций в ямах с углублением в дне и в ямах с подбоями; применении катакомб; малом количестве сожжений; преобладании среди них безурновых захоронений с бедным инвентарем; выраженность, как нигде, скифских и, особенно, сарматских черт. Этот вывод сделан многими исследователями.

Сравнение могильников Буджакской степи и степей к востоку от Днестра выявляет некоторое различие. На востоке в погребениях с ингумацией чаще применялся камень, известна подмазка дна могилы зеленой глиной, катакомбы имеют по преимуществу позднескифские черты. Захоронения с кремацией более распространены и вариантны, широко практикуется помещение праха в урны. Именно в этих захоронениях найдена посуда северо-западного происхождения (трехручные вазы, иногда уникальные, керамические кубки, ритон-сапожок). Инвентарь в них часто обилен. Встречается вторично обожженная керамика. На могильниках Буджака

камень в ингумациях редок, а вельбаркские признаки в каменных конструкциях отсутствуют. Катакомбы имеют, по преимуществу, сарматские признаки. Захоронений с кремацией мало. Инвентарь сожжений беден или отсутствует. Вторично обожженной керамики не встречается. Обряд кремации в целом редуцированный, выраженных вельбаркских или пшеворских черт в нем нет. Сожжения в Буджаке выглядят как самые поздние в степи.

Вопросы хронологии. Первые определения нижнего хронологического рубежа черняховских древностей степного региона в пределах II и первой половины III в., предложенные Э.А. Сымоновичем, В.Д. Бараном и Б.В. Магомедовым (Баран 1981: 153, 154; Этнокультукная карта.., 1985: 47) не подтвердились. Поздней Б.В. Магомедов произвел подробную датировку степных памятников (1987: 87–89). Однако неправильное определение немногочисленных обломков амфор послужило основанием для отнесения нижней даты поселения Каменка-Анчекрак к I в. до н.э. – I в. н.э., а поселения Чабанское II к первой половине III в. (Магомедов 1987: 88; 1991: 16, 19). Для определения начальной даты могильника Ранжевое он использовал погребение № 21, а для могильника Каборга IV – погребение № 9 и пришел к заключению, что «...хронологическая схема развития черняховской культуры в Северном Причерноморье практически совпадает со схемой, разработанной для всей ее территории: II в. – середина III в. – период формирования культуры, затем до конца IV в. – период расцвета, конец IV – начало V в. – угасание» (Магомедов 1987: 89). Однако названные погребения в Каборге и Ранжевом являются сарматскими (Ioniţa 1991: 80). Уточнение нижней даты произвели Е.Л. Гороховский и О.А. Гей (Гей 1985а: 9). Е.Л. Гороховский показал, что три ранних погребения Каборги возникли в последних десятилетиях III в. (Гороховский 1985: 21; 1988: 45). И.А. Бажан и О.А. Гей продатировали могильник Каборга IV второй половиной III – первой третью IV в. (Бажан, Гей 1992: рис. 22), с чем согласился позднее и Б.В. Магомедов (2001: 14).

Нами подробно проанализирована хронология степных памятников (Гудковой 1991в: 72–73; 1999а: 356–367) и установлены различия во времени возникновения памятников Днепро-Днестровского междуречья и Буджака. В междуречье Днепра и Днестра не известно черняховских древностей начальной и ранней фазы культуры, если ее относить к концу II – первой половине III в. Во время «скифских» или «готских» войн, то есть в середине III в. подвижные группы черняховского населения прошли через степи Северо-Западного Причерноморья, оставив лишь случайные следы (Гудкова 2010). Это совершенные по черняховскому обряду погребение ребенка в Нижнем городе Ольвии (Лейпунская 2006), погребение взрослого человека возле городища Золотой мыс (Гороховский и др. 1985: 31–36) Инвентарь последнего крайне эклектичен и связан с Центральной и Северной Европой, а в погребальном обряде присутствуют признаки вельбаркской культуры.

Устойчивая оседлая жизнь черняховского населения в степях между Днепром и Днестром началась после окончания «скифских» или «готских» войн с последних десятилетий III в. Об этом свидетельствуют материалы могильников Каменка-Днепровская (конец III в.) и Коблево (последняя треть III в.). Данные Каборги IV менее четки и указывают на всю вторую половину этого века.

В Буджаке вещи, которые могут указывать на III – начало IV в. единичны. Массовое появление черняховского населения здесь произошло несколько ранее середины IV в. (Гудкова 1999а: 366–367). Таким образом, очевидна разница между

нижней датой для памятников Буджака и междуречья Днестра и Днепра. Внутренняя периодизация памятников Буджака предложена А.А. Васильевым (2008: 9). Им выделены три этапа функционирования черняховских могильников в этом районе. Первый этап, представленный небольшим количеством погребений, он продатировал 320–350 гг., второй – 350–380 гг., и последний, представленный только на могильнике Нагорное II, 370–420 гг. Детальная разработка верхней даты степных памятников принадлежит Б.В. Магомедову, который относит ее к концу IV – началу V в. (Магомедов 1987: 89; 2001: 147). Черняховские памятники в Буджаке принадлежат позднейшему периоду культуры (Гудкова 1991).

Очевидно, время прекращения существования черняховских памятников во всей степной зоне было одинаковым и документируется вещами конца IV – начала V в. Исчезновение черняховского населения в регионе исследователи единогласно связывают с гуннским нашествием. Однако по каким-то внутренним причинам некоторые памятники перестают функционировать еще до исчезновения культуры (Каменка на Днепре, Викторовка, Городок, Коблево). Несколько памятников документируют финал культуры: Гавриловка, Каменка-Анчекрак, Ранжевое, Нагорное II, Будешты.

Этноисторические процессы. Последовательный анализ отдельных категорий археологических источников позволил придти к ряду частных выводов. Их сопоставление создает возможность, если не решения, то, по крайней мере, постановки и исследования археологических проблем более высокого уровня.

Анализ этнических проблем мы строим на применении понятий этнического субстрата и суперстрата. Субстрат – это культурные ингредиенты, из которых черняховская культура возникла изначально. Они принадлежат времени и месту ее становления. В Северо-Западном Причерноморье формирования черняховской культуры не происходило. Она появилась здесь, уже обладая своими основными культурообразующими чертами. Поэтому этнические процессы имели здесь суперстратный характер. Под ним мы понимаем включение в состав черняховской культуры новых этнических компонентов, вносивших в нее свои этнокультурные особенности. При этом надо учитывать, что в некоторых случаях субстратные и суперстратные явления могли иметь один (по большому счету) этнокультурный источник. Поскольку суперстратные наслоения из одного этнического источника (в частности фракийские и сарматские) могли повторяться, это делает различение их разновременных «слоев» порой чрезвычайно затруднительным. Фракийцы вливались в состав носителей культуры Черняхов – Сынтана де Муреш не один раз и не только на территории современной Румынии, но и в Восточном Прикарпатье, в Верхнем Поднестровье. В степях произошло суперстратное включение позднескифского населения в состав носителей черняховской культуры в этом регионе. Сарматские влияния протекали не только в степях, поэтому полная их характеристика на материалах лишь этого региона невозможна.

Взаимодействие носителей черняховской культуры с ***поздними скифами*** в степях археологически изучено на территории к востоку от низовий Ю. Буга до Нижнего Днепра. Рассмотрение этого вопроса следует начать с определения хронологического соотношения обеих культур. Э.А. Сымонович твердо придерживался мнения о том, что мигрировавшее на юг черняховское население долгое время сосуществовало здесь с поздними скифами и усвоило многие элементы их культуры. М.Б. Щукин представлял себе судьбу различных частей позднескифского насе-

ления на Нижнем Днепре по-разному. Северная группа городищ (Знаменка, Золотая Балка и Любимовка) перестала существовать в конце I – начале II вв. (Щукин 1970: 61, рис. 1) и лишь в IV в. здесь появляются черняховские памятники. Последние позднескифские захоронения в Николаевке Козацкой совершены не позднее II в., а черняховские относятся к IV в. Перерыв в функционировании могильника составляет, примерно, полстолетия или несколько больше (Щукин 1970: 60–61; 1979: 71–73). М.Б. Щукин предположил, что на юге позднескифская культура переросла в культуру поселений с каменным домостроительством типа Кисёлово и существовала беспрерывно по IV в. включительно (1979: 71). Б.В. Магомедов полагает, что в Причерноморье черняховская культура возникла в среде местного позднескифского населения и оседавших сармат. Пришельцы из лесостепи, носители черняховской и вельбаркской культур, включились в этот процесс несколько позже. Такой взгляд вообще снимает постановку вопроса о хронологическом разрыве. По мнению О.А. Гей позднескифская и сарматская культуры в Северном Причерноморье прекратили свое существование в первой половине III в., а наиболее ранние черняховские материалы относятся здесь к середине III в. Следовательно, налицо хронологическое смыкание. При выработке этой точки зрения ею учтены все новейшие данные, в том числе и по ключевым для рассматриваемой проблемы памятникам – могильникам Красный Маяк (Бизюков Монастырь) и Николаевка Козацкая. Разнобой приведенных мнений указывает на сложность проблемы. Очевидно, эта сложность связана с необходимостью оперировать в пределах короткого периода четкими узкими датировками, что не всегда возможно.

Прекращение функционирования отдельных позднескифских памятников может различаться от конца I до середины III вв., но в целом тенденция, видимо, такова, как ее представляет О.А. Гей. Могильник Красный Маяк, целиком позднескифский, перестал функционировать во II – начале III вв. (Гей 1985а: 9). Дольше всего существовали поселения на периферии Ольвии и Тиры. Время гибели городища Золотой Мыс относится к началу – последней трети III вв. (Гороховский и др. 1985: 36). Жизнь на Козырском городище прекратилась около середины III в. (Бураков 1976: 5). В сельскохозяйственной округе Тиры на Днестровском лимане в это же время запустевают Молога и Роксоланы. Есть мнение, что формирование черняховской культуры в Причерноморье завершилось в середине III в. (Гей 1986: 83) или даже в его последней трети (Гороховский и др. 1985: 37). Следовательно, разрыв между ней и позднескифской культурой, – если он и был, – не превышает нескольких десятилетий. Не исключено, что были отдельные позднескифские памятники, на которых он вообще не имел места (Берислав, Дудчаны, Каиры, некоторые поселения на Ингульце), но этот вопрос требует специальных полевых исследований. Очевидно, что эволюционного развития позднескифской культуры в черняховскую не наблюдается. Произошел перерыв постепенности, связанный, надо думать, с массовыми миграциями, достигшими апогея в эпоху «скифских» войн. Очевидно, права О.А. Гей, полагая, что смена культур произошла скачкообразно, в результате чего памятники переходного типа отсутствуют (Гей 1985а: 15). Для их возникновения не было ни времени, ни условий. Однако сохранение в степях в черняховской культуре значительных элементов позднескифской показывает, что носители последней не исчезли физически и вошли в состав черняховского населения. Некоторые элементы их материальной культуры стали характерными для части черняховского населения в степи.

В степном Поднестровье возможность изучения взаимоотношения черняховской и позднескифской культур возникла в результате исследования позднескифского памятника Молога II и установления разведками возможности существования других подобных памятников.

Связь черняховской и позднескифской культур наблюдается по разным категориям археологических источников. Каменное черняховское домостроительство, не являясь копией позднескифского, наследует ряд его черт. Они видны в строительных приемах, планировочных принципах, устройстве интерьера. В целом же черняховское жилище более упрощено. Показательно, что практика возведения каменного жилища убывает с востока на запад. На поселении Каменка-Анчекрак обнаружена усадьба с каменной застройкой и внутренними дворами. Такая планировка известна на позднескифских городищах, но чужда черняховским поселениям. На востоке же черняховским домам присущи и элементы более высокого уровня домостроительной культуры, и сохранение позднескифских обычаев. Видимо, очагом сложения каменного домостроительства была зона массового расселения поздних скифов. Их влияние ощутимо и в лепной керамике: скифоидные горшки составляют примерно треть всех лепных сосудов. Их равномерное распространение в черняховской культуре в целом, отсутствие их тяготения к поселениям с каменным домостроительством, скорей всего, указывает на то, что были параллельные истоки появления этой формы. Это – и позднескифская керамическая традиция на юге, и собственно скифская, опосредствованная через зарубинецкую культуру, – скорей, через потомков ее носителей, – в лесостепи. В погребальном обряде позднескифские черты – это часть катакомб в Коблево и катакомба в Николаевке Козацкой, каменные заклады и отдельные большие камни, подмазка дна могилы зеленоватой глиной.

Итак, поздние скифы вошли в состав черняховского населения как локальный этнический суперстрат в приморской зоне от Нижнего Днепра до Днестровского лимана.

Фракийские связи. Появление в черняховской культуре во всем ее объеме субстратного фракийского наследия с территорией Северо-Западного Причерноморья не связано. Ярких суперстратных черт здесь нет. К западу от Днестра в Буджаке в первых веках нашей эры перед появлением черняховских племен фракийского населения не было. На памятниках этого района никаких суперстратных фракийских черт не фиксируется. Смешения с фракийцами на этой территории не происходило (Гудкова 1999а: 121–127).

Проблема роли ***сарматов*** в развития черняховской культуры в степях Причерноморья выглядит, с одной стороны, достаточно простой, поскольку явны сарматские черты в лепной керамике, погребальном обряде и других более мелких явлениях. Сарматское влияние очевидно. С другой стороны, механизм возникновения этих заимствований практически не изучен, так как он действовал на границе кочевого и оседлого мира. В нашем распоряжении нет явных массовых следов оседания сарматов на землю.

Следы ***вельбаркской культуры***. В настоящее время создана в основных чертах связная картина переселения на юг населения из Прибалтики и с территории Польши (Этнокультурная карта... 1985: 68–75; Археология Украинской ССР 1986, т. III: 133–134; Баран и др. 1990: 46–56; Гей 1993: 163, 169, 170). Выявляются подробности передвижения и расселения мигрантов в степях.

В степях не только неизвестно поселений, принадлежащих выходцам с северо-запада, но и таких селищ, на которых бы признаки вельбаркской культуры были

представлены в концентрированном виде. Относительно информативны находки на могильниках Каборга и Городок, находящихся на восточной окраине междуречья Ю. Буга и Днестра, и в Чубовке (левый берег Ю. Буга). Далее на запад таких выразительных явлений не наблюдается. В Каборге яркие элементы северо-западного происхождения очевидны (Магомедов 1979: 62). Это кремации, содержавшие в частности вторично обожженную керамику. Специфический погребальный инвентарь обнаружен как в захоронениях с кремацией, так и с ингумацией. Это вазы с Х-видными ушками, металлические подвески треугольной формы, в виде ведерка или корзинки, фибулы с зерненными кольцами, фибула одного из вариантов серии Bügelknopffibeln. К явлениям этого же круга принадлежат и жертвенные ямы типа, обычного для вельбаркских могильников. На могильнике Городок (Магомедов 1979а) из 9 погребений 6 с кремацией. В них присутствует вторично обожженная керамика. Найдена лепная ваза с ручками-ушками. По мнению исследователя, некоторые детали оформления сближают ее с сосудами пшеворской культуры и синхронных культур на территории Восточной Германии. Одна из полусферических мисок имеет аналогии на могильнике Дитиничи и на подобных памятниках в Горькой Полонке, Борсуках, Косанове и Заячивке. В Чубовке безинвентарное погребение в яме с подбоем было окружено каменным кольцом. Сочетание этих двух признаков явно указывает на синкретические процессы.

На все эти могильники следует распространить вывод, сделанный Б.В. Магомедовым по материалам Каборги, о том, что по наличию и характеру северо-западных элементов они сходны с памятниками порожистого Днепра (1979б: 62). Общим для всех них является не только наличие вельбаркско-пшеворских признаков, но и то, что эти признаки нигде не доминируют и разбросаны в общей массе материала иного происхождения. Таким образом, можно констатировать, что в восточной части степей признаки вельбаркской культуры как самостоятельное явление не существуют и находятся в состоянии растворения в инокультурной среде.

К западу от Днестра четких элементов погребального обряда вельбаркско-пшеворского происхождения неизвестно. Отдельные вещи северо-западного происхождения редки. Это отсутствие на западе степей черт вельбаркской культуры согласуется с тем, как археологически фиксируется путь расселения готов на юг. Картографирование памятников с соответствующими признаками (Раковец-Чесновский, Косаново, Рыжевка, Журавка, Компанийцы и др.) показало, что их путь шел из Волыни и Полесья по Ю. Бугу в междуречье Буга и Днепра (Баран и др. 1990: 65–66). Показательно, что в бассейне Буга расположены могильники с вельбаркскими материалами: Городок, Чубовка, Каборга. Очевидно, Буг был водной дорогой на юг, в Причерноморье. Археологически хорошо известно, что Нижнее Поднепровье было зоной, где осела часть северных мигрантов.

Итак, очевидно, что в формировании облика черняховской культуры в степях Северо-Западного Причерноморья вельбаркская культура самостоятельного значения не имела. Мигранты из бассейна Вислы в своем распространении на юг обошли с востока западную часть степи по Бугу, а с запада – за Прутом.

Следует соотнести описанные археологические материалы с историческими сведениями о готах в Причерноморье. Проблема отождествления носителей черняховской культуры с конкретными народами, известными древним авторам, имеет обширную историографию. Исследования, как правило, касаются культуры в целом и осуществлены в основном с опорой на лесостепную часть ее ареала. В последние

десятилетия объем накопленных археологических материалов и появление новых исследований письменных источников делает возможным более конкретное изучение этого вопроса применительно к припонтийским черняховским племенам (Буданова 1980; 1982; 2000; Гудкова 1999а: 380–382; 1999а; Магомедов 2001: 116–117).

Накануне и во время существования в степях черняховских древностей античные авторы знают здесь два народа, которые по своим масштабам и локализации могут быть соотнесены с носителями черняховской культуры – это «скифы» и «готы». Поэтому попытки определения этноса обитавшего здесь черняховского населения неминуемо требуют выяснения реального содержания этих обозначений применительно к III–IV вв. В римское время название «скифы» потеряло реальное этническое содержание. В зарубежной историографии отождествление черняховского населения степей, как и всей черняховской культуры, с готами воспринимается как само собой разумеющееся (обзор историографии см. Баран и др. 1990: 33–35, 39). В отечественной науке вопрос о древностях готов в степях Причерноморья долго оставался открытым. Памятники черняховского типа в целом с ними не без основания прямо не связывали. С одной стороны, причины этого были чисто политические, с другой – фонд археологических источников для исследования этого вопроса был недостаточен. Лишь общие успехи археологического изучения готов в последние десятилетия создали реальную базу для разработки этой темы.

С восьмидесятых годов XX века стало складываться представление о том, что в числе носителей культуры в Причерноморье были и готы (Корсунский, Гюнтер 1984: 216; Магомедов 1979б: 63). Б.А. Рыбаков писал, что они обитали в узкой приморской полосе, где еще до их прихода сложился плотный массив местного населения (Рыбаков 1982: 41). О.А. Гей осторожно сопоставила черняховское население Причерноморья с грейтунгами и «соседними скифами» (Гей 1985а: 21). Б.В. Магомедов употребляет обозначение грейтунги для носителей черняховской культуры во второй и третьей четверти IV в. на более обширной территории (Магомедов 2001: 142).

В безбрежном море исследований о готах вопрос об их распространении в Причерноморье в III–IV вв. наименее разработан. Из крайне многочисленных упоминаний готов, в связи с войнами варваров с Римом, удается отобрать не так много сведений, могущих иметь отношение к Причерноморью. В начале III в. часть готского населения ушла из Повисленья на Дунай и Балканы, минуя Северное Причерноморье. Для нас представляет интерес другая их часть, двинувшаяся через Волынь и Подолию в Приазовье. Иордан сообщает: «Мы читали, что первое расселение (готов) было в скифской земле около Меотийского болота...» (Iord. Get., 38, 39). С этим согласуется ряд письменных источников, анализ которых позволяет установить, что морские походы на Рим в 256–257 гг. имели своей базой и отправной точкой район Меотиды. Для римлян это было настолько очевидно, что враги, борьбу с которыми император Клавдий поручил Аврелиану, именуются меотийцами. А.М. Ременников полагал, что эти походы были организованы местным населением, а не готами (Ременников 1954а: 91). Однако, В.П. Буданова, привлекая дополнительные источники, показала, что под «скифами» этих походов надо понимать остготов (Буданова 1982: 168). Таким образом, Приазовье оказывается районом стабильного обитания готов в Причерноморье. Часть их могла переместиться в середине III в. из Меотиды в Подунавье (Буданова 1982: 168, 174). Хотя присутствие готов в Причерноморье от Дона до Дуная очевидно, но по древним сочинениям невозможно составить сколько-нибудь конкретное представление об их размеще-

нии на этой территории. Население этого района впервые упомянуто у Зосима под названием «соседние скифы» (Ременников 1954: 96). Они оказываются соседними по отношению к «скифам», совершившим два первые морские похода, в которых участвовали бораны и герулы Нижнего Подонья. Следовательно, «соседние скифы» должны были обитать к западу от них. Нет никаких данных для определения того, какие народы скрываются под названием «соседние скифы» и можно ли в них видеть готов. Ясно лишь, что к западу от обитателей Приазовья находилось значительное население.

В.П. Буданова на основе ряда косвенных наблюдений предполагает, что в морском походе варваров 263 г., о котором сообщает только Иордан, участвовало население Западного Причерноморья, в частности готы-грейтунги. В скифах этого похода надо видеть местные причерноморские племена. Если все это реально, то речь может идти о Северо-Западном Причерноморье, скорей, о его западной части. В целом же, сведения источников об этих событиях неоднозначны (Буданова 1982: 169). У Зосима население Северо-Западного Причерноморья второй раз упоминается в связи с морским походом варваров 268–270 гг. Это был не просто военный поход, а попытка коалиции племен Северного Причерноморья переселиться с семьями и имуществом на территорию Римской империи. Эта коалиция включала певкинов, грейтунгов, австроготов, тервингов, визи, гепидов, герулов и загадочных celtae (Буданова, 1982: 172). Возможно, все эти народы вместе и могли быть названы «соседними скифами». Местом подготовки похода, судя по сообщению Зосима, была Тира, где строились суда и собирались дружины различных племен. Общее число собравшихся варваров составляло 300-320 тыс. человек (Ременников 1954а: 129–130). Археологических соответствий этим событиям не известно. Остались лишь следы разрушения и уничтожения. Это гибель Ольвии со всеми укреплениями на ее периферии, разгром на западе – Тиры, на востоке – Танаиса и прекращение жизни на поселениях поблизости от них.

Характеризуя в целом события середины – второй половины III в., можно констатировать, что в Причерноморье в это время готы были активной военно-политической силой. Центр их обитания находился на Нижнем Дону, у Меотиды. Однако морской поход 269 г. показывает, что они перемещались (жили?) по всему Причерноморью. В III в. готы выступают здесь в основном под своим общим названием и представления о них остаются весьма неконкретными. Об их делении на остготов и вестготов для этого времени можно говорить лишь условно (Буданова 1982: 156). Кроме того, в Причерноморье обитало и местное население. В Приазовье это были бораны и герулы (гелуры, элуры). Есть мнение, что первые представляли собой, скорее всего, скифо-сармато-аланское население (Ременников 1954а). На запад от боранов и герулов находились «соседние скифы», конкретный состав которых, как уже сказано, неясен. В.П. Буданова, исходя из терминологии Зосима, полагает, что они представляли собой коалицию племен. Неизвестно ни одного письменного сообщения древних авторов, которое бы позволяло отнести их к готам (Буданова 1982: 169). В низовьях Дуная жили певкины. Сарматы во время войн III в. почти полностью исчезли из номенклатуры народов Северного Причерноморья. Слабый отголосок их существования имеется у автора более позднего времени Константина Порфирородного, писавшего в связи с рассматриваемыми событиями о сарматах (савроматах) у Меотийского моря (Васильев 1921: 288).

После окончания скифских войн и наступления мирного периода в Причерноморье резко возрастает количество археологических свидетельств обитания здесь

оседлого населения, но и столь же резко сокращаются сведения о нем в древних сочинениях. Эта лакуна приходится как раз на время господства в регионе черняховской культуры. Современники начинают опять интересоваться варварами лишь в последней трети IV в. в связи с новым обострением политической и военной обстановки. Естественно, материалы этого времени попали и в сочинения более поздних авторов. Имеющиеся сведения позволяют наметить схему расселения отдельных групп готов (или того населения, которое по традиции продолжают именовать готами). Еще в начале своего движения с территории современной Польши на юг готы разделились на два потока, которые, видимо, и легли в основу образования их двух больших групп – визиготов и остроготов. Существует представление, что их окончательное разделение оформилось к концу IV в. (Буданова 1982: 156).

Параллельно применялись еще два названия – грейтунги и тервинги. Часто грейтунгов отождествляют с остроготами (остготами). Однако это не всегда верно. В III в. эти племена являются двумя самостоятельными образованиями, которые за время совместных походов и войн могли слиться к середине IV в. (Буданова 1982: 170). Впервые вместе все четыре группы готов упоминаются при описании похода 269 года (для двух первых представлены древние формы их названий: визи и австроготы). До этого источники именуют готские племена в основном совокупно готами, скифами или гетами.

Имеется мнение, что самостоятельное существование грейтунгов и тервингов оформилось в связи с военными столкновениями в среде варваров (Wolfram 1979: 59, 61). Есть возможность попытаться их локализовать для IV в. По многим текстам, в которых есть сведения о взаимном размещении разных народов, выявляется, что тервинги занимают западную, грейтунги – восточную позицию по отношению друг к другу. Тервингов исследователи единодушно помещают к западу от Днестра. Х. Вольфрам уточняет: к западу от Верхнего Днестра и низовьев Прута (Wolfram 1979: 59). В то же время на карте он показывает смешанное обитание тервингов и грейтунгов в Буджаке (Wolfram 1979: Karte 3). Молдавская же лесостепь, румынская Молдова и Мунтения обозначены им как зона расселения только тервингов. Грейтунги во время войн III в. локализуются в Северном Причерноморье (Буданова 1982: 170). На Дону они сражаются с аланами и каким-то другим народом (Wolfram 1979: 97–98). На западе они достигли дунайской границы Империи. С 80-х годов III в. они надолго исчезают из источников. В IV в. о них сообщает Аммиан Марцеллин. В связи с нашествием гуннов он упоминает «аланов, которые сопредельны с грейтунгами» (Amm. Marc., XXXI, 3, 1). Чрезвычайно важно его сообщение о походе Валента в 369 г. на тервингов во главе с Атанарихом, с которым он воевал уже третий год (Amm. Marc., XXVII, 5). Из описания военных событий следует, что тервинги размещались к северу от Дуная.

Перейдя Дунай у Новиодунума (современная Исакча), Валент оказался в Буджаке, где у него произошла стычка с грейтунгами. Очевидно, что грейтунги занимали южную часть междуречья Прута и Днестра, т.е. Буджакскую степь, или, по крайней мере, ее южную часть. Это позволяет частично конкретизировать представление на основе письменных источников о том, что во второй половине IV в. грейтунги известны к западу от зоны, занятой танаитами в низовьях Дона, вплоть до низовьев Дуная. Пока остается неясным, входят ли целиком степи Северо-Западного Причерноморья в занятую ими территорию.

Валент, продолжая путь на север и пройдя земли грейтунгов, столкнулся с тервингами, после чего был заключен мир с Атанарихом. Все изложенное свидетель-

ствует о том, что в низовьях Дуная тервинги обитали севернее грейтунгов. Вопрос об их взаимном размещении на этой территории изучал Р. Вулпе (1960). На основе уточнения перевода Аммиана Марцеллина, он пришел к заключению о возможности отождествления Верхнего Траянова вала с «валом грейтунгов» Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXXI, 3, 4–5). В пользу этого отождествления приведены достаточно веские аргументы. Р. Вулпе полагал, что вал не имел исключительно фортификационного назначения и был возведен грейтунгами для демаркации своей территории от земель тервингов. Отметим, что вал проходит по границе степи и лесостепи.

Изложенные наблюдения о местах обитания двух готских племен оказываются сопоставимыми с некоторыми археологическими данными. Тервинги и грейтунги, судя по письменным источникам, должны быть родственными группами населения. Археологически это проявляется в том, что в степях Причерноморья и Молдавской лесостепи распространены памятники черняховской культуры, обладающие общими ведущими чертами, но распадающиеся соответственно на два локальных варианта: степной и пруто-днестровский. Их различие наблюдается по ряду признаков и один из них, представляющий наибольший интерес, – это степень присутствия черт вельбаркской, то есть, готской культуры. В степном локальном варианте они наличествуют, – но не являются ведущими на территории, примерно, от Буга на восток. На запад же до Дуная, – как уже отмечалось, – эти черты почти не фиксируются. На черняховских памятниках молдавской лесостепи вельбаркские признаки обнаружены многократно и на некоторых памятниках весьма значимы. Границей их распространения на юге оказываются пограничье лесостепи и степи, примерно там, где проходит Верхний Траянов вал, то есть «вал грейтунгов», если принять интерпретацию Р. Вулпе. Все это не позволяет полностью согласиться с Б.В. Магомедовым, когда он пишет, что «на археологическом материале эта граница (между двумя ветвями готского народа – А.Г.) практически неощутима» (Магомедов 2001: 117).

Не рассматривая памятников Молдавии в целом, отметим, что на пограничье степи и лесостепи чрезвычайно показательны поселение и могильник Будешты и могильник Данчены. В Будештах обнаружена усадьба с наземным каркасным домом вельбаркского типа (Щербакова, Чеботаренко 1974: 94, рис. 1), аналогичным дому на вельбаркском поселении Великая Слобода (Козак 1984а: 58, рис. 2). Э.А. Рикман, анализируя материалы раскопок поселения и могильника Будешты, выделил керамические изделия, которые «хорошо сопоставляются с более ранними и позднейшими готскими и восточно-германскими сосудами» (Рикман 1960а: 212). На могильнике погребения с трупосожжением составляют не менее 36,1%. При этом надо учитывать, что часть их уничтожена распашкой и не вошла в подсчеты. В одном из погребений найдена фибула типа Монструозо, который связывают с германскими племенами. Э.А. Рикман пишет, что в Будештах обитало смешанное население, в том числе и готы (1960: 217). Такую же, если не более яркую, картину дает и могильник Данчены, где выделена группа вельбаркской керамики и многочисленные вещи северо-западного происхождения (Рафалович 1986). Ряд наблюдений дает возможность думать, что этнический состав и история развития черняховской культуры в Пруто-Днестровском междуречье и степях Причерноморья к востоку от Днестра были во многом различными.

В результате всего изложенного, правомерным представляется вопрос, какое место занимало собственно германское пришлое население в среде обитателей

Причерноморья, материальная культура которых представляла собой вариант черняховской. Проявления в этой зоне вельбаркской, то есть готской, культуры рассеяны в инородной среде как отдельные вкрапления. Значительно ярче здесь проявляется сарматское и позднескифское культурное наследие. Явны признаки, генетически восходящие к населению Лесостепной Украины.

Употребление в письменных источниках по отношению к припонтийскому населению названия готы связано, скорей всего, с политическими событиями. Естественно предположить, что готы за время переселения выработали жесткую военную организацию и потому смогли возглавить часть походов на Рим. Их предводители оказались во главе первых военно-политических объединений, включавших не только готов, но и различное местное население. Кроме того, надо учитывать литературную традицию, довлевшую над позднеантичными авторами. Причерноморское население они традиционно именовали «скифами», хотя и понимали его неоднородность. Его истинного состава они себе не представляли. Римляне явно знали о существовании пришлого северного населения, отличного от местного, и совокупно именовали его готами. Хотя эти два названия часто путали и переносили на всех варваров, существовало и понимание их различия. В этой связи интересно наблюдение В.П. Будановой на основе текста Поллиона по поводу варварского похода 263 г. о терминологическом противопоставлении «скифов» и «готов». Так же и у Зосима они не всегда представляют собой одно и то же население (Буданова 1982: 169). Создается впечатление, что этноним «готы» утратил в Причерноморье свое первоначальное чисто этническое значение, которое считается применимым для носителей вельбаркско-цецельской культуры. На новой почве он превратился в определенной мере в собирательное обозначение припонтийского варварского населения (Ременников 1954а: 9, сн. 3). Однако, вряд ли будет исторически оправдано даже в этом собирательном и условном смысле называть, в целом, носителей черняховской культуры Причерноморья только готами без всяких оговорок и уточнений.

Ближе к истине, как-будто, оказывается обозначение грейтунги. Зона их обитания при любом ее определении включает ареал черняховской культуры в степях. Вполне допустимо, что в состав грейтунгов могли войти локализуемые, примерно, здесь же «соседние скифы». Может быть, именно этим объясняется малое количество вельбаркских черт на черняховских памятниках к западу от Ю. Буга. В итоге всего изложенного следует сказать, что носителей черняховской культуры в Северо-Западном Причерноморье нельзя называть только готами, хотя их присутствие здесь не вызывает сомнения.

Все исследователи черняховской культуры единодушны в признании большого значения для ее формирования античного влияния. Однако его механизм в деталях до недавнего времени не был исследован.

В период войн середины III в. рухнуло римское господство в Северо-Западном Причерноморье. Были разгромлены Тира, Ольвия и ее округа. Нормальные мирные контакты между черняховским населением и античными городами могли происходить только после окончания войн. Изучение этого вопроса только начинается. Полагают, что города, пережившие военный разгром, оставались античными центрами с чертами городской структуры как в облике, так и экономике.

Рассмотрим конкретно проявления античной культуры, которые можно связывать с ***влиянием Тиры и Ольвии***. Каменное домостроительство непосредственных связей не выявляет. Не видно их и в погребальном обряде. Пожалуй, наибольшее значение для проблемы имеет определение роли гончарства Тиры и Ольвии в сложении черняховской гончарной сероглиняной посуды, в частности памятников

степи. Сравнительный типологический анализ черняховской керамики и сероглиняной гончарной керамики из Тиры и Ольвии, проведенный автором настоящей работы и В.В. Крапивиной (Крапивина 1990), выявил отсутствие каких-либо генетических связей. Это показывает, что Тира и Ольвия прямого и непосредственного воздействия на формирование черняховской культуры в целом, ее степного варианта и ее керамического комплекса не оказали (Гудкова, Крапивина 1993б: 104; Gudkova 2002).

Степной вариант культуры. Выявление своеобразия этнического суперстрата культуры в степях заставляет рассмотреть вопрос о существовании здесь ее локального варианта. Вопрос о его выделении поставлен уже давно (Баран 1981: 164; Магомедов 1981: 20; 1984: 61; 2001:18, рис. на стр.16; Гей 1980). Полагают, что локальные варианты отличаются друг от друга наличием особенностей в основных категориях археологических источников. В степях они наблюдаются в характере поселений, лепной и гончарной керамике, погребальном обряде. Это позволяет считать, что степные памятники представляют собой вариант черняховской культуры. В него входят территориальные группы, обладающие более мелкими особенностями. Основой их выделения является ярко выраженная специфика в какой-либо важной категории источников. Первая – локализуется в междуречье Днепра и Днестра, вторая – в Буджакской степи. Первая несколько неоднородна внутри. В ней фиксируются две части населения: одна с вельбаркско-пшеворскими, и другая с позднескифскими чертами. Территориальная граница между ними зыбкая, так как та часть северных мигрантов, которая обладала вельбаркско-пшеворскими культурными чертами, частично проникла в зону, где у черняховского населения было ярко выражено позднескифское культурное наследие. Создается впечатление, что население с вельбаркскими чертами не строило каменных домов. Показательны в этом отношении поселение Каборга с каркасными домами и его могильник с северо-западными особенностями, поселение Ранжевое с каменными жилищами и могильником без таких признаков. Очевидно, нужно разграничить в приморской зоне памятники с каменным домостроительством, а в Надпорожье, по Днепру и до Буга памятники с отдельными вельбаркско-пшеворскими чертами.

Вторая группа в Буджаке связана на севере с черняховскими племенами лесостепной Молдавии. На востоке же для части обитателей Буджака очевидны связи с позднескифской территориальной группой.

Пока нельзя однозначно объяснить почти полное отсутствие в Буджаке вельбаркских черт материальной культуры. Оно может быть явлением хронологическим или иного порядка. Изучение этого вопроса на материалах только Буджака не реально.

Памятники Буджакской степи, представляющие собой хронологическое единство, соответствующее поздней фазе черняховской культуры, позволяют рассмотреть некоторые аспекты эволюции культуры. Их хронологическим аналогом оказываются древности Сынтана де Муреш в Трансильвании, где выделены группы черняховских древностей с ярко выраженным римским, карпским и сарматским влиянием (Horedt 1982). На могильниках Трансильвании, бывшей до 271 г. частью Римской империи, полностью отсутствуют материалы III в. (Tackenberg 1930). К. Хоредт, много лет изучавший древности этого района, полагает, что памятники Сынтана де Муреш относятся здесь ко второй половине IV в., и в большинстве тяготеют к его последней четверти (Horedt 1982: 115). С этой поздней датой согла-

шаются и другие румынские исследователи (Ioniţa 1966: 251). Третьей зоной распространения поздних памятников является южная, в основном, придунайская. Мунтения, где черняховские памятники датируются IV в. (Mitrea, Preda 1966). В результате, для культуры Черняхов – Сынтана де Муреш удается выделить зону существования позднейших памятников (Гудкова 1991).

Одной из ее особенностей является то, что применение кремации постепенно шло на убыль. В середине IV в. стали появляться моноритуальные могильники с трупоположениями (Гудкова 1999а: 374–375).

* * *

Анализ степных памятников свидетельствует о том, что они были частью общечерняховского культурно-исторического единства, хотя и обладали своеобразными чертами. Материалы и могильников, и поселений указывают на смешанный состав населения. Интеграционные процессы здесь так и не закончились. Вся историческая ситуация позволяет думать, что именно гунны в конце IV в. подорвали существование земледельческого населения степей и оно полностью исчезло в первых десятилетиях V в.

Примерно, 25 лет тому назад была опубликована под точно таким же названием, как этот очерк, работа Б.В. Магомедова (1987). Интенсификация исследований на степных памятниках, в том числе в Буджаке, ранее практически неизученном, не только увеличила фонд источников, но и раскрыла новые исторические аспекты развития черняховской культуры. Один из них настолько значим для понимания истории эпохи великого переселения народов, что на нем следует остановиться особо. Стали возможными не только постановка вопроса о подробностях формирования степного черняховского населения, но и хронологическая его детализация (Гудкова 2008). Большую роль в этом сыграло исследование материалов могильника Нагорное II и определение круга аналогий ему.

В настоящее время стало очевидным, что появление черняховской культуры в степях произошло не в период «скифских» или «готских войн», а после их окончания. Носителями культуры в степях Причерноморья, создавшими здесь в самом конце III–IV в. процветавший район земледельческой культуры были не те люди, которые участвовали в войнах и даже не их прямые потомки. Они, если и не погибли в вихрях войны, то жизнь их продолжалась на других территориях и в другом археологическом качестве (Гудкова 2010). Археологические сведения о них в Причерноморье времени войн очень скупы, разрознены и, – по сути, – случайны. Это варварское погребение № 2 в зерновой яме возле городища Золотой мыс (Гороховский и др. 1985) с синкретической материальной культурой (в том числе, и признаками вельбаркской). Затем, назовем, следы временного поселения носителей черняховской культуры на разрушенном Козырском городище (материалы Ольвийского заповедника) и возле него случайное погребение мужчины и женщины с синкретическим инвентарем, имевшим, в том числе и сарматские черты (Бураков 1976). Имеются следы обитания черняховского населения также и на Знаменском городище (раскопы XIII и XVIII) (Погребова 1958: 136–138, рис. 9, 10; рис. 12, 3). На городище Станислав, в верхнем слое разрушения, Ю.А. Виноградовым была раскопана черняховская землянка (сообщение В.В. Крапивиной). В Нижнем городе Ольвии в слое разрушения, возникшем в результате второго готского разгрома города в 269–270 гг. найдено случайное погребение ребенка по черняховскому обряду и с черняховским инвентарем (Лейпунская 2006) времени конца войн.

Весь описанный материал свидетельствует о том, что в Причерноморье во время войн, и в частности, в их конце существовала черняховская этнокультурная среда с нестабильной формой жизни. Возможно, носители черняховской культуры приходили с севера как бы волнами и растворялись в военных походах. В ситуации почти полного отсутствия письменных источников для этого периода, можно лишь констатировать, что черняховское население проходило через степи, не оставив следов стабильного существования. Поэтому они разрознены и обнаруживаются случайно. Видимо, определение «готы» относится и к этим ордам, но этот этноним, скорей всего, был значительно шире.

Ключевые на сегодня по рассматриваемому вопросу наблюдения сделаны на материалах поселения и могильника Нагорное II. Исследовательницы поселения (Романова, Скакун 2002: 78–79) отмечают, что «в лощеной посуде прослеживаются традиции населения северо-западных районов Европы. Заметны северо-западные черты и в вещевом комплексе Нагорного II». Соответствующие находки на поселении однозначны, но немногочисленны.

Могильник дает яркую и недвусмысленную картину такого же характера. Обильный и разнообразный инвентарь и следы магических защитных обрядов находят себе не вызывающие сомнения аналогии не на памятниках черняховской культуры Украины, а в германских материалах Средней и Северной Европы (Гудкова 2011; 2011а; 2012). Особо выразительными оказываются связи с масломенчской группой черняховской культуры на юге Польши. Аналогии к материалам Нагорного встречаются также на памятниках Молдовы (могильник Будешты, Малаешты и др.). Чрезвычайно интересны многочисленные аналогии на памятниках Сынтана де Муреш в Румынии (могильники Бырлад, Валя Саке, Михалешень и др.). Очень сходен с Нагорным и по времени, и по материалам небольшой могильник Палатка в Семиградье и некоторые аналогии дает могильник Сынтана де Муреш. В результате всего изложенного складывается представление о мощной германской миграционной волне в конце первой половины или в середине IV в., как минимум, с юга Польши, охватившей Молдову, Буджак и Румынию. Возможно, первоначальный источник этого импульса находился в Центральной Европе. Надо отметить, что на территории Украины очень интересные связи с этим явлением дает могильник Косаново. Возможно, и не только он один. Можно думать, что рассматриваемое переселение имело и восточную ветвь.

Таким образом, открываются новые исторические детали вызревания событий великого переселения народов. Л.Н. Гумилев, разработавший идею о существовании в истории человечества пассионарных периодов (Гумилев 1966), показал, что они бывают затяжными. Можно предположить, что великое переселение народов постепенно начало вызревать в Европе перед началом «готских» войн и его предпосылки нарастали в глубине жизни людей (в основном германских племен) после их окончания. В результате приток в степи Северо-Западного Причерноморья населения с северо-запада происходил и в IV в.

Начало истории. Обстоятельства появления гуннов западнее Танаиса хорошо известны. «Именно гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора, при их содействии они с большею уверенностью внезапным наскоком ворвались в обширные и плодородные владения Ерменриха (Германариха – авт.), царя весьма воинственного, многочисленными и разнообразными подвигами храбрости наведшего страх на соседние народы. Пораженный силой внезапно надвинувшейся бури, он долго пытался удержаться твердо и прочно, но потом, когда молва преувеличила свирепость нападавших, он добровольною смертью подавил страх больших бедствий. После его смерти новый царь Витимир несколько времени сопротивлялся аланам, полагаясь на других гуннов, которых он деньгами привлек на свою сторону; но после многих поражений потерял жизнь в битве, подавленный силою оружия. Его маленького сына, по имени Видерих, приняли под свою опеку и защиту Алатей и Сафракс, искусные и известные твердостью духа вожди; вследствие краткости времени потеряв уверенность в возможности сопротивления, они осторожно удалились и пришли к реке Данастию, протекающей по широким равнинам между Истром и Борисфеном.

Получив известие об этих неожиданных событиях судья тервингов Атанарих... пытался было стать твердою ногою, чтобы померяться силами в случае, если он будет затронут подобно другим. Затем, устроив на удобном месте просторный лагерь на берегах Даната близ вала гревтунгов, он выслал Мундериха (бывшего потом пограничным начальником в Аравии) с Лагариманом и другими вельможами вперед на 20000 шагов, для того чтобы выследить приближение врагов, а сам в это время без всякой помехи стал готовиться к бою. Но дело вышло совершенно иначе, нежели он рассчитывал: гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что дальше стоит какое-нибудь войско, и, пропустив замеченные ими отряды, спокойно расположившиеся на ночной отдых при свете луны, рассеивавшем ночной мрак, перешли вброд реку и избрали наилучший образ действий; при этом боясь, чтобы передовой вестник не испугал находившихся дальше, быстрым натиском бросились на самого Атанариха, ошеломили его первым ударом, перебили нескольких из его людей и принудили поспешно искать убежища в утесистых горах. Пораженный этой новостью и еще большим страхом за будущее, он стал возводить высокие стены от берегов реки Гераса до Данубия, пересекая земли тайфалов; он полагал, что устроив с быстрым старанием этот панцирь, он вполне обезопасит свою целость и невредимость. Но, пока сооружалась эта постройка, гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы совсем раздавить его своим нашествием, если бы не отступили от этого дела, обремененные тяжестью добычи.» (Amm. Marcell. XXXI, 3, 1–8).

Отмеченные Аммианом Марцеллином события, до столкновения тервингов Атанариха с гуннами, имели место между 370–375 гг. (Щукин 2005: 229, 232, 233)[1],

[1] М.Б. Щукин не исключал возможности появления отдельных отрядов гуннов в Северном Причерноморье еще в I в. н.э. (см. Щукин 2005: 223, 224).

а само столкновение – в 376 г. (Вулпе 1960: 269; Буданова 2000: 46). Данное сражение вестготов с гуннами достаточно доказательно реконструируется и предполагается, что последние, перейдя вброд Днестр вблизи современных Бендер, атаковали войско Атанариха и рассеяв его, вынудили к паническому бегству. Не ограничившись этим, гунны продолжили свое движение вплоть до низовий Прута и Серета, пройдя таким образом Буджак с северо-востока на юго-запад (Вулпе 1960: 259–275; Дзиговский 2003: 205, 208; 2012: 439–448).

Гунны в конце IV–V вв. н.э. На начальном этапе гуннской экспансии на запад их основные силы были сосредоточены, главным образом, в северопричерноморских степях. Какая-то часть гуннов действовала в этот период и на Нижнем Дунае. На указанных землях, в первые десятилетия V в. н.э., они делились на три орды: Харатона, Доната и Ульдиса. Первые две соотносятся исследователями (Казанский, Мастыкова 2009: 123) с «европейскими уннами» Маркиана (Marc. Heracl. Peripl. II, 39) и локализуются где-то к северу от Черного моря, а третья, пограничная с Восточной Римской империей орда Ульдиса, идентифицируется с дунайскими амилзурами Приска Панийского (Prisc. Fr.1) или алпидзурами Иордана (Iord. Get.126).

По свидетельству Зосима, в 400-м году гунны под предводительством Ульдиса воевали на стороне Рима против готов Гайны. «Гайна с остальными воинами бежал к Истру, найдя Фракию опустошенною предыдущими нашествиями и разграбляя все на своем пути. Боясь, чтобы другое римское войско, последовав за ним, не напало на бывших с ним немногочисленных варваров, и подозрительно относясь к сопровождавшим его римлянам, он всех их перебил, пока они не проведали его плана, а с варварами переправился за Истр, намереваясь возвратиться на родину и прожить там остальную жизнь.

Таково было намерение Гайны; но Ульдис, предводительствовавший в то время гуннами, считая небезопасным дозволить варвару, имеющему собственное войско, иметь жительство за Истром и вместе с тем думая угодить римскому императору его преследованием, стал готовиться к борьбе с ним; собрав свои полчища, он выступил против него. Гайна, не имея уже возможности ни возвратиться к римлянам, ни иначе избежать угрожающего ему нашествия, вооружил своих и пошел против гуннов. Войска неоднократно вступали между собою в схватки и отряд Гайны в нескольких битвах отразил врагов, но когда многие из них пали, то был убит и сам Гайна после упорной и мужественной борьбы» (Zosim. 5, 21–22).

Сведения о гуннах Ульдиса содержатся и в девятой книге «Церковной истории» Ермия Созомена, где они, в отличие от сообщения Зосима, выступают как противники римлян. «В то же время случилось, что и гунны, расположившиеся во Фракии[1], без войны и преследования со стороны императора со стыдом вернулись, потеряв большинство своих сил. Именно Ульдис, предводитель живущих по Истру варваров, с огромными силами переправился через реку и расположился в пределах Фракии; взяв путем измены мисийский город Castra Martis, он совершал оттуда набеги на остальную Фракию и по своей самонадеянности не хотел и слышать о договоре с римлянами. Когда воевода фракийских войск договаривался с ним о мире, он указал на восходящее солнце и сказал, что ему не трудно, если пожелает,

[1] Вероятно, здесь, как и в приведенном несколько выше отрывке из «Новой истории» Зосима, речь идет о диоцезе Фракия, который был образован в результате административной реформы Диоклетиана, куда входили провинции Европа, Родопа, Фракия, Гемимонт, Скифия и Нижняя Мёзия, и который фиксируется нарративными источниками уже в 297 г. (см. об этом Латышев 1906: 447).

покорить всю землю, которую оно освещает. Так угрожал он, приказывал римлянам платить дань по его усмотрению и на этом условии предлагал им или пользоваться миром, или ожидать войны. В этих затруднительных обстоятельствах Бог показал, какое он имеет попечение о нынешнем царстве. Именно, немного спустя до окружавших Ульдиса слуг и офицеров дошли слухи о римском государственном устройстве и о человеколюбии императора, а также о том, какими наградами чествует он храбрых и доблестных мужей. Не без воли Божьей привлеченные этим, они перешли к римлянам и стали лагерем подле них вместе со своими подчиненными. Ульдис едва спасся бегством на ту сторону реки, потеряв многих своих и в том числе поголовно всех так называемых Скиров. Это был варварский народ, довольно многочисленный до этого несчастья. Опоздав в бегстве, одни из них были перебиты, другие взяты живыми и в оковах отосланы в Константинополь» (Sozom. Hist. eccl. IX. 5).

Таким образом, согласно свидетельств письменных источников, земли по левому берегу Нижнего Дуная, в самом начале V в. н.э., были довольно плотно заняты гуннами, возможно, представлявшими собою самостоятельную, не вошедшую в политическое объединение гуннского племенного союза Северного Причерноморья, группу, возглавляемую одним из военачальников гуннского войска (Засецкая 1994: 144, 145), в данном случае, Ульдисом (Ульдином).[1] Не исключено, что именно эти гунны стали известны, в более позднее время, как амилзуры (Казанский, Мастыкова 2009: 123), с которыми собирался воевать вождь гуннов Руа в 433 г. «Руа, царь Уннов, решил вступить в войну с амилзурами...» (Prisc. Fr. 1). Удалось ли ему совершить задуманное или нет, письменные источники об этом умалчивают, однако, хорошо известно, что около 434 г. Руа умер, а власть перешла к его племянникам Бледе и Аттиле. В 445 г., после убийства Бледы, единоличным правителем гуннов становится Аттила.

На исследуемой территории, которая включается исследователями в «западную» зону распространения гунских древностей (см. Казанский, Мастыкова 2009: 114), материальные свидетельства пребывания этих кочевников на данных землях, в конце IV–V вв. н.э., крайне малочисленны. Для первой половины V в. н.э. они представлены всего лишь несколькими единичными погребениями и отдельными случайными находками. Среди них, вне всякого сомнения, богатством инвентаря выделяется впускное погребение, обнаруженное в урочище Кубей, вблизи с. Червоноармейское Болградского района Одесской области (рис. 178). Оно было исследовано в кургане 8, в 2,5 м к северо-востоку от основного сарматского захоронения, на глубине 0,65 м. Подбойная могила состояла из входной ямы подтрапециевидной в плане с округленными углами формы, размером 1,9 х 0,45 х 0,8 м, ориентированной длинной осью по линии запад-юго-запад-восток-северо-восток и, собственно, самого подбоя, размером 2 х 0,9 м.

На дне входной ямы находился череп и кости ног коня, а в ее заполнении были выявлены железное тесло, которое было воткнуто лезвием в дно ямы, два наконечника ремня из согнутой пополам золотой пластины, украшенные вставками сердолика и филигранным орнаментом из проволоки и зерни, две серебряные подпружные пряжки с хоботовидными язычками и две костяные накладки лука.

Непосредственно у входа в подбой были обнаружены кости овцы, а также две золотые обкладки от ленчиков седла с чешуйчатым пуансонным орнаментом, два

[1] Х. Вольфрам именует Ульдиса (Ульдина) «мунтенским гуннским вождем» (Вольфрам 2003: 237).

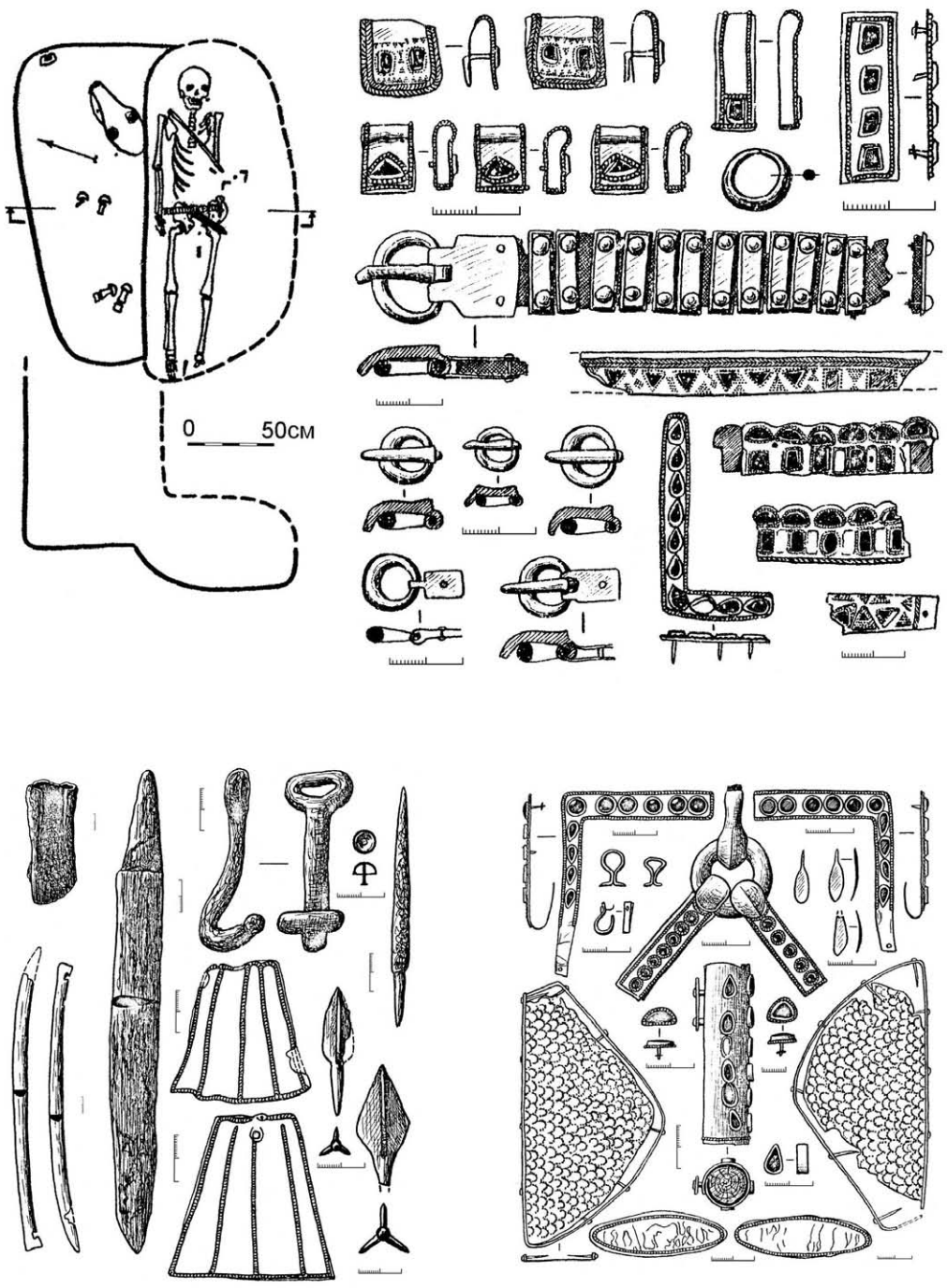


Рис. 178. Комплекс первой половины V в. н.э. (Кубей, курган 8, погребение 2)

обрывка золотой фигурной накладки на бронзовой основе со вставками янтаря и ободками из зерни, бронзовый кольцевидный псалий с двумя бронзовыми прямоугольной формы зажимами, покрытыми золотыми обкладками, которые были украшены вставками граната и ободками из рубчатой проволоки, серебряные заклепки от сбруйных ремней.

Скелет погребенного, который лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток-северо-восток, находился в подбое. Его сопровождал богатый и разнообразный инвентарь, в том числе, золотая серьга-калачик, две костяные накладки от лука, кожаный пояс с серебряной пряжкой и 50-ю пластинчатыми накладками, железный крючок для подвешивания колчана, две золотые Г-образные накладки с 4-мя каплевидными вставками из янтаря и 6-ю округлыми из сердолика, однолезвийный железный кинжал в деревянных ножнах, которые были украшены золотыми накладками Г-образной формы с 10-ю каплевидными вставками янтаря и двумя подпрямоугольными накладками с треугольными вставками янтаря, орнаментированными зернью и филигранным бордюром «елочкой». Здесь же были выявлены три наконечника ремня из золотой согнутой пополам пластины, украшенные вставками альмандина и ободками из рубчатой проволоки, бронзовая пряжка и золотая цилиндрическая обкладка от ручки нагайки с остатками дерева внутри. Поверхность обкладки украшена тремя вертикальными рядами каплевидных вставок янтаря. У стоп погребенного находилось железное шило с остатками дерева на черенке.

В заполнении подбоя обнаружены шесть вставок граната в золотых гнездах со штифтами на оборотной стороне, три бронзовых мелких листовидных пластинки, небольшие бронзовые обоймы, два, изготовленные из золотой пластины, наглазника, серебряные пряжка и обойма от ремня и шесть железных трехлопастных наконечников стрел (Субботин, Дзиговский 1990: 17–20; Засецкая 1994: 192, 193, 194). Набор предметов погребального инвентаря данного захоронения, по своему функциональному назначению, достаточно определенно разделяется на несколько основных групп – предметы вооружения и снаряжения коня, детали костюма. Уже упоминавшиеся предметы вооружения – лук и стрелы, являются традиционными для гуннской паноплии. Из предметов конского снаряжения можно выделить ленчики от седла (тип 2 по классификации И.П. Засецкой), которые часто наличествуют в погребениях гуннской военной аристократии. Детали костюма – поясные, и, вероятно, обувные пряжки также хорошо известны в памятниках первой половины V в. н.э. Северного Причерноморья и азиатского Боспора (Засецкая 1994; Строков 2009: Рис. 5). В целом же, необходимо отметить, что весь комплекс найденных здесь вещей подчеркивает высокий воинский статус их владельца.[1]

Еще два погребения этого времени были выявлены на правом берегу Тилигульского лимана. Одно из них, разрушенное (Werner 1956: taf. 29, 8; Мончинська 2009: рис. 11), содержало золотую обкладку в виде сужающейся к концам полоски, украшенную тремя горизонтальными рядами вставок альмандинов в гнездах из узкой, напаянной ребром, ленточки. На оборотной стороне обкладки, являющейся, по всей видимости, остатками диадемы – следы бронзовой пластинчатой основы (рис. 179, 1).

Второе погребение было исследовано у с. Антоновка Березовского района Одесской области. Могильная яма не прослежена. Скелет погребенного лежал в

[1] А.В. Комар датирует данное погребение 440–454 гг. (Комар 2000: 19–53).

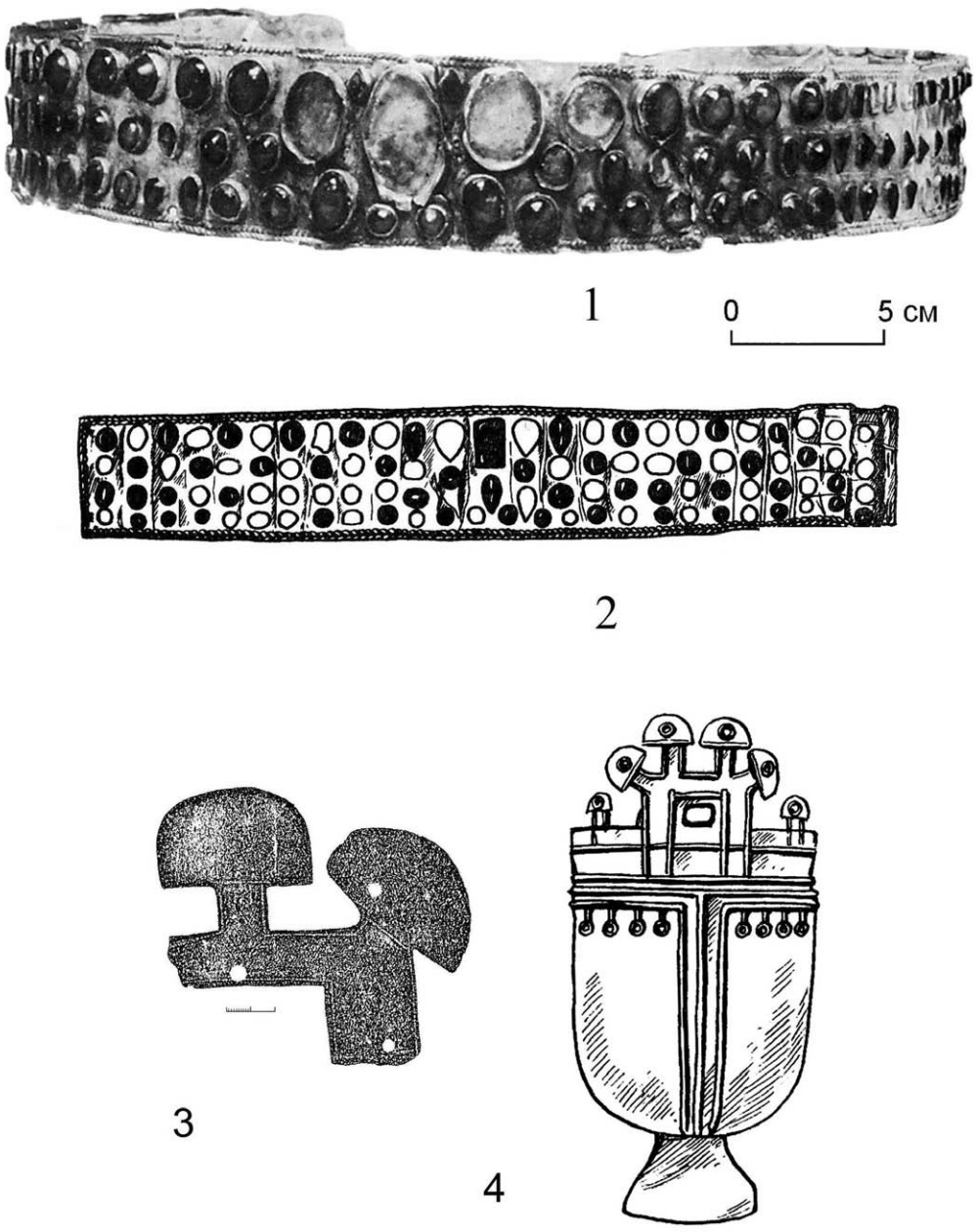


Рис. 179. Находки гуннских древностей из Северо-Западного Причерноморья:
1 – Тилигульский лиман; 2 – Антоновка; 3 – Слободка; 4 – Шесточь

вытянутом положении на спине, головой на север-северо-восток. На костях черепа находилась электровая диадема, украшенная рядами вставок граната в напаянных гнездах (рис. 179, 2). Под диademой прослежены остатки войлока (Тиханова, Черняков 1970: 117). Большинство диадем из степных памятников гуннского времени найдены в женских погребениях, где они входят в набор украшений костюма представительниц кочевой знати. Вместе с тем, известны случаи находок диадем и в мужских захоронениях.

Во времена Аттилы гунны достигают пика своего могущества, когда последним была создана «держава», представлявшая собой, ни что иное как союз разноэтничных племен и народов германского, иранского и тюркского происхождения (Засецкая 1994: 147). Однако, после поражения гуннов в 451 г. в «битве народов» на Каталаунских полях их военно-политический авторитет был серьезно подорван, и, после смерти Аттилы в 453 г., созданный им союз распадается. Племена, входившие в него, частью влились в объединения, которые были созданы готами и лангобардами, часть же осталась в Паннонии и на левом берегу Дуная. Отмеченные события стали переломным моментом в гуннской истории. Между наследниками Аттилы начались распри, и разгорелась борьба за власть.

«После того как все было закончено, между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть, потому что свойственно юношескому духу состязаться за честь властвования, – и пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все же вместе и утеряли власть. Так часто переизбыток наследников обременяет царство больше, чем их недостаток. Сыновья Аттилы, коих, по распущенности его похоти, насчитывалось чуть ли не целые народы, требовали разделения племен жребием поровну, причем надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами. Когда узнал об этом король гепидов Ардарих, то он, возмущенный тем, что со столькими племенами обращаются, как будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства, первый восстал против сыновей Аттилы и последующей удачей смыл с себя навязанный ему позор порабощения; своим отпадением освободил он не только свое племя, но и остальные, равным образом угнетенные, потому что все с легкостью примыкают к тому, что предпринимается для общего блага. И вот все вооружаются для взаимной погибели, и сражение происходит в Паннонии, близ реки, название которой – Недао (454/455 гг. – авт.). Туда сошлись разные племена, которые Аттила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга королевства с их племенами, единое тело обращается в разрозненные члены; однако они не сострадают страданию целого, но, по отсечении главы, неистовствуют друг против друга. И это сильнейшие племена, которые никогда не могли бы найти себе равных в бою, если бы не стали поражать себя взаимными ранами и самих же себя раздирать на части.

Думаю, что там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свава, отважно действующего дубинкой, а гунна – стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула – с легким оружием.

После многочисленных и тяжелых схваток, победа неожиданно оказалась благосклонной к гепидам: почти тридцать тысяч как гуннов, так и других племен, которые помогали гуннам, умертвил меч Ардариха вместе со всеми восставшими. В этой битве был убит старший сын Аттилы по имени Эллак, которого, как рассказывают, отец настолько любил больше остальных, что предпочитал бы его на престоле всем другим детям своим. Но желанию отца не сочувствовала фортуна: пере-

бив множество врагов, Эллак погиб, как известно, столь мужественно, что такой славной кончины пожелал бы и отец, будь он жив. Остальных братьев, когда этот был убит, погнали вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы» (Iord. Get. 259–263). Предполагается, что под этими землями следует понимать Северо-Западное Причерноморье, вблизи Днепро-Бугского лимана (Иордан 1960: 330: прим. 240), однако как сложилась дальнейшая историческая судьба данной части гуннов неизвестно.

Младший же сын Аттилы – Эрнак «вместе со своими», в качестве основного региона своего обитания «...избрал отдаленные места Малой Скифии» (Iord. Get. 266). Совсем недавно, недалеко от нижнедунайской переправы, на берегу оз. Ялпуг, был обнаружен крайне интересный археологический комплекс (Левада, Савельєв 2010; Паламарчук, Фокеев 2011: 366–376; Паламарчук 2011: 376–382), представлявший собой, вероятнее всего, очень богатое гуннское захоронение (табл. 23, 24). В связи с чем, возникает вполне закономерный вопрос, не принадлежало ли данное погребение кому-нибудь из знатных гуннов орды Эрнака либо ему самому, которые, если следовать Иордану, поселились, где-то в этих краях? Во всяком случае, отмеченный выше комплекс может быть прямым материальным свидетельством присутствия какой-то части гуннов на изучаемой территории, в частности, на юге Буджака, и во второй половине V в. н.э.

ADDENDA

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Зарождение и развитие курганной археологии в дореволюционный период (XIX в. – 1917 г.). Начало курганной археологии в России заложил П.И. Кеппен, который пытался составить список курганов России. В каталог вошли и некоторые насыпи Северо-Западного Причерноморья (Тункина 2002: 438–439). Исследователь доказал, что курганы – это надмогильные сооружения. Впервые в науке он поставил и вопрос об охране курганов: «Сведения [о курганах] должны почитаться общественным имуществом… Могилы принадлежат истории, и только достойные ее служители вправе исследовать прах…» (Кеппен 1837: 33–34).

В 1840 г. Д.М. Княжевич указал на необходимость составления карты курганов юга России. В 1848 г. для этой цели ООИД получил от военного командования 19 планов топографической съемки земель (Тункина 2002: 265). В 1851 г. Черноморским гидрографическим депо составлена лоция Черного моря, в которой содержатся сведения о городищах, курганах, древних могилах и других сооружениях (Лоция… 1851). Э.В. Тетбу де Мариньи опубликовал атлас Черного и Азовского морей. На нем обозначены и прибрежные курганы (Taitbout de Marigne 1850). В.И. Григорович и А. П. Чирков составили археологические карты побережий Днестра и Днепра. Т. Олофсон совершил поездку в Бендерский уезд. Здесь он обнаружил и описал 14 курганов и курганных групп. На многочисленность курганов в Бессарабии указали Н.Н. Надеждин (1844: 255), Г. Спасский (1853) и А. Шмидт (1858; 1863).

В конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. поездку по Северо-Западному Причерноморью совершил А.С. Уваров. Итогом ее стало издание описания древностей Южной России. Исследователь произвел раскопки крупного кургана у с. Шабалат (совр. Беленькое Белгород-Днестровского района). Отсутствие находок, явившееся следствием несовершенства методики, привело А.С. Уварова к выводу, что курган использовался «для наблюдения за окрестностями в случае нападения». Однако предпринятые местными крестьянами после его отъезда грабительские раскопки кургана привели к открытию в нем каменного сооружения. Ученый также провел доисследование кургана на территории Одессы, разрушенного при строительстве города (на месте костела Св. Петра). Одно из нескольких обнаруженных в кургане захоронений находилось в каменном ящике (Уваров 1856: 143–151, 181). Раскопки А.С. Уварова стали первыми археологическими исследованиями курганных древностей в Северо-Западном Причерноморье (Тункина 2002: 337).

В 1842 г. комитет ООИД в составе Д.М. Княжевича, Н.Н. Мурзакевича и В.В. Григорьева начал заниматься составлением «правил для разрытия курганов». «Усмотрена была необходимость, прежде нежели что-нибудь в сем отношении поставлено будет, осмотреть производимые разрытия на месте, в натуре, чтобы тем с большею основательностью можно было об них судить». Был учтен и зарубежный опыт. «Правила» и «наставления» ООИД являются первыми образцами инструкций по производству археологических раскопок курганов. Ряд их требова-

ний сохранил значение и в наши дни. Среди них: необходимость топографической привязки к местности, составление чертежей, рисунков, планов, ведение дневника, фиксация стратиграфических разрезов, консервация и создание условий для хранения находок. В «наставлениях» 1851 г. дается совет небольшие курганы копать под снос, а большие – траншеей или миной (Тункина 2002: 268).

В 1867 г. В.А. Юргевич раскопал два кургана под местечком Рыбница. Его методика была несовершенной даже по тому времени. Прорезав курганы центральной траншеей и «колодцем» по центру, исследователь не обнаружил погребений, зафиксировав, как потом выяснилось, лишь выкиды от них (Кашуба, Курчатов, Щербакова 2001–2002: 182).

В 1879 г. Д.Я. Самоквасов осмотрел побережье Днестровского лимана, где отметил пять наиболее крупных курганов. В 1906 г. исследователь раскопал 20 насыпей «средней и малой величины» в окрестностях сел Шабалат и Катаржа. 18 из них были сарматскими, а две – «киммерийскими» (Самоквасов 1908: 21–22). Как показали последующие исследования, в одном из «киммерийских» курганов было выявлено основное погребение усатовской культуры, а в другом – два неопределённых костяка и парное захоронение в каменном ящике (Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989: 7). Сарматские памятники датируются III–IV вв. (Дзиговский 1993: 92, 94).

Значительную роль в активизации исследований на юге России сыграл проходивший в 1884 г. в Одессе VI АС. Особо значимыми были сообщение А.С. Уварова об определении начала и конца бронзового века в Северном Причерноморье, и доклад В.Б. Антоновича об определении погребальных типов в курганах (Труды… 1886: 24–25).

В 1888–1889 гг. Ф.И. Кнауэр раскопал шесть курганов у с. Сарата, а в 1891 г. – три кургана у с. Павловка. Курганы представляли собой сложные погребальные комплексы со значительным числом погребений ранней и средней бронзы (Кнауэр 1889; 1890; 1892; 1902; Петренко 1998).

В 1889 г. А.А. Матвеев раскопал курган у с. Будаки, в котором обнаружил скорченное захоронение, окрашенное охрой (Алексеева 1992: 6, 33). В 1892 г. библиотекарем ООИД Яковлевым были доследованы 4 кургана, разрушенные грабителями, вблизи Люстдорфа. Найдены остатки погребений позднебронзового века и античного времени (Фабрициус 1951: 41). В 1895–1896 гг. раскопки 3-х курганов у с. Загорье провел В.И. Станилевич (Фабрициус 1951: 47–48). В 1895 г. у с. Бугаз несколько средневековых насыпей раскопал И.К. Суручан (Фабрициус 1951: 12).

Самыми масштабными и плодотворными полевыми исследованиями на территории Северо-Западного Причерноморья в дореволюционный период были раскопки курганов в Тираспольском уезде. Здесь, у сел Красногорка, Малаешты, Парканы, Терновка, Суклея, Плоское, Карагаш, Чобручи и других были исследованы 412 курганов. Работы продолжались с небольшими перерывами с 1896 по 1911 г. под руководством супругов И.Я. и Л.П. Стемпковских. Курганы раскапывались на снос по всей площади насыпи при помощи вписанного в окружность кургана квадрата. Нераскопанными оставались полы курганов (Гошкевич 1903; 1930; Фабрициус 1951; Мелюкова 1962; Дергачев 1973; Добролюбский 1984; 1986; Дзиговский 2003).

В 1912–1913 гг. М.Ф. Шкадышек и А.В. Добровольский произвели раскопки кургана на территории больницы в Слободке-Романовке на окраине Одессы. В нем

обнаружены погребения позднетрипольской, ямной, катакомбной культур и КМК (Шкадышек 1915; Добровольский 1915; Третьяков 1915). Памятник неоднократно привлекал внимание ученых (Городцов 1917; Фабрициус 1951: 42; Збенович, Лесков 1969; Черняков 1976: 67; Тощев 1984).

Завершающим аккордом дореволюционного этапа явились раскопки С.С. Гамченко в 1913 г. нескольких курганов с энеолитическими погребениями у г. Саврань и у с. Дубиново (Алексеева 1992: 11). Полевая практика с началом первой мировой войны прекращается (Черняков 1976: 68).

Сбор сведений об археологических памятниках Европейской России, куда вошли данные и о курганах, обнаруженных на территории Северо-Западного Причерноморья, начался с 1873 г. (Сведения… 1896). П.О. Бурачков (1888) издал археологическую карту Новороссийской губернии и Крыма. В 1894 г. увидела свет статья В.Н. Ястребова (1894), посвященная древностям Херсонской губернии. Исследователь проделал огромную работу по фиксации и систематизации археологических памятников. Особое внимание было уделено многочисленным курганам края. Иногда автор сообщает исторические названия курганов, сведения об их грабительских раскопках и сопроводительных находках. Работа пострадала из-за отказа ООИД напечатать карту, иллюстрации и чертежи, приложенные к рукописи (Фабрициус 1951: 6).

Довоенный период (1917–1941 гг.). В 1923 г. студентами-практикантами Одесского института народного образования под руководством проф. Трифильева в с. Усатово были раскопаны три кургана с позднекочевническими захоронениями (Пора-Леонович 1925). В 1926 г. М.Ф. Болтенко провел раскопки кургана усатовской культуры на могильнике I (на территории с. Усатово), в 1928–1929 гг., там же он раскопал еще три кургана. В 1933 г. и в 1936–1940 гг. раскопки продолжались с участием Е.Ф. Лагодовской. Тогда было исследовано 8 курганов на могильнике I и три на могильнике II (на территории современного кладбища). В 14 курганах двух могильников было выявлено 31 захоронение усатовской культуры (Патокова 1979: 4–5, 43–66, 76–85).

В 1930 г. Е.Ф. Лагодовская на левобережье Тилигульского лимана у с. Петровка в разрушенном кургане нашла скорченное на спине захоронение в каменном ящике (Лагодовська 1930). В 1938–1939 К.А. Раевский и в 1940 гг. А.В. Добровольский провели раскопки кургана на северо-западной окраине Одессы у поселка Киселово, располагавшегося на плато у юго-западной оконечности Куяльницкого лимана. Выявлено 19 погребений КМК (Черняков 1976: 69; 1978).

Послевоенный период (1945 – начало 1960-х гг.). Полевые археологические исследования были возобновлены сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Стали раскапываться и курганные памятники, – сначала экспедициями ИА АН УССР и АН СССР, а затем ОГУ и ОАМ.

Одними из первых, исследованиям подверглись в 1946 г. два кургана на западном берегу Куяльницкого лимана (Бернякович 1949). У с. Нерубайское раскопан курган с двумя позднекочевническими захоронениями (Захарук 1949). В 1955 г. Э.А. Сымонович исследовал курган возле с. Кошары (Сымонович 1962а). В 1957 г. М.С. Синицын раскопал курган эпохи бронзы у с. Черноморка (Синицын 1960). В 1959 г. В.Н. Станко, обследуя курган севернее с. Тузлы, расчистил на вершине насыпи захоронение кочевника XI в. (Станко 1960). В 1960 г. ОАМ возобновил раскопки могильника I в с. Усатово. В том году Э.Ф. Патокова исследовала курган

с 6 погребениями, а в 1961–1962 гг. – еще 2 кургана с 3 погребениями усатовской культуры. Курган с усатовским погребением был раскопан в 1962 г. В.Г. Збеновичем (Патокова 1979: 8, 66–76). В 1961 г. И.Т. Черняков и В.Н. Станко раскопали севернее пгт Сарата курган с энеолитическим доусатовским погребением хаджидерского типа (Черняков 1964; Петренко 1998). В 1962 г. Э.А. Сымонович прошурфовал курган у с. Ранжево (Сымонович 1967а)

Новостроечный период (1964–1991 гг.) связывается в основном с работой новостроечных экспедиций. Первой такой экспедицией была Днестро-Дунайская эксредиция (ДДЭ) ИА АН УССР. За 8 лет она исследовала несколько десятков курганов в ряде районов Одесской обл. По масштабам и объемам работ полевая практика экспедиции выгодно отличалась от ранее проведенных исследований. Основной ее целью стало планомерное и широкое изучение археологических памятников, попадающих в зону новостроек. В 1964–1972 гг. экспедицией было исследовано 116 курганов с 681 погребением (Шмаглий, Черняков 1970; 1985; Шмаглий, Черняков, Алексеева 1970; 1971; 1971а; Субботин, Загинайло, Шмаглий 1970; Субботин, Шмаглий 1970; Алексеева 1976; Алексеева, Черняков, Шмаглий 1972; Субботин, Черняков 1973; Субботин 1984).

Участие в полевой практике ДДЭ, как и изучение опыта ее работы, стало школой для многих одесских исследователей. В полевую работу включились сотрудники ОАМ, ОГУ и Одесская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры (УООПИК). При музее, ОГУ и УООПИК функционировало несколько экспедиций и отрядов, которые исследовали курганы практически на территории всей Одесской области. Был получен значительный материал, который позволил построить хронологическую шкалу, охватывающую время от энеолита до позднего средневековья (Алексеева 1971; 1973: 252; 1976: 181–182; 1992; Алексеева, Булатович 1990; Алексеева, Охотников, Редина 1997; Ванчугов, Загинайло, Тощев 1976; Доконт 1978; Дзиговский 1981; Гудкова 1978; 1980; Загинайло 1975: 279; Загинайло, Черняков, Петренко 1987; Загинайло, Черняков, Субботин 1973: 281; Зиньковский, Патокова 1978; Патокова 1980; Субботин 1980; 1982; 1984а; 1985; 1995; Субботин, Охотников 1981; Субботин, Черняков, Ядвичук 1976; Тощев 1978: 157–159).

Объем работ по исследованию курганов значительно возрастает с образованием в 1976 г. в Одессе Отдела археологии Северо-Западного Причерноморья ИА АН УССР (ОА СЗП). В первый год создаются две экспедиции: Нижне-Днестровская и Измаильская. Нижне-Днестровская экспедиция в 1976 г. работала под руководством И.Л. Алексеевой (Алексеева 1992; 1994а; Алексеева, Дворянинов, Добролюбский, Кушнир, Чернов 1977; Алексеева, Дворянинов, Чернов 1977; Петренко, Алексеева 1994).

Измаильская экспедиция в 1976 г. работала под руководством Г.Ф. Чеботаренко (Чеботаренко, Черняков, Тощев 1993; Дзиговський 1980). С 1977 по 1984 гг. экспедицию возглавляла А.В. Гудкова (Гудкова 1980; 1981: 241; 1986; Гудкова, Черняков 1981; Добролюбский 1981; 1982; 1985; Гудкова, Новицкий 1981; Гудкова, Фокеев 1984; Андрух, Добролюбский, Тощев 1985; Суничук, Фокеев 1984; Суничук 1985; Черняков, Станко, Гудкова 1986; Андрух, Суничук 1987; Тощев, Сапожников 1990; Тощев, Редина 1991; Гудкова, Охотников, Субботин, Черняков 1991: 66, 70, 99, 119; Фокеев 1991; Тощев 1986; 1992; Гудкова, Тощев, Чеботаренко 1995; Алексеева, Тощев 2009; др. работы).

Существенный вклад в дело охранных исследований археологических памятников внесла Дунай-Днестровская экспедиция. В 1977–1981 и в 1983-1988 гг. ДДЭ работала под руководством Л.В. Субботина, в 1989 и 1990 гг. – А.Н. Дзиговского. Основные работы проводились в районах, связанных со строительством Дунай-Днестровской оросительной системы (Субботин 1983: 322; 1984; 1987; 1988; 1997; 2001; 2003; Субботин, Дзиговский, Майоров 1984; Дворянинов, Дзиговский, Субботин 1985; Дзиговский, Субботин 1986; Тощев, Черняков 1986; Добролюбский, Субботин, Сегеда 1987; Субботин, Петренко 1990; Субботин, Дзиговский, Островерхов, Фокеев 1988; Тощев 1990; Ванчугов, Субботин 1989; 2002; Ванчугов, Субботин, Дзиговский 1990; 1992; Андрух, Чернов 1990; Субботин, Дзиговский 1990; 1991; Андрух, Оанча 1992; Субботин, Островерхов, Охотников, Редина 1992; Субботин, Добролюбский, Тощев 1995; Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995; Субботин, Дзиговский, Островерхов 1998; Редина 1999а; Субботин, Сапожников, Субботин 2001–2002; Субботин, Тощев 2002).

В связи с постоянным увеличением объемов работ в зонах новостроек, необходимо было расширить и археологические исследования. Для этого в 1979 г. при ОА СЗП создается Буго-Днестровская экспедиция. Два первых полевых сезона раскопки курганов велись под руководством И.Л. Алексеевой (Алексеева 1979; 1992; 1996; Гудкова, Охотников, Субботин, Черняков 1991: 42, 46, 92–93). В последующие сезоны БДЭ работала под руководством И.Т. Чернякова (Черняков 1984: 241; 1985: 373; Черняков, Добролюбский 1982; Черняков, Дзиговский, Островерхов, Чернов, Иванова, Солецкий, Агбунов 1983; Черняков, Дзиговский, Ванчугов, Бродяк 1984; Черняков, Дзиговский, Островерхов 1985; Черняков, Дзиговский, Островерхов 1985; Добролюбский, Островерхов 1992; Дзиговський 1995).

Параллельно с этими экспедициями, в 1977–1991 гг. на территории Одесской обл. курганы исследовали и другие организации. В 1977 г. Тарутинской экспедицией ОГУ у пгт Березино было раскопано 4 кургана (Загинайло 1977; Загинайло, Кушнир, Устянский, Фокеев 1978; Алексеева 1992: 55, 56, 58; Субботин 2003: 59, 65, 85, 139, 140). В 1978 г. экспедиция УООПИК провела раскопки кургана на северо-западной окраине Одессы – на территории пос. Шевченко (Диамант, Морозовская, Черняков 1979). В том же году Э.Ф. Патокова и В.Г. Петренко доисследовали разрушенную курганную насыпь на территории пос. Бугаз (Загинайло, Черняков, Петренко 1987: 105). В 1981 г. Орловской экспедицией ОАО исследован курган северо-западнее с. Орловка (Бондарь, Субботин 2000). В 1984 г. отрядом экспедиции ОГУ и ОАМ «Южная-1984» исследован курган у с. Старые Беляры (Петренко 1991а). Буджакской экспедицией УООПИК между с. Новосельское и с. Орловка проведены раскопки 16 курганов на скифском могильнике Дервент (Гудкова, Суничук 1984; Гудкова 1986). Были продолжены и раскопки (начатые в 1983 году ДДЭ) могильника Градешка, раскопано 20 курганов, принадлежавших скифам и сарматам (Гудкова, Суничук 1984; Гудкова 1986: 231; Гудкова, Редина 1999). В 1986 г. сотрудники ОАМ провели охранные раскопки усатовских курганов у с. Маяки (Петренко 1988). В том же году Л.В. Субботин и В.И. Козлов по поручению УООПИК доисследовали разрушенный скифско-сарматский курган в г. Болград (Суботін 1992а), были произведены раскопки кургана эпохи бронзы у с. Великозименово (Петренко, Тощев 1990; Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: 45–56). В 1986–1987 гг. в Ренийском р-не работала новостроечная экспедиция «Газопровод» (Шилов 1987; 1989). В 1987 г. Арцизским экспедиционным отрядом ОАМ раскопано 2 кургана эпохи энеолита – бронзы у с. Павловка (Алексеева 1992: 44, 46; 1994).

В 1990 гг. экспедицией УООПИК проводились раскопки курганных могильников в Ренийском р-не (Фокеев 1990). В том же году на территории Одесской области работали еще три экспедиции. Моложская экспедиция ОАМ раскапывала курган у с. Садовое, а Буджакская экспедиция ИА АН УССР исследовала курган Крестовая могила у с. Подгорное Белгород-Днестровского р-на (Гудкова 1993). Лиманским отрядом ООАЦ (Одесский охранный археологический центр) при УООПИК проведены исследования курганов могильника Зальц у пгт Лиманское Раздельнянского р-на (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005).

В 1991 г. ООАЦ УООПИК организовывает экспедицию для проведения раскопок курганов, входивших в зоны расширения автомобильных дорог. В Раздельнянском р-не исследован курган у с. Щербанка (Бейлекчи 1993). В Ивановском р-не раскопки проводились в двух пунктах. У с. Бараново изучен курган «Солдатская слава». У с. Червонознаменка раскопано 5 курганов могильника Катаржино (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005). В том же году экспедицией «Газопровод» ИА АН Украины в Кодымском р-не проведены раскопки кургана у с. Тимково (Островерхов, Субботин, Субботин 1993; Субботин, Субботин, Островерхов 2000).

Новейший период (с 1992 г.). Ко времени развала СССР и в первые годы становления Украины как самостоятельного государства, в силу объективных и субъективных причин, постоянно действующие археологические новостроечные экспедиции прекращают свое существование. Для исследования разрушающихся объектов создаются небольшие экспедиции. Основными спонсорами и организаторами охранных раскопок становятся ООАЦ, а затем, его преемник – Управление охраны объектов культурного наследия Одесской областной государственной администрации (УООКН).

В 1993 г. экспедицией ООАЦ раскопан курган с основным богатым усатовским погребением у пгт Александровка Ильичевского горсовета (Petrenko, Bejlekchy 2000: 47–49; Субботин 2003: 41, 44, 45, 51, 52, 60, 135). В 1995 г. Буджакской экспедицией УООК исследовано 2 кургана в урочище Кале севернее пгт Суворово (Фокеев, Щукин, Руссев 1995; Гудкова, Рандсборг, Руссев, Фокеев 1999). В 1996 г. экспедицией УООКН проведены раскопки кургана около с. Новая Долина (Петренко, Островерхов, Сапожников 2002). В 1997 г. И.Т. Черняков (Украинский благотворительный фонд «Трипілля») раскопал Аккембетский курган («Попова Могила») у пгт Затока (Черняков 2004). В 1999–2000 гг. Моложской экспедицией ОАМ и УООКН проведены раскопки кургана на территории с. Молога. Большинство погребений принадлежало усатовской культуре (Малюкевич, Субботин 2002). В 2003 г. при отделе археологии Северо-Западного Причерноморья для проведения охранных раскопок курганов в зоне реконструкции автомагистрали Киев-Одесса была возобновлена деятельность Буго-Днестровский АЭ. Работы велись в Ширяевском, Николаевском и Савранском р-нах. Раскопано 4 кургана (Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005). В 2004 г. Моложская экспедиция ОАМ провела раскопки кургана южнее с. Молога. Выявлено 165 погребений, в т.ч. ямной и сабатиновской культур, скифов и, в основном, ногайцев XVI–XVII вв. (Малюкевич, Агульников 2005; 2010).

В 2006–2007 гг. Приднестровская экспедиция ОАМ осуществила охранные раскопки курганов в Беляевском р-не. В 2006 г. раскопан курган у г. Беляевка. В 2007 г. исследовался курган у с. Холодная Балка. В том же году Нижнедунайской экспедицией ОАМ в Ренийском р-не исследован курган энеолита – бронзы у с. Орловка. В 2008 и 2010 гг. отрядом Белгород-Тирской экспедиции ИА НАНУ прове-

дены охранные раскопки в Коминтерновском р-не. В 2008 г. исследования велись на могильнике у с. Вапнярка. Раскопано 4 кургана с 26 погребениями, в т.ч. энеолита, ямной и катакомбной культур, КМК и скифов (Иванова, Ветчинникова 2009; Савельев, Остапенко 2009). В 2010 г. раскопан курган у с. Сычавка.

Несмотря на значительные материальные и организационные трудности, в период с 1992 по 2010 гг. на территории Одесской области различными учреждениями продолжались и работы по картографированию археологических памятников, в том числе и курганов (Смольянінова, Островерхов, Кушнір 1996; Дзиговський, Самойлова, Смольянінова, Ванчугов 2003).

Таким образом, судя по статистическим подсчетам, со времени раскопок А.С. Уварова начала 50-х гг. XIX века по 2010 г. включительно, на территории современной Одесской обл. было научно исследовано около 990 курганов и около 5100 курганных погребений. Из этого числа 94% курганов и 97% погребений раскопано за 87 последних лет (начиная от раскопок Трифильева возле с. Усатово в 1923 г.). В их изучении активное участие принимали многие опытные специалисты различных научных учреждений, вузов и охранных краеведческих организаций Москвы и Киева, но ведущее место в этом процессе принадлежит археологам, работавшим и работающим в различных научных учреждениях г. Одессы.

ЖИВОТНОВОДСТВО И ОХОТА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

При раскопках археологических объектов различного рода зачастую едва ли не самой многочисленной категорией находок являются кости животных. Информация, получаемая при их исследовании, может быть основой для реконструкции древних ландшафтов, палеоэкономики древних обществ и морфологии разводимых животных.

Комплекс остатков материальной культуры из «культурного слоя» будет иметь отличия, порой существенные, от комплекса остатков так называемой «живой культуры», и это в первую очередь касается костей животных. Процесс их попадания в культурный слой является многоступенчатым и избирательным, также как процесс фиксации, извлечения и исследования (Секерская 2001–2002). Тем не менее, археозоологические материалы являются одним из основных источников для изучения экономики древних обществ, хотя все еще по-прежнему дискуссионными остаются методики, используемые для их анализа.

Популярное направление изучения морфологии костей животных и статистической обработки их промеров не исчерпывает всего многообразия информации, содержащейся в этой категории материала. Безусловно, их использование в комплексе с данными археоботаники, этнологии и в ряде случаев – письменных источников приводит к более полным реконструкциям. И все же, несмотря на то, что после постановки ряда проблем археозоологических исследований прошло более чем полувека, кости животных как исторический источник продолжают оставаться для многих исследователей ничтожным объектом. В некоторых случаях они вообще не собираются, либо исследователи ограничиваются списком-перечнем видов животных с указанием количества костей каждого без какого-либо их дальнейшего анализа.

Систематическое исследование археозоологических материалов из памятников Северо-Западного Причерноморья началось во второй половине XX ст. и связано, прежде всего, с именами И.Г. Пидопличко (Пидопличко 1940), В.А. Топачевского (Топачевский 1956), В.И. Цалкина (Цалкин 1967; 1970), В.И. Бибиковой (Бибикова 1978), Н.Г. Белан (Бибикова, Белан 1979), О.П. Журавлева (Журавлев 1983; Журавльов, Котова 1996) и других. Благодаря их работам во многом прояснилась картина скотоводства и охотничьей деятельности отдельных групп древнего населения на юге современной Украины, были выявлены морфологические особенности разводимых животных, но получение целостной картины развития палеоэкономики древних обществ, ее локальной вариабельности и временных изменений все еще остается нерешенной задачей.

Предметом обсуждения данного раздела является обобщение археозоологических материалов из памятников эпохи энеолита – раннего железного века Северо-Западного Причерноморья.

Уже в эпоху неолита на территории современной Украины начало распространяться производящее хозяйство, причем этот процесс мог развиваться двумя путями – как путем заимствования опыта доместикации от населения соседних терри-

торий, так и в ходе миграций отдельных групп людей. В степной зоне производящая экономика, скорее всего, могла возникнуть комбинированным путем – основная часть новаций была заимствована, но могли быть и отдельные местные элементы. Территория современной Украины не входила в число первичных очагов возникновения скотоводства просто потому, что здесь не обитали пригодные для одомашнивания дикие виды животных, прежде всего такие, как овца и коза. Ранняя доместикация последних фиксируется по материалам неолитического времени Передней Азии (Шнирельман 1980: 46, 56). Возможно, что и водившийся на территории Украины дикий бык тур не был одомашнен местным населением, а крупный рогатый скот был получен извне. Исключение могут составлять свинья и лошадь – виды, которые вполне могли быть одомашнены на территории Северного Причерноморья.

Особенно спорной является проблема одомашнивания лошади. Еще недавно считалось доказанным, что дикие кони были одомашнены в северопричерноморских степях в середине IV тысячелетия до н. э., но сегодня эта точка зрения считается устаревшей и пересматривается. Хотя в отечественной литературе последних десятилетий активно отстаивается гипотеза о доместикации коня в неолите (Журавльов, Котова 1996), она все еще остается скорее принимаемой условностью, чем доказанным фактом, имевшим место в исторической реальности. Значительное удревнение даты появления домашней лошади – до VI тысячелетия до н. э. – и одомашнивание ее племенами буго-днестровской культуры нельзя считать окончательно установленными. Очевидно, что какая-то форма лошади, очень близкая по ряду промеров и пропорций к верхнеплейстоценовой широкопалой существовала на юго-западе, в районе Нижнего Дуная (Секерская 2010: 140, 141). Однако вопрос, можно ли ее считать домашней, остается открытым.

Единственное, в чем не приходится сомневаться, это то, что население эпохи неолита не обеспечивало себя мясной пищей только за счет животноводства и продолжало интенсивно заниматься охотой и рыболовством.

Эпоха энеолита. Картина животноводства и охоты эпохи энеолита представляется более ясной. Среди памятников эпохи энеолита в регионе выделяются памятники культуры Гумельница, вариант Болград-Алдени (Озерное и Болград), культуры Чернавода (Картал), а также поселения усатовской культуры (Усатово и Маяки).

Кости животных из памятников культуры Гумельница были исследованы В.И. Цалкиным, который отметил незначительное количество костных останков представителей дикой фауны и ограниченное значение охоты в жизни гумельницкого населения Северо-Западного Причерноморья (Цалкин 1967: 43–45). Носители этой культуры были, несомненно, животноводами, разводившими крупный и мелкий рогатый скот, свиней и, по мнению В.И. Цалкина, лошадей. Разводимая порода крупного рогатого скота была не очень крупной. В материалах поселения Болград зафиксирована кость вола, что свидетельствует об использовании крупного рогатого скота как тягловой силы. Основываясь на данных состава стада, В.И. Цалкин пришел к выводам о своеобразии животноводства носителей культуры Гумельница, выражающемся в содержании значительного количестве мелкого рогатого скота, высоком проценте лошадей и относительной малочисленности свиней. В.И. Цалкин отмечал степной характер животноводства обитателей гумельницких поселений, причем не последнюю роль в этом играл, по его мнению, высокий процент лошади, которую он считал домашней. Факт наличия в коллекции костей в основ-

ном молодых особей крупного рогатого скота, овец и коз был истолкован В.И. Цалкиным как преимущественное использование в пищу молодых особей, характерное для гумельницкого населения Северо-Западного Причерноморья в отличие от других поселений неолита – раннего энеолита Юго-Восточной Европы. Заметим, что данные В.И. Цалкина могут отражать ярко выраженную мясную направленность животноводства гумельничан. Возможно также употребление собачьего мяса – древние обитатели Европы использовали собак в пищу вплоть до эпохи бронзы.

Характеризуя животноводство энеолитического населения Картала нужно отметить высокое содержание мелкого рогатого скота (в основном – овец) при относительно небольшом содержании свиней. Подобная картина была характерна и для поселения Озерное на левобережье Нижнего Дуная (Цалкин 1967: 47–48). В Озерном и в Болграде также отмечено небольшое количество свиней.

В период позднего энеолита (по материалам Картала) охота уступала животноводству. Так, количество особей домашних животных достигает 86,7%, а диких составляет 13,3%. Тем не менее, охота имела характер промысла, обеспечивающего существенный процент мясной пищи. Охота на птиц, судя по малочисленности их костей, почти не практиковалась, зато хорошо развито было рыболовство. Всего найдено 1175 костей различных видов рыб, среди которых можно отметить довольно крупных сомов, осетровых (осетра или севрюги), судака, карася серебристого и крупных карпов. Возможно, употреблялись в пищу двустворчатые пресноводные моллюски *Unio* и моллюски *Helix*. Хозяйственное значение объектов охотничьего промысла в Картале также было различным: на одних охотились только ради ценной шкурки (куница, перевязка, лиса), а другие (заяц, бобр, барсук и медведь) употреблялись в пищу. Мелкие пушные звери могли добываться с помощью как активных, так и пассивных (при помощи различных приспособлений – ловушек) приемов охоты. Очевидно, добыча и пушных, и мясных зверей определялась знанием их образа жизни, этологии и особенностей питания. Охотничью добычу, за исключением пушных зверей, приносили на поселение, где происходила ее утилизация.

Охотничий промысел обеспечивал население мясной пищей только на 24,16%. Среди домашних видов наибольшее количество мяса получали от крупного рогатого скота (61,75), на втором месте находятся овцы и козы (30,6%), за ними идут свинья (4%) и собака (3,7%). Среди диких животных по количеству получаемого мяса на первом месте находится тур (52,6%), следом за ним располагаются благородный олень (24,6%) и лошадь (17,5%). От медведя получали 4,9%, а от косули – всего 0,4% мяса (Секерская 2010: 152).

Укрепленный характер Картала, существование долговременных жилищ, значительное количество костей животных и других остатков хозяйственной деятельности жителей этого поселения не оставляет сомнения в том, что они вели оседлый образ жизни и занимались земледельческо-скотоводческим хозяйством.

Экстенсивное земледелие в Картале сочеталось с животноводством. Последнее, вероятно, носило пастушеский характер. Основой животноводства было разведение мелкого рогатого скота, с явным преобладанием овец. Распределение исследованных нижних челюстей овец по возрасту показывает, что основная масса животных забивалась в период с ноября по март, с одним явным пиком в феврале. Это может указывать на недостаток кормов в зимний период. Минимальным убой был в период с мая по октябрь – время, наиболее благоприятное для выпаса скота на пастбищах.

Тем не менее, основную часть мясной продукции (а также молоко) получали от крупного рогатого скота. Хотя кости волов не зафиксированы, нельзя отвергать использование тягловой силы этого вида. Разведение свиней не играло большой роли. В территориально близких поселениях культуры Гумельница – Болград и Озерное свиньи среди домашних видов занимали третье место. Среди энеолитических местонахождений Болгарии по соотношению костей домашних (82,35%) и диких (17,65%) животных ближе к Карталу находится Езеро. Значительное число мелкого рогатого скота (35,71%) среди поголовья домашних видов отмечено только для поселения Криводол-Тепето, но там преобладают свиньи (46,43%) (Василев 1982: 306–308). Возможно, в таком особенном составе стада разводимых жителями Картала животных сказывается скорее традиция юго-западного импульса, так как экологические условия Нижнего Подунавья вполне благоприятны как для разведения свиней, так и крупного рогатого скота.

Наличие значительного количества овец предполагает, что их могли выпасать в непосредственной близости от поселения, перегоняя с пастбища на пастбище по мере их истощения, а в ночное время содержать во временных укрытиях. Крупный рогатый скот ночью могли содержать на территории поселения. В условиях отсутствия снегового покрова поголовье домашних животных могло содержаться на круглогодичном выпасе.

Малочисленность лошади также, по-видимому, является характерной чертой местонахождений эпохи энеолита на юго-западе степной зоны. В.Василев отмечает, что кости лошади являются очень редкой находкой в праисторических местонахождениях Болгарии и, следовательно, она не имела хозяйственного значения (Василев 1982: 308). По совокупности полученных данных лошадь из Картала можно рассматривать скорее как дикую форму.

Усатовская культура. Период рубежа энеолита-бронзы представлен в регионе памятниками Усатово и Маяки. Материалы Усатовского поселения изучались А.А. Браунером, И.Г. Пидопличко и В.И. Бибиковой, материалы Маяк – В.И. Бибиковой и Е.П. Секерской. Абсолютное большинство костей животных на обоих памятниках принадлежит домашним видам. Несмотря на принадлежность Маяк и Усатово к одной культуре, их археозоологические материалы демонстрируют некоторые расхождения. Так, в Усатово основную часть поголовья домашних животных составлял мелкий рогатый скот – 47,2%, в Маяках также лидируют овцы и козы – 68% по данным В.Г. Збеновича (Збенович 1974: 115) и 73,7% по нашим данным (Секерская 1989: 132). Данные возрастного анализа поголовья крупного и мелкого рогатого скота из Маяк свидетельствуют о мясомолочном направлении разведения первого и, возможно, преобладании мясной направленности в разведении овец. Население Усатово разводило больше крупного рогатого скота и содержало свиней в небольшом количестве – всего 2,7% стада домашних животных (Збенович 1974: 113), тогда как в Маяках свиньи не зафиксированы. Количество лошадей было примерно одинаковым. В Маяках лошадь определена как домашняя, и ее больше, чем в Картале – 319 костей (около 6% от общего количества костей млекопитающих), происходящих минимально от 35 особей (соответственно 9,9% всех особей млекопитающих животных). Одним из аргументов принадлежности костных останков маякской лошади именно домашней форме, на наш взгляд, может служить достаточно большой процент особей, забитых неполовозрелыми – 24,2% (Секерская 1989: 132).

Безусловно, состав стада усатовцев отражает экологические особенности региона их обитания: свинья малочисленна, мелкий рогатый скот с преобладанием овец составляет большинство особей стада домашних животных.

Достаточно распространена была и охота. Так, дикие животные составляют 8,8% особей от общего числа млекопитающих в Усатово (Патокова 1979: 148) и, по данным разных авторов от 11,6% (Секерская 1989: 131) до 15,2% (Патокова 1979: 148) в Маяках. Обращает на себя внимание и различный видовой спектр охотничьих видов. В Усатово это в основном кулан и благородный олень. Также охотились на сайгу, косулю и кабана. Из пушных видов встречены кости лисицы и волка, из мясо-пушных – зайца и бобра. В Маяках же определены кости тура, благородного оленя и дикого осла. Кроме того, по данным В.И. Бибиковой среди охотничьей добычи встречены кости рыси, льва и степной кошки. Из других животных определены лисица обыкновенная и корсак, хорек, барсук и заяц.

Таким образом, основу экономики усатовской культуры составляли земледелие и развитое животноводство, практиковались также охота и рыбная ловля.

В целом, население эпохи энеолита вело оседлый образ жизни, занимаясь земледелием, животноводством и охотой. Разводили в основном мелкий и крупный рогатый скот, свиней, а в конце энеолита – и лошадей. Локальные отличия в составе стада наблюдаются уже по материалам из памятников культуры Гумельница и сохраняются вплоть до финальной стадии энеолита, причем часто фиксируются не только на однокультурных памятниках, но и достаточно близких территориально (например, Усатово и Маяки). Вполне вероятно, что ситуация локальной вариабельности животноводческой деятельности и охоты энеолитического населения юго-запада современной территории Украины, выявляемая по археозоологическим материалам, имела место в действительности и связана с рядом факторов. Прежде всего, это влияние окружающей среды и культурные традиции, с одной стороны, и инокультурные импульсы – с другой.

Эпоха поздней бронзы. Отсутствие стационарных памятников не позволяет сколько-нибудь полно охарактеризовать животноводство населения Северо-Западного Причерноморья на протяжении большей части эпохи бронзы.

К эпохе поздней бронзы в данном регионе относится значительное число памятников, но только небольшая их часть изучена археозоологически. К числу последних относятся поселения Вороновка II, Анатольевка, Довжанка IV, Ялпуг IV, Приозерное I, Старое Бугово.

Исследование костей животных из поселений сабатиновской и белозерской культуры показало, что большинство их принадлежит крупному рогатому скоту. Его разведение могло иметь мясомолочную направленность (Вороновка II), о чем свидетельствует отсутствие особей, забитых в течение первых 6 месяцев жизни при количестве особей, забитых до достижения половозрелости (2,5–3 лет) равном 35,1%. Стадо крупного рогатого скота Вороновки II насчитывало около 70% коров, 20% быков и 10% волов. Высота животных в холке в целом укладывается в пределы изменчивости, приводимые В.И. Цалкиным для памятников эпохи поздней бронзы Юго-Восточной Европы (Цалкин 1972: 61), хотя скот из Вороновки II имеет более высокие минимальные значения этого показателя.

Среди мелкого рогатого скота на всех памятниках отмечается преобладание овец, основная часть которых забивались по достижении 2 и более лет. Овцы из Вороновки II принадлежали к достаточно крупной породе, чей рост лежал в диапа-

зоне 65,8–78,2 см. Убой животных производился практически круглогодично. По материалам этого памятника можно отметить тенденцию незначительного увеличения количества забиваемых животных для начала осени, зимы и в первые весенние месяцы. Содержание значительного поголовья взрослых особей крупного и мелкого рогатого скота может свидетельствовать в пользу хорошей кормовой базы животноводства.

Поголовье лошадей достаточно велико, причем забивались как молодые, так и взрослые особи этого вида. По данным возрастного анализа костей лошадей можно заключить, что половозрелые животные составляют 53,2%, всего поголовья, а в течение первого года жизни забивали 12,8% особей. Таким образом, мясо лошадей также интенсивно использовали в пищу. Лошади, разводимые населением Вороновки II, были тонконогими, полутонконогими и относительно высокими, достигая в холке 130,5–143,8см, (в среднем – 138,1 см). Значительное количество лошадей в Вороновке II наряду с преобладанием крупного рогатого скота может быть показателем тенденции увеличения значения коней и расширения спектра их хозяйственного применения в рамках прежнего образа жизни.

Кости свиньи обнаружены в незначительном количестве в материалах таких памятников, как Приозерное I, Ялпуг IV, Старое Бугово, Довжанка IV и не зафиксированы в Вороновке II, невзирая на значительное количество просмотренного материала (3402 кости различных видов животных). Интересно, что в Антольевке, близкой к Вороновке II и хронологически и территориально, по данным В.И. Цалкина, свинью разводили. Кости собак обычно встречаются в небольшом количестве и принадлежат в основном взрослым особям.

Характеризуя животноводство населения сабатиновской культуры, можно говорить о безусловном преобладании в стаде крупного рогатого скота. Вторым по значимости видом для памятников, по крайней мере, Буго-Днестровского междуречья, была лошадь. Мелкий рогатый скот занимал третье место. Безусловно, что на средней и поздней стадиях сабатиновской культуры можно отметить локальные отличия в составе стада домашних животных.

Выборка археозоологических материалов белозерского времени значительно меньше и недостаточна для сколько-нибудь категоричных выводов. Крупный рогатый скот на белозерских поселениях по-прежнему занимает первую позицию, а количество мелкого рогатого скота и лошади варьирует на различных памятниках в значительных пределах. По-прежнему, среди разводимых животных присутствует свинья. Можно указать на тенденцию к увеличению количества лошадей и уменьшению количества мелкого рогатого скота, впрочем, достаточно слабую. Так, в Змиевке и Ялпуге IV хорошо заметно увеличение поголовья лошадей (тем не менее, оно меньше, чем в позднесабатиновских Вороновке II и Анатольевке). Таким образом, на материалах отдельных позднесабатиновских памятников эта тенденция выражена намного более ярко. Данные факты несколько не вписываются в концепцию переориентации скотоводства в белозерское время на животных, приспособленных к перегонам на большие расстояния. Вообще, коллекция костей животных из памятников белозерской культуры демонстрирует большую однородность по составу стада, чем коллекция сабатиновского времени. Вероятно, следует учитывать особенности ландшафтной ситуации и культурные влияния. Например, в Приозерном I количество лошадей меньшее, чем обычно на белозерских памятниках, но археозоологическая выборка здесь мала.

В целом, для исследованных поселений следует отметить наличие хорошей кормовой базы животноводства, развитие мясомолочного его направления и незначительную роль охоты и рыболовства.

Эпоха раннего железа. Среди коллекций раннего железного века следует отметить материалы из скифских погребений, памятников фракийского гальштата, гетских и античных (греческих) поселений и городищ. Хронологически близкими скифским памятникам Нижнего Подунавья являются гетские поселения, некоторые из них исследованы археозоологически, в том числе поселения Новосельское II и Новая Некрасовка II.

На поселении Новосельское II выделено два культурных слоя, относящиеся к эпохам среднего гальштата и позднегетского времени. Для обоих периодов существования памятника характерна скотоводческо-охотничья деятельность и рыболовство (Секерская 2001). Значение охоты для хозяйства было намного меньшим, чем скотоводства. Охота имела мясное направление, но добывали также мясо-пушных и пушных животных. В небольших количествах добывали птиц. В стаде гальштатского периода существования поселения преобладал крупный рогатый скот (28,7% особей всех домашних животных), второе место занимала свинья (26,5%), третье – мелкий рогатый скот (25,3%), четвертое – лошадь (12,6%) и на последнем месте по числу особей находилась собака (6,95). Хотя кости собак найдены в достаточно большом количестве, на них не найдено следов разделки туш. Соотношение молодых и взрослых особей крупного рогатого скота и овец позволяет сделать вывод о мясомолочном направлении разведения этих животных. Подавляющее большинство свиней (60% по данным 1988/89 гг. и 72,7% по данным 1997/99 гг.) забивалось в молодом возрасте.

Данные о составе стада хорошо согласуются с данными палинологического анализа, свидетельствующими о максимальном увеличении количества древесных пород (до 40–45%) в среднегальштатское время и уменьшение их до 15% в позднегетский период (Волонтир 1989: 95–96).

Материалы раннегетской Новой Некрасовки II демонстрируют незначительное преобладание (29,5% особей) мелкого рогатого скота. При небольшом объеме выборки (237 фрагментов костей минимально от 17 особей животных) можно констатировать, что население содержало крупный рогатый скот, овец, коз, свиней и лошадей, причем наименьшее значение придавали разведению свиней. Следующие за овцами и козами места занимают крупный рогатый скот (23,5%), лошадь (17,6%), собака (17,6%) и свинья (11,8%). Кроме домашних животных найдены кости рыб и скелет черепахи.

В слое позднегетского времени на поселении Новосельское II лидирующая роль принадлежит крупному рогатому скоту (27%), за которым идут лошадь (22,2%), мелкий рогатый скот (20,6%), собака (15,9%) и свинья (14,3%). Среди лошадей отмечены особи, использующиеся как в качестве ездовых, так и в качестве тягловой силы. Мясо лошадей использовали в пищу – до достижения половозрелости забивали 42,8% всех особей. Однако часть костей этого вида не входит в категорию так называемых кухонных остатков и была обнаружена в комплексах, которые, предположительно, являются захоронениями. Разведение крупного и мелкого рогатого скота по данным возрастного анализа, имело, скорее всего, мясомолочную направленность.

Исходя из имеющихся данных очевидно, что виды домашних животных в стаде позднегетского населения распределяются примерно в одинаковых частях.

Возможно, что это свидетельствует об их равном значении в хозяйстве. По сравнению с более ранними периодами возрастает роль свиней, хотя их по-прежнему меньше, чем других домашних животных. Охотничий промысел ориентировался на добычу копытных животных. Значение охоты в позднегетское время возрастает по сравнению с периодом среднего гальштата. Кроме того, практиковались – охота на птиц и занятия рыболовством. Таким образом, население Левобережного Дуная позднегетского периода использовало, как и в предыдущие эпохи, все имеющиеся пищевые ресурсы региона.

Могильники скифской культуры расположены в низовьях степных рек и в местах переправ через такие крупные реки как Дунай и Днестр. К сожалению, среди громадного количества изученных погребений скифской культуры археозоологически изучены только отдельные погребения и могильники. Прежде всего, к ним относятся такие памятники как Плавни I, Курчи, Дервент, Кугурлуй, Мреснота Могила, Градешка, Дивизия и Кубей. Материалы погребений обычно распределяются по трем категориям: изделия из кости; остатки напутственной пищи; и животные, погребенные вместе с хозяевами. В целом, в перечисленных погребальных памятниках выделено 48 погребений с напутственной пищей и 4 – с погребениями животных, сопровождавших хозяев. Еще два погребения содержали остатки тризн. Анализируя данные о видовом составе животных, используемых в качестве напутственной пищи, очевидно, что основную ее часть составляли части туш крупного рогатого скота (54,3%), несколько реже использовали мясо лошадей (31,4%), а овцы использовались еще реже (14,3%). Эти данные отличаются от скифских погребальных памятников, расположенных восточнее – в Николаевской, Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областях (Гаврилюк 1987: 23; 1989: 33). Учитывая, что изученные погребения принадлежали рядовому населению, можно говорить о возможном переходе к ведению полукочевого хозяйства и изменении, таким образом, видового состава стада в пользу увеличения поголовья крупного рогатого скота (Андрух, Сєкерська 1999: 115– 116). Очевидно, население стремилось как можно полнее использовать природные ресурсы региона.

Среди животных, сопровождающих хозяев, отметим помещенных в погребения мелких и малорослых по классификации В.О. Витта (Витт 1952: 172–173), лошадей (3 погребения) и собак (4 погребения).

Памятники античного времени. Археозоологический материал, происходящий из памятников античного периода территории Северо-Западного Причерноморья достаточно обширен. Можно отметить особенно большие коллекции, происходящие из Никония, Тиры, поселений их хоры, а также Надлиманского и Кошарского городищ.

Достаточно информативна коллекция костей античного времени из Тиры. В материалах, относящихся к периоду IV в. до н. э. зафиксированы остатки лошади, крупного рогатого скота, овцы, козы, свиньи и собаки. Среди диких животных определены кости благородного оленя и кабана.

Наибольшее количество остатков найдено при исследовании слоя и комплексов эллинистического времени. Большинство костей принадлежит крупному рогатому скоту, за которым следует мелкий рогатый скот, лошадь, собака, свинья и осёл. По минимальному количеству особей виды распределяются следующим образом: мелкий рогатый скот (43,9%), крупный рогатый скот (28,3%), свинья (16,1%), лошадь (11,2%), осел (0,5%). Интересен факт наличия в археозоологической коллекции эпохи

эллинизма костей осла. Этот вид зафиксирован также в материалах из Ольвии и поселений ее хоры, Неаполя Скифского, Пантикапея и других памятников Крыма (Цалкин 1960). Осел был обнаружен также на Кошарском поселении (Секерская 1994). Это опровергает мнение Ш. Бекени о появлении этого вида на территории Северо-Западного Причерноморья только в римскую эпоху (Bökönyi 1974).

Среди диких видов животных в эллинистических слоях Тиры найдены кости благородного оленя, косули, кабана, бобра, зайца и лисицы. Они представлены незначительным числом экземпляров и могут свидетельствовать о второстепенном значении охотничьего промысла. Кости диких копытных животных чаще встречены в заполнении помещений. Возможно, население жилых кварталов эллинистического периода занималось охотой не ради получения необходимого питания, а для развлечения. В пищу употребляли также мясо бобра и зайца. Вполне вероятна охота и на пушных зверей – лисицу, волка и мелких хищников, но их тушки, как правило, охотники оставляют на месте убоя животного. Видовой состав охотничьих видов указывает на наличие в античное время в районе Тиры плавневых и приречных лесов.

В коллекции присутствуют кости болотной черепахи. Среди рыб особенно часто встречаются кости осетровых, сома, судака и щуки. Из моллюсков определены мидии, устрицы и улитка *Helix*.

В римское время обитатели Тиры также занимались скотоводством и охотились. Однако, как уже отмечалось, количественный состав стада животных в этот период несколько изменился. В стаде домашних животных этого времени преобладают особи крупного рогатого скота (42,3%). Затем следуют мелкий рогатый скот (26,9%), свинья (21,2%) и лошадь (9,6%). Есть в материалах и кости собак, птиц и рыб. Из охотничьей добычи были определены бобр и лиса.

Таким образом, для периодов IV и III–II вв. до н.э., в целом, можно говорить о преобладании в стаде домашних животных мелкого рогатого скота. Следующее место занимает крупный рогатый скот, за которым следует лошадь. В первые века нашей эры преобладало разведение крупного рогатого скота и, кроме того, в материалах римского времени наблюдается возрастание количества особей свиней относительно других видов домашних животных.

Изучение археозоологических материалов из Никония привело к аналогичным результатам. На протяжении всего периода существования города прослеживается определенная динамика животноводства. Так, лошади представлены наименьшим количеством особей (9,5%) в эпоху архаики. В классическое время их количество несколько увеличивается (12,1%) и остается приблизительно на таком же уровне в раннеэллинистический период (12,5%). Максимального значения – 16,9% – показатель численности особей лошади достигает в первые века нашей эры. В это время лошадь использовалась как для получения первичной (мясо), так и вторичной (тягловая сила, шкура, кость) продукции. Кости лошади в римских слоях Никония несут характерные для разделки туш следы и относятся к кухонным остаткам. Лошадь в это время давала почти в три раза больше мясной продукции, чем мелкий рогатый скот. Следует отметить, что высота в холке особей, найденных непосредственно на городище, варьирует в пределах 128,1 – 140,7 см. Рост лошадей из некрополя в некоторых случаях (погребения №№ 10, 14, 36) превышает соответствующие показатели животных, найденных на городище. Он варьирует от 142,6 до 145,1 см, что, вероятно, отражает специфику использования данных особей под седло.

В римское время население Никония также предпочитало разводить крупный рогатый скот, а овцы и козы занимали в стаде разводимых животных второе место. Численность крупного рогатого скота достигает своего пика в римское время (38%), значительно в меньших количествах его разводили в архаический (21,0%), классический (28,9%) и раненэллинистический (25,0%) периоды. Этот вид давал основную часть мясной пищи. Крупный рогатый скот преобладал в стаде домашних животных только в римское время, в остальные эпохи он занимал второе место.

Максимальное количество особей овец и коз отмечается в слоях архаического и раннеэллинистического времени (соответственно 48,4 и 50,0%), несколько меньше – 41,6% – в слоях классического. И, наконец, значительно уменьшается содержание овец и коз в римское время (31,7% особей). Данные возрастного анализа свидетельствуют о тенденции увеличения возраста забиваемых взрослыми особей в первые века нашей эры до 62,5% по сравнению с 54,3% в архаический период, что может свидетельствовать об увеличении использования вторичной продукции мелкого рогатого скота.

Количество свиней было небольшим и примерно одинаковым в классический и раннеэллинистический периоды (6,0 и 6,3%). Максимальное число особей свиньи зафиксировано в архаическое время – 11,6%, (причина, возможно, лежит в особенности экологических условий Нижнего Поднестровья). В первые века свиней содержали меньше, чем в архаическое время, но больше, чем в другие периоды истории Никония. Таким образом, тенденция увеличения поголовья свиней, безусловно, относится к специфике животноводства в римский период существования античных памятников Северо-Западного Причерноморья.

Количество собак достигало максимальных значений (11,6%) в классическое время, что, очевидно, следует связывать с проживанием в городе негреческого (фракийского) населения, употреблявшего собачье мясо в пищу. Минимальной (5,6%) численность собак была в римскую эпоху. Очевидно, традиция употребления мяса собак в пищу к этому времени осталась в прошлом.

Население Никония занималось охотой, значение которой возрастает от периода архаики (3,1% всех особей) к раннеэллинистическому периоду (11,1%). Интересно, что в коллекции римского времени кости диких видов животных не зафиксированы. Однако в близкой территориально и хронологически к Никонию Мологе II они присутствуют, в том числе кости таких относительно редких в материалах из памятников Северо-Западного Причерноморья видов как сайга и кулан. В целом, для греческих поселений Нижнего Поднестровья VI – III также отмечено небольшое количество костей диких видов животных (Секерская: 1989а). Самой интересной находкой из дикой фауны Никония является верхний клык крупной кошки, скорее всего льва, обнаруженный в комплексе раннеэллинистического времени. Значительное количество рыбьих костей и чешуи свидетельствует о немаловажной роли рыболовства.

Анализ археозоологических материалов античных поселений Одесского залива Жевахова гора, Приморский бульвар и Лузановка позволяет удостовериться в доминировании среди домашних животных мелких полорогих (овец и коз). В греческих поселениях Северного Причерноморья овцы и козы были наиболее многочисленными разводимыми животными. Именно они составляли основу рациона населения. Кроме того, греки использовали и вторичную продукцию разведения овец и коз – молоко, шерсть, шкуры и кости. Крупный рогатый скот занимает второе место, что также характерно для греческих полисов Северного Причерноморья.

Количество костей лошади варьирует достаточно широко, но ближе к обычным данные из местонахождения на Приморском бульваре. Кости свиньи немногочисленны и не превышают показатели для основной массы греческих поселений региона.

Не составляет исключения по распределению домашних видов животных в стаде еще один памятник – Надлиманское городище (Секерская 2012). Основными разводимыми здесь видами также были овцы и козы. Кости мелкого рогатого скота, в отличие от других античных памятников Северо-Западного Причерноморья, составляют всего 27,6% от общего количества костей всех домашних животных. Козы составляли примерно 12,8 % от числа особей мелкого рогатого скота. Большую часть особей (до 60%) забивали до достижения 2 лет, что является обычной практикой в случае использования животных в пищу. Все кости коз принадлежали взрослым особям.

Остатки крупного рогатого скота занимают первое место по количеству костей и второе – по числу особей всех домашних животных (соответственно 43,2 и 30,2%). По своим размерам скот из Надлиманского городища не выходил за пределы изменчивости высоты крупного рогатого скота из памятников раннего железного века Северного Причерноморья. Определение возраста животных по зубам показывает, что только 16,3% животных были забиты молодыми. Возможно, это следует связать с производством и потреблением большого количества молока и молочных продуктов обитателями Надлиманского городища.

Кости свиней малочисленны, как это обычно фиксируется на многих памятниках. Среди костей всех домашних животных кости свиньи составляют всего 5,6%, особи – 9,8%. Молодые животные составляют около 65% от общего числа особей данного вида. Очевидно, свинья использовалась в пищу в молодом возрасте, в основном до достижения полутора лет. Показатели количества свиньи, таким образом, также несколько больше, чем на таких античных памятниках как Ольвия и поселения ее хоры, и ближе к показателям в Никонии (Секерская 1997: 62). Возможно, что экологическая ситуация вокруг Надлиманского, в частности, и Нижнего Поднестровья, в целом, в большей мере способствовала содержанию данного вида животных. Безусловно, следует учитывать также этнический состав обитателей городища.

Лошади находятся на третьем месте после мелкого и крупного рогатого скота по количеству костей и минимальному количеству особей – соответственно 18,6% и 20% общего количества костей и особей домашних животных. Эти данные больше, чем для Никония классического времени (Секерская 1997: 61) и почти вдвое превышают аналогичные показатели для Ольвии (Журавлев 1983: 83). При этом молодые особи составляют всего 9,4% от общего поголовья лошадей. Активное использование мяса лошади отмечалось на скифских городищах, например, на Трахтемировском (Белан 1982: 63). Такое повышенное содержание лошадей и их значение в хозяйстве, вероятно, также можно объяснить присутствием варварского элемента среди населения Надлиманского городища.

Определение индекса ширины опорной пластинки третьей фаланги (копыта), важное для характеристики морфологии лошадей, позволяет предположить, что формирование лошадей из Надлиманского происходило в условиях более влажного, чем в настоящее время, климата. При этом исходная их форма могла быть автохтоном как южнорусских степей, так и полупустынных ландшафтов Азии.

Наименьшим количеством костей (5%) и особей (7,5%) в Надлиманском городище представлены собаки, количество которых не выходит за рамки обычной численности этого вида на памятниках античного времени в Северном Причерноморье. Утилизация костей собак, также как и в материалах из других античных памятников – Никония и Тиры, позволяет заключить, что их мясо использовали в пищу наряду с мясом других видов домашних животных. Основную часть мяса жители Надлиманского городища получали от крупного рогатого скота. Значительное место в рационе занимала конина, тогда как мясо овец и коз занимает только третью позицию. Мясо собак составляло около 1% всей мясной пищи. Поскольку его употребление, очевидно, было традиционным в культуре некоторых народов Северо-Западного Причерноморья, о чем сообщал Секст Эмпирик (Sext Emp., Pyrr. III, 225), то данный случай может объясняться не столько насущной потребностью в животном белке, сколько культурными традициями.

Среди дикой фауны на Надлиманском городище зафиксированы благородный олень, косуля, лисица и заяц – обычные для дикой фауны региона виды. Практиковалось и рыболовство – среди костей рыб можно отметить позвонки сома (*Silurus glanis*), кости судака (*Lucioperca lucioperca*) и глоточные кости коропа (*Cyprinus carpio*).

Таким образом, характерными чертами развития животноводства на Надлиманском городище является небольшое преобладание мелкого рогатого скота над крупным, значительное количество лошади и использование в пищу собак. Конечно, собаку использовали также для охраны домов, стад и охоты. Скотоводство могло носить пастушеский характер, с выпасом в окрестностях городища. Таким образом, обитатели Надлиманского городища обеспечивали себя животной пищей, занимаясь скотоводством. Охота и рыболовство также имели место, хотя, очевидно, практиковались не так интенсивно.

Среди ***памятников I–IV вв. н.э.*** выделяется группа поселений, расположенных в междуречье Дуная и Днестра: Молога II (памятник атрибутирован как позднескифский), Холмское II (группа Этулия), а также поселения черняховской культуры Нагорное II, Нагорное III, Главаны I, Бужорка и Рипа. Изучение костей животных из этих поселений показало, что их население занималось преимущественно животноводством, ориентированным на разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и, в меньшей мере, свиней. Собаки отмечены не на всех памятниках, и это связано как с небольшими объемами просмотренного материала, так и с тем, что собаки не употреблялись в пищу, и их кости не попадали в «кухонные остатки». Характерной особенностью скотоводства населения рассмотренных памятников является преобладание в стаде домашних животных лошадей (17,9%) над свиньями (11,2%). Полученные данные близки к таковым из черняховских поселений лесостепной Молдовы, где относительная численность лошади составляла 15,8% (Цалкин 1964: 29), в то время как в памятниках лесостепной части Правобережной Украины этого времени процент лошадей ниже (9,2%).

Крупный рогатый скот по своим размерам был немного больше, чем в лесостепных памятниках черняховской культуры, и его разведение имело мясомолочную направленность. Значительную часть поголовья овец и коз содержали для получения вторичной продукции, так как животные, забитые взрослыми составляли около 64% поголовья. Лошадей также использовали в пищу – 52,9% особей забивались до достижения 3–3,5 лет, 21,4% – до 1 года. Разводимые животные были в основном, малорослыми, но встречались мелкие и средние по росту особи.

Охота на диких животных, в основном, копытных, птиц и рыболовство имели второстепенное значение. Число диких видов в целом составляет всего 0,5% костей и 2,6% особей. Для памятников черняховской культуры Правобережной Украины Н.Г. Белан также отмечала небольшое значение охоты – 0,6% костей и 3,5% особей (Бєлан 1977: 30 – 31). Среди охотничьих видов следует отметить находки костей сайги, древний ареал которой включал юго-западную часть причерноморских степей, в Мологе II и Главанах I. Кроме того, в Мологе II отмечены кости кулана (Секерская 1999: 28).

Таким образом, животноводство и охотничий промысел являлись немаловажными отраслями хозяйственной деятельности древнего населения Северо-Западного Причерноморья. Их значение в экономике древних обществ и особенности видового состава стада варьируют как в хронологическом и культурном диапазонах, так и в зависимости от конкретных экологических условий.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В МЕЖДУРЕЧЬЕ НИЖНЕГО ДУНАЯ – НИЖНЕГО ДНЕСТРА В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

ГРЕЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Историография вопроса. Изучение денежного обращения Днестро-Дунайского междуречья является важной составляющей реконструкции истории региона в античное время. Анализ монетных находок позволяет восстановить общую картину денежного обращения в междуречье и сопоставить ее с другими областями Северо-Западного Причерноморья. Главными центрами на землях к востоку от левобережья Нижнего Дуная были Тира и Никоний. Основу денежного обращения в этих полисах составляли их собственные эмиссии. Кроме того, в разное время некоторые виды иноземных монет выполняли роль межполисной монеты локального, общепонтийского или общегреческого характера.

На примере Тиры и Никония можно видеть, как нумизматические памятники, их количественный и качественный состав, возможности их интерпретации непосредственно связаны с состоянием археологической изученности города. При этом важным моментом являются не только новые монетные находки, но и весь комплекс вещественных источников, полученный в ходе полевых исследований. Монеты в этом комплексе выступают как одна из важнейших категорий археологических находок благодаря разносторонности заключающейся в них информации.

Рассматривая историографию монетного дела и денежного обращения Тиры, представляется целесообразным обратиться к разработанной в литературе периодизации истории изучения Тиры как археологического памятника в целом (Карышковский, Клейман 1985 : 18–29; Самойлова 2002 : 13–24).

Первый этап, охватывающий XIX век, характеризуется отсутствием раскопок и сбором случайно найденных на территории города и его окрестностей античных древностей.

Второй этап охватывает первую половину XX века. Начинаются раскопки Тиры, продолжается накопление археологических источников, в том числе, нумизматических.

С началом третьего этапа (после окончания Великой Отечественной войны) изменился характер раскопок, которые становятся регулярными и ведутся широкими площадями. Полученный в ходе раскопок разнообразный материал дал возможность реконструировать историю Тиры на протяжении всего периода ее существования.

Составной частью историографии Тиры на всех этапах являлось изучение монетных находок. На раннем этапе изучения Тиры были сформированы первые коллекции тирасских монет, появились первые сведения о находках в Тире иноземных эмиссий и монет Тиры за её пределами. Тем самым были заложены основы для развития нумизматики города.

Особая роль в изучении истории Тиры и её монет принадлежит созданным в Одессе научным учреждениям – Городскому музею древностей (1825 г.), Одесскому обществу истории и древностей (1839 г.) и его музею (1843 г.).

После получения ООИД разрешения проводить раскопки была организована экспедиция под руководством Н.Н. Мурзакевича на о. Левке (Змеиный). В резуль-

тате коллекция музея Общества пополнилась найденными на месте святилища античными монетами, среди которых были и монеты Тиры (Мурзакевич 1853 : 237–238).

Плодотворно работали в области археологии и нумизматики Тиры члены ООИД, в том числе, преподаватели открытого в 1865 г. Новороссийского университета Ф.К. Брун, В.Н. Юргевич, Ф.А. Струве, А.А. Кочубинский, собиравшие и публиковавшие находки в Аккермане (Булатович 2007 : 55).

В Минц-кабинете университета, созданном на базе Минц-кабинета Ришельевского лицея, находились и тирасские эмиссии.

Началом научного изучения монетного дела Тиры можно считать публикации во второй половине XIX столетия собраний монет Тиры, хранившихся в Эрмитаже, в Историческом музее в Москве и музее ООИД (Одесса) (Карышковский, Клейман 1985: 20). Была создана база данных, позволившая в дальнейшем выделению нумизматики Тиры как самостоятельного направления в исследовании монетного дела античных городов Северного Причерноморья.

Второй этап открывается раскопками Тиры, которые вплоть до 40-х гг. XX столетия носили эпизодический характер. В 1900, 1903 и 1912 гг. в Тире работал профессор Новороссийского университета Э.Р. Штерн. Из найденных Э.Р. Штерном монет наиболее интересно бронзовое истрийское «колёсико», долгое время остававшееся единственной находкой такого рода в Тире. В 1919, 1927–1930, 1933 и 1935–1937 гг. небольшие раскопки проводились румынскими археологами П. Никореску и Г. Авакяном. При раскопках строительного комплекса первых веков н.э. вместе с римской керамикой найдены императорские монеты. В 1940–1941 гг., после присоединения Бессарабии и Белгорода к УССР, археологические исследования были продолжены директором Аккерманского музея В.А. Шахназаровым (Карышковский, Клейман 1985: 24–25 слл; Самойлова 2002: 18–19 слл). К этому времени в Аккерманском музее хранилось довольно значительное количество происходящих из Тиры античных монет, как тирасского производства, так и других центров (Зограф 2002 : 222–228).

Карышковский Петр Осипович (1921–1988)

Накопленный в первой половине XX столетия нумизматический материал был использован в ряде обобщающих зарубежных трудов по истории Тиры (см. Карышковский, Клейман 1985 : 23–25). Работами А.Н. Зографа завершается второй этап. К 30-м годам прошлого столетия им был подготовлен корпус монет Тиры (Зограф 1957а). Монетному делу Тиры посвящён раздел в другой монографии А.Н. Зографа (Зограф 1951: гл. VIII), а также ряд статей (библиографию см. Булатович 1999: 240–245). Разработанная А.Н. Зографом схема истории монетного дела Тиры остаётся базовой и для современных исследователей (Фролова 2006) при неизбежных, с учётом новых нумизматических и археологических материалов, дополнениях и уточнениях. Ограниченность нумизматических данных не позволила А.Н. Зографу исчерпывающе разработать все проблемы нумизматики Тиры, в частности, проблему денежного обращения и его особенностей (Карышковский 1958: 184).

Положение изменилось во второй половине XX в. (третий этап), когда раскопки Тиры приобрели регулярный характер (см. историю археологического исследования Тиры Карышковский, Клейман 1985: 6–29; Самойлова 2002: 20–24; Самойлова, Кожокару, Богуславский 2002: 159–185). Систематически пополнялась коллекция тирасских монет в Одесском археологическом музее. За период с 1963 г. коллекция монет Тиры выросла на несколько сот единиц, из которых большинство монет принадлежат римской эпохе (Булатович 2002: 45–50; Булатович, Носова 2010: 156–162). Помимо публикаций монет из раскопок Тиры (Карышковский, Коциевский 1979: 88–98; Булатович 1989: 81–89; Носова 1996: 157–159), были изданы и тирасские монеты из частных собраний (Анохин, Пушкарев 1965: 194–201; Коциевский 1982: 117–125; Булатович, Пушкарев 1990: 58–63; Cojocaru 2002a: 217–222), которые, несмотря на неизбежные в таких случаях сомнения относительно их подлинности и происхождения, не могут не быть приняты во внимание.

В археологический музей поступали также монеты Тиры, найденные при раскопках соседнего Никония, античных поселений на побережье Днестровского лимана (Загинайло 1966: 103–104; Загинайло, Секерская 1992: 11; Булатович, Секерская 2010: 34, 35, 37; Бруяко, Малюкевич 2009: 196, 198). Было найдено и опубликовано несколько кладов, содержавших монеты Тиры (Карышковский 1960б: 134; Фурманская 1963а: 76–86; Анохин 1975: 63–67; Загинайло, Нудельман 1971: 122–137).

Стали известны новые типы монет Тиры (Карышковский 1957: 28, № 2; Карышковский, Клейман 1985: 76, рис. 26: 8). Был окончательно снят вопрос о подлинности одной из серий тирасских эмиссий (Карышковский, Коциевский 1979: 91–92). Расширился список монет с надчеканками и список иноземных монет, найденных при раскопках.

Значительный вклад в изучение нумизматики Тиры внесли работы профессора ОНУ им. И.И. Мечникова П.О. Карышковского (1921–1988). Первые шаги в этом направлении были сделаны П.О. Карышковским в его рецензиях на труды А.Н. Зографа «Античные монеты» и «Монеты Тиры» (Карышковский 1953: 105–111; Карышковский 1958: 181–184). Интерес П.О. Карышковского к нумизматике Тиры нашёл отражение в публикациях новых находок тирасских монет, заметках по истории денежного хозяйства Тиры (библиографию см. Булатович 2005а: 18–22) и в историко-археологическом очерке «Древний город Тира» (Карышковский, Клейман 1985). Последняя наглядно демонстрирует результативность тесного и всестороннего взаимодействия нумизматики и археологии, свидетельствует о значимости монетных находок как исторического источника. П.О. Карышковским был сделан ряд важных наблюдений по хронологии тирасских эмиссий (Карышковский 1960б: 133–134; Карышковский 1987: 10–11).

Третий этап характеризуется таким направлением в изучении Тиры, как характер денежного обращения (Булатович 1997: 191–197; Булатович 2006: 30–32), его связь с особенностями экономического развития города, участие в денежном обращении Тиры некоторых видов иноземной монеты (Булатович 2003: 39–44; Булатович 2005: 16–17). Изучение этих аспектов нумизматики Тиры стало возможным только благодаря новым находкам в ходе раскопок города. Новые монетные находки частично учтены в недавно изданном «Каталоге монет античной Тиры» (Фролова 2006). Во второй половине XX и начале XXI в. в центре внимания учёных остаётся хронологическая классификация монет Тиры (Анохин 1989: 86–100; Туров-

ский, Демьянчук 1998: 144–149; Фролова 2003а: 153–159; Фролова 2003: 27–53). Сделана попытка уточнить дату выпуска некоторых серий тирасских монет путём исследования состава сплава их металла (Смекалова, Дюков 2001: 138–146).

Следует также отметить широкое привлечение нумизматического материала во всех монографических трудах по истории Тиры (Карышковский, Клейман 1985; Самойлова 1988; Сон 1993).

Изучение монет и денежного обращения Никония начинается только во второй половине XX в., когда в ходе первых археологических раскопок города был получен массовый нумизматический материал – всего с 1957 по 1963 гг. зарегистрированы в ходе раскопок 256 античных монет (Загинайло 1966: 100–130). После 1966 г. продолжается публикация монетных находок на территории античного Никония (Загинайло, Секерская 1992: 11–13; Хейфец 1991: 106–108). Сведения о монетах из Никония и его округи появляются в ряде других работ (Булатович, Пушкарев 1990: 58–63; Секерская 1989). Особое внимание уделяется атрибуции литых медных монет с именем Скила (Загинайло, Карышковский 1990: 3–15; Загинайло 1991: 52–61). Эти монеты были отнесены к продукции Никония. Была выделена еще одна группа монет никонийского производства – подражания истрийским колесикам (Загинайло 1966: 108). Нумизматике Никония посвящен раздел в монографии В.А. Анохина (Анохин 1989: 75–80). Выводы В.А. Анохина, в целом, не противоречат выводам П.О. Карышковского (о монетах Скила) и А.Г. Загинайло (о никонийских подражаниях колесикам Истрии). Все виды литых монет, найденных в Никонии, подробно рассмотрены в обобщающих статьях А.Г. Загинайло, посвященных проблеме зарождения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье и истории экономических связей в регионе по нумизматическим данным (Загинайло 1974: 48–60; Загинайло 1976: 70–83), а также в его кандидатской диссертации (Загинайло, 1970). Разрабатывается история денежного обращения Никония в доримское время (Булатович 1997а: 223–227; Mielczarek 1999: 7–19).

Начальный этап денежного обращения. Междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра является составной частью Северо-Западного Причерноморья, где ведущая роль в развитии региона принадлежала греческим городам – Ольвии, Тире, Никонию, Истрии. Особенно тесная связь между этими центрами прослеживается в ранний период, когда крупнейшие из них – Ольвия и Истрия – стремятся расширить сферы влияния – Истрия на восток, Ольвия на запад. Наиболее отчетливо это соперничество прослеживается по монетным находкам. При этом, земли, лежащие между Нижним течением Дуная и Днестровским лиманом, развиваясь в общем русле истории всего Северо-Западного Причерноморья, имели свою специфику.

Как отмечает большинство исследователей, время появления металлического денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье совпадает с началом освоения этой территории греками. С одной стороны, к этому моменту греки сами были хорошо знакомы с денежной торговлей. С другой, у местных племен Западного и частично Северо-Западного Причерноморья рано возникли предпосылки для появления собственных металлических денег разнообразных форм. По мнению А.Г. Загинайло, тесные контакты греков с варварами Причерноморья способствовали развитию торговли и превращению зарождавшегося здесь денежного обращения в экономическую необходимость. Предполагается, что своеобразие начального этапа денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье заключается в соединении зародившейся в среде местных племен традиции обращения в качестве

денег металлических изделий с собственно греческими монетами. В VI в. до н.э. сюда проникали некоторые виды греческих монет из электра.

Для раннего периода греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья характерно, прежде всего, обращение здесь литых монетовидных денежных знаков – бронзовых наконечников стрел, получивших в нумизматической литературе наименование «монеты-стрелки». Не останавливаясь на всех перипетиях дискуссии по поводу этих денежных знаков (библиографию см. Кутайсов 1991 : 46 слл.), отметим, что проблема сводится к определению места их производства, характера производства (частного или государственного), времени изготовления и обращения, а также весовой системы. В монетах-стрелках видят денежные знаки, возникшие в среде фракийцев и скифов (см., напр., Загинайло 1991: 54; Карышковский 2003: 217–218) или греческой среде (Анохин 1986: 82 слл.).

Начало выпуска наконечников стрел с денежными функциями связывают с самым ранним этапом ионийской колонизации Северного Причерономорья (Карышковский 1988: 32). Находки таких монетовидных знаков известны на всем побережье Западного и Северо-Западного Причерноморья (Загинайло 1976: 72, рис. 1; Poenaru-Bordea 2001: 20, Fig. 1). В Северо-Западном Причерноморье эти монеты концентрируются главным образом вокруг Истрии и Березанского лимана. Они представлены как единичными находками, так и кладами. В других пунктах региона монеты-стрелки встречаются в основном только в виде единичных находок. В то же время вглубь Скифии эти монеты не проникали.

В Нижнем Поднестровье количество монет-стрелок невелико и найдены они непосредственно на территории Никония и на раннем поселении его хоры. На правом берегу Днестровского лимана находки монет-стрел пока неизвестны, что очень показательно для решения вопроса о времени основания Тиры или, по крайней мере, времени ее урбанизации. На территории между левым берегом Нижнего Дуная и Нижнего Поднестровья зарегистрирована только одна монета-стрелка (вблизи Измаила) (рис. 180). Вероятно, редкость находок монет-стрелок в Нижнем Поднестровье объясняется более поздним освоением греками этого региона, когда появились и другие виды литых монет. .

Происходящие из Никония монеты-стрелки датируются по аналогии с наконечниками боевых стрел из поселения Надлиманское III рубежом VI–V в. Время основания Никония относят к середине (Секерская 1989: 114), ко второй половине (Карышковский, Клейман 1985: 40) или к концу VI столетия (Охотников 1997: 28). Судя по археологическому материалу, предпочтительнее первая точка зрения. Ко второй половине или к концу VI столетия относят и основание Тиры (Карышковский, Клейман 1995: 42; Самойлова 1988: 104; Самойлова 2004: 108–114; Бруяко 1999: 15). Это, впрочем, еще «не означает, будто Тира была с самого начала городом и, тем более, будто она являлась самым значительным из поселений Нижнего Поднестровья. До тех пор, пока нижние слои города не будут открыты, нельзя исключить, что ведущая роль во всем регионе и даже «первые полисные функции» принадлежали Никонию» (Карышковский, Клейман 1985: 42).

Таким образом, наиболее ранние находки литых денежных знаков в Нижнем Поднестровье дает Никоний. И это неудивительно, поскольку здесь хорошо исследованы слои, относящиеся к началу существования города. В Тире самые ранние материалы найдены в более поздних напластованиях, а неперемещенные слои датируются только IV в. до н.э. (Самойлова 2000: 82). Среди разнообразного археологического материала из перемещенных слоев, датируемого концом VI в. до н.э., моне-

ты-стрелки не встречаются (Самойлова 1988: 37). Вероятно, до открытия здесь ранних напластований следует считать, что монеты-стрелки не участвовали в денежном обращении города. К тому времени, когда в Тире начинается формирование денежного хозяйства, в Северо-Западном Причерноморье на смену монетам-стрелкам приходит новый вид литых бронзовых монет истрийского производства – колесиков.

В Ольвии еще с конца VI в. до н.э. начинается массовый выпуск дельфинчиков. Основной район их распространения – Ольвия и ее хора, хотя они встречаются вплоть до Добруджи, но только как единичные находки. В материалах из Никония дельфинчики представлены несколькими десятками всех групп мелких типов (три экземпляра из них эпиграфные). Крупные дельфины здесь пока не найдены.

В 70-х гг. V в. до н.э. Ольвия приступает к выпуску другого вида литых бронзовых монет – т.н. «ассов». Как и дельфинчики, ассы встречаются главным образом в районе Днепро-Бугского лимана, но известны также и далее на запад по берегу моря (Загинайло 1976: 73, рис. 2). В Нижнем Поднестровье ольвийские ассы найдены на восточном берегу лимана в Овидиополе и в Никонии (более десяти экземпляров с учетом частных собраний). В Никонии представлены ассы трех первых серий. Это малые ассы с головой Афины и надписью ΠΑΥΣ на обороте, средние и малые с головой Горгоны и буквами ΑΡΙΧ и ассы с Горгоной и именем города.

По П.О. Карышковскому, первая серия ассов датируется 70 гг. – втор. четв.V в. до н.э., вторая – началом третьей четверти того же века, третья – концом 80-х – началом 50-х гг. IV в. до н.э. (Карышковский 1988: 41 сл.). В Тире известно только об одном случае находки ольвийского асса.

Следующая и самая большая по числу найденных экземпляров группа литых монет, получившая распространение в Северо-Западном Причерноморье, – истрийские колесики. Такое наименование в нумизматической литературе получили небольшие бронзовые монеты с изображением на лицевой стороне колеса, на оборотной – надпись ΙΣΤ. Несмотря на сравнительно разработанную классификацию колесиков по размеру и весу (см. об этом Загинайло 1966 : 105 слл.), хронология их остается пока недостаточно определенной. Начало их выпуска относят к V–IV вв. до н.э. или к концу VI в., а завершение – к IV в.

Истрийские колесики найдены в Истрии и ее округе и далее на восток по побережью Черного моря вплоть до Ольвии. Самое большое количество колесиков происходит из Истрии и Никония. Более 50 экземпляров к настоящему времени найдены в Тире. Несколько колесиков зарегистрировано на левом берегу Нижнего Дуная и в Нижнем Поднестровье (рис. 180). В Ольвии их общее число невелико. По количеству находок колесиков в Поднестровье резко выделяется городская территория никонийского полиса. Только за период раскопок в течении первого десятилетия исследования городища здесь найдено более 207 экземпляров (т.е. более 90% всех монет). Еще больше колесиков из Никония находится в частных коллекциях. Колесики являются обычной находкой и все последующие после публикации 1966 г. сезоны археологического исследования Никония.

Как видно из приведенных данных все перечисленные виды литых монет получили распространение в Северо-Западном Причерноморье в VI–IV вв. до н.э. Однако ареал распространения и хронология каждого вида монет имеют отличия. Главная задача на современном этапе состоит в решении вопроса об участии их в денежном обращении того или иного центра. К этой проблеме следует подходить дифференцированно. Так, в Ольвии и ее сельских поселениях истрийские колеси-

ки, если и являлись частью денежного хозяйства полиса, то недолго – до появления дельфинчиков. Не совсем понятна и роль ольвийского литья в Никонии. А.Г. Загинайло пытается решить проблему денежного хозяйства Северо-Западного Причерноморья в VI–IV вв. до н.э. путем выяснения номиналов литых монет и приходит к предположению, что все «они дополняли друг друга, насыщая рынок широким ассортиментом монет различного достоинства» (Загинайло 1991: 59). Такой вывод, вероятно, можно расценивать, как признание участия в денежном обращении региона всех видов литых монет. В тоже время, по словам того же автора, «включение литой бронзовой монеты в сравнительно развитую систему денежного обращения греческих центров Северо-Западного Причерноморья осуществлялось неодинаково и непоследовательно» (Загинайло 1991: 77).

Очевидно, необходимо учитывать не только факт находки того или иного вида монет в каждом из полисов региона, но опираться на анализ конкретной экономической и политической ситуации.

В современной научной литературе все большее признание получает гипотеза о статусе Никония как апойкии Истрии, что объясняют попыткой расширения Истрией сферы своего влияния в восточном направлении (см., напр. Бруяко 2005б: 224). В пользу такой точки зрения свидетельствуют и находки в Никонии ранней фракийской керамики, как результат «целенаправленной политики расселения обитателей истрийской округи» (Бруяко 2005б: 226). В Никонии наиболее ранняя гетская керамика датируется второй половиной VI в. до н.э. и в конце этого и начале следующего столетия доля этой керамики среди лепного комплекса составляет 24%, а затем возрастает до 34% (Бруяко 1993: 56 сл.). В Тире такие ранние образцы фракийской керамики не выявлены, но есть несколько обломков более раннего, чем слой, в котором они обнаружены (IV–III вв.), времени. «Несомненно, что, как в Никонии, так и в Тире присутствие гетского элемента наблюдается с момента основания этих колоний» (Самойлова 2000: 82). Все эти данные хорошо согласуются с данными нумизматики и объясняют находки в этих нижнеднестровских центрах истрийских литых монет V – нач. IV в. до н.э.

Судя по топографии распространения литых монет в междуречье (рис. 180) (в основном они не выходят за пределы античных полисов), торговля греческих купцов с племенами в архаический период носила натуральный характер.

Как известно, помимо литых монет, в Причерноморье получили распространение электровые кизикины. В зону их обращения входили и города Северо-Западного Причерноморья. Однако начало обращения здесь статеров Кизика в роли межполисной монеты приходится на несколько более позднее время, чем некоторых видов литых монет. Найденные в Ольвии и Истрии мелкие фракции кизикских статеров в к. VI – нач.V в. до н.э. использовались на городских рынках и выполняли здесь функции отсутствовавшего собственного серебра (Карышковский 1988: 29). После образования Афинского морского союза за статерами Кизика надолго закрепляется роль единственной в Северном Причерноморье торговой монеты.

Завершая обзор начального этапа развития денежного обращения в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра, можно сделать следующие выводы.

Решающую роль в формировании здесь денежного рынка, как и во всем Северо-Западном Причерноморье, имело основание греческих колоний. С VI в. до н.э. здесь в качестве денег на местных рынках используют монеты-стрелки, в сферу обращения которых входит левобережье Нижнего Днестра – Никоний и вероятно его хора. На правом берегу обращение монет-стрелок пока находками не подтверждается.

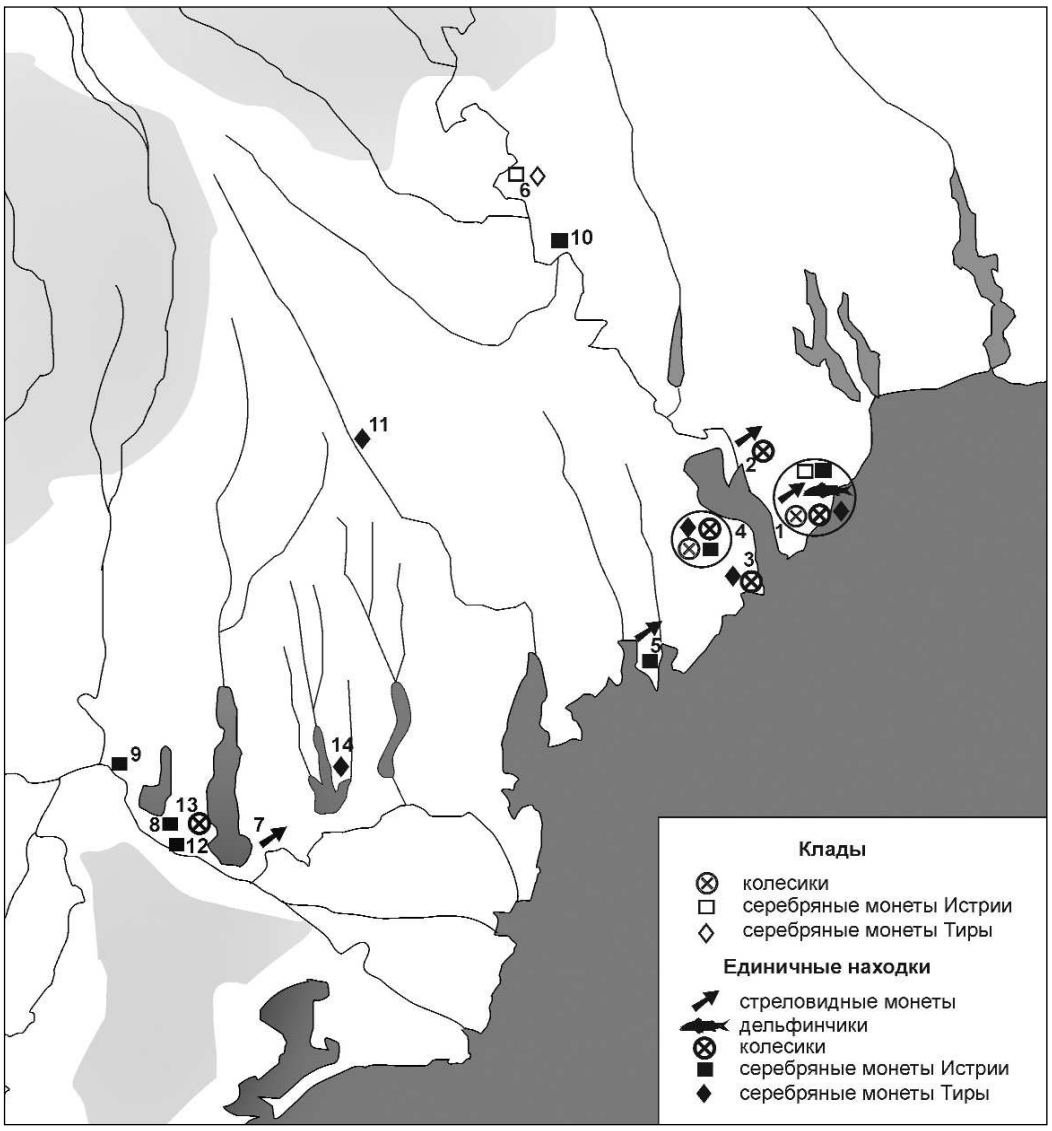


Рис. 180. Находки бронзовых и серебряных монет VI–IV вв. до н.э. в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра.
1 – Никоний; 2 – Надлиманское; 3 – Шабо; 4 – Тира; 5 – Тузлы; 6 – Дороцкое; 7 – Измаил; 8 – Орловка; 9 – Рени; 10 – Буторы; 11 – Костешты; 12 – скифский могильник Дервент; 13 – скифский могильник Плавни I; 14 – скифское поселение Катлабух

С V в. до н.э. роль денег в Никонии и Тире переходит к истрийским колесикам. Что касается обращения ольвийских дельфинчиков и ассов, для Нижнего Поднестровья пока не представляется возможным дать однозначный ответ. Не исключено, что в ходе борьбы за сферу влияния между Истрией и Ольвией (Виноградов 1995: 11; Бруяко 2005б: 224 сл.) дельфинчики предшествовали на никонийском

рынке истрийским колесикам. В V в. разделение территории обращения истрийского и ольвийского литья проходит по западной границе хоры Ольвии – берегу Одесского залива. В таком случае, ольвийские ассы из Никония следует рассматривать лишь как результат тесных торговых или других контактов между этими центрами.

В Тире из всех видов литых монет получили распространение только колесики.

В первой половине V в. до н.э. междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра, но только в границах полисов, входит в ареал обращения в качестве торговой монеты кизикинов.

Денежное обращение Тиры. А.Н. Зограф, разрабатывая периодизацию монетного дела Тиры, выделил два этапа в ее монетном деле (Зограф 1951: 111–120; Зограф 1957а: 19–43). В основе его периодизации лежит политическая история города: «А. Автономная эпоха» и «Б. Императорская эпоха». В настоящее время благодаря систематическим раскопкам Тиры появилась возможность рассматривать проблемы монетного дела и денежного хозяйства города в связи с особенностями развития ее экономики. Для доримского времени выделены три основных этапа (Самойлова, Булатович 2005: 149 сл.).

На первом этапе (к. VI–V в. до н.э.) собственное монетное производство в Тире еще отсутствует. Второй этап (IV – перв. треть или середина III в. до н.э.) – время расцвета экономики города. В сер. III – перв. пол. I в. до н.э. (третий этап) происходит свертывание большой хоры, сокращаются объемы торговли, город вступает в полосу кризиса. В последующее время кризис в целом удается преодолеть, однако экономическая ситуация не была стабильной. Периоды упадка сменяются периодами подъема.

Изменения в экономике Тиры в каждом из перечисленных этапов так или иначе отражаются на монетном деле и денежном обращении города. С началом экономического кризиса сокращается объем чеканки, происходит редукция веса, в перечеканку пускают более ранние серии (Зограф 1957а: 25).

В VI–V вв до н.э. Тира еще не чеканит собственной монеты. Между тем, развитие ремесла и внутреннего рынка, торговые контакты со Средиземноморьем, общая ситуация с денежным обращением в Северном Причерноморье предполагает существование денежного ранка в V в. до н.э. и в Тире. Что касается внешней торговли, все факты свидетельствуют о том, что международная торговля обслуживалась кизикинами. Войдя в состав Афинского морского союза, Тира не могла остаться в стороне от общепонтийского процесса проникновения сюда статеров Кизика. В частной коллекции находится кизикин, происходящий, по словам владельца, из Тиры. Трудно представить, в то же время, что внутренний рынок Тиры не был обеспечен разменной монетой. Новейшие исследования на территории города позволяют решить эту проблему. Единственным видом такой монеты могли быть истрийские колесики, которые достаточно часто встречаются при раскопках. Все найденные в Тире колесики принадлежат одной наиболее распространенной и в Никонии группе с диаметром от 11,5 до 13 мм. Истрийские колесики видимо являются самым ранним средством обращения на внутреннем рынке Тиры. В это время ведущая роль в Нижнем Поднестровье принадлежала Никонию, откуда, возможно, истрийские монеты поступали в соседнюю Тиру.

С IV в. до н.э. все более устойчивый товарный облик приобретает сельское хозяйство Тиры, о чем свидетельствует появление сельских поселений на правом берегу лимана. Город начинает играть доминирующую роль в регионе. В первой половине – начале этого столетия в городе продолжается обращение истрийских

колесиков и кизикинов. С середины IV в. потребности рынка обеспечиваются своей монетной продукцией. Тира начинает выпускать серебряные драхмы по той же весовой системе, что и Истрия. Одновременно начинается и довольно обильная (по сравнению с более поздним периодом) чеканка медных монет. До середины III в. до н.э. Тира выпустила около 10 типов медных монет, все с весом примерно от 12 до 6 г. Такая весовая норма ранних монет Тиры может свидетельствовать, что некоторое время для наиболее мелких денежных расчетов здесь продолжали использоваться колесики, значительно уступавшие тирасской меди по весовым показателям. Наличие собственной серебряной чеканки не препятствовало обращению в Тире, как и соседнем Никонии, серебряных монет Истрии всех номиналов. Серебряные драхмы Тиры и Истрии видимо имели общую сферу обращения – Нижнее и Среднее Поднестровье. На это указывает совместная находка драхм обоих городов в составе Дороцкого клада (Загинайло, Нудельман 1971: 122 сл.) Однако ареал обращения истрийского серебра, в отличие от тирасского, был намного шире – единичные находки и клады серебряных драхм Истрии известны и в Нижнем Побужье. Несколько иной была роль фракций истрийских серебряных драхм. Они, при отсутствии мелких номиналов в собственной серебряной чеканке Тиры, органично влились в денежное хозяйство города. Таким образом, в первой половине IV – начале III вв. до н.э. на тирасском рынке обращались различные по стоимости и происхождению монеты, обеспечивая тем самым как крупную, так и мелкую торговлю. Такое разнообразие денежного рынка соответствовало уровню экономического развития Тиры в этот период.

Если в конце IV в. до н.э. роль международной валюты в Тире выполняли кизикины, то в начале эпохи эллинизма эта роль надолго закрепляется за золотыми выпусками Александра Македонского и эллинистических монархов. Особая роль эллинистического золота в Тире подтверждается ее участием вместе с другими городами Западного и Северо-Западного Причерноморья в чеканке статеров с типом Лисимаха (Булатович 1983: 173–179; ср. Фролова 2006: 113–126), выпущенными в конце III – начале II вв. до н.э.

С середины III в. до н.э. Тира вступает в полосу длительного кризиса, а Никоний в это время перестает существовать. Свертывание большой хоры Тиры и сокращение объема ее торговли не могло не отразиться на работе ее монетного двора. Производство серебряных драхм прекратилось еще до начала кризисных явлений. Около 63 г. до н.э. автономная чеканка Тиры заканчивается немногочисленными выпусками медных монет митридатовского типа. С середины I в. до н.э. Тира прекращает свою чеканку более чем на полстолетия.

Постепенное свертывание работы монетного двора Тиры в к. III – сер. I в. до н.э. подтверждается редкостью находок ее монет этого времени на городище. Нет данных о находках монет Тиры эпохи кризиса и за ее пределами. В конце II – начале I в. до н.э. денежный рынок Тиры пополняется за счет медных монет южнопонтийских городов, главным образом, Синопы и Амиса. Эти монеты происходят из слоя того же периода, что и время их выпуска, и каждый раскопочный сезон увеличивает их общее количество (сейчас их известно более 50 экземпляров) (Булатович 2003 : 39–44; Булатович, Носова 2010 : 152; Самойлова, Остапенко 2010 : 53). Есть все основания считать, что здесь южнопонтийские монеты времени Митридата VI Евпатора являлись, как и во всем Северном Причерноморье, общепонтийской разменной монетой.

Понтийские монеты из Тиры охватывают время от конца II до 70-х гг. I в. до н.э. По центрам их производства и хронологии они близки ольвийским находкам – большинство чеканены в Амисе. Можно считать, что Тира попала в сферу влияния Митридата в конце II в. до н.э. Экономика Тиры в третьем периоде не была стабильной – периоды упадка сменяются периодами подъема. Возможно, в один из таких моментов Тира вновь попыталась присоединиться к выпуску золотых статеров лисимаховского типа. Таким образом, главная отличительная черта денежного обращения Тиры в конце третьего периода – присутствие на ее рынке медных митридатовских эмиссий, чеканенных в городах Южного Причерноморья.

В свете рассмотренных материалов периодизация денежного обращения Тиры выглядит следующим образом.

Первый этап (V – сер. IV в. до н.э.) – при отсутствии собственного монетного производства на городском внутреннем рынке обращаются истрийские колесики. В международной торговле используются электровые статеры Кизика.

Второй этап (сер. IV – нач. или сер. III в. до н.э.) – Тира начинает собственную чеканку серебряных и медных монет. Помимо тирасского серебра и меди на городском рынке в обращении участвует иноземная монета – мелкие номиналы истрийских серебряных монет. В качестве торговой монеты, помимо кизикинов, в Тире обращаются серебряные монеты Истрии. В к. IV в. до н.э. кизикины, как и во всем Причерноморье, уступают место эллинистическим статерам.

Третий этап (сер. III – к. III в. до н.э.) – денежный рынок Тиры значительно оскудевает, довольствуясь собственной медной монетой мелких номиналов. Международным денежным средством остаются золотые эллинистические статеры.

Четвертый этап (к. III – нач. I в. до н.э.) – тирасская чеканка еще более сокращается, на внутреннем рынке одновременно с тирасскими эмиссиями обращаются медные понтийские монеты. Тира эпизодически чеканит золотые статеры с типом Лисимаха.

Таким образом, археологическое исследование Тиры внесло существенное дополнение в наше представление о характере и содержании денежного обращения полиса (участие в денежном обращении Тиры истрийских монет и южнопонтийской меди).

Денежное обращение Никония. Начальный этап денежного обращения Никония характеризуется присутствием на городском рынке нескольких видов литых бронзовых монет, в том числе, и монет собственного производства (эмиссии, выпущенные от имени скифского царя Скила) (Загинайло, Карышковский 1990: 3–15). Со смертью Скила монетный двор Никония прекращает работу. Позже (в IV в. до н.э.) Никоний сделал попытку возобновить выпуск собственных монет в виде подражаний истрийским колесикам (Загинайло 1966: 108–109).

Древнейшим видом монет, найденных в Никонии, являются монеты-стрелки (около десяти экземпляров) (Загинайло 1991: 53). Все они происходят из архаических слоев или ранних комплексов VI – нач. V в. до н.э. Широкое распространение монет-стрел в Западном и Северо-Западном Причерноморье позволяет включить в сферу их обращения и Никоний.

В литературе стреловидные монеты датируются от конца VII и до IV–III в. до н.э., в основном же в пределах VI–IV в. (Кутайсов 1991: 53; Карышковский 1988: 30). Возможно в Никоний эти монеты попали на последнем этапе их обращения в междуречье Нижнего Днестра-Нижнего Побужья и были вытеснены литьем ольвийского производства – дельфинчиками, начало изготовления которых П.О. Ка-

рышковский относит ко второй половине VI в. до н.э. (Карышковский 1988: 37). В Никонии представлены несколько десятков ольвийских дельфинчиков семи групп мелких типов и два экземпляра с надписью (Загинайло 1991: 56). Нельзя исключить и совместное обращение монет-стрел и некоторой части дельфинчиков на никонийском рынке до начала поступления сюда истрийских колесиков. Именно этим монетам суждено было занять прочное положение в денежном хозяйстве Никония в V–IV в. до н.э.

В обилии монет Истрии в Никонии (около 90% монетных находок) видят результат экономических или политических связей обоих центров. Колесики, в отличие от частного производства стрел и дельфинчиков, монета полисная, которая не должна была выходить за границы Истрии и ее хоры. Поэтому представляется правильной гипотеза о том, что именно Истрия была метрополией Никония (Охотников 1995: 121). Ю.Г. Виноградов приводит многочисленные примеры выведения секундарной апойкии, которая могла иметь свою хору и укрепления. Одной из целей создания такой апойкии было «земледельческое освоение пространства» (Виноградов 1995: 8). В пользу последнего свидетельствует достаточно обширная хора Никония уже в начале V в. до н.э. Находки в Никонии ольвийских ассов (всего более десяти экземпляров, датируемых V – сер. IV в. до н.э. (Загинайло 1991: 57), могут указывать лишь на экономические связи Никония с Ольвией, не прекращавшиеся до затухания жизни на городище.

Выпуск собственной монеты Никоний начинает в начале V в. до н.э., когда на городском рынке прочно утвердилась продукция истрийского монетного двора. Это были литые монеты, которые по стилистическим особенностям и условиям находки в культурном слое поддаются почти точной датировке.

За этими монетами, известными в трех номиналах, утвердилось по аналогии с ольвийскими название «ассы». Все три номинала объединяет изображение совы, колеса (кроме младшего), и надпись с именем (иногда в сокращении) скифского царя Скила. Старший номинал (вес 63 и 56,5 г, диаметр до 60 мм) на лицевой стороне имеет изображение совы и надпись. На обороте – колесо со спицами и буква В. Во вторую группу входят небольшие ассы с диаметром до 30 мм, вес от 11,94 до 15,48 г. На аверсе – сова и надпись (имя царя в сокращении), на реверсе – колесо. Типологически две первые группы отличаются формой надписи. Последняя группа представлена мелкими монетами (вес от 0,51 до 2,3 г, диаметр от 9,5 до 2,3 мм). Как и на старших номиналах, на аверсе сова, но надпись находится на реверсе. Изображение колеса отсутствует, однако на реверсе издатели различают иногда круг (Загинайло, Карышковский 1990: 4). Не повторяя здесь всех аргументов для датировки никонийских ассов, отметим их принадлежность к первой половине V в. до н.э. Эта дата, как и отождествление надписи с именем скифского царя, практически получила признание у нумизматов. Оспаривается лишь тезис о том, что эти монеты свидетельствуют об установлении над Никонием скифской власти (Анохин 1989: 76–77).

Другой вид никонийского литья – подражания истрийским колесикам середины и начала второй половины IV в. до н.э. (Загинайло 1966 : 108–109). Эти монеты отличаются от истрийских внешним видом: монетный кружок плотный, плохо проработано колесо, на некоторых экземплярах отсутствует надпись.

Помимо истрийских колесиков и подражаний им с середины IV в. до н.э. территория никонийского полиса становится сферой обращения медных и серебряных монет Тиры (Булатович 1997а: 223–226). Одновременно здесь обращаются и сере-

бряные монеты Истрии. Время обращения тирасских монет в Никонии ограничивается прекращением жизни на левом берегу Днестровского лимана в середине III в. до н.э. Монеты Тиры из Никония иллюстрируют особенности межполисных отношений во второй половине IV – первой половине III в. до н.э., когда ведущая роль переходит к Тире.

В V–IV вв. Никоний входил в ареал обращения кизикинов, что подтверждается анализом находок этих монет в регионе в целом. Есть данные о находке на городище трех кизикинов (см. Булатович, Секерская 2010: 28).

Таким образом, денежное обращение Никония в доримское время выглядит следующим образом.

Первый период (VI – первая половина IV в. до н.э.) – на рынке города обращаются литые монеты, как собственного производства, так и иноземные. В качестве международной монеты используются кизикины.

Второй период (вторая половина IV – первая половина III в. до н.э.) – продолжается обращение кизикинов, на внутреннем рынке на смену литым монетам приходят серебряные и медные эмиссии Тиры, а также серебряные монеты Истрии разных номиналов.

Торговая монета в денежном обращении междуречья Дуная и Днестра (кизикины и золотые монеты Македонии и эллинистических монархов). Особую роль в денежном обращении античного мира в V–IV в. до н.э. играли электровые статеры Кизика. Эти монеты – «кизикины» античных письменных источников – являлись главным и единственным средством осуществления крупных международных торговых сделок в Северном Причерноморье. Такое положение сложилось не сразу. В VI в. до н.э. на территорию Северного Причерноморья проникали электровые монеты разных центров Малой Азии (Карышковский 1988: 28). После поражения персов в греко-персидских войнах для греческих городов, прежде всего для Афин, открылись причерноморские рынки. Это, в свою очередь, увеличило потребность в международной золотой монете. Значение такой монеты приобретают электровые монеты малоазийского города Кизика, который становятся филиалом афинского монетного двора.

Топография находок кизикинов очерчивает территорию их обращения, совпадающую со сферой торговой активности Афинской архэ. В Северном Причерноморье у кизикинов практически не было соперников. Дарики и фокейский электр, как и золотые эмиссии Лампсака, сюда не проникали. Помимо причерноморского побережья в зону обращения кизикинов входила Фракия, о чем свидетельствуют клады и единичные монеты (Булатович 1976: 99–102). В Северо-Западном Причерноморье находки кизикинов сосредотачиваются в греческих колониях. Вглубь территории скифских племен кизикины не проникали (рис. 181). Самым большим кладом в Северо-Западном Причерноморье пока остается клад из Орловки (Булатович 1970: 73–86). Состав его близок кладу из Принкипо, который связывают с торговлей в Причерноморье. Другой клад происходит из Ольвии (Булатович 1970а: 222–224).

Особенностью обращения кизикинов в Северо-Западном Причерноморье, как можно судить по кладам, является преобладание здесь монет последнего периода чеканки кизикинов (IV в. до н.э.). В тоже время среди единичных находок в Ольвии преобладают ранние выпуски, но это все мелкие фракции, роль которых отлична от роли статеров (Карышковский 1988: 29). Начало обращения кизикинов в Северо-Западном Причерноморье приходится на время активной торговой экспансии Афин

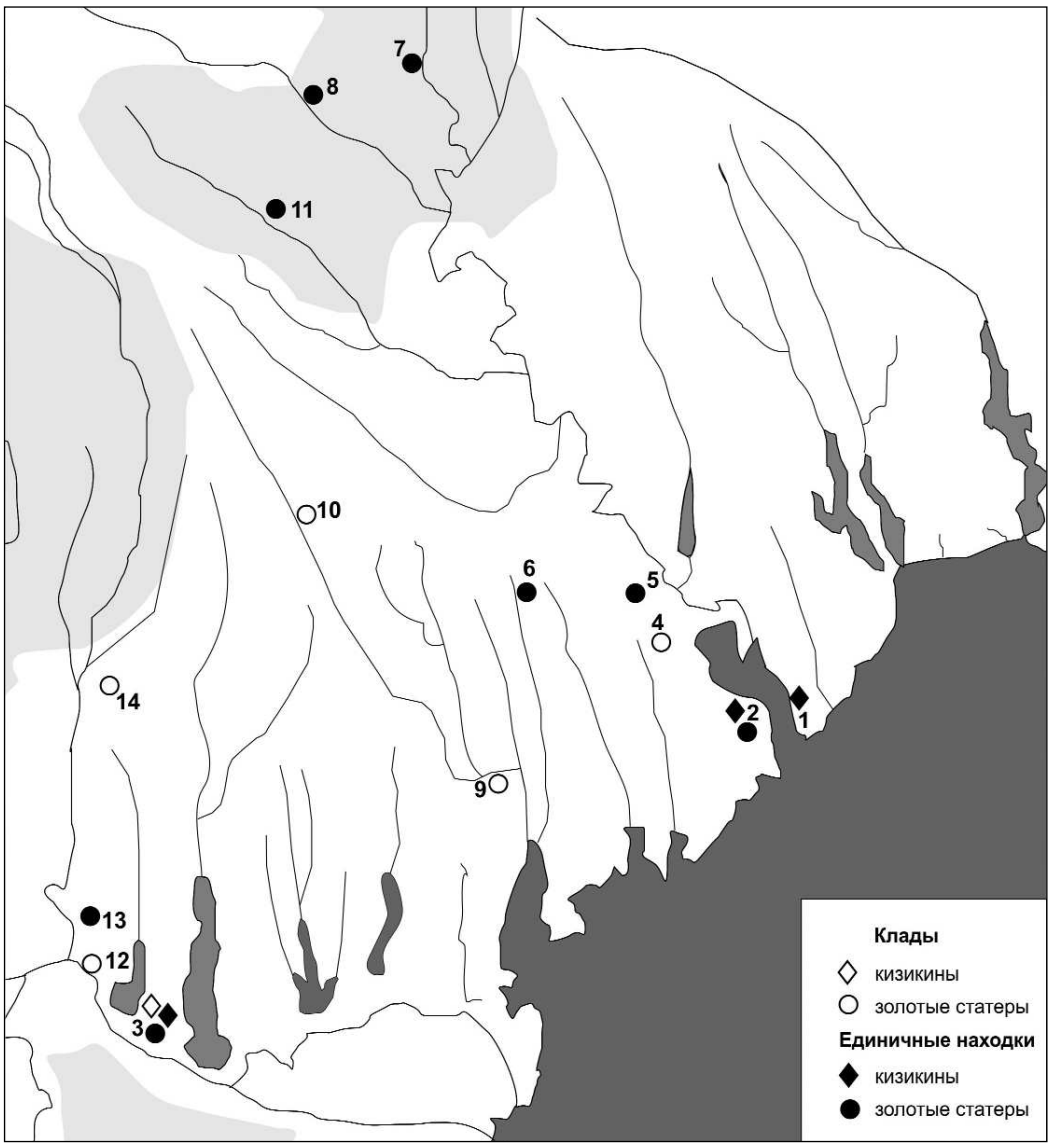


Рис. 181. Находки кизикинов и золотых статеров эллинистического времени в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра.
1 – Никоний; 2 – Тира; 3 – Орловка; 4 – Староказачье; 5 – Коркмаз; 6 – Фараоновка; 7 – Резина; 8 – Скерцена; 9 – Павловка; 10 – Гура-Гальбена; 11 – Сапотены; 12 – Анадол; 13 – Ренийский район; 14 – Лэргуца

в Северное Причерноморье и вхождения городов этого региона в Афинский морской союз или, по крайней мере, в сферу его политического и экономического влияния.

Другая особенность обращения кизикинов в Северо-Западном Причерноморье в сравнении с Грецией и Фракией – более позднее прекращение их обращения. Такое положение сложилось и на Боспоре. Единственное объяснение этому факту –

некоторое запоздание в проникновении сюда македонского золота, пришедшего на смену «белому золоту» кизикинов.

Отсутствие кладов и единичных находок кизикинов в степной зоне междуречья Нижнего Дуная – Нижнего Днестра (рис. 181) свидетельствует о натуральном характере торговли греков с местными племенами.

Начало эпохи эллинизма для всего античного мира ознаменовалось изменениями в денежном обращении в связи с увеличением количества поступавшего в обращение золота. Массовый выпуск золотых монет Филиппом II Македонским и еще более Александром III, а затем его преемниками привел к переходу основных денежных функций к золоту. Начиная с III в. до н.э. многие города Северо-Западного Причерноморья, в том числе, Тира, выпускают золотые монеты с типом Лисимаха. Эти выпуски носили чисто коммерческий характер.

Золотые эллинистические статеры – самая многочисленная категория межполисной монеты в Северном Причерноморье в целом. Основная доля этих монет в кладах из междуречья Нижнего Дуная – Нижнего Днестра приходится на эмиссии Александра и Лисимаха и подражания им. Значительно меньше здесь монет других эллинистических монархов. Однако следует учитывать неполноту сведений о составе кладов. Единичные находки в основном происходят из Тиры. Аналогичная ситуация характерна и для Днепро-Бугского региона. Ни в Тире, ни в Ольвии клады эллинистических золотых монет неизвестны. Как показывает топография находок (рис. 181), эллинистическое золото проникало и на земли, занятые местными племенами. Клады, найденные вдоль торговых путей, являлись результатом деятельности купцов. Другие, найденные вдали от водных артерий, видимо, свидетельствуют об использовании их в функции сокровищ. Попадая в руки верхушки варварских племен, статеры утрачивали денежные функции и тезаврировались вместе с предметами роскоши. Основным каналом проникновения золотых эллинистических монет вглубь причерноморских степей была торговля. В сравнении с предыдущим периодом денежное обращение теперь затронуло и местное варварское население.

Динамика поступления эллинистического золота в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра выглядит следующим образом.

Утверждение этих монет в регионе, как и во всем Северном Причерноморье, началось несколько позже, чем на Балканах, и продолжалось в течение III в. до н.э.

Отсутствие кладов, зарытых во II в. до н.э., видимо явилось следствием сокращения торговли в результате продвижения бастарнов, которые в конце столетия утвердились между Карпатами и Днестром (Карышковский, Клейман 1985: 71).

Завершение обращения эллинистического золота приходится на I в. до н.э.

РИМСКИЙ ПЕРИОД

Историография вопроса. Конец эпохи эллинизма в Северо-Западном Причерноморье ознаменовался проникновением сюда римских монет. В дальнейшем римские монеты стали основой денежного обращения во всем регионе. Появление и распространение римских эмиссий связано с завоевательной политикой Рима и расширением границ империи. В то же время проникновение римской монеты явилось следствием развития торговых отношений с варварским миром. При этом у разных племен эти монеты выполняли разные функции. Очевидно, разные функции были у монет из бронзы и драгоценного металла. Влияние Рима нашло непосредственное отражение и в монетном деле и денежном хозяйстве античных цен-

тров к востоку от Нижнего Дуная – Ольвии и Тиры. Распространение римских монет в варварской среде и на территории античных полисов имело как общие черты, так и определенные различия. Через античные полисы часть монет проникала в местную среду.

В Днестро-Дунайском регионе уже с середины III в. до н.э единственным античным центром являлась Тира. В Никонии жизнь возобновилась только в I в. н.э. Однако его роль в римское время была достаточно скромной. Об особенностях обращения и проникновения на восток римских монет дает представление анализ нумизматических памятников из римской крепости у с. Орловка на левом берегу Нижнего Дуная.

Столярик Елена Семёновна

В истории изучения распространения римских монет в Северо-Западном Причерноморье можно выделить несколько аспектов. Одним из них было накопление и публикация нумизматического материала. Находки римских монет на землях к востоку от Нижнего Дуная привлекают внимание исследователей с середины прошлого столетия (см. литературу Нудельман 1982: 125; Столярик 1992: 3 слл.). Еще раньше началось изучение монетного дела и денежного обращения Тиры римского времени (Зограф 1957а: 31–43; 61–63). С началом систематических раскопок на территории города, а также археологического исследования поселений античного времени в Нижнем Поднестровье значительно пополнился фонд нумизматических источников (Карышковский, Коциевский 1979: 88 слл.; Булатович 1989: 82–84; Булатович, Носова 2010: 157–170). Интересная по составу и хронологии коллекция римских монет получена в результате раскопок римского укрепления у с. Орловка (Бондарь, Булатович 1982: 154–160; Бондарь, Булатович 1991: 119–126; Бондарь, Булатович 2001–2002: 171–182; Бруяко, Носова 2010: 65–72). Следующим шагом была систематизация и выявление закономерностей распространения римской монеты, а также установление ее роли в денежном обращении Северо-Западного Причерноморья. Появляются обобщающие работы, посвященные анализу находок римских монет в междуречье Днестра, Прута и Дуная, а также в степях Северо-Западного Причерноморья (Нудельман 1982: 125–138; Нудельман 1985; Столярик 1989: 45–52; Столярик 1992). В трудах В.В. Кропоткина, М.Ю. Брайчевского, Э.А. Рикмана, М.А. Тихановой, Б.В. Магомедова и др. рассматриваются проблемы распространения римских монет в ареале черняховской культуры. Основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о наличии у черняховских племен денежного обращения (см. обзор литературы Нудельман 1982: 125; Столярик 1992: 6–8). Становится очевидной необходимость сравнительной характеристики роли и значения римской монеты в античных центрах и на землях местных племен. Специфика денежного хозяйства античных центров Северо-Западного Причерноморья состояла в наличии собственной чеканки при одновременном использовании римских серебряных и медных эмиссий. Исследователи отмечают зависимость поступления римской монеты от политической ситуации в регионе, а также от процессов, происходивших в Римской империи и особенно в римском пограничье.

Самой ранней категорией римских монет в Причерноморье являются республиканские денарии. Они, однако, хотя и встречаются на землях к востоку от Нижнего Дуная, распространения здесь не получили (Булатович 1984: 119–126). Граница их распространения проходила по правому берегу Дуная. В Добрудже римские денарии появились задолго до рубежа нашей эры и известны здесь в огромном количестве. Картографирование римских республиканских монет в Приморской и степной части междуречья Дуная-Днестра свидетельствует, что здесь они никогда не являлись составной частью денежного обращения. Небольшое количество происходящих отсюда консульских денариев относятся к самым последним выпускам и, несомненно, связаны с усилением римской экспансии на восток. Возможно, их поступление произошло уже вместе с императорскими денариями.

В середине I в. до н.э. геты совершают опустошительный набег на Ольвию, которая была разрушена. О судьбе Тиры в это время нет точных данных, однако можно предполагать, что город был также разрушен или находился какое-то время под властью Буребисты (Карышковский, Клейман 1985: 81). Во всяком случае, наступает длительный перерыв в тирасской чеканке. В Буджакской степи неизвестно ни одного поселения второй половины I в. до н.э. – первой половины I в. н.э.

Общее число римских консульских денариев из Днестро-Дунайского междуречья невелико. Это две монеты 32–31 гг. до н.э. из состава клада, происходящего из Белгорода-Днестровского, зарытого в III в. н.э. Еще три экземпляра происходят из Орловки. В ходе археологических раскопок Тиры единичные республиканские монеты пока неизвестны.

Крайне редки такие монеты и в междуречье Прута и Днестра (Нудельман 1982: 128–129). Довольно значительное количество римских республиканских монет найдено на острове Змеином, где в античное время существовало святилище Ахилла. Однако эти находки не могут учитываться при характеристике состава денежного обращения в регионе, поскольку попали на остров как посвятительные дары. Следует тем не менее отметить принадлежность республиканских монет с о. Змеиного позднему периоду их чеканки.

Денежное обращение Орловского городища. Римское укрепление, расположенное на левом берегу Дуная, в 1,5 км к западу от села Орловка, раскапывалось с 1963 по 1992 г. Городище занимало площадь около 2 га. Рядом с городищем обнаружены следы неукрепленного поселения. Римской крепости предшествовало более раннее поселение, которое в I в. до н.э. вошло в систему гето-дакийских укреплений (Бондарь 1984: 32). В середине I в. н.э. на месте гето-дакийского укрепления возникла римская крепость, просуществовавшая до середины III в., Орловское городище являлось составной частью римского лимеса как предмостное укрепление и защищало расположенную здесь переправу (Бондарь 1973: 243).

В результате археологического исследования на городище и его предместье было найдено около полусотни римских монет (Бондарь, Булатович 2001–2002: 170–180; Бруяко, Носова 2010: 69–70). Самые ранние из них – республиканские денарии, чеканенные в I в. до н.э.

При определении места этих монет среди других римских эмиссий, найденных в Орловке, необходимо принимать во внимание не только строительство здесь в I в. н.э. римской крепости, но и существование предшествующего ему гето-дакийского укрепления. Так что эти монеты могли относиться как к гето-дакийскому периоду функционирования крепости, так и к римскому. Несомненно одно – в отли-

чие от остальной территории Днестро-Дунайского региона республиканские денарии из Орловки отражают реальный состав денежного обращения на городище (Бондарь, Булатович 2001–2002: 174).

Следующая группа римских монет из Орловки относится к I в. н.э. Эти монеты составляют более одной трети от общей массы монетных находок. Среди них самые ранние – ассы императоров из династии Юлиев-Клавдиев. Сильная изношенность некоторых из них может указывать на поступление их в Орловку с более поздними эмиссиями. Не исключено однако, что они обращались здесь уже в конце I в. н.э. Часть этих монет найдена в жилищах, археологический материал из которых датируется концом I – началом II в. н.э. На остальной территории к востоку от Нижнего Дуная, кроме Тиры, монеты I в. н.э. не обнаружены, что объясняется отсутствием в степной части междуречья оседлого населения в это время.

В находках из Орловки основная масса монет принадлежит II в. (более половины от общего числа монет). Среди них преобладают выпуски Траяна, Антонина Пия и Марка Аврелия. К II в. относится и пик поступления римских монет на остальные земли междуречья (Нудельман 1982: 129). На это время приходится расцвет Римской империи. С появлением в междуречье многочисленных поселений расширяются торговые связи Рима с регионом. Особенно заметно увеличение поступления римской монеты при Траяне после образования провинции Дакия, а затем при Антонине Пие и Марке Аврелии (Нудельман 1982: 130). В это время увеличивается процент серебряных эмиссий. Из Орловских находок наилучшая сохранность наблюдается у монет Адриана, что свидетельствует о поступлении их сюда вскоре после выпуска.

В ходе раскопок Орловского укрепления был найден небольшой клад, состоявший из трех бронзовых монет 50-х гг. II в. (асс с изображением и именем Фаустины Старшей и два дупондия Антонина Пия) (Бондарь 1982: 133–135). Клад был найден вблизи сгоревших в пожаре жилищ, археологический материал из которых относится к II в. Именно при Антонине Пие на Дунайской границе складывается тревожная ситуация. В обстановке назревающего конфликта во второй половине правления этого императора происходит сокрытие кладов (Нудельман 1982: 127).

Монет III в. в Орловке всего три экземпляра – все провинциальной чеканки, что хорошо согласуется с изменением состава гарнизона в римских крепостях – в их составе преобладают местные жители. Кроме того, в условиях начала кризиса Римской империи возрастает роль провинциальной монеты в мелкой торговле. Резкое сокращение поступления римской монеты характерно и для остальной территории междуречья.

Анализируя монетные находки из Орловки, можно прийти к следующим выводам.

Денежное обращение на том участке дунайского лимеса, где было расположено Орловское городище, отражает политическую ситуацию в регионе, прежде всего, вхождение в состав римской провинции. Немаловажное значение имело и местоположение крепости, контролировавшей сухопутный путь на восток.

В течение I в н.э. денежное обращение крепости обнаруживает своеобразие. Сюда, в отличие от более восточных областей, поступают республиканские денарии, а затем эмиссии времени Юлиев-Клавдиев. Обращение римских монет I в. до н.э. и I в. н.э. не выходило за рамки укрепления. Этому способствовало отсутствие населения в степной части региона. Поселения стали здесь появляться только в конце I – начале II в. В дальнейшем поступление римской монеты в Орловское

городище и на земли восточнее Нижнего Дуная приобретает общие черты. В результате оживления торговых связей Римской империи с местными племенами денежное обращение становится все более интенсивным. Резкое сокращение поступления монет в III в. характерно не только для междуречья Дуная – Днестра, но и для всей Восточной Европы (Кропоткин 1967: 40). По-видимому, через римские крепости на Дунае, в том числе и через Орловское укрепление, определенная часть римских монет проникала в междуречье Дуная–Прута–Днестра.

Другим транзитным пунктом поступления в Северо-Западное Причерноморье импортных товаров и римских монет была Тира.

Денежное обращение Тиры. Денежный рынок Тиры в римское время формировался из собственных эмиссий и разного рода привозной монеты. На раннем этапе, когда Тира после длительного перерыва (с середины I в. до н.э.) еще не возобновила работу монетного двора, часть привозной монеты получала надчеканку. Свидетельством этому являются монеты одрисского царя Реметалка II (10–36 гг. н.э.) с клеймами. Младший номинал бронзовых монет Реметалка получал одно клеймо, на крупных стоит два клейма (Карышковский, Клейман 1985: 86, рис. 28, 1–6). Известно, что эти монеты обращались во многих городах Причерноморья и также получали местную надчеканку. В Тире неоднократно встречались и неклейменые бронзовые монеты Реметалка II и одна серебряная Реметалка I. Монеты Реметалка II надолго задержались в денежном обращении Тиры. На это указывает экземпляр с тирасским клеймом, содержащим изображение колоса. Такое же клеймо получали монеты Домициана и Адриана в правление Нервы и Траяна, когда Тира на время прекратила чеканку.

Другая категория монет с тирасской надчеканкой – сестерции и ассы Клавдия, сестерции Агриппины Старшей, ассы времени Августа и др. (Карышковский, Клейман 1985: 89). Эти римские монеты надчеканены прямоугольным клеймом, содержащим буквы TYP. Все надчеканенные экземпляры сильно изношены. Среди них есть экземпляры с двумя клеймами – TYP и колос, и с тремя – TYP, DP (на аверсе) и A на реверсе. Последние (сестерции) таким образом приравнивались сначала к дупондиям, а затем к ассам (Карышковскицй, Коциевский 1979: 92). Известен также сестерций с тремя клеймами на аверсе – TYP, DP, A, и одним на реверсе – колос (рис. 184, 4). Все это указывает на длительное обращение подобных монет.

Среди римских монет первого столетия, найденных в Тире, встречаются и неклейменые экземпляры. Складывается впечатление, что первоначально городская торговля обеспечивалась привозной монетой (эмиссии Реметалков, а затем римская медь), которая со временем надчеканивалась и таким путем удерживалась в обращении вплоть до Нервы и Траяна.

Первыми регулярными выпусками Тиры после прекращения чеканки в середине I в. до н.э. были медные эмиссии – один тип с головой императора влево и надписью KAICAPOC CEBACTOY на аверсе, орлом и надписью TYPANON на реверсе (рис. 184, 5), другой – мужская голова вправо (олицетворение римского сената), сзади надпись TYPANON. На оборотной – IEPA/CCYNKЛ/HTO/Y в четыре строки внутри венка (рис. 184, 6). Хронология и причины выпуска этих монет, по мнению П.О. Карышковского, связаны с особенностями развития взаимоотношений Тиры с Римом (Карышковский, Клейман 1985: 88–89). Надчеканка римской монеты именем другого города свидетельствует об его автономии. А появление на монетах изображения сената и орла указывает на признание городом римской власти. Эмиссию с изображением сената относят ко времени Нерона (54–59 гг.), а монеты с орлом датируют временем Веспасиана (69–79 г.г.) (Карышковский, Клейман 1985: 88).

С момента включения Тиры в римскую провинцию Нижняя Мезия при Домициане (86 г. н.э.) город приступает к чеканке монет провинциального облика (на лицевой стороне обязательно помещался портрет императора). Чеканка Тирой монет продолжалась до Севера Александра. Во время правления Нервы (96–98 гг.) чеканка Тиры была приостановлена и возобновлена при Адриане (117–138 гг.). Аналогичное явление происходило и в других городах Причерноморья. На основании двух найденных в Тире кладов можно сделать вывод о расцвете тирасской чеканки при Септимии Севере и Каракалле (196–217 гг.). Однако среди единичных находок преобладают эмиссии Домициана, Адриана и Антонина Пия. Это наблюдение, сделанное в конце прошлого столетия (Карышковский, Коциевский, 1982, с. 89–90), подтверждается раскопками последующих лет. Последние монеты были выпущены Тирой при Севере Александре (222–235 гг.). Как и другие города Нижней Мезии, Тира в правление Максимина (235–238 гг.) приостановила чеканку и в дальнейшем не возобновляла (Зограф 1957а: 43). Причиной прекращения монетных выпусков было, видимо, вторжение варваров в границы Римской империи.

Таким образом, монетное дело Тиры со времени ее вхождения в Нижнюю Мезию следовало в основном западно-понтийским образцам. Некоторое время городской рынок довольствовался собственными надчеканенными монетами (гроздь винограда в овальном клейме на монетах Домициана и в ромбовидном на монетах Севера Александра). Собственная чеканка Тиры, иногда достаточно интенсивная, не препятствовала обращению в городе римских императорских и провинциальных монет.

Проникновение в Тиру римских императорских монет началось еще при Флавиях. Пик поступления, как и расцвет тирасской чеканки, приходится на время правления Коммода (180–192 гг.) и Септимия Севера (193–211 гг.). При этом при Северах чеканится в основном крупный номинал (тетрассарии). Все это находит объяснение, во-первых, в особенностях финансовой политики Рима – в связи с увеличением оплаты воинов и для облегчения расчетов на рынке расширяют чеканку городской меди (Карышковский, Клейман 1985: 123). Во-вторых, нельзя не учитывать интенсивность внешней торговли Тиры, главным образом, с Нижней Мезией, и состояние ее внутреннего рынка (Сон 1997а: 31–33). Наряду с местной монетой одновременно циркулируют медные и серебряные монеты Рима. Об этом свидетельствуют совместные находки их в кладах (см. Карышковский, Клейман 1985: 110). Известно также о находке двух ауреусов (Нерона и Деция). Из провинциальных выпусков представлены города Нижней Мезии, Фракии и восточных провинций.

Поступление римских монет в Тиру не приостановилось в годы кризиса. Здесь в находках представлены монеты почти всех императоров этого периода. Это выпуски Гордиана III, Филиппа Араба, Траяна Деция, Валериана, Галлиена, Клавдия Готского. Предполагают, что в 60-е гг. III в. Тира была разрушена варварами (Карышковский, Клейман 1985: 132–133), или, во-всяком случае, была ими подчинена (Сон 1993: 54 сл.). Как показали раскопки Тиры, в городе во второй половине III–IV в. оживляется строительная деятельность, продолжаются, судя по находкам импортных вещей середины III–IV вв., торговые связи с придунайскими центрами. Оттуда в Тиру поступали амфоры и светильники второй половины III–IV в., провинциально-римские фибулы IV в. Вместе с тем происходит варваризация поселения и натурализация его хозяйства. Тира утрачивает черты типичного античного центра. Тем не менее продолжается поступление сюда римских монет, хотя и в

небольшом объеме. Ко времени после 70-х гг. III в. относятся происходящие из Тиры монеты Аврелиана (270–275 гг.). и Диоклетиана (284–305 гг.). Монеты IV в. представлены эмиссиями Валентиниана I (364–375 гг.) и Валентиниана II (чекан 388 г.). Самой поздней является монета Аркадия (395–408 гг.). Монеты других императоров IV в. (Константина I, Феодосия I и Феодосия II) найдены случайно в окрестностях Белгорода-Днестровского (Столярик 1992: 75, 84, 85). Единичность находок монет IV в. заставляет с осторожностью подходить к оценке их роли в экономике Тиры.

Рассматривая денежное обращение Тиры в римское время, необходимо привлекать данные о монетных находках в ее сельскохозяйственной округе. Поселения, в которых видят тирасскую хору (Карышковский, Клейман 1985: 106), располагались вдоль берегов Днестровского и Будакского лиманов. Впрочем точные границы хоры установить пока невозможно (Сон 1997: 285). Эти поселения II – начала III в. немногочисленны (около десятка пунктов) и растянуты по всему побережью. Поселения левого берега Днестровского лимана были экономически тесно связаны с Тирой (Сон 1997: 284). Здесь обнаружено 14 местонахождений. На некоторых поселениях правого берега Днестровского лимана найдены монеты I – III в. (у сел Затока, Беленькое, Шабо, Переможное, Удобное, Молога). У с. Выпасное и Удобное найдены клады, содержавшие тирасские монеты вместе с римскими денариями. А у с. Переможное – клад римских денариев (см. Карышковский, Клейман 1985: 106) (рис. 182). По мнению П.О. Карышковского, на этих поселениях находились усадьбы зажиточных граждан. Слабая археологическая изученность сельских поселений региона, известных главным образом по разведкам, объясняет малочисленность монетных находок на этой территории. Раскапывалось только поселение Молога II в 15 км от Тиры. Это поселение датируется дочерняховским временем (второй половиной I – первой половиной III в.) и связано с позднескифской культурой. Здесь в культурном слое найден денарий Антонина Пия. На поверхности найдены медная монета Фаустины Младшей, денарии Антонина Пия и тирасские монеты Домициана, Коммода и Геты (Гудкова, Фокеев 1982: 103–109; Малюкевич 1991а: 71 слл.).

Единичные римские и тирасские монеты и клад монет Тиры обнаружены в Никонии – на городище (Загинайло 1966: 113) и некрополе (Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008: 123). Самые ранние римские монеты из Никония – монеты Адриана и Марка Аврелия. Самая поздняя относится ко времени правления Филиппа Араба (244–249 гг.). Самая поздняя монета Тиры из Никония – тетрассарий Юлии Мамеи, матери Севера Александра (222–235 гг.). В последние годы найден трессис Коммода (180–192 гг.) и трессис Юлии Домны (212–217 гг.). Кроме того из Никония происходят и другие провинциальные эмиссии – монета Филипполя времени Антонина Пия и монета Кесарии Каппадокийской I–II в. Присутствие в Никонии провинциальных римских монет может являться результатом пребывания здесь части воинского подразделения, дислоцировавшегося в Тире (Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008 : 74). Это предположение подкрепляется преобладанием среди провинциальных монет тирасских эмиссий.

На основе анализа кладов и единичных находок определена динамика поступления римской монеты в Тиру и сельские поселения Нижнего Поднестровья (Карышковский, Клейман 1985 : 110–111). Приток монеты начался при Веспасиане и возрос при Адриане. Пик поступления приходится на время правления Коммода и Септимия Севера.

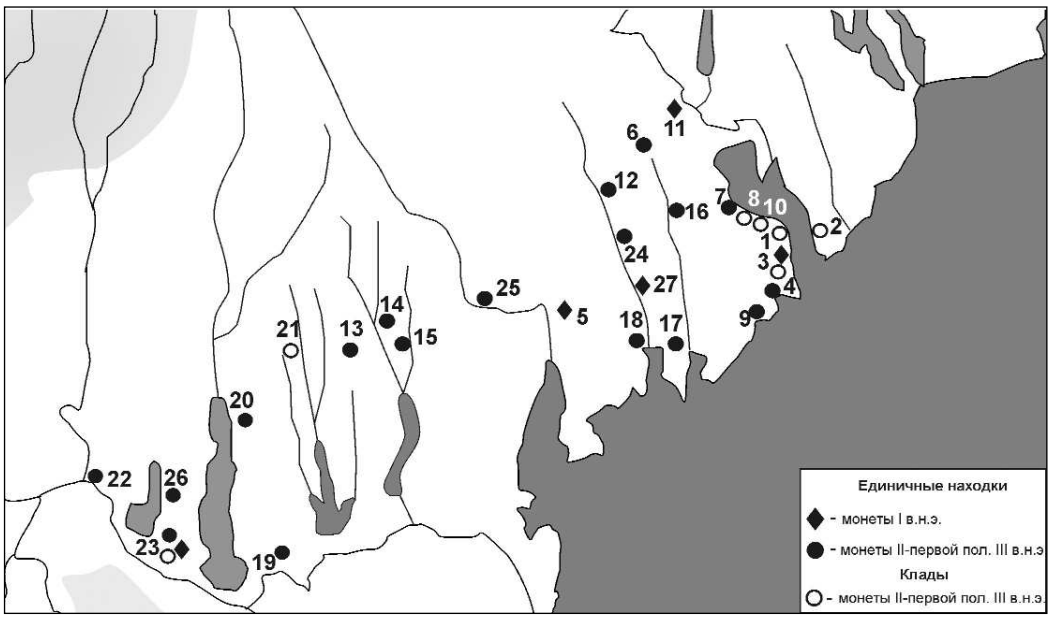


Рис. 182. Находки римских монет I – пер. пол. III в. н.э. в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра.
1 – Тира; 2 – Никоний; 3 – Шабо; 4 – Затока; 5 – Заря; 6 – Удобное; 7 – Молога; 8 – Выпасное; 9 – Беленькое; 10 – Переможное; 11 – Тудорово; 12 – Николаевка-Новороссийская; 13 – Островное; 14 – Ташлык; 15 – Главаны; 16 – Кривая балка; 17 – Безымянка; 18 – Желтый Яр; 19 – Измаил; 20 – Болград; 21 – Банновка; 22 – Рени; 23 – Орловка; 24 – Сергеевка; 25 – Мирнополье; 26 – Нагорное; 27 – Дивизия

Приток римской монеты в Тиру продолжается и при последующих императорах, однако становится все менее интенсивным. Не прерывается поступление римских эмиссий в Тиру и в эпоху кризиса империи. В списке находок представлены почти все императоры до 270 г. (Карышковский, Клейман 1985 : 134, т. 2). К последней трети III в. и особенно к IV в. принадлежат крайне малочисленные находки. В Тиру, как и в Ольвию (Карышковский 1965 : 56), вплоть до времени Северов проникало больше серебряных монет, которые использовались для крупных торговых операций. Медные монеты Рима участвовали в денежном обращении на городском рынке вместе с тирасскими эмиссиями. Поступлению в Тиру римских монет способствовало включение города в Нижнюю Мезию и пребывание в Тире римского гарнизона.

Анализируя находки римских монет из Тиры можно сделать следующие выводы.

Римские монеты из Тиры классифицируются по нескольким хронологическим группам. Первая охватывает время до включения Тиры в состав провинции Нижняя Мезия. В этот период римские монеты получают тирасскую надчеканку. Следующий период характеризуется совместным обращением римских монет и монет Тиры (II – начало III в.). На денежном обращении сказалась политическая стабильность Римской империи и экономическое процветание Тиры в это время. Третий период – эпоха кризиса империи (вторая четверть III в.). Римские монеты поступа-

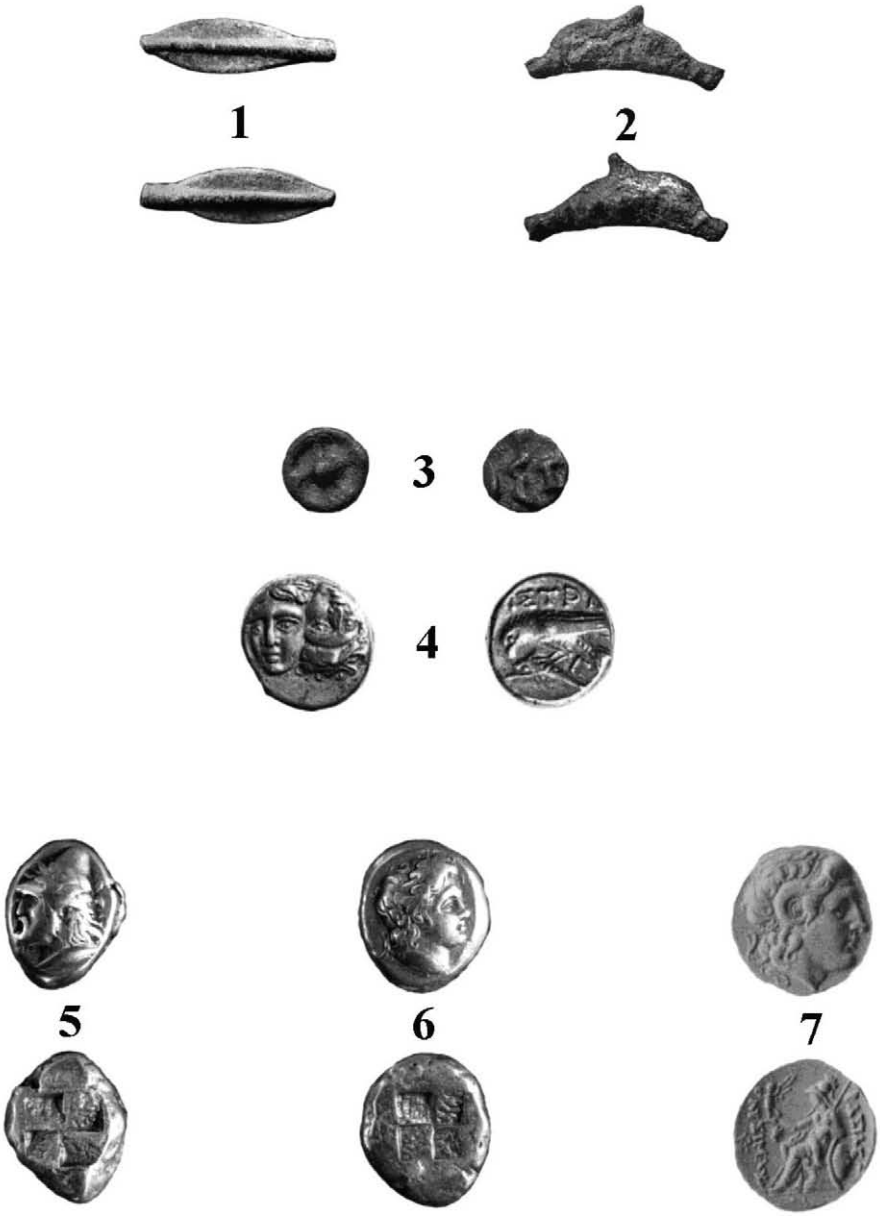


Рис. 183. Иноземные монеты, обращавшиеся в междуречье
Нижнего Дуная – Нижнего Днестра в VI–I вв. до н.э.
1 – монета-стрелка; 2 – дельфинчик; 3 – колесико; 4 – драхма Истрии;
5–6 – статеры Кизика; 7 – статер Лисимаха

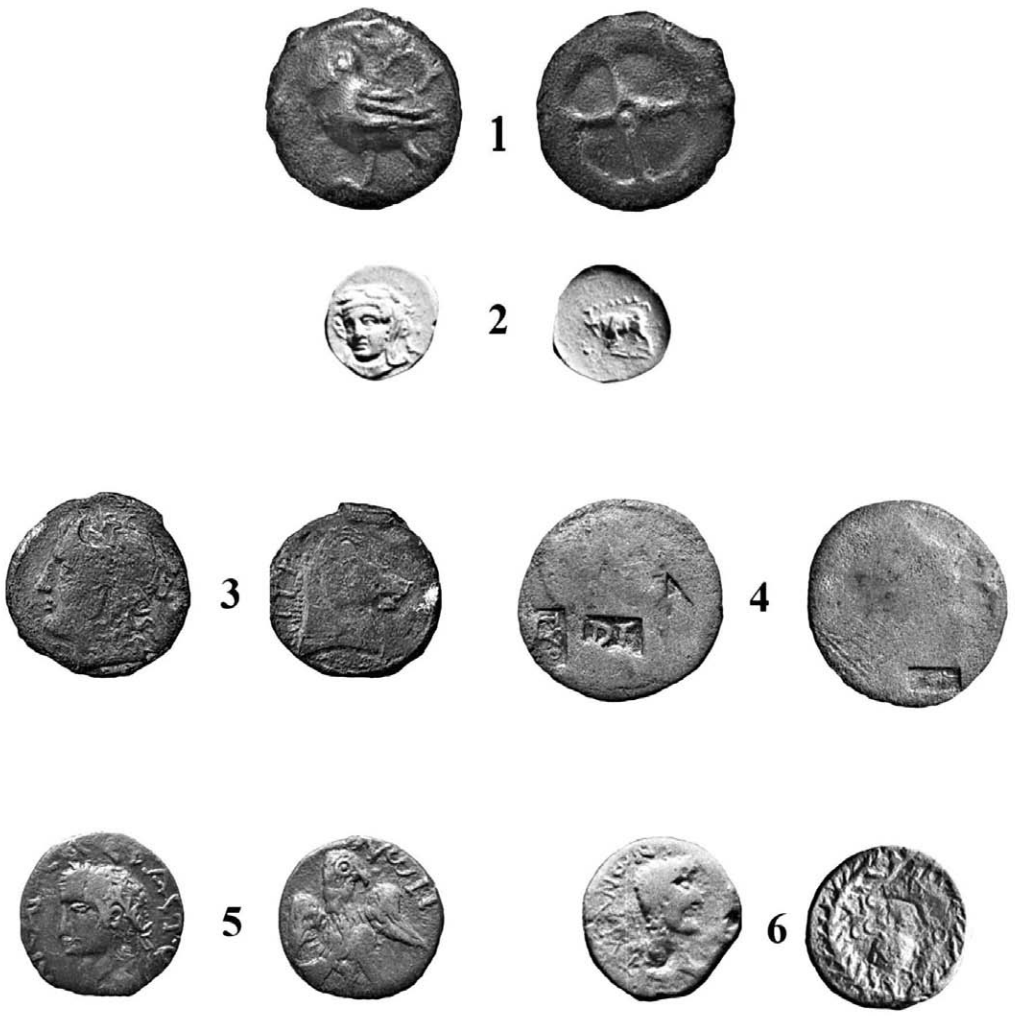


Рис. 184. Монеты Никония (1) и Тиры (2–6).
1 – монета Скила (нач. V в. до н.э.); 2 – драхма Тиры; 3 – монета втор. пол. IV в. до н.э.;
4 – римская монета I в. н.э. с тирасской надчеканкой;
5–6 – монеты Тиры сер. – втор. пол. I в. н.э.

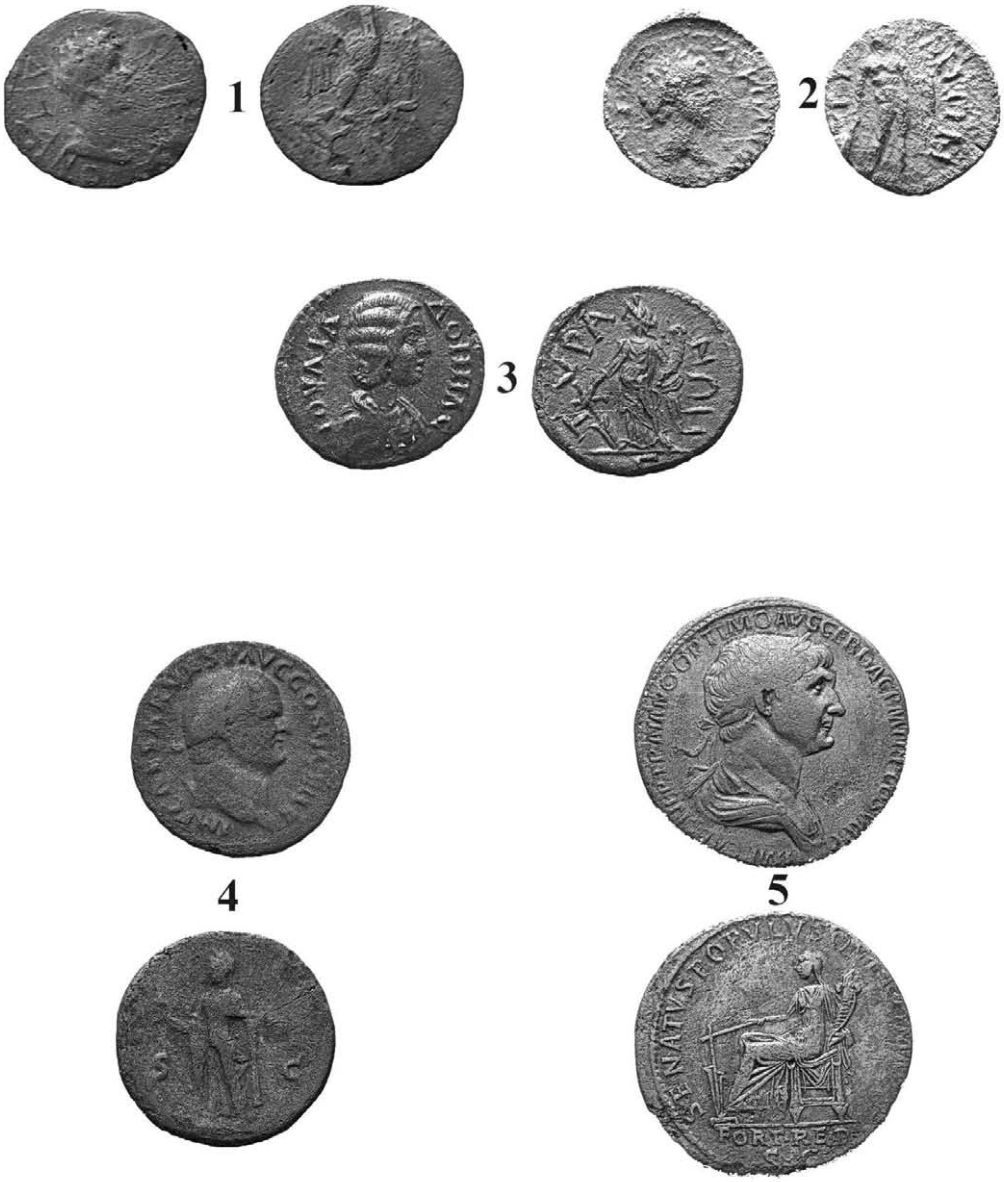


Рис. 185. Монеты Тиры (1–3) и Римской империи (4–5).
1 – Домициан; 2 – Коммод; 3 – Септимий Север; 4 – Веспасиан; 5 – Траян

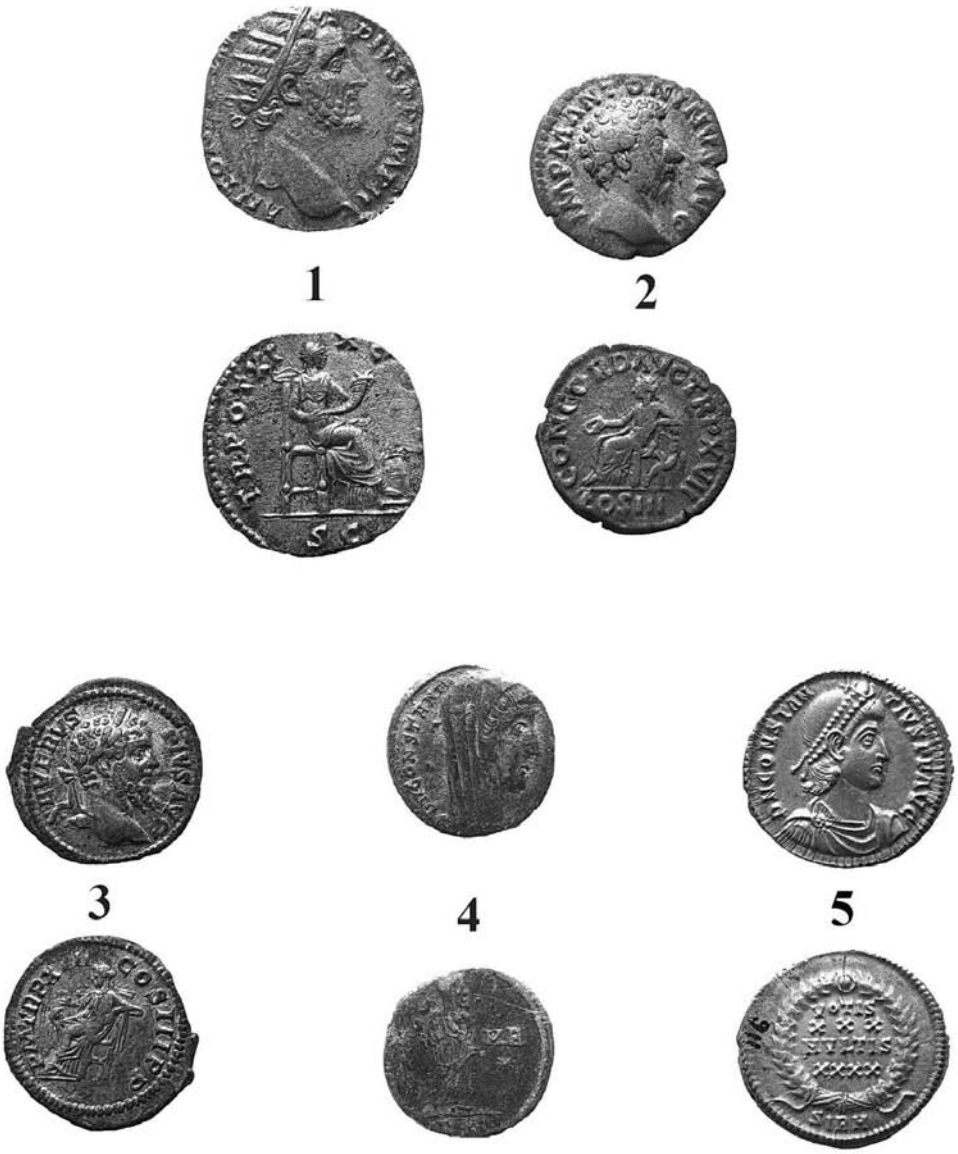


Рис. 186. Монеты Римской империи.
1 – Антонин Пий; 2 – Марк Аврелий; 3 – Септимий Север; 4 – Константин I;
5 – Констанций II. (2, 3, 5 – серебро)

ют в Тиру регулярно, однако в количественном отношении они значительно уступают предыдущему периоду. После прекращения работы тирасского монетного двора при Севере Александре некоторое время продолжают циркулировать старые выпуски, введенные в обращение путем наложения клейма. На заключительном этапе (конец III – IV вв.) поступление римских монет резко уменьшается и утрачивает регулярный характер. Зафиксированные в сельскохозяйственной округе Тиры монеты почти целиком состоят из римских денариев и тирасских эмиссий.

Денежное обращение междуречья Дуная и Днестра. Степи Северо-Западного Причерноморья с глубокой древности являлись своеобразным коридором, по которому осуществлялись миграции и разного рода связи с соседними народами. В первой половине I тысячелетия здесь сталкивались интересы Римской империи и варварских кочевых и оседлых племен. Население не было постоянным. В междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра не обнаружено ни одного поселения, которое можно отнести к середине I в до н.э – второй половине I в. н.э. С конца I в. н.э. здесь появляются памятники поздних скифов и сарматов. Поселения, датируемые концом I–III вв., располагались в долинах рек. Их население находилось под воздействием античного мира. В это же время здесь кочевали сарматские племена. Археологические данные свидетельствуют о частичном переходе сарматов к оседлости и занятиям земледелием. С конца III в. в степной зоне Причерноморья появляются памятники черняховского типа, которые исчезают в эпоху гуннского нашествия. Высокий уровень земледелия и тесные торговые и культурные связи с Римской империей предполагают наличие у черняховских племен денежного обращения.

Топография находок римских монет в степной зоне междуречья Дуная – Днестра свидетельствует об их неравномерном распределении как в территориальном отношении, так и в хронологическом.

Для выявления закономерностей и особенностей распространения монет римского времени в регионе монетные находки разделяют на несколько групп (Нудельман 1982: 128).

Первую хронологическую группу составляют римские республиканские монеты. Находки их в степной части междуречья не зафиксированы, что объясняется в первую очередь отсутствием здесь оседлого населения, синхронного времени выпуска этих эмиссий. Как уже отмечалось, незначительное количество республиканских денариев найдено только в Орловском городище и Тире (в составе клада III в. н.э.).

Вторая хронологическая группа охватывает монеты I в. н.э. Эти монеты в силу отсутствия в это время оседлого населения в степной части междуречья встречаются главным образом в античных центрах, а также в их округе. На всей территории междуречья известно, кроме Орловки и Тиры, две монеты I в. н.э. (денарии Веспасиана у сел Затока и Шабо) (Карышковский, Клейман 1985: 106). Монеты Веспасиана присутствовали также в кладе императорских денариев, найденных у с. Переможное (хора Тиры). Младшая монета клада – денарий Коммода. Из этого можно сделать заключение об анахроничном характере обращения монет I в. в регионе. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что римские монеты первого столетия н.э. в степи между Дунаем и Днестровским лиманом не проникали.

Самая многочисленная категория монетных находок в междуречье относится к третьей хронологической группе (II в. н.э.). В это время степи Буджака вновь заселены. Оседлое население формируется за счет перемещения земледельческого населения и частичного оседания кочевников (Гудкова, Фокеев 1982: 3). Основную

массу населения в I–III вв. составляли кочевые сарматские племена, оставившие многочисленные курганные и бескурганные могильники. Другая группа памятников этого времени – селища, неоднородные в культурном и хронологическом отношении (Гудкова 1983: 7). Особое явление представляет поселение первых веков н.э. Молога II на Днестровском лимане, материальная культура которого имеет позднескифский облик (Гудкова, Фокеев 1982: 103–109). Позднескифские памятники занимают низовья Днестра (Малюкевич 1991а: 72, рис. 1). В глубине степей между Днестром и Дунаем такие памятники не обнаружены (Гудкова 1997: 27). Нижнеднестровские поселения к. I–III вв. вероятно входили в сельскохозяйственную округу Тиры и, судя по археологическому материалу, вели оживленную торговлю с причерноморскими центрами и Восточным Средиземноморьем. Это объясняет присутствие на некоторых из них римских и тирасских монет. Позднескифское, в значительной мере эллинизированное население составляло основную часть обитателей и римского Никония (Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008: 180; Зубарь, Сон 2007: 194).

Все происходящие из степной зоны междуречья римские монеты II в. являются единичными находками, в основном денариями (Нудельман 1985: 38, рис. 15). Самая ранняя из них – монета Адриана. Затем следуют денарий Сабины, монеты Антонина Пия, Фаустины Старшей и Младшей. Территориально большинство находок тяготеет к Нижнему Подунавью (рис. 182). Здесь во II в. появляются римские сторожевые посты (в районе современных городов Измаила и Килии) (Карышковский, Клейман 1985: 95). В Тире находился римский гарнизон. Разгром Траяном державы Децебала и создание провинции Дакия, укрепление лимеса и римское военное присутствие создавало благоприятные условия для мирной жизни в Северо-Западном Причерноморье. Только в конце правления Антонина Пия назревает конфликтная ситуация на нижнедунайском участке лимеса. Соответственно наблюдается процесс тезаврации, свидетельством чего является сокрытие небольшого клада в Орловском укреплении (Бондарь 1982: 133–134). Условия обнаружения клада вблизи жилища со следами пожара указывают на причину тезаврации. Такая же картина наблюдается в междуречье Днестра и Прута – происходящие оттуда клады II в. относятся ко времени не ранее 40–50-х гг. этого столетия (Нудельман 1982: 126).

Топография находок римских монет II в. в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра свидетельствует о существовании двух ареалов их распространения. Это поселения вблизи Днестровского лимана, тесно связанные экономически с Тирой, и левобережье Нижнего Дуная, где Римская империя осуществляла мероприятия по укреплению лимеса.

Монетные находки, датируемые III столетием, должны рассматриваться с учетом политической ситуации в регионе и в Римской империи в целом. Поэтому четвертая хронологическая группа включает монеты эпохи кризиса и готских нашествий. В Тире, как мы знаем, представлены эмиссии почти всех императоров от начала до третьей четверти III в. На остальной территории междуречья такие монеты крайне редки, что соответствовало сокращению римской торговли в эпоху кризиса и уменьшению притока римских монет на земли варваров. К эпохе кризиса относится найденный в 1977 г. в Болградском районе клад, отражающий важный этап проникновения римской монеты в междуречье Дуная–Днестра (Розуменко 1982: 135–138). Клад, наряду с денариями, содержал низкопробные, практически биллоновые антонинианы начала денежного кризиса. Такие клады достаточно

редки в Восточной Европе, поскольку население предпочитало припрятывать серебряные денарии. В придунайских провинциях антонинианы находятся в составе кладов, зарытых в середине III в. Более ранние клады содержат в основном денарии. Этот факт объясняют зависимостью денежного обращения в Подунавье от процессов денежного обращения Римской империи, где со времени Гордиана III денарий сменяется выпуском антонинианов, курс которых превышал их стоимость. Клад из Болградского района свидетельствует о близости характера денежного обращения на левобережье Нижнего Дуная к западным землям.

По мере преодоления кризиса постепенно увеличивается приток римской монеты в Северо-Западное Причерноморье.

Наиболее представительными оказываются монеты последней группы, приходящиеся на время формирования и расцвета черняховской культуры. Основная масса степных черняховских памятников датируется второй половиной – концом III–V вв. (Магомедов 1987: 87–90). Конец существования черняховской культуры в Северо-Западном Причерноморье связан с гуннским нашествием.

Район Северо-Западного Причерноморья от Дуная до Днепра являлся областью распространения черняховских памятников «причерноморского типа» (Магомедов 2001: 18.) Эти памятники, имея общие черты с другими областями черняховской культуры, обнаруживают и отличия. Раскопки на некоторых черняховских памятниках в междуречье Дуная–Днестра позволили выделить среди них поселения «городского» и «сельского» типа с разным уровнем развития ремесел и торговли (Кравченко 1971: 53–64). Большинство памятников располагалось по берегам рек (Магомедов 1987: 10, рис. 1). Часть монетных находок в регионе непосредственно связана с поселениями черняховской культуры. В Буджаке зарегистрировано более 200 черняховских поселений. Отсюда же происходит около 50 экземпляров римских эмиссий (Столярик 1989: 45–50).

На территории Восточной Европы римские монеты представлены серебряными денариями II в., главным образом, в кладах. Монет III в., выпущенных при Каракалле антонинианов из низкопробного серебра, – значительно меньше. Помимо серебра, в Восточную Европу поступали и бронзовые эмиссии. Пути поступления и функции римских монет в разных регионах были разные (Мызгин 2008: 75). Помимо торговых операций, это могли быть выкуп за пленных, военная контрибуция. Очевидно, происходящие из кладов серебряные денарии, попадая в руки племенной знати, превращались в сокровища, зарытие которых связано с гуннским нашествием.

Роль и значение римских монет у черняховских племен является предметом дискуссий. В основном речь идет о возможности участия римской монеты в денежном обращении у этих племен. Дать однозначный ответ на этот вопрос пока не представляется возможным. Вероятно, определенная часть серебряных монет могла использоваться во внешней торговле. Монеты лучшего качества со временем накапливались в виде сокровищ. Что касается медных эмиссий, участие их в мелких торговых операциях на местных рынках не подлежит сомнению. Следует также учитывать локальные варианты черняховской культуры. Для памятников причерноморского типа существенную роль играла близость к античным центрам и к границам Римской империи. Не случайно на землях между устьем Дуная и Днестра монетные находки концентрируются в основном в западной части региона (Столярик 1992: 79, карта 1). Несколько меньше их в Нижнем Поднестровье. Большинство находок монет располагается, как и черняховские поселении, вдоль рек.

Монет конца III – начала IV в. сравнительно немного. Среди них надо отметить золотую монету Диоклетиана из Долинского (Ренийский район), Лициния из Грибовки (Белгород-Днестровский район). Замечено, что в отличие от соседней Добруджи, золотые и серебряные монеты характерны для западной части степного региона (Столярик 1992 : 24). Однако количественно преобладают медные.

Монетные находки позднеантичного времени (конец III–IV вв.) рассматривают в рамках следующих хронологических этапов: I этап – 284–337 гг.; II этап – 337–378 гг.; III этап – 378–491 гг. (Столярик 1992: 72–73).

На первом этапе в Северо-Западном Причерноморье возобновляется приток римских монет, почти прерванный в эпоху кризиса. В политическом отношении наиболее важными событиями, отразившимися на поступлении римской монеты, была активизация, а затем разгром варварских племен в Среднем и Нижнем Подунавье. В результате натурализации экономики объем монетного обращения сокращается не только в Добрудже, но и в междуречье Дуная-Днестра.

На втором этапе под власть Рима попадает ряд территорий занятых варварскими племенами. Стабилизируется обстановка в Нижнем Подунавье. Результатом этих процессов было оживление денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье. Об этом свидетельствуют находки бронзовых монет Константина I и его сыновей в Нижнем Подунавье и Нижнем Поднестровье. Пик поступления приходится на время правления Констанция II (337–361 гг). В Нижнем Подунавье найдены два клада. Один (недалеко от Болграда) содержал 9 медных монет первой половины IV в., в том числе, монеты Констанция II. Другой (из черняховского поселения у с. Холмское) содержал 93 серебряных монет Констанция II. Время зарытия кладов относят к 60-м гг. IV в., когда император Валент совершает карательные походы против готов. Военные действия захватывают и район Нижнего Дуная. Для второго этапа характерно преобладание медных эмиссий. В конце этого этапа в связи с обострением политической и экономической ситуации в Добрудже приток монет в степной район Причерноморья сокращается.

В результате гуннского нашествия 376 г. были разрушены черняховские поселения в степной зоне Причерноморья. Прерываются экономические контакты Римской империи с населением Северо-Западного Причерноморья. На третьем этапе сюда практически перестают поступать медные и серебряные римские монеты. Процесс денежного обращения угасает. Немногочисленные золотые монеты из степного междуречья явились результатом гуннского владычества и не имеют отношения к денежному обращению.

БЕЛГОРОД – АКДЖА КЕРМАН – АСПРОКАСТРО
(очерк истории и археологии средневекового города)

Исторический очерк. Дата прекращения жизни античного города Тиры с достаточной точностью нам не известна. Традиционная историографическая датировка его эпохой гуннского вторжения (370 гг. или чуть позже) – не более чем дань умозрительной концепции «большого разгрома», восходящей, в конечном счете, к Аммиану Марцеллину.

Обвальное крушение римских порядков в результате «Великого переселения народов» затронуло только Запад. На Востоке, в несколько иных социально-экономических условиях, конец античного мира не стал коллапсом, а мучительной перестройкой; при этом на Востоке сохранялась старая имперская политическая надстройка. Византия выдержала варварские нашествия и в эпоху Юстиниана I (527–565 гг.) даже перешла в контрнаступление. Нижнее Поднестровье при разделе Империи в конце IV в. примыкало к владениям восточных августов.

«Туррис» Прокопия. В качестве первого свидетельства о средневековом городе на месте античной Тиры можно привлечь пассаж в «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами» византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского. Это рассказ о посольстве Юстиниана к славянам-антам в 546 (545?) г. Прокопий пишет: «*...император Юстиниан, отправив некоторых лиц послами к этим варварам* (антам – Г.Б.), *предлагал им поселиться в древнем городе по имени Туррис* (Τούρρις), *расположенном у самого берега реки Истра. Этот город построил римский император Траян, но он уже издавна был покинут...*» (Procop. De Bel. Iust., VII, 14, 32). Посольство успеха не имело, и уже на следующий год византийским войскам довелось отражать очередное нашествие славян.

В литературе существуют аргументы в пользу отождествления Турриса с Тирой: достаточно близкое звучание названий (Самойлова 2000: 169); употребление Константином Порфирогенитом для основателей города термина «ромеи», под которым можно подразумевать как римлян, так и византийских греков; подчинение Юстинианом I Крыма (Якобсон 1959: 29–42) и городов Западного Понта – в русле подобной политики появление византийских войск в Тире было бы логичным, как и вообще развитие Тиры «по нижнедунайскому образцу» (Самойлова 2000: 171).

Существуют и аргументы в пользу иной точки зрения. Во-первых, города Добруджи в эпоху Юстиниана I динамично развивались (Федоров, Полевой 1973: 233), но, тем не менее, Туррис назван Прокопием *«издавна покинутым»*, т.е. городом, в его время не существующим. Во-вторых, он называет Туррис *«расположенным у самого берега реки Истр»* и сообщает, что *«этот город построил император Траян»*. Ни то, ни другое утверждение не могут относиться к древнегреческой апойкии на Днестре. Таким образом, отождествление «Турриса» Прокопия с Тирой пока не может быть доказано.

Проблема «славянского Белгорода». Хронологически первым достоверным упоминанием средневекового города на месте бывшей античной Тиры является упоминание в 37-й главе труда историка и императора Константина Порфирогенита «Об управлении империей» (написан в 948–952 гг.): «*...должно заметить, что по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости: первая крепость названа пацинакитами* (древнерусские «печенеги» – Г.Б.) *Аспрон* (᾽Ασπρον), *так как ее камни кажутся совсем белыми… Посреди самих строений древних крепостей обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи когда-то имели там поселение...*» (Const. Porfyr., De adm. Imp., 37, 1).

Несомненное свидетельство содержит дорожник Мухаммеда ал-Идриси (XII в.). Было установлено (Рыбаков 1952: 5–9), что большая часть его информации восходит к трудам арабских географов IX–X вв. Идриси пишет: «*...От Дуная до Аклибы один день плавания. От Аклибы до устья Данастра одна миля…*» (Рыбаков 1952: 18). Отождествление Аклибы с Белгородом не имеет серьезной альтернативы. Название «Аклиба» тюркское, что корреспондирует с размещением Константином Аспрона в землях тюрок-печенегов. В отличие от «пустой крепости» византийца, араб упоминает существующее поселение.

Если обратиться к отечественным источникам, то обнаруживается, что древнерусские летописи города в низовьях Днестра не знают. В «Повести временных лет» сказано только, что юго-западные восточнославянские племена уличей и тиверцев *«…сидели по Бугу и по Днестру до самого Дуная и оли до моря, и бе множство их, и суть города их и до сего дни»* (ПВЛ 1990: 20). То есть, наш летописец утверждает, что Пруто-Днестровское междуречье заселялось до моря восточными славянами, и что какие-то города у них были. Однако ни один из этих городов не назван.

И в более поздние времена древнерусские летописи не фиксируют Белый Город на Днестре – ни в XI – начале XII вв., когда слагалась датированная часть «Повести временных лет», ни позже, вплоть до т.н. «Списка руськых городов» (составленного в конце XIV в. в канцелярии северорусского митрополита), хотя в XII–XIII вв. он занимал исключительно выгодное положение на важном торговом пути, соединявшем Галич с Константинополем (Пашуто 1950: 167).

Незначительные, неопределенно датируемые остатки славянской материальной культуры известны из раскопок Белгород-Тирского городища (Мезенцева 1986: 513–518). Поэтому полностью отрицать существование в Белгороде славянского поселения было бы ошибочным, хотя оно должно было быть небольшим (Богуславський 2002: 75).

Можно предложить следующую реконструкцию событий (Богуславський 2002: 78). Славянское поселение в районе античной Тиры могло появиться уже в VI в., в ходе общего движения славян на юг, в земли Византийской империи. В VIII–IX вв. это, вероятно, одно из селищ восточнославянского племени тиверцев (Богуславський 2002: 78). В последней четверти IX в. власть болгарского царя Симеона охватывает весь юг Пруто-Днестровского междуречья, достигая на севере устья реки Бык, но к югу от нее, в пределах Болгарии, на правах союзников Симеона кочуют некоторые печенежские колена. Наблюдается приток в регион правобережья Нижнего Днестра южнославянского и тюрко-болгарского населения при сохранении части восточнославянского (Козлов 1991: 8–10; 1996: 116). Власть преславских царей была недолгой, и настоящими хозяевами региона становятся степняки. В середине X в. они уже выступают союзниками Руси против болгар, грани-

ца Болгарии откатывается обратно к Нижнему Траянову валу, хотя болгарское, славянское и тюркское население на Нижнем Днестре остается.

В 967 г. регион Нижнего Днестра переходит под руку киевского князя, а во второй половине XII в. – под влияние сильных галицких князей. Последние имели хорошо налаженные отношения с Византией и держали торговый путь из Константинополя на Балтику, который пролегал по Днестру. Поселение в его низовьях вряд оставалось в стороне от этой торговли (Пашуто 1950: 167); по крайней мере, в арабском мире его знали, хотя ал-Идриси дает ему тюркское название Аклиба. Тюрки Северо-Западного Причерноморья в X–XIII вв. оставались кочевниками (Добролюбский, Руссев 1986: 177–180). Потому сомнительно, что «Аклиба» ал-Идриси – поселение массово оседающих степняков; преобладать на нем должны были все же выходцы из оседлых регионов – Руси, Болгарии, возможно, Византии.

Таким образом, можно постулировать торговый характер белгородского поселения в эпоху феодальной раздробленности на Руси, но городом оно, по-видимому, так и не стало. Поэтому считаем, что Белгород не смог бы пережить монгольское нашествие. В 1242 г. орда Кадана, возвращаясь в низовья Волги, прошла через Болгарию и вышла к Дунаю у болгарского города «Кыле» (Старой Килии); следующей закономерно должна была попасть под удар Аклиба (ср. Параска 1981: 29). Учитывая особенности ведения войны Чингизидами, не исключено, что ее население было полностью истреблено.

Золотоордынский Акджа Керман. Золотоордынский период в истории Белгорода на Днестре был не слишком долог, но стал решающим для развития этого городского центра. С эпохи Улуса Джучи твердо фиксируется археологический континуитет городской застройки; следовательно, золотоордынская урбанизация стала основополагающей для города.

Из арабских и европейских источников известно, что город в эпоху Улуса Джучи назывался по-тюркски Акджа Керман или по-гречески Аспрокастро. «Акджа» переводится буквально как «беловатый, белесый». Вместе с тем это слово, намекающее на богатство: возможна семантическая связь с огузским «акче», имеющим значение «серебряная монета». Греческое название Аспрокастро имеет в своей основе такую же игру слов, ибо в среднегреческом языке «аспр» = «белый» также обозначает серебряную монету. Вряд ли это случайно: в это время Белгород постепенно становится важным торговым центром Восточной Европы. В европейском словоупотреблении город именуется обычно Маокастро, Маврокастро, Монкастро и т.д. – но эти названия фиксируются исключительно в источниках, восходящих к данным итальянской торговли и политики.

Начало истории золотоордынского центра на месте античной Тиры и раннесредневекового Аспрона-Аклибы остается неизвестным. Традиционно дата начала развития золотоордынского города определяется как «конец XIII в.» (Кравченко 1986: 3–4).

Для середины XIV в. «Житие Иоанна Нового» мельком упоминает несколько этнических групп, проживающих в городе; важную информацию добавляют генуэзские нотариальные акты из нижнедунайской Килии (Руссев 1999: 59–74). Так, известно, что в Белгороде проживали торгующие здесь итальянцы; существовала еврейская община, жили выходцы из степи – «татары», «сарацины» (т.е., мусульмане) и «монголы». Довольно многочисленной представляется православная община (греки и болгары, вероятны также и русины).

После походов Субудэ до 1270-х гг. золотоордынские ханы практически не обращали внимания на юго-западную границу (Пашуто 1950: 152–153). Лишь во

второй половине 1260-х на западе Золотой Орды образуется новый центр власти, главой которого становится беглярибег Ногай, сын Буфала (Тевала), бастарда Джучи. Звание «бека над беками» он получил около 1264/1265 гг. от своего дяди хана Берке. После его смерти Ногай становится наиболее влиятельным политиком Улуса; все ханы от Менгу-Тимура до Тохты включительно были его креатурами. Он осуществляет грабительские походы на Балканы, Венгрию и Польшу (Павлов 1995: 123–126; Руссев 1999: 90). После разгрома крестьянского восстания Ивайла (1280 г.) болгарский трон становится полностью зависимым от Ногая, как и сарайский престол. Ставкой беглярибега была Сакджа (Исакча) на Дунае, которую итальянцы называли Вичиной (Павлов 1992: 61; 1995: 121).

К его эпохе относится и старейшее упоминание Белгорода в генуэзском документе, датированном 1290 г.: генуэзский купец Джакомо ди Фианале отправляется в Мальвокастро (Malvocastro) закупать товары для перевозки в Константинополь (Полевой 1988: 9).

В конце XIII в. в Улусе Джучи вспыхивает династическая борьба, в которой гибнет Ногай. Его старший сын Чака (Джека) попробовал закрепиться в Тырново, но был свергнут своим шурином, новым царем Болгарии Тодором Светославом (1300–1321 гг.). Тодор выдал голову Чаки Тохта-хану, в Сакдже утвердился Тукулбуга, сын Тохты; через два года так же погиб и брат Чаки Туран (Павлов 1995: 126–127; Руссев 1999: 91–92).

Еще в 1330-х гг. египетские авторы Исмаил Абу-л-Фида и ал-Умари со ссылкой на рассказы египетских купцов, бывавших в Причерноморье, связывают Акджа Керман как со «страной Берке или Узбека» (т.е., Улусом Джучи), так и с Болгарией. Город называется ими «небольшим», его население характеризуется как смешанное («мусульмане и неверные»), а политическая принадлежность определяется одновременно как город «в стране булгар» и пограничный иклим (округ) «страны кыпчаков» (еще одно метафорическое обозначение Улуса Джучи) (Тизенгаузен 1884: 230–237; Коновалова 1991: 37, 69). Эти данные подтверждаются и европейскими источниками. На нескольких европейских портуланах XIV в. (Анхело Далорто, 1325 г., братья Пиццигани, 1367 и 1373 гг. и др.) надпись Bulgaria тянется на восток до Днестра, хотя над городом Maurocastro обычно ставится флаг с джучидской тамгой (Коновалова 1983: 35–50). Маврокастро дважды в 1314–1343 гг. упомянут в реестрах городов, где существовали обители католического Ордена Св. Франциска Ассизского. Еще один францисканский документ упоминает, что «…в Мауро Кастро (Mauro Castro) фра Ангелус де Сполето …замучен вулгарами…», очевидно, ок. 1307 г. При этом общее название документа о мученичестве: «О братьях миноритах, замученных в Тартарии» (Руссев 1999: 62). Наконец, существует постановление Оффиции Газарии[1] от 22 марта 1316 г., известное как «Запрет хождения в Загору». Оно является отголоском конфликта, который имел место за год до того между генуэзцами и людьми «императора Загоры, Божьей милостью владыки Булгарии Федиксклавуса» (Fedixclavus); имеется в виду царь Тодор Светослав. От последнего требуется возмещения убытков, понесенных какими-то генуэзцами от «императорских» людей «в Мавокастро (Mavocastro) и других местах» (Руссев 1999: 63).

[1] Т.е., правительства Каффы, которое считалось верховной властью над всеми генуэзскими колониями Причерноморья.

Итак, документы фиксируют в Акджа Кермане (и, следует полагать, на всей территории между низовьями Днестра и Дуная) в 1307–1315/1316 гг. администрацию, подчиненную болгарскому царю. Как же это сочетается с наличием ханской ставки Тукулбуги в Исакче? Такая ситуация, по нашему мнению, была обусловлена тем, что вся Болгария считалась подчиненной Улусу Джучи, и высший суверенитет над землями оставался за ханом (Руссев 1999: 92–101). Вступление на трон Сарая Узбек-хана, племянника Тохты, объявившего государственной религией исповедуемый им ислам (1312 г.), не привело к изменению в административном статусе Акджа Кермана. Скорее всего, город оставался под властью Болгарии до смерти Тодора Светослава в 1321 г. (Руссев 1999: 100–101).

Узбек-хан (1312–1341 гг.) опирался в своей политике на поддержку торгово-ремесленной прослойки городов Поволжья, особенно на крупные корпорации международных торговцев, что и обусловило окончательный переход Джучидов в ислам. Именно при его правлении Акджа Керман, скорее всего, вернулся под прямое управление Улуса Джучи. Эта политика привела к появлению в городе восточного этнического компонента (поволжских тюрок, кыпчаков по языку и татар по самоназванию), существование которого ясно прослеживается археологически. Более того, обоснованно предположить, что Узбек-хан мог прямым приказом перебросить некоторую часть подданных из центра державы на западную границу для укрепления своего господства в регионе. Политическая активность этого хана, как известно по письменным источникам, проявлялась на западных границах Золотой Орды. В 1320–1330-х гг. фиксируется война Улуса Джучи с галицкими князьями, набеги ордынских отрядов беспокоят территорию Трансильвании и Валахии (Полевой 1979: 80).

В некоторой степени почти полустолетнее правление Узбека и его среднего сына Джанибека (1342–1357 гг.) было «золотым веком» Золотой Орды. Следует отметить, однако, существенную разницу в политике отца и сына. Узбек опирался на мусульманские по вероисповеданию зажиточные слои торговых городов поречья Нижней Волги. Они были сторонниками централизованной державы, где занимали бы чиновные посты в управлении страной (Федоров-Давыдов 1973: 44). Джанибек же шагнул на трон, опираясь на степных беков, которые не были сторонниками сильной ханской власти и противодействовали усилению политической роли городской верхушки (Федоров-Давыдов 1973: 45). Времена Джанибека характеризовались сильным давлением на торгово-ремесленные слои. Была заметно централизована монетная чеканка; даже монетные дворы обоих Сараев переживают резкий спад производства (Руссев 1999: 47).

Вместе с тем и политической активности на западных границах Джанибек, опять же, в отличие от отца, не проявлял. В землях, прилегающих к Дунаю и Карпатам, активизируются враги Улуса (Параска 1981: 78). На формально подвластные золотоордынским ханам земли современной Украины именно в 40–50-х гг. XIV в. ведут активное наступление литовские и польские соседи. К концу 1350-х Галичина окажется под властью Польши, в Киеве, на Волыни и Подолье власть перейдет к разным ветвям литовских Гедеминовичей (Білецька 2003: 22–25). Где-то в середине 1340-х гг. источники фиксируют и какую-то крупную победу над татарами венгерского комита Андраша Лакцфи – «за Карпатами» (т.е., с восточной стороны от них). По-видимому, западная граница Улуса после этих событий отодвинулась на восток (Параска 1981: 76–79).

В религиозном отношении Белгород эпохи Узбека – Джанибека был городом смешанным, это отмечают и «Житие Иоанна Нового», и египетские географы. В 1347 г. впервые упомянут православный епископ белгородский (Кирилл-грек), подчиненный Галицкой митрополии (Руссев 1999: 27).

Нумизматические материалы свидетельствуют, что резкий поворот политики нового хана Сарая в отношении городов не прошел бесследно. По данным Н.Д. Руссева, товарно-денежные отношения в городе в середине XIV в. переживают очевидный упадок. В городе появляется большое количество нового, ордынского, населения; ослабляется роль этносов, привычно занимавших нишу экономических лидеров – итальянцев, греков, отчасти болгар. Новый всплеск денежного обращения и рост количества нотариальных актов, в которых упоминается Маврокастро, датируется уже второй половиной правления Джанибека (Руссев 1999: 159–160) – т.е., временем после Великой Чумы.

Страшнейшая пандемия в истории Старого Света прокатилась в 1346–1353 гг. по всему континенту от Желтого моря до Атлантики. По территории Улуса Джучи мор прошел дважды; именно отсюда генуэзцы завезли чуму в Италию. Ряд источников сообщает о грандиозных жертвах, понесенных населением Улуса; особенно пострадали поречье Нижней Волги и соседние регионы. Существует версия, что именно это обстоятельство и вызвало «урбанистический взрыв» на западных границах Орды в силу массового переселения бежавшего от эпидемии населения (Руссев 1999: 54–58). Речь идет в первую очередь о появлении золотоордынских городов в средней части Пруто-Днестровского междуречья – Янги Шехра (Старого Орхея) и городища Костешть. Какую-то часть беглецов-переселенцев, возможно, принял и Акджа Керман (Руссев 1999: 58).

Нотариальные акты генуэзской конторы Антонио ди Понцо из Килии (1360–1361 гг.) позволяют отметить экономическую специфику золотоордынского города (Руссев 1999: 116). Монкастро упоминается в связи с кораблями, которые курсируют между его портом и килийским. В некоторых случаях речь идет о работорговле, упоминаются партии «меда и воска». Но большая часть сделок касается торговли зерном (Руссев 1999: 70), перепродававшимся затем через Константинополь на южноевропейских рынках. Еще более ранний итальянский источник, трактат флорентийца Франческо Пеголотти (его данные восходят к 1324–1336 гг.), отмечает, что «пшеница из Маокастро следует за зерном из Анхиала (в Болгарии – Г.Б.) и имеет одно достоинство… больше продается, ибо лучше сохраняется в плавании» (Полевой 1979: 70). Сведения арабских авторов также во многом базируются на информации, доставленной купцами, посещавшими Акджа Керман (Коновалова 1991: 87). Итак, золотоордынский Белгород становится важным центром транзитной торговли, преимущественно зерном.

«Золотой век» Узбека – Джанибека закончился в 1357 г. Зимой этого года старший сын Джанибек-хана Бердибек собственноручно задушил больного отца. Отцеубийца и братоубийца усидел на троне меньше двух лет. В Орде началась т.н. Великая Замятня (термин из северорусских летописей), за время которой только в столичном Сарае сменилось двадцать ханов за двадцать три года. Фактически усобицу закончила только битва на Куликовом поле, после которой Тохтамыш-хану удалось восстановить единство Улуса, при том сильно ослабленного. До самых западных областей бывших ордынских владений его власть уже не дотягивалась.

Во времена Великой Замятни лишь к западу от Волго-Донского междуречья было относительно спокойно. Тут хозяйничал зять покойного Бердибека, тумен-но-

йон и беглярибег Мамай. Ставка его располагалась в городе в низовьях Днепра, известном в литературе под археологическим названием «городище Большие Кучугуры» (Федоров-Давыдов 1973: 97). Креатурой Мамая был хан Абдаллах, который много лет претендовал на трон Сарая. С Мамаем и Абдаллахом связана последняя страница истории золотоордынского Акджа Кермана.

С 1363 по 1365 г., по данным монетного чекана (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 84–85), ставка самого Абдаллах-хана находилась в городе Янги Шехр (Старый Орхей) в устье реки Реут неподалеку от впадения ее в Днестр. В этот период в городе был оборудован монетный двор, который насыщал своей продукцией рынки не только самого «Новгорода» (так переводится тюркское Янги Шехр), но и соседних городов в междуречье – Костешть и Акджа Кермана. Причем, по крайней мере, в последнем широко расходилась янгишехрская мелкая разменная медь – ясный свидетель высокого уровня развития внутреннего денежного рынка (Булатович 1986: 117–120). Вообще, на 1360-е гг. приходится очень высокий подъем урбанистической и хозяйственной активности в регионе, который переживает свой последний кратковременный расцвет золотоордынской эпохи (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 89–90).

Акджа Керман, в отличие от Янги Шехра и Костешт, не был сугубо ордынским городом; он возник раньше последних и был пестрым по этническому составу центром. Его экономическая ориентация была обращена не на восток, а на юг. Тем не менее, в это десятилетие он во многом разделил судьбу своих северных соседей (Руссев 1999: 160). По крайней мере, общие черты материальной культуры всех городских центров Поднестровья несомненны, хотя не менее заметны и различия – как в домостроительстве, так и в керамическом материале. Даже после откочевки Абдаллах-хана из Поднестровья монеты чекана Янги Шехра наполняли рынок Аспрокастро (анонимными эмиссиями) еще три года (Руссев 1999: 192).

Таким образом, прослеживается теснейшая связь ханской ставки на Нижнем Реуте с портом в устье Днестра. Акджа Керман, по данным генуэзских документов, в этот период продолжает сохранять тот характер, который приобрел ранее – транзитный торговый порт со специализацией на зерноторговле (Полевой 1979: 70). И хлеб, шедший из Белгорода, поступал, вероятно, из сельской округи Янги Шехра и Костешть, которые таковую округу имели, тогда как возле Белгорода в XIV в. сельских поселений не было (Мохов 1974: 298–300; Полевой 1988: 13).

На рубеже 1360-х – 1370-х гг. Янги Шехр и Костешть прекращают свое существование так же внезапно, как появились за двадцать лет до этого. Вместе с ними исчезают и сельские поселения средней части Пруто-Днестровского междуречья (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 88; Полевой 1979: 127). Слоя пожарищ на них нет (Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 11), золотоордынские города Поднестровья не были разрушены – они были покинуты населением (Руссев 1999: 162).

Обычно предполагается, что ордынцы были вытеснены из Поднестровья Великим княжеством Литовским, и связывается этот процесс с победой великого князя Альгирдаса (Ольгерда) на Синих Водах (р. Синюха, приток Южного Буга) в 1362 г. и последующей деятельностью его племянников, князей Подолья, братьев Кориатовичей (Параска 1981: 96, 103–110; Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 98; Шлапак 2001: 26). При этом забывают, что вся известная нам политика Кориатовичей – это постоянная война с родней на стороне Польши (Білецька 2003: 22–25). Не учитывают также, что Альгирдас сражался на Синих Водах не против Мамая. Распространено мнение, что владения бегов, противников Альгирдаса, – Димитрия,

Кутлубуги и Хаджибега – располагались в Степи между Южным Бугом и Дунаем. Кому из этих князей принадлежал сюзеренитет над Янги Шехром и Акджа Керманом, исследователи решают по-разному (Бырня 1997: 109–110; Руссев 1997: 148). Неизвестно, идентичен ли упомянутый в привилее 1368 г. венгерского короля Людовика Анжуйского «татарский князь Деметрий», правивший где-то у Дуная, бегу с Синих Вод (Полевой 1988: 12). Существует и версия, что коренные владения бегов находились в Крыму (Герцен, Могаричев 1993: 62–63). Как бы не решался этот вопрос, достаточно вероятен вывод, что «три бега» не были сторонниками Мамая. Потому-то он не оказал им помощи в борьбе с князем Альгирдасом, и, вероятно, именно после их поражения крайний запад владений Улуса Джучи, включая Акджа Керман, перешел под руку беглярибега и его хана.

Не стоит и забывать, что Мамай, прикрываясь номинальными ханами, оставался у власти до 1381 г. и был достаточно силен. Поэтому резкое прекращение существования золотоордынских урбанистических центров Пруто-Днестровского междуречья скорее создает впечатление, что «татарское» население просто централизовано снялось с места и откочевало на восток – туда, где беглярибегу нужны были военные силы для новых попыток овладеть Поволжьем. «Дальний Запад» его не интересовал (Федоров-Давыдов 1973: 114). Гипотезу об отвоевании города молдавским князем уже у литовцев в ходе военного конфликта 1377 г. (Шлапак 2001: 26) следует признать слабо аргументированной.

Молдавский Белгород – Аспрокастро. Молдавская эпоха, занявшая около века, была значительным этапом в развитии города на Днестре. Для огромного Улуса Джучи Акджа Керман был небольшим пограничным иклимом (округом), для маленькой Молдовы это был главный экономический центр, главный и порою единственный порт страны. При этом город этнически был чужд стране. «Волошская» (молдавская) община никогда не была в нем многочисленной, она не играла в жизни города важной роли, за исключением военной. Поэтому процесс интеграции города в политическую систему Молдовы был долог, и завершился практически накануне османского завоевания. Главной заслугой молдавских правителей стало оформление фортификации Аспрокастро. Под властью господарей Молдовы в Белгороде конституируется городская община; город, таким образом, приобретает типично европейские черты.

Попутно уточним название города в «молдавский век». Городской монетный чекан дает как основное самоназвание города греческое Аспрокастро; итальянцы продолжают употреблять привычное для себя Монкастро или Маврокастро. Славяноязычные раннемолдавские летописи называют город по-славянски Белгородом в разных вариантах написания (Белгород, Белград, Былый град и т.д.). Четатя Албэ – румыноязычный перевод названия – появился только в XVII в.

Для Акджа Кермана падение в регионе власти Улуса Джучи не могло иметь катастрофический характер. В населении города ордынцы были важной, но не единственной составляющей. В городе существовал ряд других этнических общин, часть из которых имели немалый вес и во времена Золотой Орды. Об этом свидетельствуют обиходное в середине XIV в. греческое имя города, подчинение епископа Белгорода Галицкой митрополии, маркирующее украинские связи Белгорода, существование болгарской и еврейской общин.

В новых условиях значение существующих этнических факторов было неоднозначно. Болгарское население в городе оставалось, но политическая раздробленность этой страны и османское завоевание всех трех Болгарий (Тырнова, Види-

на и Добруджи) ослабило политическую роль этой общины. Зато реальным представляется ее количественное пополнение за счет беглецов из-за Дуная от османского ига (Муртузалиев 1993: 74–83; Тютюнжиев 1996: 79–89). Греческое этническое присутствие представлено в источниках более полно. В молдавских источниках приморская часть Пруто-Днестровского междуречья носит греческое название Параталассия (Приморье). Именно греческий вариант имени – Аспрокастро – становится в XV в. официальным самоназванием города в устье Днестра (Руссев 1999: 174–175).

Весьма вероятно, что оставление администрацией Мамая Акджа Кермана стимулировало попытки закрепиться в городе на Днестре генуэзцев. Их положение в устье Дуная было нестабильным – тем вероятнее выглядит их попытка закрепиться севернее (Руссев 1999: 173–174). Отчасти им это удалось, по крайней мере, в экономической сфере. В 1421 г. через «Манкастро или Беллеград» проезжал французский посол бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа (при въезде в Белгород он был ограблен). В своих записках он пишет, что в городе «…обитают генуэзцы, влахи и армяне» (Самойлов 2002: 6). Естественно, население было этнически более пестрым, чем представлялось бургундцу. Видимо, подданные Республики Сан Джорджо увеличили численно свою колонию в городе, с которым давно были связаны тесными экономическими узами. При этом ни о какой их самостоятельной политической роли в Белгороде нет и речи – город находится под управлением «воеводы Александра, господаря Валахии и Молдавии»[1] (Самойлов 2002: 6–7). В одном документе из Каффы, датированном 1410 г., прямо утверждается, что живущие в Маокастро генуэзцы не объединены в единую структуру даже низшего уровня (факторию) (Iorga 1899: 34). Таким образом, «генуэзский город Монкастро» – типичный историографический миф. Экономические же позиции итальянцев – главных морских торговцев в регионе – оставались прочными.

Старейшее, хотя и косвенное свидетельство о молдавской политической принадлежности Белгорода содержит присяга господаря Романа I Мушата (ок. 1391–1394 гг.) польскому королю Владиславу II Ягайло (1386–1434 гг.), датированная 1392 г. В ней господарь называет себя «дедичем всей земли волошской от полонины аже до брегу моря»; известна титулатура Романа «воевода обладая Землею Молдавскою от планины до брегу моря» (Бырня 1997: 115). Ясно, что «дедичем» можно считаться только унаследованного владения; соответственно, переход к Молдове приморской части Пруто-Днестровского междуречья с Белгородом должен датироваться временем правления отца и предшественника Романа – господаря Петру I Мушата (ок. 1375–1391 гг.). Именно Петром (вероятно, после 1380 г.) была начата молдавская монетная чеканка, известная и по белгородским находкам (Богуславский, Дергачева 2011: 79).

Однако установление власти молдавских господарей в Белгороде было далеко не одновременным актом. Отголоском особого статуса южных земель княжества является титул, который иногда присваивал себе в документах господарь Александру чел Бун (1400–1431 гг.): «милостью Божией… воевода Молдавии и Параталасии» (Руссев 2003: 158–159). Аналогичные сведения дают старейшие церковнославянские списки «Жития Иоанна Нового», переводя термин на славянский язык: «господарь… владевший всей Молдовлахией и Поморием» (Руссев 1997: 129). Таким образом, интеграция региона в политическую систему Молдовы имела вре-

[1] Ошибка де Ланнуа: титулатура, совершенно не соответствующая реальной.

менную протяженность. Собственно городская община как автономный организм прослеживается именно с эпохи Александра.

Статус Аспрокастро в Молдавском княжестве был особым. Связано это было в первую очередь с огромной экономической значимостью города для Молдовы. В последней четверти XIV в. появляется термин «молдавский шлях» (*Via valahica*), обозначавший дорогу из Львова в Белгород. Ранее основная дорога из Галичины в Степь пролегала по левому берегу Днестра, именуясь «татарским шляхом»; теперь она переносится на правый берег, что могло быть связано только с вхождением нижнеднестровского порта в состав Молдовы. С 1380 г., добившись от своих королей привилея на право складирования товаров, львовское купечество становится фактическим монополистом польско-молдавской торговли; кроме того, именно по *Via valahica* транзитом через молдавскую территорию сбывается большая часть зерна, произведенного на экспорт в пределах Королевства Польского. Молдавское княжество, прямо не участвуя в этой торговле, наживается на транзитных пошлинах (Мохов 1974: 307; Подградская 1974: 269). Транзитная торговля зерном превращается в важнейшую специализацию Белгорода.

В полном соответствии с этнической обособленностью от собственно молдавских земель и экономической ролью Белгорода находился и его политический статус, оформившийся в XV в. в структуру, условно именуемую в литературе «белгородской коммуной» (Iorga 1899: 37)[1].

Наиболее характерным символом автономного статуса Белгорода является его городская чеканка XV в. (Беляков 1990: 180–184; Коциевский 1990: 155–156; Полевой 1990: 165–179; Руссев 2003: 158–164). Белгородские монеты на аверсе повторяют общемолдавские монетные символы, но на реверсе несут небольшой равносторонний (т.н. греческий) крест и круговую греческую надпись АСПРОКАСТРОУ. Известно два типа чекана, отличающиеся видом изображенного креста, что, несомненно, отражает разновременные эмиссии (Полевой 1990: 167–168; Богуславский, Дергачева 2011: 82). Обращение этих монет было синхронно обращению общемолдавских монетных типов, чеканенных в Сучаве (и, несомненно, ходивших в Белгороде, где известны их находки). Вероятно, чекан Аспрокастро обслуживал сугубо локальные нужды внутреннего рынка, который столичная монета не могла полностью насытить. Во всяком случае, Белгород-Тирское городище является единственным известным местом находок монет обоих типов АСПРОКАСТРОУ (Руссев 2003: 159–161). Помимо медной монеты, обращались и джучидские серебряные дирхемы с надчеканкой в виде такого же креста (Коциевский 1990: 155–156).

Все виды городской монетной чеканки могли быть инициированы только городской властью, руководившей автономной городской общиной (Беляков 1990: 181; Руссев 2003: 161). Но существование «коммуны» подтверждается не только нумизматическими данными. Большинство сведений письменных источников о городском самоуправлении относятся к 1450–1460-м гг. Так, в 1456 г., на следующий год после событий, связанных с разгромом белгородцами замка Леричи (Илличи), правительство Каффы по ходатайству пострадавших генуэзцев, братьев Сенарега, обращается за управой на граждан Белгорода к *«dominus jupano et senioribus Albi Castri»* (Паламарчук 2008: 99). В данном контексте «жупан» – вероятно, пыркэлаб, наместник господаря и начальник молдавского гарнизона, а вот «сеньоры»

[1] В кавычках – ибо термин «коммуна» известен из латиноязычного документа и может быть не аутеничным обозначением, а отражением терминологии, привычной автору-итальянцу.

могут быть только городским патрициатом, руководителями городского совета (Паламарчук 2003: 139; 2008: 100–102). Аналогичное обращение в 1468 г. адресовано *«jupano di Maocastro, li rectori di Maocastro»* (Iorga 1899: 275). Наконец, в 1458 г. в рекомендации правительства Генуи своему консулу в Каффе среди владетелей, с которыми надлежит поддерживать тесные связи, называется не господарь Молдовы, а *«dominus et communis Maurocastro»* (Паламарчук 2003: 139–140) – т.е., не просто «сеньоры» и «ректоры», а собственно коммуна как совокупность полноправных граждан. Это подтверждают и документы, посвященные частным лицам: выходцы из Белгорода именуются *«burgensis Moncastri»* (= «горожанин») или *«nobilis»* (= «благородный», итальянское обозначение городской аристократии) (Iorga 1899: 110, 282–283, 287–291).

Необходимо помнить, что присоединение Белгорода было логично с точки зрения политического и экономического развития самой Молдовы, но не отвечало существовавшей в последние десятилетия XIV в. расстановке политических сил. Во-первых, земли Поднестровья представляли собой законное наследство возрожденной Тохтамыш-ханом Золотой Орды. Во-вторых, непосредственно на Белгород претендовал Великий Литовский князь Витовт (Витаутас, 1392–1430 гг.). Военные силы и Тохтамыша, и Витовта намного превосходили все, что могла выставить Молдова. Кроме того, Литва, а также Польша и Венгрия претендовали на аннексию вообще всей Молдовы. Хорошо известно, что и Петру Мушат, и его наследники для сохранения независимости своего государства должны были постоянно лавировать между Краковом, Вильной и Будой, прибегая к политике уступок на «балансе противоречий» между могущественными соседями.

Закономерно встает вопрос, как в таких условиях Молдова могла удерживать столь важный и крупный центр, как Аспрокастро? Вполне возможно, что существование «коммуны», автономный статус города, было таким условием, своеобразным «пряником» для горожан; разумеется, вместе с «кнутом» молдавского гарнизона.

Первая треть XV в. приходится на правление господаря Александру чел Буна. Едва ли не первым крупным событием правления Александру (и непосредственно связанным с городом на Днестре) стало создание Молдавской митрополии. Уже упоминалось, что церковный сюзеренитет над белгородской епископией принадлежал подчиненной Константинопольскому патриархату Галицкой митрополии («Малой Росии» в византийском церковном словоупотреблении) (Полевой 1979: 67). В 1380-х гг. галицкий митрополит высвятил на пост епископа Белгорода галичанина Иосифа; в 1401 году константинопольский патриарх Матфей утвердил его автономным митрополитом. Не исключено, что «Житие Иоанна Нового» было написано на заказ для освящения нового митрополичьего престола. Митрополит Иосиф остался сидеть в Белгороде, первоначально не собираясь перебираться в княжескую столицу Сучаву; таким образом, Аспрокастро ненадолго стал церковной столицей «всея Молдовы» (Руссев 1997: 133). Однако это положение не устраивало господаря Александру, и в 1415 г. (дата может быть неточной (Руссев 1997: 130; Паламарчук 2008: 81)) в Сучаву были перенесены и митрополичья кафедра, и заодно мощи белгородского святого. Епископия же в городе на Днестре благополучно существовала и далее, известно ее упоминание под 1476 г. (Iorga 1899: 295).

Молдова постоянно испытывала давление более сильных соседей: так в текст Любовлинского договора (1412 г.) сюзерен княжества, король Польши, вставил пункт о переходе Белгорода во владение королевства (Шлапак 2001: 27; Паламарчук 2008: 81); впрочем, город остался в руках господаря Александру. В конце

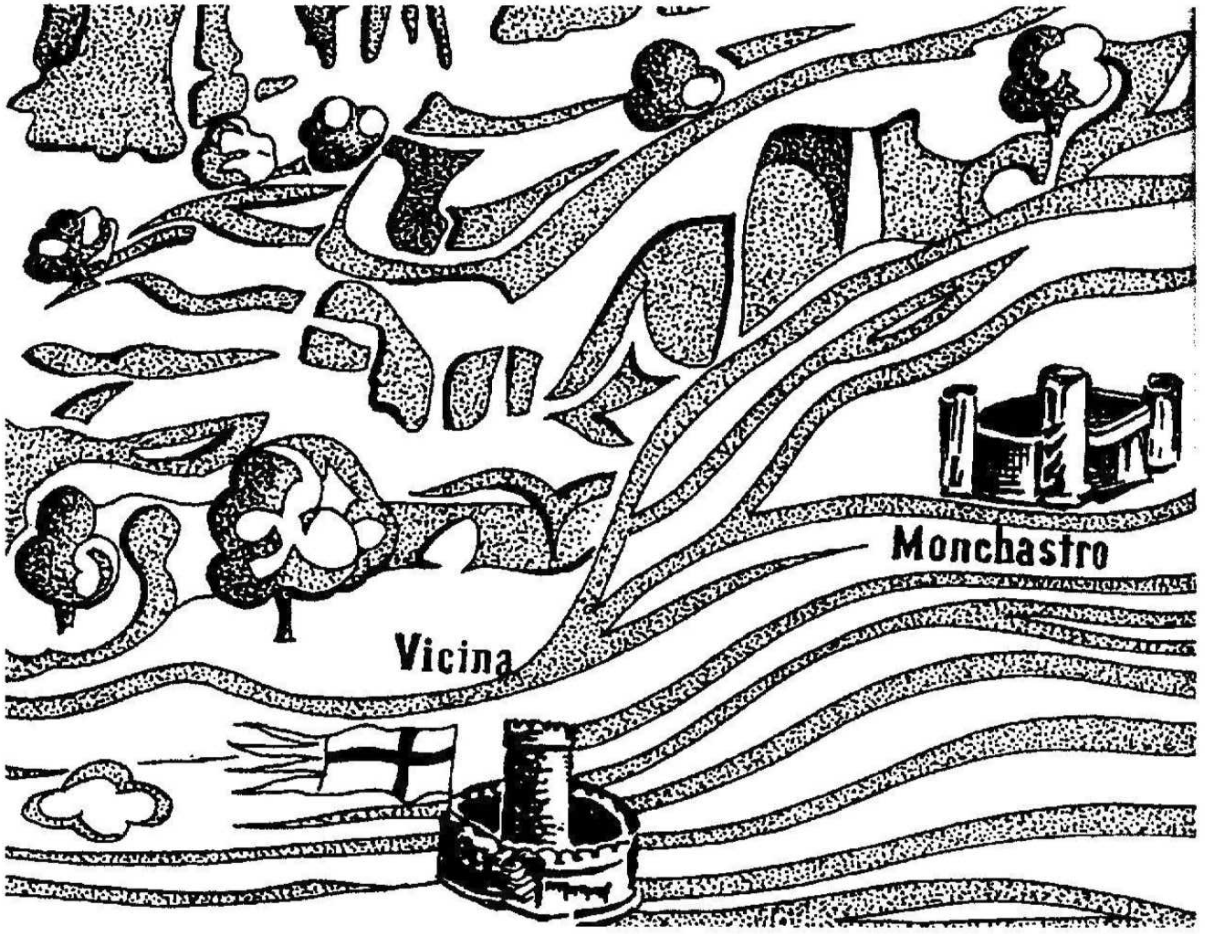


Рис. 187. Древнейшее картографическое изображение Белгородской крепости в Codex Latinus Parisinus 7239 (1396 г.)

1410–х гг. активность в черноморской политике начинает проявлять и правительство князя Витовта. Литовцы формально присоединяют к своим владениям побережье между Днепром и Днестром. В 1421 г. Жильбер де Ланнуа встречался в «Белграде» с воеводой Подолья Гедигольдом, которому князь Витовт приказал построить замок на левом берегу Нижнего Днестра, неподалеку от Аспрокастро (Самойлов 2002: 6, 68–69), предположительно, в районе современных Маяк или Овидиополя (Шлапак 2001: 20–22). Витовт претендовал и на сам Белгород, ультимативно потребовав в 1423 г. от Александру чел Буна уступить ему город. Господарь Александру перевел дело в Краков, где правил их общий сюзерен, кузен Витовта Владислав Ягайло, уже заявлявший о собственных претензиях на Аспрокастро; в результате начался новый виток польско-литовского противостояния, и великому князю стало не до черноморских портов.

Что касается общего отношения господаря Александру к Аспрокастро, то о нем известно немного. Так, город (в тексте грамоты – славянское «Белгород») упоминается в его привилее львовским купцам от 1408 г. – по нему видно, что ущемлять экономические права главного порта страны воевода не собирался (Паламарчук 2008: 81). Возможно, князь занимался и фортификацией крепости. Именно к его правлению (1420 г.) относится первая попытка османов захватить Аспрокастро (Бырня 1997: 118–119); в том же году *«castrum Balohrod waywode Moldaviae»* впервые упоминается в письменном источнике – письме Владислава Ягайло венгерскому королю Сигизмунду Люксембургу (Паламарчук 2003: 138). Наконец, к концу правления Александру принадлежит начало эмиссии чекана Аспрокастро (Полевой 1990: 170–171).

После смерти Александру в стране начался конфликт между его сыновьями, старшим Ильяшем и младшим Штефаном («Стечко» летописей (Славяно-молдавские летописи… 1976, 25)). В 1435 г. братья помирились при польском посредничестве (за что пришлось отдать полякам Хотин (Білецька 2008: 42–43)), фактически разорвав страну надвое. Официально они считались соправителями, фактически были суверенными князьями; Ильяш сидел в Сучаве, а Штефан, которому достались в управление южные области (т.н. Нижняя Страна), возможно, одной из резиденций избрал Аспрокастро. Во всяком случае, Белгород является одной из зон концентрации монет чекана этого господаря (Богуславский, Дергачева 2011: 83). К тому же он занимался укреплением крепости: ко времени его правления в Нижней Стране относится одна из известных нам фортификационных надписей Аккерманской крепости (греческая надпись 1440 г. пыркэлаба «Федорки») (Шлапак 2001: 169–173).

В 1442 г. Штефану удалось, наконец, одолеть старшего брата и овладеть всей Молдовой. На время правления Штефана II в Сучаве приходится пыркэлабство в Аспрокастро его доверенного боярина Юргеча (Георгия; упомянут в молдавских документах под 1443 и 1447 гг.) (Паламарчук 2008: 98, 118). С именем последнего связывается постройка сторожевой крепости, которую позже так и называли «крепостью Юргеча», на переправе через Днестр к северу от города – предположительно, на месте будущего турецкого Яник-Хысара (ныне Паланка) (Iorga 1899: 100).

В 1447 г. начинается новая междоусобица, в ходе которой Штефан был свергнут и убит, и на политическую арену выходит целый ряд претендентов на молдавский престол. Среди них – малолетний Александрел (Александр II (1449–1455 гг., трижды с перерывами) – «Олехно» летописей (Славяно-молдавские летописи… 1976: 25)), младший сын Ильяша Александровича. Интересен финал его недолгой жизни: в 1455 г., разбитый у Мохилы другим претендентом, Петру Ароном, Олех-

но бежит в Белгород, где находит поддержку, но в том же году там умирает (Славяно-молдавские летописи… 1976: 106). Вероятно, «ректоры» коммуны Аспрокастро опять поддержали анти-столичного претендента на молдавский трон. Это подтверждается и другими фактами конфликтов центральной власти с правителями города (Iorga 1899: 60–61). В 1454 г. Белгород снова отбивался от османской атаки; вероятно, после боевых действий стена требовала ремонта, что и отразилось в очередной строительной надписи из Белгорода. Она, что очень показательно, содержит имя пырклаба Станко («пана Станчула») и не содержит упоминания правящего воеводы (Шлапак 2001: 46, 224). Любопытно, что Станко, по сути, отстаивает позиции белгородской «коммуны» (Паламарчук 2003: 140) – формальный господарский наместник в Аспрокастро оказывается лидером местной элиты, враждебной центральному правительству. В эти годы экономическое положение города достаточно стабильно и с конца 1440-х гг., кроме медного, начинается собственный серебряный чекан (точнее, надчеканка джучидского серебра) (Коциевский 1990: 159–160).

Письменные источники позволяют составить достаточно четкую картину экономической жизни города. Главную роль в ней играл порт и транзитная торговля зерном. В 1408 г. привилей господаря Александра Доброго закрепил преимущественное право торговли с Молдовой за купечеством Львова. Вместе с тем, привилей охраняет интересы местного купечества в основных транзитных пунктах – столичной Сучаве и днестровском порту. Последний фактически получает главную экономическую льготу: право свободного порта, *porto franco* (Полевой 1979: 158). Затем эти привилегии были подтверждены привилеями сыновей Александра Ильяша и Штефана (в 1434 г.), а также господаря Петру Арона (в 1456 г.) (Iorga 1899: 85).

Одна из формулировок привилея Петру Арона: «отпускаеться татарское мыто»; она же повторяется и в еще одном привилее-подтверждении Штефана Великого от 1460 г. (Руссев 2003: 163). По-видимому, речь идет о льготах в торговле с Крымским ханством, ближайшими «татарами», с которыми Молдова имела общую границу по Нижнему Днестру. Важнейшим подспорьем оборота местного транзитного рынка была работорговля: в 1438 г. в письме константинопольского генуэзца Бартоломео ди Джано «Монкастро» назван «одним из наибольших» невольничьих рынков всего Причерноморья (Iorga 1889: 63). В качестве такового его знают и османские таможенные реестры (Іналджик 1998: 145). Вывозились рабы в мусульманские, и отчасти в южноевропейские страны теми же генуэзцами. Поставляли же их подданные Крымского ханства, собиравшие свой ясыр преимущественно на украинских землях, – вероятно, вот для какой торговли «отпускалось» «татарское мыто».

По меркам своего времени Аспрокастро был крупным городом, хотя информация о численности его населения нам известна только для года его взятия османами: по данным венецианского хрониста Доменико Мальпьеро, на момент штурма 1484 г. население города составляло 20 тысяч человек (Iorga 1899: 161); разумеется, в их числе находились и люди, составлявшие войско, и беженцы из окрестных селений. Условно принимаемые нами пятнадцать-шестнадцать тысяч жителей (ср. Полевой 1979: 71, 80) – это крупный город для XV в.

В 1457 г., свергнув Петру Арона, на трон Сучавы восходит Штефан III чел Маре (Великий; 1457–1504 гг.). Белгород-Аспрокастро не остался в стороне от его широкомасштабной политики. Новый правитель, мобилизуя все силы страны против венгерской и турецкой агрессии, естественно, не собирался мириться с автономной коммуной в важнейшем экономическом центре страны. Был прекращен автономный

чекан АСПРОКАСТРОУ, равно как и надчеканка джучидских дирхемов (Полевой 1990: 173). На чеканке самого Штефана «крест Аспрокастро» вписан в общий набор государственных символов, как знак подчинения города. В привилее львовским купцам от 1460 г. сказано: «отпускается татарское мыто… абы не давали ни пинязя» белгородцам – т.е., господарь повел наступление и на экономические привилегии Белгорода (Руссев 2003: 163). В борьбе с внутренними врагами Штефан готов был отдать на откуп иностранцам всю внешнюю торговлю страны; это и было сделано по привилею 1475 г.: львовская купеческая гильдия официально монополизировала зерновой транзит через Молдову (Подградская 1974: 263, 269).

Подчинить непокорную белгородскую коммуну господарь сумел не сразу. В 1459 г. ему пришлось вернуть на пост пыркэлаба боярина Станко, создав своеобразную систему двух соначальников-пыркэлабов, – она сохранится до конца молдавской власти в Аспрокастро (Iorga 1899: 87, 91). Аналогичную систему Штефан установил и в Килие, обойдясь с непокорными килийцами еще жестче – перенеся город на новое место (Паламарчук 2008: 110–113).

Для правительства Штефана III первоочередным заданием была борьба с изгнанным Петру Ароном, опиравшимся на помощь венгерского короля Матьяша Корвина (1458–1490 гг.), который был не прочь полностью аннексировать княжество. Только в 1465 г. Штефану удалось вернуть Килию, отбитую в 1448 г. Валахией и уступленную венграм, и только в 1469 г. расправиться с самим Петру. Главной же целью политики Штефана стала борьба с усилившейся в середине XV в. османской экспансией. Одним из элементов этой политики стал брак господаря с дочерью князя Феодоро (Мангупа) и помощь крымскому союзнику-родственнику (Гонца 1984: 23). Другим – переход из польского под венгерский сюзеренитет (присяги 1475 и 1487 гг.): Матьяш Корвин сам активно воевал с османами и потому оказался готов принять вассалитет вместо желанной аннексии (Параска 1987: 69–74).

Рожденный в Анатолии, Османский султанат изначально был черноморской державой и имел свою черноморскую политику. К началу 1420-х гг. эта политика приобретает четкую тенденцию борьбы за превращение Черного моря во внутреннее озеро державы османов. Как сформулировал султан Мехмет Фаттих (1444–1446 и 1451–1481 гг.): «Пока Кила и Аккерман находятся в руках влахов, а у венгров – сербский Белград, никаких побед нам не видать!» (Бырня 1997: 119). Впервые османский флот появился под стенами Аспрокастро в 1420 г., когда в Анатолии еще продолжалась междоусобная грызня наследников Баязида Йилдырыма (Іналджик 1998: 24). Силы турецкой экспедиции нам неизвестны, но турки осадили город. Нападение удалось отразить собственными силами (Бырня 1997: 118).

В 1453 г. в руки турок попадает главная стратегическая гавань Черноморья – византийский Константинополь. Уже в следующем, 1454 г. эскадра во главе с капудан-пашой Тимиркаем (разные источники по-разному определяют ее численность – 50, 52, 56, 60 кораблей) выходит из гаваней новой столицы на просторы Черного моря. Это была масштабная демонстрация силы новыми хозяевами Проливов, и первым же шагом Тимиркая стала осада Аспрокастро. О наступлении турецкого флота в Белгороде знали заранее – сработала генуэзская разведка. Республика Сан Джорджо, имевшая жизненно важные интересы и в самом Константинополе, и в черноморском бассейне в целом, была единственной страной, оказавшей военную помощь при последней осаде византийской столицы. Правительство Газарии прекрасно понимало, что падение Аспрокастро станет прологом падения Каффы; оно

помогло белгородцам продовольствием и даже небольшим числом европейских наемников. Белгородская крепость оказалась вполне готовой к долгой осаде. Через несколько дней, удостоверившись, что сходу Аспрокастро не взять, Тимиркай снял осаду и отплыл на Каффу, где также потерпел неудачу (Бырня 1997: 119).

Демонстрация силы, однако, сделала свое дело. Оффиция Газарии уплатила дань-откуп султану в том же 1454 г. Через год или два (1455 или 1456 г.) господарь Петру Арон отослал в Истанбул и первую молдавскую дань (Бырня 1997: 119). Петру Арон, несомненно, пытался найти равновесие во внешней политике, противодействуя аппетитам Ягеллонов. В 1450 г. сын Ягайло, король и великий князь Казимир IV, считал необходимым превратить Молдову в польскую провинцию. Его разубедили, ибо это «приведет к большой войне с Турцией», но он все же обусловил признание Петру Арона господарем и помощь против османов уступкой полякам Килии и Белгорода (Параска 1987: 66–67).

В 1473 г. Штефан III прекратил выплату дани. Мехмет Фаттих потребовал не только возобновить выплаты, но и сдать «Килу и Аккерман» – господарь не ответил. Он просил о посредничестве Польшу, но Краков предпринял только дипломатический демарш; на него султан отвечал требованием выплаты долгов по дани и уступки, правда, одной Килии (Iorga 1899: 143). В 1475 г. крымский хан Менгли Гирей признал себя вассалом султана; турецкие войска взяли Каффу и Мангуп. Синхронное наступление на Молдову провалилось. Штефан перешел из польского под венгерский сюзеренитет, получил от Матьяша Корвина военную помощь, и разбил под Васлуем войска бейлербея Румелии Хаджи Сулейман-паши (Гонца 1984: 18). Одновременно, после падения Каффы, османский флот снова выступил к низовьям Днестра и Дуная. Под Аспрокастро турки начали высадку десанта, который, однако, был сброшен белгородцами в море (Бырня 1997: 120–121; Гонца 1984: 19).

В следующем, 1476 г. наступление возглавил сам султан Мехмет. Войска Штефана были разбиты у Рэзбоень, пала Исакча, были осаждены Сучава, Нямц и Хотин (последний героически защищал бывший белгородский пыркэлаб Влайку Ралеш) (Гонца 1984: 41). На Белгород с востока, через Днестр, наступал 10-тысячный крымский отряд во главе с мурзой Эминаком, а с моря – турецкий флот. На подступах к Аспрокастро татары были разбиты; турецкий десант, высадившийся к югу от города, был разгромлен «горожанами» (городским ополчением). Белгородцы даже успели выслать помощь под Килию, где с их участием был разбит янычарский отряд (Iorga 1899: 149). Возобновить наступление Менгли Гирею помешал хан поволжской Большой Орды Шиг Ахмат, напав на крымские кочевья в Приазовье. К тому же молдаванам снова пришел на помощь Матьяш Корвин, а в османской армии началась эпидемия (Гонца 1984: 43). Султан отступил.

После кампании 1476 г. Штефан избегал прямых столкновений с Османской империей и даже возобновил выплату дани (1479 г.). К концу 1470-х гг. (1476 и 1479 гг.) относятся и две строительные надписи из Белгорода, которые свидетельствуют о спешном укреплении крепости. Это касалось не только Аспрокастро: в те же годы возводилась и крепость в Новой Килие (Шлапак 2001: 47, 149; Паламарчук 2008: 113–114).

После смерти Мехмета II и короткой гражданской войны османский трон занял старший сын Мехмета Баязид II Вели (Святой; 1481–1512 гг.). Он продолжил отцовскую завоевательную политику, и одной из первых ее жертв стала Молдова. Султан лично возглавил поход, начавшийся, вероятно, 15 марта 1484 г. (Славяно-

молдавские летописи… 1976: 109). В конце июня был форсирован Дунай возле Исакчи; 14 июля пала Килия (Славяно-молдавские летописи… 1976: 30).

За нею пришла очередь Аспрокастро, к штурму которого подоспели и крымские татары Менгли Гирей-хана. Как лаконично сообщают почти все славяно-молдавские летописи, город пал «аугуста пятого в сряду… при Германа и Оана (Иоана) пъркалаба» (Славяно-молдавские летописи… 1976: 30, 59, 66, 72). Сам султан Баязид был столь же лаконичен: «крепость Аккерман, которая есть ключ… всего Черного моря… взяли за два дня» (Iorga 1899: 158). Знаменитый турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби сообщал, что город сдали после того, как под залпами османской артиллерии рухнула одна из стен (Самойлов 2002: 8–9). Но более близкие по времени турецкие источники пишут о том, что крепость была взята, когда удалось завалить огромный ров, а причиной победы считают подавляющее превосходство в силах, включая саперные и артиллерийские части. Сходную информацию (вероятно, полученную из турецких же источников) дает и венецианец Мальпьеро (Iorga 1899: 161).

Т.н. Молдавско-немецкая летопись свидетельствует, что «турки… увели с собой в Константинополь лучших людей etc.» (Славяно-молдавские летописи… 1976: 52). Это подтверждает и Доменико Мальпьеро: 1099 семей «лучших людей и горожан» с сохранением имущества и уплатой выкупа выселили в Анатолию на берег Мраморного моря (в Эски-беги); четыре тысячи юношей и девушек составили «дань кровью» (в янычары, в евнухи, в гаремы), а на месте осталось «едва двести семей рыбаков» (Iorga 1899: 161–162). Так завершился последний акт истории средневекового Белгорода. С пятого августа 1484 г. начинается история Аккермана – небольшого провинциального города сильнейшей на то время в Европе державы дома Османов.

Археология средневекового Белгорода. Археологические материалы средневековой эпохи существования Тиры-Белгорода многочисленны, но представлены хронологически неравномерно. Очень немногое можно сказать о раннесредневековой археологии памятника, досадные пробелы существуют и в археологической картине «молдавского века» (ок. 1380 – 1484 гг.); напротив, значительны, обстоятельно изучены и информативны материалы золотоордынского периода. Фактически, только начиная с последнего (с кон. XIII в.), можно говорить о существовании средневекового города на месте древней Тиры.

Топография средневекового Белгорода известна плохо. Раскопки золотоордынских жилых кварталов охватили лишь небольшую часть городской застройки на участке, непосредственно соседствующем с Центральными воротами крепости с востока. В южной части этого участка А.А. Кравченко был прослежен фрагмент более раннего, чем жилые, ремесленного квартала (Кравченко 1979: 115–135; 1986: 38–44). В ходе раскопок Г.Г. Мезенцевой в Гражданском дворе к западу от мечети Баязида II было открыто несколько жилых и хозяйственных помещений, в том числе один гончарный горн (Мезенцева 1986: 516–517). В 2006–2008 гг. в южной части Гарнизонного двора на т.н. участке РК-4 был открыт слой и некоторые помещения золотоордынского (возможно, молдавского) времени. Насколько далеко простирался город Акджа Керман к югу, нет четких данных; однако золотоордынский слой прослеживался в обрывах берега лимана в районе т.н. Греческой церкви, в трехстах метрах к югу от Центрального раскопа (Кравченко 1986: 15).

В связи с тем, что Белгород был достаточно крупным городом уже в XIV в., можно предположить, что он обладал системой оборонительных сооружений. Археологических подтверждений ее существованию, однако, не найдено; да и на средневековых средиземноморских картах «Монкастро» обычно обозначается изображением домика, а не башенки (Коновалова 1983: 46). Укрепление своих городов никогда не было сильной стороной Улуса Джучи – державы, полагавшейся на мощь своей конницы. Высказывалось мнение, что цитадель Аккерманской крепости обязана своей постройкой не «татарам», а генуэзцам, и датировка этого события предполагается золотоордынским временем, но приводились и весомые архитектурные контраргументы против генуэзской гипотезы (Шлапак 2001: 53–54). Относительно Акджа Кермана в пользу существования здесь укрепления золотоордынских времен говорит пока только его название. Все три обиходных во времена Улуса Джучи имени города включают элемент «замок» (-castro от латинского корня со значением «укрепленный лагерь») или «камень» (тюрк. -kermen с известным вариантом значения «крепость»); да и славянский термин «город» в названии «Белгород» также подразумевает укрепленное поселение.

С более поздним (молдавским) периодом можно связать ряд объектов, как в самой крепости, так и вне ее территории. В Гражданском дворе Аккерманской крепости была расположена православная церковь, датированная Г.Г. Мезенцевой, правда, без достаточных оснований, XIII в. (Мезенцева 1986: 516). Она располагалась под фундаментом мечети Баязида II и являлась одноапсидным каменным храмом базиликального типа размерами 13 × 9 м. Стены храма были расписаны фресками – от них были найдены многочисленные фрагменты; также присутствовали фрагменты голосников и бронзовый энколпион. Могильник, расположенный к западу от базилики, содержал 30 погребений в простых ямах с западной ориентировкой вытянутых на спине скелетов, сопровожденных минимальным инвентарем, – типично христианский погребальный обряд. В культурном слое могильника было найдено золотое височное кольцо (моравское или болгарское X в.), но в самих погребениях встречались только молдавские монеты (Мезенцева 1986: 516). Некоторые обстоятельства позволяют предполагать, что базилика может быть старше крепостных сооружений. Данный тип церкви типичен для XI–XIV вв. «в регионе южнее Нижнего Дуная» (Шлапак 2001: 110) – в эпоху византийской оккупации Болгарии и Второго Болгарского царства. В качестве довольно произвольной гипотезы можно предположить ее постройку действительно болгарской властью – в начале XIV в. во времена существования в городе администрации царя Тодора Светослава (1300–1321 гг.). При этом оговоримся, что у нас нет данных, которые позволили бы утверждать, что церковь построена раньше крепости. Базилика имеет аналогии XIII–XIV вв. и на территории валашских княжеств (Шлапак 2001: 111). В общем, не исключено, что церковь была построена в молдавское время в черте города того времени.

В молдавское время, как и в золотоордынское, отдельные кварталы могли находиться и в некотором отдалении от крепости – по крайней мере, в районе Греческой церкви. Рядом с нею расположена и Армянская церковь (армянскую общину, напомним, впервые фиксирует в Белгороде Жильбер де Ланнуа в 1421 г.). Обе церкви строились, вероятно, в жилых кварталах; православная и армянская общины города сохраняли стойкую традицию, их древнейшие церкви в Белгороде никогда не меняли местоположения (Iorga 1899: 126). Ныне это также территория городской застройки.

Раннесредневековый слой в стратиграфии Белгород-Тирского городища выделяется предположительно.

Существуют некоторые археологические свидетельства существования Тиры в эпоху, переходную от античности к средневековью. До недавнего времени многими исследователями памятника отмечалась стратиграфическая лакуна между позднеантичными и золотоордынскими слоями (Клейман 1979: 69). Позднеантичный слой III–IV вв. хорошо зафиксирован на памятнике в южной части т.н. Центрального раскопа за пределами Аккерманской крепости (Самойлова и др. 2003: 251), выявлены и материалы синхронной черняховской культуры (Сон 1993: 8–89). По крайней мере, до гуннского нашествия Тира продолжала существовать как античный центр. Что касается более поздних строительных остатков, то они не были известны на территории Центрального раскопа; крайне незначительны и материалы, датируемые V–XII вв.

В 1996 г. было выявлено специфическое сооружение к западу от круглой башни античной крепости. Это сооружение нежилого назначения с апсидой в восточной стене (помещение № 610) было пристроено к одной из античных оборонительных стен с внешней стороны. Выше помещения выявлены перекрывающие его строительные остатки золотоордынской эпохи. Помещение предварительно может трактоваться как общественное сооружение, возможно, как христианский храм (базилика). В целом археологическое исследование его весьма затруднительно (основная площадь сооружения перекрыта дорогой, ведущей к воротам крепости), но его восточную часть удалось исследовать (Самойлова, Кожокару, Богуславский 2002: 178–180).

Сооружение прямоугольное в плане. В качестве строительного камня был использован местный известняк-ракушечник, в качестве связующего раствора для наземных частей стен – известковый раствор. Наземная часть стен, как с внешней, так и с внутренней стороны была оштукатурена. В качестве северной стены помещения использована старая оборонительная стена (№ 552), построенная еще в доримский период. В нижних слоях заполнения «базилики» содержатся материалы в основном II–III вв., однако встречены и отдельные вещи V–VII вв., в том числе фрагменты капители с растительным орнаментом, аналогичные известным из раскопок христианских базилик в Херсонесе (Якобсон 1959: 141, рис. 49, 4), а также монета – анонимный фолис начала XI в. Южная стена сооружения перекрывает яму с материалами, датируемыми III–IV вв.

Данный объект расположен с напольной стороны системы оборонительных сооружений Тиры, что было бы невозможно в условиях античного города; апсида его обращена на восток, как и положено христианскому храму. При его возведении отмечено использование нехарактерных для античных построек Тиры приемов строительства: известковый раствор, хотя и известен на античных памятниках еще в доримский период, но в Тире появляется только в средневековое время. Это обстоятельство, конструкция и стратиграфия объекта, наличие материалов V–VII вв. в заполнении, позволили предположить интерпретацию его как христианского храма и его датировку серединой – началом второй половины I тыс. х.э. (Самойлова, Кожокару, Богуславский 2002: 180). Таким образом, данное помещение частично заполняет упомянутую выше хронологическую лакуну.

В 1977–1982 гг. велись значительные работы в Цитадели и Гражданском дворе Аккерманской крепости (Мезенцева 1986: 513–518). В Цитадели было открыто «большое дворцовое сооружение», в подвале – «арсенал»; оба объекта автор раско-

пок датирует XII–XIII вв. В Гражданском дворе был раскопан фундамент христианского храма, перекрытый мечетью Баязида II, а к западу от него, ниже уровня фундаментов – грунтовый христианский могильник. При исследованиях было выявлено небольшое количество лепной керамики VII–VIII вв. и древнерусской кружальной XII–XIII вв. Эти материалы позволили автору раскопок заявить о наличии «славянского слоя» на Белгород-Тирском городище (Мезенцева 1986: 517).

К сожалению, внимательное рассмотрение материала показывает, что выделение «славянского слоя» было необоснованным. Точно датированные закрытые комплексы отсутствуют; часть оружия из арсенала может датироваться XII–XIII вв., но по данным самого автора раскопок, преобладает материал XIV–XV вв. Датирующие находки «славянского» времени единичны и происходят из нарушенных слоев: моравское или болгарское (а не древнерусское!) височное кольцо X в., сирийский бронзовый энколпион XII в. (Мезенцева 1986: 515–516), который мог принадлежать христианину любого этнического происхождения, трехбусинное височное кольцо, имеющее аналогии в киевских материалах XII в. (Рабинович 1968: 106–107). Единичны в Белгороде и находки монетного материала раннесредневековой эпохи (Столярик 1992: 90). Более поздние исследования, проведенные румынским археологом И. Кындей, показали, что в Цитадели крепости существует археологическая лакуна между слоями римского и османского времени; вероятно, при постройке Цитадели и дальнейших перестройках промежуточные наслоения были удалены строителями (Cândea 1999: 398–400, 444–446). Поэтому «славянский слой» на Белгород-Тирском городище все еще не выявлен.

Данные по ***сельскому хозяйству*** в Белгороде золотоордынской и молдавской эпохи весьма скудны. Зерно, вывозившееся через белгородский порт, поступало с севера (Мохов 1974: 307; Подградская 1974: 269; Полевой 1988: 13). Собственной сельской округи, которая могла быть базой сельскохозяйственного производства, Белгород в XIV–XV вв. не имел (Полевой 1979: 120–121, 160–161). По-видимому, небольшие участки горожан (скорее, огороды, чем поля) дислоцировались в пригородах. Учитывая приусадебный характер земледелия, важное, если не основное, место должны были занимать овощные культуры; возможно также наличие садоводства.

По единичным археологическим находкам на Белгород-Тирском городище ставился вопрос о местном виноградарстве (Кравченко 1986: 81). В наше время виноградарство и виноделие в низовьях Днестра – на Шабских песках южнее Белгорода – играет важную хозяйственную роль. Вместе с тем, для XIV–XVI вв. имеются данные, что в Северо-Западное Причерноморье вино в основном ввозилось с юга, по данным османских таможенных записей – из «Мореи, Крита и Трапезунда» (Іналджик 1998: 144).

К близким выводам мы приходим и относительно местного скотоводства. Его следует предполагать стойловым, с сокращенным выпасом, а объем его оценить, как небольшой. Можно предположить, что придомное (стойловое) скотоводство горожан имело в первую очередь молочную направленность (крупный рогатый скот и козы). В больших объемах скотоводческого хозяйства не было особой нужды: в нотариальных актах конторы ди Понцо хорошо показано, как регулярно навещают городские центры региона, в том числе и Акджа Керман, окрестные кочевники, пригоняющие на городские рынки скот (Руссев 1999: 68–69).

Приусадебное земледелие и придомное стойловое скотоводство при полном отсутствии у города сельскохозяйственной округи вряд ли позволяло белгородцам

XIV-го (да и XV-го) века самообеспечиваться основными продуктами питания. Хлеб и продукты скотоводства, вероятно, в основном поступали к горожанам через рынок. «Кормление с базара» подтверждается широким хождением и в золотоордынском, и в молдавском Белгороде мелкой разменной медной монеты, маркирующей развитый внутренний рынок (Булатович 1986: 117–129; Руссев 1999: 203–204; 2003: 159–163).

В отличие от земледелия и скотоводства, рыболовный промысел белгородцев упоминается в источниках, относящихся к молдавской эпохе (Iorga 1899: 73, 161–162). Промысловыми видами здесь были сельдь, осетр, треска и карп (Іналджик 1998: 145). Добыча белгородских рыбаков, надо полагать, постоянно поступала на стол горожан.

С обработкой продуктов рыболовства тесно связана соледобыча. Режим соленых лиманов междуречья Днепра и Дуная в XIV–XV вв. был близок к периоду XVIII–XIX вв., когда работа солеваров была детально описана этнографически (Скальковский 1853: 86–89). Данные о вывозе соли в интересующую нас эпоху в Северо-Западном Причерноморье имеются для Килии середины XIV в. (Полевой 1979: 66); известен факт отправки корабля за солью из Килии к замку Илличе в устье Днепра, связанному и с белгородскими рыбаками (Руссев 2008: 327). Таким образом, участие белгородцев в соледобыче вполне возможно.

Промыслы или домашние ремесла, связанные с обработкой продуктов пищевого производства, имеют минимальную источниковую базу или не имеют ее вовсе. В письменные источники (речь идет опять о данных актов конторы ди Понцо в Килие) попало одинокое упоминание пекаря – жителя Монкастро, итальянца (Руссев 1999: 70). Активное занятие средневековых белгородцев рыболовством предполагает последующую обработку рыбы, а, следовательно, помещения для ее просушки, коптильни, соляные емкости. Однако при раскопках средневековых слоев Белгород-Тирского городища таких сооружений найдено пока не было.

Для демонстрации того, что не может быть восстановлено по имеющимся у нас письменным и археологическим источникам для золотоордынского и молдавского Белгорода, следует снова обратиться к аналогиям с Дуная. В генуэзских документах середины XIV в. из Килии упоминается большое количество профессий, связанных с обработкой продуктов земледелия и скотоводства: мельники, пекари, мясники, сапожники, скорняки, портные (Полевой 1979: 66–67). В целом это типичный набор профессий соответствующего круга для любого средневекового города и на Западе, и на Востоке (Ле Гофф 1995: 71–73; Іналджик 1998: 166–172). Следует предполагать, что Белгород XIV–XV вв. не должен был сильно отличаться от соседнего городского центра, с которым его собственная история была связана довольно тесно.

Золотоордынский слой на Белгород-Тирском городище изучен наиболее полно (Кравченко 1986: 17–19; Клейман 1979: 62–69; Богуславський 2008: 48–49). Еще А.А. Фурманской он был разделен на три строительных горизонта (периода): конец XIII – начало XIV вв., 1330–1350-е и 1360-е гг. соответственно (Фурманська 1962: 134; Кравченко 1986: 18). Известные остатки сооружений золотоордынского периода залегают непосредственно над строениями позднеримской Тиры (Кравченко 1986: 17).

Строительное дело (жилые и хозяйственно-ремесленные комплексы). К первому строительному периоду золотоордынского слоя относится небольшая часть ремесленного квартала с остатками гончарных мастерских (Кравченко 1986:

Кравченко
Анастасия Афанасьевна
(1923–2010)

38–39). Они располагались над оборонительной застройкой римской Тиры в средней части Центрального раскопа (Кравченко 1979: 115–135). Четыре найденных гончарных горна соединялись попарно – этого требовала технология производства поливной керамики – в единые производственные комплексы. Они представляют собой двухъярусные прямоугольные в плане печи, состоящие из двух камер (топочной и обжигательной), сложенные из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. В заполнении горнов было найдено несколько обломков полуфабрикатов поливной керамики (Кравченко 1986: 39–44). Конструктивные аналогии белгородским гончарным горнам известны как из ближайших памятников Пруто-Днестровского междуречья (Старый Орхей, Костешть) (Полевой 1969: 87–90), так и из Крыма (Якобсон 1979: 48–58). Кроме прямоугольных углубленных в землю горнов, была раскопана наземная двухъярусная печь овальной формы, вероятно, также гончарная, стены которой были сложены из камня и извне обмазаны глиной (Кравченко 1986: 44). Были выявлены также две печи для выжига извести – свидетельство развития строительного дела (Кравченко 1979: 130–131).

Все обнаруженные производственные сооружения сосредоточены на одном небольшом участке, что «свидетельствует о существовании здесь в первоначальный период существования золотоордынского города специализированного района ремесленников» (Кравченко 1986: 46).

Два последующих строительных периода золотоордынского города представлены остатками жилой застройки Акджа Кермана; строения третьего периода заметно нарушали остатки сооружений второго. Вещественный материал, характер домостроительства и планировки жилых кварталов (вернее сказать, почти полного отсутствия таковой) для обоих периодов идентичен[1].

В качестве строительного материала жилых построек доминирует камень, местный известняк, т.н. ракушечник; для его добычи использовались в основном постройки античной Тиры. Для скрепляющего раствора и обмазки стен и полов использовалась желтая глина; кирпич в жилом домостроительстве встречается редко. Дома строились наземные и обычно бесфундаментные; стены их возводились крайне небрежно, преимущественно в постелисто-ложковой технике выкладки камня, как трехслойные, со средним забутовочным слоем, так и без него. Внутри стены обмазывались желтой глиной, поверх которой накладывалась известковая штукатурка. В качестве отопительных сооружений в домах преобладают глинобитные печи-тандыры, вкопанные в пол помещения. Дома могли быть одно-, двух- и трехкамерные. Местами прослежены каменные вымостки двориков; система застройки квартала иррегулярная (Кравченко 1986: 20–38; Богуславский 2005: 80–86; Самойлова, Кожокару, Богуславский 2002: 180–184).

---

[1] Материалы многолетних раскопок 1940–1970-х гг. жилых кварталов золотоордынского Белгорода были опубликованы А.А. Кравченко (Кравченко 1986: 24–35). Выявленные в ходе раскопок 1996–2004 гг. строительные остатки второго и третьего строительных горизонтов Акджа Кермана публиковались автором (Самойлова, Кожокару, Богуславский 2002: 180–184; Богуславский 2005: 80–86).

Общие традиции домостроительства второго-третьего строительных периодов восходят преимущественно к восточным образцам. Бесфундаментная кладка характерна для средневековых памятников Великой Степи и смежных регионов, включая Среднюю Азию, Монголию и Маньчжурию (Блохин 2001: 137). Интерьер домов жилых кварталов очень характерен. Останцовые или чаще выложенные из мелкого камня лежанки-суфы, с проведенными в них отопительными каналами-канами, господство в качестве отопительных сооружений вкопанных в пол жилых помещений тандыров (хотя встречаются и печи) – все это маркирует собой бытовую культуру, наиболее близкую среднеазиатской (Кравченко 1986: 21), и даже более восточной – вплоть до Маньчжурии и Кореи (Блохин 2001: 138). Сочетание центрально- и среднеазиатских черт домостроительства было типично для центральных областей Улуса Джучи на Нижней Волге; оттуда, вероятно, оно и появилось в Акджа Кермане (Кравченко 1986: 37; Богуславский 2005: 86). Изредка встречающаяся кладка «в елочку» имеет закавказское происхождение (Кравченко 1986: 21); обычай заменять фундамент мощным нижним рядом из огромных блоков (большинство из них взято из панцирей античных куртин Тиры) характерен для Северного Кавказа. Эти черты маркируют исходные зоны акджакерманского населения XIV в. Господство каменной, а не саманной кладки стен можно считать местной традицией.

Керамическое производство. Одним из основных направлений ремесленной деятельности жителей золотоордынского Белгорода было керамическое ремесло. Местная керамика не шла на экспорт, а обслуживала нужды собственного населения.

Неполивная посуда золотоордынского времени представлена рядом форм. Известны кухонные горшки сферической или вытянутой формы, с ручкой или без нее. Среди тарной посуды преобладают кувшинообразные формы (Кравченко 1986: 46–47). Типична для золотоордынских слоев Белгорода т.н. красно-желтая ленточная керамика, характерная для сельских поселений округи и самих ордынских городов средней части Пруто-Днестровского междуречья – Янги Шехра и Костешть (Полевой 1969: 109; Абызова, Бырня, Нудельман 1981: 51–52). Вероятно, она производилась и гончарами Акджа Кермана (Кравченко 1986: 49–50). Керамика этого типа изготавливалась ленточным способом с подправкой на легком круге. Белгородские находки очень близки янгишехрским и костештским (Кравченко 1986: 53, 56). Вообще же данная категория керамики типична для западных областей Улуса Джучи до Поволжья включительно и считается восходящей к аланоболгарским салтоидным типам лощеной столовой посуды. Вероятно, в городах и селищах Поднестровья она маркирует появление на западных границах Улуса нового кыпчакоязычного населения, именуемого обобщенно «татарами» (Полевой 1969: 110).

Парадная керамика, покрытая глазурью, является типичной категорией керамического материала из раскопок средневековых городских центров от Средней Азии до Испании (Испано-мавританская керамика 1940: 6; Сайко 1982: 7–8). Производство в Акджа Кермане собственной поливной керамики засвидетельствовано находками гончарных горнов, заготовок изделий под поливу, фрагментов бракованных сосудов и многочисленных сипай (треногих подставок, использующихся при обжиге и просушке глазурованной керамики) (Кравченко 1986: 64).

Ремесленниками золотоордынского Акджа Кермана изготовлялась поливная посуда в общем следовании керамическим традициям т.н. византийского круга. Орнаментирована она частично в технике сграффито (врезной орнамент, гравиров-

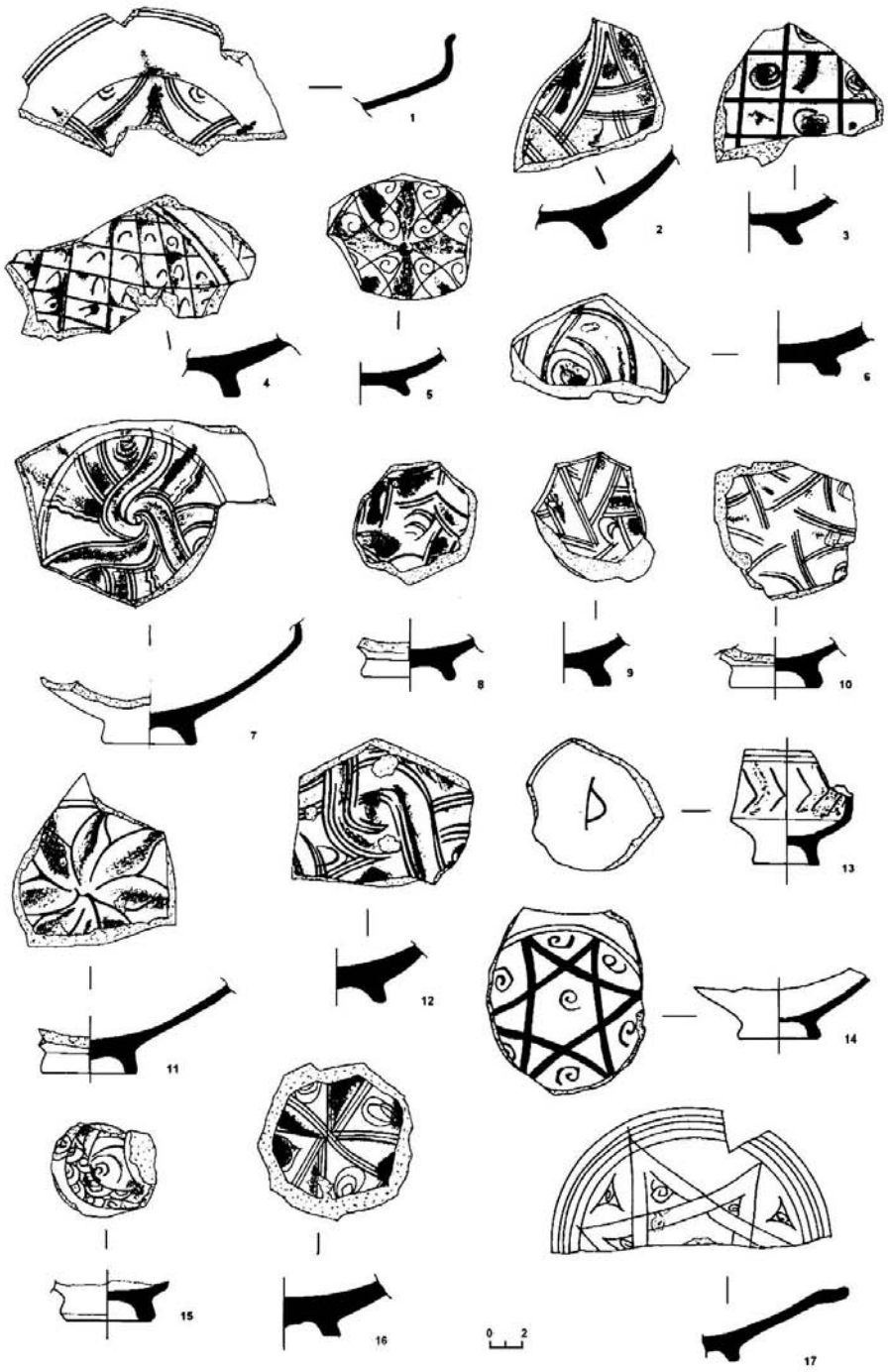


Рис. 188. Поливная керамика из раскопок средневекового Белгорода.
Местное производство XIV – (XV?) вв.

ка по сырому ангобу), частично в технике подглазурной росписи ангобом по натуральной поверхности сосуда, иногда используется резерв (выемчатая техника); нередко сочетание на одном изделии разных типов орнаментации. Основными красителями были окиси меди и железа, придававшие росписи зеленые, оливковые, желтые и коричневые тона. Типичны орнаментальные мотивы, преимущественно геометрические и растительные. Ассортимент изготовлявшейся поливной посуды стандартен: миски полусферической формы, тарелки, чаши, пиалы, кубки, кувшины двух типов (широкогорлые и узкогорлые) (Кравченко 1986: 64–67; Богуславский 2007: 5–6).

Металлургия, ювелирное дело, косторезное ремесло. О развитии других ремесел в золотоордынском Белгороде известно значительно меньше (Кравченко 1986: 81). Следов каких-либо иных мастерских, кроме гончарных, в средневековых слоях Белгород-Тирского городища пока также не обнаружено.

Работу металлургов (кузнецов, оружейников, ювелиров) маркируют немногочисленные находки орудий труда, оружия и украшений. Среди находок орудий труда известны бытовые однолезвийные ножи с прямой спинкой, виноградарские ножи с серповидным лезвием, шарнирные ножницы, фрагменты чугунных котлов. Предметы вооружения представлены редкими находками наконечников стрел и кистеней (Кравченко 1986: 81–82), место производства которых не может быть установлено. Находки наперстков (а также костяных и бронзовых игл) фиксируют, помимо кузнечного, также ткацкое ремесло. Ювелирное ремесло представлено весьма редкими находками бронзовых изделий – бубенчиков, пуговиц, литых перстней. Средневековые типы металлических изделий выделяются по аналогии с изделиями синхронных памятников, но нередко имеют очень широкую датировку (Кравченко 1986: 81–84).

Несколько богаче представлены материалы, маркирующие ремесло косторезов. Подвергшиеся обработке фрагменты кости или рога (со следами пиления, рубки и т.д.) представляют собой нередкие находки. Полнее, чем для кузнечного ремесла, и количество и ассортимент костяных изделий, большинство из которых почти наверняка производилось на месте, в городе: фрагменты гребней, рукояти ножей, иглы, проколки, игольники, коньки (заодно свидетельствующие о существовании кожевенного ремесла), различного рода накладки, даже шахматные фигурки, а также некоторое число игральных костей-астрагалов (Кравченко 1986: 85).

Торговля. Ярко выраженный торговый характер золотоордынского Акджа Кермана обусловил широкие внешние связи средневекового города. Белгородский порт привлекал к себе итальянских и малоазийских купцов, имел хорошо налаженные связи с балканскими и крымскими экономическими центрами, и, само собою, с городами Улуса Джучи, частью которого он сам являлся.

Известные находки фрагментированных бронзовых чаш (Кравченко 1986: 83), скорее всего, являются импортными изделиями. В последнее время среди находок встречались мелкие фрагменты бронзовых зеркал, имеющих нижневолжские и иранские аналогии (Попандопуло 2002: 232–234).

Стеклянные изделия золотоордынского времени представлены преимущественно находками бус и единичными фрагментами браслетов, имеющих подобия в синхронных материалах поволжских столиц Улуса Джучи (Кравченко 1986: 86–87), а также стеклянных сосудов, имеющих не только нижневолжские, но и среднеазиатские аналогии (Абдуразаков, Безбородов 1966: 39–49). По-видимому,

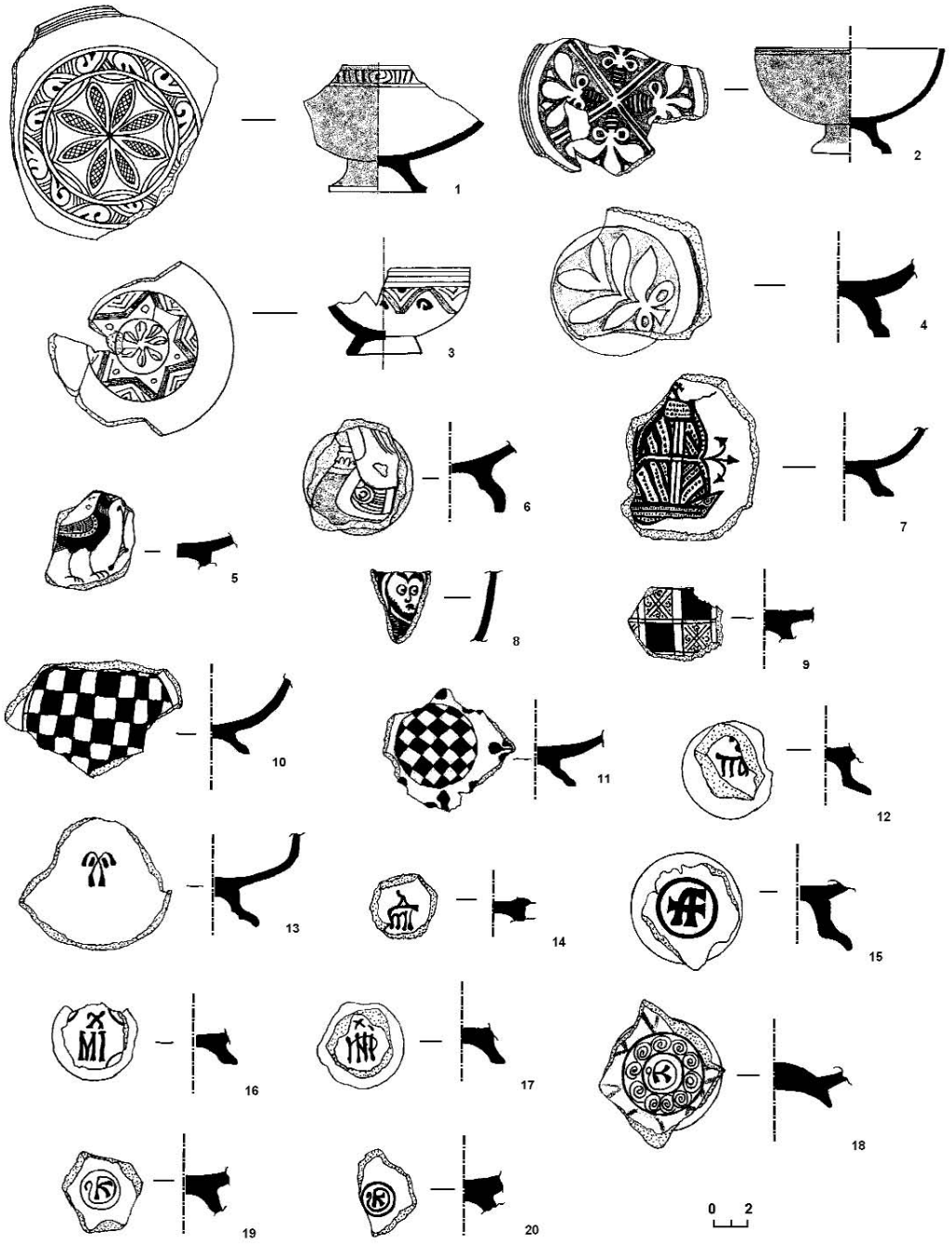


Рис. 189. Поливная керамика из раскопок средневекового Белгорода.
Импортная керамика византийского производства середины – второй половины XIV в.

большая часть стеклянных украшений и сосудов из числа белгородских находок являются импортом из ремесленных центров Нижнего Поволжья.

Широкий географический ареал экономических связей золотоордынского города находит свое материальное отражение в богатом наборе керамических импортов, происходящих из раскопок средневековых слоев памятника. Импортная поливная керамика золотоордынского и молдавского времени – типичная находка в белгородских раскопах; несмотря на развитие в Акджа Кермане собственного производства поливной керамики, парадная глазурованная керамика иных производственных и стилистических традиций составляет больше половины фиксируемых находок данной категории археологических артефактов.

Основная линия связей, маркированных импортом поливной керамики, направлена не внутрь золотоордынского государства, а на юг – к торговым центрам Византийской империи, тюркской Малой Азии, Восточного Крыма, задействованы также Закавказье, Иран и европейское Средиземноморье. Следует считать, что значительная часть этого импорта обеспечивалась «генуэзским извозом», являясь побочным результатом масштабной транзитной торговли через Акджа Керман.

Достаточно многочисленны находки на Белгород-Тирском городище поливного керамического импорта византийского круга (Кравченко 1986: 103). Он не ограничивается каким-то одним центром производства керамики, не ограничивается он, собственно, и пределами Византии. Отчетливые аналогии привозным поливным образцам из Акджа Кермана прослеживаются в производстве мастерских центров как собственно византийских (Константинополя, Фессалоники), так и болгарских (Варна)[1]. Византийский импорт из находок в Акджа Кермане в целом характеризуется желто-зеленой гаммой свинцовых прозрачных полив, нанесенных по белому ангобу, и техникой орнаментации врезной или выемчатой (граффито или резерв). Функциональный ассортимент посуды типичен: миски, тарелки, чаши, кубки. Типичны и орнаментальные мотивы – геометрические, растительные, изображения живых существ и монограммы. Растительная и геометрическая орнаментация нередко переплетаются в декоре одного изделия, так же нередко в одной композиции сочетаются выемчатая техника и граффито. Характерными орнаментальными «клише» являются «плетенки» и «шахматный» орнамент. Довольно многочисленны фрагменты с изображениями птиц, выполненные в технике резерва; некоторые из них очень близки образцам фессалоникского производства первой половины XIV в., к которому они, очевидно, и принадлежат (BGC 1999: 196–198, fig. 222–224); другие имеют болгарские аналогии (Кузев 1980: 23, обр. 14, 15). Также типично для византийской поливной керамики XIV в. украшение сосудов монограммами в медальоне, широко представленное находками на многих памятниках Причерноморья (Кравченко 1986: 111–113; Кузев 1974: 19–24; Масловский 2005: 398; Мыц 2005: 288–305; François 2005: 205). Характерную категорию представляют находки фрагментов византийских поливных чаш, именуемые в литературе Elaborate Incised Ware или керамика champlevé. Данная технологическо-стилистическая группа датируется второй половиной XIV в., местом ее производства

[1] Помимо указанных центров, находки византийских поливных сосудов, аналогичных белгородским находкам, происходят из Никеи, Олинфа, Фасоса, Калиакры, Шумена, Тырнова, Сучавы, Херсонеса, Алустона, Каффы, Таматархи, Азака (Кравченко 1986: 104–113; Бочаров 2005: Масловский 2005: 393–400; BGC 1999; François 2005).

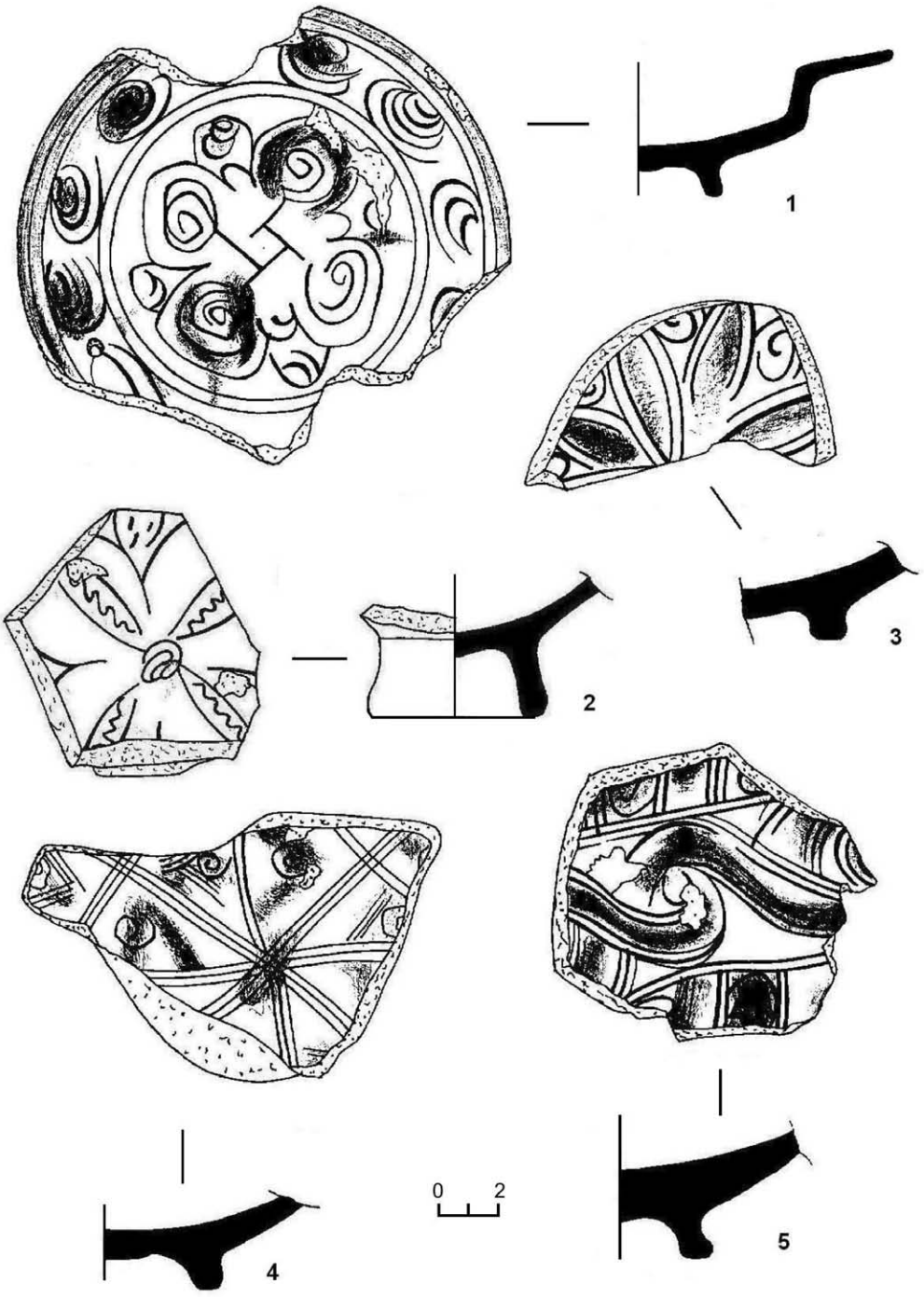


Рис. 190. Поливная керамика из раскопок средневекового Белгорода. Импортная керамика восточно-крымского производства XIV–XV вв.

предположительно является Константинополь (François 2005: 195–199; Бочаров 2005: 306–308).

Нетрудно заметить, что основные элементы производства местной керамики в золотоордынском Белгороде восходят именно к византийской школе производства глазурованной посуды. К ней же в целом принадлежит и своеобразная школа керамистов восточно-крымских центров (Сугдея, Каффа, Солхат). Восточно-крымская поливная керамика активно поступала на восточноевропейский рынок и в XIV, и в XV веке (Масловский 2005: 375; 2007: 86–87), встречается она и в Белгороде. Поливная керамика закавказского происхождения, связанная своим происхождением с городскими центрами Армении и Азербайджана, технологически и стилистически также близка византийской школе; среди находок на Белгород-Тирском городище она немногочисленна (Кравченко 1986: 89–93). Южным, малоазийским импортом является и керамика т.н. «милетской серии», поступление которой в порт на Нижнем Днестре также началось в золотоордынскую эпоху.

Особую категорию керамического импорта представляет поливная керамика, производившаяся в арабской Испании; основным центром ее производства в XIII–XV вв. была Малага, с начала XV в. родственное производство возникает в мосарабских городках под Валенсией (Испано-мавританская керамика 1940: 6–10). Керамика этой категории после обжига приобретала металлический блеск (Испано-мавританская керамика 1940: 8). Подавляющее большинство не слишком частых находок данной категории керамики в Белгороде относится к «малаге», находки «валенсии» единичны. Сосуды «малага» могут быть расписаны только люстром (светло-коричневым или темно-вишневым), или люстром в сочетании с кобальтом; иногда применялся резерв. Орнаментальные мотивы преимущественно геометрические и стилизованные растительные. Ассортимент сосудов из находок на Белгород-Тирском городище довольно беден, преобладают чаши (Кравченко 1986: 99; Богуславский 2010: 174–177). В Нижнее Поднестровье золотоордынского и, позже, молдавского времени керамика арабской Андалусии попадала, несомненно, через посредство генуэзских купцов.

На фоне богатства западного импорта поливной керамики восточный выглядит намного беднее. Наиболее многочисленную его группу составляет кашинная керамика (полуфаянс) с бесцветной или бирюзовой поливой на белой пористой глине (Кравченко 1986: 93–95), имеющая иранские корни (Кверфельдт 1947: 105–106). Кашин с бесцветной глазурью орнаментировался подглазурным рельефом и росписью кобальтом и хромом; очень характерен для кашинных чаш с бесцветной поливой «арочный» орнамент на внешней стороне сосуда, изображающий стилизованный цветок лотоса. Подобный стиль кашинной керамики характерен для производства нижневолжских столичных центров Золотой Орды; вероятно, оттуда она и поступала в Акджа Керман (Кравченко 1991: 114–117). То же происхождение имеет и кашинная керамика с бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью (Булатов 1968: 96–97). Характерно, что большинство типов кашинной керамики нижневолжского производства (Булатов 1968: 98–108) в белгородских находках не представлено. Через Поволжье, вероятно, поступали и представленные редкими фрагментами изделия из китайского фарфора-селадона (лунцюань яо) с характерной зеленоватой расцветкой (Кравченко 1986: 93–95).

Другие категории восточного керамического импорта – иранский ладжвардин, хорезмийский кашин, сарайские «псевдоселадоны» и др. – поступавшие в город-

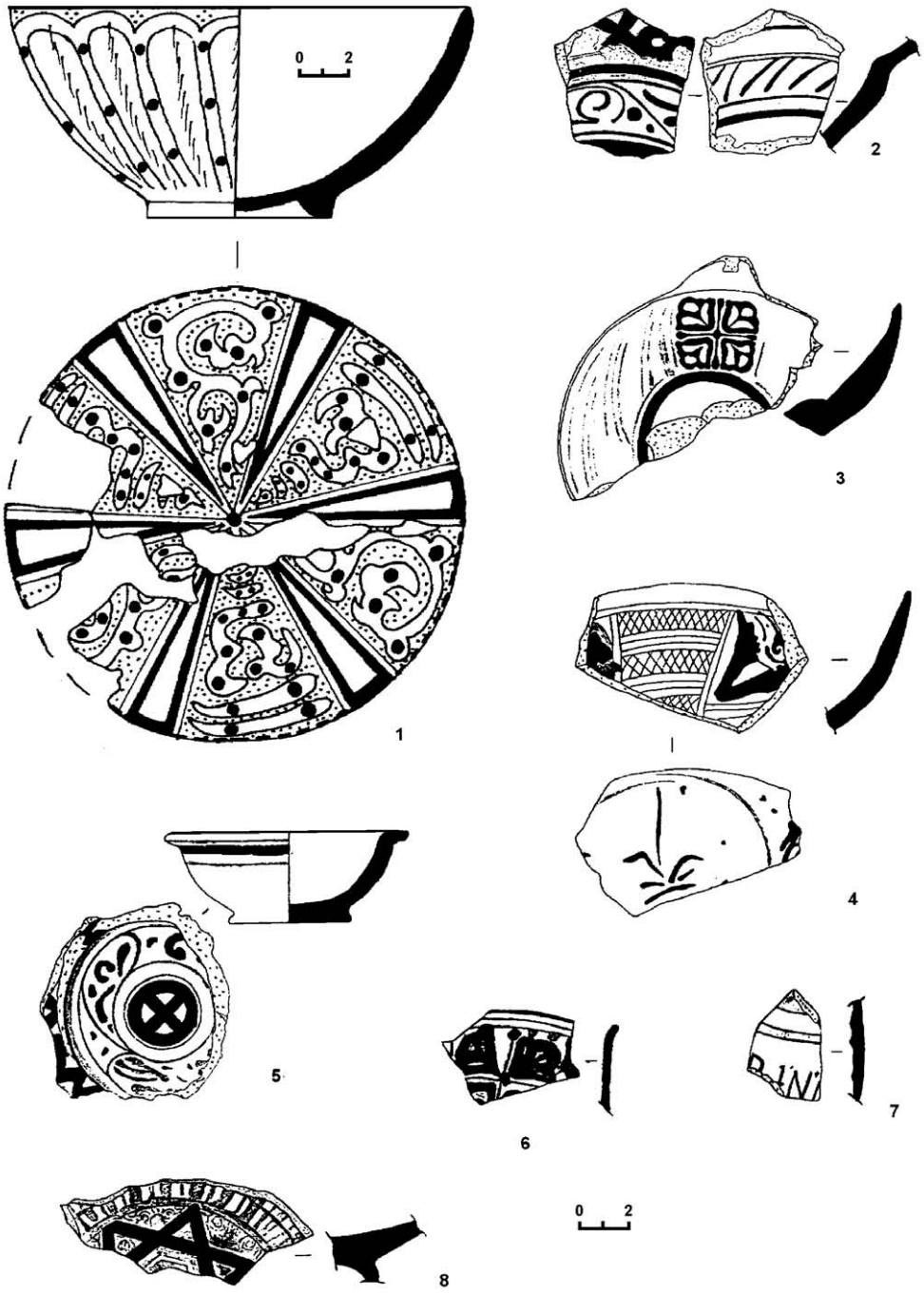


Рис. 191. Поливная керамика из раскопок средневекового Белгорода.
1 – Импортная «кашинная» керамика XIV в. производства нижневолжских центров Золотой Орды. 2–8 – Импортная керамика арабо-испанского производства с орнаментацией люстром (XIV–XV вв.)

ские центры западной части Улуса Джучи (Азак в устье Дона (Масловский 2005: 409–411), северо-кавказский Маджар (Обухов, Волков 2007: 20–25), городище Большие Кучугуры в Нижнем Поднепровье (Тихомолова 2002: 247–250)), в Акджа Кермане как будто отсутствуют. Неизбежным представляется вывод о том, что основные торговые связи соединяли золотоордынский Белгород не с экономическими центрами государства, в состав которого он входил, а с областями за пределами Улуса. Археологический материал, таким образом, подтверждает известное нам из письменных источников: важнейшим контрагентом белгородской торговли, собственно и вызвавшим к жизни Акджа Керман в конце XIII в., были генуэзцы.

Археологические данные молдавского периода истории Белгорода скудны. Постройка Аккерманской крепости привела к серьезным нивелировкам поверхности, зачисткам, эскарпированиям и прочим работам, сильно нарушившим культурный слой и строительные остатки на территории городища. Золотоордынские жилые кварталы, ставшие прикрепостной территорией, должны были быть снесены из сугубо военных соображений. Вместе с тем, случилось это не сразу, что позволяет утверждать, что первоначально фортифицированная площадь была невелика, ограничиваясь, вероятно, только цитаделью. Наиболее поздний золотоордынский строительный горизонт на прикрепостной территории перекрывается сильно разрушенными строительными остатками, которые в свою очередь перекрыты слоем насыпи крепостного вала (Богуславский 2003: 30–31).

Жилое домостроительство. Сохранность жилых сооружений этого периода на прикрепостной территории очень плохая, практически все они представлены лишь одним-двумя нижними рядами кладок. Практически ни один из этих объектов не сохранился на полной площади, зафиксированы только отдельные фрагменты сооружений. Все они залегают в переотложенном слое, насыщенном керамическими остатками разных эпох с преобладанием материалов римского времени. Горизонт с указанными строительными остатками перекрывает слой с сооружениями золотоордынской эпохи, датируемыми 1360-ми гг. Вероятно, на раннем этапе истории молдавского Аспрокастро фортификационные нужды еще не требовали сносить сооружения в пределах оживленного городского квартала, и жизнь на нем могла идти своим чередом. Таким образом, строительный горизонт, перекрывающий остатки построек золотоордынской эпохи, может быть определен, как *раннемолдавский*. Хронологически он, видимо, определяется последней четвертью XIV в. и, вероятно, первой третью XV в. (Богуславский 2003: 34–35).

На территории Аккерманской крепости также были выявлены жилые постройки «молдавского века». В раскопе неподалеку от башни Пушкина был выявлен угол большого кирпичного здания, стены которого были оштукатурены и покрыты фресковой росписью. Вдоль внутренней стороны стен помещения тянулся короб калориферного отопления, выложенный из плитчатого кирпича. В заполнении дома были найдены фрагмент золотой фольги и серебрянный перстень с печаткой, на которой изображена розетка, близкая по иконографии к изображаемой между рогами зубра на монетах Молдовы. Датировано здание найденной в заполнении серебряной монетой Штефана Великого; автор раскопок характеризует его как «дом богатого горожанина» (Рабинович 1968: 106), с чем вполне можно согласиться.

Фортификационные сооружения. Время начала строительства Аккерманской крепости пока не определяется. К молдавскому времени можно, безусловно, отнести ее основное оформление. Впервые крепость в устье Днестра (под названием

Monchastro) изображена на карте в Codex Latinus Parisinus 7239, военном документе, созданном при дворе венгерского короля Сигизмунда Люксембурга и датированном 1396 г. (Шлапак 2001: 18, рис. 2); правда, точность этой карты невелика. На карте «Монхастро» показан в виде почти квадратной цитадели с круглыми башнями, очень похожей на реальную цитадель Аккерманской крепости. Существует стойкое убеждение (Кочубинский 1889: 546), что постройка, по крайней мере, цитадели – дело рук генуэзцев, но автор специального исследования по фортификации средневекового Белгорода утверждает, что вся крепость построена в византийских строительных традициях, а западноевропейские элементы лишь частично представлены в выкладке внешних стен Гражданского двора (Шлапак 2001: 146–149).

Второй этап строительства Белгородской крепости связывается с усобицей сыновей Александра Доброго и выделением в 1435 г. т.н. Нижней Страны, где княжил его младший сын Штефан II (Славяно-молдавские летописи… 1976: 24–25). Возможно, Аспрокастро стал одной из его резиденций. Греческая надпись 1440 г. (к сожалению, найденная за пределами крепости) содержит формулировку «сооружена настоящая крепость»; строительство осуществляет белгородский комендант-пыркэлаб «Федорка» (Кочубинский 1889: 530; Шлапак 2001: 169–173). Наиболее вероятно, что речь идет о расширении крепости, до сих пор укрепленной только небольшой цитаделью. Размеры новой крепости, вероятно, соответствовали пределам Гарнизонного двора (Шлапак 2001: 224).

Второй османский штурм Белгорода датируется 1454 г. – сразу после взятия Константинополя турки начинают новый этап экспансии на Черноморье (Бырня 1997: 118–119). 1454 г. датируется и одна из славянских строительных надписей из Белгорода, извлеченная в 1899 г. из внешней стены одной из башен Гарнизонного двора (Кочубинский 1901: 174). В надписи упоминается «сей мур» и «оружение» (артиллерийское). Вероятно, в 1454 г., после боевых действий, стена требовала ремонта, а возможно, имело место и усиление ее «полными башнями» (Шлапак 2001: 46, 224).

Еще дважды османы осаждали Аспрокастро в 1475 и 1476 гг. (Бырня 1997: 120–122). Правительство господаря Штефана III Великого энергично сопротивлялось турецкому натиску. Отразилось это и на крепостном строительстве в Аспрокастро. Из Белгорода происходят две кириличных строительных надписи, датированные второй половиной 1470-х гг. Надпись 1476 г. посвящена завершению «великих ворот»; в ней упомянуты «Стефан-воевода» и «паны Луциан и Херман» (белгородские пыркэлабы) (Кочубинский 1889: 520). Надпись 1479 г. гласит, что «почя и сверши сей мур» пыркалыбы Дума и Херман по приказу воеводы. По всей вероятности, именно в эти годы Белгородская крепость приобрела свою нынешнюю площадь в 9 га – к существующим были прибавлены внешние стены Гражданского двора (Шлапак 2001: 47). Спешное возведение дополнительных фортификаций привело к некоторым строительным ошибкам, прослеженным археологически (Богуславський 2007а: 211).

С военной точки зрения увеличение размеров крепости было не самым удачным решением: огромный периметр новых стен не соответствовал численности гарнизона, даже усиленного городским ополчением. Таким образом, крепость потеряла значительную часть своей оборонной мощи (Шлапак 2001: 67). Во многом поэтому пятый османский штурм Аспрокастро в 1484 г. стал последним – крепость была взята за два дня (Iorga 1899: 158).

Рис. 192. Поливная керамика из раскопок средневекового Белгорода.
Импортная керамика «милетской серии» раннеосманского производства XIV–XV вв.

Ремесла и торговля. Находки различных вещественных материалов, датируемых XV в., позволяют предположить развитие тех же ремесел, что и ранее (гончарство, металлургическое производство орудий труда и предметов вооружения, обработка камня и строительное дело, костерезное, ювелирное ремесла).

Молдавская неполивная керамика, имеющая аналогии в материалах Старого Орхея (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 36–62), в Белгороде немногочисленна. Возможно, некоторая часть поливной керамики местного производства должна датироваться XV в., но этому пока нет строгих подтверждений; другие категории археологического материала молдавской эпохи также пока четко не определяются. Проблема в том, что отсутствуют надежно датированные комплексы, которые могли бы стать эталонными; это связано с особенностями стратиграфии памятника (Богуславський 2008: 49).

Впрочем, керамический импорт XV в. известен: керамика восточно-крымских центров, «арабо-испанский люстр» и поливная посуда «милетской серии» имеют суммарную датировку XIV–XV вв. К концу XIV – началу XV вв. относится немногочисленная группа сероглиняной керамики со штампованным орнаментом (это исключительно горшки и кувшины, орнаментированы в основном последние). Находки аналогичной керамики известны в Сучаве и определяются как неустановленный европейский импорт (или керамика «немецких колонистов»). Возможно, подобную посуду имитировали и белгородские гончары (Кравченко 1990: 70–71). Эта категория керамики отражает северные европейские связи молдавского Белгорода.

Турецкая экспансия в регионе традиционно считается стратегической. Но это только один аспект проблемы: немалая доля международных торговых контактов молдавского Аспрокастро приходилась на южное направление, связывавшее его с Южными Балканами и Малоазийским полуостровом (Богуславский 2006: 24). Османы сохранили традиционные связи с северным побережьем Черного моря, заложенные еще в византийские времена. Турецкая торговля и в XIV, и в XV в. активно велась через Белгород (Іналджик 1998: 143–145).

На этом фоне нельзя не отметить тот факт, что столовая раннеосманская керамика XIV–XV вв. (т.н. керамика «милетской серии») составляет весомый процент керамического импорта эпохи в средневековых слоях Белгород-Тирского городища (Богуславский 2002а: 272; Богуславский 2010а: 178). Керамика данной группы давно и относительно неплохо изучена (Миллер 1972: 21; Тесленко 2005: 366–387). Основные формы сосудов – миски, тарелки, чаши. Черепок с внутренней стороны сосудов покрыт белым ангобом и бесцветной, изредка бирюзовой глазурью, обычно покрытой цэком, иногда – с металлическим блеском. Орнамент нанесен в технике подглазурной росписи преимущественно кобальтовой краской; нередко встречаются хром и марганец. Основные мотивы – волны, геометрические фигуры, цветы, стебли с листьями и без листьев (Богуславский 2002а: 271–273, 279–284; Богуславский 2010а: 179). Поливная керамика «милетской серии» по своему происхождению является турецкой, малоазийской. Традиционная ее датировка – XV век (Миллер 1972: 21; Тесленко 2005: 385–386), но, видимо, она получила распространение еще в XIV в. (Богуславский 2002а: 273; Богуславский 2010а: 181). В самой Малой Азии значительная часть посуды этого типа производилась в мастерских Изника, будущего основного центра турецких керамистов.

Данная категория керамики является бесспорным материальным выражением связей золотоордынского и молдавского Белгорода с раннеосманской Анатолией. В

XVI – первой половине XVII вв. Аккерман, Килия и Каффа по-прежнему оставались крупными транзитными центрами для товаров с севера – из Молдовы, Украины, Польши, Московии (Іналджик 1998: 141–145). Связи не только с турецкими областями, но и с европейскими странами в османский период отражаются и в керамическом импорте (Кравченко 2005: 119–121). Таким образом, несомненной представляется экономическая заинтересованность Османского султаната в богатом портовом городе на северо-западе акватории Черного моря (Богуславский 2006: 25).

Белгород пал 5 августа 1484 г. Турецким завоеванием и заканчивается средневековый период в его истории и археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. 1949. Скифский язык / В кн.: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л.

Абашина Н.С., Гороховський Е.Л. 1975. Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III // Археологія. Вип. 18

Абдуразаков А.А., Безбородов М.А. 1966. Средневековые стекла Средней Азии (опыт химической характеристики). Ташкент

Абикулова М.И., Былкова В.П. 1985. Исследования городища Золотой Мыс // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино

Абрамов А.П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. № 3

Абрамова М.П. 1961. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. № 1

Абрамова М.П. 1962. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днепра // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115

Абрамова М.П. 1979. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. № 2

Абрамова М.П. 1988. Сарматы и Северный Кавказ // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1981. Древности Старого Орхея (золотоордынский период). Кишинев

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1982. Древности Старого Орхея (молдавский период). Кишинев

Авилова Л.И. 1986. К изучению социальной структуры и идеологии племен гумельницкой культуры (по данным погребального обряда) // СА. № 1

Авилова Л.И., Черных Е.Н. 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов

Агбунов М. 1979. Заметки по античной географии Нижнего Приднестровья // ВДИ. № 2

Агбунов М.В. 1984. Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. № 4

Агбунов М.В. 1987. Античная лоция Черного моря. М.

Агбунов М.В. 1992. Античная география Северного Причерноморья. М.

Агульников С.М. 1985. Раскопки курганов у с. Тараклия // АО 1983

Агульников С.М. 1986. Работы Казаклийского отряда // АО 1984

Агульников С.М. 1987. Белозерские памятники степной Молдавии // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. VI Республ. конф. молодых археологов. К.

Агульников С.М. 1987а. Исследования курганной группы у с. Казаклия // АО 1985

Агульников С.М. 1993. Курган скифской культуры у с. Манта на Нижнем Пруте // Revista Arheologică. № 1. Chişinău

Агульников С.М. 1998. Погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики междуречья Кагул-Прут // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье

Агульников С.М., Бубулич В.Г. 1999. Сарматский курган I в. н.э. у с. Казаклия // ПССАСП. Тез. докл. международ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова

Агульников С.М. Бубулич В.Г. 2000. Скифский курган у с. Никольское на Нижнем Днестре // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Агульников С.М., Курчатов С.И. 1994. Курган белозерского времени у с. Хаджилар в Нижнем Поднестровье // ПССАСП. Тез. докл. международ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова

Агульников С.М., Редина Е.Ф. 2007. Могильник «Змеиная балка» у села Кошары Одесской области // Tyragetia. Vol. I [XVI]. № 1

Агульников С.М., Сава Е.Н. 2005. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинэу

Агульников С.М., Субботин А.В. 1997. Скифский курган V в. до н.э. в Днестровском правобережье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Агульников С.М., Бруяко И.В., Кожокару В.М., Субботин А.В. 2004. Поселение гетов V в. до Р.Х. у с. Ново-Некрасовка на Нижнем Дунае // Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я. Мат-ли конф. до 105-річчя з дня народж. Б.М. Гракова. ССПіК. XI

Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени // СА. № 1

Акишев А.К. 1978. О погребении собаки в Усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА АН СССР. Вып. 154

Алексеев А.Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии. СПб.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.

Алексеева Е.И. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1-12. Т. 2

Алексеева Е.И 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1-12. Т. 3

Алексеева И.Л. 1971. Раскопки Беляевского кургана в 1966 году // МАСП. Вып. 7

Алексеева И.Л. 1971а. Скифские погребения в курганах Одесской области // АИУ в 1968 году. Вып. III

Алексеева И.Л. 1973. Раскопки курганов в междуречье Дуная–Днестра // АО 1972

Алексеева И.Л. 1976. О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Вып. 8

Алексеева И.Л. 1978. Вопросы хронологии и периодизации ранней поры палеометаллической эпохи Северо-Западного Причерноморья // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Алексеева И.Л. 1979. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР по раскопкам курганов в зоне строительства 2-й очереди Нижне-Днестровской оросительной системы (сс. Дальник, Мирное Беляевского р-на; сс. Петродолинское, Новая Долина Овидиопольского р-на Одесской обл.) // Архив ИА НАНУ № 1979/1

Алексеева И.Л. 1987. Доусатовские погребения в курганах Северо-Западного Причерноморья // Новые материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Алексеева И.Л. 1992. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. К.

Алексеева И.Л. 1994. Группа катакомбных погребений с глиняными накладными масками в курганах Нижнего Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э). Мат-лы международ. археол. конф. Тирасполь

Алексеева И.Л. 1994а. Погребения энеолита – ранней бронзы в курганах правобережья Когильника // Древнее Причерноморье. КС ОАО.

Алексеева И.Л. 1996. Раскопки кургана у с. Ново-Красное (междуречье рр. Днестр-Тростянец) // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса

Алексеева И.Л., Булатович С.А. 1990. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Одесса-Запорожье

Алексеева И.Л., Тощев Г.Н. 2009. Курганная группа у с. Богатое Одесской области // Музейный вестник. Вып. 9. Запорожье

Алексеева И.Л., Дворянинов С.А., Чернов С.И. 1977. Раскопки курганов в Арцизском районе Одесской области // АО 1976

Алексеева И.Л, Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1997. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Алексеева И.Л., Черняков И.Т., Шмаглий Н.М. 1972. Исследования в Нижнем Подунавье // АО 1971

Алексеева И.Л., Дворянинов С.А., Добролюбский А.О., Кушнир В.Г., Чернов С.И. 1977. Работы Нижне-Днестровской экспедиции // АО 1976

Алекшин В.А. 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. Д1-30

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2

Андреев В.Н., Саенко В.Н. 1992. О семантике стрел в скифском погребальном обряде // ДСПиК. III

Андрух С.И. 1995. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I вв. до н.э. Запорожье

Андрух С.И. 2000. «…Смешанные с фракийцами скифы» (Apol. Rhod. IV. 320) // ВДИ № 3

Андрух С.І., Оанча О.С. 1992. Скіфський могильник IV–III ст. до н.е. поблизу с. Дивізія // Археологія Південного Заходу України. К.

Андрух С.І., Сєкерська О.П. 1999. Нові археозоологічні матеріали зі скіфських поховань // Археологія. № 3

Андрух С.И., Суничук Е.Ф. 1987. Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К.

Андрух С.И., Чернов С.И. 1990. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья // СА. № 2

Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. 1985. Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная. М. Деп. в ИНИОН АН СССР 13.06.1985 г., № 21–110

Анохин В.А. 1975. Клад монет начала III в. н.э. из Тиры // SCN. Vol. VI

Анохин В.А. 1986. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. К.

Анохин В.А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К.

Анохин В.А., Пушкарев В.П. 1965. Античные монеты из Тиры // НиС. № 2

Античные государства… 1984. Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.

Антонова Е.В. 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.

Антонова Е.В. 2005. Погребения как источник реконструкции обрядово-мифологических комплексов дописьменных обществ // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк

Антонова Е.В., Раевский Д.С. 1984. «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребальных комплексов) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. К.

Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. М.

Артамонов М.І. 1949. Південноподільська експедиція // АП УРСР. Т. I

Артамонов М.И. 1955. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952–1953 гг. // КСИИМК. Вып. 59

Артамонов М.И. 1955а. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской экспедиции // КСИА АН УССР. Вып. 4

Артамонов М.И. 1973. Сокровища саков. Амударьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.

Артамонов М.И. 1977. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л.

Артюшенко А.Т. 1970. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. К.

Археология… 1986. Археология Венгрии (конец II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.). М.

Археологія… 1971. Археологія Української РСР. Т. II. Скіфо-сарматська та антична археологія. К.

Археология… 1985. Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. К.

Археология… 1986. Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. К.

Ашрафиан А.А. 1963. Тирасская монета из с. Пивденное // КС ОГУ и ОАМ 1961 года

Бабенчиков В.П. 1957. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Вып. 1

Бабенчиков В.П. 1963. Чорнорічанський могильник // АП УРСР. Т. XIII

Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии латена и римского времени. СПб.

Байбурин А.К. 1992. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб.

Байбурин А.К. 1993. Ритуал в традиционной культуре. СПб.

Балабина В.И. 1998. Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. М.

Балабина В.И. 2002. «Моление о дожде» и «иерогамия» (еще раз о некоторых невербальных текстах) // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.

Балагурі Е.А. 1964. Ливарні матриці з поселення пізньої бронзи біля с. Острівець Івано-Франківської області // МДАПВ. Вип. 5

Балагурі Е.А. 1968. Поселення культури Ноа біля с. Острівець Івано-Франківської області // Археологія. Т. XXI

Балагури Э.А. 1980. Памятники племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. К.

Банару В. 1997. К вопросу об экономических связях населения Пруто-Днестровского междуречья с греческим миром (по данным греческого импорта с городища Бутучень) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Баран В.Д. 1961. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу // МДАПВ. Вип. 3

Баран В.Д. 1976. До питання про підґрунтя черняхівської культури // Дослідження з слов'янсько-руської археології. К.

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу). К.

Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в западной историографии). К.

Безусько Л.Г., Климанов В.А., Шеляг-Сосонко Ю.Р. 1988. Климатические условия Украины в позднеледниковье и голоцене // Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР. М.

Безусько Л.Г., Безусько Т.В., Єсилевський С.О., Ковалюх М.М. 2000. До питання про клімат і рослинність степової зони України в голоцені // Наукові записки НаУКМА. Вип. 18

Бейлекчи В.С. 1970. Поселения культуры Гумельница на территории СССР (материалы к археологической карте) // Известия АН МССР. Серия общественных наук. № 2. Кишинев

Бейлекчи В.С. 1972. Результаты раскопок гумельницких поселений в Молдавии в 1968–1969 гг. // АИМ 1968–1969 гг.

Бейлекчи В.С. 1974. Исследования гумельницкого поселения у с. Кокора // АИМ 1972

Бейлекчи В.С. 1978. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная (Гумельницкие поселения Вулканешты II и Лопацика в южной части Молдавской ССР). Кишинев

Бейлекчи В.С. 1983. Наземное жилище культуры Гумельница у с. Вулканешты // Первобытные древности Молдавии. Кишинев

Бейлекчи В.С. 1987. Работы Буджакской экспедиции // АО 1985

Бейлекчи В.С. 1990. Раскопки кургана 3 у с. Копчак // АИМ 1985

Бейлекчи В.В. 1993. Курганы у с. Щербанка // ССПіК. IV

Бейлекчи В.С., Агульников С.М., Чирков А.Ю. 1985. Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1985 г. // Архив Национального музея археологии и истории Молдовы. Кишинев

Беккер П.В. 1849. Гражданский быт тиритов при римских императорах. Одесса

Беккер П.В. 1850. Тирас и тириты // ЗООИД. Т. II

Беккер П.В. 1853. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена, в отношении к его древним колониям // ЗООИД. Т III

Бєлан Н.Г. 1977. До історії мисливства та тваринництва у племен Правобережної України у I тисячолітті н.е. // Археологія. Вип. 24

Белановська Т.Д. 1960. Розкопки поселення перших століть нашої ери в с. Дудчанах // АП УРСР. Т. IX

Белов А.Ф., Ляшко С.И. 1991. Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // ДСПиК. II

Белогорский А.А. 1965. Материалы обследования погребения черняховского времени III–IV вв. н.э. в с. Васильевка Фрунзенского района Одесской области // НА ОАМ. № 84159

Белозоров С.Т. 1962. Климат Одесской области // Природа и хозяйство Одесской области. Одесса

Беляков А.С. 1990. Медные монеты белгородской чеканки XV в. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев

Березанская С.С. 1960. Об одной группе памятников средней бронзы на Украине // СА. № 4

Березанская С.С. 1962. О погребениях культуры многоваликовой керамики // МАСП. Вып. 4

Березанська С.С. 1970. Нове джерело до розуміння зольників білогрудівського типу // Археологія. Т. XXIV

Березанская С.С. 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. К.

Березанская С.С. 1997. Сравнительная характеристика сабатиновской и срубной культур на территории Украины // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Киев-Николаев

Березанская С.С. 1998. КМК – культура или керамический стиль? // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье

Березанська С.С., Отрощенко В.В. 2000. Про деякі етноісторичні процеси на теренах України за добу бронзи // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ

Березанская С.С., Шарафутдинова И.Н. 1985. Сабатиновская культура // Археология Украинской ССР. Т.1. Первобытная археология. К.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К.

Березкин Ю.Е. 1991. Инки: исторический опыт империи. Л.

Березкин Ю.Е. 1995. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.

Бернякович К.В. 1949. Розкопки могильника поблизу с. Іллінка, Одеської області в 1946 р. // АП УРСР. Т. I

Бессонова С.С. 1983. Религиозные представления скифов. К.

Бессонова С.С. 1984. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. К.

Бессонова С.С. 1989. Культовые сооружения скифского времени в Побужье // I Кубанская археологическая конференция. Краснодар

Бессонова С.С. 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. К.

Бессонова С.С. 1994. Курганы лесостепного Побужья // Древности скифов. К.

Бестужев Г.Н. 1987. Нож и шило – аксессуары обряда посвящения (трактовка по находкам в погребениях эпохи раннего металла) // Древности Кубани. Мат-лы семинара. Краснодар

Бибиков С.Н. 1965. Древние кремневые выработки на горе Белой в районе Каменец-Подольска // Мат-лы сессии, посвящ. итогам археолог. и этнограф. исследований 1964 года в СССР [Тез. докл.]. Баку

Бибиков С.Н. 1965а. Древние кремневые выработки на горе Белой в районе Каменец-Подольска // Тез. доп. [Першої] Подільської іст.-краєзн. конф. Хмельницький

Бибиков С.Н. 1965б. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья: (опыт изучения первобытной экономики) // СА. № 1

Бибиков С.Н. 1966. О хронологическом разделении памятников Триполья А и типа Гумельницы (Алдень II) на юго-западе СССР // Тез. докл. VII международ. конгр. доист. и протоист. М.

Бібіков С.М. 1971. Пам'ятки культури Гумельниця на території УРСР // Археологія Української РСР. Т. І. Первісна археологія. К.

Бибиков С.Н., Субботин Л.В. 1985. Памятники культуры Гумельница на территории УССР // Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. К.

Бибикова В.И. 1978. Фауна из мезолитических поселений Белолесье и Гиржево (Нижнее Поднестровье) // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Бибикова В.И. 1982. Териофауна поселения Мирное / В кн.: Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. К.

Бибикова В.И. 1985. Охотничий промысел в палеолите и мезолите Северного Причерноморья // КСИА АН СССР. Вып. 181

Бибикова В.И., Белан Н.Г. 1979. Локальные варианты и группировки позднепалеолитического териокомплекса Юго-Восточной Европы // Бюлл. МОИП. Т. 84. Вып. 3

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.М., Савовский И.П. 1977. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. К.

Бикбаев В.М. 1990. Исследования на поселении Бологаны I // АИМ 1985

Бикбаев В.М. 1990а. Данные к ритуалу, связанному с оставлением кукутень-трипольских гончарных печей // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полев. семинара. Тальянки–Веселый Кут–Майданецкое

Бикбаев В.М. 1994. Предгординештские памятники типа Кирилень в Северной Молдове // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. археол. конф. Тирасполь

Білецька О.В. 2003. Політика польського короля Казимира Великого (1333–1370) щодо подільських земель // Древности Причерноморья. V-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Білецька О.В. 2008. Теодорик з Бучача – тримач середньовічного Качибея // Древности Причерноморья. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VIII. Одесса

Блаватская Т.В. 1952. Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М.

Блаватская Т.В. 1981. Надгробие и алтарь из села Беленькое // КСИА АН СССР. Вып. 168

Блаватская Т.В. 1983. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.

Блаватский В.Д. 1959. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.

Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. 1967. Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX вв. // Русские. Историко-этнографический атлас. М.

Блохин В.Г. 2001. К вопросу о реконструкции и этнокультурной интерпретации золотоордынского однокомнатного четырехугольного в плане дома // НАВ. Вып. 4

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский А.А. 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.

Богданов В. 1918. Древние и современные обряды погребения животных в России // Этнографическое обозрение. Т. 34. Пг.

Богуславський Г.С. 2002. Деякі питання історії Білгорода на Дністрі VIII–X віків // КНП. № 31

Богуславский Г.С. 2002а. Поливная керамика из раскопок Белгород-Тирской экспедиции (1996–1998 гг.) // Tyras-Cetatea Albă/Belhorod-Dnistros'kyj. I. Bucureşti

Богуславский Г.С. 2003. Раннемолдавские комплексы средневекового Белгорода (по материалам раскопок 1999–2000 гг.) // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Богуславский Г.С. 2005. Северо-Западный квартал (новые данные о городской застройке золотоордынского Акчакермана по материалам раскопок 1999–2004 годов) // КНП. № 63

Богуславский Г.С.2006. К вопросу о причинах османского завоевания Четатя Албэ // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VII. Одесса

Богуславский Г.С. 2007. Поливная керамика местного производства из новых раскопок золотоордынского Акчакермана // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. международ. конф. Ялта

Богуславський Г.С. 2007а. Фрагмент турецького Аккерману (будівельні рештки османського часу з охоронних розкопок 2005 року в Аккерманській фортеці) // АДЛУ. Вип. 10

Богуславський Г.С. 2008. Деякі зауваження до стратиграфії середньовічних шарів Білгород-Тірського городища // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VIII. Одесса

Богуславский Г.С. 2010. Арабо-испанская поливная керамика средневекового Белгорода (из раскопок 1996-2004 гг.) // Тира–Белгород–Аккерман (материалы исследований). Одесса

Богуславский Г.С. 2010а. Раннеосманская керамика Белгород-Тирского городища (керамика «милетской серии» из раскопок 1996–2004 гг.) // Тира–Белгород–Аккерман (материалы исследований). Одесса

Богуславский Г.С., Дергачева Л.В. 2011. Молдавские монеты из раскопок 2005–2007 гг. в Гражданском дворе Белгород-Днестровской крепости и некоторые проблемы постройки стен Гражданского двора // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. 1. Одесса

Бодзек Я. 2008. Ольвийский «асс», найденный в Кошарах // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VIII. Одесса

Бокій Н.М. 1977. Розкопки курганів у верхів'ях басейну Тясмина // Археологія. Вип. 22

Болтенко М.Ф. 1925. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков // ВОКК. Ч. 2–3

Болтенко М.Ф. 1926. Кераміка з Усатова // ТКУ. Вип. 1

Болтенко М.Ф. 1926а. Великий Куяльник–Усатове. Розкопки 16/VI – 22/IX 1926 р. // НА ОАМ. № 59261

Болтенко М.Ф. 1945. Усатовская культура и ее исторические связи // НА ОАМ. Архив М.Ф. Болтенко

Болтенко М.Ф. 1947. Опыт этногонической карты Северо-Западного Причерноморья в конце 3-го – начале 2-го тысячелетия до н.э. // НА ОАМ. Архив М.Ф. Болтенко

Болтенко М.Ф. 1950. К истории названия лиманов «Куяльников» // НА ОАМ. Архив М.Ф. Болтенко

Болтенко М.Ф. 1952 (?). Легенды о происхождении скифов у Геродота в их реалиях. Рукопись докторской диссертации // НА ОАМ. № 873

Болтенко М.Ф. б/г. Автобиография // НА ОАМ. Архив М.Ф. Болтенко

Болтенко М.Ф. 1957. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника // МАСП. Вып. 1

Болтенко М.Ф. 1960. Исторические судьбы острова Березань // ЗОАО. Т. I (34)

Болтрик Ю.В. 1978. Святилище Арея в урочище Носаки // АИУ в 1976–1977 гг. Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород

Болтрик Ю.В. 1999. Переправы Нижнего Днепра в скифское время // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье

Болтрик Ю.В. 2004. До питання про політичний устрій Скіфії // ССПіК. XI

Болтрик В.В., Левченко В.Н., Фиалко Е.Е. 1991. О позднеямных чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. 1983. От Скифии до Индии. М.

Бондаренко М.Е. 2005. Античная история и археология Нижнего Поднестровья. Библиографический указатель (1826–1991). М.

Бондарь Р.Д. 1970. Раскопки Орловского городища // АО 1969

Бондарь Р.Д. 1971. Археологические раскопки у с. Орловка в 1968 году // АИУ в 1968 году

Бондарь Р.Д. 1973. Некоторые проблемы нижнедунайского лимеса // ВДИ. № 3

Бондарь Р.Д. 1974. Строительное дело нижнедунайского лимеса (провинции Нижняя и Верхняя Мезия, Дакия) в I – середине III вв. н.э. Дисс…канд. ист. наук (рукопись). М.

Бондарь Р.Д. 1982. Находки бронзовых монет Антонина Пия в Орловке // Античная нумизматика Причерноморья. К.

Бондарь Р.Д. 1984. Городище у с. Орловка // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.

Бондарь Р.Д. 1996. Некоторые итоги археологического изучения городища Орловка (Картал) на Дунае // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса

Бондарь Р.Д., Булатович С.А. 1982. Находки римских монет в Орловке // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Бондарь Р.Д., Булатович С.А. 1990. Находки из Орловки // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев

Бондарь Р.Д., Булатович С.А. 1991. Некоторые особенности проникновения римских монет на левобережье Нижнего Дуная // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.

Бондарь Р.Д., Булатович С.А. 2001–2002. Орловское городище в памятниках нумизматики // Stratum plus. № 6

Бондарь Р.Д., Петренко В.Г. 2004. О позднем энеолите в культурно-хронологической колонке городища Орловка // Carpatica. Вип. 31. Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Ужгород

Бондарь Р.Д., Петренко В.Г. 2005. Городище Орловка: енеолітичні знахідки // Древнее Причерноморье. VI-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Мат-лы международ. конф. Одесса

Бондарь Р.Д., Субботин Л.В. 2000. Курган эпохи энеолита и бронзы у с. Орловка // ССПіК. VIII

Боплан Г.Л. де. 1990. Опис України. К.

Борзияк И.А. 1984. Раскопки кургана у с. Этулия в 1979 г. // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев

Борзияк И.А., Манзура И.В., Левицкий О.Г 1983. Коржевские курганы // АИМ 1979–1980 гг.

Борисковский П.И. 1957. Разведки памятников каменного века между Тирасполем и Раздельной // МАСП. Вып. 1

Борисковский П.И. 1964. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 году // КС ОГАМ 1962

Борисковский П.И. 1975. Мезолитическая стоянка Казанка близ Кривого Рога // Памятники древнейшей истории Евразии. М.

Борисковский П.И., Красковский В.И. 1961. Памятники древнейшей человеческой культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса

Бородовский А.П. 1998. Раскраска тела погребенных в гунно-сарматское время на Верхней Оби по материалам Быстровского некрополя // Сибирь в панораме тысячелетий. Матлы международ. симпозиума. Т. 1. Новосибирск

Бочаров С.Г. 2005. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. К.

Бочкарев В.С. 1968. Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. Л.

Бочкарев В.С. 1978. Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.

Бочкарев В.С. 1992. Новые абсолютные даты для бронзового века Европы // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. конф. к 90-летию М.П. Грязнова. СПб.

Бочкарев В.С. 1995. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара

Брайчевская А.Т. 1955. Раскопки у с. Дудчаны в 1954 г. // КСИА АН УССР. Вып. 5

Брайчевська А.Т. 1957. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі // Археологія. Т. XI

Брайчевский М.Ю. 1960. Ромашки // Черняховская культура. МИА. № 82

Брайчевський М.Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державності (соціально-економічний розвиток черняхівських племен). К.

Братченко С.Н. 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К.

Братченко С.Н. 1977. К вопросу о бабинской культуре (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. К.

Братченко С.Н. 1985. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. К.

Братченко С.Н. 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ

Братченко С.Н. 2003. Могили бронзової доби в басейні р. Дерскул // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Вып. 1. Луганск

Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. 1985. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. К.

Браун Ф.А. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.

Браунер А.А. 1940. Прошлое лиманно-морского ландшафта Правобережья Украины // НА ОАМ № 59268

Брашинский И.Б. 1965. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ. Т. 5

Брашинский И.Б. 1970. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. № 2

Брашинский И.Б. 1973. Понтийское пиратство // ВДИ. № 3

Брашинский И.Б. 1973а. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА АН СССР. Вып. 133

Брашинский И.Б. 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л.

Брашинский И.Б. 1984. Методы исследования античной торговли. М.

Брей У., Трамп Д. 1990. Археологический словарь. М.

Бритюк А.А. 2006. Ранний энеолит украинской степи: проблема соотношения местного и пришлого компонентов // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург

Брун Ф.К. 1853. О местоположении Тираса // ЗООИД. Т III

Брун Л.Ф. 1888. По поводу тирасских монет императора // Труды VI АС. Одесса

Бруяко И.В. 1989. Предметы вооружения из Никония // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.

Бруяко И.В. 1993. Лепная керамика греческого Никония // Древности Причерноморских степей. К.

Бруяко И.В. 1993а. Северо-Западное Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Начало колонизации Нижнего Поднестровья // Античный мир и археология. Вып. 9. Саратов

Бруяко И.В. 1996. Некоторые итоги раскопок некрополя Никония римского времени // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса

Бруяко И.В. 1999. О событиях III в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье (четыре концепции кризиса) // ВДИ. № 3

Бруяко И.В. 1999а. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в VII–III вв. до Р. Х. Волжск

Бруяко И.В. 2004. Обновлённая схема гальштатской хронологии Центральной Европы и памятники раннего железного века юга Восточной Европы // Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я. Мат-ли конф. до 105-річчя з дня народж. Б.М. Гракова. ССПіК. XI

Бруяко И.В. 2005. Материалы к археологической карте Нижнего Поднестровья (античный, доримский период) // ССПіК. XII

Бруяко И.В. 2005а. Поселение Ново-Некрасовка-II («Геродотовы» геты на Нижнем Дунае) // Revista Arheologică. Vol. 1. Nr. 1. Chişinău

Бруяко И.В. 2005б. Ранние кочевники в Европе. X–V вв. до Р.Х. Кишинев

Бруяко И.В. 2005–2009. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. № 3

Бруяко И.В. 2009. Об исторической топографии городища Картал // МАСП. Вып. 9

Бруяко И.В., Ванчугов В.П., Савельев О.К. 2011. Слои эллинистического времени на городище Новосельское-II // МАСП. Вып. 12

Бруяко И.В., Дзиговский А.Н. 2008. Заметки по истории городища Картал в римское время // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VIII. Одесса

Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М. 2008. Никоний римской эпохи (МАСП. Вып. 10. Моногр. сер. 1). Одесса

Бруяко И.В., Засыпкина Г.В., Манзура И.В., Субботин Л.В. 2005–2009. Слои римского времени городища Картал (участок Картал–«посад») // Stratum plus. № 4

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. 1989. Изменения литорали Северо-Западного Причерноморья с XX тыс. до н.э. (палеогеографические карты) // Комплексные методы исследования археологических источников. Тез. докл. конф. М.

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. 1991. Изменение уровня Черного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 2. М.

Бруяко И.В., Кожокару В.М. 1990. Новый фракийский памятник на Нижнем Дунае и некоторые вопросы политической истории региона в I тыс. до н.э. // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев

Бруяко И.В., Малюкевич А.Е. 2009. Поселение Затока I («Гермонактова деревня») в Нижнем Поднестровье (характеристика материалов) // МАСП. Вып. 9

Бруяко И.В., Манзура И.В, Субботин Л.В. 2003. Энеолитический горизонт поселения Орловка II на Нижнем Дунае // АВУ 2001–2002 рр.

Бруяко И.В., Манзура И.В., Субботин Л.В. 2006. Раскопки городища Картал в 2005 г., открытие могильника эпохи палеометалла // АВУ 2004–2005 рр.

Бруяко И.В., Манзура И.В., Субботин Л.В., Топал Д.А. 2005. Слои раннего железного века городища Картал (участок Картал-«посад») // АВУ 2003–2004 рр. Запоріжжя

Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. 1991. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.

Бруяко И.В., Носова Л.В. 2010. Новые монетные находки на городище Картал (Орловка) // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. I. Одесса

Бруяко И.В., Росохацкий А.А. 1989. К исторической интерпретации эпиграфических материалов из могильника Беленькое // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса

Бруяко И.В., Росохацкий А.А. 1990. К политической истории Нижнего Поднестровья в первой четверти III в. н.э. (по эпиграфическим материалам из могильника Беленькое) // Древнее Причерноморье. I-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Материалы международ. конф. Одесса

Бруяко И.В., Росохацкий А.А. 1993. Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея // ПАВ. Вып. 7

Бруяко И.В, Росохацкий А.А. 1999. К собранию светильников римского времени из Тиры // Stratum plus. № 4

Бруяко И.В., Секерская Е.П. 1994. Фауна из некрополя Никония первых веков н.э. // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Бруяко И.В., Субботин Л.В., Субботин А.В. 2005. Открытие могильника эпохи среднего гальштата на территории посада городища Картал в 2004 г. // АВУ 2004

Бруяко И.В., Суничук Е.Ф. 1987. Лепная керамика из поселения Овидиополь II // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К.

Бруяко И.В., Ткачук М.Е. 1994. Бессарабия VII–I вв. до Р.Х. Цикл кросскультурных диалогов // ПССАСП. Тез. докл. международ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова

Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И. 2001. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. Одесса

Брюсов А.Я. 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.

Брюсов А.Я., Зимина М.П. 1966. Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР. САИ. В4-4

Бубулич В.Г. 1992. Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемировского района в 1991 году // Архив музея НАН Молдовы. № 334. Кишинев

Буданова В.П. 1980. Готы и система представлений римских и византийских авторов о варварских народах // ВВ. Т. 41

Буданова В.П. 1982. Передвижение готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. (по данным письменных источников) // ВДИ. № 2

Буданова В.П. 1984. Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников) // КСИА АН СССР. Вып. 178

Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.

Буданова В.П. 1999. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.

Буданова В.П. 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.

Буйских С.Б. 1984. Оборонительные сооружения Ольвийского государства первых веков нашей эры. Автореф. дис. … канд. ист. наук. К.

Буйских С.Б. 1986. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры (VI–II вв. до н.э.) // Ольвия и ее округа. К.

Буйских С.Б. 1991. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). К.

Буйских С.Б. 1996. Между Истрией и Ольвией (античные поселения Дунай–Днестровского междуречья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. науч. конф. Ростов-на Дону

Буйских С.Б. 1996а. Святилище Ахилла на ольвийской хоре архаического времени // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону

Буйских С.Б. 1997. Античные поселения Северо-Западного Причерноморья доримского времени (опыт картографирования) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Буйских С.Б. 2004. Ольвия и варвары в VI–V вв.до н.э. (некоторые источниковедческие аспекты проблемы) // Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я. Мат-ли конф. до 105-річчя з дня народж. Б.М. Гракова. ССПіК. XI

Буйских С.Б., Буйских А.В. 2009. К хронологии архаических поселений Нижнего Побужья // Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения. Вып. X

Буйских С.Б., Иевлев М.Т. 1993. Археологическая карта Тилигульского лимана // Древности Причерноморских степей. К.

Булатов Н.М. 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. № 4

Булатович С.А. 1970. Клад кизикинов из Орловки // ВДИ. № 2

Булатович С.А. 1970а. Клад кизикинов из Ольвии // СА. № 2

Булатович С.А. 1971. Монетные находки на острове Левке // МАСП. Вып. 7

Булатович С.А. 1976. Обращение электровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье // МАСП. Вып. 8

Булатович С.А. 1980. Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. К.

Булатович С.А. 1983. К вопросу о золотых статерах лисимаховского типа, чеканенных в Тире // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Булатович С.А. 1984. Находки римских республиканских монет в Северо-Западном Причерноморье // Новые археологические исследования на Одесчине. К.

Булатович С.А. 1986. Джучидские монеты из Белгорода-Днестровского / В кн.: Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). К.

Булатович С.А. 1989. Античные монеты из Тиры (1977–1986) // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.

Булатович С.А. 1990. Античные находки на острове Змеиный // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон

Булатович С.А. 1994. Из истории денежного обращения Нижней Мезии в I–III вв. н.э. // Древнее Причерноморье. КС ОАО.

Булатович С.А. 1997. К проблеме формирования денежного хозяйства Тиры в V–I вв. до н.э. // Археология и этнология Восточной Европы. Одесса

Булатович С.А. 1997а. Тира и Нижнее Поднестровье в IV–III вв. до н.э. по данным монетных находок // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Булатович С.А. 1999. А.Н. Зограф и нумизматика Тиры // Зап. іст. фак-ту ОНУ ім. І.І. Мечникова. Вип. 8

Булатович С.А. 2002. Формування фонду нумізматичних пам'яток Тіри (за матеріалами Одеського археологічного музею та приватних збірок) // Зап. іст. фак-ту ОНУ ім. І.І. Мечникова. Вип. 12. Одеса

Булатович С.А. 2003. Понтійські монети в Тірі // Зап. іст. фак-ту ОНУ ім. І.І. Мечникова. Вип. 14. Одеса

Булатович С.А. 2005. Литые монеты Истрии в денежном обращении Тиры // XIII Всеросс. нумизм. конф. (тез. докл. и сообщ.). М.

Булатович С.А. 2005а. П.О. Карышковский и нумизматика Тиры // Древнее Причерноморье. VI-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Мат-лы международ. конф. Одесса

Булатович С.А. 2006. Проблемы периодизации денежного обращения Тиры // Древнее Причерноморье. Сб. статей, посвящ. 85-летию со дня рождения проф. П.О. Карышковского. Одесса

Булатович С.А. 2007. Антична нумізматика в Одеському (Новоросійському) університеті // Записки історичного факультету ОНУ ім. І.І. Мечникова. Одеса

Булатович С.А., Носова Л.В. 2010. Монетные находки из Тиры (1996–2002 гг.) // Тира–Белгород–Аккерман (материалы исследований). Одесса

Булатович С.А., Пушкарев В.П. 1990. Новые находки серебряных монет Тиры // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы. Кишинев

Булатович С.А., Секерская Н.М. 2010. Монетные находки из Никония (1964–2010) // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. I. Одесса

Бунятян К.П. 2001. Напрямки господарчої діяльності населення Причорноморських степів доби бронзи // Древности Северского Донца. Луганск

Бураков А.В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К.

Бурачков П.О. 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря. Одесса

Бурачков П.О. 1888. Объяснения к археологической карте Новороссийской губернии и Крыма // Древности. Т. XII. М.

Бурдо Н.Б. 1983. Датировка раннетрипольского поселения Александровка и проблема хронологического разделения Триполья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Бурдо Н.Б. 1983а. Исследование раннетрипольских поселений на севере Одесской области // АО 1981

Бурдо Н.Б. 1984. Исследование раннетрипольского поселения Слободка-Западная // Новые археологические исследования на Одесчине. К.

Бурдо Н.Б. 1987. Александровская группа раннетрипольских поселений [Одес. обл.] // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. VI Респ. конф. молодых археологов. К.

Бурдо Н.Б. 1990. Новые исследования раннетрипольского поселения Гребеников Яр // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полев. семинара. Тальянки

Бурдо Н.Б. 1993. Населення раннього етапу трипільської культури межиріччя Дністра та Південного Бугу. Автореф. дис. … канд. іст. наук. К.

Бурдо Н.Б. 1997. Ранньотрипільські пам'ятки між селами Могильна та Жакчик // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. № 1. К.

Бурдо Н.Б. 1998. Трипільська пам'ятка етапу В I біля с. Сокольці на Південному Бузі // АВУ 1997–1998 рр.

Бурдо Н.Б. 2001. Зброя племен культури Трипілля-Кукутень // Військово-історичний альманах. № 2 (3). К.

Бурдо Н.Б. 2001–2002. Особенности керамического комплекса Прекукутень-Триполье А и проблема генезиса трипольской культуры // Stratum plus. № 2

Бурдо Н.Б. 2005. Трипільське населення і оточуючі племена. Моделі взаємодії // Кам'яна доба України. Вип. 7. К.

Бурдо Н.Б. 2010. Реалистическая пластика Триполья-Кукутень: систематизация, типология, интерпретация // Stratum plus. № 2.

Бурдо Н.Б. 2012. К проблеме выделения культур в общности Триполье-Кукутень // Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы. К. – СПб.

Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю. 1984. Типы раннетрипольской керамики и ее орнаментации в междуречье Днестра и Южного Буга // Северное Причерноморье (материалы по археологии). К.

Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю. 1985. Ранньотрипільське поселення Тимкове в Одеській області // Археологія. Вип. 52

Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю. 1987. Исследования раннетрипольского поселения Слободка-Западная в 1980 г. // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К.

Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю. 2003. От придомного животноводства к пасторализму. Эволюция хозяйства Триполья-Кукутени в период 5400–2750 гг. до н.э. // Nomadyzm a pastoralyzm. Księga abstraktow. Obrzycko

Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю. 2012. Етнокультурна модель Трипілля–Кукутень // Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы. К.–СПб.

Бурдо Н.Б., Станко В.Н. 1981. Энеолитические находки на стоянке Мирное // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Былкова В.П. 2007. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон

Бырня П.П. 1997. Из истории молдавского Белгорода–Четатя Албэ // Аккерманские древности. Вып. 1. Белгород-Днестровский

Вавилов Н.И. 1987. Происхождение и география культурных растений. Л.

Ван Вэй, У Синьхуа. 2011. Раскопки могильника Люшуй в отрогах Куньлуня // Terra Scythica. Мат-лы международ. симпозиума. Новосибирск

Ванчугов В.П. 1981. Поселение конца позднего бронзового века Ялпуг IV в Нижнем Подунавье // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. К.

Ванчугов В.П. 1981а. Раскопки поселения позднебронзового века Балта в Южном Побужье // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Ванчугов В.П. 1983. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Ванчугов В.П. 1987. Памятники тудоровского типа в Северо-Западном Причерноморье (к вопросу о белозерской культуре) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. К.

Ванчугов В.П. 1989. Локальные варианты в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья // ПССАСП. Тез. докл. обл. конф., посв. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. I

Ванчугов В.П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. К.

Ванчугов В.П. 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности Причерноморских степей. К.

Ванчугов В.П. 1993а. О древностях черногоровско-новочеркасского типа в Северо-Западном Причерноморье // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Ванчугов В.П. 1998. Киммерийские погребения Южной Бессарабии (из коллекций Национального исторического музея) // Древнее Причерноморье. IV-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 1980. Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье // АИУ 1978–1979 гг. Тез. докл. конф. Днепропетровск

Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 1989. Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.

Ванчугов В.П., Субботин Л.В. 2002. Новосельский энеолитический могильник в Нижнем Подунавье // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь

Ванчугов В.П., Черняков И.Т. 1984. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К.

Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Тощев Г.Н. 1976. Охранные раскопки кургана у с. Траповка Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории южной Украины. Киев-Одесса

Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1992. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. К.

Ванчугов В.П., Бруяко И.В., Сырбу В., Никулицэ И.Т., 1999. Раскопки Нижнедунайской археологической экспедиции в 1997–1998 гг. // Охрана и исследование памятников археологии в Одесской области. Одесса

Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1991. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. К.

Варнеке Б.В. 1922. Раскопки под Одессой // Народное просвещение. № 6–10. Одесса

Варнеке Б.В. 1926. Кераміка села Усатова // Записки Українського наукового товариства в Києві. Науковий збірник за рік 1925. Т. XX. К.

Василев В. 1982. Сравнительные исследования роли животноводства и охоты для праисторических поселений Болгарии // Thracia Praehistorica. Supplementum pulpudeva 3. Plovdiv, 4–19 Octobre 1978. – Sofia

Василенко Б.А. 1970. Заметки о гераклейских клеймах // СА. № 2

Василенко Б.А. 1971. Древнегреческие керамические клейма, найденные на восточном берегу Днестровского лимана // МАСП. Вып. 7

Василенко Б.А. 1972. Давньогрецькі керамічні клейма з Одеси // Археологія. № 5

Василенко Б.А. 1989. Отчет о летних археологических работах в Одесской области (основной объект работ – гумельницкое поселение Новосельское I) в 1989 г. // Архив ИА НАН Украины. № 1989/147

Васильев А.А. 1921. Готы в Крыму // ИГАИМК. Т. I

Васильев А.А. 2002. К вопросу о датировке узкогорлых светлоглиняных амфор позднеримского времени (типы D и F по Шелову) // Археологія та етнологія східної Європи. Матли і дослідж. ОНУ ім. І.І. Мечникова. Т. 3. Одеса

Васильев А.А. 2002а. К вопросу о соотношении позднеримских и черняховских древностей междуречья Днестра и Дуная // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы III международ. конф. Тирасполь

Васильев А.А. 2003. Этнокультурная атрибуция погребения гуннского времени у с. Киселово // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Васильєв О.О. 2008. Сармати та черняхівське населення Буджака в другій половині III – на початку V ст. н.е. Автореф. дис. … канд. іст. наук. К.

Васильев А.А., Дзиговский А.Н. 2001–2002. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // Stratum plus. № 4

Васильев А.А., Савельев О.К. 2008. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная (хронологический аспект) // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград

Васильев И.Б. 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. 2000. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара

Васић Р. 1974. Нека питања хронологије старијег гвозденог доба северного Балкана // Старинар. Т. XXII

Велков В. 1961. Из истории нижнедунайского лимеса в конце I в. н.э. // ВДИ. № 2

Видейко М.Ю. 1988. Вопросы производства и обмена позднетрипольской расписной керамики // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. VI конф. молодых ученых ИА АН СССР. М.

Відейко М.Ю. 1992. Економіка та суспільний лад трипільського населення Південного Побужжя (етапи BII–CI). Автореф. дис. … канд. іст. наук. К.

Видейко М.Ю. 1994. Исследования поселений среднего этапа трипольской культуры на р. Кодыме // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Видейко М.Ю. 1999. Вопросы взаимодействия «земледельческого» и «скотоводческого» населения Северного Причерноморья в эпоху энеолита // КС ОАО

Відейко М.Ю. 2003. Нова хронологія Кукутені-Трипілля // Трипільська цивілізація у спадщині України. К.

Відейко М.Ю. 2003а. Трипільська цивілізація. К.

Відейко М.Ю. 2004. Видобуток та обробка кременю // ЕТЦ. Т. I

Відейко М.Ю. 2004а. Хліборобство трипільських племен // ЕТЦ. Т. I

Відейко М.Ю. 2010. Матеріали розкопок поселення трипільської культури біля с. Немирівське Балтського району Одеської області // Археологія і давня історія України. В. 2. К.

Відейко М.Ю., Петрашенко В.О., Терпиловський Р.В. 2005. Давні поселення України. К.

Виноградов В.Б. 1965. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. № 1

Виноградов Ю.А. 1993. Городище Станислав в первые века нашей эры // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Виноградов Ю.А. 1999. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (своеобразие стабилизации в регионе второй половины III – первой половины II вв. до н.э.) // HYPERBOREUS. Vol. 5. Fasc. 1

Виноградов Ю.А. 2004. О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях доримского времени // ХСб. Вып. XIII

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3

Виноградов Ю.Г. 1984. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. № 1

Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.

Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. № 2

Виноградов Ю.Г. 1995. Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь

Виноградов Ю.Г. 1997. Херсонесский декрет о «Несении Диониса» (IOSPE 1I, 343) и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3

Виноградов Ю.Г. 1999. Истрия, Тира и Никоний, покинутый и вновь возрожденный // НЭ. Т. XVI

Виноградов Ю.Г. 1999а. Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // ПССАСП. Тез. докл. международ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова

Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П. 2003. Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского (предварительная публикация) // Археологія. № 1

Виноградова Н.М. 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры: (Периодизация, хронология, локальные варианты). Кишинев

Виноградова Е., Киосак Д. 2010. Календарная хронология заселения Северо-Западного Причерноморья в первой половине голоцена (9700–5400 лет до н.э.) // Stratum plus. № 1

Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.

Винокур И.С., Островский М.И. 1967. Раковецкий могильник // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Винокуров Н.И. 1999. Виноделие античного Боспора. М.

Витт В.О. 1952. Лошади Пазырыкских курганов // СА Т. XVI

Волонтир Н.Н. 1989. К истории растительности Молдавии в голоцене // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев

Вольфрам Х. 2003. Готы. От истоков до середины III века (опыт исторической этнографии). СПб.

Воронов Ю.Н. 1979. Материальная культура Абхазии I // КСИА АН СССР. Вып. 159

Вуд Д. 1981. Луна и лунные камни. М.

Вулпе Р. 1960. Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев

Высотская Т.Н. 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. К.

Вязьмітіна М.І. 1953. Вивчення сарматів на території УРСР // Археологія. Т. VIII

Вязьмітіна М.І. 1962. Золота Балка. К.

Вязьмитина М.И. 1969. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. № 4

Вязьмітіна М.І. 1971. Пізньоскіфські городища Нижнього Дніпра // Археологія Української РСР. Т. II. Скіфо-сарматська та антична археологія. К.

Вязьмитина М.И. 1972. Золотобалковский могильник. К.

Вязьмитина М.И. 1986. Городища Нижнего Днепра // Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. К.

Гаврилюк Н.А. 1987. Пища степных скифов // СА. № 1

Гаврилюк Н.А. 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. К.

Гаврилюк Н.А. 1999. История экономики Степной Скифии VI–III вв до н.э. Харьков

Гаврилюк Н.А. 2009. Фракийцы в Нижнем Поднепровье (по материалам Золотобалковского поселения) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону

Гаврилюк Н.А. 2010. Лепная керамика Тиры // Тира–Белгород–Аккерман (материалы исследований). Одесса

Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. 1991. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Вып. I–II. К. (препринт)

Гаврилюк Н.О., Зубар В.М. 1983. Охоронні розкопки поблизу городища Золотий Мис // Археологія. Вип. 44

Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В. 2007. Нижнеднепровские городища и Ольвия // Сборник в честь 75-летия С.Д. Крыжицкого. Керчь

Гавритухин И.О. 1999. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. К.

Гак Е.И. 2007. Общее и особенное в металлопроизводстве катакомбных культур Подонцовья, Нижнего Подонья и Предкавказья // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. Вип. 7

Галкин Л.Л. 1975. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. № 3

Гамченко С.С. 1926. Спостереження над даними дослідів трипільської культури 1909–1913 рр. // ТКУ. Вип. 1

Гаркуша Л.Г. 1959. Археологічні пам'ятки в басейні р. Кодими // МАПП. Вип. 2

Гаскевич Д.Л. 1998. Віта-Поштова-2 – найсхідніше поселення з матеріалами дунайської неолітичної культури // АВУ в 1997–1998 рр.

Гаскевич Д.Л. 2002. Трапеції зі струганою спинкою: деякі закономірності виникнення та поширення // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Т. 3. Одеса

Гаскевич Д.Л. 2003. Крем'яний інвентар неолітичних культур України. Автореф. дис. … канд. іст. наук. К.

Гаскевич Д.Л. 2005. Крем'яні вироби кукрекської культурної традиції в інвентарі бугодністровських пам'яток Побужжя // Археологія. №. 3

Гаскевич Д.Л. 2010. Северо-понтийское импрессо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы // Stratum plus. № 2

Гасюк Н.С. 1954. Разведка раннетрипольских поселений у с. Могильна // КСИИМК. Вып. 54

Гей А.Н. 1986а. Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.

Гей А.Н. 1999. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // РА. № 1

Гей А.Н. 1999а. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.

Гей О.А. 1980. Середньодніпровська і північнопричорноморська зони черняхівської культури (за матеріалами поховального обряду) // Археологія. Вип. 34

Гей О.А. 1980а. Черняховские памятники Северного Причерноморья // СА. № 2

Гей О.А. 1985. Скіфо-сарматські елементи в могильниках черняхівської культури в межиріччі Дніпра та Дністра // Археологія. Вип. 50

Гей О.А. 1985а. Черняховская культура и скифо-сарматский мир. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.

Гей О.А. 1986. О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА. № 1

Гей О.А. 1987. Новые раскопки могильника Красный Маяк // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. М.

Гей О.А. 1987а. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре // СА. № 3

Гей О.А. 1993. Черняховская культура. Происхождение и этнический состав // Славяне и их соседи в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М.

Гей О.А. 2001–2002. Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре // Stratum plus. № 4

Гей О.А., Бажан И.А. 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ. № 3

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Геннеп ван А. 1999. Обряды перехода. М.

Генинг В.В. 1987. К вопросу о «кеми-обинских» погребениях Степного Поднепровья // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. К.

Генинг В.Ф., Павленко Ю.В. 1984. Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. К.

Герасименко Н.П. 2004. Розвиток зональних ландшафтів четвертинного періоду на території України. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. К.

Гергов В. 2000. Керамични статуетки на седящи богини от Телиш-Редутите // Тракия и съседните райони през неолита и халколита. София

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1993. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь

Гершкович Я.П. 1993. Сабатинівська культура Нижнього Подніпров'я та Північно-Західного Приазов'я. Автореф. дис. …канд. іст. наук. К.

Глебов В.П. 2004. Тираспольская группа памятников Поднестровья — сарматы, сираки, скифы // Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я. Мат-ли конф. до 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова. ССПіК. XI

Глебов В.П. 2004а. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар

Говедарица Б., Манзура И.В. 2010. Новые материалы раннего бронзового века на Тилигульском лимане // Stratum plus. № 2

Головко И.Д. 1961. Несколько граффити Белгород-Днестровского музея // КС ОГУ и ОАМ 1960 г.

Головко И.Д., Бондарь Р.Д., Загинайло А.Г. 1965. Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской области // КС ОАМ за 1963 г. Одесса

Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь

Гонца В.В. 1984. Молдавия и Османская империя в последней четверти XV – первой четверти XVI вв. Кишинев

Гончаров В.К. 1955. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого // КСИА АН УССР. Вып. 4

Гончаров В.К., Махно Є.В. 1957. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. Т. XI

Горелик А.Ф. 1986. Мезолит бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья. Автореф. дис. …. канд. ист. наук. К.

Горелик А.Ф. 2001. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск

Городцов В.А. 1905. Результаты археологического исследования в Изюмском уезде Херсонской губернии в 1901 году // Труды XII АС. Т. I. М.

Городцов В.А. 1917. Классификация погребений Одесского кургана // Отчет исторического музея в Москве за 1915 год. М.

Городцов В.А. 1923. Археология. Каменный период. М.-Пг.

Гороховский Е.Л. 1982. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой культуры К.

Гороховський Є.Л. 1982а. Підковообразні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчатою емаллю // Археологія. Вип. 38

Гороховский Е.Л. 1985. Хронология могильников черняховской культуры // Тез. докл. сов. делег. на V международ. конгр. славян. археологии. М.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V международ. конгр. археологов-славистов. Т. IV. К.

Гороховський Є.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. 1985. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. Вип. 49

Горская О.В. 2002. Культы Нимфея по материалам граффити // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб.

Гошкевич В.И. 1903. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон

Гошкевич В.И. 1913. Древние городища на берегах низового Днепра // ИАК. Вып. 47

Гошкевич В.И. 1930. Погребения, датированные джучидскими монетами. Из раскопок И.Я. Стемпковского // ВОКК. Секція археолог. Ч. 4–5

Граков Б.Н. 1939. Материалы по истории Скифиии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. № 3

Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре. МИА. № 36

Граков Б.Н. 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115

Граков Б.Н. 1968. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М.

Грацианская Н.К. 1973. К типологии традиционного народного жилища в украинских Карпатах в XIX – начале XX века // СЭ. № 1

Гребенников Ю.С. 1989. Памятники предскифского периода в степном Побужье // ПССАСП. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. I

Гребенников Ю.С. 2008. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев

Гребенников Ю.С., Гребенников В.Б., Магомедов Б.В. 1982. Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Клюшинцев В.Н. 1984. Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К.

Грибович Р., В.К. 2007. Пам'ятка пізнього мезоліту Раделичі I у північно-західному Передкарпатті // МДАПВ. Вип. 11

Григорьева Г.В. 1960. Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в Нижнем Поднестровье // ЗОАО. Т. I (34)

Григорьева Г.В. 1964. Новые памятники каменного века в Нижнем Поднестровье // КС ОГАМ 1962 г.

Гросу В.И. 1982. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ в 1977–1978 гг.

Гросу В.И. 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев

Гросу В.И. 1992. Новые данные о царстве Фарзоя и Инисмея // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев

Грушевський М.С. 1898. Історія України-Русі. Т. 1. Львів

Гудкова А.В. 1972. Отчет об археологической разведке нижней части системы рек Большая и Малая Свинная на западном берегу Хаджибейского лимана в 1971–1972 гг. // НА ОАМ. № 85692

Гудкова А.В. 1972а. Розвідки берегів оз. Китай // АДУ в 1969 р. Вип. 4

Гудкова А.В. 1974. Разведки в степном Заднестровье // АО 1973

Гудкова А.В. 1975. О каменном домостроительстве римского времени на поселениях Днепро-Дунайского Причерноморья // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбил. конф. К.

Гудкова А.В. 1976. К истории культурной атрибуции памятников черняховского типа степной зоны СССР // МАСП. Вып. 8

Гудкова А.В. 1976а. Поселение и могильник римского времени Молога II // АО 1975
Гудкова А.В. 1977. Раскопки поселения и могильника римского времени Молога II // АО 1976
Гудкова А.В. 1978. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.
Гудкова А.В. 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II–IV вв. н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. К.
Гудкова А.В. 1979а. Отчет Измаильской экспедиции ИА АН УССР 1979 г. // НА ОАМ. № 88354/1
Гудкова А.В. 1980. Измаильская новостроечная экспедиция // АО 1979
Гудкова А.В. 1980а. Энеолитический курган с кромлехом в устье Тилигула // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. К.
Гудкова А.В. 1981. Работы Измаильской и Буджакской экспедиций // АО 1980
Гудкова А.В. 1983. Поселення перших століть нашої ери в степах Північного Причорномор'я // Археологія. Вип. 42
Гудкова А.В. 1985. Жилища черняховских поселений Причерноморья // Тез. докл. сов. делег. на V международ. конгр. славян. археологии. М.
Гудкова А.В. 1986. Исследования в бассейне оз. Ялпуг // АО 1984
Гудкова А.В. 1986а. Об одном типе каменных домов на причерноморских черняховских поселениях // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.
Гудкова А.В. 1987. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. К.
Гудкова А.В. 1987а. Могильник IV в. н.э. в с. Беленькое // Новые археологические исследования по археологии Северного Причерноморья. К.
Гудкова А.В. 1987б. Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дис. … докт. ист. наук. К.
Гудкова А.В. 1988. Жилища черняховских поселений Причерноморья // Труды V международ. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Секция 1. Древние славяне. К.
Гудкова А.В. 1989. О классификации памятников III–IV вв. н.э. в Днепро-Дунайской степи // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.
Гудкова А.В. 1990. Группа венедов в низовьях Дуная // VI Международ. конгр. славян. археологии. Тез. докл. сов. делегации. М.
Гудкова А.В. 1991. К изучению позднейшего периода черняховской культуры // Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. на Юго-Западе СССР и в сопредельных регионах. Тез. выступлений на III-й сессии школы-семинара. Кишинев
Гудкова А.В. 1991а. Могильник черняховской культуры Нагорное II // ИАНП. Мат-лы 2-й научн.-практ. конф., посвящ. памяти А.И. Доватура и А.Н. Дейча и 450-летию первого упоминания г. Рени.
Гудкова А.В. 1991б. Поселение и могильник черняховской культуры Нагорное II в низовьях Дуная // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. Кишинев
Гудкова А.В. 1991в. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон
Гудкова А.В. 1991г. Черняховские памятники Буджакской степи // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев
Гудкова А.В. 1992. Этнокультурные процессы в степях между Днепром и Дунаем в позднеримское время // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Тез. докл. семинара. Одесса
Гудкова А.В. 1993. Курган ямной культуры Крестовая могила в низовьях Днестра // Древности Причерноморских степей. К.
Гудкова А.В. 1994. Могильник черняховской культуры Нагорное II (IV в.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV–IX вв.). Тез. международ. конф. Симферополь

Гудкова А.В. 1997. Поздние скифы в низовьях Днестра // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античных и варварских культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Гудкова А.В. 1998. Об изучении позднескифской культуры в причерноморских степях // Античная цивилизация и варварский мир. Мат-лы 6-го археолог. семинара. Ч. 1. Краснодар

Гудкова А.В. 1999. Носители черняховской культуры в Буджакской степи // КС ОАО.

Гудкова А.В. 1999а. I–IV века в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // Stratum plus. № 4

Гудкова А.В. 2002. К изучению зерновиков черняховской культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы III международ. конф. Тирасполь

Гудкова А.В. 2003. Поздние скифы в Причерноморье (проблемы изучения) // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. К.

Гудкова А.В. 2008. Появление черняховской культуры в степях Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VIII. Одесса

Гудкова А.В. 2011. Защитная магия в ингумациях черняховского могильника Нагорное II // МАСП. Вып. 12

Гудкова А.В. 2011а. Германцы в степях Причерноморья в первой половине I тыс. н.э. // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. IX. Одесса

Гудкова А.В. 2012. Некоторые итоги изучения черняховского поселения и могильника Нагорное II (этнокультурные и этноисторические связи) // Человек в истории и культуре. Сб. памяти проф. В.Н. Станко. Вып. 2. Одесса

Гудкова А.В., Бруяко И.В. 1997. Лепная керамика римского времени из Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. 1981. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 году // НА ОАМ. № 88255

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1979. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков н.э. // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. К.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников Черняховской культуры. К. Препринт

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1994. Еще раз о контактах Ольвии и племен черняховской культуры // Ольвия-200. Тез. докл. международ. конф. Николаев

Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. 1994. Варварская сероглиняная гончарная керамика на поселениях Нижнего Поднестровья (I–III вв. н.э.) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. Тирасполь

Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. 1999. Сероглиняная кружальная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс. н.э.) // Stratum plus. № 4

Гудкова А.В., Новицкий Е.Ю. 1981. Изделие из кожи с орнаментом из ямного погребения у с. Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Гудкова А.В., Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1991. Археологические памятники Одесской области. Справочник. Одесса

Гудкова А.В., Рандсборг К., Руссев Н.Д., Фокеев М.М. 1999. Археологические исследования Буджакской экспедиции в микрорайоне села Суворово // Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области. Одесса

Гудкова А.В., Редина Е.Ф. 1999. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // ССПіК. VII

Гудкова О.В., Росохацький О.А. 1990. Мікрорайон черняхівської культури на березі озера Кагул // Тези допов. Тернопільської іст.-краєзн. конф. Тернопіль

Гудкова А.В., Росохацкий А.А. 1991. Поселение и могильник черняховской культуры Нагорное II в низовьях Дуная // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. Тирасполь

Гудкова А.В., Росохацкий А.А., Фокеев М.М. 1993. Работы на могильнике черняховской культуры Нагорное II в 1993 г. // АДУ 1993

Гудкова А.В., Руссова А.В. 1980. Металлические украшения из могильника римского времени Молога II // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. К.

Гудкова А.В., Столярик Е.С. 1985. Комплекс позднеантичных памятников у с. Холмское // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.

Гудкова А.В., Суничук Е.Ф. 1984. Отчет о работе Орловского отряда Одесского археологического общества в 1984 году // Архив ИА НАН Украины. № 1984/71

Гудкова А.В., Суничук Е.Ф. 1984а. Отчет о работе Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. // Архив ИА НАНУ. № 1984/3а

Гудкова А.В., Суничук Е.Ф., Тощев Г.Н., Фокеев М.М., Андрух С.И. 1984. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. // НА ОАМ. № 81990

Гудкова А.В., Тощев Г.Н., Чеботаренко Г.Ф. 1995. Курганы у сел Кислица и Озерное Одесской области // ССПіК. V

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. К.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984а. Поселения первой половины I тыс. н.э. на степной речке Дракуля (низовья Дуная) // Северное Причерноморье. К.

Гудкова О.В., Фокеєв М.М. 1992. Сармати і черняхівська культура в Буджацькому степу // Археологія Південного Заходу України. К.

Гудкова А.В., Черняков И.Т. 1981. Ямные погребения с колесами у с. Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Гумилев Л.Н. 1966. Открытие Хазарии. М.

Гусєв С.О. 1995. Трипільська культура Середнього Побужжя рубежу IV–III тис. до н.е. Вінниця

Гусєв С.О. 1995. Трипільські поселення поблизу Немирова // Археологія. № 3

Гуцалов С.Ю. 2005. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М.

Давид А.И. 1997. Фауна млекопитающих мезолитических и неолитических поселений Республики Молдова // Vestigii arheologice din Moldova. Chişinău

Давня... 1997. Давня історія України. Т. 1. Первісне суспільство. К.

Давня… 1998. Давня історія України. Т. 2. Скіфо-антична доба. К.

Давня… 2000. Давня історія України. Т. 3. Слов'яно-Руська доба. К.

Даниленко В.М. 1951. До кіммерійської проблеми (у зв'язку з опублікуванням стели з Наталівки) // Археологія. Т. V

Даниленко В.Н. 1955. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики // КСИА АН УССР. Вып. 4

Даниленко В.Н. 1960. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры // КСИА АН УССР. Вып. 9

Даниленко В.Н. 1962. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959–1960 гг. // КСИА АН УССР. Вып. 12

Даниленко В.Н. 1969. Неолит Украины: главы древнейшей истории Юго-Восточной Европы. К.

Даниленко В.Н. 1974. Энеолит Украины. К.

Даниленко В.М., Макаревич М.Л. 1956. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р. [Кіровогр. обл.] // АП УРСР. Т. VI

Дашевская О.Д. 1989. Поздние скифы (III в до н.э. – III в н.э.) в европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Дворянинов С.А. 1976. Предварительные итоги разведок памятников каменного века в Татарбунарском районе Одесской области // МАСП. Вып. 8

Дворянинов С.А. 1980. Энеолитические календари на юге Европейской части СССР // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. К.

Дворянінов С.О. 1982. Поселення культури лінійно-стрічкової кераміки Майнова Балка на Одещині // Археологія. Вип. 38

Дворянинов С.А., Сапожников И.В. 1975. О возможной интерпретации двух типов геоморфологического расположения стоянок позднего палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья // 150 лет Одесскому археологическому музею. Тез. докл. юбил. конф. К.

Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. 1985. Раскопки курганной группы у с. Вишневое // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Дворянинов С.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А. 1981. К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Дебец Г.Ф. 1948. Палеоантропология СССР. Труды Ин-та этнографии. Т. 4. М-Л.

Демченко Т.И. 1990. Исследование энеолитических курганов в Котовском районе МССР // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск.

Дергачев В.А. 1968. Антропоморфная стела бронзового века из Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев

Дергачев В.А. 1972. Клад конца бронзового века из Молдавии // АИМ 1968–1969

Дергачев В.А. 1973. Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавии. Вып. 3. Кишинев

Дергачев В.А. 1975. Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестро-Прутского междуречья. Кишинев

Дергачев В.А. 1975а. Позднетрипольские курганы Тираспольщины // АИМ 1973–1974

Дергачев В.А. 1978. Выхватинский могильник. Кишинев

Дергачов В.О. 1978а. Пізньотрипільськiй могильник Данку в Молдавії // Археологія. Вип. 28

Дергачев В.А. 1978б. Раннескифское погребение на Среднем Пруте // СА. № 3

Дергачев В.А. 1979. Раскопки в Данченах и некоторые вопросы изучения позднего Триполья и катакомбной культуры // АИМ 1976

Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья: опыт систематизации. Кишинев

Дергачев В.А. 1982. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975–1976). Кишинев

Дергачев В.А. 1984. Курганы у с. Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев

Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев

Дергачев В.А. 1997. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона. Кишинев

Дергачев В.А. 1998. Кэрбунский клад. Кишинев

Дергачев В.А. 1999. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы // Stratum plus. № 2

Дергачев В.А. 2000. Два этюда в защиту миграционной концепции // Stratum plus. № 2

Дергачев В.А. 2005. Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разлива морей // Revista Archeologică. S.N. V. 1. Nr. 1. Chişinău

Дергачев В.А. 2007. О скипетрах, о лошадях, о войне: этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.

Дергачев В.А., Манзура И.В. 1991. Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев

Дергачев В.А., Сава Е.Н. 2001–2002. Исследование курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка // Stratum plus. № 2

Дергачев В.А., Борзияк И.А., Манзура И.В. 1989. Каменские курганы. Кишинев.

Десятчиков Ю.М. 1973. Сатархи // ВДИ. № 1

Дзиговський О.М. 1980. Сарматські поховання поблизу гирла Дунаю // Археологія. Вип. 34

Дзиговский А.Н. 1981. Сарматские памятники II–Ш вв. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Дзиговский А.Н. 1982. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.

Дзиговский А.Н. 1991. Раскопки курганов на севере Одесской области // АДУ 1990 р. № 1

Дзиговський О.М. 1995. Могильник сарматської знаті поблизу античної Тіри // Старожитності Причорномор'я. Одеса

Дзиговський О.М. 1999. Скотарі та землероби південного заходу України на межі ер (до проблеми трансформації господарства кочовиків) // 4-й міжнарод. конгр. україністів. Південь України. Одесса

Дзиговський О.М. 2000. Культура сарматів Північно-Західного Причорномор'я. Одеса

Дзиговский А.Н. 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса

Дзиговский А.Н. 2005. Об одном фрагменте из «Новой истории» Зосима // Наук. зап. МДУ ім. В.О. Сухомлинського. Вип. XI

Дзиговський О.М. 2005а. Проблеми історії та археології сарматів в Одеському (Новоросійському) університеті // Зап. іст. фак-ту ОНУ ім. І.І. Мечникова. Вип. 16. Одеса

Дзиговский А.Н. 2012. Из истории Буджака последней трети IV в. н.э // Золото, конь, человек. Сб. статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев

Дзиговский А.Н., Лисецкий Ф.Н. 1991. Новые данные по истории и палеогеографической обстановке создания Нижнего Траянова вала // ИАНП. Мат-лы 2-й научн.-практ. конф., памяти А.И. Доватура и А.Н. Дейча и 450-летию первого упоминания г. Рени

Дзиговский А.Н., Лисецкий Ф.Н. 1997. Педохронологические аспекты датировки Нижнего Траянова вала // Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования. Одесса

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 2000. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Одесса

Дзиговський О.М., Островерхов А.С. 2004. Пам'ятки звіриного стилю з мікрорегіону «Тилігул» та деякі питання історії Північно-Західного Причорномор'я ранньоелліністичного часу // Зап. іст. фак-ту ОНУ ім. І.І. Мечникова. Вип. 15. Одеса

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 2010. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. № 3

Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. 1986. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Дзиговський О.М., Суботін Л.В. 1997. Сергіївський могильник та його місце серед курганних пам'яток приморської зони Буджака // Археология и этнология Восточной Европы. Сб. науч. работ, посвящ. 60-летию В.Н. Станко. Одесса

Дзиговський О.М., Самойлова Т.Л., Смольянінова С.П., Ванчугов В.П. 2003. Археологічні пам'ятки Тилігуло-Дністровського межиріччя. Одесса

Дзис-Райко Г.А. 1963. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана // КС ОГУ и ОГАМ 1961

Дзис-Райко Г.А. 1966. Археологические исследования у с. Надлиманское // МАСП. Вып. 5

Дзис-Райко Г.А. 1978. Землянка из Надлиманского городища // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Дзис-Райко Г.А. 1982. Гиря из Надлиманского городища // Нумизматика античного Причерноморья. К.

Дзис-Райко Г.А., Охотников С.Б. 1974. Раскопки городища и поселения на Днестровском лимане // АО 1973

Дзис-Райко Г.А., Черняков И.Т. 1981. Золотая чаша вылчетрыновского типа из Северо-Западного Причерноморья // СА. № 1

Дзис-Райко Г.А., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 2012. Городище Надлиманское IV–III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье (МАСП. Моногр, сер. 3). Одесса

Дзнеладзе О.С., Симоненко О.В. 2010. Намистини – воїнські амулети III–II ст. до н.е. // Археологія. № 3

Диамант Э.И. 1969. Раскопки некрополя Кошарского городища // АО 1968

Диамант Э.И. 1972. Надгробные сооружения раскопанного участка Кошарского некрополя // XV наук. конф. ІА АН України. Тези пленар. і секц. допов. Одеса

Диамант Э.И. 1972а. Раскопки античного поселения у с. Кошары // Мат-ли 13-ї конф. ІА АН УРСР (1968). К.

Диамант Э.И. 1976. Поселение и могильник V–III вв. до н.э. на месте Приморского бульвара в Одессе // МАСП. Вып. 8

Диамант Э.И. 1978. Монетные находки Кошарского поселения // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Диамант Э.И. 1980. Протома Коры-Персефоны из Лузановского поселения // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. К.

Диамант Э.И. 1984. О датировке Лузановского поселения // Новые археологические исследования на Одесчине. К.

Диамант Э.И. 1984а. Складное костяное веретено из раскопок Кошарского некрополя // Северное Причерноморье. К.

Диамант Э.И. 1989. Надгробие Леофанта сына Наниона из погребального комплекса Кошарского некрополя // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса

Диамант Э.И. 1989а. Топография античных поселений побережья Одесского залива и лиманов // Воспитание историей. Тез. докл. I обл. ист.-краев. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Одессы. Одесса

Диамант Э.И. 1991. Жилые земляные сооружения Жеваховского поселения // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса

Диамант Э.И. 1996. Расписная посуда ольвийского производства на античных поселениях побережья Одесского залива // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса

Диамант Э.И., Кузьменко В.И. 1977. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива // АО 1976

Диамант Э.И., Кузьменко В.И. 1978. Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива // АО 1977

Диамант Э.И., Морозовская Т.В., Черняков И.Т. 1979. Раскопки кургана в Одессе // АО 1978

Димитров Б. 1979. Българските пристанища в XII–XIV вв. според два средновекове порталана // Археология. № 1. София

Дложевський С., Третьяков Д. 1930. Давнє грецьке поховання в с. «Червоні Маяки» Одеської округи // ВОКК. Ч. 4–5. Секція археологічна

Дмитриев С.В. 1997. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общеазиатский контекст) // Stratum: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб.

Дмитров Л.Д. 1949. Білгород-Дністровська археологічна експедиція // АП УРСР. Т. I

Дмитров Л.Д. 1952. Розкопки в м. Білгороді-Дністровському в 1947 р. // АП УРСР. Т. IV

Дмитров Л.Д. 1955. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949–1950 рр. // АП УРСР. Т. V

Дмитров Л.Д. 1957. Тіра // Нариси стародавньої історії УРСР. К.

Дмитров Л.Д., Зуц В.Л., Копилов Ф.В. 1961. Любимівське городище рубежу нашої ери // АП УРСР. Т. X

Добровольский А.В. 1915. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка // ЗООИД. Т. XXXII

Добровольський А.В. 1950. Землеробське поселення перших століть н.е. на р. Інгульці // Археологія. Т. III

Добровольський А.В. 1952. Перше Сабатинівське поселення // АП УРСР. Т. IV

Добровольський А.В. 1960. Розкопки ділянок А і Г та могильника Золотобалківського поселення рубежу нашої ери в 1951 і 1952 роках // АП УРСР. Т. IX

Добролюбский А.О. 1981. Погребение кочевника у с. Плавни // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Добролюбский А.О. 1982. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Добролюбский А.О. 1984. Древности средневековых кочевников в Нижнем Поднестровье (материалы раскопок И.Я. Стемпковского) // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев

Добролюбский А.О. 1985. Могильник средневековых кочевников в междуречье Днестра и Дуная // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.

Добролюбский А.О. 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. К.

Добролюбский А.О. 1988. Тайны причерноморских курганов. Одесса

Добролюбский А.О. 1991. Кочевой мир и население Юго-Восточного Прикарпатья в средние века (типология взаимодействия) // ИАНП. Мат-лы 2-й научн.-практ. конф., памяти А.И. Доватура и А.Н. Дейча и 450-летию первого упоминания г. Рени

Добролюбский А.О. 1999. В поисках античной Одессы // Stratum plus. № 3

Добролюбский А.О. 2004. Античная Одесса. Одесса

Добролюбский А.О., Красножон А.В. 2002. Некрополь античного поселения «Приморский Бульвар» в Одессе // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. II. СПб.

Добролюбский А.О., Красножон А.В. 2005. Топохронология, стратиграфия и периодизация поселения «Приморский Бульвар» в Одессе // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Мат-лы международ. конф. СПб.

Добролюбский А.О., Красножон А.В. 2007. Древнегреческое святилище на Жеваховой горе в Одессе // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. II. СПб.

Добролюбский А.О., Красножон А.В. 2007а. Древнегреческое святилище на Жеваховой Горе в Одессе // Історіосфера. Мат-ли 2-ї наук. конф. викладачів, студентів, магістрів, аспірантів та молодих вчених іст.-філолог. фак-ту Південноукр. держ. педагог. ун-ту ім. К.Д. Ушинського. Одесса

Добролюбський А.О., Островерхов А.С. 1992. Парне поховання золотоординського часу на р. Кодима // Археологія Південного Заходу України. К.

Добролюбский А.О., Руссев Н.Д. 1986. Кочевое и оседлое население степей Северо-Западного Причерноморья в X–XIV вв. // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Добролюбский А.О., Губарь О.И., Красножон А.В. 2002. Борисфен–Хаджибей–Одесса. Одесса–Кишинев

Добролюбский А.О., Сергеенко И.С., Ориховский Т.А. 2007. Керамическая коллекция из раскопок Жеваховой Горы 2006 года // Історіосфера. Мат-ли 2-ї наук. конф. викладачів, студентів, магістрів, аспірантів та молодих вчених іст.-філолог. фак-ту Південноукр. держ. педагог. ун-ту ім. К.Д. Ушинського. Одесса

Добролюбский А.О., Субботин Л.В., Сегеда С.П. 1987. Золотоордынское погребение у Дуная (к истории кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в XIV в.) // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. К.

Доконт Н.Г. 1978. Кочевническое погребение XI в. у с. Мирное // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Доманский Я.В., Фролов Э.Д. 1995. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь

Драко О.Ф. 1940. Анализ усатовских металлических изделий // НА ОАМ. № 322

Дремов И.И., Юдин А.И. 1992. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // РА. № 4

Дровосекова О.В. 2002. Материалы эпохи энеолита и бронзового века из с. Капуловка Днепропетровской области // ССПіК. Х

Дубовская О.Р. 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногорской культуры // Археологический альманах. № 2. Донецк

Дубовская О.Р. 1989. К интерпретации комплексов типа новочеркасского клада // СА. № 1

Думберг К. 1894. Отчет о расследовании Львиного кургана в Керчи в 1898 г. Несколько замечаний по поводу тризны // Архив ИИМК РАН. 158/1894. № 16

Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и нарты. М.

Дьяков В.Н. 1940. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. № 3–4

Евдокимов Г.Л. 1979. О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк

Екимова В.Н. 1984. Наконечники стрел из Никония // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К.

Елагина Н.Г. 1953. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н.э. – IV в. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Елагина Н.Г. 1958. Нижнее Поднепровье в эпоху позднескифского царства // Вестник МГУ. Ист.-фил. серия. № 4

Елисеев В.Ф., Клюшенцев В.Н. 1982. Новые памятники первых веков н.э. в междуречье Ингульца и Березанки // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Ельницкий Л.А. 1961. Знания древних о северных странах. М.

Есипенко А.Л. 1955. Памятники ранней поры Триполья у поселка Кирилловка Одесской области // КСИА АН УССР. Вып. 4

Єсипенко А.Л. 1956. Археологічні розвідки Одеського музею у 1950–51 рр. // АП УРСР. Т. V

Есипенко А.Л. 1957. Раннетрипольское поселение Александровка [Одес. обл.] (по материалам разведок и раскопок 1949–1951 гг.) // МАСП. Вып. 1

Єсипенко А.Л. 1959. Археологічні розвідки 1952 р. в районі Кодима–Котовськ–Рибниця // МАПП. Вып. 2

Етнічна… 2000. Етнічна історія давньої України. К.

Ждановский А.М. 1990. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону

Ждановский А.М., Марченко И.И. 1988. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов

Журавлев О.П. 1983. Кісткові рештки ссавців в Ольвії та на Березані (дослідження 1972–1976) //Археологія. Вип. 42

Журавльов О.П. 2008. Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України. К.

Журавльов О.П., Котова Н.С. 1996. Тваринництво неолітичного населення України // Археологія. № 2

Журко А.И. 1983. Жилые сооружения черняховской культуры. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Журко А.И. 1984. К вопросу об углубленных жилищах черняховской культуры // КСИА АН СССР. Вып 78

Загинайло А.Г. 1960. Монетные находки на Роксоланском городище (1957–1963) // МАСП. Вып. 5

Загинайло А.Г. 1967. Висунцовский клад серебряных монет Истрии, найденный в 1951 г. // ЗОАО. Т. II (35)

Загинайло А.Г. 1970. Денежное обращение в Западном и Северо-Западном Причерноморье в VI–IV вв. до н.э. Автореф. дис. … канд.ист.наук. М.

Загинайло А.Г. 1972. Розкопки Роксоланського городища // АИУ в 1969–1972 гг. Вып. IV

Загинайло А.Г. 1974. К вопросу о монетно-весовых системах античных городов Северо-Западного Причерноморья в V–IV вв. до н. э. // НЭ. Т. XI

Загинайло А.Г. 1975. Работы скифо-античной экспедиции // АО 1974

Загинайло А.Г. 1976. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI–IV вв. до н.э. по нумизматическим данным // МАСП. Вып. 8

Загинайло А.Г. 1976а. Работы скифо-античной экспедиции // АО 1975

Загинайло А.Г. 1976б. Отчет об охранных раскопках ОГУ в Тарутинском районе в 1976 году // НА ОАМ. № 88276

Загинайло А.Г. 1977. Отчет об археологических исследованиях Одесского государственного университета в 1977 году. Обследование Тарутинского р-на Одесской обл.: 1 (поселения и стоянки); 2 (курганы и курганные группы) // Архив ИА НАНУ. № 1977/146

Загинайло А.Г. 1977а. Работы Никонийской экспедиции // АО 1976

Загинайло А.Г. 1984. Открытие оборонительной стены в Никонии // Новые археологические исследования на Одесщине. К.

Загинайло А.Г. 1985. Охранные раскопки античного поселения Овидиополь II // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.

Загинайло А.Г. 1985а. Раскопки поселения Вороновка II // АО 1983

Загинайло А.Г. 1986. Работы в Одесской области // АО 1984

Загинайло А.Г. 1991. Литые монеты из Никония (к вопросу об экономических связях города в VI–IV вв. до н.э.). // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.

Загинайло А.Г., Бруяко И.В. 1988. Исследования некрополя античного Никония // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Ч. III. Симферополь

Загинайло А.Г., Карышковский П.О. 1990. Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев

Загинайло А.Г., Нудельман А.А. 1971. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н.э. // МАСП. Вып. 7

Загинайло А.Г., Секерская Н.М. 1992. Находки монет из раскопок Никония в 1987–1991 гг. // Краткие тез. докл. нумизм. конф. СПб.

Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Петренко В.Г. 1987. Каролино-Бугазский могильник // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Субботин Л.В. 1973. Исследования древнего Никония // АО 1972

Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Устянский О.В., Фокеев М.М. 1978. Охранные раскопки Березинских курганов // АО 1977

Заєць І.І. 2001. Трипільська культура на Поділлі. Вінниця

Зайцев Ю.П. 2003. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь

Зайцев Ю.П. 2005. Крестовидные удила Северного Причерноморья // 4-я Кубанская археол. конф. Краснодар

Зайцева К.И. 1976. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // ХКААМ.

Залізняк Л.Л. 1996. Палеоекономічна реконструкція суспільства степових мисливців // Археологія. № 3

Залізняк Л.Л. 1998. Передісторія України X–V тис. до н.е. К.

Залізняк Л.Л. 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація. К.

Залізняк Л.Л. 2005а. Чорноморський потоп та його археологічні наслідки // Археологія. № 3

Залізняк Л.Л. 2006. Гребениківська мезолітична культура: походження, хронологія, історична доля // Археологія. № 4

Залізняк Л.Л., Товкайло М., Журавльов О.П. 2005. Стоянка Добрянка 3 на р. Чорний Тікич та її місце в неоліті буго-дністровського межиріччя // Кам'яна доба України. К.

Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.

Засецкая И.П. 2007. Гунны в Восточной Европе // Эпоха Меровингов. Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. München

Захарук Ю. 1949. Розкопки коло с. Нерубайське під Одесою (Усатівська експедиція ІА АН УРСР 1946 р.) // АП УРСР. Т. І

Збенович В.Г. 1964. Раскопки бескурганного могильника в с. Усатово // КС ОГУ и ОГАМ 1961

Збенович В.Г. 1966. Про кинджали усатівського типу // Археологія. Т. XX

Збенович В.Г. 1971. Поселение усатовского типа у с. Маяки // МАСП. Вып. 7

Збенович В.Г. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. К.

Збенович В.Г. 1976. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // Энеолит и бронзовый век Украины. К.

Збенович В.Г. 1987. Место Трипольской культуры в энеолите Причерноморья // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тез. докл. конф. Тбилиси

Збенович В.Г., Лесков А.М. 1969. О стратиграфии и классификации древнейших погребений Одесского кургана // КСИА АН СССР. Вып. 115

Зиневич Г.П. 1964. Палеоантропологический материал из Усатовского могильника // КС ОГАМ 1962 г.

Зіневич Г.П., Круц С.І. 1968. Антропологічна характеристика давнього населення території України. К.

Зиньковская Н.Б. 1976. Антропоморфная пластика раннетрипольского поселения Александровка // МАСП. Вып. 8

Зиньковский К.В. 1972. Некоторые итоги раскопок раннетрипольского поселения Александровка // Тези доп. на XV наук. конф. Ін-ту археології. Одеса

Зиньковский К.В. 1976. О методах изучения домостроительства племен трипольской культуры // МАСП. Вып. 8

Зиньковский К.В. 1984. Антропологическая характеристика материалов из второго грунтового могильника у с. Усатово // Новые археологические материалы на Одесщине. К.

Зиньковский К.В., Зиньковская Н.Б. 1975. Раннетрипольское поселение Александровка в свете новых исследований // 150 лет Одесскому археологическому музею. Тез. докл. юбил. конф. К.

Зиньковский К.В., Зиньковская Н.Б. 1980. К вопросу о стратиграфии раннетрипольского поселения Александровка // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. К.

Зиньковский К.В., Патокова Э.Ф. 1978. Исследование Маякского могильника в 1974 г. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Зиньковский К.В., Петренко В.Г. 1987. Погребения с охрой в усатовских могильниках // СА. № 4

Зиньковский К.В., Полищук Л.Ю. 1980. Новые данные о памятниках среднего и позднего Триполья на Одесчине // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. К.

Златковская Т.Д. 1951. Мезия в I–II веках нашей эры [к истории Нижнего Дуная в Римское время]. М.

Златковская Т.Д. 1955. Племенной союз гетов под предводительством Биребисты // ВДИ. № 2

Златковская Т.Д. 1959. О начальном периоде истории Тиры // СА. № 2

Зограф А.Н. 1925. Поправки к нумизматике Тиры // ИРАИМК. № 4
Зограф А.Н. 1940. Древний город Тира-Белгород-Аккерман // КСИИМК. Вып. 8
Зограф А.Н. 1941. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ // СА. Т. VII
Зограф А.Н. 1951. Античные монеты. МИА. № 16.
Зограф А.Н. 1957. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1930 года // МАСП. Вып. 1
Зограф А.Н. 1957а. Монеты Тиры. М.
Зограф А.Н. 1982. Лук и стрельба из лука на монетах Северного Причерноморья // Нумизматика античного Причерноморья. М.
Зограф А.Н. 2002. Очерки монетных находок на территории древней Тиры // Проблемы истории, филологии, культуры. Т. XII. Москва–Магнитогорск
Золотарев А.М. 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.
Зубарев В.Г. 1999. Римские дороги в междуречье Истра (Дуная) и Тираса (Днестра) по данным Клавдия Птолемея // ВДИ. № 3
Зубарь В.М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. К.
Зубар В.М. 1996. Ще раз про етнічний склад населення Ольвії в перших століттях н.е. // Археологія. № 4
Зубарь В.М., Сон Н.А. 1997. Греки и римляне в Нижнем Поднестровье. К.
Зубарь В.М., Сон Н.А. 2007. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Supplementum. № 3
Зубарь В.М., Сорочан С.Б. 1984. Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. К.
Зубар В., Ліньова Е., Сон Н. 1999. Античний світ Північного Причорномор`я. К.
Зубов С.Э. 2004. География и хронология подвесок в виде скифского лука // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград
Иванов Вяч.Вс. 1968. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний // СА. № 4
Иванов Вяч.Вс. 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aњva- «конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.
Иванов Вяч.Вс. 1983. История славянских и балканских названий металлов. М.
Иванов Вяч.Вс. 1989. Древнебалканские названия священного царя и символика царского ритуала // Палеобалканистика и античность. М.
Иванов Вяч.Вс. 1990. Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд). М.
Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. 1974. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.
Іванова С.В. 2001. Поховання ямної культури з отворами у Північно-Західному Причорномор'ї // Археологія. № 2
Иванова С.В. 2001а. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса
Иванова С.В. 2009. Исторические процессы в Юго-Восточной Европе (энеолит-ранний бронзовый век) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург
Іванова С.В., Ветчиннікова Н.Є. 1989. Поселення епохи бронзи та заліза в Одеській області // Археологія. № 2
Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е. 2009. Курган эпохи палеометалла на берегу Аджалыкского лимана в Одесской области // ССПіК. XV
Іванова С.В., Сєкерська О.П. 2003. Багатошарове поселення Грибівка IV в Одеській області // Зап. істор. фак-ту ОНУ ім. І.І. Мечникова. Вип. 14. Одеса
Иванова С.В., Цимиданов В.В. 1993. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической области // Археологический альманах. Вып. 2. Донецк

Иванова С.В., Цимиданов В.В. 1999. Воинство в ямном обществе Северо-Западного Причерноморья // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков

Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса

Иванова С.И., Островерхов А.С., Петренко В.Г. 2004. Археология и история западного берега Тилигульского лимана // Проблемы исследования и охраны культурного наследия. Причорноморський Екологічний бюлетень. № 2 (12). Одесса

Иванчик А.И. 1988. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. № 5

Иванчик А.И. 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва-Берлин

Иванчик А.И., Самойлова Т.Л. 2007. Синкретические культы греко-египетских богов в Тире // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. II. СПб.

Иванчик А.И., Сон Н.А. 2004. Новая надпись эпохи Севера Александра из Тиры // ВДИ. № 3

Иессен А.А. 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.

Избицер Е. В. 1993. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.

Ильинская В.А. 1966. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. № 3

Ильинская В.А. 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. К.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. К.

Ильюков П.С. 1987. Курганные могильники в междуречье Сала и Маныча // АО 1985

Ильюков Л.С., Власкин М.В. 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов на Дону

Іналджик Г. 1998. Османська імперія. Класична доба 1300–1600. К.

Испано-мавританская керамика. 1940. Каталоги собраний Эрмитажа. Вып. II. М.-Л.

История первобытного общества. 1986. Эпоха первобытной родовой общины. М.

История первобытного общества. 1988. Эпоха классообразования. М.

Иштванович Э. 2001. Краткий очерк истории сарматов Карпатского бассейна // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.

Калиновская К.П. 1989. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв. М.

Каменецкий И.С. 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. (Археология СССР). М.

Каменский А.Г. 1990. Результаты спектрального и металлографического исследования металлических предметов из памятников эпохи бронзы с территории Молдовы / В кн.: Яровой Е.В. Курганы энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев

Карамзин Н.М. 1990. История государства Российского. Т. I–III. Тула

Карышковский П.О. 1953. Еще раз о книге А.Н. Зографа « Античные монеты» // ВДИ. № 1

Карышковский П.О. 1957. Несколько неизданных монет античного Причерноморья // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 2

Карышковский П.О. 1958. Рец. на: А.Н. Зограф. Монеты Тиры // ВДИ. № 2

Карышковский П.О. 1959. Надписи Тиры // ВДИ. № 4

Каришковський П.Й. 1959а. Ольвійські монети, знайдені поблизу Одеси // Праці держ. ун-ту ім. І.І. Мечникова. Серія іст. наук, археологічний збірник. Ч. 1. Одеса

Карышковский П.О. 1960. Дополнение к нумизматике Тиры // ВДИ. № 3

Карышковский П.О. 1960а. Заметки о монетах Ольвии // СА. № 3

Карышковский П.О. 1960б. Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. № 3

Карышковский П.О. 1960в. Ольвия и Афинский союз // МАПП. Вып. 3

Каришковський П.Й. 1961. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї (про монети царів Фарзоя та Іненсімея, карбовані в Ольвії) // АП УРСР. Т. XI

Карышковский П.О. 1963. Находки римских монет в Одесской области // КС ОГУ и ОГАМ 1961 г.

Карышковский П.О. 1963а. Эпиграфические памятники Белгород-Днестровского музея // КС ОГУ и ОГАМ 1961 г.

Карышковский П.О. 1965. Находки римских монет в Ольвии // НиС. Вып. 2

Карышковский П.О. 1966. Дополнение к эпиграфическим свидетельствам о Тире // ВДИ. № 2

Карышковский П.О. 1966а. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища [Одес. обл.] // МАСП. Вып. 5

Карышковский П.О. 1968. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. № 1

Карышковский П.О. 1971. Из истории Тиры в I–II вв. н.э. // МАСП. Вып. 7

Карышковский П.О. 1971а. Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н.э. // ВДИ. № 2

Карышковский П.О. 1972. О времени появления сарматских племен в степях Северного Причерноморья // Тези плен. і секц. доп. XV наук. конф. ІА АН УРСР. Одесса

Каришковський П.Й. 1973. Царські сармати у Страбона // Іноземна філологія. Вип. 32. № 11

Карышковский П.О. 1976. Находки античных и византийских монет в Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории южной Украины. Киев-Одесса

Карышковский П.О. 1979. Новые тирасские надписи // Античная Тира и средневековый Белгород. К.

Карышковский П.О. 1980. Из истории Тиры в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. К.

Карышковский П.О. 1980а. Новая монета царя Фарзоя // АИУ в 1978–1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск

Карышковский П.О. 1983. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Карышковский П.О. 1984. Клад ольвийских монет из долины р. Кучурган // Новые археологические исследования на Одесщине. К.

Карышковский П.О. 1985. Новые данные по эпиграфике и просопографии Ольвии в первой половине II в. н.э. Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино

Карышковский П.О. 1985а. Новые находки античных и византийских монет в степной части Прутско-Днестровского междуречья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Карышковский П.О. 1987. Тирасские драхмы Эрмитажа и серебряные эмиссии Тиры // Новое в современной нумизматике и нумизматическом музееведении. Тез. докл. Л.

Карышковский П.О. 1988. Монеты Ольвии. К.

Карышковский П.О. 1988а. Новые эпиграфические находки в Нижнем Поднестровье // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. Севастополь

Карышковский П.О. 2003. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Одесса

Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. К.

Карышковский П.О., Коциевский А.С. 1979. Античные монеты из раскопок Тиры // Античная Тира и средневековый Белгород. К.

Каспарова К.В., Щукин М.Б. 1979. Могильник Могилян-Хмельник в Ровенской области // ТГЭ. Т. 44

Кашуба М.Т. 2000. Заметки о формировании среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть в Днестро-Прутском междуречье // Stratum plus. № 3

Кашуба М.Т., Курчатов С.И., Щербакова Т.А. 2001–2002. Кочевники на западной границе Великой Степи (по материалам курганов у с. Мокра) // Stratum plus. № 4

Квергельдт Э.К. 1947. Керамика Ближнего Востока. Л.

Кеппен В.И. 1837. Список известнейшим курганам в России. СПб.

Кетрару Н.А., Рикман Э.А. 1960. Новые данные о памятниках первых веков нашей эры на территории Молдавии // Изв. МФ АН СССР. № 4 (70)

Кетрару Н.А., Серова Н.Л. 1987. Скифские курганы в Дубоссарском районе // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху. Кишинев

Кетрару Н.Л., Серова Н.Л. 1989. Золотая гривна из скифского кургана у г. Дубоссары // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев.

Кетрару Н.А., Серова Н.Л. 1992. Исследование курганов в Дубоссарском районе // АИМ 1986

Кетрару Н.А., Серова Н.Л. 1992а. Погребение знатной скифянки у г. Дубэсарь // МИАЭ Молдовы

Кетрару Н.А., Четвериков И.А. 2005. Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980–1987 гг.) // Stratum plus. № 3

Киосак Д.В. 2010. Западные культурно-экономические связи населения юго-западной Украины в финальном палеолите и мезолите // Terra cognoscibilis: культурное пространство между Балканами и Великой Степью в эпоху камня-бронзы. МАСП. Вып. 11

Кіосак Д.В. 2011. Розвідки в Роздільнянському та Великомихайлівському р-нах Одеської обл. у 2010 р. // АДУ 2010 р.

Кіосак Д.В., Гаскевич Д.Л. 2011. Неолітична стоянка Мельнична Круча: історія дослідження та проблеми інтерпретації крем'яної колекції // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. IX. Одесса

Кирилюк А.В. 1996. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Одесса

Кияшко В.Я. 1992. К вопросу о молоточковидных булавках // Донские древности. Вып. 1. Азов

Кияшко В.Я. 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов

Кияшко А.В. 1998. О культурном единстве позднеямных и раннекатакомбных памятников эпохи средней бронзы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону

Клейман И.Б. 1964. Три фрагментированные терракотовые статуэтки из городища Надлиманское // КС ОГАМ 1962 г.

Клейман И.Б. 1966. Терракоты Роксоланского городища // МАСП. Вып. 5

Клейман И.Б. 1970. Терракоты с о. Левке [Белого острова] и святилища Ахилла Понтарха // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Г1–II. Ч. 1–2

Клейман И.Б. 1971. Раскопки помещения вексилляции I Италийского легиона в Тире // МАСП. Вып. 7

Клейман И.Б. 1976. Новые находки терракот в Никонии // ХКААМ.

Клейман И.Б. 1978. Новая гробница в районе Белгорода-Днестровского и вопрос о местоположении некрополя Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Клейман И.Б. 1979. Стратиграфия культурного слоя городища Тиры-Белгорода // Античная Тира и средневековый Белгород. К.

Клейман И.Б. 1985. Фигурный сосуд из Тиры с подписью // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.

Клейман І.Б., Ревенко К.З. 1959. Археологічні спостереження на західному березі Дністровського лиману // МАПП. Вип. 2

Клейман И.Б., Яровая Е.Ф. 1962. Археологическая разведка в районе с. Надлиманское в 1956 г. // МАСП. Вып. 4

Клейн Л.С. 1970. Катакомбная культура или катакомбные культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Клейн Л.С. 1975. Рец. на: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // СА. № 1

Клейн Л.С. 2007. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. 1997. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия. Донские древности. Вып. 5. Азов

Клочко В.І. 1990. «Народи моря та Північне Причорномор'я» // Археологія. № 1

Клочко В.И. 1994. Металлургическое производство в энеолите-бронзовом веке // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. К.

Клочко В.І. 2002. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). К.

Клочко В.І. 2004. Металургія трипільської культури // ЕТЦ. Т. І

Клочко В.І. 2006. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). К.

Клочко В.И., Мурзин В.Ю. 1987. О датировке черногоровско-новочеркасских памятников // Киммерийцы и скифы. Кировоград

Клочко В.И., Мурзин В.Ю. 1989. О хронологии древностей черногоровского-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. № 6. Днепропетровск

Кнауэр Ф.И. 1889. О курганах, раскопанных в Южной Бессарабии // ЧИОНЛ. Кн. 3

Кнауэр Ф.И. 1890. Вторая археологическая раскопка около с. Сараты (в Южной Бессарабии) // ЧИОНЛ. Кн. 4

Кнауэр Ф.И. 1892. Список археологических предметов, найденных в разных местах Аккерманского уезда // ЧИОНЛ. Кн. 6

Кнауэр Ф.И. 1902. Раскопки в Аккерманском уезде Бессарабской губернии // Труды XI АС. М.

Книпович Т.Н. 1966. К вопросу о датировке Ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. № 2

Ковалева И.Ф. 1978. Погребения животиловского типа в Присамарье // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск

Ковалева И.Ф. 1979. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи неолита // Курганные древности Степного Поднепровья III–II тыс. до н.э. Вып. 3. Днепропетровск

Ковалева И.Ф. 1983. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск

Ковалева И.Ф. 1984. Север Степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке. Днепропетровск

Ковалева И.Ф. 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск

Ковалева И.Ф. 1991. Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днепра (к выделению животиловского культурного типа) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск

Ковалева И.Ф. 2002. Стратифицированные энеолитические курганы в Криворожском течении Ингульца // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. Тирасполь

Ковалевская В.Б. 1977. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.

Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. САИ. Е1-2.

Коваленко С.И. 2004. Раскопки мезо-неолитической стоянки Старые Биличены 12 // Cercetări arheologice in Republica Moldova (2000–2003). Vol. 1. Chişinău

Коваленко С., Бодян С. 1999. Цариград II – поселение раннего неолита на р. Реут в Молдове // Stratum plus. № 1

Коваленко С.И., Кетрару Н.А. 1997. Новые данные о мезолитической стоянке Саратены в Нижнем Попрутье // Vestigii arheologice din Moldova

Ковалюх М.М., Скрипкін В.В., Відейко М.Ю. 2007. Особливості радіовуглецевого датування давньої археологічної кераміки на прикладі трипільської культури // Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст. К.

Ковпаненко Г.Т. 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. К.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К.

Кожин П.М. 1991. Татуировка // СЭПТ. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Вып. 4

Козак Д.Н. 1982. Пшеворська та черняхівська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі // Археологія. Вип. 37

Козак Д.Н. 1983. Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. К.

Козак Д.Н. 1984. Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбарской культуры на Волыни и Подолии) // КСИА АН СССР. Вып. 178

Козак Д.Н. 1987. Поселение у села Пасеки Зубрецкие и некоторые вопросы культурного развития племен Поднестровья на рубеже и в первых веках нашей эры // Acta Archaeologica Carpatica. T. XXVI

Козак Д.Н. 1990. Особливості культурогенезу на території Північно-Західної України у першій половині I тис. н.е. // Археологія. № 4

Козак Д.Н. 1991. Етнокультурна історія Волині (III ст. до н.е. – IV ст. н.е.). К.

Козак Д.Н., Журко О. 1983. Поселення поблизу с. Велика Слобідка пізньоримського часу в Середньому Подністров'ї // Археологія. Вип. 43

Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. 1986. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н.е. // Археологія. Вип. 56

Козлов В.И. 1991. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI вв. н.э. (Балкано-дунайская культура) Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Л.

Козлов В.И. 1996. Към вопроса за хронологията на паметнице от североизточна провинция на Първото Българско царство // БСП. T. V

Козуб Ю.И. 1973. Модель лука из Ольвии // Скифские древности. К.

Козуб Ю.І. 1974. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.е. К.

Козуб Ю.И. 1984. Историческая топография некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. К.

Козуб Ю.И. 1987. Погребальные сооружения Ольвии и ее Округи // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. К.

Козубовський Ф.А. 1933. Археологічні дослідження на території БОГЕСу 1930–1932 рр. Підсумки археологічних розвідкових робіт в районі майбутнього підтоплення Бозької гідроелектроцентралі. К.

Козубовський Ф.А. 1935. Первісна стоянка на р. Бакшалі коло с. Анетовки // НЗ ІІМК Української АН. Кн. 5–6

Кол Ф.Л. 2004. Модели трансформации культуры: от оседлых земледельцев к скотоводам (Триполье и курганные культуры) // РА. № 4

Колекції… 2007. Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог. К.

Колосовская Ю.И. 1973. Паннония в I–III веках. М.

Комар А.В. 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк

Кондукторова Т.С. 1972. Антропология древнего населения Украины. М.

Кондукторова Т.С. 1979. Физический тип людей Нижнего Поднепровья. М.

Коніков Є.Г. 2004. Екзодинамічна модель умов осадконакопичення і формування берегових систем північно-західної частини Чорного моря протягом останніх 18 000 років // Вісник ОНУ ім. І.І. Мечникова. Географічні та геологічні науки. Т. 9. Вип. 4. Одеса

Коновалова И.Г. 1983. Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.

Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. М.

Конопля В. 1999. Населення Східних Карпат за доби мезоліту // Етногенез та етнічна історія Українських Карпат. Т. 1. Археологія та антропологія. Львів

Константінеску Л.Ф. 1984. Ранньоямні поховання північно-східного Подоння // Археологія. Вип. 45

Константинов В., Незнахин В. 1992. От Геродота до Маразли и дальше // Историческое краеведение Одесщины. Вып. 4. Одесса

Конькова Л.В. 1979. Металлографическое исследование металлических изделий из памятников усатовского типа / В кн.: Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. К.

Копейкина Л.В. 1982. Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с острова Березань // Художественные изделия античных мастеров. Л.

Копылов В.П., Янгулов С.Ю. 1987. О времени появления скифских однолезвийных мечей // Киммерийцы и скифы. ТД Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина. Кировоград.

Кореневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Кореневский С.Н. 2006. Северная кумо-манычская периферия майкопской культуры и ее восточно-европейский (ямный) компонент // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург

Кореневский С.Н. 2006а. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Коробкова Г.Ф. 1957. Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднестровье // КСИИМК. Вып. 67

Коробкова Г.Ф. 1980. Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трассологические исследования // Первобытная археология. Поиски и находки. К.

Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.

Коробкова Г.Ф. 1992. Истоки неолитизации: к проблеме культурно-хозяйственного развития Северо-Западного Причерноморья в эпоху мезолита // Studia Praehistorica. Vol. 11–12

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. 2005. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры. СПб.

Корпусова В.М. 1971. Біконічні посудини перших століть нашоі ери з Причорномор'я // Археологія. Вип. 3

Корсунський А.Р., Гунтер Р. 1984. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение королевств (до середины VI в.). М.

Коршунков В.А. 1989. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и хвойные растения // Скифия и Боспор. М-лы конф. памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск

Косаківський В.О. 1993. Дослідження житла на трипільському поселенні Чечельник // АВУ 1991 р. Луцьк

Косаківський В.О. 1993а. Пізньотрипільське поселення Чечельник на Побужжі // Подільська старовина. Вінниця

Косаківський В.О. 1994. Зображення тварин на кераміці з трипільського поселення Чечельник // Археологія. № 1

Косаківський В.О. 2004. Відбитки текстилю // ЕТЦ. Т. II

Косаківський В.О. 2004а. Чечельницька група // ЕТЦ. Т. II

Косиков В.А. 1997. О транзитной торговле оловом на территории Европы в раннем железном веке // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. СПб.

Косяненко В.М., Флеров В.С. 1978. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // СА. № 1

Котова Н.С. 2002. Неолитизация Украины. Луганск

Котова Н.С. 2006. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск

Котова Н.С. 2010. Культурно-історичні процеси у Північному Причорномор'ї у VI–V тис. до н.е. Автореф. дис. … докт. іст. наук. К.

Коцевалов А.С. б/г. Керамические надписи, найденные в Лузановке с 1925 по 1938 гг. // НА ОАМ. № 59357

Коциевский А.С. 1982. Несколько неизданных монет Тиры из частных собраний // Нумизматика античного Причерноморья. К.

Коциевский А.С. 1990. Надчеканка татарских монет в средневековом Белгороде // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев

Коцура А.Г. 2008. Ремесленные вотивы Кошарского зольника // Наукові праці. Вип. 83. Т. 96. Миколаїв

Кочубинский А.А. 1889. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман // ЗООИД. Т. XV

Кочубинский А.А. 1901. Тура (Тирос)-Белгород-Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 года // ЗООИД. Т. XXIII

Кочубинский А.А., Штерн Э.Р. 1896. О поездке в Аккерман для исследования там открытой гробницы // ЗООИД. Т. XIX

Кравец Л.П. 1993. О булавах бородинского клада // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Кравченко А.А. 1960. Археологічні пам'ятки в долинах річок Тростянець і Ягорлик [Одес. обл.] // МАПП. Вип. 3

Кравченко А.А. 1967. Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Кравченко А.А. 1979. Производственные комплексы Белгорода XIII–XIV вв. // Античная Тира и средневековый Белгород. К.

Кравченко А.А. 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). К.

Кравченко А.А. 1990. Об одной из групп привозной керамики конца XIV – начала XV в. из Белгорода-Днестровского // ПИАНП. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. ист.-краев. конф. Ч. I. История.

Кравченко А.А. 1991. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.

Кравченко А.А. 2005. Венецианская поливная керамика XVI в. из Белгорода-Днестровского // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. К.

Кравченко А.А., Кузьменко В.І. 1959. Розвідки археологічних пам'яток по Кучурганській річній долині // МАПП. Вип. 2

Кравченко Н.М. 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М. Кравченко в 1961–1964 гг.) // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Кравченко Н.М. 1967а. Памятники черняховского типа в Буджакской степи // АИУ в 1965–1966 гг. Вып. 1

Кравченко Н.М. 1970. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на некоторых черняховских могильниках // КСИА АН СССР. Вып 121

Кравченко Н.М. 1971. К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Вып. 7

Кравченко Н.М. 1971а. Работы черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции // АИУ 1968 г. Вып. 3

Кравченко Н.М., Гороховский Е.Л. 1979. О некоторых особенностях развития материальной культуры Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. // СА. № 2

Кравченко Н.М., Корпусова В.М. 1975. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. Вип. 18

Крадин Н.Н. 2001. Империя Хунну. М.

Краева Л.А. 2011. Керамика в погребальном обряде ранних кочевников Южного Приуралья VI–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Мат-лы и исслед. по археологии Юга России. В. III. Ростов-на-Дону

Крапивина В.В. 1979. Орнаментация серолощеной керамики римского времени из Ольвии // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К.

Крапивина В.В. 1993. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. К.

Крапивина В.В. 1994. Рельеф с Митрой-Тавроктоном из Ольвии // Древнее Причерноморье. КС ОАО.

Красковский В.И. 1960. Памятники позднего палеолита и эпипалеолита в Одесской области // ЗОАО. Т. I (34)

Красковський В.І. 1960а. Пізньопалеолітичні пам’ятки долини річки Барабой // МАПП. Вип. 3

Красковский В.И. 1962. Разведки позднего палеолита и эпипалеолита в Одесской области // СА. № 1

Красковский В.И. 1962а. Эпипалеолитическое местонахождение Скосаревка // МАСП. Вып. 4

Красковский В.И. 1971. Памятники мезолитического времени в долине реки Малый Куяльник // МАСП. Вып. 7

Красковский В.И. 1976. Карпово – новый памятник каменного века в долине р. Свинной // МАСП. Вып. 8

Красковский В.И. 1978. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья (археологическая карта). К.

Красковський В., Кремер А. 1959. Михайлівська епіпалеолітична стоянка // МАПП. Вип. 2

Красковский В.И., Станко В.Н. 1966. К археологической карте-схеме памятников каменного века Нижнего Поднестровья // МАСП. Вып. 5

Красножон А.В., Будников А.В., Барбулат Е.Н. 2007. Топохронология и стратиграфия памятника Жевахова Гора// Історіосфера. Мат-ли 2-ї наук. конф. викладачів, студентів, магістрів, аспірантів та молодих вчених іст-філолог. ф-ту Південноукр. держ. педагог. ун-ту ім. К.Д. Ушинського. Одесса

Кременецкий К.В. 1987. О палеографии юга Днестровско-Прутского междуречья в эпоху Гумельницкой (Болградской) культуры // Изв АН Молдавской ССР. Серия общественных наук. № 3. Кишинев

Кременецкий К.В. 1991. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М.

Кременецкий К.В. 1997. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Тр. ГИМ. Вып. 97

Кремер А.М. 1960. Материалы разведок памятников каменного века на р. Сарате // ЗОАО. Т. I (34)

Криволап Г.І. 1972. Поховання римського часу з Тіри та її околиці // АДУ в 1969 році. Вип. 4

Кривцова-Гракова О.А. 1938. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры // Труды ГИМ. Вып. 8

Кривцова-Гракова О.А. 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46

Крижевская Л.Я. 1992. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб.

Кричевский Е.Ю. 1941. О процессе исчезновения трипольской культуры // Палеолит и энеолит СССР. МИА. № 2

Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. САИ. Г4-4

Кропоткин В.В. 1966. Новые находки римских монет в СССР // НЭ. Т. VI

Кропоткин В.В. 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.

Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). САИ. Д1-27

Кропоткин В.В. 1971. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении черняховской культуры) // СА. № 4

Кропоткин В.В. 1978. Черняховская культура в Северном Причерноморье // Проблемы советской археологии. М.

Кропоткин В.В. 1984. К вопросу о племенных центрах черняховской культуры // СА. № 3

Кругликова И.Т. 1966. Боспор в позднеантичное время. М.

Крупенников И.А. 1960. Погребенные почвы Нижнего Траянова вала и некоторые вопросы палеопочвоведения // Охрана природы Молдавии. Вып. 1

Круц С.И. 1984. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья. К.

Круц С.І. 1997. Антропологічний склад населення // Давня історія України. Т. 1. Первісне суспільство. К.

Круц С.И., Бужилова А.П., Варзарь А.М. 2003. Антропологические материалы из неолитического могильника Сакаровка I // РА. № 2

Крушельницька Л.І. 1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної та Центральної Європи (рубіж епохи бронзи та заліза). К.

Крыжицкий С.Д. 1971. Жилые ансамбли древней Ольвии. К.

Крыжицкий С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). К.

Крыжицкий С.Д. 1985. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. К.

Крыжицкий С.Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К.

Крыжицкий С.Д. 1997. О возможном количестве населения Тиры // Аккерманские древности. Белгород-Днестровский

Крижицький С.Д., Клейман І.Б. 1972. Розкопки в Білгород-Дністровському // АДУ в 1969 р. Вип. 4

Крижицький С.Д., Клейман І.Б. 1978. Житловий будинок і укріплення Тіри перших віків нашої ери // Археологія. Вип. 25

Крыжицкий С.Д., Клейман И.Б. 1979. Раскопки Тиры в 1963 и 1965–1976 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. К.

Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. 1988. Комплекс Западных ворот Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. К.

Крижицький С.Д., Лейпунська Н.О. 2004. Принципи моделювання економічного базису північнопричорноморської античної держави на прикладі Ольвії // Палеоекономіка ранньо-го залізного віку на території України. К.

Крижицький С.Д., Щеглов О.М. 1991. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. № 1

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К.

Крижицький С.Д., Зубар В.М., Русяєва А.С. 1998. Античні держави Північного Причорномор'я. К.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. К.

Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. 1999. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К.

Крыкин С.М. 1993. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.

Крисін А. 1929. Археологічні досліди берегів ніжньої течії р. Інгульця // Літопис Херсонського іст.-археол. музею. Вип 9

Кубланов М.М. 1957. Легенды о ристалище Ахилла и Ольвийские агонистические праздники // ЕМИРА. Т. 1

Кудрявцев О.В. 1950. Вторжение костобоков в Балканские провинции Римской империи // ВДИ. № 3

Кузев А. 1974. Средневековна с графито керамика с монограми от Варна // Известия на Народния музей. № 10. Варна

Кузев А. 1980. С графито керамиката във Варненския музей // Музеи и паметници на културата. № 2. София

Кузнецова Т.М. 2002. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. I. М.

Кузьменко В.И. 1976. Исследование римских слоев Никония // МАСП. Вып. 8

Кузьменко В.И., Синицын М.С. 1966. Лепная керамика Роксоланского городища // МАСП. Вып. 5

Кузьменко В.И., Левина Э.А., Секерская Н.М. 1975. Раскопки юго-западной части Никония // АО 1974

Кузьмина Е.Е. 1986. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе

Кузьминова Н.Н. 1990. Палеоботанический и палинологический анализы материалов из курганов Нижнего Поднестровья / В кн.: Яровой Е.В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев

Кузьмінова Н.М., Охотніков С.Б. 1987. Культурні рослини Нижнього Подністров'я у VI–V ст. до н.е. (за даними палеоботанічного аналізу) // Археологія. Вип. 60

Кузьминова Н.Н., Петренко В.Г. 1989. Культурные растения на западе Степного Причерноморья в середине III–II тыс. до н.э. // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тез. доп. конф. Київ-Одеса

Кузьминова Н.Н., Дергачев В.А., Ларина О.В. 1998. Палеоэтноботанические исследования на поселении Сакаровка I // Revista Arheologică. Vol. 2

Куклина И.В. 1985. Этнография Скифии по античным источникам. Л.

Кулаковский Ю.А. 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. К.

Курбатов А.А. 1983. Культ Ахилла в Северном Причерноморье. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.

Курганы… 1993–1996. Курганы левобережного Илека. Вып. 1–4. М.

Куринских О.И. 2011. Катакомбные конструкции могильников у с. Покровка (левобережье Илека) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Мат-лы и исслед. по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону

Курмоярцев С.Г. 2007. Амфорные клейма Жеваховой Горы // Історіосфера. Мат-ли 2-ї наук. конф. викладачів, студентів, магістрів, аспірантів та молодих вчених іст.-філолог. фак-ту Південноукр. педагог. держ. ун-ту ім. К.Д. Ушинського. Одеса

Курчатов С.И. 1989. Новые материалы из раскопок сарматского и черняховского могильников у с. Петрешты МССР // ПССАСП. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. I

Курчатов С.И. 1989а. Могильник II–III вв. н.э. у с. Алчедар // АИМ 1984 г.

Курчатов С.І., Симоненко О.В., Чирков А.Ю. 1995. Сарматський воїнський могильник на Середньому Пруті // Археологія. № 1

Кутайсов В.А. 1991. Монеты Керкинитиды V в. до н.э. // ВДИ № 1

Кухаренко Ю.В. 1954. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда) // СА. Т. XIX

Кухаренко Ю.В. 1955. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольное // СА. Т. XXII

Кызласов И.Л. 1995. Погребальный обряд и уровень развития общества // РА. № 2

Кънчев К. 1972. За някои способи за определение на функционалното предназначение на каменните оръдия // Археология. № 1. София

Лагодовська О.Ф. 1930. Археологічна подорож до Курисово-Петровського // ВОКК. Ч. 4–5

Лагодовська О.Ф. 1943. Проблеми усатівської культури // НЗІІА УРСР. № 1. Уфа

Лагодовська О.Ф. 1946. Розкопки усатівського кургану І-11. 1940 р. // НЗІІА УРСР. Кн. II. К.

Лагодовська О.Ф. 1948. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України // Вісник АН УРСР. № 6

Лагодовська О.Ф. 1952. Усатівська експедиція 1948 р. // АП УРСР. Т. IV

Лагодовська О.Ф. 1953. Пам'ятки усатівського типу // Археологія. Т. VIII

Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.І. 1962. Михайлівське поселення. К.

Лапин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Краткий очерк отечественных теорий колонизации). К.

Лапушнян В.А. 1977. Киммерийский кинжал из с. Березки в Молдавии // Скифы и сарматы. К.

Лапушнян В.Л. 1979. Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев

Ларина О.В. 1983. Керамика культуры линейно-ленточной керамики Данчены I // Первобытные древности Молдавии. Кишинёв

Ларина О.В. 1989. Новые курганные материалы энеолита-ранней бронзы на Среднем Пруте // АИМ в 1984 году

Ларина О.В. 1999. Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона // Stratum plus. № 2

Ларина О. 2006. Неолитическая керамика поселения Тэтэрэука Ноуэ XV // Revista arheologică. Vol. 2(1–2)

Ларина О.В., Дергачев В.А. 2003. Могильник мариупольского типа в Молдавии // РА. № 2

Ларина О.В., Вехлер К.П., Дергачев В.А., Коваленко С.И., Бикбаев В.Н. 1997. Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдавии // Vestigii arheologice din Moldova. Chişinău

Ларина О.В., Петренко В.Г., Сапожников И.В. 1999. Культура линейно-ленточной керамики в Днестро-Бугском междуречье (по материалам поселения Майнова Балка) // ССПiК. VII

Латышев В.В. 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.

Латышев В.В. 1890. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // ЗРАО. Н.С. Т. 4

Латышев В.В. 1893. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1: Греческие писатели. Вып. 1. Ч. II. Спб.

Латышев В.В. 1899. Очерк греческих древностей: богослужение и сценические древности. СПб.

Латышев В.В. 1904. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 1. Спб.

Латышев В.В. 1906. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 2–3. Спб.

Латышев В.В. 1959. Scriptores Historiae Augustae // ВДИ. № 1–4

Ле Гофф Ж. 1995. Цивилизация средневекового Запада. М.

Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии: 1700–1917 гг. СПб.

Левада М., Савельєв О. 2010. Скарб, що зник // http://prostir.museum/publications/ua№id=797.

Леви Е.И. 1956. Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. № 50

Леви Е.И. 1964. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры. М.

Леви-Стросс К. 1983. Структурная антропология. М.

Левина Э.А. 1988. Раскопки Кошарского поселения // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской конф. Ч. III. Симферополь

Левина Э.А. 1989. Новый памятник звериного стиля из Кошарского поселения // ПССАСП. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию Б.Н. Гракова

Левина Э.А. 1990. Комплекс лепной керамики Кошарского поселения и памятников Нижнего Поднестровья IV–III вв. до н.э. // ПИАНП. Тез докл. науч. конф.

Левина Э.А. 1990а. Кратер керченского стиля из Кошарского поселения // Древнее Причерноморье. I-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Левина Э.А. 1993. Керамические клейма Кошарского поселения // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Левина Э.А., Редина Е.Ф. 1989. Исследования Кошарского поселения // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респ. конф. К.

Левина Э.А., Редина Е.Ф. 1989а. Новые исследования поселения и могильника античного времени у села Кошары Одесской области // Воспитание историей. Тез. докл. 1-й обл. ист.-краев. конф. Одесса

Левина Э.А., Столярик Е.С. 1991. Новые монетные находки с Кошарского поселения // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса

Левина Э.А., Островерхов А.С., Редина Е.Ф. 1993. О производстве изделий в зверином стиле на территории Ольвийского полиса // Древности Причерноморских степей. К.

Левицкий О.Г., Демченко Т.И. 1995. Памятники скифской архаики на территории Молдовы // ДСПиК. V

Лейпунська Н.О. 1970. Про культ Ахілла в Північному Причорномор'ї // Археологія. Т. XXIII

Лейпунская Н.А. 2006. Детское погребение III–IV вв. из Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности. Труды ГИМ. Вып. 159

Лейпунская Н.А., Самойлова Т.Л. 1994. Раскопки в Нижнем городе Ольвии (1985–1993, предварительные итоги) // Ольвия-200. Тез. докл. международ. конф., посвящ. двухсотлетию археол. открытия Ольвии. Николаев

Лесков А.М. 1967. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. К.

Лесков А.М. 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. К.

Лесков А.М. 1975. Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. … докт. ист. наук. М.

Летопись… 1914. Летопись Херсонского музея 1909–1911 гг. Херсон

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 1989. Сиракский союз племен и Боспор // Скифия и Боспор. Новочеркасск

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2006. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // МИАК. Вып. 6

Липс Ю.1954. Происхождение вещей. М.

Литвиненко Р.А. 1996. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). М-лы междунар. конф. Ч.1. Тез. докл. конф. Донецк

Литвинова Л.В. 1987. К палеодемографии населения белозерской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. IV Республ. конф. молодых археологов. К.

Литвинский Б.А., Седов А.В. 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.

Лосев А.Ф. 1957. Античная мифология в ее историческом развитии. М.

Лотман Ю.М. 1987. Несколько мыслей о типологии культуры // Языки и культуры и проблемы переводимости. М.

Лоция Черного моря. 1851. Описание маяков и знаков Черного и Азовского морей. Николаев

Магомедов Б.В. 1973. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. Вип. 12

Магомедов Б.В. 1977. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. К.

Магомедов Б.В. 1978. Могильник Каменка-Анчекрак в Николаевской области // АИУ в 1976–1977 гг. Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород

Магомедов Б.В. 1979. Каборга IV (раскопки 1973–1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М.

Магомедов Б.В. 1979а. Могильник у городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К.

Магомедов Б.В. 1980. Городища черняховской культуры // АИУ в 1978–1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск

Магомедов Б.В. 1980а. Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья, по данным погребального обряда // Славяне и Русь. К.

Магомедов Б.В. 1981. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К.

Магомедов Б.В. 1983. Напівземлянки черняхівської культури Причорномор'я // Археологія. Вип. 44

Магомедов Б.В. 1983а. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи // Славяне на Днестре и Дунае. К.

Магомедов Б.В. 1984. Черняховские памятники причерноморского типа // КСИА АН СССР. Вып. 178

Магомедов Б.В. 1985. Черняховские памятники южного Побужья // Тез. докл. сов. делег. на V международ. конгр. славян. археологии. М.

Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. К.

Магомедов Б.В. 1987а. Черняховское городище у с. Александровки // Днестровско-Прутское междуречье в I – начале II тыс. н.э. К.

Магомедов Б.В. 1988. Черняховские памятники Южного Побужья // Тр. 5-го МКСА. Т. 4. Секц. 1. К.

Магомедов Б.В. 1991. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. К.

Магомедов Б.В. 1997. К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс // Kultura przeworska. T. III

Магомедов Б.В. 1999. К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. К.

Магомедов Б.В. 1999а. Сармати у складі черняхівської культури // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі I тисячоліття. Київ-Львів

Магомедов Б.В. 2000. Этнические компоненты черняховской культуры // Stratum plus. № 4

Магомедов Б.В. 2001. Черняховская культура. Проблемы этноса. Люблин

Магомедов Б.В. 2006. Монети як джерело вивчення історії племен черняхівської культури // Археологія. № 4

Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. 1990. Поселение с каменным домостроительством у с. Луговое // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. юбил. конф. Ч. 3. Херсон

Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1994. Черняховские вазы «ольвийского» типа // Ольвия-200. Тез. докл. междунар. конф., посвящ. двухсотлетию археол. открытия Ольвии. Николаев

Майяни З. 1966. Этруски начинают говорить. М.

Макаревич М.Л. 1940. Археологічні досліди в селі Білий Камінь (Розкопки 1928 р.) // ТКУ. Т. I

Макаревич М.Л. 1952. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури // АП УРСР. Т. IV

Макаревич М.Л. 1954. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II // КСИА АН УССР. Вып. 3

Макаревич М.Л. 1960. Об идеологических представлениях у трипольских племен // ЗОАО. Т. 1 (34)

Макаревич М.Л. 1960а. Исследования в районе с. Стена на Среднем Днестре // КСИА АН УССР. Вып. 10

Макаревич М.Л. 1964. Клад крем'яних сокир // Археологія. Т. XVI

Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Горбенко А.А., Лукьяшко С.И. 1984. Курган у пос. Шолоховский / В кн.: К.Ф. Смирнов. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Максимов Е.В. 1955. Новый памятник первых веков нашей эры в Тире // КСИА АН УССР. Вып. 5

Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. К.

Максимов Е.В., Орлов Р.С. 1974. Поселение и могильник второй четверти I тысячелетия н.э. у с. Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Малюкевич А.Е. 1987. К истории Никония в первые века нашей эры // Актуальные проблемы археологических исследований. Тез. докл. VI республ. конф. молодых археологов. К.

Малюкевич А.Е. 1987а. Об одной группе поселений IV в. н.э. в Буджаке // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К.

Малюкевич А.Е. 1988. Стеклянные изделия с поселений Нижнего Поднестровья в первые века н.э. // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Ч. III. Симферополь

Малюкевич А.Е. 1988а. Торговые связи поселений Нижнего Поднестровья в I–III вв. н.э. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых. М.

Малюкевич А.Е. 1989. К вопросу о погребальном обряде могильника Молога // ПССАСП. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию Б.Н. Гракова. I

Малюкевич А.Е. 1989а. Культовые предметы из могильника Молога II // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX республ. конф. Одеса

Малюкевич А.Е. 1990. Новые исследования на поселении Молога II // ПИАНП. Тез. докл. конф. Ч. 2. Археология

Малюкевич А.Е., 1991. Исследование поселения Веселое III // Тез. 2-й обл. ист.-краев. науч.-практ. конф. Одесса

Малюкевич А.Е. 1991а. О торговых контактах поселений Нижнего Поднестровья в первые века н.э. // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.

Малюкевич А.Е. 1992. Новый памятник позднескифской эпохи на берегах Днестровского лимана // Тез. докл. международ. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь

Малюкевич А.Е. 1992а. Феномен позднескифской культуры // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Тез. докл. семинара. Одесса

Малюкевич А.Е. 1992б. Фракийские элементы в культуре позднескифского населения Днестровского лимана // Археологический вестник. № 3. Запорожье

Малюкевич А.Е. 1993. Печі для випалу кераміки з черняхівських поселень південно-західної України // Українське гончарство. Національний культурологічний щорічник. Київ-Опішня

Малюкевич А.Е. 1993а. Эллинистический комплекс поселения Веселое III // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Малюкевич А.Е. 1993б. Этнические признаки погребального обряда могильника Молога II // Древности Причерноморских степей. К.

Малюкевич А.Е. 1994. Комплекс погребально-поминальных тризн Моложского могильника // ПССАСП. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. I

Малюкевич А.Е. 1994а. Лепная керамика поселения Веселое III // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э. М-лы международ. археол. конф. Тирасполь

Малюкевич А.Е. 1994б. Обряд паренталий Моложского могильника // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Малюкевич А.Е. 1995. К вопросу о полуземляночных постройках Моложского некрополя // ПИАНП. Тез. докл. науч. конф.

Малюкевич А.Е. 1997. Земляные склепы Никонийского некрополя римского времени // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Малюкевич А.Е. 1999. Охранные исследования Моложской экспедиции в 1998 г. // Охрана и исследование памятников археологии в Одесской области. Одесса

Малюкевич А.Е. 1999а. Полуземлянки поселения Молога II // КС ОАО

Малюкевич А.Е. 2001. Тризновые ямы Моложского могильника // Буковинський історико-етнографічний вісник. Чернівці

Малюкевич А.Е. 2002. Охранные исследования позднескифской Мологи // АВУ 2000–2001 рр.

Малюкевич А.Е. 2003. Жертвенные захоронения собак в Моложском могильнике // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Малюкевич А.Е. 2004. Новые объекты, исследованные в Мологе в 2002 году // АВУ 2002–2003 рр.

Малюкевич А.Е. 2006. Святилище позднескифской Мологи // Древнее Причерноморье. Сб. статей, посвящ. 85-летию со дня рожд. проф. П.О. Карышковского. Одесса

Малюкевич А.Е. 2008. Обряд захоронения детей на памятнике римского времени Молога II // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VIII. Одесса

Малюкевич А.Е. 2009. Коптильня на поселении римского времени Молога II // МАСП. Вып. 9

Малюкевич А.Е., Агульников С.М. 2005. Раскопки кургана № 2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье // Revista Arheologica. S.N. Vol. 1. № 1. Chişinău

Малюкевич А., Агульников С. 2010. Охранные исследования кургана 2 у с. Молога на Нижнем Днестре // Пруто-Днестровский регион. Диалог культур. Мат-лы международ. конф. СПб.

Малюкевич А.Е., Желтоногов С.А. 1995. Итоги работ Моложской археологической экспедиции в 1992 г. // ПИАНП. Тез. докл. науч. конф.

Малюкевич А.Е., Петренко В.Г. 1993. Усатовский комплекс с фигурными пронизями из кургана в низовьях Днестра // Древнее Причерноморье. КС ОАО.

Малюкевич А.Е., Присяжнюк А.Н. 2000. Лепные светильники позднескифской Мологи // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Малюкевич А.Е., Присяжнюк А.Н. 2001. Тризновые ямы Моложского могильника // Буковинський історико-етнографічний вісник. Вип. 3. Чернівці

Малюкевич А.Е., Субботин Л.В. 2002. Раскопки усатовского кургана № 1 в селе Молога // АВУ 2000–2001 рр.

Манганари Е. 1841. Атлас Черного моря. Николаев

Манзура И.В. 1982. Раскопки кургана у с. Косоуцы // АИМ в 1977–1978 гг.

Манзура И.В. 1990. О генезисе памятников усатовского типа // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полев. семинара. Тальянки

Манзура И.В. 1992. Степные восточноевропейские общности энеолита-ранней бронзы в хронологической системе балкано-дунайских культур // МИАЭ Молдовы

Манзура И.В. 2000. Владеющие скипетрами // Stratum plus. № 2

Манзура И.В. 2001–2002. Проблема формирования культур раннего бронзового века на Северо-Восточных Балканах // Stratum plus. № 2

Манзура И.В. 2003–2004. Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации // Stratum plus. № 2

Манзура О.И. 2006. Символы перехода в европейской преистории. Тьюторская работа. Кишинев (не опубликована)

Манзура И.В., Клочко Е.О., Савва Е.Н. 1992. Каменские курганы. Кишинев

Манзура И.В., Ларина О.В., Савва Е.Н. 1992. Исследование курганов у с. Паркань // АИМ в 1986 г.

Манзура И.В., Сорокин В.Я. 1990. Гумельницкое поселение у пгт Тараклия // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев

Манцевич А.П. 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Вып. 8

Манько В.О. 2006. Неоліт Південно-Східної України. К.

Манько В.О. 2007. Проблеми неолітизації та хронології неоліту. Рец на: В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов, А.М Шукуров. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. 2004. СПб. // Матеріали та досліження з археології Східної України. Від неоліту до кіммерійців. Т. 7. К.

Манько В.А. 2010. Случаи интерстратификации в слоях пачки 3 стоянки Грот Скалистый и вопрос о происхождении крымского финального палеолита // Stratum plus. № 1

Марина З.П. 1999. Этноисторическая ситуация в Днепровском Левобережном Предстепье: энеолит-бронзовый век // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). Дніпропетровськ

Маркевич В.И. 1973. Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 2. Кишинев

Маркевич В.И. 1974. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев

Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев

Маркова А.В. 1968. Типы сельского жилища Болгарии // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М.

Маркова А.В. 1974. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар // СЭ. № 1

Марковин В.И. 1985. Испун – дома карликов: заметки о дольменах Западного Кавказа. Краснодар

Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар

Марченко К.К. 1985. Ойкеты декрета в честь Протогена (1I, 32). К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси

Марченко К.К. 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Л.

Марченко К.К. 1993. Античное Северо-Западное Причерноморье в историко-географическом аспекте // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Марченко К.К. 1996. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. № 2

Марченко К.К. 1999. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V–III вв. до н.э. (сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. № 3

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000. Елизаветовское городище на Дону. М.

Масленников А.А. 1980. Некрополи городов европейского Боспора первых веков н.э. // Проблемы античной истории и классической филологии. Тез. докл. всесоюз. науч. конф. Харьков

Масленников А.А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.

Масленников А.А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.

Масленников А.А. 1999. Греки и варвары на границах Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М.

Масловский А.Н. 2005. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАНД. Вып. 21

Масловский А.Н. 2007. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. II-й международ. науч. конф. Ялта

Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.

Массон В.М. 1991. Майкопский феномен и концепция ранних комплексных обществ. Л.

Массон В.М. 1991а. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.

Массон В.М. 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара

Массон В.М. 1998. Ритмы культурогенеза и концепция ранних комплексных обществ // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону

Матеевич Н. 2002. Греческая керамика из раскопок гетского городища «Сахарна-Ла Ревекии» // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. до н.э.). Мат-лы III международ. конф. Тирасполь

Материальная культура… 1979. Материальная культура компактных этнических групп. Жилище. М.

Махно Є.В. 1949. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі // АП УРСР. Т. I

Махно Е.В. 1960. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // Черняховская культура. МИА. № 82

Махно Є.В. 1961. Розкопки могильника і поселень поблизу с. Каїри // АП УРСР. Т. X

Махно Є.В. 1970. Знову про локальні варіанти черняхівської культури // Археологія. Т. XXIV

Махно Е.В. 1970а. Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов // КСИА АН СССР. Вып. 121

Махно Є.В., Мізін В.А. 1961. Бериславське поселення та могильник перших століть нової ери // АП УРСР. Т. X

Мачинский Д.А. 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13

Мачинский Д.А. 1974. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. Вып. 16

Мачинский Д.А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I–VI вв. н.э. // АСГЭ. Вып. 17

Мачинский Д.А. 1993. Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина (развернутые тезисы концепции) // Скифия и Боспор. Новочеркасск

Мачинский Д.А., Тиханова М.А. 1976. О местах обитания и направлении движения сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением // Dacia. 1976. Т. XX

Медведев А.П. 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж

Медведев А.П. 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М.

Мезенцева Г.Г. 1986. Средневековый Белгород // Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. К.

Мельникова Е.С. 2008. К вопросу о домашних святилищах на античных памятниках Северо-Западного Причерноморья (по материалам находок терракот) // Наукові праці. Вип. 83. Т. 96. Миколаїв

Мелюкова А.И. 1961. Работы в Поднестровье в 1958 г. // КСИА АН СССР. Вып. 88

Мелюкова А.И. 1962. Курган усатовского типа у с. Тудорово // КСИА АН СССР. Вып. 89

Мелюкова А.И. 1962а. Курганы эпохи бронзы у с. Оланешты // КСИА АН СССР. Вып. 89

Мелюкова А.И. 1962б. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских) // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115

Мелюкова А.И. 1963. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье // КСИА АН СССР. Вып. 94

Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов. САИ. Д1–4

Мелюкова А.И. 1969. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. № 150

Мелюкова А.И. 1971. Население Нижнего Поднестровья IV–III вв. до н.э. // Проблемы скифской археологии. М.

Мелюкова А.И 1974. Работы Западно-скифской экспедиции // АИМ 1973 г.

Мелюкова А.И. 1974а. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района // АИМ 1972 г.

Мелюкова А.И. 1975. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.

Мелюкова А.И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.

Мелюкова А.И. 1980. Поселение Надлиманское III на берегу Днестровского лимана // Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР. К.

Мелюкова А.И. 1981. Краснокутский курган. М.

Мелюкова А.И. 1984. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К.

Мелюкова А.И. 2001. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота) // СА. № 4

Мерперт Н.Я. 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.

Мерперт Н.Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.

Мерперт Н.Я. 1982. Энеолит юга СССР и Евразийские степи // Археология СССР. Энеолит СССР. М.

Металлогения… 1974. Металлогения Украины и Молдавии. К.

Мещанинов И.И. 1930. Кромлехи. Яфетидологический экскурс в область классического мира // ИГАИМК. Т. VI. Вып. 3

Миллер Ю.А. 1972. Художественная керамика Турции. Л.

Мирчев М. 1962. Раннотракийският могилен некропол при с. Равна // ИАИ. Т. XXV

Мирчев М. 1965. Тракийският могилен некропол при с. Добрина // ИНМВ. Т. XVI

Мисютинский В.В. 1988. Поселения трипольской культуры в среднем течении р. Южный Буг // Первая Правобережная краев. конф. Кировоград

Мицик В.Ф. 1990. Ранньотрипільські поселення понад річкою Гірський Тікич // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки

Мовша Т.Г. 1971. Памятники Выхватинского типа // МАСП. Вып. 7

Мовша Т.Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск

Мовша Т.Г. 1985. Поздний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. К.

Мовша Т.Г. 1989. Культуры трипольско-кукутенской общности // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. К.

Мовша Т.Г. 1993. Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту-ранньобронзового віку // Археологія. № 3

Мовша Т.Г. 2000. К проблеме взаимодействия древних земледельцев трипольско-кукутенской общности с носителями культур Понтийских степей // Проблеми археології Подніпров'я. Labores pariunt honores (спец. випуск міжвузівського збірника наук. праць, присвячений 70-річчю І.Ф. Ковальової). Дніпропетровськ

Мовша Т.Г., Петренко В.Г. 1999. О новоданиловских памятниках Нижнего Поднестровья и Подунавья // КС ОАО

Мозолевський Б.М. 1979. Товста Могила. К.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). К.

Молева Н.В. 1999. Антропоморфные памятники из некрополя Нимфея / В кн.: Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб.

Монахов С.Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов

Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Москва-Саратов

Монгайт А. Л. 1967. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. № 1

Мончиньська М. 2009. Велике переселення народів. Історія неспокійної епохи IV та V століть. К.

Моргулис М.С. 1924. О разведках в районе с. Усатова летом 1923 (тезисы) // ВОКК. Ч. 1

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. 2003. Шумаевские курганы. Оренбург

Мордвинцева В.И. 1996. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н.э. – первой половине II в. н.э. Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.

Моринц С. 1959. Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением // Dacia. T. III

Мохов Н.А. 1974. Молдавский торговый путь в XIV–XV вв. // Польша и Русь. М.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград

Мурзакевич Н.Н. 1844. О некоторых малоизвестных монетах, имеющихся в Одессе // ЗООИД. Т. I

Мурзакевич Н. 1844а. Открытие древностей близ селения Картал // ЗООИД. Т. I

Мурзакевич Н.Н. 1844б. Поездка на остров Левке или Фидониси в 1841 г. // ЗООИД. Т. I

Мурзакевич Н.Н. 1850. Эллинские памятники, найденные в Новороссийском крае // ЗООИД. Т. II

Мурзакевич Н.Н. 1853. Монеты, отысканные на острове Левке или Фидониси // ЗООИД. Т. III

Мурзакевич Н.Н. 1867. О некоторых малоизвестных монетах // ЗООИД. Т. VI

Мурзин В.Ю. 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. К.

Муртузалиев С. 1993. Емиграция на българи в Пруто-Днестровското междуречие през XV в. – началото на XVI в. // БСП. Т. II

Мызгин К.В. 2008. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тысячелетия н.э. // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград

Мыц В.Л. 2005. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV–XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. К.

Надеждин Н. 1844. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. Т. I

Назаров В.В. 2003. Гидроархеологическая карта Черноморской акватории Украины [памятники античной и средневековой эпохи]. К.

Назаров В.В., Соловьев С.Л. 2000. Оружие архаической Березани // Античное Причерноморье. СПб.

Найденова В.П. 1975. Митраизм Нижней Мезии и Фракии (I–III вв. н.э.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Нариси… 1957. Нариси стародавньої історії УРСР. К.

Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г. 1990. Традиции древних культур Дагестана в катакомбных памятниках Украины // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье

Нікітенко І.С. 2011. Результати петрографічного дослідження скарбу скіфських метальних каменів для пращі // Форум гірників-2011. Мат-ли міжнарод. конф. Дніпропетровськ

Никитин В.И., Черняков И.Т. 1981. Курлозский клад эпохи поздней бронзы // СА. № 2

Никитина Г.Ф. 1966. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. № 4

Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры // СА. № 1

Никитина Г.Ф. 1985. Систематика погребального обряда черняховской культуры. М.

Никитина Г.Ф. 1996. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.

Никишин И.И. 1947. Некоторые замечания о почвообрабатывающих орудиях // КСИИМК. Вып. 16

Николова А.В. 1992. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины. Автореф. дис. … канд. ист. наук. К.

Николова А.В. 2002. О месте «репинских» памятников в ямной культурно-исторической общности (некоторые вопросы историографии) // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ

Ніколова А.В., Мамчич Т. І. 1997. До методики класифікації посуду ямної культури // Археологія. № 3

Ніколова А.В., Черних Л.А. 1997. До однієї з концепцій соціального розвитку носіїв катакомбної культури // Археологія. № 1

Николова Л. 2000. Ямная культура на Балканах (динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) // Stratum plus. № 2

Никулицэ И.Т. 1977. Геты IV–III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев

Никулицэ И.Т. 1987. Северные фракийцы в VI–I вв. до н.э. Кишинев

Никулицэ И.Т., Рикман Э.А. 1973. Могильник Ханска-Лутерия II первых столетий н.э. // КСИА АН СССР. Вып. 133

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. 2002. Фракийский горизонт на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье (по материалам исследований 2001 г.) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь

Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. 2004. Археологические исследования на многослойном поселении Чобручи // Cercetări arheologice în Republica Moldova (2000–2003). Chişinău

Никулицэ И., Фидельский С. 2004а. Чобручи – многослойное поселение на Днестре // Tracians and Circumpontic world. Chişinău

Новицкая М.А. 1960. Узорные ткани трипольской культуры (по материалам раскопок у с. Стена) // КСИА АН УССР. Вып. 10

Новицкий Е.Ю. 1980. Статуэтки животных, найденные на поселении эпохи бронзы у с. Новоселовка // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. К.

Новицкий Е.Ю. 1990. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса

Носова Л.В. 1996. Новые нумизматические находки в Тире // Мир Ольвии. Мат-лы юбил. чтений, посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Л.М. Славина

Носова Л.В. 2002. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб.

Носова Л.В. 2004. Фракийские элементы в культуре Северо-Западного Причерноморья античной эпохи (в связи с раскопками на «теменосе» Кошарского городища // Carpatica. Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Вип. 31. Ужгород

Носова Л.В. 2005. Греческие культы на западной окраине Ольвийского полиса // Боспорский феномен: Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб.

Носова Л.В. 2007. Об античных зольниках, или «применяя аттическую терминологию, дошедшую к нам через Павсания» эсхарах Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. II. СПб.

Носова Л.В. 2008. Античные зольники Северного Причерноморья – жертвенники-эсхары или мусорные свалки // КС ОАО

Носова Л.В. 2009. Импорт изделий или « импорт» традиций в связи с новыми находками «иллирийских булавок» // МАСП. Вып. 9

Носова Л.В., Петренко В.Г. 2008. Рекогносцировка правобережья Будакского лимана // КС ОАО

Нудельман А.А. 1974. Монеты из раскопок и сборов 1972–1973 гг. // АИМ в 1973 г.

Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок античных монет // Археологическая карта Молдавии. Кишинев

Нудельман А.А. 1982. Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная // Нумизматика античного Причерноморья. К.

Нудельман А.А. 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев

Нудельман А.А., Рикман Э.А. 1956. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии // ИМФ АН СССР. № 4 (31)

Нудельман А.А., Рикман Э.А. 1956а. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдовы // ИМФ АН СССР. № 4 (31)

Нудельман А.А., Рикман Э.А. 1957. Новые археологические находки в Молдавии // СА. № 3

Нудельман Д.И. 1937. Дневник раскопок в Лузановке в 1937 г. // НА ОАМ. № 59176

Оанча Е.С. 1989. Бронзовая модель скифского лука из Подунавья // ПССАСП. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва-Сумы

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское левобережье в первые века нашей эры. М.

Обухов Ю.Д., Волков И.В. 2007. Китайская керамика из Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. докл. II-й международ. науч. конф. Ялта

Одрін О. 2005. Природні ресурси та торгівельно-економічний потенціал античних держав Північного Причорномор'я. Нижнє Подністров`я та Нижнє Побужжя. К.

Ойстрах Т.И. 1991. О датировке Суворовского курганного могильника // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.

Оленковский Н.П. 1983. Стоянка Леонтьевка на Нижнем Днепре // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Оленковский Н.П. 1989. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. Автореф. дис. …. канд. ист. наук. К.

Ольговский С.Я. 1982. Цветная металлообработка в греческих городах Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Ольговский С.Я. 1988. О цветной металлообработке у племен ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. К.

Ольговский С.Я. 2005. Скифо-античная металлообработка архаического времени. К.

Ольховский В.С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.

Ольховский В.С. 1993. Погребальная обрядность: содержание и структура // РА. № 1

Ольховский В.С. 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. 1994. Скифские изваяния VII–II вв. до н.э. М.

Ольховский В.С., Шилов Ю.А. 1995. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка // РА. № 4

Орловская Л.Б. 1990. Спектроаналитическое исследование цветного металла эпохи ранней бронзы Молдавии (предварительные итоги) / В кн.: Яровой Е.В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев

Остапенко П.В. 2005. Варваризированные антропоморфные терракоты из Тиры // ССПіК. XII

Остапенко П.В. 2009. Памятники античного искусства из Тиры I–III вв. н.э. (скульптура, рельефы) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб.

Островерхов А.С. 1980. Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье // Исследования по античной археологии Юго-Запада СССР. К.

Островерхов А.С. 1981а. Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Островерхов А.С. 1982. Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур Северного Причерноморья в эпоху позднего и раннего железа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. конф. Ереван

Островерхов А.С. 1985. Стеклянные бусы в памятниках позднего Триполья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Островерхов А.С. 1985а. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. № 3

Островерхов А.С. 1987. Стекло и фаянс как источник для изучения экономических связей и идеологических воззрений скифов V–II вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. Кировоград

Островерхов А.С. 1992. Скляні амфороподібні підвіски в пам'ятках Північного Причорномор'я V–II вв. до н.е. // Археологія Південного Заходу України. К.

Островерхов А.С. 1997. Найдавніше археологічне скло у Східній Європі // Археологія. № 2

Островерхов А.С. 1998. Стекло из скифских и сарматских погребений восточной части Буджака / В кн.: Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье. Одесса

Островерхов А.С. 2002. Два уникальных артефакта из греко-скифского поселения Николаевка // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Мат-лы III международ. конф. Тирасполь

Островерхов А.С. 2005. Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ (конец VI–III вв. до н.э.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Вып. 2. Донецк

Островерхов А.С. 2006. Рец. на: С.Я. Ольговский. Скифо-античная металлообработка архаического времени. К. 2005 // ССПіК. XIII

Островерхов А.С. 2009. Степове Побужжя та Подністров'я у IX–III ст. до н.е. Полемічні замітки з приводу монографії: Ю.С. Гребенников. Киммерийцы и скифы степного Побужья IX–III вв. до н.э. Николаев 2008 // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Вип. 3. Одеса

Островерхов А.С., Батизат Г.В. 2002. Новые материалы к корпусу глиптики из Тиры // Северное Причерноморье в античное время. К.

Островерхов А.С., Охотников С.Б. 1989. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. № 2

Островерхов А.С., Охотников С.Б. 2006. Храмовый комплекс Ахилла на острове Левке (Змеином) // Екологічний бюлетень. № 3–4 (21–22). Одеса

Островерхов А.С., Охотников С.Б. 2008. Острів Ахілла у Гостинному морі // Надчорномор'я: студії з історії та археології (IX ст. до н.е. по XIX ст. н.е.). К.

Островерхов А.С., Петренко В.Г. 1990. Стеклянные бусы из могил Усатово // ПИАНП. Тез. докл. и сообщ. научн.-практ. ист.-краев. конф.

Островерхов А.С., Редина Е.Ф. 1991. Литик-скарабеоид из скифского кургана Мрецновата Могила // Тез. докл. II-й обл. ист.-археол. конф., посвящ. 200-летию основания Одессы и 25-летию создания Украинского общ-ва охраны пам-ков ист. и культуры. Одесса

Островерхов А.С., Сапожников И.В. 2002. И.В. Тункина. Русская наука о классических древностях Юга России [XVIII – середина XIX в.]. СПб. 2002 // ССПіК. X

Островерхов А.С., Суботін Л.В. 1987. Священний келих скіфів // Наука і суспільство. № 9. К.

Островерхов А.С., Субботин Л.В., Субботин А.В. 1993. Курган эпохи энеолита-бронзы у с. Тимково // АДУ в 1991 році. Луцьк

Отрешко В.М. 1979. Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства // Памятники древнейших культур Северного Причерноморья. К.

Отрешко В.М. 1986. Поселения Нижнего Поднестровья // Археология УССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. К.

Отрощенко В.В. 1975. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. К.

Отрощенко В.В. 1985. Белозерская культура // Археология Украинской СССР. Т. 1. Первобытная археология. К.

Отрощенко В.В. 1989. Особенности погребений черногоровской группы // ПССАСП. Тез. докл. конф. Запорожье

Отрощенко В.В. 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). К.

Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., Черних Л.А., Гершкович Я.П. 2007. Доба бронзи на теренах України // Україна: хронологія розвитку. Т. 1. К.

Отчет… 1901. Отчет Одесского общества истории и древностей за 1900 г. Одесса

Охотников С.Б. 1983. Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI–III вв. до н.э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Охотников С.Б. 1983а. Поселение Надлиманское-VI в Нижнем Поднестровье // СА. № 1

Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н.э. К.

Охотников С.Б. 1990а. Нижнее Поднестровье – культурно-историческая область античного мира // ПИАНП. Тез. докл. и сообщ. научн.-практ. ист.-краев. конф. Ч. II.

Охотников С.Б. 1995. Пространственное развитие и контакты полисов Нижнего Поднестровья (VI–III вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Матлы конф. Севастополь

Охотников С.Б. 1997. Феномен Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Охотников С.Б. 1998. Археологические памятники на территории г. Одессы // Воспитание историей. Тез. I-й обл. ист.-краевед. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Одессы. Одесса

Охотников С.Б. 1998а. Ахилл – покровитель Понта // Боговета на Понта. Варна

Охотников С.Б. 2000. Греческие колонии Нижнего Поднестровья. Одесса

Охотников С.Б. 2002. Гидрогеографические условия Нижнего Поднестровья в античную эпоху // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь

Охотников С.Б. 2007. Ф.П. Де-Волан и античные памятники Северного Причерноморья // Человек в истории и культуре. Сб. в честь 70-летия В.Н. Станко. Одесса-Терновка

Охотников С.Б. 2008. Античные поселения городов Нижнего Поднестровья (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // Pontika. 2006. Krakow

Охотников С.Б. 2010. Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею (1825–2010). (МАСП. Моногр. сер. 2). Одесса

Охотников С.В., Островерхов А.С. 1991. Подводные археологические исследования в Северо-Западной части Черного моря // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 2. М.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. 1993. Святилище Ахилла на острове Левке [Змеином]. К.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. 1999. Остров Змеиный – проблемы исследований и охраны // Охрана и исследование памятников археологии в Одесской области. Вып. 1. Одесса

Охотников С.Б., Островерхов А.С. 2002. Якірна стоянка святилища Ахілла на о-ві Левке (Зміїному) // Археологія. № 2

Охотников С.Б., Пасхина Е.П. 1979. Работы Надлиманского отряда // АО 1978

Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 2009. Отчет о работе Причерноморской экспедиции ОАМ НАНУ. Раскопки античного поселения «Приморский Бульвар» в 2008 г. // НА ОАМ. № 94222

Охотников С.Б., Субботин Л.В. 1981. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Павленко Ю.В., Сон Н.О. 1991. Пізньоантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візіготів // Археологія. № 2

Павлов П. 1992. Бележки към вопроса за българското етническо и политическо присутствие в междуречие на Дунав и Днестър през XII–XIV вв. // БСП. Т. I

Павлов П. 1995. Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270–1302 гг.) // БСП. Т. IV

Паламарчук С.В. 1982. Поселение первых веков нашей эры Волчья Балка // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Паламарчук С.В. 2003. Из проблематики истории Белгорода XV века // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Паламарчук С.В. 2008. Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса

Паламарчук С.В. 2011. Историческая ситуация в Нижнем Подунавье времени Ялпугского клада: попытка реконструкции // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. IX. Одесса

Паламарчук С.В., Фокеев М.М. 2011. Вещевой комплекс Ялпугского клада // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. IX. Одесса

Памукчи В.Н. 2002. Болград в моей душе. Рассказы и стихи учителя Болградской гимназии. Болград

Папанова В.А. 1997. Надгробия некрополя Ольвии // ДСПиК. VI

Папанова В.А. 1997а. Поминальный обряд ольвиополитов // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Папанова В.А. 2002. Символика оружия в античных погребениях // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. II. СПб.

Папанова В.А. 2006. Урочище «Сто могил» (некрополь Ольвии Понтийской). К.

Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев

Параска П.Ф. 1987. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX вв.). Кишинев

Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений (III–II тысячелетия до н.э.). МИА. № 10

Пассек Т.С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА. № 84

Пассек Т.С. 1962. Отчет о работе Молдавской экспедиции в 1962 г. // НА ОАМ. № 84150

Пассек Т.С. 1965. История племен в V–III тысячелетиях до н.э. на территории Молдавии // КСИА АН СССР. Вып. 105

Пассек Т.С., Герасимов М.М. 1967. Новая статуэтка из Вулканешт // КСИА АН СССР. Вып. 111

Пассек Т.С., Черныш Е.К. 1963. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ. Б/I–II

Пассек Т.С., Черныш Е.К. 1965. Открытие культуры Гумельница в СССР // КСИА АН СССР. Вып. 100

Патокова Э.Ф. 1957. Изображение животных на памятниках Большого Куяльника – Усатова // МАСП. Вып. 1

Патокова Е.Ф. 1959. Металеві вироби з Усатова // Праці ОДУ. Вип. 149

Патокова Э.Ф. 1963. Раскопки усатовского кургана I-13 в 1961 г. // КС ОГУ и ОГАМ 1961

Патокова Э.Ф. 1967. Обряд погребений усатовских курганных могильников (по материалам раскопок 1926–1962 гг.) // ЗОАО. Т. II (35)

Патокова Э.Ф. 1971. Раскопки усатовского бескурганного могильника в 1964 г. // МАСП. Вып. 7

Патокова Э.Ф. 1976. Усатово. Из истории исследования // МАСП. Вып. 8

Патокова Э.Ф. 1978. Керамика Усатовского поселения // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Патокова Э.Ф. 1979. Усатовское поселение и могильник. К.

Патокова Э.Ф. 1980. Новый могильник усатовского типа у с. Маяки // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. К.

Патокова Э.Ф. 1986. Антропоморфная пластика Маяцкого могильника // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.

Патокова Э.Ф., Дзиговский А.Н., Зиньковский К.В. 1982. Сарматские погребения Маякского могильника // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.

Пашкевич Г.О. 1976. Споро-пилкові комплекси біля с. Мирного // Український ботанічний журнал. № 33(2)

Пашкевич Г.О. 2004. Культурні рослини // ЕТЦ. Т. I

Пашкевич Г.О., Відейко М.Ю. 2006. Рільництво племен трипільської культури. К.

Пашкевич Г.О., Гейко А.П. 1998. Палеоботанічні дослідження та деякі питання виготовлення кераміки скіфського часу у Дніпровському лісостеповому Лівобережжі // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1–2. Полтава

Пашуто В.Т. 1950. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М.

ПВЛ. 1990. Повість врем'яних літ. Літопис (за Іпатським списком). К.

Пеняк С.І. 1972. Бронзовий скарб с. Крива Закарпатської області // Дослідження стародавньої історії Закарпаття. Ужгород

Передольская А.А. 1962. Терракоты из кургана Большая Близница // ТГЭ. Т. 7

Пересунчак О.С. 2012. Нові трипільські поселення на Південному Бузі // Земледельцы и скотоводы древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы. К.-СПб.

Петренко В.Г. 1989. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. (Археология СССР). М.

Петренко Влад. Г. 1983. Архитектурные особенности некоторых курганов Усатово // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Петренко Влад. Г. 1984. Каменная плита с изображениями из Усатово // Северное Причерноморье. К.

Петренко Влад. Г. 1988. Раскопки поселения и могильника Маяки // АО 1986

Петренко Влад. Г. 1989. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье // ИАНП. Чтения памяти проф. А.И. Доватура. Тез. докл. научн.-практ. конф.

Петренко Влад. Г. 1989а. Усатовская локальная группа / В кн.: Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.

Петренко Влад. Г. 1991. К относительной хронологии усатовской группы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в.н.э.). Мат-лы международ. конф. К.

Петренко Влад. Г. 1991а. Курган бронзового века у с. Старые Беляры / В кн.: Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Вороновка II. Поселение позднебронзового века в Северо-Западном Причерноморье. К.

Петренко Влад. Г. 1993. Относительно места в степном энеолите ряда памятников Днестровско-Дунайского региона // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Петренко Влад. Г. 1995. Контактная конвергенция и культурогенез в энеолите Северо-Западного Причерноморья // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.

Петренко Влад. Г. 1996. К иконографии антропоморфных стел ямной культуры // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса

Петренко Влад. Г. 1998. Энеолитический курган у села Сарата / В кн.: Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье. Одесса

Петренко Влад. Г. 2003. Епонімне Усатове та проблема генези усатівської культури // Трипільська цивілізація у спадщині України. К.

Петренко Влад. Г. 2008. Что такое энеолитические скипетры? // КС ОАО.

Петренко Влад. Г. 2009. Проблема «Триполье и степь» и памятники энеолита-ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Вып. 9

Петренко Влад. Г. 2010. Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана // Terra cognoscibilis: культурное пространство между Балканами и Великой Степью в эпоху камня-бронзы. МАСП. Вып. 11

Петренко Влад. Г. 2011. Социальная модель и генезис «усатовской» культуры // Прадавні землероби Південно-Східної Європи. Київ–Тальянки

Петренко Влад. Г. 2012. О погребальных памятниках усатовского типа на Тилигуле // Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы. Киев–СПб.

Петренко Влад. Г. 2012а. Стоянка Гиржево: некоторые новые и малоизвестные данные // Человек в истории и культуре. Сб. статей памяти проф. В.Н. Станко. Вып. 2. Одесса

Петренко Влад. Г., Алексеева И.Л. 1994. Могильник усатовской культуры у с. Ясски в Нижнем Поднестровье // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Петренко Влад. Г., Кайзер Э. 2011. Комплексный памятник Маяки: новые изотопные даты и некоторые вопросы хронологии наличных культур // МАСП. Вып. 12

Петренко Влад. Г., Ковалюх Н.Н. 2003. Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья // Трипільські поселення-гіганти в Україні. Мат-ли міжнарод. конф. до 110-річчя відкриття трип. к-ри в Україні. Тальянки

Петренко Влад. Г., Сапожников И.В. 1988. Кремнеобрабатывающее производство усатовской культуры // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.

Петренко Влад. Г., Тощев Г.Н. 1990. Великозиминовский курган бронзового века // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Одесса-Запорожье

Петренко Влад. Г., Шилов Ю.А. 1992. Новый усатовский памятник в междуречье Днестра и Южного Буга // Археологический вестник. № 3. Запорожье

Петренко Влад. Г., Островерхов А.С., Сапожников И.В. 2002. Новый курган эпохи энеолита-бронзы в Нижнем Поднестровье // ССПіК. Х

Петренко Влад. Г., Полищук Л.Ю., Сапожников И.В. 1993. Новые археологические памятники в северных районах Одесской обл. (эпоха камня и медный век) // Древности Причерноморских степей. К.

Петренко Влад. Г., Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 1994. Геометрические микролиты усатовской культуры // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Петренко Влад. Г., Носова Л.В., Кожухарь В.К., Денисюк В.Л. 2003. Археологические исследования в Южном Поднестровье // АВУ в 2001–2002 рр.

Петров В.П. 1961. До питання про ліпну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н.э. – II ст. н.э. // АП УРСР. Т. Х

Петров В.П. 1962. Из этнонимики Северного Причерноморья // МАСП. Вып. 4

Петров В.П. 1964. Масловский могильник на р. Товмач // Древности эпохи сложения восточного славянства. МИА. № 116

Петров В.П. 1964а. Черняховский могильник // Древности эпохи сложения восточного славянства. МИА. № 116

Петров В.П. 1970. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье // КСИА АН СССР. Вып. 121

Петрунь В.Ф. 1967. К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами Юго-Запада СССР // КСИА АН СССР. Вып. 111

Петрунь В.Ф. 1991. Археолого-петрографическая характеристика обработанного камня из поселения Вороновка II / в кн.: Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Вороновка II. Поселение позднебронзового века в Северо-Западном Причерноморье. К.

Петрунь В.Ф. 1995. Александровский курган (естественнонаучные наблюдения) // ПИАНП. Тез. докл. науч. конф.

Петрунь В.Ф. 1998. Опыт археолого-петрографической идентификации в степном ареале // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону

Петрунь В.Ф. 2000. Нижнее Поднестровье как эталон археолого-петрографического полигона // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Матлы полев. семинара. Тирасполь

Петрунь В.Ф. 2000а. О белых инкрустационных пастах керамики трипольских и некоторых других памятников территории Украины и сопредельных стран // Stratum plus. № 2

Петрунь В.Ф. 2002. Краткое заключение о петрографическом составе и возможном происхождении горных пород из скифских курганных погребений с территории Нижнего Подунавья и Поднестровья. Одесса. Рукопись

Петрунь В.Ф. 2004. Використання мінеральної сировини населенням трипільської культури // ЕТЦ. Т. I

Петрунь В.Ф. 2008. О камне из скифских погребений с курильницами в Нижнем Поднестровье и Подунавье // КС ОАО

Підоплічко І.Г. 1937. До питання про свійські тварини трипільських поселень // НЗ ІІМК. № 2

Пидопличко И.Г. 1940. Домашние и дикие животные Ольвии по находкам из раскопок 1935–1936 гг. / В кн. Ольвия. Т. 1. К.

Писларий И.А., Будылкина Т.Н. 1982. Клад литейщика эпохи бронзы из с. Андровка // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К.

Пиструил И.В. 2007. Коллекция кремневых изделий из с. Анетовка в Национальном музее истории Украины // Каменный век юга Восточной Европы. Международ. археол. конгр. Донецк. (Неопубликованный доклад)

Пиструил И.В. 2009. Памятники каменного века среднего течения р. Малый Куяльник // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Вип. 3. Одеса

Пиструил И.В. 2009а. Стоянка Катаржино 1 и ее место среди памятников позднего каменного века Северо-Западного Причерноморья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Мат-лы международ. научн. конф., посвящ. 100-летию Н.Н. Гуриной. Спб.

Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. М.

Плетнева С.А. 1982. Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М.

Погожева А.П. 1987. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск

Погребова Н.Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. МИА. № 64

Погребова Н.Н. 1960. Пересадовское поселение на Ингуле // СА. № 4

Погребова Н.Н. 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.

Погребова Н.Н., Елагина Н.Г. 1962. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 г. // КСИА АН СССР. Вып. 89

Погребова Н.Н., Кондрацкий Л.В. 1960. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского р-на Николаевской обл. // КСИИМК. Вып. 78

Погребова Н.Н., Раевский Д.С.1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.

Подградская Е.М. 1974. Торговые связи Молдавии со Львовом в XV–XVI вв. // Польша и Русь. М.

Подосинов А.В. 1983. Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древние государства на территории СССР. М.

Подосинов А.В. 1985. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М.

Подосинов А.В. 1988. Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агриппы // Античная балканистика 6. Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. Международ. симпозиум. М.

Подосинов А.В. 1999. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.

Полевой Л.Л. 1969. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев

Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев

Полевой Л.Л. 1988. Международная черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII–XIV вв. (по материалам истории товарно-денежного обращения) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев

Полевой Л.Л. 1990. Редкая серия молдавских монет Белгорода на Днестре и некоторые вопросы его истории XV в. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев

Полищук Л.Ю. 1986. Пластика трипольского поселения Черкасов Сад II // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.

Полищук Л.Ю. 1989. Памятники развитого этапа Триполья в междуречье Южного Буга и Днестра // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тез. доп. XX Республ. конф. Одеса-Київ

Попандопуло З.Х. 2002. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры // ССПіК. Х

Попова Т.А. 1989. Культура Гумельница и Триполье в Поднестровье по данным Поливанова Яра // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доп. XX Респуб. конф. Одеса-Київ

Попова Т.Б. 1955. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во II тыс. до н.э // Тр. ГИМ. Вып. 24

Пора-Леонович В.А. 1925. Раскопки курганов в окрестностях Одессы летом 1923 г. // ВОКК. № 2–3

Потемкина Т.М. 2002. Пространственно-временная организация поля могильников эпохи бронзы // Астрономия древних обществ. М.

Потемкина Т.М. 2004. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.

Потехина И.Д. 1989. Антропологические материалы из могильника Маяки / В кн.: Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.

Потехіна І.Д. 1990. Населення усатівської культури за даними антропології // Археологія. № 2

Придик Е. 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.

Пругло В.И. 1984. Поселения // Античные государства Северного Причерноморья. (Археология СССР). М.

Пустовалов С.Ж. 1992. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья. К.

Пустовалов С.Ж. 1998. К вопросу о ямно-катакомбной эпохе // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону

Пятышева Н.В. 1966. Археологическое обследование острова Левке [о-ва Змеиного] осенью 1964 г. // Тр. ГИМ. Вып. 40

Рабинович М.Г. 1968. Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг. // КСИА АН СССР. Вып. 113

Рабинович М.Г. 1969. Древний ландшафт и жилище (о двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье) // СЭ. № 2

Радзиевская Е.В., Шрамко Б.А. 1980. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. № 4

Раевский А.К. 1955. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра-Днестра в I тыс. н.э. // СА. Т. XXIII

Раевский Д.С. 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Раевский Д.С. 1985. Модель мира скифской культуры. М.

Рассамакин Ю.Я. 1993. Энеолит степного Причерноморья и Приазовья // The Fourth Millennium B.C. Proceedings of the International Symposium. Nessebur. 28–30 August 1992. Sofia

Рассамакін Ю.Я. 1997. Світ скотарів // Давня історія України. Т. 1. Первісне суспільство. К.

Рассамакін Ю.Я. 2004. Степи Причорномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств // Археологія. № 2

Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. 2001. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения «постстоговских» погребений // Археологический альманах. № 10. Донецк

Ратнер И.Д. 1984. Довідник з археології України. Херсонська область. К.

Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. Кишинев

Рафалович И.А., Черняков И.Т. 1982. Комратское поселение эпохи поздней бронзы // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.

Редина Е.Ф. 1989. Лепные курильницы из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // ПССАСП. Тез. докл обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. I

Редина Е.Ф. 1989а. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей Поднестровья и Подунавья // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.

Редина Е.Ф. 1989б. Находки античных монет в скифских погребениях Днестро-Дунайских степей // Древнее Причерноморье. Тез. докл. конф., посвящ. памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Редина Е.Ф. 1992. Скифский могильник Мреснота Могила // Киммерийцы и скифы. Мелитополь

Редина Е.Ф. 1993. Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. КС ОАО.

Редина Е.Ф. 1998. О месте производства некоторых типов украшений из скифских могильников // Древнее Причерноморье. IV-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Редина Е.Ф. 1999. К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоконтактах (скифское однолезвийное оружие) // ПССАСП. Тез. докл. международ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова

Редина Е.Ф. 1999а. Скифский могильник у с. Неделково на севере Одесской области // Stratum plus. № 3

Рединa Є.Ф. 2002. Античні пам'ятки узбережжя Одеської затоки та лиманів (VI–III ст. до н.е.) // Зап. істор. фак-ту ОНУ ім. І.І. Мечникова. Вип. № 12. Одесса

Редина Е.Ф. 2006. Античные поселения междуречья Южного Буга и Днестра в древнегреческой литературной традиции и попытки их локализации // Древнее Причерноморье. Сб. статей к 85 летию со дня рожд. проф. П.О. Карышковского. Одесса

Редина Е.Ф. 2006а. Отчет о работе Жеваховского отряда Причерноморской экспедиции в 2006 г. // НА ОАМ. № 94180

Редина Е.Ф. 2007. Античная погребальная традиция в формировании сакрального пространства греческого некрополя IV–III вв. до Р.Х. у с. Кошары // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. II. СПб.

Редина Е.Ф. 2012. Новые исследования античного поселения Жевахова Гора на побережье Одесского залива // Человек в истории и культуре. Сб. памяти проф. В.Н. Станко. Вып. 2. Одесса

Редина Е.Ф., Папуци-Владыка Е., Стельмах С. 2008. Чернолаковые застольные чаши Кошарского некрополя // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VIII. Одесса

Редина Е.Ф., Папуци-Владыка Е., Бодзек Я., Маховски В. 2008. Археологический комплекс античного времени у с. Кошары – итоги исследований // Pontika. 2006. Resent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Krakow

Редина Е.Ф., Симоненко А.В. 2002. Клад конца III–II вв. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // МИАК. Вып. 2

Режабек Ф.В. 1895. Маркоманнские войны. Одесса

Резепкин А.Д. 1991. Курган 31 могильника Клады: проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.

Ременников А.М. 1954. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275–279 гг. // ВДИ. № 4

Ременников А.М. 1954а. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М.

Ремесло… 1994. Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. К.

Рижов С.М. 2001. Гончарство племен трипільської культури // Давня кераміка України. К.

Рикман Э.А. 1957. Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье // КСИИМК. Вып. 68

Рикман Э.А. 1957а. Раскопки у села Будешты и проблема этнического состава населения Молдавии в первых столетиях н.э. // Тез. докл. на юбил. сессии МФ АН СССР (секция истории и археологии). Кишинев

Рикман Э.А. 1958. Могильник первых столетий нашей эры у с. Будешты в Молдавии // СА. № 1

Рикман Э.А. 1960. Жилища Будештского селища // Черняховская культура. МИА. № 82

Рикман Э.А. 1960а. Селища первых веков нашей эры у сел Загайканы и Делакеу (Молдавия) // КСИА АН СССР. Вып. 90

Рикман Э.А. 1962. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа // СЭ. № 3

Рикман Э.А. 1964. Погребальные обряды Будештского могильника // МИАЭ МССР

Рикман Э.А. 1964а. Черняховское селище у с. Балабанешты // Древности эпохи сложения восточного славянства. МИА. № 116

Рикман Э.А. 1966. Поздние сарматы Днестро-Дунайского междуречья // СЭ. № 1

Рикман Э.А. 1967. Памятник эпохи великого переселения народов (по материалам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты). Кишинев

Рикман Э.А. 1967а. Черняховское селище Делакеу // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Рикман Э.А. 1969. Микрорайон с памятниками первых веков нашей эры вокруг селища и могильника Будешты // Труды. гос. ист.-краевед. музея. Вып. II. Кишинев

Рикман Э.А. 1972. Сарматы низовьев Днестра и Дуная // Тези плен. і секц. доп. XV наук. конф. ІА АН УРСР. Одесса

Рикман Э.А. 1975. Жилище племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Рикман Э.А. 1975а. Памятники сармат и племен черняховской культуры. Кишинев

Рикман Э.А. 1975б. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.

Рогов Е.Я., Щеглов А.Н. 1985. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. Парутино

Розуменко Ю.Г. 1982. Клад антонинианов из Болградского района // Нумизматика античного Причерноморья. К.

Романова Г.А., Скакун Н.Г. 1987. Поселение Нагорное II в Нижнем Подунавье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. всесоюзн. конф. М.

Романова Г.А., Скакун Н.Г. 1991. Стратиграфия верхнего горизонта поселения Нагорное II // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. Кишинев

Романова Г.А., Скакун Н.Н. 2002. Исследование верхнего горизонта поселения Нагорное II в Подунавье // АВ. № 9

Ромашко В.А. 1986. Природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения пограничья степи и лесостепи Левобережной Украины на рубеже II и I тыс. до н.э. // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск

Ромашко О.В. 2010. Скіфські котли з горизонтальними ручками з Північного Причорномор'я // Археологія. № 3

Росохацкий А.А. 1987. Могильник IV в. н.э. в окрестностях Тиры // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. конф. М.

Росохацкий А.А. 1989. Поселения черняховской культуры на восточном берегу оз. Кагул // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.

Росохацкий А.А. 1990. К этнокультурной ситуации в Нижнем Поднестровье в позднеантичный период (III–IV вв.) // ПИАНП. Тез. докл. и сообщ. научн.-практ. ист.-краев. конф. Ч. II. Археология

Росохацкий А.А. 1990а. Некоторые итоги исследования могильника черняховской культуры у с. Беленькое // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. юбил. конф. Ч. 3. Херсон

Росохацкий А.А. 1992. К оценке вклада сармато-аланских племен в формирование облика памятников черняховской культуры Буджака // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Тез. докл. семинара. Одесса

Росохацкий А.А. 1995. О выделении группы памятников черняховской культуры типа Беленькое в Северном Причерноморье // ПИАНП. Тез. докл. науч. конф.

Росохацкий А.А., Штербуль Н.А. 1991. Каменный склеп из окрестностей Тиры // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса

Ростовцев М.И. 1915. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. Вып. 58

Ростовцев М.И. 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37

Ростовцев М.И. 1918а. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. Вып. 65

Ростовцев М.И. 1918б. Эллинство и иранство на юге России. Петроград

Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.

Ростовцев М.И. 1993. Сарматские и индо-скифские древности // ПАВ. № 5

Ростовцев М.И. 1993а. Сарматы // ПАВ. № 5

Рошка А.И. 1991. К вопросу об изучении Траяновых валов на территории Молдовы // ИАНП. М-лы 2-й научн.-практ. конф., посвящ. памяти А.И. Доватура и А.Н. Дейча и 450-летию первого упоминания г. Рени

Рубан В.В. 1985. Проблемы исторического развития ольвийской хоры IV–III вв. до н.э. // ВДИ. № 1

Русанова И.П. 2002. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы

Руссев Н.Д. 1986. Геометрические орнаменты из циркульных окружностей на подвесках римского времени // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.

Руссев Н.Д. 1997. Житие Иоанна Нового: легенда и историческая действительность // Аккерманские древности. Вып. 1. Белгород-Днестровский

Руссев Н.Д. 1998. Нижний «Траянов» вал в контексте топографии и хронологии древностей Буджака // Древнее Причерноморье. IV-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Руссев Н.Д. 1999. На рубеже миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. Кишинев

Руссев Н.Д. 2003. Молдавия и «Парателасия»: свидетельства нумизматики // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Руссев Н.Д. 2003а. Новый реалистический скипетр эпохи энеолита из Молдавии // Interferenţie cultural-chronologice în spaţiul nord-pontic. Chişinău

Руссев Н.Д. 2008. Молдавские средневековые монеты в Нижнем Поднепровье // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Вып. VIII. Одесса

Руссев Н.Д., Росохацкий А.А. 1981. Черняховское поселение и могильник в с. Первомайское // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Русяева А.С. 1975. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. К.

Русяева А.С. 1979. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII–V ст. до н.е. // Археологія. Вип. 30

Русяева А.С. 1979а. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К.

Русяева А.С. 1982. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). К.

Русяева А.С. 1986. Остров Левка // Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. К.

Русяева А.С. 1990. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. К.

Русяева А.С. 1992. Религия и культы античной Ольвии. К.

Русяєва А.С. 1993. Протоген Ольвійський // Археологія. № 2

Русяева А.С 1996. Сакрален характер курганов Ольвии Понтийской // Надгробните могили в Югоизточна Европа. Пъерви международен симпозиум. «Севтополис». Т. II. В.Търново

Русяева А.С. 2000. Культы и святилища в сфере демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. № 3

Русяева А.С. 2002. Древнегреческие ландшафтные святилища в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. II. СПб.

Русяева А.С. 2004. О храме Ахилла на острове Левке в Понте Эвксинском // ВДИ. № 1

Русяева А.С. 2005. Религия понтийских греков в античную эпоху. К.

Русяева А.С. 2007. Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье // РА. № 4

Русяева А.С., Лейпунская Н.А. 1982. Группа терракот из Ольвии // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. К.

Рыбаков Б.А. 1952. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. Вып. 43

Рыбаков Б.А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.

Рыбакова А.А. 2007. О семантике астрагалов в греческом погребальном обряде (по материалам некрополей городов Северного Причерноморья) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. II. СПб.

Рыбалова В.Д. 1961. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа // Исследования по археологии СССР. Сб. ст. в честь проф. М.И. Артамонова. Л.

Рындина Н.В. 1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.

Рындина Н.В. 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.

Рындина Н.В. 2002. Феномен «серебристых» покрытий на изделиях из мышьяковых сплавов раннего бронзового века (юг Восточной Европы) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Мат-лы III международ. конф. Тирасполь

Рындина Н.В., Конькова Л.В. 1982. О происхождении больших усатовских кинжалов // СА. № 2

Рычков Н.А. 1982. Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. М.

Рычков Н.А. 1990. Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. К.

Ричков М.О. 1994. Населення ямної культури степової України. К.

Рябова В.О 1984. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. Вип. 46

Рябова В.О., Супрунов А.В. 1998. Жертовник IV ст. до н.е у кургані біля Гермонактового селища та башти Неоптолема у гирлі Тірасу // Музейні читання. Мат-ли міжнарод. наук. конф., присвяч. 90-літтю видатного українського археолога О.І Тереножкіна. К.

Сава Е.Н. 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев

Савельев О.К. 2005–2009. Богатое позднесарматское погребение из кургана 2 у с. Дивизия (вопросы датировки) // Stratum plus. № 4

Савельєв О.К. 2012. Скифские памятники в Днестро-Тилигульском междуречье // Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья. К.

Савельев О.К., Остапенко П.В. 2009. Новые памятники скифской эпохи в Северо-Западном Причерноморье // ССПіК. XV

Савостина Е.А. 1977. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья // СА. № 4

Савостина Е.А. 1990. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балтославянской духовной культуры. М.

Сазанов А.В. 1992. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // ПАВ. № 2

Сайко Э.В. 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.

Салманович М.Я. 1947. Жилище коренного населения Молдавской ССР // СЭ. № 4

Сальников А.Г. 1964. Археологические исследования Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова и Одесского государственного археологического музея в 1962 г. // КС ОГУ и ОГАМ 1962 г.

Сальников А.Г. 1966. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960–1962 гг.) // МАСП. Вып. 5

Самойлов Ф.А. 2002. «Крепость эта такова, что к ней ни с какой стороны не подступиться...». Одесса

Самойлова Т.Л. 1978. Основные типы амфор I–IV вв. н.э. из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Самойлова Т.Л. 1981. Экономические связи Тиры с античными городами в V–I вв. до н.э. // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. К.

Самойлова Т.Л. 1985. Варвары в Тире доримского времени // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.

Самойлова Т.Л. 1988. Тира в VI–I вв. до н.э. К.

Самойлова Т.Л. 1997. Синопский импорт в Нижнем Поднестровье (по данным керамической эпиграфики) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Самойлова Т.Л. 2000. К вопросу о прекращении жизни античной Тиры // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Самойлова Т.Л. 2000а. Этно-культурная ситуация в степной зоне Северо-Западного Причерноморья и основание греческих колоний в Нижнем Поднестровье // Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я. К.

Самойлова Т.Л. 2001. Тира // Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. К.

Самойлова Т.Л. 2002. История изучения античной Тиры и средневекового Белгорода // Tyras-Cetatea Albă/Belhorod-Dnistros'kyj. I. Bucureşti

Самойлова Т.Л. 2004. К вопросу о времени основания и гибели античной Тиры // Боспорский феномен. СПБ.

Самойлова Т.Л. 2009. Античная коропластика: новые находки терракот из Тиры (1997–2008) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб.

Самойлова Т.Л., Батизат Г.В. 2001. Некоторые художественные изделия эллинистического времени из кости (находки последних лет в Тире) // Ольвія та античний світ. До 75-річчя утворення іст.-археолог. заповідника «Ольвія» НАН України. К.

Самойлова Т., Булатович С. 2008. Нумизматические находки последних лет в Тире и основные этапы развития ее экономики в доримский период // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на черноморското крайбережие. Международна конференция в памет на ст. н.с. Милко Мирчев. 2005. Варна

Самойлова Т.Л., Кожокару В. 2002. Новые данные о культовых античных постройках в Тире // Северное Причерноморье в античное время. К.

Самойлова Т.Л., Остапенко П.В. 2009. Основные направления торговых связей античной Тиры по нумизматическим данным // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону

Самойлова Т.Л., Остапенко П.В. 2010. Геты и греки в Тире (комплекс гетской керамики из позднеэллинистического дома) // Тира–Белгород-Аккерман (материалы исследований). Одесса

Самойлова Т.Л., Редина Е.Ф. 1997. Клейма из скифских курганов Дунай-Днестровского междуречья // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Самойлова Т.Л., Строкин С.В. 1982. Керамика северо-понтийских городов из Тиры (IV–I вв. до н.э.) // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.

Самойлова Т.Л., Кожокару В., Богуславский Г.С. 2002. Античная Тира – средневековый Белгород (Отчет о раскопках за 1996-1999 гг.) // Tyras–Cetatea Albă/Belhorod-Dnistros'kyj. I. Bucureşti

Самойлова Т.Л., Кожокару В., Смольянинова С.П., Богуславский Г.С., Остапенко П.В. 2003. Раскопки Тиры-Белгорода в 2002 году // АВУ в 2001–2002 рр.

Самоквасов Д.Я. 1884. История русского права. Вып. II. Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян. Варшава

Самоквасов Д.Я. 1908. Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрание древностей. М.

Самоквасов Д.Я. 1910. Могилы Русской земли. М.

Санжаров С.Н. 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск

Санжаров С.Н., Бритюк А.А., Котова Н.С., Черных Е.А. 2000. Поселения неолита-ранней бронзы Северского Донца. Луганск

Сапожников И.В. 1988. Отчет Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1988 г. // НА ОАМ. № 90658

Сапожников И.В. 1989. Отчет Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1989 г. // НА ОАМ. № 90659

Сапожников И.В. 1990. Отчет Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1990 г. // НА ОАМ. № 90948, 90949

Сапожников И.В. 2004. Многослойная стоянка Михайловка (Белолесье): проблемы стратиграфии и датировки // ССПіК. XI

Сапожников И.В., Полищук Л.Ю. 1990. Новые материалы трипольской культуры Буго-Днестровского междуречья // Охранные археологические исследования на юго-западе Украины. Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древности. Вып. 1. Одесса–Запорожье

Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 1990. Проблемы раннего мезолита степей Северного Причерноморья // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбил. конф. Ч. 1. Херсон

Сапожников І.В., Сапожникова Г.В. 2005. Хронологія поселень та культурна послідовність мезоліту та неоліту Північно-Західного Причорномор'я // Кам’яна доба України. Вип. 7. К.

Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2011. Каменный век Северо-Западного Причерноморья // Stratum plus. № 1

Сапожникова Г.В., Сапожников И.В. 1992. Вкладыши кукрекского типа и их функциональное назначение // ДСПиК. III

Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. 1995. Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. Одесса–СПб.

Сапрыкин С.Ю. 2001. Тира, Рим и Херсонес Таврический в начале II в. н.э. // Ольвія та античний світ. К.

Сафронов В.А. 1979. Хронологическая система энеолита и бронзового века Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк

Сафронов В.А. 1989. Индоевропейские прародины. Горький

Сафронов В.А., Николаева Н.А. 1981. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе

Сведения… 1896. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ЗРАО. Н.С. Т. VIII. Вып. 1–2

Свєшніков І.К. 1974. Племена культури кулястих амфор // Стародавнє населення Прикарпаття та Волині за доби первіснообщинного ладу. К.

Свод… 1989. Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура. М.

Сегеда С.П. 2000. Население катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья по данным археологии // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Сегеда С.П., Дяченко В.Д. 1984. Антропологический материал из черняховского могильника у с. Холмское / В кн.: Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. К.

Седов В.В. 1976. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.

Секерская Е.П. 1989. Новые остеологические материалы поселения Маяки / В кн.: Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.

Секерская Е.П. 1989а. Остеологический материал античных памятников Нижнего Поднестровья VI–IV вв. до н. э. – Археологические памятники степей Поднестроья и Подунавья. – К.

Секерская Е.П. 1991. Скотоводство и охота на юге Украины в эпохи палеометалла – раннего железа. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.

Секерская Е.П. 1994. Материалы к характеристике скотоводческо-охотничьей на Кошарском поселении // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Секерская Е.П. 1997. Новые археозоологические материалы из Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Секерская Е.П. 1999. Новые данные о распространении кулана в историческое время // Краеведческий вестник. – № 1–2. Запорожье

Секерская Е.П. 2001. Новые данные к характеристике скотоводства и охоты на городище Новосельское II / В кн. Бруяко И.В., Ярошевич Ю.И. Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае. Одесса

Секерская Е.П. 2001–2002. Археозоологические определения и их интерпретация: современное состояние вопроса // Stratum plus. № 2

Сєкерська О.П. 2002. Скотарство та мисливство населення античного поселення Кошари // Наук. праці іст. фак-ту Запорізького ун-ту. Вип XIV. Запоріжжя

Секерская Е.П. 2010. Особенности палеоэкономической стратегии населения Нижнего Дуная в эпоху позднего энеолита – ранней бронзы // Terra cognoscibilis: культурное пространство между Балканами и Великой Степью в эпоху камня-бронзы. МАСП. Вып. 11

Секерская Е.П. 2012. Фауна Надлиманского городища / В кн. Дзис-Райко Г.А., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Городище Надлиманское IV–III вв. в Нижнем Поднестровье. Одесса

Секерская Н.М. 1975. Раскопки юго-западной части Никония // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбил. конф. Одесса

Секерская Н.М. 1976. Раскопки Никония // АО 1975

Секерская Н.М. 1977. Раскопки Никония // АО 1976

Секерская Н.М. 1978. Погребения первых веков нашей эры из Никония // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Секерская Н.М. 1978а. Раскопки Никония // АО 1977

Секерская Н.М. 1983. Помещение с культовыми предметами из Никония. Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Секерская Н.М. 1984. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Никония // Северное Причерноморье. К.

Секерская Н.М. 1984а. О торговых связях Никония с Мендой // Новые археологические исследования на Одесщине. К.

Секерская Н.М. 1986. Керамика группы St. Valentin из Никония // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.

Секерская Н.М. 1989. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. К.

Секерская Н.М. 1993. Оборонные сооружения Никония // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Секерская Н.М. 1993а. Работы Никонийской экспедиции в 1991 г. // АДУ в 1991 р. Луцьк

Секерская Н.М. 1995. Новые данные по истории Нижнего Поднестровья в первые века н.э. // ПИАНП. Тез. докл. научн. конф.

Селинов В.И. 1937. Дневник раскопок в Лузановке в 1937 г. // НА ОАМ. № 59172–59175

Селинов В.И., Лагодовская Е.Ф. 1940. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. // СА. Т. V

Семенов-Зусер С.А. 1946. Торговельний шлях із Тіри в Ольвію // Наукова хроніка Харьківського Університету. Т. 1

Семенцов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М. 1969. Радиоуглеродные даты лаборатории Ленинградского отделения ИА АН СССР // СА. № 1

Сергацков И.В. 2009. «Клад» II в. до н.э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. № 4

Сергеев Г.П. 1960. Скифский кинжал из Олонештского района Молдавской ССР // ЗОАО. Т. I (34)

Сергеев Г.П. 1966. Олонештский античный клад // ВДИ. № 2

Сергеева М.С. 1998. Колесница в искусстве степей Евразии: формирование мифологического образа // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону

Серова Н.Л. 1981. Исследование кургана у с. Этулия // АИМ в 1974–1976 гг.

Серова Н.Л. 1991. Скифские женские захоронения с ритуальными плитами из курганов Левобережья молдавского Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. К.

Серова Н.Л., Яровой Е.В. 1987. Григориопольские курганы. Кишинев

Сецинский Е. 1901. Археологическая карта Подольской губернии // Труды XI АС. Т. I

Симоненко А.В. 1985. Ольвия и сарматы // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино

Симоненко О.В. 1991. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. № 4

Симоненко А.В. 1992. Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. № 3

Симоненко А.В. 1993. «Клады» снаряжения всадника II–I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // 2-я Кубанская археол. конф. Краснодар

Симоненко О.В. 1994. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. № 1

Симоненко А.В. 1994а. Северное Причерноморье в системе сарматской культурно-исторической общности // Проблемы истории и культуры сарматов. Волгоград

Симоненко О.В. 1998. Населення України за сарматської доби // Давня історія України. Т. 2. К.

Симоненко О.В. 1999. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія. Автореф. дис. … докт. іст. наук. К.

Симоненко А.В. 2000. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1. Самара

Симоненко А.В. 2001. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. № 4

Симоненко А.В. 2005. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // 4-я Кубанская археол. конф. Краснодар

Симоненко А.В. 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребение знати у с. Пороги). К.

Синицин М.С. 1949. Дослідження скіфо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946 р. // АП УРСР. Т. II

Синицын М.С. 1950. Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга // НЗ ОДПІ. Т. IX

Синицын М.С. 1952. Городище у хутора Петуховка Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. // ВДИ. № 2

Синицин М.С. 1955. Карта поселень і городищ між гирлами Дністра і Південного Бугу скіфсько-сарматського часу // НЗ ОДПІ. Т. X

Синицин М.С. 1957. Древнее поселение в Лузановке (по раскопкам 1929–1930, 1937–1939 гг.) // МАСП. Вып. 1

Синицин М.С. 1959. Матеріали до археологічної карти узбережжя Хаджибейського лиману Одеської обл. // МАПП. Вип. 2

Синицын М.С. 1959а. Петухівське городище // Праці ОДУ. Серія істор. наук. Вип. 7. Т. 19

Синицин М.С. 1960. Курган в с. Чорноморка під Одесою // МАПП. Вип. 3

Синицын М.С. 1960а. Раскопки Роксоланского и Надлиманского городищ в 1957–1958 гг. // ЗОАО. Т. I (34)

Сініцин М.С. 1960б. Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гирлами Південного Бугу і Дністра // МАПП. Вип. 3

Синицин М.С. 1962. Раскопки в уроч. Вершина близ с. Ильинка Одесской области в 1946–1947 гг. // МАСП. Вып. 4

Синицын М.С. 1966. Раскопки городища возле с. Роксоланы Беляевского района Одесской области в 1957–1961 гг. // МАСП. Вып. 5

Синюк А.Т. 1999. Бассейны верхнего и среднего Дона в эпоху энеолита // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж

Скадовский Г.П. 1897. Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана // Труды VII АС. Т. III

Скакун Н.Н. 1978. Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трасологического исследования) // СА. № 1

Скакун Н.Н. 1985. Раскопки поселения Нагорное II в Нижнем Подунавье // АО 1983

Скакун Н.Н. 1986. Орудия труда и хозяйство болградской (Алдени II) энеолитической культуры // Studia praehistorica. Т. 8. София

Скакун Н.Н. 1987. Раскопки у с. Нагорное // АО 1985

Скакун Н.Н. 1994. Новые раскопки энеолитических поселений в низовьях Дуная // АВ. № 3

Скакун Н.Н. 2001. Археологические вкладыши молотильной доски, эксперименты и этнографические параллели // АВ. № 8

Скакун Н.Н., Риндюк Н.В. 2000. Две уникальные статуэтки из поселения Нагорное II // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. III Миколаївська краєзн. конф. Миколаїв

Скальковский А.А. 1850. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. Одесса

Скальковский А.А. 1853. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 2. Одесса

Скржинская Е.Ч. 1960. Комментарий к «Гетике» Иордана / В кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». М.

Скржинская Е.Ч. 1997. Иордан и его «гетика» / В кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». СПб.

Скржинская М.В. 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К.

Скржинская М.В. 1991. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. К.

Скрипкин А.С. 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов

Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов

Скрипкин А.С. 1996. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. № 1

Славин Л.М. 1954. Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингульце // КСИА АН УССР. Вып. 3

Славін Л.М. 1955. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949–1950 рр. // АП УРСР. Т. V

Славин Л.М. 1976. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // ХКААМ.

Славчев В.С. 2005. Контактите между Северозападното Черноморие, Добруджа и горско-степната зона на Източна Европа през прехода от ранен към късен енеолит (по дани на керамиката). Автореф. на диссертация за присъждане на научната и образователна степен «Доктор». София

Славяне… 1993. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. (Археология СССР). М.

Славяно-молдавские летописи… 1976. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул. М.

Словник… 1996. Словник-довідник археології. К.

Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. 2001. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб.

Смиленко А.Т. 1970. К хронологии гончарной керамики черняховской культуры // КСИА АН СССР. Вып. 121

Сміленко А.Т. 1975. Слов'яни та іх сусіди в степовому Подніпров'і (II–XIII ст.). К.

Смиленко А.Т. 1979. Погребение у с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М.

Смиленко А.Т. 1980. Славяне и их соседи в степном Поднепровье (история и культура населения во II–III вв.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. К.

Смиленко А.Т. 1984. Особенности памятников черняховской культуры Степного Поднепровья // КСИА АН СССР. Вып. 178

Смиленко А.Т. 1990. Проникновение славян на левобережье дельты Дуная // VI Междунар. конгр. славян. археологии. Тез. докл. сов. делегации. М.

Смиленко А.Т. 1992. Городище Башмачка III–IV вв. н.э. К.

Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю. 1967. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Смиленко А.Т., Козловский А.А. 1986. Раскопки в Нижнем Подунавье // АО 1984

Смирнов К.Ф. 1964. Савроматы. М.

Смирнов К.Ф. 1972. Сарматские катакомбные погребения Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1

Смирнов К.Ф. 1973. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Смирнов К.Ф. 1981. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе

Смирнов К.Ф. 1982. «Амазонка» IV века до н.э. на Дону // СА. № 1

Смирнов К.Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.

Смирнова Г.И. 1985. Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР // СА. № 4

Смішко М.Ю. 1962. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської області // МДАПВ. Вип. 4

Смольянинова С.П. 1990. Палеолит и мезолит Степного Побужья. К.

Смольянинова С.П. 2002. Техника расщепления кремня позднепалеолитических и мезолитических памятников Побужья. Одесса

Смольянинова С.П., Станко В.Н. 1976. Разведки памятников каменного века на севере Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории южной Украины. Киев-Одесса

Смольянінова С.П., Островерхов А.С., Кушнір В.Г. 1996. Археологічна мапа Тилігуло-Куяльницького міжлимання. Одеса

Сминтина О.В. 2001. Зональність ранньопервісних культур: дослідження, факти, теорії. Одеса

Смынтына Е.В. 2001–2002. Поселение Зализничное и проблема сложения позднемезолитической культуры в нижнедунайском регионе // Stratum plus. № 1

Сминтина В.А., Сминтина О.В., Охотніков С.Б., Терещенко О.І., Липатов К.С., Гончаренко А.В., Штепко О.Ю. 2008. Острів Зміїний. Історія та археологія. Одеса

Снитко І.О. 2009. Поховальний обряд населення хори Ольвії IV–III ст. до н.е. // Археологія. № 3

Снытко И.А., Лобко А.Г. 2008. Скорченные погребения сельских некрополей хоры VI–III вв. до н.э. // VII Миколаївська краєзн. конф. Миколаїв

Соломоник Э.И. 1962. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. Т III

Сон Н.А. 1979. Склеп первых веков нашей эры из окрестностей Тиры // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К.

Сон Н.А. 1980. Новая латинская надпись из Тиры // Археологические исследования на Украине в 1977–1978 гг. Тез. докл. конф. Днепропетровск

Сон Н.А. 1993. Тира римского времени. К.

Сон Н.А. 1997. О хоре Тиры в первые века н.э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Сон Н.А. 1997а. Об особенностях внешней торговли Тиры в первые века нашей эры // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Сорокин А.Н. 2006. Мезолит Оки. Проблемы культурных различий. Москва

Сорокин В.Я. 1989. Раннеземледельческие культуры Молдавии (итоги и перспективы исследования) // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии: итоги и перспективы. Кишинев

Сорокин В.Я. 1990. К проблеме генезиса памятников Кукутень А–Триполье В I Северо-Западного Причерноморья // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Ч. 1. Тез. докл. конф. Херсон

Сорокин В.Я. 1991. О связях племен культуры Прекукутень-Триполье А // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. К.

Сорокин В.Я. 1997. К проблеме культурных связей прекукутенско-раннетрипольских племен с обществами культур Балкано-Дунайского региона // Vestigii arheologice din Moldova. Chişinău

Сорокин В.Я., Манзура И.В. 1986. Курган у с. Спея // АИМ 1982 г.

Сорокина Н.П. 1994. Стекло из римской крепости середины I–III вв. н.э. в низовье Дуная (городище у с. Орловка) // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Спасский Г. 1853. О сходстве курганов Южной России и курганов в Южной Сибири // ЗООИД. Т. III

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1

Спицын А.А. 1918. Курганы скифов-пахарей // ИАК. Вып. 65

Спіцина Л.А. 2001. Проблема систематики пам'яток пізнього енеоліту – ранньої бронзи // Археологія. № 4

Сребродольский Б.И. 1988. Мир янтаря. К.

Станко В.Н. 1960. Детское захоронение кочевника в XI в. возле с. Тузлы // ЗОАО. Т. I (34)

Станко В.Н. 1965. Гиржево – новая тарденуазская стоянка на Одесщине // КС ОГАМ за 1963 г.

Станко В.Н. 1966. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области // СА. № 2

Станко В.Н. 1967. Мезолит Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. К.

Станко В.Н. 1967а. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья // ЗОАО. Т. II (35)

Станко В.Н. 1971. Мезолит Днестро-Дунайского междуречья // МАСП. Вып. 7

Станко В.Н. 1972. Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья // Палеолит и неолит СССР. МИА. № 185

Станко В.Н. 1976. Периодизация памятников мезолита Северного Причерноморья // МАСП. Вып. 8

Станко В.Н. 1977. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья // КСИА АН СССР. Вып. 149

Станко В.Н. 1980. Поздний палеолит и сложение мезолита в Северо-Западном Причерноморье // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. К.

Станко В.Н. 1980а. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья // Первобытная археология: поиски и находки. К.

Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. К.

Станко В.Н. 1985. К проблеме западных связей мезолита Северного Причерноморья (по материалам поселения Белолесье) // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Станко В.Н. 1986. К проблеме сложения гребениковской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Станко В.Н. 1991. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.

Станко В.Н. 2008. П.И. Борисковский и становление палеолитоведения в Одессе (воспоминания ученика) // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Вип. 2. Одеса

Станко В.Н., Зиньковская Н.Б. 1976. Разведка памятников эпохи энеолита в северных районах Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев-Одесса

Станко В.Н., Смольянинова С.П. 1985. Исследование палеолита и мезолита степного Побужья // СА. № 4

Станко В.Н., Гладких М.І., Сегеда С.П. 1999. Історія первісного суспільства. К.

Станко В.Н., Петрунь В.Ф., Максимюк Т.И. 1981. Позднемезолитическое местонахождение кукрекского типа на Южном Буге // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. К.

Станко В.Н., Долуханов П.М., Сефериадис М., Смынтына Е.В., Пилипенко Г.П., Голобородова Е. 1999. Мезолит южной Бессарабии // Зап. іст. ф-ту Одес. держ. ун-ту ім. І.І. Мечникова. Вип. 8. Одеса

Стемпковский И.А. 1826. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского, между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 г. остатков древности в Одессе // Отечественные Записки. Ч. 26. Кн. 73–74. СПб.

Стемпковский И.А. 1826а. Карта сравнительная древней и новой географии берегов Понта Эвксинского, между Тирасом и Борисфеном, составленная полковником И. Стемпковским 1825 года. Отдельный оттиск. СПб.

Стемпковский И.А. 1827. Известия о древностях, найденных в Одессе в течении лета 1826 года // Отечественные записки. Ч. 30. СПб.

Стемпковский И.Я., Стемпковская Л.П. Б/г. Дневники раскопок // Фонд археологии Херсонского областного краеведческого музея. №№ 104/125; 120-2; 121-2; 122-2

Столярик Е.С. 1989. Римская монета в Северо-Западном Причерноморье // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.

Столярик Е.С. 1992. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеантичное и византийское время (конец III – начало XIII вв.). К.

Стржелецкий С.Ф. 1969. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // Сообщения Херсонесского музея. № 4

Строков А.А. 2009. Ременные гарнитуры гуннской эпохи азиатского Боспора // БИ. Вып. XXI. Симферополь-Керчь

Струве Ф.А. 1867. Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей в летнее время 1866 г. // ЗООИД. Т. VI

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. 2001. Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.

Суботін Л.В. 1968. Розвідки археологічних пам'яток по берегах оз. Кагул та р. Карасулак // Археологія. Т. XXI

Субботин Л.В. 1975. Болградский локальный вариант энеолитической культуры Гумельница. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. К.

Субботин Л.В. 1975а. Раскопки курганов у с. Орловка и в г. Белгород-Днестровском // АО 1974

Субботин Л.В. 1976. Антропоморфная пластика гумельницких памятников Юго-Запада СССР // МАСП. Вып. 8

Субботин Л.В. 1978. О синхронизации памятников культуры Гумельница в Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Субботин Л.В. 1980. Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры устья Днестра (по данным раскопок Семеновской экспедиции) // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. К.

Субботин Л.В. 1980а. Раскопки курганов в Татарбунарском районе Одесской области // АО 1979

Субботин Л.В. 1982. Два кургана эпохи бронзы в Буго-Днестровском междуречье // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. К.

Субботин Л.В. 1983. Исследования Дунай-Днестровской экспедиции // АО 1981

Субботин Л.В. 1983а. Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины. К.

Субботин Л.В. 1984. Курган у с. Жовтневое // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев

Субботин Л.В. 1984а. Могильник культуры многоваликовой керамики у с. Орловка // Новые археологические исследования на Одесчине. К.

Субботин Л.В. 1984б. Отчет о работе Болградского отряда Буджакской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА НАН Украины. № 1984/2а

Субботин Л.В. 1984в. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1984 г. // НА ИА НАН Украины. № 1984/2

Субботин Л.В. 1985. Семеновский могильник эпохи энеолита-бронзы // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Субботин Л.В. 1986. О картографировании гумельницких памятников Юго-Запада СССР // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Субботин Л.В. 1987. Раскопки курганов на юге Одесской области // АО 1985

Субботин Л.В. 1988. Мегалитическое погребение у с. Татарбунары // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. К.

Субботин Л.В. 1990. Углубленные жилища культуры Гумельница в Нижнем Подунавье // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. 1 полев. семинара. Тальянки. К.

Субботин Л.В. 1991. О культурно-хронологическом месте древнейших вытянутых погребений Буджакской степи // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. К.

Субботин Л.В. 1992. Культурно-историческая интерпретация энеолитических памятников Болградской группы // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Тез. докл. семинара. Одесса

Суботін Л.В. 1992а. Охоронні дослідження кургану в м. Болграді // Археологія Південного Заходу України. К.

Субботин Л.В. 1993. Некоторые аспекты хозяйственно-производственной деятельности ямных и катакомбных племен степной зоны Северо-Западного Причерноморья // Древности Причерноморских степей. К.

Субботин Л.В. 1994. Деревянные изделия раннебронзового века из курганов юга Одесской области // Древнее Причерноморье. КС ОАО.

Субботин Л.В. 1995. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья // РА. № 3

Субботин Л.В. 1997. Исследование курганной группы у с. Калчево // ДСПиК. VI

Субботин Л.В. 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. № 2

Субботин Л.В. 2001. Энеолитическое святилище курганного могильника Кубей // ДСПиК. IX

Субботин Л.В. 2003. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса

Субботин Л.В. 2003а. Предыстория села Городнего (Чийшия) и его округи по археологическим данным // Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса

Субботин Л.В., Василенко Б.А. 1999. Краткие итоги исследований гумельницкого поселения Новосельское I // КС ОАО

Субботин Л.В., Дворянинов С.А. 1980. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1980 г. // НА ОАМ. № 90229

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Т. 1-3. К.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1991. Курганы у р. Барабой // Тезисы 2-й обл. ист.-краев. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию основания Одессы. Одесса

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Майоров В.Н. 1984. Охранные раскопки кургана у с. Огородное // Северное Причерноморье (материалы по археологии). К.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 1998. Археологические древности Буджака // Курганы у сел Вишневое и Белолесье. Одесса

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С., Фокеев М.М. 1988. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в1988 г. // НА ИА НАНУ. № 1988/23

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Фокеев М.М. 1987. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1987 году // НА ИА НАН Украины. № 1987/24

Субботин Л.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. 1995. Памятники эпохи бронзы курганного могильника Градешка // ДСПиК. V

Субботин Л.В., Дубин Г.И., Агбунов М.В. 1971. Раскопки у Болграда // АО 1970

Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М. 1970. Курганы у села Огородное // МАСП. Вып. 6

Субботин Л.В., Островерхов А.Н., Дзиговский А.Н. 1981. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 г. // НА ОАМ. № 90256

Субботин Л.В., Островерхов А.С., Дзиговский А.Н. 1995. Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык. Одесса

Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1992. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. К.

Субботин Л.В., Охотников С.Б. 1981. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Субботин Л.В., Охотников С.Б. 1991. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.

Субботин Л.В., Петренко В.Г. 1986. Об архитектуре усатовских курганных сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.

Субботин Л.В., Петренко В.Г. 1990. Редкие памятники древних культур Подунавья // СА. № 3

Суботін Л.В., Петренко В.Г. 1994. Курганний могильник усатівського типу Жовтий Яр // Археологія. № 1

Субботин Л.В., Сапожников И.В., Субботин А.В. 2001–2002. Курганный могильник Дивизия II в междуречье Хаджидера и Алкалии // Stratum plus. № 2

Субботин Л.В., Субботин А.В., Островерхов А.С. 2000. Тимковский курган в свете проблем степного энеолита и культур бронзового века // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Субботин Л.В., Тощев Г.Н. 2002. Археологические древности Буджака. Курганная группа у с. Лиман. Запорожье

Субботин Л.В., Фокеев М.М., Сапожников И.В. 1987. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1986 г. // НА ОАМ. № 91968

Суботін Л.В., Чеботаренко Г.Ф. 1992. «Троянові вали» у Дунай-Дністровському межиріччі // Археологія Південного Заходу України. К.

Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1971. Черняховский бескурганный могильник у с. Виноградовка // СА. № 4

Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1973. Фракийский кенотаф у с. Зализничное на левобережье Нижнего Подунавья // СА. № 2

Суботін Л.В., Черняков І.Т. 1982. Новотроянівський скарб та питання обміну металом в добу пізньої бронзи // Археологія. Вип. 39

Субботин Л.В., Черняков И.Т., Ядвичук В.И. 1976. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок курганов у с. Великодолинское) // МАСП. Вып. 8

Субботин Л.В., Шмаглий Н.М. 1970. Болградский курганный могильник // МАСП. Вып. 6

Сударев Н.И. 2004. Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н.э. Типы и хронология // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб.

Султов Б. 1985. Античные центры керамики в Нижней Мезии. София

Суничук Е.Ф. 1985. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.

Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. 1984. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К.

Супруненко О.Б. 1996. Розкопки Більського курганного некрополя «Б» // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава

Сушко В.И. 1966. Фауна [Роксоланского городища] // МАСП. Вып. 5

Сиволап М.П. 1999. Нововиявлені поселенські пам'ятки ямної культури Середньої Наддніпрянщини // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії. Мат-ли міжнарод. конф. Дніпропетровськ

Сыволап М.П. 2001. Краткая характеристика памятников ямной культуры Среднего Поднепровья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара

Сымонович Э.А. 1951. Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка // КСИИМК. Вып. 39

Сымонович Э.А. 1954. О древней Одессе // ВДИ. № 4

Сымонович Э.А. 1955. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА. Т. XXIV

Сымонович Э.А. 1956. О некоторых типах поселений первых веков н.э. в Северном Причерноморье // КСИИМК. Вып. 65

Сымонович Э.А. 1960. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала н.э. // ЗОАО. Т. I (34)

Сымонович Э.А. 1960а. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре // Черняховская культура. МИА. № 82

Сымонович Э.А. 1962. Ольвийские монеты с Кошарского городища // ВДИ. № 2

Сымонович Э.А. 1962а. Раскопки могил возле с. Кошары на Тилигульском лимане // МАСП. Вып. 4

Сымонович Э.А. 1963. Магия и обряд в черняховскую эпоху // СА. № 1

Сымонович Э.А. 1964. Орнаментация черняховской керамики // Древности эпохи сложения восточного славянства. МИА. № 116

Сымонович Э.А. 1964а. Стеклянные кубки III–IV вв. н.э. из Журавки // КСИА АН СССР. Вып. 102

Сымонович Э.А. 1965. К вопросу о проникновении населения черняховской культуры в Северное Причерноморье // КС ОГАМ за 1963 г.

Сымонович Э.А. 1966. Ингульский клад // СА. № 1

Сымонович Э.А. 1966а. Перший черняхівський могильник на Північному Причорномор'ї // Археологія. Т. XX

Сымонович Э.А. 1967. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Сымонович Э.А. 1967а. Новые находки эпохи бронзы на Тилигульском лимане // КСИА АН СССР. Вып. 112

Сымонович Э.А. 1967б. Новые работы в селе Черняхове // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Сымонович Э.А. 1967в. Погребения II–III вв. н.э. Николаевского могильника на Нижнем Днепре // АО 1966

Сымонович Э.А. 1967г. Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Сымонович Э.А. 1969. Забытая коллекция В.В. Хвойки // СА. № 2

Сымонович Э.А. 1969а. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре // КСИА АН СССР. Вып. 119

Сымонович Э.А. 1971. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.

Сымонович Э.А. 1974. Разведки в Херсонской и Одесской областях // АО 1973

Сымонович Э.А. 1975. Региональные особенности южных черняховских памятников // Тез. докл. сов. делегации на III междунар. конгр. славян. археологии. Братислава. М.

Сымонович Э.А. 1975а. Черняховские могильники на востоке и западе Одесской области // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбил. сессии. К.

Сымонович Э.А. 1977. Исследования в Поднепровье // АО 1976

Сымонович Э.А. 1977а. Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры // СА. № 1

Сымонович Э.А. 1978. Исследование позднескифских и черняховских памятников на Нижнем Днепре // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород

Сымонович Э.А. 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы // Могильники черняховской культуры. М.

Сымонович Э.А. 1979а. Памятники позднеантичного времени в районе древней Тиры // КСИА АН СССР. Вып. 150

Сымонович Э.А. 1980. Черняховское селище Бургунка на Нижнем Днепре // КСИА АН СССР. № 162

Сымонович Э.А. 1981. Находки античного времени из с. Беленькое Белгород-Днестровского района // КСИА АН СССР. Вып. 168

Симонович Е.О. 1981а. Черняхівські горщики Подніпров'я // Археологія. Вип. 36

Сымонович Э.А. 1983. Население столицы позднескифского царства. К.

Сымонович Э.А. 1983а. Работы черняховской экспедиции в Причерноморье // АО 1981

Сымонович Э.А. 1983б. Сюжетные изображения на черняховской керамике // СА. № 4

Симонович Е.О. 1983в. Черняхівська кераміка Подніпров я // Археологія. Вип. 43

Симонович Е.О. 1987. Ранньотрипільське поселення в с. Данилова Балка на Кіровоградщині // Археологія. Вип. 60

Сымонович Э.А. 1988. Придунайский могильник Фурмановка // Могильники черняховской культуры. М.

Сымонович Э.А., Гей О.А. 1978. Черняховская экспедиция на Украине // АО 1977

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры. САИ. Д 1-22

Сымонович Э.А., Яровой А.З. 1968. Поселение Викторовка II в степном Причерноморье (по материалам М.Ф. Болтенко) // СА. № 2

Телегін Д.Я. 1973. Середньостогівська культура епохи міді-бронзи. К.

Телегин Д.Я. 1976. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. К.

Телегін Д.Я. 1977. Рец. на: Маркевич В.И. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии // Археологія. Вип. 23

Телегін Д.Я. 1982. Мезолітичні пам'ятки України. К.

Телегин Д.Я. 1985. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР (карта местонахождений). К.

Телегін Д.Я. 1987. Культурна належність і датування випростаних енеолітичних поховань степового Подніпров'я // Археологія. Вип. 60

Телегин Д.Я. 1989. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) / В кн.: Мезолит СССР. Археология СССР. М.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. 2001. Среднестоговская и новоданиловская культуры Азово-Черноморского региона. Луганск

Тереножкин А.И. 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА. № 1

Тереножкин А.И. 1976. Киммерийцы. К.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. 1988. Мелитопольский курган. К.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). К.

Тесленко Д.Л. 2001. К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной Украины (историографический аспект) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара

Тесленко Д.Я. 2002. К вопросу о территории распространения каменных гробниц энеолита-ранней бронзы степной Украины // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы III международ. конф. Тирасполь.

Тесленко И.Б. 2005. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. К.

Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.

Типы… 1968. Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М.

Титов В.С. 1980. Поздний неолит // Археология Венгрии. М.

Титов В.С. 1982. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.

Титова Е.Н. 1982. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной могилы // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. К.

Тиханова М.А. 1955. Из материалов Дубоссарского отряда молдавской экспедиции (памятники культуры полей погребений) // КСИИМК. Вып 57

Тиханова М.А. 1957. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. № 4

Тиханова М.А. 1963. Раскопки на поселении III–IV вв. н.э. у с. Лепесовка в 1957–1959 гг. // СА. № 2

Тиханова М.А. 1973. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тез. докл. науч. конф. Л.

Тиханова М.А., Черняков И.Т. 1970. Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье // СА. № 3

Тихомолова И.Р. 2002. Фарфор и фаянс в керамическом комплексе городища Большие Кучугуры // ССПіК. Х

Ткачук М.Е. 1996. Археология свободы. Кишинев

Ткачук М.Е. 1998. Гетика: археология имени // Revista Arheologică. № 2

Ткачук М.Е. 1999. Гетика, которую мы потеряли (Из антологии хронологических разрывов) // Stratum plus. № 3

Товкайло М.Т. 1990. До питання про взаємини буго-дністровської та ранньотрипільської культур у Степовому Побужжі // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полев. семинара. Тальянки.

Товкайло М.Т. 2003. Крем'яний інвентар пізньонеолітичних пам'яток степового Побужжя // Кам'яна доба України. Т. 2. К.

Товкайло М.Т. 2005. Неоліт Степового Побужжя // Кам'яна доба України. Вип. 7. К.

Товкайло М.Т. 2007. Репресована стаття П.В. Харламповича 1931 року – перша наукова праця з неоліту Побужжя // Кам'яна доба України. Вип. 10. К.

Тодорова Х. 1979. Энеолит Болгарии. София

Тодорова Х. 1986. Каменно-медната епоха в България (V хилядолетие преди новата ера). София

Токарев С.А. 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. № 4

Токарев С.А. 1990. Ранние формы религии. М.

Толстой И.И. 1918. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград

Топачевський В.О. 1956. Фауна Ольвії //Збірник праць Зоологічного музею АН УССР. № 27

Топоров В.Н. 1990. Об архаическом слое в образе Ахилла (проблемы реконструкции элементов прототекста) // Образ-смысл в античной культуре. М.

Топоров В.Н., Майлах М.Б. 1988. Круг // Мифы народов мира. Т. 2. М.

Тохтасьев С.Р. 2005. Sauromatae-Sarmatae-Syrmatae // Херсонесский сборник. Вып. XIV

Тощев Г.Н. 1976. Поселение эпохи поздней бронзы Трихатки I // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Одесса-Киев

Тощев Г.Н. 1978. Раскопки кургана у с. Мирное Одесской области // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Тощев Г.Н. 1979. О культурно-хронологическом соотношении ямных и катакомбных погребений в Северо-Западном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк

Тощев Г.Н. 1982. Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К.

Тощев Г.Н. 1984. Еще раз о стратиграфии Одесского кургана // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев

Тощев Г.Н. 1984а. Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской обл. // Ранний железный век Северного Причерноморья. К.

Тощев Г.Н. 1986. Курганы эпохи бронзы у оз. Ялпуг // АО 1984

Тощев Г.Н. 1990. Дивизийский могильник белозерской культуры // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Одесса–Запорожье

Тощев Г.Н. 1991. Западный ареал катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К.

Тощев Г.Н. 1992. Курганы эпохи бронзы межозерья Ялпуга и Кагула. Запорожье

Тощев Г.Н. 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье

Тощев Г.Н., Редина Е.Ф. 1991. Курганная группа у с. Помазаны Одесской области // ДСПиК. II

Тощев Г.Н., Сапожников И.В. 1990. Курганы у станции Фрикацей в низовьях Дуная // ДСПиК. I

Тощев Г.Н., Черняков И.Т. 1986. Культовые зольники сабатиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. 1988. Новосибирск

Третьяков Д.К. 1915. Остатки человеческих скелетов из кургана на Слободке-Романовке в Одессе // ЗООИД. Т. XXII

Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Трубачев О.Н. 1989. Рец. на: В.А. Сафронов. Индоевропейские прародины. Горький

Труды…1886. Труды VI АС (1884). Одесса

Туаллагов А.А. 1999. Сарматы и сираки // Древности Кубани. Вып. 15

Тульпе И.А. 1999. Амфора на некрополе: хтонический аспект. Некрополь Китея // Боспорский феномен. Греческие культы на периферии античного мира. СПб.

Тункина И.В. 1987. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе // V Доватуровские чтения. Тез. докл. конф. Л.

Тункина И.В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.

Турецкий М.А. 2001. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара

Туровский Е.Я., Демьянчук С.Г. 1998. К вопросу о хронологии серебряных и медных монет Тиры автономного периода // Древнее Причерноморье. IV-е чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса

Тютюнжиев И. 1996. Османското завоевание и българската миграция във Влашко и Молдова през XIV-XV век // Страници от историята на българите в Северното Причерноморие. Велико Тырново

Уваров А.С. 1851. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. I–II. СПб.

Уваров А.С. 1851-1856. Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.

Уваров А.С. 1856. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. 2. СПб.

Усачук А.Н. 1999. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Западного Приазовья. Донецк

Фабріциус І.В. 1929. Циліндрошийний посуд // Літопис музею. Вип. 9. Херсон

Фабрициус И.В. 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. В. 1. К.

Фармаковский. Б.В. 1893. Три керамических фрагмента Одесского музея Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Т. XVI

Фармаковский. Б.В. 1901. Вазовая живопись и ее отношение к монументальному искусству в эпоху непосредственно после Греко-персидских войн // ЗРАО. Н.С. Вып. 3–4

Федоров Г.Б. 1956. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии // ИМФ АН СССР. № 4 (31)

Федоров Г.Б. 1958. О двух обрядах погребения в черняховской культуре // СА. № 3

Федоров Г.Б. 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА. № 89

Федоров Г.Б. 1968. Работы Прутско-Днестровской экспедиции // АО 1967

Федоров Г.Б. 1969. О работе Прутско-Днестровской экспедиции // АО 1968

Федоров Г.Б. 1969а. Позднесарматский могильник у с. Криничное // Древности Восточной Европы. М.

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.

Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1979. Погребение IV в. н.э. у с. Сычавка // СА. № 2

Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1981 Раскопки черняховского могильника у с. Балцаты // АИМ в 1974–1976 гг.

Федоров-Давыдов Г.А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Фисенко В.А. 1967. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Л.

Фокеев М.М. 1982. Поселение первых веков нашей эры Холмское II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К.

Фокеев М.М. 1985. О появлении катакомб на могильниках III–IV вв. н.э. в Северо-Западном Причерноморье // Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. на Юго-Западе СССР и сопредельных регионов. Ужгород

Фокеев М.М. 1986. Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Фокеев М.М. 1987. Памятники первых веков нашей эры в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. К.

Фокеев М.М. 1989. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в первые века нашей эры (основные результаты исследования) // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса

Фокеев М.М. 1990. Отчет о раскопках Одесского Охранного Археологического Центра в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. № 1990/61

Фокеев М.М. 1990а. Полихромные изделия из могильника Чауш в междуречье Днестра и Дуная // ПИАНП. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. ист-краев. конф. Ч. II. Археология

Фокеев М.М. 1991. Два типа поселений первых веков н.э. в Буджаке // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. К.

Фокеев М.М. 1991а. Позднейшие могильники сарматского времени в степи между Днестром и Дунаем // Древности Юго-Запада СССР (I – середина II тысячелетия н.э.). Кишинев

Фокеев М.М. 1991б. Позднесарматское поселение Карасулак // ИАНП. Мат-лы 2-й науч. практ. конф., посвящ. памяти А.И. Доватура и А.Н. Дейча и 450-летия первого упоминания г. Рени

Фокеев М.М. 1997. К проблеме происхождения жилищ памятников типа Этулия // Никоний и античный мир. Одесса

Фокеев М.М. 1997а. Холмская группа этулийских памятников // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Фокєєв М.М. 1998. Населення Буджацького степу у I ст. до н.е. – IV ст. н.е. Автореф. дис. … канд. іст. наук. Одеса

Фокеев М.М. 1999. Проблема оседания сарматов Днестровско-Прутского междуречья // ПССАСП. Тез. докл. международ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова

Фокеев М.М. 2003. Холмские памятники в Буджаке // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. К.

Фокеев М.М., Щукин М.Б., Руссев Н.Д. 1995. Отчет о раскопках в Измаильском районе Одесской области (поселение Суворово IX; Траянов Вал; курган в ур. Кале) // НА ИА НАНУ. № 1995/56

Фоменко В.Н. 1975. Раннетрипольское поселение у с. Красненькое на Южном Буге // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. сессии. К.

Фоменко В.Н. 1990. Об одной группе погребений времени катакомбной культуры в Степном Побужье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тез. докл. всесоюз. семинара. Запорожье

Фоменко В.М. 2003. Передінгульська група пам'яток ранньокатакомбного часу // Маґістеріум. Вип. 12. Культурологія. К.

Фоменко В.Н., Клюшинцев В.Н. 1987. О работе Явкинского отряда // АО 1985 года

Фоменко В.М., Товкайло М., Требух О. 2009. Охоронно-рятівні археологічні дослідження на Південному Бузі // АДУ в 2006–2007 гг.

Фомін Л.Д. 1974. Техніка обробки заліза в Ольвії і Тірі // Археологія. Вип. 13

Формозов А.А. 1961. Очерки по истории русской археологии. М.

Формозов А.А. 1969. Очерки по первобытному искусству: наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.

Формозов А.А. 1986. Страницы истории русской археологии. М.

Формозов А.А. 1993. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. № 3

Формозов А.А. 1993. Археология и идеология (20–30-е годы) // Вопросы философии. № 2.

Формозов А.А. 2000. Пушкин и древности. 2-е изд. М.

Фракей Э. 1990. Янтарь. М.

Фрейденберг О.М. 1968. Миф и литература в древности. М.

Фролов Б.А. 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск

Фролова Н.А. 2003. Монетное дело Тиры конца III–I вв. до н.э. // Тр. ГИМ. Нумизматический сборник. Т. XVI. В. 138

Фролова Н.А. 2003а. Ранние монеты Тиры // РА. № 1

Фролова Н.А. 2006. Каталог монет античной Тиры. М.

Фрэзер Д.Д. 1983. Золотая ветвь. М.

Фурманська А.І. 1957. Археологічні пам’ятки Тіри перших століть нашої ери // Археологія. Т. X

Фурманская А.И. 1960. Новый эпиграфический памятник из Тиры // СА. № 4

Фурманская А.И. 1960а. Памятники скульптуры из Тиры // КСИА АН УССР. Вып. 10

Фурманська А.І. 1962. Розкопки Тіри в 1958 р. // АП УРСР. Т. XI

Фурманская А.И. 1963. Античный город Тира // Античный город. М.

Фурманская А.И. 1963а. Клад монет из Тиры // НиС. Вып. I

Фурманська А.І. 1965. Рельєфи вершників з Тіри // Археологія. Т. XIX

Фурманская А.И. 1979. Раскопки Тиры в 1962–1963 гг. // Античная Тира и современный Белгород. К.

Фурманская А.И., Максимов Е.В. 1955. Раскопки в Белгороде-Днестровском // КСИА АН УССР. Вып. 4

Хавлюк П.І. 1975. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. Вип. 18

Хавлюк П.И. 1990. Зарубинецкая культура Южного Побужья и левобережья Среднего Днестра // VI международ. конгр. Славян. археологии. Тез. докл. сов. делегации. М.

Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Хазанов А.М. 1975. Социальная история Скифии. М.

Хахеу В.П. 1990. Исследование скифских курганов у г. Тирасполя в 1983 г. // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев

Хейфец С.В. 1991. Некоторые вопросы экономических связей Никония по нумизматическим материалам // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. Одесса

Хокинс Д., Уайт Д. 1984. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.

Хоммель Х. 1981. Ахилл – бог // ВДИ. № 1

Хршановский В.А. 2000. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности европейского Боспора II в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М.

Цалкин В.И. 1960. История скотоводства в Северном Причерноморье. МИА. № 53

Цалкин В.И. 1964. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке // Бюллетень МОИП. Т. 64. Вып. 2

Цалкин В.И. 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.

Цалкин В.И. 1967. Фауна из раскопок поселений культуры Гумельницы в СССР // КСИА АН СССР. Вып. 111

Цалкин В.И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. МИА. № 161

Цалкин В.И. 1972. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 1 // Бюллетень МОИП. Т. 77. Вып. 1

Цвек О.В. 2004. Гончарне виробництво племен трипільської культури // ЕТЦ. Т. I

Цвек О.В. 2006. Поселення східнотрипільської культури (короткий нарис). К.

Цивьян Т.В. 1988. О связи игра-ритуал (игрушки-ритуальные предметы) // Античная балканистика. Тез. докл. международ. симпозиума. М.

Цимиданов В.В. 1993. О типе потестарной организации белозерского общества // Древнее Причерноморье. КС ОАО

Цимиданов В.В. 2001–2002. Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Stratum plus. № 2

Цимиданов В.В. 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк

Цыбесков В.П. 1964. Трипольское поселение возле Березовской ГЭС // КС ОГАМ 1962 г.

Цыбесков В.П. 1965. Находка расписной керамики типа Криш на Южном Буге // КС ОГАМ за 1963 г.

Цибесков В.П. 1965а. Розкопки трипільського поселення на Південному Бузі // Тез. доп. іст. фак-ту до наук. ювіл. сесії, присвяч. 100-річчю [Одес.] ун-ту. Одесса

Цыбесков В.П. 1967. Фрагмент сосуда тордошского облика из трипольского поселения возле Березовской ГЭС // ЗОАО. Т. II (35)

Цыбесков В.П. 1971. Некоторые итоги исследования Березовского поселения // МАСП. Вып. 7

Цибесков В.П. 1972. Березівське поселення і синхронізація деяких комплексів Середнього Трипілля // XV наук. конф. ІА, присвяч. 50-річчю утворення Союзу Радянських Соціалістичних Республік. Тез. пленар. допов. (Результати польових археол. досліджень 1970–1971 рр. на території України). Одесса

Цибесков В.П. 1972а. Дослідження трипільського поселення біля Березівської ГЕС // Мат-ли XIII конф. ІА АН УРСР, присвяч. 50-річчю АН УРСР (Київ 1968). К.

Цыбесков В.П. 1975. Некоторые наблюдения и выводы в связи с углубленными и наземными жилищами трипольской культуры // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. К.

Цыбесков В.П. 1976. К вопросу об исторических связях Южного Побужья IV тис. до н.э. // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины: Сб. науч. тр. / Одес. ун-т. Киев–Одесса

Цыбесков В.П. 1976а. Обряд акротиния в культуре трипольских племен // МАСП. Вып. 8

Цибесков В.П. 1976б. Охоронні розкопки [Кировогр. обл] // Пам’ятки України. № 4. К.

Цыбесков В.П. 1978. Древнейшая расписная керамика на Южном Буге // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Цибесков В.П. 1984. Обряд «поїння землі» та культ місяця в ідеологічних уявленнях трипільських племен // Археологія. Вип. 47

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. 1985. Народы, расы, культура. М.

Чеботаренко Г.Ф. 1965. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре // КСИА АН СССР. Вып. 106

Чеботаренко Г.Ф. 1973. Калфа – городище VIII–X вв. на Днестре. Кишинев

Чеботаренко Г.Ф. 1973а. Скифские курганы у с. Балабаны // АИМ в 1970–1971 гг.

Чеботаренко Г.Ф. 1982. Курган X–IX вв. до н.э. у с. Казаклия // АИМ в 1977–1978 гг.

Чеботаренко Г.Ф., Щербакова Т.А. 1974. Раскопки поселения у с. Этулия // АИМ в 1973 г.

Чеботаренко Г.Ф., Черняков И.Т., Тощев Г.Н. 1993. Курганы у с. Приморское // ДСПиК. IV

Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П. 1989. Курганы Буджакской степи. Кишинев

Чередниченко Н.Н. 1997. О культурном и хронологическом соотношении срубной и сабатиновской культур // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Киев–Николаев

Черненко Е.В. 1967. Скифские курганы на Никопольщине (раскопки 1961 г.) // ЗОАО. Т. II (35)

Черненко Е.В. 1968. Скифский доспех. К.

Черненко Е.В. 1981. Скифские лучники. К.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. 1986. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. К.

Черных Е.Н. 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.

Черных Е.Н. 1970. О древнейших очагах металлообработки юго-запада СССР // КСИА. Вып. 123

Черных Е.Н. 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.

Черных Е.Н. 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София

Черных Е.Н. 1978а. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4

Черных Е.Н. 1981. Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы // СА. № 1

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. 2004. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. № 1

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. 2004а. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической области (средний бронзовый век) // РА. № 2

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.

Черныш Е.К. 1964. Многослойное поселение у г. Болград Одесской области // КС ОГАМ 1962 года

Черныш Е.К. 1965. Глинобитные жилища культуры Гумельница в Нижнем Подунавье // Новое в советской археологии. МИА. № 130

Черныш Е.К. 1969. Орудия труда культуры Гумельница // КСИА АН СССР. Вып. 115

Черныш Е.К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В кн.: Энеолит СССР. Археология СССР. М.

Черныш Е.К., Бесфамильная Е.В. 1965. Поселение культуры Гумельница у с. Озерное // КС ОГАМ за 1963 г.

Черняков И.Т. 1960. Археологические разведки берегов Днестровского лимана // ЗОАО. Т. I (34)

Черняков И.Т. 1961. Археологические раскопки 1960 г. в приморской части междуречья Дуная и Днестра // КС ОГУ и ОГАМ 1960 г.

Черняков И.Т. 1962. Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской области // МАСП. Вып. 4

Черняков И.Т. 1964. Позднетрипольский курган у с. Сарата Одесской области // КС ОГАМ 1962 г.

Черняков И.Т. 1965. Красномаяцкий клад литейщика // КС ОГАМ за 1963 г.

Черняков И.Т. 1966. Слой эпохи поздней бронзы Болградского поселения // КСИА АН СССР. Вып. 106

Черняков И.Т. 1967. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // ЗОАО. Т. II (35)

Черняков И.Т. 1967а. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра (материалы к археологической карте) // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. № 139

Черняков І.Т. 1968. Бецилівський скарб пізньої бронзи // Археологія. Т. XXI

Черняков И.Т. 1975. Киммерийские памятники Северо-Западного Причерноморья // 150 лет ОАМ АН УССР. Тез. докл. юбил. сессии. К.

Черняков И.Т. 1976. Начало изучения эпохи энеолита и бронзы в Северо-Западном Причерноморье // МАСП. Вып. 8

Черняков И.Т. 1977. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. К.

Черняков И.Т. 1978. О «позднеямной» культуре Северо-Западного Причерноморья // АИУ в 1976–1977 гг. Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород

Черняков И.Т. 1978а. Погребения бронзового века Киселовского кургана // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.

Черняков И.Т. 1979. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк

Черняков И.Т. 1983. Древнейшие металлические псалии позднебронзового века в Северном Причерноморье // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К.

Черняков И.Т. 1984. Исследования Буго-Днестровской экспедиции // АО 1982

Черняков И.Т. 1984а. Керамика позднебронзового века из поселения Молога II // Новые археологические исследования на Одесчине. К.

Черняков И.Т. 1984б. Связи сабатиновских племен Северо-Западного Причерноморья с Восточным Причерноморьем // Северное Причерноморье. К.

Черняков И.Т. 1985. Исследования на Нижнем Днестре // АО 1983

Черняков И.Т. 1985а. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. К.

Черняков И.Т. 1986. Поселение белозерско-тудоровского типа в Подунавье // АО 1984 года

Черняков І.Т. 1996. Зв'язок кіммерійського етносу з сабатинівською та білозерською культурами // Сучасні проблеми археології. К.

Черняков И.Т. 1996а. КМК – восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). М-лы междунар. конф. Ч. 1. Донецк

Черняков И.Т. 1997. Сабатиновская культура – северо-восточная ойкумена Балкано-Карпатских культур // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Киев-Николаев

Черняков І.Т. 2004. Аккембецький курган // ЕТЦ. Т. II

Черняков И.Т., Дзиговский А.Н., Ванчугов В.П., Бродяк А.Н. 1984. Отчет о полевых исследованиях Буго-Днестровской экспедиции в 1984 г. // НА ИА НАНУ. № 1984/1

Черняков И.Т., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 1985. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1985 г. // НА ИА НАНУ. № 1985/11

Черняков И.Т., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С., Чернов С.И., Иванова С.В., Солецкий В.М., Агбунов М.В. 1983. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции в 1983 г. // НА ИА НАНУ. № 1983/13

Черняков И.Т., Добролюбский А.О., Островерхов А.С., Дзиговский А.Н., Иванова С.В., Солецкий В.М., Чернов С.И. 1982. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции в 1982 г. // НА ИА НАНУ. № 1982/7

Черняков І., Рябова В. 2006. Скальпи в золоті Скіфії. К.

Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. 1986. Холмские курганы // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Черняков И.Т., Тощев Г.Н. 1985. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Четвериков И.А. 1997. Изваяние скифского воина из с. Красногорка // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Четвериков И.А. 2002. Варварское население Нижнего Днестра во второй половине III в. до н.э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье от энеолита и античности. Тирасполь

Четвериков И.А., Синика В.С. 2002. Катакомбы II типа в Тираспольской группе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). М-лы III международ. конф. Тирасполь

Чигирин В.К. 1965. Материалы к археологической карте левобережья Нижнего Придунавья (Килийский и Измаильский районы Одесской области). Дипломная работа (рукопись) // Архив ОГУ им. И.И. Мечникова (истор. фак-т)

Чмихов М.О. 1993. Кургани як явище давньої культури. К.

Чмыхов Н.А., Довженко Н.Д. 1987. О древнейшем индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К.

Чмихов М.О., Черняков І.Т. 1988. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України. К.

Чугунов К.В. 1996. Археологические параллели одному изобразительному мотиву в искусстве ранних кочевников Евразии // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Ч. 2. Улан-Удэ

Шапошникова О.Г. 1978. Раскопки курганов в Николаевской области // АО 1977

Шапошникова О.Г. 1985. Ямная культурно-историческая общность // Археологія Української РСР. Т. І. Первісна археологія. К.

Шапошникова О.Г. 1987. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. К.

Шапошникова О.Г., Неприна В.И. 1977. Новорозановское многослойное поселение // Древности Поингулья. К.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). К.

Шапошникова О.Г., Гребенников Ю.С., Фоменко В.Н., Балушкин А.М., Довженко Н.Д., Елисеев В.Ф., Клюшинцев В.Н., Ребедайло Г.П. 1979. О работе Ингульской экспедиции // АО 1978

Шарафутдинова И.Н. 1968. К вопросу о сабатиновской культуре // СА. № 3

Шарафутдинова И.Н. 1979. Раскопки поселения сабатиновской культуры у с. Степовое // АО 1978

Шарафутдінова І.М. 1980. Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. Вип. 33

Шарафутдинова И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. К.

Шарафутдинова И.Н., Дубовская О.Р. 1982. Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван

Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново и проблема датировки черняховской культуры // Вопросы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.

Шаров О.В. 1995. Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III – первой половине IV в. н.э. (древности горизонта Хаслебен и черняховская культура). Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.

Шаров О.В., Бажан И.А. 1999. Черняховские этюды // Stratum plus. № 4

Шауб Ю.И. 2002. Ахилл на Боспоре // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. І. СПб.

Шафарик П.И. 1848. Славянские древности. Т. 1. Кн. 2. М.

Шевченко А.В. 1986. Антропология населения Южнорусских степей // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. М.

Шелов Д.Б. 1962. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. № 2

Шелов Д.Б. 1967. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М.

Шелов Д.Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М.

Шелов Д.Б. 1975. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М.

Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА АН СССР. Вып. 156

Шелов Д.Б. 1981. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. № 4

Шелов-Коведяев Ф.В. 1990. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. № 3

Шилик К.К. 1975. К палеографии Ольвии // Ольвия. К.

Шилов Ю.А. 1987. Отчет о работе новостроечной экспедиции «Газопровод» за 1987 г. // НА ИА НАНУ. № 1987/25

Шилов Ю.А. 1989. Святилища III–I тыс. до н.э. у Новосельской переправы через Нижний Дунай // ИАНП. Чтения памяти проф. А.И. Доватура. Тез. докл. конф.

Шишкин К.В. 1966. Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников // СА. № 3

Шишлина Н.И. 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М

Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Чичагова О.А., ван дер Плихт Й. 2001. Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара

Шишлина Н.И., Булатов В.Э. 2000. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. // Тр. ГИМ. Вып. 120

Шкадышек М.Ф. 1915. Погребения каменного века в Одессе // ЗООИД. Т. XXII

Шлапак М. 2001. Белгород-Днестровская крепость. Исследование средневекового оборонного зодчества. Кишинев

Шмаглий Н.М. 1965. Археологические разведки в зоне строительства Придунайской (Татарбунарской) оросительной системы в 1963 г. // КС ОГАМ за 1963 г.

Шмаглий Н.М. 1967. К вопросу о типологии медных кинжалов позднетрипольской культуры // ЗОАО. Т. II (35)

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. 1965. Археологические разведки в зоне строительства Придунайской (Татарбунарской) оросительной системы в 1963 г. // КС ОГАМ за 1963 г.

Шмаглій М.М., Черняков І.Т. 1965а. Археологічні розвідки 1964 р. в Пониззі Дунаю // Археологія. Т. XIX

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. 1969. Раскопки курганов в низовьях Днестра // АО 1968

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // МАСП. Вып. 6

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. 1985. Курганы на левобережье Нижнего Днестра // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т., Алексеева И.Л. 1970. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Суворовской оросительной системы на Измаильщине // НА ИА НАНУ. № 1970/40

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т., Алексеева И.Л. 1971. Курганы Нижнего Подунавья // АО 1970

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т., Алексеева И.Л. 1971а. Отчет о работе Днестро-Дунайской (новостроечной) экспедиции Института археологии АН УССР и Одесского археологического музея ИА АН УССР за 1971 г. // НА ИА НАН Украины. № 1971/26

Шмидт А. 1858. Особенности курганов Херсонской губернии // ЗООИД. Т. IV

Шмидт А. 1863. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 24: Херсонская губерния. Ч. 2. СПб.

Шмит М. 2001–2002. Из исследований контактов между культурами шаровидных амфор и позднего Триполья // Stratum plus. № 2

Шнирельман В.А. 1980. Происхождение скотоводства. М.

Шнирельман В.А. 1986. Позднепервобытная община / В кн.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.

Шнирельман В.А. 1988. Производственные предпосылки разложения первобытного общества / В кн.: История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.

Шнирельман В.А. 1989. Возникновение производящего хозяйства. М.

Шрамко Б.А. 1957. Следы земледельческого культа в раннем железном веке // СА. № 1

Шрамко Б.А. 1965. Металеві знаряддя виробництва лісостепової Скіфії // Питання історії народів СРСР. Харків

Штаерман Е.М. 1987. Социальные основы религии Древнего Рима. М.

Штейнванд Г.Д. 1929–1930. Отчёт о раскопках в Лузановке в 1929–1930 гг. // НА ОАМ. № 59165–59170

Штейнванд Г.Д. 1930. Коротке звідомлення про розвідку з розкопуваннями в Лузанівці біля Одеси р. 1929 // ВОКК (секція археологічна). Ч. 4–5

Штейнванд Г.Д. 1932. Отчёт о раскопках в Лузановке в 1932 г. // НА ОАМ. № 59171

Штерн. Э.Р. 1897. Граффити на античных южнорусских сосудах // ЗООИД. Т. XX

Штерн Э.Р. 1901. О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД. Т. XXIII

Штерн Э.Р. 1904. Археологические новинки // ЗООИД. Т. XXV (протоколы)

Штерн Э.Р. 1904а. О пробных раскопках на о. Березань // ЗООИД. Т. XXV

Штерн Э.Р. 1906. Бронзовый сосуд в форме бюста // ЗООИД. Т. XXVI

Штерн Э.Р. 1910. Вновь найденные посвящения Ахиллу Понтарху // ЗООИД. Т. XXVIII (протоколы)

Штерн Э.Р. 1913. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. // ЗООИД. № XXXI

Штительман Ф.М. 1956. Поселения античного времени на побережье Бугского лимана // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. № 50

Шульга П.И. 2010. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул

Шульц П.Н. 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (постановка проблемы) // Проблемы скифской археологии. МИА. № 177

Щеглов А.Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.

Щеглов А.Н. 1985. О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. М-ла III Всесоюзн. симпоз. по древней истории Причерноморья. Тбилиси

Щепинский А.А. 1975. Энеолит Крыма. Автореф. дис. … канд. ист. наук. К.

Щепинский А.А. 1985. Кеми-обинская культура // Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. К.

Щербакова Т.А. 1981. Могильник первых веков нашей эры у с. Этулия // АИМ (1974–1976 гг.)

Щербакова Т.А. 1982. Поселения первых веков нашей эры в бассейне оз. Кагул // АИМ 1977–1978 гг.

Щербакова Т.А. 1983. Раскопки поселений позднеримского времени у ст. Чишмикиой // АИМ 1979–1980 гг.

Щербакова Т.А. 1985. Поселения, жилые и хозяйственные сооружения позднескифского времени в зоне Буджакской степи // Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце первого тысячелетия до н.э. на юго-западе СССР и сопредельных регионов. Тез. докл. и сообщ. совместной школы-семинара. Ужгород

Щербакова Т.А. 1987. Жилые и хозяйственные сооружения на поселениях позднеримского времени в зоне Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. К.

Щербакова Т.А. 1988. Керамический комплекс поселения III–IV вв. у с. Томай // АИМ в 1983 г.

Щербакова Т.А. 1991. Памятники типа Этулия (истоки и пути формирования, направленность хозяйственной деятельности) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат-лы международ. конф. Тирасполь

Щербакова Т.А. 1994. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V тыс. н.э.). Мат-лы международ. конф. Тирасполь

Щербакова Т.А. 1997. К вопросу о населении Нижнего Поднестровья в III – первой четверти II вв. до н.э. // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Щербакова Т.А. 1997а. Позднеархаический горизонт поселения Чобручи на Нижнем Днестре // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Щербакова Т.А., Кашуба М.Т. 1990. Два новых культурно–хронологических горизонта на посаде древнерусского городища Алчедар (МССР) // ПИАНП. Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. ист.-краев. конф. Ч. II. Археология

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф. 2009. Терракоты из Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок поселения Чобручи) // ССПiК. XV

Щербакова Т.А., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Усадьба на поселении первых веков н.э. у с. Будешты // АИМ в 1973 г.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. 2008. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья. Кишинев

Щукин М.Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА. № 2

Щукин М.Б. 1970. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. Вып. 12

Щукин М.Б. 1976. О начальной дате черняховской культуры // ZNUJ. T. 422. Prace archeologiczne. Z. 22

Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. Вып. 20

Щукин М.Б. 1989. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск

Щукин М.Б. 1989а. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. № 1

Щукин М.Б. 1993. О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор. М-лы конф. посв. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск

Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.

Щукин М.Б. 1995. Две реплики: о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавасде и погребении в Косике // ВДИ. № 4

Щукин М.Б. 1999. Забытые бастарны // Stratum plus. № 5

Щукин М.Б. 2001. «Сарматские» серебряные фалары: «Греко-Бактрийский стиль» или «стиль Малибу»?// Евразия сквозь века. СПб.

Щукин М.Б. 2004. Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена, римского времени и сарматской археологии (пятнадцать апрельских тезисов) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международ. конф. Краснодар

Щукин М.Б. 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.

Щукин М.Б., Еременко В.Е. 1999. К проблеме кимвров, тевтонов и кельтоскифов: три загадки // АСГЭ. Вып. 34

Щукин М.Б., Шаров О.В. 2000. К проблеме финала черняховской культуры // Stratum plus. № 4

Щукин М.Б., Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены / В кн.: Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев

Элиаде М. 1987. Миф о вечном возвращении. М.

Эрдниев У.Э. 1982. Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста

Этнокультурная карта… 1985. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н.э. К.

Юдин А.И. 2006. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья. Автореф. дисс. … докт..ист.наук. Ижевск

Юргевич В.Н. 1872. Об именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других греческих городов Северного Побережья Понта Евксинского // ЗООИД. Т. VIII

Юргевич В.Н. 1883. Открытая в 1881 г. в с. Чобручи греческая надпись древнего города Тиры // ЗООИД. Т. XIII

Юргевич В.Н. 1893. Камни с надписями, купленные для музея Общества в 1892 г. // ЗООИД. Т XVI

Яворницький Д.І. 1990. Історія запорізьких козаків. У 3-х томах. Т. І. К.

Яйленко В.П. 1980. Граффити Левки, Березани, Ольвии // ВДИ. № 2

Яйленко В.П. 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Якобсон А.Л. 1959.Раннесредневековый Херсонес. МИА. № 63

Якобсон А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Яковенко Е.В. 1971. Про кулясті курильниці IV–I ст. до н.е. // Археологія. № 2

Яковенко Е.В. 1974. Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н.е. К.

Яневич А.А. 1990. К проблеме западных генетических связей раннего мезолита Горного Крыма // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбил. конф. Ч. 1. Херсон

Янушевич З.В. 1976. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев

Янушевич З.В. 1986. Культурные растения Северного Причерноморья: палеоботанические исследования. Кишинев

Янушевич З.В., Маркевич В.И. 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. Кишинев

Яровой Е.В. 1979а. Охранные раскопки кургана у с. Бурсучены // АО 1978

Яровой Е.В. 1985. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев

Яровой Е.В. 1986. Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции в 1986 году // Архив Национального музея археологии и истории Молдовы. Кишинев

Яровой Е.В. 1990. Курганы эпохи энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев

Яровой Е.В. 1999. К вопросу о стратиграфии ямных и катакомбных памятников в курганах Северного Причерноморья // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тез. докл. конф. М.

Яровой Е.В. 2000. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дис. … докт. ист. наук. М.

Яровой Е.В., Бруяко И.В. 2000. Комплекс предскифского времени у с. Пуркары в Нижнем Поднестровье (к вопросу о колесничных комплексах в Восточной Европе // Stratum plus. № 3

Яровой Е.В., Четвериков И.А. 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Мат-лы полев. семинара. Тирасполь

Яровой Е.В., Чирков А.Ю. 1989. Воинский сарматский могильник в Единецком районе на Пруте // ПССАСП. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. I

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь

Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В. 1997. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса

Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В. 1997а. Погребальный обряд курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995–1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Тирасполь

Ястребов В.Н. 1894. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. Т. XVII

Яценко С.А. 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // STRATUM + ПАВ. СПб. – Кишинев

Яценко С.А., Малашев В.Ю. 2000. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. № 4

Яцимирский А.И. 1894. О находке в Аккермане древней гробницы летом 1894 г. // Археологические известия и заметки. Т. 2

Θεμελης Πετρος Γ., Τουρατζογλου Ιωαννης Π. 1997. Οι Ταφοι του Δερβενιου, Αθηνα

Agulnikov S. 1995. Importuri de pe cursul interior al Dunării in complex archeologice ale bronzului timpurui din stepa Budjacului // Cercetări archeologice in aria Nord-Tracă. № I

Agulnicov S., Bubulici V. 1999. Tumul sarmatic din sec. I P. CHR. De la lăngă satul Cazaclia // Thraco-Dacica. T. XX. № 1–2

Agulnikov S., Paşa V. 2008. Morminte eneolitice din regiunea Prutului Inferior // Peuce S.N. T. VI (XIX). Tulcea

Alexandrescu P. 1977. Les modeles grecs de la ceramique Thrace tourneè // Dacia. T. XXI

Alexandrescu P. 1988. Geten, Skythen und die Chora von Histria in archaischer Zeit // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. М-лы IV Всесоюзн. симп. по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985. Тбилиси

Andreescu R.R. 2002. Plastica antropomorfă gumelniţeană. Analiză primară. Bucureşti

Anthony D. 1996. V.G. Childe's World System and the Daggers of the Early Bronze Age // Craft Civilization and social Evolution: in Memory of V. Gordon Childe. Philadelphia

Anthony D.W. 2007. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes shaped the Modern World. Princeton and Oxford

Anthony D. 2008. A New Approach to Language and Archaeology: The Usatovo Culture and the Separation of Pre-Germanic // JIES. 36. № 1/2

Avakian G. 1924. Ştiri nouă din Tyras: mănusi de amfore, ţigle şi cărămizi cu ştampile // CNA. № 49–50

Avakian G. 1925. Ştiri nouă din Tyras: mănusi de amfore, ţigle şi cărămizi cu ştampile // CNA. № 59–62

Avakian G. 1927. Ştiri nouă din Tyras: graffiti // CNA. № 67–68

Avakian G. 1931. Săpăturile de la Cetatea-Albă // Anuarul Comisiunii Monumentelor Istorice. Sec. Din Basarabia. № 3

Ayarzaguena Sanz. M. 2000. Surgimiento y creación del concepto de Mesolítico // Espacio, Tiempo y Forma. Serie I. Prehistoria y Arqueologia. Vol. 2

Badd P. 1991. A Metallographic Investigation of the Eneolithic Arsenical Copper Artefacts from Mondsee, Austria // Journal of the Historical Metallurgy Society. Vol. 25. № 2

Bailey D.W. 2000. Balkan prehistory: exclusion, incorporation and identity. London

Bailey D.W. 2005. Prehistoric Figurines. Representation and Corporeality in the Neolithic. London and New York

Barbaza M. 1999. Les civilisations postglaciaires. La vie dans la grande forêt tempérée. Paris

Barnea I., Mitrea D., Anghelescu N. 1957. Săpăturile de salvare de la Noviodunum // MCA. Vol. IV

Barnea I., Mitrea D. 1959. Săpăturile de salvare de la Noviodunum (Isaccea) // MCA. Vol. V
Bazarciuc V.V. 1983. Cetatea geto-dacică de la Buneşti jud.Vaslui // SCIVA T. 34. Nr. 4
Bean G.E., Cook J.M. 1957. The Carian coast III // BSA. № 52
Beazley J.D. 1941. Attic Red –figure Vase-painters. Oxford
Berezanskaja S., Klocko V. 1998. Das Graberfeld von Gordeevka. (Archäologie in Eurasien. Bd. 5). Berlin
Bertemes F. 1998. Überlegungen zur Datierung und Bedeutung der schnurverzierten Keramik im nordöstlichen Karpatenbecken und Siebenbürgen // Prähistorschen Archäologie in Südosteuropa. Bd. 12
Biagi P., Shennan S., et al. 2005. Rapid rivers, slow seas? New data for the radiocarbon chronology of the Balkan peninsula // Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory, Education. Reports of Prehistoric Research Projects 6–7
Biagi P., Spataro M.P. 2005. New Observations on the Radiocarbon Chronology of the Starčevo-Cris, Körös Cultures. Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory, Education. Reports of Prehistoric Research Projects 6–7. L. Nikolova, J. Higgins. Salt Lake City & Karlovo
Bichir G. 1972. Sarmaţii la Dunărea de Jos în lumina ultimelor cercetări // Pontica. Vol. V
Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. Bucureşti
Bichir G. 1976. Relaţiile dintre sarmaţi şi geto-daci pină la sfîrşitul secolui I e.n. // SCIVA. T. 2. Nr. 2
Bichir Gh. 1977. Sarmates au Bas-Danube // Dacia. T. XXI
Bichir Gh. 1984. Geto-dacii din Muntenia în epoca romană. Bucureşti
Bichir G. 1993. Date noi cu privire la patrunderea sarmatilor în territoriul geto-dacic (1) // SCIVA. T. 44. Nr. 2
Bichir G. 1996. Date noi cu privire la patrunderea sarmatilor în territoriul geto-dacic (II) // SCIVA. T. 47. Nr. 3
Binford L.S. 1971. Mortuary Practics: Their Study and Their Potential // Memoirs of the Society for American Arhaeology. № 25
Blaramberg J. P. 1822. Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. Paris
Blinkenberg Chr. 1926. Fibules grecques et orientales // Historisk. – Filologiske Meddelser. XIII. 1. København.
Bodzek J. 2008. Koshary (Ukraine) – Coin finds in 2004–2005 // Pontika. 2006. Resent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Krakow
Bognár-Kutzián I. 1963. The Copper Age Cemetery Tiszapolgár-Basatanya. Budapest
Borchardt I. 1972. Homerische Helme. Mainz
Bouzek J. 1985. The Aegean, Anatolia and Europe: cultural interrelations in the second millenium B.C. Praha
Bökönyi S. 1974. History of domestic mammals in Central and Eastern Europe. Budapest
Bradley R. 1990. The passage of arms: an archaeological analysis of prehistoric hoards and votive deposits. Cambridge
Brudiu M. 2000. Contribution concernant la civilisation de Folteşti au sud de la Moldavie // SAA. VII
Brukner O. 1981. Rimska keramika u jygoslovonskom delu provincije Donje Panonia. Beograd
Brujako I.V., Noviţki E.Jy. 1997. Grădistea Novoselskoe II (Satu Nou II) — un nou complex tracic la Dunărea de Jos // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. T. II. Bucureşti
Bruyako I., Manzura I., Subbotin L. 2005. Prehistoric Settlement «Kartal» (Orlovka): Preliminary Information on the Excavations in 2001–2002 // Prehistoric Archaeology & Theoretical Anthropology and Education. RPRP. 6–7
Buchvaldek M. 1966. Die Schnurkeramik in Mitteleuropa – Zur Herausstellung der Fundgruppen und der Frage ihrer gegenseitigen Beziehungen // Památky archeologické. № 1
Bujskich S.B. 1994. Zum Limes im nördlichen Schwarzmeerraum // BJ. № 194

Bunjatjan K.P., Kaiser E., Nikolova A.V. 2006. Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet. Langenweissbach // Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes. Bd. 8. Langenweisbach

Buzoianu L., Barbulescu M. 2008. Albeşti. Monografie. Arheologica. I

Buzdugan C. 1968. Mormîntul hallstattian descoperit la Recea // Carpica. T. I

BGC. 1999. Byzantine glazed ceramics. The art of sgraffito. Athens

Calinescu R.I. 1931. Insula Şerpilor // Analele Dobrogei. Revista Societații Culturale Dobrogene. Fasc 1–12. Cernauți

Canarache Y. 1953. Considerații asupra unei statui inedite din timpul orinduirii comunei primitive in Dobrodgea // SCIV. T. IV, nr. 3–4

Cândea I. 1999. Cercetările archeologice din anii 1997–1998 de la Belgorod-Dnestrovsk (Cetatea Albă) // Cercetări archeologice in aria Nord Tracă. Vol. III. Bucureşti

Chapman J. 1991. The Creation of Social Arenas in the Neolithic and Copper Age of S.E. Europe: The Case of Varna // Sacred and Profane. Proceedings of a Conference on Archaeology, Ritual and Religion. (1989). Oxford

Chapman J. 2000. Fragmentation in Archaeology: People, Places and Broken Objects in the Prehistory of South Eastern Europe. London

Chapman J. 2002. Domesticating the Exotic: the Context of Cucuteni-Tripolye Exchange with Steppe and Forest-steppe Communities // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Cambridge

Chapman J., Gaydarska B. 2003. The provision of salt to Tripolie mega-sites // Трипільські поселення-гіганти в Україні. Тальянки

Chetraru N., Moraru A., Raileanu N. 2003. Nicolae Moroşan – drama unui savant. Chişinău

Childe G. 1950. Prehistoric migrations in Europe. Oslo

Childe G. 1958. The prehistory of European Society. London

Chochorowski J. 2008. Social aspects of sacred spatial organization of Koshary necropolis // Pontika. 2006. Resent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Kraków

Chochorowski J., Papuci-Władyka E., Redina E.F. 1999. Polish-Ukrainian Archaeological Research of Ancient Settlement and Necropolis in Koshary, Odessa district // Studies in Ancient Art and Civilization. V. 9. Kraków

Chochorowski J., Papuci-Władyka E., Redina E.F. 2000. Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe zespołu stanowisk z okresu antycznego w miejscowości Košary koło Odessy // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego, vol. XXI. Rzeszów

Chochorowski J., Papuci-Władyka E., Redina E.F. 2004. Polisch-ukrainische Ausgrabungen an dem antiken Fundstellenkomplex von Košary bei Odessa. Recherches Archéologiques de 1993–1998. Kraków

Chochorowski J., Papuci-Władyka E., Redina E.F., Kokorzhitskaia T.N., Nosova L.V., Bodzek J., Machowski W. 2001. The Polish-Ukrainian Excavations at Koshary, Odessa District: 1998–2001 // Ольвія та античний світ. Мат-ли наук. читань, присвяч. 75-річчю утвор. істор-археол. заповідника «Ольвія» НАНУ. К.

Clark G. 1932. The mesolithic age in Britain. Cambridge

Coja M. 1968. Las ceramique grise d'Histria a'epocque // Dacia. NS. T. XII

Coja M. 1970. Ceramica autohtona de la Histria (secolele V–I i.e.n.) // Pontica. T. III

Cojocaru V. 2000. Achilleux in Tyras // Tyche. T. 15

Cojocaru V. 2002. Epigraphische Notizen // Tyras-Cetatea Alba/Belhorod-Dnistros'kyj. Bucureşti

Cojocaru V. 2002a. Neue Münzen von Tyras aus einer ukrainischen Privatsammlung // Tyras-Cetatea Albă/Belhorod-Dnistros'kyj. I. Bucureşti

Cojocaru V. 2002б. Neues über den Achilleuskult im Nordwestlichen Schwarzmeerraum // Tyras-Cetatea Albă/Belhorod-Dnistros'kyj. Bucureşti

Comşa E. 1963. Unele probleme ale aspectului Cultural Aldeni II. // SCIV. T. 14, nr. 1

Comşa E. 1982. Morminte cu ocru descoperite la Corlăteni // Thraco-Dacica. T. III

Constantinescu E.-M. 1994. Rezultate ale cercetărilor arheologice de la Gheraşeni-Grindul Cremenea în campania 1992 // Mousaios. 4 (1)

Cook R.M., Dupont P. 1998. East Greek Pottery. London, New York

Corpus Inscriptionum Graecarum. 1843. Academiae Litterarum Regiae Borussicae edidit Augustus Boeckhius. Vol. II. Berolini

Csányi M., Raczky P., Tárnoki Ju. 2009. Előzetes jelentés a rézkori bodrogkeresztúri kultúra Rákóczifala-Bagi-földön feltárt temetőjéről // Tisicum. A Jász-Nagykun-Szolnok megyei múzeumok évkönyve. XVIII. Szolnok

Cumont F. 1925. Fragment de bouclier portant une liste d'étapes // Syria. T. 6. Fasc. 1

Dergačev V. 2002. Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien // PBF Abt. XX. Bd. 9

Diaconu Gh. 1962. Despre pandativele prizmatice de os din necropole de la Tirgşor // SCIV. T. 13, nr. 2

Diaconu Gh. 1965. Tîrgşor. Necropola din secolele III–IV e.n. Bucureşti

Diaconu Gh. 1970. Über die scheibengedrehte Keramik in Sîntana de Mureş-Tschernjachowkultur // Dacia. N.S. T. XIX

Diehl E. 1927. Pontarches // Gnomon. № 3

Diehl E. 1948. Tyras (2) // RE. 7-A

Diehl E. 1953. Pontarches // RE. XXII. 1

Dočkalová M., Koštuřík P. 1996. Seskupení hrobů nositelů kultury s lineární keramikou na neolitickém sídlišti v Tešeticích-Kyjovicích, okr. Znojmoü // Sborník prací filozofskě fakulty Brněnské Univerzity. M 1. Brno

Dolukhanov P., Shukurov A. 2004. Modelling Neolithic dispersal in northern Eurasia // Documenta Praehistorica. Vol. 31

Dolukhanov P., Seferiades M., Subbotin L. 2002. La civilization de Gumelnitsa // Archeologia. № 388. Dijon

Dorutiu-Boilă E. 1990. Despre cărămizile cu ştampilă ale legiunilor V Macedonica şi XI Claudia la Dunărea de Jos şi pe litoralul nordic al Marii Negre // SCIVA. T. 41. Nr. 3–4

Dragomir I.T. 1976. Două morminte ocromane din regiunea de sud a Moldovei // Muzeul național. 3

Dragomir I. 1983. Eneoliticul din sud-estul României. Aspectul cultural Stoicani-Aldeni. Bucureşti

Dzigovskiy A.N. 2007. Constantine the Great and Rausimodus, Sarmatorum rex // Analele Universitații Dunărea de Jos Galați. T. VI

Dumitrescu V. 1924. Decouvertes du Gumelnita // Dacia. T. I

Dumitrescu V. 1965. Principalele rezultate ale primelor doua campani de sepeturi din aşesarea Neolitica tîrzie de la Căscioarele // SCIV. T. 16, nr. 2

Dumitrescu V. 1968. La nécropole tumulaire du premiere âge du fer de Basarabi (dép. de Dolj, Olténie) // Dacia. T. XII

Dumitrescu V. 1971. L'importance des elements Illyriens dans la civilisation de Basarabi (Hallstatt C) au sud-est de la Roumanie // Actes du VII e Congress International des sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Prague 1966. Prague

Dumitroaia G. 2000. Comunitați preistorice din Nord-Estul Romaniei. De la cultura Cucuteni pîna in bronzul mijlociu. Piatra-Neamț

Earle T. 1997. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford

Ebert M. 1913. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dnjepr. Gouv. Cherson // PZ. Bd. V. H. 1/2

Ebert M. 1913a. Ausgrabungen bei dem Guten Marizyn // PZ. Bd. V. H. 1/2

Ebert M. 1921. Südrussland im Altertum. Bonn-Leipzig

Egger E. 1885. Inscription de ile de Leuke // BCH. XI

Ehrhardt N. 1988. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Mein-Bern-New York-Paris T. 1–2

Florescu A.C. 1964. Contribuții la cunoasterea culturii Noua // AM. T. II–III

Florescu M., Căpitanu V. 1969. Cercetări arheologice de suprafaţe în judeţul Bacău // AM. T. VI

Florescu A., Florescu M. 2005. Cetăţile traco-getice din secolele VI–III a. Chr. de la Stânceşti (jud. Botoşani)

François V. 2005. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine à l'époque Paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. К.

Garašanin M. 1979. (Hrsg.). Praistorija jugoslavenskih zemalja. Neolitsko doba. Bd. 2. Sarajevo

G.E.E.M. 1969. Epipaleolithique-mesolithique. Les microlithes geometriques. Bulletin de la Societe Prehistorique Franfaise 66

Gerškovič J.P. 1999. Zur Studien spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Wesküste des Azovischen Meeres. Archaologie in Eurasien. Bd. 7. Berlin

Gesinger F. 1938. Peutingeriana // R. ENC. Bd. XIX

Gimbutas M. 1973. The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans 3500–2500 B.C. // JIES. V. 1/2

Gimbutas M. 1997a. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe // The Kurgan Culture and the Indo-Europenization of Europe. Selected articles from 1952 to 1993. Journal of Indo-European Studies Monograph 18. Washington, D.C.

Gimbutas M. 1997b. The Three Waves of the Kurgan People into Old Europe, 4500–2500 B.C // The Kurgan Culture and the Indo-Europenization of Europe. Selected articles from 1952 to 1993. Journal of Indo-European Studies Monograph 18. Washington, D.C.

Gimbutas M. 1997c. The Collision of Two Ideologies // The Kurgan Culture and the Indo-Europenization of Europe. Selected articles from 1952 to 1993. Journal of Indo-European Studies Monograph 18. Washington, D.C.

Goldmann K.D. 1979. Die Seriation der chronologischen Leitfunde der Bronzezeit Europas. Berlin

Govedarica B. 1998. Das Problem Suvorovo-Gruppe in den Ost-West Beziehungen // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. München-Rahden/Westf. Leidorf

Govedarica B. 2004. Zepterträger – Herrscher der Steppen. Mainz am Rhein

Gudkova A.V. 1999. Die grautonige Keramik der Siedlung von Kozyrka in der Umgebung von Olbia. Zum Problem der prototschernjachow Keramik Die Sîntana de Mures-Tschernjachow Kultur // Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh von 20 bis 24 Oktober. 1995. Bonn

Gudkova A.V. 2002. Tyras und Bujakbevölkerung in 1. Hälfte des 1. Jahrtausends n.Chr. // Tyras-Cetatea Alba/Belgorod-Dnistros'kyj. B I. Bukureşti

Gudkova A.V., Krapivina V.V. 1997. Grautonige scheibengedrehte Keramik aus Tyras, Olbia und Tschernjachow Kultur. Vergleichende Analyse // Il Mar Nero. 1995–1996. Roma-Paris

Gumă M. 1993. Civilizaţia primei epoci a fierului in sud-vestul Romaniei // Bibliotheca Tracologică. IV

Haheu V., Curciatov S. 1993. Cimitirul plan eneolitic de lîngă satul Giurgiuleşti // Revista Arheologică. 1

Hänsel B. 1976. Beitrage zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn

Hansen S. 2007. Bilder vom Menschen der Steinzeit: Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. Archäologie in Eurasien. Bd. 20. Mainz

Harmatta J. 1970. Studies in history and language of the Sarmatians // AAH. T. XIII

Harţuche N. 1980. Complexul cultural Cernavoda I de la Rîmnicelu judeţul Brăila // Istros. 1

Harţuche N. 2002. Complexul arheologic Brăiliţa // Bibliotheca Thracologică. XXXV. Bucureşti

Hasotti P. 1997. Epoca neolitica în Dobrogea. Constanţa

Hedreen G. 1991. The Cult of Achilles in the Euxin // Hesperia. 60

Hillebrand J. 1929. Das Frühkupferzeitliche Gräberfeld von Pusztaitvánhaza // Archaeologia Hungarica. IV

Hodder I. 1990. The domestication of Europe: structure, contigency in neolithic societies. Oxford-Cambridge

Holste F. 1962. Zur chronologie der südosteuropaischen Depotfunde der Urnenfelderzeit // Vorgeschichtlichen Seminar Philips Universitat. Marburg

Hommel H. 1980. Der Gott Achilleus. Sitzb. Heidelberg. I

Hooker J.T. 1981. The cults of Achilles // RMPh. 31

Horedt K. 1982. Siebenbürgen in spätrömischer Zeit. Bucureşti

Hupe J., Bujskich Sergej B., Ochotnikov Sergej B., Russjaeva Anna S., Tunkina Irina V. 2006. Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Rahden/Westf.

Iconomu C. 1979. Decouvertes recentes dans l'etablissement hallstattien tardif de Curteni (dep.Vaslui) // Dacia. T. XXIII

Inizian M.-L., Pelegrin J. 2002. Débitage par pression et expérimentation: une question de méthodologie // Paléorient. Vol. 28/2

Inizian M.-L., Tixier J. 2000. L'émergence des arts du feu: le traitement thermique des roches siliceuses // Paléorient. Vol. 26/2

Inscriptiones Scythiae… 1883. Inscriptiones Scythiae Minoris Graecae et Latinae. / Ed. D.M. Pippidi. Acad. Dacoromanae. Vol. 1. Bucureşti

Ioniță I. 1966. Contribuții cu privire la cultura de Sîntana de Mureş-Cernjachov pe teritoriul Republicii Socialiste Romăna // AM. T. IV

Ioniță I. 1982. Din istoria şi civilizația dacilor liberi. Dacii din spațiul est-carpatic in secolele II–IV e.n. Iaşi

Ioniță I. 1986. Chronologie der Sîntana de Mures-Tscherniachov-Kultur // Peregrinatio gothica. Polonia. Łódź

Ioniță I. 1991. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuss in der Sîntana-de-Muresch-Cernjachov Kultur // Peregrinatio Gothica. Fredrijkstad, Norway. Oslo

Iorga N. 1899. Studii istorice asupra Chiliei şi Cetătei Albe. Bucureşti

Jażdżewski K. 1938. Cmentarzyska kultury ceramiki wstęgowei i związane z nimi śladz osadnictwa w Brześciu Kujawskim // Wiadomości Archaeologiczne. 20. Warszawa

Jeunesse Ch. 1997. Praktiques funéraires au néolitique ancien. Sépultures et nécropoles danubiennes 5500–4900 av. J.-C. Paris

Jugănaru G. 2005. Cultura Babadag I // Biblioteca Istro-Pontică (ser. Arheologie 7). Constanța

Kaszanjwski K., Kosydarski A., Niedzwiecka E. 2008. Rezults of 1998–2004 anthropogical studies at an ancient burial site at Koshary (the Ukraine) // Pontika. 2006. Resent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Krakow

Kazdová E., Lorencová A. 1985. Společný hrob tří jedinců s vypichanou keramikou z Těšetic-Kyjovic, okr. Znojmo // Sborník prací filozofskě fakulty Brněnské Univerzity. E 30. Brno

Kemenczei T. 1984. Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest

Kemp-Lindeman D. 1975. Darstellungen des Achilleus in griechischer und römischer Kunst

Kiosak D. 2009. Flint inventory of the Sabatynivka I site (Trypillia B I) // Ten Years After: the Neolithic of the Balkans, as Uncovered by the last decade of research. Part II. Timişoara

Kiosak D. 2011. The issue of the «Steppe Neolithic» in the north-western Black sea area // INQUA 501 VII Meeting. 21–28 August, Odessa

Kossatz-Deissmann A. 1981. Achilleus // LIMC. I. 2

Köhler H.K.E. 1826. Memoire sur les iles et les courses consacrees a Achille dans le Pont Euxin // Memoires de L`Academie imperiale des sciences de St.Petersbourg. T. X. St. Petersbourg

Krapivina V.V. 1998. Olbia Pontica and Roman troops in the 3rd – 4th centuries // The Roman Frontier at the Lower Danube 4th – 6th centuries // The second Frontier Intern. Symposium. Bucharest

Kulcsár V. 1998. A kárpát-medencei szazmaták temetkézesi szokasai. Aszód

Laczek G. 2008. Bone amulets from tomb No.211 at Koshary, Ukraine // Pontika 2006. Resent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Krakow

Larina O.V. 1994. Culturi din epoca neolitica. Chişinău

Larina O.V. 1994a. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova // Thraco-Dacica. T. XV

Laszlo A. 1986. Grupul Tămăoani. Asupra «orizontului hallsttian» timpurii cu ceramică incizată din sudul Moldovei // MA. XII–XIV. 1980–1982

Laszlo A. 1993. Dates radiocarbone et chronologie de la civilisation Noua-Sabatinovka-Coslogeni // Culture et civilisation au Bas Danube. Calaraşi

Lazarovici G. 1993. VII. Les Carpates Meridionales et la Transylvanie. Atlas du Néolithique européen. L'Europe orientale. Liege

Leahu D. 1992. Consideraţii asupra unor podoabe antice de aur de la Lungoci, Balaci şi Moigrad // CA. 9

Lenneis E., Neugebauer-Maresch Ch., Ruttkay E. 1999. Jüngsteinzeit im Osten Österreichs. St. Pölten-Wien

Levițki O., Haheu V. 1999. Necropola hallstattiana tîrzie de la Giurgiuleşti // Ştudia in honorem Ion Niculiță. Chişinău

Levițki O., Manzura I., Demcenco T. 1996. Necropola tumulară de la Sărăteni. Bibliotheca Thracologică. XVII. Bucureşti

Lichardus J. 1988. Der westpontische Raum und die Anfänge der Kupferzeitlichen Zivilisation // Macht, Herrschaft und Gold: Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neuen europäischen Zivilisation. Saarbrücken

Lichardus J., Lichardus-Itten M. 1998. Nordpontische Gruppen und ihre westlichen Nachbarn. Ein Beitrag zur Entstehung der frühen Kupferzeit Alteuropas // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 12. München-Rahden/Westf.

Magomedov B. 2004. Körpergäber in der Cernjachov Sîntana de Mureş Kultur // EA. Bd.10

Mantu K.M. 1994. Un mormânt de ingumație din perioadă de tranzitie la epoca bronzului de la Grumezoaia (jud. Vaslui) AMN. T. XXXI

Mantu C.M. 1998. Cultura Cucuteni. Evoluție, cronologie, legaturi. Piatra-Neamț

Mantu C.M., Dumitroaia Gh., Tsaravopoulos A. 1997. Cucuteni: the last great Chalcolithic civilization in Europe. Thessaloniki

Manzura I. 1993. The East-West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and Early Bronze Cultures in Northwest Pontic // Revista Arheologică. 1

Manzura I.V. 1994. Culturi eneolitice în zona de stepă // Thraco-Dacica. T. XV

Manzura I. 1999. Cernavoda I culture / In: Nikolova L. The Balkans in Later Prehistory. Periodization, Chronology and Cultural Development in the Final Copper and Early Bronze Age (Fourth and Third Millennium BC). Ch. 7. BAR International Series. 791

Manzura I. 2005. Steps to the Steppe: or, how the North Pontic Region was colonized // OJA. 24 (4)

Matasa C. 1964. Aşezarea eneolitica Cucuteni B de la Tîrgu Ocna-Podei (raionul Tîrgu Ocna, reg. Bacău) // AM. T. II–III

Mateevici N. 2007. Amforele greceşti în mediul barbar din Nord-Vestul Pontului Euxin in sec. VI – începutul sec. II a. Chr. Chişinău

Matthias W. 1982. Kataloge zur mitteldeutschen Schnurkeramik, Teil V: Mittleres Saalegebiet. Berlin

Matuschik I. 1997. Eine donauländische Axt vom Typ Şiria aus Überlingen am Bodensee. Ein Beitrag zur Kenntnis des frühesten kupferführenden Horizontes im Zentralen Nordalpengebiet // PZ. 72

Matuschik I. 1998. Kupferfunde und Metallurgie-Belege, zugleich ein Beitrag zur Geschichte der kupferzeitlichen Dolche Mittel-, Ost- und Südosteuropas // Martin Mainberger. Das Moordorf von Reute. Teraqua CAP.

Mayewski P. 1993. The atmosphere during the Younger Dryas / P. Mayewski, L.D. Meeker, S. Whitlow et al // Science. Vol. 261

Midgley M.S. 2005. The monumental cemeteries of prehistoric Europe. Stroud

Mielczarek M. 1999. Monety obce i miejscowe w Greckim Nikonion // Wiadomosci Numizmatyczne. R. XLIII. Z.1–2

Minns E.H. 1913. Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeologiy on the North coast of the Euxine. Cambridge

Mitrea B. 1965. Descoperirile monetare şi legăturile de schimb ale Histriei cu populaţiile locale în sec. V–IV î. E.N. // SC. № 7

Mitrea B., Preda C. 1966. Necropole din secolul al IV-lea in Muntenia. Bucureşti

Monah D. 1991. L'exploitation du sel dans les Carpates Orientales et ses rapports avec la culture de Cucuteni–Tripolye // Le paléolithique et le néolithique de la Roumanie en contexte Européen. Iaşi

Morintz S. 1977. Citeva consideraţii cu privire la complexul cultural Sabatinovka-Coslogeni-Noua // Peuce. VI. Studii şi comunicări de istorie şi arheologie. Susţinute la cel de-al doilea Colocviu Tulcea 2–5 junie 1974. Tulcea

Morintz S. 1978. Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. T. 1. Epoca bronzului in spaţiul Carpato-Balcanic. Bucureşti

Morintz S. 1987. Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiana timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. T. VIII. Nr. 1–2

Morintz S., Roman P. 1968. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau // Dacia. N.S. T. XII

Moscalu E. 1983. Ceramica traco-getică. Bucureşti

Müller-Karpe H. 1959. Beitrage zur chronologie der Urnenfelderzeit nordlich und sudlich der Alpen // RGF. Bd. XXII

Nestor I. 1937. Cercetări preistorice la Cernavodă // Analele Dobrogei. 18

Nicorescu P. 1924. Scavi e scoperte a Tyras // Ephemeris Dacoromanum. Vol. 2

Nicorescu P. 1927. La campagne de Philippe en 339 // Dacia. T. II

Nicorescu P. 1933. Fouilles de Tyras // Dacia. T. III/IV

Nicorescu P. 1937. Garnizoana romană în sudul Basarabiei // AR MSI. № 19 (3)

Nicorescu P. 1944. O inscripţie a împăratului Traian găsită la Cetatea-Albă. // AR MSI. № 26 (3)

Nieszery N. 1995. Linearbandkeramische Gräberfelder in Bayern // Internationale Archäologie. 16. Espelkamp

Nijboer A.J. 2006. The Iron Age in the Mediterranean: A Chronological Mess or «Trade Before the Flag». Part II // Ancient West & East. Vol. 4. No. 2

Nijboer A.J., Van der Plicht J., Bietti Sestieri A.M., De Santis A. 1999/2000. A High Chronology for the Early Iron Age in Central Italy // Palaeohistoria. 41/42

Nikolova L. 2000. Social transformations and evolution in the Balkans in the fourth and third millennia BC // Reports of Prehistoric Research Projects

Nikolova L. 2001. Approach to the Genesis and Initial Development of the Early Bronze Age in the Lower Danube Basin and in the Southern Balkans // Cernavodă III-Boleráz. Ein vorgeschichtliches Phänomen zwischen dem Oberrhein und der unteren Donau. Bucureşti

Nikolova A.V. 2006. Der Beginn der Errichtung von Grabhügeln // K.P. Bunjatjan, E. Kaiser, A.V. Nikolova. Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet. Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums. Band 8. Langenweisbach

Nikolova A.V., Kaizer E. 2009. Die absolute Chronologie der Jamnaja-Kultur in nördlichen Schwarzmeergebiete auf der Grundlage erster dendrochronologischer Daten // EA. Bd. 15

Novotná M. 1982. Zur Stellung einiger Kupferdolchen am Mittleren Donau // Thracia Praehistorica. Supplementum Pulpudeva 3. Sofia

Ochotnikov S.B. 1997. Tyras i Nikonion // Swiat kolonii greckich u ujscia Dnierstru. Torun

Okhotnikov S.B. 2001. Settlements in the Lower Reaches of the Dniester (6th-3rd centuries BC) // North Pontic Archaelogy. Colloquia Pontica. 6. Leiden-Boston-Kőln

Ochotnikov S.B. 2006. The Chora of the Ancient Cities in the Lower Dniester Area (6th centery BC – 3rd century AD) // Surveying the Creek Chora. Aarchus

Okhotnikov S.B., Ostroverkhov A.S. 1993. L`ile de Leuke et le culte d`Achille // Pontica. 1991. XXIV

Okhotnikov S.B., Ostroverkhov A.S. 2007. Achilles on the Island of Leuke // Ancient Greek colonies in the Black Sea 2. Vol. I. BAR. International Series. № 1675 (1). Oxford

Opperman M. 2004. Die westpontische Poleis und ihr indigenes Umfeld in Vorrömischer Zeit. Langenweißbach

Ostrovsky A., Konikov E., Arslanov Kh., Balabanov I., Izmailov Ya., Koff G., Pedan G. 2009. Transgressive-regressive fluctuations of water level in the Black Sea based on Study of the bay-mouth barrier of Khadzhibeisky liman // IGCP 521–INQUA 501 Fourth Plenary Meeting and Field Trip. Istanbul

Palade V. 1980. Elements geto-daces dans le site Sîntana de Mureş de Bîrlad–Valea-Seace // Dacia. T. XXIX

Pallas T. 1793. Voyages en differents provinces de L'empire de Russie. Paris

Papaikonomou I.-D. 2006. L'interpretation des «jouets» trouvès dans les tombes d'enfants d'Abdère // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 45. Rois, cites, necropolis. Institutions, rites et monuments en Macedoine. Athenes

Papuci-Wladyka E., Kokorzhitskaia T.N. 2002. Greek Amphorae from the Polish-Ukrainian Excavations at Koshary, Odessa District (Fourth and Third Centuries BC) // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. (Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens. September 26–29, 2002). Monographs of the Danish Institute at Athens 5. Athens

Papuci-Wladyka E., Redina Y.F. 2011. Ten Years of the Polish-Ukrainian Koshary Project (1998–2008) // Pontika 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. BAR International Series 2240. Oxford

Papuci-Władyka E., Redina E.F., Bodzek J., Machowski W. 2006. [publ. 2007]. The Polish-Ukrainian Excavation at Koshary (Odessa province) season 2004 // Światowit. Vol. VI (XLVII). Fasc. A. Warszawa

Papuci-Wladyka E., Chochorowski J., Redina E. et al. 2004. Koszary – grecka osada nad morzem Czarnum w świetle pięcioletnich badań polsko-ukraińskiewj ekspedycji (1998–2002) // Portolana. Studia Mediterranea. Vol. 1. Krakow

Papuci-Władyka E., Redina E.F., Chochorowski J., Bodzek J., Machowski W. 2006. Greek settlement on the northern Black Sea coast. Polish-Ukrainian excavations in Koshary (Odessa province): Third preliminary report. Seasons 2000–2003. Kraków

Pare Ch.F.E. 1996. Chronology in Central Europe at the end of the Bronze Age // Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500–500 B.C. (Acta Archaeologica vol. 67). København

Passek T.S. 1935. La ceramique tripolienne // ИГАИМК. Вып. 122

Patek E. 1969. Die Urnenfelderkultur in Transdanubien. Budapest

Păunescu A. 2000. Paleoliticul şi mezoliticul din spaţiul cuprins între Carpaţi şi Dunăre. Bucureşti

Pârvan V. 1926. Getica. O protoistorie a Daciei. Bucureşti

Pelegrin J. 1994. Lithic technology in Harappan times // South Asian Archaeology. 1993. Vol. II. Helsinki

Perles C. 2001. The Early Neolithic in Greece: The First Farming Communities in Europe. Cambridge

Peschel von K. 1972. Fibeln mit Spiralfuβ // Zeitschrift für Archäologie. Berlin

Petrenko V. 1996. Über die Entstehung der Usatovo-Kultur // The Thracian World at the crossroads of civilisation. Bucharest

Petrenko V. 2008. Ancient Trypilians in the Steppe Zone: Usatovo Sites // Mysteries of ancient Ukraine. Toronto

Petrenko V., Bejlekchy V. 2000. The Alexandrovka Barrow. The Burial Site of the Usatovo Culture Elite // Funeral practices as Forms of Culturral Identify (bronze and iron ages). 4-th International Colloquium of Funeral Archaeology. Tulcea

Petrescu-Dîmboviţa M. 1972/1973. Elemente de caracter iliric în mediul Tracic din Estul României // MA. T. IV–V

Petrescu-Dîmboviţa M. 1977. Depozitele de bronzuri din Romania. Bucureşti

Petrescu-Dîmboviţa M., Dinu M. 1974. Nouvelles Fouilles Archeologique a Folteşti // Dacia. T. XVIII

Petrescu-Dîmboviţa M., Casan I., Mateescu C. 1951. Săpăturile arheologice dela Folteşti // SCIV. An. I

Petrolesku C.M., Buzdugan C. 1996. Date noi privind tezaurul de monede Histriene descoperite la Fedeşti (jud Vaslui) // CN. VII

Pinney G.F. 1983. Achilles Lord of Scythia // Ancient Greek Art and Iconoography. The University of Wisconsin Press

Pippidi D. 1969. Studii de istorie a religilor antice. Texte şi interpretari. Bucureşti

Pippidi D. 1981. Gétes et grecs dans l'histoire de la Scythie Mineure a l'epoque de Byrebistas // Dacia. N.S. T.XXV

Pippidi D., Berciu D. 1965. Geţi şi greci la Dunărea de Jos. Bucureşti

Poczy C. 1956. Töpferwerkstätten von Aquincum // AAH. T. VII. Fasc. 1.

Poenaru Bordea Gh. 2001. Atelierul monetar al cetaţii Istros în perioada autonomiei // Simpozion de Numismatică. Bucureşti.

Pogoševa A.P. 1985. Die Statuetten Tripolje-Kultur // BAVA. Bd. 7

Polin S. 1994. Despre cronologia antichitaţilor cimeriene // Masivul Traco-Cimerian. Simpozion international. Chişinău

Popa-Lisseanu G. 1925. LEUKH. Insula Šerpilor // Romanica. Studii istorice, filologie şi archeologie. Partea III. Bucureşti

Popilian Gh. 1980. Necropola Daco-Romana de la Locusteni. Craiova

Popovici D. 1983. Citeva observaţii privitoare la metalurgia cuprului pe teritoriul Romaniei // Muzeul national. Bucureşti

Porodjanov K. 1991. Le site submerge d'Ourdoviya // Thracia Pontica. IV. Sofia

Potocki J. 1796. Memoire sur un noveau Peryple du Pont-Euxin. Vienne

Preda C. 1959. Săpăturile de la Alexandria // MCA. T. VI

Ramsey B.C. 1995. Radiocarbon Calibration, Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program // Radiocarbon. Vol. 37(2)

Ramsey B.C. 1998. Probability, Dating // Radiocarbon. Vol. 40 (1)

Rasmussen S.O., Andersen K.K., A.M. Svensson et al., 2006. A new Greenland ice core chronology for the last glacial termination // Journal of Geophysical Research. Vol. 111

Rassamakin Yu.Ya. 1994. The Main Directions of the Development of Early Pastoral Societies of Northern Pontic Zone: 4500–2450 BC (Pre-Yamnaya Cultures and Yamnaya Culture) // BPS. 2

Rassamakin Y.Y. 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 B C / In: Levine M., Rassamakin Yu., Kislenko A. & Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge

Rassamakin Yu. 2003. Aspects of Pontic Steppe Development (4550–3000 BC) in Light of the New Cultural-chronological Model // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Mc Donald Institute Archaeological Research. Cambridge

Rassamakin Ju.Ja. 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. Teile I und II. Mainz

Rau G. 1972. Körpergräber mit Glassbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel Raum // Acta Praehistorica. Vol. 3. Berlin

Rau G. 1975. Spätantike Glassfunde im Karpatenraum // Zeitschrift für Ostforschung. H. 3

Redina Y.F. 2007. Description of Greek necropolis of 4th–3th c. B.C. near Koshary on Tiligul estuary // Istros. XIV. Braila

Redina Y.F. 2007a. Greek Settlements on the Shores of the Bay of Odessa and Adjacent Estuaries // Ancient Greek colonies in the Black Sea 2. Vol. I. BAR. International Series 1675(I). Oxford

Redina Ev.F., Chochorowski J. 2001. Koshary // Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea. Kiev

Redina Ev.F., Mateevici N. 2007. Importul amforistic sinopeean la cetatea antica Kosary, regiunea Odesa, Ukraina // Tiragetia. Vol. I (XVI). Nr. 1. Chişinău

Redina Ev.F., Mateevici N. 2008. Colecția de ştampile heracleote de la cetatea antică Kočary, reg. Odesa, Ucraina (The collection of Heraclian stamps from the site of Kosary Odessa region, Ukraine) // Tyragetia. Vol. II.(XVII). Nr. 1. Chişinău

Redina Y.F., Mateevici N. 2011. Amphorae from Dug-out No.6 in the Ancient Settlement at Koshary (Tiligul Liman, Odessa Province Ukraine) // Pontika 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. BAR International Series 2240. Oxford

Roman P. 1971. Strukturänderungen des Endäneolithikums im Donau-Karpaten-Raum // Dacia. N.S. T. XV

Roman P. 1976. Cultura Coțofeni. Bucureşti

Roman P. 1981a. Forme de manifestare culturala din eneoliticului tîrziu şi perioada de tranziție spre epoca bronzului // SCIVA. T. 32. Nr. 1

Roman P. 1981b. Modificari în structura etno-culturala a Europei de sud-est în eneoliticul tîrziu // SCIVA. T. 32. Nr. 2

Roman P. 1982. Procesul de constituire a noilor grupe etnoculturale de la începutul epocii bronzului // Carpica. 14

Roman P. 2001. Unpulizierte Daten über die Siedlung der Cernavodă I Kultur in Cernavodă // Lux Orientis: Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann zum 65. Ceburtstag. Rahden/Westf.

Ronciere M. de La., Jordin M.M. du, unter Mitarbeit von Azard M.M., Raynaud-Nquyen I. und Vannereau M.A. 1984. Portulane. Seekarten vom 13. bis zum 17. Jahrhundert, München

Roscher W.H. 1886. Ausfürlicher Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig

Rowley-Conwy P. 1996. Why didn't Hodder Westropp's «Mesolithic» catch on in 1872 // Antiquity. Vol. 70

Rusyaeva A.S. 2003. The Temple of Achilles on the Island of Leuke in the Black Sea // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia № 9. 1–2. Leiden

Sava E. 1994. Epoca bronzului perioda mijlocie şi târzie, sec. 17–12 i.e.n. // Thraco-Dacia. T. XV. № 1–2

Schlitz A. 1913. Die Schädel aus der Necropole von Nikolajewka am Dnjepr // HZ. V

Schmidt H. 1932. Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin-Leipzig

Schmidt I. 1934. Geschichte der Deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung: die Ostgermanen. München

Schuchhardt C., Traeger P. 1919. Aufgrabung zweier Tumuli bei Constanza // PZ. Bd. X (1918)

Scorpan C.1977. Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano-byzantins (IV-e – VII-e siecle) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. NS. T. XXI

Seyring H. 1968. Monnaies hellénistiques de Byzance et de chalcédoine // Cambridge Geol. Conf., 4-th. Port-of-Spain

Shalev S. 1988. Relating the «Philistine Sword» at the British Museum: a Case Study in Typology and Technology // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 7. Nr. 3

Simion G. 1992. Geții şi sciții dinspre gurile Dunării de Jos // Carpica. Vol. 23. I

Simion G. 1997. Le site de Celic-Dere. Interprétations ethnoculturelles et implications dans la chronologie du Hallstatt final // Premier Age du Fer aux Bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noire. Actes du Colloque International. Sept. 1993. Tulcea

Simion G. 2000. Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic Dere // Tombes tumulaires de L'Age du Fer dans le Sud-Est de L'Europe. Actes de IIe Colloque International d'Archéologie Funéraire. 1995. Tulcea

Simion G. 2003. Gètes et Scythes aux Bouches du Danube / in: Simion G. Culturi antice în zona Gurilor Dunârii. Vol. I. Preistorie şi proistorie. Tulcea

Simon M. 1983. Cu privire la relația cultura Varna şi cultura Gumelnita // SCIVA. T. 34. Nr. 4

Sirbu V. Harțuche N. 2000. Remarjues sur le tumulus aristocratijue de Găvani, dè I'Europe partement de Brăilla // Tombes tumulaires de L'Age du Fer dans le Sud-Est de L'Europe. Actes de IIe Colloque International d'Archéologie Funéraire. 1995. Tulcea

Srejović D. 1981. Lepenski Vir: Menschenbilder einer frühen europäischen Kultur. Mainz am Rhein

Stanko V.N., Kiosak D. 2007. The Mesolithic Settlement of the Lower Danube-Prut-Dniester-South Bug interfluvials: The Early Mesolithic Assemblages // Atti Societa Preistoria e Protostoria. Friuli-Venezia-Giulia. Vol. XVI

Stanko V.N., Kiosak D. 2010. The Late Mesolithic Settlement of South-Western Ukraine // Atti Societa Preistoria e Protostoria. Friuli-Venezia-Giulia. XVII

Starnini E. 2002. La transizione Mesolitico-Neolitico in Ungheria: uno sguardo critico sullo stato della ricerca. Omaggio a Santo Tiné. Miscellanea di studi di Archeologia preistorica e protostorica. Genoa. Museo regionale

Stern E. 1915. Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes // Hermes. № 50

Stolyarik E. 1993. Essays on Monetary Circulation in the North-Western Black Sea Region. Odessa

Suceveanu Al. 1969. Observations sur la stratigraphie des cites de la Dobrogea aux II–IV siecles a la lumiere des foilles d'Histria // Dacia. T. XIII

Sultov B. 1976. Ancient Pottery Centres in Moesia interior. Sofia

Sultov B. 1985. Ceramic Production on the territory of Nicopolis and Istrum (II-nd – IV-th centure) // Terra Antiqua Balcanica. 1. Sofia. LII

Szczukin M. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk

Szmyt M. 1999. Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC // BPS. 8

Szmyt M., Chernyakov I.T. 1999. Radiocarbon Chronology of «Akkembetskiy Kurgan». A preliminary Report // BPS. 7

Tallgren A.M. 1926. La Pontide prescytique apres l'introduction des metaux // ESA. 2

Taitbout de Marigne E. 1850. Atlas de la mer Noire et de la mer d'Azow. Odessa

Talmaţchi 2002. Monede cu roata descoperite la Histria (Com. Istria, jud. Constanţa) // CN. VIII

Tejral S. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltika. T. 7. Peregrinatio Gothica. Lódz

The Athenian Agora. 1970. Vol. 12. Princeton; New Jersey

Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Leipzig. Bd. 8

Točilescu. Gr.G. 1887. Neue Inschriften aus Dobrudscha // Archaeologische-Epigrafische Mitteilungen aus Osterreich-Ungarn. XI. Fasc. 1

Todorova H. 1978. More about VICINA and the Black Sea Coast // Etudes Balcaniques. № 2

Todorova H. 2002. Grandeln, Hirschgeweih, Eberhauer aus den Gräberfeldern von Durankulak // Durankulak. Die prähistorischen Gräberfelder. B.II. T.1. Sofia

Toscev G. 1998. Cultura catacombelor şi contactelele ei în partea de vest a arealului // Thraco-Dacica. T.XIX

Tyras-Chetatea Alba… 2002. Tyras-Chetatea Alba /Belhorod-Dnistros'kyj. Bucureşti

Vajsov I. 1993. Die frühesten Metalldolche Südost- und Mitteleuropas // PZ. Bd. 68. H. 1

Vajsov I. 2002. Das Grab 982 und die Protobronzezeit in Bulgarien // Durankulak, Band II: 1. Die prähistorischen Gräberfelder. Sofia

Vancugov V.P. 1996. Das Ende der Bronzezeit im nordlichen Shwarzmeergebiet. Die Belozerka Kultur // EA. Bd. 2

Vanchugov V.P. 1998. The cimmerian antiquities in the North-Western Black Sea Region // The Thracian World at the crossroads of civilizations. Proceedings of the 7-th international Congress of Thracology. Vol. II. Bucharest

Vancugov V.P., Subbotin L.V. 2000. Noi komplexe ale culturii Belozerca în zona dintre Nistru şi Dunare // Thraco-Dacica. T. XXI. № 1–2

Vasiliu I. 2007. Săpăturile de salvare de la Luncavița-Mocuța, jud. Tulcea // Peuce. S.N. III–IV.

Videiko M.Yu. 1994. Tripolye – «pastoral» contacts. Facts and character of interactions: 4800–3200 BC // BPS. 2

Videiko M.Yu. 1999. Radiocarbon dating chronology of the late Tripolye culture // BPS. 7

Videiko M.Yu., Petrenko V.G. 2004. Radiocarbon chronology of complexes of the Eneolithic-Early Bronze Age in the Northern Pontic region, a preliminary report // BPS. 12

Vinogradov Yu. 1998. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart

Vinogradov Ju., Domanski Ja., Marčenko K. 1990. Sources Escrites et Archeologiques du Pont Nord-Quest, Analise Comparative // Le Pont Euxin vu par Le Grecs. Paris

Vinogradov Ju.G., Kryžickij S.D. 1995. Olbia. Eine Altgriechische Stadt in Nord-Westlichen Swarzmeerraum. Leiden-New-York-Köln

Vinther B.M., Clausen H.B., Johnsen S.J., Andersen K.K., Buchardt S.L., Seierstad I.K., Siggaard-Andersen M.-L., Steffensen J.P., Svensson A.M. 2006. A synchronized dating of three Greenland ice cores throughout the Holocene // Journal of Geophysical Research. 111. D13102

Vornik V. 2006. Aşezarea şi necropola de tip Sîntana de Mureş-Cernjachov de la Budeşti. Chişinău

Vulpe A. 1965. Zur mittleren Hallstattzeit in Romanien (Die Basarabi-Kulture) // Dacia t. IX

Vulpe A. 1977. Zur Chronologie der Ferigile-Gruppe // Dacia t. XXI

Vulpe R. 1950. La date du vallum romain de la Bessarabie inferiere // Сборник в чест Гаврил Кацаров. София

Vulpe R. 1953. Săpăturile de la Poieneşti din 1949 // MCA. I

Vulpe R. 1957. Izvoare. Săpăturile din 1936–1948. Bucureşti

Vulpe R., Barnea I. 1968. Romanii la Dunărea de Jos // Din istoria Dobrogei. Vol. II. Bucureşti

Wąsowicz A. 1975. Olbia Pontique et son territoire. L`amenagement de l`espase. Besanson-Paris

Wąsowicz A. 1984. Les Liex de Culte des Cites Pontiques // CRDACA. Vol. II

Werner J. 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München

Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des V Jahrhunderts aus der Slovakei und der Karpatenukraine // Slovenska archeologia. T. VII-2. Bratislava

Wide S. 1973. Lakonische Kulte. Darmstadt

Włodarczak P. 2010. Dunajski szlak kultury grobów jamowych a problem genezy kultury ceramiki sznurowej // Mente et rutro. Rzeszów

Wolfram H. 1979. Geschichte der Goten. München

Wu Xinhua, Wagner M., Görsdorf J., Tarasov P., Aisha A., Mei Jianjun. 2006. Das Gräberfeld Liushui des 9. bis 7. Jahrhunderts v.Chr.im Kunlun-Gebirge, NW-China // EA. Bd. 12

Zápotocká M. 1984. Armringe aus Marmor und anderen Rohstoffen im jungeren Neolithikum Böhmens und Mitteleuropas // Památky Archeologické. 75

Zvelebil M., Lillie M. 2000. Transition to agriculture in eastern Europe. In T. D. Price (ed.), Europe's first farmers. Cambridge, UK.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. Санкт-Петербург
АВУ – Археологічні відкриття в Україні. Київ
АДЛУ – Археологічні дослідження Львівського університету
АДУ – Археологічні дослідження в Україні. Київ
АИМ – Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
АИУ – Археологические исследования в Украине. Киев
АО – Археологические открытия в СССР. М.
АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
БИ – Боспорские исследования. Керчь
БС – Боспорский сборник
БСП – Българите по Северното Причерноморие. Велико Тырново
Бюлл. МОИП – Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВВ – Византийский временник. Москва
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВИ – Вопросы истории. Москва
ВОКК – Вісник Одеської комісії краєзнавства
ГИМ – Государственный исторический музей. Москва
ДСПиК – Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье
ЕМИРА – Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Москва–Ленинград
ЕТЦ – Енциклопедія Трипільської цивілізації. Київ
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества. Одесса
ЗООИД (ЗИООИД) – Записки (Императорского с 1875 г. Т. IX) Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса
ЗРАО – Записки Императорского Русского Археологического общества. Санкт-Петербург
ИАИ – Известия на Археологическия институт. София
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИАНП – История и археология Нижнего Подунавья. Рени
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Москва
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИМФ АН СССР – Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев
ИНМВ – Известия на Народния музей Варна
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры. Ленинград
КНП – Культура народов Причерноморья. Симферополь
КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва–Ленинград
КС ОАО – Краткие сообщения Одесского археологического Общества. Одесса

КС ОГАМ – Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея. Одесса

КС ОГУ и ОГАМ – Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного университета и Одесского государственного археологического музея. Одесса

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь

МАПП – Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса

МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса

МАР – Материалы по археологии России

МГУ – Московский государственный университет

МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар

МИАЭ МССР (Молдовы) – Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР (Молдовы). Кишинев

МФ АН СССР – Молдавский филиал АН СССР

НАА – Народы Азии и Африки. М.

НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград

НАН Украины – Национальная Академия наук Украины

НА ОАМ – Научный архив Одесского археологического музея НАН Украины

НЗ ОДПІ (ОПІ) – Наукові записки Одеського державного (Одеського педагогічного інституту). Одеса

НЗ ІПМК – Наукові записки інституту історії матеріальної культури Української АН. Київ

НЗПА УРСР – Наукові записки інституту історії та археології. Уфа

НиС – Нумизматика и сфрагистика. Москва

НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва

ОАК – Отчет Археологической комиссии. Санкт-Петербург

ПАВ – Петербургский археологической вестник. Санкт-Петербург

ПДПУ – Праці Державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського

ПИАНП – Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Белгород-Днестровский

ПССАСП – Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья. Запорожье

ОДУ (ОГУ, ОНУ) – Одеський державний університет ім. І.І. Мечникова

РА – Российская археология. Москва

СА – Советская археология. Москва

САИ – Свод археологических источников. Москва

ССПіК – Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя

СЭ – Советская этнография. Москва

СЭПТ – Свод этнографических понятий и терминов. Москва

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград

ТКУ – Трипільська культура на Україні. Київ

Тр. МКСА – Труды Международного конгресса славянской археологии

ХКААМ – Художественная культура и археология античного мира. Москва

ХСб – Херсонесский сборник Севастополь

ЧИОНЛ – Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев

AAH – Acta antiqua et archaeologia Hungaricae. Budapest

AM – Arheologia Moldovei. Iaşi

AMN – Acta Musei Napocensis. Cluj-Napoca

AR MSI	– Academia Româna: Memoriile secţiunii istorice. Bucureşti
BAVA	– Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Berlin
BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
BSA	– Annual of the British School at Athens
BCH	– Bulletin de Correspondence Hellénique
BJ	– Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn und des Verius von Altertumsfreunden im Rheinlande. Köln
BPS	– Baltic-Pontic Studies. Poznan
CA	– Cercetări arheologice. Bucureşti
CN	– Cercetări numismatice Bucureşti
CNA	– Extras din cronica numismatică şi archeologiă
CRDACA	– Centro Ricerche e Dokumentazione Sull Antichita Classica Atti
EA	– Eurasia Antiqua. Berlin
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
HZ	– Historische Zeitschrift
IOSPE	– Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropolis, 1885–1916
JIES	– The Journal of Indo-Europeen Studies
LIMC	– Lexicon Iconographicum Mythologie Classicae. Zurich-München
MA	– Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamț
MCA	– Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti
OJA	– Oxford Journal of Archaeology, University of Oxford. Oxford
PBF	– Prähistorische Bronzefunde. Stuttgart
PZ	– Prähistorische Zeitschrift.
RE (R. ENC)	– Payli`s Real-Encyclopadie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RGF	– Römisch-Germanische Forschungen
RMPh	– Rheinischer Museum für Philologie
SAA	– Studia Antiqua et Archaeologica. Jaşi.
SC	– Studii clasice. Cluj
SCIV	– Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
SCIVA	– Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti
SCN	– Studii şi Cercetări Numismatice, Institutul de Arheologie «V. Părvan». Bucureşti

Семеновская АЭ -75 (с.Старокозачье)
Паламарчук С.В.
Гречина Т.Н.
(Кокоржицкая)
Охотников С.Б.
Чернов С.И.

городище Пивденное 1962/3
Ашрафян Э.А.
Станко В.Н.
Сальников А.Г.
Бибиков С.Н.

ИзАЭ-80 с.Мирное Килийский р-н
Бруяко И.В.
Фокеев М.М
Бондюгин И.Г.

Суничук Е.Ф.
(Редина)
Брук С.А.
Фокеев М.М
Екимова В.Н.
ИзАЭ-82 (Плавни)

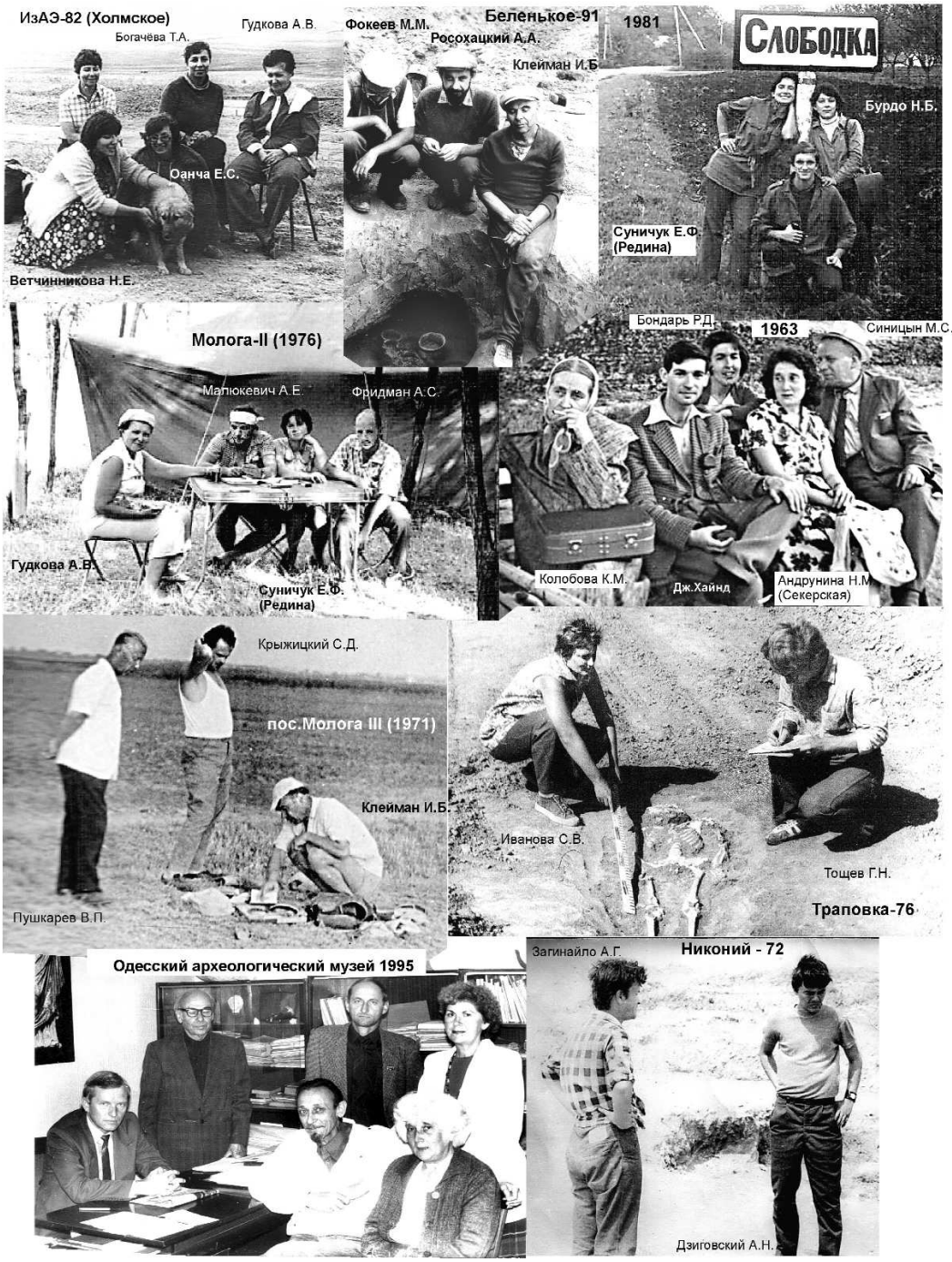
Усатово 1969
Тощев Г.Н.
Патокова Э.Ф.
Охотников С.Б.

ДДЭ-77 с.Вишнёвое Татарбунарский р-н
Субботин Л.В.
Островерхов А.С.

ДДЭ-80 с.Белолесье Татарбунарский р-н
Дворянинов С.А.
Островерхов А.С.
Солецкий В.М.
Швайко Т.Н.
Субботин А.В.
Бондюгин И.Г.
Сапожников И.В.
Субботин Л.В.

Кравченко А.А.
Филипович Д.Б.

«Одесса-Броды»
2000
Дзиговский А.Н.
Смольянинова С.П.
Богуславский Г.С.
Пригарин


ИзАЭ-82 (Холмское)
Богачёва Т.А.
Гудкова А.В.
Оанча Е.С.
Ветчинникова Н.Е.
Фокеев М.М.
Беленькое-91
Рассохацкий А.А.
Клейман И.Б
1981
СЛОБОДКА
Бурдо Н.Б.
Суничук Е.Ф.
(Редина)
Молога-II (1976)
Малюкевич А.Е.
Фридман А.С.
Гудкова А.В.
Суничук Е.Ф.
(Редина)
Бондарь Р.Д.
1963
Синицын М.С.
Колобова К.М.
Дж.Хайнд
Андрунина Н.М
(Секерская)
Крыжицкий С.Д.
пос.Молога III (1971)
Клейман И.Б.
Пушкарев В.П.
Иванова С.В.
Тощев Г.Н.
Траповка-76
Одесский археологический музей 1995
Загинайло А.Г.
Никоний - 72
Дзиговский А.Н.

Кошарская АЭ-98
Охотников С.Б.
Буйских С.Б.
Е.Папуци-Владыко
Я.Хохоровски
Редина Е.Ф..

Роксоланское городище (Никоний) 1961
Шелов Д.Б.
Сальников А.Г.
Сорокина Н.П.

Буго-Днестровская АЭ-88
(с.Артировка)
Сапожников И.В
Бондюгин И.Г.
Частников А.Н.
Солецкий В.М.
Агульников С.М.

ДДЭ-83 (с.Новосельское, Ренийский р.н)
Добролюбский А.О.
Субботин А.В.
Сапожников И.В.
Росохацкий А.А.
Чернов С.И.

Западно-скифская АЭ-69
(с.Николаевка)
Мелюкова А.И.
Булатович С.А.
Андрунина Н.М.
(Секерская)

Роксоланское городище (Никоний) 1961
Брашинский Й.Б.
Шелов Д.Б.
Рикман Э.А.
Борисковский П.И.

Тира-Белгород-82
Столярик Е.С.
Кравченко А.А.
Левина Э.А.

ДДЭ-77 (с.Вишнёвое)
Субботин Л.В.
Дворянинов С.А.
Тощев Г.Н.
Черняков И.Т.

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

Предисловие 5
(Бруяко И.В.)
Preface
(Bruyako I.V.)

ПОЗДНИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК
LATE STONE AGE

Мезолит 11
(Киосак Д.В., Пиструил И.В.)
Mesolithic
(Kiosak D.V., Pistruil I.V.)
Неолит 26
(Киосак Д.В., Пиструил И.В.)
Neolithic
(Kiosak D.V., Pistruil I.V.)

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА
COPPER AGE

Трипольская культура 43
(Бурдо Н.Б, Полищук Л.Ю.)
Cucuteni-Tripolye culture
(Burdo N.B., Polishchuk L.Yu.)
Культура Гумельница: Болградский вариант 85
(Субботин Л.В.)
Gumelniţa culture: Bolgrad variant
(Subbotin L.V.)
Культуры степного энеолита 115
(Манзура И.В)
Steppe Eneolithic cultures
(Manzura I.V.)

Очерк развития энеолитических культур
Северо-Западного Причерноморья 154
(Манзура И.В.)
Essays on the development of Copper Age cultures in the North-West Pontic region
(Manzura I.V.)

ЭПОХА БРОНЗЫ
BRONZE AGE

Усатовская культура 163
(Петренко В.Г.)
Usatovo culture
(Petrenko V.G.)

Ямная (буджакская) культура 211
(Иванова С.В.)
Pit-grave (Budzhak) culture
(Ivanova S.V.)
Катакомбные культуры 255
(Иванова С.В.)
Catacomb cultures
(Ivanova S.V.)

Культура многоваликовой керамики (Бабино) 276
(Субботин Л.В.)
Culture of multi-ridge decorated pottery (Babino culture)
(Subbotin L.V.)
Сабатиновская культура 293
(Ванчугов В.П.†)
Sabatinovka culture
(Vanchugov V.P. †)
Белозерская культура 316
(Ванчугов В.П.†)
Belozerka culture
(Vanchugov V.P.†)

Бронзовый век Северо-Западного Причерноморья
(историко-археологический очерк) 335
(Ванчугов В.П.†, Иванова С.В.)
Bronze Age of the North-West Pontic region (historic-archaeological essay)
(Vanchugov V.P. †, Ivanova S.V.)

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
EARLY IRON AGE

Киммерийские древности в Северо-Западном Причерноморье 345
(Ванчугов В.П.†)
Cimmerian antiquities
(Vanchugov V.P. †)
Памятники фракийского гальштата 353
(Бруяко И.В.)
Archaeological sites of the Thracian Hallstatt period
(Bruyako I.V.)
Очерк истории скифов Северо-Западного Причерноморья 369
(Бруяко И.В.)
Essays on the history of Scythians in the North-West Pontic region
(Bruyako I.V.)
Скифские древности 374
(Островерхов А.С., Редина Е.Ф.)
Scythian antiquities
(Ostroverkhov A.S., Redina E.F.)

Древности гетов
Getae antiquities
- фракийские памятники эпохи позднего гальштата
(раннегетская культура) 419
(Бруяко И.В.)
- Thracian sites of the Late Hallstatt period (Early Getae culture)
(Bruyako I.V.)
- культура гетов 429
(Бруяко И.В.)
- The Getae culture
(Bruyako I.V.)

Очерк истории античных городов Северо-Западного Причерноморья 443
(Охотников С.Б., Островерхов А.С.)
Essays on the history of Antique towns in the North-West Pontic region
(Okhotnikov S.B., Ostroverkhov A.S.)
Тира 450
(Самойлова Т.Л.)
Tiras
(Samoylova T.L.)
Никоний 493
(Секерская Н.М.)
Niconium
(Sekerskaya N.M.)
Остров Левке 523
(Охотников С.Б., Островерхов А.С.)
Leuce Island
(Okhotnikov S.B., Ostroverkhov A.S.)
Городище Картал (римский кастель у с. Орловка) 543
(Бруяко И.В., Дзиговский А.Н.)
Fortified settlement Kartal (Roman fortress near the village of Orlovka)
(Bruyako I.V., Dzigovskiy A.N.)

Античные поселения
Antique settlements
- поселения Нижнего Поднестровья (VI–III вв. до н.э.) 554
(Охотников С.Б.)
- Settlements of the Dniester Liman
(Okhotnikov S.B.)
- поселения Одесского залива 571
(Редина Е.Ф.)
- Settlements on Odessa Bay
(Redina E.F.)
- поселение Кошары 583
(Редина Е.Ф.)
- Koshary settlement
(Redina E.F.)
Сарматы 597
(Дзиговский А.Н.)
Sarmatians
(Dzigovskiy A.N.)

Памятники оседлого населения варварской периферии в римское время
Archaeological sites of sedentary populations on the barbarian periphery during the Roman period
- памятники типа Этулия 631
(Фокеев М.М.)
- Archaeological sites of the Etulia type
(Fokeev M.M.)
- позднескифская культура 644
(Малюкевич А.Е., Гудкова А.В.)
- Late Scythian culture
(Malyukevich A.E., Gudkova A.V.)
- черняховская культура 658
(Гудкова А.В.)
- Chernyakhov culture
(Gudkova A.V.)

Гунны 696
(Дзиговский А.Н., Савельев О.К.)
Huns
(Dzigovskiy A.N., Saveliev O.K.)

ADDENDA

История изучения курганных памятников Северо-Западного Причерноморья 707
(Субботин Л.В., Островерхов А.С.)
History of the study of kurgans in the North-West Pontic region
(Subbotin L.V., Ostroverkhov A.S.)
Животноводство и охота древнего населения Северо-Западного Причерноморья 714
(Секерская Е.П.)
Stockbreeding and hunting by ancient populations of the North-West Pontic region
(Sekerskaya E.P.)

Денежное обращение в междуречье Нижнего Дуная – Нижнего Днестра в античное время 727
(Булатович С.А.)
Monetary circulation in the Lower Danube – Lower Dniester interfluve in the Classical period
(Bulatovich S.A.)
Белгород – Акджа Керман – Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города) 757
(Богуславский Г.С.)
Belgorod – Akdzha Kerman – Asprocastro (essay on the history and archaeology of a medieval town)
(Boguslavskiy G.S.)

Список литературы 792
Bibliography

Список сокращений 892
List of abbreviations

Древние культуры Северо-Западного Причерноморья

Технический редактор С.П. Малыгина
Корректор А.Е. Друкова

Подписано к печати 15.08.2013 г.
Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman CYR.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 56,38. Тираж 500 экз. Зак. 749.

ООО РИА «СМИЛ».
Свидетельство о внесении к Государственному реестру субъектов
издательского дела ДК № 3408 от 03.03.2009 г.
68603, г. Измаил, ул. Нахимова, 385.
Тел. 04841-63-915. E-mail:maligina@ukr.net

902

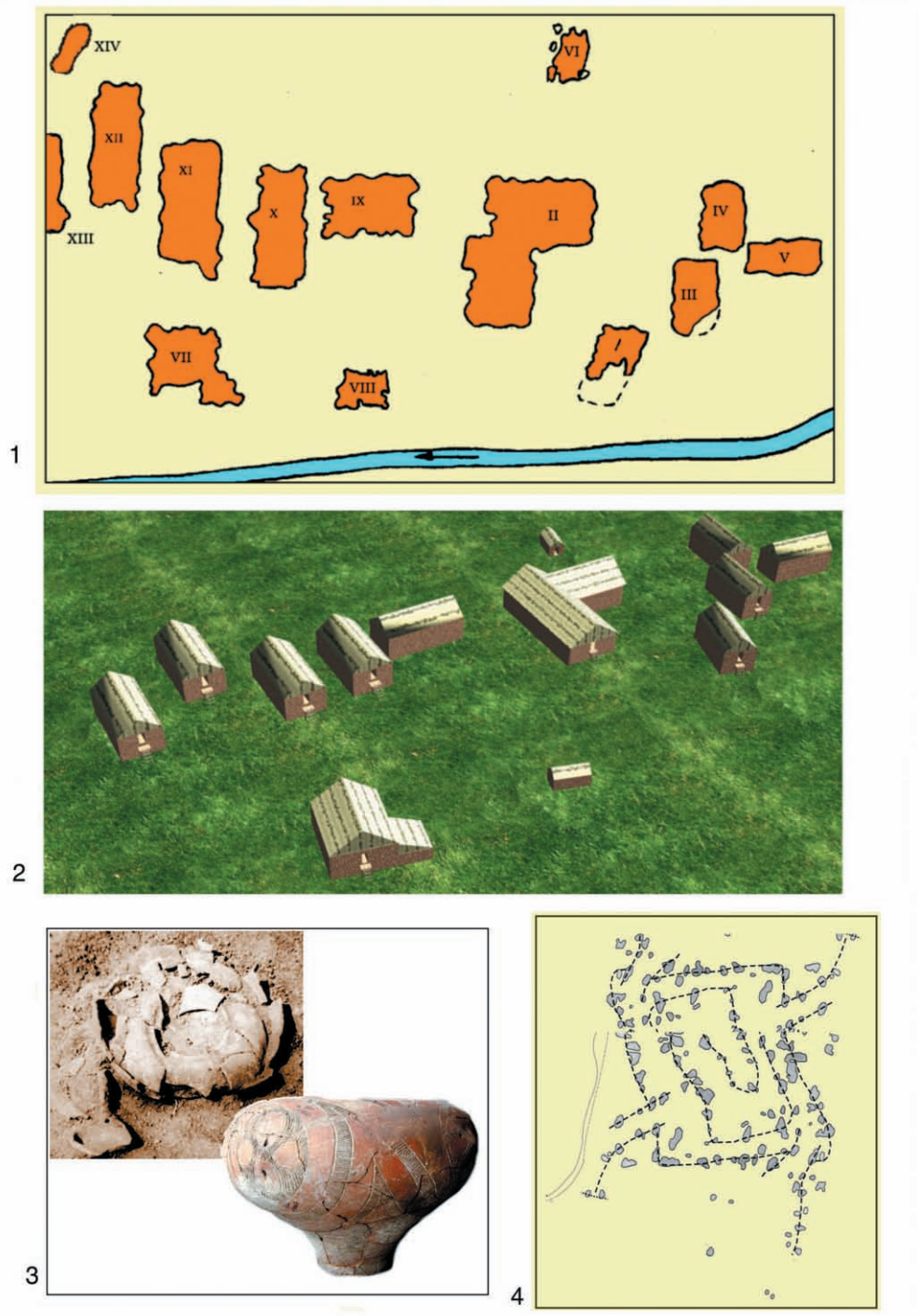


Табл. 1. 1 – План поселения Александровка; 2 – 3-D реконструкция поселения Александровка по данным раскопок; 3 – развал грушевидного сосуда из Александровки; 4 – геомагнитный план поселения Могильна III (по В.П. Дудкину)

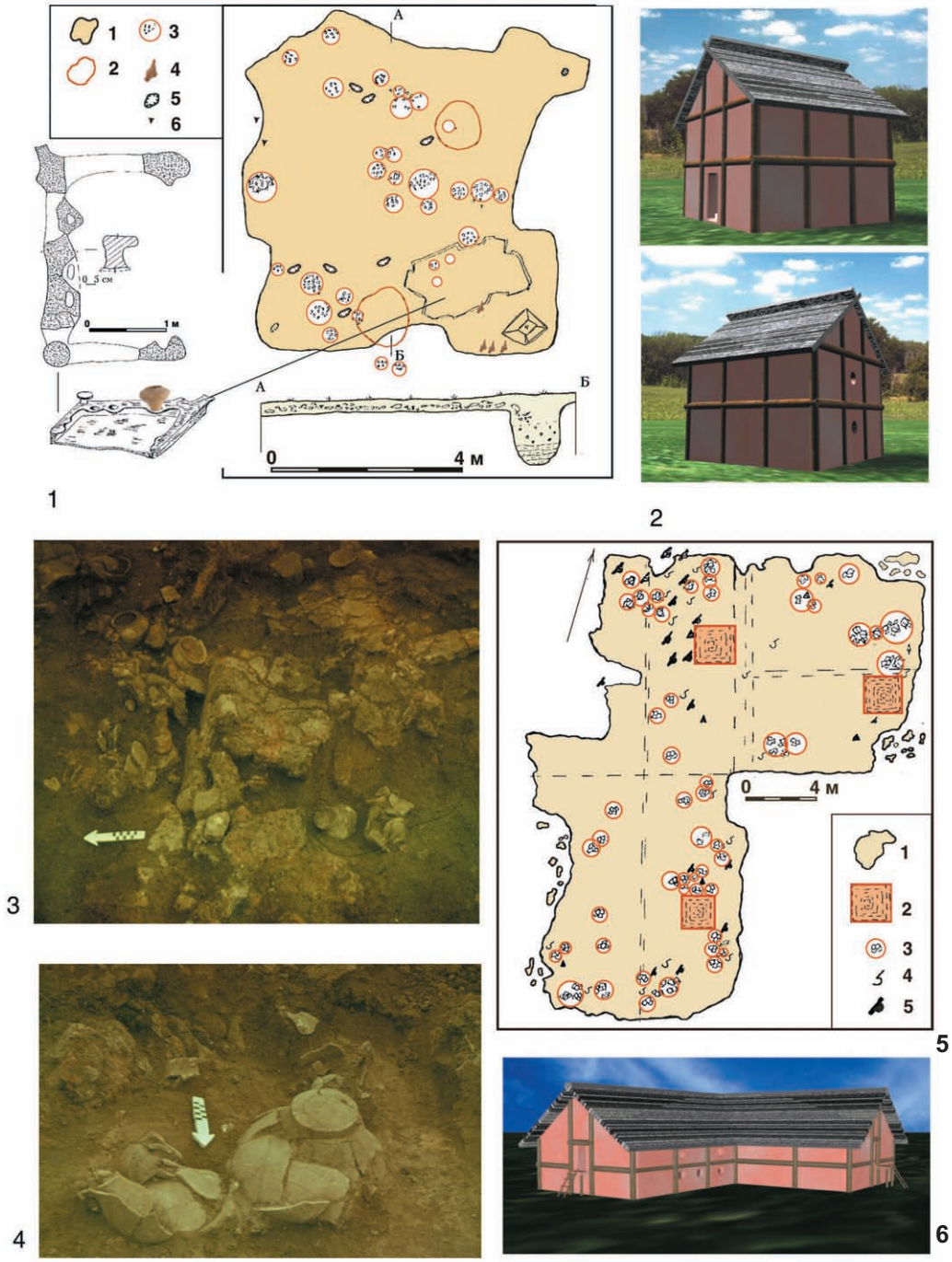


Табл. 2. 1– план жилища 2 поселения Тимково; 2 – 3-D реконструкция жилища 2 поселения Тимково; 3–4 – детали раскопок жилища 2 поселения Тимково; 5 – план жилища 2 поселения Александровка; 6 – 3-D реконструкция жилища 2 поселения Александровка

Табл. 3. Керамика раннетрипольских поселений.
1, 13 – Слободка-Западная (исследования Н.Б. Бурдо); 2, 3, 5, 11–12, 15 – Александровка (исследования А.Л. Есипенко); 4 – Сабатиновка II (исследования М.Л. Макаревича); 6 – Гайворон (исследования М.Л. Макаревича); 7, 10, 14, 16 – Тимково (исследования Н.Б. Бурдо); 8–9 – Могильна (исследования Э.Ф. Патоковой); 17 – Греновка (исследования М.Л. Макаревича)

Табл. 4. Антропоморфная пластика раннетрипольских поселений.
1–5 – Сабатиновка II; 6–14 – Александровка; 15 – Греновка; 16 – Слободка-Западная

Табл. 5. Ритуальные предметы раннетрипольских поселений.
1–9, 11–15 – Александровка; 10, 17 – Сабатиновка II; 16, 18 – 24 – Тимково

Табл. 6. Материалы поселений Триполья В 1.
1, 4–6 – Сабатиновка I (исследования А.В. Добровольского);
2–3, 7–17 – Березовская ГЭС (1, 10, 13 – исследования В.П. Цыбескова;
3, 7, 12, 17 – исследования Е.В. Цвек; 8, 9, 11, 14–15 – исследования В.Н. Даниленко)

Табл. 7. Материалы поселения Березовская ГЭС (исследования В.П. Цыбескова)

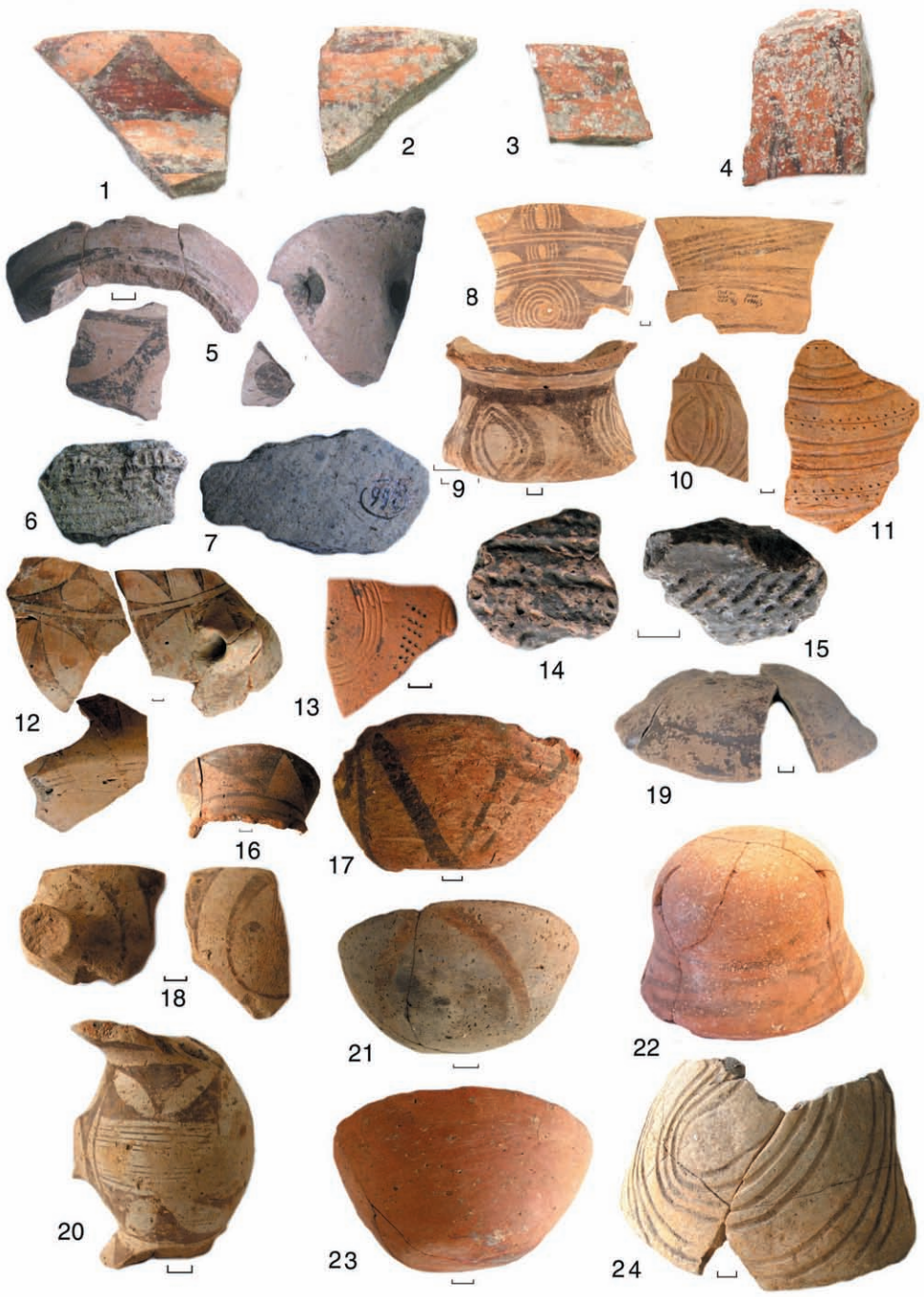


Табл. 8. Материалы трипольских поселений Триполья В1-В2 и В 2.
1–4 – Мельнична Круча (исследования В.Н. Даниленко);
5–7 – Ташлык II (исследования О.Г. Шапошниковой);
8–11 – Перликань (исследования А.А. Кравченко);
12–24 – Немировское (исследования М.Ю. Видейко)

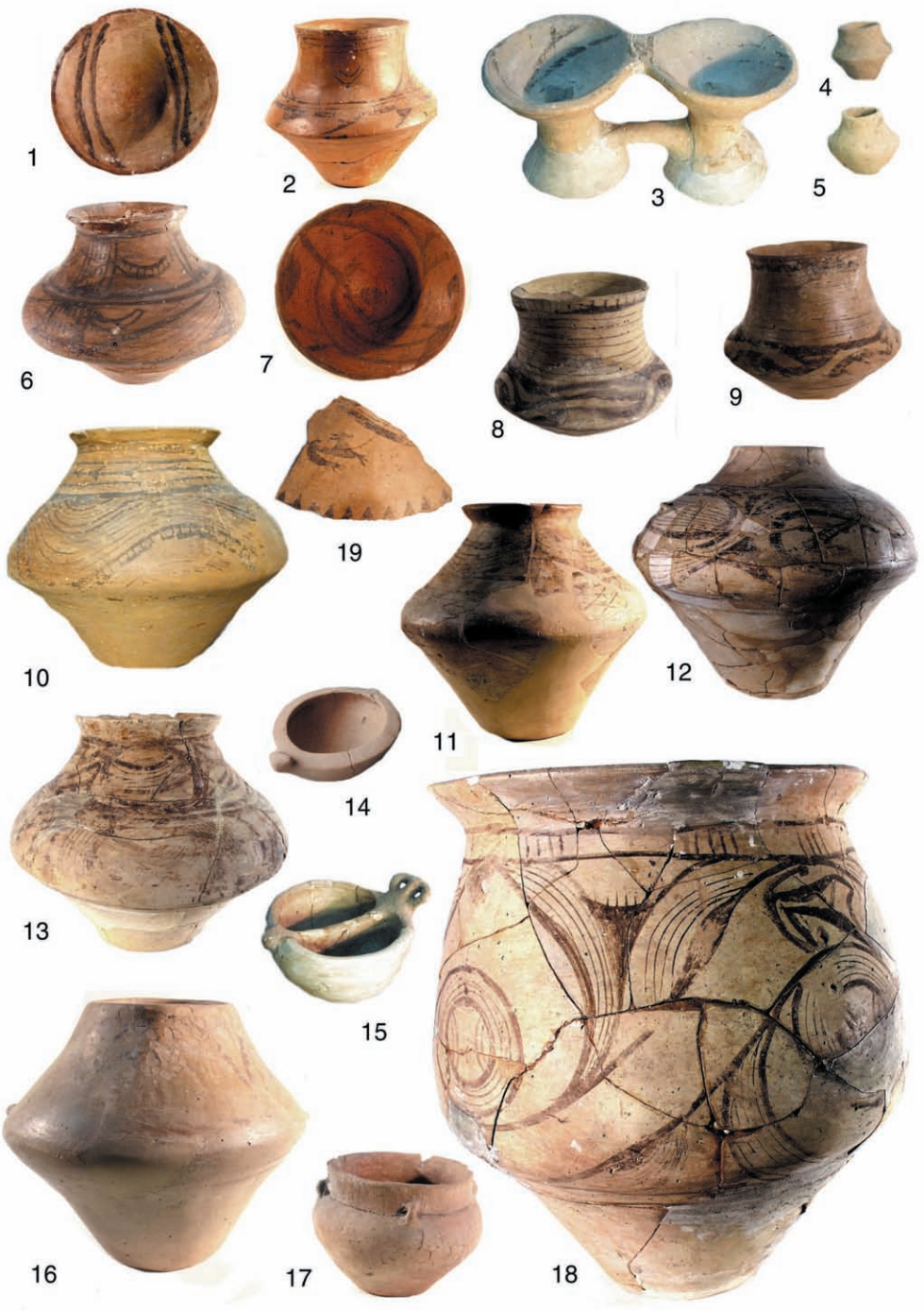


Табл. 9. Материалы трипольских поселений Триполья С1.
1–2, 7, 11, 16–17, 19 – Стена IV (исследования С.С. Гамченко, М.Л. Макаревича);
3–5, 8–9, 12–15, 18 – Черкасов Сад II (исследования Л.Ю. Полищук);
6, 10 – Кирилловка (исследования А.Л. Есипенко)

Табл. 10. Ритуальные предметы.
1, 2, 6, 8–15 – Черкасов Сад II; 3 – Немировское; 4 – Кринички; 5 – Кирилловка;
16 – Черкасов Сад I (исследования А.Л. Есипенко)

Табл. 11. Усатовская культура: лощеная керамика, расписные сосуды, основное курганное захоронение (1–2, 4–6 – Маяки, 3 – Усатово, 7–9 – Александровский курган)

Табл. 12. Материалы культур позднего энеолита и эпохи бронзы.
1–4, 13 – усатовская культура (2–4 – Маяки; 13 – окрестности г. Измаил); 6, 14 – культура Чернавода I (Картал); 5, 9–11, 15 – ямная культура (5 – курган в окрестностях г. Измаил, с. Матроска, 9 – Червоный Яр, 10 – Дивизия, 11 – Бараново, 14 – Фрикацей); 7 – катакомбная культура (Дубиново); 8, 16 – культура многоваликовой керамики (8 – Семёновка, 16 – случ. находка из с. Бандурка, Николаевской обл.); 12, 17–18 – сабатиновская и белозерская культуры (12 – Коблево, 17– Борисовка, 18 – Гербино) №№ 5, 6, 13 – публикуются впервые

Табл. 13. Тира. Чернолаковая керамика

Табл. 14. Тира. Краснолаковая керамика римского времени. Светильники

Табл. 15. Тира. Античные терракоты.
Костяная статуэтка Афродиты

Табл. 16. Тира. 1 – фрагмент статуэтки Афродиты; 2 – мраморная статуя быка;
3 – обломок постамента с надписью; 4 – рельеф с изображением фракийского всадника;
5 – плита с императорским рескриптом 201 г.

Табл. 17. Находки из Никония (1–8) и городища Картал (9–11).
1–3 – ионийские сосуды; 4, 5, 11 – фрагменты краснофигурных сосудов (скифос, кратер, лекана); 6, 7 – изделия из бронзы; 8 – остракон с письмом; 9 – бронзовые наконечники стрел; 10 – лепной сосуд (гетская культура). №№ 9–11 – публикуются впервые

1

2

3

4

5

Табл. 18. 1. Протома Коры (Лузановка). 2. Статуэтка сидящего Геракла (Кошары).
3. Литейная форма (Кошары). 4. Ожерелье (Кошары, некрополь).
5. Интерьер погребения (Кошары)

Табл. 19. Остров Змеиный. Современный вид с моря
Храм на острове Левке. Реконструкция

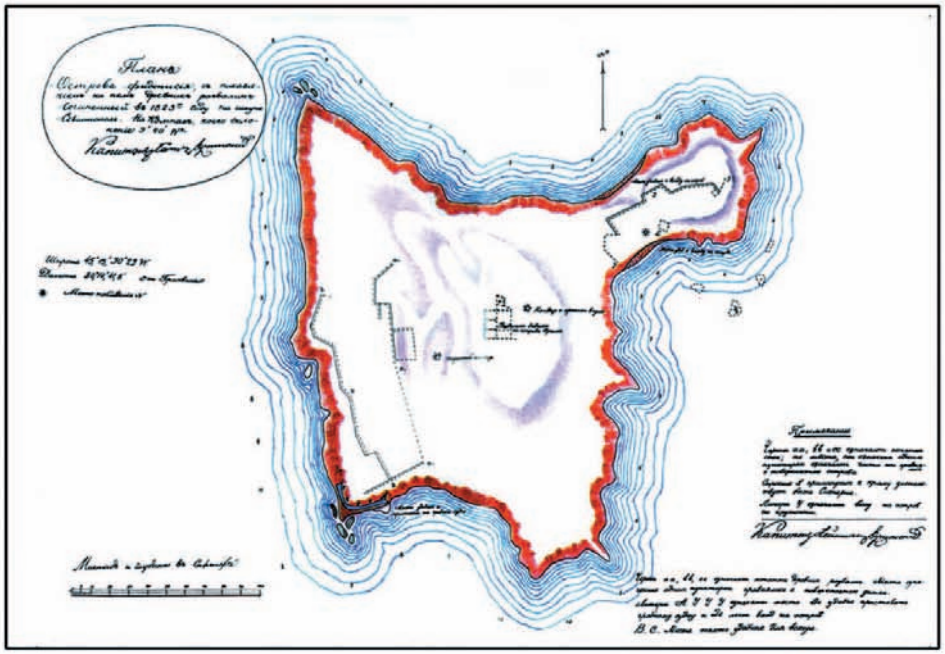


Табл. 20. План острова с указанием древних строений,
составленный капитан-лейтенантом Н.Д. Критским. 1823 г.
Фрагмент канфара. Мастера Эпиктет и Никосфен. 520 гг. до н.э.

1

2

3

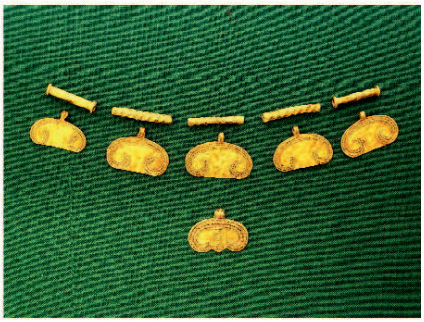
4

Табл. 21. Золотые вещи из скифских погребений.
1. Серьги (могильник Николаевка).
2. Нашивные бляшки (курган у с. Нагорное).
3. Аппликация с изображением грифона (могильник Мреснота Могила).
4. Бляшка (курганный могильник у с. Николаевка)

1

2

3



4

Табл. 22. Находки из сарматских погребений левобережья Нижнего Дуная.
1. Навершие меча из могильника Градешка (золото, бронза, горный хрусталь, турмалин, лазурит). 2. Аппликация (курган у с. Нагорное).
3. Ожерелье из могильника Кубей (золото, сердолик).
4. Подвески из могильников Градешка и Курчи

Табл. 23. Ялпугский «клад» эпохи Великого переселения народов

Табл. 24. Ялпугский «клад» эпохи Великого переселения народов

1

2

Табл. 25. Остатки жилых домов золотоордынского Белгорода.
«Северо-Западный квартал» (1350–1360-ые гг.)

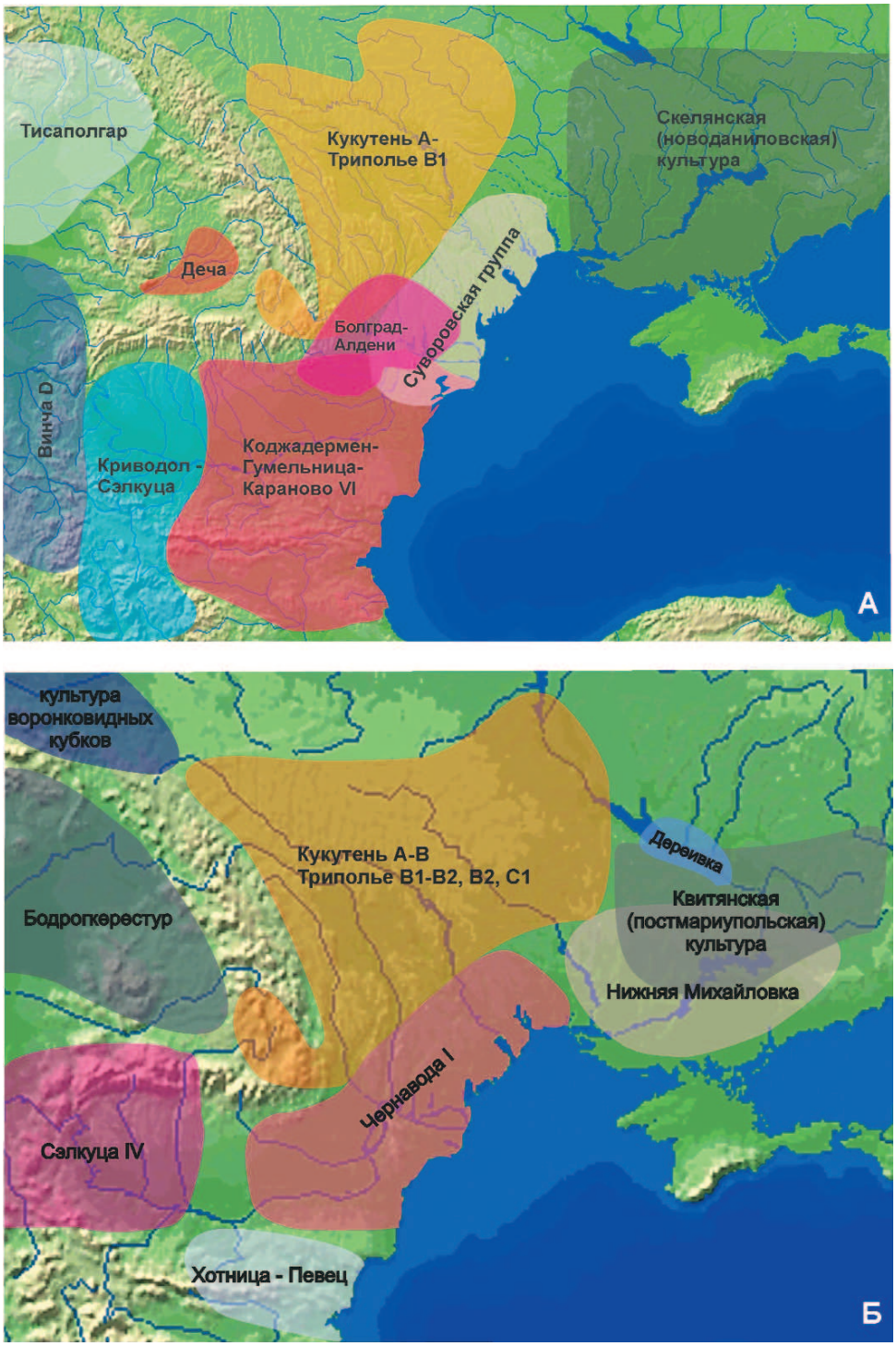
Таб. 26. 1 – Импортная стеклянная посуда из золотоордынского Белгорода (среднеазиатское производство XIV в.).
2 – Импортная поливная керамика из золотоордынского Белгорода (византийское производство середины – второй половины XIV в.)

Таб. 27. Металлические изделия из раскопок средневекового Белгорода

1

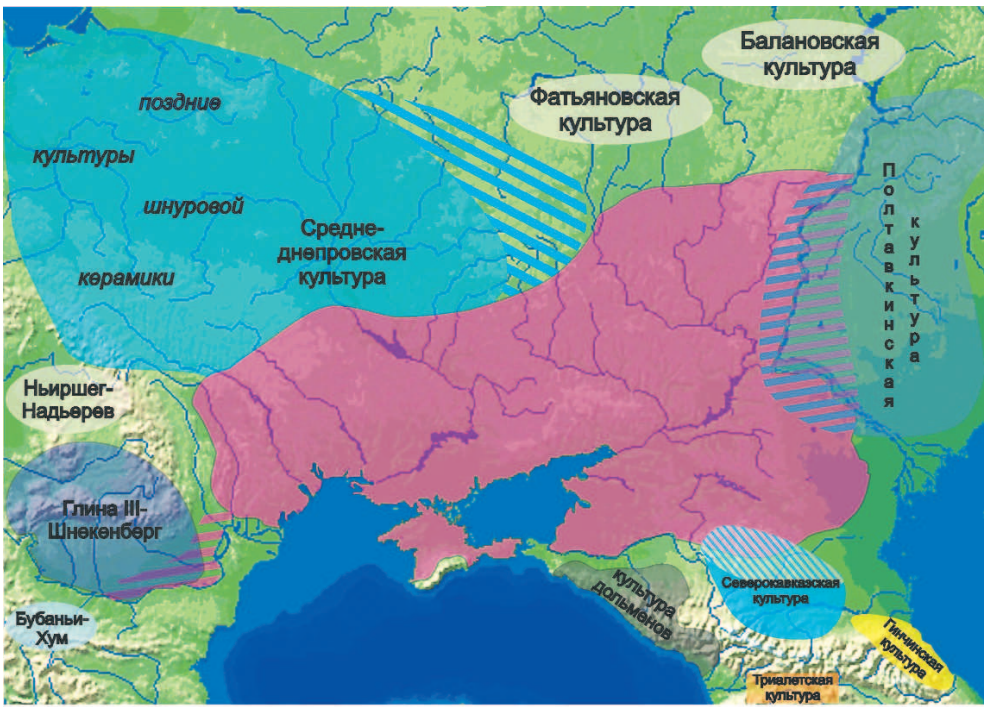
2

Таб. 28. Белгород-Днестровская крепость.
1 – Цитадель. Вид изнутри (т.н. Эвакуационная башня).
2 – Гарнизонный двор. Часть внешней стены с т.н. Сторожевой башней



Карта 1. Северо-Западное Причерноморье и соседние территории в эпоху раннего (а) и позднего (б) энеолита (составитель И.В. Манзура)

Карта 2. Ямная культурно-историческая общность
(составители: С.В. Иванова, И.В. Бруяко, при участии Н.Л. Моргуновой)



Карта 3. Катакомбная культурно-историческая общность
(составители: С.В. Иванова, И.В. Бруяко, при участии П.Ф. Кузнецова)

Карта 4. Культура многоваликовой керамики (культурный круг Бабино)
(составители: С.В. Иванова, И.В. Бруяко, при участии С.Д. Лысенко, Р.А. Литвиненко)

Карта 5. Северо-Западное Причерноморье и соседние территории в эпоху поздней бронзы (составители: Ю.А. Черниенко, И.В. Бруяко)

АВТОРЫ

Богуславский Григорий Степанович
младший научный сотрудник Института археологии НАН Украины (Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья)

Бруяко Игорь Викторович
доктор исторических наук, директор Одесского археологического музея НАН Украины

Булатович Светлана Андреевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры археологии и этнологии Одесского Национального университета им. И.И. Мечникова

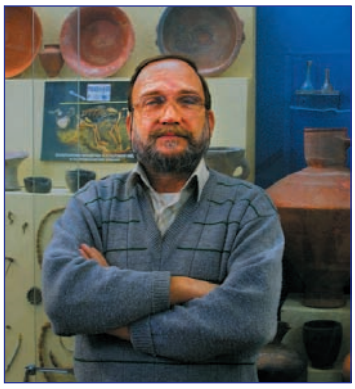
Бурдо Наталия Борисовна
кандидат исторических наук

Гудкова Александра Васильевна
доктор исторических наук

Дзиговский Александр Николаевич
доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Одесского Национального университета им. И.И. Мечникова

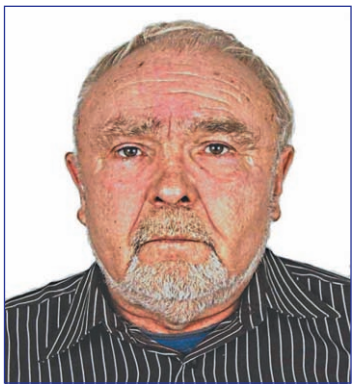
Иванова Светлана Владимировна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины (Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья)

Киосак Дмитрий Владимирович
кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Одесского Национального университета им. И.И. Мечникова



Малюкевич Александр Евгеньевич
научный сотрудник Одесского археологического музея НАН Украины

Манзура Игорь Васильевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и социальных технологий университета Высшая антропологическая школа (Кишинев, Республика Молдова)



Островерхов Анатолий Степанович
кандидат исторических наук, научный сотрудник Одесского археологического музея НАН Украины

Охотников Сергей Борисович
кандидат исторических наук,
заместитель директора Одесского
археологического музея НАН Украины

Петренко Владислав Григорьевич
научный сотрудник Одесского археологического
музея НАН Украины

Пиструил Игорь Владимирович
кандидат исторических наук,
ведущий специалист кафедры археологии и
этнологии Одесского Национального
университета им. И.И. Мечникова

Полищук Людмила Юрьевна
старший научный сотрудник Одесского
археологического музея НАН Украины

Редина Евгения Федоровна
старший научный сотрудник Одесского
археологического музея НАН Украины

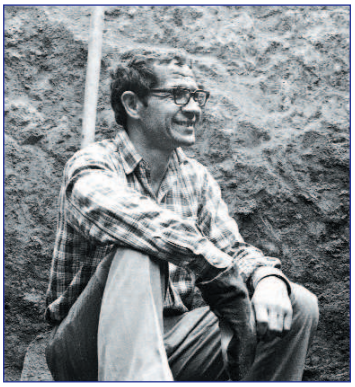
Савельев Олег Константинович
младший научный сотрудник Института
археологии НАН Украины (Отдел археологии
Северо-Западного Причерноморья)

Самойлова Татьяна Львовна
кандидат исторических наук, заведующая Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины

Секерская Елена Петровна
кандидат исторических наук, доцент кафедры Всемирной истории Южноукраинского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Секерская Наталия Михайловна
кандидат исторических наук, заведующая отделом экспозиции Одесского археологического музея НАН Украины

Субботин Леонид Васильевич
кандидат исторических наук



Фокеев Михаил Михайлович
кандидат исторических наук